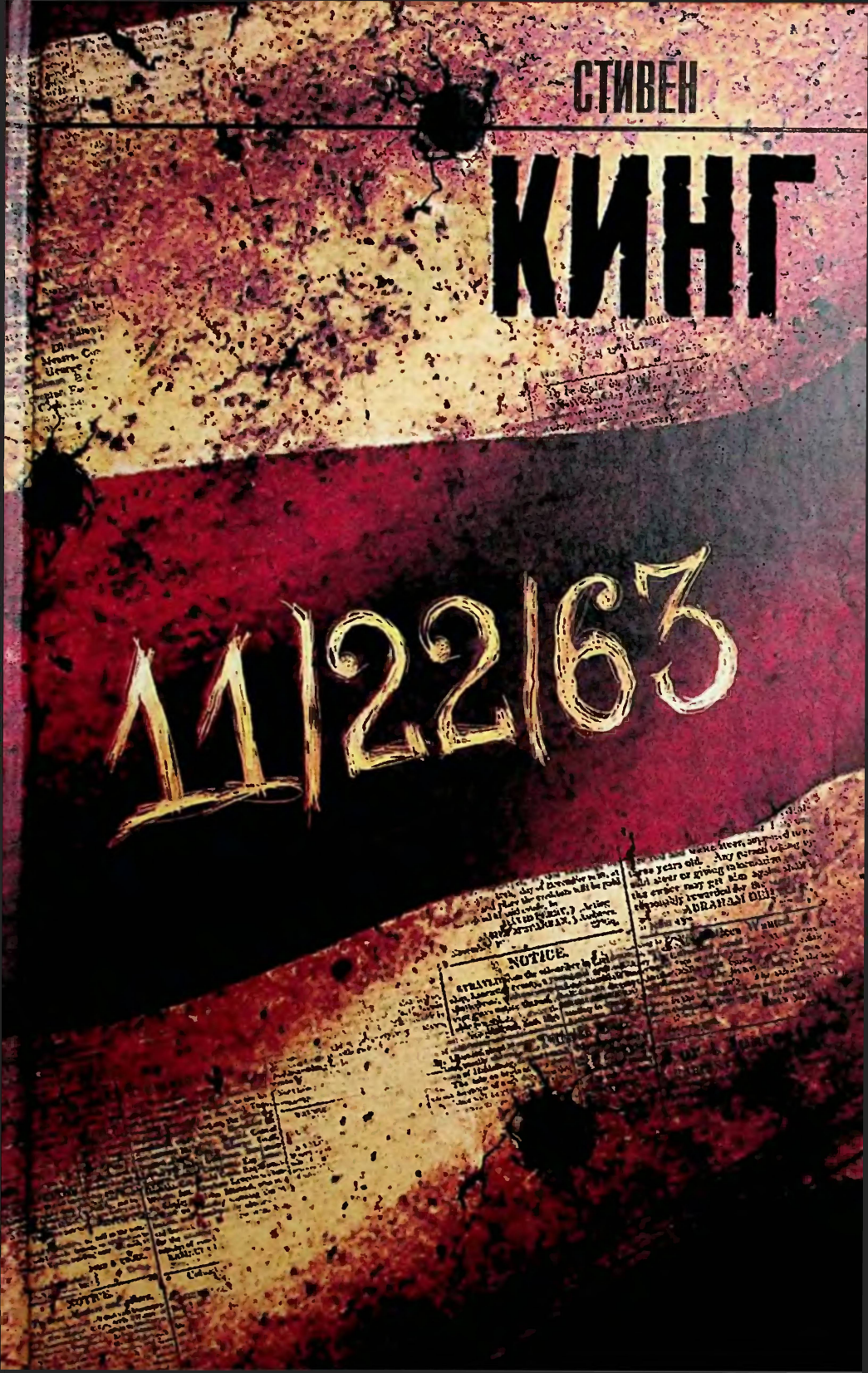

СТИВЕН
КИНГ
11/22/63
NOTICE.

СТИВЕН

КИНГ

СТИВЕН

КИНГ

11/22/63

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44
К41

Серия «Король на все времена»

Stephen King

11/22/63

Перевод с английского *В. А. Вебера*

Компьютерный дизайн *В. И. Лебедевой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 11/22/63 : [роман] / Стивен Кинг ; [пер. с англ. В. А. Вебера]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 800 с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-089416-1

Этот роман безоговорочно признают лучшей книгой Стивена Кинга и миллионы фанатов писателя, и серьезные литературные критики.

...Убийство президента Кеннеди стало самым трагическим событием американской истории XX века. Тайна его до сих пор не раскрыта. Но что, если случится чудо? Если появится возможность отправиться в прошлое и предотвратить катастрофу?

Это предстоит выяснить обычному учителю из маленького городка Джейку Эппингу, получившему доступ к временному порталу.

Его цель — спасти Кеннеди.

Но какова будет цена спасения?

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-089416-1

© Stephen King, 2011
© Перевод. В. А. Вебер, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Посвящается Зельде

Привет, милая, добро пожаловать на бал!

Для нашего здравомыслия практически непостижимо, что маленький, одинокий человечек смог свалить гиганта, окруженного лимузинами, легионами, толпами, службой безопасности. Если такое ничтожество расправилось с главой самой могущественной страны на земле, тогда трясина несоразмерности засасывает нас и мы живем во вселенной, имя которой — абсурд.

Норман Мейлер

Для влюбленных оспины — что ямочки на щеках.

Японская поговорка

Танец — это жизнь.

ПРОЛОГ

Я не из плаксивых, никогда таким не был.

Моя бывшая говорила, что «отсутствие эмоциональной гибкости» — главная причина, по которой она ушла от меня (как будто парень, встреченный ею на собраниях АА, не в счет). По словам Кристи, она смогла бы простить меня за то, что я не плакал на похоронах ее отца: я знал его только шесть лет и не понимал, какой он удивительный, щедрый человек (к примеру, на окончание школы она получила кабриолет «мустанг»). Но потом я не плакал и на похоронах своих родителей — они ушли с промежутком в два года, отец умер от рака желудка, мать — от острого инфаркта миокарда, который случился, когда она прогуливалась по флоридскому берегу, — и тогда Кристи начала понимать, что у меня отсутствует вышеозначенная эмоциональная гибкость. По терминологии АА, я не «чувствовал своих чувств».

— Я никогда не видела тебя плачущим, — говорила Кристи тем бесстрастным тоном, к какому прибегают люди, когда доходит до окончательного, не подлежащего обсуждению разрыва. — Ты не плакал, даже когда сказал мне, что я должна пройти реабилитацию, а не то ты от меня уйдешь.

Разговор этот произошел примерно за шесть недель до того, как она собрала вещи и перевезла их на другой конец города, переехав к Мелу Томпсону. «Найди свою вторую половинку на собрании АА» — еще одна их крылатая фраза.

Я не плакал, когда смотрел, как она уходила. Не плакал и когда вернулся в маленький дом с большой закладной. Дом, в

котором не появился ребенок и уже никогда не появится. Я просто лег на кровать, которая теперь принадлежала только мне, прикрыл рукой глаза и стал скорбеть.

Без слез.

Но никакого эмоционального блока у меня нет. В этом Кристи ошиблась. Однажды мама встретила меня, девятилетнего, у двери, когда я вернулся из школы, и сказала, что моего колли, Лохмача, сбил насмерть грузовик, а водитель даже не остановился. Я не плакал на похоронах Лохмача, хотя отец говорил, что никто не примет меня за слюнтяя, если я заплачу, но слезы потекли из глаз, когда мне сказали о гибели собаки. Отчасти — потому что я впервые столкнулся со смертью. В основном — потому что ответственность за гибель пса лежала на мне. Я не убедился, что Лохмач в полной безопасности и не сможет выбежать со двора.

И еще я плакал, когда мамин врач позвонил, чтобы сообщить о случившемся на берегу: «Сожалею, но на спасение не было ни единого шанса. Иногда смерть наступает так внезапно, что врачи склонны видеть в этом благословение свыше».

Кристи при этом не присутствовала — ей пришлось допоздна задержаться в школе, чтобы встретиться с матерью одного ученика: у той возникли вопросы по его успеваемости, — но я плакал, будьте уверены. Пошел в нашу маленькую прачечную, достал из корзины с грязным бельем простыню и поплакал в нее. Не так чтобы долго, однако слезы были. Позже я мог рассказать об этом Кристи, но не видел смысла. По двум причинам. Она могла подумать, что я напрашиваюсь на жалость (у АА такой оборот не в ходу, но, может, им стоило бы взять его на вооружение). И к тому же я не считал залогом крепкой семейной жизни способность в надлежащий момент выжать из себя слезу.

Теперь, по здравом размышлении, я понимаю, что никогда не видел отца плачущим. В момент высшего эмоционального напряжения он тяжело вздыхал, порой с его губ слетали нервные смешки, но бить себя в грудь или гоготать — это не про Уильяма Эппинга. Я помню его строгим, молчаливым, и мать, по большей части, была ему под стать. Поэтому, возможно, отсутствие плаксивости заложено во мне генетически. Однако эмоциональный блок? Нечувствительность к собственным чувствам? Нет, это не про меня.

Не считая того момента, когда мне сообщили о смерти матери, взрослым я плакал, если не изменяет память, лишь однажды, читая

историю отца уборщика. Сидел один в учительской средней школы Лисбона и проверял сочинения, написанные моими взрослыми учениками. Снизу доносился шум: удары баскетбольного мяча, свистки судьи, крики болельщиков, наблюдавших за звериным поединком: «Борзые Лисбона» схватились с «Тиграми Джея».

Кто может знать, когда жизнь зависнет на волоске или почему?

Тему я предложил такую: «День, который изменил мою жизнь». В большинстве своем сочинения получились искренние, но ужасные: сентиментальные байки о доброй тетушке, приютившей у себя беременную девушку-подростка, об армейском друге, проявившем настоящую храбрость, о случайной встрече со знаменитостью (вроде бы с Алексом Требеком, ведущим телевикторины «Риск», а может, с Карлом Молденом). Если среди вас есть учителя, которые зарабатывают дополнительные три-четыре тысячи долларов в год за преподавание в классе взрослых учеников, пожелавших получить Общий эквивалентный аттестат*, они знают, какое тоскливое занятие — чтение таких сочинений. Необходимость выставить оценку не имеет к этому ни малейшего отношения, по крайней мере для меня: «неуд» я не ставлю никому, потому что никогда не встречал взрослого ученика, не проявлявшего должного старания. Если ты сдаешь сочинение, можешь не сомневаться, что Джейк Эппинг с кафедры английского языка и литературы ЛСШ** поставит тебе положительную отметку, а если текст разделен на абзацы, четверка с минусом точно гарантирована.

Труднее всего то, что учить их приходилось, просто исправляя ошибки — ручкой с красной пастой, и я практически всю ее исписывал. Тоска наваливалась потому, что очень малая часть пасты могла принести пользу: если ты дожил до двадцати пяти — тридцати лет, не зная, как правильно писать слова (полностью — не полнастью), или ставить прописные буквы (Белый дом — не белый-дом), или составлять предложения, содержащие и имя существительное, и глагол, — тебе этому уже никогда не научиться. И тем не менее мы продвигались вперед, смело обводя не-

---

* Общий эквивалентный аттестат — свидетельство о среднем образовании, которое выдается после прохождения тестирования по пяти основным предметам в рамках Программы аттестации взрослых. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Лисбонская средняя школа (которую окончил Стивен Кинг).

правильно использованное либо лишнее слово, скажем, «очень» в предложении «Мой муж сразу решил, что все очень ясно», а также заменяя определенную форму глагола неопределенной, например, «испортится» на «испортиться» в вопросе «Ну что там могло испортится?».

В тот вечер я занимался этой бессмысленной, занудной работой, тогда как неподалеку баскетбольный матч между школьными командами приближался к завершению еще одной четверти... мир без конца, аминь. Происходило это вскоре после возвращения Кристи из реабилитационного центра, и, пожалуй, если я о чем-то и думал, то лишь об одном: надеялся, что, придя домой, увижу ее трезвой (так и случилось: за трезвость она держалась крепче, чем за мужа). Помнится, появилась легкая головная боль, и я массировал виски, чтобы неприятные ноющие ощущения не сменились размашистыми ударами парового молота. Я помню, как думал: *Еще три штуки — и точка. Я пойду домой, налью большую чашку растворимого какао и окунусь в новый роман Джона Ирвинга, выкинув из головы эти искренние, но так плохо написанные сочинения.*

Не заиграли скрипки, не зазвенели тревожные колокольчики, когда я взял сочинение уборщика, лежавшее первым в тоненькой стопке еще не прочитанных, и положил перед собой. Не возникло никакого ощущения, что в моей заурядной жизни грядут перемены. Но мы никогда не знаем, что нас ждет, ведь так? Жизнь может развернуться на пятачке.

Уборщик пользовался дешевой шариковой ручкой, паста во многих местах перепачкала все пять страниц, исписанных корявым, но разборчивым почерком, и он, похоже, очень сильно нажимал на ручку, потому что буквально выгравировал эти слова на бумаге. Закрыв глаза и пройдясь подушечками пальцев по обратной стороне вырванных листов, я мог бы прочесть текст, как по Брайлю. Каждая буква «у» снизу заканчивалась маленьким завитком, будто росчерком. Это я помню особенно ясно.

Помню я и начало его сочинения. Слово в слово.

Это был не день а вечер. Вечером который изменил мою жизнь, стал вечер когда мой отец убил мою мать и двух братьев и тежело ранил меня. От него досталось и моей сестре, и она ушла в кому. Через три года она умерла не очнувшись. Ее звали Эллен и я очень ее любил. Она любила собирать цвиты и ставеть их по вазам.

На середине первой страницы у меня защипало глаза, и я отложил мою верную красную ручку. А когда добрался до того места, где описывалось, как он залез под кровать, а кровь заливала ему глаза (*она также стекала мне в горло, такая мерская на вкус*), из моих собственных глаз покатились слезы — Кристи бы очень мной гордилась. Я дочитал до конца, не исправив ни единой ошибки, вытирая лицо, чтобы влага не размыла слова, которые, несомненно, дались ему с огромным трудом. Раньше я думал, что с головой у него хуже, чем у остальных, что он, возможно, только на полшага опережает тех, кого принято называть «поддающимися обучению умственно отсталыми». Что ж, клянусь Богом, на то была причина. Как и причина для хромоты. Просто чудо, что он вообще остался в живых. Но он выжил. Милый человек, который всегда улыбался и никогда не повышал голос на детей. Милый человек, который прошел через ад, а теперь стремился — смиренно и с надеждой, как большинство моих учеников, — получить аттестат средней школы. Хотя до конца жизни ему предстояло быть уборщиком, неприметным парнем в зеленой или коричневой униформе, шурующим шваброй и соскабливающим с пола жвачку шпателем, который он всегда носил в заднем кармане. Может, он и стал бы кем-то еще, но за один вечер жизнь его круто переменилась, и теперь он — лишь неприметный парень в «Кархарт»*, прозванный школьниками Гарри-Жаба за походку.

Я плакал. Настоящими слезами, которые идут от самого сердца. До меня донесся победный марш школьного оркестра. То есть хозяева праздновали победу, и я мог только порадоваться за них. Позже, когда зал опустеет, Гарри и паре его коллег предстояло откатить трибуны и выгрести весь мусор, который набросали зрители.

Я поставил жирную красную пятерку в верхнем правом углу первого листа. Посмотрел на нее пару секунд, а потом добавил большой плюс. Потому что он написал хорошее сочинение и потому что его боль вызвала во мне, читателе, эмоциональную реакцию. А разве не это должно вызывать сочинение, за которое ставят пять с плюсом? Разве не эмоциональную реакцию?

Если же говорить обо мне, остается только сожалеть, что моя бывшая ошиблась. Увы, с эмоциональным блоком у нее вышла промашка. Потому что эти слезы стали началом всех последовавших событий — всех этих ужасов.

---

* Марка рабочей одежды.

Часть I

ПЕРЕЛОМНЫЙ МОМЕНТ

Глава 1

1

Гарри Даннинг окончил школу с отличием. Я пришел на небольшую церемонию вручения аттестатов взрослым ученикам, которая проводилась в спортивном зале ЛСШ, по его приглашению. А кого еще он мог пригласить? Я откликнулся с радостью.

После завершающей благодарственной молитвы, произнесенной отцом Бэнди, который редко пропускал мероприятия, проводимые в ЛСШ, я сквозь толпу родственников и друзей прошел к одиноко стоявшему Гарри, одетому в просторную черную мантию, с аттестатом в одной руке и взятой напрокат квадратной академической шапочкой в другой. Я забрал у него шапочку, чтобы пожать руку. Он улыбнулся, продемонстрировав оставшиеся зубы (некоторые были кривыми) и дыры между ними. Но улыбка все равно была солнечной и обаятельной.

— Спасибо, что пришли, мистер Эппинг. Огромное спасибо.

— Не за что. И называйте меня Джейк. Это маленькое послабление я делаю всем ученикам, которые по возрасту годятся мне в отцы.

На его лице отразилось недоумение, потом он рассмеялся:

— Действительно гожусь, да? Ну дела!

Я тоже рассмеялся. Вокруг многие смеялись. И разумеется, не обошлось без слез. Мне-то они давались с трудом, а большинству — легко.

— За всю жизнь ни разу не получал пятерку с плюсом! И не ожидал получить!

— Вы ее заслужили, Гарри. И что вы сделаете в первую очередь, имея на руках аттестат средней школы?

Улыбка на мгновение поблекла — так далеко он еще не заглядывал.

— Скорее всего пойду домой. Я снимаю домик на Годдард-стрит. — Он поднял аттестат, держа кончиками пальцев, словно боялся, что чернила могут размазаться: — Вставлю его в рамку и повешу на стену. Потом, наверное, налью стакан вина, сяду на диван и буду восхищаться им, пока не придет время ложиться спать.

— План неплохой, — кивнул я, — но как насчет того, чтобы сначала съесть бургер с жареной картошкой? Мы можем посидеть у Эла.

Я ожидал, что он поморщится, но, разумеется, так сделали бы разве что только мои коллеги. Нет, еще и большинство детей, которых мы учили. Забегаловку Эла они обходили как чумной барак, отдавая предпочтение «Дейри куин» напротив школы и кафе «Хай-хэт» на шоссе номер 196, рядом с тем местом, где когда-то находился старый автокинотеатр Лисбона.

— С удовольствием, мистер Эппинг. Спасибо!

— Джейк, помните?

— Джейк, точно.

И я отвез Гарри к Элу, куда другие учителя не заглядывали, и хотя в то лето Эл нанял официантку, он обслужил нас сам. Как обычно, с сигаретой (закон запрещает курение в барах, кафе и ресторанах, но Эла это никогда не останавливало), свисавшей из уголка рта, и прищуренным от дыма глазом. Увидев сложенную выпускную мантию и поняв, по какому случаю праздник, он настоял, что угостит нас за счет заведения (если на то пошло, все блюда у Эла стоили на удивление дешево, подпитывая определенные слухи о судьбе бродячих животных, заглянувших в окрестности забегаловки). Он также сфотографировал нас, чтобы потом повесить фотографию на так называемую Городскую стену славы. Среди других «знаменитостей», удостоенных этой чести, я видел ныне покойного Альберта Дантона, основателя ювелирного магазина «Ювелирные изделия Дантона», Эрла Хиггинса, бывшего директора ЛСШ, Джона Крафтса, владельца «Автомобильного салона Джона Крафтса», и, разумеется, отца Бэнди из церкви Святого Кирилла (рядом со святым отцом висела фотография

папы Иоанна XXIII, который хоть и не был уроженцем Лисбона, но вызывал глубокое почтение у «доброго католика» Эла Темплтона). На фотографии, сделанной Элом в тот день, Гарри Даннинг улыбался во весь рот. Я стоял рядом с ним, и мы оба держали аттестат Гарри. Узел его галстука чуть съехал набок. Я помню это, потому что галстук навеял мысли о маленьких завитках, которыми заканчивались снизу буквы «у». Я все помню. Помню очень хорошо.

2

Двумя годами позже, в последний учебный день, я сидел в той самой учительской и читал итоговые сочинения, написанные участниками моего семинара по американской поэзии. Сами ученики уже ушли, у них начались летние каникулы, и в самом скором времени я собирался последовать их примеру. Но пока я наслаждался непривычной тишиной и покоем. Даже подумал, что перед уходом приберу полки буфета, где хранилась еда. Решил, что это обязательно нужно сделать.

В тот день, только раньше, вскоре после часов, отведенных на самостоятельные занятия (в последний учебный день они бывают особенно шумными что в классах для выполнения домашних заданий, что в коридорах), ко мне, прихрамывая, подошел Гарри и протянул руку:

— Просто хочу поблагодарить вас за все.

Я улыбнулся:

— Вы уже поблагодарили, как мне помнится.

— Да, но это мой последний день. Ухожу на пенсию. Поэтому захотел подойти и поблагодарить еще раз.

Когда я пожимал его руку, проходивший мимо подросток (девятиклассник, никак не старше, если судить по свежей россыпи прыщей и комичной щетине, которую он пытался превратить в козлиную бородку) пробормотал:

— Гарри-Жаба прыгает по а-ве-ню!

Я попытался ухватить его за плечо, чтобы он извинился, но Гарри меня остановил. По его улыбке чувствовалось, что он нисколько не обиделся.

— Не берите в голову. Я к этому привык. Это же дети.

— Совершенно верно, — кивнул я. — И наша работа — учить их.

— Я знаю, и у вас получается. Но это не моя работа — служить для кого-то... как это называется... наглядным пособием. Особенно сегодня. Надеюсь, все у вас будет хорошо, мистер Эппинг.

По возрасту он, возможно, годился мне в отцы, но называть меня Джейком у него не получалось.

— И у вас тоже, Гарри.

— Я никогда не забуду ту пятерку с плюсом. Сочинение тоже поместил в рамочку. Висит у меня на стене рядом с аттестатом.

— И это правильно.

Я не кривил душой. Я верил, что это правильно. Воспринимал его сочинение как произведение примитивного искусства, ничуть не уступающее по мощи воздействия и искренности картинам Бабушки Мозес*. Оно на порядок превосходило сочинения, которые я сейчас читал. Пусть в них практически не было орфографических ошибок и слова мои ученики выбирали правильно (хотя эти нацелившиеся на колледж перестраховщики тяготели — что раздражало — к частому использованию страдательного залога), но сочинения получались пресными. Скучными. Участники моего семинара учились в предвыпускном классе (выпускников Мак Стидман, заведующий кафедрой, забирал себе), да только писали они, как старички и старушки: «О-о-о, Милдред, душечка, там лед, смотри не поскользнись». Гарри Даннинг, несмотря на ошибки и натужный почерк, писал, как полубог. Хотя бы один раз.

И пока я размышлял о разнице между энергичной и инертной манерами письма, прокашлялся настенный аппарат внутренней связи.

— Мистер Эппинг все еще в учительской западного крыла? Джейк, ты на месте?

Я поднялся, нажал кнопку.

— На месте, Глория. Грехи не отпускают. Чем я могу тебе помочь?

— Тебе звонят. Какой-то Эл Темплтон. Если хочешь, могу перевести звонок на учительскую. Или скажу ему, что ты уже ушел.

Эл Темплтон — владелец и шеф-повар «Закусочной Эла», которую наотрез отказывались посещать все учителя ЛСШ, за

---

* Американская художница-любительница, одна из главных представителей американского примитивизма (наст. имя Анна Мэри Мозес, 1860—1961).

исключением вашего покорного слуги. Даже мой глубокоуважаемый заведующий кафедрой — пытавшийся говорить как маститый преподаватель Кембриджа и приближавшийся к пенсионному возрасту — называл фирменное блюдо закусочной «Знаменитый котобургер Эла», хотя в меню значился «Знаменитый толстобургер Эла».

Возможно, это не кошатина, как утверждают многие, наверняка не кошатина, но это и не говядина, не может это быть говядиной за доллар девятнадцать.

— Джейк? Ты что, уснул?

— Нет, сна ни в одном глазу. — Меня разбирало любопытство: с чего это Эл сподобился позвонить мне в школу? Если на то пошло, раньше он вообще никогда не звонил. Наши отношения не выходили за рамки повар — клиент. Я высоко ценил его кулинарное мастерство, а он — мои регулярные визиты. — Конечно, соедини меня.

— А что ты там до сих пор делаешь?

— Занимаюсь самобичеванием.

— О-о-о, — простонала Глория, и я легко представил, как затрепетали ее длинные ресницы. — Как мне нравится, когда ты так говоришь. Жди звоночка.

Она отключила связь. Тут же зазвонил телефон, и я снял трубку.

— Джейк? Это ты, дружище?

Поначалу я подумал, что Глория напутала с именем. Этот голос никак не мог принадлежать Элу. При самой жуткой простуде он не мог так хрипеть.

— Кто это?

— Эл Темплтон, разве она не сказала? Боже, от вашей музыкальной заставки просто тошнит. Что случилось с Конни Фрэнсис? — Он начал так громко и надсадно кашлять, что я отодвинул трубку от уха.

— Ты, похоже, подхватил грипп.

Он рассмеялся, продолжая кашлять. Сочетание получилось не из лучших.

— Что-то я подхватил, это точно.

— Быстро же тебя скрутило.

Я заглядывал к нему вчера, на ранний ужин: толстобургер, картофель фри, клубничный молочный коктейль. Считаю, что

человеку, который живет один, необходимо сбалансированное питание.

— Можно сказать и так. А можно сказать, что какое-то время мой организм боролся. Оба варианта правильные.

Я не знал, что на это ответить. За последние шесть или семь лет мы часто болтали с Элом, когда я приходил в его закусочную, и иной раз он вел себя довольно странно — скажем, называл «Патриотов Новой Англии»* «Бостонскими патриотами», а о Тэде Уильямсе** говорил так, будто знал его, как брата, — но столь необычного разговора я припомнить не мог.

— Джейк, мне надо с тобой увидеться. Это важно.

— Могу я спросить...

— Я уверен, ты задашь не один вопрос, и я отвечу на все, но не по телефону.

Я не знал, сколько ответов услышу до того, как его голос окончательно сядет, но пообещал, что буду примерно через час.

— Спасибо. Если сможешь, постарайся побыстрее. Не зря же говорят, что время — деньги.

И он положил трубку. Взял и положил, не попрощавшись.

Я прочитал еще два сочинения. В стопке осталось только четыре, но раскрывать их я не стал. Пропал настрой. В итоге смахнул оставшиеся работы в портфель и отбыл. Мелькнула мысль, а не подняться ли наверх, в секретариат, чтобы пожелать удачного лета Глории, но я решил, что необходимости в этом нет. Я знал, что всю следующую неделю она проведет в школе — будет заниматься подготовкой отчета за учебный год, — а я собирался прийти сюда в понедельник, чтобы очистить полки буфета: дал себе слово. Иначе преподаватели, решившие летом использовать западную учительскую, обнаружат, что она кишит тараканами.

Если бы я мог предположить, что меня ждет, обязательно поднялся бы наверх повидаться с Глорией. Возможно, одарил бы ее поцелуем, который словно висел между нами в воздухе последнюю пару месяцев. Но разумеется, я не знал, что меня ждет. Жизнь может развернуться на пятачке.

---

* Профессиональная футбольная команда. До 1971 г. называлась «Бостонские патриоты».

** Американский профессиональный бейсболист.

3

«Закусочная Эла» — серебристый трейлер, отделенный от Главной улицы железнодорожными путями, — стояла в тени старой фабрики Ворамбо. Такие забегаловки обычно смотрятся неприглядно, но Эл разбил цветочные клумбы перед бетонными блоками, на которых размещался трейлер. Здесь даже нашлось место лужайке, и Эл аккуратно выкашивал ее старомодной механической косилкой, за которой ухаживал ничуть не меньше, чем за клумбами и газоном. Ни единого пятнышка ржавчины не темнело на сверкающих, заточенных ножах. Если судить по внешнему виду, косилку могли купить неделей раньше в магазине «Уэстерн авто»... если бы такой магазин еще существовал, а не пал жертвой гипермаркетов.

Я прошел по мощеной дорожке, поднялся по ступеням и остановился, нахмурившись. Вывеска с надписью «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В «ЗАКУСОЧНУЮ ЭЛА» — ДОМ ТОЛСТОБУРГЕРА!» исчезла. Ее место занял квадратный кусок картона, гласивший: «ЗАКРЫТО И БОЛЬШЕ НЕ ОТКРОЕТСЯ В СВЯЗИ С БОЛЕЗНЬЮ ВЛАДЕЛЬЦА. СПАСИБО, ЧТО ПРИХОДИЛИ ДОЛГИЕ ГОДЫ, И ДА БЛАГОСЛОВИТ ВАС ГОСПОДЬ».

Я еще не канул в туман нереальности, которому предстояло вскоре поглотить меня, но первые его щупальца уже начали приближаться, и я их почувствовал. Летняя простуда не могла вызвать те хрипы в голосе Эла, тот надсадный кашель. И грипп тоже. Судя по объявлению, речь шла о чем-то более серьезном. Но какая тяжелая болезнь способна так развиться за двадцать четыре часа? Даже меньше? Часы показывали половину третьего. Вчера вечером я ушел от Эла без четверти шесть, и он прекрасно себя чувствовал. Пребывал в очень приподнятом настроении, чуть ли не в экзальтации. Помнится, я спросил его, не многовато ли он пьет кофе собственного приготовления, и он ответил, что нет, просто думает о том, чтобы взять отпуск. Разве люди, которые заболевают, причем так тяжело, чтобы закрыть заведение, где в одиночку хозяйничали больше двадцати лет, говорят о намерении уйти в отпуск? Кто-то, возможно, и говорит, но не так чтобы многие.

Дверь открылась, как только я потянулся к ручке, и за порогом стоял Эл, глядя на меня без тени улыбки. Я смотрел на него, чувствуя, как сгущается туман нереальности. День выдался теплым,

но мне стало холодно. В этот момент еще можно было повернуться и уйти, выбраться на июньское солнце, и в глубине я хотел это сделать, однако застыл от изумления и испуга. А также от ужаса, готов признать. Тяжелая болезнь всегда пугает нас, правда? А в том, что Эл тяжело болен, сомнений быть не могло. Я это понял с первого взгляда. Я бы даже сказал, что он болен смертельно.

Поражало не то, что обычно румяные щеки Эла ввалились и побледнели. И не то, что какие-то выделения сочились из уголков его голубых глаз, теперь выцветших и сощуренных, как при близорукости. И не то, что практически черные волосы стали совсем седыми, — в конце концов, он мог пользоваться красящим бальзамом, а тут вдруг смыл его, и волосы приняли естественный цвет.

Дело было в другом: за двадцать два часа, прошедших с нашей последней встречи, Эл Темплтон похудел как минимум на тридцать фунтов. Может, на сорок, то есть потерял четверть своего прежнего веса. Никто не может похудеть за день на тридцать или сорок фунтов, никто. Но я видел перед собой такого человека. Вот тут-то туман нереальности и накрыл меня с головой.

Эл улыбнулся, и стало понятно, что, кроме веса, он потерял еще и зубы. Десны выглядели бледными и нездоровыми.

— Как тебе нравится такой Эл, Джейк? — спросил он и закашлялся, хриплые, лающие звуки поднимались откуда-то из глубины груди.

Я открыл рот. Но с губ не сорвалось ни звука. Вновь появилось трусливое мерзкое желание бежать отсюда, однако я не смог бы этого сделать, даже если бы захотел. Ноги просто приросли к полу.

Эл обуздал кашель и вытащил из заднего кармана носовой платок. Вытер рот, потом ладонь. Прежде чем Эл убрал платок, я заметил на нем кровь.

— Заходи. Мне надо многое рассказать, и я думаю, что выслушать меня можешь только ты. Выслушаешь?

— Эл... — Мой голос звучал так тихо, что я сам едва слышал его. — Что с тобой случилось?

— Ты выслушаешь меня?

— Разумеется.

— У тебя будут вопросы, я постараюсь ответить на те, что смогу, но ты уж сведи их к минимуму. Не знаю, долго ли смогу говорить. Черт, да и сил осталось не много. Заходи.

Я вошел. Увидел, что в помещении сумрачно, и прохладно, и пусто. Чистая, без единой крошки, стойка. Поблескивающие хромом высокие стулья. Сверкающий никелем кофейник. И табличка «ЕСЛИ ТЕБЕ НЕ НРАВИТСЯ НАШ ГОРОД, ПОИЩИ РАСПИСАНИЕ» на положенном месте у кассового аппарата. Недоставало только посетителей.

И разумеется, повара-владельца. Место Эла Темплтона занял пожилой, болезненный призрак. Когда он повернул защелку, запирая дверь, по залу разнесся слишком громкий звук.

4

— Рак легких, — буднично объяснил Эл, когда мы устроились в одной из кабинок в глубине зала. Похлопал по нагрудному карману рубашки, и я заметил, что он пуст. Всегда лежавшая в нем пачка «Кэмела» без фильтра исчезла. — Неудивительно. Я начал курить в одиннадцать и бросил, лишь когда мне поставили диагноз. Более пятидесяти чертовых лет. Три пачки в день, пока в две тысячи седьмом не подскочила цена. Тогда пришлось пойти на жертвы и ограничиться двумя пачками. — Он сипло рассмеялся.

Я хотел было сказать ему, что у него не все в порядке с математикой, поскольку знал его настоящий возраст. Как-то в конце зимы я пришел в забегаловку, а он стоит за грилем в детской шляпе с надписью «С днем рождения». Я спросил, по какому поводу, и он ответил: «Сегодня мне пятьдесят семь, дружище. Так что можешь звать меня Хайнцем»*. Но Эл попросил задавать только те вопросы, которые я сочту абсолютно необходимыми, и корректировка возраста в них не входила.

— На твоем месте — а я бы с радостью на нем оказался, хотя совершенно не хочу, чтобы ты попал на мое, при нынешнем раскладе, — я бы подумал: «Здесь какая-то лажа. За одну ночь рак не может так далеко зайти». Правильно?

Я кивнул. Конечно же, правильно.

— Ответ прост. Он так далеко зашел не за одну ночь. Я начал выхаркивать мозги примерно семь месяцев назад, где-то в мае.

* Намек на знаменитый рекламный лозунг компании «Хайнц» — «57 видов».

Что ж, он меня удивил. Если он и выхаркивал мозги, то не в моем присутствии. И опять у него произошла математическая накладка.

— Эл, ты что? Сейчас июнь. Если отсчитать семь месяцев назад, будет декабрь.

Он помахал рукой — пальцы стали совсем тонкими, перстень морпехов свободно болтался, хотя раньше сидел плотно, — как бы говоря: «Давай не будем терять на это время».

— Сначала я думал, что сильно простудился. Но температура не поднялась, а кашель, вместо того чтобы пройти, только усиливался. И я начал худеть. Что ж, я не идиот, дружище, и всегда знал, что могу вытащить карту с большой буквой «Р»... хотя мои отец и мать дымили как чертовы заводские трубы и прожили больше восьмидесяти лет. Вечно мы находим оправдания своим вредным привычкам, верно?

Он опять закашлялся, достал носовой платок. Когда приступ закончился, Эл продолжил:

— У меня нет времени переводить разговор на другую тему, но я это делал всю жизнь, и трудно теперь отказаться. Если хочешь знать, труднее, чем от сигарет. В следующий раз, когда меня потянет в сторону, проведи пальцем по горлу, хорошо?

— Хорошо, — согласился я. Мелькнула мысль, что мне все это снится. Если так, сон получился очень уж реальный, даже с тенями от лопастей медленно вращающегося потолочного вентилятора на салфетках с надписью «САМАЯ БОЛЬШАЯ НАША ЦЕННОСТЬ — ЭТО *ВЫ*».

— Короче говоря, я отправился к врачу, сделал рентген, и они выявились, большие, как чертовы яйца, две опухоли. Прогрессирующий некроз. Неоперабельные.

Рентген, подумал я. *Неужели до сих пор используют рентген, чтобы диагностировать рак?*

— Какое-то время я там поболтался, но в итоге мне пришлось вернуться.

— Откуда? Из Льюистона? Из Центральной больницы штата Мэн?

— Из моего отпуска. — Он пристально смотрел на меня. — Только это был не отпуск.

— Эл, я ничего не понимаю. Вчера ты был здесь и прекрасно себя чувствовал.

— Внимательно присмотрись к моему лицу. Начни с волос и продвигайся вниз. Постарайся не замечать воздействия рака — он сильно меняет внешность человека, в этом сомнений нет, — а потом скажи, тот ли я человек, которого ты видел вчера.

— Что ж, ты, очевидно, смыл краску...

— Никогда ею не пользовался. Не буду обращать твое внимание на зубы, которые потерял, пока находился... далеко. Я знаю, ты это заметил. Думаешь, это воздействие рентгеновского аппарата? Или стронция-девяносто в молоке? Я никогда не пью молоко, разве что добавляю капельку в последнюю за день чашку кофе.

— Какого стронция?

— Не важно. Попробуй посмотреть на меня, как женщины смотрят на других женщин, когда хотят определить возраст.

Я попытался последовать его совету, и хотя любой суд откажется принять мои наблюдения в качестве доказательств, меня они убедили. От уголков глаз расходились паутинки морщинок, хватало их, маленьких и тонких, и на веках, как у всех тех, кому больше не приходится доставать дисконтную пенсионную карточку, подходя к кассе многозального кинотеатра. Отсутствовавшие вчера бороздки синусоидами пересекали лоб. Еще две морщины, гораздо более глубокие, отходили от уголков рта. Подбородок заострился, кожа на шее обвисла. Острый подбородок и обвисшую кожу я мог отнести к катастрофической потере веса, но эти морщины... и если он не лгал о волосах...

Эл еле заметно улыбался. Мрачновато, но не без юмора. И от его улыбки мне стало совсем тошно.

— Помнишь мой день рождения в начале марта? «Не волнуйся, Эл, — сказал ты, — если эта дурацкая шляпа загорится, когда ты наклонишься над грилем, я схвачу огнетушитель и потушу тебя». Помнишь?

Я помнил.

— Ты сказал, что теперь я могу называть тебя Хайнцем.

— Да. А теперь мне шестьдесят два. Я знаю, из-за рака выгляжу старше, но это... и это... — Он коснулся сначала лба, потом уголка глаза. — Это естественные возрастные татуировки. Знаки доблести, если хочешь.

— Эл... я бы выпил стакан воды.

— Конечно. Шок, правда? — Он сочувственно посмотрел на меня. — Ты думаешь: «Или я сошел с ума, или он, или мы оба». Знаю. Я это уже проходил.

Не без усилия он вылез из кабинки, ухватившись правой рукой за левую подмышку, словно опасался, что развалится. Потом повел меня за стойку. И пока мы шли, я отметил еще один нюанс этой нереальной встречи: за исключением тех случаев, когда мы делили скамью в церкви Святого Кирилла (такое бывало редко; хотя меня и воспитывали в вере, католик я плохой) или встречались на улице, я никогда не видел Эла без его поварского фартука.

Он снял с полки сверкающий стакан и налил мне воды из поблескивающего хромом крана. Я поблагодарил его и повернулся, чтобы вернуться в кабинку, но он похлопал меня по плечу. Лучше бы он этого не делал. Казалось, меня коснулась рука кольриджского древнего морехода*, остановившего одного из троих.

— Я хочу, чтобы ты увидел кое-что, прежде чем мы снова сядем. Так будет быстрее. Только «увидел» — слово неправильное. Точнее — испытал. Пей, дружище.

Я выпил полстакана холодной вкусной воды, но при этом не отрывал глаз от Эла. Я словно трусливо ожидал, что на меня сейчас набросятся, как на первую, ничего не подозревающую жертву фильма о маньяках, в названии которого обязательно присутствует цифра. Но Эл просто стоял, опираясь рукой о стойку. Морщинистая кожа, большие костяшки. Определенно не рука человека, которому только под шестьдесят, пусть и больного раком. А еще...

— Это результат воздействия радиации? — спросил я.

— Что?

— Ты загорелый. Я не говорю про темные пятна на тыльной стороне ладоней. Такое бывает или от радиации, или от слишком долгого пребывания на солнце.

— Раз курс лучевой терапии я не проходил, остается солнце. За последние четыре года я провел много времени на солнце.

Насколько я знал, большую часть последних четырех лет Эл жарил бургеры и взбивал молочные коктейли под флуоресцентными лампами, но говорить об этом не стал. Допил воду. Когда ставил стакан на пластиковую стойку, заметил, что моя рука немного трясется.

— Ладно, так что я должен увидеть? Или испытать?

---

* Поэма «Сказание о древнем мореходе» английского поэта Сэмюэля Тейлора Кольриджа начинается с того, как главный герой останавливает одного из троих гостей, идущих на свадьбу.

— Иди сюда.

Он повел меня по узкому проходу мимо двустороннего гриля, фритюрниц, раковины, холодильника «Фросткинг», гудящей морозильной камеры высотой по пояс. Остановился перед выключенной посудомоечной машиной и указал на дверь в конце кухни. Низкую дверь. Элу, ростом пять футов и семь дюймов или около того, приходилось наклоняться, чтобы войти в нее. Меня, с моими шестью футами и четырьмя дюймами, некоторые ученики называли Эппинг-Вертолет.

— Вот, — кивнул он. — Войди в эту дверь.

— Разве у тебя там не кладовка? — Вопрос был риторический. За долгие годы я не раз и не два видел, как он выносил оттуда банки, сетки с картофелем, пакеты с бакалеей, и точно знал, что находится за дверью.

Эл меня вроде бы и не услышал.

— Ты знал, что сначала я открыл это заведение в Оберне?

— Нет.

Он кивнул, и этого хватило, чтобы вызвать очередной приступ кашля. Эл подавил его платком, на котором расплывались все новые красные пятна. Когда кашель наконец стих, он бросил платок в мусорное ведро и взял несколько салфеток из коробки на стойке.

— Этот трейлер — «Алюминейр», сделан в тридцатых годах в стиле ар деко. Я такой хотел с тех пор, как отец ребенком взял меня в «Жуй-и-болтай» в Блумингтоне. Купил его полностью оборудованным и открыл закусочную на Сосновой улице. Пробыв там год, понял, что разорюсь, если останусь. По соседству хватало ресторанов и кафе быстрого обслуживания, хороших и не очень, но со своей клиентурой. Я же напоминал юношу, который только что окончил юридическую школу и пытается практиковать в городе, где уже работает с десяток уважаемых адвокатских контор. Опять же, тогда «Знаменитый толстобургер Эла» стоил два с половиной бакса. И в девяностом году за меньшую цену я его продавать не мог.

— Тогда какого черта сейчас ты продаешь его в два раза дешевле? Если только это все-таки не кошатина.

Он фыркнул, и звук этот эхом отдался глубоко у него в груди.

— Дружище, я продаю стопроцентно чистую американскую говядину, лучшую в мире. Известно ли мне, что говорят люди?

Естественно. Я не обращаю на это внимания. Что тут поделаешь? Затыкать им рты? С тем же успехом можно пытаться не давать ветру дуть.

Я провел пальцем по шее. Эл улыбнулся:

— Да, ухожу в сторону, но по крайней мере цена говядины — часть истории. Я мог бы и дальше биться головой о стенку на Сосновой улице, однако Ивонн Темплтон дураков не воспитывала. «Лучше убегите и подеритесь в другой день», — говорила она нам в детстве. Я собрал оставшиеся деньги, выпросил в банке еще пять тысяч ссуды — не спрашивай как — и перебрался в Фоллс. Сверхприбыли по-прежнему нет — экономика не в том состоянии, а еще эти глупые разговоры о котобургерах, или песобургерах, или скунсобургерах, у людей фантазия богатая, — да только теперь я не зависел от экономики, как все остальные. И причина тому — за этой дверью в кладовку. В Оберне за ней ничего особенного не было. Я готов поклясться в этом на стопке Библий высотой десять футов. Все проявилось только здесь.

— О чем ты?

Он пристально посмотрел на меня водянистыми, за ночь постаревшими глазами:

— Сейчас говорить больше не о чем. Тебе надо все увидеть самому. Вперед, открой дверь.

На моем лице наверняка читалось сомнение. Эл подбодрил меня:

— Считай, это последняя просьба умирающего. Давай, дружище. Если только ты мне друг. Открой дверь.

5

Я бы солгал, сказав, что бег сердца не ускорился, когда я повернул ручку и потянул дверь на себя. Я понятия не имел, с чем могу столкнуться (хотя, помнится, в голове мелькнул образ дохлых кошек, освежеванных и готовых к превращению в фарш в электрической мясорубке), но когда Эл протянул руку и включил свет, я увидел, что за дверью...

Всего лишь кладовка.

Маленькая, такая же ухоженная и опрятная, как и вся закусочная. На полках вдоль стен — большие, ресторанной расфасовки, банки консервов. В дальнем конце, где крыша плавно шла

вниз, нашлось место порошкам и прочим чистящим средствам. Щетка и швабра лежали на полу, потому что потолок и пол разделяли только три фута. Пол застилал тот же серый линолеум, но пахло не жареным мясом, как в зале, а кофе, овощами и специями. Ощущался и еще какой-то запах, слабый и не очень приятный.

— Ладно, — кивнул я, — это кладовка. Много всего, все аккуратно сложено. По управлению припасами, если такой предмет существует, ставлю тебе пятерку.

— Чем тут пахнет?

— В основном специями. Кофе. Может, еще освежителем воздуха. Не знаю.

— Да, я использую «Глейд». Из-за того запаха. Ты хочешь сказать, что больше ничего не чувствуешь?

— Что-то есть. Похоже на серу. Наводит на мысли о горелых спичках. — Я также подумал и об отравляющем газе, что мы всей семьей испускали после тушеных бобов, которые мама обычно готовила на субботний ужин, но не упомянул об этом. А может, лекарства от рака вызывают пердеж?

— Это сера. Есть и другие запахи, тоже не «Шанель номер пять». Фабричная вонь, дружище.

Безумие продолжалось, но я смог ответить лишь (да и то абсурдно-вежливым тоном, принятым на коктейльной вечеринке):

— Правда?

Эл опять улыбнулся, продемонстрировав десны, из которых всего днем раньше выступали ровные зубы.

— Ты вежливо намекаешь, что фабрика Ворамбо закрылась, когда меня еще на свете не было? Если на то пошло, в конце восьмидесятых она сгорела почти дотла, а то, что осталось, — он ткнул пальцем себе за плечо, — всего лишь склад-магазин готовой продукции. Одна из главных туристических достопримечательностей, наряду с «Кеннебек фрут компани», где продают «Мокси». И еще ты думаешь, что сейчас самое время достать мобильник и вызвать парней в белых халатах. Так ведь, дружище?

— Я никому не собираюсь звонить, потому что ты не псих. — Правда, я сам не верил в то, что говорил. — Но это всего лишь кладовка, а фабрика Ворамбо за последнюю четверть века не выткала ни рулона ткани.

— Ты никому не позвонишь, это точно, поскольку я хочу, чтобы ты отдал мне мобильник, бумажник и все деньги, что у тебя

в карманах, включая монеты. Это не ограбление. Я тебе все верну. Ты отдашь мне эти вещи?

— Сколько у меня уйдет на это времени, Эл? Мне нужно прочитать несколько сочинений, чтобы выставить итоговые оценки за этот учебный год.

— Оставайся там сколько хочешь, — ответил Эл, — потому что это займет две минуты. Это *всегда* занимает две минуты. Останься на час и как следует осмотрись, если возникнет желание, но я бы этого делать не стал, во всяком случае, в первый раз, потому что потрясение будет слишком велико. Ты сам увидишь. Доверишься мне? — Что-то в моем лице заставило его напрячься. — Пожалуйста. *Пожалуйста*, Джейк. Желание умирающего.

Я уже точно знал, что Эл безумен, но знал и другое: он не ошибается по части своего состояния. За время нашего недолгого разговора его глаза, казалось, еще глубже погрузились в глазницы. И он совершенно выдохся. Двух десятков шагов от кабинки в одном конце закусочной до кладовки в другом хватило для того, чтобы он покачивался, едва держась на ногах. «И еще окровавленный носовой платок, — напомнил я себе. — Не забывай про окровавленный носовой платок».

И... я понял, что проще пойти ему навстречу. Вы со мной не согласны?

«Не противься, и пусть будет по-Божьему» — так им нравится говорить на собраниях, которые посещает моя бывшая, но я решил, что тут все иначе: не противься, и пусть все будет, как хочет Эл. Во всяком случае, до какого-то предела. И почему нет? — сказал я себе. Когда садишься в самолет приходится пройти через большую хренотень. А Эл даже не попросил меня снять обувь и поставить на транспортер.

Я вытащил мобильник из чехла на ремне, положил на картонную коробку с банками консервированного тунца. Добавил бумажник, тонкую пачку купюр, доллар пятьдесят или чуть больше мелочью и кольцо с ключами.

— Ключи оставь, они значения не имеют.

Для меня имели, но я промолчал.

Эл сунул руку в карман и достал пачку денег, куда более толстую, чем та, что лежала на коробке. Протянул мне:

— Заначка. Вдруг ты захочешь купить сувенир или что-то еще. На, бери.

— Почему я не могу воспользоваться своими деньгами? — Я подумал, что задаю вполне логичный вопрос. При условии, что этот безумный разговор укладывался в логические рамки.

— Сейчас не будем об этом, — сказал он. — Личный опыт ответит на большинство твоих вопросов лучше, чем это сделал бы я даже в отличной форме, а сейчас с формой у меня просто беда. Возьми деньги.

Я взял и просмотрел их. Сверху лежали долларовые купюры, и выглядели они так же, как те, которыми я привык пользоваться. Потом я добрался до пятерки, и тут обнаружились отличия. Над изображением Авраама Линкольна появилась надпись: **SILVER CERTIFICATE***, а слева от нее — большая синяя цифра «5». Я поднял купюру, чтобы посмотреть на просвет.

— Это не подделка, если у тебя возникла такая мысль. — По интонациям хрипатого голоса чувствовалось, что Эла моя реакция забавляет.

Может, и нет — на ощупь вроде бы настоящая, как и на вид, — но где водяные знаки?

— Если купюра и настоящая, то очень старая.

— Джейк, просто сунь деньги в карман.

Я сунул.

— У тебя есть карманный калькулятор? Какие-то электронные штучки?

— Нет.

— Тогда, думаю, ты готов. Повернись лицом к дальней стене кладовки. — Прежде чем я успел это сделать, он хлопнул себя по лбу. — Господи, что у меня с головой? Я забыл про Человека с желтой карточкой.

— Кого? Что?

— Человек с желтой карточкой. Так я его зову, а настоящего имени не знаю. Вот, возьми. — Он порылся в кармане и протянул мне пятидесятицентовую монету. Такой я не видел уже много лет. Возможно, с детства.

Я подкинул ее на ладони.

— Не думаю, что ты хочешь расстаться с ней. Она же ценная.

— Естественно, ценная, стоит полбакса.

Он закашлялся, и на этот раз кашель сотрясал его, как сильный ветер, но отмахнулся, когда я шагнул к нему. Оперся о кар-

* Серебряный сертификат (*англ.*).

тонные коробки — на верхней лежали вещи и деньги, которые я достал из карманов, — сплюнул в бумажные салфетки, посмотрел, поморщился, потом сжал салфетки в кулаке. Его осунувшееся лицо теперь блестело от пота.

— Прилив или что-то в этом роде. Чертов рак нарушает терморегуляцию, как и все остальное. Теперь о Человеке с желтой карточкой. Он безвредный алкаш, но не похож на остальных. Словно что-то *знает*. Я думаю, это всего лишь совпадение — он обязательно будет слоняться неподалеку от того места, где ты выйдешь, — но я хотел бы подготовить тебя к встрече с ним.

— Пока у тебя получается не очень, — заметил я. — Я не имею ни малейшего понятия, о чем ты говоришь.

— Он скажет: «У меня желтая карточка из зеленого дома, так что дай мне бакс, потому что сегодня — день двойной выплаты». Ты понял?

— Понял. — Безумие крепчало.

— И у него есть желтая карточка, она заткнута за ленту шляпы. Может, это визитная карточка таксомоторной компании или купон «Ред энд уайт», найденный в сточной канаве, но мозги у него высушены дешевым вином, и, возможно, он думает, что карточка эта — что золотой билет Вилли Вонки*. В любом случае ты ответишь: «Бакс дать не могу, но держи половину», — и отдашь ему монету. Тогда он может сказать... — Эл поднял костлявый палец. — Он может сказать что-то вроде: «Почему ты здесь?» или «Откуда ты пришел?» Он *может* сказать: «Ты не тот парень». Вряд ли скажет, но это возможно. Я много чего не знаю. Что бы он ни сказал, оставь его у сушильного сарая — там он обычно сидит — и иди к воротам. Он скорее всего скажет тебе вслед: «Я *знаю*, ты можешь дать мне бакс, жадюга», — но не обращай на это внимания. Не оглядывайся. Перейди железнодорожные пути — и окажешься на пересечении Главной улицы и Лисбон-стрит. — Тут он насмешливо улыбнулся. — А потом, дружище, мир — твой.

— Сушильный сарай?

Я смутно помнил, что рядом с тем местом, где теперь находилась закусочная, вроде бы *что-то* стояло, может, и сушильный сарай старой фабрики Ворамбо, но здание это, для чего бы оно ни использовалось, давно снесли. И будь в дальней стене чисто при-

* Герой повести английского писателя Роальда Даля «Чарли и шоколадная фабрика».

бранной кладовки, то есть в торце «Алюминейра», окошко, оно бы смотрело на вымощенный камнем двор и магазин верхней одежды, который назывался «Уютный уголок Мэна». Перед Рождеством я купил там теплую куртку «Норс фейс», и по очень хорошей цене.

— Забудь про сушильный сарай, просто запомни все, что я тебе сказал. А теперь снова повернись... правильно... и сделай два-три шага вперед. Маленьких шажка. Детских. Будто в темноте пытаешься найти верхнюю ступеньку лестницы... Осторожно...

Я в точности выполнил его указания, чувствуя себя полным идиотом. Один шаг... Мне пришлось наклонить голову, чтобы не зацепиться за алюминиевый потолок... Два шага... Теперь я ссутулился. Еще пара шагов, и я буду вынужден опуститься на колени. Этого я делать не собирался, даже по просьбе умирающего.

— Слушай, это глупо. Если только ты не хочешь, чтобы я принес тебе коробку с фруктовым коктейлем или пару пакетиков желе, мне здесь нече...

Тут моя нога ушла вниз, как происходит, когда спускаешься по ступенькам. Да только она по-прежнему твердо стояла на темно-сером линолеуме. Я отлично ее видел.

— Поехали. — Хриплость ушла из голоса Эла, во всяком случае, временно: удовлетворенность добавила ему мягкости. — Ты ее нашел, дружище.

Но что я нашел? Что именно я испытывал? Похоже, воображение сыграло со мной злую шутку, поскольку, что бы я ни чувствовал, я видел, что нога по-прежнему стоит на полу. Только...

Вы знаете, как в яркий, солнечный день, закрыв глаза, можно увидеть то, на что вы перед этим смотрели? Что-то похожее произошло и со мной. Когда я посмотрел на свою ногу, я увидел, что она на полу. А когда моргнул — за миллисекунду до или через миллисекунду после того, как мои глаза закрылись, — заметил, что моя нога на ступеньке. И уже не под тусклым светом лампочки в шестьдесят ватт, а под яркими лучами солнца.

Я замер.

— Иди дальше, — подбодрил меня Эл. — Ничего с тобой не случится, дружище. Просто иди дальше. — Он закашлялся, и в его вновь охрипшем голосе послышалось отчаяние. — *Мне надо, чтобы ты пошел дальше.*

И я пошел.

Да поможет мне Бог, пошел.

Глава 2

1

Я сделал еще шажок вперед, на следующую ступеньку. Глаза по-прежнему говорили мне, что я в кладовке «Закусочной Эла», но я стоял выпрямившись, и моя макушка больше не скребла потолок. Разумеется, такого быть не могло. Мой желудок нервно дернулся в ответ на путаницу, устроенную органами чувств, и я почувствовал, как сандвич с яичным салатом и кусок яблочного пирога, съеденные за ленчем, готовятся к катапультированию.

Сзади — уже издалека, будто нас разделяли пятнадцать ярдов, а не пять футов, — послышался голос Эла:

— Закрой глаза, дружище, так будет легче.

Едва я это сделал, путаница исчезла. Словно я перестал пытаться увидеть кончик собственного носа. Или, скорее, надел очки для просмотра трехмерного фильма. Я двинул правой ногой и спустился на очередную ступеньку. Я находился *на лестнице*. Теперь, с отключенным зрением, мое тело в этом не сомневалось.

— Еще две, потом открывай глаза, — посоветовал Эл. Расстояние между нами снова увеличилось. Казалось, он отошел в другой конец закусочной, а не стоял у двери кладовки.

Я поставил на первую ступеньку левую ногу, на вторую — правую. И тут же в голове послышался хлопок, какой ощущаешь, сидя в самолете, если давление резко меняется. Темнота под веками сменилась краснотой, кожей я почувствовал тепло. Солнечный свет. Никаких сомнений. И серный запах, ранее слабый, заметно усилился. В кладовке он едва чувствовался, а теперь раздражал. Опять-таки, никаких сомнений.

Я открыл глаза.

Уже не в кладовке. Уже не в «Закусочной Эла». И хотя дверь из кладовки вела только в зал, я оказался под синим небом. Во дворе. Правда, не вымощенном камнем. Под ногами я видел грязный, крошащийся бетон. И привычные магазины куда-то подевались. Несколько большущих металлических контейнеров стояло у белой оштукатуренной стены на месте «Уютного уголка

Мэна». В контейнерах что-то лежало, прикрытое грубой коричневой мешковиной.

Я повернулся, чтобы взглянуть на большой серебристый трейлер, который занимала «Закусочная Эла», но трейлер исчез.

2

Там, где ему полагалось быть, возвышалась громада — будто сошедшая со страниц романов Диккенса — ткацко-прядильной фабрики Ворамбо, которая работала на полную мощность. Я слышал грохот красильных машин и сушилок, шуршание огромных плоскопрядильных машин, которые когда-то занимали второй этаж (я видел фотографии в маленьком здании Исторического общества Лисбона, что на Главной улице: на машинах работали женщины в платках и комбинезонах). Светло-серый дым поднимался над тремя высокими трубами, в восьмидесятые годы поваленными мощным ураганом.

Я стоял рядом с большим зеленым зданием, вероятно, сушильным сараем. Он занимал половину двора и поднимался на добрых двадцать футов. Я сошел с лестницы, но теперь никаких ступенек не видел. Не видел пути назад. И запаниковал.

— Джейк? — Голос Эла, но далекий-предалекий. Казалось, он донесся до моих ушей случайно, благодаря какому-то акустическому трюку, словно пролетел многие мили по длинному узкому каньону. — Ты сможешь вернуться так же, как вышел. Нащупай ступеньки.

Я поднял левую ногу, опустил и нащупал ступеньку. Паника отступила.

— Иди, — прозвучало едва слышно. Голос словно подпитывался собственным эхом. — Осмотрись, а потом возвращайся.

Поначалу я никуда не пошел, постоял, вытирая рот тыльной стороной ладони. По ощущениям, глаза вылезали из орбит. Волосы, похоже, стояли дыбом, по загривку и спине ползали мурашки. Меня охватил страх — чего там, ужас, — но его уравновешивало (пока) набирающее силу любопытство. Я видел собственную тень на бетоне, точно очерченную, словно вырезанную из черной материи. Видел пятна ржавчины на цепи, которая отделяла сушильный сарай от остального двора. Ощущал отвратительный запах дыма, поднимавшегося из трех труб, достаточно сильный,

чтобы защипало глаза. Инспектору из агентства по защите окружающей среды хватило бы одного вдоха, чтобы в мгновение ока остановить все производство. Да только... я сомневался, что во всей стране сыщется такое агентство. Я знал, где нахожусь. Штат Мэн, Лисбон-Фоллс, сердце округа Андроскоггин.

Вопрос состоял в другом: *в каком* году?

3

На цепи висела табличка с надписью на обратной стороне, так что я не мог ее прочитать. Двинулся к табличке, тут же вернулся назад. Закрыл глаза и, шаркая, принялся разыскивать ступеньки. Когда левая нога наткнулась на первую ступеньку лестницы, ведущей в кладовку «Закусочной Эла» (я на это истово надеялся), остановился, нащупал в заднем кармане и вытащил сложенный листок бумаги, служебную записку от моего многоуважаемого заведующего кафедрой: «Хорошего тебе летнего отдыха, и не забудь про июльский рабочий день». На мгновение я задался вопросом, как он отнесется к предложению Джейка Эппинга включить в программу следующего учебного года шестинедельный семинар «Литература о путешествиях во времени». Потом оторвал сверху полоску и бросил на первую ступеньку невидимой лестницы. Она, разумеется, упала на землю, но отметила нужное место. Я полагал, что в этот теплый, тихий день ее никуда не сдует, однако все-таки нашел небольшой кусок бетона и воспользовался им как пресс-папье, на всякий случай. Теперь он лежал и на ступеньке, и на бумажной полоске. Только никакой ступеньки *не было*. В голове мелькнула строка из старой песни: *Поначалу есть гора, а потом и нет горы, но затем опять гора.*

«Осмотрись», — предложил мне Эл, и я решил последовать его совету. Пришел к выводу, что еще какое-то время сохраню здравый ум, раз уж до сих пор не рехнулся. Если, конечно, не увижу стадо розовых слонов или НЛО, зависший над автомобильным салоном Джона Крафтса. Я пытался сказать себе, что этого нет, что так не бывает, но тщетно. Философы и психологи могут спорить о том, что реально, а что нет, однако большинство людей, живущих обычной жизнью, знает и принимает мир, который видит и ощущает вокруг себя. Таков и я. Если отбросить все остальное, для галлюцинации этот мир слишком уж вонял.

Я подошел к цепи, висевшей на уровне моего бедра, нырнул под нее. На другой стороне таблички обнаружилась надпись черной краской: **«ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН ДО ЗАВЕРШЕНИЯ РЕМОНТА СТОЧНОЙ ТРУБЫ»**. Я огляделся, убедился, что в непосредственной близости никакого ремонта не ведется, обошел угол сушильного сарая и чуть не наступил на мужчину, гревшегося на солнышке. Впрочем, загар в его планы не входил. Иначе он снял бы старое черное пальто, которое укутывало его, точно бесформенная тень. На обоих рукавах налипли засохшие сопли. Тело, упрятанное под пальто, высохло до крайности. Обильно тронутые сединой черные волосы патлами свисали на небритые щеки. Никто не смог бы представить себе более типичного алкаша.

Нахлобученную на голову мягкую фетровую шляпу с продольной ложбиной он, казалось, позаимствовал из какого-то фильма в жанре нуар пятидесятых годов, где у всех женщин большой бюст, а мужчины говорят очень быстро и из уголка рта у них свешивается сигарета. И да, из-под ленты на шляпе, словно древний репортерский пропуск, торчала желтая карточка. В свое время наверняка ярко-желтая, но потускневшая от прикосновений множества грязных пальцев.

Когда моя тень упала ему на колени, Человек с желтой карточкой поднял голову и оглядел меня мутными глазами.

— Ты, на хрен, хто? — просипел он. Прозвучало это как: «Тын-ахх-то».

Эл не проинструктировал меня на предмет всех ответов, так что я выбрал, как мне думалось, наиболее безопасный:

— Не твое, на хрен, дело.

— Иди на хрен.

— Как скажешь. В этом наши желания совпадают.

— Чё?

— Хорошего тебе дня.

Я повернулся к открытым воротам, за которыми пролегали железнодорожные пути. За ними, слева, увидел незнакомую мне автостоянку. Ее заполняли автомобили, в большинстве своем видавшие виды и достаточно старые, чтобы коротать век в автомобильном музее. «Бьюики» с «мышиными норками»*, «форды» с носами-торпедами.

---

* Имеются в виду декоративные отверстия на крыльях моделей «бьюиков».

Они принадлежат реальным фабричным рабочим, подумал я. *Реальным рабочим, которые сейчас трудятся в цехах за почасовую оплату.*

— У меня желтая карточка из зеленого дома. — В голосе алкаша слышались агрессивность и тревога. — Так что дай мне бакс, потому что сегодня — день двойной выплаты.

Я протянул ему монету в пятьдесят центов, чувствуя себя актером, который произносит в пьесе только одну реплику.

— Бакс дать не могу, но держи половину.

Потом отдашь ему монету, проинструктировал меня Эл, но делать этого не пришлось. Желтая Карточка выхватил ее у меня и поднес к лицу. Я уж подумал, что он собирается проверить пятидесятицентовик на зуб, но алкаш сжал длинные пальцы в кулак, и монета исчезла. Затем он вновь поднял глаза, на его лице было написано почти комичное недоверие.

— Ты кто? Что ты здесь делаешь?

— Будь я проклят, если знаю, — ответил я и повернулся к воротам, ожидая, что в спину полетят другие вопросы, но их так и не последовало.

4

Самым новым автомобилем на стоянке оказался «плимут-фьюри», модель середины или конца пятидесятых. Пластина с номерным знаком очень походила на древнюю версию той, что крепилась над задним бампером моей «субару». Ее по требованию моей бывшей украшала розовая ленточка — символ борьбы с раком молочной железы. На пластине, на которую я сейчас смотрел (оранжевой — не белой), вместо ленточки *была надпись* «КРАЙ ОТДЫХА — МЭН». Как и в большинстве штатов, в нашем номерные знаки включали цифры и буквы; скажем, на моей «субару» — 23383 IY, но номерной знак этого почти нового красно-белого «плимута-фьюри» состоял исключительно из цифр: 90-811. Никаких букв.

Я прикоснулся к багажнику. Твердый, теплый от солнца. Реальный.

Перейди железнодорожные пути, и окажешься на пересечении Главной улицы и Лисбон-стрит. А потом, дружище, мир — твой.

Перед старой фабрикой железнодорожных путей не было — в мое время, — но теперь я отчетливо их видел. И отнюдь не старые и ржавые. Отполированные рельсы сверкали на солнце. А где-то вдалеке слышалось «чух-чух» настоящего поезда. Когда поезда в последний раз проходили через Лисбон-Фоллс? Наверное, когда фабрика еще не закрылась, а компания «Ю-Эс джипсам», которую местные прозвали «Ю-Эс обдери», работала двадцать четыре часа в сутки.

Да только она и работает двадцать четыре часа в сутки, подумал я. *Готов спорить на любые деньги. Как и фабрика. Потому что я не во втором десятилетии двадцать первого века.*

Я прошел дальше, не отдавая себе в этом отчета — совсем как лунатик. И теперь стоял на углу Главной улицы и шоссе 196, также известной как Старая льюистонская дорога. Только ничего старого в ней не было. А за перекрестком, на противоположном углу...

Да, «Кеннебек фрут компани» — претенциозное название для магазинчика, балансировавшего на грани закрытия — или это мне так казалось — все десять лет, что я учительствовал в ЛСШ. Невероятно, но его raison d'être* и единственным средством выживания служил «Мокси», самый своеобразный из прохладительных напитков. Владелец «Фрут компани», пожилой добряк по имени Фрэнк Аничетти, как-то объяснил мне, что население мира естественным образом (возможно, генетически) делится на две части: немногочисленных, но избранных Богом, которые ставят «Мокси» выше любого другого прохладительного напитка... и остальных. Фрэнк называл остальных «несчастным, дефективным большинством».

«Кеннебек фрут компани» моего времени представлял собой выцветшую желто-зеленую коробку с грязной витриной, лишенной товаров... разве что там иногда спал кот. Крыша просела после многих снежных зим. В торговом зале для продажи предлагались только сувениры, связанные с «Мокси»: ярко-оранжевые футболки с надписью «Я НАСЛАДИЛСЯ МОКСИ!», ярко-оранжевые шляпы, старинные календари, жестяные таблички. Они *выглядели* старинными, но скорее всего их изготовили пару лет назад в Китае. Большую часть года покупатели в магазин не заходят, да и полки пустуют... хотя здесь все-таки продаются расфасованные сладости и пакеты картофельных чипсов (если вам нравятся подсоленные и с уксусом). В холодильном шкафу для

* Смысл существования (*фр.*).

прохладительных напитков — только «Мокси». Холодильный шкаф для пива пуст.

Каждый июль Лисбон-Фоллс устраивает фестиваль «Мокси» штата Мэн. С оркестрами, фейерверками и парадом — клянусь, это правда, — с платформами и местными королевами красоты, одетыми в закрытые купальники цвета «Мокси», то есть оранжевые и такие яркие, что могут вызвать ожог сетчатки. Церемониймейстер парада всегда наряжается доком Мокси, что подразумевает белый халат, стетоскоп и одно из этих старомодных налобных зеркал на голове. Два года тому назад церемониймейстером была директор ЛСШ Стелла Лэнгли, и теперь ей жить с этим вечно.

В дни фестиваля «Кеннебек фрут компани» оживает и прилично зарабатывает, в основном на обалдевших туристах, которые едут в западную, курортную часть Мэна. В остальное время года это магазин-призрак, где стоит слабый запах «Мокси», всегда напоминающий мне — видимо, потому что я принадлежу к «несчастному, дефективному большинству» — мастерол, невероятно вонючую мазь, которой мать натирала мне грудь и шею, если я простужался.

Теперь же, на другой стороне Старой льюистонской дороги, я видел бурлящее жизнью, процветающее заведение. Над дверью висела вывеска с двумя надписями: «ОСВЕЖИСЬ С "СЕВЕНАП"» наверху и «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В "КЕННЕБЕК ФРУТ КО"» внизу — такая яркая, что слепило глаза. Стены сияли свежей краской, крыша не поддавалась погодным катаклизмам. Люди входили и выходили. А в витрине вместо кота...

Боже мой, апельсины. В магазине с названием «Кеннебек фрут компани» когда-то торговали фруктами. Кто бы мог подумать?

Я уже начал переходить улицу, но тут же отступил назад, заметив приближающийся ко мне рейсовый автобус. В окошечке над разделенным надвое лобовым стеклом виднелось название маршрута: «ЛЬЮИСТОНСКИЙ ЭКСПРЕСС». Когда автобус затормозил у остановки на перекрестке, я увидел, что большинство пассажиров курит. Вероятно, в салоне воздух по химическому составу приближался к атмосфере Сатурна.

Как только автобус продолжил путь (оставив после себя синюшное облако выхлопных газов с запахом несгоревшего дизельного топлива, который добавился к сероводородной вони дыма, поднимавшегося из труб фабрики Ворамбо), я перешел улицу, задавшись вопросом: а что будет, если меня собьет автомобиль?

Я просто исчезну? Приду в себя, очнувшись на полу в кладовке Эла? Вероятно, ни то ни другое. Может, я умру здесь, в прошлом, по которому тоскует столько людей. Они тоскуют, потому что забыли, как плохо пахло это прошлое, а может, никогда и не принимали во внимание эту особенность славных пятидесятых.

У стены «Фрут компани», упираясь в деревянную обшивку согнутой ногой в черном сапоге, стоял какой-то паренек. В рубашке с поднятым воротничком и с прической (я ее узнал по старым фильмам) а-ля ранний Элвис. В отличие от учеников, которых я привык видеть на своих занятиях, этот не пытался отпустить козлиную бородку, его подбородок был девственно чист. Я понял, что в мире, где я сейчас пребывал (очень надеюсь, временно), его бы пинком вышвырнули из ЛСШ, шагни он на порог хотя бы с одним волоском на лице. Вышвырнули бы незамедлительно.

Я кивнул ему. Джеймс Дин* ответил тем же и поздоровался:

— Хай-йо, папаша.

Я вошел в магазин. Над дверью звякнул колокольчик. Пахло не пылью и медленно гниющим деревом, а апельсинами, яблоками, кофе и ароматизированным табаком. Справа была стойка с раскрытыми комиксами: «Арчи», «Бэтмен», «Капитан Марвел», «Пластичный человек», «Байки из склепа». Над этой сокровищницей, от одного вида которой любой завсегдатай аукциона «Ибэй» мог забиться в судорогах, висел лист бумаги с рукописной надписью: «КОМИКСЫ 5 центов штука, ТРИ ЗА 10, ДЕВЯТЬ — ЗА ЧЕТВЕРТАК. *ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ТРОГАЙТЕ, ЕСЛИ НЕ СОБИРАЕТЕСЬ ПОКУПАТЬ*».

Слева стояла стойка с газетами. «Нью-Йорк таймс» я не нашел, только несколько экземпляров «Портленд пресс геральд» и один — «Бостон глоуб». Заголовок «Глоуб» кричал: **«ДАЛЛЕС НАМЕКАЕТ НА УСТУПКИ, ЕСЛИ КРАСНЫЙ КИТАЙ ОТКАЖЕТСЯ ОТ ПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ НА ФОРМОЗЕ»**. Обе газеты датировались вторником, 9 сентября 1958 года.

5

Я взял «Глоуб», стоившую восемь центов, и направился к мраморному прилавку с газировкой, которого в мое время не существовало. За прилавком стоял Фрэнк Аничетти. По всем

* Американский киноактер.

признакам — он, вплоть до полукружий седых волос над ушами. Только эту версию — назовем ее Фрэнк Один-Ноль — отличала худоба и бифокальные очки без оправы. И более высокий рост. Чувствуя себя незнакомцем в собственном теле, я уселся на высокую табуретку.

Он указал на газету:

— Вам этого хватит или налить какой-нибудь газировки?

— Что-нибудь холодное, но только не «Мокси», — услышал я собственный голос.

Фрэнк Один-Ноль улыбнулся:

— «Мокси» не держим, сынок. Не желаете рутбира*?

— Звучит неплохо, — ответил я, не погрешив против истины. В горле пересохло, лоб горел, будто поднялась температура.

— Пять или десять?

— Простите?

— Бира на пять или десять центов? — Первое слово он произнес на мэнский манер: «би-и-йа».

— А-а... Полагаю, на десять.

— Что ж, я полагаю, вы полагаете правильно. — Он открыл морозильник и достал заиндевелую кружку размером с графин для лимонада. Наполнил ее из крана, и я почувствовал запах рутбира, сильный и резкий. Фрэнк Один-Ноль снял пену рукояткой деревянной ложки, долил кружку до самого края и поставил передо мной на мраморный прилавок. — Пожалуйста. Вместе с газетой — восемнадцать центов. Плюс один для губернатора.

Я протянул старинный доллар Эла, и Фрэнк Один-Ноль отсчитал сдачу.

Я отпил рутбира сквозь пену и чуть не ахнул. Такой... насыщенный. Такой вкусный. Лучше и не скажешь. Этот мир, отстоявший от нашего более чем на пятьдесят лет, пах гораздо хуже, чем я мог себе представить, но рутбир вкусом отличался в лучшую сторону. И еще как отличался.

— Замечательный рутбир.

— Правда? Рад, что вам понравилось. Вы не местный, да?

— Да.

— Из другого штата?

— Висконсин, — ответил я. Если и солгал, то не совсем. Моя семья жила в Милуоки, пока мне не исполнилось одиннадцать.

* Газированный напиток, популярный в Северной Америке.

Потом отца взяли преподавателем английского языка в Университет южного Мэна. С тех пор я этот штат не покидал.

— Вы выбрали для приезда очень удачное время, — кивнул Аничетти. — Большинство летних гостей разъехалось, и цены сразу пошли вниз. Ваш рутбир, к примеру. После Дня труда десятицентовая кружка стоит всего лишь дайм*.

Звякнул колокольчик над дверью, заскрипели половицы. Приветливым таким скрипом. В последний раз, когда я рискнул зайти в «Кеннебек фрут» в надежде купить упаковку «Тамс» (меня ждало разочарование), они стонали.

За прилавок зашел подросток лет семнадцати. С коротко стриженными черными волосами. Его сходство с мужчиной не вызывало сомнений, и я осознал, что это Фрэнк Аничетти моего времени. А мужчина, снявший пену с кружки рутбира, — его отец. Фрэнк Два-Ноль даже не взглянул на меня — еще один покупатель.

— Тит уже поставил пикап на подъемник, — доложил он отцу. — Говорит, к пяти все будет готово.

— Так это хорошо. — Аничетти-старший достал сигарету, закурил. Только тут я впервые заметил на мраморном прилавке рядок маленьких керамических пепельниц. С надписью на боку: «ВКУСА «ВИНСТОН» ЛУЧШЕ НЕТ — ЭТАЛОН СИГАРЕТ». Фрэнк Один-Ноль посмотрел на меня. — Добавить в рутбир шарик ванильного мороженого? За счет заведения. Нам нравится окружать туристов заботой, особенно если они приезжают по окончании сезона.

— Благодарю, но мне и так хорошо. — И я говорил чистую правду. Не сомневался, что от добавки сладкого моя голова просто взорвется. Да и рутбир мне дали крепкий — прямо-таки газированный эспрессо.

Подросток улыбнулся мне — по сладости улыбка не уступала содержимому кружки. Никакого намека на пренебрежение, которое источал поклонник Элвиса, встреченный мною у магазина.

— В школе мы читали рассказ о том, что местные едят туристов, если они приезжают после окончания сезона.

— Фрэнки, разве можно говорить такое гостю? — Но мистер Аничетти улыбался, произнося эти слова.

— Все нормально. Я сам разбирал с учениками этот рассказ. Ширли Джексон, правильно? «Летние люди».

---

* Десять центов.

— Совершенно верно, — согласился Фрэнк. — Я не совсем его понял, но мне он понравился.

Я отпил еще глоток рутбира и с ласкающим слух стуком поставил кружку на мраморный прилавок. Не особо удивился, обнаружив, что кружка практически пуста. *Могу ведь и подсесть на этот рутбир,* подумал я. *«Мокси» ему и в подметки не годится.*

Старший Аничетти выпустил струю дыма к потолку, где неторопливо вращающиеся лопасти вентилятора перепахивали синеватое облако.

— Вы преподаете в Висконсине, мистер?..

— Эппинг. — Вопрос застал меня врасплох, и я не подумал о том, чтобы назваться вымышленной фамилией. — Да. Но этот год у меня субботний.

— Это означает, что он на год в творческом отпуске, — пояснил Фрэнк.

— Я знаю, что это означает, — ответил мистер Аничетти. Попытался изобразить раздражение, но получилось не очень. Я решил, что отец и сын нравятся мне ничуть не меньше рутбира. Мне нравился и продвинутый юнец с улицы, хотя бы по одной причине: он не знал, что уже стал штампом. Этот мир вызывал ощущение защищенности, ощущение — ну, не знаю — предопределенности. Конечно же, ложное ощущение, поскольку опасностью он не уступал любому другому. Но я обладал информацией, которой — как я верил часом ранее — мог располагать лишь Бог. Я знал, что паренек, полюбивший рассказ Ширли Джексон (пусть он «не совсем его понял»), проживет и этот день, и все другие дни последующих пятидесяти с небольшим лет. Не погибнет в автомобильной аварии, не умрет от сердечного приступа, не заболеет раком легких, вдыхая отцовский сигаретный дым. В ближайшие пятьдесят лет ничего такого с Фрэнком Аничетти не случится.

Я посмотрел на настенные часы («НАЧНИ СВОЙ ДЕНЬ С УЛЫБКИ, ВЫПЕЙ БОДРЯЩЕГО КОФЕ» — было написано на циферблате): двенадцать двадцать две. Для меня это ничего не значило, но я изобразил удивление. Допил мой *би-и-йа* и поднялся.

— Должен идти, если не хочу опоздать на встречу с друзьями в Касл-Рок.

— Только не разгоняйтесь на сто семнадцатом, — предупредил Аничетти. — Дорога — черт ногу сломит. — И вновь я обратил внимание на чересчур заметный мэнский выговор. Какого не слышал уже многие годы. Затем осознал, что так оно и есть, в прямом смысле слова, и чуть не рассмеялся.

— Не буду. Большое спасибо. Сынок? Тот рассказ Ширли Джексон.

— Да, сэр?

Еще и *сэр*. Но совершенно без сарказма. Почтительность — ничего больше. Я уже решил для себя, что тысяча девятьсот пятьдесят восьмой — очень хороший год. За исключением, разумеется, фабричной вони и сигаретного дыма.

— Там нечего понимать.

— Нечего? Мистер Марчант говорит совсем другое.

— При всем уважении к мистеру Марчанту, передай ему мнение Джейка Эппинга. Иногда сигара — просто курево, а рассказ — просто рассказ.

Он рассмеялся:

— Обязательно. Завтра на третьем уроке!

— Хорошо. — Я кивнул его отцу, меня подмывало сказать ему, что благодаря «Мокси» (которой он не держал... пока) этот магазин простоит на углу Главной улицы и Старой льюистонской дороги много лет после его смерти. — Спасибо за рутбир.

— Приходите в любое время. Я думаю о том, чтобы сбросить цену на большую кружку.

— До дайма?

Он улыбнулся. Естественно и искренне, как сын.

— Вы быстро все схватываете.

Звякнул колокольчик. Вошли три женщины. Никаких брюк. Платья до середины голени. И шляпки! Две с белыми вуальками. Женщины начали рыться в ящиках с фруктами, выбирая лучшие. Я уже шагнул к двери, потом повернулся.

— Можете сказать, что такое зеленый дом?

Отец и сын обменялись веселыми взглядами, напомнившими мне старый анекдот. Турист из Чикаго за рулем роскошного спортивного автомобиля останавливается у фермерского дома в сельской глубинке. Старик фермер сидит на крыльце, курит трубку из стержня кукурузного початка. Турист выходит из «ягуара» и спрашивает: «Эй, старина, не подскажете, как добраться до Ист-

Мачиаса?» Старик пару раз задумчиво затягивается, выпускает струю дыма и отвечает: «Проще всего — рукой»*.

— Вы и впрямь из другого штата? — спросил Фрэнк. Мэнского в его выговоре было куда меньше, чем у отца.

Он больше смотрит телик, подумал я. *Лучшее средство избавления от местного выговора — телевидение.*

— Да.

— Странно, потому что я слышу гнусавый говор янки.

— Это юперский диалект, — ответил я. — Верхний полуостров... — Да только — черт! — ВП в Мичигане.

Но оба Аничетти, похоже, не имели об этом ни малейшего понятия. Более того, молодой Фрэнк отвернулся и начал мыть посуду. Вручную.

— Зеленый дом — это винный магазин, — ответил Аничетти. — На другой стороне улицы, если хотите приобрести пинту горячительного.

— Я думаю, рутбира мне хватит. Спросил из любопытства. Хорошего вам дня.

— И вам тоже, друг мой. Приходите к нам опять.

Я прошел мимо выбиравшего фрукты трио, пробормотал: «Дамы», — когда поравнялся с ними, и пожалел, что у меня нет шляпы, чтобы приподнять ее. Мягкой фетровой, с продольной ложбинкой, какие можно увидеть в старых фильмах.

6

Продвинутый юнец покинул свой пост, и я подумал, а не пройтись ли мне по Главной улице, чтобы посмотреть, как она изменилась, но тут же отказался от этой мысли. Незачем искушать судьбу. Вдруг кто-нибудь спросит о моей одежде? Я полагал, что мои пиджак спортивного покроя и слаксы более-менее сойдут, но мало ли. Да еще волосы, которые касались воротника. В мое время для учителя средней школы такое считалось вполне нормальным — даже консервативным, — однако могло вызвать недоуменные взгляды в десятилетие, когда мужчины не выходи-

* Игра слов, основанная на особенностях чикагского выговора. Когда турист произносит название нужного ему места (East Machias), старику фермеру слышится: «Ease My Itchy Ass», то есть: «Эй, старина, не подскажете, как добраться до моего зудящего зада?»

ли из парикмахерской без выбритой сзади шеи, а баки позволяли себе только фанаты рокабилли вроде того парня, что назвал меня папашей. Разумеется, я всегда мог притвориться туристом, ведь в Висконсине мужчины носили более длинные волосы, и все это знали, — но не только прическа и одежда вызывали ощущение, что я выделяюсь среди остальных, будто какой-то инопланетянин, неудачно маскирующийся под человека.

Если на то пошло, я чувствовал себя не от мира сего. Нет, крыша у меня не поехала — человеческий разум достаточно хорошо приспосабливается ко всякого рода неожиданностям, и чтобы слететь с катушек, требуется огромное их количество, — но чужаком я себя ощущал, это точно. Все думал о женщинах в длинных платьях и шляпках, женщинах, которые никогда не рискнули бы показать на публике бретельку бюстгальтера. И о вкусе этого рутбира. Таком *ядреном*.

На другой стороне улицы, напротив «Кеннебек фрут компани», располагался куда более скромный «ВИННЫЙ МАГАЗИН ШТАТА МЭН». Так гласила надпись крупными буквами над маленькой витриной. И да, фасад был выкрашен светло-зеленой краской. Внутри я разглядел моего дружка, прежде гревшегося на солнце у сушильного сарая. Длинное черное пальто болталось на его тощих плечах. Шляпу он снял, и волосы торчали в разные стороны, совсем как на карикатуре о вечном недотепе, который только что сунул палец в электрическую розетку. Он что-то доказывал продавцу, размахивая обеими руками, и в одной я видел драгоценную желтую карточку. В другой — как я понимал — была зажата монета в пятьдесят центов, полученная мной от Эла Темплтона. Продавца в короткой белой тунике, очень напоминавшей халат Дока Мокси на ежегодном параде, жесты и слова Желтой Карточки не впечатляли.

Я остановился у перекрестка, дождался, пока проедут автомобили, перешел на ту сторону Старой льюистонской дороги, где находилась фабрика Ворамбо. Двое мужчин толкали через двор тележку, нагруженную рулонами материи, курили и смеялись. Я задался вопросом, а известно ли им, что творит с их легкими сигаретный дым на пару с загрязняющими атмосферу производственными выбросами фабрики, и решил, что нет. Возможно, оно и к лучшему, подумал я, но размышления на эту тему более приличествовали учителю философии, а не парню, который зарабатывал на хлеб насущный, знакомя шестнадцатилеток с нетленными творениями Шекспира, Стейнбека и Ширли Джексон.

Когда они скрылись на фабрике, закатив тележку между ржавыми металлическими челюстями ворот высотой в три этажа, я вернулся к цепи с табличкой **«ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН ДО ЗАВЕРШЕНИЯ РЕМОНТА СТОЧНОЙ ТРУБЫ»**. Велел себе идти не слишком быстро и не глазеть по сторонам — не делать *ничего такого*, что могло бы привлечь внимание, — но получалось не очень. Я уже находился буквально на пороге времени, из которого пришел, и стремление поторопиться стало неодолимым. Во рту пересохло, выпитое бултыхалось в желудке. А если я не смогу вернуться? А если оставленной мной метки уже нет? Или она есть, но нет ступеней?

Спокойно, сказал я себе. *Спокойно.*

Быстро огляделся — не смог устоять — перед тем, как нырнуть под цепь, но двор целиком принадлежал мне. Откуда-то издалека, как во сне, вновь донеслось «чух-чух» железнодорожного дизеля. Этот звук вызвал в моей памяти очередную строку из песни: *«В этом поезде — исчезающий железнодорожный блюз...»*

Я пошел вдоль зеленой стены сушильного сарая, сердце громко стучало где-то у самого горла. Полоска бумаги, придавленная куском бетона, лежала на прежнем месте: пока все шло хорошо.

Я легонько пнул ее ногой, думая: *Пожалуйста, Господи, пусть сработает, пожалуйста, Господи, позволь мне вернуться.*

Мысок туфли отбросил кусок бетона — я увидел, как он отлетел в сторону, — но остановился, наткнувшись на невидимую ступеньку. Эти два взаимоисключающих события произошли одновременно. Я еще раз огляделся, хотя никто не мог видеть меня в этом узком проулке, если только не стоял напротив входа или выхода из него. Никто и не увидел.

Я поднялся на одну ступень. Моя нога чувствовала ее, пусть глаза по-прежнему говорили, что я стою на потрескавшемся бетоне. Рутбир опять бултыхнулся в животе. Я закрыл глаза, и мне сразу полегчало. Поднялся на вторую ступеньку, третью. Ступеньки были невысоки. На четвертой солнце перестало греть спину, а темнота под веками сгустилась. Я попытался подняться на пятую ступеньку, но таковой не оказалось. Вместо этого я стукнулся головой о низкий потолок кладовки. Кто-то ухватил меня под локоть, и я чуть не вскрикнул.

— Расслабься, — услышал я голос Эла. — Расслабься, Джейк. Ты вернулся.

7

Он предложил мне выпить кофе, но я отрицательно покачал головой. Желудок все еще не пришел в норму. Эл наполнил свою чашку, и мы прошли к кабинке, в которой сидели до этого безумного путешествия. Мои бумажник, мобильник и деньги горкой лежали на столе. Эл сел со стоном боли и облегчения. Теперь он выглядел не таким измученным и чуть расслабился.

— Итак, ты ушел и вернулся. Что скажешь?

— Эл, не знаю, что и думать. Я потрясен до глубины души. Ты обнаружил это случайно?

— Абсолютно. Меньше чем через месяц после того, как перебрался сюда. Еще не успел отряхнуть пыль Сосновой улицы с каблуков. В первый раз я в прямом смысле *свалился* с этих ступеней, совсем как Алиса в кроличью нору. Подумал, что рехнулся.

Я мог себе это представить. Меня-то он подготовил, не так чтобы очень, но все-таки. С другой стороны, сомневаюсь, чтобы кто-то мог подготовить человека к путешествию во времени.

— Долго меня не было?

— Две минуты. Как и всегда, я тебе говорил. Не важно, на сколько ты там остаешься. — Он закашлялся, сплюнул в новую салфетку, сложил ее, убрал в карман. — И с последней ступеньки ты всякий раз спускаешься за две минуты до полудня девятого сентября тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. Каждое путешествие — первое. Куда ты ходил?

— В «Кеннебек фрут». Выпил рутбира. Превосходнейшего.

— Да, там все вкуснее. Меньше консервантов или чего-то там еще.

— Ты знаешь Фрэнка Аничетти? Я встретил его, семнадцатилетнего.

Почему-то, несмотря на все, я ожидал, что Эл рассмеется, но он воспринял мои слова как нечто само собой разумеющееся.

— Естественно. Я встречал Фрэнка много раз. Но он видит меня лишь однажды — в смысле там. Для Фрэнка всякий раз — первый. Он заходит в магазин, да? Возвращается с «Шеврона». «Тит уже поставил пикап на подъемник, — сообщает он отцу. — Говорит, к пяти все будет готово». Я слышал это не меньше пятидесяти раз. Я не всегда иду в магазин, когда появляюсь там, но если иду, слышу этот разговор. Потом заходят женщины и на-

чинают выбирать фрукты. Миссис Саймондс с подругами. Будто снова и снова смотришь один фильм.

— Всякий раз — первый, — медленно повторил я, с паузами между словами, чтобы эта идея лучше отложилась в голове.

— Точно.

— И каждый человек, которого ты видишь, *тебя* видит впервые, независимо от того, сколько раз вы до этого встречались?

— Точно.

— Я могу вернуться, и у нас состоится тот же разговор с Фрэнком и его отцом, но они этого знать не будут.

— Именно. Или ты можешь что-то изменить, скажем, заказать банановый сплит вместо рутбира, и разговор потечет в ином русле. Единственный, кто что-то подозревает, — Человек с желтой карточкой, но он уже пропил мозги и не понимает, что чувствует. Если вообще что-либо чувствует. Причина проста: благодаря случаю он сидит очень близко от «кроличьей норы», или как еще ее называть. Может, она излучает какую-то энергию. Этот алкаш...

Но Эл закашлялся и не смог продолжить. Я с болью в сердце наблюдал, как он сложился пополам, держась за бок и пытаясь не показывать мне, как ему плохо: внутри у него, наверное, все разрывалось. *Долго он не продержится,* подумал я. *Не пройдет и недели, как его уложат на больничную койку. Разве не потому он меня позвал? Чтобы поделиться своим секретом, прежде чем рак навеки заткнет ему рот.*

— Я думал, что днем смогу все тебе рассказать, но не получается, — вновь заговорил Эл, справившись с приступом. — Нужно поехать домой, принять лекарство, отдохнуть. Раньше никогда не принимал ничего сильнее аспирина, и этот оксиконтин вырубает меня. Я сплю шесть часов, а потом на какое-то время мне становится лучше. И сил прибавляется. Сможешь прийти ко мне в половине десятого?

— Я бы пришел, если б знал, где ты живешь, — ответил я.

— Маленький коттедж на Виноградной улице. Номер девятнадцать. Ищи садового гнома на лужайке у крыльца. Мимо не проскочишь. Он размахивает флагом.

— О чем мы будем говорить, Эл? Я хочу сказать... ты мне все *показал*. Теперь я тебе верю. — Да, я поверил... но надолго ли? Мой визит в пятьдесят восьмой год уже начал таять в памяти,

становясь похожим на сон. Еще несколько часов (может, дней), и я наверняка смогу убедить себя, что мне все это привиделось.

— Поговорить нам надо о многом, дружище. Ты придешь? — Он не упомянул *просьбу умирающего*, но это читалось в его глазах.

— Хорошо. Тебя подвезти до дома?

Тут его глаза сверкнули.

— У меня есть пикап, а езды тут пять кварталов. Такое расстояние я могу проехать и сам.

— Конечно, можешь. — Я надеялся, что в моем голосе слышится уверенность, которой я сам не чувствовал. Поднялся и начал раскладывать свои вещи по карманам. Нашел в одном пачку денег, которую получил от Эла, достал. Теперь я понимал, откуда взялись изменения на пятерке. Вероятно, их хватало и на других купюрах.

Я протянул деньги Элу, однако тот покачал головой:

— Нет, оставь, у меня их достаточно.

Но я положил деньги на стол.

— Если каждый раз — первый, почему остаются деньги, которые ты приносишь? Почему они не исчезают, когда идешь туда в следующий раз?

— Понятия не имею, дружище. Я же говорил, что многого не понимаю. Есть закономерности, некоторые я уяснил, однако далеко не все. — Его лицо осветила слабая, но определенно радостная улыбка. — Ты ведь принес с собой рутбир? По-прежнему плещется в желудке, или как?

Если на то пошло, рутбир плескался.

— А теперь иди. Увидимся вечером, Джейк. Я отдохну, и тогда мы поговорим.

— Можно еще вопрос?

Он махнул мне рукой, мол, валяй. Я заметил, что его ногти, всегда чистые и ухоженные, пожелтели и потрескались. Еще один признак. Не такой явный, как потеря тридцати фунтов веса, но все равно плохой. Мой отец говорил, что можно многое сказать о здоровье человека, взглянув на его ногти.

— Знаменитый толстобургер.

— А что с ним? — Но в уголках рта Эла уже затеплилась улыбка.

— Ты продаешь дешево, потому что дешево покупаешь, верно?

— Мясной фарш из «Ред энд уайт», — ответил он. — Пятьдесят четыре цента за фунт. Захожу туда каждую неделю. Точнее,

заходил до моего последнего путешествия, когда я уехал далеко от Фоллс. Веду дела с мистером Уорреном, мясником. Если я прошу десять фунтов фарша, он говорит: «Сейчас сделаем». Если двенадцать или четырнадцать, говорит: «Придется подождать минуту, пока я накручу свежего. Семейное торжество?»

— Всегда одно и то же.

— Да.

— Потому что всегда первый раз.

— Именно. Как в библейской истории с хлебами и рыбами, если об этом подумать. Я покупаю один и тот же фарш из недели в неделю. Накормил им сотни, даже тысячи людей, несмотря на эти глупые разговоры о котобургерах, а его не стало меньше.

— Ты покупаешь одно и то же мясо, снова и снова. — Я пытался донести до себя эту мысль.

— Одно и то же мясо, в одно и то же время, у одного и того же мясника, который всегда говорит одно и то же, если я не скажу чего-то нового. Признаюсь тебе, дружище, иной раз меня подмывало подойти к мистеру Уоррену и спросить: «Как здесь житуха, мистер Уоррен, старый лысый ублюдок? В последнее время трахал молоденьких цыпочек?» Потом он бы ничего не вспомнил. Но я этого не сделал, потому что он милейший человек. Большинство людей, которых я там встретил, очень милые. — Тут на его лице отразилась грусть.

— Я не понимаю, как ты можешь покупать мясо там... Готовить из него тут... Снова покупать там.

— Ты не одинок, дружище. Я чертовски рад, что ты по-прежнему здесь... Ведь я мог тебя потерять. Более того, тебя могло не оказаться на месте, когда я звонил в школу.

Отчасти мне именно этого и хотелось, однако я промолчал. К чему говорить лишнее? Он, конечно, заболел, но не ослеп.

— Приходи ко мне вечером. Я расскажу тебе, что задумал, а потом ты решишь, как поступить. Но решать придется быстро, потому что время не ждет. Звучит смешно, учитывая, куда ведут невидимые ступени из моей кладовки, правда?

Я еще медленнее повторил:

— Каждый... раз... первый.

Он вновь улыбнулся.

— Вижу, это ты уяснил. Так я увижу тебя вечером? Дом девятнадцать по Виноградной улице. Ищи гнома с флагом.

8

Из «Закусочной Эла» я ушел в половине четвертого. Следующие шесть часов не показались мне настолько необычными, как визит в Лисбон-Фоллс пятидесятитрехлетней давности, но странностей тоже хватало. Время и едва волокло ноги, и бежало стремглав. Я вернулся в свой дом в Сабаттусе (когда развалился наш семейный союз, мы с Кристи продали дом, в котором жили в Лисбон-Фоллс, а выручку разделили). Решил прилечь, но заснуть, разумеется, не смог. Двадцать минут лежал на спине, вытянувшись во весь рост, глядя в потолок, потом пошел в ванную, чтобы отлить. Наблюдая, как моча льется в унитаз, подумал: «Это же переработанный организмом рутбир тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года». Но поблизости вертелась и другая мыслишка: «Это все чушь собачья, Эл каким-то образом загипнотизировал меня».

И мысли двоились, понимаете?

Я попытался добить оставшиеся сочинения, однако нисколько не удивился, когда из этого ничего не вышло. Пустить в ход устрашающую красную ручку мистера Эппинга? Оценить написанное? Не смешите меня. Я едва мог связать пару слов. В итоге включил ящик (еще одно словечко из славных пятидесятых — современные плоские телевизоры ящиками не назовешь), пощелкал каналами. На TMC наткнулся на старый фильм «Девушка угонщика». Когда понял, что пристально, чуть ли не до головной боли вглядываюсь в старые автомобили и молодых людей, не уверенных в своем будущем, выключил телевизор. Приготовил стир-фрай*, но кусок в горло не лез, хоть я и проголодался. Сидел, уставившись в тарелку, и думал об Эле Темплтоне, который снова и снова скармливал людям гамбургеры из одних и тех же двенадцати фунтов говяжьего фарша, год за годом. Точно, то самое чудо с хлебами и рыбами, и плевать он хотел на слухи о кото- или песобургерах, вызванные низкими ценами. Мясо он покупал за такие гроши, что каждый проданный им толстобургер приносил фантастическую прибыль.

Осознав, что бесцельно кружу по кухне, что не могу ни спать, ни читать, ни смотреть телевизор, а отлично приготовленный ужин вывален в раковину и пропущен через измельчитель, я прыгнул в машину и вернулся в Лисбон-Фоллс. Часы показывали без

* Горячее блюдо быстрого приготовления: все ингредиенты жарятся в глубокой сковороде на максимальном огне.

четверти семь, так что мест для парковки на Главной улице хватало. Я поставил автомобиль напротив «Кеннебек фрут», посидел за рулем, глядя на облупившуюся краску на стенах магазина, который в свое время процветал. Рабочий день закончился, и «Кеннебек фрут» выглядел так, будто его должны снести со дня на день. О человеческом присутствии говорили только несколько рекламных плакатов «Мокси» в запыленной витрине («ПЕЙТЕ «МОКСИ» *НА ЗДОРОВЬЕ*!» — призывал самый большой из них), но выглядели они старомодно, словно висели здесь уже долгие годы.

Тень «Фрут» протянулась через улицу, накрыв мой автомобиль. Справа от меня, на месте винного магазина, стояло аккуратное кирпичное здание, в котором размещалось отделение «Ки-банка». Кому теперь нужен зеленый дом, когда можно зайти в любой продуктовый магазин штата и выйти оттуда с пинтой «Джека» или квартой кофейного бренди? Не пряча покупку в пакет из тонкой бумаги. В наши дни мы используем полиэтилен. Проживет века. И раз уж речь зашла о продуктовых магазинах, я не помнил ни одного под названием «Ред энд уайт». Если ты хотел купить продукты в Фоллс, то ехал в ИГА, расположенный в квартале по шоссе 196, напротив старой железнодорожной станции. Последнюю делили магазин футболок и тату-салон.

При этом прошлое чувствовалось здесь очень явственно, возможно, благодаря золотистому отливу, который придавал всему уходящий летний свет: мне он всегда казался сверхъестественным. Будто пятьдесят восьмой год никуда и не делся, а прячется за тонкой пеленой разделяющих нас лет. И если только случившееся со мной днем — не плод моего воображения, он таки прятался.

Он хочет, чтобы я что-то сделал. Что-то такое, что он сделал бы сам, если бы не рак. Он сказал, что вернулся в прошлое и оставался там четыре года (по крайней мере у меня сложилось впечатление, что он так сказал), но этих четырех лет ему не хватило.

Хотелось ли мне спуститься по этим ступеням и провести в прошлом больше четырех лет? По существу, поселиться там? Вернуться через две минуты... но уже перевалив за сорок, с сединой, пробивающейся на висках? Я не мог представить себе, что соглашусь, однако и не догадывался, какое важное дело заставило Эла пойти на такое. Знал только одно: просить четыре года, или шесть, а то и восемь лет моей жизни — это чересчур, даже для умирающего.

До встречи с Элом оставалось более двух часов. Я решил вернуться домой, еще раз приготовить что-нибудь и заставить себя

поесть, а затем попытаться добить сочинения. Я, может, и принадлежал к тем считанным людям, которые совершали путешествие во времени — если на то пошло, круг этих людей за всю историю человечества, возможно, ограничивался Элом и мной, — но ученики моего поэтического семинара все равно имели право на оценку.

По пути в город радиоприемник молчал, а теперь я его включил. Как и в случае с телевизором, сигнал поступал с управляемого компьютерами космического спутника, находившегося в двадцати двух тысячах миль от Земли. На это известие встреченный мной сегодня подросток — Фрэнк Аничетти — отреагировал бы широко раскрывшимися глазами (но, возможно, не отмел бы его с ходу как чистую выдумку). Я настроился на «Шестидесятые на шестом» и попал на «Дэнни энд зе Джуниорс», исполнявших «Рок-н-ролл будет здесь всегда»: несколько страстных гармоничных голосов пели, перекрывая грохочущее пианино. За ними последовал Литл Ричард, во всю мощь легких прооравший «Люсиль», потом — Эрни Кей-Доу, простонавший «Тещу»: *«Она думает, мы ждали ее совета, но лучше бы ей убраться на край света»*. Все песни звучали свежо и сладко, как апельсины, которые сегодня днем выбирали миссис Саймондс с подругами.

Звучали как *новые*.

Хотел ли я провести несколько лет в прошлом? Нет. Но я *хотел* вернуться туда. Хотя бы только для того, чтобы услышать, как пел Литл Ричард, когда его песни поднимались на верхние строчки хит-парадов. Или сесть в самолет «Транс уорлд эйрлайнз», не снимая обуви, не подвергаясь сканированию, не проходя через рамку металлодетектора.

А еще я хотел выпить того самого рутбира.

Глава 3

1.

Гном держал в руках флаг, но не американский. И не флаг штата Мэн с лосем. На этом флаге в вертикальную синюю полосу, которую украшала звезда, упирались две широкие горизонтальные: верхняя — белая, нижняя — красная. Проходя мимо, я

погладил гнома по островерхой шляпе и поднялся на крыльцо маленького домика Эла на Виноградной улице, вспоминая шуточную песню Рея Уайли Хаббарда: «Отвали, мы из Техаса».

Дверь открылась прежде, чем я нажал кнопку звонка. Эл надел халат поверх пижамы, а его седые волосы спутались и свисали косматыми лохмами, но сон (и, естественно, болеутоляющие таблетки) пошел ему на пользу. Он по-прежнему выглядел больным, однако морщины у рта чуть разгладились, и походка стала более уверенной. Ведя меня через крошечную прихожую в гостиную, он уже не зажимал левую подмышку правой рукой, не боялся, что развалится на ходу.

— Чуть больше похож на себя, верно? — спросил он хриплым голосом, усаживаясь в кресло перед телевизором. Точнее, встав у кресла и рухнув в него.

— Да. Что сказали врачи?

— Тот, что из Портленда, говорит, что надежды нет, даже с химией и облучением. Тот, что из Далласа, повторил его слова. В тысяча девятьсот шестьдесят втором году. Приятно думать, что хоть что-то остается неизменным, правда?

Я открыл рот, закрыл. Иногда сказать нечего. Иногда ты просто тушуешься.

— Нет нужды ходить вокруг да около. Я знаю, близкая смерть приводит в замешательство людей, особенно если в ней можно винить только собственные вредные привычки, но у меня нет времени на все эти мысли. Скоро я окажусь в больнице, хотя бы по той причине, что не смогу сам дойти до туалета и вернуться обратно. Не хочу выхаркивать мозги, сидя в собственном дерьме.

— А что будет с закусочной?

— На закусочной поставлен крест, дружище. Да и будь я здоров как бык, она бы проработала лишь до конца месяца. Ты ведь знаешь, что я только арендовал это место?

Я этого не знал, но понимал, что к чему. Хотя фабрика Ворамбо сохранила свое название, на самом деле она превратилась в торговый центр, то есть Эл платил деньги какой-то корпорации.

— Договор аренды заканчивается, а «Милл эссошиэйтс» понадобилось это место, чтобы поставить здесь — тебе это понравится — магазин «Эл-Эл Бин экспресс». Кроме того, они говорят, что мой «Алюминейр» — бельмо на глазу.

— Это же бред! — воскликнул я с таким праведным негодованием, что Эл хохотнул. Смешки попытались перейти в кашель, но он с ним справился. В собственном доме, где его никто не видел, он не пользовался носовыми платками и салфетками, чтобы сплевывать мокроту. На столе возле кресла лежала пачка гигиенических прокладок. Мой взгляд то и дело возвращался к ним. Я изо всех сил старался смотреть куда-то еще, скажем, на фотографию на стене (Эл обнимал какую-то симпатичную женщину), но потом все равно таращился на прокладки. Они открывали правду о состоянии человека: если вам нужны прокладки «Стейфри макси», чтобы впитывать отходящую мокроту, значит, у вас чертовски серьезные проблемы.

— Спасибо тебе за поддержку, дружище. Пожалуй, мы можем за это выпить. Спиртное уже не для меня, но в холодильнике есть чай со льдом. Надеюсь, тебя не затруднит принести.

2

В закусочной он использовал прочную, ничем не примечательную стеклянную посуду, однако мне показалось, что этот кувшин — уотерфордский*. В нем плавал надрезанный лимон без кожуры, чтобы сок смешивался с чаем. Я положил в два стакана лед, наполнил их и вернулся в гостиную. Эл сделал долгий глоток и от удовольствия закрыл глаза.

— Как же хорошо. Сейчас в мире Эла — полный порядок. Это чудесные таблетки. Разумеется, вызывают чертовское привыкание, но за чудеса надо платить. Даже немного подавляют кашель. Боль начнет возвращаться к полуночи, однако нам хватит времени, чтобы поговорить. — Он снова отпил чая и бросил на меня взгляд, полный печального изумления. — Похоже, перед смертью простые человеческие радости становятся чертовски приятными. Никогда бы не подумал.

— Эл, что случится с этой... с этой дырой в прошлое, если они увезут твой трейлер и построят на его месте магазин?

— Я знаю об этом не больше, чем о том, как могу снова и снова покупать одно и то же мясо. *Думаю*, она исчезнет. Думаю, это такая же причуда природы, как Старый Служака**, или тот

* Уотерфорд — город в Ирландии, славящийся своим хрусталем.

** Самый знаменитый гейзер в Йеллоустонском национальном парке.

странный балансирующий камень* в Австралии, или река, которая при некоторых фазах луны течет вспять. Дело это тонкое, дружище. Минимальное смещение земной коры, изменение температуры, несколько динамитных шашек — и ничего нет.

— То есть ты не думаешь, что произойдет... ну, не знаю... какой-то катаклизм? — Перед моим мысленным взором возникла дыра в кабине самолета, летящего на высоте тридцать шесть тысяч футов, через которую наружу высосало все, включая пассажиров. Однажды я видел такое в фильме.

— Я так не думаю, но кто скажет заранее? Знаю лишь одно: с этим ничего не поделаешь. Разве что я напишу тебе дарственную. Тогда ты сможешь пойти в местное отделение Национального общества по сохранению исторического наследия и сказать: «Послушайте, нельзя строить магазин во дворе старой фабрики Ворамбо. Там находится временной тоннель. Я знаю, в это трудно поверить, но позвольте вам показать».

На мгновение я попытался рассмотреть этот вариант, потому что соглашался с Элом: портал в прошлое, безусловно, требует нежного обращения. Ни Эл, ни я ничего о нем не знали. Возможно, он мог лопнуть, как мыльный пузырь, если бы трейлер основательно тряхнуло. Потом я подумал о федеральном правительстве. Узнав о существовании портала, они могли послать в прошлое спецназовцев, чтобы изменить то, что сочтут нужным. Я, опять же, не знал, возможно ли такое, но если да, мне определенно не хотелось, чтобы о существовании портала узнали люди, одарившие нас биологическим оружием и умными бомбами. Не хватало только, чтобы они полезли со своими игрушками в живую невооруженную историю.

В эту минуту — *нет, в эту секунду* — до меня дошло, что задумал Эл. Недоставало только деталей. Я поставил стакан с ледяным чаем и поднялся.

— Нет. Ни за что. Никогда.

Он воспринял мои слова спокойно. Я мог бы предположить, что спокойствие — результат действия оксиконтина, но знал, что это не так. Он же видел, что я не собираюсь уходить, а слова значения не имели. Мое любопытство (не говоря уж о моей увлеченности) обострилось до предела, как иглы дикобраза. Потому что мне очень хотелось знать детали.

---

* Имеется в виду одно из наиболее примечательных каменных формирований в районе города Глен-Инс.

— Я вижу, что могу опустить предисловие и сразу перейти к делу, — заговорил Эл. — Это хорошо. Присядь, Джейк, и я объясню тебе причину, по которой сразу не отправил в рот весь запас этих маленьких розовых таблеток. — И когда я не сел, добавил: — Ты же все равно хочешь услышать, так чего упираться? Я не могу заставить тебя что-то сделать здесь, в две тысячи одиннадцатом году, и мне тем более не заставить тебя сделать что-то там. Когда ты попадешь туда, Эл Темплтон будет четырехлетним карапузом в Блумингтоне, штат Индиана, бегающим по двору в маске Одинокого рейнджера и иной раз подпускающим в штанишки. Так что садись. Как говорят в рекламе, ты не обязан это делать.

Точно. С другой стороны, моя мать всегда говорила, что *речи дьявола сладки*.

Но я сел.

3

— Дружище, ты знаешь выражение «переломный момент»?

Я кивнул. Чтобы его знать, не требовалось работать учителем английского языка и литературы, не требовалось даже знать грамоту. Переломный момент — один из надоевших языковых штампов, которые изо дня в день слышатся в информационных выпусках кабельных телевизионных каналов. Наряду с «проведем параллель» и «в этот момент времени». Но больше всего меня раздражают (и я снова и снова яростно ругаю за это моих скучающих учеников) совершенно бессмысленные «некоторые говорят» и «многие верят».

— Ты знаешь, откуда оно взялось? Где использовалось в самом начале?

— Нет.

— В картографии. Водосборный бассейн* — это территория, обычно гора или лес, с которой вода стекает в реку. История — это река. Можно так сказать?

— Да. Полагаю, что можно. — Я отпил чая.

— Иногда события, меняющие историю, широкомасштабны — как затяжные ливневые дожди над всем водосборным бас-

* «Переломный момент» по-английски — watershed moment; основное значение слова watershed — водораздел, водосборный бассейн.

сейном, которые могут заставить реку выйти из берегов. Но наводнения бывают и в солнечные дни. Ливневые паводки. Все, что для этого требуется, — сильнейший, достаточно продолжительный ливень в одной части водосборного бассейна. Такие же точечные воздействия бывают и в истории. Хочешь примеры? Скажем, одиннадцатое сентября. Или Буш, победивший Гора в двухтысячном.

— Нельзя сравнивать национальные выборы с ливневым паводком, Эл.

— Может, и нельзя, но выборы двухтысячного выбиваются из общего ряда. Допустим, ты бы мог вернуться во Флориду осенью двухтысячного и потратить двести тысяч долларов на поддержку Гора?

— Тут возникает пара проблем, — ответил я. — Во-первых, у меня нет двухсот тысяч долларов. Во-вторых, я школьный учитель. Я знаю все о материнском комплексе Томаса Вулфа, но когда дело касается политики, я профан.

Он нетерпеливо махнул рукой, отчего перстень морпеха чуть не слетел с его похудевшего пальца.

— Деньги — не проблема. Просто поверь мне в этом. Пока. А точная информация бьет любой опыт. Вроде бы во Флориде разница составила менее шестисот голосов. Как думаешь, ты смог бы купить шестьсот голосов в день выборов, имея в кармане двести штук, если бы возникла такая необходимость?

— Возможно, — ответил я. — Вероятно. Наверное, я без особого труда выявил бы те избирательные участки, где велика апатия и традиционно низка явка избирателей, а потом пошел бы туда с толстой пачкой денег.

Эл улыбнулся, продемонстрировав отсутствие зубов и больные десны.

— Почему нет? В Чикаго это срабатывало долгие годы.

Идея купить президентскую должность за сумму, которой не хватило бы на два седана «мерседес-бенц», заставила меня промолчать.

— Но когда мы говорим о реке истории, переломные моменты часто связаны с попытками убийства... и теми, что удались, и теми, что провалились. Австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда застрелил психически не уравновешенный мальчишка Гаврило Принцип, и разразилась Первая мировая война. С другой стороны, после того как Клаусу фон Штауффенбергу не удалось убить

Гитлера в сорок четвертом году — почти получилось, но не до конца, — война продолжилась и погибли еще миллионы людей.

Я тоже видел этот фильм.

— Мы ничего не сможем изменить ни для эрцгерцога Фердинанда, ни для Адольфа Гитлера. Они вне нашей досягаемости.

Я уже хотел сказать, что напрасно он ставит меня на одну доску с собой, но промолчал. У меня сложилось ощущение, будто я читаю какую-то очень мрачную книгу. Скажем, роман Томаса Харди. Вы уже понимаете, чем все закончится, но это не портит впечатления — наоборот, завораживает. Словно наблюдаешь, как мальчишка гонит поезд по электрической дороге все быстрее и быстрее, и ждешь, когда же он слетит с рельсов на одном из поворотов.

— Если говорить об одиннадцатом сентября, придется ждать сорок три года. Тебе будет почти восемьдесят, если доживешь.

И вот теперь мне стало понятно, откуда взялся флаг Одинокой звезды: это был сувенир из последнего путешествия Эла в прошлое.

— Ты не смог дожить до шестьдесят третьего, да?

На это он не ответил, просто смотрел на меня. Его глаза, мутные и рассеянные днем, теперь ярко блестели. И помолодели.

— Ведь ты об этом? О Далласе в шестьдесят третьем?

— Совершенно верно, — ответил он. — Я хотел, да не вышло. Но ты не болен, дружище. Ты здоров и в расцвете сил. Ты можешь вернуться туда и не допустить этого.

Он наклонился вперед, его глаза не просто блестели — пылали.

— Ты можешь изменить историю, Джейк. Ты это понимаешь? *Джон Кеннеди останется в живых.*

4

Я знаю основные принципы написания триллеров (поскольку немало прочел их за свою жизнь), и главное тут — заставлять читателя строить догадки. Но если в свете этих экстраординарных событий у вас уже сложилось впечатление о моем характере, вы поймете: я хотел, чтобы меня убедили. Кристи Эппинг стала Кристи Томпсон (найди свою половинку на собрании АА, помните?), и я остался один. У нас не было детей, за которых мы могли бы бороться в суде. Конечно, я работал и знал свое дело, но солгал бы, сказав, что нахожу работу невероятно интересной.

За всю жизнь я только раз пустился в авантюру — отправился с приятелем путешествовать автостопом по Канаде, а если учесть, какие канадцы в большинстве своем веселые и гостеприимные, авантюрой это и не назовешь. Но теперь, внезапно, мне предложили стать главным игроком не просто в истории Америки — в *мировой* истории. Поэтому... да, да, да, я хотел, чтобы меня убедили принять вызов.

Но при этом боялся.

— А если что-то пойдет не так? — Я допил ледяной чай четырьмя большими глотками, кубики льда застучали о зубы. — Что, если мне удастся, одному Богу известно как, не допустить убийства, но это изменит все к худшему? Что, если я вернусь сюда, а тут будет фашистский режим? Или настолько загрязненная окружающая среда, что все должны ходить в противогазах?

— Тогда ты снова вернешься туда, — ответил Эл. — В девятое сентября тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года, за две минуты до полудня. И все отменишь. Каждое путешествие — первое, помнишь?

— Звучит неплохо, но вдруг изменения будут такими кардинальными, что твоей маленькой закусочной здесь не окажется?

Он улыбнулся:

— Тогда тебе придется прожить оставшиеся годы в прошлом. Но разве это так плохо? Ты учитель английского языка и литературы, а эта профессия востребована всегда, однако тебе, возможно, и не придется работать. Я прожил там четыре года, Джейк, и сколотил небольшой капиталец. Знаешь как?

Я мог бы высказать достаточно обоснованную догадку, но покачал головой.

— Делал ставки. Осторожно, чтобы не вызвать подозрений — не хотел, чтобы какой-нибудь букмекер подослал ко мне своих громил, — но, зная победителей каждого спортивного состязания между летом пятьдесят восьмого и осенью шестьдесят третьего, можно позволить себе осторожничать. Не обещаю тебе королевскую жизнь, потому что такая жизнь опасна. Но ты сможешь жить в достатке. И я думаю, закусочная останется здесь. Для меня же осталась, а я много чего изменил. Иначе не получается. Даже прогулка к магазину на углу, чтобы купить булку и кварту молока, изменяет будущее. Когда-нибудь слышал об «эффекте бабочки»? Занятная гипотеза, которую можно свести к идее о том...

Он вновь начал кашлять, и впервые после того, как он впустил меня в дом, приступ затянулся. Эл схватил из пачки прокладку. Прижал ко рту как кляп, потом согнулся пополам. Отвратительные рвотные звуки поднимались из его груди. Казалось, половина внутренних органов оторвалась и теперь колотится друг о друга, будто электромобили в парке развлечений. Наконец приступ закончился. Эл глянул на прокладку, поморщился, сложил ее и бросил в мусорную корзину.

— Извини, дружище. Эта оральная менструация — такая гадость.

— Господи, Эл!

Он пожал плечами:

— Если не можешь относиться к этому с юмором, зачем жить? На чем я остановился?

— «Эффект бабочки».

— Точно. Согласно этой гипотезе маленькие события могут иметь большие, да что там, огромные последствия. Идея такая: если какой-нибудь парень убьет бабочку в Китае, то через сорок лет — или через четыреста — в Перу будет землетрясение. Ты тоже думаешь, что это бред?

И я так думал, но вспомнил избитый парадокс относительно путешествий во времени и привел его:

— Да, конечно, но, допустим, ты отправишься в прошлое и убьешь собственного дедушку?

Он в недоумении вытаращился на меня:

— На хрена?

Хороший вопрос. Я попросил его продолжать.

— Сегодня днем ты изменил прошлое по мелочам, хотя бы тем, что зашел в «Кеннебек фрут»... Но ступени, ведущие в кладовку и в две тысячи одиннадцатый год, остались на месте, так? И Фоллс не претерпел никаких изменений.

— Это так. Но ты говоришь о более серьезном изменении. О спасении жизни Джей-Эф-Кея.

— Я говорю о большем, потому что это тебе не какая-то китайская бабочка, дружище. Я также говорю о спасении жизни Эр-Эф-Кея, потому что если Джон выживет в Далласе, Роберт скорее всего не станет баллотироваться в президенты в шестьдесят восьмом году. Страна не будет готова к тому, чтобы заменить одного Кеннеди другим.

— Ты не знаешь этого наверняка.

— Нет, но послушай. Ты думаешь, Роберт Кеннеди окажется в отеле «Амбассадор» в четверть первого ночи пятого июня тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, если ты спасешь жизнь Джону Кеннеди? А если и окажется, думаешь, Серхан Серхан будет по-прежнему работать на кухне?

Возможно, но вероятность этого ничтожно мала. Если вводишь в уравнение миллион переменных, разумеется, ответ должен измениться.

— А Мартин Лютер Кинг? Будет ли он в Мемфисе в апреле шестьдесят восьмого? Выйдет ли на балкон мотеля «Лоррейн», чтобы его застрелил Джеймс Эрл Рей? Как думаешь?

— Если исходить из «гипотезы бабочки», вероятно, нет.

— И я так думаю. А если Эм-Эл-Кей останется жив, не будет и расовых бунтов, которые последовали за его смертью. Может, и Фреда Хэмптона* не застрелят в Чикаго.

— Кого?

Мой вопрос он проигнорировал.

— Возможно, не будет и Симбионистской армии освобождения**. Не будет САО — не похитят Патти Херст. И это пусть в малой степени, но поспособствует ослаблению страха белых среднего класса перед черной угрозой.

— Я теряю нить. Не забудь, у меня диплом по английскому языку и литературе.

— Ты теряешь нить, потому что о Гражданской войне девятнадцатого столетия знаешь больше, чем о той, что раздирала страну после убийства Кеннеди в Далласе. Если я спрошу тебя, кто играл главные роли в «Выпускнике», уверен, ты мне ответишь. А на вопрос, кого пытался убить Ли Освальд за несколько месяцев до того, как застрелил Кеннеди, скажешь: «Что?» Потому что каким-то образом эта информация затерялась.

— Освальд пытался убить кого-то до Кеннеди?

Я слышал об этом впервые, да и вообще большую часть знаний об убийстве Кеннеди почерпнул из фильма Оливера Стоуна.

---

* Активный член иллинойсского отделения партии «Черных пантер». Застрелен 4 декабря 1969 г. в своей квартире во время полицейского рейда.

** Североамериканская леворадикальная организация, действовавшая в период с 1973 по 1975 г. Получила всемирную известность благодаря взятию в заложники внучки миллиардера Патрисии Херст, которая впоследствии присоединилась к САО.

В любом случае Эл не ответил. Он, похоже, оседлал любимого конька.

— А Вьетнам? Именно Джонсон начал эту безумную эскалацию. Кеннеди отдавал предпочтение «холодной войне», в этом сомнений нет, но Джонсон поднял ее на следующий уровень. Он страдал комплексом «мои-яйца-больше-твоих», тем же, что и Дабья*, заявивший перед телекамерами: «Пусть попробуют»**. Кеннеди умел менять свою позицию. Джонсон и Никсон — нет. Из-за них мы потеряли во Вьетнаме почти шестьдесят тысяч солдат. Вьетнамцы, северные и южные, потеряли *миллионы*. Получился бы счет мясника таким же длинным, если бы Кеннеди не убили в Далласе?

— Я этого не знаю. И ты, Эл, тоже.

— Это правда, но я стал очень прилежным исследователем новейшей американской истории и думаю, что спасение его жизни многое могло улучшить. И уж точно не ухудшило бы. Если что-то пойдет не так, ты просто вернешь все на круги своя. Это не сложнее, чем стереть ругательство с классной доски.

— Или я не смогу вернуться и ничего не узнаю.

— Чушь собачья. Ты молод. Если тебя не собьет такси или не свалит инфаркт, ты проживешь достаточно долго, чтобы узнать, как все обернулось.

Я молчал, глядя на собственные колени, и думал. Эл мне не мешал. Наконец я поднял голову.

— Ты, конечно же, многое прочитал об убийстве и об Освальде.

— Все, до чего смог добраться, дружище.

— Так ты уверен, что это сделал он? Потому что есть тысяча версий заговора. Даже я это знаю. Допустим, я вернусь туда и остановлю его, а какой-то парень уложит Кеннеди выстрелом с Травяного холма, или как он там назывался.

— Травяной бугор. Я практически уверен, что стрелял только Освальд. Версии заговора с самого начала казались бредом, и большинство с годами стало еще бредовей. Взять, к примеру, идею, что стрелял не Освальд, а кто-то похожий на него. В восемьдесят первом году тело эксгумировали и проверили ДНК.

---

* Прозвище Джорджа Буша-младшего, 43-го президента США.

** Так высказался Джордж Буш-младший о нападениях иракских сил сопротивления на американские войска.

Оказалось, это он. Отвратительный маленький говнюк. — Эл помолчал, потом добавил: — Я с ним встречался, знаешь ли.

Я уставился на него:

— Бред!

— Да, встречался. Он говорил со мной. В Форт-Уорте. Он и Марина — его жена, русская, — приехали в гости к брату Освальда, который жил в Форт-Уорте. Если Ли кого-нибудь и любил, так это своего брата Бобби. Я стоял около забора из штакетника, огораживавшего двор Бобби Освальда. Привалился к телеграфному столбу, курил и делал вид, что читаю газету. Сердце выдавало не меньше двухсот ударов в минуту. Ли и Марина вышли вместе. Она несла Джун, их дочь. Тогда совсем малышку, ей не исполнилось и года. Ребенок спал. Оззи был в брюках цвета хаки, с отутюженными стрелками, но заляпанных грязью, и рубашке а-ля «Лига плюща», с пуговицами на истершемся воротничке. Он уже не стригся как морпех, но волосы отрастил слишком короткие, чтобы за них можно было ухватиться. Марина... святой Иисус, от одного взгляда на нее дух захватывало! Черные волосы, синие глаза, идеальная кожа. Будто чертова кинозвезда. Если попадешь туда, сам все увидишь. Она что-то сказала ему на русском, когда они шли по дорожке. Он ответил. Ответил с улыбкой — и тут же толкнул ее. Она чуть не упала. Ребенок проснулся и заплакал. Все это время Освальд продолжал улыбаться.

— Ты это видел? На самом деле? Ты видел *его*? — Несмотря на мое собственное путешествие в прошлое, я процентов на пятьдесят верил, что рассказ Эла — чистая выдумка или намеренная ложь.

— Да. Она миновала калитку и прошла дальше, опустив голову, прижимая ребенка к груди, словно меня и не было. Он проследовал за ней, так близко, что я уловил аромат «Олд спайс», которым он брызгался, чтобы скрыть запах пота. Я видел угри, рассыпанные по его носу. Его одежда и обувь, с ободранными мысками и стоптанными каблуками, не оставляли сомнений в том, что у него нет горшка, куда поссать, и окна, чтобы выплеснуть мочу, но, посмотрев ему в лицо, ты понимал: это совершенно не важно. Для него — не важно. Освальд считал себя большой шишкой.

Эл на короткое время задумался, потом покачал головой:

— Нет, беру свои слова обратно. Освальд *знал*, что он большая шишка. И просто ждал, когда это дойдет до остального мира. Он

находился совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки... И не думай, что эта мысль не пришла мне в голову...

— Так почему ты этого не сделал? Почему не закончил погоню и не пристрелил его?

— На глазах у жены и ребенка? Ты смог бы это сделать, Джейк?

Мне не пришлось долго обдумывать вопрос.

— Пожалуй, нет.

— Я тоже не смог. По нескольким причинам. Одна из них — отвращение к тюрьме штата... и к электрическому стулу. Мы же находились на улице, помнишь?

— А-а-а...

— Вот именно. Он улыбался, подходя ко мне. Нагло и самодовольно. Эта улыбка на всех его фотографиях. Так он улыбался и в полицейском участке Далласа, после того как его арестовали за убийство президента и копа-мотоциклиста, попавшегося ему на пути, когда он пытался сбежать. Он спросил меня: «На что смотрим, сэр?» Я ответил: «Ни на что, дружище». Он сказал: «Вот и занимайтесь своим делом».

Марина ждала его дальше, футах в двадцати, укачивала девочку, чтобы та успокоилась и уснула. День выдался чертовски жарким, но Марина повязала голову платком, как делали в те годы многие европейские женщины. Он подошел к ней, схватил за локоть — как коп, а не муж — и говорит: «Pokhoda! Pokhoda!*» Иди, иди. Она что-то сказала ему, возможно, попросила какое-то время понести ребенка. Это моя догадка, ничего больше. Но он лишь оттолкнул ее со словами: «Pokhoda, cyka». Иди, сука. Она пошла. К автобусной остановке. Такие дела.

— Ты говоришь по-русски?

— Нет, у меня хороший слух и есть компьютер. Во всяком случае, здесь.

— Ты видел его позже?

— Только на расстоянии. К тому времени я уже заболел. — Эл улыбнулся. — Такого жаренного на открытом огне мяса, как в Форт-Уорте, не найти во всем Техасе, а я не мог его есть. Иногда мир очень жесток. Я пошел к врачу, узнал диагноз, который уже мог бы поставить себе сам, и вернулся в двадцать первый век. В

* Здесь и далее русские слова, написанные в оригинале латиницей, оставлены в авторской редакции.

принципе увидел все, что хотел. Тощего парня, бившего жену и дожидавшегося подходящего момента, чтобы стать знаменитым. — Эл наклонился вперед. — Знаешь, каким был человек, изменивший историю Америки? Он напоминал мальчишку, который бросается камнями в других мальчишек, а потом убегает. До того как вступить в Корпус морской пехоты — чтобы стать морпехом, как его брат Бобби, божественный Бобби, — он успел пожить в двух десятках мест, от Нового Орлеана до Нью-Йорка. Его переполняли большие идеи, и он не понимал, почему люди не хотят его слушать. Его это злило, приводило в ярость, но эта стервозная, ханжеская улыбка никогда не сходила с губ Освальда. Знаешь, как его называл Уильям Манчестер?

— Нет. — Я также не знал, кто такой Уильям Манчестер*.

— Жалкий бродяга. Манчестер обсуждал и все версии заговора, которые пышно расцвели после убийства Кеннеди... И после того, как застрелили самого Освальда. Я хочу сказать, это ты знаешь?

— Естественно. — В моем голосе слышались раздраженные нотки. — Его застрелил какой-то тип по имени Джек Руби. — Хотя, с учетом продемонстрированных мной информационных пробелов, я признавал, что Эл имел право сомневаться в глубине моих познаний.

— По мнению Манчестера, если положить на одну чашу весов убитого президента, а на другую — жалкого бродягу Освальда, чаши не уравновесятся. Никоим образом не уравновесятся. И чтобы придать смерти Кеннеди какую-то значимость, на вторую чашу надо положить что-то тяжелое. Отсюда и множество версий заговора. Это дело рук мафии — Кеннеди заказал Карлос Марчелло**. Или КГБ. Или Кастро, в отместку за попытки ЦРУ убить его отравленными сигарами. До сих пор есть люди, которые верят, что за убийством стоял Линдон Джонсон, мечтавший стать президентом. Но на поверку... — Эл покачал головой. — Почти наверняка это был Освальд. Ты слышал о бритве Оккама, правда?

Приятно, когда хоть что-то знаешь.

— Это основополагающий принцип, который иногда называют законом минимального действия. Если что-то можно объ-

---

* Американский писатель, биограф, историк, автор знаменитой книги «Смерть президента Кеннеди».

** Глава итальянской мафии в Новом Орлеане в 1940—1970-х гг.

яснить двумя или несколькими способами, правильным обычно является самое простое объяснение. Так почему ты не убил его позже? Ты тоже служил в морской пехоте. Когда ты узнал, чем болен, почему просто не убил этого ничтожного сукина сына?

— Потому, что девяносто пять процентов уверенности — не сто. Потому, что, при всей его мерзости, у него была семья. Потому, что после ареста Освальд сказал, что его подставили, и я хотел убедиться, что он солгал. Я не думаю, что в этом жестоком мире кто-то может быть в чем-то уверен на все сто процентов, но мне хотелось дойти, скажем, до девяноста восьми. Хотя я не собирался ждать до двадцать второго ноября, а потом останавливать его в Техасском хранилище школьных учебников... Слишком уж рискованно бы все получилось... по одной серьезной причине, о которой я должен тебе рассказать.

Глаза Эла больше не сверкали, морщины на лице вновь углубились. Я буквально видел, как уходят его последние силы.

— Я все это записал. Хочу, чтобы ты прочел. Более того, зазубрил. Лежит на телевизоре, дружище. Сделаешь? — Он устало улыбнулся и добавил: — Я уже не смогу.

На телевизоре лежала толстая тетрадь в синей обложке. С отпечатанной ценой: двадцать пять центов. Название магазина я видел впервые.

— Что это за «Кресджес»?

— Сеть универсальных магазинов, которая теперь называется «Кей-март». Не обращай внимания на обложку, сосредоточься на том, что внутри. Хронометраж перемещений Освальда и все улики против него... Но тебе это не понадобится, если ты готов заменить меня и остановить этого маленького хорька в апреле шестьдесят третьего, за полгода до приезда Кеннеди в Даллас.

— Почему в апреле?

— Именно тогда кто-то попытался убить генерала Эдвина Уокера... только он уже не был генералом. В шестьдесят первом его уволил из армии сам Джей-Эф-Кей. Генерал Эдди раздавал подчиненным пропагандистскую литературу сторонников сегрегации и приказывал внимательно все прочитать.

— Освальд пытался его застрелить?

— Это ты и должен проверить. Та же винтовка, тут нет никаких сомнений — баллистическая экспертиза доказала. Я выжидал, желая убедиться, что стрелял именно он. Мог позволить себе не

вмешиваться, ведь в тот раз Освальд промахнулся. Пуля изменила траекторию, задев деревянную рейку в кухонном окне Уокера. Совсем немного, но этого хватило. Пуля буквально скользнула по волосам, а щепки зацепили Уокеру руку, так что он отделался несколькими царапинами. Я не говорю, что этот человек заслуживал смерти — мало кто совершает столько зла, что заслуживает пули, — но я бы не задумываясь отдал Уокера за Кеннеди.

В последний монолог Эла я не вслушивался. Пролистывал его «Книгу Освальда», плотно исписанные страницы. Сначала я легко разбирал каждую букву, но ближе к концу почерк начал дрожать. Последние страницы писал тяжело больной человек. Я захлопнул тетрадь.

— Если бы ты смог подтвердить, что Освальд стрелял в генерала Уокера, это рассеяло бы твои сомнения?

— Да. Мне требовалось убедиться, что он на такое способен. Оззи — нехороший человек, Джейк, — в пятьдесят восьмом люди назвали бы его гнидой. Он бил жену и практически держал ее под замком, потому что она не знала языка, — но это не доказывает, что он убийца. И вот еще что. Даже если бы мне не пришлось возвращаться с неоперабельным раком, я знал, что могу не получить другого шанса все исправить, убей я Освальда, а кто-то другой все равно возьми и застрели президента. Когда человеку за шестьдесят, со здоровьем у него уже не очень. Ты понимаешь, о чем я.

— А убивать обязательно? Ты не мог... ну, не знаю... как-то подставить его?

— Возможно, но к тому времени я уже заболел. И я не уверен, что смог бы сделать это здоровым. Более простой вариант — покончить с ним, убедившись, что в Кеннеди стрелял именно он. Все равно что прихлопнуть осу до того, как она тебя ужалит.

Я молча размышлял. Настенные часы показывали половину одиннадцатого. Эл начал разговор словами о том, что останется в форме до полуночи, но хватало одного взгляда на него, чтобы понять: прогноз чрезмерно оптимистичен.

Я отнес стаканы на кухню, вымыл, поставил на сушилку. В голове бушевал торнадо, который засасывал и вращал не коров, столбы и клочки бумаги, а имена с фамилиями: Ли Освальд, Бобби Освальд, Марина Освальд, Эдвин Уокер, Фред Хэмптон, Патти Херст. В этом вихре ярко сверкали аббревиатуры, кружились, как хромированные элементы отделки, сорванные с доро-

гих автомобилей: ДФК, РФК, МЛК, САО. Смерч сопровождался звуком, двумя русскими словами, вновь и вновь произносимыми с монотонным, тягучим южным выговором: «Pokhoda, cyka».

Иди, сука.

5

— Сколько у меня времени на раздумья?

— Немного. Закусочная простоит до конца месяца. Я советовался с адвокатом, как выиграть еще немного времени — подать на них в суд или что-то такое, — но он сильно сомневается. Когда-нибудь видел объявление в мебельном магазине: «ДОГОВОР АРЕНДЫ ЗАКОНЧИЛСЯ, ПОЛНАЯ ЛИКВИДАЦИЯ»?

— Конечно.

— В девяти случаях из десяти это рекламный трюк, но мой случай как раз десятый. Я говорю не о какой-то захолустной лавчонке, которой хочется занять мое место, — я говорю о «Бине», а среди мэнских торговых сетей «Эл-Эл Бин» — что самая большая обезьяна в джунглях. К первому июля закусочная сгинет, как «Энрон». Но это не главное. К первому июля я тоже могу уйти. Подхвачу простуду и умру в три дня от пневмонии. Или от инфаркта либо инсульта. Или от передозировки оксиконтина. Медсестра, которая приходит ко мне каждый день, всякий раз спрашивает, слежу ли я за тем, чтобы не превышать назначенную дозу, и я слежу, но она все равно тревожится, что однажды утром найдет меня мертвым. Под действием таблеток я могу принять лишку. Таблетки тормозят дыхание, и легкие не вентилируются. А еще я сильно похудел.

— Правда? Я и не заметил.

— Никто не любит остряков, дружище, — сам поймешь, дожив до моих лет. В любом случае я хочу, чтобы помимо тетради ты взял вот это. — Он протянул мне ключ. — От закусочной. Вдруг зайдешь ко мне завтра и услышишь от медсестры, что ночью я умер. Тогда тебе придется действовать быстро. При условии, что ты действительно решишь действовать.

— Эл, ты ведь не собираешься...

— Просто стараюсь подстраховаться. Потому что это важно, Джейк. Для меня — важнее всего на свете. Если ты когда-нибудь хотел изменить мир, это твой шанс. Спаси Кеннеди, спаси его

брата. Спаси Мартина Лютера Кинга. Останови расовые бунты. Останови Вьетнам — вдруг тебе удастся и это? — Он наклонился вперед. — Избавься от одного жалкого бродяги, дружище, и ты спасешь миллионы жизней.

— Это классный рекламный трюк, — ответил я, — но ключ мне не нужен. Когда завтра взойдет солнце, ты по-прежнему будешь ехать в большом голубом автобусе.

— С вероятностью девяносто пять процентов. Но этого недостаточно. Возьми чертов ключ.

Я взял чертов ключ и положил в карман.

— А теперь тебе надо отдохнуть.

— Еще одно, прежде чем ты уйдешь. Я должен рассказать тебе о Каролин Пулин и Энди Каллеме. Присядь, Джейк. Это займет пять минут.

Я остался на ногах.

— Нет. Ты выдохся. Тебе надо поспать.

— В морге отосплюсь. Присядь.

6

По словам Эла, обнаружив «кроличью нору» — так он называл портал, — поначалу он использовал ее, чтобы покупать продукты и делать ставки у льюистонского букмекера, накапливая деньги времен пятидесятых годов. Иногда посреди недели он устраивал себе выходной, ездил на озеро Себаго, которое кишело рыбой, пригодной в пищу и очень вкусной. Людей волновали радиоактивные осадки после испытаний атомных бомб, а страхам перед отравлением ртутью, которая накапливалась в рыбе, еще только предстояло появиться. Эл называл эти выезды (обычно на вторник и среду, но иногда до пятницы) мини-отпусками. Погода всегда стояла хорошая (само собой, одна и та же погода), и рыба ловилась потрясающе (он, вероятно, ловил одних и тех же рыб).

— Я знаю, что ты испытал, Джейк. Первые несколько лет я сам пребывал в шоке. Хочешь, скажу, что поражало больше всего? Спускаешься по этим ступеням в разгар январского бурана — и выходишь в сентябрьский солнечный свет. Даже пиджак надевать не надо.

Я кивнул и попросил его продолжить. Его порозовевшие было щеки вновь стали бледно-серыми, и он постоянно кашлял.

— Если дать человеку достаточно времени, он привыкает ко всему, и, начав сживаться с новой ситуацией, я пришел к выводу, что наткнулся на «кроличью нору» не без причины. Именно тогда и появились первые мысли о Кеннеди. Но твой вопрос уже изогнулся уродливой дугой: можно ли изменить будущее? Меня не волновали последствия — во всяком случае, тогда. Хотелось только знать, можно или нельзя. В одну из поездок на Себаго я достал нож и вырезал: «ЭЛ Т. 2007», — на дереве, росшем рядом с домиком, в котором я жил. Вернувшись сюда, прыгнул в машину и поехал на озеро Себаго. Домиков не нашел. Их место занял туристический отель. Но дерево росло на прежнем месте. С вырезанной мной надписью. Края букв и цифр сгладились, но прочитать ее не составляло труда: «ЭЛ Т. 2007». Так я понял, что будущее изменить можно. И *тогда* я начал думать об «эффекте бабочки».

— В те времена в Фоллс выходила газета «Лисбон уикли энтерпрайз», и в две тысячи пятом году библиотека отсканировала все микрофильмы и ввела в компьютерную базу данных. Это значительно ускорило дело. Я начал искать несчастный случай, который произошел осенью или ранней зимой пятьдесят восьмого. Определенный несчастный случай. При необходимости я мог бы дойти до начала пятьдесят девятого, но нашел искомое пятнадцатого ноября тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. Двенадцатилетняя девочка по имени Каролин Пулин охотилась с отцом на другой стороне реки, в той части Дарэма, которая называлась Боуи-Хилл. Примерно в два часа дня — в субботу — охотник из Дарэма, Эндрю Каллем, выстрелил в оленя в той же части леса, но вместо оленя попал в девочку. Несмотря на то что она находилась в четверти мили от него. Я думал об этом, знаешь ли. Освальд стрелял в генерала Уокера с расстояния менее сотни ярдов, но пуля чиркнула по оконному переплету и прошла мимо. Пуля, парализовавшая Пулин, пролетела более четырехсот ярдов — гораздо больше, чем та, что убила Кеннеди, — и по пути не задела ни одного ствола, ни одной ветки. Задень она хоть один сучок, девочка не пострадала бы. Так что я об этом задумался.

Именно тогда мне в первый — но не в последний — раз пришла в голову фраза: «Жизнь может развернуться на пятачке». Эл схватил из пачки еще одну прокладку, прокашлялся, сплюнул, сложил прокладку, бросил в мусорную корзину. Потом попытал-

ся глубоко вдохнуть — получилось не очень — и продолжил. Я его не останавливал. Рассказ заворожил меня.

— Я ввел ее имя в поисковую строку базы данных «Энтерпрайз» и нашел еще несколько статей. Каролин закончила Лисбонскую среднюю школу в шестьдесят пятом году — на год позже своих ровесников — и поступила в Университет Мэна. Получила диплом по специальности «управление бизнесом». Стала бухгалтером. Живет в Грее, менее чем в десяти милях от озера Себаго, где я проводил свои мини-отпуска, и все еще работает по договорам. Догадайся, кто один из ее самых крупных клиентов?

Я покачал головой.

— Джон Крафтс, он живет здесь, в Фоллс. Сквигги Уитон, один из продавцов салона и завсегдатай закусочной, однажды рассказал мне, что они проводят ежегодную инвентаризацию и «дама-бухгалтер» возится с бумагами. Ну я и нашел повод заглянуть к ним. Ей теперь шестьдесят пять и... Ты знаешь, что некоторые женщины в этом возрасте выглядят красавицами?

— Да, — ответил я и подумал о матери Кристи, которая по-настоящему расцвела только после пятидесяти.

— Каролин Пулин из таких. Классическое лицо — пару сотен лет назад в нее обязательно влюбился бы художник. Водопад длинных белоснежных волос падает на спину.

— Похоже, ты сам в нее влюблен, Эл.

Ему хватило сил, чтобы показать мне средний палец.

— Она в хорошей физической форме... насколько можно ожидать от незамужней женщины, которая каждый день садится в инвалидное кресло и вылезает из него, садится в свой специально переоборудованный минивэн и вылезает. Не говоря уже о том, что она ложится в кровать и поднимается с нее, садится в ванну и вылезает из нее, и так далее. И она все делает сама — Сквигги говорит, что она не нуждается ни в чьей помощи. На меня это произвело впечатление.

— И ты решил спасти ее. Провести эксперимент.

— Я вышел через «кроличью нору», только на этот раз прожил в домике на Себаго больше двух месяцев. Сказал хозяину, что получил деньги от умершего дядюшки. Ты должен это запомнить, дружище. Богатый дядюшка — беспроигрышный вариант. Все верят в него, поскольку сами хотят иметь такого дядюшку. И вот приходит день — пятнадцатое ноября тысяча девятьсот пятьдесят

восьмого года. Я не стал связываться с Пулинами. Отталкиваясь от моей идеи остановить Освальда, я сосредоточился на Каллеме, стрелке. Собрал о нем информацию, выяснил, что он живет в миле от Боуи-Хилла, около старого фермерского клуба Дарэма. Собирался перехватить его до того, как он уйдет в лес. Получилось немного иначе. Из домика на Себаго я уехал достаточно рано — и поступил правильно, потому что буквально через милю у автомобиля, взятого мной напрокат в «Хертце», спустило колесо. Я достал запаску, поставил, и хотя колесо выглядело совершенно нормальным, через милю спустило и оно. На попутке я добрался до автозаправочной станции «Эссо» в Наплесе. Парень, работавший в мастерской, сказал, что он чертовски занят и не может поехать со мной ставить новое колесо на хертцевский «шевроле». Я думаю, ему совершенно не хотелось пропускать субботнюю охоту. Двадцатка изменила его приоритеты, но тем не менее я попал в Дарэм уже после полудня. Поехал по старой окружной Понд-роуд, кратчайшему пути, и знаешь что? Мост над Чакл-Брук рухнул в эту чертову воду. Меня встретили высокие красно-белые барьеры, бочки с горящей соляркой и большущий оранжевый щит с надписью «ПРОЕЗДА НЕТ». К тому времени я уже начал понимать, что происходит, и у меня засосало под ложечкой от предчувствия, что мне не удастся осуществить задуманное, сделать то, ради чего я этим утром вышел из дома. Учти, за руль я сел в восемь часов, вроде бы предусмотрел все, и с запасом, но мне понадобилось больше четырех часов, чтобы преодолеть восемнадцать миль. Однако я не сдался. Поехал по дороге Методистской церкви, выжимая из арендованной колымаги последние силы, оставляя за собой длиннющий шлейф пыли, — тогда ездили по грунтовкам. Я видел легковушки и пикапы, припаркованные на обочине или опушке леса, и охотников, которые шагали с преломленными ружьями на сгибе руки. Каждый приветственно вскидывал руку — в пятьдесят восьмом люди дружелюбнее, это точно. Я махал в ответ, но все время ждал, что колесо спустит. Или лопнет на ходу, скинув меня с дороги в кювет, потому что я гнал со скоростью миль шестьдесят в час. Помню, как один охотник похлопал по воздуху, давая понять, что мне лучше притормозить, но я не последовал его совету. Взлетел на Боуи-Хилл и только проскочил старый молельный дом квакеров, как заметил четырехдверный пикап, припаркованный у

кладбища, с надписью на водительской двери «СТРОИТЕЛЬНЫЕ И СТОЛЯРНЫЕ РАБОТЫ ПУЛИНА». Кабина пустовала. Пулин с дочерью уже ушли в лес и сейчас, возможно, сидели где-то на полянке, перекусывали и болтали, как болтают отцы с дочерьми. Или по крайней мере как я это себе представлял, потому что дочери у меня никогда не было...

Он вновь надолго закашлялся, и приступ закончился жуткими влажными хрипами.

— Ах, черт, до чего же больно! — простонал он.

— Эл, тебе надо остановиться.

Он махнул рукой, ладонью вытер пятно крови под нижней губой.

— Мне нужно выговориться, поэтому заткнись и не мешай. Я долго не отрывал взгляда от пикапа, продолжая мчаться со скоростью шестьдесят миль, а когда вновь посмотрел на дорогу, увидел, что она перегорожена упавшим деревом. Едва успел затормозить. Я прикинул, что дерево не такое уж и большое, а до того, как у меня обнаружился рак, силы мне хватало. Да еще я просто рассвирепел. Короче, вылез из «шевроле» и принялся оттаскивать дерево. Пока этим занимался — проклиная всех и вся, — с другой стороны подъехал автомобиль. Из него выходит мужчина в оранжевом охотничьем жилете. Я не знаю, он мне нужен или нет — «Энтерпрайз» фотографию Каллема не публиковал, — но возраст вроде бы подходящий. Он говорит: «Давайте я помогу, старина». «Премного вам благодарен, — отвечаю я и протягиваю руку. — Билл Лейдлоу». Он пожимает мою руку и говорит: «Энди Каллем». Все-таки он. Учитывая трудности, которые мне пришлось преодолеть, чтобы добраться до Дарэма, я едва поверил своим ушам. Словно выиграл в лотерею. Мы взялись за дерево и на пару оттащили его с дороги. Когда закончили, я сел на землю и схватился за сердце. Он спросил, все ли со мной в порядке. «Не знаю, — говорю я. — Инфаркта у меня никогда не было, но, судя по ощущениям, он самый». Вот почему мистеру Энди Каллему не удалось поохотиться в тот ноябрьский день, Джейк, и, соответственно, он не подстрелил маленькую девочку. Он отвозил бедного Билла Лейдлоу в Центральную больницу штата Мэн в Льюистоне.

— Ты это сделал? Правда, сделал?

— Будь уверен. В больнице я сказал, что съел на ленч «большого старого героя» — так тогда называли итальянский санд-

вич, — и мне поставили диагноз: острое несварение желудка. Я заплатил двадцать пять долларов наличными, и меня отпустили. Каллем меня дождался и отвез к моему «шевроле». Как тебе такое участие? В тот же вечер я вернулся в две тысячи одиннадцатый год... разумеется, через две минуты после того, как отбыл. С теми же ощущениями, какие возникают при смене часовых поясов, только безо всякого самолета. Сразу поехал в городскую библиотеку, где посмотрел статью о школьном выпускном вечере за шестьдесят пятый год. Раньше ее иллюстрировала фотография Каролин Пулин. Тогдашний директор — Эрл Хиггинс, он уже давно на том свете — наклонялся, чтобы передать ей аттестат. Она сидела в инвалидном кресле, в мантии и шапочке. Подпись под фотографией гласила: «Каролин Пулин достигла главной цели на долгом пути к выздоровлению».

— Ты ее увидел?

— Историю о выпускном вечере я нашел, будь уверен. Церемония окончания школы всегда попадает на первую полосу газеты маленького города, ты это знаешь, дружище. Но теперь статью сопровождала фотография мальчишки с паршивой битловской стрижкой и подписью: «Лучший ученик Тревор Бриггс, по прозвищу Бадди, произносит прощальную речь перед участниками выпускной церемонии». Они перечислили всех выпускников, чуть больше сотни, однако Каролин Пулин я среди них не нашел. Поэтому заглянул в статью о выпускной церемонии шестьдесят четвертого года, в котором она закончила бы школу, если бы не ранение в позвоночник. И попал в десятку. Ни фотографии, ни особого упоминания, но законное место в списке. Между Дэвидом Платтом и Стефани Роутиер.

— Обычная выпускница, марширующая под бравурную музыку.

— Именно. Потом я вбил ее имя и фамилию в поисковую строку «Энтерпрайз» и нашел еще несколько упоминаний после шестьдесят четвертого года. Не так чтобы много, три или четыре. Примерно столько, наверное, и должно быть о ничем не примечательной женщине, ведущей обычную жизнь. Она поступила в Университет штата Мэн, защитила диплом по специальности «управление бизнесом», потом продолжила учебу в магистратуре в Нью-Хэмпшире. Я нашел еще одну статью, за семьдесят девятый год, вышедшую незадолго до закрытия «Энтерпрайз». Она называлась «БЫВШАЯ ЖИТЕЛЬНИЦА ЛИСБОНА ВЫИГРЫ-

ВАЕТ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНКУРС ЛИЛЕЙНИКОВ». С фотографией Каролин — здоровой, улыбающейся, с цветами в руках. Она живет... жила... не знаю, как правильно, может, и так, и этак... в городке неподалеку от Олбани, штат Нью-Йорк.

— Замужем? Дети?

— Вряд ли. На фотографии она держит свои лучшие лилейники, но кольца не руке не видно. Знаю, о чем ты думаешь. Ничего не изменилось, за исключением того, что она ходит на своих двоих. Но так ли это? Она жила в другом месте и общалась совсем с другими людьми, с которыми никогда бы не встретилась, если бы Каллем подстрелил ее и она осталась в Фоллс. Понимаешь, о чем я?

В тот момент я не мог сказать, что понимаю, а что — нет, но согласно кивнул. Потому что хотел, чтобы он закончил прежде, чем рухнет замертво. И перед уходом намеревался уложить его в постель.

— Я говорю тебе, ты можешь изменить прошлое, но это не так-то просто. В то утро я чувствовал себя человеком, пытающимся выбраться из нейлонового чулка. Он растягивается, а потом возвращается на прежнее место, крепкий, как и раньше. Однако в конце концов мне удалось его прорвать.

— Почему ты столкнулся с такими трудностями? Потому что прошлое *не хочет* меняться?

— *Что-то* не хочет, чтобы оно менялось, я в этом абсолютно уверен. Но изменить прошлое можно. Если сделать поправку на сопротивление — можно. — Эл смотрел на меня, его глаза сверкали на изможденном лице. — В любом случае историю Каролин Пулин можно закончить словами: «После этого она жила долго и счастливо». Так?

— Так.

— Загляни под заднюю обложку тетради, которую я тебе дал, дружище, и, возможно, ты изменишь мнение. Там распечатка, которую я сделал сегодня.

Я заглянул и увидел кармашек из плотной бумаги для хранения служебных записок и визитных карточек. Внутри лежал сложенный лист. Я достал его, развернул, долго на него смотрел. Это была компьютерная распечатка первой полосы газеты «Лисбон уикли энтерпрайз». Под названием стояла дата: 18 июня 1965 года. Статье предшествовал заголовок: **«ВЫПУСКНОЙ КЛАСС ЛСШ УХОДИТ СО СЛЕЗАМИ СЧАСТЬЯ»**. На фотографии лысый муж-

чина (академическую шапочку он сунул под мышку, чтобы не свалилась с головы) наклонялся к девушке, которая сидела в инвалидном кресле. Мужчина держался за один край аттестата, она — за другой. Под фотографией значилось: «Каролин Пулин достигла главной цели на долгом пути к выздоровлению».

Я в недоумении уставился на Эла:

— Если ты изменил будущее и спас ее, как такое может быть?

— Каждое путешествие — сброс на ноль, дружище. Помнишь?

— Господи! Когда ты отправился останавливать Освальда, все, что ты сделал, чтобы спасти Пулин, стерлось?

— Да... и нет.

— Что значит — да *и* нет?

— Путешествию в прошлое, чтобы спасти Кеннеди, предстояло стать последним, но я мог не спешить в Техас. С какой стати? В сентябре пятьдесят восьмого Кролик Оззи — так его прозвали братья-морпехи — еще не вернулся в Америку. Он плавал по Тихому океану в составе своего подразделения, защищал демократию для Японии и Тайваня. Поэтому я вновь отправился в пансионат «Тенистые домики» на Себаго и болтался там до пятнадцатого ноября. По второму разу. Но когда наступил этот день, я выехал еще раньше, и чертовски правильно сделал, потому что теперь не отделался двумя спущенными колесами. У моего чертова «шевроле» полетел коленвал. И мне пришлось заплатить шестьдесят долларов механику на автозаправочной станции в Наплсе, чтобы тот одолжил мне на день свой автомобиль. В залог я оставил ему перстень морпеха. На этом мои злоключения не закончились, но сейчас я не буду о них вспоминать...

— Опять рухнул мост в Дарэме?

— Не знаю, дружище, той дорогой я не поехал. По моему разумению, человек, который не извлекает уроков из прошлого, — идиот. Но я теперь точно знал, с какой стороны подъедет Эндрю Каллем, и успел вовремя. Дерево перегораживало дорогу, как и прежде, и когда он подъехал, я пытался его оттащить, как и прежде. На пару мы справились с деревом, а потом я почувствовал боли в груди, как и прежде. Мы разыграли ту же комедию, Каролин Пулин и ее отец отлично провели субботу в лесу, а пару недель спустя я попрощался с Мэном и на поезде укатил в Техас.

— Тогда почему я держу в руках фотоснимок с выпускного, на котором она сидит в инвалидном кресле?

— Потому что каждое путешествие через «кроличью нору» — сброс на ноль. — Вновь Эл просто смотрел на меня, чтобы увидеть, когда до меня дойдет. И до меня дошло, где-то через минуту.

— Я?..

— Совершенно верно, дружище. Ты сегодня купил кружку рутбира за десять центов. И вернул Каролин Пулин в инвалидное кресло.

Глава 4

1

Я помог Элу добраться до спальни, и он пробормотал: «Спасибо, дружище», — когда я опустился на колено, чтобы расшнуровать ему туфли и снять их. Возмутился он, лишь услышав мое предложение сопроводить его в ванную.

— Улучшать мир — важно, но не менее важно добираться до унитаза самостоятельно.

— Пока ты уверен, что тебе это *удастся*.

— Сегодня — уверен, а завтра будет новый день. Иди домой, Джейк. Начни читать тетрадь... там много чего понаписано. А утром, которое вечера мудренее, придешь сюда и скажешь, что решил. Я никуда не денусь.

— С вероятностью девяносто пять процентов?

— Как минимум девяносто семь. Если на то пошло, я не настолько плох. Сомневался, что мы с тобой продвинемся так далеко. Успеть рассказать... И добиться, чтобы ты поверил... У меня гора с плеч свалилась.

Я еще не знал, поверил ли, пусть сегодня сам побывал в прошлом, но говорить об этом не стал. Пожелал Элу доброй ночи, напомнил, что нельзя терять счет принятым таблеткам («Да, да»), и отбыл. С минуту постоял на дорожке, глядя на гнома с флагом Одинокой звезды.

«Не связывайтесь с Техасом»*, — подумал я... но, возможно, именно это мне и предстояло. И, учитывая трудности, с которы-

* Так звучит рекламный лозунг департамента транспортных средств Техаса, появившийся в 1986 г. в ходе рекламной кампании за чистоту техасских дорог.

ми столкнулся Эл, изменяя прошлое — спустившие колеса, сломанный двигатель, рухнувший мост, — я легко мог представить, что Техас попытается разобраться и со мной.

2

После столь бурного дня я не думал, что мне удастся заснуть раньше двух или трех утра, и нисколько бы не удивился, если бы не сомкнул глаз до рассвета. Но иногда тело диктует правила. К тому времени как я добрался до дома и смешал себе некрепкий напиток (один из маленьких плюсов возвращения к холостяцкой жизни — возможность держать дома спиртное), веки у меня отяжелели. А когда допил виски и прочитал десяток страниц «Книги Освальда», глаза уже слипались.

Я ополоснул стакан в раковине, отправился в спальню (оставляя след из одежды, за что Кристи закатила бы мне жуткий скандал) и упал на широкую кровать, в которой теперь спал один. Подумал о том, чтобы потянуться и выключить лампу на прикроватном столике, но рука будто налилась свинцом. Казалось, что сочинения в затихшей учительской я правил очень и очень давно. Последнее, впрочем, не удивляло: всем известно, что время, при всей его неумолимой жесткости, иной раз на удивление пластично.

Я искалечил эту девочку. Вернул в инвалидное кресло.

Спускаясь по ступенькам из кладовки, ты не знал, кто такая Каролин Пулин, так что не кати на себя бочку. А кроме того, возможно, где-то она ходит сейчас на своих ногах. Возможно, проход через эту нору создает альтернативные реальности, или потоки времени, или что-то еще.

Каролин Пулин, получающая аттестат в инвалидном кресле. В том году, когда первое место в хит-парадах заняла песня «Держись, Слупи» в исполнении «Маккойс».

Каролин Пулин, прогуливающаяся по своему саду с лилейниками. В тысяча девятьсот семьдесят девятом году, когда первое место заняла песня Христианской ассоциации молодежи группы «Виллидж пипл». Каролин Пулин, иногда опускающаяся на колено, чтобы вырвать сорняк-другой, затем поднимающаяся и идущая дальше.

Каролин Пулин в лесу, вместе с отцом, перед тем как стать калекой.

Каролин Пулин в лесу, вместе с отцом, на пороге превращения в обычную девушку маленького американского городка. И в каком месте этого временного потока она находилась, когда в экстренных выпусках новостей по радио и телевидению сообщили, что тридцать пятого президента Соединенных Штатов застрелили в Далласе?

Джон Кеннеди останется в живых. Ты можешь его спасти, Джейк.

Но станет ли мир от этого лучше? Нет никаких гарантий.

Я чувствовал себя человеком, пытающимся выбраться из нейлонового чулка.

Я закрыл глаза и увидел листки, слетающие с календаря. Так без лишних изысков показывали уходящее время в старых фильмах. Я видел, как они вылетают из окна моей спальни, словно птицы.

Прежде чем я провалился в сон, мне в голову успело прийти еще одно воспоминание: идиот-десятиклассник с идиотским подобием бородки, улыбаясь, бормочет: «Гарри-Жаба прыгает по а-ве-ню!» И Гарри, останавливающий меня, когда я хочу призвать нахала к порядку: «Не берите в голову. Я к этому привык».

На том я и отрубился.

3

Я проснулся от утреннего света и пения птиц, пощупал лицо, в уверенности, что плакал, перед тем как открыть глаза. Должно быть, мне приснилось, пусть я и не помнил подробностей, что-то очень грустное, потому что я не из плаксивых.

Сухие щеки. Никаких слез.

Не отрываясь от подушки, я повернул голову, чтобы взглянуть на часы на прикроватном столике. Без двух минут шесть. Судя по яркости света, ожидалось прекрасное июньское утро, и занятия в школе закончились. Первому дню летних каникул учителя обычно радуются не меньше учеников, но меня не отпускала печаль. Печаль. И не только потому, что предстояло принять трудное решение.

На полпути к душу в моей голове вспыхнули три слова: *Кавабанга, Буффало Боб**.

* Слово «кавабанга» в детской телевизионной программе «Хауди-Дуди» (1947—1960) произносил при встрече вождь племени уругнек Удар Грома. Буффало Боб Смит — бессменный ведущий «Хауди-Дуди».

Я остановился, голый, и широко раскрытыми глазами уставился на собственное отражение в зеркале гардероба. Теперь я вспомнил сон, и меня уже не удивляло, что я проснулся грустным. Мне приснилось, что я сижу в учительской, читаю сочинения учеников-взрослых, а в расположенном дальше по коридору спортивном зале катится к завершению очередной четверти баскетбольный матч. Моя жена только что вернулась из центра реабилитации. Я надеюсь, что к моему приезду она будет дома и мне не придется просидеть час на телефоне, чтобы отыскать ее и вытащить из какого-нибудь местного бара.

В этом сне я кладу сочинение Гарри Даннинга на стопку других сочинений и начинаю читать:

Это был не день а вечер. Вечером который изменил мою жизнь, стал вечер когда мой отец убил мою мать и двух братьев...

Понятное дело, такое сочинение завладело моим вниманием, и быстро. Чего там, оно зацепило бы любого. Но мои глаза начало щипать, лишь когда я добрался до той части, где говорилось о его одежде. Про одежду он упомянул не случайно. Когда дети выходят из дома одним особенным осенним вечером с пустыми сумками, надеясь набить их сластями, детские наряды обычно отражают сиюминутные увлечения. Пять лет назад каждый второй подросток появлялся у моей двери в очках Гарри Поттера и с переведенным на лоб шрамом в форме молнии. Когда, много лун тому назад, я сам впервые отправился выклянчивать сладости (мать по моему настоятельному требованию следовала за мной в десяти футах), на мне был костюм снежного штурмовика из фильма «Империя наносит ответный удар». Так что не стоило удивляться, что Гарри Даннинг остановил свой выбор на куртке из оленьей замши.

— Кавабанга, Буффало Боб, — поздоровался я со своим отражением и внезапно рванул к кабинету. Я не держу дома работ учеников — никто из учителей не держит, они бы завалили весь дом, — но у меня вошло в привычку ксерить лучшие сочинения. Они служили отличным подспорьем в учебном процессе. Сочинение Гарри я бы никогда не использовал — слишком уж оно было личное и предназначалось исключительно для моих глаз, — но я помнил, что вроде бы все равно снял копию, раз уж оно

вызвало у меня столь сильную эмоциональную реакцию. Выдвинул нижний ящик и принялся рыться в этом сорочьем гнезде из папок и бумаг. Нашел искомое пятнадцать минут спустя, изрядно вспотев. Сел за стол и начал читать.

4

Это был не день а вечер. Вечером который изменил мою жизнь, стал вечер когда мой отец убил мою мать и двух братьев и тежело ранил меня. От него досталось и моей сестре, и она ушла в кому. Через три года она умерла, не очнувшись. Ее звали Эллен и я очень ее любил. Она любила собирать цвиты и ставеть их по вазам. То, что случилось в тот вечер, выглядело как фильм ужосов. Я больше не хочу в кино на фильмы ужосов потому что пережил один вечером Хэллоуина в 1958.

Мой брат Трой слишкам вырос, чтобы ходить по домам требуя у хозяев сладость или гадость (15). Он сидел рядом с моей мамой, смотрел телевизор и говорил, что поможет нам съесть сладости, которые мы принесем и Эллен, она сказала нет ты не поможешь, надевай хэлуинский костюм и иди сам собирай сладости, и все рассмеялись потому что мы все любили Эллен, ей было только семь и выглядела она настоящей Люсиль Болл могла рассмешить любого даже моего отца (если он был трезвым, потому что пьяным он всегда злился). Она оделась, как принцесса Летоосень Зимавесенняя (я заглянул в словарь чтобы посмотреть, как это пишется) а я — как Буффало Боб, оба из шоу «ХАУДИ-ДУДИ» которое мы любили смотреть. «Скажите, детки, который час?» и «Давайте услышим это от Арахисовой галереи**» и «Кавабанга, Буффало Боб!!!» Мы с Эллен обожали это шоу: она любила принцессу а я любил Буффало Боба. Мы хотели чтобы наш брат Таггa (его имя было Артур, но все называли его Таггой, я уже не помню почему) оделся мэром Файнесом Т. Бластером***, но он отказался, заявил что это передача для малышей и он оденется «Франкиштеном» хотя*

* Американская комедийная актриса, звезда телесериала «Я люблю Люси».

** Трибуна на сорок детей в студии, где снималась программа «Хауди-Дуди».

*** Еще один персонаж программы «Хауди-Дуди».

даже Эллен сказала что маска очень страшная. Опять же Тагга начал вешать мне лапшу на уши чтобы я отдал ему мою духовушку «Дейзи» потому что в шоу у Буффало Боба никогда никакого оружия нет. И моя мама на это сказала: «Ты можешь взять духовушку Гарри потому что это не настоящая винтовка и даже не стреляет игрушечными пульками так что Буффало Боб возражать не будет». Это последнее что она мне сказала и я рад, что сказала хорошее потому что могла и отругать.

Мы уже собрались уходить и я сказал подождите минуточку мне надо в туалет потому что я очень взволновался. Они все рассмеялись, даже мама и Трой, сидевшие на диване но желание сделать пи-пи спасло мне жизнь потому что именно в тот момент отец вошел с молотком. Мой отец он становился злобным когда напьеться и бил мою мать «снова и снова». Один раз когда Трой попытался остановить его он сломал Трою руку. В тот раз его чуть не посадили в тюрьму (моего отца). В любом случае мои отец и мать разъехались к тому времени, о котором я пишу, и она думала о разводе, но тогда в 1958 это было не так легко как сейчас.

В общем, он вошел в дверь и я находился в ванной и писал и услышал голос матери: «Убирайся отсюда с этой штуковиной, ты не имеешь права быть здесь». А потом она начала кричать. И они все начали кричать...

Сочинение на этом не заканчивалось — продолжалось еще три ужасные страницы, — но дочитывал его уже не я.

5

До половины седьмого оставалось еще несколько минут, но я нашел телефон Эла в справочнике и без колебаний набрал номер. И не разбудил его. Он взял трубку после первого гудка. Голос его больше напоминал рычание собаки, чем человеческую речь.

— Эй, дружище, ты у нас ранняя пташка?

— Я хочу тебе кое-что показать. Школьное сочинение. Ты знаешь того, кто его написал. Должен знать. Его фотография висит на «Стене славы».

Он закашлялся, прежде чем ответить:

— На «Стене славы» много знаменитостей, дружище. Я думаю, там есть и Фрэнк Аничетти, времен первого фестиваля «Мокси». Уточни, пожалуйста.

— Я лучше тебе покажу. Можно приехать?

— Если не боишься увидеть меня в халате, приезжай. Но теперь я должен прямо спросить тебя, раз уж ночь прошла, а утро, как известно, вечера мудренее. Ты принял решение?

— Я думаю, что сначала должен совершить еще одно путешествие.

И положил трубку до того, как он задал следующий вопрос.

6

При вливающемся в окно гостиной свете раннего утра Эл выглядел совсем плохо. Белый махровый халат болтался на нем, как обвисший парашют. Отказ от химиотерапии сохранил ему волосы, но они заметно поредели и стали тонкими, как у младенца. Глаза, похоже, запали еще сильнее. Он дважды прочитал сочинение Гарри Даннинга, уже собрался отложить, потом прочитал в третий раз. Наконец посмотрел на меня:

— Иисус Христос на ломаной повозке.

— Я плакал, когда читал это впервые.

— Неудивительно. Меня особенно зацепила часть с духовушкой «Дейзи». В пятидесятых реклама духовых винтовок «Дейзи» красовалась на обратной стороне каждого чертова комикса. Любой пацан в моем квартале — думаю, вообще любой пацан — мечтал о двух вещах: духовой винтовке «Дейзи» и енотовой шапке, как у Дейви Крокетта*. Он прав, никаких пулек, даже игрушечных, но мы заливали в ствол немного масла для тела «Джонсонс беби», потом закачивали воздух, нажимали спусковой крючок — и из ствола вылетало облачко синеватого дыма. — Он вновь посмотрел на ксерокопию. — Этот сукин сын убил жену и троих детей молотком? Го-о-осподи!

Он только начал размахивать им, — написал Гарри. — *Я вбежал в гостиную и стены забрызгала кровь и что-то белое лежало на диване. Мозги моей матери. Эллен, она лежала на полу*

* Американский народный герой освоения Дикого Запада. Погиб в битве при Аламо в 1836 г.

стулом-качалкой придавило ей ноги и кровь текла из ушей и по волосам. Телик работал и показывал ту передачу, которую любила моя мама об Эллери Куине, разгадывающим преступления.

Преступление, совершенное тем вечером, не имело ничего общего с элегантными детективными головоломками, которые распутывал Эллери Куин. Бойня, не больше и не меньше. Десятилетний мальчик, захотевший пописать перед тем, как отправиться просить сладость за обещание не делать гадость, вернулся из ванной в тот самый момент, когда его пьяный, рычащий отец расколол надвое череп Артура Даннинга по прозвищу Тагга, пытавшегося уползти на кухню. Потом он увидел Гарри, а тот поднял духовушку «Дейзи» и сказал: «Не подходи ко мне, папочка, а не то я тебя застрелю».

Даннинг бросился на мальчишку, размахивая окровавленным молотком. Гарри выстрелил в него из духовушки (я буквально услышал: «Ка-чух!» — хотя никогда из нее не стрелял), потом отбросил винтовку и метнулся в спальню, которую делил с уже убитым Таггой. Входя в дом, его отец не захлопнул дверь, и где-то — «по звуку в тысече миль», так написал уборщик — смеялись соседи, а дети во все горло вопили: «Сладость или гадость?»

Даннинг, конечно, убил бы оставшегося сына, если бы не споткнулся о перевернувшийся «стул-качалку». Он растянулся на полу, поднялся и побежал в комнату младших сыновей. Гарри пытался забраться под кровать. Отец вытащил его оттуда и ударил по голове молотком. Наверняка бы убил, если бы залитая кровью рукоятка не провернулась в руке. Вместо того чтобы раскроить голову, молоток только задел ее над правым ухом.

Я не потерял сознание но почти. Продолжал пытаться заползти под кровать и едва почуствовал как он ударил меня по ноге но он ударил и сломал ее в четырех разных местах.

Живший в том же квартале мужчина, который, охотясь за сладостями, обходил дома с дочерью, вбежал в открытую дверь. Несмотря на бойню в гостиной, соседу достало духу схватить лопату для выгребания золы со стойки с инструментами у дровяной печи на кухне. Ею он и огрел Даннинга по затылку, когда тот пытался перевернуть кровать, чтобы добраться до истекающего кровью, полубессознательного сына.

Потом я потерял сознание как Эллен только мне повезло и я очнулся. Доктора сказали что могли ампатировать мне ногу но в конце они этого не сделали.

Да, ногу ему сохранили, и со временем он стал уборщиком в Лисбонской средней школе, известным поколениям учеников как Гарри-Жаба. Были бы дети добрее, знай они причину его хромоты? Едва ли. Подростки, конечно, существа эмоционально нежные и в высшей степени ранимые, однако с сочувствием у них не очень. Это приходит позже, если вообще приходит.

— Октябрь тысяча девятьсот пятьдесят восьмого, — прорычал Эл. — И я должен поверить, что это совпадение?

Я вспомнил, что сказал юному Фрэнку Аничетти о рассказе Ширли Джексон, и улыбнулся.

— Иногда сигара — просто курево, а совпадение — просто совпадение. Я знаю только одно: это еще один переломный момент.

— А почему я не видел этой истории в «Энтерпрайз»?

— Это случилось не здесь. В Дерри, в северной части штата. Когда Гарри поправился и выписался из больницы, его взяли к себе дядя и тетя, жившие в Хейвене, городке, расположенном в двадцати пяти милях к югу от Дерри. Они усыновили мальчика, и он начал работать на семейной ферме, когда стало ясно, что в школу ему не ходить.

— Прямо-таки «Оливер Твист» или что-то в этом роде.

— Нет, они на самом деле хорошо к нему относились. Вспомни, в те дни не было вспомогательных классов, да и выражение «умственно отсталый» еще не изобрели.

— Знаю, — сухо ответил Эл. — Тогда «умственно отсталый» означало, что ты кретин, тупица или просто слабоумный.

— Но он не был таким — ни тогда, ни теперь, — заметил я. — По большому счету, я думаю, причина — главным образом в пережитом шоке. В психологической травме. Ему потребовались годы, чтобы оправиться от того вечера, а когда это наконец удалось, ходить в школу было уже поздно.

— Но он все-таки получил аттестат, только уже в зрелом возрасте. Чуть ли не стариком. — Эл покачал головой. — Жизнь впустую.

— Чушь, — не согласился я. — Хорошая жизнь никогда не проходит впустую. Могло ли его ждать лучшее будущее? Да. Могу

ли я этому поспособствовать? Судя по вчерашнему, возможно, могу. Но главное не в этом.

— Тогда в чем? Потому что для меня это та же Каролин Пулин, а с ней мы уже все доказали. Сделай это — и мир не взорвется, как проколотый воздушный шарик. Нальешь мне еще чашку кофе, Джейк? И себе налей, раз уж ты там. Он горячий, судя по твоему виду — самое то.

Наливая кофе, я заметил сдобные рогалики. Предложил один Элу, однако он покачал головой.

— Твердая пища вызывает у меня боли при движении по пищеводу. Но если хочешь впихнуть в меня немного калорий, в холодильнике стоит шестибаночная упаковка «Эншуэ»*. По мне, вкус как у охлажденных соплей, но я могу переправить эту отраву в желудок.

Когда я принес смесь в фужере для вина, который отыскал в буфете, он хрипло рассмеялся.

— Думаешь, вкус от этого улучшится?

— Возможно. Если представишь себе, что это «Пино нуар».

Эл выпил половину, и я видел, что он усиленно борется с рвотным рефлексом, чтобы не дать смеси выплеснуться наружу. Этот поединок он выиграл, отодвинул фужер, взялся за кружку кофе. Пить не стал, просто обхватил ладонями, словно хотел вобрать в себя часть тепла. Наблюдая за ним, я сделал перерасчет времени, которое ему осталось.

— Итак, что тут особенного?

Не будь он так сильно болен, сообразил бы сам. Ума ему хватало.

— Дело в том, что Каролин Пулин — не самый подходящий объект для эксперимента. Ты спас ей не жизнь, Эл, только ноги. И в обоих вариантах все у нее более-менее сложилось — и когда Каллем подстрелил ее, и когда ты ему помешал. Опять же, она не выходила замуж. То есть никаких детей. Получается... — Я замялся. — Не обижайся, Эл, но ты выступил в роли врача, который сохранил воспалившийся аппендикс. Аппендикс, конечно, счастлив, но проку от него никакого, даже от здорового. Ты понимаешь, о чем я?

— Да. — Но мне показалось, что он немного рассердился. — Ничего лучше Каролин Пулин я найти не смог. В моем возрасте время ограничено, даже если нет жалоб на здоровье. Я нацелился на большой приз.

* Марка питательных смесей для зондового кормления.

— Я тебя не критикую. Однако семья Даннингов подходит для эксперимента гораздо больше, потому что речь идет не о парализованной девочке, какие бы беды это ни принесло ей и ее семье. Мы говорим о четверых убитых и одном покалеченном на всю жизнь. Кроме того, мы его знаем. После вручения ему аттестата об окончании средней школы я привозил его к тебе в закусочную, чтобы съесть бургер, а ты, увидев шапочку и мантию, угостил нас за счет заведения. Помнишь?

— Да. Тогда я и сфотографировал его для моей «Стены».

— Если я смогу это сделать... Если не позволю его отцу размахивать молотком... Как думаешь, останется ли там эта фотография?

— Не знаю, — ответил Эл. — Возможно, и нет. Возможно, я не вспомню, что она там висела.

Углубляться в теорию мне не хотелось, поэтому я оставил его ответ без комментариев.

— И подумай об остальных детях — Трое, Эллен и Тагге. Конечно же, кто-то из них женится или выйдет замуж, если они вырастут. И возможно, Эллен станет великой комедийной актрисой. Разве он не написал, что в семье ее считали такой же забавной, как Люсиль Болл? — Я наклонился вперед. — Я хочу лучше понять, что происходит, если ты вмешиваешься в переломный момент. Мне это необходимо, прежде чем я решусь замахнуться на что-то значительное вроде убийства Кеннеди. Что скажешь, Эл?

— Скажу, что понимаю, о чем ты. — Эл с трудом поднялся. У меня защемило сердце только от одного взгляда на него, но когда я начал вставать, он остановил меня взмахом руки.

— Нет, оставайся здесь. Я для тебя кое-что приготовил. В другой комнате. Сейчас принесу.

7

Он вернулся с жестяной коробкой. Протянул мне и велел отнести на кухню. Сказал, что на столе будет проще раскладывать. Когда мы сели, он открыл жестянку ключом, который носил на груди, как медальон. Достал пухлый конверт из плотной коричневой бумаги. Открыл и вытряс внушительную стопку купюр. Я вытащил одну и в недоумении уставился на нее. Двадцатка, но вместо Эндрю Джексона на меня смотрел Гроувер Кливленд, ко-

торого, пожалуй, никто не включил бы в десятку лучших американских президентов. На обратной стороне неслись к неизбежному лобовому столкновению локомотив и пароход, а над ними красовались слова: «FEDERAL RESERVE NOTE»*.

— Похоже на деньги для «Монополии».

— Нет. Тут их не так много, как может показаться, потому что самая крупная купюра — двадцатка. Нынче, когда полный бак обходится в тридцать, а то и тридцать пять долларов, купюра в пятьдесят не вызывает удивленных взглядов и в небольшом магазинчике. Тогда все было иначе, а удивленные взгляды нам ни к чему.

— Это выигрыши по ставкам?

— Отчасти. Но в основном мои сбережения. Между пятьдесят восьмым и шестьдесят вторым я работал поваром, как и здесь, а одинокий мужчина может накопить немалую сумму, если не связывается с дорогими женщинами. А я не связывался. Как, впрочем, и с дешевыми. Оставался на дружеской ноге со всеми, но ни с кем не сближался. Того же и тебе советую. И в Дерри, и в Далласе, если ты туда отправишься. — Он поводил по деньгам исхудалым пальцем. — Здесь чуть больше девяти тысяч, если мне не изменяет память. Это примерно шестьдесят сегодняшних.

Я посмотрел на кучу купюр.

— Деньги возвращаются. Остаются независимо от того, сколько раз ты используешь «кроличью нору». — Мы это уже обговаривали, но я никак не мог себя убедить.

— Да, хотя они одновременно и там. Полный сброс на ноль, помнишь?

— Разве это не парадокс?

Он посмотрел на меня, изможденный, еле сдерживаясь.

— Я не знаю. Задавать вопросы, на которые нет ответов, — потеря времени, а у меня его осталось не много.

— Извини, извини. Что еще у тебя в коробке?

— Всякие мелочи. Но вся прелесть в том, что много тебе и не нужно. Это совсем другое время, Джейк. Ты можешь прочитать о нем в книгах по истории, но не поймешь его, не пожив там. — Он передал мне карточку социального страхования. За номером 005-52-0223. На имя Джорджа Т. Амберсона. Потом достал из коробки ручку.

— Распишись.

---

* Банкнота Федеральной резервной системы (*англ.*).

Я взял ручку, из тех, что раздавали на презентациях. По корпусу шла надпись «ДОВЕРЬТЕ ВАШ АВТОМОБИЛЬ ЧЕЛОВЕКУ СО ЗВЕЗДОЙ «**ТЕКСАКО**»». Чувствуя себя Даниэлем Уэбстером*, заключающим договор с дьяволом, я расписался на карточке. Когда попытался вернуть ее Элу, тот покачал головой.

За карточкой социального страхования последовало водительское удостоверение, выданное Джорджу Т. Амберсону в штате Мэн, в котором указывалось, что ростом я шесть футов и пять дюймов, глаза синие, волосы каштановые, вес сто девяносто фунтов. Родился двадцать второго апреля тысяча девятьсот двадцать третьего года и проживал в доме девятнадцать по аллее Синей птицы в Сабаттусе. По этому же адресу я жил и в две тысячи одиннадцатом году.

— Шесть футов пять дюймов, так? — спросил Эл. — Пришлось прикинуть.

— Достаточно близко. — И я расписался на водительском удостоверении, картонном прямоугольнике канцелярского бежевого цвета. — Без фотографии?

— Штату Мэн до этого еще жить и жить, дружище. Остальным сорока восьми тоже.

— Сорока *восьми?*

— Гавайи станут штатом только в следующем году.

— Ох. — У меня перехватило дыхание, словно кто-то врезал мне в солнечное сплетение. — И что... если тебя остановят за превышение скорости, коп предполагает, что ты именно тот, чье имя указано на удостоверении?

— Почему нет? Если в пятьдесят восьмом году ты обмолвишься об атаке террористов, люди подумают, что речь о подростках, гоняющихся за коровами. Подпиши это.

Он протянул мне клиентские карточки компании «Хертц» и газовой компании «Ситис сервис», кредитные карты «Дайнерс клаб» и «Американ экспресс». «Амэкс» выпускал карточки из целлулоида, «Дайнерс клаб» — из картона. Владельцем значился Джордж Т. Амберсон. Имя и фамилия были впечатаны на пишущей машинке.

— На следующий год сможешь получить настоящую пластиковую карточку «Амэкс», если захочешь.

---

* Главный герой американского фильма «Дьявол и Даниэль Уэбстер» (1941).

Я улыбнулся:

— А чековая книжка?

— Я мог бы тебе ее сделать, но смысл? Вся документация с упоминанием Джорджа Амберсона будет потеряна при следующем сбросе на ноль. Вместе с деньгами, которые я положил бы на счет.

— Ох. — Я определенно тупил. — Точно.

— Не вини себя, тебе это еще в диковинку. Ты сможешь положить деньги на счет. Но не советую класть больше тысячи. Лучше держать деньги наличными, там, где в любой момент можешь их взять.

— На случай если придется быстро возвращаться?

— Верно. И кредитные карточки нужны только для подтверждения личности. Счета, которые я открыл, чтобы получить их, стерлись, когда ты прошел через «кроличью нору». Но они могут оказаться полезными... Как знать?

— Джордж получает почту на аллею Синей птицы, дом девятнадцать?

— В пятьдесят восьмом аллея Синей птицы присутствовала только на плане развития Сабаттуса, дружище. Микрорайон, где ты теперь живешь, еще не построили. Если тебя кто-нибудь спросит, отвечай, что этого требует бизнес. Они это проглотят. В пятьдесят восьмом бизнес — идол, которому все поклоняются, хотя никто не понимает, что это такое. Держи.

Он бросил мне роскошный мужской бумажник. Я вытаращился на него.

— Из *страусиной* кожи?

— Я хотел, чтобы ты выглядел процветающим. Найди какие-нибудь фотографии и положи в бумажник вместе с документами. Я приготовил тебе и другие мелочи. Несколько шариковых ручек, вот эта удобная вещичка, одновременно и нож для вскрытия писем, и линейка. Механический карандаш «Скрипто», защита для нагрудного кармана — в пятьдесят восьмом они считались необходимостью, а не причудой. Часы «Булова» на хромированном эластичном браслете «Шпайдел». У всех крутых такие, сынок. С остальным разберешься сам. — Эл надолго закашлялся, скрючился от боли. Когда приступ закончился, на его лице выступили крупные капли пота.

— Эл, когда ты все это собрал?

— Когда понял, что до шестьдесят третьего мне не дожить. Я покинул Техас и отправился домой. Уже думал про тебя. Разведенный, без детей, умный и, что главное, молодой. Ой, совсем забыл. Это же семечко, из которого все выросло. Имя и фамилию я взял с надгробия на кладбище церкви Святого Кирилла, а потом написал письмо-заявление заведующему канцелярией штата Мэн.

Он протянул мне мое свидетельство о рождении. Я пробежался пальцами по выпуклым буквам. Чувствовалось, что бумага государственная.

Когда поднял голову, увидел, что Эл положил на стол еще один листок. С заголовком «СПОРТИВНЫЕ СОБЫТИЯ 1958—1963».

— Не теряй его. И не потому, что это твой кормилец. Просто тебе придется отвечать на множество вопросов, если этот листок попадет не в те руки. Особенно когда результаты начнут совпадать.

Я уже начал укладывать все обратно в коробку, но Эл покачал головой.

— В моем стенном шкафу для тебя припасен портфель «Лорд Бакстон», потертый по краям.

— Зачем он мне? У меня есть рюкзак. Лежит в багажнике.

Эл улыбнулся.

— Там, куда ты собрался, рюкзаки носят только бойскауты, да и то если отправляются в поход либо на слет округа или штата. Тебе придется многому научиться, дружище, но действуй осторожно, избегай ненужного риска — и ты справишься.

Я осознал, что на самом деле собираюсь отправиться туда и произойдет это немедленно, практически без подготовки. Ощутил себя человеком, который забрел в лондонские доки семнадцатого века и внезапно понял, что его сейчас шайхайнут*.

— Но чем я занимаюсь? — чуть ли не проблеял я.

Эл вскинул брови, кустистые и теперь почти такие же седые, как и волосы.

— Ты спасаешь семью Даннингов. Разве не об этом мы говорили?

— Я о другом. Что я делаю, если люди спросят меня, как я зарабатываю на жизнь? Что мне им сказать?

— Твой богатый дядюшка умер, помнишь? Говори, что помаленьку проматываешь свалившиеся на тебя деньги, надеясь,

* То есть похитят для пополнения команды корабля, отправляющегося в дальнее плавание (не обязательно в Шанхай).

что их хватит, пока ты пишешь книгу. Разве в каждом преподавателе английского языка и литературы не сидит несостоявшийся писатель? Или я ошибаюсь?

Если по-честному, он не ошибался.

Эл смотрел на меня, изнуренный, сильно похудевший, и в его взгляде таилось сочувствие. Возможно, даже жалость. Наконец он заговорил, очень мягко:

— Трудно даже представить себе, так?

— Да. И... Эл... Послушай... я всего лишь *обычный человек*.

— То же самое можно сказать об Освальде. Ничтожество, стрелявшее из укрытия. А из сочинения Гарри Даннинга следует, что его отец — всего лишь злобный пьяница с молотком.

— Теперь он не пьяница. Умер от острого желудочного отравления в Шоушенкской тюрьме. Возможно, паленый самогон. Это...

— Я знаю, что такое самогон. Видел не раз, когда служил на Филиппинах. И пил, к сожалению. Но Даннинг еще будет жив, когда ты туда попадешь. И Освальд тоже.

— Эл... Я знаю, ты болен, и знаю, что боль не отпускает тебя. Но ты можешь поехать со мной в закусочную? Я... — В первый и последний раз я воспользовался его любимым словечком: — Дружище, я не хочу делать первый шаг в одиночестве. Я боюсь.

— Не пропустил бы ни за какие коврижки. — Он сунул руку под мышку и поднялся с гримасой, вжавшей губы в десны. — Возьми портфель. Я пока оденусь.

8

Без четверти восемь Эл отпер дверь серебристого трейлера, дома знаменитого толстобургера. Сверкающие хромом краны над стойкой казались призрачными. Высокие табуреты перед стойкой словно шептали: *Никто больше на нас не сядет*. Большие старомодные сахарницы-шейкеры отвечали им: *Никто больше не насыплет из нас сахар — праздник закончился*.

— Дорогу «Эл-Эл Бину», — прокомментировал я.

— Совершенно верно, — кивнул Эл. — Победное шествие гребаного прогресса.

Он выдохся, жадно хватал ртом воздух, но не остановился. Обойдя стойку, повел меня к двери кладовки. Я следовал за ним, перекидывая портфель с атрибутами моей новой жизни из одной

руки в другую. Старомодный портфель, с пряжками. Если бы я пришел с таким в мой класс в ЛСШ, большинство учеников рассмеялось бы. И только некоторые — с более тонким вкусом — зааплодировали бы этой ретровещице.

Эл открыл дверь к запахам овощей, пряностей, кофе. Вновь поднял руку над моим плечом, чтобы включить свет. Я уставился на серый линолеум, как на бассейн, кишащий голодными акулами, а когда Эл хлопнул меня по плечу, подпрыгнул.

— Извини, но ты должен это взять. — Он протянул мне монету в пятьдесят центов. Полбакса. — Человек с желтой карточкой, помнишь его?

— Естественно. — На самом деле я совершенно о нем забыл. Мое сердце билось так сильно, что, казалось, заставляло пульсировать глазные яблоки. Язык вкусом напоминал кусок старого ковра, а беря монету, я чуть не выронил ее.

Напоследок Эл оценивающе оглядел меня.

— Пока джинсы сойдут, но ты должен заглянуть в «Мужскую одежду Мейсона» на Главной улице и купить брюки, прежде чем отправишься на север. «Пендлтоны»* или твилы цвета хаки — на каждый день. Бан-лон** — для выходов в свет.

— Бан-лон?

— Просто спроси, они знают. Тебе понадобятся рубашки. И вероятно, костюм. А также галстуки и зажим для галстука. Купи себе шляпу. Не бейсболку, а красивую летнюю шляпу.

Из уголков его глаз сочились слезы. И они напугали меня сильнее, чем все, что он мне наговорил.

— Эл? Что не так?

— Я просто испуган, как и ты. Но давай обойдемся без трогательной сцены прощания. Если ты вернешься, то будешь здесь через две минуты, сколько бы ни провел в пятьдесят восьмом году. Этого времени мне хватит лишь для того, чтобы включить кофеварку. Если сработает, мы выпьем по чашке, и ты мне все расскажешь.

Если. Какое важное слово.

— Можешь заодно прочитать молитву. Уложишься в две минуты?

---

* Брюки из шерстяной ткани производства одноименной компании.

** Ткань из объемного эластичного синтетического волокна.

— Конечно. Я помолюсь о том, чтобы все прошло гладко. Не слишком изумляйся тому, где ты, и ни на секунду не забывай, что имеешь дело с опасным человеком. Возможно, более опасным, чем Освальд.

— Я буду осторожен.

— Хорошо. Рот старайся не открывать, пока не освоишь таможний жаргон и не обвыкнешься. Поспешай не торопясь. Не гони волну.

Я попытался улыбнуться, но не уверен, что у меня получилось. Портфель вдруг стал очень тяжелым, словно в нем лежали камни, а не деньги и фальшивые документы. Я подумал, что сейчас рухну в обморок. И однако, Бог свидетель, какая-то часть меня хотела отправиться туда. Ей просто *не терпелось* отправиться туда. Я хотел увидеть США из кабины «шевроле». Америка приглашала в гости.

Эл протянул исхудавшую, трясущуюся руку.

— Удачи тебе, Джейк. Да благословит тебя Бог.

— Ты хотел сказать, Джордж.

— Джордж, точно. А теперь иди. Как тогда говорили, тебе пора сваливать.

Я повернулся и медленно пошел в кладовку, напоминая человека, который в темноте пытается нащупать верхнюю ступеньку лестницы.

На третьем шаге я ее нащупал.

Часть II

ОТЕЦ УБОРЩИКА

Глава 5

1

Я прошел вдоль стены сушильного сарая, как и прежде. Нырнул под цепь, на которой висела табличка с той же надписью: **«ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН ДО ЗАВЕРШЕНИЯ РЕМОНТА СТОЧНОЙ ТРУБЫ»**. Как и в прошлый раз, обогнул угол большого зеленого куба, и тут что-то врезалось в меня. Для своего роста я недостаточно тяжел, но кое-какое мясо на костях наросло («Ветром тебя не унесет», — говаривал мой отец), и все-таки Желтая Карточка едва не сшиб меня с ног. Словно на меня напало черное пальто, полное машущих крыльями птиц. Алкаш что-то прокричал, но от неожиданности (не от страха, испугаться я просто не успел) я не разобрал ни слова.

Я оттолкнул его, и он врезался в стену сушильного сарая, полы пальто развевались вокруг его ног. Послышался гулкий удар — он приложился затылком к металлу, — и грязная шляпа свалилась на землю. Сам алкаш последовал за шляпой, даже не рухнул, а сложился, как аккордеон. Я пожалел о содеянном еще до того, как сердце успело замедлить свой бег, и пожалел еще больше, когда он поднял шляпу и начал отряхивать с нее пыль. Отчистить шляпу не представлялось возможным, да и его, судя по всему, тоже.

— Вы в порядке? — спросил я и наклонился, чтобы прикоснуться к его плечу, а он пополз от меня вдоль стены сушильного сарая, отталкиваясь руками и скользя на заднице. Мне бы хотелось сказать, что он напоминал покалеченного паука, но это неправда. Он напоминал алкаша, пропившего последние мозги.

Человека, которому до смерти было рукой подать, как Элу Темплтону, ведь полвека тому назад Америка не могла предложить ему подобным благотворительные ночлежки и реабилитационные центры. Госпиталь для ветеранов принял бы его, если в свое время он носил форму, но кто доставил бы его в госпиталь? Вероятно, никто, хотя какой-нибудь фабричный мастер мог бы вызвать копов. Те посадили бы его в вытрезвитель на сутки или двое. Если бы он не умер в камере от белой горячки, его бы выпустили, чтобы он пошел на следующий круг. Я пожалел, что здесь нет моей бывшей. Она нашла бы собрание АА и взяла бы его с собой. Да только до рождения Кристи оставался двадцать один год.

Я зажал портфель ногами и протянул к нему руки, чтобы показать, что они пусты, но он отполз еще дальше вдоль стены. Слюна блестела на его заросшем щетиной подбородке. Я огляделся, чтобы убедиться, что мы не привлекаем внимания, увидел, что в этой части двора никого нет, и предпринял еще одну попытку.

— Я толкнул вас только потому, что вы застали меня врасплох.

— Ты, нах, хто? — спросил он, и голос его менял громкость в диапазоне пяти регистров. Если бы я не слышал этот вопрос во время первого визита сюда, не понял бы, о чем он спрашивает... И хотя язык у него по-прежнему заплетался, мне показалось, что интонации изменились. Я бы не стал в этом клясться, но такое ощущение возникло. *Вреда от него никакого, но он не похож на остальных,* сказал Эл. *Словно что-то знает.* По мнению Эла, причина заключалась в том, что в одиннадцать часов пятьдесят восемь минут 9 сентября 1958 года алкаш грелся на солнышке слишком уж близко от «кроличьей норы» и ощущал на себе ее воздействие. Точно так же, как можно вызвать помехи на экране телевизора, поднеся к нему работающий миксер. Может, Эл правильно определил причину. А может, черт возьми, повышенная чувствительность определялась избытком выпитого.

— Да никто, — ответил я успокаивающим голосом. — Для вас это не имеет никакого значения. Меня зовут Джордж. А вас?

— Хрен моржовый! — фыркнул он, продолжая отползать. Если это было его имя, встречалось оно крайне редко. — Не должно тебя здесь быть.

— Не волнуйтесь, я уже ухожу. — Я взял портфель в руку, чтобы продемонстрировать, что слова у меня не расходятся с

делом, а он по уши втянул голову в костлявые плечи. Словно решил, что я сейчас запущу в него портфелем. Он напоминал пса, которого били так часто, что он и не ожидал ничего другого. — Все хорошо, никаких обид, лады?

— Убирайся отсюда, ублюдок. Проваливай, откуда явился, *и оставь меня в покое*!

— Договорились. — Я все еще приходил в себя после внезапного столкновения, и оставшийся адреналин смешивался с жалостью... не говоря уже о раздражении. То же раздражение я испытывал по отношению к Кристи, когда приходил домой и обнаруживал, что она опять пьяна в дым, несмотря на все обещания встать на путь исправления и не сходить с него, раз и навсегда отказавшись от спиртного. Коктейль из этих чувств да еще тепло сентябрьского дня привели к тому, что меня замутило. Не лучшее начало спасательной операции.

Я подумал о «Кеннебек фрут», о том, до чего же хорош тамошний рутбир. Буквально увидел клуб пара, вырвавшийся из морозильника, когда Фрэнк Аничетти-старший открыл дверцу, чтобы достать большую кружку. Да, вот где царила блаженная прохлада. И я без дальнейшего промедления двинулся в этом направлении, а мой новый, но тщательно состаренный по краям портфель колотил меня по коленке.

— Эй! Эй, как тебя там!

Я обернулся. Алкаш поднимался, опираясь рукой о стену сушильного сарая. Он схватил шляпу и теперь прижимал к животу. Начал лихорадочно ощупывать ее свободной рукой.

— У меня желтая карточка из зеленого дома, так что дай мне бакс, козел. Сегодня — день двойной выплаты.

Мы вернулись в привычную колею. Это успокаивало. Тем не менее мне не хотелось подпускать его слишком близко. Я опасался напугать его или спровоцировать еще одну атаку. Остановился в шести футах и вытянул руку. Монета, которую дал мне Эл, блестела на ладони.

— Бакс дать не могу, но вот половина.

Он замялся, теперь держа шляпу в левой руке.

— Даже не проси отсосать.

— Соблазнительно, но я устою.

— Чё? — Он перевел взгляд с монеты на мое лицо, снова на монету. Поднял правую руку, чтобы стереть слюну с подбородка, и я заметил еще одно отличие от моего прежнего визита в прош-

лое. Ничего катастрофического, но я задался вопросом, а так ли прав Эл, утверждая, что всякий раз происходит сброс на ноль.

— Мне без разницы, возьмете вы ее или нет, но определитесь побыстрее. У меня полно дел.

Он схватил монету и тут же отбежал обратно, к стене сушильного сарая. Его глаза стали большими и влажными. На подбородке вновь заблестела слюна. Ничто в мире не сравнится с обаянием окончательно спившегося алкаша. Не могу понять, почему «Джим Бим», «Сигрэмс» и «Крепкий лимонад Майка» не используют их в журнальной рекламе. «Выпей «Бима» и увидишь та-а-акие глюки!»

— Ты кто? Что ты здесь делаешь?

— Надеюсь, что работаю. Послушайте, вы не обращались к АА с вашей маленькой проблемой по части вы...

— Отвали, Джимла!

Я понятия не имел, что такое джимла, но «отвали» он произнес громко и отчетливо. Я направился к воротам, ожидая, что вдогонку он еще о чем-нибудь спросит. В прошлый раз не спросил — однако эта встреча определенно отличалась от предыдущей.

Потому что на этот раз я имел дело не с Желтой Карточкой, ох не с Желтой. Когда он поднимал руку, чтобы вытереть подбородок, я заметил, что карточка, которую он зажимал пальцами, изменила цвет.

Она осталась грязной, но из желтой превратилась в ярко-оранжевую.

2

Я пересек автомобильную стоянку, вновь, на удачу, похлопал рукой по багажнику красно-белого «плимута-фьюри». Чувствовал, что удача мне определенно потребуется. Миновал железнодорожные пути, опять услышав «чух-чух» настоящего поезда, только расстояние до него определенно увеличилось, потому что на этот раз общение с Желтой Карточкой — точнее, с Оранжевой — чуть затянулось. В воздухе стояла фабричная вонь, мимо проехал тот же автобус. Припозднившись, я не смог прочесть название маршрута, но помнил его с прошлого раза: «ЛЬЮИСТОНСКИЙ ЭКСПРЕСС». Интересно, сколько раз Эл видел этот самый автобус, с этими самыми пассажирами за окнами?

Я поспешил на другую сторону улицы, разгоняя рукой сизое облако выхлопных газов. Поклонник рокабилли стоял на своем посту у двери, и я подумал, а что будет, если обратиться к нему его же словами. Но вовремя сообразил, что только запугаю его, как алкаша у стены сушильного сарая. Если крадешь у таких подростков секретный язык, у них мало что остается. А этот не мог вернуться домой и усесться за «Иксбокс». Поэтому я просто кивнул.

Он кивнул в ответ.

— Хай-йо, чувак.

Я вошел. Звякнул колокольчик. На этот раз я проследовал мимо стойки с дешевыми комиксами к прилавку с газировкой, за которым стоял Фрэнк Аничетти.

— Что я могу вам предложить, мой друг?

На мгновение я запнулся, потому что в прошлый раз он начал с другой фразы. Потом понял, что иначе и быть не могло. В прошлый раз я взял со стойки газету. В этот — нет. Может, каждое возвращение в 1958 год действительно сбрасывало все на ноль (за исключением Желтой Карточки), но когда ты впервые что-то менял, все как бы начиналось с чистого листа. Идея и пугала, и раскрепощала.

— Я бы не отказался от рутбира, — ответил я.

— И я бы не отказался от покупателя, так что мы можем помочь друг другу. За пять центов или за десять?

— Полагаю, за десять.

— Что ж, полагаю, вы полагаете правильно.

Из морозильника появилась покрытая изморозью кружка. Он воспользовался ручкой деревянной ложки, чтобы снять пену. Долил кружку до края и поставил передо мной. Все как в прошлый раз.

— С вас дайм, плюс один цент для губернатора.

Я протянул старинный доллар Эла, а пока Фрэнк Один-Ноль набирал сдачу, оглянулся — и увидел Желтую Карточку, стоявшего напротив винного магазина — *зеленого дома* — и покачивавшегося из стороны в сторону. Его вид напомнил мне об индийском факире из какого-то старого фильма. Факир играл на дудке, а из плетеной корзины поднималась кобра. По тротуару, точно по графику, к двери приближался Аничетти-младший.

Я повернулся, пригубил рутбир и вздохнул:

— Как же хорошо.

— Да, нет ничего лучше холодного бира в жаркий день. Не местный, верно?

— Из Висконсина. — Я протянул руку. — Джордж Амберсон.

Он пожимал мне руку, когда звякнул колокольчик над дверью.

— Фрэнк Аничетти. А это мой сын, Фрэнк-младший. Поздоровайся с мистером Амберсоном из Висконсина, Фрэнки.

— Добрый день, сэр. — Фрэнки улыбнулся мне, кивнул и повернулся к отцу: — Тит уже поставил пикап на подъемник. Говорит, к пяти все будет готово.

— Так это хорошо. — Я ждал, что Аничетти Один-Ноль закурит, и он меня не разочаровал. Глубоко затянулся, потом спросил: — Приехали по делам или отдохнуть?

Я отреагировал не сразу, и не потому, что не нашелся с ответом. Меня удивило, что эпизод то отклонялся от первоначального сценария, то возвращался к нему. Как бы то ни было, Аничетти этого не замечал.

— В любом случае вы выбрали удачное время. Большинство туристов уехало, а когда такое происходит, мы все расслабляемся. Добавить в ваш бир шарик ванильного мороженого? Обычно это стоит пять центов, но по вторникам я снижаю цену до пятачка.

— Ты это говоришь уже добрых десять лет, — улыбнулся Фрэнк-младший.

— Спасибо, и так хорошо, — ответил я. — Я здесь по делам. Закрываю сделку по покупке недвижимости в... Сабаттусе? Думаю, да. Вы знаете этот город?

— Всего лишь всю жизнь. — Аничетти Один-Ноль выпустил дым через ноздри, пристально всмотрелся в меня. — Далеко же вам пришлось ехать, чтобы закрыть сделку.

Я ответил улыбкой, призванной означать: «Если бы вы знали то, что знаю я». Должно быть, смысл до него дошел, потому что он мне подмигнул. Опять звякнул колокольчик: вошли покупательницы фруктов. Часы с надписью «ВЫПЕЙ БОДРЯЩЕГО КОФЕ» показывали двенадцать двадцать восемь. Вероятно, часть сценария, в которой мы с Фрэнком-младшим обсуждали рассказ Ширли Джексон, из этого дубля выпала. Я допил рутбир тремя большими глотками, и тут у меня схватило живот. В романах у персонажей редко возникает необходимость посетить туалет, однако в реальной жизни стресс часто провоцирует желание справить нужду.

— Скажите, а туалета у вас, случаем, нет?

— К сожалению, нет, — ответил Фрэнк-старший. — Все собираемся соорудить, но летом мы слишком заняты, а зимой никогда нет денег на переделку.

— Вы можете пойти к Титу, это за углом, — посоветовал Фрэнк-младший. Он закладывал мороженое в металлический цилиндр, собираясь приготовить себе молочный коктейль. В прошлый раз этого не было, и я с тревогой подумал о так называемом «эффекте бабочки». Подумал, что наблюдаю, как бабочка расправляет крылья у меня на глазах. Мы изменяли мир. По мелочам, не поддающимся измерению, но да, мы его изменяли.

— Мистер?

— Извини. Вырубился.

На его лице отразилось удивление. Потом он рассмеялся.

— Никогда такого не слышал, но звучит здорово! — Сие означало, что он повторит это слово, если вдруг потеряет ход мыслей. И оно вольется в сверкающую реку американского сленга не в семидесятых или восьмидесятых, а намного раньше. Но не преждевременно, потому что в этом потоке времени оно появилось точно по сценарию.

— «Тит Шеврон» за углом направо, — пояснил Аничетти-старший. — Если вам... э... срочно, можете воспользоваться нашей ванной наверху.

— Нет, все нормально. — И хотя я уже смотрел на настенные часы, теперь бросил пристальный взгляд на наручные, «Булову» с крутым металлическим браслетом от «Шпайдела». Хорошо́, что Аничетти не могли видеть циферблат: я забыл перевести время. — Но мне пора. Дела. Даже если очень повезет, сегодня их не закончить. Не подскажете хороший мотель?

— Вы имеете в виду гостиницу для автомобилистов? — переспросил Аничетти-старший. Загасил окурок в одной из пепельниц с надписью «ВКУСА «ВИНСТОН» ЛУЧШЕ НЕТ», рядком стоявших на прилавке.

— Да. — На этот раз улыбка получилась совсем глупой, да и кишки вновь напомнили о себе. Не найди я в самом скором времени решения этой проблемы, как бы не пришлось звонить 911. — В Висконсине мы называем их мотелями.

— Что ж, я бы предложил «Тамарак мотор корт», в пяти милях отсюда по сто девяносто шестой дороге в сторону Льюистона. Рядом с автокинотеатром.

— Спасибо за подсказку. — Я поднялся.

— Пустяки. А если захотите подстричься перед вашими встречами, попробуйте «Парикмахерскую Баумера». Он знает свое дело.

— Спасибо. Еще одна хорошая подсказка.

— Подсказки бесплатно, рутбир — за американские деньги. Приятного пребывания в Мэне, мистер Амберсон. Фрэнки? Допивай молочный коктейль и возвращайся в школу.

— Будь уверен, папа. — Теперь мне подмигнул Фрэнк-младший.

— Фрэнк? — пронзительно воскликнула одна из женщин. — Эти апельсины свежие?

— Свежие, как твоя улыбка, Леона, — ответил Аничетти-старший, и женщины захихикали. Только не подумайте, что я ехидничаю. Именно захихикали.

Я прошел мимо них, на ходу прошептав:

— Дамы.

Звякнул колокольчик, и я шагнул в мир, который существовал до моего рождения. На этот раз, вместо того чтобы пересечь улицу и направиться ко двору, в котором находилась «кроличья нора», я углубился в него. На другой стороне улицы алкаш в длинном черном пальто отчаянно жестикулировал, стоя перед продавцом в белой тунике. Карточка, которой он размахивал, из желтой стала оранжевой, но в остальном он следовал сценарию.

Я решил, что это добрый знак.

3

Заправочная станция «Тит Шеврон» располагалась за супермаркетом «Ред энд уайт», где Эл снова и снова покупал продукты для своей закусочной. Согласно ценнику в витрине, лобстеры стоили шестьдесят девять центов за фунт. Напротив супермаркета, на том месте, где в две тысячи одиннадцатом году был пустырь, стоял большущий темно-бордовый сарай с широко раскрытыми воротами и выставленной на продажу всевозможной подержанной мебелью. Преобладали детские кроватки, кресла-качалки и мягкие кресла типа «папа отдыхает». Над воротами висела вывеска с названием магазина: **«ВЕСЕЛЫЙ БЕЛЫЙ СЛОН»**. Рекламный щит, поставленный так, чтобы попасться на глаза ехавшим по дороге на Льюистон, смело заявлял: **«ЕСЛИ У НАС ЭТОГО НЕТ, ЗНАЧИТ, ВАМ ЭТО НЕ НУЖНО»**. В одном из кресел-качалок сидел мужчина — как я предположил, владелец магазина. Он курил трубку и смотрел на меня через дорогу. В

майке и мешковатых коричневых брюках, с козлиной бородкой, которую я счел проявлением храбрости на этом конкретном островке в потоке времени. Его волосы, зачесанные назад и смазанные каким-то маслом, курчавились на шее. Он напомнил мне о старом рок-н-ролльном видео: Джерри Ли Льюис прыгает на пианино и поет «Большие шары огня». Вероятно, хозяин «Веселого белого слона» пользовался репутацией городского битника.

Я склонил голову. Он едва заметно кивнул в ответ, продолжая дымить трубкой.

На «Шеврон» (обычный бензин — девятнадцать целых девять десятых цента за галлон, высокооктановый — на цент дороже) коротко стриженный мужчина в синем комбинезоне занимался поднятым пикапом — как я догадался, принадлежавшим Аничетти.

— Мистер Тит?

Он оглянулся.

— Да?

— Мистер Аничетти сказал, что я могу воспользоваться вашим туалетом.

— Ключ на внутренней стороне входной двери. — *Две-е-йи.*

— Спасибо.

Ключ висел на кольце с деревянной пластинкой с надписью «МУЖЧИНЫ». Тут же имелся и второй ключ, с надписью «ДЕВУШКИ». Увидь это моя бывшая, взбеленилась бы, не без злорадства подумал я.

В чистеньком туалете сильно пахло табачным дымом. Рядом с унитазом стояла пепельница-урна. Судя по количеству окурков, очень многие посетители этой чистенькой комнаты совмещали приятное с полезным.

Выйдя из туалета, я увидел пару десятков подержанных автомобилей, стоявших на небольшой площадке, которая примыкала к заправочной станции. Легкий ветерок колыхал над ними разноцветные флаги. В 2011-м эти тачки стоили бы тысячи долларов — классика, ни больше ни меньше, — а тут их отдавали за семьдесят пять, максимум сто баксов. За чуть ли не новенький «кэдди» просили восемьсот. Вывеска над будкой, в которой сидела милая девчушка с конским хвостом, жевавшая жвачку и не отрывавшая глаз от «Фотоплея», гласила: «ВСЕ ЭТИ АВТОМОБИЛИ НА ХОДУ И С ГАРАНТИЕЙ БИЛЛА ТИТА. МЫ ОБСЛУЖИВАЕМ ТО, ЧТО ПРОДАЕМ!»

Я вернул ключ на дверь, поблагодарил Тита (тот что-то пробурчал, не отрываясь от пикапа) и направился к Главной улице, думая о том, что не помешает постричься, прежде чем идти в банк. От стрижки мои мысли перекинулись к битнику с козлиной бородкой, и я, неожиданно для себя перейдя улицу, остановился перед магазином подержанной мебели.

— Доброе утро.

— Вообще-то уже вторая половина дня, но пусть будет утро, если вам так нравится. — Он попыхивал трубкой, и легкий ветерок донес до меня аромат табака «Черри бленд». Я сразу вспомнил деда, курившего его, когда я был маленьким. Иногда он вдувал дым мне в ухо, чтобы снять боль. Сомневаюсь, что АМА* одобрила бы этот способ лечения.

— Вы продаете чемоданы?

— Да, держу несколько для разнообразия. Не больше двух сотен. Пройдите к дальней стене, а там посмотрите направо.

— Если я куплю один, можно будет оставить его здесь на пару часов, пока я сделаю кое-какие покупки?

— Я работаю до пяти. — Он подставил лицо солнечным лучам. — Дальше — свободное плавание.

4

Я обменял пару старинных долларов Эла на кожаный чемодан, оставил его под прилавком битника, а сам двинулся по Главной улице с портфелем, стукающимся о ногу. Заглянул в витрину зеленого дома и увидел, что продавец сидит за кассовым аппаратом, читает газету. И никаких следов моего приятеля в черном пальто.

Заблудиться в торговом районе не представлялось возможным — он занимал только один квартал. Миновав три или четыре магазинчика за «Кеннебек фрут», я вышел к «Парикмахерской Баумера». В окне вращался красно-белый парикмахерский столб. Рядом с рекламного политического плаката улыбался Эдмунд Маски**. Я помнил его стариком с покатыми плечами, но этот Эдмунд выглядел слишком молодым для того, чтобы голосовать, не говоря уже о том, чтобы куда-то избираться. Плакат гласил:

* Американская медицинская ассоциация.

** Американский политический деятель.

«ОТПРАВИМ ЭДА МАСКИ В СЕНАТ США! ГОЛОСУЙТЕ ЗА ДЕМОКРАТА!» Снизу кто-то приклеил белую ленту с надписью от руки: «ГОВОРИЛИ, В МЭНЕ ЭТОМУ НЕ БЫВАТЬ, НО *МЫ ЭТО СДЕЛАЛИ*! СЛЕДУЮЩИЙ ШАГ — ХАМФРИ* В 1960!»

В парикмахерской у стены сидели два старичка, тогда как третьему подравнивали волосы вокруг плешивой макушки. Оба ожидавших дымили как паровозы. Парикмахер (как я предположил, Баумер) тоже дымил, прищурив один глаз от поднимающегося едкого дыма. Все четверо посмотрели на меня. Взгляды эти меня не удивили: не то чтобы недоверчивые, но точно оценивающие. Кристи придумала им название — янки-взгляды. Есть, оказывается, что-то незыблемое, и так приятно это осознавать.

— Я не из этого города, но я друг, — сообщил я им. — Всю жизнь голосовал только за демократов. — И поднял руку, призывая в свидетели Господа.

Баумер то ли хмыкнул, то ли что-то пробурчал и рассеянно стряхнул упавший с сигареты пепел на пол, где среди срезанных волос валялось несколько раздавленных окурков.

— Гарольд — республиканец. Будьте осторожнее, а не то он вас цапнет.

— Только зубов у него больше нет, — вставил один из стариков, и все рассмеялись.

— Откуда вы, мистер? — спросил Гарольд-республиканец.

— Висконсин. — Я взял журнал «Мэнс эдвенче», пресекая попытки завязать разговор. На обложке недочеловек азиатской наружности с кнутом в затянутой перчаткой руке приближался к очаровательной блондинке, привязанной к столбу. История, которую иллюстрировала картинка с обложки, называлась «ЯПОНСКИЕ СЕКС-РАБЫНИ ТИХОГО ОКЕАНА». Воздух в парикмахерской пропитался удивительной смесью запахов талька, помады и сигаретного дыма. К тому времени, когда Баумер пригласил меня в кресло, я прочитал немалую часть истории о секс-рабынях. Она оказалась не такой возбуждающей, как обложка.

— Путешествуете, мистер Висконсин? — спросил парикмахер, накрывая меня белой вискозной простыней и закрепляя на шее бумажный воротничок.

— Есть такое, — честно признался я.

— Что ж, теперь вы в Божьей стране. Какую длину желаете?

* Губерт Горацио Хамфри — американский политический деятель.

— Настолько коротко, чтобы не выглядеть как... — с губ едва не сорвалось «хиппи», но Баумер этого слова знать не мог, — как битник.

— Да уж, запустили вы их. — Он заработал ножницами. — Еще чуть длиннее — и стали бы похожи на того педика, что хозяйничает в «Веселом белом слоне».

— Я бы этого не хотел.

— Разумеется, сэр, у него тот еще видец.

Закончив, он присыпал мне загривок тальком. Спросил, хочу ли я смазать волосы «Виталисом», «Брилкримом» или «Уайлдрут крим ойл», потом взял с меня сорок центов.

Я бы заплатил и больше.

5

Мой тысячедолларовый депозит никого в «Хоумтаун траст» не удивил. Возможно, помогла недавняя стрижка, но, думаю, главная причина заключалась в том, что это общество еще предпочитало наличные, а кредитные карточки только начали пробивать себе дорогу... и, вероятно, вызывали подозрения у прижимистых янки. Красотка-кассирша с завитыми мелким бесом волосами и камеей на шее сосчитала мои деньги, записала сумму в гроссбух и подозвала заместителя управляющего, который тоже их пересчитал, проверил запись в гроссбухе, а потом выписал квитанцию, в которой указал и депозит, и общую сумму на моем новом счету.

— Вы уж извините, что говорю об этом, мистер Амберсон, но это слишком большая сумма, чтобы носить ее с собой даже чеками. Вы не хотели бы открыть у нас сберегательный вклад? В настоящий момент мы предлагаем три процента годовых, с ежеквартальной капитализацией. — И он широко раскрыл глаза, дабы показать, что за удивительную сделку предлагает, выглядя при этом точь-в-точь как стародавний кубинский руководитель джаз-оркестра Хавьер Кугат.

— Благодарю, но мне предстоят немалые траты. — Я понизил голос. — Закрываю сделку по купле-продаже недвижимости. Во всяком случае, надеюсь на это.

— Удачи вам. — Управляющий тоже понизил голос, признавая конфиденциальность нашего разговора. — Лорейн выдаст вам чеки. Пятидесяти хватит?

— Более чем.

— Позже мы сможем напечатать другие. С вашим именем и адресом. — Он вопросительно приподнял брови.

— Я направляюсь в Дерри. Буду на связи.

— Отлично. Я доступен по «Дрексел восемь четыре-семь-семь-семь».

Я понятия не имел, о чем речь, пока он не протянул мне визитную карточку. «**Грегори Дьюсен, заместитель управляющего**, — прочитал я. — **DRexel 8-4777**».

Лорейн выдала мне чеки и чековую книжку из искусственной кожи под аллигатора. Я поблагодарил ее и положил все в портфель. У двери оглянулся. Два кассира работали на арифмометрах, никакой другой техники я не заметил. Те же ручки и нарукавники. Наверное, Чарлз Диккенс чувствовал бы себя здесь как дома. Мне в голову пришла мысль, что жизнь в прошлом в какой-то степени смахивает на жизнь под водой, когда дышать приходится через трубочку.

6

По совету Эла я зашел в «Магазин мужской одежды Мейсона», и продавец заверил меня, что с радостью возьмет чек, если он выдан местным банком. Благодаря Лорейн я без труда выполнил это условие.

В «Веселом белом слоне» битник молчаливо наблюдал, как я перекладываю содержимое трех пакетов в новый чемодан. Когда я защелкнул замки, он высказал свое мнение:

— Странный способ отовариваться, чел.

— Скорее да, чем нет, — ответил я. — Но ведь и мир тоже странный.

Тут он улыбнулся.

— С этим не поспоришь. Дай пять, Джексон. — И он протянул руку ладонью вверх.

На мгновение возникла та же ситуация, что и с «Дрекселом». Но тут я вспомнил фильм «Девушка угонщика»: в пятидесятых этот жест заменял наше стуканье кулаками. Провел ладонью по его руке, почувствовал тепло и пот, подумал: *Это реально. Это происходит.* И ответил:

— Само собой, чел.

7

Я вернулся на «Тит Шеврон» с наполненным чемоданом в одной руке и портфелем в другой. В 2011 году время только-только перевалило за полдень, но я уже устал. Между заправочной станцией и площадкой для автомобилей стояла телефонная будка. Я вошел внутрь, закрыл дверь и увидел над старинным телефоном-автоматом листок с напечатанной на машинке надписью: «ПОМНИ, ТЕЛЕФОННЫЕ ЗВОНКИ ТЕПЕРЬ СТОЯТ ДАЙМ БЛАГОДАРЯ "МА БЕЛЛ"».

Я пролистал желтые страницы местного телефонного справочника и нашел «Лисбонское такси». На рекламном объявлении фары превратились в глаза, а решетка радиатора — в улыбающийся рот. Обещалось «БЫСТРОЕ И ВЕЖЛИВОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ». Мне понравилось. Я сунул руку в карман, чтобы достать мелочь, однако первым делом нащупал то, чего брать с собой определенно не стоило: «Нокиа», мой мобильник. Древнюю модель по стандартам мира будущего — я собирался поменять его на айфон, — но здесь-то о мобильниках слыхом не слыхивали. И если бы кто-то его увидел, мне бы задали сотню вопросов, на которые я не сумел бы ответить. Я сунул мобильник в портфель, понимая, что от него необходимо избавиться: держать такую вещь при себе — все равно что ходить с тикающей бомбой.

Я отыскал дайм, бросил в щель, и он тут же вывалился в окошечко возврата монет. Я вытащил его — и сразу понял, в чем проблема. Как и «Нокиа», он прибыл со мной из будущего — медный сандвич размером не больше цента. Я вытащил всю мелочь, порылся, нашел дайм пятьдесят третьего года, полученный, вероятно, в «Кеннебек фрут» — сдача с доллара, уплаченного за рутбир. Начал опускать монету в щель — и тут меня прошиб холодный пот. А если бы мой дайм две тысячи второго года застрял в телефоне-автомате, вместо того чтобы вывалиться в окошечко возврата? И как бы, найдя его, поступил техник «Эй-ти энд ти» обслуживавший телефоны-автоматы в Лисбон-Фоллс?

Он подумал бы, что это шутка. Чей-то изощренный розыгрыш.

Но я в этом сомневался — слишком высококачественный был дайм. Его стали бы показывать друг другу, со временем о нем могла бы написать местная газета. На этот раз мне повезло, однако повезет ли в следующий? Я понял, что надо быть куда бди-

тельнее. С нарастающей тревогой подумал о мобильнике. Потом бросил дайм пятьдесят третьего в щель и услышал длинный гудок. Медленно и осторожно набрал номер, пытаясь вспомнить, пользовался ли я когда-нибудь телефоном с дисковым набором. Похоже, что нет. Всякий раз, когда я отпускал диск, он крутился в обратную сторону, издавая странные щелчки.

— «Лисбонское такси», — услышал я женский голос. — Ни мили без улыбки. Чем мы можем вам помочь?

8

Дожидаясь такси, я прошелся по площадке с автомобилями, которые продавал Тит. Особенно мне приглянулся красный «форд»-кабриолет пятьдесят четвертого года выпуска — «санлайнер», если судить по надписи под хромированной фарой со стороны водителя. С белыми боковинами покрышек и парусиновым верхом. Крутые парни из «Девушки угонщика» называли такие машины брезентухами.

— Неплохая штучка, мистер, — раздался у меня за спиной голос Билла Тита. — Мчится, как огонь в степи, сам проверял.

Я повернулся. Он вытирал руки ничем не уступавшей им по промасленности красной тряпкой.

— Ржавчина на порожках.

— Да, конечно, такой здесь климат. — Он пожал плечами, как бы говоря: «Ну что тут поделаешь». — Самое главное, что двигатель в отличном состоянии и покрышки почти новые.

— Восемь цилиндров?

— «Уай-блок», — ответил он, и я кивнул, будто понимал, о чем речь. — Купил у Арлен Хэдли из Дарэма, после того как умер ее муж. Если Билл Хэдли что и умел, так это заботиться об автомобиле... Но вы их не знаете, потому что не местный, так?

— Да. Я из Висконсина. Джордж Амберсон. — Я протянул руку.

Он покачал головой, улыбнулся.

— Рад познакомиться, мистер Амберсон, но я не хочу, чтобы вы запачкались маслом. Считайте, что мы пожали друг другу руки. Вы покупатель или только смотрите?

— Еще не знаю. — Но я солгал. Я уже думал, что никогда в жизни не видел такого классного автомобиля, как «санлайнер». Открыл рот, чтобы спросить, какой у него расход бензина, одна-

ко вовремя осознал, что это бессмысленный вопрос в мире, где можно заполнить бак за два доллара. Вместо этого поинтересовался, механическая ли коробка передач.

— Да. И когда включаешь вторую, надо следить, нет ли копов. Очень быстро набирает скорость. Хотите прокатиться?

— Не могу, — ответил я. — Вызвал такси.

— Это не лучший способ путешествовать. Если купите этого красавца, сможете с шиком вернуться в Висконсин, безо всяких поездов.

— И сколько вы за него просите? На ветровом стекле нет ценника.

— Потому что я выставил его на продажу только позавчера. Не успел написать. — Он достал сигареты. — Триста пятьдесят, но вот что я вам скажу: люблю поторговаться.

Я успел сжать зубы, иначе мое лицо вытянулось бы от удивления, и сказал, что подумаю и, если мысли потекут в правильном направлении, вернусь завтра.

— Лучше возвращайтесь пораньше, мистер Амберсон. Этот автомобиль долго здесь не простоит.

Меня это успокоило. В моем кармане лежали монеты, которыми я не мог оплатить звонок по телефону-автомату, рассчитывались здесь главным образом наличными, диски телефонов-автоматов странно щелкали при наборе номера, но хоть что-то не изменилось.

9

За рулем такси сидел толстяк в мятой шляпе, бейдж на которой гласил: «ЛИЦЕНЗИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОЗЧИК». Он непрерывно курил «Лаки страйк» и отдавал предпочтение радиостанции Дабл-ю-джей-эй-би. Мы прослушали «Сладкое время» сестер Макгуайр, «Охотничью собаку» братьев Эверли и «Пожирателя фиолетовых людей» — последнюю спело некое существо по имени Шеб Вули. Без нее я вполне мог бы прожить. После каждой песни три девицы не самыми мелодичными голосами выводили: «Четыр-надцать со-рок, Дабл-ю-джей-эй-би-и-и... Биг-джэб!» Я узнал, что магазин «Романов» проводит ежегодную тотальную распродажу, а в универмаг «Вулвортс» поступили хулахупы по смехотворной цене — доллар тридцать девять за штуку.

— Никакой пользы от этих чертовых штуковин, только учат детей вихлять бедрами, — пробурчал таксист, позволяя окошку засосать пепел с его сигареты. Больше он по пути от «Тит Шеврон» до «Тамарак мотор корт» не произнес ни слова.

Я опустил стекло, чтобы хоть немного избавиться от сигаретного смога, и наблюдал проплывавший за окном другой мир. Жилых микрорайонов, соединивших Лисбон-Фоллс и Льюистон, еще не существовало. Сельский пейзаж Мэна нарушали лишь несколько заправочных станций и автокинотеатр «Хай-хэт» (афиша предлагала сдвоенный показ — «Головокружение» и «Долгое жаркое лето», оба широкоформатные и в цвете). Коровы встречались гораздо чаще, чем люди.

Гостиница для автомобилистов располагалась в стороне от шоссе, под сенью огромных, величественных вязов. Я вытаращился на них: конечно, не стадо динозавров, но близко к тому. Мистер Лицензированный Перевозчик закурил очередную сигарету.

— Отнести чемоданы, сэр?

— Нет, сам справлюсь.

Цифры на счетчике величественностью с вязами соперничать не могли, но говорили о том, что с меня взяли по двойному тарифу. Я дал таксисту два доллара и попросил пятьдесят центов сдачи. Его это вполне устроило: чаевых хватало на пачку «Лаки страйк».

10

Я получил номер (никаких проблем, наличные на стойку, удостоверения личности не требуется) и с удовольствием вздремнул в комнате, где система кондиционирования состояла из вентилятора на подоконнике. Проснулся посвежевшим (хорошо), да только потом выяснилось, что вечером уснуть не удастся (уже хуже). После заката автомобили по шоссе проезжали очень редко, и глубокая тишина вызывала тревогу. Телевизор «Зенит» весил никак не меньше сотни фунтов. На нем стояла комнатная V-образная антенна, а рядом с ней — табличка: «НАСТРАИВАЙТЕ АНТЕННУ РУКОЙ! НЕ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ФОЛЬГУ! ЗАРАНЕЕ БЛАГОДАРНЫ, АДМИНИСТРАЦИЯ».

Трансляцию вели только три канала. На Эн-би-си по экрану бежали помехи, как бы я ни крутил «рога». На Си-би-эс картин-

ка плыла, и регулировка частоты кадров не помогала. А вот Эйби-си претензий не вызывал. Показывали «Жизнь и легенду Уайатта Эрпа», с Хью О'Брайаном в главной роли. Он застрелил нескольких преступников, потом пошла реклама сигарет «Вайсрой». Стив Маккуин объяснил, что в сигаретах «Вайсрой» есть все: фильтр — для думающих, вкус — для курящих. Пока он закуривал, я поднялся с кровати и выключил телевизор.

Теперь тишину нарушал только стрекот цикад.

Я разделся до трусов, лег, попытался заснуть. Подумал об отце с матерью. Шестилетний папа жил в О-Клэре. Пятилетняя мама — в фермерском доме в Айове. Через три или четыре года дом сгорит дотла, и ее семья переберется в Висконсин, ближе к пересечению жизней родителей, которое со временем приведет к появлению... меня.

Я рехнулся, подумал я. *Рехнулся и страдаю жуткими галлюцинациями в какой-то психиатрической клинике. Возможно, какой-нибудь врач пишет обо мне статью в специализированный журнал. Только называется она не «Человек, который принял жену за шляпу»*, а «Человек, который думал, что он в 1958 году».*

Но я пробежался рукой по шершавому покрывалу, которое еще не откинул, и понял, что все это правда. Подумал о Ли Харви Освальде — однако Освальд принадлежал будущему, и не он тревожил меня в этом музейном номере мотеля.

Я сел на край кровати, открыл портфель и вытащил мобильник, устройство, совершившее путешествие во времени и здесь абсолютно бесполезное. Однако не смог устоять: откинул крышку, включил. На дисплее высветилось: «СЕТЬ НЕДОСТУПНА». Естественно, а чего я ожидал? Отличного приема? Жалобного голоса: «Возвращайся домой, Джейк, пока все не испортил»? Глупая, суеверная идея. Если я что-либо испорчу, то смогу все исправить, потому что каждое путешествие — сброс на ноль. Можно сказать, что путешествия во времени снабжены встроенным предохранителем.

Эта мысль грела душу, но наличие сотового телефона в мире, где цветной телевизор считался величайшим прорывом в области бытовой техники, тревожило. Меня бы не вздернули, как ведьмака, однако могли арестовать и держать в тюрьме до приезда из Вашингтона парней Дж. Эдгара Гувера, чтобы те со мной побеседовали.

---

* Книга английского невролога и психиатра Оливера Сакса.

Я положил мобильник на кровать, потом выгреб из правого кармана всю мелочь, разложил монеты на две кучки. Отчеканенные в пятьдесят восьмом и раньше вернулись в карман. Монеты из будущего я ссыпал в один из конвертов, найденных в ящике стола вместе с гидеоновской Библией и меню навынос от автокинотеатра «Хай-хэт». Потом оделся, взял ключ и вышел из номера.

За дверью стрекот цикад буквально оглушал. В небе висел огрызок луны. Звезды никогда еще не выглядели такими яркими и близкими. По дороге 196 проехал грузовик, затем все вновь стихло. Это была ночь в сельской местности, а сельская местность в столь поздний час спала. Где-то вдалеке локомотив грузового поезда свистком пробил во мраке дыру.

У мотеля стояли только два автомобиля, в номерах свет не горел. Как и в офисе. Ощущая себя преступником, я шагнул в простиравшееся за гостиницей поле. Высокая трава шуршала о мои джинсы, которые завтра я намеревался заменить новенькими банлоновыми брюками.

Проволочная изгородь отмечала границу «Тамарака». Чуть дальше был маленький пруд — селяне называют такие бассейнами. Рядом полдюжины коров спали в теплой ночи. Когда я пролез сквозь изгородь и направился к пруду, одна подняла голову. Потом потеряла ко мне интерес и даже не шелохнулась, когда моя «Нокиа» плюхнулась в воду. Я заклеил конверт с монетами и отправил его вслед за мобильником. Потом вернулся тем же путем, остановился позади мотеля, чтобы убедиться, что сельская местность по-прежнему спит. Она спала.

Я вошел в номер, разделся, лег и мгновенно заснул.

Глава 6

1

Тот же непрерывно куривший таксист приехал за мной следующим утром. Когда он высадил меня у «Тит Шеврон», кабриолет стоял на прежнем месте. Я этого ожидал, но все равно ощутил облегчение. На этот раз я надел серый неприметный пиджак спортивного покроя, купленный в «Мейсоне». Во внутреннем

кармане лежал новенький бумажник из страусиной кожи с пятью сотнями долларов. Тит подошел ко мне, вытирая руки, как мне показалось, все той же тряпкой.

— Утро вечера мудренее, и, проснувшись, я решил, что беру его.

— Это хорошо. — Он кивнул, а потом изобразил на лице сожаление. — Но у меня с утром та же история, мистер Амберсон, и, проснувшись, я понял, что вчера солгал вам, сказав, что могу поторговаться. Знаете, что я услышал за завтраком от жены, когда мы ели оладьи с беконом? Она сказала: «Билл, ты будешь чертовым дураком, если продашь этот «санлайнер» дешевле, чем за три с половиной сотни». Собственно, она сказала, что я уже чертов дурак, раз назвал такую низкую цену.

Я кивнул, словно и не ожидал ничего другого:

— Ладно.

На его лице отразилось изумление.

— Вот что я вам скажу, мистер Тит, — продолжил я. — Я могу выписать вам чек на триста пятьдесят долларов — хороший чек, здешнего отделения «Хоумтаун траст». Можете им позвонить и получить подтверждение. Или могу дать вам триста долларов наличными, которые прямо сейчас достану из кармана. Меньше бумажной волокиты. Что скажете?

Он улыбнулся, продемонстрировав на удивление белоснежные зубы.

— Скажу, что в Висконсине знают, как торговаться. За триста двадцать я прибавлю наклейку и временный номерной знак на четырнадцать дней.

— Триста десять.

— Ох, не заставляйте меня мучиться от стыда. — Но он не мучился, а наслаждался. — Добавьте пятерку, и по рукам.

Я протянул руку.

— Триста пятнадцать меня устроят.

— Заметано. — На этот раз он пожал мне руку, не вспомнив о масле. Кивнул на будку. Сегодня милашка с конским хвостом читала «Конфиденшэл». — Заплатите той молодой даме, которая, так уж вышло, моя дочь. Она выпишет вам квитанцию. Когда закончите, подъезжайте, и я прикреплю наклейку. Добавлю и бак бензина.

Через сорок минут я сидел за рулем «тряпичного форда» пятьдесят четвертого года выпуска, теперь принадлежавшего мне, и ехал на север, к Дерри. Я учился водить на автомобиле с механической

коробкой передач, так что проблем не возникло, но впервые ехал на машине с переключателем скоростей на рулевой колонке. Поначалу это казалось странным, однако как только я к этому привык (потом еще пришлось привыкать к включению дальнего света левой ногой), мне понравилось. И Билл Тит оказался прав насчет второй передачи: на ней «санлайнер» летел как ветер. В Огасте я остановился только для того, чтобы сложить верх. В Уотервилле за девяносто пять центов отлично пообедал мясным рулетом, получив заодно кусок яблочного пирога с шариком мороженого. По сравнению с этим обедом толстобургер стоил целое состояние. Я ехал, подпевая «Скайлайнерс», «Коустерс», «Дел-Викингс», «Элегантс». Светило теплое солнце, ветер ерошил мою новую короткую стрижку, платная автострада (согласно рекламным щитам, «Дорога "Миля-в-минуту"») принадлежала практически мне одному. Все мои сомнения словно утонули в коровьем пруду вместе с мобильником и мелочью будущего. Я пребывал в превосходном настроении.

Пока не увидел Дерри.

2

Что-то было не так с этим городом, и, думаю, я понял это с первого взгляда.

Когда автострада «Миля-в-минуту» скукожилась до двух полос с заплатанным асфальтом, я свернул на шоссе 7, где-то в двадцати милях севернее Ньюпорта поднялся на холм — и увидел Дерри, громоздившийся на западном берегу Кендускига под дымным облаком, поднимавшимся из множества труб целлюлозных и текстильных фабрик, работавших на полную катушку. Через центр города тянулась неровная зеленая полоса. С такого расстояния она напоминала шрам. Вокруг этого неровного зеленого пояса простирались исключительно оттенки серого и черного, а небо над городом желтизной напоминало мочу, спасибо выбросам из всех этих труб.

Я проехал мимо нескольких придорожных ларьков, где продавали овощи и фрукты. Люди, стоявшие за прилавками и глазевшие на мой автомобиль, больше напоминали кровосмесительных уродов из фильма «Освобождение», чем фермеров Мэна. Когда я миновал последний ларек, с надписью «ПРИДОРОЖНАЯ ТОРГОВЛЯ ПРОДУКТАМИ БАУЭРСА», большой беспо-

родный пес, похожий на внебрачного бульдожьего отпрыска, выбежал из-за корзин с помидорами, составленных друг на друга, и помчался за мной, лая, пуская слюну и пытаясь ухватить зубами задние колеса «санлайнера». В зеркало заднего вида я заметил, как к нему подошла худая женщина в комбинезоне и принялась лупить штакетиной.

В таком городе родился и рос Гарри Даннинг, и я возненавидел Дерри с первого взгляда. Без какой-то конкретной причины — возненавидел, и все. Центральный торговый район расположился в котловине между тремя крутыми холмами, и там я сразу ощутил клаустрофобию, словно попал на дно колодца. Мой вишнево-красный «форд» слишком выделялся на улице — отвлекающий (и нежеланный, судя по взглядам, которые он притягивал) цветной мазок на фоне черных «плимутов», коричневых «шевроле» и грязных автофургонов. Через центр города протекал канал, черная вода чуть не выплескивалась через замшелые бетонные стены.

Я нашел место для парковки на Кэнал-стрит. Час стоянки стоил пять центов. Я забыл купить шляпу в Лисбон-Фоллс, и через два или три магазина увидел нужный. Назывался он «Выходная и повседневная одежда. Самая изящная галантерея центрального Мэна». Вряд ли у него были конкуренты.

Я припарковался перед аптекой и, выйдя из «санлайнера», остановился, чтобы прочитать объявление в витрине. Каким-то образом оно обобщало чувства, которые я испытывал к Дерри — глубокое недоверие, ощущение едва сдерживаемой жестокости, — лучше, чем что-либо еще в этом городе, где я прожил почти два месяца. Мне не понравилось все, за исключением нескольких человек, с которыми довелось познакомиться. Объявление гласило:

МЕЛКОЕ ВОРОВСТВО — это НЕ ХОХМА, НЕ ПРИКОЛ и НЕ ЗАБАВА!
МЕЛКОЕ ВОРОВСТВО — это ПРЕСТУПЛЕНИЕ, И МЫ ПОДАДИМ В СУД.

НОРБЕРТ КИН,
ВЛАДЕЛЕЦ и УПРАВЛЯЮЩИЙ.

И я ни на секунду не усомнился, что тощий мужчина в очках и белом халате, смотревший на меня через витрину, и есть мистер Кин. На его лице не читалось: *Заходи, незнакомец, пройдись по торговому залу и купи что-нибудь, хотя бы стакан газировки с*

сиропом. Эти суровые глаза и поджатые губы говорили другое: *Уходи. Для таких, как ты, здесь ничего нет*. Какая-то часть меня твердила, что это выдумки, но я знал: это правда. Ради эксперимента я приветственно вскинул руку.

Мужчина в белом халате не ответил.

До меня дошло, что канал, который я видел, проходит под расположенным в котловине центром города и сейчас я прямо на нем и стою. По вибрации тротуара я чувствовал ногами бег воды. Неприятное ощущение, будто часть земной тверди размягчилась.

В витрине «Выходной и повседневной одежды» стоял мужской манекен в смокинге, с моноклем в глазу и школьным вымпелом в пластмассовой руке. На вымпеле я прочитал: «"ТИГРЫ" ДЕРРИ ЗАГРЫЗУТ "БАНГОРСКИХ БАРАНОВ"!» Подумал, что это уж чересчур, хотя мне нравится боевой дух школьных команд. Побить «Бангорских баранов» — куда ни шло... Но грызть их?

Всего лишь оборот речи, сказал я себе и вошел.

Продавец с висевшим на шее сантиметром направился ко мне. Он был одет не в пример лучше меня, но в свете тусклых потолочных ламп его кожа отливала желтизной. У меня возникло нелепое желание спросить: *Вы продадите мне красивую соломенную летнюю шляпу, или лучше сразу катиться к чертовой матери?* Но тут он улыбнулся, спросил, чем может мне помочь, и все вроде бы вернулось в привычную колею. Искомый предмет нашелся, и я приобрел его за три доллара семьдесят центов.

— Жаль, что походить в ней вам удастся очень короткое время, до наступления холодов, — вздохнул он.

Я надел шляпу, поправил ее перед стоявшим за прилавком зеркалом.

— Может, в этом году нас ждет долгое бабье лето.

Осторожно, почти извиняясь, он изменил наклон шляпы. Буквально на чуть-чуть, но я перестал казаться деревенщиной, приехавшим в большой город, а превратился... ну, в элегантно одетого путешественника во времени из центрального Мэна. Я поблагодарил продавца.

— Пустяки, мистер?..

— Амберсон. — Я протянул руку. Он коротко и вяло пожал ее. По ощущениям, его ладонь была присыпана тальком. Я едва поборол желание вытереть руку о пиджак.

— В Дерри по делам?

— Да. А вы местный?

— Живу с рождения, — ответил продавец и вздохнул, словно здешняя жизнь — тяжелая ноша. Исходя из моих первых впечатлений я предположил, что, возможно, так оно и есть. — Чем занимаетесь, мистер Амберсон, если не сочтете мой вопрос бестактным?

— Торговля недвижимостью. Но пока я здесь, хочу заодно найти моего давнего армейского друга. По фамилии Даннинг. Имени не помню, но мы обычно называли его Скип.

Скипа я придумал на ходу, а вот имени отца Гарри Даннинга правда не знал. В своем сочинении Гарри перечислил имена братьев и сестры, но мужчину с молотком называл исключительно «мой отец» или «мой папа».

— Боюсь, ничем не смогу вам помочь, сэр. — Голос продавца звучал отстраненно. Нас больше ничего не связывало, и, пусть магазин пустовал, он хотел, чтобы я ушел.

— Что ж, возможно, вы поможете мне в другом. Подскажите лучший отель в городе.

— Конечно же, «Дерри-таунхаус». Пройдите назад по Кендускиг-авеню, поверните направо, потом вверх по Подъему-в-милю, это часть Главной улицы. Отель вы узнаете по каретным фонарям.

— Подъему-в-милю?

— Так мы его называем, сэр. Если у вас больше нет вопросов, у меня дела в подсобке.

Когда я вышел из магазина, небо начало темнеть. И это очень четко отпечаталось у меня в памяти: в сентябре и октябре пятьдесят восьмого года, которые я провел в Дерри, вечер, казалось, всегда наступал раньше положенного.

Через один магазин от «Выходной и повседневной одежды» я увидел «Спортивные товары Мейкена», где проводилась «ОСЕННЯЯ РАСПРОДАЖА ОРУЖИЯ». Двое мужчин целились из охотничьих карабинов, а пожилой продавец в галстуке-шнурке (на шее-тростинке) одобрительно на них смотрел. На другой стороне канала теснились бары для рабочего люда, из тех, где можно купить пиво и стопку крепкого за пятьдесят центов, а музыкальные автоматы «Рок-Ола» всегда играют только кантри. Назывались они «Уголок счастья», «Источник желаний» (завсегдатаи, как я потом выяснил, называли его «Ведром крови»), «Два брата», «Золотая стойка» и «Сонный серебряный доллар».

У последнего стояли четверо «синих воротничков», дышали послеполуденным воздухом и смотрели на мой кабриолет. Каждый с кружкой пива и сигаретой. Лица затенены козырьками твидовых кепок. На ногах — большие рабочие ботинки неопределенного цвета, которые мои ученики две тысячи одиннадцатого года называли говнодавами; трое — в подтяжках. Бесстрастные взгляды впились в меня. Я подумал о дворняге, которая бежала за моим автомобилем, лая и пуская слюну, потом пересек улицу.

— Господа, какое тут разливают пиво? — спросил я.

Молчание. Когда я уже отчаялся получить ответ, Бесподтяжечник сподобился разлепить губы.

— «Буд» и «Мик»*, какое еще? Ты откуда?

— Висконсин.

— Вот радость-то, — пробурчал другой.

— Поздновато для туристов, — добавил третий.

— Я в городе по делам, но подумал, что могу поискать старого армейского друга, раз уж я здесь. — Нет ответа, если не считать таковым окурок, брошенный одним из мужчин на тротуар и затушенный плевком размером с небольшую мидию. Тем не менее я продолжил: — Его зовут Скип Даннинг. Кто-нибудь из вас, часом, не знает Даннинга?

— Охота целоваться со свиньей? — осведомился Бесподтяжечник.

— Простите?

Он закатил глаза, уголки его рта опустились, выражение лица однозначно говорило, что перед ним тупица, которому уже не суждено поумнеть.

— В Дерри полно Даннингов. Загляни в чертов телефонный справочник. — Он направился к двери бара. Его команда последовала за ним. Бесподтяжечник открыл дверь, пропуская их, повернулся ко мне.

— Что в этом «форде»? Восьмицилиндровый?

— «Уай-блок», — ответил я таким тоном, будто знаю, о чем говорю.

— Едет быстро?

— Вполне.

— Тогда, может, тебе сесть в него и подняться на холм? Там есть отличные кабаки. Эти бары — для рабочих. — Бесподтяжеч-

* Сокращенные названия популярных марок пива «Будвайзер» и «Микелоб».

ник говорил со мной холодным тоном, с которым я так и не свыкся, хотя постоянно сталкивался с ним в Дерри. — На тебя тут поглядывают. И возможно, будут не только поглядывать, когда закончится смена на «Страйре» и «Бутильере».

— Спасибо. Вы очень добры.

Холода во взгляде не убавилось.

— Ты вообще не понял, да? — бросил он и скрылся в баре.

Я вернулся к кабриолету. С этой серой улицы, пропитанной промышленной вонью, в начавшем угасать дневном свете центр Дерри казался чуть привлекательнее мертвой шлюхи на церковной скамье. Я сел за руль, выжал сцепление, завел двигатель и ощутил сильное желание уехать отсюда. Вернуться в Лисбон-Фоллс, подняться через «кроличью нору» и предложить Элу Темплтону найти другого парня. Только он бы не смог, верно? Его силы иссякли. Да и время подходило к концу. Так что я для него — последний патрон охотника, как говорят в Новой Англии.

Я поехал вверх по Главной улице, увидел каретные фонари (они зажглись в тот самый момент, когда я их заметил) и свернул на разворотный круг перед отелем «Дерри-таунхаус». Пятью минутами позже получил ключ от номера. Так началось мое пребывание в Дерри.

3

К тому времени как я распаковал свои новые вещи (часть оставшихся наличных перекочевала в бумажник, остальные — за подкладку чемодана), мне уже захотелось поесть, но прежде чем спуститься в ресторан и пообедать, я заглянул в телефонный справочник. И мое сердце упало. Мистер Бесподтяжечник оказал мне не слишком теплый прием, но насчет Даннингов оказался прав: их хватало с лихвой, что в городе, что в четырех или пяти поселках, тоже включенных в справочник. Набралось почти на целую страницу. Наверное, не следовало этому удивляться, потому что в маленьких городках некоторые фамилии множатся, как одуванчики на июньской лужайке. За пять лет преподавания английского и литературы в ЛСШ мне пришлось иметь дело с двумя десятками Старбердов и Лемке. Среди них встречались родные братья и сестры, а также двоюродные, троюродные и так далее. Они женились друг на друге и плодили новых Старбердов и Лемке.

Прежде чем отправиться в прошлое, мне бы выкроить время, чтобы позвонить Гарри Даннингу и узнать, как звали его отца... Это бы все упростило. Я бы и позвонил, если бы Эл меня не заворожил. «Но, — подумал я, — так ли все сложно?» Не требовалось быть Шерлоком Холмсом, чтобы найти семью с детьми, которых звали Трой, Артур (он же Тагга), Эллен и Гарри.

С этой подбодрившей меня мыслью я отправился в ресторан отеля, заказал обед из морепродуктов и получил моллюсков и лобстера размером с навесной лодочный мотор. От десерта отказался в пользу пива, которое решил выпить в баре. В прочитанных мной детективах бармены зачастую являли собой бесценный источник информации. Хотя, разумеется, если работник «Таунхауса» ничем не отличается от прочих моих знакомцев в этом городе, мне ничего не обломится.

Предчувствия не оправдались. За стойкой полировал стаканы молодой крепкий парень, коротко стриженный, с круглым лицом.

— Что я могу вам предложить, друг?

Слово на букву «д» мне определенно понравилось, и я широко улыбнулся в ответ.

— «Миллер лайт»?

На его лице отразилось недоумение.

— Никогда о таком не слышал, но у меня есть «Хай лайф»*.

Разумеется, он не слышал о «Миллер лайт», потому что его еще не изобрели.

— Прекрасно. На секунду забыл, что нахожусь на Восточном побережье.

— Откуда вы? — Он скинул крышку открывалкой и поставил передо мной заиндевелый стакан.

— Из Висконсина, но какое-то время побуду здесь. — Хотя бар пустовал, я понизил голос, чтобы наладить доверительные отношения. — Занимаюсь торговлей недвижимостью. Хочу тут что-нибудь приглядеть.

Он уважительно кивнул и наполнил мой стакан, прежде чем я успел протянуть руку к бутылке.

— Вам повезло. Бог свидетель, здесь много чего продается, и по большей части дешево. Я и сам уезжаю. В конце месяца. Переберусь в город, где поменьше злобы.

---

* Марка пива.

— Да, с радушием здесь не очень, но я думал, это обычное для янки дело. В Висконсине мы более дружелюбные, и чтобы это доказать, я угощу вас пивом.

— На работе никакого алкоголя, но я могу выпить колу.

— Валяйте.

— Премного благодарен. В спокойный вечер так приятно пообщаться с джентльменом. — Я наблюдал, как он делает колу: наливает в стакан сироп, добавляет содовой, помешивает. Затем отпивает маленький глоток, чмокает губами. — Люблю сладкое.

Внушительный живот служил наглядным подтверждением.

— Разговоры о том, что янки заносчивые, — чушь собачья, — продолжил он. — Я вырос в Форк-Кенте, и более дружелюбного городка вам не сыскать. Когда туристы из Бостона и той части штата Мэн, что примыкает к Массачусетсу, приезжают к нам, мы их чуть ли не целуем при встрече. Там я закончил школу барменов, потом отправился на юг зарабатывать деньги. Это место мне приглянулось, жалованье предложили неплохое, но... — Он огляделся, никого не увидел, однако все равно понизил голос. — Хотите правду, Джексон? Этот город смердит.

— Я понимаю, о чем вы. Все эти фабрики.

— Если бы только это. Оглянитесь. Что вы видите?

Я выполнил его просьбу. Увидел мужчину, похоже, коммивояжера, сидевшего в углу со стаканом виски с лимонным соком, — и больше ничего.

— Негусто.

— Так здесь всю неделю. Жалованье хорошее, потому что нет чаевых. Пивные в центре города процветают, а к нам кто-то заглядывает по пятницам и субботам, в остальные же дни — пустота. Те, кто мог бы позволить себе прийти сюда, пьют дома. — Он еще понизил голос и теперь почти шептал: — Лето выдалось плохим, друг мой. Местные стараются все замять... В газете об этом особо не писали... Но здесь творилось что-то ужасное. Убийства. Минимум полдесятка. Дети. Недавно одного нашли на Пустоши. Патрика Хокстеттера, так его звали. Совсем разложившегося.

— На Пустоши?

— Это болотистая низина, что тянется через центр города. Вы, вероятно, видели ее, когда подлетали.

Я приехал на автомобиле, но все равно понял, о чем он.

Бармен округлил глаза.

— Так вас интересует эта недвижимость?

— Не могу ответить на этот вопрос. Если пойдут разговоры, мне придется искать новую работу.

— Понимаю, понимаю. — Он выпил половину стакана, потом подавил отрыжку, прикрыв рот рукой. — Но я надеюсь, что все сложится. Ее должны засыпать. Там только болотная жижа да комары. Вы окажете городу услугу. Вдохнете в него новую жизнь.

— Других детей тоже там нашли? — спросил я. Мрачное настроение горожан, которое я почувствовал по приезде, могло объясняться шныряющим по Дерри серийным убийцей детей.

— Насколько я знаю, нет. Говорят, некоторые из пропавших лазили туда, потому что там находятся большие насосные станции, перекачивающие сточные воды. Я слышал, что под Дерри много канализационных коллекторов, большинство построили во время Великой депрессии, и никто в точности не знает, где они проходят. Сами знаете, какие они, дети.

— Любители приключений.

Он энергично кивнул:

— Верно, Эвершарп*. Некоторые говорят, что это бродяга, который перебрался в другое место. Другие утверждают, что убийца — местный, переодевавшийся клоуном, чтобы его не узнали. Первую из жертв — в прошлом году, до моего приезда сюда — нашли на пересечении Уитчем и Джексон. Без руки. Его звали Денбро. Джордж Денбро. Бедный малый. — Бармен многозначительно посмотрел на меня. — Нашли рядом с одним из водостоков, через которые вода сбрасывается в Пустошь.

— Господи.

— Вот именно.

— Однако, как я заметил, вы использовали прошедшее время.

Я уже собрался объяснить, о чем речь, но, вероятно, этот парень на уроках английского языка слушал так же внимательно, как и в школе барменов.

— Вроде бы убийства прекратились, постучим по дереву. — Он постучал по стойке. — Может, тот, кто это делал, собрал ма-

---

* Идиома, берущая начало от радиовикторины «Берешь или оставляешь» (1940—1950), которую спонсировала компания по производству механических карандашей и авторучек «Эвершарп». Во время викторины постоянно повторялся лозунг «Пиши "Эвершарп"». В силу одинакового произношения слов «right» и «write» появилась вышеуказанная идиома.

натки и убрался. А может, этот сукин сын покончил с собой, иногда они так поступают. И это хорошо. Но маленького Коркорэна убил не маньяк в наряде клоуна. Клоуном, совершившим это убийство, оказался, не поверите, его отец.

И я приехал в Дерри, чтобы предотвратить аналогичное преступление. Выходило, что это скорее судьба, чем совпадение. Я глотнул пива.

— Неужели?

— Будьте уверены. Дорси Коркорэн, так звали мальчонку. И знаете, что отец сделал с четырехлетним малышом? Забил насмерть безоткатным молотком.

Молотком. Он сделал это молотком. Я старался изображать вежливый интерес — во всяком случае, надеялся, что на моем лице читается вежливый интерес, — но чувствовал, как по коже бегут мурашки.

— Это ужасно.

— Да, и это еще не... — Бармен замолчал, посмотрел за мое плечо. — Налить вам еще, сэр?

Он обращался к мужчине, прежде сидевшему в углу.

— Мне нет. — Тот протянул долларовую бумажку. — Сейчас пойду спать, а завтра отсюда свалю. Надеюсь, в Уотервилле или Огасте помнят, как заказывать скобяные товары. Сдачу оставь, купишь себе «десото»*. — Он вышел с опущенной головой.

— Видите? Идеальный пример того, что мы имеем в этом оазисе. Один стаканчик, потом в постель, еще увидимся, до скорого. Если так пойдет и дальше, в этом городишке останутся одни призраки. — Бармен выпрямился в полный рост и попытался расправить плечи, круглые, как и все остальное. — Но мне-то что? Первого октября я уйду. Пока-пока. Счастливо оставаться, до новой встречи.

— Отец этого мальчонки, Дорси... Других он не убивал?

— Нет, у него железное алиби. Теперь я вспомнил, не отец, а отчим. Дикки Маклин. Джонни Кисон с регистрационной стойки — он, вероятно, оформлял вам номер — рассказывал мне, что Дикки раньше приходил сюда и выпивал, но его перестали пускать в бар: он попытался снять официантку и начал буянить, когда она послала его понятно куда. После этого, как я понимаю, он пил в «Стойке» или в «Ведре». Там принимают всех.

---

* Модельный ряд автомобилей компании «Крайслер».

Бармен наклонился ко мне так близко, что я смог уловить аромат «Аква велвы».

— Хотите узнать худшее?

Я не хотел, но понимал, что надо. Поэтому кивнул.

— В этой несчастной семье был еще *старший* ребенок. Эдди. Он исчез в июне. Испарился. Ушел, подевался неизвестно куда, если вы понимаете, о чем я. Некоторые думали, что он убежал от Маклина, но любой здравомыслящий человек понимает: тогда пацан объявился бы в Портленде, или в Касл-Роке, или в Портсмуте. Десятилетний малец не может слишком долго не попадаться никому на глаза. Если вы хотите знать мое мнение, Эдди Коркорэн тоже познакомился с молотком, как и его младший брат. Маклин просто в этом не сознался. — Бармен улыбнулся, внезапно и лучезарно, отчего его лунообразное лицо стало почти красивым. — Отговорил я вас от покупки недвижимости в Дерри, мистер?

— Это вопрос не ко мне, — автоматически ответил я, думая о другом. Слышал ли я прежде о маньяке, убивавшем детей в этой части Мэна? Может, видел по телику, глядя в него одним глазом и прислушиваясь к звукам на улице: не идет ли моя поддатая жена, пошатываясь после очередного «выхода в свет»? Вроде бы да, но точно я о Дерри помнил только одно: наводнение в середине восьмидесятых уничтожило полгорода.

— Не отговорил?

— Это не ко мне.

— Не к вам?

— Видите ли, я всего лишь посредник.

— Что ж, удачи вам. Сейчас в городе не так плохо, как прежде... В прошлом июле люди зажимались, как Дорис Дэй* в поясе верности... Но до процветания еще топать и топать. Я парень дружелюбный и люблю дружелюбных людей. Потому и сматываюсь.

— Удачи и вам. — Я поднялся, положил на стойку два доллара.

— Ой, сэр, это очень много.

— Я всегда приплачиваю за хороший разговор. — Если честно, приплатил я за дружелюбное лицо. Разговор меня только встревожил.

---

* Американская певица и актриса. На экране не позволяла никакой фривольности. Дело дошло до того, что в конце 1960-х критики и репортеры окрестили Дорис «всемирной старой девой».

— Что ж, спасибо! — Он просиял, протянул руку. — Я не представился. Фред Туми.

— Рад познакомиться с вами, Фред. Джордж Амберсон. — Его рукопожатие мне понравилось. Никакой присыпки.

— Хотите совет?

— Само собой.

— Пока вы в городе, остерегайтесь заговаривать с детьми. После этого лета незнакомому человеку, обратившемуся к ребенку, придется объясняться с полицией. Или его могут побить. Вполне вероятно.

— Даже если он не в костюме клоуна?

— В этом и беда. — Улыбка погасла, он побледнел и нахмурился, став похожим на горожан Дерри. — Когда вы надеваете клоунский костюм и резиновый нос, никто понятия не имеет, что под ними.

4

Я думал об этом, пока старинный лифт, потрескивая, поднимал меня на третий этаж. По всему выходило, что Фред Туми говорил правду. И что удивительного, если еще один отец примется охаживать семью молотком? Да ничего. Скажут: «Очередное подтверждение того, что Дерри — это Дерри». И пожалуй, будут правы.

Когда я входил в номер, мне в голову пришла по-настоящему жуткая мысль: а если за следующие семь недель я изменю ситуацию так, что старший Даннинг убьет Гарри, вместо того чтобы оставить его хромоногим кретином?

Этому не бывать, заверил я себя. *Я этого не допущу. Как сказала в 2008-м Хиллари Клинтон: «Я ввязываюсь в это, чтобы победить».*

Да только, разумеется, она проиграла.

5

Наутро я позавтракал в ресторане «Риверсайд» на первом этаже отеля. Компанию мне составлял только коммивояжер, которого я видел прошлым вечером. Он сидел, уткнувшись в

городскую газету. Когда ушел, оставив газету на столе, я тут же ее схватил. Меня не интересовала первая страница, посвященная бряцанью оружием на Филиппинах (хотя и возникла мысль, а может, Освальд сейчас именно там), поэтому я сразу раскрыл раздел местных новостей. В 2011-м я постоянно читал «Льюистон сан джорнал», и в ней последняя страница этого раздела всегда называлась «Дела школьные». Здесь распираемые гордостью родители могли увидеть имена своих детей, если они в чем-то где-то победили, или отправились в поход, или участвовали в субботнике по уборке мусора. Имейся аналогичная страница в «Дерри дейли ньюс», я, возможно, отыщу одного из детей Даннинга.

Но последнюю страницу в «Ньюс», увы, отвели под некрологи.

Я просмотрел спортивные сводки, прочитал о грядущем футбольном матче, «Тигры Дерри» против «Баранов Бангора». Трою, согласно сочинению уборщика, исполнилось пятнадцать. Пятнадцатилетний парень вполне мог входить в команду, но наверняка не в стартовый состав.

Я не нашел Даннингов в статьях о предстоящем матче и, хотя внимательно прочитал небольшую заметку о детской футбольной команде («Тигрятах»), не встретил восьмилетнего Артура Даннинга по прозвищу Тагга.

Заплатив за завтрак, я поднялся в свой номер, сунув позаимствованную газету под мышку, думая о том, что детектив из меня никудышный. И вот какая мысль пришла мне в голову после того, как я сосчитал Даннингов в телефонном справочнике (девяносто шесть): Интернет, на который я всецело полагался и который принимал как само собой разумеющееся, заковал меня в кандалы, а то и вообще превратил в калеку. Как бы я отыскал семью Даннингов в 2011 году? Скорее всего набрал бы «Тагга Даннинг» и «Дерри» в адресной строке моего любимого поисковика. Нажал бы клавишу «ввод» — и «Гугл», Старший Брат двадцать первого века, позаботился бы об остальном.

Но в Дерри пятьдесят восьмого компьютеры занимали небольшой жилой микрорайон, а местная газета ничем не могла помочь. Что же оставалось? Я вспомнил совет профессора социологии из колледжа, ехидного старикашки: *Если во всем облом, сдавайся и иди в библиотеку.*

Я пошел.

6

Во второй половине дня, обескураженный (по крайней мере на данный момент), я медленно продвигался вверх по Подъему-в-милю. Немного задержался на пересечении Джексон и Уитчем, чтобы взглянуть на водосток, рядом с которым маленький мальчик по имени Джордж Денбро потерял руку и жизнь (если верить рассказу Фреда Туми). Когда я поднялся на вершину холма, сердце колотилось и мне было тяжело дышать. Не потому, что потерял форму: сказывался грязный вонючий воздух.

Я ощущал разочарование и... испуг. Конечно, мне еще хватало времени, чтобы разыскать семью Даннингов, и я не сомневался, что смогу обзвонить всех перечисленных в телефонном справочнике, если до этого дойдет, даже с риском вызвать подозрения у отца Гарри, ходячей бомбы с часовым механизмом, — но я начал осознавать, откуда у Эла взялось ощущение, будто что-то работает против него.

Я шагал по Канзас-стрит и так глубоко задумался, что не заметил, как дома справа закончились. Земля теперь круто уходила вниз в зеленое, болотистое буйство, которое Туми назвал Пустошью. Только хлипкое, выкрашенное в белый цвет ограждение отделяло тротуар от склона. Я положил руки на перила, всмотрелся в изумрудное царство внизу. Разглядел поблескивающие озерца мутной стоячей воды, высоченные, почти доисторические камыши, заросли колючих кустов. Чахлые деревья боролись за место под солнцем. Я не сомневался, что найду внизу ядовитый плющ, мусор, вполне вероятно, шалаши каких-нибудь бродяг, а также тропы, которые знали только местные подростки. Искатели приключений.

Я стоял и смотрел, но ничего не видел, ушел в себя, слышал, едва осознавая, музыку... что-то такое с духовыми инструментами. Думал о том, как мало продвинулся за это утро. *Ты можешь изменить прошлое,* говорил мне Эл, *но это не так легко, как кажется.*

Что же это за музыка? Что-то веселое, заводное. Оно навело меня на мысли о Кристи, о наших первых днях вместе, когда она кружила мне голову. Когда мы кружили голову друг другу. *Ба-да-да... ба-да-дэ-ди-дам...* Может, Гленн Миллер?

Я пошел в библиотеку, чтобы ознакомиться с протоколами переписи. Последняя общенациональная перепись проводилась

восемью годами ранее, в 1950-м, и могла зафиксировать только троих из четырех детей Даннингов: Троя, Артура и Гарольда. Эллен, которой в год убийств исполнилось семь, еще не родилась. И разумеется, я нашел бы адрес. Конечно, за прошедшие восемь лет семья могла переехать, но в таком случае кто-нибудь из соседей подсказал бы мне куда: городок-то маленький.

Однако протоколов переписи в библиотеке не оказалось. Библиотекарь, очень милая женщина по имени миссис Старрет, объяснила, что протоколам, по ее мнению, *самое место* в библиотеке, но городской совет по какой-то причине решил, что они должны храниться в муниципалитете. И все бумаги перевезли туда в 1954 году.

— Звучит не очень, — улыбнулся я. — Вы же знаете, как говорят: с муниципалитетом не повоюешь.

Ответной улыбки от миссис Старрет я не дождался. Она старалась помочь, выказывала радушие, но и в ней чувствовалась настороженная сдержанность, как и во всех остальных, встреченных мной в этом странном городе. Фред Туми являл собой то самое исключение, которое подтверждает правило.

— Ну что вы такое говорите, мистер Амберсон. В протоколах национальной переписи нет ничего секретного. Отсюда вы прямиком пойдете в муниципалитет и скажете начальнику канцелярии, что вас послала Реджина Старрет. Ее зовут Марша Гуэй. Она вам поможет. Хотя протоколы, думаю, хранятся в подвале, а это, конечно же, неправильно. Прежде всего сырость, да еще, возможно, мыши. Меня это не удивит. Если возникнут какие-нибудь проблемы — любые проблемы, — возвращайтесь сюда и скажите мне.

Я пошел в муниципалитет, в вестибюле которого увидел плакат: «РОДИТЕЛИ, НАПОМИНАЙТЕ СВОИМ ДЕТЯМ, ЧТО ОНИ ДОЛЖНЫ ИГРАТЬ ТОЛЬКО С ДРУЗЬЯМИ И НЕ РАЗГОВАРИВАТЬ С НЕЗНАКОМЦАМИ». Несколько человек стояли в очереди к различным окошкам (большинство курили — само собой). Марша Гуэй приветствовала меня смущенной улыбкой. Миссис Старрет позвонила ей заранее и, не сомневаюсь, пришла в ужас, узнав от мисс Гуэй, что протоколов переписи пятидесятого года больше нет, как и всех документов, хранившихся в подвале муниципалитета.

— В прошлом году шли ужасные дожди, — поведала мне мисс Гуэй. — Целую неделю. Канал вышел из берегов, Нижний го-

род — так старожилы называют центр, мистер Амберсон, — затопило. И все в Нижнем городе. Наш подвал почти месяц напоминал Большой канал в Венеции. Миссис Старрет права, эти протоколы не следовало забирать из библиотеки, и никто, похоже, не знает, почему их забрали и кто отдал такое распоряжение. Я очень сожалею, мистер Амберсон.

Тут уж я не мог не испытать то, что ощущал Эл, когда пытался спасти Каролин Пулин: я словно находился в тюрьме с эластичными стенами. И что теперь? Ходить по местным школам в поисках мальчишки, похожего на шестидесятилетнего уборщика, который только что вышел на пенсию? Или сосредоточиться на семилетней девочке, которая могла рассмешить одноклассников до колик? Надеяться, что кто-нибудь крикнет: *Эй, Тагга, подождешь меня?*

Дельная мысль. Особенно с учетом висевшего в вестибюле муниципалитета плаката, предупреждавшего родителей об опасных незнакомцах. Если я хочу привлечь внимание полиции, лучшего способа не найти.

Одно я знал точно: из «Дерри-таунхаус» надо съезжать. По ценам пятьдесят восьмого года я мог жить там неделями, но пошли бы разговоры. Я решил просмотреть объявления и найти комнату, чтобы снять на месяц-другой. Повернулся к Нижнему городу, остановился.

Ба-да-да... ба-да-дэ-ди-дам.

Точно Гленн Миллер. «В настроении» — композиция, которую я знал очень хорошо. Заинтригованный, я пошел на звуки музыки.

7

Хлипкое ограждение привело меня к небольшой площадке для пикника, расположившейся между Канзас-стрит и склоном, уходившим в Пустошь. На площадке стояли каменный мангал для жарки мяса и два столика, плюс ржавая урна. На одном из столиков возвышался переносной проигрыватель с большой черной пластинкой на семьдесят восемь оборотов.

На траве танцевали неуклюжий подросток в очках с обмотанной изолентой дужкой и совершенно фантастическая рыжеволосая девочка. В ЛСШ мы называли таких «междулетки». Но танцевали они по-взрослому. Причем не просто дергались под бы-

струю музыку — танцевали свинг. Они зачаровали меня, но при этом... что? Испугали? Скорее да, чем нет. Практически все время, проведенное в Дерри, меня не покидал страх. Однако тут я столкнулся с чем-то еще, чем-то значимым. Словно оказался на пороге какого-то открытия. Или всматривался (сквозь тусклое стекло*, вы понимаете) в механизм мироздания.

Потому что я встретил Кристи в классе свинга в Льюистоне, и мы учились танцевать, в том числе и под эту композицию. Позже, в наш лучший год, шесть месяцев до свадьбы и шесть после, мы танцевали на турнирах, один раз заняли четвертое место (по словам Кристи, «первое среди прочих») на Новоанглийском соревновании по танцам в стиле свинг. Нашей песней была чуть замедленная версия «Буги шуз» «Кей-Си энд Саншайн бэнд».

Это не совпадение, думал я, наблюдая за ними, парнишкой в джинсах и футболке с круглым вырезом под горло и девчонкой в белой блузке навыпуск и вылинявших красных капри. Потрясающие волосы собраны на затылке в конский хвост — точно так же делала Кристи, когда мы выступали на турнирах. Только она надевала длинные белые гольфы и классическую юбку с пуделем**.

Это не может быть совпадением.

Они исполняли танец из «Все кувырком», ту разновидность свинга, что зовется линди. По замыслу это быстрый танец — его исполняют со скоростью молнии, если хватает сил и грации, — но парочка двигалась медленно, потому что разучивала шаги. Я видел каждое движение изнутри. Знал их все, хотя не танцевал свинг уже лет пять, а то и больше. Партнеры идут вместе, взявшись за руки. Он чуть наклоняется и бьет по воздуху левой ногой. Она делает то же самое. Оба сгибаются в талии, словно собираясь разойтись в разные стороны, отдаляются друг от друга, по-прежнему со сцепленными руками. Потом она резко поворачивается, сначала налево, потом направо...

Но с обратным поворотом у них не вышло, и она плюхнулась на траву.

— Господи, Ричи, ты никогда не сделаешь это правильно! Боже, это безнадежно! — Однако она смеялась. Потом легла на спину, уставившись в небо.

---

* «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло...» — Первое послание к коринфянам, 7:12.

** Широкая одноцветная юбка из фетра, обычно с аппликацией, изображающей французского пуделя.

— Я осень извиняюсь, мисс Скавлетт, — пронзительно заверещал парнишка голосом пиканинни*, который к политкорректному двадцать первому столетию давно уже отправили на дно морское, крепко привязав к чугунному ядру. — Я всего лишь необразованный деревенсина. Но я буду уситься етому танцу, даже если он вышибет из меня дух!

— Если из кого и вышибет, так это из меня, — ответила она. — Ставь пластинку сначала, пока я не потеряла... — Тут они оба увидели меня.

Странный момент. В Дерри существовал некий незримый барьер. Я буквально видел его. Местные находились по одну сторону, чужаки (вроде Туми, вроде меня) — по другую. Иногда местные выходили из-за барьера, как миссис Старрет, библиотекарь, возмущенная передачей в муниципалитет протоколов переписи, — но если ты задавал много вопросов или заставал кого-то врасплох, он сразу же прятался.

А тут, пусть я и свалился как снег на голову, детки не спрятались. Их лица остались совершенно открытыми, полными любопытства и интереса.

— Извините, извините, — первым заговорил я. — Не хотел вас пугать. Услышал музыку, а потом увидел, как вы танцуете линди-хоп.

— Вы хотите сказать, *пытаемся* танцевать линди-хоп, — поправил меня парнишка. Помог девушке встать. Поклонился. — Ричи Тозиер, к вашим услугам. Мои друзья говорят: «Ричи-Рич — подзаборная дичь», — но что они понимают?

— Приятно с тобой познакомиться, — ответил я. — Джордж Амберсон. — И тут у меня вырвалось: — Мои друзья говорят: «Джорджи-Джордж — морщинистый морж», — но они тоже ничего не понимают.

Девочка, хохоча, уселась на одну из скамеек. Парнишка вскинул руки и завопил:

— Странный взрослый выдал классный прикол! Круто-круто-круто! Прэ-э-элестно! Эд Макмейхон, что у нас есть для этого удивительного человека? Что ж, Джонни, сегодняшний приз в телевикторине «Кому вы доверяете» — полный комплект энциклопедии «Британника», пылесос «Электролюкс», чтобы всасывать все, что...

* Пренебрежительное прозвище чернокожего ребенка.

— Бип-бип, Ричи. — Девочка вытирала катившиеся из глаз слезы.

Вернулся пиканинни:

— Я осень извиняюсь, мисс Скавлетт. Не пвиказывайте отхлестать меня плетьми! У меня с пвошлого ваза швамы не зазили.

— Кто вы, мисс? — спросил я.

— Бевви-Бевви, я живу на ели, — ответила она и вновь захохотала. — Извините... Ричи — дурак, но мне прощения нет. Беверли Марш. Вы не местный, да?

Это все отмечали сразу.

— Нет, и вы двое, похоже, тоже. Вы — первые встреченные мной деррийцы, которые не выглядят... угрюмыми.

— Да уж, это угрюмый городишко, — ответил Ричи и снял с пластинки иглу. Она давно уже крутилась по последней дорожке.

— Как я понимаю, люди особенно тревожатся о детях. Обратите внимание: я к вам не подхожу. Вы на траве, я на тротуаре.

— Что-то они не больно тревожились, пока продолжались убийства, — пробурчал Ричи. — Вы знаете об убийствах?

Я кивнул.

— Я остановился в «Таунхаусе». Один из сотрудников мне рассказал.

— Да, теперь, когда с убийствами покончено, они озаботились благополучием детей. — Ричи сел рядом с Бевви, которая жила на ели. — А когда детей убивали, и бровью не вели.

— Ричи, бип-бип, — повторила Бевви.

На этот раз парнишка скверно сымитировал Хамфри Богарта:

— Но это же правда, шладенькая. И ты знаешь, что это правда.

— С этим покончено, — сообщила мне Бевви. Очень серьезно, словно официальный представитель Торговой палаты. — Они просто не знают, что с этим покончено.

— *Они* — это горожане или взрослые вообще?

Она пожала плечами, как бы говоря: *Какая разница?*

— Но вы знаете.

— Если на то пошло, мы знаем, — ответил Ричи. С вызовом посмотрел на меня, однако глаза за чиненными очками блестели маниакальным смехом. И у меня сложилось впечатление, что смех этот никогда их не покидал.

Я шагнул на траву. Они не убежали, вопя во весь голос. Более того, Бевви пододвинулась (толкнув локтем Ричи, чтобы он по-

следовал ее примеру), освобождая мне место. Получалось, что они либо очень храбрые, либо очень глупые — однако эти ребята никак не выглядели глупыми.

Затем девочка задала два вопроса, которые меня огорошили:

— Я вас знаю? *Мы* вас знаем?

Прежде чем я успел ответить, заговорил Ричи:

— Нет, не в этом дело. Просто... ну, как бы это сказать... Вам что-то нужно, мистер Амберсон? Ведь так?

— Честно говоря, да. Кое-какие сведения. Но как вы это узнали? И как вы узнали, что я не опасен?

Они переглянулись, между ними прошел какой-то сигнал. Конечно же, я не мог знать, какой именно, но кое-что точно уловил: они чувствовали, что я не просто приехал из другого города... И не боялись в отличие от Желтой Карточки. Совсем наоборот: их это влекло. И еще я подумал, что эти симпатичные бесстрашные ребятки могли бы рассказать о кое-чем интересном, если бы захотели. Я до сих пор гадаю о чем.

— Просто вы неопасный, — ответил Ричи и посмотрел на девушку. Та согласно кивнула.

— Вы уверены, что... плохие времена... закончились?

— По большей части, — ответила Беверли. — Все должно стать лучше. Я думаю, для Дерри плохие времена закончились, мистер Амберсон... Но это гиблое место... Во многих смыслах.

— Допустим, я скажу... чисто гипотетически... что на горизонте маячит еще одно плохое событие? Похожее на то, что случилось с маленьким мальчиком по имени Дорси Коркорэн?

Они поморщились, словно я ущипнул их за то место, где нервы подходят к самой коже. Беверли повернулась к Ричи и что-то шепнула ему на ухо. Не могу утверждать, что именно, она шепнула быстро и тихо, но вроде бы я услышал: *Это не клоун*. Потом Беверли вновь посмотрела на меня.

— Какое плохое событие? Вроде того, когда отец Дорси...

— Не важно. Вы не должны этого знать. — Пора приступать к главному. Они могли мне помочь. Не знаю, с чего я так решил, но я был в этом уверен. — Вы знаете детей по фамилии Даннинг? — Я начал загибать пальцы. — Троя, Артура, Гарри и Эллен? Только Артура еще зовут...

— Тагга, — перебила Беверли. — Конечно, мы его знаем, он ходит в нашу школу. Мы разучиваем линди для школьного конкурса талантов, который проводится накануне Дня благодарения...

— Мисс Скавлетт, она уверена, сем *раньше* насинаешь практиковаться, тем лутьсе, — вставил Ричи.

Беверли Марш его словно и не услышала.

— Тагга тоже записался на конкурс. Он собирается спеть под фонограмму «Плюх-Плюх»*. — Она закатила глаза. Это у нее получалось отлично.

— Где он живет? Вы знаете?

Они знали, это точно, но ни один не произнес ни слова. Они собирались молчать, если буду молчать я. Это читалось на их лицах.

— Допустим, велика вероятность того, что Тагга не сможет выступить на конкурсе талантов, если за ним не приглядеть. Его братья и сестра тоже. Вы можете в такое поверить?

Они опять переглянулись, будто общались без слов. Времени на это ушло много, наверное, секунд десять. Такие взгляды свойственны влюбленным, но эти междулетки до любви еще не доросли. Впрочем, свойственны они и друзьям. Близким друзьям, которым пришлось что-то пережить вместе.

— Тагга и его семья живут на Коссат-стрит, — наконец ответил Ричи. Так я, во всяком случае, услышал.

— Коссат?

— Да, — кивнула Беверли. — С двумя «с».

— Понял. — Оставался один вопрос: станут ли они болтать о нашем разговоре на границе Пустоши?

Беверли смотрела на меня, пристально и тревожно.

— Мистер Амберсон, я знаю отца Тагги. Он работает в «Супермаркете на Центральной». *Милый* человек. Всегда улыбается. Он...

— Этот милый человек больше не живет дома, — вмешался Ричи. — Жена выгнала его.

Она повернулась к нему, ее глаза широко раскрылись.

— Тебе сказал Таг?

— Нет. Бен Хэнском. Таг сказал *ему*.

— Он все равно милый человек, — тихим голосом возразила Беверли. — Всегда шутит и все такое, но руки в ход не пускает.

— Клоуны тоже много шутят, — напомнил я. Они подпрыгнули, словно я вновь ущипнул их за нервный узел. — Но милыми от этого не становятся.

---

* Песня американского певца, актера и музыканта Бобби Дарина.

— Мы в курсе, — прошептала Беверли. Она смотрела на свои руки. Потом вскинула глаза на меня. — Вы знаете о Черепахе? — Последнее слово прозвучало как имя собственное.

Я уже собрался сказать, что знаю черепашек-ниндзя, но предпочел промолчать. До появления Леонардо, Донателло, Рафаэля и Микеланджело оставалось еще несколько десятилетий. И я лишь покачал головой.

Она с сомнением посмотрела на Ричи. Он — на меня, потом вновь на нее.

— Но он хороший. Я практически уверена, что он хороший. — Она коснулась моего запястья. Холодными пальцами. — Мистер Даннинг — *милый* человек. И если он больше не живет дома, это ничего не значит.

Тут она попала в десятку. Моя жена ушла от меня, но не потому, что я оказался плохим.

— Это верно. — Я поднялся. — Я еще какое-то время побуду в Дерри, и мне не хотелось бы привлекать к себе внимание. Вы сможете никому об этом не рассказывать? Я понимаю, что прошу о многом, но...

Они переглянулись... и расхохотались.

Беверли отсмеялась первой.

— Мы умеем хранить секреты.

Я кивнул:

— Я в этом уверен. Готов спорить, несколько накопилось за это лето.

Молчание.

Я ткнул пальцем в сторону Пустоши:

— Играли там, внизу?

— Одно время, — ответил Ричи. — Теперь нет. — Он отряхнул джинсы. — Приятно поговорить с вами, мистер Амберсон. Глядите в оба. — Мальчик замялся. — В Дерри надо быть начеку. Сейчас, конечно, стало лучше, но я не думаю, что все будет, вы понимаете, совсем хорошо.

— Спасибо. Спасибо вам обоим. Может, когда-нибудь у семьи Даннингов тоже появится повод поблагодарить вас, но если все пойдет так, как я рассчитываю, они...

— ...Ничего не узнают, — закончила за меня Беверли.

— Именно. — И, вспомнив фразу Фреда Туми, я добавил: — Верно, Эвершарп. Вы двое тоже берегите себя.

— Обязательно, — ответила Беверли и снова захихикала. — Привет моржу.

Я отсалютовал, прикоснувшись к полям новой соломенной шляпы, и двинулся прочь. Но внезапно мелькнувшая мысль заставила меня остановиться и повернуться к ним.

— Этот проигрыватель подходит для тридцати трех оборотов?

— Для долгоиграющих пластинок? — спросил Ричи. — Нет. Вот наш домашний хай-фай подходит, а у Бевви — так, детская игрушка на батарейках.

— Думай, что говоришь, Тозиер! — вскинулась Бевви. — Я копила на него деньги! — Она повернулась ко мне. — У него две скорости, семьдесят восемь и сорок пять оборотов. Только я потеряла пластиковую штуковину для установки сорокопяток, поэтому можно крутить только пластинки на семьдесят восемь.

— Сорок пять тоже подойдет, — кивнул я. — Поставь пластинку снова, но на сорока пяти. — Уменьшать скорость для разучивания шагов в свинге нас с Кристи научили на занятиях танцами.

— Папаша сбрендил, — прокомментировал Ричи, однако передвинул рычажок и опустил иглу на пластинку. Судя по звуку, оркестранты Гленна Миллера закинулись куаалюдом*.

— Ладно. — Я протянул руки к Беверли. — Ричи, смотри внимательно.

Она доверчиво взялась за мои руки, глядя на меня снизу вверх широко раскрытыми веселыми глазами. Я задался вопросом, где и кем она будет в 2011 году. Если, конечно, доживет. А при условии, что доживет, будет ли помнить странного мужчину, который задавал странные вопросы и однажды, солнечным сентябрьским днем, станцевал с ней под замедленную версию «В настроении»?

— Вы уже проделывали все это медленно. Сейчас будет еще медленнее, но вы сможете сохранить ритм. И времени хватит для каждого шага.

Время. Много времени. Пусти пластинку снова, но на замедленной скорости.

Я потянул Беверли на себя, за руки, позволил податься назад. Мы оба наклонились, как люди, находящиеся под водой, ударили по воздуху левыми ногами, а оркестр Гленна Миллера играл: *Ба-а-а-а... да-а-а-а... да-а-а-а-а... ба-а-а-а-а... да-а-а-а-а... да-а-а-а... ди-и-и... дам-м-м-м-м.* На той же замедленной скорости,

* Сильное успокаивающее средство со снотворным эффектом.

словно заводная игрушка, пружина которой почти что распрямилась, Бевви крутанулась налево под моими поднятыми руками.

— Стоп! — воскликнул я, и она замерла, спиной ко мне. Наши руки оставались сцепленными. — Теперь сдави мне правую руку и напомни, что идет следом.

Она сдавила, потом крутанулась в обратную сторону и двинулась вправо от меня.

— Класс! Теперь я должна нырнуть под вас, а вы — вытащить меня назад. Потом я переворачиваюсь. Мы это делали на траве, чтобы я не сломала шею, если не получится.

— Эту часть я оставлю вам. Я слишком старый и переворачивать теперь могу только гамбургеры.

Ричи вновь вскинул руки со сжатыми кулаками.

— Круто-круто-круто! Этот странный взрослый выдает *еще один* классный...

— Бип-бип, Ричи, — прервал его я. Конечно же, он расхохотался. — Теперь пробуй ты. И разработайте сигналы рук для всех движений, что сложнее двух притопов на местных танцульках. Если и не выиграете конкурс талантов, все равно выглядеть будете хорошо.

Ричи взял Беверли за руки, и они начали танцевать. Сблизились, отодвинулись, пошли с вращением Беверли налево, потом с вращением направо. Она нырнула ногами вперед между расставленных ног Ричи, ловкая, как рыбка. Потом Ричи вытянул ее назад. Закончила она эффектным переворотом, приземлившись на ноги. Ричи снова взял ее за руки, и они все повторили. Во второй раз вышло лучше.

— Мы сбились с ритма, когда я вытаскивал тебя, — пожаловался Ричи.

— Вы не собьетесь, когда пластинка будет крутиться с нормальной скоростью. Поверь мне.

— Мне нравится, — ответила Беверли. — Словно смотришь на все через увеличительное стекло. — Она поднялась на цыпочки и повернулась на триста шестьдесят градусов. — Я чувствую себя актрисой Лоретой Янг в начале шоу, когда она выходит в развевающемся платье.

— Меня кличут Артур Мюррей, я из Миз-У-У-У-ри, — прокричал Ричи. Он тоже выглядел крайне довольным.

— Сейчас я увеличу скорость, — предупредил я. — Помните ваши сигналы. И выдерживайте ритм. Все дело в ритме.

Оркестр Гленна Миллера играл нежную мелодию, детки танцевали. На траве рядом с ними танцевали их тени. Отодвинулись... сблизились... наклон... пинок... вращение влево... вращение вправо... между ног... обратно и *переворот*. До совершенства далеко, и с шагами еще следовало разобраться, но смотрелись они неплохо.

Чего там. Смотрелись они прекрасно. Впервые с того момента, как я поднялся на вершину холма и увидел Дерри, громоздящийся на западном берегу Кендускига, я ощутил себя счастливым. И чтобы это чувство оставалось со мной подольше, ушел от них, на ходу повторяя древний совет: не оглядывайся, никогда не оглядывайся. Сколько раз люди говорили себе эти слова, после того как на их долю выпало что-то исключительно хорошее (или исключительно плохое)? Полагаю, много. И совету этому обычно не следовали. Люди созданы, чтобы оглядываться. Именно для этого у нас в шее шарнир.

Я прошел полквартала, потом оглянулся, думая, что они смотрят мне вслед. Они не смотрели. Танцевали. И это было замечательно.

8

В паре кварталов по Канзас-стрит находилась заправочная станция «Городская служба». Я зашел в офис, чтобы узнать, как пройти на Коссат-стрит, с двумя «с». Из ремонтной мастерской доносились гудение компрессора и жестяное дребезжание поп-музыки, но офис пустовал. Меня это вполне устроило. Потому что рядом с кассовым аппаратом я увидел кое-что более полезное: металлическую стойку с картами. В верхнем отделении лежала карта города, грязная и одинокая. Первую страницу украшал фотоснимок невероятно уродливой пластмассовой статуи Пола Баньяна. С топором на плече, он, подняв голову, улыбался летнему солнцу. *Только Дерри,* подумал я, *может поклоняться пластмассовой статуе мифического лесоруба.*

За заправочными колонками стоял газетный лоток. Я взял экземпляр «Дейли ньюс», чтобы вложить в него карту. Положил пятак на стопку газет, где уже скопилась кучка мелочи. Не знаю, как с честностью, но с доверчивостью в пятьдесят восьмом все было в порядке.

Согласно карте, Коссат-стрит находилась в той же части города, что и Канзас-стрит, в каких-то пятнадцати минутах неспешной прогулки от автозаправочной станции. Я шагал под вязами, еще не тронутыми «голландской болезнью», которая практически полностью уничтожит их в семидесятых. Пока они зеленели, как в июле. Дети проезжали мимо меня на велосипедах, играли в камешки на подъездных дорожках. Небольшие группы взрослых собирались на автобусных остановках, местонахождение которых отмечали белые полосы на телеграфных столбах. Дерри занимался своими делами, а я — своими, мужчина в неприметном пиджаке спортивного покроя и новой летней соломенной шляпе, чуть сдвинутой на затылок, мужчина со сложенной газетой в руке. Такой мог искать дворовые или гаражные распродажи. Или хорошие жилые дома, может, общественные здания, продающиеся по дешевке. Такой мужчина не должен был выглядеть посторонним.

Во всяком случае, я на это надеялся.

По обеим сторонам обсаженной зелеными изгородями Коссат-стрит выстроились старомодные новоанглийские дома-солонки. На лужайках вращались разбрызгиватели. Мимо меня пробежали два мальчика, перебрасывая друг другу футбольный мяч. Какая-то женщина мыла автомобиль-универсал. Волосы она забрала наверх и завязала платком. С нижней губы свисала неизменная сигарета. Иногда женщина направляла струю на собаку, которая с лаем отскакивала прочь. Коссат-стрит выглядела идеальным местом для натурных съемок какого-нибудь телесериала из жизни маленького городка.

Две маленькие девочки крутили скакалку, в то время как третья безо всяких усилий подпрыгивала, пропуская ее под ногами, и пела: «Чарли Чаплин во Франции щас! Смотрит, как дамы танцуют у нас! Салют капитану! Салют королю! И всех вас, конечно, я тоже люблю!» Скакалка стукала-стукала-стукала по мостовой. Я почувствовал на себе взгляд. Женщина с платком на голове перестала мыть автомобиль. Замерла со шлангом в одной руке и большой намыленной губкой в другой. Наблюдала, как я подхожу к играющим девочкам. Но я обогнул их по широкой дуге, и женщина вернулась к прерванному занятию.

А я ведь сильно рисковал, заговорив с этими детишками на Канзас-стрит, подумал я. И сам себе не поверил. Вот если бы я прошел слишком близко от девочек... Да, тут бы меня ждали

крупные неприятности. Однако Ричи и Бев были своими в доску, я это понял, как только их увидел, да и они приняли меня за своего. Одного поля ягоды.

Мы вас знаем? — спросила девчушка. Бевви-Бевви, которая жила на ели.

Коссат-стрит заканчивалась тупиком, упираясь в большое здание, Вестсайдский оздоровительный центр. Он не работал, а на заросшей сорняками лужайке стояла табличка с надписью «ПРОДАЕТСЯ МУНИЦИПАЛИТЕТОМ». Такой объект, несомненно, представлял интерес для любого уважающего себя охотника за недвижимостью. В двух домах от центра, по правую руку, маленькая девочка с морковными волосами и веснушчатым личиком каталась взад-вперед по асфальтовой подъездной дорожке на велосипеде с двумя маленькими дополнительными колесиками. Она распевала вариации одной фразы: «Бинг-бонг, я услышала гонг, динг-донг, я услышала гонг, ринг-ронг, я услышала гонг...»

Я направлялся к оздоровительному центру с таким видом, будто больше всего на свете хотел рассмотреть его вблизи, но краем глаза продолжал наблюдать за маленькой Рыжевлаской. Она раскачивалась из стороны в сторону, словно пытаясь понять, как далеко сможет отклониться, прежде чем перевернется. Судя по поцарапанным голеням, в эту игру она играла не в первый раз. Фамилии на почтовом ящике я не увидел. Только номер дома: 379.

Я подошел к табличке «ПРОДАЕТСЯ» и записал всю информацию на газету. Потом развернулся и зашагал в обратном направлении. Когда проходил мимо дома 379 (по другой стороне улицы, уткнувшись в газету), на крыльцо вышла женщина. И мальчишка. Он жевал что-то завернутое в салфетку. А в свободной руке держал духовушку «Дейзи», которой менее чем через два месяца попытается испугать разбушевавшегося отца.

— Эллен! — крикнула женщина. — Слезь с него, пока не свалилась! Иди в дом и возьми булочку.

Эллен Даннинг слезла с велосипеда, бросила его на бок и побежала к дому, во все горло крича:

— Синг-*сонг*, я слышала гонг!

Пряди ее волос, не такого красивого оттенка, как у Беверли Марш, мотались из стороны в сторону.

Мальчик, который, повзрослев, напишет сочинение, пронявшее меня до слез, последовал за ней. Мальчик, которому предстояло выжить.

При условии, что мне не удастся все изменить. Но теперь, когда я увидел их, реальных людей, живущих реальной жизнью, получалось, что другого выхода у меня нет.

Глава 7

1

Как рассказать о семи неделях, проведенных в Дерри? Как объяснить, почему я возненавидел этот город и начал его бояться?

Не потому, что он хранил секреты (а он хранил), не потому, что там совершались ужасные преступления (а они совершались) и некоторые остались нераскрытыми. *С этим покончено,* сказала девчушка по имени Беверли, и мальчишка по имени Ричи это подтвердил, да и я тоже пришел к такому выводу... Вот только тень, накрывавшая этот город со странным центром-котловиной, никуда не делась.

Ненавидеть Дерри меня заставило предчувствие надвигавшейся неудачи. И ощущение тюрьмы с эластичными стенами. Если бы я захотел уйти, они бы выпустили меня (с готовностью), но если бы остался, только сдавливали бы сильнее и сильнее. Сдавливали бы, пока не лишили бы способности дышать. И — самое худшее — вариант с бегством я теперь не рассматривал, потому что уже увидел Гарри до того, как он охромел и обрел доверчивую, чуть изумленную улыбку. До того, как он превратился в Гарри-Жабу, прыгающего по а-ве-ню.

Я увидел и его сестру. И она перестала быть именем в старательно написанном сочинении, безликой маленькой девочкой, которая любила собирать цветы и ставить их в вазы. Иногда я лежал без сна, думая о том, как в хэллоуинский вечер она хотела выйти на охоту за сластями в костюме принцессы Летоосень Зимавесенней. И без моего вмешательства этого не случится. Зато ее будет ждать гроб после долгой и безуспешной борьбы за жизнь. Гроб будет ждать и ее мать, имени которой я еще не знал. И Троя. И Артура, которого все звали Таггой.

И я не знал, как бы сумел ужиться со своей совестью, если бы позволил этому случиться. Потому остался, но мне пришлось

нелегко. А когда я думал о том, что все это придется повторить в Далласе, мой разум вскипал. По крайней мере, говорил я себе, Даллас — не Дерри. Потому что второго такого города, как Дерри, просто быть не могло.

И как мне все это рассказать?

В мою бытность учителем я постоянно делал упор на простоту. И в художественной литературе, и в документальной прозе существуют только один вопрос и один ответ. Читатель спрашивает: *Что случилось? Случилось вот что,* отвечает писатель. *Это... И это... А еще это.* Будьте проще. Только так можно все разъяснить.

Так что я постараюсь, но вы должны помнить, что в Дерри реальность — тонкая корочка льда на черной воде глубокого озера. И тем не менее.

Что случилось?

Это случилось. И это. А еще это.

2

В пятницу, мой второй полный день в Дерри, я пошел в «Супермаркет на Центральной». Подождал до пяти часов пополудни, полагая, что в это время в магазине будет особенно большой наплыв покупателей: по пятницам выплачивали жалованье, и многие люди (под людьми я подразумеваю жен, потому что в 1958-м один из законов жизни гласил: «Мужья продукты не покупают») именно в этот день делали основные закупки. В толпе я мог затеряться, не привлекая к себе внимания. Чтобы еще больше облегчить задачу, я зашел в магазин «У.Т. Грант» и купил чинос и синие байковые рубашки. Вспомнив Бесподтяжечника с дружками у бара «Сонный серебряный доллар», также приобрел рабочие ботинки «Вулверин». По пути к супермаркету периодически пинал мысками бордюрный камень, пока не сбил их.

Как я и надеялся, народу в магазине хватало, ко всем трем кассам выстроились очереди женщин с полными тележками. А немногочисленные мужчины обходились корзинками, и я последовал их примеру. В свою положил сетку яблок (стоивших дешевле грязи), сетку апельсинов (почти таких же дорогих, как в 2011-м). Под ногами чуть поскрипывали вощеные половицы.

Чем именно занимался мистер Даннинг в «Супермаркете на Центральной», Бевви-На-Ели не сказала. Точно не работал

управляющим — в маленьком закутке со стеклянными стенами, расположенном за отделом «Овощи-фрукты», сидел седовласый господин, которому Эллен Даннинг могла приходиться внучкой, но никак не дочкой. И на столе стояла табличка с надписью «МИСТЕР КАРРИ».

Минуя молочный отдел (меня позабавила надпись на плакате: «ВЫ ПРОБОВАЛИ «ЙОГУРТ»? ЕСЛИ НЕТ, ВАМ ПОНРАВИТСЯ, КОГДА ПОПРОБУЕТЕ»), я услышал смех. Женский смех. По интонациям безошибочно угадывались эмоции: «Ах ты, проказник». Я свернул в дальний проход и увидел у мясного прилавка группу женщин, одетых по той же моде, что и три дамы в «Кеннебек фрут». «МЯСНАЯ ЛАВКА» — гласила надпись на деревянной табличке, подвешенной на хромированных цепях. «РАЗДЕЛКА ПО-ДОМАШНЕМУ», — прочитал я ниже. И уже в самом низу: «ФРЭНК ДАННИНГ, СТАРШИЙ МЯСНИК».

Иногда жизнь преподносит совпадения, какие не выдумать ни одному писателю.

Смешил дам именно Фрэнк Даннинг. Сходство с уборщиком, которому я преподавал курс английского языка и литературы для получения аттестата, казалось чуть ли не сверхъестественным. Я видел перед собой Гарри, только с совершенно черными, а не седыми волосами, да и доверчивая, чуть изумленная улыбка стала вульгарной и ослепительной. Не приходилось удивляться, что у прилавка толпились женщины. Бевви-На-Ели думала, что он белый и пушистый, и почему нет? Да, ей то ли двенадцать, то ли тринадцать, но она женщина, а Фрэнк Даннинг умел очаровывать. И знал про свои таланты. Только по этой причине цвет женской половины Дерри тратил заработанные мужьями деньги в «Супермаркете на Центральной», хотя неподалеку находился чуть более дешевый «Эй энд Пи». Оно и понятно: красавчик мистер Даннинг, мистер Даннинг во всем снежно-белом (только на манжетах пятнышки крови, так он же, в конце концов, мясник), мистер Даннинг в стильном головном уборе, чем-то среднем между колпаком шеф-повара и беретом художника. Носил его мистер Даннинг, сдвинув на одну бровь. Клянусь Богом, выглядело эффектно.

В целом мистер Фрэнк Даннинг, с розовыми, гладко выбритыми щеками и аккуратно подстриженными черными волосами, смотрелся Божьим даром для домохозяйки. Когда я подходил к нему, он как раз завязывал шпагатом, размотанным с висевшей

возле весов катушки, сверток с мясом, потом черным маркером размашисто написал цену. Протянул сверток даме лет пятидесяти, с румянцем школьницы на щеках, в домашнем платье, на котором цвели большие розы, и нейлоновых чулках со швом.

— А это, миссис Левескью, фунт немецкой копченой колбасы, тонко нарезанной. — Он доверительно склонился над прилавком, чтобы миссис Левескью (и другие дамы) уловили завораживающий аромат его одеколона. Как думаете, он пользовался «Аква велвой», подобно Фреду Туми? Я думаю, что нет. Я думаю, что такой чаровник, как Фрэнк Даннинг, отдавал предпочтение чему-то более дорогому. — Вы знаете, что бывает от немецкой копченой колбасы?

— Нет, — ответила миссис Левескью, чуть растянув слово: «Не-е-ет». Другие дамы захихикали в ожидании ответа.

Взгляд Даннинга прошелся по мне и не заметил ничего интересного. Когда же он вновь посмотрел на миссис Левескью, в его глаза вернулся фирменный блеск.

— Через час после того, как вы ее съедите, в вас просыпается жажда власти.

Не уверен, что дамы поняли, о чем речь, но залились веселым смехом. Даннинг отправил радостно улыбающуюся миссис Левескью на кассу, и когда я пересекал границу слышимости, он целиком и полностью сосредоточил свое внимание на миссис Боуи, чему та, я в этом не сомневался, безмерно обрадовалась.

Он милый человек. Всегда шутит и все такое.

Но глаза у этого милого человека оставались холодными. Голубые при общении с обожавшим его дамским гаремом, они изменили цвет, когда он взглянул на меня. Я могу поклясться, они стали серыми, цвета воды под небом, с которого вот-вот повалит снег.

3

Супермаркет закрывался в шесть вечера. Когда я покинул его с несколькими покупками, часы показывали пять двадцать. На Уитчем-стрит, буквально за углом, находилось кафе «Ленч для вас». Я заказал гамбургер, кусок шоколадного торта и стакан колы. Вкус торта меня поразил — настоящий шоколад, настоящие сливки. По ощущениям, не хуже, чем рутбир Фрэнка Ани-

четти. В кафе я, как мог, тянул время, а потом неспешно направился к каналу, около которого стояло несколько скамеек. С них я видел фасад «Супермаркета на Центральной», под углом, конечно, но видел. Я наелся до отвала, но тем не менее съел один из купленных апельсинов, выбросил кожуру через бетонную стену в канал и наблюдал, как ее уносит вода.

Ровно в шесть свет в больших окнах-витринах супермаркета погас. В четверть седьмого из двери вышла последняя дама. Остальные либо шагали с сумками вверх по Подъему-в-милю, либо толпились у телеграфного столба с белой полосой. Подъехал автобус с надписью «КОЛЬЦЕВОЙ ТАРИФ ОДИН» в окошечке над лобовым стеклом и увез всех. Без четверти семь из супермаркета начали выходить сотрудники. Последними появились мистер Карри, управляющий, и Даннинг. Обменялись рукопожатием и разошлись. Карри скрылся в проулке между супермаркетом и соседним обувным магазином, вероятно, направился к своему автомобилю, а Даннинг двинулся к автобусной остановке.

На ней стояли только два человека, и присоединяться к ним желания у меня не возникло. Но благодаря одностороннему движению транспорта в Нижнем городе необходимости в этом не было. Я зашагал к еще одному столбу с белой полосой, который очень кстати оказался рядом с кинотеатром «Стрэнд» (на этой неделе в сдвоенном показе предлагались «Келли-автомат» и «Девушка из исправительной колонии»; рекламное табло над входом обещало «КРУТОЙ БОЕВИК»), где и дождался автобуса в компании работяг, обсуждавших возможные пары в Мировых сериях*. Я бы многое мог рассказать им на сей счет, но предпочел промолчать.

Показался городской автобус и остановился напротив «Супермаркета на Центральной». Даннинг поднялся в салон. Автобус покатил вниз, подъехал к остановке у кинотеатра. Я пропустил работяг вперед, чтобы посмотреть, сколько денег они опустят в монетоприемник, закрепленный на стойке рядом с креслом водителя, чувствуя себя при этом инопланетянином, пытающимся замаскироваться под землянина. Глупо, конечно — я собирался проехаться на городском автобусе, а не взорвать Белый дом лучом смерти, — но ощущение никуда не делось.

* Финальная серия из семи игр между чемпионами Американской лиги и Национальной лиги, в которой определяется чемпион США по бейсболу.

Один из мужчин, вошедших раньше меня, показал ярко-желтый проездной, напомнивший мне о Желтой Карточке. Другие бросили в щелкающий и звякающий монетоприемник по пятнадцать центов. Я проделал то же самое, хотя времени у меня ушло побольше, потому что дайм прилип к потной ладони. Я думал, что все уже таращатся, но, подняв голову, увидел, что пассажиры или читают газеты, или смотрят в окна. В салоне висел голубовато-серый туман табачного дыма.

Фрэнк Даннинг сидел по правую сторону прохода, в середине салона. В сшитых по фигуре серых брюках, белой рубашке и темно-синем галстуке. Щеголеватый. Он как раз прикуривал и не заметил меня, когда я проходил мимо, чтобы сесть чуть ли не в последнем ряду. Автобус покрутился по улицам Нижнего города, потом проехал по Подъему-в-милю и повернул на Уитчем-стрит. Как только мы оказались в жилых микрорайонах западной части Дерри, пассажиры начали выходить. В автобусе ехали в основном мужчины — женщины, видать, уже успели вернуться домой и теперь раскладывали закупленные продукты или готовили ужин. Салон пустел. Но Фрэнк Даннинг все сидел, покуривая сигарету. И я задался вопросом, а не останемся ли мы в автобусе вдвоем.

Но я тревожился понапрасну. Когда автобус притормозил, сворачивая к остановке на углу Уитчем-стрит и авеню Любви (позднее я узнал, что в Дерри также есть авеню Веры и авеню Надежды), Даннинг бросил окурок на пол, раздавил каблуком и поднялся. Пружинистым шагом прошел по проходу, не пользуясь поручнями, покачиваясь в такт движению замедляющего ход автобуса. Некоторые мужчины долго не теряют юношеской грации. Даннинг относился к их числу. Из него получился бы отличный танцор свинга.

Он хлопнул водителя по плечу, начал рассказывать какой-то анекдот. Короткий, и большую его часть заглушило шипение пневматических тормозов, но я расслышал фразу *Три ниггера застряли в лифте* и решил, что этот анекдот он бы не стал рассказывать своему гарему домохозяек. Водитель загоготал и дернул длинный хромированный рычаг, открывающий переднюю дверь.

— До понедельника, Фрэнк.

— Если река не выйдет из берегов, — ответил Даннинг, спустился на две ступеньки и прыгнул через полоску травы на тротуар. Я увидел, как мышцы бугрятся под рубашкой. И как могла

противостоять ему женщина с четырьмя детьми? *Паршиво,* пришло мне в голову, но это был неправильный ответ. Правильный ответ звучал иначе: *Совсем паршиво.*

Когда автобус отъезжал, я увидел, как Даннинг поднимается на длинное широкое крыльцо первого от перекрестка дома по авеню Любви. Там в креслах-качалках сидели восемь или девять мужчин и женщин. Некоторые поприветствовали мясника, тот начал пожимать руки, как заезжий политик. Трехэтажный дом, построенный в новоанглийском викторианском стиле, украшала большая вывеска, закрепленная на крыше крыльца. Я едва успел ее прочитать:

МЕБЛИРОВАННЫЕ КОМНАТЫ ЭДНЫ ПРАЙС
СДАЮТСЯ НА НЕДЕЛЮ ИЛИ НА МЕСЯЦ
ПРЕДОСТАВЛЯЕТСЯ ПОЛНОСТЬЮ ОБОРУДОВАННАЯ КУХНЯ
НИКАКИХ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ!

Чуть ниже, на двух крюках большой вывески, висела маленькая, оранжевая, с тремя словами: «СВОБОДНЫХ КОМНАТ НЕТ».

Я вышел через две остановки. Поблагодарил водителя, который пробурчал в ответ что-то неразборчивое. Я уже начинал понимать, что в Дерри, штат Мэн, такое расценивается как вежливость. Если, разумеется, ты не мог поделиться свежим анекдотом о трех нигтерах, застрявших в лифте, или, возможно, о польском флоте*.

Я зашагал к центру города, но сделал небольшой крюк, чтобы обойти заведение Эдны Прайс, в котором жильцы после ужина собирались на крыльце, совсем как персонажи рассказов Рэя Брэдбери о пасторальном Гринтауне, штат Иллинойс. И разве Фрэнк Даннинг не напоминал одного из этих милых людей? Напоминал, еще как напоминал. Но ведь и в Гринтауне Брэдбери таились ужасы.

Этот милый человек больше не живет дома, сказал мне Ричи-Дичь — и попал в десятку. Милый человек жил в пансионе, где все, похоже, считали его душкой.

По моим прикидкам, «Меблированные комнаты Эдны Прайс» и дом 379 по Коссат-стрит разделяло пять кварталов, а то и меньше. Сидел ли Фрэнк Даннинг в арендованной комнате, дожидаясь, пока остальные жильцы пансиона уснут, смотрел ли

* Как потопить польский военный корабль? Спустить на воду.

на восток, как правоверный мусульманин, перед молитвой повернувшийся к Мекке? И освещала ли его лицо улыбка «привет, рад тебя видеть», которая так нравилась жителям Дерри? Вряд ли. Стали ли его голубые глаза холодными, задумчиво-серыми? Как он объяснил людям, коротавшим вечера на крыльце пансиона Эдны Прайс, необходимость уйти из дома? Придумал байку, согласно которой у его жены поехала крыша или она оказалась абсолютной злодейкой? Наверняка. И ему поверили? Ответ на этот вопрос лежал на поверхности. Не важно, какой год на дворе, 1958, 1985 или 2011-й. В Америке, где корочка всегда сходит за начинку, люди верят таким, как Фрэнк Даннинг.

4

В следующий вторник я снял квартиру, которая в «Дерри ньюс» рекламировалась как «частично обставленная, в хорошем районе», а в среду, семнадцатого сентября, мистер Джордж Амберсон въехал в нее. Прощай, «Дерри-таунхаус», здравствуй, Харрис-авеню. Я жил в пятьдесят восьмом году уже больше недели и начал чувствовать себя здесь более комфортно, хотя местным еще не стал.

Под «частично обставленной» подразумевалась кровать (с матрасом в пятнах, но без постельного белья), диван, кухонный стол, под одну ножку которого требовалось что-то подкладывать, чтобы он не шатался, и единственный стул с желтым пластиковым сиденьем, которое странно чвакало, когда с него вставали, словно неохотно разрывало контакт с брюками. Мне также перепали плита и шумно урчащий холодильник. В кухонной кладовке я обнаружил устройство для кондиционирования воздуха — вентилятор производства «Дженерал электрик» с оплавленным штепселем. Попытаться вставить его в розетку мог разве что самоубийца.

Я чувствовал, что шестьдесят пять долларов в месяц — многовато для квартиры, над которой пролетали садившиеся в аэропорту Дерри самолеты, но согласился уплатить запрашиваемую сумму, потому что миссис Джоплин, хозяйка, закрыла глаза на отсутствие рекомендаций у мистера Амберсона. Помог и еще один нюанс: мистер Амберсон согласился заплатить за три месяца аренды наличными. Она тем не менее настояла на том, чтобы переписать все мои данные с водительского удостоверения. Если

и удивилась, откуда у риелтора из Висконсина водительское удостоверение штата Мэн, то ни слова об этом не сказала.

Я мог только порадоваться тому, что Эл снабдил меня крупной суммой наличных. С их помощью договариваться с незнакомцами удавалось на удивление легко.

И в пятьдесят восьмом наличные Эла стоили куда больше. За какие-то три сотни долларов я превратил квартиру из частично в полностью обставленную. Девяносто из трехсот ушли на подержанный настольный телевизор «РКА». Вечером я посмотрел «Шоу Стива Аллена» в прекрасных черно-белых тонах, потом выключил телик и посидел за кухонным столом, слушая рев пропеллеров идущего на посадку прямо над моим домом самолета: аэропорт находился на востоке. Достал из заднего кармана блокнот «Синяя лошадь», который купил в аптечном магазине в Нижнем городе (том самом, где покупателей предупреждали, что воровство не хохма, не прикол и не забава). Открыл первую страницу. Щелкнул приобретенной в том же магазине новенькой паркеровской шариковой ручкой. Просидел минут пятнадцать — достаточно долго для того, чтобы на восток проследовал еще один самолет, да так низко, что оставалось только удивляться, как он не задел шасси крышу.

На странице ничего не появилось. Как и в моей голове. Всякий раз, когда я пытался заставить ее работать, возникала только одна связная мысль: *Прошлое не хочет, чтобы его изменяли.*

И это не внушало оптимизма.

Наконец я поднялся, взял вентилятор с полки в кладовке и перенес на стол. Не думал, что он заработает, но был не прав, и его гудение странным образом успокаивало. И заглушало раздражающее урчание холодильника.

Когда я сел, в голове более-менее прояснилось, и на этот раз я смог написать несколько слов.

ВАРИАНТЫ:

1. Сообщить в полицию.

2. Анонимный звонок мяснику (скажем: «Я слежу за тобой, ублюдок, и если ты что-то такое сделаешь, я об этом расскажу»).

3. Каким-то образом подставить мясника.

4. Как-то покалечить мясника.

Я остановился. Холодильник щелкнул. Самолеты не шли на посадку, автомобили не проезжали Харрис-авеню. На какое-то время я остался в компании вентилятора и незаконченного перечня. Наконец написал последний вариант:

5. Убить мясника.

Затем вырвал листок, смял, взял коробок спичек, который лежал у плиты, чтобы зажигать конфорки и духовку, чиркнул одной. Вентилятор тут же задул пламя, и я вновь подумал, как иной раз трудно что-либо изменить. Выключил вентилятор, зажег другую спичку и поднес огонек к бумажному шарику. Когда он ярко вспыхнул, бросил его в раковину, подождал, пока догорит, потом смыл пепел в сливное отверстие.

После этого Джордж Амберсон отправился в кровать.

Но долго не мог заснуть.

5

Когда в половине первого над крышей проревел последний самолет, я все еще не спал и думал о моем перечне. Общение с полицией исключалось. Такое могло сработать с Освальдом, который объявит о своей непреходящей любви к Фиделю Кастро в Далласе и в Новом Орлеане, но только не с Даннингом, горячо любимым и уважаемым членом общества. А кто я? Приезжий в городе, где чужаков не жаловали. Сегодня, выходя из аптечного магазина, я вновь увидел Бесподтяжечника и его команду возле бара «Сонный серебряный доллар». И пусть на этот раз я оделся как рабочий, они окинули меня все тем же холодным взглядом: *Это что еще за чмо?*

Да проживи я в Дерри восемь лет вместо восьми дней, что бы я сказал полиции? Мне открылось, что Фрэнк Даннинг убьет свою семью на Хэллоуин? Звучит убедительно.

Идея анонимного звонка мяснику понравилась мне больше, но вариант получался рискованный. Позвонив Фрэнку Даннингу, на работу или в пансион Эдны Прайс, где его подозвали бы к телефонному аппарату в общей комнате, я вмешивался в ход событий. Такой звонок, возможно, удержал бы его от убийства семьи, но мог привести и к противоположному результату, мог толкнуть мясника за зыбкую границу, отделяющую нормальную

психику от безумия. По всему выходило, что он и так подошел к ней очень близко, прикрываясь обаятельной улыбкой Джорджа Клуни. Вместо того чтобы предотвратить убийства, я бы сместил их на более ранний срок. В настоящий момент я знал, когда и где они произойдут. Если бы предупредил Даннинга, неопределенности бы прибавилось.

Как-то подставить его? Такое могло сработать в шпионском романе, но это под силу только агенту ЦРУ, а я чертов учитель английского языка и литературы.

Следующим пунктом было *покалечить мясника*. Допустим, но как? Раздавить его на «санлайнере», когда он направится к Коссет-стрит с молотком в руке, думая об убийстве? Только невероятная удача позволит мне избежать ареста и тюрьмы. И это еще не все. Покалеченные люди со временем поправляются. И он мог повторить попытку. Лежа в темноте, я пришел к выводу, что все эти варианты слишком ненадежны. Потому что прошлое не хотело, чтобы его меняли. Оно упрямо.

Достижение цели гарантировал только последний вариант: следить за ним, дождаться, пока он останется один, и убить. Будь проще — и к тебе потянутся.

Но и тут проблем хватало. Самая большая заключалась в том, что я не знал, удастся ли мне это сделать. Под влиянием момента — защищая себя или кого-то еще — возможно, но хладнокровно, обдуманно? Даже зная, что этот человек собирается убить жену и детей, если его не остановят?

И... что, если, убив его, я попаду в полицию до того, как сумею сбежать в будущее, где меня звали Джейк Эппинг, а не Джордж Амберсон? Меня будут судить, признают виновным, отправят в Шоушенкскую тюрьму штата. Там я и буду обретаться в день убийства Джона Ф. Кеннеди.

Но ведь и это еще не все. Я поднялся, прошел через кухню в ванную, размерами соперничавшую с телефонной будкой, сел на унитаз, уткнулся лбом в ладони. Я исходил из того, что сочинение Гарри — правда. Эл тоже. Возможно, так оно и было, поскольку в умственном развитии Гарри все-таки на пару-тройку баллов недотягивал до нормы, а такие люди менее склонны выдавать за реальность фантазии об убийстве целой семьи. И все же...

Девяносто пять процентов уверенности — не сто. Так говорил Эл, причем об Освальде, единственном человеке, который мог

убить Кеннеди, если отбросить всю эту болтовню о заговорах, — и, однако, у Эла оставались сомнения.

В компьютеризированном мире 2011 года проверить историю Гарри не составляло труда, но я этого не сделал. И если его история — правда, он мог упустить или неправильно истолковать какие-то очень важные обстоятельства, которые могли подложить мне свинью. В итоге, примчавшись на помощь, подобно сэру Галахаду, не стану ли я еще одной жертвой? Моя смерть скорее всего изменит будущее, да только я не смогу увидеть, как именно.

Тут мне в голову пришла новая безумно привлекательная идея. Вечером на Хэллоуин я мог расположиться напротив дома 379 по Коссат-стрит... *и просто наблюдать*. Убедиться, что убийство произошло, и при этом уточнить все подробности, которые единственный выживший свидетель — ребенок, огретый молотком по голове — мог упустить. Потом я мог уехать в Лисбон-Фоллс, пройти через «кроличью нору» и тут же вернуться в 9 сентября 1958 года, за две минуты до полудня. Вновь купить «санлайнер» и поехать в Дерри, на этот раз запасшись всей необходимой информацией. Да, конечно, я уже потратил немалую часть наличных Эла, но оставшихся денег мне хватило бы с лихвой.

Стартовала идея легко, однако споткнулась еще до первого поворота. Цель этого путешествия состояла в том, чтобы проверить, как отразится на будущем спасение семьи уборщика, а позволив Фрэнку Даннингу совершить эти убийства, я бы ничего не проверил. Более того, передо мной уже маячила необходимость спасти их в третий раз, потому что все сбросится на ноль, когда... *если*... я вновь вернусь в прошлое через «кроличью нору», чтобы остановить Освальда. Один раз — ужасно. Два — еще хуже. Три — невозможно представить.

И вот еще о чем следовало помнить. Семья Гарри Даннинга один раз уже умерла. Я что, собирался приговорить их к повторной смерти? Даже если всякий раз происходил сброс на ноль и они ничего не знали? А вдруг знали, на каком-то глубинном уровне подсознания?

Боль. Кровь. Маленькая Морковка, лежащая на полу под креслом-качалкой. Гарри, пытающийся остановить безумца духовушкой «Дейзи»: «Не подходи ко мне, папочка, а не то я тебя застрелю».

Волоча ноги, я поплелся через кухню, остановился, чтобы взглянуть на стул с желтым пластиковым сиденьем.

— Я ненавижу тебя, стул, — сообщил я ему, после чего вновь улегся в постель.

На этот раз заснуть удалось почти мгновенно. Проснулся я только в девять. Утреннее солнце светило в голое окно спальни, радостно пели птицы, а я, похоже, знал, что надо делать. Будь проще — и к тебе потянутся.

6

В полдень я завязал галстук, надел соломенную шляпу под модным углом и отправился в магазин «Спортивные товары Мейкена», где продолжалась «ОСЕННЯЯ РАСПРОДАЖА ОРУЖИЯ». Я сказал продавцу, что заинтересован в покупке пистолета или револьвера, поскольку занимаюсь торговлей недвижимостью и иногда перевожу крупные суммы денег. Он выложил передо мной несколько, включая и револьвер «кольт полис спешл» тридцать восьмого калибра. За девять долларов девяносто девять центов. Я считал цену смехотворно низкой, пока не вспомнил записи Эла: заказанная по почте итальянская винтовка, с помощью которой Освальд изменил ход истории, обошлась ему дешевле двадцатки.

— Отличное средство самозащиты. — Продавец откинул барабан и крутанул его: *щелк-щелк-щелк-щелк*. — Абсолютную точность при стрельбе с расстояния менее пятнадцати ярдов гарантирую, а любой, кто по глупости попытается вас ограбить, обязательно подойдет ближе.

— Беру!

Я напрягся, предчувствуя грядущую проверку моих жалких документов, потому что вновь забыл, в какой расслабленной и непуганой Америке нахожусь. Сделка завершилась следующим образом: я заплатил деньги и вышел с револьвером. Никаких бумаг заполнять не пришлось, ни о каком периоде ожидания речь не зашла. У меня даже не спросили адрес, по которому я в тот момент проживал.

Освальд завернул винтовку в одеяло и спрятал в гараже дома, где его жена гостила у женщины по имени Рут Пейн. Но, выходя из магазина Мейкена с револьвером в портфеле, я, возможно, испытывал те же ощущения, что и он: чувствовал себя человеком, знающим важный секрет. Человеком, владеющим собственным маленьким торнадо.

Мужчина, которому сейчас полагалось работать на одной из фабрик, стоял в дверях «Сонного серебряного доллара», курил и читал газету. Во всяком случае, выглядел так, будто читает. Я не мог поклясться, что он поглядывает на меня, но, с другой стороны, не мог и поклясться, что не поглядывает.

Тот самый Бесподтяжечник.

7

Вечером я вновь занял позицию у «Стрэнда». Реклама над козырьком изменилась: «С ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ НОВЫЕ ФИЛЬМЫ! «ДОРОГА ГРОМА» (МИТЧУМ) И «ВИКИНГИ» (ДУГЛАС)!». «КРУТЫЕ БОЕВИКИ» для киноманов Дерри.

Даннинг, выйдя из супермаркета, вновь направился к автобусной остановке и уехал. На этот раз я в автобус садиться не стал. Какой смысл? Я и так знал, куда он направляется, а потому пошел пешком к своему новому дому, время от времени оглядываясь, не идет ли следом Бесподтяжечник. Ни разу его не увидел и сказал себе, что появление рабочего напротив магазина спортивных товаров в тот самый момент, когда я выходил из дверей, всего лишь случайность. Да и не такая уж удивительная. В конце концов, он остановил свой выбор именно на «Сонном долларе». Поскольку в Дерри фабрики работали шесть дней в неделю, второй выходной у рабочих выпадал на разные дни. На этой неделе Бесподтяжечник вполне мог отдыхать в четверг. На следующей будет отираться у «Сонного доллара» во вторник. Или в пятницу.

В пятницу вечером я вновь стоял у «Стрэнда», прикидываясь, будто внимательно изучаю плакат «Дороги грома» (*Роберт Митчум мчится по самой опасной автостраде на земле*). Я пришел сюда от нечего делать: до Хэллоуина оставалось еще шесть недель, и мне предстояло научиться убивать время. Но на этот раз, вместо того чтобы пересечь улицу и встать у столба с белой полосой, Фрэнк Даннинг зашагал вниз, к перекрестку, где сходились Центральная улица, Канзас-стрит и Уитчем-стрит, и остановился там, словно в нерешительности. Выглядел он классно: темные брюки, белая рубашка, синий галстук, светло-серый приталенный пиджак в крупную клетку. Шляпа сдвинута на затылок. Я подумал, что он собрался в кино, чтобы посмотреть на самую опасную автостраду на земле. В этом случае я бы неспешно на-

правился к Кэнал-стрит. Но он повернул налево, на Уитчем-стрит. Я слышал, как он насвистывает какую-то мелодию. Получалось у него очень неплохо.

Идти за ним не имело смысла. Девятнадцатого сентября он не собирался крушить головы молотком. Но меня разбирало любопытство, да и других дел не просматривалось. Даннинг вошел в гриль-бар под названием «Фонарщик», не такой роскошный, как в «Таунхаусе», но и не такой мерзкий, как приканальные рыгаловки. В каждом маленьком городке есть два или три заведения, где «белые» и «синие воротнички» встречаются на равных. В Дерри, судя по всему, эту функцию выполнял «Фонарщик». Обычно в меню можно найти несколько местных деликатесных блюд, названия которых заставляют приезжих чесать затылок. В «Фонарщике» фирменное блюдо называлось «Жареные ломтики лобстера».

Я прошел мимо широких окон — даже не прошел, а лениво проплыл — и увидел Даннинга, который пересекал зал, здороваясь со всеми и с каждым. Он пожимал руки, похлопывал по щекам, снял с одного мужчины шляпу и бросил другому, стоявшему у «Боул-мора»*. Тот ловко поймал ее под всеобщий гогот. Милый человек. Всегда готов пошутить. Из тех, кто смеется сам и смешит весь мир.

Я увидел, как он сел за стол рядом с «Боул-мором», и уже двинулся дальше. Но мне хотелось пить. Стакан пива пришелся бы очень кстати, а барную стойку «Фонарщика» и большой стол, за которым сидела мужская компания — к ней Даннинг и присоединился, — разделял шумный, под завязку наполненный посетителями зал. Меня он видеть не мог, а я отслеживал бы его, глядя в зеркало за стойкой. Впрочем, я не рассчитывал заметить что-то экстраординарное.

А кроме того, если уж я собирался прожить здесь шесть недель, пришла пора вписаться в местный пейзаж. Поэтому я развернулся на сто восемьдесят градусов и вошел в гриль-бар, где звучали веселые голоса, чуть пьяный смех и песня «Это любовь» в исполнении Дина Мартина. Официантки разносили большие глиняные кружки с пивом и тарелки — как я догадался — с жареными ломтиками лобстера. И конечно же, к потолку поднимались клубы сизого дыма.

В пятьдесят восьмом дым составлял неотъемлемую часть жизни.

* Автомат для игры в боулинг.

8

— Вижу, вы поглядываете на тот стол в глубине зала. — Когда у моего локтя раздался мужской голос, я уже пробыл в «Фонарщике» достаточно долго, чтобы заказать вторую кружку пива и маленькую тарелку жареных ломтиков лобстера. Решил, что буду гадать, а что же это такое, если не попробую.

Я повернулся и увидел невысокого мужчину с прилизанными черными волосами, круглым лицом и веселыми черными глазами. Выглядел он как счастливый бурундук. Улыбнулся мне и протянул маленькую, прямо-таки детскую руку. Вытатуированная на предплечье гологрудая русалка махнула хвостом и подмигнула одним глазом.

— Чарлз Фрати. Но вы можете называть меня Чез. Как все.

Я пожал ему руку.

— Джордж Амберсон, но вы можете называть меня Джордж. Тоже как все.

Он рассмеялся, и я его поддержал. Считается дурным тоном смеяться над собственными шутками, особенно над пустяковыми, но некоторые так легко сходятся с людьми, что в одиночку им смеяться не приходится. Таким был и Чез Фрати. Официантка принесла ему пива, и он поднял кружку.

— За вас, Джордж.

— За это я выпью. — Мы чокнулись.

— Кого-нибудь там знаете? — спросил он, глядя на отражение большого стола в зеркале за стойкой.

— Нет. — Я стер пену с верхней губы. — Просто им явно веселее, чем остальным.

Чез улыбнулся.

— Это стол Тони Трекера. Его имя, считай, там уже вырезано. Он и его брат Фил — владельцы компании, занимающейся грузовыми перевозками. У них больше акров в окрестностях, чем волос на заднице. Фил появляется здесь редко, большую часть времени проводит в дороге, но Тони не пропускает пятничные и субботние вечера. У него много друзей. Они всегда хорошо проводят время, но никто не умеет так веселить людей, как Фрэнки Даннинг. Вот уж мастер рассказывать анекдоты. Всем нравится старина Тони, но Фрэнки они *любят*.

— Я вижу, вы знаете их всех.

— Многие годы. Знаю большинство жителей Дерри, а вас — нет.

— Это потому, что я недавно приехал. Занимаюсь недвижимостью.

— Как я понимаю, коммерческой недвижимостью.

— Вы понимаете правильно. — Официантка поставила передо мной тарелку с ломтиками и скрылась. Содержимое тарелки напоминало нечто раздавленное автомобилем, но пахло потрясающе, а на вкус оказалось еще лучше. Вероятно, каждый ломтик состоял из чистого холестерина, однако в пятьдесят восьмом году никто из-за этого не тревожился, что не могло не радовать.

— Помогите мне с этим, — предложил я Чезу.

— Нет, это все вам. Вы из Бостона? Нью-Йорка?

Я пожал плечами, и он рассмеялся.

— Храните секреты? Разумно, разумно. Язык распустил — корабль потопил. Но я представляю, что у вас на уме.

Я не донес до рта вилку с ломтиками. В «Фонарщике» было жарко, но меня прошиб холодный пот.

— Неужто?

Чез наклонился ко мне. Я уловил запах «Виталиса» от прилизанных волос и «Сен-сена» изо рта.

— Если я скажу: «Возможно, участок, под строительство торгового центра», — вы крикните: «Бинго»?

Я ощутил безмерное облегчение. Мысль приехать в Дерри на поиски места для торгового центра не приходила мне в голову, но сразу приглянулась. Я подмигнул Чезу Фрати.

— Не могу сказать.

— Да-да, разумеется, не можете. Бизнес есть бизнес, как я всегда говорю. Но если вдруг возникнет желание взять в долю одного из местных мужланов, я с удовольствием вас выслушаю. А чтобы показать, что намерения у меня добрые, дам вам одну маленькую наводку. Если вы еще не побывали на старом металлургическом заводе Китчнера, непременно загляните туда. Идеальное место. А торговые центры? Вы знаете, что такое торговые центры, сын мой?

— За ними будущее, — ответил я.

Он нацелил на меня палец и подмигнул. Я вновь не смог сдержать смех. Отчасти потому, что наконец встретил в Дерри взрослого человека, дружелюбно настроенного к чужаку.

— В десятку.

— И кому принадлежит земля, на которой расположен старый металлургический завод Китчнера, Чез? Я полагаю, братьям Трекерам?

— Я сказал, что здесь им принадлежит много земли, но не вся. — Он посмотрел на русалку. — Милли, открыть ли мне Джорджу, кому принадлежит лакомый участок земли для коммерческой застройки, расположенный всего в двух милях от центра сего мегаполиса?

Милли махнула чешуйчатым хвостом и тряхнула грудями. Чез Фрати не сжимал пальцы в кулак, чтобы добиться такого эффекта; мускулы предплечья, казалось, двигались сами по себе. Фокус мне понравился. Я задался вопросом, а не умеет ли он доставать кроликов из шляпы.

— Хорошо, дорогая. — Он поднял глаза на меня. — Если на то пошло, этот участок принадлежит вашему покорному слуге. Я покупаю лучшее и разрешаю братьям Трекерам брать остальное. Бизнес есть бизнес. Позволите дать вам мою визитную карточку, Джордж?

— Безусловно.

Он дал. «ЧАРЛЗ «ЧЕЗ» ФРАТИ, ПОКУПКИ И ПРОДАЖИ», — прочел я на визитке. Сунул ее в нагрудный карман рубашки.

— Если вы знаете этих людей, а они знают вас, почему вы не с ними? Почему сидите в баре с новичком? — спросил я.

Удивление на его лице сменилось широкой улыбкой.

— Вас родили в чемодане и вышвырнули из поезда, друг мой?

— Я же не местный. Еще не знаю, что к чему. Не сердитесь на меня.

— И не думал. Они ведут со мной дела, потому что мне принадлежит половина городских гостиниц для автомобилистов, оба кинотеатра в центре города и автокино, один банк и все ломбарды в восточном и центральном Мэне. Но они не сядут со мной за один стол и не пригласят домой и в загородный клуб, потому что я — из Племени.

— Не понял.

— Я еврей, браток.

Выражение моего лица вызвало у него улыбку.

— Вы не знали. Даже когда я отказался есть вашего лобстера, вы не догадались. Я тронут.

— Я просто пытаюсь взять в толк, почему это должно иметь какое-то значение.

Он заливисто рассмеялся, словно услышал анекдот года.

— Значит, вы родились под капустным листом, а не в сундуке.

Отражение Фрэнка Даннинга что-то говорило. Отражения Тони Трекера и остальных внимали, широко улыбаясь. Когда все они загоготали, я задался вопросом, рассказал ли Даннинг анекдот о трех ниггерах, застрявших в лифте, или что-то более забавное и сатирическое — скажем, о трех евреях на поле для гольфа.

Чез проследил за моим взглядом.

— Фрэнк умеет расшевелить народ. Знаете, где он работает? Нет, вы же тут новенький, я забыл. В «Супермаркете на Центральной». Он старший мясник. И совладелец супермаркета, хотя это он не афиширует. Только благодаря ему эта лавочка еще существует и приносит прибыль. Он притягивает женщин, как мед — пчел.

— Неужели?

— Да, и мужчины тоже его любят. Так бывает не всегда. Обычно мужчины не жалуют дамских угодников.

Его слова заставили меня вспомнить о лютой одержимости моей бывшей Джонни Деппом.

— Но прежде он мог пить с ними до закрытия, а потом играть в покер на товарной станции до зари. Теперь он выпивает одну кружку пива, может, две и откланивается. Вы увидите.

Именно такой метод и брала на вооружение Кристи, эпизодически пытаясь ограничить потребление спиртного, не отказываясь от него полностью. На какое-то время срабатывало, но рано или поздно заканчивалось запоем.

— Проблемы со спиртным? — спросил я.

— Об этом не знаю, но со вспыльчивостью у него точно проблемы. — Чез Фрати глянул на татуировку. — Милли, ты когда-нибудь замечала, сколь многие весельчаки склонны к насилию?

Милли мотнула хвостом. Чез пристально посмотрел на меня.

— Видите? Женщины всегда знают. — Он отправил в рот ломтик лобстера и комично повел глазами из стороны в сторону. Очень веселый парень, и мне в голову не пришло, что у него может быть второе дно. Но, как намекал сам Чез, не следовало быть таким наивным. Особенно в Дерри. — Только не говорите рабби Храпуновичу.

— Буду нем как рыба.

Мужчины за столом Трекера вновь наклонились к Фрэнку, который рассказывал очередной анекдот. Он относился к тем людям, что говорят не только языком, но и руками. В его случае крупными руками. Не составляло труда представить в одной из них молоток «Крафтсман».

— В старших классах второго такого хулигана не было. Вы смотрите на эксперта, учившегося с ним в Окружной объединенной. Но я старался держаться от него подальше. Его постоянно отстраняли от занятий. Всегда за драки. Он собирался продолжить учебу в Университете Мэна, но обрюхатил одну девушку, и ему пришлось жениться. Через год или два она забрала ребенка и сбежала. Вероятно, поступила правильно, если учесть, с кем имела дело. Для таких, как Фрэнки, война с немцами или японцами пошла бы на пользу — он бы выпустил пар, вы понимаете. Однако его признали не годным к службе. Почему — не знаю. Плоскостопие? Шумы в сердце? Высокое давление? Понятия не имею. Но возможно, вы и не хотите слушать все эти давние сплетни.

— Хочу, — возразил я. — Очень интересно. — И я говорил чистую правду. Зашел в «Фонарщика», чтобы промочить горло, а наткнулся на золотую жилу. — Возьмите еще ломтик лобстера.

— Выкручиваете руки. — Он отправил ломтик в рот. Жуя, ткнул большим пальцем в сторону зеркала. — А почему нет? Только посмотрите на этих парней... Половина из них католики — и все равно жуют бургеры и сандвичи с беконом и колбасой. В пятницу! А религия побоку, браток!

— Каюсь, я бывший методист. Как я понимаю, в колледж мистер Даннинг не поступил?

— Нет. К тому времени, когда от него сбежала жена, он получал диплом по разделке мяса и добился в этом немалых успехов. Попал в какую-то передрягу... Да, по пьяни, как я слышал, люди обожают сплетничать, вы знаете, а хозяин ломбардов, он слышит все... И мистер Волландер, которому тогда принадлежал супермаркет, сел и поговорил с ним, как строгий дядюшка. — Чез покачал головой и отправил в рот еще один ломтик. — Если бы Бенни Волландер знал, что к окончанию корейской войны Фрэнки Даннингу будет принадлежать половина супермаркета, у него бы случился инсульт. Как хорошо, что мы не можем заглянуть в будущее, правда?

— Это бы многое усложнило, согласен.

Чез только вошел во вкус своей истории, и когда я попросил официантку принести еще две кружки пива, не стал возражать.

— Бенни Волландер честно сказал Фрэнки, что тот — лучший ученик мясника, которого он когда-либо видел, но если у него возникнут проблемы с копами — другими словами, если он полезет в драку из-за пустяка, — им не останется ничего другого, как расстаться. Умному обычно хватает и слова, так что Фрэнки встал на путь исправления. Развелся с первой женой по причине прекращения семейных отношений, вновь женился. Война уже шла полным ходом, поэтому с выбором у него проблем не возникло. Обаяния хватало, большинство конкурентов уплыло за океан, и он остановился на Дорис Маккинни. Какая же она была красотка!

— Я уверен, она таковой и осталась.

— Это верно, браток. Словно сошла с картинки. У них родилось трое или четверо детей. Милая семья. — Чез вновь наклонился ко мне. — Но Фрэнки по-прежнему время от времени выходит из себя, и последний раз это случилось весной, потому что она пришла в церковь с синяками на лице, а неделей позже выставила его за дверь. Сейчас он живет в каком-то пансионе неподалеку от семейного гнезда. Как я понимаю, надеется, что она пустит его обратно. И рано или поздно она пустит. Он умеет очаровывать... Ну, что я вам говорил? Уже уходит.

Даннинг поднимался из-за стола. Остальные мужчины хором просили его остаться, но он качал головой и указывал на часы. Допил пиво, наклонился и чмокнул соседа в лысину. Стены задрожали от одобрительного гогота, а Даннинг направился к двери.

Проходя мимо нас, он хлопнул Чеза по спине со словами:

— Держи нос чистым, Чеззи. Он такой длинный, что долго придется отмывать.

И он ушел. Чез посмотрел на меня. Веселый, улыбающийся бурундук с ледяными глазами.

— Ну не выдумщик ли?

— Это точно.

9

Я отношусь к людям, которые не могут определиться с тем, что думают, пока не изложат все на бумаге. Поэтому большую часть выходных я записывал, что увидел в Дерри, что сделал и что со-

бирался сделать. Потом настала очередь объяснения причин, приведших меня в Дерри, и к воскресенью я понял, что взялся за работу, неподъемную для карманного блокнота и шариковой ручки. В понедельник отправился покупать портативную пишущую машинку. Собирался в местный магазин офисной техники, но увидел на кухонном столе визитку Чеза Фрати и поехал в его ломбард. Он находился на Ист-Сайд-драйв и размерами соперничал с универмагом. Над дверью висели три золотых шарика, как в других ломбардах, и пластмассовая русалка, покачивавшая хвостом и подмигивавшая. Поскольку она пребывала в общественном месте, ей пришлось надеть бюстгальтер. Фрати я не увидел, зато приобрел роскошную «Смит-Корону» за двенадцать долларов. Попросил продавца передать мистеру Фрати, что заходил Джордж-риелтор.

— С удовольствием передам, сэр. Вы не хотели бы оставить визитную карточку?

Черт! Мне следовало их отпечатать... а это означало, что посещения магазина офисной техники не избежать.

— Оставил в другом пиджаке, — ответил я, — но, думаю, он меня вспомнит. Вчера мы выпили по кружке пива в «Фонарщике».

Со второй половины того дня мои записи начали обрастать подробностями.

10

Я привык к самолетам, заходящим на посадку над головой. Договорился о доставке газет и молока. Бутылки из толстого стекла оставляли у порога. Как и рутбир Фрэнка Аничетти, отведанный мной во время первого визита в 1958 год, молоко отличалось богатым и насыщенным вкусом. А сливки были еще лучше. Я не знал, изобрели ли к тому времени искусственные сливки, и не испытывал ни малейшего желания это выяснить. Меня вполне устраивал натуральный продукт.

Потекли дни. Я изучал записи Эла Темплтона об Освальде, пока не выучил целые абзацы наизусть. Бывал в библиотеке и читал о волне убийств и исчезновений, захлестнувших Дерри в пятьдесят седьмом — пятьдесят восьмом годах. Искал истории о Фрэнке Даннинге и его знаменитой вспыльчивости, но не нашел ни одной. Если его и арестовывали, то информация об этом не попала в колонку «Полицейский дозор», обычно достаточно

длинную и всегда расширявшуюся до целой полосы по понедельникам, когда в ней давался полный отчет о субботних и воскресных подвигах (большая часть которых совершалась после закрытия баров). Единственная заметка, связанная с отцом уборщика, датировалась пятьдесят пятым годом. Речь в ней шла о благотворительной акции. «Супермаркет на Центральной» пожертвовал десять процентов прибыли за осенние месяцы Красному Кресту на оказание помощи пострадавшим от ураганов «Конни» и «Диана», обрушившихся на Восточное побережье. Тогда погибли двести человек, а наводнения нанесли немалый урон Новой Англии. На фотоснимке отец Гарри передавал большущий чек главе регионального отделения Красного Креста. Улыбаясь, как кинозвезда.

В «Супермаркет на Центральной» я больше не заходил, но в течение двух уик-эндов, последнего сентябрьского и первого октябрьского, следил за самым популярным мясником Дерри после того, как он в субботу выходил из магазина, отработав положенные полсмены. Для этого я арендовал в расположенном в аэропорту отделении «Хертца» неприметный «шевроле». Решил, что «санлайнер» использовать никак нельзя: слишком уж кабриолет бросался в глаза.

В первую субботу Даннинг отправился на блошиный рынок в Брюэре на своем «понтиаке». Автомобиль он держал в гараже, находившемся в центре города, и практически не пользовался им в рабочие дни. В воскресенье Даннинг подъехал к своему дому на Коссат-стрит, забрал детей и повез их в «Аладдин» на сдвоенный сеанс фильмов Диснея. Даже издалека Трой выглядел страдающим от смертной скуки, как на пути туда, так и по дороге обратно.

Даннинг не входил в дом ни когда приехал за детьми, ни когда привез их обратно. Он нажал на клаксон, сообщая детям о своем приезде, а по возвращении высадил их на тротуар и подождал, пока они войдут в дом. Но и после этого уехал не сразу. Сидел за рулем «бонневилла», двигатель которого работал на холостых оборотах, и курил. Может, надеялся, что очаровательная Дорис захочет выйти и поговорить. Когда убедился, что этого не произойдет, развернулся на подъездной дорожке соседа и укатил, так резко газанув, что покрышки протестующе взвизгнули и из-под них вырвались маленькие клубы сизого дыма.

Я сполз пониже на водительском сиденье своего «шевроле», но мог бы и не беспокоиться. Проезжая, он и не посмотрел в мою

сторону, а когда свернул на Уитчем-стрит, я последовал за ним. Он вернул «понтиак» в гараж, пошел в «Фонарщика», выпил кружку пива в практически пустом баре, а потом, опустив голову, зашагал к пансиону Эдны Прайс на авеню Любви.

В следующую субботу, четвертого октября, он снова забрал детей и повез их на футбольный матч в Университет Мэна в Орано, примерно в тридцати милях от Дерри. Я припарковался на Стилуотер-авеню и просидел в автомобиле до окончания игры. На обратном пути они остановились в «Девяносто пяти», чтобы пообедать. Я отъехал в дальний конец автостоянки и ждал, пока они вновь сядут в «понтиак», отметив для себя, что работа частного детектива ужасно скучна, а фильмы врут.

Когда Даннинг привез детей, на Коссат-стрит уже сгущались сумерки. Трою футбол определенно понравился больше приключений Золушки. Он вылез из отцовского «понтиака», широко улыбаясь и размахивая вымпелом «Черных медведей». Тагга и Гарри тоже получили по вымпелу и выглядели бодрыми. В отличие от Эллен. Она крепко спала. Даннинг принес ее к двери дома на руках. На этот раз миссис Даннинг вышла на крыльцо. Провела на нем совсем немного времени. Ровно столько, сколько требовалось для того, чтобы переложить маленькую девочку себе на руки.

Даннинг что-то сказал Дорис. Ее ответ ему точно не понравился. С такого расстояния разглядеть выражение его лица я не мог, но, говоря, он грозил ей пальцем. Она выслушала, покачала головой, развернулась и ушла в дом. Он постоял несколько мгновений, снял шляпу, шлепнул ею по ноге.

Интересно, конечно, и познавательно по части их отношений, но не более того. Я искал другое.

И нашел на следующий день. В то воскресенье я решился только на две разведывательные поездки. Да, темно-коричневый арендованный автомобиль практически сливался с ландшафтом, но более частое его появление могли и заметить. Первая поездка закончилась безрезультатно, и я решил, что из дома он в этот день не выйдет. Да и зачем? Небо серое, то и дело начинал накрапывать дождь. Скорее всего он смотрел трансляцию какого-нибудь спортивного матча вместе с остальными обитателями пансиона, и все они дымили как паровозы.

Но я ошибся. Повернув на Уитчем-стрит второй раз, я увидел, что он идет к центру города, в джинсах, ветровке и широкополой

шляпе из непромокаемого материала. Я проехал мимо него и припарковался на Главной улице, примерно в квартале от его гаража. Двадцать минут спустя я выехал вслед за ним из города, держа курс на запад. Держался достаточно далеко, потому что машин было немного. Как выяснилось, он направлялся на кладбище Лонгвью, расположенное в двух милях от города. Остановился у цветочного киоска напротив кладбищенских ворот, и, проезжая мимо, я увидел, как он покупает две корзинки осенних цветов у старушки, которая держала большой черный зонт над ними обоими, пока он отсчитывал деньги. В зеркало заднего вида я наблюдал, как он ставит корзинки на пассажирское сиденье, садится за руль и сворачивает на дорогу, проложенную по территории кладбища.

Я развернулся и поехал обратно к Лонгвью. Шел на риск, однако счел его оправданным, потому что сомневался, что он по-прежнему сидит в автомобиле. На стоянке увидел два пикапа, груженных садовым инструментом, укрытым брезентовыми полотнищами, и потрепанный старый ковшовый автопогрузчик, приобретенный, похоже, на распродаже военного имущества. «Понтиака» Даннинга здесь не было. Я пересек стоянку, направляясь к гравийной дороге, уходившей в глубь кладбища, большого, раскинувшегося на добрых двенадцати холмистых акрах.

От главной дороги отходили дороги поменьше. Легкий туман завис над долинами, дождь заметно усилился. Не лучший день для посещения родных и близких, покинувших этот мир, так что на кладбище Даннинг был чуть ли не в гордом одиночестве. «Понтиак» стоял на одной из боковых дорожек на склоне холма. Заметить его не составляло труда. Даннинг ставил корзинки с цветами у двух расположенных рядом могил. «Родители», — предположил я, но меня это не волновало. Я развернул автомобиль и покинул кладбище.

Когда я вернулся в свою квартиру на Харрис-авеню, на Дерри обрушился первый осенний ливень. В центре ревел канал. Гул, от которого вибрировали мостовые и тротуары Нижнего города, усилился. Бабье лето, судя по всему, закончилось. Это меня тоже особо не волновало. Я открыл блокнот, пролистал почти до конца, прежде чем нашел чистую страницу, и записал: *5 октября. 15.45, Даннинг на кладбище Лонгвью, ставит цветы на родительские (?) могилы. Дождь.*

Я получил нужную мне информацию.

Глава 8

1

В оставшиеся до Хэллоуина недели мистер Джордж Амберсон обследовал коммерческую недвижимость Дерри и окрестных городков.

Я, разумеется, не рассчитывал, что за столь короткое время меня примут за своего, но хотел, чтобы местные привыкли к виду моего красного «санлайнера» и он стал частью городского пейзажа. *Вон едет тот парень, который занимается недвижимостью. Он здесь уже почти месяц. И если он знает, что делает, кто-то может заработать на этом деньги.*

Когда люди спрашивали, что именно я ищу, я подмигивал и улыбался. Когда спрашивали, как долго я здесь пробуду, отвечал, что точно сказать не могу. Я ознакомился с географией города и начал изучать другую — словесный ландшафт 1958 года. Узнал, например, что под *войной* подразумевается Вторая мировая, а *конфликт* — это Корея. И первая, и второй, слава Богу, закончились. Люди тревожились из-за России и так называемого «отставания по ракетам», но не так чтобы сильно. Люди тревожились из-за подростковой преступности, но не так чтобы сильно. Тянущаяся рецессия людей не смущала: видали времена и похуже. Если ты с кем-то торговался, не считалось зазорным сказать, что ты объевреил их (или они обцыганили тебя). Среди дешевых сластей имелись «горошинки», «восковые губки» и «негритосики»*. На юге правил Джим Кроу**. В Москве Никита Хрущев выкрикивал угрозы. В Вашингтоне президент Эйзенхауэр бубнил о всеобщем благоденствии.

Вскоре после разговора с Чезом Фрати я побывал на том месте, где прежде стоял металлургический завод Китчнера. Увидел большой, заросший сорняками участок к северу от города и да,

---

* «Горошинки» — жевательные конфетки размером чуть больше горошины. «Восковые губки» — конфеты из цветного или ароматизированного воска, формой напоминающие полные губы. «Негритосики» — лакричные конфетки, покрытые шоколадной глазурью.

** Законы Джима Кроу — совокупность законов, принятых в южных штатах, которые законодательно устанавливали расовую сегрегацию во всех общественных местах, оставляя за чернокожими американцами «сегрегированный, но равный» статус.

согласился с тем, что это идеальное место для торгового центра, особенно если сюда дотянут автостраду «Миля-в-минуту». Но в тот день (в какой-то момент мне пришлось съехать на обочину и дальше идти пешком, потому что колдобины могли повредить автомобиль) участок этот больше напоминал руины древней цивилизации: мои дела, цари, узрите — и отчайтесь*. Груды кирпича, ржавые обломки каких-то машин и агрегатов торчали из высокой травы. По центру лежала давно упавшая дымовая труба, покрытая сажей, ее громадное, облицованное керамической плиткой нутро заполняла темнота. Чуть пригнувшись, я смог бы в нее войти, а я не из коротышек.

За эти недели до Хэллоуина я увидел немалую часть Дерри и *ощутил* — в немалой степени — его дух. Старожилы относились ко мне благожелательно, но — за одним исключением — о дружбе речь не шла. Исключение составлял Чез Фрати, и, оглядываясь назад, я понимаю, что такое сближение следовало воспринимать настороженно, однако у меня и без того хватало проблем, и я не придал особого значения его странному поведению. Подумал: *Иногда просто встречается дружелюбный парень, и все дела*, — и на этом остановился. Конечно же, я и представить себе не мог, что другой старожил Дерри, Билл Теркотт, подослал ко мне Фрати.

Билл Теркотт, он же Бесподтяжечник.

2

Бевви-На-Ели говорила, что, по ее мнению, плохие времена для Дерри закончились, но чем дольше я смотрел на этот город (и чем больше чувствовал — особенно чувствовал), тем сильнее верил, что он отличался от других городов. Что-то в Дерри было не так. Поначалу я пытался убедить себя, что дело во мне — не в Дерри. Я пришлый, кочевник по времени, и любой город должен казаться мне странным, перекошенным, совсем как напоминающие кошмарные сны мегаполисы в романах Пола Боулза. Поначалу я придерживался этой версии, но день проходил за днем, знакомство с городом продолжалось — и она представлялась мне все менее убедительной. Я засомневался в справедливости утверждения Беверли Марш о том, что плохие времена закончились, и представлял себе (по ночам, когда не мог заснуть, а такое

* Строка из стихотворения П. Шелли «Озимандия» в пер. В. Брюсова.

случалось часто), что она не знала, так ли это. Разве я не заметил сомнения в ее глазах? Словно она сама верила не до конца, но очень хотела. Возможно, не могла обойтись без этой веры.

Что-то не так.

Что-то неправильно.

Пустующие дома, напоминавшие лица людей, страдающих от жуткой душевной болезни. Заброшенный сарай на городской окраине, чья дверь медленно поворачивалась на ржавых петлях, открывая темноту, пряча, снова открывая. Разлом в ограждении на Канзас-стрит, не так далеко от улицы, на которой жила миссис Даннинг с детьми. Для меня изгородь эта выглядела так, будто что-то — или кто-то — проломило ее и свалилось в Пустошь. Детская площадка с медленно вращавшейся каруселью, которую никто не раскручивал — ни дети, ни ветер. При ее движении невидимые подшипники громко скрипели. Однажды я увидел грубо вырезанного из дерева Иисуса, который плыл по реке и исчез в тоннеле под Кэнал-стрит. Длиной три фута. С оскаленными зубами. В терновой короне, сдвинутой набок и съехавшей на лоб. С кровавыми слезами, нарисованными под странными белыми глазами. Этот Иисус напоминал колдовской фетиш. На так называемом Мосту поцелуев в Бесси-парке, среди надписей о школьном духе и вечной любви, кто-то вырезал: «Я СКОРО УБЬЮ СВОЮ МАТЬ», — а ниже кто-то другой добавил: «ДАВНО ПОРА ОНА УЖЕ ВСЯ ПРАГНИЛА ОТ БАЛЕЗНЕЙ». Как-то днем, шагая по восточной границе Пустоши, я услышал жуткий визг, поднял голову и увидел силуэт тощего мужчины, стоявшего на эстакаде железной дороги не так далеко от меня. Он поднимал и опускал руку с зажатой в ней палкой. Визг прекратился, и я подумал: *Это собака, и он ее прикончил. Привел туда на веревке и бил, пока она не подохла.* Разумеется, я никак не мог этого знать... и, однако, знал. Не испытывал ни тени сомнений.

Что-то не так.

Что-то неправильно.

Имеет ли все это отношение к истории, которую я рассказываю? Истории об отце уборщика и Ли Харви Освальде (маленьком самодовольном говнюке с всезнающей улыбкой и серыми глазами, которые никогда не встречаются с твоими)? Не могу сказать наверняка, однако могу добавить: что-то обитало в упавшей трубе металлургического завода Китчнера. Я не знаю, что именно, да и

не хочу знать, но у жерла трубы я видел груду обглоданных костей и маленький изжеванный ошейник с колокольчиком. Раньше с этим ошейником гулял любимый котенок какого-то малыша. А в трубе — далеко, в самой глубине — что-то двигалось и шаркало.

Зайди и посмотри, вроде бы прошептал в моей голове чей-то голос. *Наплюй на все остальное, Джейк, зайди и посмотри. Загляни в гости. Время здесь значения не имеет, время здесь просто уплывает. Ты же знаешь, что хочешь, ты знаешь, тебе любопытно. Может, это еще одна «кроличья нора». Еще один портал.*

Может, и так — но я думал иначе. Я думал, что там меня поджидал Дерри — все то, что отличало этот город от других, все, что было неправильным, пряталось в этой трубе. Впало в спячку. Позволяло людям поверить, что худшее позади, ждало, чтобы они расслабились и напрочь забыли про плохие времена.

Я торопливо ушел и больше никогда не возвращался в эту часть Дерри.

3

В один из дней второй недели октября — к тому времени дубы и вязы на Коссат-стрит полыхали красным и желтым — я вновь посетил закрытый Вестсайдский оздоровительный центр. Уважающий себя охотник за недвижимостью просто не мог удержаться от досконального обследования этого лакомого кусочка, и я опросил нескольких прохожих, интересуясь, что там внутри (на двери, само собой, висел замок) и давно ли закрылся центр.

Среди прочих я переговорил и с Дорис Даннинг. *Словно сошла с картинки* — так охарактеризовал ее Чез Фрати. Обычно бессмысленный штамп, а тут очень уместный. Конечно, годы взяли свое, в уголках глаз появилась сеточка морщинок плюс две более глубокие пролегли у рта, но сохранились и бархатистая кожа, и потрясающая фигура с пышной грудью (в пятьдесят восьмом году, когда Джейн Мэнсфилд купалась в лучах славы, большая грудь считалась достоинством и нисколько не смущала счастливых обладательниц). Мы поговорили на крыльце. Приглашение в пустой дом — дети-то в школе — считалось непристойностью и вызвало бы соседские пересуды, с учетом того, что муж «живет отдельно». В одной руке Дорис держала тряпку, в другой — сигарету. Из кармана передника торчало горлышко бутылки с поли-

ролью. Как и большинство жителей Дерри, говорила она со мной вежливо, но отстраненно.

Да, сказала она, Вестсайдский оздоровительный центр, когда работал, очень ее устраивал. Это удобно, если рядом с домом есть место, куда дети могут пойти после школы и набегаться вволю. Из окна кухни она видела и игровую, и баскетбольную площадки, и теперь оставалось лишь сожалеть, что они пустуют. По ее словам, центр закрыли из-за сокращения бюджетных расходов, но бегавшие глаза и поджатые губы предполагали другое: его закрыли в тот период, когда на город обрушилась волна убийств и исчезновений детей. Сокращение бюджета играло второстепенную роль.

Я поблагодарил ее и протянул одну из недавно отпечатанных визитных карточек. Она взяла, рассеянно мне улыбнулась и затворила дверь. Мягко, не хлопнув, но изнутри донеслось позвякивание, и я понял, что теперь дверь заперта на цепочку.

Я думал, что центр может подойти для моих целей, когда наступит Хэллоуин, хотя этот вариант устраивал меня не полностью. Я полагал, что без проблем смогу проникнуть внутрь, а любое из окон фасада обеспечивало прекрасный обзор. Даннинг скорее всего приедет на автомобиле, но я знал, как выглядит его «понтиак». Согласно сочинению Гарри, в доме мясник появился, когда уже стемнело, однако на улице ярко горели фонари.

Разумеется, освещенность работала и против меня. Если Даннинг не сосредоточится на доме, он увидит, как я бегу к нему. Да, револьвер у меня был, но точность гарантировалась лишь при стрельбе с расстояния менее пятнадцати ярдов. А я рискнул бы стрелять только с гораздо более близкого расстояния, потому что в вечер Хэллоуина на Коссат-стрит будет полно маленьких призраков и гоблинов. Однако я не мог оставаться в укрытии, дожидаясь, пока он войдет в дом, потому что, согласно тому же сочинению, изгнанный из семейного гнезда муж Дорис Даннинг начал махать молотком, едва переступив порог. И к тому времени, когда Гарри вышел из ванной, убил всех, кроме Эллен. Если я задержусь, то увижу то же самое, что и Гарри: мозги его матери, сочащиеся кровью на диване.

Я вернулся на полвека в прошлое не для того, чтобы спасти только одного из них. А если он заметит, что я бегу к нему? Я — человек с револьвером, он — с молотком, возможно, позаимствованным из ящика для инструментов в пансионе. Если он заметит

меня — слава Богу. Я сыграю роль клоуна с родео, отвлекающего быка. Буду прыгать и кричать, дожидаясь, пока он приблизится, а потом всажу ему в грудь две пули.

При условии, что сумею нажать спусковой крючок.

При условии, что револьвер выстрелит. Я проверял его в гравийном карьере на окраине города, и все получилось в лучшем виде... но прошлое упрямо.

И не хочет меняться.

4

Однако, поразмыслив, я пришел к выводу, что для засады в вечер Хэллоуина можно найти место и получше. Конечно, удача мне бы не помешала, но, с другой стороны, все и так складывалось в мою пользу. *Бог свидетель, здесь много чего продается,* заверил меня Фред Туми в мой первый вечер в Дерри. И прогулки по городу это подтвердили. Когда начались убийства (и не забудьте про сильнейшее наводнение 1957 года), чуть ли не полгорода выставили на продажу. В более дружелюбном месте потенциальному покупателю вроде меня вручили бы ключи от ратуши и устроили бы бурный уик-энд с «Мисс Дерри».

Но я еще не успел побывать на аллее Уаймора, лежавшей к югу от Коссат-стрит, в квартале от нее. То есть дворы домов на аллее Уаймора граничили с дворами домов на Коссат-стрит. Так что имело смысл заглянуть туда.

В доме 206 по Уаймор, который находился за домом Даннингов, кто-то жил, зато следующий по левую руку — 202 — подходил мне по всем статьям. Стены недавно выкрасили в серый цвет, крышу перекрыли, однако запертые ставни свидетельствовали о том, что дом пустует. И на заботливо расчищенной лужайке стояла желто-зеленая табличка, какие я видел по всему городу: «ПРОДАЕТСЯ СПЕЦИАЛИСТАМИ "ДЕРРИ ХОУМ РИЭЛ ЭСТЕЙТ"». Эта табличка приглашала меня позвонить специалисту Кейту Хейни и обсудить финансовые вопросы. Такого желания у меня не возникло, но я припарковал «санлайнер» на свежем асфальте подъездной дорожки (кто-то провел серьезную предпродажную подготовку) и прошел во двор, гордо вскинув голову, расправив плечи, прямо-таки кум королю. Я узнал много интересного, обследуя город, в котором поселился, и среди прочего уяснил для себя один

важный принцип: веди себя как угодно, но с таким видом, будто имеешь на это право, и люди решат, что так оно и есть.

Лужайку во дворе тоже аккуратно выкосили, опавшие листья сгребли, чтобы во всей красе показать бархатистую зелень травы. Механическая газонокосилка стояла под навесом сарая, накрытая зеленым брезентом, аккуратно подоткнутым под сверкающие ножи. Рядом с дверью в подвал примостилась собачья будка, и табличка на ней свидетельствовала, что Кейт Хейни не из тех, кто пренебрегает мелочами: «ДОМ ВАШЕЙ СОБАКИ». В конуре лежала стопка неиспользованных мешков для мусора, придавленная садовой лопаткой и ножницами для подрезки зеленой изгороди. В 2011 году инструменты хранили под замком; в 1958-м их просто прятали от дождя. Я не сомневался, что дом заперт, но меня это не волновало. Я же не собирался вламываться в него.

Дом 202 по аллее Уаймора и дом Даннингов разделяла зеленая изгородь высотой почти шесть футов. Другими словами, не такая высокая, как я, и хотя зелени хватало, человек мог без особого труда проломиться сквозь нее, отделавшись несколькими царапинами. Но больше всего мне понравилось другое: из дальнего правого угла, за гаражом, открывался двор Даннингов. Я видел два велосипеда. Один, подростковый «швинн», стоял на откидной подножке. Второй лежал на боку, как сдохший пони. Он принадлежал Эллен. Я узнал его по маленьким колесикам.

Хватало на траве и игрушек. Среди них я разглядел духовушку «Дейзи» Гарри Даннинга.

5

Если вы когда-нибудь играли в любительском спектакле или выступали в роли режиссера школьной постановки (мне в ЛСШ несколько раз приходилось это делать), то знаете, как я провел дни перед Хэллоуином. Поначалу репетиции идут ни шатко ни валко. Есть место для импровизации, шуток, баловства и флирта, раз уж определяются отношения между представителями разных полов. Чей-то промах или отсутствие должной реакции на реплику на этих ранних репетициях — всего лишь повод для смешков. Если актер/актриса опаздывает на пятнадцать минут, он/она может услышать легкий упрек, но скорее всего и только.

А потом премьера начинает трансформироваться из фантастической грезы в реальность. Импровизации пресекаются, пропадает баловство, а шутки, хотя и остаются, встречаются истерическим смехом, чего не случалось ранее. Проваленные сцены или пропущенные реплики уже не смешат, а раздражают. Актер, опоздавший на репетицию, когда декорации уже на сцене и до премьеры — считанные дни, обязательно получает от режиссера крепкий нагоняй.

И вот наступает этот вечер. Актеры в костюмах и гриме. Некоторые в диком ужасе; все чувствуют, что не вполне готовы. Скоро они предстанут перед людьми, которые пришли оценить их мастерство. То, что раньше, на пустой сцене, казалось чем-то далеким и эфемерным, вот-вот свершится. И прежде чем поднимется занавес, некоторым Гамлетам, Уилли Ломанам или Бланш Дюбуа придется рвануть в ближайший туалет и проблеваться. Без этого никогда не обходится.

Поверьте мне насчет блевоты. Я знаю.

6

В предрассветные часы хэллоуинского утра я оказался не в Дерри, а в океане. В *штормящем* океане. Я цеплялся за планширь большого судна — думаю, яхты, — и меня едва не смывало за борт. Ревущий ветер швырял капли дождя мне в лицо. Гигантские волны, черные у основания и пенно-зеленые на гребне, накатывали на меня. Яхта поднималась, накренялась, потом вворачивалась вглубь, словно штопор в бутылочную пробку.

Я вырвался из этого сна с гулко бьющимся сердцем и скрюченными руками, пытающимися ухватиться за воображаемый планширь. Да только ощущение, что кровать ходит вверх-вниз, осталось. Мой желудок будто отцепился от мышц, которым полагалось удерживать его на месте.

В такие моменты тело почти всегда мудрее рассудка. Я отбросил одеяло и рванул в ванную, по дороге пнув ненавистный желтый стул. Потом, конечно, пальцы ног болели, но в тот момент я ничего не почувствовал. Я пытался целиком и полностью перекрыть горло, однако добился лишь частичного успеха. Слышал, как странный звук просачивается через него в рот. Что-то вроде: *Алк-алк-арп-алк.* Яхтой оказался мой желудок, который

сначала поднимался, а потом, опускаясь, входил в штопор. Я упал на колени перед унитазом и выблевал обед. За ним последовали ленч и вчерашний завтрак, Бог свидетель, яичница с ветчиной. От вида этой поблескивающей блевотины меня вырвало вновь. Короткая пауза — и новый фонтан рвоты: организм покидало все съеденное на прошлой неделе.

Только у меня затеплилась надежда, что конец близок, резко скрутило кишечник. Я с трудом поднялся, дернул за цепочку сливного бачка и едва успел сесть, как из меня хлынул бурный поток.

Но в желудке еще что-то осталось. Он вновь дернулся в тот самый момент, когда кишечник выдал очередной залп. Мне оставалось только одно, и я воспользовался этой возможностью: наклонился и блеванул в раковину.

Так продолжалось до полудня. К тому времени оба моих выпускных отверстия выдавали только жиденькую кашицу. Всякий раз, когда меня рвало, всякий раз, когда скручивало живот, я говорил себе: *Прошлое не хочет, чтобы его меняли. Прошлое упрямо.*

Но я не отказывался от намерения прийти к дому Даннингов до того, как этим вечером там появится Фрэнк. Даже если бы мне пришлось блевать и срать на ходу, я собирался там быть. Собирался там быть, даже если бы ради этого пришлось умереть.

7

Мистер Норберт Кин, владелец «Аптечного магазина на Центральной», стоял за прилавком, когда я вошел в торговый зал во второй половине дня. Вращались деревянные лопасти потолочного вентилятора, вовлекая в медленный танец остатки волос на голове мистера Кина. Они напоминали паутинки, колышущиеся под летним ветерком. Одного взгляда на них хватило, чтобы мой измученный желудок предупреждающе дернулся. В белом халате, худощавый (чего там, истощенный донельзя), мистер Кин смотрел, как я приближаюсь к прилавку, и его губы кривились в бледной улыбке.

— Видимо, вам нездоровится, друг мой.

— Каопектат, — прохрипел я, не узнав собственного голоса. — Он у вас есть? — А себя спросил: вдруг его еще не изобрели?

— Подхватили желудочный грипп? — Свет верхних ламп отражался от линз маленьких очков без оправы и растекался в

стороны, когда аптекарь двигал головой. *Как масло по горячей сковороде,* подумал я, и желудок дернулся вновь. — Ходит по городу такая зараза. Боюсь, вам предстоят двадцать четыре малоприятных часа. Вероятно, вирус, но, возможно, вы воспользовались общественным туалетом и забыли помыть руки. Так много людей нынче пренебрегает...

— Есть у вас каопектат или нет?

— Разумеется. Второй проход.

— Резиновые трусы. Где их найти?

Тонкогубая улыбка стала шире. Резиновые трусы для взрослых — это смешно, понятное дело, если они нужны не вам, а кому-то еще.

— Пятый проход. Хотя, если будете держаться ближе к дому, они вам не потребуются. Судя по вашей бледности, сэр... и учитывая, как вы потеете... может, лучше никуда и не выходить.

— Благодарю, — ответил я, представляя, как мой кулак врезается ему в рот и забивает вставные зубы в глотку. *И «Полидент»* на закуску, приятель.*

По магазину я продвигался крайне медленно, чтобы не трясти свои измученные внутренности больше необходимого. Взял бутылку каопектата (большую, экономичной расфасовки, ставим галочку в списке), потом резиновые трусы (для взрослых, большого размера, ставим галочку). Трусы лежали в отделе «Средства ухода за больным», между клизмами и бухтами желтого пластикового шланга, предназначение которого я даже знать не хотел. Тут же лежали и подгузники для взрослых, но на них я не клюнул. Если б возникла необходимость, натолкал бы в резиновые трусы посудные полотенца. Мысль эта показалось мне забавной, и, несмотря на прискорбное состояние, пришлось подавлять смех. В моем деликатном положении он мог привести к беде.

Словно чувствуя, что спешка мне противопоказана, скелетообразный фармацевт пробивал мои покупки медленно. Я трясущейся рукой протянул пятидолларовую купюру.

— Что-нибудь еще?

— Только одно. Мне плохо, вы видите, что мне плохо, так какого черта ухмыляетесь, глядя на меня?

Мистер Кин отступил на шаг, улыбка растаяла.

---

* Эффективное средство для чистки вставных челюстей.

— Уверяю вас, я *не ухмылялся*. Желаю вам скорейшего выздоровления.

Кишки свело судорогой. Я покачнулся, схватил бумажный пакет с покупками, второй рукой оперся о прилавок.

— Туалет у вас есть?

Улыбка вернулась.

— Боюсь, не для покупателей. Почему бы вам не зайти в... одно из заведений через улицу?

— А вы ведь ублюдок, да? Идеальный чертов дерриец.

Он застыл. Потом развернулся и направился в закуток, где держал таблетки, порошки и сиропы.

Я медленно прошествовал мимо стойки с газировкой и вышел за дверь, будто стеклянный человек. День выдался прохладным, температура поднялась не выше сорока пяти градусов*, но солнечные лучи обжигали кожу. И я потел. Вновь скрутило живот. Я постоял, опустив голову, одной ногой на тротуаре, другой — в сточной канаве. Отпустило. Пересек улицу, не глядя на автомобили. Кто-то из водителей посигналил. Я удержался от того, чтобы показать ему палец, только потому, что мне и без этого хватало забот. Было не до драки. Я и так воевал с собственным организмом.

Вновь судорога, низ живота резануло как ножом. Я побежал. Дверь «Сонного серебряного доллара» находилась ближе всего. Рывком распахнув ее, я влетел в полумрак и дрожжевой запах пива. Из музыкального автомата Конуэй Твитти стонал, что все это не всерьез. Мне хотелось ему верить.

Зал пустовал, если не считать мужчины, сидевшего за пустым столиком, и бармена, который, склонившись над стойкой, решал кроссворд в утренней газете. Бармен вскинул голову, посмотрел на меня.

— Туалет, — прохрипел я. — Быстро.

Он указал в глубь зала, и я помчался к дверям с надписями «МАЛЬЧИШКИ» и «ДЕВЧОНКИ». Атаковал первую, как нападающий футбольной команды, вырвавшийся в открытую зону. Внутри воняло говном, сигаретным дымом и хлоркой, от которой слезились глаза. В единственной кабинке дверь отсутствовала, к счастью для меня. Я сдернул брюки со скоростью Супермена, опаздывающего на ограбление банка, развернулся и плюхнулся на сиденье.

---

* 7,2 °С.

Успел.

Когда нутро успокоилось, достал из пакета бутыль каопектата и сделал три больших глотка. Желудок начал выворачиваться. Я это пресек. Убедившись, что первая порция не собирается в обратный путь, глотнул еще, рыгнул и медленно накрутил крышку на горлышко. На стене слева кто-то нарисовал пенис и яйца. Яйца взрезали, и из них хлестала кровь. Под этой очаровательной картинкой художник написал: «ГЕНРИ КОСТАНГУЭЙ! ВОТ ЧТО С ТОБОЙ БУДЕТ, ЕСЛИ ЕЩЕ РАЗ ТРАХНЕШЬ МОЮ ЖЕНУ».

Я закрыл глаза и тут же увидел единственного посетителя бара, который удивленно наблюдал за моим рывком к туалету. Но посетителя ли? На столике перед ним ничего не стояло. Он просто сидел. С закрытыми глазами я ясно видел его лицо. Знакомое мне лицо.

Выйдя из туалета, Бесподтяжечника я уже не застал. Конуэя Твитти сменил Ферлин Хаски. Я прямиком направился к бармену.

— Когда я вошел, тут сидел один парень. Кто он?

Бармен оторвался от кроссворда.

— Никого не видел.

Я достал бумажник, вытащил пятерку, положил на стойку возле подставки под пивную кружку с рекламой «Наррагансетта»*.

— Имя.

После короткого молчаливого диалога с самим собой бармен посмотрел на банку для чаевых, в которой лежала одинокая монетка в десять центов, на другую банку, с маринованными яйцами, и пятерка исчезла.

— Билл Теркотт.

Ни имя, ни фамилия мне ничего не говорили. И пустой столик, возможно, ничего не означал, но с другой стороны...

Я положил на стойку близнеца Честного Эйба.

— Он приходил, чтобы приглядывать за мной?

Положительный ответ означал бы, что за мной следили. И не только сегодня. Но почему?

Бармен пододвинул купюру ко мне.

— Я только знаю, что он приходит сюда выпить пива, и не одну кружку.

— Тогда почему сегодня он ушел, не выпив ни одной?

---

* Марка пива, производимого в Новой Англии (штат Род-Айленд).

— Может, заглянул в бумажник и обнаружил в нем лишь пустоту. Я что, похож на гребаную Брайди Мерфи*? А теперь, раз уж вы провоняли мой туалет, почему бы вам не заказать что-нибудь?

— Там так же воняло и до моего прихода, друг мой.

Не самая лучшая завершающая реплика, но в сложившихся обстоятельствах на большее меня не хватило. Я вышел, постоял на тротуаре, оглядываясь в поисках Теркотта. Его я не заметил, зато увидел Норберта Кина в витрине аптеки. Сложив руки за спиной, он наблюдал за мной. Без улыбки.

8

В двадцать минут шестого я припарковал «санлайнер» на стоянке, примыкавшей к баптистской церкви на Уитчем-стрит, в которой, согласно объявлению, в пять вечера началось собрание АА. В багажнике «форда» лежали все вещи, накопленные мной за семь недель проживания в Дерри, или, как я привык его называть, в Необычном маленьком городе. Из незаменимого — только врученный мне Элом портфель «Лорд Бакстон» с его записями, моими записями и оставшейся наличностью. Слава Богу, больше я банковских счетов не открывал.

На переднее пассажирское сиденье я положил бумажный пакет. С бутылкой каопектата, на три четверти опустевшей, и резиновыми трусами, хотя и не думал, что они мне понадобятся. Желудок и кишечник определенно успокоились, а руки больше не тряслись. В бардачке, под шестью шоколадными батончиками «Пейдей», прятался револьвер. Позднее, заняв исходную позицию между гаражом и зеленой изгородью у дома 202 по аллее Уаймора, я намеревался зарядить револьвер и сунуть за ремень, как мелкий бандит в каком-нибудь второсортном боевике из тех, что показывали в «Стрэнд».

Еще в бардачке лежал «ТВ-гид» с Фредом Астером и Барри Чейз на обложке. Наверное, в десятый раз после покупки журнала в газетном киоске на Главной улице я раскрыл его на странице с пятничной телевизионной программой:

* Речь идет о нашумевшем случае (22 января 1953 г.), когда Вирджиния Тай в состоянии гипноза начала говорить на ирландском наречии и называть себя Брайди Мерфи, родившейся в округе Корк в 1798 г.

20.00. «Канал-2»: «Новые приключения Эллери Куина», Джордж Надер, Лес Тримейн. «Такая богатая, такая красивая, такая мертвая». Коварный брокер (Уит Бисселл) выслеживает богатую наследницу (Эва Габор), Эллери и его отец начинают расследование.

Я добавил «ТВ-гид», револьвер и шоколадные батончики к тому, что уже (главным образом для подстраховки) лежало в бумажном пакете, вылез из автомобиля, запер его и зашагал к аллее Уаймора. Миновал нескольких мамочек и папочек, сопровождавших в охоте за сладостями детей, еще слишком маленьких, чтобы выпрашивать их самостоятельно. Вырезанные из тыкв фонари лыбились чуть ли не с каждого крыльца, встретилась мне и пара набитых соломой чучел в шляпах набекрень.

Я прошествовал по середине тротуара аллеи Уаймора с таким видом, будто имею полное право находиться здесь. Когда приблизился к папаше, державшему за руку маленькую девочку с длинными цыганскими серьгами, ярко накрашенными маминой помадой губами и большими черными пластмассовыми ушами над курчавым париком, коснулся рукой шляпы, приветствуя отца, и наклонился к ребенку.

— И кто *ты*, милая?

— Аннет Фуничелло*, — ответила девочка. — Она *самая красивая* мышкетерша.

— Ты такая же красотка, — заверил я. — И что ты теперь должна сказать?

На ее лице отразилось недоумение, поэтому папаша наклонился и что-то шепнул ей на ухо. Девочка просияла.

— Сласто-гадость!

— Точно, — кивнул я. — Но сегодня никаких гадостей. — И подумал: «За исключением одной, для человека с молотком».

Я достал из пакета «Пейдей» (для этого мне пришлось сунуть руку под револьвер) и протянул девочке. Она раскрыла свой пакет, и я бросил в него батончик. Случайный встречный, чужак в городе, который не так давно потрясли ужасные преступления, — и тем не менее одинаковое детское доверие читалось на лицах отца и дочери. Дни, когда сладости будут сдабривать ЛСД, наступят не

* Американская певица и актриса. В детской телевизионной передаче «Клуб Микки-Мауса» (1955—1959) играла роль мышки-мушкетера.

скоро. С предупреждением «НЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ, ЕСЛИ НАРУШЕНА ГЕРМЕТИЧНОСТЬ» они еще не сталкивались.

Папаша снова что-то прошептал.

— Спасибо, мистер, — поблагодарила меня Аннет Фуничелло.

— Не за что. — Я подмигнул отцу. — Вам обоим успешной охоты.

— Завтра у нее разболится живот, — ответил папаша, но улыбнулся. — Пошли, Тыквочка.

— Я *Аннет*! — возмущенно воскликнула девочка.

— Извини, извини. Пошли, Аннет. — Он еще раз улыбнулся мне, коснулся рукой шляпы, и они пошли дальше в поисках добычи.

Я не торопясь продолжил путь к дому 202. Принялся бы насвистывать, если б не пересохли губы. Свернув на подъездную дорожку, позволил себе быстро оглянуться. На другой стороне улицы увидел нескольких участников спектакля «Сладость или гадость», но никто не обращал на меня ни малейшего внимания. Прекрасно. Я быстрым шагом прошел подъездную дорожку. Когда оказался за домом, с моих губ сорвался глубокий вздох облегчения. Я занял позицию в дальнем правом углу двора, надежно укрытый от посторонних взглядов гаражом и зеленой изгородью. Во всяком случае, я так думал.

Заглянув во двор Даннингов, я увидел, что велосипедов нет. Большинство игрушек по-прежнему валялось на траве: детский лук и стрелы с присосками, бейсбольная бита с рукояткой, обмотанной шершавой изолентой, зеленый хула-хуп — но не духовушка «Дейзи». Гарри унес ее в дом. Конечно же, он ведь собирался взять ее с собой, отправляясь на охоту за сладостями в костюме Буффало Боба.

Тагга уже навешал ему лапшу на уши насчет духовушки? Мать уже сказала: *Ты можешь взять духовушку Гарри потому что это не настоящая винтовка?* Если нет, все это еще произойдет. Потому что их реплики уже написаны. Мой живот вновь свело судорогой, не из-за инфекции, а от абсолютного осознания, какое открывается во всем своем неприкрытом величии и пробирает до нутра. Это действительно должно произойти. Собственно, уже происходит. Процесс пошел.

Я посмотрел на часы. По моим ощущениям, я оставил автомобиль на стоянке у церкви час тому назад, но они показывали семнадцать сорок пять. В доме Даннингов семья садилась ужи-

нать... хотя, если я что-то знал о детях, младшие слишком волновались, чтобы есть с аппетитом, а Эллен уже нарядилась принцессой Летоосень Зимавесенней. Скорее всего надела костюм, как только пришла из школы, и довела мать до белого каления просьбами помочь ей с боевой раскраской.

Я сел, привалился спиной к задней стене гаража, порылся в пакете, достал батончик «Пейдей». Подумал о бедном старом Дж. Альфреде Пруфроке*. Не очень-то я от него отличался, хотя не решался съесть шоколадный батончик. С другой стороны, в ближайшие три часа мне предстояло многое сделать, а пустой желудок недовольно урчал.

К черту, подумал я и развернул батончик. Такой прекрасный на вкус — сладкий, пикантный, сочно жующийся. Два укуса — и от батончика осталась самая малость. Я уже собирался отправить в рот и ее (думая при этом, а почему, скажите на милость, я не прихватил с собой сандвич и бутылку колы), когда краем глаза уловил движение слева. Начал поворачиваться, одновременно сунув руку в пакет за револьвером, но опоздал. Что-то холодное и острое уперлось во впадину левого виска.

— Вынь руку из пакета.

Голос я узнал сразу. *Охота целоваться со свиньей?* — произнес его обладатель, когда я спросил, не знает ли он или кто-то из его друзей человека по фамилии Даннинг. Он еще сказал, что в Дерри полным-полно Даннингов, и я нашел тому подтверждение, но по нашему разговору он сразу понял, какой именно Даннинг меня интересовал. Других доказательств теперь и не требовалось.

Острие ножа вдавилось сильнее, я почувствовал струйку крови, побежавшую по щеке. Теплую на застывшей от холода коже. Почти горячую.

— *Немедленно* вытащи руку, приятель. Думаю, я знаю, что у тебя там, и если рука не будет пустой, твоей сладостью на Хэллоуин станут восемнадцать дюймов японской стали. Эта штуковина острая. Выйдет с другой стороны твоей головы.

Я вытащил руку — пустую — и повернулся к Бесподтяжечнику. Его волосы грязными патлами падали на уши и лоб. Черные глаза плавали по бледному, заросшему щетиной лицу. Меня охватил страх, едва не перешедший в отчаяние. Едва... но и только.

* Герой поэмы Т.С. Элиота «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока» (1917).

Даже если ради этого мне придется умереть, вновь подумал я. *Даже если.*

— В пакете нет ничего, кроме шоколадных батончиков, — ровным голосом ответил я. — Если хотите один, мистер Теркотт, вам надо только попросить. Я дам.

Он схватил пакет, прежде чем я успел потянуться к нему. Воспользовался свободной рукой. В другой Теркотт сжимал штык, я не знал, японский или нет, но, судя по блеску в сгущающихся сумерках, выглядело оружие очень острым.

Теркотт порылся в пакете и нашел мой «полис спешл».

— Ничего, кроме шоколадных батончиков, да? По-моему, это не шоколадный батончик, *мистер* Амберсон.

— Мне он нужен.

— Да, а людям в аду нужна холодная вода, но они ее не получают.

— Говорите тише.

Он засунул мой револьвер за пояс, точно так же, как собирался засунуть я, проломившись сквозь зеленую изгородь во двор Даннингов, затем ткнул штыком мне чуть ли не в глаз. Волевым усилием я заставил себя не отпрянуть.

— Не указывай мне, что делать... — Пошатываясь, он поднялся на ноги. Потер живот, грудь, потом поросшую жестким волосом шею, словно там что-то застряло. Я услышал, как в горле щелкнуло, когда он сглотнул.

— Мистер Теркотт? Вы в порядке?

— Откуда ты знаешь мою фамилию? — И тут же добавил, не дожидаясь ответа: — Пит, да? Бармен в «Долларе». Он тебе сказал?

— Да. А теперь у меня к вам вопрос. Как давно вы следите за мной? И почему?

Он невесело улыбнулся, продемонстрировав парочку недостающих зубов.

— Это два вопроса.

— Просто ответьте на них.

— Ты ведешь себя... — он поморщился, сглотнул, привалился к задней стене гаража, — словно ты тут начальник.

Бледность и общее недомогание Теркотта бросались в глаза. В этом ублюдке, мистере Кине, определенно чувствовалась садистская жилка, но я полагал, что диагност он неплохой. Да и кто мог больше знать о донимающих город инфекциях, как не здешний фармацевт?

Я практически не сомневался, что мне каопектат больше не потребуется, а вот Биллу Теркотту он бы не помешал. Не говоря уже о резиновых трусах, если желудочный грипп принялся за дело.

Тогда все будет или очень хорошо, или очень плохо, подумал я. Но сам понимал, что это не так. Ничего хорошего быть не могло.

Не важно. Займу его разговорами. И как только его начнет рвать — при условии, что начнет до того, как он перережет мне горло или застрелит меня из моего же револьвера, — прыгну на него.

— Скажите мне, — настаивал я. — Думаю, я имею право знать, раз уж не сделал вам ничего плохого.

— Ты собираешься что-то сделать *ему*, вот что я думаю. Недвижимость, которую ты ищешь по всему городу, — туфта. Ты приехал сюда, чтобы найти *его*. — Он мотнул головой в сторону дома, от которого нас отделяла изгородь. — Я это понял, как только ты произнес его фамилию.

— Как так? В городе полным-полно Даннингов, вы сами это сказали.

— Да, но для меня важен только один. — Он поднял руку со штыком и рукавом вытер со лба пот. Думаю, в тот момент я мог бы обезоружить его, но побоялся, что шум борьбы привлечет внимание. А если бы револьвер выстрелил, пуля скорее всего досталась бы мне.

Опять же, во мне проснулось любопытство.

— Он, должно быть, сделал для вас что-то очень хорошее, раз вы превратились в его ангела-хранителя.

Он невесело рассмеялся.

— Хорошо сказал, парень, и в каком-то смысле это правда. Я ему вроде ангела-хранителя. Во всяком случае, пока.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что он мой, Амберсон. Этот сукин сын убил мою маленькую сестренку, и если кто-нибудь пустит в него пулю... или вонзит нож... — он поднял штык к бледному, мрачному лицу, — так только я.

9

Я уставился на него, разинув рот. Откуда-то издалека долетели хлопки: какой-то хэллоуиновский злодей запустил петарды. На Уитчем-стрит со всех сторон закричали дети. Но мы были

одни. Кристи и ее приятели-алкоголики называли себя друзьями Билла*. Мы могли бы назваться врагами Фрэнка. Идеальная команда... да только Билл Теркотт по прозвищу Бесподтяжечник никак не тянул на командного игрока.

— Вы... — Я замолчал и покачал головой. — Объясните мне.

— Будь ты хотя бы наполовину таким умником, каким себя мнишь, сам бы сумел сложить два и два. Или Чеззи тебе не все рассказал?

Поначалу я не въехал. Потом сообразил. Коротышка с русалкой на руке и веселым лицом бурундука. Только веселость разом исчезла, когда Фрэнк Даннинг хлопнул мужчину по спине и посоветовал держать нос чистым, потому что он очень уж длинный и отмывать его придется долго. А до этого, когда Фрэнк еще рассказывал анекдоты за столом братьев Трекеров в глубине «Фонарщика», Чез Фрати сообщил мне о вспыльчивости Даннинга... хотя, спасибо сочинению уборщика, его слова не стали для меня новостью. *Он обрюхатил одну девушку, и ему пришлось жениться. Через год или два она забрала ребенка и сбежала.*

— Улавливаете радиосигнал, Коммандо Коди**? Чувствую, что улавливаете.

— Первая жена Фрэнка Даннинга — ваша сестра?

— Логично. Человек говорит заветное слово и выигрывает сто долларов.

— Мистер Фрати сказал, что она взяла ребенка и убежала. Потому что натерпелась от него.

— Да, так он сказал, и в это верит большинство людей в городе — Чеззи в том числе, насколько мне известно, — но я знаю правду. Мы с Кларой были очень близки. Я мог бы отдать за нее жизнь, а она — за меня. Ты, вероятно, не понимаешь, как такое может быть, по чувствительности ты мне напоминаешь рыбу, — но так бывает.

Я подумал о нашем с Кристи лучшем годе — шесть месяцев до свадьбы и шесть после.

— Не такая уж я рыба. И знаю, о чем вы говорите.

---

* Член АА, завязавший с алкоголем. Билл — Уильям Гриффит Уилсон (1895—1971), один из основателей общества АА, бросивший пить в 1934 г.

** Герой научно-фантастических сериалов «Люди-радары с Луны» (1952) и «Коммандо Коди — небесный маршал Вселенной» (1953).

Он вновь потирал себя, хотя я сомневался, что сознательно: от живота к груди, от груди к шее, потом обратно к груди. Лицо побледнело еще сильнее. Я задался вопросом, а что он съел на ленч, но подумал, что долго гадать не придется: скоро все увижу.

— Да? Тогда, возможно, тебе покажется несколько странным, что она не написала мне после того, как обосновалась с Майки на новом месте. Не прислала открытку. Я нахожу это более чем странным, потому что она бы так не поступила. *Она* знала мое отношение к ней. И знала, как я любил малыша. Ей было двадцать, а Майки — год и четыре месяца, когда этот сыплющий анекдотами говнюк сообщил об их исчезновении. Случилось это летом тридцать восьмого. Теперь бы ей исполнилось сорок, а моему племяннику — двадцать один. Он бы уже мог ходить на гребаные выборы. И ты хочешь сказать, что она не написала ни единой *строчки* своему брату, который не позволил Проныре Ройсу вставить ей, когда мы были детьми? И не попросила у меня немного денег, чтобы устроиться в Бостоне, Нью-Хейвене или где-то еще? Мистер, я бы...

Он поморщился, издал очень знакомый мне звук: *Урк-улп,* — и опять привалился к гаражной стене.

— Вам нужно сесть, — предложил я. — Вы больны.

— Я никогда не болел. Не простужался с шестого класса.

Если и так, то болезнь наступала на него с той же скоростью, с какой нацисты катили к Варшаве.

— Это желудочный грипп, Теркотт. Я всю ночь с ним промучился. Мистер Кин из аптечного магазина говорит, что в городе эпидемия.

— Этот узкозадый старикан ничего не знает. Я в порядке. — Он мотнул головой, откинув со лба грязные патлы, чтобы показать, что все у него тип-топ. Но лицо побледнело еще больше. И рука, державшая японский штык, тряслась, как и моя до полудня. — Хочешь дослушать или нет?

— Конечно. — Я украдкой бросил взгляд на часы. Десять минут седьмого. Время, которое недавно тянулось так медленно, теперь летело. И где сейчас Фрэнк Даннинг? Все еще в супермаркете? Я так не думал. Предполагал, что с работы он отпросился пораньше, возможно, сказал, что собирается взять детей на охоту за сладостями. Только планировал он совсем другое. Сидел сейчас в баре, и отнюдь не в «Фонарщике». Туда он приходил за

кружкой пива, может, двумя. После такой дозы он еще мог держать себя в руках, хотя — если моя жена могла служить наглядным примером — всегда уходил из «Фонарщика» с пересохшим ртом, а душа криком кричала, требуя добавить.

Нет, если уж он действительно хотел набраться, то проделывал это в одном из баров для рабочих: в «Стойке», «Долларе», «Ведре». Может, шел в одну из распоследних тошниловок, выстроившихся вдоль вонючего Кендускига, — в «Уоллис» или непристойный «Высший балл», где древние шлюхи с наштукатуренными лицами занимают большинство стульев у стойки. Рассказывал ли он там анекдоты, от которых все заведение покатывалось со смеху? Подходили ли к нему люди, когда он заливал виски или бурбоном угли ненависти в своем мозгу? Нет, если не хотели прямиком направиться к дантисту.

— Прежде чем мои сестра и племянник исчезли, они с Даннингом снимали небольшой дом у самой границы с Кэшменом. Даннинг крепко пил, а напившись, всегда пускал в ход гребаные кулаки. Я часто видел ее в синяках, а однажды ручка Майки стала черно-синей от запястья до локтя. Я говорю: «Сестра, он бьет тебя и ребенка? Если да, я изобью *его*». Она отвечает «нет», но не смотрит на меня. И говорит: «Держись от него подальше, Билли. Он сильный. Ты тоже, я знаю, но ты слишком худой. Тебя ветром сдувает. От него тебе достанется». Не прошло и шести месяцев после нашего разговора, как она исчезла. Сбежала, по его словам. Но в той стороне города много лесов. На территории Кэшмена сплошь леса. Леса и болота. Ты понимаешь, что в действительности произошло?

Я понимал. Другие могли не верить, потому что видели в Даннинге уважаемого горожанина, давно уже взявшего под контроль склонность к алкоголю. Не забудьте и про его обаяние. Но я располагал секретными сведениями.

— Я думаю, у него поехала крыша. Я думаю, он пришел домой пьяным, и она сказала что-то не то, возможно, что-то самое безобиднейшее...

— Безоб... *что*?

Я всмотрелся сквозь изгородь во двор. В кухонном окне мелькнула женщина и исчезла. В *casa** Даннингов подавали ужин. И что было на десерт? Желе со взбитыми сливками? Слоеный пирог? Вряд ли. Кому нужен десерт в вечер Хэллоуина?

---

* Дом (*исп.*).

— Я хочу сказать, он их убил. Вы ведь так думаете?

— Да... — Он выглядел удивленным и подозрительным. Пожалуй, человек, одержимый навязчивой идеей, всегда так выглядит, когда слышит, как другой соглашается с тем, что не давало ему спать долгими ночами. *Это какой-то подвох, мне готовят гадость.* Только это не гадость. И определенно не сладость.

— И сколько тогда было Даннингу? — спросил я. — Двадцать два? Перед ним лежала вся жизнь. Возможно, он сказал себе: «Я совершил ужасное, но смогу это скрыть. Мы живем в лесу, до ближайшего соседа — целая миля...» Соседи ведь жили в миле, Теркотт?

— Как минимум, — пробурчал он, одной рукой массируя грудину. Штык он опустил. Выхватить его не составляло труда, и скорее всего мне удалось бы вытащить револьвер из-за пояса, но я этого не хотел. Рассчитывал, что болезнь сама разберется с мистером Биллом Теркоттом. Я действительно считал, что проблем не возникнет. Видите, как легко забыть об упрямстве прошлого?

— Поэтому он увез тела в лес, похоронил и объявил, что они сбежали. Серьезного расследования, конечно, не проводилось.

Теркотт отвернулся и сплюнул.

— Он происходил из уважаемой в Дерри семьи. Мои родители приехали из долины Сент-Джона в старом, ржавом пикапе, когда мне было десять, а Кларе — восемь. Французская шваль. Как думаешь?

Я думал, что Дерри в очередной раз показал себя — вот что я думал. И пусть я понимал любовь Теркотта и сочувствовал его утрате, он говорил о давнем преступлении. А меня больше заботило другое, до которого оставалось менее двух часов.

— Вы подсунули мне Фрати, да? — Я и так знал ответ, но испытывал разочарование, потому что принял Фрати за дружелюбного горожанина, решившего поделиться местными сплетнями за пивом и жареными ломтиками лобстера. Ошибся. — Ваш приятель?

Теркотт улыбнулся — точнее, скорчил гримасу.

— Чтобы я дружил с богатым жидовским ростовщиком? Смех да и только. Хочешь послушать маленькую историю?

Я глянул на часы и понял, что время еще есть. А пока Теркотт говорит, вирус работает. Я намеревался прыгнуть на Теркотта, едва он первый раз согнется, чтобы блевануть.

— Почему нет?

— Я, Даннинг и Чез Фрати одного возраста — нам по сорок два. Ты в это веришь?

— Конечно. — Но Теркотт, которому жилось тяжело (и который заболевал, пусть и не хотел этого признавать), выглядел лет на десять старше и Даннинга, и Чеззи.

— Когда мы все учились в выпускном классе старой Объединенной школы, я был помощником тренера футбольной команды. Тигр Билл — так они меня звали. Круто, правда? Я пытался попасть в команду и в девятом классе, и в десятом, но оба раза пролетел. Слишком худой для нападающего, слишком медлительный для защиты. История моей гребаной жизни, мистер. Однако я любил игру и не мог позволить себе дайм на покупку билета — в моей семье денег не водилось, — поэтому стал помощником тренера. Звучит солидно, но ты знаешь, что означала эта должность?

Разумеется, я знал. В жизни Джейка Эппинга я был не мистером Риелтором, а мистером Старшие Классы, и кое-что оставалось неизменным.

— Подай-принеси.

— Да, я приносил им воду. И держал ведро, если кто-то блевал после пробежек в жаркий день, и относил шлем в ремонт. Опять же, оставался на поле, чтобы собрать оставленную ими амуницию, и в душевой подбирал с пола их грязные носки.

Он поморщился. Я представил, как его желудок превращается в яхту в бушующем море. Вверх она идет, други мои... а потом штопором ввинчивается вниз.

— И вот однажды, в сентябре или октябре тридцать четвертого, после тренировки, я в одиночестве брожу по полю, собираю накладки, и эластичные бандажи, и все прочее, что обычно остается после них, складываю в тележку на колесиках — и вдруг вижу Чеза Фрати, бегущего через поле, роняя учебники, а за ним гонятся мальчишки... *Господи*, что это?

Он повернулся, его глаза выпучились на бледном лице. Вновь я мог попытаться отнять у него револьвер — штык точно бы отнял, — но не сделал этого. Его рука опять потирала грудь. Не живот, а грудь. Мне бы сделать из этого определенные выводы, но я думал о многом другом. В том числе и о его истории. Это проклятие читающих людей. Нас можно соблазнить хорошей историей в самый неподходящий момент.

— Расслабьтесь, Теркотт. Дети запускают шутихи. Хэллоуин, помните?

— Что-то мне нехорошо. Может, с вирусом ты прав.

Пойми он, что болезнь способна вывести его из строя, мог бы совершить что-то поспешное.

— Забудьте про вирус. Расскажите о Фрати.

Он ухмыльнулся. На его бледном, потном, заросшем щетиной лице ухмылка выглядела пугающе.

— Старина Чеззи бежал как дьявол, но они догоняли его. В двадцати ярдах за стойками ворот на южной стороне поля находился овраг, и они столкнули его туда. Ты удивишься, узнав, что среди них был Фрэнки Даннинг?

Я покачал головой.

— Затем они спустились в овраг, начали толкать его, пинать, отвешивать оплеухи. Я закричал, требуя, чтобы они это прекратили, и один поднял голову и крикнул мне: «Спускайся сюда и заставь нас, гондон. Получишь двойную порцию». Я побежал в раздевалку, сказал футболистам, что банда подонков избивает мальчишку и, может, они это остановят. Плевать они хотели на то, что кого-то избивают, но подраться любили. Выбежали из раздевалки, некоторые в одном нижнем белье. Хочешь узнать самое забавное, Амберсон?

— Конечно. — Я вновь глянул на часы. Без четверти семь. В доме Даннингов Дорис, наверное, мыла посуду и смотрела по телевизору «Хантли-Бринкли».

— Куда-то опаздываешь? — спросил Теркотт. — Уходит гребаный поезд?

— Вы хотели рассказать что-то забавное.

— Ах да. Они пели школьный марш! Как тебе это нравится?

Перед моим мысленным взором возник десяток полуодетых здоровенных парней, бегущих через поле в надежде помахать кулаками и поющих: *Вперед, «Тигры Дерри», наш флаг впереди.* Действительно, выглядело забавно.

Теркотт увидел мою улыбку и ответил своей. Натянутой, но искренней.

— Футболисты врезали паре ублюдков от души. Не Фрэнки Даннингу. Этот бздун увидел, что их слишком много, и дал деру в лес. Чеззи лежал на земле, держась за руку. Сломанную. Все могло закончиться гораздо хуже. Если б не футболисты, он бы

наверняка оказался в больнице. Один из них смотрит на него, а потом легонько пинает, как иной раз пинаешь коровью лепешку, в которую чуть не вляпался, и говорит: «И мы бежали сюда, чтобы спасти сало жиденка?» Они заржали. Потому что это вроде шутки, понимаешь? Еврейский мальчик? Сало? — Теркотт уставился на меня сквозь патлы поблескивающих «Брилкримом» волос.

— Понимаю, — кивнул я.

— «Да что с того, — говорит другой. — Я надрал пару задниц, и это меня устраивает». Они вернулись в раздевалку, а я помог Чезу выбраться из оврага. Отвел его домой, тревожился, что он лишится чувств или что-то в этом роде. Я боялся, что Фрэнки с друзьями вернутся, но не бросил его. Даже не знаю почему. Тебе бы увидеть дом, в котором он жил, — гребаный дворец. Ломбарды, выходит, приносят прибыль. Когда мы пришли туда, он меня поблагодарил. От всего сердца. Чуть не плакал. «Да ладно, — говорю я. — Терпеть не могу, когда вшестером на одного». И это правда. Но ты знаешь, что говорят про евреев: они не забывают ни долга, ни услуги.

— И вы попросили его выяснить, что я тут делаю.

— Я и так знал, что ты делаешь, дружище. Просто хотел убедиться. Чез посоветовал мне оставить тебя в покое. По его мнению, ты хороший парень. Но когда дело касается Фрэнки Даннинга, я никого не оставлю в покое. Никто не связывается с Фрэнки Даннингом, кроме меня. Он *мой*.

Теркотт скривился, снова потер грудь. И на этот раз до меня дошло.

— Теркотт... крутит живот?

— Нет, грудь. Зажимает.

Мне это не понравилось, тут же пришла мысль: *Он тоже в нейлоновом чулке.*

— Сядьте, а не то упадете. — Я шагнул к нему.

Он вытащил револьвер. Кожа между сосками — в том месте, куда могла войти пуля, — безумно зачесалась. *Я мог разоружить его,* подумал я. *Конечно же, мог. Но нет, хотел дослушать историю. Хотел узнать.*

— Это *ты* сядь, братан. Угомонись, как пишут в комиксах.

— Если у вас сердечный приступ...

— Нет у меня никакого гребаного сердечного приступа. А теперь *сядь*.

Я сел и смотрел снизу вверх, как он приваливается к гаражу. Его губы стали синюшными, а это никак не сочеталось с хорошим здоровьем.

— Чего ты от него хочешь? — спросил Теркотт. — Вот что я хочу знать. И это я *должен* узнать, прежде чем решу, что с тобой делать.

Я тщательно продумал ответ. Словно от него зависела моя жизнь. Может, и зависела. Я не думал, что Теркотт способен на хладнокровное убийство, что бы *он* там ни говорил, иначе Фрэнк Даннинг давно уже покоился бы рядом со своими родителями. Но в руке Теркотт держал мой пистолет и крайне неважно себя чувствовал. Мог нажать спусковой крючок случайно. А та сила, которая хотела оставить все как есть, могла ему в этом посодействовать.

Если бы я рассказал все правильно, другими словами, опустил невероятное, он мог мне поверить. Потому что уже верил. Знал сердцем.

— Он собирается снова это сделать.

Теркотт хотел было спросить, о чем я, потом его глаза округлились.

— Ты хочешь сказать... ее? — Он посмотрел в сторону изгороди. До этого момента я не мог утверждать, что он знает, чей там дом.

— Не только ее.

— Одного из детей?

— Не одного — *всех*. Сейчас он пьет, Теркотт. Загоняет себя в слепую ярость. Ты знаешь об этих его приступах, верно? Только на этот раз он не собирается заметать следы. Ему наплевать. Ярость копилась с того последнего раза, когда Дорис решила, что с нее хватит, и выставила его за дверь. Ты это знаешь?

— Все знают. Он живет в пансионе на авеню Любви.

— Он пытался добиться ее расположения, но его обаяние больше не работает. Она хочет с ним развестись, и теперь, понимая, что ее не отговорить, он собирается развестись с ней при помощи молотка. А потом точно так же развестись с детьми.

Он, нахмурившись, смотрел на меня. С пистолетом в одной руке и штыком в другой. *Тебя ветром сдувает,* много лет тому назад сказала ему сестра, а сегодня, подумал я, хватило бы самого легкого дуновения.

— Откуда ты знаешь?

— У меня нет времени объяснять, но я знаю, будьте уверены. Я здесь, чтобы остановить его. Так что отдайте мой револьвер и позвольте мне это сделать. За вашу сестру. За вашего племянника. И потому, что глубоко внутри вы, я в этом не сомневаюсь, хороший парень. — Последнее, возможно, говорить и не следовало, но, как полагал мой отец, если уж тебе хочется польстить человеку, лучше переборщить. — Иначе вы бы не остановили Даннинга и его друзей, когда они хотели забить Чеза Фрати до полусмерти.

Он думал. Я буквально слышал, как поворачиваются и щелкают шестеренки в его мозгу. Потом глаза Теркотта сверкнули. Возможно, в последних закатных лучах, но у меня создалось впечатление, будто в голове у него зажглись свечи, совсем как в тыквенных фонарях по всему городу. Он заулыбался. А то, что я от него услышал, мог сказать только психически больной человек... или коренной житель Дерри... или тот, в ком сочеталось и первое, и второе.

— Он хочет их убить? Ладно, позволим ему.

— *Что?*

Он направил на меня револьвер тридцать восьмого калибра.

— Сядь, Амберсон. Не дергайся.

Я с неохотой сел. Пошел уже восьмой час, и Теркотт превращался в человека-тень.

— Мистер Теркотт... Билл... я знаю, вам нездоровится, поэтому, возможно, вы не можете полностью оценить ситуацию. В доме женщина и четверо маленьких детей. Господи, девочке всего семь лет.

— Мой племянник был гораздо младше, — ответил он, чеканя каждое слово, словно изрекал великую истину, которая все объясняла. И оправдывала. — Я слишком болен, чтобы убить его, а тебе не хватит духа. Я это вижу.

Я подумал, что в этом он ошибался. Возможно, Джейку Эппингу из Лисбон-Фоллс и не хватило бы, но тот парень сильно изменился за последние недели.

— А почему не дать мне попробовать? Вам-то чем от этого хуже?

— Потому что этого будет недостаточно, даже если ты убьешь говнюка. Я только что это понял. Мне... — он щелкнул пальцами, — вдруг открылось.

— Это нелогично.

— Просто тебе не пришлось двадцать лет наблюдать, как люди вроде Фила и Тони Трекеров превозносят его, будто Коро-

ля Говно. Двадцать лет женщины строят ему глазки, словно он Фрэнк Синатра. Он ездил на «понтиаке», тогда как я вкалывал на шести фабриках за минимальную плату, вдыхая пыль, и теперь едва поднимаюсь по утрам. — Рука терла и терла грудь. Лицо бледным пятном выделялось в сумраке двора дома 202 по аллее Уаймора. — Убийство слишком хорошо для этого мандолиза. Что ему нужно, так это сорок лет в Шенке, где в душевой боишься наклониться, чтобы поднять с пола кусок мыла. А выпивка там только одна — спермятина. — Теркотт понизил голос: — И знаешь что?

— Что? — Я похолодел.

— Протрезвев, он поймет, как ему их недостает. Он будет сожалеть о содеянном. Ему захочется вернуть все назад. — Теперь он почти шептал, хрипло, с надрывом. Должно быть, так поздней ночью говорят сами с собой неизлечимые безумцы в «Джуниперхилл», когда заканчивается действие лекарств. — Может, о жене он особо сожалеть и не будет, а о детях — точно. — Теркотт засмеялся и тут же скривился, будто смех вызвал боль. — Ты, вероятно, наплел чистую хрень, но знаешь что? Я надеюсь, что нет. Мы подождем и увидим.

— Теркотт, эти дети ни в чем не виноваты.

— Как и Клара. Как и маленький Майки. — Очертания его плеч приподнялись и опустились. — Хрен с ними.

— Вы же не хотите...

— Заткнись. Мы подождем.

10

На часах, которые дал мне Эл, стрелки светились, и я с ужасом и в отчаянии наблюдал, как большая движется к нижней точке циферблата, а потом начинает подниматься. До «Новых приключений Эллери Куина» осталось двадцать пять минут. Потом двадцать. Пятнадцать. Я пытался заговаривать с Терскоттом, но слышал от него только: «Заткнись». И он постоянно потирал грудь, остановился лишь затем, чтобы достать сигареты из нагрудного кармана.

— Отличная идея, — кивнул я. — Вашему сердцу только этого и не хватает.

— Закрой пасть.

Он воткнул штык в гравий у гаражной стены и прикурил от обшарпанной зажигалки «Зиппо». Язычок пламени осветил бежавший по его щекам пот, хотя ночь выдалась прохладной. Глаза запали, отчего лицо напоминало череп. Он глубоко затянулся, закашлялся. Тело тряслось, но рука с револьвером — нет. С револьвером, нацеленным мне в грудь. В небе зажглись звезды. До восьми оставалось десять минут. И сколько прошло времени от начала «Приключений» до появления Даннинга? В сочинении Гарри об этом не написал, но я предполагал, что не слишком много. На следующий день занятий в школе не было, однако Дорис Даннинг вряд ли хотела, чтобы семилетняя Эллен кружила по улицам после десяти вечера, даже в сопровождении Тагти и Гарри.

Пять минут до восьми.

И внезапно меня осенило. Не возникло ни малейших сомнений в том, что это правда, и я не стал терять ни секунды.

— Ты же трус.

— *Что?* — Он выпрямился, словно ему в зад вогнали палец.

— Ты меня слышал, — передразнил я его. — «Никто не связывается с Фрэнки Даннингом, кроме меня. Он *мой*». Ты твердил это себе двадцать лет, да? И все еще с ним не разобрался?

— Я велел тебе заткнуться.

— Черт, двадцать два года! Ты не стал связываться с ним и когда он гнался за Чезом Фрати. Побежал за футболистами, как маленькая девчонка.

— Их было шестеро!

— Разумеется, но в последующие годы ты не раз и не два мог подстеречь Даннинга одного, однако даже не бросил банановую шкурку на тротуар в надежде, что он поскользнется. Бздун — это ты, Теркотт. Прячешься здесь, как кролик в норе.

— Заткнись!

— Убеждаешь себя в какой-то чуши, будто увидеть его в тюрьме — лучшая месть, лишь бы не признавать...

— *Заткнись!*

— ...того, что ты двадцать лет позволял убийце своей сестры ходить безнаказанным...

— *Я предупреждаю тебя!* — Он взвел курок револьвера.

Я ударил себя в грудь.

— Давай. Сделай хоть это. Все услышат выстрел, приедет полиция. Даннинг увидит, какая тут суета, и уйдет, а в Шоушенк

отправишься *ты*. Готов спорить, там тоже есть фабрика. И ты сможешь работать на ней за пятак в час, а не за бакс и двадцать центов. Только тебе это *понравится*, потому что не придется объяснять себе, почему ты все эти годы не ударил палец о палец. Будь твоя сестра жива, она *плюнула* бы теб...

Он вытянул руку вперед, намереваясь вдавить ствол револьвера мне в грудь, но споткнулся о штык. Я ударил по револьверу ладонью, и грохнул выстрел. Пуля вошла в землю в каком-то дюйме от моей ноги, потому что камешки задели брючину. Я схватил револьвер и наставил на Теркотта, готовый выстрелить, если он потянется за штыком.

Но он просто привалился к стене гаража, прижав к левой половине груди обе руки, у него в горле клокотало.

Где-то неподалеку — на Коссат, не на Уаймор — закричал мужчина:

— Забава забавой, детки, но если кто-нибудь еще раз взорвет «вишневую бомбу», я позвоню копам. И это не шутка!

Я облегченно вздохнул. Теркотт — тоже, прерывисто, с икотой. Продолжая издавать клокочущие звуки, он сполз по стене гаража, пока не распластался на гравии. Я взял штык, подумал о том, чтобы засунуть за пояс, и решил, что только порежу ногу, когда буду ломиться сквозь изгородь: прошлое старалось изо всех сил. Отбросил штык в темноту двора, услышал, как он обо что-то стукнулся. Может, о стенку конуры с гордым названием «ДОМ ВАШЕЙ СОБАКИ».

— «Скорая помощь», — прохрипел Теркотт. Его глаза блестели, возможно, от слез. — Пожалуйста, Амберсон. Очень больно.

«Скорая помощь». Хорошая идея. И повод для смеха. Пробыв в Дерри — в пятьдесят восьмом году — почти два месяца, я все равно сунул руку в правый карман брюк, в котором всегда носил мобильник, если не надевал пиджак. Мои пальцы нащупали мелочь и ключи от «санлайнера».

— Извини, Теркотт. Ты родился не в ту эпоху. Откуда угодно «скорую» не вызвать.

— Что?

Согласно «Булове», Америка только-только начала смотреть «Новые приключения Эллери Куина».

— Держись, — ответил я и полез сквозь изгородь, выставив перед собой свободную руку, чтобы защитить глаза от колющих ветвей.

11

Посреди двора Даннингов я споткнулся о песочницу и растянулся в полный рост, оказавшись лицом к лицу с пустоглазой куклой, на которой была только диадема. Револьвер вылетел из руки. Стоя на четвереньках, я принялся искать его, думая, что никогда не найду, что упрямое прошлое подложило мне еще одну свинью. Нет, поросенка, в сравнении с желудочным гриппом и Биллом Теркоттом, но очень уж не вовремя. Револьвер я заметил, он лежал на краю трапециевидного светового пятна, отбрасываемого на землю кухонным окном, и в тот же момент услышал шум автомобиля, который ехал по Коссат-стрит. Не ехал — мчался. Ни один водитель в здравом уме не стал бы так гнать на улице, где, несомненно, хватало детей в масках и с пакетами для сладостей. Я знал, кто это, еще до того, как автомобиль остановился, взвизгнув тормозами.

В доме 379 по Коссат-стрит Дорис Даннинг сидела на диване рядом с Троем, тогда как Эллен носилась по комнате в наряде индейской принцессы: ей не терпелось отправиться на охоту. Трой только что сказал, что поможет съесть сладости, которые она, Тагга и Генри принесут домой. Эллен ответила: «Нет, ты не поможешь, надевай хэллоуинский костюм и иди сам собирать сладости». Все, конечно, засмеялись, даже Гарри, ушедший в ванную: от волнения ему очень захотелось отлить. Потому что Эллен, как и настоящая Люсиль Болл, умела смешить людей.

Я схватил револьвер. Он вывалился из скользких от пота пальцев. Голень визжала от боли — я приложился ею о бортик песочницы. С другой стороны дома хлопнула автомобильная дверь, раздались быстрые шаги по бетонной дорожке. Я помню, как подумал: *Запирай дверь, мама, не только от своего вспыльчивого мужа; сам Дерри идет к тебе в гости.*

Я вновь схватил револьвер, поднялся, покачиваясь на ставших ватными ногах, едва не упал, все-таки устоял и побежал к двери черного хода. На пути лежала крышка подвального люка. Я обогнул ее, убежденный, что она провалится под моим весом. Воздух вдруг превратился в сироп, будто тоже стремился задержать меня.

Даже если ради этого мне придется умереть, думал я. *Если я умру, и Освальд добьется своего, и погибнут миллионы. Даже тогда. Потому что это здесь и сейчас. Потому что они настоящие.*

Дверь черного хода могли запереть. Собственно, я в этом совершенно не сомневался и чуть не свалился с заднего крыльца, когда повернул ручку и дверь распахнулась мне навстречу. Я вошел на кухню, где еще пахло тушеным мясом, которое миссис Даннинг приготовила на «Хотпойнте». Раковину наполняла грязная посуда. На столешнице я увидел соусник и миску с холодной лапшой. Из телевизора доносилась тревожная, будоражащая скрипичная музыка. Кристи называла такую «убийственной». Очень уместная. Также на столешнице лежала резиновая маска чудовища Франкенштейна, которую хотел натянуть на себя Тагга, отправляясь предлагать сладость или гадость. С маской соседствовал бумажный пакет с жирной надписью черным карандашом: **«КОНФЕТЫ ТАГГИ, НЕ ПРИКАСАТЬСЯ»**.

В своем сочинении Гарри процитировал мать: «Убирайся отсюда с этой штуковиной, ты не имеешь права быть здесь». На самом деле, пробегая по линолеуму к арке, соединяющей кухню и гостиную, я услышал: «Фрэнк? Что ты здесь делаешь? — Голос набирал громкость. — Что это? Что у тебя... *убирайся отсюда*!»

А потом она закричала.

12

Когда я вбегал в арку, раздался детский голос: «Вы кто? Почему моя мама кричит? Там мой папа?»

Я повернул голову и увидел десятилетнего Гарри, стоявшего в дверях маленького туалета в дальнем конце кухни, одетого в куртку из оленьей замши, с духовушкой в одной руке. Другой он застегивал ширинку. Тут Дорис закричала вновь. Двое мальчишек тоже кричали. Последовал звук удара — тяжелого, тошнотворного, — и крик оборвался.

— *Нет, папочка, не надо, ты делаешь ей БОЛЬНО!* — взвизгнула Эллен.

Я миновал арку и остановился с разинутым ртом. Отталкиваясь от сочинения Гарри, я всегда предполагал, что мужчина, которого я собирался остановить, будет размахивать обычным молотком, какие держат в ящиках для инструментов. Молотком он не размахивал. Он держал в руках здоровенную кувалду и управлялся с ней, как с игрушкой. Под закатанными рукавами я видел бугры мышц, накачанных двадцатью годами рубки мяса и раз-

делки туш. Дорис свалилась с дивана на ковер. Даннинг уже сломал ей руку — кость торчала сквозь разорванный рукав — и, судя по всему, выбил плечо. На ее побледневшем лице застыло изумление. Она пыталась отползти к телевизору, пряди волос падали на лицо. Даннинг замахивался кувалдой. Следующий удар пришелся бы в голову Дорис, раздробил бы череп, и мозги выплеснулись бы на диванные подушки.

Эллен, маленькая принцесса, пыталась вытолкнуть отца за дверь.

— *Перестань, папочка, перестань!*

Он схватил ее за волосы и отшвырнул. Она отлетела, с головного убора посыпались перья. Ударилась о кресло-качалку и перевернула его.

— *Даннинг!* — крикнул я. — *Прекрати!*

Он посмотрел на меня красными, влажными глазами. Пьяный в дымину. Плачущий. Из ноздрей свисали сопли. На подбородке блестела слюна. Лицо перекосило от ярости, скорби, недоумения.

— Ты, блин, кто такой? — спросил он и бросился на меня, не дожидаясь ответа.

Я нажал спусковой крючок револьвера, думая: *На этот раз он не выстрелит. Это же револьвер из Дерри, и он не выстрелит.*

Но он выстрелил. Пуля попала Даннингу в плечо. Красная роза расцвела на белой рубашке. Его бросило в сторону, а потом он снова попер на меня. Поднял кувалду. Красное пятно увеличивалось на глазах, но он, казалось, ничего не чувствовал.

Я снова нажал спусковой крючок, но кто-то толкнул меня, и пуля ушла куда-то в потолок. Я услышал пронзительный крик Гарри:

— *Прекрати, папочка! Прекрати, а не то я тебя застрелю!*

Артур Даннинг по прозвищу Тагга полз ко мне, к кухне. И когда Гарри выстрелил из своего ружья — *ка-чау!* — Даннинг опустил кувалду на голову Тагги. Лицо исчезло под волной крови. Кусочки костей и пряди волос взлетели в воздух. Капли крови забрызгали люстру. Эллен и миссис Даннинг кричали, кричали, кричали.

Вновь крепко держась на ногах, я выстрелил в третий раз. Пуля разорвала щеку Даннинга до уха, но не остановила его. *Он уже не человек,* подумал я тогда. В его глазах, из которых лились слезы, в раззявленном рту, скорее жующем, а не вдыхающем воздух, я видел бездонную пустоту.

— Ты, блин, кто? — повторил он, а потом добавил: — Это незаконное вторжение.

Он замахнулся кувалдой и ударил по горизонтальной дуге. Я упал на колени, скрючился и вроде бы разминулся с двадцатифунтовым бойком кувалды, хотя макушку обдало жаром. Револьвер вылетел из моей руки, ударился о стену, отскочил в угол. Что-то теплое потекло по лицу. Понимал ли я, что он лишь пропахал в моем скальпе шестидюймовую борозду, и для того чтобы отключить меня или убить, ему не хватило осьмушки дюйма? Не могу сказать. Все произошло менее чем за минуту, секунд за тридцать. Жизнь может развернуться на пятачке, и когда это происходит, разворачивается она быстро.

— *Беги!* — крикнул я Трою. — *Хватай сестру и беги! Кричи, зови на помощь! Кричи во весь...*

Даннинг взмахнул кувалдой. Я отпрыгнул назад, боек угодил в стену и пробил доски обшивки. Взлетело облако штукатурки, смешавшись с пороховым дымом. Телевизор продолжал работать. Скрипки по-прежнему играли «убийственную» музыку.

И пока Даннинг пытался вырвать кувалду из стены, что-то пролетело мимо меня. Духовушка «Дейзи». Ее бросил Гарри. Ствол угодил Фрэнку Даннингу в разорванную щеку, и он вскрикнул от боли.

— *Маленький ублюдок! Я тебя за это убью!*

Трой уже нес Эллен к двери.

С этим все хорошо, подумал я. *По крайней мере для них я изменил бу...*

Но прежде чем он успел выскочить из дома, в дверном проеме возник кто-то еще и свалил Троя Даннинга с сестренкой на руках. Я не разглядел, кто это, потому что Фрэнк уже высвободил кувалду и шел на меня. Я попятился, одной рукой вышвырнув Гарри на кухню.

— Беги через черный ход, сынок. Быстро. Я задержу его, пока ты...

Фрэнк Даннинг издал дикий вопль и замер. И тут же что-то вылезло у него из груди. Фокус, да и только. Это что-то покрывала кровь, и я не сразу понял, что вижу острие штыка.

— Это тебе за мою сестру, ублюдок, — прохрипел Билл Теркотт. — Это тебе за Клару.

13

Даннинг повалился вперед. Ноги — в гостиной, голова — в арке, ведущей на кухню. Острие вонзилось в пол и удержало его на весу. Одна нога дернулась, и он застыл, словно умер, пытаясь отжаться.

Все кричали. Воздух пропитался запахами сгоревшего пороха, штукатурки, крови. Дорис пыталась доползти до убитого сына, волосы падали ей на лицо. Я не хотел, чтобы она это видела — удар кувалды раскроил голову Тагги до челюсти, — но остановить ее не мог.

— В следующий раз у меня получится лучше, миссис Даннинг, — проскрипел я. — Обещаю.

Мое лицо заливала кровь. Мне пришлось протереть от нее левый глаз. Сознания я не потерял, так что понимал, что рана не слишком серьезная. К тому же крови из ран на голове всегда выливается немерено. Я попал в передрягу, и, если рассчитывал на новую попытку, следовало убираться отсюда, быстро и незаметно.

Правда, без еще одного разговора с Теркоттом я уйти не мог. Если, конечно, тот был в состоянии говорить. Он лежал у стены, рядом с ногами Даннинга. Держался за грудь и жадно хватал ртом воздух. На мертвенно-бледном лице синели губы, совсем как у мальчишки, наевшегося черники. Я протянул к нему руку. Он схватился за нее, как утопающий — за соломинку, но в его глазах поблескивала веселая искорка.

— И кто у нас бздун, Амберсон?

— Не ты, — ответил я. — Ты герой.

— Да, — просипел он. — Не забудь бросить гребаную медаль в мой гроб.

Дорис уже обнимала убитого сына. Трой ходил кругами, прижимая голову Эллен к груди. Он не смотрел на нас, похоже, не осознавал, что мы здесь. Эллен вопила в голос.

— Все у тебя будет хорошо, — заверил я Теркотта, будто знал. — А теперь послушай, потому что это важно. Забудь мое имя.

— Какое имя? Ты мне не представлялся.

— Точно. И... ты знаешь мой автомобиль?

— «Форд». — Его голос затихал, но взгляд не отрывался от моих глаз. — Хорошая тачка. Кабриолет. Двигатель с «Уай-блоком». Модель пятьдесят четвертого года... или пятьдесят пятого.

— Ты никогда его не видел. Это самое важное, Теркотт. Этим вечером я должен покинуть город, и большую часть пути мне ехать по автостраде, потому что местных дорог я не знаю. Если я доберусь до центрального Мэна, все будет хорошо. Ты понимаешь, что я тебе говорю?

— Никогда не видел твой автомобиль. — Его лицо перекосило. — Твою мать, как же *больно*.

Я прижал пальцы к его колющейся щетиной шее и пощупал пульс. Быстрый и очень неровный. Издалека уже доносился вой сирен.

— Ты поступил правильно.

Его глаза закатились.

— В самый последний момент. Не знаю, о чем я думал. Наверное, рехнулся. Послушай, дружище. Если они тебя поймают, не говори им, что я... ты понимаешь, что я...

— Никогда. Ты с ним разобрался, Теркотт. Он был бешеным псом, и ты его пришиб. Твоя сестра гордилась бы тобой.

Он улыбнулся и закрыл глаза.

14

Я пошел в ванную, схватил полотенце, намочил в раковине, вытер залитое кровью лицо. Бросил полотенце, схватил еще два и выскользнул на кухню.

Мальчик, который привел меня сюда, стоял на выцветшем линолеуме у плиты и наблюдал за мной. И хотя лет шесть прошло с тех пор, как он в последний раз сосал большой палец, сейчас он вспомнил эту детскую привычку. Широко открытые, очень серьезные глаза переполняли слезы. Кровавые веснушки рассыпались по щекам и лбу. Этот мальчик только что получил сильнейшую психологическую травму, но я точно знал, что он уже не станет Гарри-Жабой. И не напишет сочинение, над которым я заплачу.

— Кто вы, мистер? — спросил он.

— Никто. — Я прошел мимо него к двери. Однако он заслуживал большего. Сирены приближались, но я остановился, оглянулся. — Твой добрый ангел. — И выскользнул за дверь в хэллоуинский вечер 1958 года.

15

Я прошел по Уаймор к Уитчем, увидел синие мигалки, направляющиеся к Коссат-стрит, пошел дальше. Углубившись еще на два квартала в жилой район, повернул на Джерард-авеню. Люди стояли на тротуарах. Смотрели в ту сторону, откуда слышались сирены.

— Мистер, не знаете, что случилось? — спросил меня какой-то мужчина. Он держал за руку Белоснежку, обутую в кроссовки.

— Я слышал, дети запускали «вишневые бомбы», — ответил я. — Может, устроили пожар. — И продолжил идти, отворачиваясь от него, чтобы он не увидел левой половины моего лица. Фонарь находился неподалеку, а из раны на голове все еще текла кровь.

Пройдя четыре квартала, я вновь повернул к Уитчем. Теперь я находился далеко к югу от Коссат, так что на Уитчем-стрит царили темнота и спокойствие. Все патрульные автомобили, вероятно, съехались к месту преступления. Меня это радовало. Я почти добрался до угла Гроув и Уитчем, когда колени начали подгибаться. Оглядевшись, я убедился, что охотников за сладостями нет, и сел на бордюрный камень. Не мог позволить себе останавливаться, но пришлось: с утра я выблевал все, что находилось в желудке, за день съел лишь один паршивый шоколадный батончик (после чего Теркотт приставил штык к моему виску) и едва уцелел в жестокой схватке, отделавшись лишь ранением, до сих пор непонятно, насколько тяжелым. Или я останавливался, чтобы дать телу собраться с силами, или, потеряв сознание, валился на тротуар.

Опустив голову между коленей, я несколько раз медленно и глубоко вдохнул, как меня учили на курсе оказания первой помощи, который я прошел в колледже, чтобы получить сертификат спасателя. Поначалу увидел голову Тагги Даннинга, разлетающуюся под ударом кувалды, и едва не лишился чувств. Потом подумал о Гарри, забрызганном кровью брата, а в остальном невредимом. Об Эллен, не впавшей в кому, из которой ей не выйти. О Трое. О Дорис. Ее переломанная рука могла болеть до конца жизни, но по крайней мере она осталась жива.

— Я это сделал, Эл, — прошептал я.

Но что я сделал в 2011 году? Что я сделал *с* 2011 годом? На эти вопросы еще предстояло ответить. Если из-за «эффекта бабочки» случилось что-то ужасное, я мог вернуться назад и стереть изме-

нение... Если только, меняя судьбу семейства Даннингов, я каким-то образом не изменил и жизненный путь Эла Темплтона. Допустим, закусочной уже нет. Допустим, Эл никогда не перебирался в Лисбон-Фоллс из Оберна. Или не открывал закусочную. Это представлялось маловероятным... но я сидел на бордюрном камне в пятьдесят восьмом году, по моей короткой стрижке пятьдесят восьмого года лилась кровь, и как такое вообще могло быть?

Пошатнувшись, я поднялся, чтобы двинуться дальше. Справа, на Уитчем-стрит, достаточно далеко от меня, перемигивались синие огни. На углу Коссат-стрит собралась толпа, все стояли спиной ко мне. Церковь, рядом с которой я оставил автомобиль, находилась на другой стороне улицы. «Санлайнер» пребывал в гордом одиночестве, но выглядел целым и невредимым: хэллоуинские шутники не спустили колеса. Потом я увидел желтый бумажный квадрат под одним из дворников. Сразу подумал о Желтой Карточке и внутренне напрягся. Выхватил бумажку из-под дворника и облегченно вздохнул. «ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К ВАШИМ ДРУЗЬЯМ И СОСЕДЯМ НА СЛУЖБЕ В ЭТО ВОСКРЕСЕНЬЕ В ДЕВЯТЬ УТРА. НОВИЧКАМ ВСЕГДА РАДЫ! ПОМНИТЕ, ЖИЗНЬ — ЭТО ВОПРОС, ИИСУС — ОТВЕТ».

— Я думал, что ответ — тяжелые наркотики, и мне бы они сейчас не помешали, — пробормотал я, отпирая дверь. Подумал о бумажном пакете, который остался за гаражом дома по аллее Уаймора. Копы, обследуя округу, обязательно его найдут. Внутри обнаружат несколько шоколадных батончиков, почти пустую бутылку каопектата... и резиновые трусы для взрослых.

Мне, конечно, хотелось бы узнать, что они об этом подумают.

Но не так чтобы очень.

16

К тому времени, когда я добрался до автострады, голова уже раскалывалась от боли, но даже если бы эра круглосуточных магазинчиков уже началась, не уверен, что решился бы остановиться: на левой половине рубашки еще подсыхала кровь. По крайней мере я заранее доверху залил бак.

Один раз я попытался исследовать рану на голове кончиками пальцев и в награду получил разряд боли, отбивший у меня всякое желание предпринимать вторую попытку.

Миновав Огасту, я остановился на площадке для отдыха. Шел одиннадцатый час вечера, и она пустовала. Я включил лампочку под крышей и проверил зрачки в зеркале заднего вида. Они выглядели одинаковыми, и это радовало. Около мужского туалета стоял торговый автомат, который за десять центов выдал мне шоколадный кекс с толстой прослойкой крема. Я съел его на ходу, и головная боль немного утихла.

До Лисбон-Фоллс я добрался уже после полуночи. Главную улицу окутывала темнота, но фабрики, и Ворамбо, и «Ю-Эс джипсам», пыхтели и фыркали, выбрасывая в воздух клубы вонючего дыма и сливая в реку ядовитые отходы. Сверкая огнями в ночи, они напоминали космические корабли. Я припарковал «санлайнер» около «Кеннебек фрут», где ему и предстояло оставаться до того момента, пока кто-нибудь, заглянув через стекло, не увидит пятна крови на сиденье, водительской двери и руле и не вызовет полицию. Я предполагал, что они снимут отпечатки пальцев. Возможно, отпечатки эти совпадут с другими, оставленными на револьвере «полис спешл» тридцать восьмого калибра, на месте убийства в Дерри. При таком раскладе имя Джордж Амберсон может всплыть в Дерри и добраться до Лисбон-Фоллс. Но если «кроличья нора» окажется на прежнем месте, Джордж исчезнет, не оставив следа, потому что отпечатки пальцев, добытые полицией, принадлежали человеку, до рождения которого оставалось еще восемнадцать лет.

Я открыл багажник, достал портфель и решил больше ничего с собой не брать. Как я понимал, содержимое багажника могло в конце концов оказаться в «Веселом белом слоне», магазине подержанной мебели и прочих товаров, расположенном по соседству с «Тит Шеврон». Я пересек улицу, направляясь к драконьему дыханию фабрики, грохоту и шуршанию машин и станков, не прекращавших работу ни на секунду, пока политика свободной торговли эпохи Рейгана не остановила все прядильно-ткацкие фабрики Америки, производившие слишком дорогую продукцию.

Белый флуоресцентный свет из покрасочного цеха падал через грязные окна на сушильный сарай. Я заметил цепь, отделявшую его от остального двора. Надпись на табличке скрывала темнота, но, хотя прошло почти два месяца, я помнил, что на ней написано: **«ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН ДО ЗАВЕРШЕНИЯ РЕМОНТА СТОЧНОЙ ТРУБЫ»**. Человека с желтой карточкой — или, правильнее, с оранжевой — видно не было.

Свет фонарей заливал двор, освещая меня, как муравья на тарелке. Моя тень вытянулась передо мной. Я замер, когда ко мне подкатил большущий грузовик. Ожидал, что водитель остановит машину, высунется и спросит, а какого черта я тут делаю. Грузовик замедлил ход, но не остановился. Водитель помахал мне рукой. Я ответил тем же, и он направился к разгрузочной площадке под громыхание десятков пустых бочек в кузове. Я подошел к цепи, быстро огляделся, нырнул под нее.

С гулко бьющимся сердцем зашагал вдоль сушильного сарая. В такт сердцу пульсировала и рана на голове. На этот раз я не оставил куска бетона у первой ступеньки. *Не спеши,* сказал я себе. *Не спеши.* Ступенька прямо... *здесь.*

И ошибся. Моя нога ни во что не уперлась, нащупала только ровную поверхность.

Я продвинулся чуть дальше, с тем же результатом. Ночь стояла холодная, изо рта вырывался парок, но подмышки и шея покрылись тонкой пленкой пота. Прошел еще дальше, уже в полной уверенности, что проскочил нужное место. То ли «кроличья нора» исчезла, то ли ее здесь не было вовсе, а это означало, что моя жизнь в ипостаси Джейка Эппинга — и победа на конкурсе БФА* в начальной школе, и заброшенный еще в колледже роман, и женитьба на славной в принципе женщине, которая чуть не утопила мою любовь к ней в алкоголе, — безумная галлюцинация. И я с рождения Джордж Амберсон.

Я еще продвинулся вперед, остановился, тяжело дыша. Где-то — может, в красильном цехе, может, в ткацком — кто-то крикнул: *Чтоб я сдох!* Я подпрыгнул, потом подпрыгнул вновь, когда за возгласом последовал громовой хохот.

Не здесь.

Исчезла.

Или ее никогда не было.

Я ощущал... разочарование? Ужас? Сковывающую движения панику? Если на то пошло, ничего подобного. Что я чувствовал, так это нарастающее чувство облегчения. Подумал: *Я смогу жить здесь. И без проблем. Даже счастливо.*

Я действительно так думал? Да. *Да.*

От фабрик воняло, в общественных туалетах постоянно курили, но в большинстве мест дышалось очень легко. А сколько

* Будущие фермеры Америки.

здесь *нового*. Еда вкусная, молоко ставят под дверь. После периода воздержания от компьютера я осознал, в какую впал от него зависимость, часами читая глупые приложения к электронным письмам или посещая сайты по той самой причине, по которой альпинисты покоряют Эверест: потому что попались на глаза. Мой мобильник ни разу не зазвонил, потому что я больше не держал его при себе, и какое это приносило облегчение. За пределами больших городов люди в основном пользовались спаренными телефонами. А запирали ли они дверь на ночь? Как бы не так. Они тревожились из-за атомной войны, но я точно знал, что люди пятьдесят восьмого состарятся и умрут, не услышав о взрыве атомной бомбы где-либо, кроме испытательных полигонов. Никто не тревожился из-за глобального потепления или пассажирских самолетов, захваченных террористами-смертниками.

А если моя жизнь в 2011 году — не галлюцинация (сердцем я это знал), я все равно мог остановить Освальда. Просто не увидел бы конечного результата. И полагал, что переживу это.

Ладно. Первым делом надо вернуться к «санлайнеру» и уехать из Лисбон-Фоллс. Я решил, что доберусь до Льюистона, найду автобусную станцию, куплю билет до Нью-Йорка. Потом на поезде до Далласа... черт, а почему не самолетом? Денег мне хватало, и ни один сотрудник авиакомпании не попросил бы предъявить удостоверение личности с фотографией. От меня требовалось лишь оплатить билет, а потом «Транс уорлд эйрлайнз» встретила бы меня на борту самолета с распростертыми объятиями.

И столь огромное облегчение вызвало у меня принятое решение, что ноги вновь стали ватными. Не как в Дерри, когда мне пришлось сесть, но чтобы не упасть, я привалился к стене сушильного сарая. Стукнулся о нее локтем, с негромким мягким звуком. И тут же услышал голос, обладателя которого не видел. Хриплый голос. Почти что рычание. Голос из будущего, если на то пошло.

— Джейк? Это ты? — Последовал сухой, надрывный кашель.

Я чуть не промолчал. Мог промолчать. Потом подумал о том, какую часть жизни вложил Эл в этот проект, о том, что я — единственная оставшаяся у него надежда.

Я повернулся на звук кашля и ответил тихим голосом:

— Эл? Говори со мной. Считай. — *Или хотя бы кашляй.*

Он начал. Я двинулся на ведущий отсчет голос, не отрывая ног от бетона. И через десять шагов, гораздо дальше того места, где я сдался, моя нога во что-то уперлась, и я остановился как вкопанный. Еще раз оглянулся. Еще раз вдохнул пропитанный химической вонью воздух. Потом закрыл глаза и начал подниматься по ступенькам, которых не видел. На четвертой ночной холод сменился спертой теплотой, с ароматами кофе и пряностей. По крайней мере для моей верхней половины. Ниже пояса я все еще ощущал ночь.

Простоял так, пожалуй, секунды три, головой в настоящем, ногами в прошлом. Потом открыл глаза, увидел изможденное, озабоченное, истощенное лицо Эла и шагнул в 2011 год.

Часть III

ЖИВЯ В ПРОШЛОМ

Глава 9

1

К тому времени я мог бы сказать, что меня уже ничем не удивишь, но замер с отвисшей челюстью, увидев слева от Эла дымящуюся в пепельнице сигарету. Протянул руку и затушил ее.

— Ты хочешь выкашлять ту часть легких, которая еще позволяет тебе дышать?

Он не ответил. Не уверен, что услышал вопрос. Только смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

— Господи Иисусе. Джейк... Кто тебя скальпировал?

— Никто. Давай уйдем отсюда, пока я не задохнулся от дыма твоей сигареты. — Пустая, конечно, угроза. За недели, проведенные в Дерри, я привык к дымящимся сигаретам. Если бы не держал себя в руках, мог бы сам пристраститься к этой вредной привычке.

— Тебя скальпировали, — продолжил он, — только ты этого не знаешь. Кусок кожи с волосами висит за ухом и... Сколько ты потерял крови? Кварту? Кто это сделал?

— А: меньше, чем кварту. Б: Фрэнк Даннинг. И если я ответил на твои вопросы, у меня есть свой. Ты сказал, что помолишься. Почему вместо этого закурил?

— Потому что нервничал. И потому что теперь это не имеет значения. Поезд уже ушел.

С этим я поспорить не мог.

2

Эл медленно прошел за стойку, открыл дверцу шкафчика, достал пластмассовую коробку с красным крестом. Я сел на один из высоких стульев и посмотрел на часы. Было без четверти восемь, когда Эл отпер дверь, и мы вошли в закусочную. Где-то без пяти восемь я спустился в «кроличью нору» и появился из нее в Стране чудес, именуемой 1958 годом. Эл утверждал, что каждое путешествие занимает две минуты, и настенные часы это подтверждали. Я провел в 1958 году пятьдесят два дня, но часы показывали семь пятьдесят девять того же утра.

Эл достал марлевые салфетки, пластырь, дезинфицирующее средство.

— Наклонись ко мне, чтобы я мог все видеть. Подбородок на стойку.

— Можешь обойтись без перекиси. Произошло это четыре часа тому назад, так что рана уже затянулась. Видишь?

— Береженого Бог бережет, — ответил он, и моя макушка вспыхнула огнем.

— *А-а-а-ай!*

— Больно, да? Потому что рана до сих пор открытая. Хочешь, чтобы костоправы пятьдесят восьмого лечили твой воспалившийся скальп, когда ты отправишься в Большой Д? Поверь мне, дружище, ты этого не хочешь. Сиди тихо. Мне надо срезать волосы вокруг раны, а не то пластырь не будет держаться. Слава Богу, они короткие.

Щелк-щелк-щелк. Потом боли прибавилось — он накрыл рану марлевой салфеткой, закрепил ее пластырем.

— Через пару дней снимешь марлю, но пока тебе придется носить шляпу. Макушка какое-то время будет выглядеть шелудивой, однако, если волосы не отрастут, сможешь ее зачесывать. Аспирин хочешь?

— Да. И чашку кофе. Сделаешь по-быстрому? — Хотя кофе поможет лишь на короткое время. Что мне требовалось, так это сон.

— Смогу. — Он включил кофеварку «Банн-о-Матик» и вновь начал рыться в аптечке. — Ты, я вижу, похудел.

Кто бы говорил, подумал я.

— Заболел. Подхватил суточный... — И тут я замолчал.

— Джейк, что не так?

Я смотрел на фотогалерею Эла. Когда я шел к «кроличьей норе», на стене висела фотография, запечатлевшая меня и Гарри Даннинга. Мы улыбались и показывали камере аттестат Гарри.

Теперь эта фотография исчезла.

3

— Джейк? Дружище? Что такое?

Я взял таблетки аспирина, которые он положил на стойку, сунул в рот. Проглотил не запивая. Потом поднялся и медленно направился к «Стене славы». Вновь чувствуя себя стеклянным человеком. На том месте, где два последних года висела наша с Гарри фотография, Эл пожимал руку Майку Мишо, члену палаты представителей конгресса США от Второго округа штата Мэн. Мишо, вероятно, вел кампанию по переизбранию в конгресс, потому что на фартуке Эла красовались два значка-пуговицы. Один с надписью «МИШО в КОНГРЕСС», второй — с «ЛИСБОН ЛЮБИТ МАЙКА». Многоуважаемый конгрессмен в ярко-оранжевой футболке «Мокси» высоко поднимал толстобургер, с которого капал жир.

Я снял рамку с фотографией с гвоздика.

— И как давно она здесь?

Эл, хмурясь, смотрел на фотографию.

— Никогда в жизни ее не видел. Бог свидетель, я поддерживал Мишо в двух последних кампаниях. Черт, я поддерживаю любого демократа, которого не застукивают трахающим своих помощниц во время избирательной кампании. И я встречался с ним на митинге в две тысячи восьмом, но в Касл-Роке. В закусочной он никогда не появлялся.

— Вероятно, появлялся. Это же твой прилавок.

Он взял рамку с фотографией своими исхудавшими руками, напоминавшими птичьи лапки.

— Да. Мой.

— Тогда это «эффект бабочки». Фотография — тому доказательство.

Он пристально всматривался в нее, чуть улыбаясь. В удивлении, думал я. Или, может, с благоговейным трепетом. Потом вернул рамку мне и пошел за стойку, наливать кофе.

— Эл? Ты помнишь Гарри, правда? Гарри Даннинга?

— Разумеется, помню. Разве не ради него ты поехал в Дерри, где тебе чуть не снесли голову?

— Ради него и остальных членов его семьи, верно.

— И ты их спас?

— Всех, кроме одного. Старший Даннинг добрался до Тагги до того, как мы сумели его остановить.

— Кто это — мы?

— Я тебе все расскажу, но сначала мне надо поехать домой и поспать.

— Дружище, у нас не так много времени.

— *Я знаю*, — ответил я, подумав: *Чтобы это понять, достаточно взглянуть на тебя, Эл.* — Но мне нужен отдых. Для меня сейчас половина второго ночи, и вечер... — рот открылся в широченном зевке, — выдался тот еще.

— Хорошо. — Он принес кофе, мне — полную чашку черного, себе — половину щедро сдобренного сливками. — Расскажи, что успеешь, пока будешь пить.

— Сначала объясни, как ты можешь помнить Гарри, если он никогда не работал уборщиком в ЛСШ и за всю жизнь ни разу не покупал у тебя толстобургер. Потом объясни, почему ты не помнишь приезда Майка Мишо в закусочную, если фотография — свидетельство того, что он приезжал.

— Ты не знаешь наверняка, что Гарри Даннинг не живет в этом городе. Собственно, ты не можешь утверждать, что он не работает уборщиком в Лисбонской старшей школе.

— В такое совпадение чертовски трудно поверить. Я изменил прошлое по-крупному, Эл... с помощью парня по имени Билл Теркотт. Гарри не отправили к дяде и тете в Хейвен, потому что его мать не умерла. Остались в живых и его брат Трой, и сестра Эллен. И Даннинг со своим молотком не добрался до Гарри. Если после всех этих изменений Гарри по-прежнему живет в Фоллс, то более изумленного человека, чем я, не удастся сыскать на всей земле.

— Есть способ проверить, — ответил Эл. — У меня в кабинете ноутбук. Пошли. — И двинулся первым, кашляя и опираясь на то, что попадалось под руку. Я последовал за ним с чашкой кофе. Эл свою оставил.

Располагавшаяся рядом с кухней каморка на кабинет определенно не тянула. В ней едва хватило места для нас обоих. По стенам Эл развесил служебные записки, разрешения и директивы курирующих ведомств, как штата Мэн, так и федеральных. Если

бы люди, распространявшие слухи о «Знаменитом котобургере», видели все эти бумаги, включая «Сертификат первого класса за чистоту», выданный при последней проверке, проведенной Комитетом предприятий общественного питания штата Мэн, возможно, им пришлось бы пересмотреть свою позицию.

Макбук Эла стоял на крошечном столе, похожем на тот, которым я пользовался в третьем классе. Эл опустился на такой же крошечный стул, охнув от боли и облегчения.

— У старшей школы есть сайт, так?

— Безусловно.

Ожидая, пока загрузится ноутбук, я попытался прикинуть, много ли электронных писем накопилось за пятьдесят два дня моего отсутствия. Потом вспомнил, что наше время покидал только на две минуты. Глупец.

— Думаю, у меня сносит крышу, Эл.

— Мне это чувство знакомо. Держись, дружище, ты... подожди, приехали. Давай посмотрим. Дисциплины... летняя программа... преподавательский состав... администрация... технический персонал.

— Жми.

Он помассировал сенсорную панель, пробормотал что-то неразборчивое, кивнул, что-то кликнул, потом уставился на экран, будто свами, консультирующийся с хрустальным шаром.

— Ну? Не томи.

Он повернул ноутбук экраном ко мне. «УБОРЩИКИ ЛСШ, — прочитал я. — ЛУЧШИЕ В МЭНЕ!» На фотографии двое улыбающихся мужчин и женщина стояли в центральном круге спортивного зала. Все трое — в спортивных свитерах «Борзых Лисбона». Гарри Даннинга среди этой троицы я не увидел.

4

— Ты помнишь его уборщиком и учеником, потому что именно ты спускался в «кроличью нору», — объяснил Эл. Мы вернулись в зал и сидели в одной из кабинок. — И я помню его, то ли потому, что сам пользовался ею, то ли потому, что нахожусь рядом с ней. — Он задумался. — В этом, наверное, все дело. Какое-то излучение. Человек с желтой карточкой тоже около норы, только с другой стороны, и он ее чувствует. Ты его видел, так что знаешь.

— Теперь он Человек с оранжевой карточкой.

— Что ты такое говоришь?

Я опять зевнул.

— Если попытаюсь объяснить, только все запутаю. Я хочу отвезти тебя домой, потом поехать к себе. Сначала поем. Потому что голоден как волк...

— Могу сделать тебе яичницу. — Он начал подниматься, но осел обратно и закашлялся. Каждый вдох сопровождался жуткими хрипами, от которых содрогалось все тело. Что-то трещало у него в горле, совсем как игральная карта в спицах вращающегося велосипедного колеса.

Я коснулся его руки.

— Что ты сделаешь, так это поедешь домой, примешь лекарство и отдохнешь. Поспишь, если сможешь. Я точно знаю, что смогу. Восемь часов. Поставлю будильник.

Он перестал кашлять, но я по-прежнему слышал треск игральной карты в его горле.

— Сон. Здоровый. Я помню. Завидую тебе, дружище.

— Я вернусь к тебе в семь вечера. Нет, в восемь. Тогда я успею кое-что проверить по Интернету.

— И если все тип-топ?

— Тогда я вернусь сюда завтра, готовый провернуть это дело.

— Нет, — покачал головой Эл, — готовый *предотвратить* содеянное. — Он сжал мою руку. Пальцы утончились, но сила в них оставалась. — Вот о чем речь. Найти Освальда, расстроить его планы и стереть эту самодовольную ухмылку с его лица.

5

Заведя двигатель, я сразу же потянулся к короткой фордовской ручке переключения скоростей на рулевой колонке и нажал левой ногой на пружинистую педаль сцепления. Когда мои пальцы сомкнулись, найдя только воздух, а нога уперлась в коврик, я рассмеялся. Ничего не смог с собой поделать.

— Что такое? — спросил Эл с переднего пассажирского сиденья.

Мне не хватало моего элегантного «форда-санлайнера», вот что такое, но я не видел повода переживать из-за этого, поскольку в скором времени собирался купить его вновь. И хотя в следующий раз я отправился бы в прошлое с меньшей суммой на-

личных (мой депозит в «Хоумтаун траст» пропал бы при очередном сбросе на ноль), я мог выторговать у Билла Тита лучшую цену.

Полагал, что мне это удастся.

Потому что я стал другим.

— Джейк? Что смешного?

— Ничего.

Я оглядывался в поисках изменений на Главной улице, но видел все прежние дома и в том же состоянии, включая и «Кеннебек фрут», находившийся, если судить по внешнему виду, в двух неоплаченных счетах от финансовой катастрофы. Статуя вождя Ворамбо высилась в городском парке, а транспарант в витрине магазина «Мебель Кейбелла» заверял мир, что «ДЕШЕВЛЕ НЕ НАЙТИ».

— Эл, ты помнишь цепь, под которую тебе приходилось подныривать, чтобы вернуться к «кроличьей норе»?

— Конечно.

— И надпись на табличке, которая висит на цепи?

— О ремонте сточной трубы. — Он напоминал солдата, который думает, что дорога впереди заминирована, и морщится на каждой колдобине.

— Когда ты вернулся из Далласа... Когда понял, что слишком тяжело болен, чтобы довести дело до конца... табличка все еще висела?

— Да. — Он задумался. — Висела. Странно, правда? Кто четыре года ремонтирует сточную трубу?

— Никто. Во всяком случае, такое невозможно на фабричном дворе, по которому день и ночь ездят грузовики. И почему она не привлекает внимания?

Эл покачал головой:

— Понятия не имею.

— Возможно, цепь и табличка служат для того, чтобы кто-нибудь случайно не набрел на «кроличью нору». Но если так, кто их там повесил?

— Не знаю. Я даже не знаю, прав ли ты.

Я свернул на его улицу, чтобы доставить Эла к двери, надеясь, что потом мне удастся проехать семь или восемь миль до Сабаттуса, не заснув за рулем. Но меня не отпускала еще одна мысль, и я счел необходимым ее озвучить. Хотя бы для того, чтобы он не питал слишком больших надежд.

— Прошлое упрямо, Эл. И оно не хочет, чтобы его меняли.

— Знаю. Я же тебе *говорил*.

— Говорил. Но я думаю, что сопротивление возрастает пропорционально масштабу изменения будущего, которое может вызвать то или иное вмешательство.

Он посмотрел на меня. Кожа под его глазами стала почти черной, а в самих глазах проступила боль.

— Если можно, объясни, но только простыми словами.

— Изменить будущее семьи Даннингов оказалось сложнее, чем изменить будущее Каролин Пулин, отчасти потому, что изменение касалось нескольких человек, а в основном потому, что Пулин в обоих случаях осталась жива. Дорис Даннинг и трое ее детей умерли бы... И один из них все равно умер, хотя я собираюсь это исправить.

Тень улыбки коснулась губ Эла.

— Молодец. Только в следующий раз пригнись пониже. А не то получишь второй шрам, на котором могут не отрасти волосы.

Я представлял, как обойтись без шрама, но предпочел не делиться своими идеями. Свернул на подъездную дорожку к дому Эла.

— Я хочу сказать, что мне, возможно, не удастся остановить Освальда. Во всяком случае, с первой попытки. — Я рассмеялся. — Но что с того? Я и на права с первого раза не сдал.

— Я тоже, но мне не пришлось ждать второй попытки пять лет.

Я понимал, о чем он.

— Сколько тебе лет, Джейк? Тридцать? Тридцать два?

— Тридцать пять. — И за это утро я еще на два месяца приблизился к тридцати шести, но к чему упоминать о такой мелочи?

— Если ты провалишься и придется начинать все заново, тебе будет уже сорок пять, когда карусель завершит второй круг. А за десять лет может случиться многое, особенно если прошлое против тебя.

— Знаю, — кивнул я. — Вижу, что случилось с тобой.

— Я докурился до рака легких, ничего больше. — В подтверждение он кашлянул, однако в его глазах я видел не только боль, но и сомнения.

— Возможно, и так. *Надеюсь*, что так. Но нам этого не уз...

Входная дверь дома Эла распахнулась. Дородная молодая женщина в ярко-зеленом платье и белых туфлях на низком каб-

луке, как у «Медсестры Нэнси»*, сбежала с крыльца на подъездную дорожку. Увидела Эла, сгорбившегося на переднем сиденье моей «тойоты», и рывком распахнула дверь.

— Мистер Темплтон, где вы были? Я пришла, чтобы дать вам лекарства, а когда обнаружила, что дом пуст, подумала...

Ему удалось улыбнуться.

— Я знаю, что вы подумали, но я в порядке. Не так чтобы в форме, но в порядке.

Она посмотрела на меня.

— И вы. Зачем усадили его в машину? Разве вы не видите, как он ослабел?

Я, разумеется, видел. Но поскольку не мог рассказать ей о том, чем мы занимались, молчал и готовился выдержать нагоняй как мужчина.

— Мы отъезжали по важному делу, — вступился за меня Эл. — Нам пришлось. Понимаете?

— И все равно...

Он начал вылезать из кабины.

— Помогите мне добраться до кровати, Дорис. Джейку надо домой.

Дорис.

Как жена Даннинга.

Эл не заметил совпадения — и, конечно, это не могло не быть совпадением, такое имя встречалось весьма часто, — но в голове у меня все равно звякнул звоночек.

6

Я добрался до дома и на этот раз потянулся к ручнику «санлайнера». Заглушая двигатель, подумал, что в сравнении с автомобилем, на котором я ездил в Дерри, «тойота» — тесная, неудобная, неприятная глазу колымага из пластмассы и фибергласса. Вошел в дом, собрался покормить кота и обнаружил, что еда в миске свежая. А почему нет? В 2011 году с моего отъезда прошло только полтора часа.

— Съешь это, Элмор, — посоветовал ему я. — В Китае полно голодающих котов, которые не отказались бы от миски «Фрискис чойс катс».

* Популярная кукла 1950—1970 гг.

Элмор ответил презрительным взглядом и ретировался через кошачий лаз в двери. Я достал из холодильника два обеда «Стауфферс» (думая совсем как учащееся говорить чудовище Франкенштейна: *Микроволновка хороший, современный автомобиль плохой*). Съел все, выбросил мусор и пошел в спальню. Снял белую хлопчатобумажную рубашку из 1958 года (слава Богу, медсестра Дорис слишком разозлилась на Эла, чтобы заметить кровяные пятна), сел на край кровати, расшнуровал удобные туфли тех же времен, а потом повалился на спину. Уснул еще до того, как коснулся покрывала.

7

Про будильник я забыл и мог бы проспать все на свете, но в четверть пятого Элмор прыгнул мне на грудь и принялся обнюхивать лицо. Это означало, что миску он вылизал и требует добавки. Я подчинился. Потом умылся холодной водой, съел тарелку пшенично-рисовых хлопьев, думая о том, что пройдет немало времени, прежде чем удастся навести порядок с приемами пищи.

Насытившись, я пошел в кабинет и включил компьютер. Моей первой киберостановкой стала библиотека. Эл не ошибся: ее база данных включала все материалы, опубликованные в «Лисбон-Фоллс энтерпрайз». Чтобы получить доступ к этим сокровищам, пришлось записаться в «Друзья библиотеки», заплатив десять долларов, но, учитывая обстоятельства, цена высокой не казалась.

Я нашел искомое в номере за седьмое ноября. На второй странице, между заметками об автомобильной аварии со смертельным исходом и о предполагаемом поджоге, размещалась статья под заголовком «МЕСТНАЯ ПОЛИЦИЯ РАЗЫСКИВАЕТ ТАИНСТВЕННОГО МУЖЧИНУ». Под таинственным мужчиной подразумевался я... или мое альтер эго эйзенхауэровской эпохи. Кабриолет «санлайнер» обнаружили, пятна крови заметили. Билл Тит опознал «форд»: именно этот автомобиль он продал некоему мистеру Джорджу Амберсону. Тон статьи тронул мое сердце: искренняя тревога о пропавшем (и, возможно, раненом) человеке. Никто не знал, где он и что с ним. Грегори Дьюсен, знакомый мне банкир из «Хоумтаун траст», описал меня как «учтивого и вежливого мужчину». Эдди Баумер, владелец «Па-

рикмахерской Баумера», практически повторил его слова. Ни тени подозрения не пало на честное имя Амберсона. Все могло обернуться иначе, если бы меня связали с сенсационными убийствами в Дерри... но пронесло.

Не связали меня с этими убийствами и на следующей неделе, когда интерес к моей особе сократился до коротенького абзаца в информационной колонке: «Поиски пропавшего мужчины из Висконсина продолжаются». Неделей позже «Уикли энтерпрайз» уделила особое внимание близящемуся празднику, так что Джордж Амберсон исчез со страниц еженедельника навсегда. *Однако я побывал в прошлом.* Эл вырезал свои инициалы на дереве. Я нашел упоминание о себе на страницах старой газеты. Я этого ожидал, но когда увидел доказательство собственными глазами, по коже побежали мурашки.

Потом я отправился на сайт «Дерри дейли ньюс». Доступ к архивам обошелся мне гораздо дороже, в тридцать четыре с половиной доллара, зато уже через несколько минут я смотрел на первую страницу номера за 1 ноября 1958 года.

Казалось бы, столь сенсационному преступлению самое место на первой полосе местной газеты, но в Дерри — Необычном маленьком городе — делали все, чтобы не выставлять напоказ свои злодеяния. Большую часть первой полосы отдали статье о встрече представителей России, Великобритании и Соединенных Штатов в Женеве. Обсуждалась возможность запрета испытаний атомного оружия. Ниже шел материал о четырнадцатилетнем шахматном вундеркинде Бобби Фишере. И лишь в самом низу первой страницы, в левом углу (эксперты по массмедиа говорят, что туда люди бросают взгляд напоследок, если вообще бросают), нашлось место началу статьи, озаглавленной «УБИЙСТВЕННАЯ ЯРОСТЬ ПРИВОДИТ К ДВУМ СМЕРТЯМ». Согласно статье, Фрэнк Даннинг, «уважаемый представитель бизнес-сообщества и участник многих благотворительных мероприятий», в пятницу вечером, чуть позже восьми, прибыл в дом жены, с которой жил врозь, «в состоянии опьянения». После ссоры с женой (ничего такого я не слышал... хотя и присутствовал при этом) Даннинг ударил ее молотком, сломал ей руку и убил своего двенадцатилетнего сына Артура Даннинга, когда тот попытался защитить мать.

Продолжение разместили на странице двенадцать. Открыв ее, я увидел фотографию моего доброго то ли друга, то ли врага Бил-

ла Теркотта. Согласно статье, «мистер Теркотт проходил мимо, когда услышал крики и вопли, доносящиеся из дома Даннингов». Он подбежал к дому, через открытую дверь увидел, что происходит, и предложил мистеру Фрэнку Даннингу «прекратить махать молотком». Даннинг отказался. Мистер Теркотт заметил на ремне Даннинга охотничий нож в чехле и вытащил его. Даннинг бросился на мистера Теркотта, они схватились, и в завязавшейся драке мистер Теркотт проткнул Даннинга ножом, а несколькими минутами позже у героического мистера Теркотта случился инфаркт.

Я посидел, глядя на старую фотографию — Теркотт улыбался, гордо поставив ногу на бампер седана конца сороковых годов, из уголка рта свисала сигарета — и барабаня пальцами по бедру. Смертельный удар Даннингу нанесли не в грудь, а в спину, и не охотничьим ножом, а штыком. И никакого охотничьего ножа на ремне Даннинга не висело. Он пришел в дом с одним оружием — кувалдой, превратившейся в молоток. Полиция упустила столь бросающиеся в глаза подробности? Такое возможно, при условии, что тамошние копы слепы, как Рэй Чарлз. И однако, для Дерри, каким я его узнал, статья выглядела очень логично.

Думаю, я улыбался. Эта лживая статья не могла не восхищать. Все свободные концы надежно связаны. Обезумевший от выпитого муж, перепуганная, объятая ужасом семья, героический прохожий (никаких упоминаний о том, откуда, куда и зачем он шел). Что еще нужно читателю? И ни слова о Таинственном незнакомце, присутствовавшем на месте преступления. Да, *Дерри* во всей красе.

Я порылся в холодильнике, нашел остатки шоколадного пудинга, съел, стоя у столешницы и глядя во двор. Поднял Элмора и гладил, пока он не начал рваться на свободу. Вернулся к компьютеру, нажал клавишу, убирая заставку, вновь посмотрел на фотографию Теркотта. Героя, спасшего семью и получившего за свои труды инфаркт.

Наконец подошел к телефону и набрал номер справочной.

8

В телефонной справочной Дерри не нашли ни Дорис, ни Троя, ни Гарольда Даннингов. От отчаяния я попытался найти Эллен, не рассчитывая на успех: если она и осталась в городе, то

наверняка взяла фамилию мужа. Но иногда безнадежные варианты вдруг срабатывают (наглядный тому пример — Ли Харви Освальд). Я до такой степени этого не ожидал, что даже не держал в руке карандаш, когда робот прокашлял мне номер. Вместо того чтобы перезванивать в справочную, нажал клавишу с единицей, чтобы меня соединили с запрошенным номером. Имей я возможность подумать, вряд ли бы позвонил. Иногда мы не хотим ничего знать. Иногда мы боимся узнать. Доходим до какой-то черты, а потом поворачиваем назад. Но я храбро прижимал трубку к уху, слушая, как телефон в Дерри звонит раз, другой, третий. Автоответчик скорее всего включился бы после следующего звонка, и я уже решил, что сообщения оставлять не буду. Понятия не имел, что могу сказать.

Но на четвертом гудке мне ответил женский голос:

— Алло?

— Это Эллен Даннинг?

— Все зависит от того, кто звонит. — В прокуренном, чуть вкрадчивом голосе слышались настороженность и удивление. Если бы я не знал, с кем имею дело, решил бы, что женщине за тридцать, но никак не шестьдесят. *Это голос человека, который использует его в работе,* подумал я. *Певицы? Актрисы? Может, комика (комикессы), в конце концов?* С Дерри эти профессии никак не вязались.

— Меня зовут Джордж Амберсон. В далеком прошлом я знал вашего брата Гарри. Сейчас вернулся в Мэн и хочу вновь связаться с ним.

— Гарри? — В голосе послышалось изумление. — Господи! В армии?

В армии? Я быстро прикинул, что к чему, и решил, что это не вариант. Слишком много потенциальных ловушек.

— Нет, нет, в Дерри. Когда мы были детьми. — Тут меня осенило. — Мы играли в оздоровительном центре. В одних командах. Отлично проводили время.

— Сожалею, что приходится говорить об этом, мистер Амберсон, но Гарри мертв.

На мгновение меня словно оглушили. Только по телефону этого не видно, так? Поэтому я выдавил из себя:

— Боже, примите соболезнования.

— Это случилось давно. Во Вьетнаме. Во время Тетского наступления в шестьдесят восьмом году.

Я сел, чувствуя, как засосало под ложечкой. Я спас его от хромоты и умственной отсталости для того, чтобы укоротить ему жизнь на сорок с лишним лет? Потрясающе. Операция прошла успешно, но пациент умер.

Тем временем шоу продолжалось.

— А как Трой? И вы, что у вас? Тогда вы были совсем маленькой девочкой, катались на велосипеде с дополнительными колесиками. И пели. Вы всегда пели. — Я изобразил смешок. — Боже, просто выводили нас из себя.

— Теперь я пою только на вечерах караоке в «Беннигэнс паб», но говорю без устали. Я диджей на Дабл-ю-кей-ай-ти в Бангоре. Вы понимаете, диск-жокей.

— Да-да. А Трой?

— Живет *la vida loca** в Палм-Спрингс. Он теперь в нашей семье самый богатый. Нажил состояние в компьютерном бизнесе. Занимался этим с самого начала, еще в семидесятых. Ходит на ленч со Стивом Джобсом и остальными. — Эллен рассмеялась. Смеялась она удивительно. Готов спорить, в восточном Мэне люди специально настраивались на волну Дабл-ю-кей-ай-ти, чтобы услышать этот смех. Но потом она заговорила более тихим голосом и без намека на юмор. Солнечный свет сменился тенью, очень резко. — Кто вы, мистер Амберсон?

— О чем вы?

— По выходным я веду передачи «звоните — отвечаем». В субботу это шоу «Распродажа». «У меня есть мотоблок, Эллен, практически новый, но я не могу расплатиться по кредиту и приму наибольшее предложение от пятидесяти долларов». Что-то в этом роде. В воскресенье — политика. Люди звонят, чтобы обругать последними словами Раша Лимбо или поговорить о том, что Гленну Беку пора баллотироваться в президенты. Я разбираюсь в голосах. Если вы дружили с Гарри в те дни, когда работал центр, сейчас вам должно быть за шестьдесят, а вы моложе. По голосу вам никак не больше тридцати пяти.

Господи, в яблочко.

— Мне часто говорят, что у меня очень молодой голос. Готов спорить, вам тоже.

---

* В свое удовольствие (*исп.*).

— Попытка засчитана, — бесстрастно ответила она, и ее голос разом стал старше. — Я упражнялась долгие годы, чтобы голос оставался молодым. А вы?

Я не нашелся с ответом, поэтому промолчал.

— Опять же, никто не звонит, чтобы узнать о друге из начальной школы. Только не через пятьдесят лет.

Пожалуй, можно класть трубку, подумал я. *Я узнал то, что хотел, и даже больше. Я просто положу трубку.* Но она словно прилипла к моему уху. Не уверен, что смог бы бросить ее, даже если бы увидел, что в гостиной вспыхнули шторы.

Когда Эллен заговорила вновь, ее голос дрожал:

— Вы — это он?

— Не понимаю, о чем вы...

— В тот вечер в доме был кто-то еще. Гарри его видел, и я тоже. Вы — это он?

— В какой вечер? — У меня получилось «вешер», потому что губы онемели. Словно кто-то надел мне на лицо маску. Ледяную.

— Гарри говорил, что это его добрый ангел. Я думаю, вы — это он. Так где вы были?

Теперь ее голос звучал нечетко, потому что она заплакала.

— Мэм... Эллен... что вы такое говори...

— Я отвозила его в аэропорт, когда увольнительная закончилась и он получил новый приказ. Он улетал во Вьетнам, и я посоветовала ему поберечься. Он ответил: «Не волнуйся, сестричка, за мной приглядывает ангел-хранитель, помнишь?» Так где вы были шестого февраля тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года, мистер Ангел? Где вы были, когда мой брат погиб в Кхе-Сани*? *Где ты тогда был, сукин ты сын?*

Она сказала что-то еще, но слов я не разобрал. Она уже плакала навзрыд. Я положил трубку. Пошел в ванную комнату. Сел в душевой, задернул занавеску, опустил голову между колен. Уставился на резиновый коврик с желтыми маргаритками. Потом взвыл. Раз. Другой. Третий. И вот что самое худшее: я сожалел не о том, что Эл рассказал мне об этой чертовой «кроличьей норе». Я сожалел, что он не умер до того, как его звонок застал меня в учительской.

---

* Крупная американская база, располагавшаяся в 16 км от лаосской границы и в 25 км от демилитаризованной зоны между Северным и Южным Вьетнамом. С января по апрель 1968 г. вела бои в окружении.

9

Дурное предчувствие появилось, когда я свернул на подъездную дорожку и увидел, что в доме темно. Оно усилилось, когда я обнаружил, что входная дверь не заперта.

— Эл?

Тишина.

Я нашарил выключатель, нажал. В гостиной царила стерильная чистота, как в комнатах, где регулярно прибираются, но которыми редко пользуются. На стенах висели фотографии в рамках. Я практически никого не знал — решил, что это родственники Эла, — но одна, над диваном, запечатлела знакомую мне пару: Джона и Жаклин Кеннеди. На морском берегу. Вероятно, в Хианнис-Порт. Они стояли обнявшись. В воздухе чувствовался аромат «Глейд», но он не полностью маскировал запах больничной палаты, идущий откуда-то из глубины дома. Где-то очень тихо «Темптейшнс» играли «Мою девушку». Про солнечный свет в хмурый день и все такое.

— Эл? Ты здесь?

А где же еще? На «Студии-9» в Портленде, танцует диско и пытается снять студентку? Я высказал пожелание, а пожелания иной раз исполняются.

Я поискал выключатель на кухне, нажал, и помещение залил флуоресцентный свет, достаточно яркий, чтобы проводить операцию по удалению аппендикса. На столе стоял пластмассовый контейнер для лекарств, в какие кладут недельный запас таблеток. Обычно они маленькие, помещаются в кармане или в сумочке, но этот размерами не уступал энциклопедии. Рядом белел вырванный из блокнота листок с надписью: *Если забудете принять таблетки в восемь часов, Я ВАС УБЬЮ!!!! Дорис.*

«Моя девушка» закончилась, началась «Всего лишь мое воображение». Я пошел на музыку в запах больничной палаты. Эл лежал на кровати. Он выглядел умиротворенным. В последний момент из уголка каждого закрытого глаза скатилось по слезе. Полоски еще блестели. На ночном столике слева от него стоял мультидисковый проигрыватель. Компанию ему составляла записка, прижатая пузырьком из-под таблеток. Он бы не удержал листок и при легком ветерке, потому что пустой весил совсем ничего. Я посмотрел на этикетку: «Оксиконтин, двадцать миллиграммов». Потом взял записку:

Извини, дружище, не мог ждать. Слишком сильная боль. Ключ от закусочной у тебя есть, и ты знаешь, что нужно делать. Не питай иллюзий, что сможешь предпринять вторую попытку, потому что слишком многое может случиться. Сделай все правильно с первого раза. Возможно, ты злишься на меня за то, что я втянул тебя в это дело. Я бы злился, окажись на твоем месте. Но не отступайся. Пожалуйста, не отступайся. Под кроватью коробка. В ней еще около 500 долларов, которые я накопил.

Все в твоих руках, дружище. Через два часа после того, как утром Дорис найдет меня мертвым, арендодатель, вероятно, повесит на закусочную замок, так что ты должен все сделать этим вечером. Спаси его, ладно? Спаси Кеннеди, и все изменится.

Пожалуйста.

Эл.

Ублюдок, подумал я. *Ты знал, что у меня могут быть сомнения, и разобрался с ними таким образом.*

Конечно, я сомневался. Но сомнения и решения — не одно и то же. Если он опасался, что я могу дать задний ход, то напрасно. Остановить Освальда? Понятное дело. Но Освальд в данный момент отступил на второй план, стал частью туманного будущего. Странно, конечно, так позиционировать 1963 год, однако совершенно правильно. Прежде всего меня заботила семья Даннинг: Артур, также известный как Тагга. Я еще мог его спасти. И Гарри тоже.

Кеннеди умел менять свою позицию. Слова Эла. И говорил он о Вьетнаме.

Даже если бы Кеннеди не изменил свою позицию, оказался бы Гарри в том же месте и именно в тот момент 6 февраля 1968 года? Я так не думал.

— Хорошо, — прошептал я. — Хорошо. — Наклонился и поцеловал Эла в щеку. Почувствовал соленость его последней слезы. — Покойся с миром, дружище.

10

Вернувшись домой, я просмотрел содержимое портфеля «Лорд Бакстон» и роскошного бумажника из страусиной кожи. Мне достались подробные записи Эла о перемещениях Освальда

после демобилизации из морской пехоты 11 сентября 1959 года. В бумажнике лежали все мои документы. Ситуация с деньгами оказалась лучше, чем я ожидал: с учетом суммы, припасенной Элом, я располагал более чем пятью тысячами долларов.

В моем холодильнике нашелся гамбургер. Я приготовил его и положил в миску Элмора. Гладил кота, пока он ел.

— Если я не вернусь, отправляйся к Риттерам, — посоветовал я ему. — Они о тебе позаботятся.

Элмор, разумеется, не показал вида, что слышит меня, но я знал, что он так поступит, если я не приду его накормить. У кошек выживание в крови. Я взял портфель, направился к двери, борясь с чрезвычайно сильным желанием броситься в спальню и спрятаться под одеялом. Найду ли я моего кота и мой дом на прежнем месте, когда вернусь, если сумею осуществить задуманное? А если найду, будут ли они по-прежнему принадлежать мне? Кто скажет? Хотите прикол? Люди, обладающие способностью жить в прошлом, не знают, какое им уготовано будущее.

— Эй, Оззи, — прошептал я. — Я иду разбираться с тобой, гондон.

Закрыл дверь и ушел.

11

Закусочная выглядела странной без Эла, потому что чувствовалось: Эл еще здесь... Я хочу сказать, его призрак. Лица с «Городской стены славы» смотрели на меня, словно спрашивая, а что я здесь делаю, словно говоря, что мне тут не место, призывая уйти, не вмешиваясь в ход времени. Что-то особенно тревожащее было в фотографии Эла и Майка Мишо, сменившей фотографию меня и Гарри.

Я прошел в кладовую и маленькими шажками, не отрывая ног от пола, начал приближаться к «кроличьей норе». *Представь себе, будто в темноте пытаешься найти верхнюю ступеньку лестницы,* говорил Эл. *Закрой глаза, дружище, так будет легче.*

Я закрыл. Двумя ступенями ниже в ушах раздался хлопок выравнивания давлений. Кожа ощутила тепло. Солнце светило сквозь опущенные веки. До меня доносилось шуршание плоскопрядильных станков. Я перенесся в 9 сентября 1958 года, за две минуты до полудня. Тагта Даннинг ожил, миссис Даннинг еще

никто не сломал руку. Неподалеку, на заправочной станции «Тит Шеврон», меня ждал щегольской красный кабриолет «форд-санлайнер».

Но сначала мне предстояла встреча с Желтой Карточкой. На этот раз он получит затребованный доллар, потому что я не удосужился положить в карман монету в пятьдесят центов. Я нырнул под цепь и остановился, чтобы сунуть долларовую купюру в правый передний карман брюк.

Там она и осталась, потому что, обогнув угол сушильного сарая, я нашел Желтую Карточку распростертым на бетоне, с открытыми глазами и в луже крови, расползавшейся вокруг головы. С перерезанной от уха до уха шеей. В одной руке он зажимал острый осколок зеленой винной бутылки, который и пустил в дело. В другой я увидел карточку, имевшую какое-то отношение ко дню двойной выплаты в зеленом доме. Карточка, поначалу желтая, а потом оранжевая, теперь стала чернее черного.

Глава 10

1

Я в третий раз пересек стоянку для автомобилей сотрудников, если не бегом, то быстрым шагом. Вновь, проходя мимо, похлопал по багажнику «плимут-фьюри». На удачу. В ближайшие недели, месяцы и годы мне потребуется вся удача, до какой я только смогу дотянуться.

Сегодня я не стал заглядывать в «Кеннебек фрут» и покупать одежду или автомобиль. Завтрашний день или последующий вполне подошли бы для этого, но сегодняшний мог выдаться для чужака весьма неудачным. Очень скоро кто-нибудь обнаружит труп на фабричном дворе, и чужаку начали бы задавать вопросы. Документы Джорджа Амберсона проверку бы не прошли, особенно с учетом того, что в водительском удостоверении указывался еще не построенный дом на аллее Синей птицы.

Я успел подойти к остановке, располагавшейся по другую сторону автостоянки, когда подъехал автобус с надписью «ЛЬЮИСТОНСКИЙ ЭКСПРЕСС» в окошечке над лобовым стеклом.

Вошел и протянул водителю доллар, который собирался дать Желтой Карточке. Водитель вытащил пригоршню мелочи из монетницы на поясе. Я бросил пятнадцать центов в монетоприемник, прошел в глубь салона и сел чуть ли не на последний ряд, за двумя прыщавыми матросами, возможно, с базы военно-морской авиации в Брансуике. Они говорили о девушках, которых надеялись увидеть в стрип-клубе под названием «Холли». Их разговор часто прерывался крепкими ударами по плечу и взрывами смеха.

Я наблюдал, как мимо проплывает шоссе 196, но мало что видел. Думал о мертвеце. И карточке, ставшей чернее черного. Мне хотелось как можно быстрее оказаться подальше от этого жутковатого трупа, но я все-таки остановился, чтобы потрогать карточку. Оказалось, что это не картон, как я поначалу предположил. И не пластик. Целлулоид — возможно... но по ощущениям все-таки и не он. На ощупь карточка напоминала ороговевшую кожу, какую сдираешь с мозоли. И без надписей — во всяком случае, я ничего не разглядел.

Эл предполагал, что Человек с желтой карточкой — пропивший мозги алкаш, которого свело с ума неудачное для него сочетание спиртного и близости «кроличьей норы». Я не оспаривал это мнение, пока карточка не сменила цвет на оранжевый. Теперь же я не просто сомневался в выводе Эла — я не верил в него. И кем тогда был этот алкаш?

Мертвецом, кем же еще. Мертвецом, и только. Хватит о нем думать. И без того дел хватает.

Когда мы проехали лисбонский автокинотеатр, я дернул за стоп-шнур. Водитель свернул к следующему телеграфному столбу с белой полосой.

— Хорошего вам дня, — пожелал я ему, когда он потянул за рычаг, открывающий двери.

— В этой работе нет ничего хорошего, кроме кружки холодного пива после смены, — ответил водитель и закурил.

Несколькими секундами позже, с портфелем в левой руке, я стоял на гравийной обочине шоссе и наблюдал, как автобус уезжает в сторону Льюистона, оставляя за собой облако сизого дыма. В заднем окне красовался рекламный плакат, изображавший домохозяйку со сверкающей кастрюлей в одной руке и «Магической чистящей мочалкой СОС» в другой. Огромные голубые глаза и зубастый, в красной помаде, улыбающийся рот женщины предполагали, что она на грани безумия.

Над головой синело чистое небо. В высокой траве стрекотали цикады. Где-то замычала корова. Как только дизельная вонь развеялась, воздух стал свежим и сладким. Я зашагал к «Тамарак мотор корт», от которого меня отделяло примерно четверть мили. Короткая прогулка, однако прежде чем я добрался до ее конечного пункта, два человека свернули на обочину и спросили, не подвезти ли меня. Я поблагодарил, но отказался, ответив, что мне нравится идти пешком. И мне нравилось. Добравшись до «Тамарака», я уже насвистывал.

Сентябрь 1958 года, Соединенные Штаты Америки.

С Желтой Карточкой или без, я радовался, что вернулся.

2

Остаток дня я провел в своем номере, в который раз перечитывая записи Эла об Освальде, теперь уделив особое внимание двум страницам в конце, под заголовком «ВЫВОДЫ: КАК ПОСТУПАТЬ». Попытка смотреть телевизор с одним каналом — занятие глупое, а потому с наступлением сумерек я пошел в автокинотеатр и заплатил тридцать центов — специальную цену для пешеходов. Перед буфетом стояли складные стулья. Я купил пакет поп-корна, вкусный прохладительный напиток с запахом корицы под названием «Пепсол» и посмотрел «Долгое жаркое лето». Рядом со мной сидели еще несколько пешеходов, главным образом пожилые люди, которые знали друг друга и по-свойски общались. Когда началось «Головокружение», заметно похолодало, а пиджака я с собой не прихватил. Поэтому пешком вернулся в гостиницу для автомобилистов и крепко уснул.

Наутро поехал в Лисбон-Фоллс на автобусе (никаких такси — я ввел для себя режим экономии, во всяком случае, на некоторое время), и первой моей остановкой в городе стал «Веселый белый слон». Прибыл я рано, воздух еще не прогрелся, так что битник скрывался в магазине. Он сидел на скрипучем диване и читал «Аргоси».

— Привет, сосед, — поздоровался он.

— И вам привет. Как я понимаю, вы продаете чемоданы.

— Да, но их у меня не много. Не больше двух-трех сотен. Идите к дальней стене...

— И посмотрите направо.

— Совершенно верно. Бывали здесь раньше?

— Мы все бывали *здесь* раньше, — ответил я. — Это посильнее профессионального футбола будет.

Он рассмеялся.

— Круто, Джексон. Идите и выберите себе победителя.

Я выбрал все тот же кожаный чемодан. Потом перешел улицу и вновь купил «санлайнер». На этот раз торговался жестче и заполучил его за три сотни. После того как мы пришли к взаимопониманию, Билл Тит отправил меня к своей дочери.

— Судя по выговору, вы не местный, — отметила она.

— Я из Висконсина, но достаточно давно живу в Мэне. Дела.

— Как я понимаю, вчера вас в городе не было? — Получив мое подтверждение, она выдула пузырь из жвачки, а потом продолжила: — Вы пропустили много интересного. Около сушильного сарая на фабрике нашли мертвым старика пьяницу. — Она понизила голос. — Самоубийство. Он перерезал себе горло осколком стекла. Можете вы себе *такое* представить?

— Это ужасно. — Я сунул купчую на «санлайнер» в бумажник, подбросил на ладони ключи. — Из местных?

— Нет, и никакого удостоверения личности. Он, вероятно, приехал в округ на товарняке, так говорит мой отец. Может, на сбор яблок в Касл-Роке. Мистер Кейди — он продавец в зеленом доме — сказал моему отцу, что этот парень приходил вчера утром и пытался купить пинту, но был такой пьяный и вонючий, что мистер Кейди вышвырнул его вон. Так он пошел на фабричный двор, допил то, что оставалось, а когда бутылка опустела, разбил ее и перерезал себе горло одним из осколков. — И повторила: — Можете вы себе такое представить?

Я не пошел в парикмахерскую, не пошел и в банк, но опять заглянул в «Магазин мужской одежды Мейсона».

— Вам, должно быть, нравится этот оттенок синего, — отметил продавец, добавляя рубашку к моим покупкам. — Ваша точно такого же цвета.

Если на то пошло, на мне была та самая рубашка, которую я собирался купить, но я ему этого не сказал. Мы оба только запутались бы.

3

Во второй половине дня я уже ехал по автостраде «Миля-в-минуту». На этот раз избавился от необходимости покупать шляпу в Дерри, потому что не упустил возможности приобрести красивую соломенную модель в «Мейсоне». Я зарегистрировался в «Таунхаусе», пообедал, потом прошел в бар и заказал пиво у Фреда Туми. В этот вечер не предпринимая попытки втянуть его в разговор.

На следующий день арендовал квартиру на Харрис-авеню, и шум садящихся самолетов не только не мешал мне заснуть, но убаюкивал. Днем позже я заглянул в «Спортивные товары Мейкена» и сказал продавцу, что заинтересован в покупке пистолета или револьвера, поскольку занимаюсь торговлей недвижимостью и все такое, а потому иногда перевожу крупные суммы денег. На прилавке среди прочего появился мой револьвер «кольт полис спешл» тридцать восьмого калибра. Продавец во второй раз отметил, что это «отличное средство самозащиты». Я купил револьвер и сунул в портфель. Подумал, а не пройтись ли по Канзас-стрит к маленькой площадке для пикника, чтобы понаблюдать, как отрабатывают движения своего танца Ричи-Дичь и Беввви-На-Ели. Осознал, что скучал по ним. Отругал себя за то, что не просмотрел ноябрьские номера «Дейли ньюс» во время короткого пребывания в 2011-м: мог бы узнать, выиграли они конкурс талантов или нет.

У меня вошло в привычку ранним вечером заходить в «Фонарщика», чтобы выпить стакан пива до того, как бар начинал заполняться. Иногда я заказывал «Жареные ломтики лобстера». Ни разу не увидел там Фрэнка Даннинга, да и не хотел его видеть. В «Фонарщик» я заглядывал по другой причине. Если все пройдет хорошо, в скором времени я собирался отправиться в Техас, а до этого мне бы не помешало увеличить личное состояние. Я подружился с Джеффом, барменом, и однажды в конце сентября он затронул тему, на которую я и сам хотел с ним поговорить.

— Что думаешь о Сериях, Джордж?

— «Янкиз», разумеется.

— И это говоришь ты? Человек из *Висконсина*?

— Гордость за родной штат не имеет к этому никакого отношения. В этом году «Янкиз» — команда-мечта.

— Чушь. Питчеры у них старые. Защита дырявая. У Мантла травма плеча. Династия «Бронксских бомберов»* закончилась. «Милуоки» вынесет их в четыре игры.

Я рассмеялся.

— Ты привел несколько хороших аргументов, Джефф, я вижу, ты в игре разбираешься, но признай: ты ненавидишь «Янкиз», как и все остальные в Новой Англии, а потому не можешь объективно оценить ситуацию.

— Хочешь ответить деньгами за свои слова?

— Конечно. Пятеркой. У меня принцип: не брать больше пятерки с тех, кто гнет спину за жалованье. Спорим?

— Спорим. — И мы скрепили наше пари рукопожатием.

— Ладно, — продолжил я, — раз уж вопрос решен и разговор идет о бейсболе и ставках, двух любимых занятиях американцев, не мог бы ты посоветовать, есть ли в городе место, где к этому относятся серьезно. Я хочу сделать крупную ставку. — Два последних слова я произнес с мэнским выговором: *ку-у-упную ста-а-авку*. — Принеси мне еще стакан и налей себе.

Он смеялся, наливая два стакана «Наррагансетта» (я уже знал, что это пиво прозвали «Харкни Гансетт»). Если живешь в Риме, говори как римлянин.

Мы чокнулись, и Джефф спросил, что я подразумеваю под крупной ставкой. Я вроде бы задумался, потом ответил.

— Пятьсот зеленых? — изумился он. — На «Янкиз»? Когда у «Храбрецов»** Спэн и Бердетт? Не говоря уже о Хэнке Аароне и Крепыше Эдди Мэттью? Ты чокнутый.

— Может, да, может, и нет. Наступит первое октября, тогда и увидим. Есть ли в Дерри человек, способный принять такую ставку?

Знал ли я, какой получу ответ? Нет. Не настолько я проницательный. Был ли я удивлен? Опять нет. Потому что прошлое не просто упрямо. Оно находится в гармонии с собой и будущим. Я снова и снова ощущал на себе эту гармонию.

— Чез Фрати. Ты, возможно, видел его здесь. Ему принадлежит куча ломбардов. Не могу назвать его букмекером в прямом смысле этого слова, но работы ему хватает как во время Мировых серий, так и в школьные сезоны.

---

* Прозвище «Нью-Йорк Янкиз».

** «Милуоки Брейвс» («Милуокские храбрецы») — профессиональная бейсбольная команда, вошедшая в Главную бейсбольную лигу в 1953 г.

— И ты думаешь, он примет мою ставку?

— Конечно. Учитывая шансы и все такое. Только... — Он огляделся, убедился, что у стойки мы одни, но все равно понизил голос до шепота: — Только не пытайся его надуть, Джордж. Он знает людей. *Серьезных* людей.

— Я тебя слышу, — кивнул я. — Спасибо за наводку. Знаешь, я сделаю тебе одолжение и не буду требовать с тебя пятерку, когда «Янкиз» выиграют Серии.

4

На следующий день я вошел в «Русалочьи залоги и ссуды» Чеза Фрати, где меня встретила дородная, весом под триста фунтов, каменнолицая женщина в пурпурном платье, индейских бусах и мокасинах на распухших ногах. Я сказал ей, что хотел бы обсудить с мистером Фрати достаточно крупное деловое предложение, связанное со спортом.

— Если по-простому, хотите сделать ставку? — спросила она.

— Вы коп? — полюбопытствовал я.

— Да. — Она достала из кармана «Типарильо» и прикурила от «Зиппо». — Я Джей Эдгар Гувер, сынок.

— Что ж, мистер Гувер, вы меня раскусили. Я говорю о ставке.

— Мировые серии или футбол «Тигров»?

— Я не местный. Поэтому не отличу деррийского тигра от бангорского бабуина. Бейсбол.

Женщина сунула голову в занавешенный портьерой дверной проем в глубине комнаты, представив мне на обозрение один из самых больших задов центрального Мэна, и проорала:

— Эй, Чеззи, иди сюда. К тебе человек.

Фрати вышел из-за портьеры и поцеловал толстуху в щеку.

— Спасибо тебе, любовь моя. — Его закатанные рукава обнажали русалку. — Могу я вам чем-то помочь?

— Надеюсь, что да. Меня зовут Джордж Амберсон. — Я протянул руку. — Я из Висконсина, и хотя мое сердце принадлежит землякам, когда речь заходит о Сериях, мой кошелек принадлежит «Янкиз».

Он повернулся к полке за спиной, но толстуха уже достала то, что ему требовалось: потертый зеленый гроссбух с надписью «ЛИЧНЫЕ ССУДЫ» на обложке. Чез открыл гроссбух и проли-

стал до чистой страницы, периодически смачивая слюной подушечку пальца.

— Так о какой сумме речь, браток?

— Какой коэффициент вы можете предложить в случае выигрыша, если я поставлю пятьсот долларов?

Толстуха засмеялась и выдохнула дым.

— На «Бомберов»? Справедливый, браток. Совершенно справедливый.

— И какой коэффициент вы предложите при ставке пятьсот долларов, если «Янкиз» победят по результатам семи игр?

Он задумался, потом повернулся к толстухе. Та весело покачала головой:

— Не пойдет. Если не верите мне, отправьте телеграмму и сверьтесь с Нью-Йорком.

Я вздохнул и забарабанил пальцами по стеклянному прилавку с часами и кольцами.

— Ладно, тогда такой вариант: пятьсот долларов — и «Янкиз» побеждают, проигрывая один — три после четырех игр.

Чез рассмеялся.

— Есть у вас чувство юмора, браток. Позвольте проконсультироваться с боссом.

Он пошептался с толстухой (рядом с ней Фрати выглядел толкиенским гномом), потом вернулся к прилавку.

— Если я правильно вас понял — а я на это надеюсь, — то приму вашу ставку с коэффициентом четыре к одному. Но если «Янкиз» не будут проигрывать три — один, вы свои деньги потеряете, как бы ни закончились Серии. Я хочу, чтобы мы оба четко представляли это условие.

— Разумеется, — кивнул я. — И... не в обиду будет сказано вам или вашей подруге...

— Мы женаты, — прервала меня толстуха, — поэтому не называйте нас друзьями. — И она вновь рассмеялась.

— Не в обиду будет сказано вам или вашей супруге, но четыре к одному — не вариант. *Восемь* к одному, пожалуй... Так будет справедливо для обеих сторон.

— Я согласен на пять к одному, но и только, — ответил Фрати. — Для меня это всего лишь побочное занятие. Если вам нужен Вегас, поезжайте в Вегас.

— Семь, — предложил я. — Давайте, мистер Фрати, поддержите меня с этой ставкой.

Он и толстуха вновь посовещались. Он вернулся к прилавку и предложил шесть к одному, на что я согласился. Для такого безумия коэффициент все равно был маловат, однако мне не хотелось слишком уж сильно обдирать Фрати. Да, конечно, он заложил меня Биллу Теркотту, но по очень веской причине.

А кроме того, это произошло в другой жизни.

5

В те далекие времена в бейсбол играли, как в него и положено играть: под ярким послеполуденным солнцем начала осени, когда еще чувствовалось дыхание лета. Люди собирались перед магазином «Бытовая техника Бентона» в Нижнем городе, чтобы смотреть игру на трех телевизорах «Зенит» с диагональю экрана двадцать один дюйм. Телевизоры стояли в витрине на специальных подставках. Над ними тянулся транспарант: «ЗАЧЕМ СМОТРЕТЬ НА УЛИЦЕ, ЕСЛИ МОЖНО СМОТРЕТЬ ДОМА? *ЛЬГОТНЫЕ УСЛОВИЯ КРЕДИТА!*»

Да-да. Льготные условия кредита. Это больше напоминало Америку, в которой я вырос.

Первого октября «Милуоки» стараниями Уоррена Спэма победили «Янкиз» с перевесом в одно очко. Второго октября «Милуоки» просто вынесли «Бомберов»: тринадцать — пять. Четвертого октября, когда Серии перебрались в Бронкс на три следующие игры, Дон Ларсен обеспечил «Янкиз» победу четыре — ноль, с помощью Райана Дюрена, который понятия не имел, куда полетит мяч после того, как покинет его руку, и этим до смерти пугал бэттеров, выходивших на прием подачи. Другими словами, идеальный питчер для завершающей части игры.

Начало матча я слушал по радио в своей квартире, а последние два иннинга смотрел в толпе, собравшейся перед магазином Бентона. По окончании игры зашел в аптечный магазин и купил каопектат (возможно, ту самую огромную бутыль экономичной расфасовки, что и в прошлый приезд). Мистер Кин вновь спросил меня, не подхватил ли я желудочный грипп. Когда я ответил, что прекрасно себя чувствую, на лице старого ублюдка отразилось разочарование. Я *действительно* чувствовал себя прекрасно и не думал, что прошлое атакует меня быстрыми подачами Райана Дюрена, но посчитал необходимым подготовиться.

Направляясь к двери, я заметил небольшой стенд с табличкой над ним: «ВОЗЬМИ С СОБОЙ ЧАСТИЦУ МЭНА!» На стенде лежали открытки, надувные маленькие лобстеры, приятно пахнущие мешочки с сосновыми иголками, пластмассовые статуэтки Пола Баньяна и небольшие декоративные подушки с изображением водонапорной башни Дерри — высоченного цилиндра, из которого в водопровод города поступала питьевая вода. Я купил одну.

— Для моего племянника в Оклахоме, — объяснил я мистеру Кину.

«Янкиз» давно уже выиграли третью игру Мировых серий, когда я свернул на автозаправочную станцию «Тексако» на продолжении Харрис-авеню. Перед колонками стоял щит с надписью: «МЕХАНИК РАБОТАЕТ СЕМЬ ДНЕЙ В НЕДЕЛЮ. ДОВЕРЬТЕ ВАШ АВТОМОБИЛЬ ЧЕЛОВЕКУ СО ЗВЕЗДОЙ НА КОМБИНЕЗОНЕ».

Пока заправщик заливал в бак бензин и мыл ветровое стекло «санлайнера», я прогулялся до мастерской, нашел механика — его звали Рэнди Бейкер — и предложил ему сделку. Бейкер, понятное дело, удивился, но отказываться от моего предложения не стал. Двадцатка перешла из рук в руки. Он дал мне номера телефонов, автозаправочной станции и домашний. Я уехал с полным баком, чистым ветровым стеклом и спокойной душой. Точнее... *относительно* спокойной. Невозможно застраховаться от всех чрезвычайных ситуаций.

Из-за приготовлений, которые заняли следующий день, в «Фонарщик» я попал позже обычного, но точно знал, что Фрэнка Даннинга там не встречу. В этот день он повез детей на футбол в Ороно, а на обратном пути они собирались заехать в «Девяносто пять»: поесть жареных моллюсков и запить их молочными коктейлями.

Чез Фрати сидел у стойки, пил ржаной виски с содовой.

— Молите Бога, чтобы «Храбрецы» выиграли завтра, а не то плакали ваши денежки.

Я точно знал, что они выиграют, однако меня занимали более серьезные проблемы. Я собирался пробыть в Дерри достаточно долго, чтобы получить у мистера Фрати мои три тысячи, но с делом, которое привело меня сюда, намеревался покончить на следующий день. Если бы все пошло, как я рассчитывал, мне бы удалось поставить точку еще до того, как «Милуоки» сделают одну круговую пробежку в шестом иннинге, которой им вполне хватит для победы.

— Что ж, — ответил я, заказывая пиво и тарелку с «Жареными ломтиками лобстера», — нам остается только ждать, а там уж увидим, как все обернется.

— Это точно, браток. В этом прелесть ставки. Не будете возражать, если я задам вам вопрос?

— Нет. При условии, что вы не обидитесь, если я на него не отвечу.

— Это мне в вас и нравится, браток. Чувство юмора. Наверное, висконсинцы все такие. Мне любопытно, почему вы оказались в нашем славном городе?

— Торговля недвижимостью. Я же вам говорил.

Он наклонился ко мне. Я уловил запах «Виталиса» от прилизанных волос и «Сен-сена» изо рта.

— Если я скажу: «Возможно, участок, под строительство торгового центра», — вы крикнете: «Бинго»?

Мы еще какое-то время поговорили, но вы уже знаете о чем.

6

Я говорил, что держался подальше от «Фонарщика» в те часы, когда там мог оказаться Фрэнк Даннинг, потому что уже собрал всю необходимую мне информацию. Это, безусловно, правда, но *не вся*. Я хочу до конца все прояснить. Если этого не сделать, вы никогда не поймете, почему я так вел себя в Техасе.

Представьте себе, что вы входите в комнату и видите на столе многоэтажный, сложной конструкции карточный домик. От вас требуется его сломать. Если бы этим все и ограничивалось, задача не из сложных, правда? Удар ногой или мощный выдох вроде того, каким задувают свечки на торте в день рождения, и все дела. Но есть одно условие: карточный домик нужно сломать в определенный момент времени. До этого он должен стоять.

Я знал, чем собирается заняться Даннинг во второй половине воскресенья, 5 октября 1958 года, и стремился, чтобы мои действия никоим образом не повлияли на его планы, не изменили их ни на йоту. Как знать, вдруг, встретившись со мной взглядом в «Фонарщике», он решил бы посвятить воскресенье другим делам. Вы можете фыркнуть и упрекнуть меня в чрезмерной осторожности. Вы можете сказать, что такая мелочь не в состоянии

изменить ход событий. Но прошлое хрупко, как крыло бабочки. Или карточный домик.

Я вернулся в Дерри, чтобы разрушить карточный домик Фрэнка Даннинга, но до самого последнего момента мне приходилось его оберегать.

7

Я пожелал Чезу Фрати спокойной ночи и вернулся в свою квартиру. Бутылка каопектата уже стояла в аптечном шкафчике в ванной, а сувенирная подушка с вышитой золотой нитью водонапорной башней лежала на кухонном столике. Я достал нож из ящика для столовых приборов, осторожно, по диагонали, разрезал подушку и засунул в нее револьвер, глубоко, в набивку.

Я не знал, удастся ли мне заснуть, однако заснул, и крепко. *Делай все, что в твоих силах, а остальное предоставь Богу* — одно из множества изречений, которые Кристи приносила с собраний АА. Я не знаю, есть ли Бог — для Джейка Эппинга присяжные еще принимают решение, — но, ложась спать в тот вечер, я имел полное право честно и откровенно заявить: «Я сделал все, что в моих силах». Оставалось только надеяться, что содеянного мной хватит для получения необходимого результата.

8

На этот раз обошлось без желудочного гриппа. Однако на рассвете я проснулся с парализующей головной болью, какой не испытывал никогда в жизни. Должно быть, с мигренью. Точно сказать я не мог, потому что еще с ней не сталкивался. Даже от тусклого света в голове все гудело, а глаза слезились.

Я поднялся (боль только усилилась), надел дешевые солнцезащитные очки, которые купил, отправляясь с севера в Дерри, принял пять таблеток аспирина. Их хватило, чтобы одеться и влезть в пальто. Я понимал, что оно мне не помешает. Утро выдалось холодным и серым, с минуты на минуту мог пойти дождь. В определенном смысле такая погода играла мне на руку. Боюсь, при солнечном свете я бы не выжил.

Я решил не бриться, хотя на подбородке и щеках вылезла щетина. Если бы встал под яркий свет — удвоенной силы, спасибо зеркалу, — мои мозги расплавились бы. Я не мог представить, как пережить этот день, и не стал даже пытаться. *Шаг за шагом,* говорил я себе, медленно спускаясь по лестнице. Одной рукой я держался за перила, во второй нес сувенирную подушку, скорее всего напоминая при этом Кристофера Робина — переростка с плюшевым медвежонком. *Шаг за ша...*

Стойка перил с треском переломилась.

Меня бросило вперед, в голове загрохотало, руки взметнулись в воздух. Я выронил подушку (с револьвером внутри), царапнул рукой по стене. В последнее мгновение, прежде чем я покатился кубарем вниз ко всем вытекающим последствиям в виде сломанных костей, мои пальцы ухватились за старомодное бра, прикрученное к стене шурупами. Я вырвал их из штукатурки, но электрические провода оказались достаточно прочным, и я сумел удержаться на ногах.

Сел на ступеньку, уткнувшись раскалывающейся головой в колени. Боль пульсировала синхронно с громовыми ударами сердца. Слезящиеся глаза не умещались в глазницах. Я мог бы сказать, что мне хотелось уползти обратно в квартиру и на все плюнуть, но это ложь. Если по правде, мне хотелось умереть прямо там, на лестнице, и покончить с миром. Неужели есть люди, которые мучаются такой головной болью не единожды, а *часто*? Если так, да поможет им Бог.

Только одно могло заставить меня подняться, и я вынудил визжащий от боли мозг не только подумать об этом, но и увидеть: внезапно исчезающее лицо ползущего ко мне Тагги Даннинга. Его взлетающие в воздух волосы и мозги.

— Все хорошо, — пробормотал я. — Все хорошо, да, все хорошо.

Я поднял сувенирную подушку и, пошатываясь, добрался до нижней ступени. Вышел в сумрачный день, который казался мне невыносимо ярким, как полдень в Сахаре. Полез за ключами. Не нашел их. Зато нащупал здоровенную дыру в правом переднем кармане. Прошлым вечером никакой дыры не было. Я мог в этом поклясться. Маленькими шажками я развернулся. Ключи лежали на крыльце среди россыпи мелочи. Я наклонился, почувствовал, как свинцовый шар в голове покатился ко лбу. Поднял ключи и

направился к «санлайнеру». Когда повернул ключ зажигания, мой ранее надежный «форд» отказался заводиться. Щелкнул соленоид. И все.

Этого я в принципе ожидал. Не приготовился к другому: мне вновь предстояло подниматься наверх. Никогда в жизни я так страстно не мечтал о своем мобильнике. Будь он у меня, я смог бы позвонить, сидя за рулем, а потом, закрыв глаза, спокойно дожидаться прихода Рэнди Бейкера.

Но каким-то образом мне удалось подняться, мимо сломанных перил и выдернутого из стены бра, повисшего на проводах, будто голова на сломанной шее. Трубку в мастерской никто не снял — слишком рано, особенно для воскресенья, — поэтому я позвонил Рэнди Бейкеру домой.

Конечно, он умер, подумал я. *Ночью его сразил инфаркт. Его убило упрямое прошлое, взяв в сообщники Джейка Эппинга.*

Мой механик не умер. Ответил сонным голосом после второго гудка, а когда я сказал, что мой автомобиль не заводится, задал логичный вопрос: «Откуда вы знали об этом вчера?»

— У меня сильно развитая интуиция, — ответил я. — Приезжайте как можно быстрее, хорошо? Если сможете его завести, еще одна двадцатка будет вашей.

9

Бейкер подсоединил кабель, который ночью загадочным образом соскочил с клеммы аккумулятора (возможно, в тот самый момент, когда в кармане брюк появилась дыра), но двигатель «санлайнера» все равно не завелся. Механик проверил свечи и обнаружил, что две основательно проржавели. В его большом зеленом ящике для инструментов нашлись запасные, и когда он их поставил, мой кабриолет ожил.

— Это, конечно, не мое дело, но я думаю, что сейчас вам одна дорога — обратно в постель. Или к врачу. Вы бледны как призрак.

— Это всего лишь мигрень. Все будет хорошо. Давайте заглянем в багажник. Я хочу проверить запаску.

Проверили. Спущена.

Начал моросить дождь, когда я последовал за ним к заправочной станции «Тексако». Автомобили ехали с включенными фарами, и даже с солнцезащитными очками каждый прожигал в моем

мозгу две дыры. Бейкер открыл мастерскую и попытался накачать запаску. Напрасный труд. Воздух выходил из десятка дыр, крошечных, как поры человеческой кожи.

— Ух ты, — удивился он. — Никогда такого не видел. Думаю, бракованная камера.

— Замените на другую, — попросил я.

Вышел из мастерской, обошел ее, привалился к стене. Стук компрессора сводил с ума. Подняв голову, я подставил лицо дождю, наслаждаясь холодным туманом, облепляющим разгоряченную кожу. *Шаг за шагом,* повторил я себе. *Шаг за шагом.*

Когда я попытался заплатить Бейкеру за камеру, он покачал головой.

— Вы уже дали мне половину моего недельного заработка. Брать с вас еще — это свинство. Я только волнуюсь, как бы вы не съехали в кювет или с вами не случилось чего другого. Вам обязательно ехать?

— Больной родственник.

— Да вы и сами больны!

Этого я отрицать не мог.

10

Я выехал из города по шоссе 7, сбавляя ход у каждого перекрестка, чтобы посмотреть в обе стороны, независимо от приоритета проезда. Как выяснилось, только благодаря этому и остался цел и невредим, потому что на пересечении шоссе 7 и Старой деррийской дороги большой грузовик с гравием проскочил на красный свет. Не остановись я, хотя передо мной горел зеленый, мой «форд» превратился бы в лепешку, а я — в гамбургер внутри ее. Я посигналил, несмотря на дикую головную боль, но водитель грузовика и бровью не повел. Он напоминал зомби за рулем.

Мне никогда этого не сделать, подумал я. Но если я не сумею остановить Фрэнка Даннинга, куда мне замахиваться на Освальда? Не стоило и ехать в Техас.

Впрочем, не это заставляло меня продвигаться к поставленной цели. Я не отступался из-за Тагги. Не говоря уже о трех остальных детях. Если бы я не смог спасти их вновь, меня бы до конца жизни не отпустила мысль, что я стал соучастником их убийства, инициировав очередной сброс на ноль.

Я подъехал в автокинотеатру Дерри, свернул на подъездную дорогу, ведущую к еще закрытой кассе. Вдоль дороги росли ели. Я припарковался за ними, заглушил двигатель. Попытался выйти из кабины. Не смог. Дверь не открывалась. Я пару раз толкнул ее плечом, но она все равно не открылась, и тут я заметил, что кнопка блокировки дверного замка нажата, хотя до эры автоблокировки оставалось еще много лет, а сам я к кнопке не прикасался. Потянул ее вверх. Она не желала подниматься. И как я ни старался, ничего не вышло. Я опустил стекло, высунулся, вставил ключ в замочную скважину под хромированной дверной ручкой, повернул. На этот раз кнопка поднялась. Я вылез, потом вновь сунулся в кабину за сувенирной подушкой.

Сопротивление возрастает пропорционально масштабу изменения будущего, которое может вызвать то или иное вмешательство, говорил я Элу хорошо поставленным лекторским голосом — и был прав. Только я понятия не имел, какую цену приходится платить тому, кто вмешивается в ход времени. Теперь узнал.

Я медленно шел по шоссе 7, подняв воротник, чтобы защитить шею от дождя, надвинув шляпу на уши. Когда проезжали автомобили, а такое случалось не часто, уходил под деревья, растущие с моей стороны шоссе. Думаю, пару раз коснулся головы руками, чтобы убедиться, что ее не раздуло. По *внутренним ощущениям* она точно увеличилась в размерах.

Наконец деревья отступили от шоссе. Их сменила глухая стена. За стеной на засеянных травой и аккуратно выкошенных склонах пологих холмов поднимались памятники и надгробные камни. Я добрался до кладбища Лонгвью. Перевалил гребень холма и увидел цветочный киоск на другой стороне дороги. Закрытый и темный. Обычно по уик-эндам многие приходили на могилы близких, но в такую погоду число посетителей кладбища, конечно же, сокращалось, и старушка, которой принадлежал киоск, решила, что утром можно и поспать лишний часок-другой. Но я знал, что киоск еще откроется. Видел собственными глазами.

Я забрался на стену, ожидая, что она рухнет подо мной, но этого не случилось. А когда оказался на территории кладбища, произошло удивительное: головная боль начала стихать. Я сел на надгробие под раскидистым вязом, закрыл глаза и прикинул уровень боли. Вызывающая крик десятибалльная боль ослабла до восьми баллов.

— Думаю, я прорвался, Эл, — сказал я. — Пожалуй, теперь я на другой стороне.

Тем не менее двигался я крайне осторожно, в ожидании новых подвохов: падающих деревьев, грабителей могил, может, пылающего метеорита. Ни с чем таким не столкнулся. Когда подошел к стоящим бок о бок надгробиям с надписями «АЛТЕЯ ПИРС ДАННИНГ» и «ДЖЕЙМС АЛЛЕН ДАННИНГ», головная боль тянула только на пять баллов.

Я огляделся и увидел мавзолей со знакомой фамилией, выбитой в розовом граните: «ТРЕКЕР». Попытался открыть железную калитку. В 2011 году ее бы непременно заперли, а в 1958-м она легко распахнулась, хотя, как и в любом фильме ужасов, со скрежетом ржавых петель.

Я вошел, раскидывая ногами жухлые прошлогодние листья. Середину мавзолея занимала каменная скамья. По обеим сторонам стояли каменные саркофаги с усопшими Трекерами. Самый старый датировался 1831 годом. В нем, согласно медной табличке, покоились кости месье Жана-Поля Треше.

Я закрыл глаза.

Лег на скамью и задремал.

Уснул.

Проснулся перед самым полуднем. Подошел к калитке мавзолея Трекеров, поджидая Даннинга... точно так же, как пятью годами позже Освальд будет ждать кортеж Кеннеди в снайперском гнезде, устроенном на шестом этаже Хранилища школьных учебников.

Головная боль полностью прошла.

11

«Понтиак» Даннинга появился на кладбище примерно в то время, когда удар Реда Шондиенста вылился в круговую пробежку и принес победу «Милуокским храбрецам». Даннинг припарковался неподалеку от могил родителей, вылез из автомобиля, поднял воротник, наклонился, чтобы достать корзинки с цветами. С корзинкой в каждой руке направился вниз по склону.

Теперь, когда пришло время действовать, я полностью пришел в норму. Прорвался через барьер, который пытался меня сдержать. Сувенирную подушку я держал под пальто. Руку сунул

в разрез. Влажная трава заглушала мои шаги. Небо затянули плотные облака, так что тени я не отбрасывал. Даннинг не знал, что я сзади, пока я не позвал его по имени. Тогда он обернулся.

— Когда я навещаю родителей, компания мне не нужна, — прорычал он. — Да и кто ты такой, черт бы тебя побрал? И это что? — Он смотрел на подушку, которую я вытащил из-под пальто. Моя рука скрывалась в ней, как в боксерской перчатке.

Я решил ответить только на первый вопрос.

— Меня зовут Джейк Эппинг. Я пришел, чтобы задать вам вопрос.

— Так задай и оставь меня в покое. — Капли дождя падали с полей его шляпы. С полей моей — тоже.

— Что самое главное в жизни, Даннинг?

— *Что?*

— Я хочу сказать, для человека.

— Ты что, чокнутый? И зачем тебе эта подушка?

— Доставь мне удовольствие. Ответь на вопрос.

Он пожал плечами.

— Полагаю, его семья.

— И я так думаю, — согласился я с ним и дважды нажал спусковой крючок. После первого выстрела раздался глухой хлопок, словно по ковру ударили выбивалкой для пыли. Второй прозвучал чуть громче. Я подумал, что подушка вспыхнет — видел такое в «Крестном отце-2», — но она лишь чуть обуглилась. Даннинг повалился, раздавил корзинку цветов, поставленную им на могилу отца. Я опустился на колено — штанина тут же набухла от воды, — приставил вышитую сторону подушки к виску Даннинга и выстрелил еще раз. На всякий случай.

12

Я оттащил Даннинга в мавзолей Трекеров и бросил обугленную подушку ему на лицо. Когда уходил, пара автомобилей медленно ползла по кладбищу, несколько человек стояли под зонтами у могил, но никто не обратил на меня ни малейшего внимания. Я неторопливо продвигался к каменной стене, время от времени останавливался, чтобы посмотреть на надгробие или памятник. Перемахнул через стену и под прикрытием растущих у дороги деревьев трусцой побежал к «форду». Если слышал шум

приближающегося автомобиля, уходил глубже в лес. В одно из таких отступлений спрятал револьвер, зарыв его в землю и накидав сверху опавшей листвы. «Санлайнер» ждал в целости и сохранности там, где я его и оставил. На этот раз двигатель завелся с полоборота. Я поехал домой, дослушал по радио окончание бейсбольного матча. Думаю, немного поплакал. От облегчения, а не от угрызений совести. Что бы теперь ни случилось со мной, Даннингов я уберег.

В ту ночь я спал как младенец.

13

В понедельник «Дерри дейли ньюс» выделила немало места под материалы о Сериях и поместила отличную фотографию Шондиенста, прибегающего в «дом» после ошибки Тони Кубека. Из колонки Рыжего Барбера* следовало, что с «Бронкскими бомберами» покончено. «Можете насаживать их на вилку, — писал он. — "Янкиз" умерли, да здравствуют "Янкиз"».

В первый день рабочей недели о Фрэнке Даннинге не упомянули, зато во вторник его фотография попала на первую полосу: он улыбался той самой улыбкой, которая так очаровывала женщин. И глаза весело поблескивали, совсем как у Джорджа Клуни.

БИЗНЕСМЕН НАЙДЕН УБИТЫМ НА МЕСТНОМ КЛАДБИЩЕ

Даннинг участвовал во многих благотворительных проектах

По словам начальника полиции Дерри, детективы рассматривают различные версии случившегося, и арест преступника ожидается в самое ближайшее время. Дорис Даннинг, с которой связались по телефону, заявила, что она «потрясена и безутешна». О том, что она и убитый жили отдельно, не упоминалось. Многочисленные друзья и работники «Супермаркета на Центральной» также пребывали в шоке. Все сходились в том, что Фрэнк Даннинг был абсолютно замечательным человеком, и никто даже представить себе не мог, у кого возникло желание застрелить его.

Особенно разъярился Тони Трекер (вероятно, потому, что труп нашли в его семейном могильнике). «Ради этого можно

* Американский комментатор и обозреватель, прославившийся репортажами с матчей Главной бейсбольной лиги (1934—1966).

вернуть смертную казнь», — поделился он своим видением ситуации с репортером.

В среду, восьмого октября, «Янкиз» сравняли счет в Сериях, когда с трудом, с перевесом в одно очко, вырвали победу у «Храбрецов» на Окружном стадионе. В четверг, при счете два — два, в восьмом иннинге «Янкиз» резко рванули вперед, выиграв подряд четыре очка, и одержали окончательную победу. В пятницу я заглянул в «Русалочьи залоги и ссуды», ожидая встретить миссис Брюзгу и мистера Уныние. Дородная дама оправдала мои ожидания: увидев меня, поджала губы и крикнула: «Чеззи! Пришел мистер Денежный Мешок!» — после чего удалилась за портьеру и из моей жизни.

Фрати появился с все той же бурундучьей улыбкой, которую я увидел на его лице при нашей первой встрече в «Фонарщике» в мой первый визит в Дерри давно ушедших ярких дней. В одной руке он держал плотно набитый конверт с надписью «Д. АМБЕРСОН».

— А вот и вы. Явился не запылился, и такой красавчик. Вот ваша добыча. Не стесняйтесь, пересчитывайте.

— Я вам верю, — ответил я, засовывая конверт в карман. — Вы больно веселы для человека, только что лишившегося трех штук.

— Не могу отрицать, вы уменьшили мою прибыль от бейсбольного сезона, — ответил он. — *Сильно* уменьшили, хотя несколько баксов я все-таки заработал. Я всегда зарабатываю. Но в игре я в общем и целом лишь потому, что — как там это называется — оказываю услугу обществу. Люди всегда делают ставки, а я всегда выдаю им выигрыш, если таковой полагается. А кроме того, мне нравится принимать ставки. Для меня это в некотором роде хобби. И знаете, что мне нравится больше всего?

— Нет.

— Когда приходит такой, как вы, ставит на то, чего по-хорошему быть не может, и выигрывает. Благодаря этому я и дальше могу верить, что во Вселенной есть место случайности.

Я задался вопросом, что бы он сказал о случайности, если бы увидел шпаргалку Эла.

— Точка зрения вашей жены, похоже, не столь... э... примиренческая.

Он рассмеялся, и его маленькие черные глаза сверкнули. Выигрыш, проигрыш или ничья — этот коротышка с русалкой на предплечье все равно наслаждался жизнью. Меня это восхищало.

— Ох, Марджори. Когда какой-нибудь печальный неудачник приходит сюда с обручальным кольцом жены и трогательной историей, она тает как воск. Но ставки на спортивные игры — совсем другая история. Проигрыш она воспринимает как личную обиду.

— Вы ее очень любите, мистер Фрати, да?

— Как луну и звезды, браток. Как луну и звезды.

Марджори читала сегодняшнюю газету и оставила ее на стеклянном прилавке с часами и кольцами. Заголовок гласил: «ОХОТА ЗА ТАИНСТВЕННЫМ УБИЙЦЕЙ ПРОДОЛЖАЕТСЯ. ФРЭНКА ДАННИНГА ПРОВОДИЛИ В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ».

— И что все *это* значит? — спросил я.

— Не знаю, но могу вам кое-что сказать. — Он наклонился вперед, и улыбка слетела с его лица. — Он не был тем святым, в которого его превращает местная газетенка. Я мог бы вам кое-что рассказать, браток.

— Так рассказывайте. У меня целый день.

Улыбка вернулась.

— Нет. В Дерри мы держим наши истории при себе.

— Это я уже заметил.

14

Я хотел вернуться на Коссат-стрит. Знал, что копы наблюдают за домом, чтобы посмотреть, а вдруг кто-то проявит необычный интерес к семье, но желание все равно не отпускало. И хотел я увидеть не Гарри, а его маленькую сестру, чтобы кое-что ей сказать.

Что на Хэллоуин она должна отправиться на охоту за сладостями, как бы ни горевала о своем папочке.

Что она будет самой красивой, самой волшебной индейской принцессой, какую только видели люди, и вернется с огромной добычей.

Что впереди у нее — как минимум пятьдесят три долгих, заполненных разнообразными делами года, а возможно, много больше.

Но прежде всего, что когда ее брат Гарри захочет стать солдатом и надеть форму, она должна очень, очень, очень постараться и отговорить его от этого.

Только дети забывают. Это известно всем учителям.

И они думают, что будут жить вечно.

15

Пришла пора покинуть Дерри, однако у меня оставалось еще одно маленькое дельце, которое следовало завершить. Поэтому я задержался до понедельника. Тринадцатого октября, во второй половине дня, положил чемодан в багажник «санлайнера» и, сев за руль, сочинил короткое письмо. Сунул в конверт, запечатал и написал на лицевой стороне имя получателя.

Поехал в Нижний город, припарковался, направился в «Сонный серебряный доллар». В зале нашел только Пита, бармена, как, собственно, и ожидал. Он мыл стаканы и смотрел по телику «Любовь к жизни». С неохотой повернулся ко мне, одним глазом поглядывая на Джона и Маршу, или как там их звали.

— Что вам налить?

— Ничего, но вы можете оказать мне услугу, за которую я выплачу вам компенсацию в размере пяти американских долларов.

Его лицо осталось бесстрастным.

— Правда? И что это за услуга?

Я положил на стойку конверт.

— Передайте его, когда получатель заглянет к вам.

Он глянул на фамилию на лицевой стороне.

— А чего вы хотите от Билла Теркотта? И почему бы вам самому не передать ему этот конверт?

— Это достаточно простое поручение, Пит. Нужна вам пятерка или нет?

— Конечно, нужна. Если не будет вреда. Билли очень хороший человек.

— Вреда ему не будет никакого. Возможно, это письмо принесет пользу.

Я положил пятерку на конверт. Стараниями Пита она исчезла, и он вновь вернулся к «мыльной опере». Я ушел. Теркотт скорее всего получил конверт. Предпринял он какие-то меры или нет, это другой вопрос, один из многих, ответа на которые мне не узнать. А написал я следующее:

Дорогой Билл!

С Вашим сердцем какие-то нелады. Вы в самом скором времени должны обратиться к врачу, или будет поздно. Возможно, Вы подумаете, что это шутка, но это не так. Вам может по-

казаться, что я не могу такого знать, но я знаю. Знаю точно так же, как Вы знаете, что Фрэнк Даннинг убил Вашу сестру Клару и Вашего племянника Майки. ПОЖАЛУЙСТА, ПОВЕРЬТЕ МНЕ И ОБРАТИТЕСЬ К ВРАЧУ!

Друг.

16

Я сел в «санлайнер» и, выезжая из расположенной под углом к тротуару парковочной клетки, увидел худое недоверчивое лицо мистера Кина, уставившегося на меня через витрину аптечного магазина. Я опустил стекло, выставил руку и показал ему палец. Потом взобрался на Подъем-в-милю и в последний раз уехал из Дерри.

Глава 11

Я ехал на юг по автостраде «Миля-в-минуту» и пытался убедить себя, что мне нет нужды тревожиться о Каролин Пулин. Говорил себе, что она — объект эксперимента Эла Темплтона, не моего, а эксперименты Эла, как и его жизнь, закончились. Напоминал себе, что случай Пулин разительно отличается от случая Дорис, Троя, Тагги и Эллен. Да, Каролин до конца жизни останется с парализованными ногами, да, это ужасно. Но паралич от пули — это одно, а смерть от ударов кувалды — совсем другое. Каролин Пулин все равно ждала долгая и полнокровная жизнь, как в инвалидном кресле, так и без него. Я говорил себе, что это безумие — ставить под удар мою главную миссию, позволяя упрямому прошлому дотянуться до меня, схватить, перемолоть.

Бесполезно.

Первую ночь я собирался провести в Бостоне, но вновь и вновь видел Даннинга на отцовской могиле и раздавленную корзинку цветов. Он заслуживал смерти — черт, его требовалось убить, — однако пятого октября он еще не причинил никакого урона своей семье. Во всяком случае, второй семье. Я мог сказать себе (и говорил!), что первой он урон причинил и к тринадцатому октября был уже дважды убийцей, причем одной из его жертв

стал маленький мальчик, — но подтверждением тому являлись лишь слова Билла Теркотта.

В итоге мне захотелось уравновесить причиненное мной зло, пусть обойтись без него не представлялось возможным, каким-то добрым деянием. И вместо того чтобы ехать в Бостон, я свернул с автострады в Оберне и покатил в озерную часть Мэна. Прибыл в пансионат, где останавливался Эл, уже в сумерках. Снял самый большой из четырех домиков с видом на озеро по смехотворным межсезонным расценкам.

Эти пять недель, возможно, стали лучшими в моей жизни. Я никого не видел, кроме пожилой пары, которая хозяйничала в местном магазинчике, где я дважды в неделю покупал продукты, и мистера Уинчелла, владельца пансионата. Он заезжал по воскресеньям, чтобы убедиться, что я в полном здравии и всем доволен. Всякий раз, когда он задавал эти вопросы, я отвечал утвердительно и не лгал. Он дал мне ключ от ангара, где хранилось разное снаряжение, и каждое утро и вечер я брал каноэ, если видел, что вода спокойна. Помню, как в один из таких вечеров я наблюдал полную луну, бесшумно поднимавшуюся над деревьями, серебряную дорожку, которую она проложила на воде, и отражение моего каноэ подо мной, напоминавшее утонувшего близнеца. Где-то закричала гагара, ей ответила еще одна. Скоро к разговору присоединились другие. Я вытащил из воды весло и просто сидел в трехстах ярдах от берега, смотрел на луну и слушал общение гагар. Помнится, подумал: если небеса все-таки есть и они не такие, как здесь и сейчас, я не хочу туда отправляться.

Начали набирать силу осенние цвета: сначала скромно-желтые, потом оранжевые, наконец, слепящие огненно-красные, по мере того как осень прогоняла прочь еще одно мэнское лето. В магазине стояли картонные коробки, доверху наполненные книгами карманного формата без обложек*, и я прочел не меньше трех десятков: детективы Эда Макбейна, Джона Д. Макдональда, Честера Хаймса и Ричарда С. Пратера, слезливые мелодрамы «Пейтон-плейс» и «Надгробие Дэнни Фишеру», десятки вестернов, один научно-фантастический роман под названием

* Имеются в виду книги, не нашедшие покупателя и лишенные обложки для последующей утилизации. Обложка отправлялась издателю в доказательство того, что сама книга уничтожена в процессе вторичной переработки.

«Охотники на Линкольна», о том, как путешественники во времени пытались записать «забытую» речь Авраама Линкольна.

Если я не читал и не плавал на каноэ, то гулял по лесу. Обычно во второй, подернутой дымкой, половине теплых долгих осенних дней, когда туманно-золотистый свет просачивался сквозь листву. Вечера выдавались такими спокойными, что воздух, казалось, вибрировал от тишины. По шоссе 114 автомобили проезжали редко, а после десяти вечера — практически никогда. В это время часть мира, куда я приехал отдохнуть, принадлежала только гагарам и ветру в хвойных деревьях. Мало-помалу образ Фрэнка Даннинга, лежащего на могиле отца, начал таять, и я уже не столь часто вспоминал, как в мавзолее Трекера бросил еще дымящуюся сувенирную подушку на изумленные глаза убитого.

В конце октября, когда последние листья слетали с деревьев, а ночная температура опустилась до тридцати с небольшим градусов*, я начал ездить в Дарэм, обследовал территорию в окрестностях Боуи-Хилла, где через пару недель начиналась охота. Молельный дом квакеров, упомянутый Элом, послужил отличным ориентиром. Нашел я и сухое дерево, нависшее над дорогой, вероятно, то самое, которое пытался оттащить Эл, когда подъехал Эндрю Каллем в оранжевом охотничьем жилете. Я также нашел дом стрелка и проследил его вероятный маршрут до Боуи-Хилла.

Никаких особых планов я не строил. Собирался полностью повторить путь Эла. Приехать в Дарэм пораньше, остановиться у упавшего дерева, начать его оттаскивать, изобразить сердечный приступ. Но, определившись с местоположением дома Каллема, я свернул к стоявшему в полумиле «Магазину Брауни», чтобы выпить чего-нибудь холодного, и увидел в витрине плакат, который подсказал мне новую идею. Безумную, конечно, но интересную.

Крупная надпись на плакате гласила: «РЕЗУЛЬТАТЫ ТУРНИРА ОКРУГА АНДРОСКОГГИН ПО КРИББИДЖУ». Ниже приводился список из чуть ли не пятидесяти фамилий. Победивший житель Уэст-Минот набрал десять тысяч «колышков», что бы это ни значило. На счету занявшего второе место было девять тысяч пятьсот. А третье место, с восемью тысячами двадцатью двумя «колышками», занял — его имя обвели красным, что и привлекло мое внимание, — Энди Каллем.

* Около 0 °С.

Совпадения случаются, но я все больше склонялся к мысли, что они крайне редки. Что-то срабатывало, понимаете? Где-то во Вселенной (или за ее пределами) пощелкивала огромная машина, проворачивая свои легендарные шестерни.

На следующий день я подъехал к дому Каллемов около пяти часов вечера. Припарковался позади «форда»-универсала с панелями под дерево и пошел к двери.

На мой стук открыла миловидная женщина в фартуке с оборочками и малышкой на сгибе руки, и с первого взгляда я понял, что все делаю правильно. Потому что Каролин Пулин стала бы не единственной жертвой трагедии пятнадцатого ноября, пусть только она и оказалась бы в инвалидном кресле.

— Да?

— Меня зовут Джордж Амберсон, мэм. — Я приподнял шляпу. — Я хотел бы узнать, не представится ли мне возможность поговорить с вашим мужем?

Конечно же, такая возможность представилась. Он уже стоял позади жены, обнимая ее за плечи. Молодой парень, еще не достигший тридцати, смотрел на меня с вопросительной улыбкой. Малышка потянулась к его лицу, а когда он поцеловал ее пальчики, засмеялась. Каллем протянул мне руку, и я пожал ее.

— Чем я могу вам помочь, мистер Амберсон?

Я поднял доску для криббиджа.

— Судя по тому, что я увидел в «Магазине Брауни», вы отменный игрок. Поэтому у меня к вам предложение.

На лице миссис Каллем отразилась тревога.

— Мы с мужем методисты, мистер Амберсон. Эти турниры — забава. Он выиграл кубок, и я рада вытирать с него пыль, чтобы он красиво смотрелся на каминной доске, но если вы хотите играть в карты на деньги, то ошиблись адресом. — Она улыбнулась. Я видел, что улыбка далась ей не без усилий, но по-прежнему осталась доброжелательной. Мне она нравилась. Они оба мне нравились.

— Она права. — Голос Каллема звучал твердо, пусть в нем и слышалось сожаление. — Я играл по центу за колышек, когда валил лес, но это было до того, как я встретил Марни.

— Я не настолько обезумел, чтобы играть с вами на деньги, — ответил я, — потому что я вообще не умею играть. Но хочу научиться.

— В таком случае заходите, — предложил он. — Я с радостью вас научу. На это уйдет не больше пятнадцати минут, а обедать мы будем через час. Чего там, если вы умеете складывать до пятнадцати и считать до тридцати одного, то сможете играть в криббидж.

— Уверен, хороший игрок должен не только считать и складывать, иначе вы не стали бы третьим в первенстве Андроскоггина, — ответил я. — И мне бы хотелось узнать не только правила. Я хочу купить день вашего времени. Если точно, пятнадцатое ноября. Скажем, с десяти утра до четырех дня.

Теперь на лице жены появился испуг. Она прижала малышку к груди.

— За шесть часов вашего времени я заплачу вам двести долларов.

Каллем нахмурился.

— Что за игру вы ведете, мистер?

— Я надеюсь, что это криббидж. — Такого объяснения определенно не хватило. Я видел это по их лицам. — Послушайте, я не собираюсь дурить вам головы, утверждая, что за этим ничего не стоит, но если я попытаюсь объяснить, вы примете меня за сумасшедшего.

— Я уже так думаю, — подала голос Марни Каллем. — Пусть уходит, Энди.

— В этом нет ничего плохого, ничего противозаконного, ничего опасного, и это не афера, клянусь вам. — Но мне в голову уже закралась мысль, что ничего не выйдет, с клятвой или без. Идея оказалась с изъяном. И теперь Каллем отнесется ко мне очень настороженно, встретив пятнадцатого ноября неподалеку от Молельного дома квакеров.

Но я продолжал гнуть свое, чему научился в Дерри.

— Это всего лишь *криббидж*. Вы учите меня играть, мы играем несколько часов, я отдаю вам двести долларов, и мы все расстаемся друзьями. Что вы на это скажете?

— Откуда вы, мистер Амберсон?

— Приехал из Дерри, недавно. Занимаюсь коммерческой недвижимостью. Сейчас я в отпуске на Себаго, потом поеду на юг. Вам нужны имена? Рекомендации? — Я улыбнулся. — Люди, которые подтвердят, что я не псих?

— В сезон охоты он по субботам уходит в лес, — ответила миссис Каллем. — Это его единственный шанс, потому что он

работает всю неделю и до дома добирается практически в сумерках, когда уже не имеет смысла заряжать ружье.

На ее лице по-прежнему читалось недоверие, но я увидел и кое-что еще, вселявшее надежду. Когда ты молода, у тебя ребенок, а у мужа тяжелая физическая работа (об этом говорили его мозолистые, с потрескавшейся кожей руки), две сотни долларов — это много продуктов. Или, в 1958-м, два с половиной месячных взноса по закладной.

— Я могу пропустить один день в лесу, — вставил Каллем. — Да и дичь около города практически выбили. Только на Боуи-Хилле еще можно подстрелить этого чертова оленя.

— Следи за тем, что говоришь при ребенке, мистер Каллем, — резко бросила она, но улыбнулась, когда он поцеловал ее в щеку.

— Мистер Амберсон, мне надо поговорить с женой. — Каллем повернулся ко мне. — Ничего, что вам придется постоять на крыльце минуту или две?

— У меня есть вариант получше. Я поеду в «Брауни» и куплю шипучку. — Так большинство деррийцев называло любую газировку. — Вам привезти чего-нибудь прохладительного?

Они вежливо отказались, а потом Марни Каллем закрыла дверь перед моим носом. Я поехал в «Брауни» и купил «Орандж краш» себе и лакричного червяка для малышки, предположив, что ей понравится, если она такое уже ест. «Каллемы мне откажут, — думал я. — Вежливо, но твердо». Незнакомец, да еще с таким странным предложением. Я-то надеялся, что на этот раз изменить прошлое будет проще, раз Эл уже дважды его менял. Выходило, что это не тот случай.

Но меня ждал сюрприз. Каллем согласился, а его жена позволила мне дать лакричного червяка малышке, которая взяла угощение с радостным смехом, пососала и начала им причесываться. Они пригласили меня остаться на ужин, но я отказался. Предложил Энди Каллему задаток в пятьдесят долларов, от которого отказался *он*... но потом все-таки взял по настоянию жены.

Я вернулся на Себаго в превосходном настроении, однако утром пятнадцатого ноября, по пути в Дарэм (поля так заиндевели, что одетые в оранжевое охотники оставляли следы), оно изменилось. *Он позвонит в полицию штата или местному констеблю,* думал я. *И пока меня будут допрашивать в ближайшем поли-*

цейском участке, пытаясь выяснить, какая у меня придурь, отправится охотиться в лес у Боуи-Хилла.

Но на подъездной дорожке стоял только «форд» Каллема с панелями под дерево. Я взял новую доску для криббиджа и пошел к двери. Энди открыл ее и спросил:

— Готовы к уроку, мистер Амберсон?

Я улыбнулся.

— Да, сэр, готов.

Он отвел меня на заднее крыльцо: не думаю, что его женушка хотела, чтобы я находился в доме с ней и малышкой. Правила оказались очень простые. Под колышками подразумевались очки. Игра заключалась в том, чтобы дважды пройти вокруг доски. Я узнал, что такое правый валет, последовательность, застрять в грязевой яме и «загадочные девятнадцать» — так называемая невозможная рука. Потом мы начали игру. Сначала я вел счет, но прекратил, как только Каллем вырвался вперед на четыреста очков. Время от времени издалека доносился выстрел, и Каллем обреченно смотрел на лес, который начинался сразу за его небольшим двором.

— В следующую субботу, — сказал я ему после очередного такого взгляда. — В следующую субботу вы точно отправитесь на охоту.

— Скорее всего пойдет дождь, — ответил он, потом рассмеялся. — Мне-то чего жаловаться? Я получаю удовольствие и зарабатываю деньги. Вы играете все лучше, Джордж.

В полдень Марни приготовила нам ленч — большие сандвичи с тунцом и по миске домашнего томатного супа. Мы поели на кухне, а потом она предложила нам продолжить игру за кухонным столом. Все-таки решила, что я неопасен. Меня это очень порадовало. Я давно уже понял, какие они милые люди, эти Каллемы. Прекрасная пара с прекрасным ребенком. Иногда думал о них, слушая, как Марина и Ли Освальды кричат друг на друга в дешевых съемных квартирах... или видя, как они, по крайней мере один раз, вываливаются со своей злобой на улицу. Прошлое стремится к гармонии, а также старается все уравновесить, и у него получается. Каллемы — одна сторона доски-качалки, Освальды — другая.

А Джейк Эппинг, известный также как Джордж Амберсон? Само собой, перелом.

Ближе к концу нашего марафона я выиграл первую игру. Тремя играми позже, уже в самом начале пятого, я его разгромил и рассмеялся от счастья. Малышка Дженна рассмеялась вместе со мной, потом наклонилась вперед из своего высокого стульчика и по-свойски дернула меня за волосы.

— Все! — воскликнул я, продолжая смеяться. Трое Каллемов мне вторили. — На этом ставлю точку! — Я достал бумажник и выложил три купюры по пятьдесят долларов на красно-белую клетчатую клеенку, покрывавшую стол. — Ни один цент не пропал даром.

Энди пододвинул купюры ко мне.

— Уберите их обратно в бумажник, где им самое место, Джордж. Я получил слишком много удовольствия, чтобы еще брать ваши деньги.

Я кивнул, словно соглашаясь, а потом пододвинул купюры к Марни, которая тут же их схватила.

— Спасибо вам, мистер Амберсон. — Она с упреком посмотрела на мужа, потом вновь на меня. — Мы найдем, на что их потратить.

— Хорошо. — Я встал и, потянувшись, услышал, как хрустит позвоночник. Где-то — в пяти милях от дома Каллемов, может, в семи — Каролин Пулин и ее отец возвращались к четырехдверному пикапу с надписью на водительской двери «СТРОИТЕЛЬНЫЕ И СТОЛЯРНЫЕ РАБОТЫ ПУЛИНА». Может, подстрелили оленя, может, и нет. В любом случае они — я в этом не сомневался — провели отличный день в лесу, болтая, как умеют отцы с дочерьми, и наслаждаясь компанией друг друга.

— Оставайтесь на ужин, Джордж, — предложила Марни. — У меня тушеная фасоль и хот-доги.

Я остался, а потом мы смотрели выпуск новостей по маленькому настольному телевизору Каллемов. Сообщили о несчастном случае на охоте в Нью-Хэмпшире, но не в Мэне. Я позволил уговорить себя на второй кусок яблочного коблера, хотя уже наелся до отвала. Потом встал и поблагодарил их за гостеприимство.

Энди Каллем протянул руку.

— В следующий раз сыграем бесплатно, хорошо?

— Будьте уверены. — Следующего раза быть не могло, и, думаю, он это знал.

Его жена, как выяснилось, тоже. Она подошла ко мне, когда я уже собирался сесть за руль. Малышку укрыла одеялом и на-

дела ей на голову шапочку, но сама пальто не накинула. Я видел пар ее дыхания, и она дрожала от холода.

— Миссис Каллем, вы должны вернуться в дом, прежде чем просту...

— От чего вы его спасли?

— Простите?

— Я знаю, почему вы пришли. Я молилась, пока вы играли на крыльце, и получила от Бога ответ, но не *полный*. От чего вы его спасли?

Я положил руки на ее трясущиеся плечи и заглянул в глаза.

— Марни... если бы Бог хотел, чтобы вы это узнали, Он бы вам сказал.

Внезапно она обхватила меня руками, прижала к себе. От удивления я ответил тем же. Крошка Дженна, зажатая между нами, переводила глаза с нее на меня.

— Что бы это ни было, спасибо вам, — прошептала Марни мне в ухо. От ее теплого дыхания по коже побежали мурашки.

— Идите в дом, милая. Пока не закоченели.

Дверь открылась. На пороге появился Энди с банкой пива в руке.

— Марни? Марн?

Она отступила на шаг. Посмотрела на меня широко раскрытыми черными глазами.

— Бог прислал нам ангела-хранителя. Я не буду об этом говорить, но никогда не забуду. Буду слагать в сердце своем*. — И она поспешила к крыльцу, где ее ждал муж.

Ангел. Второй раз я услышал это слово и слагал его в своем сердце, сначала ночью, когда долго лежал без сна в коттедже, потом утром, когда плавал на каноэ по ровной глади озера под холодно-синим, поворачивающим на зиму небом.

Ангел-хранитель.

В понедельник, семнадцатого ноября, я увидел первых белых мух, кружащих в воздухе, и принял их за знак свыше. Собрал вещи. Поехал в Себаго-Виллидж и нашел мистера Уинчелла в ресторане «Лейксайд», где он пил кофе и ел пончики (в 1958 люди съедали множество пончиков). Я отдал ему ключи и сказал, что прекрасно отдохнул и отлично провел время. Он просиял.

* Отсылка к Евангелию от Луки (2:19).

— Это хорошо, мистер Амберсон. Так и должно быть. Вы заплатили до конца месяца. Напишите адрес, куда я смогу отправить деньги за последние две недели, и я вышлю чек по почте.

— Я не знаю, где буду, пока боссы в головном офисе не примут корпоративного решения, — ответил я, — но обязательно вам напишу. — Путешественники во времени постоянно лгут.

Он протянул руку.

— Такие постояльцы мне в радость.

Я пожал ее.

— Взаимно.

Сел в «санлайнер» и покатил на юг. Снял номер в бостонском отеле «Паркер-хаус», вечером погулял по пользующейся дурной славой Боевой зоне*. После недель тишины и покоя Себаго от сияния неона и толп вечерних гуляк — в большинстве своем молодых, в большинстве своем мужчин, преимущественно в военной форме — у меня случился приступ агорафобии, и я затосковал по умиротворенным вечерам западного Мэна, где редкие магазины закрывались в шесть, а после десяти дороги вымирали.

Следующую ночь я провел в отеле «Харрингтон» в округе Колумбия. А еще через три дня добрался до западного побережья Флориды.

Глава 12

1

На юг я ехал по автостраде 1. Часто ел в придорожных ресторанах с «маминой домашней кухней», где «Синяя тарелка»**, включая фруктовый салат на закуску и пирог с шариком мороженого на десерт, стоила восемьдесят центов. Не встретил ни одного кафе быстрого обслуживания, если не считать таковым «Говард Джонсон» с его двадцатью восемью вкусами и Простаком Саймоном на логотипе. Видел отряд бойскаутов, жгущих костер из осенних листьев под присмотром командира отряда. Видел жен-

* Бостонский район развлечений для взрослых.

** Термин, появившийся в 1920-е гг. Дешевый обед, обычно с мясом и тремя видами овощных гарниров, подаваемых на одной тарелке, зачастую синей, разделенной на сектора.

щин в длинных пальто и галошах, пасмурным днем снимавших с веревок выстиранное белье из опасения, что пойдет дождь. Видел пассажирские поезда под названием «Южный экспресс» или «Звезда Тампы», мчавшиеся в те американские края, где зиму не пускали на порог. Видел стариков, куривших трубки на скамейках городских площадей. Видел миллион церквей и кладбище, на котором не меньше сотни прихожан стояли вокруг еще не засыпанной могилы и пели «Старый шершавый крест». Я видел людей, строящих амбары. Я видел людей, помогающих людям. Двое таких, ехавших на пикапе, остановились, чтобы помочь мне, когда у «санлайнера» выбило крышку радиатора. Произошло это в Виргинии, около четырех часов дня, и один из них спросил, не нужно ли мне место для ночлега. Я могу представить, что такое возможно и в 2011 году, но с большой натяжкой.

И вот что еще. В Северной Каролине я свернул на заправочную станцию «Хамбл ойл» и, пока в бак заливали бензин, отошел за угол, чтобы воспользоваться туалетом. Увидел две двери и три надписи. **«МУЖСКОЙ»** — на одной двери. **«ЖЕНСКИЙ»** — на другой. Третью сделали на дощечке со стрелкой, которая указывала на заросший кустами склон. Надпись гласила: *«ДЛЯ ЦВЕТНЫХ»*. Заинтригованный, я пошел вниз по тропинке. В нескольких местах поворачивался боком, чтобы не коснуться маслянистых, густо-зеленых, с красноватым отливом листьев ядовитого плюща. Я надеялся, что папы и мамы, которые вели детей к той туалетной кабинке, что ждала внизу, могли определить, какую опасность представляет это растение, потому что в конце пятидесятых большинство детей носило короткие штанишки.

Но никакой кабинки я не нашел. Заканчивался спуск узким ручьем, через который была перекинута доска, установленная на два крошащихся бетонных столбика. Мужчина мог отлить, стоя на берегу: расстегнул ширинку, достал — и вперед. Женщина могла присесть, одной рукой держась за куст (не следовало только хвататься за ядовитый плющ). Доска предназначалась для тех, кто хотел справить большую нужду. Может, и под проливным дождем.

И если после моего рассказа у вас сложилось впечатление, что 1958 год — это «Энди и Опи»*, вспомните об этой тропинке, хорошо? Той самой, обрамленной ядовитым плющом. И о доске над ручьем.

---

* Герои телесериала «Шоу Энди Гриффита», действие которого происходит в идеализированном сонном маленьком городке на Юге.

2

Я обосновался в шестидесяти милях к югу от Тампы, в городе Сансет-Пойнт. За восемьдесят долларов в месяц арендовал небольшой домик на самом прекрасном (и по большей части пустынном) берегу, какой мне только доводилось видеть. На этой полоске пляжа стояли еще четыре домика, такие же скромные, как мой. Что же касается уродливых макмэншнов*, которые позднее расползлись по этой части штата, как бетонные поганки, то я не увидел ни одного. Супермаркет находился на десять миль южнее, в Нокомисе, сонном торговом районе Вениса. Шоссе 41, Тамайами-трейл, мало чем отличалось от сельской дороги. На нем приходилось сбрасывать скорость, особенно ближе к сумеркам, потому что именно в это время крокодилам и броненосцам нравилось переползать на ту сторону. Между Сарасотой и Венисом вдоль дороги располагались лотки с фруктами, маленькие магазинчики, пара баров и танцевальный зал, который назывался «У Блэки». За Венисом дорога пустела, по крайней мере до Форт-Майерса.

Джордж Амберсон больше не интересовался недвижимостью. К весне 1959 года в Америку пришла рецессия. На флоридском побережье Мексиканского залива все продавали и никто не покупал, поэтому Джордж Амберсон воспользовался предложением Эла: стал начинающим писателем, получившим наследство от относительно богатого дядюшки. На эти деньги он вполне мог прожить, во всяком случае, какое-то время.

Я *действительно* писал, причем не одну книгу, а две. По утрам, на пике бодрости, работал над рукописью, которую вы сейчас читаете (если книга найдет своего читателя). По вечерам переключался на роман, который предварительно назвал «Место убийства». Речь шла, разумеется, о Дерри, но в романе я дал городу другое название — Доусон. Начал я его исключительно для того, чтобы пускать пыль в глаза. На случай что у меня появятся друзья и кто-то спросит, над чем я работаю. Тогда я мог предъявить этот роман («утреннюю рукопись» я хранил в стальном денежном ящике под кроватью). Но со временем «Место убийства» перестало быть камуфляжем. Я начал думать, что роман получается очень ничего, и грезил, что когда-нибудь смогу увидеть его в печати.

* Пренебрежительное название большого роскошного особняка, который считается претенциозным, безвкусным и не соответствующим стилю окружающей застройки.

Час на мемуары с утра и второй на роман вечером оставляли много свободного времени, которое требовалось заполнить. Я попробовал рыбалку, благо рыбы для ловли хватало, однако мне не понравилось, и больше я этим не занимался. Прогулки доставляли удовольствие на заре и на закате, но не в разгар дня. Я стал регулярным посетителем единственного книжного магазина в Сарасоте и проводил долгие (и по большей части счастливые) часы в маленьких библиотеках Нокомиса и Оспри.

Еще я читал и перечитывал материалы по Освальду. Наконец понял, что такое поведение граничит с одержимостью, и убрал тетрадку в сейф, к «утренней рукописи». Я считал заметки Эла исчерпывающими, и тогда они мне таковыми и казались, но по мере того как время — эта конвейерная лента, на которой мы все едем, — подвозило меня к той точке, где моя жизнь могла пересечься с жизнью будущего убийцы, мое мнение начало меняться. Я находил в них дыры.

Иногда я проклинал Эла за то, что его стараниями мне пришлось втянуться в эту миссию без должной подготовки, но на ясную голову осознавал, что дополнительное время ничего бы не решило. Может, не пошло на пользу. Возможно, Эл это знал. Даже если бы он не покончил с собой, в моем распоряжении осталась бы неделя или две, а сколько книг написано о цепочке событий, которые привели к тем выстрелам в Далласе? Сто? Триста? Думаю, ближе к тысяче. Некоторые соглашались с Элом в том, что Освальд действовал один, другие заявляли, что Освальд — часть тщательно спланированного заговора, третьи пребывали в полной уверенности, что он вовсе и не нажимал спусковой крючок, а оказался, как он себя и назвал после ареста, козлом отпущения. Покончив с собой, Эл избавил меня от ахиллесовой пяты любого ученого — желания проводить все новые и новые исследования, прежде чем сделать решительный шаг.

3

Иногда я ездил в Тампу, где осторожные вопросы вывели меня на букмекера по имени Эдуардо Гутиеррес. Убедившись, что я не коп, он с удовольствием начал принимать мои ставки. Сначала я поставил деньги на победу «Миннеаполис лейкерс» над «Селтикс» в чемпионате 1959 года, показав себя полнейшим про-

фаном: «Лейкерс» не выиграли ни одной игры. Я также поставил на победу «Канадиенс» над «Мэйпл лифс» в кубке Стэнли и выиграл... но только отбил свои деньги. «Мелочь, а приятно, браток» — как сказал бы мой друг Чез Фрати.

Мой единственный крупный выигрыш случился весной шестидесятого, когда на Кентуккийском дерби я поставил на Винишен Уэй, хотя признанным фаворитом считался Болли Эйк. Гутиеррес сказал, что при ставке в тысячу долларов он даст коэффициент четыре к одному, а при двух тысячах — пять к одному. Помявшись для приличия, я поставил две тысячи и стал богаче на десять тысяч долларов. Он заплатил с той же улыбкой, что и Фрати, но его глаза поблескивали сталью, что меня особо не взволновало.

Гутиеррес, кубинец по рождению, весил не больше ста сорока фунтов в мокрой одежде, однако раньше работал на новоорлеанскую мафию, в те дни возглавляемую плохишом по имени Карлос Марчелло. Этот слушок дошел до меня в бильярдной, которая располагалась рядом с парикмахерской, где Гутиеррес принимал ставки (и где в подсобке сутками напролет шла игра в покер под фотографией скудно одетой Дианы Дорс). Мужчина, с которым я играл в «девятку», наклонился ко мне, огляделся, чтобы убедиться в отсутствии нежелательных ушей, и прошептал: «Ты знаешь, что говорят о мафии, Джордж? Мафиози — это навсегда».

Я бы хотел поговорить с Гутиерресом о его годах в Новом Орлеане, но полагал, что проявлять любопытство — идея не из лучших, особенно после моего выигрыша на Кентуккийском дерби. Если бы я *решился* — и если бы нашел благовидный предлог для того, чтобы затронуть этот момент, — спросил бы Гутиерреса, а знаком ли он с другим известным членом семьи Марчелло, бывшим боксером Чарлзом Марретом по прозвищу Страшила. Я почему-то думаю, что он ответил бы положительно, поскольку прошлое находится в гармонии с собой. Жена Страшилы Маррета была сестрой Маргариты Освальд. То есть он приходился Ли Харви Освальду дядей.

4

Одним весенним днем 1959 года (весна во Флориде бывает; местные говорили мне, что в иной год она длится целую неделю) я открыл почтовый ящик и нашел пригласительную открытку из

публичной библиотеки Нокомиса. Я записался на новый роман Бада Шулберга «Разочарованный», и он поступил в библиотеку. Я тут же прыгнул в «санлайнер» — лучший автомобиль для места, которое со временем назовут Солнечным берегом — и поехал в библиотеку.

В вестибюле на обратном пути заметил новый плакат на завешанной всякими бумажками доске объявлений. Плакат очень уж бросался в глаза — ярко-синий, с карикатурно трясущимся человечком, уставившимся на большущий термометр, ртуть в котором опустилась до десяти градусов ниже нуля. «ПРОБЛЕМА С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ? — вопрошал плакат. И тут же отвечал: — ВЫ МОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ ЗАОЧНЫЙ ДИПЛОМ ОБЪЕДИНЕННОГО КОЛЛЕДЖА ОКЛАХОМЫ! НАПИШИТЕ НАМ, ЧТОБЫ УЗНАТЬ ПОДРОБНОСТИ!»

От Объединенного колледжа Оклахомы дурно пахло, хуже, чем от тушеной макрели, но в моей голове сверкнула мысль. Возможно, потому что я уже совсем закис. Освальд по-прежнему служил в морской пехоте, демобилизация ждала его только в сентябре, после чего он отправится в Россию, где попытается отказаться от американского гражданства. Ему это не удастся, но после показушной — и, вероятно, липовой — попытки самоубийства в московском отеле русские позволят ему остаться в стране. На испытательный срок. Он проведет там около тридцати месяцев, работая на радиозаводе в Минске. На какой-то вечеринке встретит девушку, Марину Прусакову. *Красное платье, белые туфельки,* написал Эл в своей тетрадке. *Красивая. Одета для танцев.*

С ним все понятно, но что в это время делать мне? Объединенный колледж предлагал приемлемый вариант. Я написал, желая узнать подробности, и ответ не заставил себя ждать: пришел каталог, содержавший великое множество дипломов. Меня заворожила возможность получить степень бакалавра английского языка и литературы за триста долларов (наличными или почтовым переводом). От меня требовалось лишь успешно пройти тест из пятидесяти вопросов. На каждый предлагалось несколько ответов, так что оставалось только найти правильный.

Я отправил деньги почтовым переводом, мысленно распрощавшись с тремя сотнями, и послал заполненный бланк заявления на прохождение теста. Две недели спустя получил из Объединенного колледжа тонкий конверт из плотной бумаги, в котором ле-

жали два отпечатанных на ротаторе листка. Буквы во многих местах расплывались. Вопросы предлагались замечательные. Привожу два, которые произвели на меня самое большое впечатление:

22. Какая фамилия была у Моби?
А. Том
Б. Дик
В. Гарри
Г. Джон
37. Кто написал «Том о 7 карнизах»*?
А. Чарлз Диккенс
Б. Генри Джеймс
В. Энн Брэдстрит
Г. Натаниэль Готорн
Д. Никто из перечисленных

Закончив наслаждаться этим замечательным тестом, я выбрал ответы (иногда восклицая: «Да вы надо мной смеетесь!») и отослал тест в Энид, штат Оклахома. Оттуда пришла открытка с поздравлениями: экзамен я сдал. После того как я заплатил еще пятьдесят долларов — «административный сбор», — мне сообщили, что диплом выслан на мой адрес. Так они написали, и да — свершилось. Выглядел диплом гораздо лучше вопросника. Особенно впечатляла золотая печать. Когда я представил диплом администратору школьного совета округа Сарасота, этот достойный человек принял его без единого вопроса и включил меня в список замещающих учителей.

В результате в учебный год, начавшийся осенью пятьдесят девятого и закончившийся летом шестидесятого, я преподавал один-два дня в неделю. И как же мне это нравилось! Ученики были прекрасны — юноши с короткими стрижками, девушки с конскими хвостами и в юбках с пуделем до середины голени, — хотя я отдавал себе отчет, что в классах вижу исключительно лица разных оттенков ванили. Работа замещающим учителем позволила мне вновь открыть для себя важную личностную особенность: мне нравилось писать, и я обнаружил, что получается у меня достойно, но любил я учить. Меня это вдохновляло, пусть и не могу объяснить, как именно. Или не хочу. Объяснения — это такая дешевая поэзия.

* Имеется в виду роман Натаниэля Готорна «Дом о семи фронтонах».

Мой лучший день в карьере замещающего учителя в Западной сарасотской школе настал, когда я пересказал ученикам класса по американской литературе сюжет романа «Над пропастью во ржи» (в школьной библиотеке книга находилась под запретом, и ее бы незамедлительно конфисковали, принеси ученик роман в эти святые чертоги), а потом предложил поговорить о главной претензии Холдена Колфилда: школа, взрослые, американский образ жизни — все липа. Детки раскачивались медленно, но к тому времени как прозвенел звонок, пытались говорить все сразу, а некоторые едва не опоздали на следующий урок: очень уж им хотелось высказаться о том, что не так в окружающем их обществе и жизни, которую планировали для них родители. Глаза сверкали, лица раскраснелись от волнения. И я не сомневался, что в местных книжных магазинах возникнет спрос на некую книгу в темно-красной обложке. Последним ушел мускулистый парень в свитере футбольной команды. Он напоминал мне Лося Мейсона из комиксов «Арчи».

— Как бы мне хотелось, чтобы вы все время здесь работали, мистер Амберсон, — сказал он с мягким южным выговором. — Вы мне нравитесь больше других.

Я не просто понравился ему как учитель. Я понравился ему больше других. Очень приятно слышать такое от семнадцатилетнего парня, который выглядел так, словно впервые проснулся за все свои ученические годы.

В том же месяце, только чуть позже, меня пригласил в свой кабинет директор, угостил несколькими доброжелательными фразами и кока-колой, а потом спросил: «Сынок, ты ведешь подрывную деятельность?» Я заверил его, что нет. Сказал, что голосовал за Айка. Мои ответы вроде бы его успокоили, но он предложил мне в будущем придерживаться «рекомендованного списка литературы». Меняются прически, и длина юбок, и сленг, но директора старшей школы? Никогда.

5

Однажды на лекции в колледже (случилось это в Университете Мэна, в настоящем колледже, где я получил настоящий диплом бакалавра) профессор психологии высказал мнение, что люди *действительно обладают* шестым чувством. Он называл его

интуитивным мышлением и говорил, что чувство это наиболее развито у мистиков и преступников. К мистикам я себя не относил, но понимал, что я беглец из собственного времени и убийца (я, разумеется, мог считать убийство Фрэнка Даннинга оправданным, но полиция определенно со мной бы не согласилась). И если это не превращало меня в преступника, тогда уже ничто не смогло бы превратить.

«Мой вам совет: если вы оказались в ситуации, когда вам может угрожать опасность, — сказал профессор в тот день 1995 года, — положитесь на интуицию».

Я решил так и поступить в июле 1960-го. Все больше тревожился из-за Эдуардо Гутиерреса. Мелкая сошка, конечно, но не следовало забывать про его связи с мафией... и холодный блеск глаз, когда он выплачивал мне выигрыш по кентуккийской ставке, неоправданно высокой, теперь я это уже понимал. Почему я так поступил, хотя денег мне вполне хватало? Не от жадности, скорее, ради тех приятных ощущений, которые, наверное, испытывает хороший бэттер, когда перед ним зависает крученый мяч. В некоторых случаях ты просто не можешь не отправить его мощным ударом за пределы стадиона. Вот я и врезал по этому мячу, как любил говорить в радиорепортажах Лео Дюрошер по прозвищу Дерзкий, а теперь сожалел об этом.

Я сознательно проиграл две последние ставки, сделанные у Гутиерреса, изо всех сил пытаясь показать собственную дурость, доказывая, что мне случайно повезло, а вообще я могу только проигрывать, но интуитивное мышление говорило, что проделал я это не очень убедительно. Моему интуитивному мышлению не понравилось, когда Гутиеррес начал приветствовать меня: «Посмотрите! Вот идет мой янки из Янкиленда». Не просто «янки», а «мой янки».

Допустим, он попросил одного из игроков в покер проследить за мной до Сансет-Пойнт от Тампы. Может ли Гутиеррес убедить других игроков или парочку громил, которым он ссудил деньги (а процент он брал немалый), чтобы они рассчитались с ним, проехавшись в Сансет-Пойнт и вернув ему то, что осталось от десяти тысяч? Мой здравый смысл утверждал, что это чушь и такой сюжет годится только для детективных телесериалов вроде «Сансет-Стрип, 77», но интуитивное мышление придерживалось иного мнения. Интуитивное мышление говорило, что этот маленький человечек с редеющими волосами может дать добро на

вторжение в дом да еще велит избить меня до полусмерти, если я буду возражать. Я не хотел, чтобы меня избили, и не хотел, чтобы меня ограбили. Меньше всего мне хотелось, чтобы в руки связанного с мафией букмекера попали мои записи. Не нравилось мне и то, что приходилось убегать поджав хвост, но, черт побери, рано или поздно моя миссия все равно привела бы меня в Техас, так почему не отправиться туда раньше? Опять же, береженого Бог бережет. И это я впитал с молоком матери.

В результате, после одной практически бессонной июльской ночи, когда радар интуитивного мышления сигналил очень уж тревожно, я собрал свои вещи (ящик с мемуарами и деньгами спрятал под запаской), оставил записку и последний чек с арендной платой для владельца домика и покатил на север по автостраде 19. Первую ночь провел в унылой гостинице для автомобилистов в Дефуньяк-Спрингс. В сетках от насекомых хватало дыр, и пока я не погасил свет (лампочку без абажура, свисавшую с потолка на шнуре), меня осаждали комары размером с истребитель.

Однако спал я как младенец. Никаких кошмаров, и встроенный радар интуитивного мышления помалкивал. Этого вполне хватило для крепкого сна.

Первое августа я провел в Галфпорте, штат Луизиана, хотя в первом отеле, где я хотел остановиться, на окраине города, мне дали от ворот поворот. Портье в «Красной крыше» объяснил, что их отель только для негров, и направил меня в «Гостеприимство Юга», по его словам, лучший отель в *Гафф-поуте*. Может, и так, но я бы предпочел «Красную крышу». В соседнем с отелем баре-барбекю кто-то потрясающе играл слайдом*.

6

Новый Орлеан не находился на прямой, соединяющей Тампу и Большой Д, но с молчащим радаром интуиции меня охватили туристические настроения... хотя посетить я хотел не Французский квартал, не улицу Бьенвиль и не Вью-Карре.

* Особая техника игры на гитаре при помощи слайда, надеваемого на палец. В качестве слайда могут быть использованы различные твердые гладкие предметы; один из наиболее распространенных — горлышко стеклянной бутылки.

Я купил у уличного торговца карту и нашел дорогу к единственной городской достопримечательности, которая меня интересовала. Припарковался и после пятиминутной прогулки вышел к дому 4905 по Мэгезин-стрит, где Ли с Мариной и их дочь Джун будут жить весной и летом того года, который станет последним для Джона Кеннеди. Дом определенно требовал ремонта, но еще не превратился в развалюху. Железная изгородь высотой по пояс окружала заросший травой двор. Краска первого этажа, когда-то белая, облезла и цветом напоминала мочу. Доски обшивки верхнего этажа покрасить не удосужились, и они посерели от времени и непогоды. Разбитое окно закрывал кусок картона с надписью «СДАЕТСЯ. ЗВОНИТЬ MU3-4192». Ржавая сетка отгораживала крыльцо, на котором в сентябре тысяча девятьсот шестьдесят третьего года после наступления темноты Ли Освальд будет сидеть в нижнем белье, шепча: «Пах! Пах! Пах!» — и стрелять в прохожих из незаряженной винтовки, самой знаменитой в истории Америки.

Я думал об этом, когда кто-то похлопал меня по плечу, и чуть не вскрикнул. Но наверняка *подпрыгнул*, потому что молодой чернокожий мужчина уважительно отступил на шаг и поднял пустые руки, показывая, что угрозы от него не исходит.

— Извините, са-а. Извините, не хотел ва-ас пуга-ать.

— Все нормально, — ответил я. — Моя вина.

Такое заявление смутило его, но он обратился ко мне по делу и теперь решил довести его до конца... хотя для этого ему пришлось вновь подойти вплотную, потому что об этом деле следовало говорить только шепотом. Он поинтересовался, не хочу ли я купить несколько волшебных палочек. Я подумал, что знаю, о чем он говорит, но полной уверенности не было, пока он не добавил:

— Болотная трава-а высшего ка-ачества.

Я ответил, что пас, но готов дать ему полдоллара, если он подскажет мне лучший отель Южного Парижа. Когда юноша заговорил снова, он почти перестал тянуть слова.

— Кому как, но я бы поставил на «Монтелеоне». — И подробно объяснил, как туда добраться.

— Благодарю. — Я протянул ему монету, и она тут же исчезла в одном из его многочисленных карманов.

— Скажите, а чего вы смотрите на эту развалюху? — Он мотнул головой в сторону обветшалого дома. — Хотите купить?

Старина Джордж Амберсон без труда вернулся в образ риелтора.

— Вы живете неподалеку? Как по-вашему, выгодное дело?

— Некоторые дома на этой улице — да, но не этот. Он выглядит так, будто в нем живут привидения.

— Пока еще нет, — ответил я и направился к своему автомобилю, оставив его в недоумении смотреть мне вслед.

7

Я достал сейф из багажника и положил на переднее пассажирское сиденье «санлайнера», с тем чтобы отнести в мой номер в «Монтелеонс». Но пока швейцар заносил в фойе другие мои чемоданы, я обнаружил кое-что на полу у заднего сиденья и ощутил чувство вины, несоразмерное с проступком. Уроки детства запоминаются лучше всего, и, сидя на коленях матери, я среди прочего узнал, что книги в библиотеку надо всегда возвращать вовремя.

— Мистер Швейцар, вас не затруднит подать мне вон ту книгу, пожалуйста? — попросил я.

— Да, са-а! С ра-адостью!

На полу лежал роман «Записки коробейника», который я взял в публичной библиотеке Нокомиса примерно за неделю до того, как принял решение сделать ноги. Наклейка на пластиковой защитной обложке — «ТОЛЬКО СЕМЬ ДНЕЙ, ПРОЯВИТЕ УВАЖЕНИЕ К СЛЕДУЮЩЕМУ ЧИТАТЕЛЮ» — с упреком смотрела на меня.

Поднявшись в номер, я взглянул на часы и увидел, что еще шесть вечера. Летом библиотека открывалась в полдень и работала до восьми. Междугородный звонок — одна из немногих услуг, в 1960-м стоивших дороже, чем в 2011-м, но детское чувство вины взяло свое. Я позвонил на коммутатор отеля и продиктовал номер библиотеки Нокомиса, напечатанный на кармашке для библиотечной карточки, приклеенном к чистому листу в конце книги. Под номером телефона была надпись: *Пожалуйста, позвоните, если задерживаете книгу дольше, чем на три дня.* Конечно же, чувство вины еще усилилось.

Моя телефонистка уже говорила с другой телефонисткой. Слышались какие-то тихие голоса. Я осознал, что большинство

этих людей не доживет до того времени, из которого я пришел. Потом на другом конце провода пошли гудки.

— Алло, публичная библиотека Нокомиса, — ответила мне Хэтти Уилкерсон, но голос этой милой старушки звучал так, будто она находилась в очень большой стальной бочке.

— Добрый вечер, миссис Уилкерсон...

— Алло? *Алло?* Вы меня слышите? Междугородный звонок, чтоб его!

— Хэтти? — теперь я кричал. — Это Джордж Амберсон!

— Джордж *Амберсон*? Господи! Откуда вы звоните, Джордж?

Я уже собрался сказать правду, но интуиционный радар громко пикнул, и я прокричал:

— Из Батон-Руж.

— В Луизиане?

— Да! У меня одна ваша книга! Я только сейчас ее нашел! Я ее вам выш...

— Кричать нет необходимости, Джордж, связь теперь *гораздо* лучше. Вероятно, телефонистка вставила до упора штекер. Я *так* рада слышать ваш голос. Слава Богу, что вы уехали. Мы так волновались, хотя начальник пожарной команды и сказал, что дом пустовал.

— О чем вы говорите, Хэтти? О моем доме на берегу?

Но о чем еще она могла говорить?

— Да! Кто-то бросил в окно горящую бутылку с бензином. За считанные минуты пламя охватило весь дом. Чиф Дюран думает, что это подростки, которые выпили и решили позабавиться. Нынче так много паршивых овец. И все потому, что они боятся Бомбы. Так говорит мой муж.

Бомбы, значит.

— Джордж? Вы на связи?

— Да.

— Какая у вас книга?

— Что?

— Какая у вас *книга*? Не заставляйте меня рыться в картотеке.

— А-а, «Записки коробейника».

— Так пришлите ее как можно скорее, хорошо? Ее ждут уже несколько человек. Ирвинг Уоллес очень популярен.

— Да. Обязательно пришлю.

— И я очень сожалею, что такое случилось с вашим домом. Вы потеряли все вещи?

— Самое нужное я забрал с собой.

— Слава Богу. Вы собираетесь вернуться в ско...

В трубке так громко щелкнуло, что заболело ухо, потом затрещали помехи. Я положил трубку на рычаг. Собирался ли я вернуться в скором времени? Решил, что нет нужды перезваниватъ и отвечать на этот вопрос. Но за прошлым мне теперь предстояло следить. Потому что оно чувствует инициаторов перемен и у него есть зубы.

Утром я первым делом отослал «Записки коробейника» в библиотеку Нокомиса.

Потом уехал в Даллас.

8

Тремя днями позже я сидел на скамье в Дили-плаза и смотрел на кирпичное кубическое здание Техасского хранилища школьных учебников. Обжигающе жаркий день близился к вечеру. Я ослабил узел галстука (в шестидесятом, чтобы не привлекать к себе ненужное внимание, мужчина должен был носить галстук в любую погоду) и расстегнул верхнюю пуговицу белой рубашки, но сильно это не помогло. Как и скудная тень вяза, растущего позади скамьи.

На регистрационной стойке отеля «Адольф» на Торговой улице мне предложили выбор: номер с кондиционером или без. Я заплатил на пять баксов больше, и благодаря этому установленный на подоконнике кондиционер понижал температуру до семидесяти восьми градусов*. И мне следовало вернуться в номер прямо сейчас, пока я не рухнул от теплового удара. Ночью температура воздуха, возможно, упадет. Ненамного.

Кирпичный куб приковывал мой взгляд, и окна — особенно крайнее правое на шестом этаже — похоже, внимательно рассматривали меня. Очень уж чувствовалось зло, идущее от этого здания. Вы — если у этой книги появится читатель — можете пренебрежительно фыркнуть, сказать, что все это ерунда, следствие моего уникального знания прошлого, но не это держало

* 25,6 °С.

меня на скамье, несмотря на изнурительную жару. У меня сложилось ощущение, что я уже видел это здание.

Оно напомнило мне металлургический завод Китчнера в Дерри.

Хранилище учебников не было разрушено, но вызывало то же ощущение скрытой угрозы. Я помнил, как подошел к частично ушедшей в землю, почерневшей от сажи дымовой трубе, которая лежала в сорняках, словно гигантская доисторическая змея, дремлющая на солнце. Я помнил, как заглянул в черное жерло, такое огромное, что я мог бы в него войти. И я помнил, как почувствовал, что в трубе что-то есть. Что-то живое. Что-то *желавшее*, чтобы я вошел в трубу. И смог погостить там. Долгое, долгое время.

Заходи, шептало мне окно шестого этажа. *Пройдись по зданию. Оно сейчас пустует. Те несколько человек, что работают летом, уже разошлись по домам, но если ты обойдешь здание и поднимешься на разгрузочную площадку, к которой подходят железнодорожные пути, то найдешь открытую дверь, я в этом уверено. В конце концов, что здесь беречь? Ничего, кроме учебников, а они не нужны даже ученикам. Как ты прекрасно знаешь, Джейк. Так что заходи. Поднимись на шестой этаж. В твое время там музей, люди приезжают со всего мира, и некоторые все еще плачут, скорбя о человеке, которого убили, и обо всем, что он мог сделать, но сейчас тысяча девятьсот шестидесятый год, Кеннеди еще сенатор, а Джейк Эппинг даже не родился. Существует только Джордж Амберсон, мужчина с короткой стрижкой, в мокрой от пота рубашке и галстуке с ослабленным узлом. Человек своего времени, можно сказать. Так что поднимайся сюда. Или ты боишься призраков? Чего их бояться, если преступление еще не совершено?*

Да только призраки там *были*. Может, не на Мэгезин-стрит в Новом Орлеане, но здесь? Безусловно. Правда, мне не пришлось бы столкнуться с ними, потому что я не собирался входить в Хранилище учебников, точно так же как не вошел в поваленную дымовую трубу в Дерри. Освальд получил работу в Хранилище примерно за месяц до убийства Кеннеди, и ждать так долго в мои планы не входило: слишком рискованно. Нет, я намеревался следовать плану, в общих чертах изложенному Элом в последней части его заметок, озаглавленной «ВЫВОДЫ: КАК ПОСТУПАТЬ».

Несомненно, придерживаясь версии стрелка-одиночки, Эл также учитывал маленькую, но статистически существенную

вероятность того, что ошибся. В своих заметках он называл это «окном неопределенности».

Аналогично окну шестого этажа.

Он намеревался закрыть это окно 10 апреля 1963 года, за полгода до поездки Кеннеди в Даллас, и я находил его идею здравой. Возможно, чуть позже, в том же апреле, а может, и вечером десятого — чего ждать? — я убью мужа Марины и отца Джун, как убил Фрэнка Даннинга. И уже безо всякого сожаления. Увидев паука, бегущего по полу к детской колыбельке, еще можно заколебаться. Можно поймать его в банку и вынести во двор, чтобы он мог продолжить свою паучью жизнь. Но если знаешь, что паук ядовитый? Что это черная вдова? В этом случае — никаких колебаний. Если, конечно, ты в здравом уме.

Ты поднимаешь ногу и давишь его.

9

Я составил для себя план на период с августа 1960 года по апрель 1963-го. Собирался держать Освальда в поле зрения после его возвращения из России, но не вмешиваться. Не мог вмешаться из-за «эффекта бабочки». Если и есть в английском языке более глупая метафора, чем *цепочка событий*, мне она неизвестна. Цепи (полагаю, за исключением тех, что мы учимся делать из полосок цветной бумаги в детском саду) — крепкие штуки. Мы используем их, чтобы вытаскивать двигатели из грузовиков и заковывать опасных преступников. Реальности, как я ее понимал, больше не существовало. События могут случиться, а могут и не случиться, они — карточные домики, и, контактируя с Освальдом — не говоря уж о том, чтобы попытаться убедить его отказаться от преступления, о котором он еще и не думал, — я лишался единственного своего преимущества. Бабочка расправила бы крылья, и Освальд пошел бы другим путем.

Началось бы все с маленьких изменений, но, как поется в песне Брюса Спрингстина, из маленького, крошка, однажды может вырасти и большое. Это могли быть хорошие изменения, те, что спасли бы человека, который сейчас занимал пост второго сенатора от Массачусетса. Однако я в это не верил. Потому что прошлое упрямо. В 1962 году, согласно одной записи Эла, сделанной на полях, Кеннеди собирался выступить в Хьюстоне, в

Университете Райса, произнести речь о полете на Луну. *Открытая аудитория, на трибуне никакой защиты от пуль,* написал Эл. Хьюстон и Даллас разделяет менее трехсот миль. А если Освальд решит застрелить президента там?

Или допустим, что Освальд, как он и говорил, козел отпущения? Вдруг я его спугну, он уедет из Далласа обратно в Новый Орлеан, а Кеннеди все равно умрет, став жертвой безумного заговора ЦРУ или мафии? Хватит ли мне мужества вернуться через «кроличью нору» и пойти на новый круг? Снова спасти семью Даннинга? Снова спасти Каролин Пулин? Я уже отдал этой миссии два года. Захочу ли отдать еще пять, со столь неопределенным исходом?

Лучше не проверять.

Лучше все сделать наверняка.

По пути в Техас из Нового Орлеана я решил, что наилучший способ следить за Освальдом, не попадаясь ему на пути, — жить в Далласе, пока он будет обретаться в соседнем Форт-Уорте, и переехать в Форт-Уорт, когда Освальд перевезет свою семью в Даллас. Идея прельщала своей простотой, но реализовать ее не удалось. Я понял это за несколько недель, прошедших после того, как я впервые увидел Техасское хранилище школьных учебников и явственно почувствовал, что оно — словно бездна Ницше — смотрит на меня.

Август и сентябрь этого года президентских выборов я провел, кружа по Далласу на «санлайнере» в поисках квартиры (и очень жалея об отсутствии навигатора: приходилось часто останавливаться, чтобы узнать дорогу). Ничего не подходило. Сначала я решил, что мне не нравятся квартиры, потом, когда начал лучше понимать город, сообразил, что дело в другом.

Причина заключалась в том, что мне не нравился Даллас, и восьми недель активного поиска хватило, чтобы я поверил: в городе полно мерзости. «Таймс геральд» (которую далласцы прозвали «Грязь геральд») нудно, из номера в номер, восславляла Даллас. «Морнинг ньюс», более склонная к романтике, писала об участии Далласа и Хьюстона «в гонке к небесам», но небоскребы, о которых шла речь в передовицах, напоминали островок архитектурной блажи, окруженный кольцами Великой американской одноэтажности, как я это называл. Газеты игнорировали трущобы, где потихоньку начинали рушиться расовые барьеры. Далее тянулись бесконечные микрорайоны, заселенные средним классом, по большей части ветеранами войн, Второй мировой и корейской. Жены ветеранов

коротали дни, протирая мебель политурой «Пледж» и закладывая, а потом вынимая одежду и белье из стиральных машин «Мейтэг». На семью в среднем приходилось по два с половиной ребенка. Подростки выкашивали лужайки, на велосипедах развозили «Грязь геральд», натирали воском «Тертл уэкс» семейный автомобиль и слушали (тайком) Чака Берри по транзисторным приемникам. Может, говорили встревоженным родителям, что он белый.

За пригородами с вращающимися разбрызгивателями на лужайках лежала пустующая равнина. Кое-где передвижные поливальные установки еще обслуживали засеянные хлопком поля, но Король Хлопок умер, уступив место бескрайним акрам кукурузы и сои. Истинными посевными культурами Далласа стали электроника, текстиль, трепотня и черные деньги — нефтедоллары. В этом регионе буровые вышки попадались не так часто, но если ветер дул с запада, где находился Пермианский бассейн, оба города воняли нефтью и природным газом.

По центральному деловому району бродило множество прохвостов. Их прикид я через какое-то время начал называть «полный Даллас»: клетчатый пиджак спортивного покроя, узкий галстук, прихваченный снизу большим зажимом (эти зажимы в шестидесятых считались украшениями, а потому по центру обычно сверкали бриллианты или стекляшки), белые брюки «Сансабелт» и кричаще расшитые сапоги. Прохвосты работали в банках и инвестиционных компаниях. Продавали соевые фьючерсы, права на разработку нефтяных участков, землю к западу от города, где ничего не росло, кроме дурмана и перекати-поля. Прохвосты хлопали друг друга по плечу руками со сверкающими перстнями и обращались к себе подобным «сынок». На поясе, там, где бизнесмены 2011 года носят мобильник, многие носили револьвер или пистолет в кобуре ручной работы.

Развешанные по городу рекламные щиты требовали инициировать процесс импичмента председателя Верховного суда Эрла Уоррена, изображали скалящегося Никиту Хрущева («NYET, ТОВАРИЩ ХРУЩЕВ, — сообщала надпись, — ЭТО *МЫ* ТЕБЯ ПОХОРОНИМ!»*). На одном рекламном щите на Западной торговой улице я прочитал: «АМЕРИКАНСКАЯ КОММУНИСТИ-

* Такие плакаты — ответ на фразу Н.С. Хрущева в одном из его выступлений перед западными дипломатами: «Нравится вам или нет, но история на нашей стороне. Мы вас похороним!»

ЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ВЫСТУПАЕТ ЗА ДЕСЕГРЕГАЦИЮ. ПОДУМАЙТЕ ОБ ЭТОМ!» Этот щит оплатило некое Общество чаепития. Дважды на стенах заведений, которые, судя по фамилиям, принадлежали евреям, я видел замытые свастики.

Мне не нравился Даллас. Нет, сэр, нет, мэм, совершенно не нравился. С того самого момента, когда я снял номер в «Адольфе» и увидел, как метрдотель в ресторане схватил за руку молодого официанта и что-то кричал ему в лицо. Тем не менее я приехал сюда по делу, и здесь мне предстояло остаться. Так, во всяком случае, я думал.

10

Двадцать второго сентября я наконец-то нашел вроде бы приличное жилье. На Блэкуэлл-стрит в северном Далласе, отдельно стоящий гараж, перестроенный в симпатичную двухэтажную квартиру. Огромное преимущество: кондиционирование. Огромный недостаток: владелец, Рэй Мак Джонсон, оказался расистом, сразу же порекомендовавшим мне, если я сниму эту квартиру, держаться подальше от расположенной поблизости Гринвилл-авеню, где много забегаловок с музыкальными автоматами, где отираются белые и черные и где полно ниггеров с ножами, которые он называл «выкидухами».

— Я ничего не имею против ниггеров, — заверил он меня. — Нет, сэр. Это Бог проклял их, определив им такое положение, не я. Вы это знаете, верно?

— Боюсь, пропустил этот момент в Библии.

Он подозрительно сощурился.

— Вы кто, методист?

— Да, — кивнул я, решив, что назваться методистом безопаснее, чем признаваться в атеизме.

— Вам надо заглянуть в баптистскую церковь, сынок. Мы встречаем новичков с распростертыми объятиями. Если вы снимете эту квартиру, думаю, в какое-нибудь воскресенье сможете пойти туда со мной и моей женой.

— Возможно, — согласился я, сказав себе, что в то конкретное воскресенье придется впасть в кому. Или даже умереть.

Мистер Джонсон тем временем вернулся к упущенному мной моменту из Библии.

— Видите ли, однажды в Ковчеге Ной напился и лежал на кровати совершенно голый. Двое его сыновей на него не посмотрели, просто отвернулись и накрыли одеялом. Или простыней. Но Хам — он был в семье черной овцой — посмотрел на отца в его наготе, и Бог проклял Хама и его потомков, повелев им рубить дрова и таскать воду. Так повелось с тех давних пор. Бытие, глава девятая. Откройте Библию и посмотрите, мистер Амберсон.

— Да-да, — ответил я, напоминая себе, что должен где-то поселиться, что не могу жить в «Адольфе» вечно. Напоминая себе, что смогу ужиться с ложкой расизма, от меня не убудет. Напоминая себе, что такой уж менталитет у этого времени и везде я увижу одно и то же. Только я сам себе не верил. — Я подумаю и дам вам знать через день-другой, мистер Джонсон.

— Только не затягивайте, сынок. Эта квартира уйдет быстро. Сегодня у вас благословенный день.

11

Благословенный день выдался не менее жарким, чем предыдущие, а охота за квартирами вызывала жажду. Расставшись с эрудитом Рэем Маком Джонсоном, я почувствовал, что надо выпить пива. Решил, что для этого подойдет Гринвилл-авеню. Подумал, что неплохо там побывать, раз уж мистер Джонсон так от этого отговаривал.

По двум позициям он оказался прав: улица оказалась интегрированной (более или менее) и опасной. А еще на ней бурлила жизнь. Я припарковался и неспешно зашагал по тротуару, наслаждаясь карнавальной атмосферой. Миновал два десятка баров, несколько кинотеатров, где показывали старые фильмы («ЗАХОДИТЕ, ВНУТРИ ПРОХЛАДНО» — зазывали транспаранты, полощущиеся под козырьками на горячем, пропахшем нефтью техасском ветру), и стрип-бар, у двери которого кричал зазывала: «Девушки, девушки, девушки, лучшее представление во всем чертовом мире! Лучшее представление, какое можно увидеть! Эти дамы бритые, если вы понимаете, о чем я!» Я также прошел три или четыре конторы, где чеки меняли на наличные и выдавали ссуды. Перед одной — она называлась «Честный платеж, где ответственность — наш девиз» — дерзко, у всех на виду стояла грифельная доска с надписью «СЕГОДНЯШНИЕ СТАВ-

КИ» вверху и «ВСЕГО ЛИШЬ ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНИЯ» внизу. Около доски толпились мужчины в соломенных шляпах и подтяжках (выглядеть так могли только заядлые игроки), обсуждая предложенные коэффициенты. Некоторые держали в руках программки скачек, другие — спортивный раздел «Морнинг ньюс».

Всего лишь для развлечения, повторил я про себя. Подумал о моем домике на берегу, горящем в ночи, о языках пламени, взметаемых ветром с Залива к самому небу. И у развлечений имелись недостатки, особенно если речь шла о ставках.

Музыка и запах пива вырывались из открытых дверей. В одном баре музыкальный автомат гремел песней Джерри Ли Льюиса «Мы напрыгаемся вволю». Из другого доносились «Крылья голубя» Ферлина Хаски. Меня удостоили вниманием четыре уличные шлюхи и один лоточник, продававший колпаки для автомобильных колес, опасные бритвы с ручками, поблескивавшими горным хрусталем, и флаги штата Одинокой звезды с надписью «НЕ СВЯЗЫВАЙТЕСЬ С ТЕХАСОМ». Попробуйте перевести это на латынь.

Тревожащее ощущение дежа-вю все усиливалось, чувство, что здесь творится что-то неправильное, что оно творилось здесь и прежде. Абсурд, конечно — я впервые в жизни попал на Гринвилл-авеню, — но во мне говорило скорее сердце, чем рассудок. Я тут же решил, что не хочу никакого пива и не хочу арендовать перестроенный гараж мистера Джонсона, как бы хорошо ни работал там кондиционер.

Я как раз проходил мимо очередного кабака, именуемого «Роза пустыни», в котором «Рок-Ола» радовала посетителей виртуозным Мадди Уотерсом. И когда уже развернулся, чтобы направиться к своему автомобилю, из двери вылетел мужчина. Споткнулся, повалился на тротуар. Из темноты бара донесся хохот.

— И не возвращайся, импотент сраный! — крикнула какая-то женщина.

Снова хохот, еще более громкий.

У вышвырнутого из бара мужчины кровь текла из носа — свернутого набок — и длинной царапины на левой стороне лица, от виска до нижней челюсти. В округлившихся глазах читалось изумление. Рубашка, вылезшая из брюк, доставала почти до колен. Ухватившись рукой за фонарный столб, он поднялся. Едва оказавшись на ногах, огляделся, но, судя по всему, ничего не видел.

Я уже шагнул к нему, однако меня опередила одна из женщин, прежде интересовавшихся, не нужна ли мне компания. Она подошла к мужчине, покачиваясь на каблуках-шпильках. Не женщина, конечно, нет. Девушка лет шестнадцати, не старше, с огромными черными глазами и гладкой кожей кофейного цвета. Она улыбалась, совсем не злобно. А когда мужчина с окровавленным лицом покачнулся, взяла его за руку.

— Осторожно, сладенький, — улыбнулась она ему. — Тебе надо присесть, а не то ты...

Он задрал рубашку. Отделанная перламутром рукоятка пистолета — гораздо меньше револьвера, купленного мной в «Спортивных товарах Мейкена», и выглядевшего игрушечным — выделялась на бледном жирном животе, нависшем над поясом его габардиновых брюк. В расстегнутой ширинке виднелись трусы с красными автомобильчиками. Мужчина вытащил пистолет, вдавил ствол в бок проститутки и нажал спусковой крючок. Послышался глухой хлопок, словно маленькая шутиха взорвалась в консервной банке. Женщина вскрикнула и опустилась на тротуар, прижав руки к животу.

— Ты в меня *стрельнул*! — В ее голосе звучала скорее ярость, чем боль, хотя кровь уже сочилась сквозь стиснутые пальцы. — Ты в меня *стрельнул*, козел, зачем ты в меня *стрельнул*?

Он ее словно и не слышал, только распахнул настежь дверь в «Розу пустыни». Я стоял на том же месте, где застыл, когда мужчина выстрелил в симпатичную юную проститутку, отчасти потому, что окаменел от шока, но в основном потому, что произошло все в считанные секунды. Возможно, Освальду потребовалось меньше времени, чтобы убить президента Соединенных Штатов, но ненамного.

— Ты этого хочешь, Линда? — прокричал мужчина. — Если ты хочешь этого, я дам тебе то, что ты хочешь!

Он поднес пистолет к уху и нажал курок.

12

Я сложил носовой платок и мягко прижал его к дыре в красном платье юной девушки. Я не знал, насколько серьезна рана, но у проститутки оставалось достаточно сил, чтобы одну за другой произносить звонкие фразы, которым она научилась явно не от-

матери (с другой стороны, как знать?). А когда один мужчина из собравшейся толпы подошел слишком близко, девица рявкнула:

— Нечего смотреть мне под платье, любопытный ублюдок! За это надо платить!

— Этот несчастный сукин сын мертв как бревно, — заметил человек, стоявший на коленях рядом с мужчиной, которого вышвырнули из «Розы пустыни». Какая-то женщина завизжала.

Приближались сирены: они тоже визжали. Я заметил еще одну женщину, которая подходила ко мне во время моей прогулки по Гринвилл-авеню. Рыжеволосую, в капри. Махнул ей рукой. Она коснулась груди, как бы спрашивая: «Кто, я?» — и я кивнул: «Да, ты».

— Прижимайте носовой платок к ране, — попросил я ее. — Попытайтесь остановить кровь. Мне надо идти.

Она понимающе улыбнулась.

— Не хочешь дожидаться копов?

— Не в этом дело. Я не знаю этих людей. Просто проходил мимо.

Рыжеволосая присела рядом с сыплющей ругательствами девушкой, прижала к ране уже мокрый от крови носовой платок.

— Сладенький, мы тут все такие.

13

В ту ночь я не смог уснуть. Только начинал засыпать, как видел лоснящееся от пота, самодовольное лицо Рэя Мака Джонсона, сваливающего вину за две тысячи лет рабства, убийств и эксплуатации на подростка, который с интересом разглядывал причиндалы отца. Я просыпался, как от удара, устраивался поудобнее, начинал засыпать... и видел коротышку с расстегнутой ширинкой, сующего в ухо дуло спрятанного под рубашкой пистолета. *Ты этого хочешь, Линда?* Последний выброс раздражения перед долгим сном. И я просыпался снова. В следующий раз меня будили мужчины, приехавшие на черном седане, которые бросали бензиновую бомбу в окно моего дома в Сансет-Пойнт: таким нехитрым способом Эдуардо Гутиеррес пытался избавиться от янки из Янкиленда. Почему? Потому что не любил проигрывать по-крупному, вот и все. Для него такой повод казался более чем достаточным.

Наконец я сдался и сел у окна рядом с гудящим кондиционером. В Мэне ночная температура уже опускалась достаточно

низко, чтобы зеленый цвет листьев начал меняться, но здесь, в Далласе, она составляла семьдесят пять градусов* в половине третьего ночи. Плюс влажность.

— Даллас, Дерри, — произнес я, глядя на молчаливо-пустынную Торговую улицу. Кирпичного куба Хранилища учебников я из окна не видел, но здание находилось неподалеку. Дойти не составляло труда.

— Дерри, Даллас.

Каждое название состояло из двух слогов с удвоенной буквой посередине, словно сухая палка, переломленная о колено. Я не мог оставаться здесь. Еще тридцать месяцев в Большом Д свели бы меня с ума. Сколько пройдет времени, прежде чем я начну видеть на стенах граффити на манер «Я СКОРО УБЬЮ СВОЮ МАТЬ»? Или замечу вуду-Иисуса, плывущего по реке Тринити? Форт-Уорт, возможно, подошел бы мне больше, но Форт-Уорт находился слишком близко к Далласу.

Почему я должен обосноваться в одном из этих городов?

Мысль эта пришла ко мне в начале четвертого утра и показалась откровением. Я ездил на прекрасном автомобиле — в который, если по-честному, влюбился, — а в центральном Техасе хватало отличных дорог, и многие из них только недавно построили. В начале двадцать первого столетия здесь наверняка были пробки, однако в шестидесятом году шоссе выглядели на удивление пустынными. Ограничения скорости существовали, но их не навязывали. В Техасе даже дорожные полицейские верили, что надо вдавливать педаль в пол, чтобы двигатель заревел во всю мощь.

Я мог выбраться из-под удушающей тени, которая — я это чувствовал — накрывала город. Я мог найти городок поменьше и не такой пугающий, не дышащий ненавистью и насилием. Под ярким дневным светом можно было сказать себе, что все это выдумка, — но не в предрассветные часы. В Далласе, несомненно, жили хорошие люди, тысячи и тысячи, и они составляли подавляющее большинство, однако зла здесь тоже хватало, и иногда оно прорывалось наружу. Как у «Розы пустыни».

Я думаю, для Дерри плохие времена закончились. Так сказала Бевви-На-Ели, но я полагал, что к Далласу фраза эта не относится, потому что до худшего дня этого города оставалось еще более трех лет.

* 23,9 °С.

«Я буду сюда приезжать, — решил я. — Джорджу нужно тихое место для работы над книгой, однако раз уж это книга о большом городе — городе с *призраками*, — ему просто необходимо сюда приезжать, правда? Чтобы набирать материал».

Неудивительно, что мне потребовалось два месяца, чтобы дойти до этого: самые простые ответы зачастую легче всего упустить. Я вернулся в постель и тут же уснул.

14

На следующий день я катил на юг по автостраде 77. Через полтора часа уже въехал в округ Денхолм. Повернул на запад, на шоссе 109, потому что мне понравился рекламный щит на перекрестке. На нем красовался геройского вида молодой футболист в золотистом шлеме, черном свитере и золотистых рейтузах. «ЛЬВЫ ДЕНХОЛМА — ТРЕХКРАТНЫЕ ЧЕМПИОНЫ ОКРУГА! — прочитал я на щите. — ДАЕШЬ ПЕРВЕНСТВО ШТАТА В 1960! С НАМИ ДЖИМ СИЛА!»

И что это означает? — подумал я. Но разумеется, у каждой школы есть секретные знаки и сигналы. Благодаря им детки чувствуют себя единым целым.

Проехав пять миль по шоссе 109, я добрался до города Джоди. «НАСЕЛЕНИЕ 1280, — гласил щит при въезде. — ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ, НЕЗНАКОМЕЦ!» На широкой, обсаженной деревьями Главной улице я заметил небольшой ресторан. На табличке в витрине прочитал: «ЛУЧШИЕ МОЛОЧНЫЕ КОКТЕЙЛИ, ЖАРЕНЫЙ КАРТОФЕЛЬ И БУРГЕРЫ ВО ВСЕМ ТЕХАСЕ!» Назывался ресторанчик «Закусочная Эла».

Само собой.

Я оставил «санлайнер» перед рестораном на одной из парковочных клеток, вошел и заказал «Вилорог-бургер». Выяснилось, что это двойной чизбургер с соусом барбекю. К нему полагались мескито-фрайс и родео-шейк, с клубничным, шоколадным или ванильным мороженым на выбор. Вилорог уступал толстобургеру, но ненамного, зато картофель оказался какой я люблю: хрустящий, солоноватый и чуть пережаренный.

Эл, точнее, Эл Стивенс, худощавый мужчина средних лет, внешне ничем не напоминал Эла Темплтона. Прическа в стиле рокабилли, тронутые сединой бандитские усы, густой техасский

выговор, шляпа из газеты, сдвинутая на один глаз. Когда я спросил его, сколько стоит аренда в Джоди, он рассмеялся и ответил: «Цену будете назначать вы. Но если речь зайдет о работе, с этим у нас туго. По большей части ее можно найти только на ранчо, а вы, уж простите, на ковбоя не похожи».

— Я точно не ковбой, — подтвердил я. — Если на то пошло, больше тяну на писателя.

— Да вы что! Я мог что-то читать?

— Еще нет, — ответил я. — Я в самом начале пути. Написал примерно половину романа, и пара издателей проявила интерес. Я ищу тихое место, чтобы закончить его.

— Что ж, Джоди — тихий городок, это точно. — Эл закатил глаза. — Если речь о тишине, думаю, мы могли бы получить патент. Шумят здесь только по пятницам.

— Футбол?

— Да, сэр. Ходит весь город. В перерыве между таймами они все ревут, как львы, потом приветствуют Джима. Слышно за две мили. Довольно забавно.

— Кто такой Джим?

— Ладью, куотербек. Иногда у нас подбирался хороший состав, но никогда в команде Денхолма не бывало такого куотербека, как Ладью. И он еще в одиннадцатом классе. Люди уже говорят о первенстве штата. По мне, это чрезмерный оптимизм, учитывая большие школы Далласа, но чуточка надежды никому не повредит, так я, во всяком случае, думаю.

— Помимо футбола, какая у вас школа?

— Очень хорошая. Многие поначалу сомневались в целесообразности объединения, и я в том числе, но все обернулось как нельзя лучше. В этом году у нас больше семисот учеников. Некоторым ехать на автобусе час, а то и больше, но они не возражают. Возможно, потому что удается меньше работать дома. Ваша книга о старшеклассниках? Вроде «Школьных джунглей»? Потому что в нашей нет никаких банд. Наши дети все еще ведут себя как положено.

— Ничего такого. У меня есть сбережения, но я бы не возражал против дополнительного заработка и мог бы пойти в школу замещающим учителем. Учить, работая на полную ставку, и одновременно писать у меня не получится.

— Разумеется, нет, — уважительно согласился Эл.

— Диплом у меня из Оклахомы, но... — Я пожал плечами, как бы признавая, что Техас и Оклахома в разных весовых категориях, однако человек не должен терять надежду.

— Знаете, вам надо поговорить с Деком Симмонсом. Он директор школы. Чуть ли не каждый вечер приходит сюда обедать. Его жена уже пару лет как умерла.

— Очень жаль.

— Нам тоже. Он хороший человек. Как и большинство в этих краях, мистер?..

— Амберсон. Джордж Амберсон.

— Что ж, Джордж, мы тут сонные, за исключением пятничных вечеров, но можно найти местечко и похуже. Возможно, вы научитесь реветь, как лев, в перерыве между таймами.

— Может, и научусь, — согласился я.

— Возвращайтесь около шести. Дек обычно приходит в это время. — Он положил руки на стойку, наклонился ко мне. — Хотите подсказку?

— Само собой.

— Он скорее всего придет с подругой. Мисс Коркорэн, школьным библиотекарем. Ухаживает за ней с последнего Рождества. Я слышал, что *именно* Мими Коркорэн руководит Денхолмской объединенной школой, поскольку *он* у нее под каблуком. Если произведете на нее впечатление, считайте, что работа у вас в кармане.

— Я это запомню, — кивнул я.

15

Недели квартирной охоты в Далласе вылились в единственный приемлемый вариант, но хозяином той квартиры оказался человек, у которого мне ничего арендовать не хотелось. В Джоди мне потребовались три часа, чтобы отыскать подходящее местечко. Не квартиру, а аккуратный пятикомнатный дом. Он был выставлен на продажу, но риелтор сказал мне, что семейная пара, которой принадлежал дом, готова сдать его в аренду достойному человеку. Задний двор затеняли вязы, имелся гараж для «санлайнера» и... система кондиционирования. Арендную плату я счел вполне разумной, учитывая удобства.

Риелтора звали Фредди Куинлэн. Ему, конечно, хотелось узнать обо мне больше — номерные знаки штата Мэн выглядели весьма экзотично, — но излишнего любопытства он не проявлял. И что самое главное, здесь я не чувствовал тени, которая накрывала меня в Далласе, в Дерри и в Сансет-Пойнт, где мой последний арендованный дом превратился в пепелище.

— Ну? — спросил Куинлэн. — Что думаете?

— Я хочу его взять, но пока не могу сказать вам ни да, ни нет. Сначала должен повидаться с одним человеком. Только завтра вы, наверное, не работаете?

— Нет, сэр, работаю. По субботам я работаю до полудня. Потом еду домой и смотрю по телевизору «Игру недели». Чувствую, в этом году Серии будут чертовски захватывающими.

— Да, — кивнул я. — Несомненно.

Куинлэн протянул руку:

— Приятно познакомиться с вами, мистер Амберсон. Готов спорить, Джоди вам понравится. Мы люди хорошие. Надеюсь, все сложится удачно.

Я пожал его руку.

— Я тоже.

Как и говорил Эл Стивенс, чуточка надежды никому не повредит.

16

Вечером я вернулся в «Закусочную Эла» и представился директору Денхолмской объединенной школы и его подруге-библиотекарю. Они пригласили меня за свой столик. Деку Симмонсу, высокому и лысому, перевалило за шестьдесят. Загорелая Мими носила очки. Синие глаза за бифокальными стеклами пристально меня разглядывали. Их обладательница определенно пыталась разобраться, с кем имеет дело. Ходила она, опираясь на трость, однако управлялась с ней легко и непринужденно (даже пренебрежительно). Меня позабавило, что на обоих красовались вымпелы школы и золотистые значки-пуговицы с надписью «С НАМИ ДЖИМ СИЛА!». По пятницам в Техасе играли в футбол.

Симмонс спросил меня, нравится ли мне Джоди (очень), давно ли я в Далласе (с августа) и получаю ли удовольствие от школьного футбола (само собой). Ближе всего к интересующей

меня теме он подошел, спросив, уверен ли я в своей способности убедить детей «заниматься делом». Потому что, по его словам, у многих замещающих учителей с этим возникали проблемы.

— Я про школьников, которых учителя отправляют в администрацию школы. Будто у нас нет других дел, кроме как возиться с ними. — И он откусил кусок вилорог-бургера.

— Соус, Дек, — заметила Мими, и он послушно вытер уголок рта бумажной салфеткой, которую взял с подставки.

Она тем временем продолжала осмотр: пиджак спортивного покроя, галстук. Стрижка. Туфли библиотекарь успела изучить, пока я шел к их кабинке.

— У вас есть рекомендации, мистер Амберсон?

— Да, мэм. Я достаточно долго проработал замещающим учителем в округе Сарасота.

— А в Мэне?

— Там — чуть-чуть, но я три года проработал на ставку в Висконсине, прежде чем решил полностью посвятить свое время книге. Вернее, не совсем полностью, насколько позволяют финансовые возможности. — Я действительно мог предъявить рекомендательное письмо из Сент-Винсентской школы в округе Мэдисон. Хорошее письмо — я написал его сам. Разумеется, если бы кто-то решил его проверить, меня уличили бы во лжи. Дек Симмонс этого бы делать не стал, а вот проницательная Мими с дубленой ковбойской кожей вполне могла.

— И о чем ваш роман?

Тут я тоже мог пролететь, но решил ответить честно. Насколько, разумеется, позволяло мое деликатное положение.

— Несколько убийств и их воздействие на город, где они случились.

— Господи, — выдохнул Дек.

Она похлопала его по руке.

— Помолчи. Продолжайте, мистер Амберсон.

— Поначалу местом действия я выбрал вымышленный город в штате Мэн... я назвал его Доусон... но потом решил, что роман получится более реалистичным, если действие будет разворачиваться в *настоящем* городе. Большом городе. Остановил свой выбор на Тампе, но понял, что ошибся, как только...

Она отмела Тампу взмахом руки.

— Слишком спокойный. Очень много туристов. Подозреваю, вы искали что-то более враждебное людям.

Проницательная дама. Знала о моей книге больше, чем я.

— Совершенно верно. Решил попробовать Даллас. Думаю, это правильный выбор, но...

— Но вы не захотели там жить?

— Именно.

— Понимаю. — Она поковыряла вилкой обжаренную во фритюре рыбу. Дек восторженно смотрел на нее. Мими, похоже, обладала всем, что он хотел найти в женщине, когда жизненный пик пройден и остается лишь не спеша скатываться к естественному финишу. Ничего удивительного. Каждый когда-то в кого-то влюбляется, как мудро заметит Дин Мартин. Но лишь через несколько лет.

— А что вы читаете, когда не пишете, мистер Амберсон?

— Всего понемногу.

— Вы читали «Над пропастью во ржи»?

Приплыли, подумал я.

— Да, мэм.

Она вновь отмахнулась.

— Зовите меня Мими. Даже дети зовут меня Мими, хотя я настаиваю, чтобы они прибавляли «миз», из уважения к моему возрасту. И что вы думаете о cri de coeur* мистера Сэлинджера?

Солгать или сказать правду? Несерьезный вопрос. Эта женщина могла распознать ложь с той же легкостью, с какой я мог... ну... прочитать на рекламном щите «ИМПИЧМЕНТ ЭРЛУ УОРРЕНУ».

— Я думаю, эта книга о том, какими ужасными были пятидесятые и какими хорошими могут стать шестидесятые. При условии, что Холдены Колфилды не растеряют свою ярость. И свою храбрость.

— Ммм. Гмм. — Она возила рыбу по тарелке, но не ела. Неудивительно, что из нее получился бы отличный воздушный змей, если прицепить нитку к платью со спины. — Вы считаете, что ей место в школьной библиотеке?

Я вздохнул, думая о том, как бы мне понравилась жизнь в городе Джоди, штат Техас, и работа замещающим учителем в местной школе.

— Если на то пошло, мэм... Мими, да. Хотя я уверен, что выдавать ее можно только определенным ученикам, на усмотрение библиотекаря.

— Библиотекаря? Не родителей?

---

* Крик души (*фр.*).

— Нет, мэм. Это уже тонкий момент.

Мими Коркорэн широко улыбнулась и посмотрела на своего кавалера.

— Дек, этому парню не место в списке замещающих учителей. Он должен получить полную ставку.

— Мими...

— Я знаю, вакансий на кафедре английского языка и литературы нет. Но если он пробудет здесь достаточно долго, мы сможем зачислить его в штат, когда этот идиот Фил Бейтман выйдет на пенсию.

— Мимс, это так бестактно.

— Да. — Тут она мне подмигнула. — Зато чистая правда. Отправьте Деку ваше рекомендательное письмо из Флориды, мистер Амберсон. Этого вполне хватит. А еще лучше, принесите его сами, на следующей неделе. Учебный год уже начался. Незачем терять время.

— Зовите меня Джордж.

— Да, действительно. — Она отодвинула тарелку. — Дек, это *ужасно*. Почему мы тут едим?

— Потому что я люблю бургеры, а тебе нравится песочный кекс с клубникой.

— Да, — кивнула она. — Песочный кекс с клубникой. Принеси его. Мистер Амберсон, вы сможете сегодня остаться на игру?

— Сегодня нет, — ответил я. — Мне нужно вернуться в Даллас. Может, приду на следующую игру, если вы сочтете возможным взять меня на работу.

— Если вы нравитесь Мими, то нравитесь и мне, — заверил меня Дек Симмонс. — Я не могу гарантировать вам день каждую неделю, но в некоторые недели у вас будут и два, и три дня. Так что в среднем день в неделю обязательно получится.

— Я уверен, что получится.

— Жалованье замещающего учителя, боюсь, невысокое...

— Это я знаю, сэр. Я просто ищу способ чуть увеличить свой доход.

— «Над пропастью во ржи» никогда не появится в нашей библиотеке. — Дек бросил полный сожаления взгляд на свою поджавшую губки даму. — Школьный совет не пропустит. Мими это знает. — И он откусил очередной кусок бургера.

— Времена меняются. — Мими Коркорэн указала сначала на подставку с салфетками, потом на уголок его рта. — Дек. Соус.

17

На следующей неделе я допустил ошибку. Мне следовало осознавать, что после случившегося о крупных ставках надо забыть. Вы скажете, что осторожность мне бы не помешала.

Я осознавал риск, но тревожился из-за денег. В Техас я привез чуть меньше шестнадцати тысяч долларов. Остатки заначки Эла, а по большей части — мои выигрыши по двум крупным ставкам, одной в Дерри, другой в Тампе. Однако семь недель проживания в «Адольфе» обошлись мне более чем в тысячу долларов, и на обустройство в новом городе предстояло выложить не меньше четырех-пяти сотен. Помимо еды, оплаты аренды и коммунальных услуг мне требовалась одежда — и хорошая, чтобы выглядеть в классе респектабельным. Я намеревался прожить в Джоди два с половиной года, прежде чем поставить точку в этой истории с Ли Харви Освальдом. Четырнадцати тысяч долларов определенно не хватило бы. Жалованье замещающего учителя? Пятнадцать долларов и пятьдесят центов в день? Не смешите.

Ладно, может, я протянул бы на четырнадцать тысяч плюс тридцать, а иной раз и пятьдесят баксов в неделю, которые получал бы в школе. Но при условии, что не заболею и не стану жертвой несчастного случая, а на это я рассчитывать не мог. Потому что прошлое хитро — не только упрямо. Оно сражается. И да, возможно, сработала жадность. Если так, то шла она не от любви к деньгам, а от будоражащего осознания, что я могу побить обычно непобедимого букмекера, когда захочу.

Теперь я думаю: *Если бы Эл приглядывался к фондовой бирже так же внимательно, как к бейсбольным и футбольным матчам и скачкам...*

Но он не приглядывался.

Теперь я думаю: *Если бы Фредди Куинлэн не упомянул, что Мировые серии будут чертовски захватывающими...*

Но он упомянул.

И я вновь поехал на Гринвилл-авеню.

Говорил себе, что все эти заядлые игроки в соломенных шляпах и подтяжках, которых я видел перед «Честным платежом» (где доверие — наш девиз), будут делать ставки на Серии и некоторые поставят на кон большие деньги. Я говорил себе, что стану одним из многих и ставка средней величины мистера Джорджа Амберсо-

на — живущего, по его словам, в переделанном в двухэтажную квартиру гараже на Блэкуэлл-стрит здесь, в Далласе, — не привлечет внимания. Черт, я говорил себе, что те, кто держит «Честный платеж», знать не знают сеньора Эдуардо Гутиерреса из Тампы со времен Адама. Или, точнее, со времен Хама, сына Ноева.

Да, я говорил себе много чего, а сводилось все к двум утверждениям: во-первых, такая ставка совершенно безопасна, во-вторых, запастись деньгами — решение здравое, пусть на текущий момент мне их хватало. Я поступал глупо. Но глупость — одна из двух особенностей человеческой натуры, которые хорошо видны, когда оглядываешься назад. Вторая особенность — упущенные шансы.

18

Двадцать восьмого сентября, за неделю до начала Серий, я вошел в «Честный платеж» и — немного пожавшись для приличия — поставил шестьсот долларов на то, что «Питсбургские пираты» побьют «Янкиз» в семи играх. Согласился на коэффициент два к одному, хотя полагал, что это слишком мало, учитывая, сколь многие ставили на «Янкиз». Через день после того, как Билл Мазероски совершил умопомрачительную круговую пробежку в девятом иннинге, принеся победу «Букасам»*, я приехал в Даллас на Гринвилл-авеню. Думаю, если бы увидел, что «Честный платеж» пустует, развернулся бы и тут же покатил в Джоди... или, возможно, это я говорю себе сейчас. Точно не знаю.

Зато *знаю* другое: перед букмекерской конторой стояла очередь желающих получить выигрыши, и я к ней присоединился. Очередь эта показывала, что мечта Мартина Лютера Кинга может обернуться явью: половина черных, половина белых, и все счастливы. Большинство уходило с несколькими пятерками или с парой двадцаток, но я видел нескольких, пересчитывавших сотенные. Вооруженный грабитель, решившийся в тот день напасть на «Честный платеж», мог бы хорошенько подзаработать.

Деньги выдавал крепкий мужчина с зеленым козырьком на лбу для защиты глаз от яркого света. Он задал мне стандартный первый вопрос («Вы коп? Если да, покажите свое удостоверение»), а после отрицательного ответа спросил, как меня зовут, и

* Прозвище «Питсбургских пиратов».

взглянул на мое водительское удостоверение. Новенькое, которое я получил заказным письмом неделю тому назад: первый официальный техасский документ, добавленный к моей коллекции. И я закрывал большим пальцем мой адрес в Джоди.

Он заплатил мне тысячу двести долларов. Я засунул их в карман и быстро зашагал к моему автомобилю. Когда выехал на шоссе 77 — Даллас быстро таял вдали, Джоди приближался с каждым оборотом колес, — наконец-то расслабился.

Глупыш.

19

Мы собираемся совершить очередной прыжок во времени (в повествованиях тоже бывают «кроличьи норы»), но сначала я должен рассказать еще об одном событии.

Форт-Уорт. 16 ноября 1960 года. Прошло чуть больше недели после избрания Кеннеди президентом. Угол Боллинджер-стрит и Западной Седьмой улицы. День холодный и сумрачный. Из выхлопных труб автомобилей тянется белый дымок. Метеоролог радиостанции Кей-эл-ай-эф («Только хиты, все время») предупреждает, что к полуночи дождь может стать ледяным, так что, рокеры и роллеры, будьте осторожны на автострадах.

Я — в толстой кожаной куртке и кепке с отворотом, натянутой на уши — сидел на скамейке перед зданием Ассоциации техасских скотоводов, лицом к Западной Седьмой. Провел здесь почти час, поскольку не думал, что некий молодой человек так надолго задержится у своей матери. Согласно записям Эла Темплтона, все трое сыновей уехали от нее при первой же возможности. Я надеялся, что она выйдет с ним из многоквартирного дома, в котором жила. Она недавно вернулась в этот город из Уэйко, где провела несколько месяцев, работая компаньонкой в женском доме престарелых.

Ждал я не зря. Дверь «Ротари эпатментс» открылась, и на улицу вышел худощавый молодой человек, очень похожий на Ли Харви Освальда. Он придержал дверь, пропуская женщину в пальто из шотландки и белых туфлях с закругленными мысками, какие носят медсестры. Крепкого телосложения, она едва доставала молодому человеку до плеча. Седеющие волосы зачесаны назад, лицо испещряют преждевременные морщины. Голова по-

вязана красным платком. Помада такого же цвета подчеркивала маленький рот, недовольный и сварливый, рот женщины, верящей, что весь мир настроен против нее, и за годы собравшей немало тому доказательств. Старший брат Ли Освальда быстро пошел по тротуару. Его мать поспешила следом, схватила его сзади за пальто. Он повернулся к ней. Они ссорились, но говорила главным образом женщина. Трясла пальцем перед его лицом. Я не мог расслышать слов — нас разделяли добрых полтора квартала. Потом он двинулся к углу Западной Седьмой и Саммит-авеню, как я и ожидал. Он приехал на автобусе, а ближайшая остановка находилась там.

Женщина какое-то время постояла, словно в нерешительности. *Давай, Мама,* подумал я. *Ты же не собираешься так легко его отпустить, правда? Он всего лишь в половине квартала. Ли пришлось уехать в Россию, чтобы не видеть твой мотающийся перед лицом палец.*

Она последовала за ним, а когда они приблизились к углу, возвысила голос, и до меня донеслись ее слова:

— *Остановись*, Роберт, не иди так быстро, я еще с тобой не закончила!

Он оглянулся, но продолжал идти. Она догнала его у автобусной остановки и дергала за рукав, пока он не посмотрел на нее. Палец тут же закачался, как маятник. Я слышал только обрывки фраз: *ты обещал*, и *отдала тебе все*, и — думаю — *кто ты такой, чтобы судить меня*. Я не мог видеть лицо Освальда, потому что он стоял спиной ко мне, но его поникшие плечи говорили о многом. Я сомневался, что Мама впервые выскакивала следом за ним на улицу, непрерывно тараторя, никого не замечая вокруг. Она прижала руку к груди вечным материнским жестом: *Смотри на меня, ты, неблагодарное дитя.*

Освальд сунул руку в задний карман, достал бумажник, дал ей купюру. Она бросила деньги в сумочку, не взглянув на номинал, и пошла к «Ротари эпатментс». Потом что-то вспомнила и вновь повернулась к нему. Я услышал ее ясно и отчетливо. Их разделяли пятнадцать или двадцать ярдов, так что она возвысила скрипучий голос. Казалось, чьи-то ногти скребут по классной доске.

— И позвони мне, когда Ли даст о себе знать, хорошо? У меня по-прежнему спаренный телефон, это все, что я могу себе позволить, пока не найду работу получше, и эта Сайкс, которая живет

внизу, постоянно висит на телефоне, но я с ней уже поговорила, высказала все, что думаю. «Миссис Сайкс», — сказала я...

Мимо проходил какой-то мужчина. Он демонстративно заткнул пальцем ухо, улыбаясь. Если Мама заметила, то не подала и виду. Она не желала замечать и смущения на лице сына.

— «Миссис Сайкс, — сказала я, — вы не единственная, кому нужен телефон, и я буду вам очень признательна, если говорить вы будете *коротко*. Если вы сами этого не сделаете, то мне придется обратиться к представителю телефонной компании, чтобы он вас *заставил*». Вот что я сказала. Так что звони мне, Роб. Ты знаешь, мне нужно быть на связи с Ли.

Показался автобус. Когда он подъезжал к остановке, Роберт возвысил голос, чтобы перекрыть шипение пневматических тормозов.

— Он чертов комми, мама, и домой он не вернется. Свыкнись с этим.

— *Ты мне звони!* — завопила она. Ее маленькое суровое лицо окаменело. Она стояла, расставив ноги, будто боксер, готовый принять удар. Любой удар. Все удары. Ее глаза сверкали за очками «кошачий глаз» в черной оправе. Я обратил внимание на двойной узел платка под подбородком. Начался дождь, но она ничего не замечала. Набрала полную грудь воздуха и возвысила голос чуть ли не до крика:

— *Мне нужно быть на связи с моим хорошим мальчиком, слышишь меня?*

Роберт Освальд поднялся по ступенькам в салон, ничего не ответив. Автобус отъехал, оставив облако сизого дыма. И в этот самый момент улыбка осветила ее лицо. Произошло, казалось бы, невозможное: от этой улыбки она и помолодела, и стала более уродливой.

Мимо проходил рабочий. Он не толкнул ее, насколько я видел, даже не задел, но она рявкнула на него:

— Смотри, куда идешь! Тротуар тебе не принадлежит!

И, по-прежнему улыбаясь, Маргарита Освальд направилась к дому, в котором жила.

Во второй половине дня я поехал в Джоди, потрясенный и задумчивый. Увидеть Освальда мне предстояло еще через полтора года, и я по-прежнему хотел остановить его, но уже сочувствовал ему куда больше, чем Фрэнку Даннингу.

Глава 13

1

Вечер 18 мая 1961 года, без четверти восемь. Свет долгих техасских сумерек заполнил двор. Окно я открыл, и занавески колыхались под легким ветерком. По радио Трой Шонделл пел «На этот раз». Я сидел во второй спальне маленького дома, которую превратил в кабинет. Привез списанный в школе стол. Под одну более короткую ножку подложил дощечку. Работал я на портативной пишущей машинке «Уэбстер». Правил первые сто пятьдесят страниц моего романа «Место убийства», потому что Мими хотела их прочитать, о чем не уставала напоминать мне, а я уже уяснил для себя, что Мими относится к людям, которым приходилось уступать. С романом дело продвигалось успешно. В первом варианте я без труда превратил Дерри в вымышленный город Доусон, а превращение Доусона в Даллас далось мне еще легче. Я начал вносить изменения только для того, чтобы уже написанные страницы подтвердили мою легенду, когда я наконец отнесу их Мими, но теперь изменения эти казались жизненно важными и неизбежными. Создавалось ощущение, что книга хотела, чтобы ее действие разворачивалось в Далласе.

Зазвенел дверной звонок. Я положил пресс-папье на страницы рукописи, чтобы их не разнесло по комнате ветром, и пошел посмотреть, кто пожаловал ко мне в гости. Я помню все это очень отчетливо: колышущиеся занавески, пресс-папье — гладкий камень с берега реки, песню «На этот раз» из радиоприемника, тающий свет техасского вечера, который я уже полюбил. Я не могу этого не помнить. Именно в тот вечер я перестал существовать в прошлом и начал жить.

Я открыл дверь и увидел стоящего на пороге Майкла Кослоу. Он плакал.

— Я не могу, мистер Амберсон, — услышал я. — Просто не могу.

— Что ж, заходи, Майк, — предложил я ему. — Давай об этом поговорим.

2

Его появление меня не удивило. Я пять лет руководил маленьким драматическим кружком Лисбонской средней школы, прежде чем сбежал в Эру всеобщего курения, и за эти годы навидался боязни сцены. Ставить спектакли с актерами-подростками — все равно что жонглировать банками с нитроглицерином: и кружит голову, и опасно. Я видел девушек, все схватывавших на лету и удивительно естественных на репетициях, которые на сцене превращались в статуи. Я видел низкорослых парней-ботаников, которые расцветали и вырастали на фут в тот момент, когда произнесенная реплика вызывала смех в зале. Я работал с увлеченными трудягами, и иногда встречал ученика или ученицу с искрой таланта. Однако с таким, как Майк Кослоу, я столкнулся впервые. Подозреваю, есть учителя школ и преподаватели колледжей, которые всю жизнь занимались театром, но никогда не видели такого, как Майк.

Мими Коркорэн, которая на самом деле руководила Денхолмской объединенной школой, уговорила меня взяться за постановку пьесы для старшеклассников, когда у Элфи Нортон, учительницы математики, ставившей спектакли из года в год, диагностировали острый миелоидный лейкоз и отправили ее в Хьюстон на лечение. Я попытался отказаться, оправдываясь тем, что мне надо бывать в Далласе, но не так часто ездил туда зимой и ранней весной 1961 года. Мими это знала, потому что я всегда оказывался под рукой, если Деку требовался замещающий учитель английского языка и литературы. И действительно, в Далласе я лишь отбывал время. Ли все еще находился в Минске, вскорости собирался жениться на Марине Прусаковой, девушке в красном платье и белых туфлях.

— У вас предостаточно свободного времени. — Мими уперла руки (сжав пальцы в кулаки) в тощие бока. Ее настроение в тот день характеризовалось тремя словами: пленных не брать. — И за это *платят*.

— Да, конечно, — кивнул я. — Я справлялся у Дека. Пятьдесят баксов. Я буду первым парнем на районе.

— Где?

— Не важно, Мими. Пока с деньгами у меня полный порядок: Мы можем закрыть эту тему?

Нет. Миз Мими весьма напоминала человека-бульдозер и, наталкиваясь на несдвигаемый предмет, опускала нож ниже и давила на газ. Без меня, заявила она, школа впервые за свою историю останется без спектакля учеников старших и младших классов. Родители будут разочарованы. Школьный совет будет разочарован.

— И я, — тут она сдвинула брови, — сильно огорчусь.

— Боже упаси, вас нельзя огорчать, Мими, — заверил я ее. — Вот что я вам скажу. Если мне позволят выбрать пьесу — что-то не слишком спорное, обещаю, — спектакль я поставлю.

Хмурый взгляд Мими Коркорэн сменился фирменной лучезарной улыбкой, которая всегда превращала Дека Симмонса в податливый воск (по правде говоря, существенной трансформации для этого не требовалось).

— Прекрасно! Кто знает, может, вы отыщете в наших классах блистательного актера.

— Да-да. Бывает, и свиньи свистят.

Но жизнь — та еще шутница: я действительно нашел блистательного актера. От природы. И теперь, накануне первого из четырех спектаклей, он сидел в моей гостиной, занимая чуть ли не весь диван (который заметно прогибался под его двумястами семьюдесятью фунтами), и самозабвенно рыдал. Майк Кослоу. Также известный как Ленни в одобренной для старшей школы адаптации романа Джона Стейнбека «О мышах и людях», которую сделал Джордж Амберсон.

Но Ленни он мог стать лишь в одном случае: если бы мне удалось уговорить его выйти завтра на сцену.

3

Я собрался дать ему бумажных салфеток, но решил, что они не помогут, и принес из кухни чистое посудное полотенце. Он вытер им лицо, более-менее очухался, в отчаянии посмотрел на меня. Красными, опухшими глазами. Плакать он начал не у моей двери. Похоже, посвятил этому всю вторую половину дня.

— Хорошо, Майк. Объясни, я постараюсь понять.

— В команде все надо мной смеются, мистер Амберсон. Тренер назвал меня Кларком Гейблом, это было на весеннем пикнике «Львиная гордость»... И теперь все так меня называют. Даже

Джимми. — Он говорил про Джима Ладью, звездного куотербека школьной команды и своего закадычного друга.

Тренер Борман меня не удивил. Тот еще мерзавец, который проповедовал командный дух и терпеть не мог, когда кто-то залезал на его территорию как по ходу сезона, так и в любое другое время. А Майка как только не называли! В школьных коридорах я много чего наслушался. И Дуболомом Майком, и Джорджем из джунглей, и Годзиллой. Над этими прозвищами он смеялся. Такая веселая, даже рассеянная реакция на насмешки и оскорбления — возможно, величайший дар природы высоченным и здоровенным парням. Рядом с Майком, ростом шесть футов и семь дюймов и весом двести семьдесят фунтов, я выглядел как Микки Руни.

У «Львов» была только одна суперзвезда — Джим Ладью. Это в его честь поставили рекламный щит, который я видел на перекрестке автострады 77 и шоссе 109, но если в команде кто и помогал ему блистать, так это Майк Кослоу, собиравшийся подписать контракт с Аграрно-техническим университетом Техаса по окончании первенства школьных команд. Ладью пригласили в Алабамский «Алый прилив»* (о чем любому желающему сообщали он сам и его отец), но предложи мне кто-нибудь назвать наиболее вероятного будущего игрока профессиональной команды, я бы поставил на Майка. Мне нравился Джим, однако его, по моему разумению, ждала либо травма колена, либо вывих плеча. Комплекция Майка, с другой стороны, свидетельствовала, что ему уготована долгая спортивная жизнь.

— А что говорит Бобби Джил?

Майк и Бобби Джил Оллнат, казалось, уже срослись друг с другом, как сиамские близнецы. Красотка? Будьте уверены. Блондинка? Само собой. Из группы поддержки? Чего спрашивать.

Он улыбнулся.

— Бобби Джил поддерживает меня на тысячу процентов. Говорит, что я должен показать себя мужчиной и не позволять этим парням насмехаться надо мной.

— Благоразумная юная леди.

— Да, лучше ее просто нет.

---

* Общее название спортивных команд Университета Алабамы, славящегося своими спортивными достижениями.

— В любом случае я подозреваю, что на самом деле причина не в прозвищах. — И поскольку он не ответил, добавил: — Майк? Говори.

— Я выйду перед всеми этими людьми и опозорюсь. Так мне сказал Джимми.

— Джимми потрясающий куотербек, и я знаю, что вы дружите, но когда речь идет о сцене, он полное говно. — Майк моргнул. В тысяча девятьсот шестьдесят первом году учителя редко употребляли слово «говно», даже если оно из них так и перло. Но разумеется, я работал лишь замещающим учителем, а потому мог позволить себе некоторые вольности. — Я думаю, тебе это известно. И, как говорят в здешних краях, ты, возможно, здоровый, но ты же не глупый.

— Люди *думают*, что глупый, — прошептал Майк. — И я учусь на тройки. Может, вы этого не знаете, может, заменяющие учителя не заглядывают в табель, но это так.

— Я посмотрел твои отметки на второй неделе репетиций, *когда понял, что ты* можешь делать на сцене. Ты учишься на тройки, потому что, будучи футболистом, *должен* учиться на тройки. Это часть этоса*.

— Чего?

— Догадайся по контексту, а «чего» оставь для своих друзей. Не говоря уже про тренера Бормана, которому, наверное, надо привязывать нитку к свистку, чтобы помнить, с какой стороны в него дуть.

На это Майк рассмеялся, несмотря на покрасневшие глаза и все такое.

— Послушай меня. Люди машинально думают, что такой большой парень, как ты, глуп. Скажи мне, что это не так, если хочешь, но исходя из того, что я слышал, ты такой здоровый с двенадцати лет, так что должен знать.

Он не оспорил мои слова, сказал другое:

— Все в команде пробовались на Ленни. Такая была шутка. Прикол. — И тут же добавил: — К вам никаких претензий, мистер Амберсон. Вся команда вас любит. И тренер Борман.

Действительно, футболисты толпой ломанулись на пробы, одним своим видом запугав более прилежных в учебе соискателей, заявляя, что хотят получить роль здоровенного слабоумного друга

* *Зд.*: стиль жизни какой-либо общественной группы.

Джорджа Милтона. Разумеется, все они воспринимали пробы как шутку, да только в прочитанном Майком отрывке роли Ленни я ничего смешного не увидел. Более того, для меня это стало чертовым откровением. Я бы воспользовался электрическим кнутом, если б не нашлось другого способа удержать его в классе, где проводилось прослушивание, но, разумеется, такие экстремальные меры воздействия не потребовались. Хотите знать, что самое лучшее в учительстве? Момент, когда ученик или ученица открывает для себя таящийся в нем или ней талант. Ни одно чувство на земле не может с этим сравниться. Майк знал, что другие члены команды будут над ним смеяться, но все равно согласился на эту роль.

И разумеется, тренеру Борману это не понравилось. Тренерам Борманам этого мира такое никогда не нравится. Правда, в данном случае он ничего не мог поделать, учитывая, что Мими Коркорэн была на моей стороне. И конечно же, он не мог заявить, что в апреле и мае Майк не должен пропускать тренировки. В итоге он ограничился тем, что обозвал своего лучшего линейного Кларком Гейблом. Есть люди, намертво вбившие себе в голову, что сцена — для девушек и педиков, которые спят и видят себя девушками. Гейвин Борман относился к таким людям. На ежегодной пивной вечеринке по случаю Дня дураков у Дона Хаггарти он пожурил меня за то, что я дурю голову этому большому увальню.

Я ответил, что он, безусловно, имеет право на собственное мнение. Оно есть у каждого, как и дырка в жопе. Потом отошел, оставив его с бумажным стаканчиком в руке и недоумением на лице. Тренеры Борманы этого мира привыкли к тому, что всегда добиваются своего, запугивая одним только видом, и он не мог взять в толк, почему это не сработало с замещающим учителем, стоящим на самой нижней ступеньке учительской иерархии, который в последний момент занял режиссерское кресло Элфи Нортон. Но не мог же я сказать тренеру Борману, что человек меняется, убив отца семейства во имя спасения жены и детей.

Если на то пошло, у тренера не было ни единого шанса. Я задействовал нескольких футболистов в массовке, они изображали горожан, но решил, что Майк станет Ленни, как только он открыл рот и произнес: «Я помню о кроликах, Джордж!»

Он *стал* Ленни. Он цеплял не только взгляд — благодаря своим габаритам, — но и сердце в груди зрителя. Зритель забывал обо всем, точно так же, как болельщики на трибунах стадиона

забывали о повседневных делах, когда Джим Ладью чуть отступал назад, чтобы отдать пас. Сложением Майк, возможно, идеально подходил для того, чтобы на футбольном поле сминать соперника, но создали его — то ли Бог, если таковой существует, то ли случайный бросок генетических костей — для того, чтобы он выходил на сцену и растворялся в ком-то еще.

— Это был прикол для всех, кроме тебя, — заметил я.

— Для меня тоже. Поначалу.

— Потому что поначалу ты не знал.

— Да, не знал. — Сипло. Почти шепотом. Он наклонил голову, потому что из его глаз вновь покатились слезы, а он не хотел, чтобы я их видел. Тренер прозвал его Кларком Гейблом, но если бы я его в этом упрекнул, сказал бы, что это всего лишь шутка. Прикол. Хохма. Как будто не знал, что вся команда эту шутку подхватит и будет доставать ею Майка. Как будто не знал, что такое прозвище заденет очень сильно, как никогда не задел бы Дуболом Майк. Почему люди поступают так с теми, у кого дар Божий? Из ревности? Страха? Может, дают о себе знать оба фактора. Но этому парню хватало ума, чтобы понимать, как он хорош. И мы оба знали, что проблема не в тренере Бормане. Только один человек мог помешать Майку выйти завтра на сцену — он сам.

— Ты играл в футбол на стадионе, где собиралось в девять раз больше людей, чем в этом актовом зале. Черт, когда в прошлом ноябре вы ездили в Даллас, на игру пришло десять или двенадцать тысяч. И отнюдь не ваших друзей.

— Футбол — это другое. Мы выходим на поле в одинаковой форме и шлемах. Нас можно различить только по номерам. Все на одной стороне...

— В спектакле, помимо тебя, участвуют еще девять человек, Майк, и это не считая массовки, которую я ввел в пьесу, чтобы задействовать твоих друзей-футболистов. Они тоже команда.

— Это не одно и то же.

— Может, и не одно. Но кое-что общее есть. Если ты их подведешь, все развалится и все проиграют. Актеры, команда, девушки из группы поддержки, которые вели рекламную кампанию, все эти люди, собравшиеся приехать на спектакль, — а у некоторых ранчо в пятидесяти милях. Не говоря уже обо мне. Я тоже проиграю.

— Пожалуй. — Он смотрел на свои ноги, очень большие ноги.

— Я переживу, если лишусь Рослого или Кудряша. Просто найду другого, кто быстро выучит роль. Я переживу, даже лишившись жены Кудряша...

— Хотелось бы, чтобы Сэнди играла получше, — вздохнул Майк. — Она чертовски красивая, но если вовремя произносит свою реплику, то это случайно.

Я позволил себе осторожно улыбнуться. Внутренне, само собой. Начал думать, что все будет хорошо.

— Кого я не могу потерять... кого постановка не может потерять... так это тебя или Винса Ноулса.

Винс играл Джорджа, второго бродягу, дружка Ленни, и если по-честному, мы пережили бы его потерю, если бы он подхватил грипп или сломал шею в автомобильной аварии (что могло случиться в любой момент, учитывая, как он водил отцовский пикап). Я бы сыграл его роль, если бы приперло, пусть и не очень-то подходил по комплекции, и мне не пришлось бы учить слова. После шести недель репетиций я мог повторить текст за любого актера. И лучше некоторых. Но я не мог заменить Майка. Никто не мог его заменить, он обладал уникальным сочетанием роста, веса и природного таланта. На нем держался весь спектакль.

— А если я все просру? — спросил он, услышал, что сказал, и прижал руку ко рту.

Я сел рядом. Места оставалось немного, но я поместился. В тот момент я не думал о Джоне Кеннеди, Эле Темплтоне, Фрэнке Даннинге или о мире, из которого я пришел. В тот момент я думал только об этом здоровенном парне... и моей постановке. Потому что она стала моей, точно так же, как стало моим время спаренных телефонов и дешевого бензина. В тот момент школьный спектакль «О мышах и людях» волновал меня гораздо больше, чем Ли Харви Освальд.

Но еще больше я волновался из-за Майка.

Я оторвал его руку ото рта. Опустил на громадное бедро. Положил ладони ему на плечи. Заглянул в глаза.

— Послушай меня, — обратился я к нему. — Ты слушаешь?

— Да, сэр.

— Ты ничего не просрешь. Скажи это.

— Я...

— *Скажи.*

— Я ничего не просру.

— Что ты сделаешь, так это потрясешь их. Это я тебе обещаю, Майк. — Я сжал его плечи еще сильнее. Словно вдавил пальцы в камень. Он мог бы поднять меня и переломить об колено, но лишь сидел, глядя смиренными, полными надежды глазами, все еще мокрыми от слез. — Ты меня слышишь? Я обещаю.

4

Свет заливал сцену, словно плацдарм для высадки десанта. К ней примыкало озеро темноты, где сидели зрители. Джордж и Ленни стояли на берегу воображаемой реки. Остальные скрылись за кулисами, но ненадолго. И умереть достойно этот здоровенный, рассеянно улыбающийся парень в комбинезоне мог только с помощью Джорджа.

— Джордж? А где все остальные?

Мими Коркорэн сидела справа от меня. В какой-то момент она взяла меня за руку и теперь сжимала ее. Крепко, крепко, крепко. Мы расположились в первом ряду. Дек Симмонс — он занимал кресло по другую руку от Мими — неотрывно смотрел на сцену, его рот чуть приоткрылся. Так, думаю, выглядел бы фермер, увидевший, как на его северном пастбище динозавр щиплет травку.

— Охотятся. Они все охотятся. Присядь, Ленни.

Винса Ноулса никогда бы не взяли в актеры. Скорее всего он стал бы продавцом в городском салоне «Крайслер-Додж», как и его отец, но блестящая игра одного может заставить остальных прыгнуть выше головы, и именно это произошло сегодня. Винсу, которому на репетициях удалось лишь раз или два достигнуть минимального уровня убедительности (главным образом потому, что злым, умным и худым лицом он напоминал Джорджа Милтона, каким тот вышел из-под пера Стейнбека), что-то передалось от Майка. Внезапно, где-то в середине первого действия, он наконец-то осознал, каково это — идти по жизни с единственным другом, таким, как Ленни, и полностью вошел в роль. А теперь, наблюдая, как он сдвигает на затылок старую — из реквизита — фетровую шляпу, я подумал, что Винс выглядит совсем как Генри Фонда в «Гроздьях гнева».

— Джордж?

— Да?

— Ты не собираешься задать мне жару?

— О чем ты?

— Ты знаешь, Джордж. — С улыбкой. Улыбка эта говорит: *Да, я знаю, что я тупица, но мы оба знаем, что моей вины в этом нет.* Ленни садится рядом с Джорджем на воображаемый берег реки. Снимает шляпу, отбрасывает, ерошит свои короткие светлые волосы. Копирует голос Джорджа. Майк проделывал все это легко и непринужденно с самой первой репетиции, безо всякого моего участия. — Будь я один, я бы горя не знал. Работал бы, и больше никаких неприятностей. — Возвращаясь к собственному голосу, или голосу Ленни: — Я могу уйти. Я могу уйти в горы и сыщу там пещеру, раз уж я тебе не нужен.

Винс Ноулс опустил голову, а когда поднял и произнес следующую фразу, его голос стал сиплым и задыхающимся. В нем слышалась печаль, какую Винсу никогда не удавалось выразить на репетициях.

— Нет, Ленни, я хочу, чтобы ты остался здесь, со мной.

— Тогда расскажи мне, как раньше! О других парнях и о нас!

Тут я услышал первый тихий всхлип в зале. За ним последовал другой. Третий. Этого я не ожидал, даже в самых дерзких мечтах. Холодок пробежал по моей спине, и я украдкой взглянул на Мими. Она еще не плакала, но влажный блеск глаз подсказывал, что ждать осталось недолго. Да, ее проняло — эту железную леди.

Джордж помялся, потом взял Ленни за руку, чего на репетициях Винс никогда не делал. *Это для педиков,* сказал бы он.

— Такие, как мы... Ленни, у таких, как мы, нет семьи. Они никто, и на них всем наплевать. — Другой рукой он взялся за бутафорский пистолет, спрятанный под курткой. Наполовину вытащил его. Убрал. Потом собрался с духом и вытащил полностью. Положил на ногу.

— Но не мы, Джордж! Не мы! Ведь так?

Майк исчез. Сцена исчезла. Теперь остались только эти двое, и к тому времени, когда Ленни попросил Джорджа рассказать ему о маленьком ранчо, о кроликах, о том, как они будут есть то, что вырастят на земле, плакала уже половина зала. Винс тоже плакал, да так сильно, что едва мог произносить последние фразы, попросив бедного глупого Ленни оглянуться, потому что там оно, маленькое ранчо, на котором они поселятся. И он увидит его, если присмотрится.

Сцена медленно погрузилась в кромешную тьму. Синди Маккомас впервые правильно погасила прожектора. Берди Джеймисон, школьный уборщик, выстрелил холостым патроном. Какая-то женщина в зале вскрикнула. Такая реакция обычно вызывает нервный смех, но в этот вечер я слышал только плач сидевших в креслах людей. И тишину. Она растянулась на десять секунд. А может, только на пять. Как бы то ни было, для меня она длилась вечность. Потом зал взорвался аплодисментами. Лучшего грома за свою жизнь я не слышал. Зажегся свет. Все вскочили. Первые два ряда зарезервировали для преподавателей, и мой взгляд случайно упал на тренера Бормана. Будь я проклят, если он тоже не плакал.

В третьем ряду сидели школьные спортсмены.

— *Ты король, Кослоу!* — крикнул Джим Ладью. Эти слова вызвали радостные вопли и смех.

Артисты вышли на поклоны: сначала футболисты из массовки, потом Кудряш и его жена, Огрызок и Рослый, остальные работники. Аплодисменты начали стихать, и тут появился Винс, раскрасневшийся и счастливый, с мокрыми от слез щеками. Майк Кослоу вышел последним, волоча ноги, словно смущаясь, а потом, когда Мими воскликнула: «Браво!» — на его лице отразилось невероятно комичное изумление.

К ней присоединились другие, и скоро зал скандировал: «*Бра-во! Бра-во! Бра-во!*» Майк низко поклонился, подмел сцену шляпой, которую держал в руке. Когда выпрямился, на его лице играла улыбка. Не просто улыбка. Он буквально лучился счастьем, какое могут ощутить только те, кому наконец-то удалось подняться на самую вершину.

Потом Майк прокричал:

— Мистер Амберсон! Поднимайтесь сюда, мистер Амберсон!

Артисты принялись скандировать:

— Ре-жис-сер! Ре-жис-сер!

— Поддержите аплодисменты, — прорычала рядом Мими. — Поднимайтесь на сцену, недотепа!

Я поднялся, аплодисменты вновь набрали силу. Майк схватил меня, обнял, оторвал от пола, вновь поставил и громко чмокнул в щеку. Все засмеялись, включая меня. Мы все взялись за руки, подняли их, поклонились залу. И когда я вслушивался в аплодисменты, мне в голову пришла мысль, омрачившая праздничное настроение. В Минске Ли и Марина уже девятнадцать дней как поженились.

5

Три недели спустя, буквально перед началом летних каникул, я поехал в Даллас, чтобы сфотографировать три дома, где будут жить Ли и Марина. Воспользовался маленьким фотоаппаратом «Минокс», держа его в ладони и выставляя объектив между двух пальцев. Чувствовал себя нелепо — в длинном плаще с поясом, словно карикатурный персонаж из раздела «Шпион против шпиона» в журнале «Мэд», а вовсе не Джеймс Бонд, — но по своему опыту уже знал, что с этим надо быть осторожнее.

Когда вернулся домой, у тротуара стоял небесно-синий «нэшрамблер» Мими Коркорэн, и она как раз садилась за руль. Увидев меня, вновь вылезла из машины. Ее лицо исказила легкая гримаса — боли или усилия, — а потом Мими двинулась по подъездной дорожке, изогнув губы в привычной сухой улыбке. Словно я забавлял ее. В рукс она держала туго набитый большой конверт из плотной бумаги, в котором лежали сто пятьдесят страниц «Места убийства». Я наконец-то уступил ее настоятельным просьбам... но произошло это лишь днем раньше.

— Или вам чертовски понравилось, или вы не продвинулись дальше десятой страницы. — Я взял конверт. — Какой ответ правильный?

Ее улыбка стала загадочной.

— Как и большинство библиотекарей, читаю я быстро. Мы можем войти в дом и поговорить о рукописи там? Еще не середина июня, но уже так жарко.

Да, и она вспотела, чего я не видел раньше. И вроде бы теряла вес. Не лучший вариант для дамы, которая и так не располагала лишними фунтами.

Когда мы расположились в моей гостиной со стаканами ледяного кофе — я на кресле, она на диване, — Мими высказала свое мнение.

— Мне понравился убийца, переодетый клоуном. Считайте меня извращенной, но я нашла, что это восхитительно страшно.

— Если вы извращенка, то мы одного поля ягоды.

Мими улыбнулась.

— Я уверена, что вы найдете издателя для этой книги. В целом мне очень понравилось.

Я почувствовал легкую обиду. Работа над «Местом убийства» начиналась как дымовая завеса, но постепенно, по мере того как

я втягивался в роман, он становился все более важным. Напоминал секретные мемуары. Хватал за живое.

— «В целом» напоминает мне Александра Поупа. Вы понимаете, осуждать, делая вид, что хвалишь*.

— Я не совсем в этом смысле. — Опять оговорка. — Просто... черт побери, Джордж, это совсем не то, чем вы должны заниматься. Вы должны учить. А если вы опубликуете такую книгу, ни одна школа в Соединенных Штатах не возьмет вас на работу. — Она помолчала. — Разве что в Массачусетсе.

Я не ответил. Лишился дара речи.

— Что вы сделали с Майком Кослоу... что вы сделали для Майка Кослоу... я не видела ничего более удивительного.

— Мими, это не я. У него природный та...

— Я *знаю*, что у него природный талант, это стало понятно, как только он вышел на сцену и открыл рот, но вот что я вам скажу, друг мой. Этому меня научили шестьдесят лет жизни и сорок из них — в школе. Артистический талант встречается гораздо чаще, чем талант *раскрыть* артистический талант. Любой родитель может железной рукой раздавить его, но раскрыть его — гораздо сложнее. Вы этим талантом обладаете, и его у вас гораздо больше, чем другого таланта, позволившего это написать. — Она похлопала по стопке листов, лежавшей перед ней на кофейном столике.

— Я не знаю, что и сказать.

— Скажите спасибо и поблагодарите за мою проницательность.

— Спасибо, и вашу проницательность превосходит только ваша красота.

Эта моя реплика вызвала весьма сухую улыбку.

— Не выходите за рамки, Джордж.

— Не буду, миз Мими.

Улыбка исчезла. Она наклонилась вперед. Синие глаза за очками стали очень большими, заняв чуть ли не пол-лица. Кожа под загаром пожелтела, всегда худые щеки просто ввалились. Когда это произошло? Заметил ли это Дек? Дурацкий вопрос, как сказали бы детки. Дек не заметил бы, что носки у него разного цвета, пока не снял бы их вечером. Может, не заметил бы и тогда.

* Аллюзия на поэму «Послание доктору Арбетноту» английского поэта Александра Поупа (1688—1744).

— Фил Бейтман больше не грозится уволиться. Он выдернул чеку и бросил гранату, как сказал бы наш обаятельный тренер Борман. А это означает, что на кафедре английского языка открылась вакансия. Идите в штат ДОСШ, Джордж. Ученики вас любят. А после этого спектакля для старшеклассников в городе вы — второй Альфред Хичкок. Дек ждет ваше заявление — он сказал мне об этом вчера вечером. Пожалуйста. Эту книгу опубликуйте под псевдонимом, если хотите, но приходите к нам и учите детей. В этом ваше призвание.

Мне очень хотелось согласиться, потому что она все говорила правильно. Писать книги — это не мое, как и убивать людей, пусть они в полной мере заслуживали смерти. Плюс Джоди. Я приехал сюда чужаком, оставившим за спиной не только родной город, но и эпоху, и первые же слова, услышанные мной здесь — от Эла Стивенса, в его закусочной, — дышали дружелюбием. Если вы когда-либо тосковали по дому, если чувствовали себя оторванным от людей и вещей, которые составляли вашу естественную среду, то знаете, как важны добрые слова и дружеские улыбки. Джоди являл собой антипод Далласа, и теперь эта женщина, один из столпов местного общества, просила меня из гостя стать горожанином. Но переломный момент приближался. Конечно, время еще оставалось. Возможно...

— Джордж? У вас такое *странное* выражение лица.

— Это раздумья. Вы позволите мне подумать? Пожалуйста?

Она приложила руки к щекам, округлила рот комичным «о», словно прося прощения.

— Не обращайте на меня внимания.

Я и не обращал, потому что торопливо пролистывал записи Эла. Для этого мне больше не требовалось держать их в руках. В сентябре, когда начнется новый учебный год, Освальд все еще будет в России, хотя он уже втянется в длительное бумажное сражение, поставив перед собой задачу вернуться в Америку с женой и дочкой Джун, которой Марина могла забеременеть со дня на день. Эту битву Освальд выиграет, с интуитивной прозорливостью стравив бюрократии двух супердержав, но на американскую землю Освальды ступят с трапа парохода «Маасдам» не раньше середины следующего года. Что же касается Техаса...

— Мимс, учебный год обычно заканчивается в первой половине июня, да?

— Всегда. Чтобы школьники, которым нужна летняя работа, успели о ней договориться.

...в Техас Освальды прибудут 14 июня 1962 года.

— А учительский контракт, который я подпишу, будет испытательным, правильно? На один год?

— С возможностью его продления, если обе стороны останутся довольны друг другом, да.

— Тогда у вас есть учитель английского языка и литературы, принятый на испытательный срок.

Она рассмеялась, хлопнула в ладоши, поднялась, протянула ко мне руки.

— Прекрасно! Слава миз Мими!

Я обнял ее и тут же разжал руки, услышав, как она ахнула.

— Да что, черт побери, с вами не так, мэм?

Она вернулась на диван, взяла стакан с ледяным кофе, отпила.

— Позвольте дать вам два совета, Джордж. Во-первых, никогда не называйте техасскую женщину «мэм», если приехали из северных краев. Это звучит саркастично. Во-вторых, никогда не спрашивайте любую женщину, что с ней не так. Найдите более деликатный подход. Скажем: «Вам нездоровится?»

— Вам нездоровится?

— С какой стати? Я выхожу замуж.

Сначала я не смог связать этот поворот разговора с предыдущей темой. Но что-то в ее глазах подсказывало, что никакого поворота и нет. Она лишь что-то плавно огибала. Что-то не очень приятное.

— Скажите: «Мои поздравления, миз Мими».

— Мои поздравления, миз Мими.

— Дек заговорил об этом чуть ли не год тому назад. Я ему отказала, напомнив, что его жена только-только умерла и пойдут разговоры. Но с течением времени этот аргумент теряет убедительность. Я сомневаюсь, что разговоры вообще бы пошли, учитывая наш возраст. Люди в маленьких городах понимают, что такие, как Дек и я, не могут позволить себе роскоши соблюдения всех норм приличия, поднявшись на некое... скажем так, плато зрелости. По правде говоря, мне бы хотелось оставить все как есть. Дек любит меня гораздо больше, чем я его, но он мне в достаточной степени нравится, и... рискуя вас смутить... женщины, достигшие некоего плато зрелости, не возражают против гимнастики под одеялом субботним вечером. Я вас смущаю?

— Нет, — ответил я. — Если по правде, то радуете.

Сухая улыбка.

— Прекрасно. Потому что этим утром, когда я перекидывала ноги через край кровати, в голове у меня, еще до того как они коснулись пола, сверкнула мысль: «Найду ли я сегодня способ порадовать Джорджа Амберсона? И если найду, что мне с этим делать?»

— Не выходите за рамки, миз Мими.

— Слышу голос мужчины. — Она отпила кофе. — Я пришла сюда с двумя целями. Первой уже достигла. Теперь перейду ко второй, чтобы больше не мешать вам заниматься своими делами. Мы с Деком собираемся пожениться двадцать первого июля, в пятницу. Скромная церемония пройдет у него дома, только мы, священник и ближайшие родственники. Его родители — очень энергичные для динозавров — приедут из Алабамы, а моя сестра — из Сан-Диего. Свадьбу устраиваем на следующий день, на лужайке моего дома. Начало в два пополудни и до пьянь-часа. Мы приглашаем весь город. Для маленьких детей будут пиньята* и лимонад, для больших — барбекю, и пиво, и музыкальная группа из Сан-Энтона. Я уверена, что они смогут сыграть «Луи, Луи» не хуже «Ла Паломы». Если вы не почтите нас своим присутствием...

— Вы огорчитесь?

— Безусловно. Прибережете этот день для нас?

— Будьте уверены.

— Хорошо. Мы с Деком уезжаем в Мексику в воскресенье, к тому времени он оправится от похмелья. Мы немного староваты для медового месяца, но к югу от границы доступно то, чего не достать в Револьверном штате. Некие экспериментальные методы лечения. Я сомневаюсь, что они сработают, но Дек надеется. И, черт, попытка не пытка. Жизнь... — Она печально вздохнула. — Жизнь слишком сладка, чтобы отдавать ее без борьбы, или вы так не думаете?

— Согласен с вами, — ответил я.

— Да, поэтому за нее и держатся. — Мими пристально всмотрелась в меня. — Вы сейчас расплачетесь, Джордж?

— Нет.

— Хорошо. Потому что я бы расстроилась. Могла бы и сама заплакать, а это у меня получается не очень хорошо. Никто не напишет стихотворения о моих слезах. Я не всхлипываю, а *квакаю*.

---

* Мексиканская полая игрушка, наполненная различными угощениями или сюрпризами (конфеты, хлопушки, орехи и т.п.).

— Насколько все плохо? Позволите спросить?

— Совсем плохо, — небрежно ответила она. — У меня восемь месяцев. Возможно, год. При условии, что травяные отвары, или персиковые косточки, или что там еще они используют в Мексике, волшебным образом не излечат меня.

— Я очень сожалею, что так вышло.

— Спасибо вам, Джордж. Вы изящно выразились. Еще слово, и получилось бы слезливо.

Я улыбнулся..

— У меня есть еще одна причина пригласить вас на нашу свадьбу, хотя и без слов понятно, что вашего обаяния и искрящегося остроумия уже достаточно для приглашения. На пенсию уходит не только Фил Бейтман.

— Мими, не делайте этого. Возьмите отпуск без сохранения содержания, если это необходимо, но...

Она решительно покачала головой.

— Больна я или здорова, сорока лет достаточно. Пора уступить место более молодым рукам, глазам, да и мозгам тоже. По моей рекомендации Дек нанял высококвалифицированную молодую женщину из Джорджии. Ее зовут Сейди Клейтон. Она будет на нашей свадьбе, но не знает ни единой души, и я надеюсь, что вы окажете ей всяческое содействие.

— Миссис Клейтон?

— Я бы так не сказала. — Мими смотрела на меня невинными глазами. — Как я понимаю, она в самое ближайшее время намерена вернуть себе девичью фамилию. В полном соответствии с положенными юридическими процедурами.

— Мими, вы еще и сводница?

— Отнюдь. — Она хихикнула. — Вовсе нет. Вы будете единственным учителем с кафедры английского языка и литературы, который еще не обзавелся парой, поэтому вполне естественно определить вас ей в наставники.

Я подумал, что рассуждения ее напрочь лишены логики, с учетом того, что обычно у нее все всегда разложено по полочкам, но проводил Мими до двери без комментариев на эту тему. Сказал другое:

— Если все так серьезно, как вы говорите, лечиться вам надо уже *сейчас*. И не у какого-то доктора-шарлатана в Хуаресе. Вам надо лечь в Кливлендскую клинику. — Я не знал, существует ли уже Кливлендская клиника, но как-то вырвалось.

— Вряд ли. Выбирая между смертью в больничной палате, среди трубочек и проводов, и на прибрежной мексиканской асьенде... как вы любите говорить, большого ума не надо. И есть кое-что еще. — Она смотрела на меня не мигая. — Боль пока терпимая, но мне сказали, что она усилится. В Мексике не мучаются угрызениями совести, прописывая большие дозы морфия. Или нембутала, если до него дойдет. Поверьте мне, я знаю, что делаю.

С учетом случившегося с Элом Темплтоном, я пришел к выводу, что она права. Обнял ее, на этот раз нежно прижал к себе, поцеловал в выдубленную ветром и солнцем щеку.

Она выдержала все это с улыбкой, потом выскользнула из моих рук. Всмотрелась в меня.

— Хотела бы я знать вашу историю, мой друг.

Я пожал плечами.

— Я открытая книга, миз Мими.

Она рассмеялась.

— Какая чушь. По вашим словам, вы из Висконсина, но появляетесь в Джоди с новоанглийским выговором, а на вашем автомобиле флоридские номера. Вы говорите, что ездите в Даллас, чтобы набирать материал, и ваша книга должна быть о Далласе, но персонажи в ней разговаривают как жители Новой Англии. Собственно, в двух местах они просто говорят «ага». Вам надо бы это изменить.

А я-то думал, что так ловко все переписал.

— На самом деле, Мими, в Новой Англии говорят «ага-а».

— Учту. — Она продолжала всматриваться в мое лицо. Мне стоило немалых усилий не отвести взгляд, но я справился. — Иногда я ловлю себя на мысли, а вдруг вы космический пришелец, как Майкл Ренни в фильме «День, когда Земля остановилась». Прибыли сюда, чтобы изучить местных аборигенов и сообщить на альфу Центавра, есть ли у нас шанс присоединиться к галактической цивилизации, или нас следует выжечь плазменными лучами, прежде чем мы заразим Галактику своими микробами.

— Очень уж надуманно.

— Хорошо. Мне бы не хотелось, чтобы обо всей нашей планете судили по Техасу.

— Если бы Джоди послужил объектом исследования, я уверен, что Земля сдала бы экзамен.

— Так вам здесь нравится?

— Да.

— Джордж Амберсон — ваши настоящие имя и фамилия?

— Нет. Я сменил их по причинам, которые важны для меня, но ни для кого больше. Я бы предпочел, чтобы вы об этом никому не говорили. Понятно почему.

Мими кивнула:

— Это я могу. Еще увидимся, Джордж. Закусочная, библиотека... и свадьба, разумеется. Вы уделите должное внимание Сейди Клейтон?

— Обязательно. — Слово это я произнес с техасским выговором, и Мими рассмеялась.

После ее ухода я долго сидел в гостиной, не читал, не смотрел телевизор. Не думал о работе над рукописью. Думал о том, на что согласился: год работы в штате Денхолмской объединенной средней школы, доме «Львов». Решил, что не жалею об этом. Я мог не хуже любого реветь в перерыве между таймами.

Жалел я об одном, но лично меня это не касалось. О Мими и ее теперешнем положении. Я прекрасно понимал, что ей не позавидуешь.

6

Если говорить о любви с первого взгляда, то я согласен с «Битлз»: верю, что такое случается постоянно. Но у нас так не сложилось, хотя я обнял Сейди при нашей первой же встрече, а правой рукой пощупал ее левую грудь. Поэтому я также согласен с Микки и Сильвией*, поведавших, что любовь — она странная.

В южной части центрального Техаса в середине июля царит испепеляющая жара, но суббота оказалась идеальным днем для свадебной гулянки. Температура воздуха не превышала восьмидесяти градусов, а по небу плыли огромные пышные облака цвета застиранного вылинявшего комбинезона. По двору за домом Мими — пологому склону, который спускался к мутному ручью (Мими называла его Безымянным) — проползали чередующиеся пятна солнечного света и тени.

Желтые и серебряные полотнища — цветов Денхолмской средней школы — украшали деревья, и здесь же, на ветке сосны

* Американский музыкальный дуэт Микки Бейкера и Сильвии Вандерпул.

Ламберта, висела пиньята. Ни один ребенок не проходил мимо, не бросив на нее голодного взгляда.

— После обеда детишки получат палки и с удовольствием ее разобьют, — раздался у меня за спиной чей-то голос. — Сладости и игрушки для всех *niños**.

Я обернулся и увидел Майка Кослоу, великолепного (даже сверхъестественно) в узких черных джинсах и белой рубашке с отложным воротничком. За его спиной висело на шнурке сомбреро, талию перепоясывал многоцветный кушак. Я увидел и других футболистов, включая Джима Ладью, в таких же нелепых нарядах, лавирующих среди гостей с подносами. Майк, озорно улыбаясь, протянул свой.

— Канапе, сеньор Амберсон?

Я взял маленькую креветку, насаженную на зубочистку, окунул в соус.

— Отличный прикид. Прямо-таки Шустрый Гонсалес**.

— Не туда смотрите. Если хотите увидеть *настоящий* прикид, посмотрите на Винса Ноулса. — Он кивнул куда-то за сетку, у которой группа учителей неуклюже, но с большим энтузиазмом играла в волейбол. Я увидел Винса во фраке и цилиндре. Его окружали дети, зачарованно наблюдавшие, как он вытаскивает шарфы из воздуха. Получалось хорошо, благо зрители были настолько малы, что не замечали, как шарфы выползают из его рукавов. Гуталиновые усы блестели на солнце. — Если на то пошло, я бы предпочел выглядеть как Козленок Франсиско***, — добавил Майк.

— Я уверен, что вы все — отличные официанты, но кто, скажи на милость, убедил вас так одеться? Тренер знает?

— Должен, он же здесь.

— Да? Я его не видел.

— Он жарит мясо и общается с Клубом поддержки****. Что же касается одежды... миз Мими умеет убеждать.

Я подумал о подписанном мной контракте.

— Я в курсе.

Майк понизил голос.

---

* Дети (*исп.*).

** Мышонок из мультсериала «Веселые мелодии».

*** Персонаж рассказа О'Генри «Как истый кабальеро».

**** Объединение родителей, помогающих спортивным командам школы или колледжа.

— Мы все знаем, что она больна. А кроме того... я думаю об этом как о спектакле. — И он изобразил тореадора — не такая простая задача, если держишь поднос с канапе. — *¡Arriba!**

— Неплохо, но...

— Я понимаю, еще не вжился в эту роль. Должен в ней *раствориться*, так?

— У Брандо это получается. И что ты собираешься делать осенью, Майк?

— В выпускном классе? Если Джим с мячом? А я, Хэнк Альварес, Чип Уигтинс и Карл Крокетт в линии? Мы выиграем первенство штата и привезем золотой мяч и кубок.

— Мне нравится твой настрой.

— Вы будете ставить пьесу этой осенью, мистер Амберсон?

— Есть такие планы.

— Хорошо. Отлично. Приберегите роль для меня... но, с учетом футбола, она должна быть маленькая. Послушайте музыкантов, неплохо играют.

Они играли гораздо лучше, чем «неплохо». Логотип на барабане гласил, что группа называется «Найтс». Солист отсчитал «раз-два-три», и они заиграли «Ох, моя голова», старую песню Ричи Валенса — впрочем, не такую уж старую для лета шестьдесят первого, хотя Валенс уже два года как погиб.

Я налил пива в бумажный стаканчик и пошел к эстраде. Голос солиста показался мне знакомым. Звучавшие, как аккордеон, клавишные тоже. И внезапно все сложилось. Это же Дуг Сэм**, у которого скоро появятся свои хиты: «Ей хочется» и «Мендочино». Случится это во время Британского вторжения***, поэтому группа, в основном игравшая техано-рок, возьмет себе псевдоанглийское название «Квинтет сэра Дугласа».

— Джордж? Подойдите сюда, я хочу вас кое с кем познакомить.

Я повернулся. Мими спускалась по склону-лужайке в компании женщины. При знакомстве с Сейди мне — да и не только мне, я в этом не сомневаюсь — прежде всего бросился в глаза ее рост. Она надела туфли на низком каблуке, как и все присутствовавшие здесь женщины, понимавшие, что вторую половину дня

---

* Смелее! (*исп.*)

** Известный музыкант из Техаса, вундеркинд кантри.

*** Музыкальное явление 1960-х гг., доминирование британской рок-музыки.

и вечер проведут на ногах под открытым небом, но Сейди в последний раз надевала туфли с каблуками на свою свадьбу, а может, и тогда предпочла платье до пола, скрывающее низкие каблуки либо полное их отсутствие, чтобы не смешить людей, возвышаясь над женихом, когда они стояли у алтаря. Макушка Сейди отстояла от земли футов на шесть, может, и больше. Я, конечно, перерос девушку дюйма на три, но, кроме меня, из всех присутствующих мужчин сверху вниз на нее могли посмотреть только тренер Борман и Грег Андервуд с кафедры истории. Грега за худобу прозвали каланчой, а Сейди, как говорили в те времена, была хорошо сложена. Она об этом знала, но стеснялась, вместо того чтобы гордиться. Это чувствовалось по ее походке.

Я знаю, что слишком большая, чтобы считаться нормальной, говорила походка. А плечи добавляли: *Это не моя вина, я такой выросла. Как Топси**.

Платье без рукавов с яркими розами, загорелые руки, из косметики — розовая помада. Нет, никакой любви с первого взгляда, однако я с удивительной ясностью помню, какой увидел ее в первый раз. Если скажу, что с той же ясностью помню и первую встречу с бывшей Кристи Эппинг, то солгу. Разумеется, произошло это в танцевальном клубе, и мы оба прилично выпили, а потому, возможно, память меня и подвела.

Сейди выглядела так, как, полагаю, и должна выглядеть в вашем представлении милая американская девушка. Но в ней чувствовалось что-то еще. В тот день у меня сложилось впечатление, что это обычная неуклюжесть большого человека. Позднее я выяснил, что напрасно принял Сейди за неуклюжую. Это не про нее.

Мими смотрелась хорошо — по крайней мере не хуже, чем в тот день, когда пришла ко мне домой, чтобы убедить подписать учительский контракт, — но она накрасилась, чего не бывало раньше. И косметика не скрыла ни мешков под глазами, вероятно, вызванных недосыпанием и болью, ни новых морщинок у рта. Однако Мими улыбалась, и почему нет? Она вышла замуж за своего мужчину, организовала праздник, который по всем признакам удался, и привела симпатичную девушку в красивом летнем платье на встречу с единственным на всю школу холостым учителем английского языка и литературы.

---

* Слониха, выступавшая в цирке в нью-йоркском луна-парке и убившая трех человек.

— Эй, Мими. — Я направился вверх по склону, лавируя между карточных столов, позаимствованных у амветов*. Позднее гости рассядутся за ними, чтобы поесть жареного мяса и полюбоваться закатом. — Поздравляю. Теперь нам всем придется привыкать к тому, чтобы называть вас миз Симмонс.

Она ответила такой знакомой сухой улыбкой.

— Пожалуйста, ограничьтесь Мими, я к этому привыкла. Со мной новый член нашей команды, с которым я хочу вас познакомить. Это...

Кто-то забыл задвинуть под стол один из складных стульев, и высокая блондинка, уже протянувшая мне руку с улыбкой «как приятно с вами познакомиться», споткнулась о него и повалилась вперед. Стул тоже не устоял, перевернулся, и я понял, что может произойти крайне неприятный несчастный случай, если она рухнет животом на ножку.

Поэтому отбросил бумажный стаканчик с пивом, прыгнул к уже падающей блондинке и подхватил ее. Моя левая рука обняла девушку за талию. Правая же обхватила что-то круглое, мягкое, чуть податливое. Между ладонью и грудью тонкая хлопчатобумажная материя платья заскользила по нейлону или шелку бюстгальтера. Знакомство получилось интимным, но проходило в присутствии острой ножки стула, и я, хоть и пошатнулся под тяжестью навалившихся на меня ста пятидесяти фунтов Сейди, все-таки удержался на ногах и не дал упасть ей.

Убрал руку с той части тела, которую редко подставляют для пожатия незнакомцам, и поздоровался:

— Привет, я... — *Джейк.* С языка едва не слетело мое имя из двадцать первого века, но я успел удержать его в самый последний момент. — Я Джордж. Приятно с вами познакомиться.

Она покраснела до корней волос. Я, впрочем, тоже. Но нашла в себе силы рассмеяться.

— Мне тоже. Думаю, вы только что уберегли меня от очень серьезной травмы.

Скорее всего уберег. Потому что об этом я и говорил, понимаете? Неуклюжесть — это не про Сейди, а вот предрасположенность к несчастным случаям — уже о ней. Забавно, конечно, пока не осознаешь, что это заложено природой. Как потом рассказала

* Общественная организация американских ветеранов Второй мировой войны.

мне сама Сейди, она относилась к тем девушкам, у кого подол защемляло дверью автомобиля, когда они с кавалером ездили на школьные танцы, и юбку срывало, стоило ей сделать шаг к спортивному залу. Именно рядом с ней фонтанчики питьевой воды выходили из строя, окатывая ее с головы до ног. Именно в ее руках мог вспыхнуть коробок спичек, обжигая пальцы и подпаливая волосы. Именно у нее рвалась бретелька бюстгальтера на родительском вечере. Именно она обнаруживала, что чулок поехал перед выступлением на школьном собрании.

Она помнила о том, что надо наклонять голову, проходя через дверь (как и все благоразумные высокие люди), но дверь очень часто распахивалась Сейди в лицо, когда она только подходила к ней. Она трижды застревала в лифте, один раз на два часа, а годом раньше, в одном из универмагов Саванны, недавно установленный эскалатор зажевал ее туфлю. Разумеется, при нашей первой встрече я ничего этого не знал. В тот июльский день я мог сказать только одно: симпатичная блондинка с синими глазами свалилась мне в объятия.

— Я вижу, что вы и мисс Данхилл уже отлично поладили, — вмешалась Мими. — Я вас оставляю, чтобы вы познакомились поближе.

Итак, отметил я, *трансформация из миссис Клейтон в мисс Данхилл уже случилась, с улаживанием юридических формальностей или без.* Стул ушел одной ножкой в дерн. Когда Сейди попыталась его вытащить, у нее не получилось. Со второй попытки она справилась, но спинка стула заскользила вверх по ее бедру, утаскивая за собой юбку и открывая чулок и часть пояса с резинками. Того же цвета, что и розы на платье. Сейди раздраженно вскрикнула. Покраснела еще сильнее, стала пунцовой.

Я взял у нее стул и отставил в сторону.

— Мисс Данхилл... Сейди... Если я когда-нибудь видел женщину, которой просто необходим стаканчик холодного пива, так это вы. Пойдемте со мной.

— Спасибо, — поблагодарила она меня. — Я очень сожалею. Мама наказывала мне никогда не бросаться на мужчин, но я ее по-прежнему не слушаюсь.

По пути к бочонкам я кивал на различных членов преподавательского коллектива, а один раз взял Сейди за руку, чтобы по широкой дуге обойти волейболиста, который пятился, готовясь отбить мяч, и, если бы не моя осмотрительность, обязательно врезался бы в нее. По моим ощущениям, мы могли быть колле-

гами и могли стать друзьями, может, близкими друзьями, но не более того, какие бы надежды ни возлагала Мими на наше знакомство. В комедии с Роком Хадсоном и Дорис Дэй наша первая встреча определенно стала бы завязкой любовных отношений, но в реальной жизни, на глазах у гостей Мими, которые все еще улыбались, выглядело это неловко и раздражающе. Да, она красивая. Да, очень приятно идти рядом с высокой девушкой и осознавать, что ты еще выше. И конечно же, мне доставила удовольствие податливая упругость ее груди под тонким двойным слоем пристойного хлопка и сексуального нейлона. Но если тебе не пятнадцать, негоже говорить о любви с первого взгляда, случайно полапав девушку на лужайке при большом стечении народа.

Я налил пива мисс Данхилл, вернувшей себе девичью фамилию, и мы достаточно продолжительное время болтали у импровизированной стойки бара. Рассмеялись, когда голубь, у кого-то одолженный Винсом Ноулсом для этого празднества, высунул головку из цилиндра и клюнул его в палец. Я называл ей все новых и новых преподавателей Денхолма (многие уже покидали Город трезвости на алкогольном экспрессе). Она сказала, что никогда их всех не запомнит, но я заверил Сейди, что у нее получится. Предложил обращаться ко мне, если ей в чем-то потребуется помощь. Приличествующее число минут прошло, ожидаемые темы мы обсудили. Потом Сейди вновь поблагодарила меня за то, что я уберег ее от опасного падения, и пошла собирать детей к пиньяте, которую предстояло разбить. Я наблюдал, как она уходит, ощущая не любовь, а немножко похоти. Признаюсь, подумал о крае чулка и розовом поясе с резинками.

Вечером, когда я собрался спать, мои мысли вернулись к Сейди. Она очень уютно заполняла собой немаленькую, надо отметить, часть пространства, и не я один провожал взглядом ее бедра, покачивавшиеся под тонким платьем с рассыпанными по нему розами, но никаких планов я не строил. Да и какие у меня могли возникнуть планы? Незадолго до того, как отправиться в это невероятное путешествие, я прочитал книгу «Верная жена»*, и когда уже укладывался в постель, в памяти всплыла строка из этого произведения: «Он потерял тягу к романтике».

Это обо мне, подумал я, выключая свет. *Я абсолютно лишился этой тяги.* А потом, под убаюкивающий стрекот цикад, подумал

* Дебютный роман американского писателя Роберта Гулрика.

еще кое о чем: *Но мне понравилась не только ее грудь в моей ладони. Еще и тяжесть тела. Тяжесть ее тела в моих объятиях.*

Как выяснилось, тяги к романтике я вовсе не терял.

7

Август в Джоди — раскаленная духовка, температура в которой ежедневно поднимается выше девяноста градусов, а зачастую и переваливает за сто*. В моем доме на Меса-лейн стоял хороший кондиционер, но не настолько хороший, чтобы противостоять длительному напору жары. Иногда — если проливался сбивающий температуру дождь — ночью становилось полегче, однако ненамного.

Утром двадцать седьмого августа я сидел за столом в одних баскетбольных трусах, работал над «Местом убийства», когда позвонили в дверь. Я нахмурился. Все-таки воскресенье, и совсем недавно я слышал призывный звон колоколов, а большинство моих знакомых посещало один из четырех или пяти городских домов Господа.

Я натянул футболку и пошел к двери. На пороге стояли тренер Борман и Эллен Докерти. Ранее она возглавляла кафедру домоводства, а на ближайший учебный год ее назначили исполняющей обязанности директора ДОСШ: никто не удивился, что Дек подал заявление об уходе в тот же день, когда Мими подала свое. Несмотря на жару, тренер вырядился в темно-синий костюм и яркий галстук, очень напоминавший удавку. На Эллен был строгий серый костюм с кружевами на шее. Оба выглядели серьезными. Первой мне в голову пришла безумная, но показавшаяся весьма убедительной мысль: *Они знают. Каким-то образом они узнали, кто я и откуда, и пришли, чтобы сказать мне.*

Губы тренера Бормана дрожали, глаза Эллен блестели, хотя она и не плакала. Тут я все понял.

— Мими?

Тренер кивнул.

— Дек позвонил мне. Я заехал за Элли — обычно отвожу ее в церковь, — и мы решили сообщить людям. Сначала тем, кого она любила больше всего.

* 32,2 °С и 37,8 °С соответственно.

— Печальная весть, — вздохнул я. — Как Дек?

— Вроде бы держится, — ответила Эллен, строго взглянув на тренера. — Во всяком случае, по его словам.

— Да, он в порядке, — подтвердил тренер. — Конечно, расстроен ужасно.

— Это естественно, — кивнул я.

— Он собирается ее кремировать. — Эллен неодобрительно поджала губы. — Говорит, что такова ее воля.

Я на мгновение задумался.

— Мы должны провести специальное собрание, как только начнется учебный год. Вечер памяти. Мы можем это сделать? Люди выскажутся. Может, организуем небольшое слайд-шоу? У многих наверняка есть ее фотографии.

— Блестящая идея, — вырвалось у Эллен. — Вы сможете этим заняться, Джордж?

— Буду счастлив.

— Привлеките к этому мисс Данхилл. — И прежде чем у меня возникли подозрения о продолжении сводничества, Эллен добавила: — Я думаю, будет неплохо, если мальчики и девочки, которые любили Мимс, узнают, что ее протеже помогала готовить вечер памяти. И Сейди от этого будет польза.

Безусловно. Доброе отношение с самого начала учебного года никому из новеньких не мешало.

— Хорошо, я с ней поговорю. Огромное спасибо вам обоим. С вами все в порядке?

— Конечно, — сипло ответил тренер, губы его все еще подрагивали. За это я испытывал к нему самые теплые чувства. Они медленно пошли к автомобилю, припаркованному у тротуара. Тренер поддерживал Эллен под локоток. И за это я тоже его любил.

Я закрыл дверь, сел на скамью в крошечной прихожей и подумал о Мими, говорившей, что она огорчится, если я не поставлю пьесу для старшеклассников. Или не подпишу контракт о зачислении в штат, хотя бы на год. Или не приду на вечеринку по случаю ее свадьбы. Я подумал о Мими, которая полагала, что роману «Над пропастью во ржи» самое место в школьной библиотеке, и которая не возражала против того, чтобы субботним вечером заняться гимнастикой под одеялом. Таких, как она, дети долго помнят после окончания учебы и приходят повидаться. Такие, как она, иногда возникают в жизни ученика в критиче-

ский момент и помогают найти и принять единственно правильное решение.

Кто найдет добродетельную жену? — вопрошается в притче. *Цена ее выше жемчугов. Она добывает шерсть и лен и с охотою работает своими руками. Она, как купеческие корабли, издалека добывает хлеб свой**.

Каждый учитель знает: одежда — не только то, что надеваешь на тело свое, и еда — не только то, что кладешь в рот. Миз Мими кормила и одевала многих. Включая меня. Я сидел на скамье, купленной на блошином рынке в Форт-Уорте, наклонив голову и закрыв лицо руками. Думал о ней, и меня переполняла печаль, но глаза оставались сухими.

Я не из плаксивых.

8

Сейди сразу согласилась помочь мне с организацией мемориального собрания. Последние две недели этого жаркого августа мы ездили по городу, составляя список выступающих. Я подрядил Майка Кослоу прочитать притчу, в которой шла речь о добродетельной жене, а Эл Стивенс вызвался рассказать историю — сам я от Мими ее не слышал — о том, как она придумала название «Вилорог-бургер» его *spécialité de la maison***. Мы также собрали более двухсот фотографий. На моей любимой Мими и Дек танцевали твист. По ней чувствовалось, что она получает удовольствие. Он же выглядел так, будто ему в зад вставили толстую палку. Мы разглядывали фотографии в школьной библиотеке, где на столе старшего библиотекаря табличка «МИСС ДАНХИЛЛ» сменила «МИЗ МИМИ».

В этот период мы с Сейди не целовались, не держались за руки, не смотрели друг другу в глаза, а если наши взгляды и встречались, то на короткие мгновения. Она не говорила ни о неудачном замужестве, ни о причинах, побудивших ее перебраться в Техас из Джорджии. Я молчал о романе и моем выдуманном прошлом. Мы говорили о книгах. Мы говорили о Кеннеди, внешнюю политику которого она полагала шовинистической. Мы обсуждали зарождавшееся движение борьбы за гражданские права. Я

* Притчи, 31:10, 31:13, 31:14.

** Фирменное блюдо (*фр.*).

рассказал ей о доске, переброшенной через ручеек на дне оврага за автозаправочной станцией «Хамбл ойл» в Северной Каролине. Она рассказала, что видела такие же туалеты для цветных в Джорджии, но верила, что их дни сочтены. Она предполагала, что обучение в одной школе черных и белых неизбежно, но, вероятно, не раньше середины семидесятых. Я заверил ее, что все произойдет раньше благодаря активным действиям нового президента и его младшего брата, занявшего пост генерального прокурора.

Она фыркнула.

— У тебя больше доверия к этому улыбающемуся ирландцу, чем у меня. Скажи мне, он когда-нибудь стриг волосы?

Мы стали друзьями — не любовниками. Иногда она обо что-то спотыкалась (в том числе и о свои ступни, достаточно большие), и дважды я ее ловил, но первый раз получился самым памятным. Иногда она заявляла, что *умрет*, если не затянется сигаретой, и я сопровождал ее в ученическую курилку за металлическим ангаром.

— Я буду жалеть, что нельзя прийти сюда в старых джинсах и развалиться на скамейке, — как-то сказала она. Примерно за неделю до начала учебного года. — В учительских всегда такая *духота*.

— Придет день, когда все переменится. Курение запретят на территории школы, как для учителей, так и для учеников.

Сейди улыбнулась. У нее это получалось хорошо, спасибо пухлым и ярким губам. И джинсы, должен отметить, отлично на ней сидели. Само собой — длинные, *длинные* ноги и аппетитная попка.

— Общество, освободившееся от сигарет. Негритянские и белые дети, обучающиеся бок о бок в полной гармонии... Неудивительно, что ты пишешь роман. У тебя чертовски богатое воображение. Что еще ты увидел в своем хрустальном шаре, Джордж? Ракеты, летящие к Луне?

— Конечно, но, вероятно, чуть позже десегрегации. Кто тебе сказал, что я пишу роман?

— Миз Мими. — Сейди затушила окурок об одну из шести пепельниц-урн. — Она сказала, что роман хороший. И раз уж речь зашла о миз Мими, думаю, нам надо вернуться к работе. Мы ведь почти закончили с фотографиями?

— Да.

— Ты уверен, что слайд-шоу под мелодию из «Вестсайдской истории» не будет очень уж сентиментальным?

Я думал, что ничего сентиментальнее слайд-шоу под «Где-то» быть не может, но, по словам Эллен Докерти, речь шла о любимой песне Мими.

Я поделился этим с Сейди, и она рассмеялась.

— Я не очень хорошо ее знала, но на нее это совершенно не похоже. Может, это любимая песня Элли?

— Теперь, раз уж ты упомянула об этом, я думаю, что так оно и есть. Послушай, Сейди, хочешь пойти на футбол в пятницу? Показать деткам, что ты уже здесь, до того, как в понедельник начнутся занятия.

— Я с удовольствием. — Тут она замялась в некотором смущении. — Если только у тебя не возникнет никаких идей. Я еще не готова для свиданий. Может, еще долго не буду готова.

— Я тоже. — Она, вероятно, думала о своем бывшем, я же — о Ли Освальде. Скоро он вновь получит американский паспорт, после чего останется только добыть советскую выездную визу для жены. — Но друзья иногда могут вместе пойти на футбол.

— Это точно, могут. И мне нравится ходить с тобой, Джордж.

— Потому что я выше тебя.

Она игриво стукнула меня в плечо, совсем как старшая сестра.

— Совершенно верно, дружище. Ты мужчина, на которого я могу смотреть снизу вверх.

9

На этой игре практически *все* смотрели на нас снизу вверх, почти с благоговением, словно видели представителей другого типа людей. Я находил это приятным, а Сейди рядом со мной не приходилось сутулиться. Она надела свитер «Львиной стаи» и выцветшие джинсы. С завязанными в конский хвост белокурыми волосами она казалась старшеклассницей и с таким ростом вполне могла играть центровой в девичьей баскетбольной команде.

Мы сидели в ряду для преподавателей и радостными криками приветствовали Джима Ладью, который запутал защиту «Медведей Арнетта» полудюжиной коротких пасов, а потом потрясающим броском на шестьдесят ярдов поднял зрителей на ноги. К перерыву «Денхолм» записал на свой счет тридцать одно очко, а

«Арнетт» — шесть. Когда игроки покинули поле, уступив место оркестру Денхолма, вышедшему на газон с тубами и тромбонами, я спросил Сейди, не хочет ли она хот-дог и колу.

— Конечно, хочу, но сейчас там очередь до автомобильной стоянки. Подожди до тайм-аута в третьей четверти. И мы должны взреветь, как львы, и поприветствовать Джима.

— Я думаю, ты можешь проделать все это сама.

Она улыбнулась и сжала мне руку.

— Нет, мне нужна твоя помощь. Я тут новенькая. Помнишь?

От ее прикосновения я ощутил теплую дрожь, которая никак не вязалась с дружбой. И почему нет? Щеки Сейди раскраснелись, глаза сверкали. Под лучами прожекторов и зеленовато-синим небом сгущающихся техасских сумерек она выглядела красавицей. И наше сближение могло бы пойти более быстрыми темпами, если бы не случившееся в перерыве между таймами.

Оркестр промаршировал по полю, как обычно и маршируют школьные оркестры, держа шаг, но не мелодию, играя что-то не слишком вразумительное. Когда они закончили, на пятидесятиярдовую линию выбежали девушки из группы поддержки, бросили шапочки к ногам, уперли руки в бока.

— *Давайте крикнем: «Эл!»*

Мы крикнули. Дальше последовали «е» и «в».

— *Что получилось?*

— ЛЕВ! — На домашней трибуне все уже были на ногах.

— *А если нас много?*

— ЛЬВЫ!

— *Кто сегодня выиграет?*

— ЛЬВЫ! — Учитывая счет первого тайма, сомневаться в этом не приходилось.

— *Дайте нам послушать, как вы ревете!*

Мы заревели, как и требовала традиция, поворачивая голову сначала налево, потом направо. Сейди проделала все с особенным энтузиазмом, рупором приложив руки ко рту, ее конский хвост метался от одного плеча к другому.

А потом пришел черед приветствия Джима. В прежние три года — да, наш мистер Ладью занял позицию куотербека еще девятиклассником — оно звучало очень просто. Девушки из группы поддержки кричали что-то вроде: *«Давайте послушаем нашу львиную стаю. Имя человека, который ведет нашу команду!»*. И

болельщики орали во всю мощь легких: *«ДЖИМ! ДЖИМ! ДЖИМ!»* После этого девушки несколько раз крутили колесо и убегали с поля, освобождая место для оркестра другой команды. Но в этом году, возможно, в честь последнего сезона Джима, приветствие изменилось.

На каждого *«ДЖИМА»* девушки группы поддержки отвечали первым слогом фамилии куотербека, звонко и мелодично. Новинка, конечно, но не слишком сложная, так что на трибунах быстро ее освоили. Сейди кричала вместе со всеми, пока не осознала, что не слышит моего голоса. Действительно, я стоял, разинув рот.

— Джордж? Что с тобой?

Я не мог ответить. Собственно, едва ее слышал. Потому что вдруг вернулся в Лисбон-Фоллс. Только что прошел через «кроличью нору». Только что прошел вдоль стены сушильного сарая и нырнул под цепь. Готовился к встрече с Желтой Карточкой. Только из Желтой Карточки он стал Оранжевой. *Не должно тебя здесь быть,* сказал он тогда. *Ты кто? Что ты здесь делаешь?* А когда я начал спрашивать, не пытался ли он обратиться в АА со своей маленькой проблемой, он меня оборвал, рявкнув...

— Джордж? — Теперь в ее голосе слышалась не только озабоченность, но и тревога. — Что случилось? Что не так?

Болельщики с энтузиазмом осваивали двойное приветствие. Девушки из группы поддержки выкрикивали: *«ДЖИМ!»* — а трибуны тут же откликались дружным: *«ЛА!»*

Отвали, Джимла! — вот что рявкнул Желтая Карточка, ставший Оранжевой (хотя еще и не Черной), и именно «джимлой» сейчас перебрасывались девушки группы поддержки и две с половиной тысячи болельщиков.

— ДЖИМЛА! ДЖИМЛА! ДЖИМЛА!

Сейди схватила меня за руку, дернула.

— Говори со мной, мистер! Говори со мной, потому что я начинаю бояться.

Я повернулся к ней и выжал из себя улыбку. Она далась мне нелегко, будьте уверены.

— Боюсь, острая нехватка сахара. Пойду за колой.

— Ты не грохнешься в обморок? Я могу отвести тебя в медпункт. Если...

— Я в порядке, — ответил я, а потом, не думая о том, что делаю, поцеловал ее в кончик носа. Какой-то парнишка закричал:

— *Так держать, мистер А!*

Вместо того чтобы рассердиться, Сейди дернула носом, как кролик, потом улыбнулась.

— Тогда уходи отсюда, пока не погубил мою репутацию. И принеси мне чили-дог. Сыра побольше.

— Да, мэм.

Прошлое стремится к гармонии с собой, это я уже понимал. Но что это означало? Я не знал, а потому волновался. На бетонной дорожке, ведущей к буфету, скандирование звучало еще громче, и мне уже хотелось прижать ладони к ушам, чтобы заглушить его.

— *ДЖИМЛА! ДЖИМЛА! ДЖИМЛА!*

Часть IV

СЕЙДИ И ГЕНЕРАЛ

Глава 14

1

Вечер памяти провели в конце первого дня нового учебного года, и если оценивать результат по количеству мокрых носовых платков, то мы с Сейди добились оглушительного успеха. Я уверен, вечер позволил облегчить душу ученикам и, думаю, порадовал бы миз Мими. *Под броней сарказма зачастую прячется пастила,* как-то сказала она мне. *И я такая же.*

Пока произносились речи, большинство учителей еще держалось. Но Майк, с чувством продекламировав тридцать первую главу Притчей Соломоновых, пронял и самых крепких, а добила их жалостливая музыка «Вестсайдской истории» во время слайд-шоу. Особенно забавным показался мне тренер Борман. С текущими по красным щекам слезами, с рыданиями, сотрясавшими массивную грудь, футбольный гуру Денхолма очень уж напоминал мне второго по популярности мультяшного утенка, Малыша Хьюи.

Я шепотом поделился своим наблюдением с Сейди. Мы в этот момент стояли у большого экрана, на котором сменяли друг друга образы миз Мими. Сейди тоже плакала, но ей пришлось уйти со сцены за кулисы, потому что смех сначала вступил в борьбу со слезами, а потом сокрушил их. Укрывшись в темноте, она с упреком посмотрела на меня... и показала мне палец. Я решил, что заслуживаю его. Задался вопросом: неужели миз Мими по-прежнему думала бы, что мы с Сейди отлично поладим?

Решил, что скорее да, чем нет.

Для осенней постановки я выбрал «Двенадцать разгневанных мужчин»*, «позабыв» проинформировать агентство «Самюэль Френч»** о намерении назвать нашу версию спектакля «Присяжные», чтобы отдать несколько ролей девушкам. Отбор актеров я собирался проводить в конце октября, а репетиции начать тринадцатого ноября, после завершения регулярного футбольного первенства. Винса Ноулса я прочил на роль сомневающегося присяжного № 8, которого в фильме сыграл Генри Фонда, а для Майка Кослоу зарезервировал, как мне представлялось, лучшую роль — прущего напролом, наезжающего на других присяжного № 3.

Но я уже начал готовиться к более важному шоу, в сравнении с которым дело Фрэнка Даннинга выглядело легким водевилем. Назовите его «Джейк и Ли в Далласе». Если бы все прошло хорошо, получилась бы трагедия в одном действии. Мне следовало подготовиться к тому, чтобы вовремя выйти на сцену, а это означало, что пришла пора браться за дело.

2

Шестого октября «Львы Денхолма» выиграли пятую игру, сделав еще один шаг к сезону без поражений, который будет посвящен Винсу Ноулсу, парнишке, сыгравшему Джорджа в моей инсценировке романа «О мышах и людях» и не получившего шанса сыграть в сценической редакции пьесы «Двенадцать разгневанных мужчин», но об этом позже. Все началось в трехдневный уик-энд, потому что на понедельник пришелся День Колумба.

Я поехал в Даллас. Большинство магазинов работало, и моей первой остановкой стал ломбард на Гринвилл-авеню. Недомерку, стоявшему за прилавком, я сказал, что мне нужно самое дешевое обручальное кольцо. Из ломбарда я вышел с восьмибаксовым золотым (по крайней мере блестел он как золотой) ободком на безымянном пальце левой руки. Потом поехал в центр города, на Нижнюю главную улицу, где находился магазинчик, который я отыскал в «Желтых страницах Далласа». Назывался он «Сателлитная электроника Молчаливого Майка». Там меня встретил невысокий подтянутый мужчина в очках с роговой оправой и со

* Пьеса американского драматурга Реджинальда Роуза.

** Американская компания, которая продает тексты пьес и представляет авторов.

значком-пуговицей на жилетке, надпись на котором больше соответствовала будущему: «НИКОМУ НЕ ДОВЕРЯЙ».

— Вы Молчаливый Майк?

— Да.

— Вы действительно молчаливый?

Он улыбнулся.

— В зависимости от того, кто слушает.

— Давайте предположим, что никто. — И я сказал ему, что мне нужно. Как выяснилось, мог сэкономить восемь баксов, потому что его нисколько не заинтересовала моя вроде бы неверная жена. Зато владелец «Сателлитной электроники» проявил нешуточный интерес к необходимому мне оборудованию. Тут он разом превратился в Болтливого Майка.

— Мистер, такое оборудование наверняка есть на планете, с которой вы прибыли, но у нас его точно нет.

Конечно же, я вспомнил миз Мими, сравнившую меня с инопланетянином из фильма «День, когда Земля остановилась».

— Я не понимаю, о чем вы.

— Вам нужно маленькое беспроводное подслушивающее устройство? Прекрасно. У меня их целая куча на том стеклянном стенде слева от вас. Они называются транзисторными радиоприемниками. Могу предложить «Моторолу» и «Дженерал электрик», но лучшие делают японцы. — Он выпятил нижнюю губу и сдул со лба прядь волос. — Это ли не пинок под зад? Мы побили их пятнадцать лет тому как, превратив два города в радиоактивную пыль, но разве они умерли? Нет! Прятались в своих норах, пока пыль не осела, а потом выползли, вооруженные печатными платами и паяльниками вместо пулеметов «Намбу». К восемьдесят пятому году они завоюют весь мир. Во всяком случае, ту его часть, где живу *я*.

— Так вы не сможете мне помочь?

— Вы что, шутите? Конечно, смогу. Молчаливый Майк Макикерн всегда рад помочь покупателю получить желаемое. Но стоит это недешево.

— Я готов заплатить. Сэкономлю гораздо больше, когда потащу эту лживую суку в суд по разводам.

— Да-да. Подождите минутку, пока я принесу кое-что из подсобки. И поверните табличку на двери словом «ЗАКРЫТО» к стеклу, хорошо? Я хочу вам кое-что показать... возможно, не со-

всем... нет, может, оно и законное, но кто знает? Разве Молчаливый Майк Макикерн адвокат?

— Полагаю, что нет.

Мой поводырь по электронике шестидесятых вернулся с устройством странного вида в одной руке и маленькой картонной коробкой в другой. На коробке я увидел японские иероглифы. Устройство напоминало дилдо для фей на черном пластмассовом цилиндре, толщиной три дюйма и диаметром с четвертак. Из цилиндра торчали проводки. Молчаливый Майк поставил его на прилавок.

— Это «Эхо». Изготовлено в этом самом городе, сынок. Если кому и по силам переиграть Японию, так это нам. К семидесятому году в Далласе электроника заменит банковское дело. Попомните мои слова. — Он перекрестился, посмотрел в потолок и добавил: — Господи, благослови Техас.

Я взял приборчик с прилавка.

— И что делает «Эхо», когда сидит дома, положив ноги на пуфик?

— Это то самое подслушивающее устройство, которое вы хотите приобрести. Оно маленькое, потому что в нем нет вакуумных ламп, и работает оно не от батареек. Использует обычный переменный ток, как и бытовые приборы.

— Его втыкают в розетку?

— Конечно, почему нет? Ваша жена и ее бойфренд увидят его и скажут: «Как здорово, в наше отсутствие кто-то поставил подслушивающее устройство. Давай с шумом повозимся на кровати, а потом поговорим о личных делах».

Чудик, конечно, но не зря говорят, что терпение — залог успеха. А мне требовалось то, что только он и мог предложить.

— Так что с ним делают?

Он постучал пальцем по цилиндру.

— Вот это устанавливается в основании лампы. Не напольной лампы, если, конечно, вы не хотите услышать, как мыши бегают по половицам, понимаете? Настольной лампы, на том уровне, где говорят люди. — Он провел рукой по проводкам. — Красный и желтый соединяются со шнуром лампы, который и вставляется в розетку. Устройство не работает, пока кто-то не включит лампу. А как только включит — бинго, все в ваших руках.

— Вторая часть — микрофон?

— Да, очень неплохой для сделанного в Америке. А теперь... видите два других проводка? Синий и зеленый?

— Да.

Молчаливый Майк открыл картонную коробку с японскими иероглифами, достал кассетный магнитофон. Больше пачки сигарет «Винстон», которые курила Сейди, но не так чтобы намного.

— Эти проводки подсоединяются сюда. Цилиндр устанавливается в лампу, магнитофон кладется в ящик комода, возможно, под нижнее белье вашей жены. Или просверлите дырочку в стене и положите его в стенной шкаф.

— Магнитофон также подсоединен к шнуру лампы?

— Естественно.

— Могу я получить два этих «Эха»?

— Я достану вам и четыре, если хотите. Займет неделю.

— Двух хватит. Сколько?

— Эти штуковины не из дешевых. Пара обойдется вам в сто сорок баксов. Это моя последняя цена. И заплатить придется наличными. — В его голосе слышалось сожаление, словно мы вместе любовались очень милой техногрезой, а теперь вот приходилось возвращаться к серым будням реальности.

— Во сколько мне обойдется установка? — Я заметил тревогу в его глазах и поспешил ее рассеять. — Я говорю не об установке на месте, ничего такого. Просто вставить эти штуковины в пару ламп и подсоединить к магнитофонам... это вы сможете?

— Разумеется, смогу, мистер...

— Скажем, мистер Доу. Джон Доу.

Его глаза блеснули, как, наверное, блеснули глаза Э. Говарда Ханта*, когда перед ним поставили весьма сложную задачу: обеспечить прослушку «Уотергейта».

— Хорошее имя**.

— Благодарю. И хорошо бы иметь провода разной длины. Короткие, если я захочу поставить магнитофон близко, и по-

---

* Агент ЦРУ, входивший в команду специалистов, которые по приказу Ричарда Никсона установили подслушивающие устройства в штаб-квартире демократической партии в отеле «Уотергейт».

** Обозначение мужской стороны в судебном процессе в ситуации, когда настоящий истец неизвестен или анонимен. Очень часто под этим псевдонимом подразумевалось неопознанное тело.

длиннее, если потребуется спрятать его в шкафу или с другой стороны стены.

— Я могу это сделать, но длина не должна превышать десяти футов, иначе голоса станут неразборчивыми. Опять же, чем длиннее провод, тем выше шанс, что кто-то его найдет.

Это понимал даже учитель английского языка и литературы.

— Сколько за все?

— Ммм... сто восемьдесят?

Чувствовалось, что он готов уступить, но у меня не было ни времени, ни желания торговаться. Я выложил на прилавок пять двадцаток.

— Остальное получите, когда я буду забирать устройства. Но сначала мы их проверим и убедимся, что все работает. Согласны?

— Да, отлично.

— И еще. Используйте старые лампы. Обшарпанные.

— Обшарпанные?

— Как будто их купили на дворовой распродаже или на блошином рынке за четвертак. — После того как поставишь несколько пьес (считая поставленные в ЛСШ, «О мышах и людях» была для меня пятой), начинаешь кое-что смыслить в декорациях. Мне меньше всего хотелось, чтобы кто-нибудь украл лампу с подслушивающим устройством из частично обставленной квартиры.

С мгновение он недоуменно смотрел на меня, потом его лицо расплылось в понимающей улыбке.

— Ясно. Реализм.

— Он самый, Майк. — Я двинулся к двери, потом вернулся, облокотился на стенд с транзисторными радиоприемниками, заглянул в глаза владельцу магазина. Не могу поклясться, что он видел перед собой человека, убившего Фрэнка Даннинга, но и в обратном не поклянусь. — Вы ведь никому не собираетесь об этом рассказывать?

— Нет! Разумеется, нет! — Он провел двумя пальцами по рту, словно застегивая молнию.

— Это правильно, — кивнул я. — Когда?

— Дайте мне несколько дней.

— Я вернусь в следующий понедельник. Когда вы закрываете магазин?

— В пять.

Я прикинул расстояние от Джоди до Далласа.

— Я прибавлю еще двадцатку, если магазин останется открытым до семи. Раньше я не успеваю. Вас это устроит?

— Да.

— Хорошо. Подготовьте все.

— Обязательно. Что-нибудь еще?

— Да. Какого черта вас называют Молчаливым Майком?

Я надеялся услышать: *Потому что я умею хранить секреты,* но напрасно.

— Ребенком я думал, что та рождественская песенка обо мне. Вот прозвище и прилипло.

Больше я спрашивать ничего не стал, но на полпути к автомобилю сообразил, что к чему, и засмеялся.

Молчаливый Майк, святой Майк*.

Иногда мир, в котором мы живем, действительно странное место.

3

По возвращении в Соединенные Штаты Ли и Марина сменили несколько дешевых съемных квартир, включая и одну в Новом Орлеане, в том доме, который я видел. Однако исходя из записей Эла я полагал, что особое внимание надо уделить двум. Одной — в доме 214 по Западной Нили-стрит в Далласе. Вторая находилась в Форт-Уорте, и туда я поехал после разговора с Молчаливым Майком.

Я сверялся с картой, но мне все равно пришлось трижды останавливаться и спрашивать дорогу. В итоге пожилая негритянка за прилавком семейного магазинчика указала мне правильный путь. И когда я все-таки нашел то, что искал, мне стало понятно, отчего возникли такие сложности. Дальний конец Мерседес-стрит не закатали в асфальт, и вдоль полосы твердой как камень глины выстроились дома-развалюхи, мало чем отличавшиеся от лачуг испольщиков. Выходила улица на большущую автомобильную стоянку, практически пустую, где по потрескавшемуся асфальту ветер гонял перекати-поле. За стоянкой высилась шлакоблочная стена склада. На ней белели десятифутовые буквы:

* Переиначенная первая строка самой известной рождественской песни «Silent night, holy night».

«СОБСТВЕННОСТЬ «МОНТГОМЕРИ УОРД», и «НАРУШИТЕЛИ БУДУТ НАКАЗАНЫ», и «ОХРАНЯЕТСЯ ПОЛИЦИЕЙ».

Воздух вонял нефтью из Одессы-Мидланда и гораздо более близкой канализацией. Из открытых окон лился рок-н-ролл. Я услышал «Доувеллс», Джонни Бернетта, Ли Дорси, Чабби Чекера... и это только на первых сорока ярдах. Женщины развешивали выстиранную одежду на ржавых вертушках. В широких платьях, купленных, вероятно, в «Зейре» или «Маммот-марте», все они выглядели беременными. Грязный маленький мальчонка и не менее грязная маленькая девчушка стояли на потрескавшейся глине подъездной дорожки и наблюдали, как я проезжаю мимо. Они держались за руки и выглядели слишком похожими, чтобы не быть близнецами. Мальчонка, голый, если не считать одного носка, держал игрушечный пистолет. Девчушка в отяжелевшем подгузнике под футболкой «Клуб Микки-Мауса» сжимала пластиковую куклу, такую же грязную, как и она. Двое раздетых по пояс мужчин перебрасывали футбольный мяч из одного двора в другой, у каждого из уголка рта свисала сигарета. Позади них петух и две облезлые курицы что-то клевали в пыли неподалеку от тощей собаки, то ли спящей, то ли дохлой.

Я остановился перед домом 2703, тем самым, куда Ли приведет жену и дочь после того, как больше не сможет терпеть убийственную материнскую любовь Маргариты Освальд. Две полосы из бетонных плит вели к прямоугольнику земли, покрытому пятнами масла, на котором ничего не росло. Я понял, что в лучшие времена там стоял гараж. Пустырь, заросший росичкой, заменял лужайку. На нем валялись дешевые пластиковые игрушки. Маленькая девочка в рваных розовых шортах снова и снова ударяла ногой по мячу для соккера, отправляя его в стену дома. Всякий раз, когда мяч отскакивал от дощатой обшивки, она кричала: *«Чамба!»*

Из окна высунулась женщина с накрученными на большие синие бигуди волосами и сигаретой в зубах и заорала:

— Если ты не прекратишь, Розетта, я сейчас выйду и надеру тебе задницу! — Тут она увидела меня. — Чё надо? Если это счет, я те ничем не помогу. Этим занимается мой муж. Он сегодня работает.

— Это не счет. — Розетта пнула мяч в мою сторону, скорчив гримасу, которая сменилась неохотной улыбкой, когда я остановил его ногой, а потом мягко катнул назад. — Я просто хочу поговорить с вами.

— Те придется подождать. Я неодета.

Голова женщины исчезла. Розетта вновь ударила по мячу, он полетел по высокой дуге в сторону от меня под крик: *«Чамба!»* — но мне удалось поймать его прежде, чем он врежется в стену.

— Нельзя трогать мяч руками, старый грязный сукин сын, — заявила девочка. — Это пенальти.

— Розетта, что я говорила насчет твоего поганого рта? — Мамаша появилась на крыльце, накинув тонкий желтый шарф поверх бигуди. Под шарфом они напоминали коконы насекомых, которые, вылупившись, могут оказаться ядовитыми.

— Старый грязный гребаный козел! — крикнула Розетта, а потом побежала по Мерседес-стрит в сторону «Манки уорд», гоня перед собой мяч и неистово хохоча.

— Чё те надо? — Мамаша в свои двадцать два выглядела чуть ли не на пятьдесят. Несколько зубов отсутствовали, а под одним глазом еще не полностью сошел фингал.

— Хочу задать несколько вопросов.

— С какой стати мне на них отвечать?

Я вытащил бумажник, предложил ей пятерку.

— Не задавайте вопросов — и не услышите лжи.

— Ты не отсюда. Выговор как у янки.

— Вы хотите получить деньги или нет, *миссис*?

— Зависит от вопросов. Размера моего гребаного лифчика я те не скажу.

— Для начала меня интересует, как давно вы здесь живете.

— В этом месте? Недель шесть. Гарри думал, что найдет работу на складе «Манки уорд», но там никого не нанимают. И он пошел на Поляну. Знаешь, чё это?

— Место, где можно найти работу на один день?

— Ага, и он работает с ниггерами. Девять долларов за целый рабочий день с ниггерами. Он говорит, та же западно-техасская тюрьма.

— Сколько вы платите за аренду?

— Пятьдесят в месяц.

— Дом обставлен?

— Частично, *можно сказать*. Чертова кровать и чертова газовая плита, которая скорее всего убьет нас всех. И в дом не пущу, не раскатывай губы. Я тебя знать не знаю.

— Лампы или что-то такое есть?

— Ты рехнулся, мистер.

— Есть?

— Да, две. Одна работает, другая нет. Я тут не останусь, будь я проклята, если останусь. Он говорит, что не хочет возвращаться к моей матери в Мозель, но тем хуже для него. Я тут не останусь. Чуешь, как воняет?

— Да, мэм.

— И это говно, красавчик. Не кошачье говно, не собачье, а человеческое. Работать с нигерами — это одно, но жить, как они? Нет, сэр. Ты все?

Я еще не закончил, хотя хотелось бы. Она вызывала у меня отвращение, и я сам вызывал у себя отвращение, потому что судил ее. Она же ни в чем не виновата, узница своего времени, обстоятельств и этой пропахшей говном улицы. Но я продолжал смотреть на бигуди под желтым шарфом. На толстых синих насекомых, которые никак не вылупятся из кокона.

— Никто не задерживается здесь надолго, так?

— На Седес-стрит? — Рукой с сигаретой она обвела улицу, ведущую к пустынной автостоянке и огромному складу, заполненному вещами, каких у нее никогда не будет. Жмущиеся друг к другу лачуги со ступенями из крошащихся шлакоблоков и разбитыми окнами, закрытыми кусками картона. Дети-замарашки. Старые, проеденные ржавчиной «форды», «хадсоны», «студебекерларксы». Безжалостное техасское небо. А потом с ее губ сорвался жуткий смешок, полный удивления и отчаяния.

— Мистер, это автобусная остановка на дороге в никуда. Я и эта маленькая засранка возвращаемся в Мозель. Если Гарри не захочет уехать с нами, мы уедем без него.

Я достал из кармана карту, оторвал полоску бумаги, написал номер моего домашнего телефона в Джоди. Добавил еще пятерку, протянул ей. Она смотрела на деньги и бумажку, но не брала их.

— Зачем мне твой номер? У меня нет телефона. Да и телефонной линии тут нет. Это междугородный номер.

— Позвоните мне, когда определитесь с отъездом. Это все, чего я хочу. Позвоните и скажите: «Мистер, это мама Розетты, и мы переезжаем». Ничего больше.

Я видел, как она прикидывает, что к чему. Много времени у нее на это не ушло. Я предлагал десять долларов, а ее муж получал девять, вкалывая под горячим техасским солнцем целый день. Потому что на Поляне не слышали про полторы ставки по выходным. И про эти десять долларов муж *ничего не знал*.

— Дай мне еще семьдесят пять центов. На междугородный звонок.

— Вот вам бакс. Сдачу потратьте на себя. И не забудьте.

— Я не забуду.

— Уж постарайтесь. Потому что, если забудете, я сумею найти вашего мужа и все ему рассказать. Это важное дело, *миссис*. Во всяком случае, для меня. Как вас, кстати, зовут?

— Айви Темплтон.

Я застыл в пыли среди сорняков, дыша вонью говна, наполовину переработанной нефти и природного газа.

— Мистер? Что с тобой? У тебя так изменилось лицо.

— Ничего, — ответил я. И возможно, не грешил против истины. Темплтон — не такая уж редкая фамилия. Разумеется, человек может убедить себя в чем угодно, если будет очень стараться. Я тому доказательство, ходячее и говорящее.

— А как зовут тебя?

— Паддентарю, — ответил я. — Спросите еще раз, и я повторю.

Услышав эту детскую шутку, она наконец-то улыбнулась.

— Позвоните мне, *миссис*.

— Да, хорошо. Теперь уезжай. А если по пути раздавишь мое маленькое отродье, то окажешь мне услугу.

Я вернулся в Джоди и нашел записку, приколотую кнопкой к двери:

Джордж!
Можешь перезвонить? Мне нужна помощь.
Сейди (и это беда!!)

Что сие могло означать? Я вошел в дом, чтобы позвонить и выяснить.

4

Мать тренера Бормана, которая жила в доме престарелых в Эйбилене, сломала шейку бедра, а в ближайшую субботу в ДОСШ намечались «танцы Сейди Хокинс»*.

* Танцевальный вечер в школе или колледже, на который девушки приглашают молодых людей.

— Тренер уговорил меня присутствовать вместе с ним на танцах и обеспечивать порядок! Он сказал, цитирую: «Как вы можете не пойти на танцы, названные практически в вашу честь?» Разговор этот состоялся на прошлой неделе. И я как дура согласилась. А теперь он уезжает в Эйбилен, и что остается мне? Присматривать за двумя сотнями помешанных на сексе шестнадцатилетних подростков, танцующих твист и филли? Не думаю, что у меня получится! А если кто-то из мальчишек принесет пиво?

Я подумал, что будет чудо, если не принесет, но решил, что лучше этого не говорить.

— А если начнется драка на автостоянке? Элли Докерти говорила, что в прошлом году на танцы заявилась группа парней из Хендерсона и четверых, по двое с каждой стороны, пришлось отправить в больницу! Джордж, ты поможешь мне на танцах? *Пожалуйста?*

— Сейди Данхилл приглашает меня на «танцы Сейди Хокинс»? — Я улыбался. Эта идея мне нравилась.

— Не шути! Это не смешно!

— Сейди, конечно же, я пойду с тобой. Ты собираешься принести мне букетик?

— Я принесу тебе бутылку шампанского, если придется. — Она задумалась. — Пожалуй, нет. Не по моей зарплате. Тогда бутылку «Холодной утки»*.

— Начало в половине восьмого? — Я и так это знал. Постеры висели по всей школе.

— Да.

— И танцы под проигрыватель. Никакого оркестра. Это хорошо.

— Почему?

— Музыканты могут доставить лишние хлопоты. Однажды я приглядывал за танцами, где барабанщик в перерыве продавал пиво домашнего приготовления. Вспоминаю с дрожью.

— Все передрались? — В ее голосе звучал ужас. И интерес.

— Нет, но блевали многие. Пиво оказалось забористым.

— Это случилось во Флориде?

Это случилось в Лисбонской средней школе в 2009 году, но я ответил, что да, во Флориде. Я также сказал, что с удовольствием

* Игристое вино, производимое в США.

составлю ей компанию и помогу поддерживать порядок на школьных танцах.

— Я так тебе благодарна, Джордж.

— Для меня это в радость, мэм.

И я говорил абсолютную правду.

5

Организацию «танцев Сейди Хокинс» взяла на себя группа поддержки, и постаралась на славу. С потолочных балок свисало множество бумажных лент (разумеется, золотистых и серебристых), хватало и имбирного пунша, и красных бисквитных пирожных, приготовленных «Будущими домохозяйками Америки». Художественное отделение — немногочисленное, но ответственное — украсило зал большущим плакатом, изображавшим бессмертную мисс Хокинс, гоняющуюся за холостяками Догпэтча. Мэтти Шоу и подруга Майка, Бобби Джил, сделали большую часть всей работы, чем заслуженно гордились. Я задался вопросом, а будут ли они так же гордиться этим лет через семь или восемь, когда первая волна феминисток начнет сжигать бюстгальтеры и проводить демонстрации, требуя полного равноправия. Не говоря уже о футболках с надписями «Я НЕ ЧЬЯ-ТО СОБСТВЕННОСТЬ» и «МУЖЧИНА НУЖЕН ЖЕНЩИНЕ, КАК РЫБЕ — ВЕЛОСИПЕД».

Диск-жокеем и ведущим вечера был Дональд Беллингэм, десятиклассник. Он прибыл не с одним, а с двумя чемоданами пластинок. С моего разрешения (Сейди не понимала, что к чему) подключил проигрыватель «Уэбкор» и отцовский предусилитель к системе громкой связи. Большие размеры зала обеспечивали естественное отражение звука, и после первых попыток, приведших к жуткому визгу, Дональд добился нужного уровня громкости. Родившись в Джоди, Дональд давно уже стал жителем Роквилла в штате Крутого папани*. Он носил очки в розовой оправе с толстыми стеклами, брюки с эластичной лентой на поясе и двухцветные кожаные туфли с такими широкими мысками, что они выглядели клоунскими. Лицо Дональда покрывала густая россыпь прыщей, волосы, обильно смазанные брилькремом, он

* Песня нью-йоркской группы «The Rays».

укладывал в «утиную гузку» а-ля Бобби Райделл. Внешность говорила о том, что с девушкой он впервые сможет поцеловаться года в сорок два, но двигался Дональд проворно, умел управляться с микрофоном, а его коллекция винила (которую он называл «штабель воска» или «гора звука Донни Б.»), как уже отмечалось ранее, впечатляла.

— Давайте резво начнем эту вечеринку приветом из прошлого, рок-н-ролльным реликтом, золотом, что блестит, старой лошадкой, которая не испортит борозды. Шевелите ногами под действительно крутой бит «Дэнни... и ДЖУ-У-У-УНИЕРСОВ».

Песня «На танцах» взорвала зал. Начали, как и практически всегда в шестидесятых, девушки. Ноги в туфельках взлетали. Нижние юбки кружились. И через какое-то время начали появляться разнополые пары... особенно на быстрых танцах вроде «Проваливай, Джек» и «Без четверти три».

Не многие из этих деток смогли бы попасть в шоу «Танцы со звездами», но на их стороне были молодость и задор, и они отлично проводили время. Глядя на них, я чувствовал себя счастливым. Позже, если бы Донни Б. не хватило здравого смысла притушить свет, я собирался сделать это сам. Сейди поначалу нервничала, ждала беды, но эти детки пришли сюда, чтобы поразвлечься. И никаких тебе орд незваных гостей из Хендерсона или других школ. Она это видела и постепенно начала расслабляться.

После сорока минут музыки в режиме нон-стоп и четырех красных бисквитных пирожных я наклонился к Сейди.

— Надзирателю Амберсону пора сделать первый обход и убедиться, что ни в здании, ни во дворе никто не позволяет себе лишнего.

— Хочешь, чтобы я пошла с тобой?

— Я хочу, чтобы ты приглядывала за чашей с пуншем. Если какой-нибудь молодой человек приблизится к ней с бутылкой, пусть даже сиропа от кашля, пригрози ему казнью на электрическом стуле или кастрацией, уж не знаю, что ты сочтешь более эффективным.

Она привалилась к стене и смеялась, пока в уголках глаз не заблестели слезы.

— Убирайся отсюда, Джордж, ты *ужасен*.

Я ушел. Радовался тому, что рассмешил ее, но после трех лет пребывания в Стране прошлого так легко забывалось, насколько острее звучали здесь шутки с легким налетом секса.

Я застал парочку, обнимавшуюся в одной из самых темных ниш у восточной стены зала. Он исследовал территорию под свитером, она пыталась засосать в рот его губы. Когда я похлопал юного исследователя по плечу, они отскочили друг от друга.

— Этим займетесь после танцев. А теперь возвращайтесь в зал. Идите медленно. Остыньте. Выпейте пунша.

Они пошли, она — одергивая свитер, он — чуть наклонившись вперед, хорошо известной и характерной для юношей походкой под названием «яйца свело».

Два десятка красных светлячков подмигивали мне за металлическим ангаром. Я помахал рукой, и двое или трое учеников, сидевших в курилке, ответили тем же. Заглянув за угол деревообрабатывающей мастерской, я увидел то, что мне определенно не понравилось. Майк Кослоу, Джим Ладью и Винс Ноулс стояли кружком, что-то передавая друг другу. Я подскочил, схватил это что-то и выбросил через забор прежде, чем они поняли, что уже не одни.

Джим на мгновение опешил, а потом одарил меня ленивой улыбкой футбольного полубога.

— Добрый вечер, мистер А.

— Со мной без этого можно обойтись, Джим. Я не девушка, которую ты обаянием хочешь вытащить из трусиков, и точно не твой тренер.

На лице Джима отразился шок и даже испуг, но никак не уверенность в том, что ему все должны. Думаю, такое могло бы быть, если бы дело происходило в одной из больших школ Далласа. Винс отступил на шаг. Майк не сдвинулся с места, однако выглядел потерянным и смущенным. Более чем смущенным. Стыдился случившегося.

— Бутылка на танцах под проигрыватель, — продолжил я. — Дело не в том, что я ожидаю от вас выполнения всех правил, но почему вы ведете себя так глупо, когда их нарушаете? Джимми, если тебя поймают на пьянстве и вышвырнут из футбольной команды, что будет с твоей спортивной стипендией в Алабаме?

— Может, только отстранят от игр, — ответил он. — Этим все ограничится.

— Точно, и год ты не будешь играть. Тебе придется отрабатывать свои оценки. И тебе, Майк. Опять же, тебя выгонят из драматического кружка. Ты этого хочешь?

— Нет, сэр, — произнес он чуть ли не шепотом.

— А ты, Винс?

— Нет, мистер А. Абсолютно. Мы будем ставить эту пьесу с присяжными? Потому что, если мы...

— Разве ты не знаешь, что должен молчать, когда учитель отчитывает тебя?

— Знаю, сэр.

— В следующий раз поблажки не будет, но этот вечер — счастливый. Что вы сегодня получите, так это дельный совет: *не поганьте свое будущее.* Во всяком случае, из-за пинты «Пяти звезд» на школьных танцах, о которых через год не вспомните. Вы понимаете, о чем я?

— Да, сэр, — ответил Майк. — Извините меня.

— Меня тоже, — поддакнул Винс. — Абсолютно. — И, улыбаясь, перекрестился. Некоторые такие от рождения. Но ведь миру нужны остряки, чтобы оживлять жизнь, правда?

— Джим?

— Да, сэр. Пожалуйста, не говорите отцу.

— Само собой, это останется между нами. — Я оглядел их. — В следующем году, уже в колледже, вы найдете много мест, где можно выпить. Но не в нашей школе. Вы меня слышите?

На этот раз они хором ответили:

— Да, сэр.

— А теперь идите в зал. Выпейте пунша, чтобы от вас не пахло виски.

Они пошли. Я дал им время, потом последовал за ними, опустившими головы, засунувшими руки в карманы, пребывающими в глубоком раздумье. *Но не в нашей школе,* сказал я им. Нашей.

Приходите к нам и учите детей, услышал я от Мими. *В этом ваше призвание.*

2011 год никогда не казался таким далеким, как в тот вечер. Черт, Джейк Эппинг никогда не казался таким далеким. В самом сердце Техаса, в спортивном зале, превращенном в танцплощадку, звучал саксофон. Теплый ветерок дул сквозь ночь. Ударные поднимали со стульев, вовлекая в танец.

Думаю, именно тогда я решил, что уже не вернусь.

6

Хрипящий саксофон и бойкие ударные аккомпанировали группе «Даймондс». Песня называлась «Стролл». Детки этот танец не танцевали. Во всяком случае, не танцевали правильно.

Стролл стал первым танцем, который разучили мы с Кристи, когда начали посещать танцевальный класс вечером по четвергам. Это танец для двух пар, предназначенный для того, чтобы снять напряжение: каждая пара движется по коридору, образованному хлопающими парнями и девушками. Но, вернувшись в зал, я увидел совсем другое. Здесь юноши и девушки подходили друг к другу, обнявшись, делали полный оборот, словно вальсируя, разделялись, отходили на исходные позиции. И, разделившись, шли на каблуках, одновременно вращая бедрами. Получалось и приятно глазу, и сексуально.

Пока я наблюдал, стоя у стола с закусками, Майк, Джим и Винс присоединились к мужскому ряду. Винс ничего собой не представлял — слова, что он танцевал, как белый парень, прозвучали бы оскорблением для белых парней, — но Джим и Майк двигались, как спортсмены, можно сказать, с врожденной грацией. И очень скоро большинство девушек смотрело на них.

— Я уже начала волноваться! — крикнула Сейди, перекрывая музыку. — Все в порядке?

— Все отлично! — прокричал я в ответ. — Что это за танец?

— Мэдисон! Его весь месяц показывают по «Эстраде». Хочешь, чтобы я тебя поучила?

— Леди, — я взял ее за руку, — это я собираюсь поучить вас.

Детки увидели, что мы выходим на площадку, и освободили нам место, хлопая в ладоши и крича: *«Так держать, мистер А!»* и *«Покажите ему, как это делается, миз Данхилл!»* Сейди рассмеялась и поправила резинку на конском хвосте. Щеки горели румянцем, превращавшим ее в красавицу. Она отошла на каблуках, хлопая в ладоши и тряся плечами, как и другие девушки, потом двинулась в мои объятия, подняв голову и глядя мне в глаза. Я порадовался, что мне для этого хватает роста. Мы закружились, как жених и невеста на свадебном торте, потом разошлись. Я низко наклонился и повернулся на пальцах ног, вытянув руки перед собой, совсем как Эл Джолсон, поющий «Маму». Последовали новые аплодисменты и пронзительные вопли девушек. Я

не выпендривался (ладно, может, самую малость). Просто мне нравилось танцевать. И давно уже не доводилось.

Песня закончилась. Рычащий сакс растворялся в рок-н-ролльном небытии, которое нашему юному диджею нравилось называть кладбищем бороздок, и мы уже уходили с танцплощадки.

— Господи, как же весело. — Сейди сжала мою руку. — *С тобой весело.*

Прежде чем я успел ответить, по громкой связи загремел голос Дональда:

— В честь присматривающих за нами, которые действительно умеют танцевать — впервые в истории нашей школы, — послание из прошлого, покинувшее хит-парады, но не наши сердца, то золото, что по-прежнему блестит, жемчужина из коллекции моего отца, который не знает, что я привез ее с собой, и если кто-нибудь из вас скажет ему, мне кранты. Врубайтесь, нынешние рокеры, так играли, когда мистер А и миз Ди учились в старшей школе!

Они все повернулись к нам, и... что ж...

Вы знаете, каково это, когда ночью, под открытым небом, видишь, как край облака освещается ярко-желтым, и знаешь, что через секунду-другую взойдет луна? Именно такое чувство испытал я в тот миг, стоя под чуть покачивающимися бумажными лентами в спортзале Денхолма. Я знал, какую сейчас услышу мелодию, я знал, что мы будем под нее танцевать, и я знал, как мы будем танцевать.

А потом мягко зазвучали духовые инструменты:

Ба-да-да... ба-да-да-ди-дам...

Оркестр Гленна Миллера. «В настроении».

Сейди закинула руку за голову и сдернула резинку с конского хвоста. Смеясь, принялась раскачиваться в такт музыке. Волосы скользили с одного плеча на другое.

— Ты умеешь танцевать свинг? — крикнул я, перекрывая музыку. Зная, что умеет. Зная, что *станцует*.

— Ты про линди-хоп? — спросила она.

— Именно.

— Ну...

— Давайте, мисс Данхилл! — воскликнула одна из девушек. — Мы хотим это увидеть! — А две ее подружки уже подталкивали Сейди ко мне.

Она мялась. Я крутанулся на триста шестьдесят градусов и протянул к ней руки. Детки радостно закричали, когда мы направились на танцплощадку. Освободили нам место. Я потянул Сейди к себе, и после мимолетного колебания она сделала полный оборот сначала направо, потом налево. Ее трапециевидный сарафан не стеснял движения ног. Мы танцевали ту самую разновидность линди, которую Ричи-Дичь и Бевви-На-Ели разучивали осенью 1958 года. Из фильма «Все кувырком». Естественно. Потому что прошлое находится в гармонии с собой.

Я вновь потянул Сейди к себе, держа за руки, позволил ей отпрянуть. Мы разделились. Потом, как танцоры, оттачивавшие эти движения долгие месяцы (возможно, замедлив обороты пластинки, на пустующей площадке для пикника), наклонились и ударили ногами по воздуху, сначала налево, потом направо. Детки смеялись и одобрительно кричали. Образовали круг в центре зала и хлопали в ладоши в такт музыке.

Мы сошлись, и она закружилась, как балерина, под нашими соединенными руками.

А теперь ты пожатием говоришь мне, налево мы идем или направо.

Она чуть сжала мне правую руку и, словно мысль сыграла роль стартера, снова закружилась, как пропеллер, в обратную сторону, ее волосы так и летели, становясь то красными, то синими в лучах прожекторов. Я услышал, как несколько девушек ахнули. Я поймал Сейди и нагнулся, держа ее на руке, перенеся вес на одну ногу, надеясь, что колено выдержит. Оно выдержало.

Я распрямился. Она со мной. Подалась назад. Потом пришла ко мне. Мы танцевали под разноцветными огнями.

Танец — это жизнь.

7

Танцы закончились в одиннадцать, но на подъездную дорожку к дому Сейди мой «санлайнер» свернул только в четверть первого воскресного утра. Никто никогда не скажет вам, что те, кто приглядывают за порядком на подростковых танцевальных вечерах, сначала должны удостовериться, что все уехали, и лишь после этого запереть двери.

По пути к дому Сейди мы по большей части молчали. Хотя Дональд ставил еще несколько искушающих быстрых мелодий в исполнении больших оркестров и детки уговаривали нас станцевать свинг, мы отказались. Один раз запоминается, но два могут оставить неизгладимый след. А это не очень хорошо в маленьком городке. Однако для меня неизгладимый след уже остался. Я не мог не думать о том, как держал Сейди в объятиях, о ее быстром дыхании на моем лице.

Я заглушил двигатель и повернулся к ней. *Теперь она скажет: «Спасибо, что выручил меня» или «Спасибо за прекрасный вечер», — и на том все закончится.*

Но я не услышал от нее ни первого, ни второго. Она вообще ничего не сказала. Просто смотрела на меня. Волосы падали на плечи. Две верхние пуговички мужской оксфордской рубашки она расстегнула еще в зале. Сережки блестели. Мы потянулись друг к другу, сначала осторожно, потом крепко обнялись. Начали целоваться, но не просто целоваться. Набросились друг на друга, как голодные набрасываются на еду, а мучимые жаждой — на воду. Я ощущал ее духи, и свежий пот, пробивающийся сквозь аромат духов, и слабый, но все-таки резкий привкус табака на ее губах и языке. Ее пальцы скользили по моим волосам, мизинчик на мгновение забрался в ушную раковину, отчего по телу побежала дрожь, потом руки сомкнулись на моей шее. Большие пальцы двигались и двигались, поглаживали часть затылка, в другой жизни заросшую волосами. Моя рука оказалась у нее под грудью, потом охватила мягкую округлость, и Сейди прошептала:

— Ох, спасибо, я уже испугалась, что упаду.

— Не стоит благодарностей. — Я мягко сжал грудь.

Мы обнимались минут пять, дыхание учащалось. Ласки становились все более смелыми. Лобовое стекло «форда» запотело. Потом она оттолкнула меня, и я увидел, что щеки у нее мокрые. И когда, во имя Господа, она расплакалась?

— Джордж, извини. Я не могу. Очень боюсь. — Сарафан задрался чуть ли не до пупа, открывая резинки пояса, подол комбинации, кружева трусиков. Она стянула его к коленям.

Я догадался, что причина в ее замужестве, и, пусть семейный корабль пошел ко дну, это имело значение — на дворе была середина двадцатого столетия, а не начало двадцать первого. А может быть, ее смущали соседи. Дома стояли темные, скорее всего их

обитатели крепко спали, но кто мог знать наверняка? В маленьких городах любили посплетничать о новых священниках и учителях. Как выяснилось, в своих предположениях я ошибся, но, думаю, по-другому и быть не могло: тогда я практически ничего не знал о ее прошлом.

— Сейди, если ты чего-то не хочешь, то не должна этого делать. Я не...

— Ты не понимаешь. Дело не в том, что не хочу. Мне страшно не поэтому. Просто я никогда этого не делала.

Прежде чем я успел что-то сказать, она выскочила из машины и побежала к дому, на ходу роясь в сумочке в поисках ключа. И не оглянулась.

8

Домой я приехал без двадцати час, доковылял от гаража до дома той самой походкой «яйца свело». Едва успел зажечь свет на кухне, как зазвонил телефон. 1961 год на сорок лет отстоял от появления определителя номера, но только один человек мог позвонить мне в столь поздний час, после такого вечера.

— Джордж? Это я. — Вроде бы голос звучал ровно, но заметно осип. Она плакала. Судя по голосу, рыдала.

— Привет, Сейди. Ты не дала мне шанса поблагодарить тебя за прекрасный вечер. И во время танца, и после.

— Я тоже хорошо провела время. Так давно не танцевала. Я боюсь сказать тебе, с кем я училась танцевать линди.

— Что ж, я учился со своей бывшей. Догадываюсь, что ты училась со своим мужем, с которым разбежалась. — Только догадываться мне не пришлось: я уже начал соображать, что к чему. Удивлять это меня перестало, но если бы я сказал, что начал привыкать к тому, как сверхъестественным образом одно складывается с другим, то солгал бы.

— Да, — бесстрастным тоном ответила она. — С ним. Джоном Клейтоном из саваннских Клейтонов. А *разбежалась* — это правильно. Очень уж он был странным.

— И как долго продолжалась ваша семейная жизнь?

— Вечность и один день. Если можно назвать нашу жизнь семейной. — Она рассмеялась. Точно так же, как Айви Темплтон.

В смехе слышались веселье и отчаяние. — В моем случае вечность и один день составили чуть больше четырех лет. После того как в июне закончится учебный год, я собираюсь без лишней огласки поехать в Рино. Лето проработаю официанткой или кем-то еще. Там надо прожить шесть недель. То есть в конце июля — начале августа я смогу положить конец этому... этому фарсу... Пристрелить, как лошадь со сломанной ногой.

— Я могу подождать. — Но едва слова сорвались с губ, я задался вопросом, а так ли это. Потому что актеры собирались за кулисами, до начала пьесы оставалось все меньше времени. К июню шестьдесят второго Ли Освальд вернется в Соединенные Штаты. Сначала поживет у Роберта. Потом у матери. К августу переберется на Мерседес-стрит в Форт-Уорте и будет работать в расположенной неподалеку «Лесли уэлдинг компани», собирать алюминиевые окна и двойные двери с выгравированными инициалами хозяина дома.

— Я не уверена, что смогу. — Она говорила так тихо, что мне пришлось напрягать слух. — Я была девственницей в двадцать три и остаюсь таковой в двадцать восемь, превратившись при этом в соломенную вдову. Так долго фрукты не зреют, как говорят в тех краях, откуда я приехала, особенно когда люди — и собственная мать в моем случае — уверены, что ты уже четыре года как занимаешься тем, чем занимаются птички и пчелки. Я никому этого не говорила, и если ты кому-нибудь расскажешь, думаю, я умру.

— Это между нами, Сейди. И всегда будет. Он оказался импотентом?

— Не совсем... — Она замолчала, а когда заговорила после короткой паузы, ее голос переполнял ужас: — Джордж... это спаренная линия?

— Нет. За дополнительные три с половиной доллара в месяц линия принадлежит только мне.

— Слава Богу. Но все равно это не телефонный разговор. И уж конечно, об этом не поговоришь в «Закусочной Эла» за его вилорог-бургерами. Сможешь прийти на ужин? Мы устроим небольшой пикник у меня во дворе. Скажем, в пять?

— Отлично. Я принесу торт или что-то такое.

— Я хочу, чтобы ты принес кое-что другое.

— Что именно?

— Не могу сказать по телефону, даже если он у тебя не спаренный. Кое-что такое, что надо купить в аптеке. Но не в «Аптечном магазине Джоди».

— Сейди...

— Ничего не говори, пожалуйста. Я сейчас положу трубку и пойду умываться холодной водой. Чувствую, что лицо полыхает огнем.

Раздался щелчок. Она ушла. Я разделся и лег в кровать, но еще долго не мог заснуть. Думал о вечном. О времени, и любви, и смерти.

Глава 15

1

В воскресенье в десять утра я запрыгнул в «санлайнер» и проехал двадцать миль до Раунд-Хилла. Аптечный магазин находился на Главной улице, и он работал, но я увидел на двери наклейку «МЫ РЫЧИМ ЗА ЛЬВОВ ДЕЛХОЛМА» и вспомнил, что Раунд-Хилл — часть четвертого объединенного района. Поэтому поехал в Кайлин. Там пожилой аптекарь, очень уж — скорее всего случайно — похожий на мистера Кина из Дерри, подмигнул мне, передавая пакетик из коричневой бумаги и сдачу.

— Только не делай ничего противозаконного, сынок.

Я, как от меня и ожидалось, подмигнул в ответ и вернулся в Джоди. Ночью спал мало, поэтому прилег и попытался вздремнуть, но сон не шел. Поехал в «Вайнгартенс» и купил торт. Кажется, он простоял на полке уже неделю, однако меня это особо не волновало, и я решил, что и Сейди не слишком огорчится. Пусть меня пригласили на ужин, я не сомневался, что в сегодняшней повестке дня еда первую строчку занимать не будет. И когда стучал в ее дверь, в животе трепыхались крылышки множества бабочек.

Сейди обошлась без макияжа. Более того, не воспользовалась и помадой. Смотрела на меня большими, темными, испуганными глазами. В какой-то момент возникло ощущение, что сейчас она

захлопнет передо мной дверь и убежит со всех своих длинных ног. На том все и закончится.

Но она не убежала.

— Заходи. Я приготовила салат с курицей. — Ее губы задрожали. — Я надеюсь, тебе нравится... тебе нравится м-много майо... майо...

Ее колени начали подгибаться. Я переступил порог, выронил коробку с тортом на пол, схватил Сейди. Думал, что она потеряет сознание, но этого не произошло. Она обхватила меня за шею и крепко прижалась ко мне, как тонущая женщина может прижаться к проплывающему бревну. Я чувствовал, что ее бьет крупная дрожь. Наступил на этот чертов торт. Потом наступила она. Под ногами чавкнуло.

— Я боюсь, — прошептала она. — Что, если у меня не получится?

— А если у меня не получится? — И я совсем не шутил. С последнего раза прошло много времени. Не меньше четырех лет.

Сейди словно и не услышала моих слов.

— Он никогда не хотел меня. Во всяком случае, как я ожидала. Я знаю только его способ. Сначала ощупывание, потом швабра.

— Успокойся, Сейди. Сделай глубокий вдох.

— Ты ездил в аптеку?

— Да, в Кайлин. Но мы не должны...

— Должны. Я должна. До того, как лишусь остатков смелости. Пошли.

Спальня находилась в конце коридора. Спартанская обстановка: кровать, стол, пара репродукций на стенах, ситцевые занавески, танцующие под легким дыханием кондиционера на подоконнике. Ее колени опять начали подгибаться, и я в очередной раз не дал ей упасть. Мы словно танцевали какую-то странную разновидность свинга. На полу виднелись следы Артура Мюррея. Тортовые. Я поцеловал Сейди, и ее губы прильнули к моим, сухие и неистовые.

Я осторожно толкнул ее и прижал спиной к двери стенного шкафа. Она крайне серьезно смотрела на меня, сквозь упавшие на глаза волосы. Я отвел их, очень нежно, и начал облизывать ее пересохшие губы кончиком языка. Без спешки, уделяя особое внимание уголкам рта.

— Лучше? — спросил я.

Она ответила не голосом, а своим языком. Не прижимаясь к ней телом, я очень медленно гладил ее рукой, сначала вниз, потом вверх, где по пульсу на шее почувствовал учащенное биение сердца, и снова вниз, по груди, животу, лобку, потом к ягодице, дальше по бедру. На ней были джинсы, и материя шуршала под ладонью. Сейди откинулась назад и ударилась затылком о дверь.

— Ох! — вырвалось у меня. — Не больно?

Она закрыла глаза.

— Все хорошо. Не останавливайся. Поцелуй меня еще. — Тут она покачала головой: — Нет, не целуй. Сделай то же самое с губами. Полижи их. Мне понравилось.

Я сделал то, что она хотела. Сейди вздохнула, и ее пальцы нырнули под ремень у меня на пояснице. Потом скользнули к пряжке.

2

Я хотел все сделать быстро, каждая клеточка моего тела этого требовала, говорила, что надо засадить до упора, жаждала совершенного ощущения захвата, являющегося квинтэссенцией этого действа, но я входил медленно. По крайней мере поначалу.

Потом услышал: «Не заставляй меня ждать, я этим наелась досыта», — после чего поцеловал ее во влажную впадинку на виске и двинул бедра вперед, словно мы танцевали горизонтальную версию мэдисона. Она ахнула, чуть подалась назад, а потом подняла бедра мне навстречу.

— Сейди? Все хорошо?

— Охбожемой, — ответила она, и я рассмеялся. Она открыла глаза, посмотрела на меня с любопытством и надеждой. — Это все или будет что-то еще?

— Немножко будет, — ответил я. — Но не знаю сколько. Я давно не был с женщиной.

Получилось не так чтобы немножко. Только несколько минут в реальном времени, но иногда время становится другим — никто не знает этого лучше меня. В конце она начала стонать.

— Ох, дорогой, ох, мой дорогой, ох, мой дорогой, дорогой Боже, ох, *как сладко*!

По голосу чувствовалось, что ей открылась великая истина, и этого хватило, чтобы я начал кончать, то есть одновременно у нас не вышло, но несколькими мгновениями позже она подняла голову и уткнулась лицом в ложбинку у моего плеча. Маленький кулачок ударил меня в лопатку, раз, другой... потом раскрылся и затих. Ее голова вновь упала на подушку. Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами, изумленными и чуть испуганными.

— Я кончила.

— Я заметил.

— Мама говорила мне, что у женщин такого не бывает, только у мужчин. Она говорила, что женский оргазм — это миф. — Она нервно рассмеялась. — Господи, как многого она лишилась.

Сейди приподнялась на локте, взяла мою руку, положила себе на грудь. Под ней колотилось и колотилось сердце.

— Скажите мне, мистер Амберсон... как скоро мы сможем повторить?

3

Когда краснеющее солнце тонуло в вечном нефтегазовом смоге на западе, мы с Сейди сидели в ее крошечном дворике под старым пеканом, ели сандвичи с куриным салатом и запивали их ледяным чаем. Никакого торта, естественно. С тортом вышла незадача.

— Тебе неприятно надевать эти... ты понимаешь, эти штучки из аптеки?

— Все хорошо, — заверил я ее. На самом деле мог бы сказать, что хорошо не слишком. За период между 1961 и 2011 годами многие продававшиеся в Америке товары претерпели значительные изменения в лучшую сторону, но, поверьте Джейку, презервативы остались прежними. У них, возможно, появились оригинальные названия, и они приобрели вкусовой компонент (для тех, у кого специфические вкусы), но все равно это резинка, которую натягиваешь на свой член.

— Раньше я могла бы воспользоваться диафрагмой.

Мы обошлись без столика, Сейди просто расстелила на траве одеяло. Теперь она взяла тапперверовский контейнер с остатками

огуречно-лукового салата и принялась открывать и закрывать откидывающуюся крышку. Некоторые люди могут найти в этих движениях фрейдистский подтекст. Включая меня.

— Моя мать дала мне ее за неделю до свадьбы с Джонни. Даже рассказала, как ее устанавливать, хотя и не могла смотреть мне в глаза, а ее щеки так и пылали. «Обойдитесь без ребенка первые восемнадцать месяцев, — советовала она мне. — Два года, если ты сможешь убедить его так долго ждать. Все это время живите на его зарплату, твою откладывайте».

— Не самый плохой совет в мире, — осторожно отметил я. Мы ступили на минное поле. Она это знала, как и я.

— Джонни преподавал физику. Высокий парень, хотя и не такой высокий, как ты. Мне надоело появляться где-либо с мужчинами ниже меня ростом, и, полагаю, поэтому я ответила «да», когда он впервые пригласил меня на свидание. Со временем выходить с ним в свет стало привычкой. Я думала, что он милый, а когда вечер заканчивался, он никогда не отращивал лишнюю пару рук. В то время я думала, что это любовь. Я такая наивная, правда?

Я неопределенно взмахнул рукой.

— Мы встретились в Университете Южной Джорджии, а потом получили работу в одной школе в Саванне. Объединенной, но частной. Я уверена, его отец дернул за пару нужных ниточек, чтобы это произошло. Денег у Клейтонов нет — больше нет, хотя раньше они не могли пожаловаться на их отсутствие, — но в светском обществе Саванны они по-прежнему котируются высоко. Бедные, но благородные, понимаешь?

Я не понимал — вопросы, кто вхож в светское общество, а кто нет, не играли особой важности в том времени, в котором я рос, — но пробормотал, что конечно же, как же иначе. Все это так долго крутилось у нее в голове, и теперь она выглядела чуть ли не загипнотизированной.

— Так что я стала обладательницей диафрагмы, да-да. В маленькой пластиковой коробочке с розой на крышке. Только ни разу ею не воспользовалась. Не представилось случая. Наконец выбросила ее в мусор после одного из этих сливов. Так он это называл — слить. «Я должен слить», — говорил он. Потом шваброа. Ты понимаешь?

Я совершенно не понимал.

Сейди рассмеялась, и я опять вспомнил Айви Темплтон.

— «Подожди два года», — сказала она. Мы могли бы ждать *двадцать*, и диафрагма ни разу бы не потребовалась!

— Что случилось? — Я легонько сжал ее руки повыше локтей. — Он тебя бил? Бил тебя черенком швабры?

Черенок швабры можно использовать и иначе — я читал «Последний поворот на Бруклин»*, — но, судя по всему, он этого не делал. Сейди досталась мне девственницей, доказательством служили простыни.

— Швабра предназначалась не для битья. Джордж, думаю, я больше не могу об этом говорить. Во всяком случае, сейчас. Я чувствую себя... Ну, не знаю... как бутылка с газировкой, которую только что потрясли. Ты знаешь, чего я хочу?

Я знал, но из вежливости спросил.

— Я хочу, чтобы ты увел меня в дом и снял крышку. — Сейди подняла руки и потянулась. Бюстгальтер она не надела, так что я видел, как под блузкой поднялись груди. В тающем свете от сосков на материю падали маленькие тени, как знаки препинания. — Сегодня я не хочу оживлять прошлое. Сегодня я хочу только искриться.

4

Часом позже я увидел, что она засыпает. Поцеловал ее сначала в лоб, потом в кончик носа, чтобы разбудить.

— Я должен идти. Хотя бы для того, чтобы убрать мой автомобиль с подъездной дорожки, прежде чем соседи начнут звонить друзьям и знакомым.

— Пожалуй. Рядом живут Стэнфорды, а Лайла Стэнфорд в этом месяце помогает в библиотеке.

Я прекрасно знал, что отец Лайлы — член школьного совета, но говорить об этом не стал. Сейди буквально светилась изнутри, так что не хотелось портить праздник. Пока Стэнфорды могли предполагать, что мы сидим на диване, сжав колени, и ждем окончания «Денниса-мучителя», чтобы посмотреть «грандиозное» «Шоу Эда Салливана». Если бы мой автомобиль оставался на подъездной дорожке дома Сейди и в одиннадцать, у них бы возникли иные мысли.

* Роман американского писателя Хьюберта Селби-младшего.

Она наблюдала, как я одеваюсь.

— Что теперь будет, Джордж? С нами?

— Я хочу быть с тобой. Если ты захочешь быть со мной. Ты этого хочешь?

Она села — простыня складками сложилась у талии, — потянулась за сигаретами.

— Очень хочу. Но я замужем, и это не изменишь до следующего лета в Рино. Если я попытаюсь добиться расторжения брака, Джонни будет бороться со мной. Черт, его родители будут бороться со мной.

— Если мы проявим благоразумие, все будет хорошо. А нам ничего не остается, как проявлять благоразумие. Ты это знаешь, так?

Она рассмеялась. Просияла.

— Да. Это я знаю.

— Сейди, у тебя в библиотеке есть проблемы с дисциплиной?

— Что? Да, конечно. Обычное дело. — Она пожала плечами, ее груди поднялись и опустились. Я пожалел о том, что так быстро оделся. Но с другой стороны, кого я дурил? Джеймс Бонд мог бы пойти на третий круг, а вот Джейк/Джордж иссяк. — Я в школе новая девочка. Они устраивают мне проверку. Это, конечно, головная боль, но ничего другого я и не ожидала. А что?

— Я думаю, эти твои проблемы благополучно разрешатся. Ученикам нравится, когда их учителя влюбляются. Даже мальчишкам. Для них это то же шоу по телику.

— Они узнают, что мы...

Я уже думал об этом.

— Некоторые девушки — обязательно. Те, кто с опытом.

Сейди выдохнула дым.

— Восхитительно. — Но разочарованной она не выглядела.

— Как насчет обеда в «Седле» в Раунд-Хилле? Чтобы люди привыкали видеть в нас пару.

— Хорошо. Завтра?

— Нет, завтра у меня дела в Далласе.

— Сбор материала для книги?

— Да. — Печально. Конечно, наши отношения только-только завязались, а я уже солгал. Мне это не нравилось, но другого выхода я не видел. Что же касалось будущего... Сейчас

я отказывался о нем думать. Потому что тоже светился изнутри. — Во вторник?

— Да. И... Джордж?

— Что?

— Мы должны найти способ продолжить.

Я улыбнулся.

— Любовь способ найдет.

— Я думаю, это, скорее, похоть.

— Может, и то и другое.

— Ты такой милый, Джордж Амберсон.

Господи, имя — и то ложь.

— Я расскажу тебе о Джонни и обо мне. Когда смогу. И если ты захочешь слушать.

— Я захочу. — Я полагал, что должен. Если у нас все сложится, мне требовалось понять. Насчет нее. Насчет швабры. — Когда ты будешь готова.

— Как говорит наша высокоуважаемая директриса, ученики — это сложно, но оно того стоит.

Я рассмеялся.

Сейди затушила сигарету.

— Вот еще о чем я думаю. Миз Мими одобрила бы наши отношения?

— Я в этом уверен.

— И я так думаю. Будь осторожен на дороге, дорогой мой. И это тебе лучше взять с собой. — Она указала на бумажный пакетик из «Аптеки Кайлина». Он лежал на комоде. — Если ко мне заглянет любопытная гостья, которая после пи-пи проверит содержимое аптечного шкафчика, придется многое объяснять.

— Дельная мысль.

— Но пусть они всегда будут под рукой, милый.

И она мне подмигнула.

5

По пути домой я думал об этих презервативах. Марка «Троян»... ребристые для *ее удовольствия*, как написано на упаковке. Дама больше не располагала диафрагмой (хотя я полагал, что она может купить новую в следующую поездку в Даллас), а противо-

зачаточные таблетки получат широкое распространение только через год-два. Но и тогда врачи будут выписывать их с осторожностью, если я правильно помнил то, чему меня учили на курсе «Современной социологии». Так что пока «трояны» оставались единственным вариантом. Я надевал их не для ее удовольствия, а с тем, чтобы она не забеременела. Забавно, если вспомнить, что до моего появления на свет оставалось пятнадцать лет.

С этим будущим сплошная путаница.

6

Следующим вечером я вновь посетил магазин Молчаливого Майка. На двери висела табличка «ЗАКРЫТО», и создавалось впечатление, что в магазине никого нет, но я постучал, и мой приятель-электронщик впустил меня.

— Вы как часы, мистер Доу, как часы. Давайте поглядим, что вы скажете. Лично я думаю, что прыгнул выше головы.

Я стоял у стеклянного стенда с транзисторными радиоприемниками и ждал его возвращения из подсобки. Он вышел оттуда, держа по лампе в каждой руке. С засаленными абажурами, словно за них слишком часто хватались грязными пальцами. От основания одной откололся кусок, и на прилавке она выглядела как Пизанская падающая лампа. Я заверил его, что смотрятся они идеально. Он улыбнулся и поставил рядом с лампами две коробки с магнитофонами, а также мешочек с завязками, в котором лежало несколько мотков провода, очень тонкого, практически невидимого.

— Консультация нужна?

— Думаю, я все понял. — Я положил на стол пять двадцаток. Меня тронуло, когда он отодвинул одну ко мне.

— Мы договаривались на сто восемьдесят.

— Еще двадцатка, чтобы вы забыли о том, что когда-либо видели меня.

Он обдумал мои слова, потом положил большой палец на отдельно лежащую двадцатку и пододвинул к ее зеленым подружкам.

— Я уже забыл, буду считать, что эти деньги — чаевые.

Когда он укладывал мои покупки в большой бумажный пакет, я из любопытства задал ему вопрос.

— Кеннеди? Я за него не голосовал, но претензий к нему у меня нет, если он не будет получать приказы от папы. Стране нужен кто-то молодой. Это же новое время, так?

— Если он приедет в Даллас, как думаете, с ним ничего не случится?

— Вероятно, нет. Хотя я бы не зарекался. Знаете, по-хорошему, я бы на его месте держался севернее линии Мейсона—Диксона*.

Я улыбнулся.

— Где все спокойно, все светло**?

Молчаливый Майк (Святой Майк) отмахнулся:

— Не начинайте.

7

В учительской на первом этаже на стене у двери висела полка с ячейками для почтовой корреспонденции и школьных объявлений. Во вторник утром я обнаружил в своей ячейке маленький конверт.

Дорогой Джордж!

Если ты по-прежнему хочешь пригласить меня на обед, пусть это будет в пять часов, потому что мне надо быть в школе с самого утра на этой неделе и на следующей, готовясь к осенней книжной распродаже. Возможно, мы сможем вернуться ко мне на десерт.

Я купила торт, если ты захочешь кусочек.

Сейди.

— Над чем смеешься, Амберсон? — спросил Дэнни Лаверти. Он правил контрольные работы, глядя на них пустыми глазами,

* Граница, проведенная в 1763—1767 гг. английскими землемерами и астрономами Ч. Мейсоном и Дж. Диксоном для разрешения длившегося почти столетие территориального спора между британскими колониями в Америке. До Гражданской войны служила символической границей между свободными штатами Севера и рабовладельческими штатами Юга.

** Вторая строка упомянутой выше рождественской песни «Тихая ночь, святая ночь».

что свидетельствовало о похмелье. — Расскажи, смех мне не повредит.

— Нет, — покачал я головой. — Это личное. Ты не поймешь.

8

Но мы все понимали; торт стал у нас кодовым словом, и в ту осень мы наелись им вволю.

Мы не афишировали наши встречи, однако, разумеется, нашлись люди, которые видели, что происходит. Сплетни наверняка циркулировали, но до скандала дело не дошло. Жители маленьких городов обычно не злые. Они знали ситуацию Сейди, хотя бы в общих чертах, соглашались с тем, что мы должны держать наши чувства в секрете, хотя бы какое-то время. Она никогда не приходила в мой дом — это вызвало бы ненужные разговоры. Я никогда не оставался у нее позже десяти вечера — мои задержки могли стать еще одной причиной тех самых разговоров. И я никак не мог поставить свой «санлайнер» в гараж Сейди: ее «фольксваген-жук», пусть и маленький, заполнял его чуть ли не полностью. Да и при любом раскладе кто-нибудь обязательно бы узнал. В маленьких городах знают все.

Я заглядывал к ней после школы. Обычно оставался на ужин. Иногда мы ехали в «Закусочную Эла», ели вилорог-бургеры или поджаренное филе сома. Иногда отправлялись в «Седло». Дважды ездили на танцы в клуб местного отделения «Гранджа»*. Смотрели фильмы в «Жемчужине» в нашем городе, или в «Мезе» в Раунд-Хилле, или в автокинотеатре «Под звездами» в Кайлине (который детки называли «Гонки субмарин»). В хорошем ресторане, таком, как «Седло», Сейди могла выпить стакан вина перед обедом, а я — пива во время еды, но мы никогда не появлялись в местных тавернах и за милю обходили «Красного петуха», единственное в Джоди место, где был музыкальный автомат. Наши ученики говорили о нем с придыханием. На дворе стоял 1961 год, и в больших городах сегрегация начала давать слабину: негры добились права сидеть у стоек закусочных в универмагах «Уолворт» в Далласе, Форт-Уорте и Хьюстоне, но учителя по-прежнему не пили в «Красном петухе». Если, конечно, не хотели вылететь с работы. Нет, нет и нет.

* Общенациональная организация фермеров и их семей.

Когда мы занимались любовью в спальне Сейди, она всегда держала наготове брюки, свитер и пару мокасин. Называла это аварийным нарядом. Однажды дверной звонок застал нас голыми (у нее вошло в привычку называть такое «на месте преступления»), и она оделась в какие-то десять секунд. Вернулась, смеясь и размахивая экземпляром «Сторожевой башни».

— Свидетели Иеговы. Я сказала, что уже спасена, и они ушли.

Однажды, после того как мы ели свиные отбивные и окру на кухне Сейди, она сказала, что наша ситуация напоминает ей фильм с Одри Хепберн и Гэри Купером — «Любовь после полудня».

— Иногда я задаюсь вопросом, а может, ночью лучше? — В ее голосе слышалась легкая грусть. — Когда этим занимаются семейные пары.

— У тебя будет шанс выяснить, — заверил я. — Все получится, детка.

Она улыбнулась и поцеловала меня в уголок рта.

— Иногда ты так красиво говоришь, Джордж.

— Да. На оригинальные фразы я мастак.

Она отодвинула тарелку.

— Я готова к десерту. Как насчет тебя?

9

Вскоре после визита свидетелей Иеговы в дом Сейди — где-то в начале ноября, потому что я как раз закончил отбор артистов для моей версии «Двенадцати разгневанных мужчин» — я убирал опавшие листья с лужайки перед домом, когда услышал:

— Привет, Джордж, как поживаете?

Я обернулся и увидел Дека Симмонса, овдовевшего уже во второй раз. Он оставался в Мексике дольше, чем кто-либо мог предположить, и вернулся, когда все уже начали сомневаться, а приедет ли он в Джоди. Я увидел его впервые. Загорелого дочерна, но очень худого. Одежда висела на нем, а волосы — только тронутые сединой в тот день, когда весь город гулял на его с Мими свадьбе — стали белоснежными и поредели на макушке.

Я бросил грабли и поспешил к нему. Собирался пожать руку, но вместо этого крепко обнял. Его это удивило — 1961 год, настоящие мужчины не обнимаются, — но потом он рассмеялся.

Я отстранился на расстояние вытянутой руки.

— Вы прекрасно выглядите!

— Спасибо, Джордж. Но я действительно чувствую себя лучше, чем раньше. Мимс умирала... Я знал, что это должно случиться, но все равно, для меня это стало таким ударом. Разумом, конечно, понимаешь, а сердце гнет свое.

— Пойдемте в дом и выпьем по чашке кофе.

— С удовольствием.

Мы поговорили о его жизни в Мексике. Мы поговорили о школе. Мы поговорили о нашей не знающей поражений футбольной команде и грядущих осенних играх. Потом он поставил чашку.

— Эллен Докерти попросила меня перекинуться с вами парой слов о вас и Сейди Клейтон.

Ой-ей. А я-то думал, что у нас все хорошо.

— Она теперь Данхилл. Вернула себе девичью фамилию.

— Я все о ней знаю. Знал, когда мы брали ее на работу. Она отличная девушка, и вы отличный парень, Джордж. Судя по тому, что рассказывает мне Эллен, в этой сложной ситуации вы ведете себя очень достойно.

Я чуть расслабился.

— Эллен говорит, что ни один из вас, и она в этом уверена, никогда не слышал о «Кэндлвуд бунгалос», пансионате, расположенном неподалеку от Кайлина. Она посчитала неудобным сама сказать вам о нем и попросила меня.

— «Кэндлвуд бунгалос»?

— Я частенько ездил туда с Мимс по субботам. — Он вертел чашку в руках, которые теперь казались слишком большими в сравнении с телом. — Хозяева — два бывших школьных учителя из Арканзаса или Алабамы. В общем, из одного из А-штатов. Вышедшие на пенсию мужчины-учителя, если вы понимаете, о чем я.

— Думаю, я не упустил хода ваших мыслей.

— Они милые люди, не выпячивают своих отношений и не суют нос в жизнь своих гостей. — Он смотрел на дно кофейной чашки. Чуть покраснел, но при этом улыбался. — Это не дом свиданий, если вы об этом подумали. Совсем наоборот. Комнаты аккуратно прибранные, цены разумные, чуть дальше по дороге маленький ресторан с домашней кухней. Иногда женщине нужно такое укромное местечко. Может, и мужчине тоже. Чтобы никуда

не торопиться. Чтобы не чувствовать, будто занимаешься чем-то предосудительным.

— Спасибо вам, — поблагодарил я его.

— Не за что. Мими и я провели много приятных вечеров в «Кэндлвуде». Иногда мы, уже в пижамах, просто смотрели телевизор, а потом шли спать, но это ничуть не хуже всего остального, когда достигаешь определенного возраста. — Он печально улыбнулся. — Или почти не хуже. Мы засыпали, слушая стрекот цикад. Иногда где-то выл койот, очень далеко, в шалфее. На луну, знаете ли. Они действительно это делают. Воют на луну.

Со стариковской медлительностью он достал носовой платок из заднего кармана и вытер щеки.

Я протянул ему руку, и Дек ее пожал.

— Вы ей нравились, хотя она не смогла раскусить вас. Говорила, что вы напоминаете ей призраков, какими их показывали в старых фильмах тридцатых годов. «Он яркий и сверкающий, но его здесь нет», — говорила она.

— Я не призрак, — ответил я. — Заверяю вас.

Он улыбнулся.

— Не призрак? Я в конце концов проверил ваши рекомендательные письма. Уже после того, как вы достаточно долго проработали замещающим учителем и так блестяще поставили пьесу. Из Сарасоты пришло подтверждение, а что касается остального... — Он покачал головой, продолжая улыбаться. — И ваш диплом из липового колледжа в Оклахоме.

Откашливаться смысла не было. Я бы все равно не смог произнести ни слова.

— И что это для меня значит, спросите вы? Не так чтобы много. В этой части мира случалось, что мужчина приезжал в город с несколькими книгами в переметных сумах, очками на носу и галстуком на шее, потом его нанимали директором школы, и он оставался в городе на двадцать лет. Причем случалось недавно. Вы чертовски хороший учитель. Дети это знают, я это знаю, и Мимс тоже знала. А для меня это главное.

— Эллен знает, что другие рекомендательные письма подделаны? — Эллен пока только исполняла обязанности директора, но после заседания школьного совета в январе избавлялась от приставки «и.о.». Других кандидатов не было.

— Нет, и не узнает. Во всяком случае, от меня. Я считаю, что ей не нужно этого знать. — Он поднялся. — Но есть человек, который должен знать правду о том, кто вы и откуда, и это известная нам дама-библиотекарь. Если у вас серьезные намерения. Они серьезные?

— Да, — ответил я, и Дек кивнул, словно одним этим словом я полностью удовлетворил его любопытство.

Если бы.

10

Благодаря Деку Симмонсу Сейди удалось выяснить, каково это — заниматься любовью после захода солнца. Когда я поинтересовался ее мнением, она ответила, что чудесно.

— Но еще больше мне нравится просыпаться утром рядом с тобой. Ты слышишь ветер?

Я слышал. Он завывал под карнизами.

— От этого звука в кровати становится только уютнее, да?

— Да.

— Я собираюсь тебе кое-что сказать. Надеюсь, мои слова не вызовут у тебя тревоги.

— Скажи мне.

— Кажется, я в тебя влюбилась. Может, это всего лишь секс, я слышала, люди допускают такую ошибку, принимая одно за другое, но я так не думаю.

— Сейди?

— Да? — Она пыталась улыбнуться, но выглядела испуганной.

— Я тоже люблю тебя. И тут нет места ни «может», ни ошибке.

— Слава Богу. — И она придвинулась ближе.

11

В наш второй приезд в «Кэндлвуд бунгалос» Сейди нашла в себе силы поговорить о Джонни Клейтоне.

— Только потуши свет, — попросила она.

Я выполнил ее просьбу. Рассказывая, она выкурила три сигареты. В конце горько плакала, возможно, не от боли, а от стыда. Для большинства из нас проще согласиться с тем, что ошибался,

чем признать собственную глупость. Но назвать ее глупой не поворачивался язык. Все-таки существует пропасть между глупостью и наивностью, и, как и большинство добропорядочных девушек среднего класса, вступивших в полосу зрелости в сороковых — пятидесятых годах, Сейди, можно сказать, ничего не знала о сексе. Она и пенис-то по-настоящему увидела только со мной. Ей удавалось искоса глянуть на детородный орган Джонни, но, по ее словам, если он замечал, куда она смотрит, то крепко, почти до боли, хватал за подбородок и заставлял отвернуться.

— Но мне это всегда причиняло боль. Ты понимаешь?

Джон Клейтон происходил из обычной верующей семьи, безо всяких признаков безумия. Приятный в общении, здравомыслящий, симпатичный. Он не обладал очень уж развитым чувством юмора (если точнее, оно, по существу, отсутствовало), но обожал Сейди. Ее родители обожали *его*. Клер Данхилл души в нем не чаяла. И разумеется, он возвышался над Сейди, даже когда она надевала туфли с каблуками. Очень важный момент, если тебя долгие годы дразнят каланчей.

— Что могло встревожить меня до свадьбы, так это его маниакальная аккуратность и чистоплотность. Все книги стояли у него в алфавитном порядке, и он очень расстраивался, если я их перекладывала. Нервничал, если книгу снимали с полки. Чувствовалось, как он внутренне напрягался. Брился трижды в день и постоянно мыл руки. Если кто-то пожимал ему руку, он находил предлог, чтобы как можно скорее отлучиться в ванную и помыть ее.

— Плюс одежда, сочетаемая по цвету, — вставил я. — И на нем, и в гардеробной, и горе тому, кто что-то там переложит. Он и в кладовке расставлял все по алфавиту? Иногда вставал ночью, чтобы посмотреть, выключены ли газовые конфорки и заперты ли двери?

Она повернулась ко мне. В темноте ее глаза широко раскрылись от изумления. Кровать уютно скрипнула, ветер завывал, чуть дребезжало плохо закрепленное оконное стекло.

— Откуда ты знаешь?

— Это синдром. Обсессивно-компульсивное расстройство, сокращенно ОКР. Говард... — Я замолчал, фамилия Хьюз* не

* Американский промышленник-предприниматель, инженер, пионер и новатор американской авиации, режиссер, кинопродюсер, а также один из самых богатых людей в мире.

слетела с моих губ. Может, ОКР у него еще не развилось. А если и развилось, люди об этом скорее всего не знали. — Этим страдал один мой давний знакомый, Говард Темпл. Не важно. Он причинял тебе боль, Сейди?

— Физическую — нет, кулаки в ход не пускал. Однажды дал пощечину, и это все. Но боль можно причинить и другими способами, верно?

— Да.

— Я ни с кем не могла об этом поговорить. Точно не с матерью. Знаешь, что она мне посоветовала в день свадьбы? Прочитать половину молитвы до, а половину во время, и все будет хорошо. «Во время» — самый близкий синоним *полового акта*, который она заставила себя произнести вслух. Я попыталась поговорить об этом с моей подругой Рути, но только раз. Дело было после занятий, и она помогала мне прибраться в библиотеке. «Все, что происходит за дверью спальни, меня не касается», — отрезала она. Я замолчала, потому что, если честно, и не хотела говорить об этом. Очень стыдилась.

Слова полились потоком. Какие-то размывало слезами, но суть я уловил. В некоторые вечера — может, раз в неделю, может, два — он говорил, что ему нужно «слить». Они лежали бок о бок на кровати, она в ночной рубашке (он настаивал, чтобы она надевала непрозрачные), он в семейных трусах. Голым она его никогда не видела, максимум — в семейных трусах. Он сдвигал простыню, и трусы напоминали шатер.

— Один раз он посмотрел на оттопыренные членом трусы. Только один раз, насколько я помню. И знаешь, что он сказал?

— Нет.

— Какие же мы отвратительные. И добавил: «Покончи с этим, чтобы я мог поспать».

Она совала руку под простыню и терла его член. Времени это много не занимало, считанные секунды. В нескольких случаях он касался ее грудей, когда она это проделывала, но в основном руки Джона, сжатые в кулаки, лежали на его груди. Когда все заканчивалось, он шел в ванную, мылся, возвращался в пижаме. У него их было семь, одинаково голубых.

Потом приходила ее очередь идти в ванную и мыть руки. Он настаивал, чтобы она три минуты держала их под водой, такой горячей, что краснела кожа. Вернувшись в постель, она подно-

сила руки к его лицу. Если от них шел недостаточно сильный запах «Лайфбои», ей приходилось вновь отправляться в ванную.

— И когда я возвращалась, швабра уже лежала на месте.

Летом он клал ее на простыню, зимой — на одеяло. Она делила кровать на две равные половины. Его и ее.

— Если я металась во сне и сдвигала швабру, он сразу же просыпался. Как бы крепко ни спал. Выталкивал меня на мою половину. Сильно. Называл это «нарушением швабровой границы».

Пощечину он ей отвесил, когда она спросила, как у них появятся дети, если он никогда не вставляет это в нее.

— Он разъярился. Потому и ударил меня. Потом извинился, но сказал следующее: «Ты думаешь, я полезу в твою кишащую микробами женскую дыру, чтобы принести детей в этот грязный мир? Он все равно взорвется, любой, кто читает газеты, знает, что это грядет, и мы все погибнем от радиации. Наши тела покроются язвами, и мы будем выкашливать наши легкие. Это может случиться в любой день».

— Господи. Неудивительно, что ты сбежала от него, Сейди.

— Только после четырех впустую потраченных лет. Именно столько потребовалось, чтобы убедить себя, что я заслуживаю лучшей жизни и мне совсем не обязательно раскладывать носки мужа по цвету, дважды в неделю удовлетворять его рукой и спать с этой чертовой шваброй. Это самое унизительное, об этом я никому не могла рассказать... потому что это *смешно*.

Я не думал, что это смешно. Я думал, что это из сумеречной зоны между неврозом и полноценным психозом. Я также думал, что слушаю истинную сказку пятидесятых. Не составляло труда представить, как Рок Хадсон и Дорис Дэй спят, разделенные шваброй. Если бы, конечно, Рок не был геем.

— И он не разыскал тебя?

— Нет. Я подала заявления в десяток разных школ, и ответы приходили на абонентский ящик в почтовом отделении. Я чувствовала себя как женщина, которая завела любовника. Именно так отнеслись ко мне отец и мать, когда узнали о моих планах. Мой отец позже немного смягчился — думаю, он подозревал, как все плохо, однако, разумеется, не желал знать никаких подробностей, — но мать? Только не она. Она рвала и метала. Ей пришлось сменить церковь и перестать посещать занятия в кружке

вязания. Потому что, по ее словам, она не может ходить с поднятой головой.

В определенном смысле поведение родителей представлялось мне таким же жестоким и безумным, как и швабра, но я этого не сказал. Меня больше интересовал другой момент, не связанный с родителями Сейди, которые придерживались традиционных устоев Юга.

— Клейтон не рассказал им о твоем уходе? Я правильно тебя понял? Не приехал к ним?

— Нет. Моя мать, разумеется, нашла тому объяснение. — Южный выговор в голосе Сейди усилился. — Я так опозорила этого бедного мальчика, что он никому ничего не хотел говорить. — Она перестала тянуть слова. — Это не сарказм. Она понимает, что такое стыд, и понимает, что его надо скрывать. В этом она и Джонни одного поля ягодки. Именно на ней ему следовало жениться. — Сейди рассмеялась, и в смехе слышались истерические нотки. — Как знать, швабра маме могла понравиться.

— Ни слова от него? Даже открытки с предложением: «Эй, Сейди, давай свяжем свободные концы и попробуем начать все заново»?

— Каким образом? Он не знает, где я, и я не уверена, что его это интересует.

— А ты от него чего-нибудь хочешь? Я уверен, что адвокат...

Она поцеловала меня.

— Тот, кого я хочу, в постели со мной.

Я отбросил одеяло.

— Смотри на меня, Сейди. Бесплатно.

Она посмотрела. Потом потрогала.

12

Я задремал. Нет, не заснул — по-прежнему слышал завывание ветра и дребезжание стекла, — но сон увидел. Мы с Сейди очутились в пустом доме. Голые. Что-то двигалось наверху, громыхало, издавало неприятные звуки. Должно быть, кружило по комнате, только не на двух ногах. Если судить по звукам, ног было значительно больше. Я не чувствовал вины за то, что нас могут застать голыми. Что я чувствовал, так это страх. На одной стене

с облупившейся краской кто-то углем написал: «Я СКОРО УБЬЮ ПРЕЗИДЕНТА». Ниже кто-то еще добавил: «ДАВНО ПОРА ОН УЖЕ ВЕСЬ ПРАГНИЛ ОТ БАЛЕЗНЕЙ». Темно-красной помадой. А может, кровью.

Бах, бух, бах.

Над головой.

«Я думаю, это Фрэнк Даннинг», — прошептал я Сейди. Сжал ей руку. Возникло ощущение, что это рука мертвой женщины. Женщины, которую, возможно, забили до смерти кувалдой.

Сейди покачала головой. Она смотрела на потолок, ее губы дрожали.

Бух, бах, бух.

Вниз посыпалась побелка.

«Это Джон Клейтон», — прошептал я.

«Нет, — ответила она. — Я думаю, это Желтая Карточка. Он привел Джимлу».

Буханье над нами разом стихло.

Она взяла меня за руку и начала трясти. Ее глаза становились все больше и больше, пожирая лицо.

«Это она! Это Джимла! И она слышит нас! *Джимла знает, что мы здесь!*»

13

— Проснись, Джордж! Проснись!

Я открыл глаза. Сейди облокотилась на подушку рядом со мной, ее лицо напоминало бледное пятно.

— Что? Который час? Мы должны уезжать? — Но за окном по-прежнему царила ночь, а ветер все так же завывал.

— Нет. Еще нет и полуночи. Тебе приснился дурной сон. — Она нервно рассмеялась. — Может, о футболе. Потому что ты повторял: «Джимла, Джимла».

— Правда?

Я сел. Чиркнула спичка, лицо Сейди на несколько мгновений — пока она прикуривала — осветилось.

— Да. Повторял. И еще много чего говорил.

Да уж. Попал.

— Что именно?

— Многого я не разобрала, но кое-что ты произнес очень отчетливо. Сначала сказал: «Дерри — это Даллас». Потом наоборот: «Даллас — это Дерри». Что тебе снилось? Ты помнишь?

— Нет. — Но убедительности моему голосу не хватило — оно и понятно, я только что проснулся, пусть всего лишь дремал, — и я увидел скепсис в ее лице. Прежде чем он сменился недоверием, в дверь постучали. За четверть часа до полуночи.

Мы переглянулись.

Стук повторился.

Это Джимла, сверкнуло у меня в голове. *Несомненно.*

Сейди затушила сигарету в пепельнице, завернулась в простыню и без единого слова убежала в ванную. Дверь за ней закрылась.

— Кто там? — спросил я.

— Это мистер Йоррити, сэр... Бад Йоррити.

Один из вышедших на пенсию учителей-геев, которым принадлежал пансионат.

Я вылез из кровати, натянул брюки.

— Что случилось, мистер Йоррити?

— У меня для вас сообщение. Дама сказала, что дело срочное.

Я открыл дверь. Бад Йоррити, невысокий мужчина в изношенном халате и со спутанными волосами, держал в руке листок.

— Какая дама?

— Эллен Докерти.

Я поблагодарил его за беспокойство и закрыл дверь. Развернул листок и прочитал записку.

Сейди вышла из ванной, по-прежнему завернутая в простыню. В широко раскрытых глазах застыл испуг.

— Что?

— Авария. Винс Ноулс на своем пикапе не вписался в поворот. За городом. С ним ехали Майк Кослоу и Бобби Джил. Майка выбросило из кабины. У него сломана рука. У Бобби Джил рваная рана на лице, но Элли пишет, что в остальном все хорошо.

— Винс?

Я вспомнил о том, что говорили о манере Винса водить автомобиль: словно в последний раз. Так и произошло. Для него.

— Он мертв, Сейди.

У нее отвисла челюсть.

— Быть такого не может! Ему только *восемнадцать*!

— Знаю.

Простыня выскользнула из разжавшихся пальцев и расстелилась у ног. Сейди закрыла лицо руками.

14

Постановку моей версии «Двенадцати разгневанных мужчин» отменили. Вместо нее поставили «Смерть ученика», пьесу в трех действиях: прощание в похоронном бюро, отпевание в Методистской церкви милосердия и погребальная служба на кладбище Западный холм. На этом печальном спектакле присутствовало все население города, а если не все, то за очень малым исключением.

Родители и ошеломленная младшая сестра Винса сыграли главные роли, сидя на складных стульях у гроба. Когда подошли мы с Сейди, миссис Ноулс поднялась и обняла меня. Я чуть не потерял сознание от удушающих ароматов духов «Белые плечи» и дезодоранта «Йодора».

— Вы изменили его жизнь, — прошептала она мне на ухо. — Он так говорил. Впервые стремился получить хорошие оценки, потому что хотел играть на сцене.

— Миссис Ноулс, мне очень, очень жаль. — И тут ужасная мысль мелькнула в моей голове. Я еще крепче прижал к себе мать Винса, как будто пытаясь прогнать пришелицу: *Может, это и есть «эффект бабочки». Может, Винс умер, потому что я приехал в Джоди.*

По обеим сторонам гроба стояли фотоколлажи, запечатлевшие моменты его очень уж короткой жизни. За гробом, на мольберте, — увеличенная фотография Винса в костюме из спектакля «О мышах и людях», с потрепанной фетровой шляпой из реквизита. Напряженное, интеллигентное лицо выглядывало из-под полей. Винс не был таким уж хорошим актером, но фотография запечатлела его с идеальной улыбкой циника. Сейди зарыдала, и я знал почему. Жизнь может развернуться на пятачке. Иногда в нашу сторону, гораздо чаще — от нас, крутя задом и ухмыляясь: *Пока-пока, милый, нам было хорошо вместе, правда?*

И в Джоди было хорошо — по крайней мере мне. В Дерри я чувствовал себя чужаком, в Джоди — как дома. Все говорило, что это дом: и запах шалфея, и холмы, летом становящиеся оранже-

выми от гайлардий. Легкий привкус табака на языке Сейди и поскрипывание вощеных половиц в моем доме. Элли Докерти, связавшаяся с нами глубокой ночью, чтобы мы смогли вернуться в город незамеченными, а может, просто чтобы дать нам знать о случившемся. Удушающая смесь духов и дезодоранта прижавшейся ко мне миссис Ноулс. Майк, на кладбище обнявший меня рукой, свободной от гипса, уткнувшийся лицом мне в плечо и застывший так. Уродливая рана на лице Бобби Джил тоже воспринималась как дом, и мысль, что без пластической операции, которую ее семья не могла себе позволить, рана эта оставит шрам и он до конца жизни будет напоминать ей о том вечере, когда она видела лежащего на обочине мертвого парня с практически оторванной головой. Дом — это и черная нарукавная повязка, которую носила Сейди, носил я, носили все преподаватели неделю после похорон. И Эл Стивенс, выставивший фотографию Винса в окне-витрине своей закусочной. И слезы Джимми Ладью, когда он встал перед всей школой и посвятил этот беспроигрышный сезон Винсу Ноулсу.

И еще многое другое. Люди, здоровающиеся на улице, машущие из окна автомобиля; Эл Стивенс, отводящий нас с Сейди к столику в глубине зала, который он начал называть «ваш столик»; игра в криббидж в учительской с Дэнни Лаверти в пятницу после занятий, по центу за колышек; спор с пожилой мисс Мейер, кто лучше преподносит новости, Чет Хантли и Дэвид Бринкли или Уолтер Кронкайт. Моя улица, мой дом, вновь обретенная привычка печатать на машинке. Лучшая девушка в мире, и зеленые купоны «Эс энд Эйч», которые я получал, покупая продукты, и настоящее масло на поп-корне в кинотеатре.

Дом — это и взгляд на луну, поднимающуюся над спящей равниной, и женщина, которую ты можешь подозвать к окну, чтобы вместе понаблюдать за ней. Дом там, где ты танцуешь с другими, а танец — это жизнь.

15

1961 год от Рождества Христова заканчивался. В дождливый день за две недели до Рождества я пришел домой после школы, одетый в длинное кожаное пальто, и услышал телефонный звонок.

— Это Айви Темплтон. — Женский голос. — Ты небось и не помнишь меня, да?

— Я помню вас очень хорошо, миз Темплтон.

— Не знаю, чего звоню, эти чертовы десять баксов давно потрачены. Просто что-то насчет тебя засело в голове. И у Розетты тоже. Она называет тебя «человеком, который поймал мой мяч».

— Вы съезжаете, миз Темплтон?

— Ты чертовски прав на все сто процентов. Завтра моя мама приезжает на пикапе из Мозеля.

— Разве у вас нет автомобиля? Или он сломался?

— Для развалюхи автомобиль работает нормально, но Гарри уже его не водить. Вообще больше не водить. В прошлом месяце опять нанимался на эти однодневные работы. Свалился в кювет, а когда вылезал, его сбил самосвал. Сломал ему хребет.

Я закрыл глаза и увидел разбитый пикап Винса, который эвакуатор с автозаправочной станции «Саноко» вез по Главной улице. Увидел запекшуюся кровь на треснувшем лобовом стекле.

— Сожалею о случившемся, миз Темплтон.

— Жить он будет, но ходить больше не сможет. Будет сидеть в инвалидной коляске и ссать в пакет, вот что он будет делать. Но сначала ему придется доехать до Мозеля в кузове пикапа моей мамы. Мы украдем матрас из спальни, чтобы ему было на чем лежать. Все равно что везти собаку в отпуск, да?

Она заплакала.

— Я задолжала аренду за два месяца, но меня это не волнует. Знаешь, что меня волнует, мистер Паддентарю, спросите еще раз, и я повторю? У меня тридцать пять чертовых долларов, и это все. Чертов говнюк Гарри, если бы он тверже стоял на ногах, я бы не оказалась в такой жопе. Я и раньше так думала, но теперь куда хуже!

В трубке послышался долгий всхлип.

— Знаешь что? Почтальон очень уж заглядывается на меня, и я думаю, что за двадцать долларов дам ему на чертовом полу в гостиной. Если эти чертовы соседи, которые живут на другой стороне улицы, не будут смотреть, как мы этим занимаемся. Не могу отвести его в спальню. Там лежит мой чертов муж со сломанной спиной. — С ее губ сорвался смешок. — Знаешь, что я тебе скажу? Почему бы тебе не приехать на твоем клевом кабриолете? Отвези меня в какой-нибудь мотель. Заплати чуть

больше, сними двухкомнатный номер. Розетта сможет смотреть телевизор, а ты пока оттрахаешь меня. Судя по всему, с деньгами у тебя все хорошо.

Я промолчал. Потому что в голове мгновением раньше молнией сверкнула идея.

Если эти чертовы соседи, которые живут на другой стороне улицы, не будут смотреть, как мы этим занимаемся.

Существовал человек, за которым, по моему разумению, *мне* стоило приглядывать. Помимо Освальда. Человек, которого тоже звали Джордж и которому предстояло стать единственным другом Освальда.

Не доверяй ему, написал Эл в своей тетрадке.

— Ты еще здесь, мистер Паддентарю? Нет? Если нет, пошел ты на хер вместе со...

— Не кладите трубку, миз Темплтон. Допустим, я оплачу ваш долг по аренде и добавлю еще сотню баксов? — Я, конечно, основательно переплачивал за ту мелочь, что мне требовалась, но в деньгах не нуждался, в отличие от нее.

— Мистер, за две сотни баксов я трахну тебя на глазах родного отца.

— Вам не придется этого делать, миз Темплтон. От вас потребуется лишь встретиться со мной на автомобильной стоянке в конце улицы. И кое-что мне принести.

16

Уже стемнело, когда я добрался до автомобильной стоянки у склада «Монттомери уорд». Температура падала, и начавшийся дождь грозил перейти в мокрый снег. В холмистой местности к югу от Далласа такое случалось, пусть и не часто, но я надеялся, что мне удастся вернуться в Джоди, не соскользнув с проезжей части.

Айви сидела за рулем старого темного седана с проржавевшими порожками и треснувшим задним стеклом. Она пересела в мой «форд» и тут же наклонилась к вентиляционной решетке обогревателя, работавшего на полную мощность. Куртку ей заменяли две байковые рубашки, и она вся дрожала.

— До чего приятно. Этот «шеви» холоднее ведьминой сиськи. Обогреватель сломан. Привез деньги, мистер Паддентарю?

Я протянул ей конверт. Она открыла его и пересчитала двадцатки, которые уже больше года лежали на верхней полке моего стенного шкафа, с тех пор, как я забрал в «Честном платеже» выигрыш по ставке на Мировые серии. Оторвала от сиденья свою объемистую задницу, сунула конверт в задний карман джинсов, потом порылась в нагрудном кармане нижней из байковых рубашек. Достала ключ и положила мне на ладонь.

— Пойдет?

Я полагал, что да.

— Это дубликат, правильно?

— Как ты мне и сказал. Я сделала его в магазине скобяных товаров на Макларен-стрит. Зачем тебе нужен ключ от этого шикарного сортира? За две сотни ты можешь снять его на четыре месяца.

— На то есть причины. Расскажите мне о соседях, которые живут напротив. Тех самых, которые смогли бы наблюдать, как вы и почтальон занимаетесь этим самым на полу в гостиной.

Она поерзала, одернула рубашку на внушительной груди.

— Я просто пошутила.

— Знаю. — Я не знал, да и плевать на это хотел. — Меня интересует, действительно ли соседи могут видеть, что происходит в вашей гостиной.

— Разумеется, могут, и я бы увидела, что творится у них в гостиной, если б не занавески. Я бы тоже их купила, да не на что. Если говорить о личной жизни, мы могли бы жить и на улице. Пожалуй, мне стоило воспользоваться мешковиной, позаимствовав ее оттуда, — Айви указала на мусорные контейнеры у восточной стены склада, — но выглядит она отвратительно.

— Соседи, которые все видят, живут в доме двадцать семь ноль четыре?

— Двадцать семь ноль шесть. Там жил Слайдер Бернетт с семьей, но они уехали сразу после Хэллоуина. Он работал подменяющим клоуном на родео, можешь такое себе представить? Знать не знала, что есть такая работа. Теперь там живет какой-то парень по фамилии Хаззард, двое его детей и, думаю, мать. Розетта с детьми не играет, говорит, они грязные. Удивительно слышать от этой маленькой свинюшки. Старуха пытается говорить, но во рту у нее каша. И половина лица не двигается. Не понимаю, чем она может ему помогать, еле передвигается. Если

я стану такой, попрошу меня пристрелить. Раз — и все. — Она покачала головой. — Вот что я тебе скажу, долго они здесь не проживут. Никто не задерживается на Седес-стрит. Есть сигарета? Мне пришлось бросить курить. Если не можешь позволить себе четвертак на сигареты, точно знаешь, что ты в полной жопе.

— Я не курю.

Она пожала плечами:

— Подумаешь. Теперь я могу купить себе пачку, да? Я чертовски богата. Ты не женат, так?

— Так.

— Но подруга у тебя есть. На этой стороне пахнет духами. Хорошими.

Я улыбнулся.

— Да, подруга у меня есть.

— Хорошо тебе. Она в курсе, что ты ездишь в Форт-Уорт по ночам и занимаешься здесь хрен знает чем?

Я промолчал, но иногда это красноречивый ответ.

— Не важно. Это ваши дела. Я согрелась, так что могу возвращаться в «шеви». Если завтра будет так же мокро и холодно, не знаю, что нам делать с Гарри в кузове пикапа моей матери. — Она улыбаясь посмотрела на меня. — Девчонкой я думала, что стану как Ким Новак, когда вырасту. Теперь Розетта, она думает, что сможет заменить Дарлен в мышкетерах. В «Хайди-гребаном-хо».

Она уже открыла дверь, но я остановил ее:

— Подождите.

Я очистил карманы — леденцы «Лайф сейверс», бумажная салфетка, коробок спичек (его как-то сунула мне Сейди), вопросы к контрольной, которую я хотел устроить девятиклассникам перед рождественскими каникулами, — и протянул кожаное пальто Айви.

— Возьмите.

— Я не возьму твое чертово пальто! — На ее лице читалось изумление.

— Дома у меня есть еще одно. — Неправда, но я всегда мог его купить, в отличие от нее.

— И что я скажу Гарри? Что нашла его под чертовым капустным листом?

Я улыбнулся.

— Скажете, что оттрахали почтальона и купили на полученные от него деньги. Что он сможет сделать? Будет бегать за вами по подъездной дорожке и лупить?

Она рассмеялась, и этот грубый каркающий смех, как ни странно, ласкал слух. Потом взяла пальто.

— Передайте Розетте мои наилучшие пожелания. Скажите, что мы увидимся с ней в ее снах.

Айви перестала улыбаться.

— Надеюсь, что нет, мистер. Вы ей приснились, но в кошмаре. Она так орала, что дом едва не рухнул. Разбудила меня в два часа ночи, когда я спала как убитая. Сказала, что в автомобиле мужчины, который поймал ее мяч, сидел монстр, и она боялась, что он ее сожрет. Перепугала меня до смерти своими криками.

— У монстра было имя?

Само собой.

— Она сказала, что это джимла. Может, говорила о джинне, как в этих историях об Аладдине и семи вуалях. Ладно, мне надо идти. Береги себя.

— Вы тоже, Айви. Счастливого Рождества.

Вновь каркающий смех.

— Почти что о нем забыла. Тебе тоже. Не забудь купить своей девушке подарок.

Она потрусила к старому автомобилю в моем пальто — теперь ее пальто, — наброшенном на плечи. Я ее больше никогда не видел.

17

Дождь подмерзал только на мостах, и я знал по другой жизни — в Новой Англии, — где надо соблюдать особую осторожность, но дорога до Джоди все равно выдалась долгой. Я не успел поставить воду на плиту, чтобы выпить чашку чаю, как зазвонил телефон. На этот раз Сейди.

— Я пытаюсь дозвониться до тебя с ужина, чтобы спросить насчет рождественской вечеринки у тренера Бормана. Она начинается в три. Я пойду, если ты согласишься взять меня с собой, потому что тогда мы сможем уйти пораньше. Сказать, что у нас

заказан столик в «Седле», или что-то такое. Мне же надо ответить на приглашение.

Я увидел свое приглашение, лежавшее рядом с пишущей машинкой, и ощутил укол вины. Оно лежало там уже три дня, а я еще не вскрыл конверт.

— Ты хочешь пойти? — спросил я.

— Я не против того, чтобы выйти в свет. — Пауза. — Где ты был все это время?

— В Форт-Уорте. — Едва не добавил: *Рождественские покупки.* Но я ездил туда за другим. Если что и купил, так это информацию. И ключ от входной двери.

— Прошелся по магазинам?

Вновь мне пришлось бороться с собой, чтобы не солгать.

— Я... Сейди, не могу сказать.

Последовала долгая-долгая пауза. Я пожалел о том, что не курю. Возможно, приобрел зависимость от табачного дыма. Бог свидетель, меня обкуривали весь день, каждый день. В учительской постоянно висела синеватая дымка.

— Это женщина, Джордж? Другая женщина? Или я слишком любопытна?

Что ж, я встречался с Айви, но Сейди подразумевала другое.

— По женской части для меня существуешь только ты.

Еще одна долгая-долгая пауза. В реальном мире Сейди двигалась неуклюже, но в своих мыслях — никогда. Наконец она заговорила:

— Ты многое знаешь обо мне, в том числе и такое, чего я никогда никому не говорила, а я о тебе ничего не знаю. Только что это осознала. Сейди может тупить, Джордж, правда?

— Ты совсем не тупишь. И одно ты знаешь точно: я тебя люблю.

— Да... — В ее голосе звучало сомнение. Я вспомнил дурной сон, приснившийся мне в «Кэндлвуд бунгалос», и осторожность, отразившуюся на лице Сейди, когда на ее вопрос я ответил, что ничего не помню. И теперь ее голос выражал ту самую осторожность? А может, уже что-то другое. Подозрительность?

— Сейди? У нас все хорошо?

— Да. — В голосе прибавилось уверенности. — Полный порядок. За исключением вечеринки у тренера Бормана. Что мы будем с ней делать? Помни, там будут едва ли не все учителя, и

многие напьются еще до того, как миссис Тренер пригласит всех к шведскому столу.

— Давай пойдем, — ответил я с напускной беззаботностью. — Отдохнем и оторвемся.

— Отор?..

— Развлечемся. Я об этом. Уйдем через час, максимум через полтора. Пообедаем в «Седле». Тебя устроит?

— Отлично. — Мы напоминали пару, обсуждающую второе свидание после не очень удачного первого. — Мы оба получим удовольствие.

Я подумал об Айви Темплтон, унюхавшей призрак духов Сейди и спросившей, знает ли моя девушка, что я езжу в Форт-Уорт по ночам и занимаюсь там хрен знает чем. Я подумал о Деке Симмонсе, сказавшем, что есть только один человек, который должен знать всю правду о том, где я был и что делал. Но собирался ли я открыть Сейди, что хладнокровно убил Фрэнка Даннинга, чтобы предотвратить убийство его жены и четверых детей? Что приехал в Техас, чтобы предотвратить убийство Кеннеди и изменить ход истории? И это мне по силам, потому что я прибыл из будущего, где мы могли бы общаться через Интернет, пользуясь мгновенной передачей сообщений?

— Сейди, все будет хорошо. Я тебе обещаю.

— Отлично, — повторила она, потом добавила: — Увидимся завтра, Джордж, в школе. — И положила трубку, мягко и вежливо.

Я несколько секунд подержал трубку в руке, уставившись в никуда. В окна, выходившие на задний двор, что-то застучало. Дождь все-таки стал ледяным.

Глава 16

1

Рождественская вечеринка у тренера Бормана провалилась, и не только потому, что над ней витал призрак Винса Ноулса. Двадцать первого декабря Бобби Джил Оллнат надоело смотреть на красный шрам, бегущий по левой стороне лица до нижней челюсти, и она выпила пригоршню снотворных таблеток матери.

Не умерла, но ей пришлось провести две ночи в «Паркленд мемориал», той самой больнице, где умрут президент и его убийца, если только мне не удастся изменить ход истории. В 2011 году, конечно же, появятся больницы и поближе, в Кайлине, может, и в Раунд-Хилле, но в тот год, когда я работал учителем на полной ставке в ДОСШ, их еще и не проектировали.

Обед в «Седле» тоже не удался. В зале не осталось ни одного свободного столика, вокруг царило предрождественское веселье, но Сейди отказалась от десерта и попросила отвезти ее домой, сославшись на головную боль. Я ей не поверил.

Новогодние танцы в местном клубе «Гранджа» прошли чуть живее. Выступала группа из Остина, «Джокерс», и они действительно выкладывались по полной. Под провисшими сетями, наполненными воздушными шариками, мы с Сейди отплясывали, пока не стерли ноги. В полночь «Джокерс» грянули «Старое доброе время» в аранжировке «Венчерс», и солист группы крикнул: «Пусть все ваши мечты исполнятся в одна тысяча девятьсот шестьдесят втором!»

Вокруг нас медленно опускались воздушные шарики. Я поцеловал Сейди и пожелал ей счастливого Нового года, когда мы кружились в вальсе, но не почувствовал улыбки на ее губах, хотя весь вечер она смеялась и веселилась.

— И тебе счастливого Нового года, Джордж. Могу я выпить стакан пунша? Во рту пересохло.

К чаше с пуншем, сдобренным спиртным, стояла длинная очередь, к чаше без спиртного — короткая. Я получил картонный стаканчик с розовой смесью лимонада и имбирного эля, но, вернувшись туда, где оставил Сейди, ее не нашел.

— Думаю, она пошла подышать свежим воздухом, дружище, — сказал мне Карл Джейкоби, один из четырех учителей труда. Вероятно, самый лучший, но в этот вечер я бы не подпустил его к станкам и инструментам на двести ярдов.

Я заглянул под пожарную лестницу, где собирались курильщики. Сейди там не было. Пошел к «санлайнеру». Она сидела на пассажирском сиденье. Пышная юбка занимала все пространство до приборного щитка. Один Бог знал, сколько она надела нижних юбок. Она курила и плакала.

Я сел за руль. Попытался ее обнять.

— Сейди, что такое? Что такое, милая? — Как будто я не знал. Как будто не знал уже какое-то время.

— Ничего. — Слезы полились сильнее. — У меня месячные, вот и все. Отвези меня домой.

Дом ее находился в каких-то трех милях, но ехали мы очень долго. Не произнесли ни слова. Я свернул на ее подъездную дорожку и заглушил двигатель. Она перестала плакать, но так ничего и не сказала. Я тоже. Иногда молчание бывает уютным, однако сегодня оно убивало.

Сейди достала из сумочки пачку сигарет, посмотрела на нее, убрала обратно. Застежка щелкнула чересчур громко. Сейди повернулась ко мне. Волосы черным облаком окутывали белый овал лица.

— Ты хочешь мне что-нибудь сказать, Джордж?

Больше всего мне хотелось сказать, что зовут меня не Джордж. Мне уже не нравилось это имя. Я чуть ли не возненавидел его.

— Да. Во-первых, я тебя люблю. Во-вторых, я не делаю ничего постыдного. Более того, ничего такого, из-за чего стыдилась бы ты.

— Хорошо. Это хорошо. И я люблю тебя, Джордж. Но я собираюсь тебе кое-что сказать, если ты согласишься выслушать.

— Я всегда готов тебя слушать. — Но она напугала меня.

— Все может оставаться, как и прежде... сейчас. Пока я замужем за Джоном Клейтоном, хотя наш брак существует только на бумаге и не скреплен должным образом, я чувствую, что есть вопросы, которые я не вправе задавать тебе... и о тебе.

— Сейди...

Она приложила пальцы к моим губам.

— Сейчас. Но я больше не позволю мужчине класть швабру в кровать. Ты меня понимаешь?

Она быстро поцеловала меня в губы, к которым только что прикасались ее пальцы, выскочила из «санлайнера» и пошла по дорожке, роясь в сумочке.

Так начался 1962 год для человека, который называл себя Джорджем Амберсоном.

2

Новогоднее утро выдалось ясным и холодным, а синоптик из передачи «Утренняя информация для фермеров» предупредил, что в низинах возможны заморозки и туман. Обе лампы со встро-

енными микрофонами я хранил в гараже. Положил одну в автомобиль и поехал в Форт-Уорт. Думал, что если и есть день, когда бесконечная суета на Мерседес-стрит замирает, так это первое января. Оказался прав. На улице стояла тишина... совсем как в мавзолее Трекеров, когда я затащил туда тело Фрэнка Даннинга. На вытоптанных лужайках лежали перевернутые трехколесные велосипеды и игрушки. Какой-то весельчак оставил самую большую игрушку — чудовищно старый «меркюри» — у самого крыльца. Даже двери не закрыл. На проезжей части, где выжженная солнцем глина заменяла асфальт, валялись бумажные гирлянды, в сточных канавах красовалось множество банок из-под пива, в большинстве своем — «Одинокой звезды».

Я посмотрел на дом 2706. Никто не выглядывал из большого окна, но Айви говорила правду: из него открывался прекрасный вид на происходящее в гостиной дома 2703.

Я припарковался на длинных полосах из бетонных плит, служивших подъездной дорожкой, словно имел полное право на участок и дом, где прежде жила семья неудачливых Темплтонов. Достал из «санлайнера» лампу и новенький ящик для инструментов и направился к входной двери. Испугался, когда новый ключ сначала не пожелал открывать дверь. Смазал его слюной, чуть пошевелил им в замочной скважине, и он повернулся. Я вошел в дом.

Насчитал четыре комнаты, включая ванную, дверь которой висела на одной петле. Комбинированная гостиная-кухня. Плюс две спальни. В одной, размером побольше, стояла кровать без матраса. Я вспомнил слова Айви: *Все равно что везти собаку в отпуск, да?* В маленькой спальне Розетта мелками нарисовала девочек на стенах, с которых обсыпалась штукатурка. В дырах виднелась обрешетка. Все девочки носили зеленые свитера и большие черные туфли. Волосы, заплетенные в косички, длиной зачастую не уступали ногам. Многие фигурки пинали мяч для соккера. Голову одной украшала диадема «Мисс Америки», насаженная на волосы, губы девочки разошлись в широченной краснопомадной улыбке. В доме все еще пахло жареным мясом, которое Айви приготовила перед тем, как уехать в Мозель и жить там с мамой, маленькой проказницей и мужем со сломанной спиной.

Именно в этом доме начнется американский период семейной жизни Ли и Марины. Они будут заниматься любовью в той

спальне, что побольше, там же он будет ее бить. Там он будет лежать без сна после долгих дней, отданных сборке дверей, и задаваться вопросом, почему он до сих пор не знаменит? Разве он не старался? Разве не старался *изо всех сил*?

И в гостиной с истертым желчно-зеленоватым ковром на неровном полу Ли впервые встретит человека, которому мне посоветовали не доверять, благодаря которому у Эла оставались сомнения касательно версии стрелка-одиночки. Звали этого человека Джордж де Мореншильдт, и мне очень хотелось услышать, что они с Освальдом говорили друг другу.

Рядом с кухней у стены стоял старый комод. В ящиках хранились разнокалиберные столовые приборы и кухонная утварь. Я отодвинул его от стены и увидел электрическую розетку. Лучше и быть не могло. Я поставил лампу на комод и включил в сеть. Понимал, что до Освальдов здесь может поселиться кто-то еще, но не думал, что кому-то захочется при отъезде забрать с собой Пизанскую лампу. А если бы и забрали, в моем гараже имелся дубликат.

Самым маленьким сверлом я просверлил стену дома, придвинул комод, включил лампу. Она зажглась. Я собрал инструменты и покинул дом, заперев за собой дверь. Потом поехал в Джоди.

Позвонила Сейди, спросила, не хочу ли я прийти к ней на ужин. Предупредила, что будет только мясное ассорти, но пообещала торт на десерт, если у меня возникнет такое желание. Я пришел. Десерт ни в чем не уступал прежнему, однако что-то изменилось. Я почувствовал ее правоту. В кровати появилась швабра. Невидимая, как и джимла, монстр, которого Розетта углядела в моем автомобиле... но появилась. Невидимая или нет, она отбрасывала тень.

3

Иногда мужчина и женщина оказываются на перекрестке и топчутся там, колеблясь с выбором, понимая, что ошибка будет роковой... отдавая себе отчет, что потерять можно очень и очень многое. Так было со мной и Сейди безжалостно-серой зимой 1962 года. Мы вместе обедали раз или два в неделю и иногда по суб-

ботам ездили в «Кэндлвуд бунгалос». Сейди обожала секс, и мы не разбегались в том числе благодаря этому.

Трижды мы приглядывали за школьными танцами. Всякий раз в роли диджея выступал Дональд Беллингэм, и рано или поздно он просил нас станцевать линди, как в первый раз. Детки хлопали и свистели, когда мы это делали. Совсем не из вежливости. Они действительно восторгались нашим танцем, и некоторые уже начали нам подражать.

Нравилось ли нам это? Безусловно, потому что подражание — самая искренняя форма лести. Но мы уже не могли станцевать, как в первый раз, когда интуитивно предугадывали движения друг друга. Сейди сбивалась с ритма. Однажды промахнулась, пытаясь схватить меня за руку, и наверняка распласталась бы на полу, если бы рядом не оказались два крепких футболиста с отменными рефлексами. Она смехом обратила все в шутку, но я видел раздражение на ее лице. И упрек. Словно вина лежала на мне. Отчасти так и было.

Дело шло к разрыву. И он состоялся бы раньше, если бы не «Джодийское гулянье». А так мы получили возможность потянуть время, еще раз все обдумать, прежде чем жизнь подтолкнет нас к решению, которое никому не хотелось принимать.

4

Эллен Докерти пришла ко мне в феврале, чтобы решить два вопроса. Во-первых, уговорить изменить ранее принятое решение и подписать контракт на следующий учебный год. Во-вторых, убедить вновь поставить пьесу, в силу потрясающего успеха прошлогодней постановки. Я отказал по обоим пунктам, пусть у меня и щемило сердце.

— Если дело в вашей книге, так у вас все лето для работы над ней, — не отступалась она.

— Лето не такое уж долгое, — ответил я, хотя на тот момент уже плевать хотел на «Место убийства».

— Сейди Данхилл говорит, что роман вам теперь до лампочки.

Этой интуитивной догадкой Сейди со мной не делилась. Меня это задело, но я постарался не показывать виду.

— Элли, Сейди знает далеко не все.

— Тогда пьеса. Хотя бы пьеса. Я поддержу вас во всем, что вы выберете, за исключением обнаженки. Учитывая нынешний состав школьного совета и тот факт, что у меня двухгодичный директорский контракт, я обещаю вам многое. Если хотите, можете посвятить постановку Винсу Ноулсу.

— Памяти Винса уже посвятили футбольный сезон, Элли. Я думаю, этого достаточно.

Она ушла ни с чем.

Вторая просьба о том же поступила от Майка Кослоу, который заканчивал учебу в июне и, по его словам, собирался получить диплом по актерскому мастерству.

— Но я бы хотел сыграть в школе в еще одной пьесе. У вас, мистер Амберсон. Потому что вы указали мне путь.

В отличие от Элли Докерти ссылка на мой мнимый роман показалась ему убедительной, отчего мне стало нехорошо. Просто дурно. Для человека, который не любил врать, потому что наслушался вранья от своей я-могу-прекратить-пить-когда-захочу жены, я врал напропалую, как сказали бы в те дни.

Я проводил Майка к стоянке для автомобилей учеников, где он оставил свою «жемчужину» — старый седан «бьюик» с закрытыми колесными арками, — и спросил, как его рука после снятия гипса. Он ответил, что все хорошо и этим летом он наверняка сможет возобновить тренировки.

— Хотя если меня и не возьмут в команду, я горевать не буду. Тогда помимо учебы смогу найти работу в городском театре. Я хочу научиться всему — установке декораций, подсветке, даже готов шить костюмы. — Он рассмеялся. — Люди начнут называть меня педиком.

— Сосредоточься на футболе, не запускай учебу, не слишком тоскуй по дому в первом семестре, — посоветовал я ему. — Пожалуйста, не трать время попусту.

Он ответил голосом чудовища Франкенштейна:

— Да... хозяин...

— Как Бобби Джил?

— Лучше. Вон она.

Бобби Джил ждала у «бьюика». Помахала рукой, но, увидев меня, тут же отвернулась, будто нашла что-то интересное на пустом футбольном поле и холмах за ним. К этому движению уже

привыкла вся школа. Рана на лице зажила, превратившись в длинный широкий красный шрам. Бобби Джил пыталась замазывать его косметикой, но от этого он становился еще заметнее.

— Я убеждаю ее отказаться от пудры, из-за которой она выглядит ходячей рекламой похоронного бюро Соумса, но она не слушает. Я также говорю, что остаюсь с ней не из жалости и не для того, чтобы она больше не глотала таблетки. По ее словам, она мне верит, и, возможно, так оно и есть. В светлые деньки.

Я наблюдал, как он подбежал к Бобби Джил, схватил за талию, поднял и закружил. Вздохнул, чувствуя себя глупцом и в еще большей степени упрямцем. Отчасти мне хотелось поставить эту чертову пьесу. Хотя бы для того, чтобы заполнить время, остающееся до начала моего шоу. Но я не желал еще сильнее привязываться к Джоди. Не мог рассчитывать на долгое и счастливое будущее с Сейди, вот и мои отношения с Джоди предстояло разорвать полностью и окончательно.

Если бы шоу прошло как надо, в итоге я смог бы заполучить девушку, золотые часы и все-все-все. Но я не мог на это рассчитывать, как бы тщательно ни планировал свои действия. Добившись успеха в главном, я, возможно, вынужден буду бежать, а если бы меня поймали, деяние на благо человечества вполне могло аукнуться пожизненным заключением либо электрическим стулом в Хантсвилле.

5

В конце концов я согласился на постановку. Меня убедил Дек Симмонс. Для этого ему пришлось сказать мне, что я, должно быть, псих, раз обдумываю такую возможность. Мне бы расслышать в его речах: *Ох, Братец Лис, пожалуйста, только не бросай меня* в *этот терновый куст,* но он проделал все очень уж искусно. Очень тонко. Вы можете сказать, как истинный Братец Кролик.

Как-то в субботу после полудня мы пили кофе в моей гостиной и сквозь помехи смотрели по телевизору какой-то старый фильм. Ковбои из форта Голливуд отражали атаку двух тысяч — если не больше — индейцев. За окнами лил дождь. Наверное, зимой шестьдесят второго случались солнечные дни, но я не припоминаю ни одного. В памяти остались лишь ледяные пальцы

дождя, пробиравшиеся к моему выбритому загривку, несмотря на поднятый воротник овчинной куртки, которую я купил взамен длинного кожаного пальто.

— Вы не должны волноваться из-за этой чертовой пьесы только потому, что Эллен Докерти готова ради нее выпрыгнуть из трусов, — говорил мне Дек. — Дописывайте свою книгу, я уверен, она станет бестселлером, и никогда не оглядывайтесь. Живите в свое удовольствие в Нью-Йорке. Выпивайте с Норманом Мейлером и Ирвином Шоу в таверне «Белая лошадь».

— Да-да, — кивнул я. Джон Уэйн дул в горн. — Я не думаю, что Норману Мейлеру стоит тревожиться из-за этого романа. И Ирвину Шоу тоже.

— Опять же, вы добились такого успеха с инсценировкой романа «О мышах и людях», — продолжил Дек. — Все, что вы поставите теперь, в сравнении с первой постановкой вызовет разочарование... Ой, Господи, вы только посмотрите! Стрела только что пробила шляпу Джону Уэйну! Как хорошо, что она такая большая!

Его предположение, что моя вторая постановка может проиграть в сравнении с первой, неожиданно больно задело меня. Я подумал о том, что наши с Сейди повторные танцы уступали первому, хотя мы очень старались.

Дек не отрывал глаз от экрана, так его увлекло происходящее там, но вдруг сказал:

— А кроме того, Крысеныш Силвестер выразил желание поставить школьный спектакль. Он говорит о «Мышьяке и старых кружевах»*. По его словам, они с женой видели постановку в Далласе двумя годами ранее, и зал ревел от восторга.

Господи, такой банальный сюжет. И Фред Силвестер с кафедры физики — режиссер? Я сомневался, что доверил бы Крысенышу руководить подготовкой учеников начальной школы к эвакуации в случае пожара. А если такой талантливый, но пока мало что умеющий актер, как Майк Кослоу, попадет в руки Крысеныша, процесс взросления замедлится лет на пять. Крысеныш и «Мышьяк и старые кружева». Боже мой!

— Да и в любом случае уже нет времени поставить что-нибудь стоящее, — продолжил Дек. — Вот я и говорю, дадим Крысенышу шанс. Никогда не любил этого суетливого сукина сына.

---

* Пьеса американского драматурга Джозефа Кесселринга.

Насколько я знал, *никто* его не любил, за исключением, возможно, миссис Крысеныш, которая суетилась рядом на каждом школьном или кафедральном мероприятии, закутанная в акры кисеи. Но провалился бы не только он. Пострадали бы и дети.

— Они могут подготовить эстрадный концерт. На это времени хватит.

— Ох, Господи, Джордж. Уоллес Бири только что получил стрелу в плечо. Я думаю, ему не выжить.

— Дек!

— Нет, Джон Уэйн оттаскивает его в безопасное место. Этот старый фильм такой бестолковый, но мне нравится. А вам?

— Вы слышали, что я сказал?

Фильм прервался рекламным роликом. Кинэн Уинн вылез из кабины бульдозера, снял каску и сообщил миру, что отшагал бы милю ради «Кэмела». Дек повернулся ко мне.

— Нет, должно быть, отвлекся.

Хитрый старый лис. Отвлекся он!

— Я сказал, что у них есть время подготовить эстрадный концерт. Сборную солянку. Песни, танцы, анекдоты, миниатюры.

— Все, кроме канкана? Или вы думаете, что без этого не обойтись?

— Не надо утрировать.

— Значит, получится водевиль. Мне всегда нравились водевили. «Спокойной ночи, миссис Калабас, где бы вы ни были» и все такое.

Он достал из кармана кардигана трубку, набил ее табаком «Принц Альберт», раскурил.

— Знаете, мы пытались сделать что-то подобное в «Грандже». Шоу называлось «Джодийское гулянье». В конце сороковых, правда, перестали. Людей это смущало, хотя никто прямо этого не говорил. И водевилем мы это не называли.

— О чем вы?

— Мы устраивали менестрель-шоу*, Джордж. В нем участвовали ковбои и работники с ферм. Все закрашивали лица черным,

* Форма американского народного представления, в котором белые, загримированные под негров, разыгрывают комические сценки из их жизни.

пели и танцевали, шутили, как им казалось, с негритянским выговором. Отталкивались, конечно, от «Амос и Энди»*.

Я захохотал.

— Кто-нибудь играл на банджо?

— Если на то пошло, пару раз наша нынешняя директриса.

— *Эллен* играла на *банджо* в *менестрель-шоу*?

— Осторожнее, вы начинаете говорить пятистопным ямбом. Это может привести к мании величия, партнер.

Я наклонился вперед.

— Расскажите мне одну из шуток.

Дек откашлялся, потом заговорил на два низких голоса:

— «Слушай, брат Тамбо, чё ты купил эту баночку вазелина? — Я подумал, она стоит сорока девяти центов!»

Он выжидающе посмотрел на меня, и я понял, что это юмор.

— Они смеялись? — Я боялся услышать ответ.

— Гоготали и требовали продолжения. А потом эти шутки долгие недели повторяли на площади. — Его лицо было серьезно, но глаза поблескивали рождественскими огнями. — Городок у нас маленький. Наши потребности в юморе очень скромные. Для нас пример раблезианского остроумия — слепой, поскользнувшийся на банановой шкурке.

Я задумался. По телику вновь показывали вестерн, но Дек утратил к нему всякий интерес. Наблюдал за мной.

— Такое может сработать и сейчас, — изрек я.

— Джордж, такое срабатывает всегда.

— И не обязательно становиться забавными чернокожими.

— Теперь так просто и не станешь, — улыбнулся Дек. — Может, в Луизиане или Алабаме, но не на дороге в Остин, который в «Грязь геральд» называют не иначе, как Комми-Сити. Однако вам эта идея не по нраву, верно?

— Да. Считайте, что у меня очень уж нежное сердце, но я нахожу ее отвратительной. Да и зачем нужен этот гуталин? Избитые шутки... парни в старых мешковатых костюмах с подложенными плечами... девушки в платьях до колен с оборочками и бахромой... С удовольствием посмотрю, как Майк Кослоу исполнит комический скетч...

---

* Знаменитая юмористическая радио- и телепередача, действие которой разворачивается в среде афроамериканцев.

— Все будут покатываться со смеха, — безапелляционно заявил Дек. — Очень хорошая идея. Жаль только, что у вас нет времени для ее реализации.

Я уже начал что-то говорить, когда меня осенило. Новая мысль сверкнула так же ярко, как и та, вызванная словами Айви Темплтон о том, что соседи напротив видят все, что происходит у нее в гостиной.

— Джордж? У вас отвисла челюсть. Вид хороший, но не аппетитный.

— Времени мне хватит. Если вы уговорите Элли Докерти на одно условие.

Он поднялся и выключил телевизор, не взглянув на экран, хотя сражение герцога Уэйна и индейцев на фоне ярко горящего форта Голливуд достигло кульминации.

— Какое?

Я его озвучил и тут же добавил:

— Мне надо поговорить с Сейди. Немедленно.

6

Поначалу она слушала с серьезным выражением лица. Потом начала улыбаться. Улыбка становилась все шире. А когда я поделился с ней идеей, которая пришла мне в голову по завершении нашего с Деком разговора, она меня обняла. Но этого ей не хватило — еще и запрыгнула на меня, обхватив ногами. В тот день шваброй магическим образом исчезла.

— Блестяще! Ты гений! Напишешь сценарий?

— Естественно. Много времени это не займет. — Избитые шутки уже крутились в голове. *Тренер Борман двадцать минут сосредоточенно смотрел на апельсиновый сок, потому что на банке было написано: «CONCENTRATE»*. У нашего пса хвост рос внутрь, и мы сделали ему рентген, чтобы узнать, виляет ли он им, когда радуется. Я летел на таком старом самолете, что на одной туалетной кабинке висела табличка «Орвил», а на другой «Уилбур»**.* —

* И концентрат, и сосредоточенно смотреть (*англ.*).

** Имеются в виду братья Уилбур и Орвил Райт, за которыми в большинстве стран мира признается приоритет изобретения и постройки первого в мире самолета.

Но мне потребуется помощь в другом. Прежде всего мне нужен продюсер. Я надеюсь, ты за это возьмешься.

— Конечно. — Она соскользнула на пол, прижимаясь ко мне всем телом. Юбка задралась, и — увы, лишь на мгновение — я увидел ее обнаженную ногу. Потом Сейди закружила по гостиной, нещадно дымя. Ударилась о кресло (в шестой или седьмой раз после того, как мы стали близки), удержалась на ногах, вроде бы не заметив контакта, хотя не вызывало сомнений, что к вечеру на голени проступит приличных размеров синяк.

— Если ты думаешь о шутках двадцатых годов, я могу попросить Джо Пит помочь с костюмами. — Джо возглавила кафедру домоводства после того, как Эллен Докерти назначили директором.

— Отлично.

— Большинство учениц, которые выбирают курсы этой кафедры, любят шить и... готовить. Джордж, нам придется кормить участников по вечерам, если репетиции будут затягиваться. А они будут, потому что мы очень уж припозднились с началом.

— Да, но только сандвичи.

— Нет, сделаем что-нибудь получше. И музыка! Нам понадобится музыка. На пластинках, потому что нашему оркестру такое не осилить.

И тут мы хором воскликнули:

— *Дональд Беллингэм!*

— Как насчет рекламы? — спросил я. Наш диалог все больше напоминал беседу Микки Руни и Джуди Гарланд, готовящихся организовать концерт в амбаре тети Милли*.

— Карл Джейкоби и его студия графического дизайна. Афиши надо развесить не только в школе, но и по всему городу. Потому что мы хотим, чтобы пришел весь город, а не только родственники участников шоу. Конечно, многим придется смотреть представление стоя, иначе всем места не хватит.

— Бинго. — Я поцеловал ее в нос. Мне очень нравился ее азарт. Я и сам загорелся.

— А что мы скажем по части благотворительности? — спросила Сейди.

— Ничего, пока не будем уверены, что сможем собрать достаточную сумму. Мы же не хотим пробуждать ложные надежды.

* Имеется в виду фильм «Любовь находит Энди Харди».

Как насчет того, чтобы завтра поехать со мной в Даллас и задать кое-какие вопросы?

— Завтра воскресенье, милый. После школьных занятий в понедельник. Может, и пораньше, если ты сможешь освободиться от седьмого урока.

— Я позвоню Деку и попрошу позаниматься вместо меня с отстающими. Он у меня в долгу.

7

В понедельник мы с Сейди отправились в Даллас. Ехали быстро, чтобы успеть до закрытия тамошних заведений. То, что мы искали, находилось на бульваре Гарри Хайнса, недалеко от «Паркленд мемориал». Там мы задали все вопросы, а Сейди еще и показала, чего мы хотим. Ответы нас полностью устроили, и двумя днями позже я приступил к моему предпоследнему постановочному проекту в качестве режиссера «Джодийского гулянья», «Новейшего уморительного водевиля с песнями и танцами, затеянного ради Благого дела». Мы не говорили, что это за благое дело, и никто нас не спрашивал.

Вот вам еще два отличия Страны прошлого: гораздо меньше бумаг и намного больше доверия.

8

На представление собрался весь город, и в одном Дек оказался совершенно прав: «бородатые» шутки не устаревают никогда. Во всяком случае, в полутора тысячах миль от Бродвея. Благодаря Джиму Ладью (оказалось, что актер он в общем-то неплохой и немного может петь) и Майку Кослоу (вот уж кто умел рассмешить) наше шоу больше напоминало Дина Мартина и Джерри Льюиса, чем мистера Боунса и мистера Тамбо. Миниатюры вызывали гомерический хохот, а с учетом того, что исполняли их здоровенные спортсмены, принимали наше шоу лучше, чем оно того заслуживало. Зрители хлопали себя по коленям, отлетали пуговицы. Вполне возможно, лопнуло и несколько поясов для чулок.

Эллен Докерти вытащила из заточения банджо. Для дамы с крашенными синькой волосами играла она на удивление живо. Не обошлось и без канкана. Майк и Джим убедили футболистов исполнить этот зажигательный танец голыми выше пояса, в женских панталонах и юбках. Джо Пит нашла для них парики, и парни стали гвоздем программы. Женщины визжали от восторга, глядя на этих гологрудых парней, парики и прочее.

В финале на сцену вышли все участники и, разбившись по парам, исполнили яростный свинг под мелодию «В настроении», гремевшую из динамиков. Взлетали юбки, сверкали ноги, футболисты (теперь в зут-сьютах* и широкополых шляпах) кружили девушек. В большинстве своем они входили в группу поддержки и кое-что понимали в акробатике.

Музыка смолкла, счастливые смеющиеся участники шоу вышли на поклоны. И когда зрители встали в третий (может, и в четвертый) раз с того момента, как поднялся занавес, Дональд вновь запустил «В настроении». Парни и девушки разошлись по разные стороны сцены, схватили десятки кремовых тортов, дожидавшихся на столах, и начали кидаться ими друг в друга под восторженный рев зрителей.

Про эту часть шоу участники знали и ждали ее, хотя на репетициях настоящими тортами не бросались, поэтому никто не мог сказать, как все пройдет. Разумеется, прошло великолепно, как всегда и проходят тортовые баталии. Детки думали, что это финал, но я придержал в рукаве еще одного туза.

И когда они направились к краю сцены за еще одной порцией аплодисментов, с лицами и костюмами, перемазанными кремом, мелодия «В настроении» зазвучала в *третий* раз. Детки принялись оглядываться, а потому не увидели, как все, кто сидел в «учительском ряду», подняли свои кремовые торты, заботливо приготовленные мной и Сейди, и они полетели в участников. Тренер Борман бросил *два* торта, и оба достигли цели: первый угодил в куотербека, второй — в лучшего защитника.

Майк Кослоу, по лицу которого стекал крем, заорал:

— Мистер А! Миз Д! Мистер А! Миз Д!

* Костюм, ставший неотъемлемым атрибутом свинг-культуры; отличался излишеством во всем: длинный пиджак с широкими подложными плечами, широкие отвороты, очень широкие брюки.

Остальные участники шоу подхватили, к ним присоединились зрители, хлопая в такт. Мы вышли на авансцену, рука об руку, и Биллингэм вновь запустил эту чертову пластинку. Детки встали двумя рядами по обе стороны от нас, крича:

— *Танец! Танец! Танец!*

Выбора нам не оставили, и хотя я не сомневался, что моя подруга поскользнется на креме и сломает шею, мы станцевали идеально, впервые после «Сейди Хокинс». В конце я сжал обе руки Сейди. Увидел ее короткий кивок — *давай, сделай это, я тебе доверяю*, — и в следующее мгновение она нырнула между моих ног. Обе туфли улетели в первый ряд, юбка заскользила вверх по бедрам... но Сейди уже вновь стояла на ногах, сначала протянув руки к зрителям, которые обезумели, а потом к вымазанной кремом юбке, чтобы сделать реверанс.

Детки, оказывается, тоже приберегли туза, причем я уверен, что инициатором выступил Майк Кослоу, пусть он сам держался в сторонке. Несколько кремовых тортов остались за кулисами, и когда мы стояли на авансцене, купаясь в аплодисментах, штук десять полетели в нас со всех сторон. Что творилось со зрителями, словами уже не передать.

Сейди подтянула мое ухо к своему рту, вытерла мизинцем взбитый крем и прошептала:

— Как ты можешь все это бросить?

9

Но этим шоу не закончилось. Дек и Эллен вышли на сцену, удивительным образом лавируя между кремовых пятен и лепешек. Никому и в голову не пришло запустить торт в них.

Дек поднял руки, призывая к тишине, а Эллен Докерти, выступив вперед, заговорила четким и громким учительским голосом, легко перекрывшим разговоры и смешки:

— Дамы и господа, за сегодняшним представлением «Джодийское гулянье» последуют еще три.

Ее слова встретили громом аплодисментов.

— Это благотворительные представления, — продолжила Эллен, когда аплодисменты стихли, — и я рада... да, я очень рада... сообщить вам, куда пойдут вырученные средства. Прошлой осе-

нью мы потеряли одного из наших лучших учеников и скорбели о Винсенте Ноулсе, который так рано ушел от нас.

Теперь зал окутала мертвая тишина.

— Девушке, которую вы все знаете, одной из наших первых красавиц, в этой аварии обезобразило лицо. Мистер Амберсон и мисс Данхилл договорились о пластической операции, которую в этом июне сделают в Далласе Роберте Джулиане Оллнат. Эта операция не будет стоить семье Оллнат ни цента. По словам мистера Силвестера, казначея «Джодийского гулянья», одноклассники Бобби Джил — и этот город — гарантировали, что все расходы на операцию будут полностью оплачены.

Какие-то мгновения они переваривали эти слова, а потом все, кто сидел, вскочили. Аплодисменты ударили по ушам, как летний гром. Я нашел в толпе Бобби Джил. Она плакала, закрыв лицо руками. Родители обнимали ее.

Так прошел вечер в маленьком городке, одном из тех, что расположены вдали от главных автомобильных дорог, тех, на которые наплевать всем, за исключением живущих в них людей. И это нормально, потому что *им* не наплевать. Я посмотрел на рыдающую Бобби Джил. Посмотрел на Сейди. Ее волосы запачкал крем. Она улыбалась. Как и я. Безмолвно, одними губами, она сказала: *Я люблю тебя, Джордж.* Я так же безмолвно ответил: *Я тоже люблю тебя.* В тот вечер я любил их всех — и себя, за то, что я среди них. Никогда не чувствовал себя более живым, никогда так не радовался тому, что живой. Действительно, как я мог все это оставить?

До полного разрыва с Сейди оставалось две недели.

10

Наступила суббота, день закупки продовольствия. У меня вошло в привычку заезжать за Сейди, а потом мы вдвоем отправлялись в «Вайнгартенс» на шоссе 77. Бок о бок катили наши тележки под музыку Мантовани, осматривали фрукты, выбирали мясо по лучшей цене. Если речь шла о говядине или курятине, куски предлагались на любой выбор. Мне это нравилось: после трех лет, проведенных в прошлом, меня по-прежнему ошеломляли низкие цены.

Тот день я намеревался посвятить не только закупке продуктов. Хаззарды жили в доме 2706 по Мерседес-стрит, в лачуге напротив и чуть левее двухэтажной развалюхи, которую Ли Освальд вскоре намеревался сделать своим домом. «Джодийское гулянье» отнимало у меня очень много времени, но весной я все равно успел трижды побывать на Мерседес-стрит. Парковал мой «форд» в центре Форт-Уорта и садился в автобус, курсировавший по Уинскотт-роуд, который останавливался в полумиле от Мерседес-стрит. Отправляясь в эти поездки, я надевал джинсы, ободранные высокие ботинки и выцветшую джинсовую куртку, купленные на распродаже. Если бы спросили, я бы ответил, что ищу дешевое жилье, потому что устроился ночным сторожем на «Техасскую листовую сталь» в западном Форт-Уорте. Такая легенда превращала меня в заслуживающего доверие гражданина (до тех пор, пока кто-нибудь не сочтет за труд проверить мои слова) и объясняла, почему днем в доме тихо, а портьеры задернуты.

Во время моих прогулок по Мерседес-стрит к складу «Манки уорд» и обратно (всегда со сложенной газетой, открытой на странице, где публиковались объявления о сдаче квартир в аренду) я увидел и мистера Хаззарда, здоровяка лет тридцати пяти, и двух его детей, с которыми отказывалась играть Розетта, и женщину с застывшим лицом, которая при ходьбе подволакивала одну ногу. Однажды мама Хаззарда, стоя у почтового ящика, подозрительно оглядела меня, когда я проходил мимо по полоске твердой земли, служившей тротуаром, но ничего не сказала.

В ходе моей третьей разведывательной миссии я увидел старый ржавый прицеп, стоявший позади пикапа Хаззарда. Он сам и дети грузили в него коробки, тогда как старуха стояла рядом на только что зазеленевшей травке, опираясь на трость, а перекошенное после инсульта лицо скрывало любые эмоции. Я бы поставил на полнейшее безразличие. Уходил я безмерно счастливым. Хаззарды съезжали. И после их отбытия рабочий парень по имени Джордж Амберсон намеревался арендовать дом 2706. Теперь моя главная задача заключалась в том, чтобы никому не дать себя опередить.

Я пытался найти наиболее надежный способ это сделать во время нашей субботней поездки за продуктами. На одном уровне сознания я общался с Сейди, отвечал на ее вопросы, откликался правильными репликами, подтрунивал над ней, когда она про-

вела слишком много времени в молочном отделе, вывез нагруженную продуктами тележку на автомобильную стоянку, переложил все пакеты в багажник «форда». Но проделывал все это на автопилоте, размышляя о том, как организована сдача домов в аренду в Форт-Уорте, и, как выяснилось, прокололся. Не обращал внимания на слова, которые слетали с моих губ, а это опасно, если ведешь двойную жизнь.

По дороге к дому Сейди, когда она спокойно (слишком спокойно) сидела рядом со мной, я пел, потому что радиоприемник «форда» сломался. Двигатель тоже начал сдавать. Снаружи «санлайнер» по-прежнему выглядел шикарно, и я прикипел к нему всей душой, но прошло уже семь лет с того дня, как он сошел с конвейера, а его пробег превысил девяносто тысяч миль.

Я разом принес купленные Сейди продукты на кухню, героически покрякивая от напряжения и картинно покачиваясь. Не обратил внимания, что она не улыбается, и понятия не имел, что наше короткое возвращение к жизни душа в душу закончилось. Я по-прежнему думал о Мерседес-стрит и гадал, какое шоу я должен поставить там... или, точнее, сколь много там должно быть от шоу. Мне предстояло пройти по лезвию ножа. Хотелось стать своим на Мерседес-стрит, поскольку в этом случае на тебя не обращают внимания и смотрят с пренебрежением, и при этом ничем не выделяться. Потому что там собирались поселиться Освальды. Она не говорила на английском, а он всегда держался особняком, однако дом 2706 находился слишком близко. Прошлое, конечно, упрямо, но и очень хрупко, карточный домик, и мне предстояло соблюдать предельную осторожность до того момента, как я полностью закончу подготовку к его изменению. А значит, следовало...

В этот момент Сейди обратилась ко мне, и вскоре после этого жизнь, какой я ее знал (и полюбил) в Джоди, провалилась в тартарары.

11

— Джордж? Ты можешь зайти в гостиную? Я хочу с тобой поговорить.

— А может, ты сначала положишь гамбургер и свиные отбивные в холодильник? И я думаю, что мороже...

— *Пусть тает!* — крикнула она, и вот это вернуло меня на землю.

Я повернулся к Сейди, но она уже ушла в гостиную. Взяла пачку сигарет со столика у дивана и закурила. Уступая моим мягким просьбам, она пыталась меньше курить (по крайней мере в моем присутствии), и зажженная сигарета выглядела более зловещей, чем повышенный тон.

Я прошел в гостиную.

— Что такое, дорогая? Что не так?

— Все. Что это за песня?

Ее лицо побледнело и напоминало маску. Сигарету она держала перед губами, словно щит. Я начал осознавать, что прокололся, но не знал, как и когда, и это пугало.

— Я не знаю, о чем ты...

— Песня, которую ты распевал, когда мы ехали домой. Которую ты орал во весь голос.

Я пытался вспомнить и не мог. Помнил только мысли о том, что всегда должен появляться на Мерседес-стрит одетым как рабочий, который едва сводит концы с концами, если хочу, чтобы меня принимали за своего. Конечно же, я пел, но я часто так делал, думая о другом... Все так делают.

— Наверное, какую-нибудь попсу, услышанную на Кей-эл-ай-эф. Пришла вдруг на память. Ты знаешь, как бывает с песнями. Я не понимаю, почему ты так расстроилась.

— Если ты и слышал эту песню, то в другой жизни. Со словами: «В Мемфисе я встретил пьяную девицу, она меня тащила в нумера».

У меня упало не только сердце. Все, что находилось ниже шеи, обвалилось на пять дюймов. «Кабацкие бабы». Вот что я пел. Песню эту только через семь или восемь лет запишет группа, которой оставалось еще года три до попадания в американские хит-парады. Да, конечно, думал я тогда о другом... но разве можно так тупить?

— «Она меня всего одела в розы, дала мне дозу и себя, само собой»? По *радио*? Федеральная комиссия по связи тут же закрыла бы радиостанцию, транслирующую такое!

Я начал злиться. Главным образом на себя... но не *только* на себя! Я шел по натянутой струне, а она кричала на меня из-за песни «Роллинг Стоунз».

— Остынь, Сейди. Это всего лишь *песня*. Я даже не знаю, *где* ее слышал.

— Это ложь, и нам обоим это известно.

— Ты чудишь. Думаю, мне лучше взять свои продукты и поехать домой. — Я пытался говорить ровным голосом. Но тон был больно знакомым. Так я всегда говорил с Кристи, когда она приходила домой поддатая, в перекрученной юбке, с наполовину вытащенной блузкой, с растрепанными волосами. Не говоря уже о размазанной помаде. Размазанной о край стакана или о губы какого-нибудь парня, с которым она познакомилась в баре?

Мысль эта добавила мне злости. *К черту,* подумал я. Не мог сказать, кого туда посылаю — Сейди, Кристи или себя, да и не это волновало меня в тот момент. Мы всегда злимся больше всего, когда нас ловят с поличным, верно?

— Я думаю, что тебе лучше сказать, где ты слышал эту песню, если ты хочешь вернуться сюда. И где ты слышал фразу, которой ответил парню-упаковщику на кассе, когда тот сказал, что завернул курицу в два пакета, чтобы она не протекла.

— Я понятия не имею, о чем ты...

— «Отменно, чувак» — вот что ты ему ответил. И я хочу знать, где ты это слышал. И *зашибись*. И *буги-шузы*. И *круто*. И *безбашенный*. Я хочу знать, почему ты говоришь эти слова, а больше никто не говорит. Я хочу знать, почему ты испугался этого глупого скандирования «Джимла» и почему говорил об этом во сне. Я хочу знать, где находится Дерри и почему Дерри похож на Даллас. Я хочу знать, когда ты был женат, на ком и сколько времени. Я хочу знать, где ты жил до того, как приехал во Флориду, потому что Элли Докерти, по ее словам, этого не знает, а некоторые из твоих рекомендательных писем поддельные. «Какие-то они странные» — так она выразилась.

Я не сомневался, что Эллен до этого не докопаться без помощи Дека... но она докопалась. Меня это особо не удивило, однако я жутко рассердился из-за того, что она поделилась с Сейди.

— Она не имела права говорить тебе об этом!

Сейди вдавила сигарету в пепельницу, потом тряхнула рукой, словно горящие крошки табака подпрыгнули и обожгли ее.

— Иногда ты словно... я не знаю... из другой вселенной! Той, где поют о пьяных женщинах из М-Мемфиса, которых трахают

наверху! Я пыталась убеждать с-себя, что это не имеет значения, что л-л-любовь преодолеет все, да только не получается. Любовь не преодолеет ложь! — Голос дрожал, но она не плакала, а ее глаза не отрывались от моих. Если бы я видел в них только злость, мне бы не было так тошно. Но я видел и мольбу.

— Сейди, если бы ты...

— Нет. Хватит. Больше не повторяй, что ты не делаешь ничего постыдного и что мне тоже не придется стыдиться. Это уж предоставь решать мне. Вопрос стоит ребром: или уходит швабра, или уйти придется тебе.

— Если бы ты знала, то...

— Так скажи мне!

— *Не могу!* — Злость рванула, как лопнувший воздушный шарик, оставив после себя эмоциональную пустоту. Я отвел глаза от ее каменного лица, и мой взгляд упал на письменный стол. От увиденного у меня перехватило дыхание.

На столе лежала стопка заявлений на работу в Рино, куда Сейди собиралась поехать этим летом. Верхнее — в «Отеле и казино Харраса». В первой строчке она написала свое имя, большими печатными буквами. Полностью, включая и среднее, которого я раньше не знал.

Я наклонился, очень медленно, и закрыл большими пальцами ее первое имя и последний слог фамилии. Осталось **«ДОРИС ДАН»**.

Я помнил день, когда разговаривал с женой Фрэнка Даннинга, прикинувшись покупателем недвижимости, которого заинтересовал Вестсайдский оздоровительный центр. Она родилась лет на двадцать раньше Сейди Дорис Данхилл, но обеих женщин отличали синие глаза, бархатная кожа и роскошная, пышногрудая фигура. Обе курили. Кто-то мог заикнуться о совпадении, но только не я. Я точно знал: нет тут никакого совпадения.

— Что ты делаешь? — Ее обвинительный тон скрывал истинный вопрос: *Почему ты продолжаешь уходить от ответов и изворачиваться?* — но я больше не злился. Совершенно не злился.

— Ты уверена, что он не знает, где ты? — спросил я.

— Кто? Джонни? Ты про Джонни? Почему?.. — Тут она решила, что ей от меня ничего не добиться. Я видел это в ее лице. — Джордж, ты должен уйти.

— Но он мог выяснить, — настаивал я. — Потому что твои родители знают, а для них он — душка. Ты мне это говорила.

Я шагнул к ней. Она отступила на шаг. Как отступают от человека, у которого вдруг помутилось в голове. Я увидел страх в ее глазах, почувствовал, что сейчас ей меня не понять, но не мог остановиться. Помнится, и сам испугался.

— Если ты и просила ничего ему не говорить, он все из них вытащит. Благодаря своему обаянию. Так ведь, Сейди? Он очень, очень обаятельный, когда не моет руки, не расставляет книги по алфавиту и не говорит, что эрекция — это отвратительно. Он же очаровал тебя.

— Пожалуйста, уходи, Джордж. — Ее голос дрожал.

Вместо этого я приблизился к ней еще на шаг. Она отступила, уперлась в стену... и *сжалась*. Словно истеричке влепили пощечину или в лицо уличной проститутке выплеснули стакан холодной воды. Я отошел к арке между гостиной и кухней, поднял руки, словно сдаваясь. Что я, собственно, и делал.

— Я ухожу. Но, Сейди...

— Я не понимаю, как ты мог это сделать. — Слезы пришли. Покатились по щекам. — Вернее, почему ты отказываешься все исправить. Нам было так хорошо.

— У нас и сейчас все хорошо.

Она покачала головой. Медленно, но непреклонно.

Я пересек кухню. Казалось, не шел, а плыл. Достал контейнер с ванильным мороженым из одного из пакетов и поставил в морозилку «Колдспота» Сейди. Я думал, что это кошмарный сон и я скоро проснусь. Но сердце знало правду.

Сейди стояла в арке, наблюдая за мной. В одной руке она держала новую сигарету, в другой — заявления о приеме на работу. Теперь я видел, что сходство с Дорис Даннинг поразительное. Тут же возник вопрос, а почему я не замечал этого раньше? Потому что мои мысли занимало другое? Или я не осознавал полностью, с какой махиной посмел связаться?

Я вышел на крыльцо, закрыл дверь, защищавшую от насекомых, посмотрел на Сейди сквозь сетку.

— Остерегайся его, Сейди.

— Джонни во многом странный, но он не опасен, — ответила она. — И мои родители никогда не скажут ему, где я. Они обещали.

— Люди нарушают обещания, люди сходят с ума. Особенно люди, которые попадают в стрессовую ситуацию, да и с самого начала психически неуравновешенные.

— Тебе лучше уйти, Джордж.

— Пообещай мне, что будешь настороже, и я уйду.

Она крикнула:

— *Я обещаю, обещаю, обещаю!*

Мне не нравилось, как сигарета дрожала у нее между пальцами. Еще больше огорчали шок, ощущение утраты, горе и злость в ее покрасневших глазах. Я чувствовал, как они провожали меня к моему автомобилю.

Чертовы «Роллинг Стоунз».

Глава 17

1

За несколько дней до начала годовых экзаменов Эллен Докерти пригласила меня в свой кабинет. Закрыв дверь, повернулась ко мне.

— Извините за проблемы, которые я создала, Джордж, но если бы ситуация повторилась, не уверена, что поступила бы иначе.

Я промолчал. Больше не злился, однако еще не пришел в себя. После разрыва с Сейди я мало спал, и у меня сложилось впечатление, что в ближайшем будущем мне обеспечена закадычная дружба с четырьмя утра.

— Двадцать пятая статья административного школьного кодекса Техаса, Джордж, — добавила она, как будто это все объясняло.

— О чем вы, Элли?

— Нина Уоллингфорд обратила на это мое внимание. — Она говорила про медсестру округа. Нина каждый учебный год наматывала десятки тысяч миль в своем «форд-ранч-вэгоне», мотаясь между восемью школами округа Денхолм, три из которых включали лишь пару учебных классов. — В двадцать пятой статье излагаются правила вакцинации в школах округа. Они охватыва-

ют не только учеников, но и преподавателей, и Нина указала на отсутствие сведений о прививках, которые вам делали. Собственно, по медицинской части о вас нет никакой информации.

Такие дела. Учителя-мошенника разоблачили благодаря отсутствию сведений о прививке от полиомиелита. Что ж, хотя бы не за цитирование песни «Роллинг Стоунз» и не за использование сленга эпохи диско.

— Подготовка «Гулянья» занимала все ваше время, и я решила, что сама напишу в те школы, где вы раньше работали, чтобы избавить вас от дополнительных хлопот. Из Флориды мне ответили, что от замещающих учителей предоставление сведений о прививках не требуется. Из Мэна и Висконсина ответы пришли более короткие: «Никогда о таком не слышали».

Она наклонилась над столом, пристально глядя на меня. Я не смог долго выдерживать ее взгляд. До того как уставился на свои руки, увидел в нем безмерное сочувствие.

— Выразит ли Совет штата по образованию недовольство по поводу того, что мы наняли обманщика? Безусловно. Они могут подать судебный иск и потребовать вернуть ваше годовое жалованье. Заодно ли я с ними? Совсем наоборот. Ваша работа в ДОСШ — пример для остальных. Сделанное вами и Сейди для Бобби Джил Оллнат достойно восхищения и заслуживает выдвижения на премию «Учитель года штата Техас».

— Благодарю, — пробормотал я. — Пожалуй.

— Я спросила себя, а как бы в такой ситуации поступила Мими Коркорэн. И вот что посоветовала мне Мимс: «Если бы он подписал контракт на следующий год или два, тебе пришлось бы действовать. А раз он уходит через месяц, в твоих интересах — и в интересах школы — никому ничего не говорить». — И тут Элли добавила: — Но есть один человек, который должен знать, что Джордж не тот, за кого себя выдает.

Она помолчала.

— Я сказала Сейди, что вы, конечно же, все объясните, но, как я понимаю, объяснения у вас не нашлось.

Я посмотрел на часы.

— Если вы не увольняете меня, миз Элли, тогда мне пора на пятый урок. Мы строим схемы предложений. Для примера хочу предложить им такое: *Я ни в чем не виноват, но не могу объяснить почему.* Что скажете? Слишком сложное?

— По мне, да, — с улыбкой ответила она.

— Еще один момент. У Сейди семейная жизнь не сложилась. Ее муж — человек странный, но я не хочу вдаваться в подробности. Его зовут Джон Клейтон. Я думаю, он может быть опасен. Пожалуйста, попросите Сейди дать вам его фотографию, чтобы вы знали, как он выглядит, если он вдруг появится здесь и начнет задавать вопросы.

— И почему вы так думаете?

— Потому что я уже встречался с похожим на него человеком. Вас такой ответ устроит?

— Да, потому что другого не будет, так?

А меня такой ответ не устроил.

— Вы ее попросите?

— Да, Джордж. — Возможно, она говорила серьезно, а может, хотела отделаться от меня.

Я уже подошел к двери, когда она произнесла еще одну фразу, таким тоном, словно речь шла о пустяке:

— Вы разбиваете сердце этой молодой женщины.

— Знаю. — С тем я и ушел.

2

Мерседес-стрит. Конец мая.

— Так вы сварщик?

Я стоял на крыльце дома 2706 рядом с хозяином, приятным в общении американцем, мистером Джеем Бейкером. Крепкого телосложения, с огромным животом — он называл его домом, который построил «Шайнер»*. Мы только что прошлись по комнатам, и Бейкер уже отметил главное достоинство жилища — «близко к автобусной остановке», — как будто это компенсировало просевшие потолки, пятна протечек на стенах, треснувший бачок унитаза и общее запустение.

— Ночной сторож, — поправил его я.

— Да? Хорошая работа. Полно времени для ничегонеделания.

Эта фраза ответа не требовала.

— Ни жены, ни детей?

— В разводе. Они на востоке.

* Пивоварня, расположенная в одноименном городе, штат Техас.

— Алименты напрягают?

Я пожал плечами.

Он нашел ответ убедительным.

— Так вы хотите арендовать этот дом, мистер Амберсон?

— Похоже на то. — Я вздохнул.

Он достал из заднего кармана книжку арендатора с квитанциями.

— Первый месяц, последний месяц, залог на возмещение ущерба.

— Залог? Вы шутите.

Бейкер продолжил, словно и не услышал меня:

— Оплата в последнюю пятницу месяца. Заплатите меньше или позже — и вы на улице. Об этом позаботится полицейское управление Форт-Уорта. У меня с ним полный контакт.

Из нагрудного кармана он вытащил окурок сигары, сунул изжеванный конец в рот, зажег деревянную спичку о ноготь большого пальца. На крыльце властвовала жара. Я чувствовал, что меня ждало долгое знойное лето.

Я снова вздохнул. Потом — с явной неохотой — извлек бумажник и начал вынимать двадцатки.

— Богу мы верим. Остальные платят наличными*.

Он засмеялся, выдыхая клубы едкого сизого дыма.

— Это хорошо. Я буду это помнить. Особенно в последнюю пятницу месяца.

Я не мог поверить, что собираюсь жить на этой паршивой улице, в этой жалкой лачуге, променяв на нее прекрасный дом к югу отсюда, где я выкашивал настоящую лужайку. Еще не уехав из Джоди, я тосковал по тамошней жизни.

— Пожалуйста, дайте мне квитанцию.

Только ее я и получил бесплатно.

3

Наступило восьмое июня, последний день учебного года. Классы и коридоры опустели. Потолочные вентиляторы гоняли горячий воздух, и это восьмого июня! Освальды покинули Рос-

* Название сборника коротких рассказов «In God We Trust, All Others Pay Cash» американского писателя и теле- и радиокомментатора Джина Шеферда.

сию; через пять дней, согласно записям Эла, пароход «Маасдам» пришвартуется в Хобокене, где они сойдут по трапу и ступят на американскую землю.

Учительскую со мной делил Дэнни Лаверти.

— Эй, дружище. Как я понимаю, ты уезжаешь в Даллас, чтобы закончить свою книгу?

— Есть такие планы.

На самом деле я планировал отправиться в Форт-Уорт, по крайней мере после отъезда из Джоди. Я очищал ячейку для корреспонденции, забитую служебными записками.

— Будь я свободен, а не связан по рукам и ногам женой, тремя спиногрызами и закладной, тоже попытался бы написать книгу. Я воевал, знаешь ли.

Я знал. Об этом становилось известно каждому, обычно после первых десяти минут знакомства с Дэнни.

— На жизнь хватит?

— Будь уверен.

Денег у меня действительно хватало с лихвой до следующего апреля, когда я намеревался поставить точку в деле Ли Освальда. Я вполне мог обойтись без еще одного похода в «Честный платеж» на Гринвилл-авеню. Даже свое первое появление там я теперь считал невероятной глупостью. Возникни у меня такое желание, я бы мог попытаться сказать себе, что случившееся с моим домом во Флориде — результат чьей-то дурацкой выходки, но я также пытался убедить себя, что с Сейди у нас все идет хорошо, и посмотрите, как оно обернулось.

Я скомкал служебные записки, бросил в корзинку для мусора... и увидел в ячейке маленький запечатанный конверт, который сразу не заметил. Я знал, кто пользуется такими конвертами.

Шапка на листе бумаги, который я достал из конверта, отсутствовала. Подписью служил слабый (возможно, иллюзорный) аромат ее духов. Записка состояла из двух строк:

Спасибо, что показал мне, как хорошо все может быть. Пожалуйста, не говори «прощай».

В задумчивости я с минуту держал записку в руке, потом сунул в задний карман и быстрым шагом направился к библиотеке. Не знал, что собирался сделать или сказать Сейди, однако, как

выяснилось, значения это не имело. Свет в библиотеке не горел, все стулья были задвинуты под столы. Я все равно попробовал повернуть ручку, но обнаружил, что дверь заперта.

4

На стоянке для учителей оставалось только два автомобиля: седан «плимут» Дэнни Лаверти и мой «форд», матерчатая крыша которого теперь выглядела изрядно потрепанной. Крыше я мог лишь посочувствовать. Сам пребывал не в лучшем состоянии.

— Мистер А! Подождите, мистер А!

Ко мне через стоянку спешили Майк и Бобби Джил. Майк нес в руке небольшой сверток, который протянул мне.

— Бобби со мной хотим вам кое-что подарить.

— Мы с Бобби, — машинально поправил я его. — Напрасно вы это, Майк.

— Не могли иначе.

Меня тронули слезы Бобби Джил и порадовало отсутствие толстого слоя пудры «Макс Фактор» на ее лице. Теперь, зная, что дни отвратительного шрама сочтены, она перестала пытаться скрыть его. Бобби Джил поцеловала меня в щеку.

— Я так благодарна вам, мистер Амберсон, так благодарна. Я никогда не забуду вас. — Она посмотрела на Майка. — *Мы* никогда не забудем вас.

И я полагал, что они действительно не забудут. Приятное тепло разлилось по телу, но не компенсировало неприятного ощущения от вида пустой и темной библиотеки.

— Посмотрите, — попросил Майк. — Мы надеемся, вам понравится. Это для вашей книги.

Я развернул бумагу. Увидел деревянный ящичек длиной восемь и шириной два дюйма. Внутри, на шелке, поблескивала авторучка «Уотерман» с выгравированными на колпачке инициалами: «Дж. А.».

— Майк! — воскликнул я. — Это уж чересчур!

— Я бы не согласился с вами, даже будь она из чистого золота, — ответил он. — Вы изменили мою жизнь. — Посмотрел на Бобби. — Наши жизни.

— Майк, для меня это только в радость.

Он обнял меня, а в 1962 году такое мужское объятие дорогого стоило. И я от всего сердца обнял его в ответ.

— Оставайтесь на связи, — попросила меня Бобби Джил. — Даллас не далекий. — Помолчала. — Недалеко.

— Обязательно, — пообещал я, зная, что не дам о себе знать, да и они скорее всего тоже. Им предстояло вступить во взрослую жизнь, и при условии что повезет, их ждало светлое будущее.

Они уже уходили, когда Бобби обернулась.

— Жаль, что вы двое расстались. Я очень огорчилась.

— Я тоже, — ответил я, — но, возможно, оно и к лучшему.

Я направился домой, чтобы взять пишущую машинку и прочие пожитки, которые, по моим прикидкам, легко умещались в чемодане и нескольких картонных коробках. На первом же светофоре на Главной улице, остановившись на красный свет, открыл деревянный ящичек и посмотрел на авторучку. Прекрасная вещица, подарок очень меня тронул. А еще больше тронуло другое: они дожидались меня, чтобы попрощаться. Зажегся зеленый. Я захлопнул крышку ящичка и поехал дальше. С комком в горле — но глаза оставались сухими.

5

Жизнь на Мерседес-стрит приятных ощущений не принесла.

Дни шли своим чередом. Кричали дети, все в обносках старших братьев и сестер, домохозяйки жаловались друг другу на жизнь у почтовых ящиков или веревок для сушки белья во дворе. Подростки разъезжали на ржавых колымагах с фибергласовыми глушителями и орущими во всю мощь радиоприемниками. Не донимало меня и раннее утро, от двух до шести часов. В это время на улице воцарялась полная тишина: измученные коликами младенцы наконец задремывали в колыбельках (или в ящиках комода), а их папаши проваливались в пьяный сон, готовясь к еще одному дню работы с почасовой оплатой в магазинах, на фабриках или на окрестных фермах.

От четырех до шести пополудни улицу наполняли дикие крики. Мамаши кричали на детей, загоняя их домой, чтобы те выполнили порученную им домашнюю работу. Трезвые папаши кричали на своих жен, возможно, потому что больше было не на кого. Многие жены тоже не лезли за словом в карман. Подвы-

пившие папаши начинали появляться после восьми, но особенно шумной улица становилась ближе к одиннадцати, когда закрывались бары или заканчивались деньги на выпивку. Тогда я слышал хлопанье дверей, звон разбивающихся стекол, крики боли, если какой-нибудь из папаш набрасывался на жену, или на детей, или на всех разом. Часто красные мигалки, отбрасывавшие сполохи на зашторенные окна моего дома, сообщали о прибытии копов. Пару раз гремели выстрелы, возможно, в воздух, может, и нет. Одним ранним утром, выйдя на крыльцо за газетой, я увидел женщину с запекшейся кровяной коркой на нижней половине лица. Она сидела на дороге в четырех домах от моего, пила из банки пиво «Одинокая звезда». Я едва не подошел к ней, чтобы спросить, не нужна ли помощь, хотя знал, что вмешиваться в жизнь обитателей этого рабочего дна чревато. Потом она увидела, что я смотрю на нее, и показала мне средний палец. Я ретировался в дом.

Здесь не приходилось ждать появления «Фургона радушия»*, а женщины по имени Маффи или Баффи не спешили на собрание «Молодой лиги». Чего мне хватало на Мерседес-стрит — так это времени на раздумья. Времени скучать по моим друзьям в Джоди. Скучать по работе, которая отвлекала от мыслей о том, что предстояло сделать, ради чего я и находился здесь. Времени осознать, что учительство — не только способ коротать дни, а любимое дело, занимаясь которым испытываешь чувство глубокого удовлетворения, поскольку действительно приносишь пользу.

Времени хватало и на то, чтобы погоревать о моем прежде шикарном кабриолете. Помимо сломанного радиоприемника и кашляющего двигателя, прогорел ржавый глушитель, а по лобовому стеклу змеилась трещина: в него попал камень из-под заднего колеса самосвала, груженного асфальтом. Я перестал мыть «санлайнер», и теперь — как ни печально — он мало чем отличался от других транспортных развалюх Мерседес-стрит.

Но что самое ужасное, времени хватало, чтобы подумать о Сейди.

Вы разбиваете сердце этой молодой женщины, сказала мне Элли Докерти, однако и мое собственное пребывало не в лучшем

* Американская компания, помогающая новоселам освоиться на новом месте..

состоянии. Идея рассказать все Сейди пришла мне в голову както вечером, когда я лежал без сна, слушая пьяные крики, доносящиеся из соседнего дома: *Ты это сделал, нет, ты это сделал, нет, пошла на...* Я отверг эту идею, но следующим вечером она вернулась с новыми силами. Я видел, как сижу у нее на кухне, пью кофе, яркий предвечерний свет вливается через окно над раковиной. Говорю спокойно. Объясняю, что на самом деле меня зовут Джейкоб Эппинг, мне только предстоит родиться через четырнадцать лет, а пришел я из 2011 года через дыру во времени, которую мой ныне покойный друг Эл Темплтон назвал «кроличьей норой».

И как мне убедить ее, что это правда? Сказав, что один американский перебежчик, изменивший свое отношение к России, в самом скором времени собирается поселиться с русской женой и маленькой дочкой на той улице, где теперь жил я, в доме напротив? Сказав, что «Далласские техасцы» — еще не «Ковбои» и не «Команда Америки» — этой осенью победят «Хьюстонских нефтяников» со счетом 20:17 во втором овертайме? Нелепо. Но что еще я знал о ближайшем будущем? Не так уж много, ведь я не успел изучить это время. Об Освальде информации у меня хватало, но только о нем.

Она бы подумала, что я спятил. Я мог бы пропеть ей с десяток еще не написанных песен, и она все равно бы думала, что я спятил. Могла бы заявить, что я их сам и сочинил... или я не писатель? Но допустим, она бы мне поверила. И я потащил бы ее за собой в акулью пасть? В августе ей возвращаться в Джоди, и это уже нелегко. А если Джон Клейтон — по натуре тот же Фрэнк Даннинг и появится там, разыскивая ее?

— *Ладно, вали отсюда!* — донесся с улицы женский крик, и автомобиль, набирая скорость, понесся к Уинскотт-роуд. Световой клин ворвался в щелку между занавесками и скользнул по потолку.

— *ЧЛЕНОСОС!* — крикнула вслед женщина, на что мужской голос, с чуть большего расстояния, ответил:

— Можете отсосать у меня, леди, если это вас успокоит.

Так жили на Мерседес-стрит летом 1962 года.

Не впутывай ее, шептал голос здравомыслия. *Это слишком опасно. Может, в какой-то момент она вновь войдет в твою жизнь... может, ты вернешься в Джоди... но не сейчас.*

Только в Джоди я никак вернуться не мог. Учитывая те сведения, которые Эллен получила о моем прошлом, на учительстве ставился большой жирный крест. А что еще я собирался там делать? Месить бетон?

Как-то утром я поставил на плиту кофейник и вышел на крыльцо за газетой. Увидел, что оба задних колеса «санлайнера» спущены. Какой-то припозднившийся заскучавший подросток проткнул их ножом. Так жили на Мерседес-стрит летом шестьдесят второго.

6

В четверг, четырнадцатого июня, я надел джинсы, синюю байковую рубашку и старую кожаную жилетку, которые купил в комиссионном магазине на Кэмп-Боуи-роуд, и провел утро, кружа по дому. Телевизора у меня не было, но я слушал радио. Согласно выпускам новостей, ближе к концу месяца Кеннеди собирался в Мексику с официальным визитом. Прогноз погоды обещал ясное небо и не очень высокую температуру. Диджей понес какую-то чушь, а потом запустил «Палисейдс-парк». Крики и скрежет выносили мозг.

Наконец я не выдержал. Знал, что приеду рано, но меня это не волновало. Сел в «санлайнер» — передние колеса остались с белыми боковинами, у задних боковины сменили цвет на черный — и проехал сорок с небольшим миль до аэропорта Лав-Филд в северо-западном Далласе. Не нашел кратковременной и долгосрочной стоянок — такого разделения еще не придумали. Просто брали семьдесят пять центов в сутки. Я нахлобучил на голову старую соломенную шляпу и отшагал примерно полмили до здания аэропорта. Два далласских копа стояли на тротуаре и пили кофе, но в самом здании я не увидел ни рамки металлоискателя, ни сотрудников службы безопасности. И, направляясь на посадку, пассажиры просто показывали билеты стоявшему у двери мужчине, а потом шли по горячему асфальту к самолету, принадлежавшему одной из пяти авиакомпаний: «Американ», «Дельте», «Транс уорлд эйрлайнз», «Фронтьеру» или «Техсас эйруэйз».

Я сверился с доской прилетов и вылетов «Дельты». На ней указывалось, что рейс 194 прибывает по расписанию. Когда я

спросил девушку за стойкой, чтобы рассеять последние сомнения, она улыбнулась и ответила, что самолет только-только вылетел из Атланты.

— Но вы приехали слишком рано.

— Ничего не могу с собой поделать, — ответил я. — Наверное, приеду раньше и на собственные похороны.

Она рассмеялась и пожелала мне хорошего дня. Я купил «Тайм» и пошел в ресторан, где заказал «Девятое облако» — салат от шеф-повара. Мне принесли огромную тарелку, а я слишком нервничал, чтобы ощущать голод — не каждый день встречаешь человека, который собирается изменить историю, — но еда позволила убить время в ожидании самолета, на котором летел Освальд с семьей.

Я сидел в кабинке, откуда открывался отличный вид на общий зал. Он был почти пуст, и мой взгляд зацепился за молодую женщину в строгом темно-синем костюме. Волосы забраны в аккуратный пучок. В каждой руке — по чемодану. К ней подошел негр-носильщик. Она покачала головой, улыбаясь, потом ударилась рукой о боковую стенку киоска «Помощь путешественникам», когда проходила мимо. Выронила один чемодан, поставила на пол второй, потерла локоть. Подняла чемоданы, пошла дальше.

Сейди улетала на шесть недель в Рино.

Удивило ли это меня? Ни в малейшей степени. Опять все сходилось в одной точке. Я уже начал к этому привыкать. Возникло ли у меня неодолимое желание выскочить из ресторана и остановить ее, пока еще не поздно? Разумеется, возникло.

На мгновение это показалось не просто возможным, но и необходимым. Я бы сказал ей, что судьба (а не какая-то гармония путешествий во времени) свела нас вместе в аэропорту. В кино такой сюжетный ход всегда срабатывает, правда? Я бы попросил ее подождать, пока возьму билет до Рино, и пообещал бы объяснить все, как только мы там окажемся. А после шести обязательных недель проживания в Рино мы угостили бы выпивкой судью, который разведет ее, перед тем как поженить нас.

Я уже начал вставать со стула, когда увидел обложку журнала «Тайм», купленного на газетном лотке. С обложки мне улыбалась Жаклин Кеннеди, сияющая, в платье без рукавов с V-образным вырезом. Заголовок гласил: «СУПРУГА ПРЕЗИДЕНТА В ЛЕТ-

НЕМ НАРЯДЕ». И пока я смотрел на фотоснимок, он вдруг начал из цветного превращаться в черно-белый, а счастливая улыбка сменилась пустым взглядом. Теперь Жаклин стояла рядом с Линдоном Джонсоном в самолете «Борт номер один», но уже не в красивом (и чуть сексуальном) летнем платье. Его место занял испачканный кровью шерстяной костюм. Помнится, я читал — не в записях Эла, где-то еще, — что вскоре после того, как мужа миссис Кеннеди официально признали мертвым, супруга Джонсона подошла к ней в больничном коридоре, чтобы обнять, и увидела на этом костюме ошметок мозга убитого президента.

Убитый выстрелом в голову президент. И все ушедшие следом, выстроившиеся ему в затылок колонной, протянувшейся в бесконечность.

Я вновь опустился на стул и наблюдал, как Сейди подходит с чемоданами к стойке «Фронтьер эйрлайнз». Очевидно, с тяжелыми чемоданами, но она несла их, расправив плечи, с прямой спиной, ее низкие каблучки отрывисто щелкали по полу. Сотрудник компании проверил чемоданы, поставил на конвейерную багажную ленту. Они о чем-то поговорили, она передала ему билет, купленный в туристическом агентстве двумя месяцами ранее, сотрудник что-то на нем написал. Она взяла билет и направилась к галерее вылета. Я наклонил голову, чтобы Сейди не заметила меня. Когда поднял, она уже ушла.

7

Спустя сорок долгих минут мимо ресторана прошли мужчина, женщина и двое детей, мальчик и девочка. Мальчик держал отца за руку и что-то ему говорил. Отец — Роберт Освальд — смотрел на него сверху вниз, кивал и улыбался.

Из динамиков громкой связи раздалось:

— Рейс сто девяносто четыре авиакомпании «Дельта» прибывает из муниципального аэропорта Ньюарка с промежуточной посадкой в муниципальном аэропорту Атланты. Пассажиры будут выходить через галерею четыре. Рейс сто девяносто четыре авиакомпании «Дельта» прибывает...

Жена Роберта — Вейда, согласно записям Эла — подхватила маленькую девочку на руки и ускорила шаг. Маргариты я не видел.

Я все жевал салат, не чувствуя вкуса. Сердце гулко билось.

Услышал нарастающий рев двигателей, увидел белый нос ДС-8, когда самолет подкатывал к галерее. Встречающие толпились у двери. Официантка хлопнула меня по плечу, и я чуть не вскрикнул.

— Извините, сэр. — С ну очень сильным техасским выговором. — Просто хотела спросить, не нужно ли вам еще чего.

— Нет, — ответил я. — Все хорошо.

— Ну и славненько.

Первые пассажиры уже миновали дверь. Мужчины в костюмах и с аккуратными прическами. Само собой. Первыми самолет покидали пассажиры первого класса.

— Неужели не закажете кусок персикового пирога? Его только испекли.

— Нет, благодарю.

— Вы уверены, дорогой?

Теперь в здание аэропорта широким потоком вливались пассажиры эконом-класса, все нагруженные чемоданами. Я услышал, как завизжала женщина. Вейда, приветствующая брата мужа?

— Уверен. — И я взял со стола журнал.

Она поняла намек. Я сидел, загоняя остатки салата в оранжевую лужу французского соуса, и наблюдал. Появились мужчина и женщина с малышом, но малыш уже определенно ходил и был гораздо старше Джун. Пассажиры шагали мимо ресторана, оживленно болтая с друзьями и родственниками, которые приехали, чтобы встретить их. Я увидел молодого парня в армейской форме, прихватившего подругу за зад. Она рассмеялась, хлопнула по руке, потом поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать его.

Пять минут или около того приезжие и встречающие заполняли зал аэропорта чуть ли не под завязку. Потом толпа начала редеть. Но Освальды не появлялись. Причина не вызывала сомнений: они не прилетели на этом самолете. Я не просто совершил путешествие во времени. Я очутился в каком-то параллельном мире. Может, Жёлтая Карточка и пытался это предотвратить, но он умер, а я сорвался с крючка.

Нет Освальда? Прекрасно, нет и миссии. Кеннеди умрет в какой-то другой Америке, но не в этой. Я улечу вслед за Сейди, и мы будем жить долго и счастливо.

Едва эта мысль мелькнула в голове, как я впервые увидел человека, ради которого проделал столь долгий путь. Роберт и Ли шли бок о бок и весело беседовали. Ли размахивал то ли большущим портфелем, то ли маленькой наплечной сумкой. Роберт нес розовый чемодан с закругленными углами, который хорошо смотрелся бы в стенном шкафу Барби. Вейда и Марина следовали за ними. Вейда держала матерчатый заплатанный рюкзак, Марина закинула такой же себе на плечо. Она также несла на руках четырехмесячную Джун и с трудом поспевала за мужчинами. Двое детей Роберта и Вейды шагали по обе стороны Марины, с любопытством глядя на нее.

Вейда позвала мужчин, и они остановились перед рестораном. Роберт улыбнулся и взял рюкзак Марины. На лице Ли читалась... радость? Хитрость? Может, и то и другое. Уголки рта чуть изогнулись в улыбке. Я обратил внимание, что его неопределенного цвета волосы аккуратно причесаны. И вообще он выглядел идеальным морпехом — белая наглаженная рубашка, брюки цвета хаки, начищенные туфли. Я никогда бы не сказал, что он только что завершил путешествие, обогнув половину Земли: на одежде ни складочки, на лице ни намека на щетину. Ему недавно исполнилось двадцать два, но выглядел он моложе, совсем как двенадцатиклассник, которому самое место среди тех, кого я знакомил с американской литературой.

Так же выглядела и Марина, которой еще месяц не продали бы в баре спиртное. Усталая, изумленная, она таращилась на все. Красавица, с копной черных волос и печальными синими глазами, уголки которых чуть поднимались.

Ручки и ножки Джун были завернуты в какие-то тряпки. Шея тоже. Над тряпками торчала только голова. Девочка не плакала, но красное и потное личико говорило о дискомфорте. Ли взял у жены младенца. Марина благодарно улыбнулась, и я увидел, что одного зуба у нее нет, а остальные совсем не белые. Контраст с молочно-сливочной кожей и великолепными глазами получался разительный.

Освальд наклонился к ней и что-то сказал, согнав улыбку с лица. Она настороженно посмотрела на него. Он что-то добавил, тыча пальцем ей в плечо. Я вспомнил рассказ Эла и задался вопросом, может, Освальд говорит жене то же самое: *Pokhoda, cyka*. Иди, сука.

Но нет. Его недовольство вызвали тряпки. Он сорвал их, сначала с рук Джун, потом с ног, и бросил Марине, которая неловко поймала обмотки. Потом огляделась, чтобы проверить, не смотрят ли на них.

Вейда подошла и коснулась руки Ли. Он не обратил на нее ни малейшего внимания, разматывая тряпку-шарф на шее Джун. Швырнул тряпку Марине. На этот раз она упала на пол. Марина наклонилась и молча подняла ее.

Роберт присоединился к ним и по-дружески двинул брата кулаком в плечо. Зал практически опустел — последние из прибывших пассажиров миновали Освальдов, и я четко услышал его слова:

— Ты с ней полегче, она же только что приехала. И не понимает, где находится.

— Посмотри на ребенка. — Ли поднял Джун. Тут она наконец-то расплакалась. — Ее завернули, как чертову египетскую мумию. Потому что у них так принято. Я не знаю, смеяться или плакать. *Staryj baba!* Старуха. — Он повернулся к Марине с орущим младенцем на руках. Она опасливо смотрела на него. — *Staryj baba!*

Марина попыталась улыбнуться, как делают люди, когда знают, что над ними смеются, но не понимают почему. У меня в голове мелькнула мысль о Ленни из повести «О мышах и людях». И тут же улыбка, самодовольная и чуть перекошенная, осветила лицо Ли. Сделала его почти красивым. Он нежно поцеловал жену, в одну щеку, потом в другую.

— США! — воскликнул он и поцеловал ее снова. — США, Рина! Земля свободы и обиталище говнюков.

Она ослепительно улыбнулась в ответ. Он начал говорить с ней на русском, протягивая ей малышку. Обнял жену за талию, пока та успокаивала Джун. Когда они уходили, Марина улыбалась и посадила малышку на одну руку, чтобы другой взять за руку мужа.

8

Я поехал домой — хотя едва ли мог назвать Мерседес-стрит домом — и попытался поспать. Ничего не вышло, и я лежал, закинув руки за голову, прислушиваясь к будоражащему шуму улицы и беседуя с Элом Темплтоном. Этим я теперь занимался

частенько, живя в полном одиночестве. Для мертвеца он оказался очень разговорчивым.

«Я поступил глупо, переехав в Форт-Уорт, — поделился я с ним. — Если я попытаюсь подсоединить этого «жучка» к магнитофону, кто-то может увидеть меня. Освальд может увидеть меня, и тогда все изменится. Он уже параноик, ты написал об этом в своей тетрадке. Он знал, что КГБ и МВД следили за ним в Минске, и уже боится, что ФБР и ЦРУ установят за ним слежку здесь. И ФБР установит, на какое-то время».

«Да, тебе надо соблюдать осторожность, — согласился Эл. — Это непросто, но я верю в тебя, дружище. Потому я и обратился к тебе».

«Я не хочу приближаться к нему. Только от одного его вида меня начало трясти».

«Знаю, что не хочешь, но придется. Как человек, который чуть ли не всю жизнь провел у плиты, могу тебе сказать, что невозможно приготовить омлет, не разбив яйца. Переоценивать этого парня — ошибка. Он не суперпреступник. Опять же, его будут отвлекать, прежде всего жуткая мамаша. Что он может, кроме как кричать на свою жену да поколачивать ее?»

«Я думаю, он любит ее, Эл. Хотя бы чуть-чуть, а может, и сильно».

«Да, но именно такие парни обычно и пускают в ход кулаки. Вспомни Фрэнка Даннинга. Просто занимайся своим делом, дружище».

«И что я получу, если мне удастся подсоединить «жучка»? Записи ссор? Ссор *на русском*? Конечно, мне это поможет».

«Подробности семейной жизни этого человека тебе совершенно не важны. Ты должен побольше выяснить о Джордже де Мореншильдте. Должен убедиться, что де Мореншильдт не имеет никакого отношения к покушению на генерала Уокера. Как только ты это выяснишь, окно неопределенности закроется. И обрати внимание на светлую сторону. Если Освальд обнаружит, что ты шпионишь за ним, его последующие действия могут измениться к лучшему. Возможно, он и не будет пытаться убить Кеннеди».

«Ты действительно в это веришь?»

«Нет. Честно говоря, нет».

«Я тоже. Прошлое упрямо. Оно не хочет меняться».

«Дружище, теперь ты готовишь...»

— На газу, — услышал я собственное бормотание. — Теперь я готовлю на газу.

Я открыл глаза. Все-таки заснул. За зашторенными окнами догорал дневной свет. Где-то неподалеку, на Дэвенпорт-стрит в Форт-Уорте, братья Освальды и их жены садились обедать: Ли ждала первая после долгого перерыва трапеза на родной земле.

Рядом с моим маленьким кусочком Форт-Уорта кто-то пел. Слова показались мне знакомыми. Я поднялся, пересек сумрачную гостиную, обстановку которой составляли два купленных на распродаже кресла, отдернул на дюйм одну из штор. Эти шторы стали моим первым приобретением. Я хотел видеть, но не хотел, чтобы видели меня.

Дом 2703 по-прежнему пустовал, к перилам расшатанного крыльца крепилась табличка «СДАЕТСЯ», однако лужайка перед ним оказалась занята. Две девочки крутили скакалку, третья прыгала. Разумеется, не те девочки, которых я видел на Коссат-стрит в Дерри (эти, одетые в залатанные и вылинявшие джинсы вместо новеньких шорт, выглядели мелкими и недоедающими), но слова не изменились, только добавился техасский выговор.

— Чарли Чаплин во Франции щас! Смотрите, как дамы танцуют у нас! Салют капитану! Салют королю! И всех вас, конечно, я тоже люблю!

Прыгавшая девочка зацепилась ногой за веревку и повалилась на росичку, которой заросла лужайка перед домом 2703. Две другие присоединились к ней, и все трое принялись кататься в пыли. Потом поднялись и убежали.

Я провожал их взглядом, думая: *Я их видел; а они меня — нет. Это уже кое-что. Старт дан. Но, Эл, где будет мой финиш?*

Де Мореншильдт занимал ключевую позицию в сложившемся раскладе, и если бы не он, я убил бы Освальда, как только он въедет в дом напротив. Джордж де Мореншильдт, геолог, специалист по нефтяным месторождениям, который спекулировал лицензиями на аренду нефтеносных участков. Жил как плейбой главным образом благодаря деньгам жены. Как и Марина, эмигрировал из России, но в отличие от нее происходил из дворянской семьи, собственно, носил титул барона. Именно этот человек станет единственным другом Ли Освальда на те немногие месяцы, что оставались последнему. Именно этот человек поде-

лится с Освальдом мыслью о том, что мир станет гораздо лучше, если его покинет некий отставной генерал, расист, придерживавшийся крайне правых взглядов. Если бы выяснилось, что де Мореншильдт принимал участие в покушении Ли Освальда на Эдвина Уокера, выполнение моей миссии серьезно бы усложнилось: все эти безумные теории заговора стали бы реальностью. Эл, однако, верил, что русский геолог лишь подтолкнул (точнее, еще подтолкнет, жизнь в прошлом так запутывает) психически неуравновешенного человека, уже одержимого стремлением прославиться.

Эл написал в своей тетрадке: *Если в ночь на 10 апреля 1963 г. Освальд действовал в одиночку, вероятность того, что в покушении на Кеннеди семью месяцами позже участвовал еще один стрелок, уменьшается практически до нуля.*

А ниже, большими буквами, он добавил окончательный вердикт: *«СТАНОВИТСЯ ДОСТАТОЧНО МИЗЕРНОЙ, ЧТОБЫ УБРАТЬ ЭТОГО СУКИНА СЫНА»*.

9

Насмотревшись на маленьких девочек, которые не видели меня, я подумал о триллере «Окно во двор» с Джимми Стюартом. Человек может увидеть многое, не покидая собственной гостиной. Особенно если у него есть специальное оборудование.

На следующий день я поехал в магазин спортивных товаров и купил бинокль «Бауш энд Ломб», памятуя о том, что меня могли выдать солнечные блики. Но поскольку дом 2703 находился на восточной стороне Мерседес-стрит, я подумал, что после полудня могу по этому поводу не беспокоиться. Сквозь щелку в шторах я навел бинокль и теперь видел обшарпанную гостиную-кухню так четко, будто стоял посреди нее.

Пизанская лампа по-прежнему находилась на старом комоде с кухонной утварью и ждала, пока кто-нибудь включит ее, активировав при этом подслушивающее устройство. Но мне это устройство не могло принести никакой пользы без подключенного к нему маленького японского кассетного магнитофона, рассчитанного на двенадцать часов записи при минимальной скорости движения пленки. Я его уже опробовал, говоря во вто-

рую настольную лампу, снабженную «жучком» (и чувствуя себя персонажем комедии Вуди Аллена), и хотя запись оставляла желать лучшего, разобрать слова не составляло труда. То есть я мог получить интересующую меня информацию.

Если бы решился подключить магнитофон.

10

Четвертого июля на Мерседес-стрит жизнь кипела. Мужчины в этот выходной день поливали лужайки, на которых уже ничего не могло вырасти — погода стояла жаркая и сухая, а полуденные и вечерние дожди шли крайне редко, — а потом усаживались в шезлонги, слушали репортажи с бейсбольных матчей и пили пиво. Междулетки бросались фейерверками в бродячих собак и редких куриц. В одну из последних попала «вишневая бомба» и взорвалась в облаке крови и перьев. Мальчишку, который бросил «бомбу», тут же с криками загнала в дом мамаша, выскочившая за ним в одной комбинации и бейсболке «Фармолл». Судя по нетвердой походке, она уже успела уговорить несколько банок пива. Полюбоваться неким подобием фейерверка обитатели Мерседес-стрит смогли уже после десяти вечера, когда кто-то, возможно, тот самый подросток, который порезал колеса моего «санлайнера», поджег старый «студебекер», уже с неделю как торчавший на автостоянке у склада «Монтгомери уорд». Чтобы его потушить, приехали пожарные Форт-Уорта, и все, конечно же, пришли поглазеть.

Боже, храни Колумбию*!

Следующим утром я пошел на автостоянку, чтобы осмотреть сгоревший остов, печально стоявший на обуглившихся остатках покрышек. Заметил телефонную будку рядом с одной из погрузочных площадок склада и импульсивно позвонил Элли Докерти, попросив телефонистку найти номер и соединить меня. Отчасти потому, что мучился от одиночества и тоски по Джоди, но вообще хотел узнать новости о Сейди.

Элли ответила со второго гудка и вроде бы обрадовалась, услышав мой голос. Раскаленная будка напоминала духовку, за моей спиной после славного Четвертого отсыпалась Мерседес-стрит, в нос била вонь сгоревшего автомобиля, но я улыбался.

* Поэтическое название Соединенных Штатов.

— У Сейди все хорошо. Я получила от нее две открытки и письмо. Она работает в «Харрасе» официанткой. — Элли понизила голос: — Как я понимаю, разносит коктейли, но от меня школьный совет этого не узнает.

Я представил себе длинные ноги Сейди в короткой юбке официантки. Представил бизнесменов, пытающихся увидеть край чулка и заглядывающих в декольте, когда она наклонялась, чтобы поставить напитки на столик.

— Она спрашивала о вас, — добавила Элли, и я вновь улыбнулся. — Я не хотела говорить, что вы отбыли на край земли, как, возможно, думает весь Джоди, поэтому сказала, что вы работаете над книгой и заметно продвинулись вперед.

За последний месяц, а то и больше, я не добавил в «Место убийства» ни слова, а те два раза, когда брал рукопись в руки и пытался прочитать, у меня возникало ощущение, что она написана на карфагенском третьего столетия до нашей эры.

— Я рад, что у нее все хорошо.

— К концу месяца Сейди пробудет в Рино положенные шесть недель, но она решила остаться там на весь летний отпуск. Говорит, что чаевые очень хорошие.

— Вы попросили у нее фотографию мужа, который скоро станет бывшим?

— Перед отъездом. Она сказала, что у нее нет ни одной. У родителей, по ее мнению, есть несколько, но она отказалась писать им об этом. Они не смирились с тем, что у молодых все кончено, а подобное письмо могло возродить ложные надежды. Она также уверена, что вы перегибаете палку. «*Чрезмерно* перегибает палку» — так она сказала.

Моя Сейди вполне могла так сказать. Только уже не моя. Теперь она стала *эй, официантка, принесите нам еще по стаканчику... и на этот раз наклонитесь чуть ниже*. У любого мужчины есть ревнивая струнка, и моя резко зазвенела утром пятого июля.

— Джордж? Я уверена, вы ей по-прежнему небезразличны, и, возможно, еще не поздно все уладить.

Я подумал о Ли Освальде, который только через девять месяцев попытается убить генерала Эдвина Уокера.

— Еще слишком рано.

— Простите?

— Не важно. Приятно поговорить с вами, миз Элли, но очень скоро телефонистка попросит добавить денег, а у меня закончились четвертаки.

— А не могли бы вы приехать к нам на бургер и молочный коктейль? В закусочную? Если сможете, я приглашу Дека Симмонса составить нам компанию. Он почти каждый день спрашивает о вас.

В это утро подбодрить меня могла только мысль о поездке в Джоди и встрече с друзьями из средней школы.

— С удовольствием. Сегодняшний вечер подойдет? Скажем, в пять часов?

— Отлично. Мы, сельские мышки, ужинаем рано.

— Отлично. Я приеду. Буду счастлив.

— Я тоже.

11

Эл Стивенс нанял девушку, которую я учил деловому английскому, и она просияла, увидев, что я сижу вместе с Элли и Деком. Меня это тронуло.

— Мистер Амберсон! Как приятно вас видеть! Как поживаете?

— Все отлично, Дорри.

— Что ж, заказывайте побольше. Вы похудели.

— Это правда, — кивнула Элли. — Вам не хватает заботливой руки.

Мексиканский загар Дека сошел — выйдя на пенсию, он большую часть времени проводил под крышей и определенно подобрал тот вес, который я потерял. Дек крепко пожал мне руку и сказал, что очень рад меня видеть. Никакой фальши в его поведении я не уловил. Как и в поведении Элли Докерти, если на то пошло. И я уже начал склоняться к мысли, что повел себя как безумец, променяв Джоди на Мерседес-стрит, где праздновали Четвертое июля, взрывая куриц. Оставалось только надеяться, что спасение жизни Кеннеди того стоило.

Мы съели гамбургеры, картофель фри, яблочный пирог с шариком мороженого. Поговорили о том, кто чем занимается, посмеялись над Дэнни Лаверти, который наконец-то взялся за

давно обещанную книгу. Элли сообщила, со слов жены Лаверти, что первая глава называлась «Я вступил в бой».

Когда ужин подходил к концу, а Дек набивал трубку «Принцем Альбертом», Элли достала из-под стола сумку, вытащила из нее книгу и протянула мне поверх грязных тарелок.

— Страница восемьдесят девять. Только держите ее подальше от той лужи кетчупа. Мне ее одолжили, и я хочу вернуть ее в том же состоянии, в каком брала.

Ежегодник назывался «Тигровые хвосты», и издавала его школа, располагавшая куда более солидными средствами, чем ДОСШ. Переплет кожаный, не матерчатый, бумага плотная и глянцевая, раздел объявлений на добрых сто страниц. Учебное заведение, повседневная жизнь которого описывалась — точнее, восхвалялась — в книге, называлось Лонгакрская дневная школа и находилось в Саванне. Я пролистывал страницы, видя исключительно ванильную кожу, и думал, что черное лицо появится в таком ежегоднике где-нибудь к 1990 году. Если вообще появится.

— Господи, — выдохнул я. — Сейди, должно быть, сильно потеряла в заработке, перебравшись в Джоди.

— Я уверен, ей очень хотелось уехать, — ровным голосом ответил Дек. — И не сомневаюсь, что на то были причины.

Я открыл страницу восемьдесят девять с заголовком «ЛОНГАКРСКАЯ КАФЕДРА ФИЗИКИ». На шутливой групповой фотографии четверо учителей в белых халатах держали в руках лабораторные стаканы, в которых пузырилась какая-то жидкость — привет доктору Джекиллу, — а ниже размещались четыре фотопортрета. Джон Клейтон внешне разительно отличался от Ли Освальда, но его приятное глазу лицо легко забывалось, а уголки рта чуть кривились в намеке на улыбку. И что читалось в этом намеке — призрак веселья или едва скрываемое презрение? Черт, а может, этот обсессивно-компульсивный ублюдок и не мог сподобиться ни на что другое, когда фотограф говорил ему: «Чи-и-из»? Что его отличало, так это височные впадины, на пару с ямочками в уголках рта. Светлые глаза на черно-белом снимке подсказывали, что в реальной жизни они голубые или серые.

Я повернул раскрытую книгу к моим друзьям.

— Видите эти впадины на голове? Это от природы, как крючковатый нос и ямочка на подбородке?

Они хором ответили:

— Нет.

Получилось смешно.

— Это следы щипцов, — пояснил Дек. — Какому-то врачу надоело ждать, и он вытащил младенца из мамы. Вмятины обычно проходят, но не всегда. Если бы волосы в области висков не поредели, мы бы их и не увидели, верно?

— И он здесь не появлялся, не спрашивал о Сейди? — спросил я.

— Нет, — вновь повторили они в унисон. Эллен добавила:

— Никто ею не интересовался. За исключением вас, Джордж. Вы чертов дурак. — Она улыбнулась, как бы говоря, что это шутка, но с долей правды.

Я посмотрел на часы:

— Совсем я вас задержал. Мне пора в обратный путь.

— Хотите прогуляться к футбольному полю перед отъездом? — спросил Дек. — Тренер Борман просил вас привести, если будет такая возможность. Они уже, разумеется, тренируются.

— Вечером, во всяком случае, прохладнее. — Элли поднялась. — Возблагодарим Бога за маленькие радости. Дек, помнишь, как три года назад у Хастинга случился тепловой удар? И как они сначала решили, что это сердечный приступ?

— Не могу представить, с чего ему захотелось повидаться со мной, — пожал я плечами. — Я перетащил его лучшего защитника на темную сторону Вселенной. — И, понизив голос, прошептал: — *В актерское мастерство!*

Дек улыбнулся.

— Да, но вы спасли другого лучшего игрока от возможного исключения из Бамы. Так, во всяком случае, думает Борман. Потому что, сын мой, таково мнение Ладью, которым тот поделился с любимым тренером.

Поначалу я никак не мог взять в толк, о чем речь, потом вспомнил «танцы Сейди Хокинс» и заулыбался.

— Я всего лишь застукал их распивающими бутылку горячительного. Выбросил ее за забор.

Дек перестал улыбаться.

— Одним из них был Винс Ноулс. Вы знали, что он выпил, перед тем как в последний раз сесть за руль?

— Нет. — Но меня это не удивило. Автомобиль и спиртное — популярный, а иногда смертельный коктейль для старшеклассников.

— Да, сэр. Так вот, сказанное вами на танцах и случившееся с Винсом привело к тому, что Ладью поклялся не прикасаться к спиртному.

— И что вы им сказали? — спросила Элли. Она уже доставала из сумочки кошелек, а я с головой ушел в воспоминания и не стал спорить насчет счета. *Не поганьте свое будущее* — вот что я им сказал. И Джим Ладью с его небрежной «я держу этот мир на поводке» улыбкой принял мои слова близко к сердцу. Мы не знаем, на кого, когда и почему можем повлиять. Во всяком случае, до тех пор, пока будущее не пожрет настоящее. Узнаем, когда уже слишком поздно.

— Я не помню.

Элли пошла к Элу, чтобы заплатить по счету.

Я повернулся к Деку.

— Скажите миз Докерти, чтобы она остерегалась этого мужчины с фотографии. Дек, вы тоже остерегайтесь. Он, вероятно, и не появится, я уже начинаю думать, что ошибся, но как знать. И он, возможно, не в себе.

Дек пообещал.

12

В последний момент я едва не отказался от прогулки к футбольному полю. Джоди выглядел удивительно красивым в косых лучах скатывающегося к горизонту солнца, и в душе я хотел немедленно свалить в Форт-Уорт, пока еще мог заставить себя туда ехать. Я до сих пор задаюсь вопросом, что изменилось бы, поедь я сразу после ужина? Может, ничего. Может, очень многое.

Тренер разыгрывал последние комбинации с несколькими футболистами, тогда как остальные сидели на скамье, сняв шлемы, по их лицам текли струйки пота.

— *Красный два, красный два!* — прокричал тренер. Увидел меня с Деком и поднял руку с растопыренными пальцами: *пять минут*. Потом повернулся к остававшимся на поле усталым игрокам. — *Еще разок. Давайте посмотрим, сумеете ли вы совершить смелый прорыв от полного говна к просто говну, а?*

Я посмотрел на другую сторону поля и увидел парня в таком ярком пиджаке спортивного покроя, что хотелось сощуриться. Он ходил взад-вперед вдоль боковой линии с наушниками на голове и какой-то штуковиной в руках, напоминавшей миску для салата. Его очки показались мне знакомыми. Поначалу я не мог сложить два и два, но потом получилось: он выглядел как Молчаливый Майк Макикерн. Мой личный мистер Чародей.

— Кто это? — спросил я Дека.

Дек прищурился.

— Будь я проклят, если знаю.

Тренер хлопнул в ладоши и велел парням отправляться в душевую. Подошел к нам и стукнул меня по спине.

— Как поживаете, Шекспир?

— Неплохо, — бодро ответил я.

— «Шекспир, пошел в сортир» — так у нас говорили в детстве. — И тренер добродушно захохотал.

— А у нас говорили: «Треник, треник, слопай веник».

На лице тренера Бормана отразилось изумление.

— Правда?

— Нет, шучу. — Я уже жалел, что не поддался первому порыву и не уехал из Джоди сразу после ужина. — Как в этом году команда?

— Ребята хорошие, тренируются с душой, но без Джимми уже не то. Вы видели наш новый рекламный щит, там, где сто девятое отходит от автострады *семдсят семь*?

— Наверное, так к нему привык, что не обратил внимания.

— Что ж, взгляните на него на обратном пути, дружище. Очень хорошо смотрится. Мама Джимми растрогалась чуть ли не до слез, когда увидела. Как я понимаю, вам мы обязаны тем, что этот молодой человек поклялся не прикасаться к спиртному. — Он снял бейсболку с большой буквой «Т», рукой стер со лба пот, вернул бейсболку на место, тяжело вздохнул. — Наверное, благодарить нужно еще и этого гребаного тупицу Винса Ноулса, но за него я могу только помолиться.

Я вспомнил, что тренер — из консервативных баптистов. Помимо молитв, он, наверное, верил во всю эту историю о сыновьях Ноевых.

— Благодарить меня не за что, — ответил я. — Я просто делал свою работу.

Он пристально посмотрел на меня.

— Вам следовало бы и дальше делать ее, а не гонять шкурку над какой-то книжкой. Извините, если слишком грубо, но таково мое мнение.

— Все нормально. — И я говорил правду. Он нравился мне тем, что так сказал. В другом мире я бы с ним согласился. Я показал на противоположную сторону поля, где Молчаливый Майк укладывал миску для салата в металлический ящик. Наушники уже висели на шее. — Кто это, тренер?

Тренер фыркнул.

— Кажется, его зовут Хейл Дафф. Или Кейл. Новый спортивный репортер «Большой дамы». — Он говорил о Кей-ди-эй-эм, единственной радиостанции округа Денхолм, со слабеньким передатчиком, которая утром передавала прогноз погоды и новости для фермеров, после полудня — музыку кантри. А после окончания школьных занятий — рок. Паузы между песнями нравились детям никак не меньше музыки: сначала что-то взрывалось, а потом сиплый старческий голос произносил: «КЕЙ-ДАМ! Большой БАМ!» В Стране прошлого это считалось вершиной скользкого юмора.

— Что это у него за устройство, тренер? — спросил Дек. — Вы знаете?

— Знаю, будьте уверены, — ответил тренер, — и если он думает, что я разрешу пользоваться им во время репортажа с матча, то он упал с дуба. Как будто я хочу, чтобы все, у кого есть радио, слышали, как я обзываю своих парней, если они не могут остановить атаку на тридцатиярдовой линии.

Я повернулся к нему, очень медленно.

— Что вы такое говорите?

— Я ему не поверил, поэтому опробовал сам, — ответил тренер, а потом продолжил с нарастающим негодованием: — Услышал, как Буф Редфорд говорил одному из новичков, что яйца у меня больше, чем мозги.

— Неужели? — Мое сердце ускорило бег.

— Этот Даффер утверждает, что собрал эту штуковину в гараже, — пробурчал тренер. — А если включить ее на полную мощность, можно услышать, как пернул кот в соседнем квартале. Чушь, разумеется, но Редфорд находился на другой половине поля, когда я услышал, как он острит.

Парень в спортивном пиджаке, который выглядел года на двадцать четыре, поднял металлический ящик и помахал нам свободной рукой. Тренер ответил тем же, бормоча:

— Я пущу его на поле в тот самый игровой день, когда на бампере моего гребаного «доджа» появится наклейка «Голосуй за Кеннеди».

13

Уже практически стемнело, когда я добрался до пересечения автострады 77 и шоссе 109, но на востоке поднялась раздутая оранжевая луна, и ее света вполне хватало, чтобы разглядеть рекламный щит. С него улыбался Джим Ладью, держа футбольный шлем в одной руке, а мяч — в другой, прядь черных волос падала на лоб. Над портретом тянулась надпись украшенными звездами буквами: «ПОЗДРАВЛЯЕМ ДЖИМА ЛАДЬЮ, ЛУЧШЕГО КУОТЕРБЕКА ШТАТА 1960/1961! УДАЧИ В АЛАБАМЕ! МЫ НИКОГДА НЕ ЗАБУДЕМ ТЕБЯ».

А под портретом кричали красные буквы:

«ДЖИМЛА!»

14

Двумя днями позже я зашел в «Сателлитную электронику». Подождал, пока владелец продаст транзисторный приемник размером с айпод жующему жвачку парнишке. Когда он вышел за дверь, уже вставив в ухо наушник, Молчаливый Майк повернулся ко мне.

— Кого я вижу! Мой давний друг Доу! Чем я могу помочь вам сегодня? — Его голос упал до заговорщического шепота: — Опять нужны лампы с «жучками»?

— Не сегодня, — ответил я. — Скажите, вы когда-нибудь слышали об устройстве, которое называется дистанционный микрофон?

Его губы разошлись в улыбке.

— Друг мой, вы опять обратились по адресу.

Глава 18

1

Я поставил себе телефон и первым делом позвонил Эллен Докерти. Она с радостью сообщила мне адрес Сейди в Рино.

— У меня есть и телефонный номер пансиона, в котором она живет, — добавила она. — Если хотите.

Разумеется, я хотел, но если бы взял, не устоял бы перед искушением и позвонил. А что-то подсказывало мне, что это будет ошибкой.

— Адреса мне хватит.

Письмо Сейди я написал, как только положил трубку, и хотя мне страшно не нравился собственный приподнятый, нарочито непринужденный тон, я не знал, как от него избавиться. Эта чертова швабра по-прежнему лежала между нами. А вдруг она встретила в Рино богатенького папика и забыла обо мне? Разве такое не могло случиться? Она, конечно же, знала, как порадовать его в койке: и обучалась быстро, и проворность проявляла не меньшую, чем на танцполе. Вновь завибрировала струнка ревности, и письмо я закончил быстро, не заботясь о том, что от слов веет мрачностью и безразличием. Главное — уйти от искусственности и сказать что-то честное.

Я скучаю по тебе и чертовски сожалею, что расставание вышло таким. Но я не знаю, как сейчас можно изменить что-то к лучшему. У меня есть работа, и я не смогу завершить ее до следующей весны. Может, и тогда не получится, но я думаю, что все-таки завершу. Надеюсь, что завершу. Пожалуйста, не забывай меня. Я люблю тебя, Сейди.

Подписался Джорджем, тем самым перечеркивая всю честность, на которую сподобился. Ниже добавил: *На случай если ты захочешь позвонить,* и дописал номер моего телефона. Потом пошел к библиотеке Бенбрука и бросил письмо в большой синий почтовый ящик, висевший на фасаде. Ничего другого я пока сделать не мог.

2

С тетрадкой Эла я получил и три снимка, распечатанных с различных сайтов. Один запечатлел Джорджа де Мореншильдта, в строгом сером костюме и с белым платочком, торчащим из нагрудного кармана. Волосы он зачесывал назад, с пробором посередине, по тогдашней менеджерской моде. Улыбка, изгибавшая пухловатые губы, напомнила мне о кроватке медвежонка: не слишком жесткая, не слишком мягкая, как раз в пору. И никаких следов безумия, которое мне вскоре предстояло увидеть, когда он разорвет рубашку на крыльце дома 2703 по Мерседес-стрит. А может, след все-таки был. Что-то в темных глазах. Надменность. Толика «да пошли вы все».

На втором снимке было знаменитое снайперское гнездо, сооруженное из картонных коробок на шестом этаже Техасского хранилища школьных учебников.

С третьего на меня смотрел Освальд, одетый в черное, с купленной по почте винтовкой в одной руке и парой левацких журналов в другой. Над поясом торчала рукоятка револьвера, из которого он застрелит далласского полицейского Дж. Д. Типпита, убегая с места преступления, если только мне не удастся его остановить. Сфотографировала его Марина менее чем за две недели до неудачного покушения на генерала Уокера, во дворе двухквартирного дома 214 по Западной Нили-стрит в Далласе.

Коротая время в ожидании приезда Освальдов в Форт-Уорт на Мерседес-стрит в лачугу напротив, я часто бывал на Западной Нили-стрит. Про Даллас мои ученики 2011 года наверняка сказали бы: «Полный отстой», — но Западная Нили находилась в чуть более приличном районе, чем Мерседес-стрит. Там, естественно, воняло — в 1962 году большая часть центрального Техаса пахла, как нефтеперегонный завод, работающий в нештатном режиме, — но не говном и канализацией. Асфальт на мостовой, пусть и крошащийся, и никаких куриц.

Квартиру на втором этаже занимала молодая пара с тремя детьми. После их отъезда там предстояло поселиться Освальдам. Меня, разумеется, интересовала нижняя квартира, потому что я хотел снять ее к тому времени, когда Ли, Марина и Джун обоснуются наверху.

В июле шестьдесят второго в нижней квартире жили две женщины и мужчина. Женщины были толстые, медлительные, отдаю-

щие предпочтение мятым платьям без рукавов. Одной, прихрамывающей, перевалило за шестьдесят. Возраст второй, по моим прикидкам, приближался к сорока, а может, она только-только разменяла пятый десяток. Лица однозначно указывали, что это мать и дочь. Худющий мужчина с редкими седыми волосами передвигался в инвалидном кресле. На коленях у него лежал мешок с мутной мочой, подсоединенный к толстой катетерной трубке. Он постоянно курил, стряхивая пепел в пепельницу, которая крепилась к одному из подлокотников кресла. В это лето я всегда видел его в одном и том же наряде: красные атласные баскетбольные трусы, обнажающие исхудалые бедра чуть ли не до промежности, майка, почти такая же желтая, как моча в катетерной трубке, кроссовки, обмотанные изолентой, и большая черная ковбойская шляпа с лентой из змеиной кожи. Переднюю сторону шляпы украшали скрещенные кавалерийские сабли. Его жена или дочь выкатывала кресло на лужайку, где старик и сидел, ссутулившись, в тени дерева, неподвижный, как статуя. Проезжая мимо, я начал приветствовать его, вскидывая руку, но он не отвечал, хотя и узнавал мой автомобиль. Может, боялся. Может, думал, что на него обратил внимание Ангел смерти, кружащий по Далласу не на черной лошади, а за рулем стареющего «форда»-кабриолета. Полагаю, в каком-то смысле я им и был.

Создавалось впечатление, что троица здесь уже обжилась. Собирались ли эти люди оставаться здесь и на следующий год, когда мне потребуется их квартира? Я не знал. В записях Эла ничего об этом не говорилось. И пока мне приходилось только наблюдать и ждать.

Я заехал в магазин за новым устройством, которое изготовил Молчаливый Майк. Я ждал, что зазвонит телефон. Трижды он звонил, и всякий раз я с надеждой подскакивал к телефонному аппарату. Но дважды звонила миз Элли, чтобы поболтать. И однажды — Дек, чтобы пригласить меня на обед. Я с благодарностью согласился.

Сейди не позвонила.

3

Третьего августа седан «бел-эйр» 1958 года выпуска свернул на бетонные плиты, заменявшие подъездную дорожку к дому 2703. За ним подъехал сверкающий «крайслер». Из «бел-эйра»

вылезли братья Освальды, встали бок о бок, не произнося ни слова.

Я просунул руку между шторами, чтобы сдвинуть вверх раму фасадного окна, впустив в дом уличный шум и неприятный горячий влажный воздух. Потом побежал в спальню и принес мое новое подслушивающее устройство, хранившееся под кроватью. Молчаливый Майк прорезал дыру в дне пластиковой миски и липкой лентой закрепил в ней дистанционный микрофон — по его заверениям, лучший из имеющихся, — который торчал, как палец. Я подсоединил проводки микрофона к разъемам на обратной стороне магнитофона. Было на магнитофоне и гнездо для наушников, которыми меня снабдил мой электронный друг, тоже лучшими из того, что могла предложить промышленность.

Я выглянул в щелочку и увидел, что Освальды разговаривают с парнем из «крайслера». В стетсоне, ковбойском платке и богато расшитых сапогах. Одевался он получше, чем хозяин моего дома, но принадлежал к той же породе. Я мог и не слышать разговор — жестов мужчины вполне хватало. *Я знаю, что дом не очень, но ведь и у вас с деньгами не густо. Так ведь?* Наверное, эти слова не могли понравиться такому известному путешественнику, как Ли, твердо уверенному в том, что его ждет слава, пусть и без богатства.

Розетка находилась у плинтуса. Я вставил в нее штепсель магнитофона, надеясь, что меня не ударит током и не расплавится предохранитель. На магнитофоне загорелась маленькая красная лампочка. Я надвинул наушники и сунул пластиковую миску в щель между портьерами. Если бы мужчины посмотрели в мою сторону, им пришлось бы щуриться против солнца, и, спасибо тени, отбрасываемой карнизом над окном, они или ничего не увидели бы, или заметили бы что-то белое и неопределенное. Я напомнил себе, что надо тем не менее обклеить миску черной клейкой лентой. Береженого Бог бережет.

В любом случае я ничего не услышал.

Уличный шум тоже затих.

Да, отлично, подумал я. *Просто изумительно. Премного тебе благодарен, Молчаливый Май...*

Тут я заметил, что звук на нуле. Повернул регулятор на максимум, и меня оглушили мужские голоса. Выругавшись, я сорвал наушники, убавил громкость наполовину, вновь надел наушники. Результат превзошел ожидания. Я получил бинокль для ушей.

— Мне представляется, шестьдесят в месяц — многовато, — услышал я Ли Освальда (и мысленно согласился с ним, поскольку Темплтоны платили на десять долларов меньше). Звучал голос уважительно, южный выговор в нем едва улавливался. — Если мы сможем договориться на пятьдесят пять...

— Я уважаю людей, которые хотят торговаться, но даже не пытайтесь, — ответил Расшитые Сапоги. Он покачивался взад-вперед на каблуках, как человек, который куда-то спешит. — Я хочу получить столько, сколько считаю нужным. Не от вас, так от кого-нибудь еще.

Ли и Роберт переглянулись.

— Так давайте зайдем и посмотрим, что тут у нас, — предложил Ли.

— Это хороший дом на семейной улице, — продолжил Расшитые Сапоги. — Только поосторожней с первой сверху ступенькой на крыльце. Она требует небольшого ремонта. У меня много таких домов, и люди не всегда их берегут. Как те, кто жил здесь последними.

Закрой рот, говнюк, подумал я. *Ты говоришь о семье Айви.*

Они вошли в дом. Голоса пропали, потом появились вновь — тихие, — когда Расшитые Сапоги подошел к окну гостиной. Айви говорила, что именно через него соседи напротив могли видеть все, что происходит внутри, и я готов был подтвердить ее правоту.

Ли поинтересовался, что его потенциальный арендодатель собирается сделать с дырами в стенах. В вопросе не слышалось ни негодования, ни сарказма, хотя слово «сэр» звучало в каждом предложении. Этому уважительному, но бесстрастному тону он, вероятно, выучился в морской пехоте. *Ничем не примечательный* — такое определение, пожалуй, лучше всего характеризовало его. С такими лицом и голосом он без труда мог просочиться в любую щель. Так, во всяком случае, он вел себя на людях. Только Марина видела другое его лицо и слышала другой голос.

Расшитые Сапоги дал ему какие-то неопределенные обещания, но абсолютно точно гарантировал новый матрас на кровать в большой спальне, потому что прежние жильцы «уехали и сперли» матрас, который лежал там раньше. Он повторил, что желающие на дом, если Ли от него откажется, найдутся (как будто дом не пустовал весь этот год), потом пригласил братьев взглянуть на

спальни. Я задался вопросом, понравились ли им художества Розетты.

Голоса на какое-то время пропали и появились вновь, когда они осматривали кухню. Я порадовался, что они прошли мимо Пизанской лампы, не удостоив ее и взглядом.

— ...подвал? — спросил Роберт.

— Подвала нет! — ответил Расшитые Сапоги и просиял, словно отсутствие подвала относилось к достоинствам. Вероятно, он действительно так думал. — В таком месте в подвалах накапливается вода. От них только сырость! — Голоса снова исчезли, потому что он открыл дверь черного хода, чтобы показать им двор. Если точнее, пустырь.

Пять минут спустя они вернулись на переднее крыльцо. На этот раз Роберт, старший брат, попытался сбить цену. Преуспел не больше младшего.

— Дадите нам минутку? — спросил Роберт.

Расшитые Сапоги демонстративно взглянул на массивные хромированные наручные часы, чтобы понять, есть ли у него запрашиваемая минута.

— У меня встреча на Церковной улице, так что вам надо побыстрее определяться.

Роберт и Ли отошли к заднему бамперу «бел-эйра» Роберта, и хотя они понизили голоса до шепота, чтобы Расшитые Сапоги их не слышал, я, чуть повернув микрофон, разобрал едва ли не все. Роберт предлагал осмотреть и другие дома. Ли ответил, что этот ему вполне подходит. Для начала очень хорошо.

— Ли, это дыра, — убеждал его Роберт. — Все равно что выбросить... — Вероятно, *деньги*.

Ответа Ли я не расслышал. Роберт вздохнул и поднял руки, сдаваясь. Они вернулись к Расшитым Сапогам, который коротко пожал Ли руку и поздравил с мудрым выбором. Потом начал зачитывать заповеди арендодателя: первый месяц, последний месяц, залог на возмещение ущерба. Тут Роберт вмешался, сказав, что никакого залога не будет, пока не отремонтируют стены и не привезут матрас.

— Новый матрас — само собой, — ответил Расшитые Сапоги. — И я прослежу, чтобы ту ступеньку починили. Ваша жена не подвернет ногу. Но если я отремонтирую стены, мне придется поднять арендную плату на пятерку в месяц.

По записям Эла я знал, что Ли арендует этот дом, но все равно ожидал, что он уйдет, не согласившись на такой грабеж. Вместо этого он вытащил из заднего кармана тощий бумажник и достал жалкую пачку купюр. Большая их часть перекочевала в протянутую руку его нового арендодателя. Роберт тем временем отошел к своему автомобилю, недовольно качая головой. Его взгляд скользнул по моему дому на противоположной стороне улицы, но не задержался ни на секунду. Действительно, чем этот дом мог его заинтересовать?

Расшитые Сапоги вновь пожал руку Ли, запрыгнул в «крайслер» и быстро уехал, оставив за собой облако пыли.

Одна из девочек, которые прыгали через скакалку, подкатила на ржавом самокате.

— Вы въезжаете в дом Розетты, мистер? — спросила она Роберта.

— Нет, он. — Роберт ткнул пальцем в сторону брата.

Она покатила к Ли и спросила человека, который собирался снести правую часть головы Джека Кеннеди, есть ли у него дети.

— У меня маленькая девочка, — ответил Ли и наклонился, упираясь руками в колени, чтобы ей не пришлось сильно задирать голову.

— Она красивая?

— Не такая красивая, как ты, и не такая большая.

— Она может прыгать через скакалку?

— Милая, она еще *да-аже* ходить не может.

— Тем хуже для нее. — И девочка покатила в сторону Уинскотт-роуд.

Оба брата повернулись к дому. Голоса стали глуше, но я прибавил громкость и опять смог разобрать почти все.

— Ты... не дал ей взглянуть на него, — первым заговорил Роберт. — Когда Марина его увидит, то набросится на тебя, как мухи — на свежее собачье дерьмо.

— Я... с Риной, — ответил Ли. — Но, брат, если я... от мамы и из той маленькой квартиры, я могу ее убить.

— Она может быть... но... она любит тебя. — Роберт отвернулся от дома, на несколько шагов приблизился к улице. Ли присоединился к нему, и теперь их голоса слышались отчетливо.

— Я знаю, но она ничего не может с собой поделать. На днях, когда мы с Риной этим занимались, она заорала на нас, не вставая

с раскладушки. Она спит в гостиной, ты знаешь. «Полегче с этим, вы, двое, — кричит она. — Еще слишком рано для второго. Подождите, пока сможете прокормить того, который у вас есть».

— Я знаю. Наезжать она умеет.

— Она продолжает покупать вещи, брат. Говорит, что для Рины, но бросает их мне в лицо. — Ли рассмеялся и направился к «бел-эйру». На этот раз его взгляд прошелся по дому 2706. Мне потребовалась вся сила воли, чтобы застыть за портьерами. И удержать на месте миску с микрофоном.

Роберт присоединился к нему. Они привалились к багажнику, двое мужчин в чистых синих рубашках и рабочих штанах. Ли распустил узел галстука.

— Ты только послушай. Она едет в «Леонард бразерс» и возвращается со всеми этими одежками для Рины. Вытаскивает шорты, длинные, как шаровары, только с узором «индийский огурец». «Посмотри, Рини, какие они красивые», — с сарказмом передразнил он Маргариту.

— И что отвечает Рина? — Роберт уже улыбался.

— Она отвечает: «Да, mamochka, они красивые, но мне не нравятся, мне не нравятся. Я люблю такие». И показывает рукой, какую длину она любит. — Ли положил руку на бедро, дюймов на семь выше колена.

Улыбка Роберта стала шире.

— Готов спорить, мама пришла в восторг.

— Она говорит: «Марина, такие шорты для девушек, которые болтаются на улице, чтобы подцепить себе парня, а не для замужних женщин». Только не говори ей, где мы будем жить, брат. Не говори. Мы же договорились?

Роберт несколько секунд молчал. Возможно, вспоминал тот холодный день в ноябре 1960 года. Когда его мама спешила за ним по Западной Седьмой, крича: *«Остановись*, Роберт, не иди так быстро, я еще с тобой не закончила!» И хотя насчет этого Эл ничего не написал, я сомневался, что она закончила и с Ли. В конце концов, в Ли она души не чаяла. Любимчик семьи. Спал с ней в одной постели, пока ему не исполнилось одиннадцать. И потом она регулярно проверяла, начали ли у него расти волосы на яйцах. Вот это я как раз в записях Эла нашел. А рядом, на полях, он записал два слова, знать которые повару вроде бы не полагалось: «истерическая фиксация».

— Мы договорились, Ли, но город не такой уж большой. Она тебя найдет.

— Я ее вышвырну, если найдет. Будь уверен.

Они сели в «бел-эйр» и уехали. Табличка «СДАЕТСЯ» исчезла с поручня. Новый арендодатель Ли и Марины забрал ее с собой.

Я пошел в магазин хозяйственных товаров, купил рулон черной изоляционной ленты, обклеил ею пластмассовую миску, снаружи и изнутри. В целом, думал я, день прошел хорошо, но я ступил на тонкий лед. И знал об этом.

4

Десятого августа, около пяти пополудни, вновь появился «бел-эйр», на этот раз с небольшим деревянным прицепом. Ли и Роберту потребовалось меньше десяти минут, чтобы занести в новый дом (осторожно переступая через ступеньку крыльца, которую так и не починили) весь небогатый скарб Освальдов. Все это время Марина стояла на лужайке, заросшей росичкой, с Джун на руках, глядя на новый дом с разочарованием, понятным без перевода.

На этот раз пришли все три девочки, которые прыгали через скакалку. Две — пешком, третья — на самокате. Они пожелали взглянуть на малышку, и Марина, улыбаясь, показала им дочку.

— Как ее зовут? — спросила одна из девочек.

— Джун.

Тут они засыпали ее вопросами:

— Сколько ей лет? Она умеет говорить? Почему она не смеется? У нее есть кукла?

Марина покачала головой. Она все еще улыбалась.

— Извините, я не говорить.

Три девочки убежали, крича:

— Я не говорить! Я не говорить!

Одна из куриц, сумевших выжить на Мерседес-стрит, метнулась у них из-под ног, возмущенно закудахтав. Марина смотрела им вслед, улыбка сползала с ее лица.

Ли присоединился к ней на лужайке. Он уже разделся до пояса и обильно потел. Его кожа белизной напоминала рыбье брюхо. Бицепсы не впечатляли. Он обнял Марину за талию, потом наклонился и поцеловал Джун. Я ожидал, что Марина кивнет

на дом и скажет: «Не нравится, я не нравится», — на таком уровне английский она уже освоила, но Марина только передала малышку Ли, поднялась на крыльцо и, покачнувшись на продавленной ступеньке, удержалась на ногах. Я подумал, что Сейди обязательно растянулась бы, а потом дней десять хромала бы с распухшей лодыжкой.

До меня дошло, что Марине хотелось уехать от Маргариты ничуть не меньше, чем Ли.

5

Освальды переехали на Мерседес-стрит в пятницу, а уже в понедельник, через два часа после того, как Ли отправился собирать алюминиевые сетчатые двери, к дому 2703 подкатил «универсал» цвета грязи. Маргарита Освальд выпрыгнула с переднего пассажирского сиденья еще до того, как автомобиль полностью остановился. На этот раз красный платок сменился белым в черный горошек, но белые медсестринские туфли остались прежними, как и написанные на лице недовольство и сварливость. Она их нашла, как и предполагал Роберт.

Гончая небес, подумал я. *Гончая небес.*

Я наблюдал за домом через щелку между шторами, но не видел смысла включать магнитофон. Для этой истории саундтрек не требовался.

Подруга (полная женщина), привезшая Маргариту, с трудом вылезла из-за руля и обмахивалась воротником платья. День с утра выдался жарким, но Маргариту это не волновало. Она погнала подругу к багажнику «универсала». В нем лежал высокий стульчик и пакет с продуктами. Маргарита взяла первый, подруга — второй.

На ржавом самокате подъехала девочка-попрыгунья, но Маргарита шуганула ее. «Катись отсюда, соплячка!» — услышал я, и девочка-попрыгунья укатила, надув губки.

Маргарита прямиком направилась к входной двери. Когда ее взгляд упал на продавленную ступеньку, на крыльцо вышла Марина. В блузке без рукавов и шортах, которые, по мнению Маргариты, не полагалось носить замужней женщине. Я не удивился, что Марине такие нравились. Ноги у нее были потрясающие. На

ее лице отразилась тревога, и мне не требовался самодельный усилитель звука, чтобы понять слова.

— Нет, mamochka... mamochka, нет! Ли говорит нет! Ли говорит нет! Ли говорит... — И Марина затараторила на русском. Только так она могла выразить сказанное мужем.

Маргарита Освальд относилась к тем американцам, которые верили, что иностранец поймет тебя, если ты будешь говорить *медленно...* и *очень ГРОМКО.*

— Да... у... Ли... есть... ГОРДОСТЬ! — проревела она. Поднялась на крыльцо, переступив через продавленную ступеньку, и продолжила прямо в лицо изумленной невестке: — В... этом... нет... ничего... плохого... но... он... не... имеет... права... заставлять... РАСПЛАЧИВАТЬСЯ... за это... мою... ВНУЧКУ!

Ее отличало крепкое сложение. Марина больше походила на тростинку. «Mamochka» пронеслась в дом, более не взглянув на невестку. Последовало мгновение тишины, сменившееся ревом портового грузчика:

— *Где моя маленькая ПРЕЛЕСТЬ?*

Из глубины дома, вероятно, из спальни Розетты, донесся громкий плач Джун.

Женщина, которая привезла Маргариту, неуверенно улыбнулась Марине и прошла в дом с пакетом продуктов.

6

Ли пришел на Мерседес-стрит пешком от автобусной остановки в половине шестого, постукивая по бедру черным контейнером для обеда. Он поднялся на крыльцо и, забыв про продавленную ступеньку, зацепился ногой. Ли, покачнувшись, выронил контейнер, затем наклонился, чтобы поднять его.

Это не улучшит его настроения, подумал я.

Ли вошел. Я наблюдал, как он пересекает гостиную и ставит контейнер на кухонную столешницу. Он повернулся и увидел новый высокий стульчик. Очевидно, знал повадки своей мамаши, поэтому распахнул дверцу ржавого холодильника. Смотрел на полки, когда из спальни малышки вышла Марина с пеленкой на плече, и бинокль позволил мне разглядеть мокрое пятно.

Она заговорила с ним, улыбаясь, и он повернулся к ней. Его светлая кожа быстро краснела, так что хмурое лицо стало пунцо-

вым до самых редеющих волос. Он начал кричать на жену, тыча пальцем в холодильник (дверца оставалась открытой, из холодильника шел пар). Она повернулась, чтобы уйти в спальню дочери. Он схватил Марину за плечо, развернул лицом к себе и начал трясти. Ее голова моталась взад-вперед.

Я не хотел на это смотреть, да и, пожалуй, в этом не было необходимости: зрелище ничего не добавляло к имеющимся у меня сведениям. Он относился к тем мужьям, которые бьют жен, но я знал, что она переживет Ли Освальда, чего не мог сказать о Джоне Ф. Кеннеди... или патрульном Типпите. Поэтому мог бы и не наблюдать. Однако не отводил глаз.

Ссора продолжалась. Марина, несомненно, старалась объяснить, что она не знает, как Маргарита их нашла, и не смогла не впустить «mamochka» в дом. И разумеется, Ли в конце концов ударил ее по лицу, потому что не ударил бы свою маму. Если бы застал ее в доме, то не смог бы поднять на нее руку.

Марина заплакала. Он ее отпустил. Она с жаром заговорила, протягивая к нему руки. Он попытался взяться за одну, но она ударила его другой. Всплеснула руками и вышла через парадную дверь. Ли двинулся за ней, потом передумал. Братья поставили на крыльце два старых раскладных стула. Марина плюхнулась на один. Под левым глазом появилась царапина, щека уже начала распухать. Она смотрела прямо перед собой, через улицу, на мой дом. Я ощутил укол страха, хотя свет в гостиной не горел и я знал, что увидеть меня она не может. Застыл на месте с биноклем у глаз.

Ли сел за кухонный стол, уперся в него локтями, опустил лоб на ладони. Какое-то время посидел, потом что-то услышал, поднялся, пошел в меньшую из спален. Появился с Джун на руках, начал ходить с ней по гостиной, потирая спинку, успокаивая. Марина вошла в дом. Джун увидела ее, потянулась пухлыми ручками. Марина подошла к ним, и Ли отдал ей девочку. Потом, прежде чем она успела отойти, обнял. Она постояла в его объятиях, переложила малышку на одну руку, второй обняла его. Его рот зарылся в ее волосы, и я не сомневался, что знаю, какие он шептал ей слова: «Извини меня», — на русском. Я это точно знал. Он будет извиняться и в следующий раз. И в следующий.

Марина унесла Джун в спальню, где раньше жила Розетта. Ли еще пару секунд постоял на месте, потом направился к холодильнику, что-то достал, начал есть.

7

На следующий день, когда Ли и Марина садились за стол, чтобы поужинать (Джун лежала в гостиной на расстеленном на полу одеяле и вскидывала ножки в воздух), Маргарита появилась на улице, шагая со стороны автобусной остановки на Уинскотт-роуд. В этот вечер она надела голубые брюки, и такой выбор следовало признать неудачным, учитывая внушительные размеры ее зада. Она несла большой матерчатый пакет. Из него выглядывала красная пластмассовая крыша игрушечного домика. Она вновь поднялась на крыльцо, уверенно переступив через продавленную ступеньку, и вошла без стука.

Я боролся с искушением включить микрофон направленного действия — вполне мог обойтись без подробностей и этой сцены — и проиграл. Нет ничего более завораживающего, чем семейная ссора, как, если не ошибаюсь, сказал Лев Толстой. А может, Джонатан Франзен. К тому времени, когда я подключил микрофон и через открытое окно навел на окно гостиной напротив, ссора уже разгорелась.

— ...хотел, чтобы ты знала, где мы, я, черт побери, сам бы тебе сказал!

— Мне сказала Вейда, она хорошая девочка, — безмятежно ответила Маргарита. Ярость Ли она воспринимала как легкий летний дождик. Со скоростью дилера блэкджека она выкладывала на столешницу разномастные тарелки. Марина смотрела на нее с нескрываемым изумлением. Игрушечный домик стоял на полу, рядом с одеялом Джун. Малышка вскидывала в воздух ножки, совершенно его игнорируя. Понятное дело. Что может четырехмесячная кроха делать с игрушечным домиком?

— Мама, ты должна оставить нас в покое! Ты должна перестать что-то нам приносить! Я сам могу позаботиться о своей семье.

Марина добавила свою пару центов:

— Mamochka, Ли говорит нет.

Маргарита весело рассмеялась.

— «Ли говорит нет, Ли говорит нет». Дорогая, Ли *всегда* говорит «нет», этот маленький человечек твердил «нет» всю жизнь, и это ничего не значит. Мама заботится о нем. — И она ущипнула

его за щеку, как шестилетку, который набедокурил. Если бы так поступила Марина, он бы уложил ее на пол ударом кулака.

В какой-то момент на лужайке, которая, конечно, только так называлась, появились девчонки-попрыгуньи. Они наблюдали за ссорой не менее внимательно, чем завсегдатаи «Глобуса» следили бы за перипетиями новейшей пьесы Шекспира. Но в этой пьесе верх намеревалась взять мегера.

— Что она приготовила тебе на обед, дорогой? Что-нибудь вкусное?

— У нас тушеное мясо. *Zharkoye*. Этот парень, Грегори, прислал купоны «Шопрайта». — Его губы какое-то время беззвучно двигались. Маргарита ждала. — Поешь с нами, мама?

— *Zharkoye* вкусное, mamochka. — Марина улыбнулась.

— Нет, ничего такого я есть не могу, — ответила Маргарита.

— Черт, мама, ты даже не знаешь, что это.

Она его словно и не услышала.

— Приведет к расстройству желудка. А кроме того, я хочу успеть на восьмичасовой автобус. После восьми в салоне слишком много пьяных мужчин. Ли, дорогой, тебе нужно починить ту ступеньку на крыльце, прежде чем кто-нибудь сломает ногу.

Он что-то пробормотал, но Маргарита уже потеряла к сыну всякий интерес. Наклонилась, словно ястреб, пикирующий на полевую мышь, и схватила Джун. В бинокль я увидел страх на личике малышки.

— *Как сегодня моя маленькая КРАСОТКА? Как моя НЕНАГЛЯДНАЯ? Как моя маленькая DEVUSHKA?*

Ее маленькая devushka, перепуганная до смерти, заревела в голос.

Ли шагнул к матери, чтобы забрать малышку. Красные губы Маргариты искривились, и только очень милосердный человек сказал бы, что в улыбке. Я бы назвал это оскалом. Должно быть, Ли пришла в голову та же мысль, потому что он отступил. Марина кусала нижнюю губу, ее глаза округлились от ужаса.

— *О-о-о-о, Джуни! Джуни-Муни-Спуни!*

Маргарита закружила по вытертому зеленому ковру, игнорируя отчаянные крики Джун точно так же, как раньше игнорировала злость Ли. Она будто питалась этими криками. Через какое-то время Марина не выдержала. Встала и направилась к Марга-

рите, которая отпрянула от нее, прижимая малышку к груди. С другой стороны улицы я мог представить себе стук ее больших белых медсестринских туфель: *клад-кламп-клад*. Марина ее преследовала. Маргарита, возможно, придя к выводу, что достаточно ясно выразила свою позицию, отдала ребенка. Указала на Ли. Потом заговорила с Мариной громким голосом учителя английского языка.

— Он набрал вес... когда вы жили у меня... потому что я готовила ему... его ЛЮБИМЫЕ блюда... но он все равно СЛИШКОМ... ЧЕРТОВСКИ... ТОЩИЙ!

Марина смотрела на нее поверх головы малышки, ее красивые глаза широко раскрылись. Маргарита закатила свои, то ли от нетерпения, то ли от отвращения, потом шагнула к Марине. Пизанскую лампу уже включили, и блики отражались от линз «кошачьих» очков.

— СЛЕДИ ЗА ТЕМ... ЧТО ОН ЕСТ! НИКАКОЙ... ПРОСТОКВАШИ! НИКАКОГО... ЙОГУРТА! ОН... СЛИШКОМ... ХУДОЙ!

— Худой, — с сомнением повторила Марина. В безопасности маминых рук Джун лишь тихонько всхлипывала, успокаиваясь.

— Да! — ответила Маргарита и повернулась к Ли. — Почини ту ступеньку!

С этим она и ушла, задержавшись лишь на мгновение, чтобы звонко чмокнуть внучку в макушку. Направляясь в сторону автобусной остановки, она улыбалась. И как-то помолодела.

8

Наутро — после того дня, когда Маргарита принесла игрушечный домик, — я поднялся в шесть. Подошел к задернутым шторам и выглянул через щелку между ними, не думая, механически: выработалась привычка следить за домом напротив. Марина сидела на складном стуле, курила. В мешковатой розовой вискозной пижаме. У нее появился новый фингал, а на пижаме кое-где запеклись капли крови. Курила она медленно, глубоко затягиваясь, уставившись в никуда.

Через какое-то время она ушла в дом и приготовила завтрак. Скоро появился Ли и съел его. На Марину он не смотрел. Читал книгу.

9

Этот парень, Грегори, прислал купоны «Шопрайта». Ли сказал об этом матери, возможно, чтобы объяснить, откуда у них мясо. А может, чтобы сообщить ей, что у него и Марины в Форт-Уорте есть друзья. Mamochka пропустила эти слова мимо ушей, а я — нет. Питер Грегори представлял собой первое звено цепи, которая приведет Джорджа де Мореншильдта на Мерседес-стрит.

Как и де Мореншильдт, Грегори эмигрировал из России, а теперь работал в нефтянке. Родом из Сибири, он раз в неделю вел курсы русского языка в библиотеке Форт-Уорта. Ли узнал об этом и встретился с Грегори с тем, чтобы спросить, сможет ли он, Ли, найти работу переводчика. Грегори предложил ему сдать тест и нашел его русский «сносным». Но кто в действительности интересовал Грегори — кто интересовал всех русских эмигрантов, Ли наверняка это чувствовал, — так это бывшая Марина Прусакова, молодая женщина из Минска, которой каким-то образом удалось вырваться из лап русского медведя, чтобы угодить на рога американского козла.

Ли работу не получил, зато Грегори нанял Марину — учить русскому его сына Пола. Освальды отчаянно нуждались в деньгах. Но эта ситуация вызывала у Ли и раздражение. Марина дважды в неделю давала урок богатенькому парню, тогда как он каждый день собирал двери.

В то утро, когда я наблюдал, как Марина курит на крыльце, Пол Грегори, симпатичный молодой человек, подкатил к их дому на новеньком «бьюике». Постучал, и Марина, сильно накрашенная — напомнив мне Бобби Джил, — открыла дверь. Помня то ли о ревности Ли, то ли о правилах приличия, выученных дома, урок она давала ему на крыльце. Полтора часа. Джун лежала между ними на одеяле, а когда плакала, эти двое по очереди брали ее на руки и укачивали. Картина радовала глаз, хотя я сомневаюсь, что мистер Освальд пришел бы к такому же выводу.

Примерно в полдень приехал отец Пола, поставил свой автомобиль в затылок «бьюику». Компанию ему составляли двое мужчин и две женщины. Они привезли продукты. Старший Грегори обнял сына, потом поцеловал Марину в щеку (ту, что не опухла). Говорили они на русском. Младший Грегори стушевался, Марина засияла, как неоновая вывеска. Она пригласила всех

в дом. Скоро они сидели за столом в гостиной, пили ледяной чай и болтали. Руки Марины летали, как переполошенные птицы. Джун передавали от одного к другому, из рук на колени и обратно.

Я не отрывал от них глаз как зачарованный. Эта девушка-женщина стала любимицей русской эмигрантской колонии. А разве могло быть иначе? Молодая, чужая в чужой стране, красивая. Более того, эта красотка вышла замуж за чудовище — неприветливого молодого американца, который бил ее (что плохо) и истово верил в систему, которую эти представители высшей части среднего класса не менее истово отвергали (еще хуже).

Однако Ли принимал привезенные ими продукты, лишь иногда устраивая скандалы, а когда они привозили что-то из мебели — новую кровать, ярко-розовую колыбельку для девочки, — принимал и это. Он надеялся, что русские вытащат его из дыры, в которой он обретался. Но не любил их и к моменту переезда с семьей в Даллас наверняка знал, что чувство это взаимное. «И с чего им меня любить?» — скорее всего думал он. В идеологии он не шел на компромисс. Они же трусы, покинувшие Мать-Россию, когда та стояла на коленях в сорок третьем году, лизавшие сапоги немцам, а после окончания войны сбежавшие в Соединенные Штаты и быстро принявшие американский образ жизни... который Освальд считал завуалированным фашизмом, бряцающим оружием, подавляющим большинство меньшинством, эксплуатирующим рабочих.

Что-то я узнал из записей Эла. Но главное почерпнул, глядя на сцену на другой стороне улицы и слушая важные разговоры через «жучок».

10

Вечером двадцать пятого августа, в субботу, Марина надела красивое синее платье и нарядила Джун в вельветовый комбинезон с вышитыми на груди цветами. Ли, как обычно угрюмый, вышел из спальни в своем единственном костюме. Смешном, из шерстяной материи — сшить такой могли только в России. Вечер выдался жарким, и я не сомневался, что Ли будет обливаться потом до того, как он закончится. Они осторожно спустились по

лестнице (продавленную ступеньку так никто и не починил) и направились к автобусной остановке. Я сел в «санлайнер» и поехал к углу Мерседес-стрит и Уинскотт-роуд. Увидел троицу у столба с белой полосой. Марина и Ли о чем-то спорили. Это уже не удивляло. Подъехал автобус. Освальды поднялись в салон. Я двинулся следом, как за Фрэнком Даннингом в Дерри.

История повторяется — всего лишь иной способ сказать, что прошлое стремится к гармонии с собой.

Из автобуса они вышли в жилом районе в северной части Далласа. Я припарковался и наблюдал, как они шагают к небольшому, но симпатичному тюдоровскому особняку из плитняка и бруса. В конце подъездной дорожки в сгущающихся сумерках мягко светились каретные фонари. На этой лужайке росичка не росла. Все здесь кричало: *Америка дает результат!* Марина с ребенком на руках шла чуть впереди, Ли отставал и выглядел потерянным в своем двубортном костюме, полы пиджака которого болтались почти до колен.

Марина вытолкнула Ли вперед, указала на звонок. Он позвонил. Питер Грегори и его сын Пол появились на пороге, а когда Джун протянула ручонки к Полу, молодой человек рассмеялся и взял ее на руки. Рот Ли дернулся, уголки опустились.

Из двери вышел еще один мужчина. Я его узнал, он приезжал со старшим Грегори в день первого урока Пола и с тех пор побывал в доме Освальда три или четыре раза, привозил продукты, или игрушки для Джун, или и то и другое. Я практически не сомневался, что это Джордж Баух (еще один Джордж, прошлое во всем стремится к гармонии), и хотя до шестидесяти ему оставалось не так много, у меня создалось впечатление, что он влюбился в Марину.

Согласно записям повара блюд быстрого приготовления, который втянул меня в эту историю, именно Баух убедил Питера Грегори устроить вечеринку, где все могли наконец-то познакомиться. Джордж де Мореншильдт на ней не присутствовал, но скоро о ней узнает. Баух расскажет де Мореншильдту об Освальдах и особенностях их семейной жизни. Он также расскажет, как Ли Освальд устроил на вечеринке скандал, восхваляя социализм и русский коллективный труд. *Этот молодой человек показался мне безумцем,* скажет Баух. Де Мореншильдт, с давних лет спе-

циалист по безумцам, решит самолично встретиться с этой странной парой.

Почему Освальд устроил скандал на вечеринке Питера Грегори, оскорбляя желавших ему добра эмигрантов, которые могли бы вывести его в люди? Точно не знаю, но могу выдвинуть достаточно правдоподобную версию. Марина в голубом платье, очаровавшая всех (особенно мужчин). Джун в подаренном комбинезоне с вышитыми на груди цветами, словно сошедшая с картинки в «Вулвортсе». И Ли, потеющий в отвратительном костюме. Быстрый разговор на русском он понимает лучше Пола Грегори, но все равно не поспевает за ним. Его жутко злила необходимость кланяться всем этим людям, пользоваться их гостеприимством. Я надеюсь, что злила. Я надеюсь, что он не находил себе места.

Задерживаться там я не стал. Меня интересовал исключительно де Мореншильдт, следующее звено в цепи. Скоро он появится на сцене. А пока все трое Освальдов покинули дом 2703 и не могли вернуться раньше десяти вечера. Может, задержались бы и подольше, потому что в воскресенье Освальд не работал.

Я поехал обратно, чтобы подключить «жучок» в их гостиной.

11

Мерседес-стрит праздновала субботний вечер на всю катушку, но поле за домом Освальдов оставалось тихим и пустынным. Я думал, что мой ключ откроет дверь черного хода точно так же, как и парадную, однако эту гипотезу проверить не удалось, потому что дверь оказалась не заперта. В период моего проживания в Форт-Уорте я ни разу не воспользовался ключом, купленным у Айви Темплтон. Жизнь полна иронии.

В доме меня встретила идеальная чистота. Высокий стульчик стоял между стульями родителей у маленького стола на кухне, за которым они завтракали, обедали и ужинали. На стульчике — ни крошки, ни пятнышка. То же самое я мог сказать и об ободранной столешнице, и о раковине с заржавевшим кольцом сливного отверстия. Я поспорил с собой, что Марина оставила Розеттиных девочек в свитерах, и пошел в спальню Джун, чтобы проверить. Захватил фонарик размером с авторучку и провел лучом по сте-

нам. Да, девочки остались на прежнем месте, только в темноте они выглядели скорее жутковатыми, чем веселыми. Джун, вероятно, смотрела на них, когда лежала в кроватке и сосала палец. Я задался вопросом, запомнит ли она их, на каком-то уровне подсознания. Этих нарисованных мелком девочек-призраков.

Джимла, подумал я безо всякой на то причины и содрогнулся.

Я отодвинул комод, подсоединил проводки к клеммам штепселя лампы, просунул в ранее просверленную дырку. И все шло хорошо, а потом едва не случилось несчастье. Огромное несчастье. Когда я придвигал комод к стене, он об нее ударился, и Пизанская лампа упала.

Будь у меня время на раздумья, я бы застыл на месте и эта чертова хреновина разбилась бы об пол. И что потом? Вытащить «жучок» и оставить осколки? В надежде, что они решат, что лампа, и прежде неустойчивая, упала сама по себе? Большинство людей такая причина вполне бы устроила, но большинству людей не свойственна параноидальная подозрительность по отношению к ФБР. Ли мог найти просверленную в стене дыру. А если бы нашел, бабочка расправила бы крылья.

Но я не думал, а действовал. Протянул руки и перехватил лампу на пути к полу. Потом какое-то время стоял, держа ее в руках, и трясся. Воздух в маленьком домике прогрелся, как в духовке, и я чувствовал запах собственного пота. А если бы по возвращении *они* тоже его унюхали? Разве могли не унюхать?

Я спросил себя, а не рехнулся ли я? Конечно же, в такой ситуации оптимальный вариант — убрать «жучок»... а потом убраться самому. Освальда я вполне мог найти десятого апреля следующего года, наблюдать за ним, когда он попытается убить генерала Эдвина Уокера, а потом, убедившись, что он действует в одиночку, убить его, как убил Фрэнка Даннинга. Будь проще, как говорили на собраниях АА, которые посещала Кристи. Почему, скажите на милость, я возился с этой гребаной дешевой настольной лампой, если на кону стояло будущее мира?

Мне ответил Эл Темплтон. ***Ты здесь потому, что окно неопределенности все еще открыто. Ты здесь потому, что Освальд, возможно, не одиночка, возможно, у Джорджа де Мореншильдта двойное дно. Ты здесь, чтобы спасти Кеннеди, и спасение его начинается сейчас. Так что поставь эту гребаную лампу на прежнее место.***

Я поставил лампу на прежнее место, хотя ее неустойчивость тревожила меня. А если Ли сам столкнет ее с комода и увидит «жучок», когда керамическое основание разобьется? А если Ли и де Мореншильдт будут общаться в комнате, не зажигая лампу, и такими тихими голосами, что мой дистанционный микрофон ничего не уловит? Тогда получится, что я зря старался.

С таким настроем тебе никогда не приготовить омлет, дружище.

Что меня убедило, так это мысль о Сейди. Я любил ее, и она любила меня — по крайней мере раньше любила, — а я все бросил, чтобы поселиться на этой проклятой улице. И, клянусь Богом, я не собирался уходить, не попытавшись услышать, что скажет Джордж де Мореншильдт.

Я выскользнул через дверь черного хода, зажав фонарик в зубах, подсоединил проводки к магнитофону. Сунул его в ржавую жестянку из-под разрыхлителя теста «Криско», чтобы уберечь от непогоды, и спрятал в кучке кирпичей и досок, которую приготовил заранее.

Потом пошел в свой маленький проклятый дом на этой маленькой проклятой улице и начал ждать.

12

Они никогда не пользовались лампой до наступления полной темноты. Думаю, экономили на электричестве. Кроме того, Ли работал. Ложился спать рано, а она ложилась с ним. Проверив пленку в первый раз, я услышал главным образом разговоры на русском. Более того, невнятном русском, из-за супермедленной скорости записи. Если Марина пыталась переходить на английский, Ли ругал ее. При этом с Джун он иной раз говорил по-английски, если она начинала шуметь, всегда тихим, успокаивающим голосом. Случалось, даже пел малышке. На супермедленной скорости эти песни напоминали колыбельные орков.

Дважды я слышал, как он бьет Марину, и во втором случае запаса русских слов не хватило, чтобы выразить распиравшую его ярость.

— Ты никчемная, ноющая дрянь! Я думаю, может, моя мама и права насчет тебя! — Хлопнула дверь, заплакала Марина. Все звуки оборвались, потому что она выключила лампу.

Вечером четвертого сентября я увидел подростка лет тринадцати, идущего к дому Освальдов с холщовой сумкой на плече. Ли — босой, в футболке и джинсах — открыл дверь. Они поговорили. Ли пригласил подростка в дом. Они снова поговорили. В какой-то момент Ли взял книгу, показал подростку, который с сомнением посмотрел на нее. Я никак не мог воспользоваться направленным микрофоном, потому что похолодало и окна были закрыты. Но Пизанская лампа горела, и следующей ночью, забрав пленку, я заполучил запись любопытного разговора. Когда прослушал его в третий раз, перестал замечать растянутость голосов.

Подросток распространял подписки на газету — а может, журнал — под названием «Грит». Он сообщил Освальдам, что в газете публикуются интересные материалы, мимо которых проходят нью-йоркские издания («новости глубинки»), плюс спорт и советы садоводам. В газете читатель мог прочитать «выдуманные истории» и посмотреть комиксы. «Вам не найти Дикси Дуган* в «Таймс геральд», — заверил он. — Моя мама любит Дикси».

— Что ж, сынок, это хорошо, — кивнул Ли. — Ты у нас, значит, маленький бизнесмен, так?

— Э... да, сэр.

— Скажи мне, сколько ты зарабатываешь?

— Я получаю всего четыре цента с каждого дайма, но дело не в деньгах, сэр. Больше всего мне нравятся призы. Они лучше, чем те, которые можно получить, продавая «Кловерин». Это ж надо! Я смогу выиграть винтовку двадцать второго калибра. Папа говорит, что она будет моей.

— Сынок, ты знаешь, что тебя эксплуатируют?

— Что?

— Они берут даймы себе. Тебе достаются центы и обещание винтовки.

— Ли, он хороший мальчик, — вмешалась Марина. — И ты будь хорошим. Оставь его в покое.

Ли ее проигнорировал.

— Тебе нужно знать, что написано в этой книге, сынок. Можешь прочитать название на обложке?

* Героиня одноименных комиксов, которые печатались в различных газетах в 1929—1966 гг.

— Э... да, сэр. Тут написано «Положение рабочего класса». Фридрик Инг-галс?

— *Энгельс*. Книга о том, что случается с мальчиками вроде тебя, которые думают, что могут стать миллионерами, торгуя всяким хламом от двери к двери.

— Я не хочу становиться миллионером, — возразил паренек. — Я хочу заполучить мелкокалиберную винтовку и отстреливать крыс на свалке, как мой друг Хэнк.

— Ты зарабатываешь центы, продавая их газеты. Они зарабатывают доллары, продавая твой пот и пот миллиона таких же мальчиков. Свободный рынок совсем не свободен. Ты должен повышать свое образование, сынок. Я так делал, и начал примерно в твоем возрасте.

Ли прочитал торговцу подпиской «Грит» десятиминутную лекцию о пороках капитализма, пересыпанную цитатами из Маркса. Паренек терпеливо слушал, наконец спросил:

— Так вы подпишетесь на газету?

— Сынок, ты услышал хоть одно слово из сказанного мной?

— Да, сэр!

— Тогда ты не мог не понять, что эта система обобрала меня точно так же, как обирает тебя и твою семью.

— Так вы на мели? Почему вы сразу не сказали?

— Я пытался объяснить тебе, *почему* я на мели.

— Да, конечно! Я мог бы обойти еще три дома, но теперь мне придется возвращаться домой, потому что уже поздно.

— Удачи тебе! — пожелала ему Марина.

Парадная дверь открылась, заскрипев на ржавых петлях, потом захлопнулась (слишком старая, а потому без громкого стука). Последовала долгая пауза, которую нарушил унылый голос Ли:

— Видишь? Вот что нам противостоит.

Вскоре после этого лампа погасла.

13

Мой новый телефонный аппарат по большей части молчал. Дек позвонил однажды — короткий, дежурный звонок из разряда «как поживаете?» — и все. Я говорил себе, что никаких звонков и не стоит ждать. Начался учебный год, а первые неде-

ли — всегда суета. Деку хватало забот, потому что миз Элли вернула его в школу. Он рассказал мне, поворчав, что позволил включить свою фамилию в список замещающих учителей. Элли не звонила, потому что ей приходилось одновременно делать пять тысяч дел и тушить пятьсот пожаров.

И только после того, как Дек положил трубку, до меня дошло, что он не упомянул Сейди... а через два вечера после лекции Ли юному коммивояжеру я решил, что должен с ней поговорить. Услышать ее голос, даже если она скажет: *Пожалуйста, не звони мне, Джордж, все кончено.*

И когда я протянул руку к телефонному аппарату, он зазвонил. Я снял трубку и сказал, абсолютно уверенный, что ошибки не будет:

— Привет, Сейди. Привет, милая.

14

Последовала пауза, достаточно долгая, и я подумал, что все-таки ошибся и сейчас услышу: «Я не Сейди, я просто неправильно набрал номер». Потом она спросила:

— Как ты узнал, что это я?

Я почти что ответил: *Гармония,* и она могла бы это понять. Но «могла бы» в данной ситуации меня не устраивало. Разговор предстоял важный, и я не хотел напортачить. *Никоим образом* не хотел напортачить. Поэтому в последующем диалоге с моей стороны участвовали двое: Джордж, который говорил вслух, и Джейк, который находился внутри, говоря все то, что не мог сказать Джордж. Возможно, в любом разговоре, когда на кону стоит любовь, с каждой стороны участвуют по двое.

— Потому что я думал о тебе весь день, — ответил я (*Я думал о тебе все лето*).

— Как ты?

— Отлично (*Мне одиноко*). Как ты? Как прошло лето? Ты все сделала (*Законным образом порвала все связи со своим странным мужем*)?

— Да. Решенный вопрос. Так ведь ты частенько говоришь, Джордж? Решенный вопрос?

— Пожалуй. Как школа? Как библиотека?

— Джордж? Мы будем продолжать в том же духе или собираемся поговорить?

— Хорошо. — Я уселся на продавленный, купленный на распродаже диван. — Давай поговорим. Ты в порядке?

— Да, но я несчастна. И растеряна. — Она помялась, потом продолжила: — Летом я работала в «Харрасе». Ты, вероятно, знаешь. Официанткой, разносила коктейли. И кое-кого встретила.

— Да? (*Черт.*)

— Да, очень милого мужчину. Обаятельного. Джентльмена. Чуть моложе сорока. Его зовут Роджер Битон. Он помощник сенатора-республиканца от Калифорнии, Тома Кучела. Заместителя лидера фракции меньшинства в сенате. Я про Кучела — не Роджера. — Она засмеялась, но не так, как смеются над чем-то веселым.

— Я должен радоваться тому, что ты встретила кого-то милого?

— Не знаю, Джордж... Ты рад?

— Нет (*Я хочу его убить*).

— Роджер симпатичный, — говорила она бесстрастным голосом. — Приятный в общении. Учился в Йеле. Он знает, чем занять девушку, чтобы она хорошо провела время. И он высокий.

Тут мое второе «я» более не пожелало молчать.

— Я хочу его убить.

Она рассмеялась, и в этом смехе слышалось облегчение.

— Я говорю это не для того, чтобы причинить тебе боль или испортить настроение.

— Правда? А для чего ты мне это говоришь?

— Мы встречались три или четыре раза. Он меня целовал... Мы немного... обнимались, как дети...

(*Я хочу не просто убить его. Я хочу убить его медленно.*)

— Но это не так, как с тобой. Может, станет со временем. Может, и нет. Он дал мне свой номер в Вашингтоне и попросил позвонить, если я... как он это сказал? «Если устанешь ставить книги на полки и вздыхать по ушедшей любви». Я думаю, смысл такой. Он говорит, что бывает в разных местах и ему нужна хорошая женщина, чтобы сопровождать его. Он думает, что я могла бы стать такой женщиной. Разумеется, мужчины часто это говорят. Я не такая наивная, как прежде. Но иногда они говорят серьезно.

— Сейди...

— Однако все было не так, как с тобой. — Ее голос звучал отстраненно, задумчиво, и впервые у меня возникло подозрение: может, что-то не так в ее жизни помимо личных переживаний, может, она больна? — Если говорить о светлой стороне, то швабра точно не просматривалась. Разумеется, иногда мужчины прячут швабру, верно? Джонни вот прятал. И ты тоже, Джордж.

— Сейди?

— Что?

— *Ты* прячешь швабру?

Последовала пауза. Более продолжительная, чем в самом начале разговора, когда я назвал ее по имени, и более продолжительная, чем я ожидал. Наконец она ответила:

— Я не понимаю, о чем ты.

— Судя по голосу, ты сама не своя, вот и все.

— Я же сказала тебе, что растеряна. И мне грустно. Потому что ты все еще не готов сказать мне правду, верно?

— Сказал бы, если бы мог.

— Хочешь знать кое-что интересное? У тебя в Джоди добрые друзья, и никто из них не знает, где ты живешь.

— Сейди...

— Ты говоришь, что в Далласе, но твоя телефонная станция — Элмхерст, а это в Форт-Уорте.

Я об этом не подумал. И о чем еще я не подумал?

— Сейди, я могу лишь сказать тебе, что делаю очень важное...

— Да-да, я в этом уверена. Как и в том, что сенатор Кучел делает очень важное дело. И Роджер пытался мне это сказать, а также намекал, что я, если присоединюсь к нему в Вашингтоне, буду сидеть... у подножия власти... или у двери в историю... или что-то такое. Власть возбуждает его. Это то немногое, что может в нем не понравиться. Но я думала... и думаю до сих пор... кто я такая, чтобы сидеть у подножия власти? Я всего лишь разведенная библиотекарша.

— И кто я такой, чтобы стоять в дверях истории? — изрек я.

— Что? Что ты сказал, Джордж?

— Ничего, милая.

— Может, тебе лучше не называть меня так.

— Извини (*Мне не за что извиняться*). Так о чем мы говорим?

— Можем ли ты и я воспринимать нас как «мы» или нет? Наверное, все бы упростилось, если бы ты сказал мне, почему ты в Техасе. Потому что я знаю, ты приехал сюда не для того, чтобы писать книгу или учить детей в школе.

— Очень может быть, что рассказать тебе — это значит подвергнуть тебя опасности.

— Мы все в опасности. В этом я согласна с Джонни. Рассказать тебе то, что я узнала от Роджера?

— Давай. (*Где он тебе это рассказал, Сейди? Вы вели этот разговор в вертикальном или горизонтальном положении?*)

— Он пропустил стаканчик-другой и разговорился. Мы были в его номере отеля, но ты не волнуйся. Мои ноги оставались на полу, а одежда — на мне.

— Я и не волнуюсь.

— Если не волнуешься, то ты меня разочаровал.

— Хорошо, я волнуюсь. Так что он тебе рассказал?

— По его словам, ходит слух о важном событии в Карибском море этой осенью или зимой. Подавление очага напряженности. Я предположила, что он имел в виду Кубу. Он сказал: «Этот идиот Джей Эф Кей собирается поставить нас раком, чтобы показать, что у него есть яйца».

Я вспомнил всю ту чушь о конце света, которой потчевал Сейди ее бывший муж. *Любой, кто читает газеты, знает, что это грядет, и мы все погибнем от радиации. Наши тела покроются язвами, и мы будем выкашливать наши легкие.* Это производит впечатление, особенно если произносится уверенным и сухим тоном учителя физики. Производит впечатление? Нет, оставляет в памяти шрам.

— Сейди, это бред.

— Да? — Сейди заманивала меня в ловушку. — Как я понимаю, у тебя есть доступ к конфиденциальной информации, а у сенатора Кучела — нет?

— Можно сказать и так.

— Хватит об этом. Я еще дам тебе время все мне рассказать, но не слишком много. Может, только потому, что ты хороший танцор.

— Так давай потанцуем! — неожиданно для себя предложил я.

— Спокойной ночи, Джордж.

И прежде чем я успел произнести хоть слово, она положила трубку.

15

Я уже собрался позвонить ей, но когда телефонистка спросила: «Номер, пожалуйста?» — здравомыслие вернулось. Я положил трубку на рычаг. Она сказала все, что хотела. Попытка заставить ее сказать что-то еще ни к чему хорошему привести не могла.

Я попытался исходить из того, что ее звонок — стратегический ход, призванный убедить меня раскрыться, типа *говорите за себя, Джон Олден*. Однако эта идея не показалась мне здравой, потому что Сейди никогда так себя не вела. Этот звонок больше всего напоминал крик о помощи.

Я снова снял трубку и на этот раз, услышав вопрос телефонистки, продиктовал номер. После второго гудка раздался голос Эллен Докерти:

— Да? Кто говорит?

— Привет, миз Элли. Это я, Джордж.

Возможно, молчание заразительно. Я ждал.

— Привет, Джордж, — ответила она. — Я давно не звонила, да? Просто в последнее время не могла поднять...

— Головы, понятное дело. Я знаю, что такое первые две недели учебного года. Я звоню вам, потому что мне позвонила Сейди.

— Да? — В голосе добавилось настороженности.

— Если это вы сказали ей, что моя телефонная станция в Форт-Уорте, а не в Далласе, все нормально.

— Я не сплетничала. Надеюсь, вы меня понимаете. Я подумала, что она имела право знать. Сейди мне дорога. Разумеется, мне дороги и вы, Джордж... но вы уехали. Сейди — нет.

Я все понимал, однако укол обиды почувствовал. Вернулось ощущение, что я на космическом корабле, летящем в межзвездную даль.

— Насчет этого у меня вопросов нет, да и не такая уж это выдумка. Скоро я перееду в Даллас.

Ответа не последовало, да и что она могла сказать? *Возможно, вы и переедете, но мы оба знаем, что лгать вам не в диковинку?*

— Мне не понравился ее голос. Вам не кажется, что с ней что-то не так?

— Не уверена, что хочу отвечать на этот вопрос. Если скажу, что есть такое, вы можете примчаться сюда, а она не хочет вас видеть. Во всяком случае, при сложившихся обстоятельствах.

Если на то пошло, она ответила на мой вопрос.

— Когда она вернулась, вам показалось, что она в норме?

— Да. Радовалась встрече с нами.

— Но теперь голос у нее расстроенный, и она говорит, что ей грустно.

— А что тут удивительного? — В голосе миз Элли послышались жесткие нотки. — Здесь Сейди есть что вспомнить, и многое связано с мужчиной, к которому она до сих пор питает теплые чувства. Я говорю о милом человеке и прекрасном учителе, который, к сожалению, оказался не тем, за кого себя выдавал.

Эти слова *действительно* жгли.

— Есть вроде бы и еще одна причина. Она говорила о каком-то грядущем кризисе. Услышала о нем от... — Выпускника Йеля, сидящего у дверей истории? — От одного человека, которого встретила в Неваде. И муж забил ей голову всяческой ерундой...

— Ее голову? Ее милую, красивую головку? — Теперь жесткость ушла: я ее разозлил. Мне стало совсем не по себе. — Джордж, передо мной гора документов высотой в милю, и мне надо разобраться со всеми. Вы не можете заниматься психоанализом Сейди Данхилл на расстоянии, а я не могу помочь вам с вашими любовными проблемами. Единственное, что могу вам посоветовать, так это объясниться с ней и снять все вопросы. И лучше сделать это раньше, чем позже.

— Полагаю, ее мужа вы не видели?

— Нет! Спокойной ночи, Джордж!

Второй раз за вечер женщина, к которой я питал теплые чувства, бросила трубку в разговоре со мной. Я поставил новый личный рекорд.

Пошел в спальню, начал раздеваться. Вернулась «в норме». «Радовалась» встрече со всеми друзьями в Джоди. Сейчас уже не в норме. Потому что разрывалась между симпатичным, спешащим по дороге к славе парнем и высоким загадочным незнакомцем с неопределенным прошлым? Возможно, такое могло случиться в женском романе, но если б случилось в жизни, почему она не пребывала в унынии после возвращения?

В голову пришла неприятная мысль: может, она пила. Много. Тайком. Или такого быть не могло? Моя жена долгие годы много пила тайком — начала до того, как я на ней женился, а прошлое стремится к гармонии. Легко отмести эту идею, сказать себе, что

миз Элли заметила бы признаки, но пьяницы иной раз такие хитрые и изворотливые. Если Сейди приходит на работу вовремя, миз Элли может и не обратить внимания на налитые кровью глаза и запах мяты изо рта.

Я понимал, что идея эта, возможно, нелепа. Все мои подозрения строились исключительно на предположениях, и причину следовало искать в том, что мои чувства к Сейди не изменились.

Я лежал на кровати, уставившись в потолок. В гостиной булькала печка, работающая на жидком топливе: выдалась еще одна холодная ночь.

Забудь об этом, дружище, посоветовал мне Эл. *Ты должен. Не забывай, ты здесь не для того, чтобы заполучить...*

Девушку, золотые часы и все-все-все. Да, Эл, понял тебя.

А кроме того, возможно, у нее все отлично. У кого проблема, так это у тебя.

Больше одной, если по-честному, и прошло много времени, прежде чем я уснул.

16

В следующий понедельник, в очередной раз проезжая мимо дома 214 по Западной Нили-стрит в Далласе, я увидел длинный серый катафалк, припаркованный на подъездной дорожке. Две толстые женщины стояли на крыльце, смотрели, как двое мужчин в черных костюмах задвигают носилки через заднюю дверцу. На носилках лежало тело, прикрытое простыней. С балкона — выглядел он так, будто мог рухнуть в любой момент — за действом наблюдала молодая пара, снимавшая квартиру на втором этаже. Их младший ребенок спал на руках матери.

Инвалидное кресло с прикрепленной к одному из подлокотников пепельницей одиноко стояло под деревом, где старик провел чуть ли не все дни ушедшего лета.

Я подъехал, постоял у своего автомобиля до отбытия катафалка. Потом (хотя и понимал, что время выбрано, мягко говоря, неудачно) пересек улицу и направился к крыльцу. Остановился у первой ступени, приподнял шляпу.

— Дамы, приношу соболезнования в связи с вашей утратой.

Мне ответила старшая из женщин — жена, ставшая вдовой:

— Вы здесь бывали и раньше.

Действительно бывал, хотелось сказать мне. *Это будет покруче профессионального футбола.*

— Он вас видел. — Не обвинение, а констатация факта.

— Я искал квартиру в этом районе. Вы будете жить здесь и дальше?

— Нет, — ответила молодая толстуха. — От него осталась стра-а-аховка. Единственное, что осталось. Не считая медалей в коробке. — Она всхлипнула. Поверьте, у меня защемило сердце, потому что они действительно горевали.

— Он говорил, что вы призрак, — продолжила вдова. — Говорил, что мог видеть сквозь вас. Потому что рехнулся. Три года тому назад, когда у него случился удар и ему подвесили этот мешок для мочи. Мы с Идой возвращаемся в Оклахому.

А может, поедете в Мозель? — едва не вырвалось у меня. *Вроде бы туда отправляются те, кто съезжает с квартиры.*

— Чего вы хотите? — спросила дочь покойного. — Нам надо отнести его костюм в похоронное бюро.

— Мне нужен телефонный номер вашего арендодателя, — ответил я.

Глаза вдовы блеснули.

— И сколько вы готовы за него заплатить, мистер?

— Я дам его вам бесплатно, — вмешалась молодая женщина с балкона второго этажа.

Скорбящая дочь посмотрела вверх и предложила женщине закрыть свой рот. Обычное дело для Далласа. Для Дерри тоже.

Приветливые соседи.

Глава 19

1

Пришествие Джорджа де Мореншильдта случилось пятнадцатого сентября, в субботу, во второй половине этого мрачного и дождливого дня. Он сидел за рулем «кадиллака» цвета кофе, совсем как в песне Чака Берри. Компанию ему составляли Джордж Баух, его я уже видел, и еще один мужчина, мне незнакомый,

сухощавый, с ежиком седых волос и прямой спиной военного, отдавшего армии много лет и, судя по всему, не пожалевшего об этом. Де Мореншильдт обошел автомобиль и открыл багажник. Я поспешил за дистанционным микрофоном.

Когда вернулся, Баух держал в руках складной манеж, мужчина с военной выправкой — ворох игрушек. Де Мореншильдт ничего не нес и первым поднялся по лестнице, вскинув голову и расправив плечи. Высокий, крепко сложенный, с зачесанными чуть набок седеющими волосами, он всем своим видом говорил (по крайней мере мне): *Мои дела, цари, узрите — и отчайтесь. Ибо я ДЖОРДЖ.*

Я вставил в розетку штепсель магнитофона, надел наушники и навел миску с микрофоном на дом на другой стороне улицы.

Марины в гостиной не было. Ли сидел на диване, читал при свете стоявшей на комоде лампы какую-то толстую книгу в бумажной обложке. Услышав шаги на крыльце, он нахмурился и бросил книгу на кофейный столик. Наверняка он думал: *Опять эти чертовы эмигранты.*

Но Ли поднялся, чтобы ответить на стук в дверь. Он протянул руку незнакомцу с серебристыми волосами, но де Мореншильдт удивил его — и меня, — обняв Ли и расцеловав в обе щеки. Потом, взяв за плечи, отстранил Освальда на расстояние вытянутой руки. Заговорил громко, с сильным, как мне показалось, немецким, а не русским акцентом:

— Дайте мне взглянуть на человека, который отправился в столь дальние края и вернулся, сохранив идеалы!

Вновь обнял Ли. Голова последнего чуть возвышалась над плечом де Мореншильдта, и я увидел нечто еще более удивительное: Ли Харви Освальд улыбался.

2

Марина вышла из малой спальни с Джун на руках. Радостно вскрикнула, увидев Бауха, и поблагодарила его за манеж и за игрушки, которые называла, с учетом ограниченного запаса слов, «детские, чтобы играть». Сухощавого мужчину Баух представил как Лоренса Орлова — *полковника* Лоренса Орлова, если изволите, — а де Мореншильдта — как «друга русского сообщества».

Баух и Орлов принялись расставлять манеж посреди гостиной. Марина стояла рядом с ними, щебеча на русском. Как и Баух, Орлов не мог оторвать глаз от молодой русской мамы. Марина вышла к ним в топике и шортах, выставлявших напоказ бесконечно длинные ноги. Улыбка Ли поблекла. Он возвращался к привычной угрюмости.

Только де Мореншильдт этого не допустил. Он заметил лежавшую на кофейном столике книгу, которую читал Ли, и поднял ее.

— «Атлант расправил плечи»? — Он обращался только к Ли, полностью игнорируя остальных, которые восторгались новым манежем. — Айн Рэнд? И зачем это читать молодому революционеру?

— Чтобы знать своего врага, — ответил Ли, а когда де Мореншильдт радостно расхохотался, вновь заулыбался.

— И что вы думаете cri de coeur мисс Рэнд? — Когда я прослушивал пленку, эта фраза зацепила меня: она практически полностью повторила вопрос, который задала Мими Коркорэн, спрашивая меня о романе «Над пропастью во ржи».

— Я думаю, она проглотила ядовитую наживку, — ответил Освальд, — а теперь зарабатывает деньги, продавая ее другим людям.

— Совершенно верно, мой друг. Лучше и не скажешь. Я в этом уверен. Но придет день, когда все рэнд этого мира ответят за свои преступления. Вы в это верите?

— Я это знаю, — будничным тоном ответил Ли.

Де Мореншильдт сел на диван, похлопал по нему рядом с собой.

— Присядьте. Я хочу услышать о ваших приключениях на моей родине.

Но тут Баух и Орлов подошли к Ли и де Мореншильдту. Далее все заговорили на русском. На лице Ли отражалось сомнение, однако де Мореншильдт что-то сказал ему, после чего Ли кивнул и повернулся к Марине. Его слов я не понял, но взмах руки в сторону двери и не требовал комментариев: *Иди, мол, иди.*

Де Мореншильдт бросил ключи Бауху, который их не поймал. Когда он наклонился, чтобы поднять ключи с истертого зеленого ковра, де Мореншильдт и Ли обменялись веселыми взглядами.

Затем Баух и Марина с малышкой на руках вышли из гостиной и уехали на роскошном «кадиллаке» де Мореншильдта.

— Теперь у нас будет несколько минут покоя, мой друг. — Де Мореншильдт повернулся к Ли. — И мужчины раскроют бумажники, что хорошо, правда?

— Меня мутит от постоянного раскрывания бумажников, — ответил Ли. — Рина начинает забывать, что мы вернулись в Америку не для того, чтобы купить новый холодильник и кучу платьев.

Де Мореншильдт отмел его нытье.

— Пот со спины капиталистического борова. Парень, разве не достаточно того, что ты живешь в таком жалком доме?

— Да уж, он оставляет желать лучшего.

Де Мореншильдт хлопнул Ли по спине с такой силой, что тот едва не слетел с дивана.

— Крепись! За все, что ты терпишь сейчас, потом тебе воздастся сторицей. Ты ведь в это веришь? — А после кивка Ли добавил: — Расскажи мне, как идут дела в России, товарищ... можно я буду называть тебя «товарищ», или тебя не устраивает такая форма обращения?

— Назовите хоть горшком, только в печь не ставьте. — И Ли рассмеялся. Я видел, что он тянется к де Мореншильдту, как цветок — к солнцу после дождя.

Ли заговорил о России. Многословно и помпезно. Меня не очень-то интересовали его разглагольствования о том, как коммунистическая бюрократия отняла у народа все блестящие довоенные социалистические идеи (о Великой сталинской чистке тридцатых годов он не упомянул). Ли назвал Никиту Хрущева идиотом, однако и эти его суждения не вызвали у меня никакого интереса: в любой здешней парикмахерской или будке чистильщика обуви американских лидеров называли точно так же. Менее чем через четырнадцать месяцев Освальд мог изменить курс истории — но оставался занудой.

Заинтересовало меня другое: как слушал де Мореншильдт. В этом он не отличался от самых обаятельных и харизматических личностей. Всегда задавал нужный вопрос в нужное время, не отрывал глаз от лица говорящего, ненавязчиво подводя своего собеседника к мысли, что тот — самый знающий, самый мудрый,

самый интеллектуальный человек на всей планете. И вполне возможно, что с таким слушателем Ли встретился впервые в жизни.

— Я вижу, что у социализма осталась только одна надежда, — подвел черту Ли, — и это Куба. Там революция еще чиста. Я надеюсь когда-нибудь поехать туда. Может, получить гражданство.

Де Мореншильдт степенно кивнул:

— Не самый худший вариант. Я там часто бывал до того, как нынешняя администрация значительно усложнила поездки на остров. Прекрасная страна... А теперь, спасибо Фиделю, эта прекрасная страна принадлежит людям, которые там живут.

— Я это знаю. — Ли сиял.

— Но! — Де Мореншильдт назидательно поднял палец. — Если ты веришь, что американские капиталисты позволят Фиделю, Раулю и Че беспрепятственно творить свою магию, то живешь в мире грез. Шестеренки уже крутятся. Ты знаешь этого Уокера?

Я навострил уши.

— *Эдвина* Уокера? Генерала, которого уволили? — спросил Ли.

— Его самого.

— Я знаю его. Живет в Далласе. Баллотировался в губернаторы и получил коленом под зад. Потом ездил в Миссисипи, чтобы вместе с Россом Барнеттом* противодействовать попытке Джеймса Мередита** провести десегрегацию «Оле Мисс». Еще один маленький Гитлер сегрегации.

— Он расист, несомненно, но для него идея сегрегации и куклукс-клановские ритуалы — всего лишь подручные средства. Борьбу с правами негров он воспринимает как дубинку, которой можно разнести социалистические принципы, пугающие его и ему подобных. Джеймс Мередит? Коммунист. НАСПЦН***? Ширма. СККНД****? Видимость черная, содержимое красное.

---

* Американский политик, губернатор штата Миссисипи в 1960—1964 гг.

** Культовая фигура американского движения за гражданские права, писатель. В 1962 г. стал первым афроамериканским студентом Университета Миссисипи («Оле Мисс»).

*** Национальная ассоциация содействия прогрессу цветного населения.

**** Студенческий координационный комитет ненасильственных действий.

— Конечно, — кивнул Ли. — Именно так они и работают.

Не могу сказать, верил ли де Мореншильдт в то, что говорил, или просто заводил Ли.

— И в чем эти уокеры, и барнетты, и скачущие проповедники вроде Билли Грэхема или Билли Джеймса Харгиса видят движущую силу злобного коммунистического монстра, любящего черных? В России!

— Это я знаю.

— А что они считают занесенным кулаком коммунизма в девяноста милях от Соединенных Штатов? Кубу! Уокер больше не носит военную форму, но его лучший друг по-прежнему на службе. Ты знаешь, о ком я говорю?

Ли покачал головой. Его глаза не отрывались от лица де Мореншильдта.

— О Кертисе Лемее*. Еще одном расисте, который видит коммунистов за каждым кустом. В чем Уокер и Лемей убеждают Кеннеди? Разбомбить Кубу! Вторгнуться на Кубу! Превратить Кубу в пятьдесят первый штат! Позор в Заливе свиней только прибавил им решимости! — В речи де Мореншильдта восклицательными знаками служили удары кулака по бедру. — Такие, как Уокер и Лемей, куда более опасны, чем эта сучка Рэнд, и не потому, что они при оружии. А потому что у них есть *сторонники*.

— Я признаю, что такая опасность существует, — кивнул Ли. — И начал формировать в Форт-Уорте группу «Руки прочь от Кубы». Человек десять уже заинтересовались.

Для меня это стало новостью. Насколько я знал, Ли в Форт-Уорте занимался только сборкой алюминиевых сетчатых дверей да регулировкой дворовой вертушки для сушки белья в тех редких случаях, когда Марине удавалось уговорить его развесить детские пеленки.

— Тебе лучше действовать быстро, — пробурчал де Мореншильдт. — Куба — рекламный щит революции. Когда угнетаемые граждане Никарагуа, или Гаити, или Доминиканской республики смотрят на Кубу, они видят мирное аграрно-социалистическое общество, в котором сбросили диктатора и разогнали тайную полицию, причем кое-кому загнали в зад его же дубинку.

Ли рассмеялся.

---

*.Генерал военно-воздушных сил США, организатор массивных бомбардировок городов Японии и берлинского воздушного моста.

— Они видят переданные крестьянам огромные плантации сахарного тростника и фермы, на которых «Юнайтед фрут» использовала рабский труд. Видят «Стандард ойл», выставленную за дверь. Видят, что казино, управлявшиеся мафией Лански...

— Я знаю, — вставил Ли.

— ...закрыты. Ослиных шоу больше нет, друг мой, и женщины, которые раньше продавали свое тело... и тела своих дочерей... вновь нашли честную работу. Батрак, при подонке Батисте умиравший на улице, теперь идет в больницу, где его лечат как человека. А почему? Потому что при Фиделе и врач, и батрак равны.

— Я это знаю. — По голосу Ли чувствовалось, он одобряет и приветствует все эти изменения.

Де Мореншильдт вскочил с дивана и закружил у нового манежа.

— Ты думаешь, Кеннеди и его ирландская клика оставят на месте этот рекламный щит? Этот *маяк*, посылающий луч надежды?

— Мне нравится Кеннеди. — Ли смутился от собственного признания. — Несмотря на Залив свиней. Это план Эйзенхауэра, знаете ли.

— Большая часть Вэ-гэ-а любит президента Кеннеди. Ты знаешь, что такое Вэ-гэ-а? Заверяю тебя, эта дура, написавшая «Атлант расправил плечи», знает. Великая глупая Америка, вот что это такое. Граждане США живут в радости и умирают счастливыми, если у них есть холодильник, который делает лед, два автомобиля в гараже и «Сансет стрип, семьдесят семь» по телику. Великая глупая Америка любит *улыбку* Кеннеди. О да. Да, конечно. У него восхитительная улыбка, я это признаю. Однако, как сказал Шекспир, человек может улыбаться — и быть злодеем. Ты знаешь, что Кеннеди одобрил план ЦРУ по физическому устранению Кастро? Да! Они уже пытались — и, слава Богу, провалились — три или четыре раза. Я узнал это от моих компаньонов по нефтяному бизнесу на Гаити и в Доминиканской республике, Ли, и это надежная информация.

На лице Ли отразился страх.

— Но у Фиделя есть могучий друг — Россия, — продолжил де Мореншильдт, вышагивая у манежа. — Это не Россия ленинских грез — или твоих, или моих, — но, возможно, у них найдутся свои причины поддержать Фиделя, если Америка предпримет еще одну попытку вторжения. И попомни мои слова: Кеннеди спо-

собен предпринять такую попытку, и скоро. Он прислушается к Лемею. Прислушается к Даллесу и Энглтону* из ЦРУ. Все, что ему нужно, так это хороший предлог, а потом он это сделает, чтобы показать миру, что он не трус.

Они продолжили разговор о Кубе. Вернулся «кадиллак», на заднем сиденье лежала гора продуктов — их хватило бы на месяц, а то и дольше.

— Черт, — вырвалось у Ли. — Они вернулись.

— И мы рады их видеть, — добродушно улыбнулся де Мореншильдт.

— Оставайтесь на обед, — предложил Ли. — Рина не такая уж повариха, но...

— Придется уйти. Жена ждет от меня отчета, и, думаю, сегодня мне будет что ей рассказать. В следующий раз я привезу ее, идет?

— Да, конечно.

Они пошли к двери. Марина болтала с Баухом и Орловым, пока мужчины вытаскивали из багажника картонные коробки с консервами. Не просто болтала — еще и немного флиртовала. И Баух мог в любой момент встать перед ней на колени.

На крыльце Ли что-то сказал о ФБР. Де Мореншильдт спросил, сколько раз. Ли поднял руку с тремя оттопыренными пальцами.

— Одного агента звали Файн. Он приходил дважды. Другого — Хости.

— Смотри им прямо в глаза и отвечай на их вопросы! — порекомендовал де Мореншильдт. — Тебе нечего бояться, Ли, и не только потому, что вины за тобой нет, а потому, что ты прав!

Баух, Орлов и Марина теперь смотрели на него... и не только они. Появились девчонки-попрыгуньи и замерли на полоске твердой земли, которая служила тротуаром в нашем квартале Мерседес-стрит. Слушателей у де Мореншильдта прибавилось, и он не мог их разочаровать.

— Вы у нас убежденный сторонник определенной идеологии, юный мистер Освальд, поэтому они, само собой, придут. Банда Гувера! Очень может быть, что они и сейчас наблюдают за нами, возможно, из соседнего квартала, возможно, из дома напротив!

Де Мореншильдт ткнул пальцем в зашторенные окна моего дома. Ли повернулся в указанном направлении. Я застыл в тенях,

* Профессиональный разведчик.

радуясь тому, что успел убрать усиливающую звук пластмассовую миску, пусть и обклеил ее черной лентой.

— Я знаю, кто они. Это они и их двоюродные братья из ЦРУ многократно приходили ко мне, чтобы заставить меня доносить на моих русских и южноамериканских друзей. А после войны разве не они называли меня тайным нацистом? Разве не они заявляли, что я нанимал *тонтон-макутов*, чтобы избивать и пытать моих конкурентов в нефтеразведке на Гаити? Разве не они обвиняли меня в том, что я давал взятки Папе Доку и заплатил за убийство Трухильо? Да-да, и это еще далеко не все.

Девочки-попрыгуньи смотрели на него разинув рты. Как и Марина. Раскочегарившись, Джордж де Мореншильдт, сметал все на своем пути.

— Будь смелым, Ли! Когда они придут, не тушуйся! Покажи им это! — И он рванул рубашку на груди. Отлетели пуговицы, рассыпались по крыльцу. Попрыгуньи ахнули, слишком потрясенные, чтобы захихикать. В отличие от большинства американцев того времени де Мореншильдт майку не носил. Кожа его цветом напоминала полированное красное дерево. Обвисшие грудные мышцы заплыли жиром. Он постучал правым кулаком повыше левого соска. — Скажи им: «Здесь мое сердце, и сердце мое чисто, и оно принадлежит моей идее!» Скажи им: «Если Гувер вырвет у меня сердце, оно не перестанет биться, а со временем так же забьется тысяча сердец! Потом десять тысяч! Потом сто тысяч! Потом миллион!»

Орлов поставил на пол коробку с консервами, которую держал в руках, чтобы одобрить эту речь жидкими сатирическими аплодисментами. Щеки Марины раскраснелись. Но самым интересным мне показалась перемена в лице Ли. Создавалось впечатление, что его, как Павла из Тарсы на Дамасской дороге, внезапно осиял свет с неба.

Пелена спала с его глаз.

3

Проповедующий, рвущий на себе рубаху де Мореншильдт — ничем не отличающийся от колесящих по стране евангелистов с крайне правыми взглядами — очень меня встревожил. Я надеялся, что, прослушав беседу этой парочки, смогу в значительной

мере приблизиться к важному для себя выводу: де Мореншильдт не играл главной роли в попытке покушения на генерала Уокера и тем более оставался в стороне от убийства Кеннеди. Беседу я прослушал, но она не успокоила, а принесла новые волнения.

Одно не вызывало сомнений: пришла пора сказать Мерседес-стрит не столь уж нежное *adieu**. Я уже снял квартиру на первом этаже дома 214 по Западной Нили-стрит. Двадцать четвертого сентября загрузил в состарившийся «форд» кое-какую одежду, книги, пишущую машинку и уехал в Даллас.

Две толстухи оставили после себя воняющий больницей свинарник. За уборку я принялся сам, благодаря Бога, что «кроличья нора» Эла выводила в то время, когда в магазинах уже продавались аэрозольные баллончики с освежителем воздуха. На распродаже я купил портативный телевизор и поставил его на кухне, рядом с плитой (или «хранилищем древнего жира»). Скреб, мыл, тер и распылял под сериалы о борьбе с гангстерами вроде «Неприкасаемых» и комедии вроде «Машина 54, где вы?». Когда топот и крики детей в квартире наверху затихали, тоже укладывался в постель и спал как убитый. Без сновидений.

Я оставил за собой лачугу на Мерседес-стрит, но больше ничего интересного в доме 2703 не происходило. Иногда Марина усаживала Джун в коляску (еще один подарок от ее пожилого воздыхателя, мистера Бауха) и катила малышку на автостоянку у склада. После чего возвращалась обратно. Во второй половине дня, когда занятия в школе заканчивались, девочки-попрыгуньи часто сопровождали их. Раз или два Марина прыгала через скакалку и пела какую-то русскую считалочку. Малышка громко смеялась, глядя на прыгающую маму с взлетающей и опускающейся копной волос. И девочки-попрыгуньи смеялись. Марина не возражала. Она много говорила с ними и никогда не раздражалась, если они хихикали и поправляли ее. Наоборот, выглядела довольной. Ли не хотел учить ее английскому, но она все равно учила язык. И молодец.

2 октября 1962 года я проснулся в своей квартире на Нили-стрит в зловещей тишине: над головой никто не бегал, молодая мать не кричала двум старшим, что пора в школу. Все семейство уехало под покровом ночи.

---

* Прощай (*фр.*).

Я поднялся наверх и попытался открыть дверь своим ключом. Не получилось, но замок оказался пружинного типа, и я легко справился с ним с помощью плечиков для одежды. Нашел пустой книжный шкаф в гостиной. Просверлил маленькую дырку в полу, вставил в розетку вилку второй настольной лампы с «жучком», пропустил концы проводков через дыру в мою квартиру, вернул книжный шкаф на место.

«Жучок» работал отлично, но бобины маленького японского магнитофона могли прийти в движение лишь после того, как новые жильцы наверху включат лампу. Квартиру несколько раз показывали разным людям, однако до приезда Освальдов я жил в доме 214 один. После шумного карнавала Мерседес-стрит меня это только радовало, хотя мне и недоставало девочек-попрыгуний. Я воспринимал их как собственный греческий хор.

4

По ночам я спал в своей даллasской квартире, а днем в Форт-Уорте наблюдал за Мариной, гуляющей с девочкой в коляске. И пока делил время между этими двумя городами, приблизился еще один переломный момент шестидесятых, но я не придавал этому значения. Слишком уж занимали меня Освальды, переживавшие очередной домашний кризис.

В один из дней второй недели октября Ли пришел домой раньше обычного. Марина гуляла с Джун. Они говорили у бетонных плит, заменявших подъездную дорожку. Ближе к концу разговора Марина спросила:

— Что значит *lay-doff**?

Ли объяснил на русском. Марина вскинула руки — ну что тут поделаешь? — и обняла его. Ли поцеловал ее в щеку, потом взял малышку. Джун смеялась, когда он поднял ее над головой. Руки девочки потянулись к его волосам. В дом они вошли вместе. Счастливая маленькая семья, на долю которой выпало еще одно испытание.

Мир продлился до пяти пополудни. Я уже собирался возвращаться на Нили-стрит, когда заметил Маргариту Освальд, приближающуюся со стороны остановки на Уинскотт-роуд.

* Искаж. laid off — временно уволен (*англ.*).

Надвигается беда, подумал я, и не ошибся.

Вновь Маргарита перешагнула через не починенную ступеньку. Вновь вошла в дом не постучавшись, и сразу же загремел фейерверк. Вечер выдался теплым, так что все окна были открыты. Я не потянулся за дистанционным микрофоном. Ли и его мать ссорились в полный голос.

Как выяснилось, ни о каком временном увольнении из «Лесли уэлдинг» речь не шла. Он просто ушел. Босс позвонил Вейде Освальд, разыскивая Ли, потому что рабочих рук не хватало, а потом, не получив помощи от жены Роберта, позвонил Маргарите.

— Я *солгала* ради тебя, Ли! — кричала Маргарита. — Я сказала, что у тебя грипп! Почему ты заставляешь меня лгать ради тебя?

— Я тебя не заставляю! — крикнул он в ответ. Они стояли нос к носу в гостиной. — Я ничего не заставляю тебя делать, но ты все равно делаешь!

— Ли, как ты собираешься кормить свою семью? *Тебе нужна* работа!

— Работу я найду! Не волнуйся об этом, мама!

— *Где?*

— Не знаю...

— *Ли!* Как ты собираешься платить за аренду?

— ...но у нее много друзей. — Он ткнул большим пальцем в сторону Марины, которую передернуло. — Особого проку от них нет, но с работой они мне помогут. Тебе лучше уйти, мама. Возвращайся домой. Мне надо прийти в себя.

Маргарита шагнула к манежу.

— А это откуда взялось?

— Друзья, о которых я тебе говорил. Половина богата, прочие тоже не бедны. Им нравится болтать с Риной. — Ли фыркнул. — А старики таращатся на ее сиськи.

— *Ли!* — В голосе звучал шок, а на лице отразилось... удовлетворение? Mamochka радовалась сыновней ярости?

— Иди, мама. Оставь нас в покое.

— Она понимает, что люди, которые что-то дают, потом требуют что-то взамен? Понимает, Ли?

— *Убирайся к черту!* — Тряся кулаками, чуть ли не пританцовывая в бессильной ярости.

Маргарита улыбнулась.

— Ты расстроен. Разумеется, расстроен. Я вернусь, когда ты почувствуешь, что можешь держать себя в руках. И помогу. Я всегда готова помочь.

Потом внезапно бросилась к Марине и малышке, словно намеревалась напасть на них. Покрыла лицо Джун поцелуями и большими шагами пересекла гостиную. У двери остановилась и указала на манеж:

— Скажи ей, пусть тщательно его вымоет. Старье, полученное от других людей, всегда в микробах. Если ребенок заболеет, у тебя на врача денег не хватит.

— Мама! *Уходи!*

— Уже иду. — Спокойная как танк, Маргарита пошевелила пальчиками — пока-пока — и исчезла за дверью.

Марина подошла к Ли, держа малышку как щит. Они поговорили. Потом раскричались. Семейное единство как ветром сдуло. Маргарита об этом позаботилась. Ли взял малышку, покачал на руке, а потом, без всякого предупреждения, ткнул кулаком жену в лицо. Марина упала, громко плача, кровь хлынула изо рта и носа. Ли смотрел на нее. Заплакала и Джун. Ли погладил ее по волосам, поцеловал в щечку. Покачал на руке. Марина появилась в поле моего зрения, поднимаясь с пола. Ли пнул ее ногой в бок, и она снова упала. Теперь я видел только копну ее волос.

Брось его, думал я, хотя и знал, что она этого не сделает. *Возьми ребенка и брось его. Уйди к Джорджу Бауху. Согрей его постель, если придется, но побыстрее уходи от этого костлявого, затерроризированного мамочкой монстра.*

Но ушел Ли, во всяком случае, на время. Больше я его на Мерседес-стрит не видел.

5

Это был их первый разрыв, и Ли в поисках работы отправился в Даллас. Я не знал, где он поселился. Согласно записям Эла, в общежитии Ассоциации молодых христиан, но, как потом выяснилось, Эл ошибся. Может, Ли нашел койку или комнату в одном из дешевых пансионов в центре города. Меня это не волновало. Я знал, что квартиру надо мной они снимут вместе, и полагал, что пока я им сыт по горло. Расценивал как праздник

отсутствие необходимости слышать его невнятный голос, в каждом разговоре по десять раз повторяющий: *Я знаю.*

Спасибо Джорджу Бауху, Марина вышла из этой ситуации без потерь. Вскоре после визита Маргариты и ухода Ли Баух и еще один мужчина приехали на пикапе «шевроле» и увезли ее. Когда пикап отъезжал от дома 2703 по Мерседес-стрит, мать и дочь сидели в кузове. Розовый чемодан, который Марина привезла из России, был обложен одеялами, и Джун крепко спала в этом уютном гнездышке. Пикап тронулся, и Марина положила руку на грудь малышки, чтобы удержать ее. Девочки-попрыгуньи наблюдали. Марина помахала им рукой. Они ответили тем же.

6

Я нашел адрес Джорджа де Мореншильдта в справочнике «Белые страницы Далласа» и несколько раз проследил за его передвижениями. Мне хотелось знать, с кем он встречается, хотя будь он агентом ЦРУ, приспешником Лански или участником какого-то широкомасштабного заговора, сомневаюсь, что мне удалось бы вывести его на чистую воду. Могу лишь сказать, что он ни разу не общался с человеком, который вызвал бы у меня подозрения. Он ездил на работу и в Далласский загородный клуб, где играл в теннис или плавал в бассейне с женой. С ней же посетил пару стрип-клубов. К танцовщицам не приближался, но ему нравилось тискать буфера и зад жены на публике. Она не возражала.

Дважды он виделся с Ли. Один раз — в любимом стрип-клубе Мореншильдта. В такой обстановке Ли чувствовал себя не в своей тарелке, и они быстро ушли. Второй раз они встретились за ленчем в кафетерии на Браудер-стрит. Просидели чуть ли не до двух пополудни, разговаривая за бессчетными чашками кофе. Ли уже было поднялся, передумал, сделал новый заказ. Когда официантка принесла ему кусок пирога, что-то ей протянул. Она взяла это и сунула в карман, удостоив подарок беглым взглядом. Когда они отбыли, я не последовал за ними, а подошел к официантке и спросил, не покажет ли она то, что получила от молодого человека.

— Возьмите. — Она отдала мне листок желтой бумаги с надписью большими черными буквами: «РУКИ ПРОЧЬ ОТ КУБЫ!» Листовка призывала всех заинтересованных лиц присоединиться к местному (Даллас — Форт-Уорт) отделению этой замечательной

организации. «НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ ДЯДЕ СЭМУ ДУРИТЬ ВАС! ПИШИТЕ НА А/Я 1919, ЧТОБЫ УЗНАТЬ ПОДРОБНОСТИ БУДУЩИХ ВСТРЕЧ».

— О чем они говорили? — спросил я.

— Вы коп?

— Нет, но мои чаевые больше, чем у копов. — Я протянул ей пятерку.

— Об этом. — Она указала на листовку, которую Освальд, несомненно, напечатал на новом месте работы. — О Кубе. Плевать я на это хотела.

Но вечером двадцать второго октября, менее чем через неделю после этой встречи, президент Кеннеди тоже заговорил о Кубе. И тут уж всем стало не до плевков.

7

Давняя истина гласит, что ты никогда не хватишься воды, пока не пересохнет колодец, но до осени 1962 года я и представить себе не мог, что она применима к топоту маленьких ножек над головой, от которого дрожит потолок. После отъезда семьи, занимавшей второй этаж дома 214 по Западной Нили-стрит, у меня появилось неприятное ощущение, что компанию мне составляют призраки. Мне недоставало Сейди, и тревога за нее постепенно становилась навязчивой. Пожалуй, уже стала. Элли Докерти и Дек Симмонс не разделяли моих страхов, связанных с возможным появлением в Джоди ее мужа. Сейди сама не воспринимала такой вариант серьезно. Наверное, думала, что я пытаюсь напугать ее Джоном Клейтоном только по одной причине: чтобы она полностью не вычеркнула меня из своей жизни. Никто из них не знал, что ее имя, если убрать Сейди, лишь на один слог отличалось от Дорис Даннинг. Никто из них не знал об эффекте гармонизации, который, судя по всему, я создавал одним лишь своим присутствием в Стране прошлого. А раз уж дело в этом, кого следовало винить, если бы с Сейди что-то произошло?

Кошмарные сны вернулись. Сны с Джимлой.

Я перестал следить за Джорджем де Мореншильдтом и теперь во второй половине дня отправлялся на долгие пешие прогулки, которые заканчивались в девять, а то и в десять вечера. На этих прогулках я думал о Ли, которого взяли учеником в фотолабора-

торию далласской полиграфической компании «Джеггарс-Чайлс-Стоуволл». Или о Марине, которая временно поселилась у Эллен Холл, только что разведшейся женщины. Холл работала у дантиста Джорджа Бауха, и именно этот дантист сидел за рулем пикапа, на котором Марина и Джун уехали из лачуги на Мерседес-стрит.

Но больше всего я думал о Сейди. И о Сейди. И о Сейди.

В одну из таких прогулок я почувствовал жажду, а поскольку меня еще и донимала депрессия, заглянул в первый попавшийся на пути бар, «Айви рум», и заказал пива. Музыкальный автомат не работал, да и посетители вели себя на удивление тихо. Когда же официантка поставила передо мной стакан пива и тотчас повернулась лицом к экрану висевшего над стойкой телевизора, я осознал, что все смотрят на человека, ради спасения которого я и отправился в прошлое. Отметил бледность и серьезность его лица. Темные мешки под глазами.

— Чтобы остановить наращивание этого наступательного потенциала, введен полный запрет на доставку на Кубу морским путем оружия нападения. Все корабли, идущие на Кубу, будут отправляться в обратный путь при обнаружении на них оружия, подпадающего под установленный запрет.

— Господи Иисусе! — воскликнул мужчина в ковбойской шляпе. — И что, по его мнению, сделают русские?

— Помолчи, Билл, — ответил бармен. — Дай послушать.

— Запуск любой ракеты с ядерным зарядом с территории Кубы против любого государства Западного полушария, — продолжил Кеннеди, — будет рассматриваться нами как нападение Советского Союза на Соединенные Штаты, требующее полномасштабного ответного удара по Советскому Союзу.

Женщина в глубине бара застонала и обхватила живот руками. Сидевший рядом мужчина обнял ее, и она положила голову ему на плечо.

На лице Кеннеди я увидел в равной мере страх и решимость. А еще увидел, что он буквально жил той работой, которую поручила ему страна. До свидания с пулей-убийцей оставалось ровно тринадцать месяцев.

— В качестве необходимой военной меры предосторожности я увеличил численность гарнизона нашей базы в Гуантанамо и эвакуировал всех гражданских лиц.

— Угощаю всех, — внезапно объявил Билл Ковбой, — потому что мы, похоже, в конце пути, *amigos*. — Положил двадцатку ря-

дом со своим стаканом для виски, но бармен не отреагировал. Он наблюдал за Кеннеди, который теперь призывал председателя Хрущева ликвидировать «эту явную, безответственную и провокационную угрозу миру».

Принесшая мне пиво официантка, потрепанная жизнью крашеная блондинка лет пятидесяти, вдруг разрыдалась. С меня было достаточно. Я поднялся со стула, лавируя между столиками, за которыми, уставившись в телевизор, сидели мужчины и женщины, напоминая зачарованных детей, и вошел в одну из телефонных будок рядом с автоматом для игры в скибол.

Телефонистка известила меня, что за первые три минуты разговора надо внести депозит в сорок центов. Я бросил в щель два четвертака. Телефон-автомат мелодично звякнул. Издалека до меня по-прежнему доносился голос Кеннеди с новоанглийским выговором. Теперь он обвинял министра иностранных дел Советского Союза Андрея Громыко во лжи. Без обиняков.

— Соединяю вас, сэр, — раздался в трубке голос телефонистки. Потом она внезапно добавила: — Вы слушаете президента? Если нет, вам надо включить радио или телевизор.

— Я слушаю, — ответил я. И Сейди, наверное, тоже. Сейди, муж которой навешал ей на уши много апокалипсической лапши, густо замешанной на науке. Сейди, которой ее друг-политик из Йеля что-то болтанул о важном событии в Карибском море. Подавление очага напряженности, возможно, на Кубе.

Я понятия не имел, что скажу, чтобы успокоить ее, но проблема оказалась не в этом. Телефон звонил и звонил. Мне это не понравилось. Где она может быть в Джоди в понедельник в половине девятого вечера? В кино? Я в это не верил.

— Сэр, вам не отвечают.

— Я знаю, — ответил я и поморщился, услышав коронную фразу Ли, слетевшую с моих губ.

Мои четвертаки упали в окошечко для возврата мелочи, когда я повесил трубку. Я уже собрался вновь вставить их в щель, но передумал. Какой смысл звонить миз Элли? Теперь я у миз Элли на плохом счету. У Дека тоже. Они посоветуют мне самому решать свои проблемы.

Когда я вернулся в бар, Уолтер Кронкайт показывал сделанные У-2 фотографии строящихся советских ракетных установок. Сказал, что многие члены конгресса уговаривают Кеннеди ини-

циировать бомбардировки и немедленно начать вторжение. Для американских ракетных баз и стратегического воздушного командования впервые в истории введен уровень «ДЕФКОН-4»*.

— Американские Б-52 скоро начнут патрулировать небо вдоль границ Советского Союза, — говорил Кронкайт своим сильным, зловещим голосом. — И... что очевидно для всех нас, свидетелей последних семи лет этой все более пугающей «холодной войны»... вероятность ошибки, потенциально *катастрофической* ошибки, возрастает с каждым новым витком эскалации...

— *Нечего ждать!* — крикнул мужчина, стоявший у стола для бильярда. — *Разбомбить этих коммунистов прямо сейчас!*

Несколько криков протеста, раздавшихся после этого кровожадного заявления, потонули в аплодисментах. Я вышел из «Айви рум» и быстрым шагом направился к Нили-стрит. Добравшись туда, прыгнул в «санлайнер» и поехал в Джоди.

8

Автомобильный радиоприемник снова работал, но выливал на меня лишь обреченность, когда я мчался вслед за лучами фар по автостраде 77. Диджеи и те подхватили атомный грипп и твердили: «Боже, благослови Америку» и «Держите порох сухим». Когда диджей Кей-эл-ай-эф запустил «Боевой гимн Республики» в исполнении Джонни Хортона, я выключил приемник. Очень уж это напоминало 12 сентября 2001 года, следующий день после атаки террористов.

Я вжимал педаль газа в пол, пусть двигатель ревел все сильнее, а стрелка индикатора температуры приближалась к красному сектору. Дороги в столь поздний час пустовали, и на подъездную дорожку дома Сейди я свернул в половине первого ночи, может, чуть позже, уже двадцать третьего сентября. Ее желтый «жук» стоял перед закрытыми воротами гаража, в комнатах горел свет, но на мой звонок дверь никто не открыл. Я обошел дом и постучал в кухонную дверь, с тем же результатом. Мне это нравилось все меньше и меньше.

Запасной ключ она держала под первой ступенькой. Я вытащил его, открыл дверь и вошел. В нос ударил запах виски (оши-

* Шкала готовности вооруженных сил Соединенных Штатов Америки к началу возможных боевых действий.

биться не представлялось возможным), перебивающий затхлую сигаретную вонь.

— Сейди?

Нет ответа. Через кухню я прошел в гостиную. На низком столике увидел пепельницу, доверху наполненную окурками. Какая-то жидкость впитывалась в журналы «Лайф» и «Лук», которые лежали раскрытыми на столике. Я коснулся жидкости пальцами. Понюхал. Виски. Твою мать!

— Сейди?

Теперь я улавливал еще один резкий запах, который хорошо запомнил по загулам Кристи, — блевотины.

Я поспешил к короткому коридору с другой стороны гостиной. Две двери, расположенные друг напротив друга и ведущие в спальню и кабинет, были закрыты, в отличие от двери в конце коридора, за которой находилась ванная. В ярком флуоресцентном свете я увидел заблеванный унитаз. Хватало блевотины и на розовых плитках пола, и в ванне. На раковине стоял пузырек с таблетками. Без крышки. Я метнулся в спальню.

Сейди лежала поперек кровати на сбитом покрывале, в комбинации и одном замшевом мокасине. Второй валялся на полу. Ее кожа цветом напоминала старый свечной воск, и мне показалось, что она не дышит. Потом она громко всхрапнула, всасывая воздух, и выдула его обратно. Четыре жутких секунды ее грудь оставалась неподвижной, потом раздался новый всхрап. Еще одна переполненная окурками пепельница стояла на ночном столике. Смятая пачка «Винстона», обугленная с одного края от затушенной о нее сигареты, накрывала кучу окурков. С пепельницей соседствовали полупустой стакан и бутылка «Гленливета». Практически полная — возблагодарим Господа за маленькие радости, — но волновался я не из-за шотландского. Куда больше меня тревожили таблетки. На столике также лежал конверт из плотной бумаги, из которого торчали фотографии. Я на них и не посмотрел. Тогда не посмотрел.

Сунул руки Сейди под спину и попытался усадить. Шелковая комбинация скользила под пальцами. Девушка рухнула на кровать и вновь всхрапнула. Волосы упали на один закрытый глаз.

— Сейди, проснись!

Никакой реакции. Я схватил ее за плечи, прислонил к спинке кровати в изголовье. Под тяжестью Сейди она затряслась.

— Остаменявпок! — пробормотала девушка заплетающимся языком. Но все лучше, чем ничего.

— Проснись, Сейди! Ты должна проснуться!

Я начал легонько шлепать ее по щекам. Глаза Сейди остались закрытыми, но руки поднялись и попытались — очень слабенько — отбиться от меня.

— Проснись! Проснись, черт побери!

Ее глаза открылись, она посмотрела на меня, не узнавая, вновь закрыла глаза. Но дышала она теперь лучше. Уже не всхрапывала.

Я вернулся в ванную, достал зубную щетку из розового пластмассового стаканчика, включил холодную воду. Наполняя стакан, взглянул на этикетку пузырька с таблетками. Нембутал. В пузырьке осталось около десяти штук, так что речь о попытке самоубийства не шла. Во всяком случае, очевидной. Я выбросил таблетки в унитаз, поспешил в спальню. Сейди соскользнула вбок, голова развернулась, подбородок уперся в ключицу, дыхание вновь стало прерывистым и хрипящим.

Я поставил стакан с водой на столик у кровати и на мгновение замер, потому что мой взгляд упал на одну из фотографий, выползших из конверта. Возможно, на ней была женщина — если судить по длинным волосам, — но точно я сказать не мог. Лицо превратилось в сплошную рану с дырой внизу. И дыра кричала.

Я вновь усадил Сейди, схватил за волосы, откинул голову назад. Она простонала что-то вроде: «Не надо, больно». Потом выплеснул воду ей в лицо. Она дернулась и раскрыла глаза.

— Джор? Что ты здесь делаешь, Джор? Почему... я мокрая?

— Проснись. Проснись, Сейди. — Я начал пошлепывать ее по щекам, еще мягче, почти что поглаживать. Никакого эффекта. Ее глаза начали закрываться.

— Уходи... отсюда!

— Если уйду, то сначала вызову «скорую». Тогда ты увидишь свое имя в газете. Школьному совету это понравится. Оп!

Мне удалось сцепить руки у нее за спиной и стащить ее с кровати. Комбинация задралась, а потом вернулась на место, когда ее ноги подогнулись, и она ударилась коленями о ковер. Глаза открылись, Сейди вскрикнула от боли, но я поставил ее на ноги. Она качалась из стороны в сторону, отвешивая мне все более сильные пощечины.

— Отвали! Отвали, Джор!

— Нет, мэм! — Я обнял ее за талию и двинулся с ней к двери. Мы уже повернули к ванной, когда ее колени подогнулись. Дальше я нес Сейди, что тянуло на настоящий подвиг, с учетом роста и габаритов дамы. Спасибо Господу за адреналин. Я опустил крышку сиденья унитаза и усадил Сейди за мгновение до того, как начали подгибаться колени уже у меня. Жадно хватал ртом воздух, отчасти от приложенных усилий, но в основном — от страха. Она начала заваливаться налево, и я звонко шлепнул ее по голому предплечью.

— Сиди! — крикнул я ей в лицо. — Сиди, Кристи, черт бы тебя побрал!

Она уставилась на меня. Налитыми кровью глазами.

— Кто это Кристи?

— Солист «Роллинг гребаных Стоунз», — ответил я. — Как давно ты принимаешь нембутал? И сколько таблеток ты приняла сегодня?

— У меня есть рцепт. Не твое дело, Джор.

— Сколько? И сколько ты выпила?

— У-хо-ди.

Я открыл кран холодной воды, потом повернул рычажок, включающий душ. Она поняла, что я собираюсь сделать, и вновь начала отвешивать мне пощечины.

— Нет, Джор! Нет!

Ее протесты я проигнорировал. Мне уже приходилось устраивать полуодетой женщине холодный душ, а некоторые навыки не забываются, как езда на велосипеде. Одним быстрым движением, о котором днем позже будет напоминать боль в пояснице, я перенес Сейди через край ванны, а потом крепко удерживал, когда на нее полилась холодная вода и она начала вырываться. Крича, она протянула руку, чтобы схватиться за вешалку для полотенец. Ее глаза больше не закрывались. Капельки воды блестели на волосах. Комбинация стала прозрачной, и даже в сложившихся обстоятельствах я не мог не ощутить похоти, глядя на эти роскошные формы.

Она попыталась вылезти из ванны. Я ее оттолкнул.

— Оставайся на месте, Сейди. Без этого нельзя.

— К-как долго? *Холодно!*

— Пока я не увижу, что со щек уходит бледность.

— П-почему ты это д-д-делаешь? — У нее стучали зубы.

— Потому что ты едва не покончила с собой! — крикнул я.

Она отпрянула. Ноги поскользнулись, но она успела схватиться за кронштейн для полотенец. Рефлексы возвращались. Хороший признак.

— Т-т-таблетки не помогали, и я н-немного выпила, вот и все. Выпусти меня отсюда, я совсем замерзла. Пожалуйста, Д-Джордж, *пожалуйста*, позволь мне вылезти. — Мокрые волосы липли к щекам, и выглядела она как утонувшая крыса, но бледность со щек ушла. Появился легкий румянец, то есть мы двигались в правильном направлении.

Я выключил душ, обнял Сейди и крепко держал, когда она переступала через край ванны. Вода с мокрой комбинации потекла на розовый коврик.

— Я думал, ты умерла, — шепнул я ей на ухо. — Когда приехал и увидел тебя лежащей на кровати, я подумал, что ты, мать твою, умерла. Тебе никогда не узнать, каково это.

Я отпустил ее. Она смотрела на меня широко раскрытыми удивленными глазами.

— Джон был прав. Р-Роджер тоже. Он позвонил вечером, перед речью Кеннеди. Из Вашингтона. И какое все это имеет значение? До конца следующей недели мы все умрем. Или будем сожалеть о том, что не умерли.

Поначалу я не имел ни малейшего представления, о чем она говорит. Я видел стоящую передо мной Кристи, с которой капала вода и которая несла дикую чушь, а потому пришел в ярость. *Трусливая сука,* подумал я. Она, должно быть, все прочитала по моим глазам, потому что подалась назад.

Этого движения хватило, чтобы в голове у меня прояснилось. Какое право я имел называть ее трусливой? Она в отличие от меня не знала, что ждет за горизонтом.

Я взял банное полотенце с полки над унитазом и протянул ей.

— Разденься и вытрись.

— Тогда выйди. При тебе мне неудобно.

— Я выйду, если ты скажешь мне, что очухалась.

— Я очухалась. — Она смотрела на меня негодующе... и насмешливо. — Умеешь ты приходить в гости, Джордж.

Я повернулся к аптечному шкафчику.

— Больше нет. Все уже в унитазе.

Прожив с Кристи четыре года, я все равно заглянул в шкафчик. Потом спустил воду в унитазе. Разобравшись с таблетками, выскользнул мимо Сейди за дверь.

— Даю тебе три минуты.

9

Я прочитал обратный адрес на конверте: «Джону Клейтону, Ист-Оглторп-авеню, 79, Саванна, штат Джорджия». Никто не мог обвинить этого ублюдка в том, что он прикрывается вымышленным именем и появился неизвестно откуда. Судя по дате на штемпеле — двадцать восьмого августа, — этот конверт уже дожидался Сейди, когда та приехала из Рино. Почти два месяца она размышляла над содержимым конверта. Вечером шестого сентября мне показалось, что она грустна и подавлена. Этому не приходилось удивляться, с учетом фотографий, присланных ее бывшим.

Мы все в опасности, услышал я от нее во время нашего последнего телефонного разговора. *В этом я согласна с Джонни.*

Фотографии запечатлели японских мужчин, женщин, детей. Жертв атомной бомбардировки Хиросимы, Нагасаки, а может, обоих городов. Некоторые ослепли. Многие облысели. Большинство страдало от радиоактивных ожогов. Нескольких, как эту женщину без лица, словно поджарили на углях. На одной фотографии я увидел четыре черные статуи — отшатнувшихся в ужасе людей. Эти люди стояли у стены, когда взорвалась бомба. Они превратились в пар, как и практически вся стена. Сохранились только те ее части, которые заслоняли собой люди. А черными эти статуи стали, потому что их покрыла сгоревшая плоть.

На обратной стороне каждой фотографии он написал одно и то же, четким, аккуратным почерком: *Скоро и в Америке. Статистический анализ не лжет.*

— Красиво, не правда ли?

Голос звучал ровно и бесстрастно. Она стояла в дверях, завернутая в полотенце. Волосы влажными локонами падали на голые плечи.

— Сколько ты успела выпить, Сейди?

— Только пару стаканчиков, потому что таблетки не действовали. Думаю, я пыталась тебе это сказать, когда ты тряс меня и отвешивал оплеухи.

— Если ты рассчитываешь на мои извинения, то ждать тебе придется долго. Барбитураты и спиртное — сочетание не из лучших.

— Это не важно, — ответила она. — Оплеухи мне отвешивали и раньше.

Я вспомнил о Марине и поморщился. Оплеуха оплеухе рознь, но все равно оплеуха. И я не только боялся, но и злился.

Она прошла к креслу в углу, села, туже замоталась в полотенце, напоминая угрюмого ребенка.

— Мне позвонил мой друг Роджер Битон. Я тебе сказала?

— Да.

— Мой *хороший* друг Роджер. — Ее взгляд предлагал мне как-то прокомментировать эту фразу. Я предпочел промолчать. Если на то пошло, ее жизнь принадлежала ей. Мне лишь хотелось убедиться, что Сейди жива.

— Ладно, твой хороший друг Роджер.

— Посоветовал обязательно послушать вечером речь этого ирландского говнюка. Так он его назвал. Потом спросил, как далеко Джоди от Далласа. Я ответила и услышала: «Возможно, достаточно далеко, все будет зависеть от направления ветра». Сам он уехал из Вашингтона, как и многие, но я не думаю, что им это как-то поможет. От атомной войны не убежишь. — Она начала плакать, громкие рыдания сотрясали все ее тело. — *Эти идиоты собрались уничтожить наш прекрасный мир! Они собрались убить детей! Я их ненавижу! Я их всех ненавижу! Кеннеди, Хрущева, Кастро, я надеюсь, все они сгорят в аду!*

Сейди закрыла лицо руками. Я опустился рядом с ней на колени, как старомодный джентльмен, готовящийся предложить руку и сердце, и обнял ее. Она обвила руками мою шею, ухватилась за меня, словно утопающая. Тело было холодным после душа, но щека, которой она прижималась к моей руке, горела.

В этот момент я тоже их всех ненавидел, а больше всего — Джона Клейтона, за то, что он посадил зернышко страха в разуме этой молодой женщины, не уверенной в себе и психологически ранимой. Посадил, поливал, выпалывал сорняки, наблюдал, как оно прорастает.

И разве в этот вечер ужас обуял только Сейди? Разве только она обратилась к таблеткам и спиртному? Как быстро и крепко напивались сейчас в «Айви рум»? Я ошибочно предположил, что

люди встретят Кубинский ракетный кризис точно так же, как и любой сложный период международной политической напряженности, поскольку ко времени моего поступления в колледж он превратился в список фамилий и дат, которые следовало выучить к следующему экзамену. Так это смотрелось из будущего. Но для людей в долине (темной долине) настоящего все выглядело иначе.

— Эти фотографии ждали меня, когда я вернулась из Рино. — Сейди не отрывала от меня налитых кровью, затравленных глаз. — Я хотела выбросить их, но не смогла. Смотрела и смотрела на них.

— Как и хотел этот ублюдок. Поэтому он послал их тебе.

Она словно и не услышала.

— Статистический анализ — его хобби. Он говорит, что со временем, когда компьютеры станут более мощными, статистический анализ превратится в самую важную науку, потому что он никогда не ошибается.

— Ложь. — Перед моим мысленным взором возник Джордж де Мореншильдт, обаятельный человек, единственный друг Ли. — Всегда есть окно неопределенности.

— Я чувствую, что день суперкомпьютеров Джонни никогда не придет. Оставшимся людям... если они останутся... придется жить в пещерах. Под небом... уже не голубым. Ядерная ночь, так это называет Джонни.

— Он несет пургу, Сейди. Как и твой приятель Роджер.

Она покачала головой. Ее красные глаза с грустью разглядывали меня.

— Джонни знал, что русские готовятся запустить космический спутник. Мы тогда только-только закончили колледж. Он сказал мне об этом летом, и точно, в октябре они запустили спутник. «Теперь они запустят собаку или обезьяну, — говорил он. — Потом человека. И наконец, двух человек и бомбу».

— И они это сделали? Сделали, Сейди?

— Они запустили собаку, и они запустили человека. Собаку звали Лайка. Помнишь? Она умерла там. Бедняжка. Им нет необходимости запускать двух человек и бомбу. Они воспользуются своими ракетами, а мы воспользуемся нашими. И все из-за говняного острова, где делают *сигары*.

— Ты знаешь, что говорят фокусники?

— Фоку?.. Это ты к чему?

— Они говорят, что ты можешь обдурить ученого, но тебе никогда не обдурить другого фокусника. Твой бывший знает науки, но он точно не фокусник. А вот русские — те еще фокусники.

— Это какая-то чушь. Джонни говорит, что русские должны схватиться с нами, и скоро, потому что сейчас у них превосходство по количеству ракет, но оно тает. Вот почему они не отступят в вопросе Кубы. Это предлог.

— Джонни насмотрелся новостных сюжетов о ракетах, которые проезжают по Красной площади Первого мая. Только он не знает... как, вероятно, не знает и сенатор Кучел... что у половины этих ракет нет двигателей.

— Ты не... ты не можешь...

— Он не знает, сколько этих баллистических ракет взорвется на пусковых площадках в Сибири из-за плохих расчетов. Он не знает, что половина ракет, сфотографированных нашими У-2, на самом деле раскрашенные деревья с картонными стабилизаторами. Это фокус, Сейди. На нем можно провести ученых, таких как Джонни, и политиков, таких как сенатор Кучел, но другого фокусника не проведешь.

— Это... не... — Она помолчала, кусая губы. Потом спросила: — Откуда *ты* можешь это знать?

— Не могу сказать.

— Тогда я не могу тебе поверить. Джонни говорил, что Кеннеди станет кандидатом на выборах президента от демократической партии, хотя все остальные сходились на том, что это будет Хамфри, так как Кеннеди — католик. Он проанализировал результаты праймериз во всех штатах, свел все цифры и оказался прав. Он говорил, что баллотироваться Кеннеди будет в паре с Джонсоном, потому что Джонсон — единственный южанин, которого сочтут приемлемым к северу от линии Мейсона—Диксона. И в этом оказался прав. Кеннеди стал президентом, а теперь собирается убить нас всех. Статистический анализ не лжет.

Я глубоко вдохнул.

— Сейди, я хочу, чтобы ты выслушала меня очень внимательно. Ты уже проснулась и способна на такое?

Какое-то время мой вопрос оставался без ответа. Потом она кивнула.

— Сейчас у нас раннее утро вторника. Противостояние продлится еще три дня. Может, четыре, не могу вспомнить.

— Что значит — не можешь вспомнить?

Это значит, что в записях Эла об этом ничего нет, и знания я черпаю из курса «История Америки», экзамен по которому сдавал чуть ли не двадцать лет назад. Просто удивительно, что я помню так много.

— Мы установим блокаду Кубы, но на единственном русском корабле, который досмотрим, обнаружатся только продукты и промышленные товары гражданского назначения. Русские поднимут дикий шум, но к четвергу или пятнице сами напугаются до смерти и начнут искать выход. Один из крупных русских дипломатов станет инициатором тайной встречи с каким-то телевизионщиком. — И тут, как по мановению волшебной палочки — такое со мной бывало при разгадывании кроссвордов, — я вспомнил фамилию. Или почти вспомнил. — Его зовут Джон Скейлари... или вроде того...

— Скейли? Ты говоришь о Джоне Скейли, репортере новостной редакции Эй-би-си?

— Да, о нем. Это произойдет в пятницу или субботу, когда все остальные, включая твоего бывшего и твоего приятеля из Йеля, будут ждать команды сунуть голову между ног и на прощание поцеловать жопу.

Она порадовала меня смехом.

— Этот русский скажет что-то вроде... — Тут я заговорил с русским акцентом. Освоил его, слушая жену Ли. А может, Бориса и Наташу из «Рокки и Буллвинкля». — «Перредайте своему ппрезиденту, что мы хотим выйти из этого с честью. Вы соглашаетесь уббрать ваши ядеррные ррракеты из Туррции. Вы обещаете никогда не вторргаться на Кубу. Мы говоррим «хорошо» и забирраем ррракеты с Кубы». Именно так и будет, Сейди.

Теперь она не смеялась. Смотрела на меня глазами-блюдцами.

— Ты все это выдумываешь, чтобы поднять мне настроение.

Я промолчал.

— Ты не выдумываешь, — прошептала она. — Ты действительно в это веришь.

— Нет, — покачал я головой. — Я это знаю. Большая разница.

— Джордж... *никто* не знает будущего.

— Джон Клейтон утверждает, что знает, и ты *ему* веришь. Роджер из Йеля утверждает, что знает, и ему ты тоже веришь.

— Ты к нему ревнуешь, верно?

— Ты чертовски права.

— Я никогда с ним не спала. И не хотела. — И после паузы добавила совершенно серьезно: — Никогда не лягу в одну кровать с мужчиной, который выливает на себя так много одеколона.

— Рад слышать. Я все равно ревную.

— Могу я задать вопрос, откуда ты...

— Нет. Я на него не отвечу. — Возможно, мне не следовало говорить ей так много, но я не мог остановиться. И если честно, при необходимости я бы все повторил. — Но я скажу тебе кое-что еще. Ты сможешь это проверить через пару дней. Эдлай Стивенсон* и русский представитель в ООН выступят перед Генеральной Ассамблеей. Стивенсон покажет огромные фотографии пусковых ракетных установок, которые русские строят на Кубе, и попросит русского представителя объяснить, почему русские утверждают, что ничего там не строят. Русский парень скажет что-то вроде: «Вам придется подождать, я не могу ответить, не получив точного перевода вашего вопроса». И Стивенсон, который знает, что этот парень владеет английским не хуже его, произнесет фразу, которая войдет во все учебники по истории наряду с *«не стреляйте, пока не увидите белки их глаз»***. Он скажет русскому парню, что готов ждать, пока не замерзнет ад.

Она с сомнением посмотрела на меня, повернулась к столику у кровати, увидела прижженную пачку «Винстона» поверх горы окурков.

— Думаю, у меня закончились сигареты.

— Придется потерпеть до утра, — сухо ответил я. — Мне представляется, что ты выкурила недельную норму.

— Джордж? — Голос звучал тихо и смиренно. — Ты останешься со мной на ночь?

---

* Политический деятель, в 1961—1965 гг. постоянный представитель США в ООН.

** Знаменитый приказ Уильяма Прескотта, полковника американской армии во время Войны за независимость США, отданный солдатам перед сражением на Банкер-Хилл 17 июня 1775 г.

— Мой автомобиль припаркован на твоей...

— Если кто-то из особо любопытных соседей откроет рот, я объясню им, что ты приехал повидаться со мной после речи президента, а потом двигатель не завелся.

С учетом того, как нынче работал двигатель «санлайнера», это объяснение представлялось правдоподобным.

— Твоя внезапная озабоченность правилами приличия означает, что ты перестала тревожиться об атомном Армагеддоне?

— Не знаю. Знаю только, что не хочу оставаться одна. Я готова заняться с тобой любовью, если смогу этим удержать тебя, но не думаю, что мы получим удовольствие. У меня *ужасно* болит голова.

— Ты не должна заниматься со мной любовью, милая. У нас же не деловые отношения.

— Я не говорю...

— Ш-ш-ш. Я принесу тебе аспирин.

— И загляни на аптечный шкафчик, хорошо? Иногда я оставляю там пачку сигарет.

Пачка нашлась, но к тому времени, когда Сейди сделала три затяжки — сигарету раскурил ей я, — ее глаза осоловели и она задремала. Я взял сигарету из ее пальцев и затушил о нижнюю часть склона Раковой горы. Потом обнял Сейди и лег рядом с ней. Так мы и заснули.

10

Проснувшись при первых лучах зари, я обнаружил, что ширинка брюк расстегнута и умелая рука исследует содержимое трусов. Повернулся к Сейди. Она спокойно смотрела на меня.

— Мир пока на месте. Мы тоже. Приступай к делу. Только нежно. Голова все еще болит.

Я выполнил ее просьбу и постарался растянуть удовольствие. Мы оба старались растянуть удовольствие. В конце она вскинула ноги, и ее ногти вонзились в мои лопатки. Это означало: *О дорогой, о Господи, о милый.*

— Кем угодно, — шептала она, и от ее дыхания я содрогался, кончая. — Ты можешь быть кем угодно, делать что угодно, только скажи, что ты останешься. И что все еще любишь меня.

— Сейди... я и не переставал тебя любить.

11

Мы позавтракали на кухне, прежде чем я вернулся в Даллас. Я сказал, что действительно перебрался в Даллас и, хотя еще не поставил себе телефон, сообщу ей мой новый номер, как только он у меня появится.

Она кивнула, повозила по тарелке яичницу.

— Я поступлю, как и говорила. Не буду больше задавать вопросы о твоих делах.

— Наилучший вариант. Не спрашивай — и не услышишь.

— Что?

— Не важно.

— Только скажи мне еще раз, что делаешь доброе дело.

— Да, — кивнул я. — Я из хороших парней.

— Но когда-нибудь ты сможешь мне рассказать?

— Надеюсь. Эти фотографии, которые он прислал...

— Я разорвала их этим утром. Больше не хочу о них говорить.

— Мы и не будем. Но я хочу, чтобы ты подтвердила, что никаких других контактов, за исключением письма, у тебя с ним не было. Что сюда он не приезжал.

— Не приезжал. И письмо, если судить по штемпелю, отправлено из Саванны.

Я это заметил. Но заметил и другое: со дня отправления прошло почти два месяца.

— Он не из тех, кто способен на непосредственную конфронтацию. Умом он смел, но по натуре трус.

Я решил, что это логичный вывод. Послать такие фотографии — классический пример пассивно-агрессивного поведения. Однако Сейди не сомневалась, что Клейтон не узнает, где она работает и живет, и в этом ошиблась.

— Поведение людей с неуравновешенной психикой предсказать трудно, дорогая. Если увидишь его, немедленно позвони в полицию, хорошо?

— Да, Джордж. — В голосе слышалось раздражение. — Мне нужно задать тебе один вопрос, и больше мы не будем к этому возвращаться, пока ты не сочтешь нужным все мне рассказать. Если сочтешь.

— Хорошо. — Я уже пытался найти ответ на очевидный для меня вопрос, готовый сорваться с ее губ: *Ты из будущего, Джордж?*

— Он может показаться тебе безумным.

— Мы пережили безумную ночь. Спрашивай.

— Ты... — Она рассмеялась, потом начала собирать тарелки. Пошла с ними к раковине и спросила, повернувшись ко мне спиной: — Ты человек? С планеты Земля?

Я поднялся, подошел к ней, обнял, обхватив ладонями груди. Поцеловал в шею.

— Абсолютно, с пяток до макушки.

Она повернулась. Смотрела на меня очень серьезно.

— Могу задать еще один?

Я вздохнул.

— Валяй.

— Одеваться на работу мне надо минут через сорок. У тебя, случайно, нет еще одного презерватива? Думаю, я нашла лекарство от головной боли.

Глава 20

1

Короче, потребовалась угроза атомной войны, чтобы вновь свести нас вместе... Ну до чего романтично!

Ладно, может, и нет.

Дек Симмонс, мужчина, всегда берущий с собой в кино на грустный фильм дополнительный носовой платок, горячо одобрил наше решение. Элли Докерти — нет. Такова уж странная особенность, которую я подметил: женщины лучше хранят секреты, но мужчинам легче с ними жить. Через неделю после завершения Карибского ракетного кризиса Элли пригласила Сейди в свой кабинет и закрыла дверь — дурной знак. Она не стала ходить вокруг да около, а в лоб спросила Сейди, узнала ли та обо мне что-то такое, чего не знала раньше.

— Нет, — ответила Сейди.

— Но вы вновь начали встречаться.

— Да.

— Вы хоть знаете, где он живет?

— Нет, но у меня есть телефонный номер.

Элли закатила глаза, и кто бы поставил ей это в упрек?

— Он что-нибудь рассказал о своем прошлом? Был ли он раньше женат? Потому что я уверена, что был.

Сейди молчала.

— Он не упомянул, что где-то бросил ребенка или двух? Потому что иногда мужчины так поступают, а сделав это однажды, без малейшего колебания...

— Миз Элли, я могу вернуться в библиотеку? Я оставила за себя ученицу, и пусть Элен очень ответственная, мне бы не хотелось...

— Идите, идите. — Элли махнула рукой в сторону двери.

— Я думала, Джордж вам *нравится*. — Сейди поднялась.

— Нравится, — ответила Элли тоном, который Сейди расценила как «нравился». — И он бы нравился мне еще больше — особенно за отношение к вам, — если бы я знала его настоящее имя и что он задумал.

— Не спрашивай — и не услышишь, — ответила Сейди и направилась к двери.

— И что это должно означать?

— Что я его люблю. Что он спас мне жизнь. Что в ответ я могу отдать ему только мое доверие, и именно так я и намерена поступить.

Миз Элли относилась к женщинам, привыкшим к тому, что последнее слово в большинстве случаев остается за ними, но этот разговор стал исключением.

2

Осенью и зимой наша жизнь шла по заведенному порядку. Я приезжал в Джоди в пятницу во второй половине дня. Иногда по пути покупал букет в цветочном магазине Раунд-Хилла. Иногда стригся в «Парикмахерской Джоди», животворном источнике местных сплетен. Опять же, я привык стричь волосы коротко. Помнил, что когда-то отращивал их такими длинными, что они падали на глаза, но никак не мог вспомнить причину, заставлявшую

шую терпеть подобное неудобство. Привыкнуть к замене боксеров на плавки оказалось сложнее, однако через какое-то время яйца перестали жаловаться на удушение.

Вечером в пятницу мы обычно ели в «Закусочной Эла», а потом шли на футбол. Когда футбольный сезон закончился, переключились на баскетбол. Иногда к нам присоединялся Дек в свитере футбольной команды. На груди было изображение Брайана, сражающегося денхолмского льва.

Миз Элли — никогда.

Ее осуждение не мешало нам ездить в «Кэндлвуд бунгалос» после пятничных игр. Ночь с субботы на воскресенье я обычно проводил там в одиночестве, а утром присоединялся к Сейди на службе в Первой методистской церкви Джоди. Мы пользовались одним псалтырем и пели многие строфы псалма «Приносите снопы», начинавшегося строкой: *Сейте утром, сейте семена добра...* Мелодия и добрые слова по-прежнему звучат у меня в голове.

После церкви мы обедали у нее дома, и я возвращался в Даллас. С каждым разом поездка казалась мне все более долгой и нравилась все меньше. Наконец в холодный декабрьский день, в моем «форде» сломался шатун, то есть автомобиль однозначно дал понять, что выбранное направление движения — неправильное. Я хотел его починить (этот кабриолет «санлайнер» — единственный автомобиль, в который я влюбился), но механик «Авторемонта» в Кайлине сказал, что требуется замена двигателя, а он не знает, где его взять.

Я залез в мой все еще толстый (скажем... *относительно* толстый) загашник и купил «шевроле» пятьдесят девятого года выпуска, с характерными задними плавниками, напоминающими крылья чайки. Я понимал, что это хороший автомобиль, и Сейди говорила, что в восторге от него, но мое сердце принадлежало «санлайнеру».

Рождественскую ночь мы провели вместе в «Кэндлвуде». Я поставил на комод веточку омелы и подарил Сейди кардиган. Она мне — мокасины, которые я ношу по сей день. С некоторыми вещами долго не расстаются.

В День подарков мы обедали у нее дома, и когда я накрывал на стол, на подъездную дорожку свернул «ранч-вэгон» Дека. Меня это удивило, потому что Сейди ничего не говорила о гостях.

Еще больше я удивился, увидев миз Элли на переднем пассажирском сиденье. А уж когда она вылезла из автомобиля и, сложив руки на груди, строго оглядела мой «шеви», мне стало понятно, что в неведении пребывал не только я. Но — и тут надо отдать ей должное — поприветствовала она меня, прекрасно изобразив теплые чувства, и даже поцеловала в щеку. Миз Элли в вязаной лыжной шапочке, напоминавшая состарившегося ребенка, поблагодарила меня и натянуто улыбнулась, когда я снял шапочку с ее головы.

— Меня тоже не поставили в известность, — поделился я с ней.

Дек крепко пожал мне руку.

— С Рождеством, Джордж. Рад вас видеть. Господи, что-то очень уж вкусно пахнет.

Он скрылся на кухне. Через несколько секунд я услышал смех Сейди и ее голос:

— Уберите оттуда руки, Дек! Или ваша мама плохо вас воспитывала?

Элли медленно расстегивала пальто, не отрывая взгляда от моего лица.

— Это благоразумно, Джордж? То, что делаете вы с Сейди... это благоразумно?

Прежде чем я успел ответить, в комнату вошла Сейди. Принесла индейку, с которой возилась после нашего возвращения из «Кэндлвуд бунгалос». Мы сели за стол, взялись за руки.

— Дорогой Господь, пожалуйста, благослови еду, ниспосланную нам Тобой, — начала Сейди, — и, пожалуйста, благослови нашу дружбу, каждого с каждым, разумом и душой.

Я уже разжал пальцы, но она крепко держала мою руку своей левой, а руку Элли — правой.

— И пожалуйста, благослови дружбой Джорджа и Элли. Помоги Джорджу помнить ее доброту и помоги Элли помнить, что без Джорджа в городе жила бы девушка с жутко обезображенным лицом. Я люблю их обоих, и так грустно видеть недоверие в их глазах. Во имя Иисуса, аминь.

— Аминь, — весело воскликнул Дек. — Хорошая молитва! — И подмигнул Элли.

Я чувствовал, что Элли хочет подняться и уйти. Возможно, остановило ее упоминание Бобби Джил. А может, все возрастающее уважение, которое она испытывала к школьной библиоте-

карше. Или на ее решение остаться как-то повлияло отношение ко мне. Мне бы хотелось так думать.

Сейди в тревоге смотрела на миз Элли.

— Индейка выглядит восхитительно. — Элли протянула мне свою тарелку. — Вы не положите мне ножку, Джордж? И не жалейте гарнира.

Я знал, что Сейди ранимая, знал, что неуклюжая, но и храбрости ей было не занимать.

Как же я ее любил.

3

Ли, Марина и Джун на встречу Нового года поехали к де Мореншильдтам. Я остался в компании моих подслушивающих устройств, но когда позвонила Сейди и спросила, не приглашу ли я ее на новогодние танцы в клубе отделения «Гранджа» в Джоди, заколебался.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — не отступалась Сейди, — но на этот раз будет лучше, чем в прошлом году. Мы постараемся, Джордж.

Мы приехали в восемь вечера, вновь танцевали под провисшими сетями с воздушными шариками. В этом году играла группа «Домино». Тон задавали четыре трубача, которые взяли на себя роль прошлогодних серф-гитар а-ля Дик Дейл и отлично с этим справлялись. В зале стояли те же самые большие чаши с розовым лимонадом и имбирным элем, безалкогольная и сдобренная спиртным. Курильщики все так же забивались под лестницу, чтобы не выходить на холод. Но веселья по сравнению с прошлым годом точно прибавилось. Все ощущали облегчение и счастье. В октябре над миром нависла тень атомной войны... однако потом он вынырнул из-под нее. Я услышал несколько одобрительных комментариев по поводу того, как Кеннеди заставил плохого старого русского медведя убраться в берлогу.

Около девяти часов, во время медленного танца, Сейди вдруг вскрикнула и отстранилась от меня. Я не сомневался, что она заметила Джона Клейтона, и у меня оборвалось сердце. Но вскрикнула она от радости, потому что заметила только-только появившихся в зале Майка Кослоу, на удивление симпатичного

в твидовом пальто, и Бобби Джил Оллнат. Сейди побежала к ним... и споткнулась о чью-то ногу. Майк поймал ее и закружил. Бобби Джил помахала мне рукой, немного застенчиво.

Я пожал Майку руку и поцеловал Бобби Джил в щечку. От уродливого шрама осталась едва заметная розовая линия.

— Доктор говорит, что к следующему лету она исчезнет, — сообщила мне девушка. — Он говорит, что никогда не видел, чтобы рана заживала так быстро. Спасибо вам.

— Я получил роль в «Смерти коммивояжера», мистер А, — похвалился Майк. — Играю Бифа.

— Твоя роль, — кивнул я. — Только берегись летающих тортов.

Увидев, как он беседует с солистом группы в один из перерывов, я понял, что грядет. Когда музыканты вернулись на эстраду, солист взял в руки микрофон.

— Ко мне обратились со специальной просьбой. Есть у нас в зале Джордж Амберсон и Сейди Данхилл? Джордж и Сейди? Подойдите сюда, Джордж и Сейди, хватит сидеть, музыка ждет.

Мы пошли к эстраде под гром аплодисментов. Сейди смеялась и краснела. Кулаком погрозила Майку. Он улыбался во весь рот. В юношеском лице уже проступал мужчина. Медленно, застенчиво, но проступал. Солист начал отсчет, трубачи заиграли мелодию, которую я до сих пор слышу в своих снах.

Ба-да-да... ба-да-да-ди-дам...

Я протянул руки к Сейди. Она покачала головой, но при этом задвигала бедрами.

— Давайте, миз Сейди! — крикнула Бобби Джил. — Станцуйте с ним!

— Стан-цуй-те! Стан-цуй-те! Стан-цуй-те! — начала скандировать толпа.

Сейди сдалась и взяла меня за руки. Мы станцевали.

4

В полночь «Домино» заиграли «Старое доброе время» — другая аранжировка, те же нежные слова, — и вокруг нас воздушные шарики начали медленно опускаться на пол. Пары обнимались и целовались. Как и мы.

— Счастливого Нового года, Дж... — Она подалась назад, хмурясь. — Что не так?

А я вдруг увидел Техасское хранилище школьных учебников, отвратительный кирпичный куб с окнами-глазами. Именно в этом году ему предстояло стать символом Америки.

Не станет. Я не позволю тебе пройти так далеко, Ли. Ты никогда не выглянешь из окна на шестом этаже. Это я тебе обещаю.

— Джордж?

— Меня вдруг пробрала дрожь. Счастливого Нового года.

Я уже собрался поцеловать ее, но она задержала меня.

— Это должно скоро случиться? То, ради чего ты здесь?

— Да, — кивнул я. — Но не в эту ночь. Эта ночь принадлежит только нам. Поцелуй меня, милая. И потанцуй со мной.

5

В конце 1962 — начале 1963-го я жил двумя жизнями. Хорошей — в Джоди и в «Кэндлвуде». Другой — в Далласе.

Ли и Марина съехались вновь. Их первой остановкой в Далласе стал разваливающийся дом на соседней улице с Западной Нили. Перебраться туда им помог де Мореншильдт. Джордж Баух пропал из виду. Как и остальные русские эмигранты. Ли их всех отвадил. *Они его ненавидели,* отмечал Эл в своих записях. Ниже сделал приписку: *Он этого добивался.*

Готовое обрушиться здание из крошащегося красного кирпича — номер 604 по Элсбет-стрит — вмещало четыре или пять квартир. В них жили бедняки, которые много работали, много пили и плодили орды сопливых вопящих детей. В сравнении с этой квартирой дом Освальдов в Форт-Уорте выглядел чуть ли не дворцом.

Мне не требовались средства электронного слежения, чтобы видеть, что семейная жизнь Освальдов разваливалась. Марина продолжала носить шорты и после того, как заметно похолодало, словно упрекала Ли своими синяками. Разумеется, и ради того, чтобы показать свою сексуальную привлекательность. Джун обычно сидела между ними в коляске. Если они начинали громко ссориться, малышка уже не плакала, просто наблюдала и для успокоения сосала палец или пустышку.

В один из ноябрьских дней 1962 года я вернулся из библиотеки и увидел Ли и Марину, кричавших друг на друга на углу

Западной Нили и Элсбет. Несколько человек (по большей части женщины, учитывая время суток) вышли на крыльцо, чтобы полюбоваться зрелищем. Джун сидела в коляске, завернутая в розовое ворсистое одеяло, молчаливая и забытая.

Ссорились они на русском, но причину пояснял указующий перст Ли. Марина надела на прогулку прямую черную юбку — я не знаю, назывались они тогда юбками-карандашами или нет — и молнию на левом бедре застегнула только наполовину. Вероятно, материя попала в зубчики, и бегунок не опускался ниже, но, судя по яростному тону Ли, выходило, что она снимает мужчин.

Марина отбросила со лба волосы, указала на Джун, махнула рукой в сторону дома, в котором они жили — из дырявых желобов капала черная вода, на вытоптанной лужайке валялся мусор и банки из-под пива, — и крикнула на английском:

— Ты врешь про счастье, а потом приводишь жену и ребенка в этот *свинарник*!

Он покраснел до корней волос и обхватил руками тощую грудь, словно хотел приковать их к себе и не дать воли. Возможно, ему бы это и удалось — на сей раз, — если бы Марина не рассмеялась и не покрутила пальцем у виска. Наверное, этот жест одинаково воспринимается во всех странах. Потом она начала отворачиваться от него. Он развернул ее лицом к себе, при этом едва не перевернув коляску с Джун. Ударил. Марина упала на потрескавшийся бетон тротуара и закрыла лицо руками, когда он наклонился над ней.

— Нет, Ли, нет! Больше не бей меня!

Он ее не ударил. Схватил. Поднял на ноги, начал трясти. Голова Марины болталась из стороны в сторону.

— Ты! — раздался слева от меня скрипучий голос. — Ты, парень!

Я увидел пожилую женщину, опиравшуюся на ходунки. Она стояла на крыльце в розовой фланелевой ночной рубашке и стеганом жакете. Седые волосы торчали во все стороны, напомнив мне о двадцатитысячевольтовом перманенте Эльзы Ланчестер в фильме «Невеста Франкенштейна».

— Этот человек бьет женщину! Подойди и прекрати это!

— Нет, мэм, — ответил я дрогнувшим голосом. Хотел добавить: *Я не встану между мужем и женой,* но лгать не стал. Правда

же состояла в том, что я не хотел своими действиями менять будущее.

— Ты трус, — бросила она мне.

Я едва не сказал: *Вызовите копов,* однако вовремя сдержался. Если старушка об этом и не думала, а я подал бы такую мысль, это тоже могло изменить ход истории. Приезжали ли копы? Хоть раз? В записях Эла такого не было. Я знал только, что Освальда никогда не привлекали к ответственности за избиение супруги. Впрочем, в это время и в этом месте мало кто из мужчин привлекался за побои.

Одной рукой он волок Марину по дорожке к дому, другой тащил коляску. Старуха бросила на меня последний испепеляющий взгляд и, переставляя ходунки, вернулась домой. Остальные зрители тоже разошлись. Шоу закончилось.

Из гостиной я навел бинокль на кирпичную развалюху, расположенную наискосок от моего дома. Два часа спустя, когда уже собрался прекратить наблюдение, появилась Марина с маленьким розовым чемоданом в одной руке и завернутым в одеяло ребенком в другой. Она сменила оскорбившую достоинство Ли юбку на брюки и вроде бы надела два свитера — день выдался холодным. Быстрым шагом пошла по улице, несколько раз оглянулась, опасаясь, что Ли бросится за ней. Когда я убедился, что он за ней бежать не собирается, вышел из дома и двинулся следом.

Она дошла до автомобильной мойки, расположенной в четырех кварталах на Уэст-Дэвис, и позвонила по телефону-автомату. Я сидел на другой стороне улицы на автобусной остановке, прикрывшись газетой. Двадцать минут спустя подъехал верный Джордж Баух. Она принялась торопливо рассказывать о случившемся. Он подвел ее к переднему пассажирскому сиденью, открыл дверь. Она улыбнулась и чмокнула его в уголок рта. Я уверен, он счел за счастье и первое, и второе. Потом сел за руль, и они уехали.

6

В этот вечер перед домом на Элсбет-стрит произошла еще одна ссора, и вновь при скоплении живущих в непосредственной близости соседей. Я присоединился к ним, полагая, что в толпе не привлеку к себе особого внимания.

Кто-то — почти наверняка Баух — прислал Джорджа и Джин де Мореншильдт, чтобы те забрали вещи Марины. Баух, вероятно, справедливо рассудил, что только им удастся сделать это без драки, которую мог устроить Ли.

— Будь я проклят, если отдам хоть что-нибудь! — кричал Ли, не замечая, сколь жадно соседи ловят каждое слово. На его шее вздулись жилы, лицо вновь стало багрово-красным. Как он, наверное, ненавидел эту особенность своего организма — краснеть, словно юная девушка, которую застукали за передачей любовной записки.

Де Мореншильдт решил надавить на здравомыслие.

— Подумай, мой друг. В этом случае еще есть шанс. Если она пришлет полицию... — Он пожал плечами и вскинул руки к небу.

— Тогда дайте мне час, — попросил Ли. Его губы искривились, но отнюдь не в улыбке. — Этого мне хватит, чтобы порезать все ее платья и разломать игрушки, которые присылали эти богатеи, чтобы подкупить мою дочь.

— Что происходит? — спросил меня подкативший на «швинне» парень лет двадцати.

— Домашняя ссора, как я понимаю.

— Осмонт или как там его фамилия, да? Русская женщина ушла от него? Я скажу, давно пора. Этот тип чокнутый. Он коммунист, знаете?

— Что-то такое слышал.

Ли всходил на крыльцо с гордо поднятой головой, расправив плечи — прямо Наполеон, отступающий из Москвы, — когда Джин де Мореншильдт крикнула ему:

— Прекрати это, придурок!

Ли повернулся к ней, его глаза широко раскрылись. Он не мог поверить, что его так назвали... и обиделся. Посмотрел на де Мореншильдта, как бы говоря: *Приструни свою жену!* — однако де Мореншильдт молчал. Происходящее определенно забавляло его. Он напоминал театрала, смотрящего вполне пристойную пьесу. Ничего выдающегося, не Шекспир, но время скоротать можно.

— Если ты любишь свою жену, Ли, ради Бога, прекрати вести себя как избалованный мальчишка. Будь мужчиной.

— Вы не можете так говорить со мной. — От волнения его южный выговор стал заметнее.

— Я могу, буду и говорю, — отрезала Джин. — Принеси нам ее вещи, а не то я сама вызову полицию.

— Джордж, вели ей замолчать и не лезть в чужие дела.

Де Мореншильдт весело рассмеялся.

— Сегодня ты — наше дело, Ли. — Он стал серьезным. — Я перестаю тебя уважать, товарищ. Пусти нас в дом. Если ты ценишь мою дружбу, как я ценю твою, немедленно пусти нас в дом.

Плечи Ли ссутулились, и он отступил в сторону. Джин поднялась по ступенькам, не взглянув на него. Но де Мореншильдт остановился и заключил Ли, теперь болезненно тощего, в дружеские объятия. Через пару секунд Освальд обнял его. Я осознал (с жалостью и отвращением), что этот мальчишка — а он и был мальчишкой — заплакал.

— Они что, педики? — спросил парень на велосипеде.

— Они не такие, как все, это верно, — ответил я, — но в другом смысле.

7

В конце того же месяца, после выходных, проведенных с Сейди, я обнаружил, что Марина и Джун вернулись на Элсбет-стрит. Какое-то время в семье царил мир. Ли снова работал — увеличивал фотографии — и приходил домой вечером, иногда с цветами. Марина встречала его поцелуями. Однажды обратила его внимание на лужайку, с которой убрала мусор, и он ей поаплодировал. Она рассмеялась, и тут я заметил, что зубы у нее белые и ровные. Я не знал, какое отношение имел к этому Джордж Баух, но полагал, что самое непосредственное.

Я наблюдал за этой идиллией с угла и вновь вздрогнул, услышав скрипучий голос старухи с ходунками.

— Долго это не продлится, знаешь ли.

— Возможно, вы и правы.

— Он скорее всего убьет ее, я такое уже видела. — Ее глаза с холодным презрением смотрели на меня из-под всклокоченных волос. — И ты не вмешаешься, ничего не сделаешь, не правда ли, красавчик?

— Я вмешаюсь, — возразил я. — Если станет совсем уж плохо, вмешаюсь.

Это обещание я намеревался выполнить, хотя и не ради Марины.

8

Через день после обеда у Сейди в День подарков я нашел в своем почтовом ящике листовку от Освальда, хотя подписал ее некий А. Хайделл. Эта вымышленная фамилия упоминалась в записях Эла. За «А» скрывался Алик. Так называла его Марина, когда они жили в Минске.

Листовка меня не встревожила, потому что такую получили все, кто проживал на этой улице. Она была отпечатана на ярко-розовой бумаге (вероятно, Освальд позаимствовал ее на работе), и я видел с десяток, а то и больше в сточной канаве. Жителей далласского района Дубовый утес не научили относить мусор в положенное для него место.

ДОЛОЙ ПЕРЕДАЧИ ФАШИСТСКОГО «КАНАЛА-9»!
ДОЛОЙ ЛОГОВО СТОРОННИКА СЕГРЕГАЦИИ
БИЛЛИ ДЖЕЙМСА ХАРГИСА!
ДОЛОЙ ФАШИСТА ЭКС-ГЕНЕРАЛА ЭДВИНА УОКЕРА!

Во вторник вечером в программе Билли Джеймса Харгиса «Христианский крестовый поход» «Канал-9» намерен показать интервью с ГЕНЕРАЛОМ ЭДВИНОМ УОКЕРОМ, реакционным фашистом стремящимся убедить ДФК напасть на мирных людей Кубы и нагнетающим по всему Югу антинегритянские, сегрегационные настроения. (Если у вас возникли сомнения в точности этой информации загляните в «ТВ-гид».) Эти двое выступают за все то, против чего мы боролись во Второй мировой войне и их фашистским ВОПЛЯМ не место в эфире. ЭДВИН УОКЕР — один из тех СТОРОННИКОВ ГОСПОДСТВА БЕЛЫХ, которые пытались помешать ДЖЕЙМСУ МЕРЕДИТУ учится в «ОЛЕ МИСС». Если вы любите Америку, протестуйте против бесплатного

предоставления эфирного времени тем, кто пропаведует НЕНАВИСТЬ и НАСИЛИЕ. Напишите письмо! Еще лучше приходите 27 декабря на «Канал-9» и устройте сидячую демонстрацию протеста!

А. Хайделл
Президент отделения комитета
«Руки прочь от Кубы», Даллас — Форт-Уорт.

Читая, я попутно отмечал ошибки, потом сложил листовку и сунул в ящик с моими рукописями.

Если на телестудии и состоялась демонстрация протеста, то «Грязь геральд» не сообщила о ней в номере, вышедшем на следующий день после передачи Харгиса, в которой принял участие Уокер. Я сомневаюсь, что кто-нибудь пришел, включая и самого Ли. Я точно не пришел, но во вторник вечером включил «Канал-9», потому что хотел посмотреть на человека, которого Ли — вероятно, Ли — в скором времени попытается убить.

Поначалу показывали только Харгиса, толстяка с зачесанными назад, прилизанными черными волосами, который сидел за большим письменным столом и делал вид, будто строчит что-то важное под хоровую запись «Боевого гимна Республики». Как только хор смолк, он отложил ручку и заговорил, глядя в камеру: «Добро пожаловать на передачу «Христианский крестовый поход», соседи. Сегодня у меня хорошие новости: *Иисус любит вас.* Да, любит, каждого из вас. Не присоединитесь ли ко мне в молитве?»

Харгис напрягал ухо Господа не меньше десяти минут. Говорил то же самое, что и другие проповедники: благодарил Его за возможность распространять слово Божье и наставлял благословить тех, кто посылает Ему свою любовь. Потом перешел к делу, прося Бога вооружить Его Избранных мечом и щитом праведности, чтобы мы смогли победить коммунизм, который показал свое уродливое мурло в каких-то девяноста милях от побережья Флориды. Он просил Бога даровать президенту Кеннеди мудрость (сам Харгис, доверенное лицо Большого Парня, этой мудростью, само собой, обладал) вторгнуться туда и с корнем вырвать сорняки нечестивости. Он также потребовал, чтобы Бог положил конец росту коммунистической угрозы в кампусах американских колледжей — и к этому имела какое-то отношение

фолк-музыка, но Харгис потерял нить и не стал развивать эту мысль. Закончил он, возблагодарив Бога за ниспосланного Им в этот вечер гостя, героя сражений при Анцио и у водохранилища Чосин, генерала Эдвина Уокера.

Уокер пришел в студию не в военной форме, а в костюме цвета хаки, очень эту форму напоминавшем. Стрелки на брюках выглядели достаточно острыми, чтобы воспользоваться ими вместо бритвы. Его каменное лицо пробудило во мне воспоминания о Рэндольфе Скотте, актере, сыгравшем множество ковбойских ролей. Генерал пожал Харгису руку, и они поговорили о коммунизме, который окопался не только в студенческих кампусах, но и в коридорах конгресса, и в научном сообществе. Затронули фторирование питьевой воды. А потом переключились на Кубу, которую Уокер назвал «раковой опухолью Карибов».

Я видел, почему Уокер с таким треском провалился на выборах губернатора Техаса в прошлом году. Выступая перед школьниками, он бы усыпил их и на первом уроке, когда они наиболее бодры. Но Харгис умело направлял его, восклицая: «Восславим Иисуса!» и «Бог тому свидетель, брат», — когда занудство Уокера становилось совсем уж невыносимым. Они обсудили грядущий агитационный крестовый поход по Югу, названный «Операция "Ночная скачка"», а потом Харгис попросил Уокера высказать свое мнение в связи с «некими оскорбительными обвинениями в сегрегации, которые появились в нью-йоркской прессе, да и везде».

Уокер наконец-то забыл, что его показывают по телевизору, и разом ожил.

— Вы знаете, что это всего лишь грубая коммунистическая пропаганда.

— Я знаю! — воскликнул Харгис. — И Господь хочет, чтобы вы это сказали, брат!

— Я всю жизнь провел в армии Соединенных Штатов и в сердце останусь солдатом до моего последнего дня (если бы у Ли получилось, день этот наступил бы примерно через три месяца). И, будучи солдатом, я всегда исполнял свой долг. Когда президент Эйзенхауэр направил меня в Литл-Рок во время гражданских беспорядков в пятьдесят седьмом году, связанных, как вы знаете, с десегрегацией Центральной средней школы, я выполнил полученный приказ. Но, Билли, я также и солдат Господа:..

— *Христианский* солдат! Восславим Иисуса!

— ...и как христианин, я знаю, насильственная десегрегация — решение абсолютно *неправильное*. Оно противоречит Конституции, противоречит правам штатов и противоречит Библии.

— Расскажите нам об этом. — Харгис вытер со щеки слезу, а может, каплю пота, просочившуюся сквозь грим.

— Ненавижу ли я негритянскую расу? Те, кто это говорит — и кто приложил руку к тому, чтобы выгнать меня с военной службы, которую я любил, — лжецы и коммунисты. Это знаете вы, это знают люди, с которыми я служил, и это знает *Бог*. — Он наклонился вперед, чуть ли не приподнялся со стула для гостей программы. — Вы думаете, негры-учителя в Алабаме, и Арканзасе, и Луизиане, и в великом штате Техас хотят десегрегации? Они видят в этом пощечину их навыкам и трудолюбию. Вы думаете, негры-ученики хотят учиться с белыми, которые по природе своей обладают лучшими способностями к чтению, письму, счету? Вы думаете, настоящие американцы хотят появления полукровок в результате такого расового смешения?

— Разумеется, они не хотят! *Воссла-а-а-авим Иисуса!*

Я подумал о дощечке, которую видел в Северной Каролине, со стрелкой, указывающей на тропинку среди ядовитого плюща. С надписью: «ДЛЯ ЦВЕТНЫХ». Убивать Уокера, может, и не стоило, но привести его в чувство следовало. И я бы «восславил Иисуса» в честь любого, кто бы это сделал.

Я отвлекся, но слова Уокера вновь приковали мое внимание к телевизору.

— Это Бог, а не генерал Эдвин Уокер определил положение негров в Его мире, Он дал им другой цвет кожи и даровал им другой набор талантов. Главным образом, *спортивных* талантов. Что Библия говорит нам об этих различиях, и почему негритянской расе отпущено так много боли и страданий? Чтобы это понять, нам достаточно заглянуть в девятую главу Бытия, Билли.

— Восславим Господа за Его святое слово.

Уокер закрыл глаза и поднял правую руку, словно давая клятву в суде:

— «И выпил Ной вина, и опьянел, и лежал обнаженным в шатре своем. И увидел Хам наготу отца своего, и вышедши рассказал двум братьям своим». Но Сим и Иафет — один прароди-

тель арабов, а второй — белой расы, я знаю, вам это известно, Билли, но далеко не все в курсе, не все читали Библию, как мы, сидя на коленях наших матерей...

— Восславим Господа за христианских матерей, говорю я вам!

— Сим и Иафет не посмотрели. И когда Ной проснулся и обнаружил, что произошло, он сказал: «Проклят Ханаан, раб рабов будет он у братьев своих, будет носить дрова и черпать во...»

Я выключил телевизор.

9

Жизнь Ли и Марины в январе — феврале 1963 года напоминала мне аппликацию на футболке, которую иногда носила Кристи в последний год нашей совместной жизни. Надпись под яростно улыбающимся пиратом гласила: «ПОБОИ БУДУТ ПРОДОЛЖАТЬСЯ, ПОКА НЕ УЛУЧШАТСЯ НРАВЫ». И в ту зиму побоев в доме 604 по Элсбет-стрит хватало. Все проживавшие по соседству слышали крики Ли и плач Марины, иногда от злости, иногда от боли. Никто ничего не предпринимал, включая меня.

Не только ей регулярно доставалось в Дубовом утесе: битье жен по пятничным и субботним вечерам входило, похоже, в число местных традиций. Первые серые месяцы нового года запомнились мне одним: очень хотелось, чтобы эта бесконечная «мыльная опера» наконец-то закончилась и я смог постоянно быть с Сейди. Оставалось только убедиться, что Ли в одиночку пытался убить генерала Уокера, а уж потом я бы поставил завершающую точку. Конечно, сам факт, что в покушении на генерала Освальду никто не содействовал, не являлся стопроцентным доказательством того, что в Кеннеди стрелял только Освальд, но я полагал, что для меня этого вполне достаточно. Расставив все точки над i и перечеркнув все «t» — во всяком случае, большинство, — я мог выбрать место и время, чтобы пристрелить Освальда так же хладнокровно, как пристрелил Даннинга.

Время шло. Медленно, но шло. И однажды, незадолго до того, как Освальды переехали на Нили-стрит, в квартиру, расположенную над моей, я увидел Марину, разговаривавшую со старухой с ходунками и волосами а-ля Эльза Ланчестер. Обе улыбались. Старуха что-то спрашивала. Марина смеялась, кивала, вытягивала сцепленные перед животом руки.

Я стоял у окна за задернутыми шторами, с биноклем, разинув рот. Записи Эла ничего об этом не говорили. То ли он не знал, то ли плевать на это хотел. Но я-то плевать не мог.

Жена человека, ради убийства которого я больше четырех лет прожил в прошлом, вновь забеременела.

Глава 21

1

Освальды вселились в квартиру надо мной 2 марта 1963 года. Свои пожитки, упакованные главным образом в картонные коробки из винного магазина, они на руках перенесли из разваливающегося кирпичного дома на Элсбет-стрит. Вскоре бобины маленького японского магнитофона начали регулярно вращаться, но большую часть разговоров наверху я слушал через наушники. В этом случае люди говорили нормально, однако я все равно понимал далеко не все.

Через неделю после переселения Освальдов я посетил один из ломбардов на Гринвилл-авеню, чтобы купить оружие. Первым продавец выложил на прилавок «кольт» тридцать восьмого калибра, той самой модели, которую я приобрел в Дерри.

— Прекрасное средство защиты от уличных грабителей и проникших в дом воров, — похвалил он товар. — Гарантированное попадание в цель с двадцати ярдов.

— С пятнадцати, — поправил я его. — Я слышал, с пятнадцати.

Продавец вскинул брови.

— Ладно, пусть с пятнадцати. А любой...

...кто по глупости попытается вас ограбить, обязательно подойдет ближе, вспомнил я слова другого продавца.

— ...кто по глупости попытается вас ограбить, обязательно подойдет на более близкое расстояние. Так что скажете?

Первым возникло желание сказать (чтобы нарушить чувство гармонии, пусть фразы совпали не полностью), что я предпочту какую-нибудь другую модель, скажем, сорок пятого калибра, но я тут же понял, что нарушать гармонию скорее всего плохая идея.

Как знать? И я точно знал другое: револьвер тридцать восьмого калибра, купленный мной в Дерри, не подвел.

— Сколько?

— Он ваш за двенадцать долларов.

На два доллара больше, чем в Дерри, но и прошло четыре с половиной года. С поправкой на инфляцию цена показалась мне разумной. Я согласился, с условием, что он добавит коробку патронов.

Увидев, что я укладываю револьвер и патроны в портфель, который по этому случаю принес с собой, продавец спросил:

— А почему бы вам не купить кобуру, сынок? Судя по выговору, вы нездешний и, вероятно, не знаете, что в Техасе можно ходить с оружием. Никакого разрешения не требуется, если вы не совершали уголовных преступлений. Вы же не совершали уголовных преступлений?

— Нет, но я сомневаюсь, что меня могут ограбить ясным днем.

Продавец мрачно улыбнулся.

— На Гринвилл-авеню всякое может случиться. Несколько лет назад человек вышиб себе мозги в паре кварталов отсюда.

— Неужели?

— Да, сэр, около бара «Роза пустыни». Из-за женщины, разумеется. Можете себе такое представить?

— Пожалуй, — ответил я. — Хотя иногда стреляются и из-за политики.

— Не-а, если копнуть глубже, причина всегда одна: женщина, сынок.

Место для парковки я нашел лишь в четырех кварталах от ломбарда, и чтобы вернуться к моему новому (для меня) автомобилю, мне пришлось пройти мимо «Честного платежа», где я осенью 1960-го сделал ставку на «Питсбургских пиратов». Заплативший мне тысячу двести долларов букмекер стоял перед конторой и курил. Все в том же зеленом солнцезащитном козырьке. Он пробежался по мне взглядом, вроде бы безо всякого интереса.

2

Револьвер я купил в пятницу во второй половине дня и с Гринвилл-авеню прямиком поехал в Кайлин, где встретился с Сейди в «Кэндлвуд бунгалос». Ночь мы провели вместе, той зи-

мой это вошло у нас в привычку. На следующий день она уехала в Джоди, а в воскресенье я присоединился к ней на службе. После проповеди, когда все пожимали друг другу руки со словами: «Да пребудет с вами мир», — мысли мои, и без того неспокойные, вернулись к револьверу, который теперь лежал в багажнике моего автомобиля.

В воскресенье за обедом Сейди спросила:

— Сколько еще ждать? Когда ты сделаешь то, что должен?

— Если все пойдет, как я рассчитываю, где-то через месяц.

— А если не пойдет?

Я прошелся пальцами по волосам и направился к окну.

— Тогда не знаю. Есть еще вопросы?

— Да, — спокойно ответила она. — На десерт у нас вишневый коблер. Тебе со взбитыми сливками?

— Да. Я люблю тебя, милая.

— Это хорошо. — Она поднялась, чтобы принести пирог. — Потому что у меня здесь положение сложное.

Я остался у окна. Мимо медленно проехала машина — стара, но хороша, как сказали бы диджеи на Кей-эл-ай-эф, — и я вновь услышал колокольчик гармонии. Правда, теперь я слышал его постоянно, так что иной раз он ничего не значил. В памяти всплыл один из слоганов АА, который я узнал от Кристи: *Ложная видимость кажется реальностью.*

Хотя тут возникла четкая ассоциация. Мимо проехал бело-красный «плимут-фьюри». Такой же автомобиль я видел на стоянке у фабрики Ворамбо, неподалеку от сушильного сарая, рядом с которым «кроличья нора» выводила в 1958 год. Я помню, как потрогал багажник, чтобы убедиться, что автомобиль настоящий. Номерные знаки были из Арканзаса, а не из Мэна, но все же... этот колокольчик. Этот колокольчик гармонии. Иногда возникало ощущение: пойми я, что означает этот звон, понял бы все. Глупо, конечно, но...

Желтая Карточка знал, подумал я. *Он понял, и это его убило.*

Последнее свидетельство гармонизации включило левый поворотник, повернуло, предварительно остановившись под знаком «Стоп», и скрылось, взяв курс на Главную улицу.

— Десерт на столе, — раздался за моей спиной голос, и я подпрыгнул.

Память подсунула еще один слоган АА: *Бросай все и беги.*

3

Вернувшись в тот вечер на Нили-стрит, я надел наушники и прослушал последнюю запись. Ожидал, что услышу только русский, но на этот раз часть разговора шла на английском под аккомпанемент всплесков воды:

М а р и н а (*говорит на русском*).

Л и. Не могу, мама, я в ванне с Джун. (*Плеск воды и смех, Ли и ребенка.*) Мама, у нас вода на полу. Джун плещется! Плохая девочка!

М а р и н а. Вытирай сам. Я занятая. Занятая! (*Но она смеется.*)

Л и. Я не могу. Ты хочешь, чтобы девочка... (*Далее на русском.*)

М а р и н а (*говорит на русском, сердится и смеется одновременно*).

Снова всплески. Марина напевает мелодию какой-то песенки, часто транслируемой Кей-эл-ай-эф. Звучит неплохо.

Л и. Мама, принеси наши игрушки.

М а р и н а. *Da, da,* без игрушек вам никак нельзя.

Всплески становятся громче. Вероятно, дверь в ванную широко открыта.

М а р и н а (*говорит на русском*).

Л и (*капризным голосом маленького мальчика*). Ты забыла наш резиновый мячик.

Сильный всплеск, радостные крики малышки.

М а р и н а. Вот, все игрушки для прынца и прынцессы.

Все трое смеются — у меня мурашки по коже.

Л и. Мама, принеси нам (*русское слово*). У нас вода в уже.

М а р и н а (*смеясь*). Господи, и что теперь?

Я долго лежал без сна, думая о семье наверху. Наконец-то счастливы, и почему нет? Дом 214 по Западной Нили-стрит — не бог весть что, но все-таки ступенька наверх. Может, они даже

спали в одной кровати, и Джун чувствовала себя счастливой, а не испуганной до смерти.

И в этой кровати уже появился четвертый. Тот, кто рос в животе Марины.

4

События начали набирать ход, как и в Дерри, только теперь стрела времени летела к десятому апреля, а не к Хэллоуину. Записи Эла, которые позволили мне пройти столь долгий путь, тут ничем помочь не могли. В части подготовки покушения на жизнь Уокера они сосредоточивались исключительно на действиях и передвижениях Ли, тогда как их жизнь этим не ограничивалась. Особенно жизнь Марины.

Во-первых, у нее наконец-то появилась подруга. Не папик, кем хотелось стать Джорджу Бауху, а настоящая подруга, женщина. Ее звали Рут Пейн, из квакеров. *Русскоговорящая,* лаконично отметил Эл, хотя в более ранних записях предпочитал многословие. *Встретились на вечеринке (??).2.63. Марина разъехалась с Ли и жила в доме Пейн, когда был убит Кеннеди.* И потом, словно довесок, о котором вспомнили в последнюю минуту: *Ли прятал «М-К» в гараже Пейнов в одеяле.*

«М-К» Эл обозначил заказанную Освальдом по почте винтовку «Манлихер-Каркано», из которой тот собирался убить генерала Уокера.

Я не знаю, кто устроил вечеринку, где Ли и Марина встретились с Пейнами. Я не знаю, кто их познакомил. Де Мореншильдт? Баух? Вероятно, кто-то из них, потому что к тому времени остальные эмигранты обходили Освальдов за милю. Муженек — ухмыляющийся сами знаете кто, женушка — боксерская груша, упустившая бессчетные шансы навсегда уйти от него.

Известно мне следующее: потенциальный спасательный круг Марины прибыл за рулем универсала «шевроле» — двухцветного, белый верх, красный низ — в дождливый день середины марта. Рут Пейн припарковалась у тротуара, и на ее лице, когда она оглядывалась по сторонам, читалось сомнение: она не знала, нашла ли нужный ей адрес. Женщину отличали высокий рост (но не такой высокий, как у Сейди) и крайняя худоба. Ее рыжеватые

волосы падали на высокий лоб и на плечи. Прическа эта совершенно ей не шла. Она носила очки без оправы. Нос покрывала россыпь веснушек. Мне, уставившемуся на нее через щелку между шторами, Рут показалась женщиной, не употребляющей в пищу мяса и участвующей в демонстрациях «Запретить Бомбу». Думаю, именно такой она и была: исповедовала нью-эйдж еще до того как нью-эйдж вошел в моду.

Марина, должно быть, увидела ее из окна, потому что сбежала по наружной лестнице, радостно щебеча, с Джун на руках. Голову малышки она укрыла одеялом, чтобы уберечь от непрерывного мелкого дождя. Рут Пейн нерешительно улыбнулась и заговорила медленно, с паузами между словами:

— Добрый день, миссис Освальд. Я Рут Пейн. Вы меня помните?

— *Da,* — ответила Марина. — Да. — Потом добавила что-то по-русски. Рут ответила на том же языке... слегка запинаясь.

Марина пригласила ее в дом. Я подождал, пока над головой заскрипят половицы, а потом надел наушники, подсоединенные к установленному в настольной лампе «жучку». Разговор шел то на русском, то на английском. Марина несколько раз поправляла Рут, иногда со смехом. Я без особого труда понял, чем обусловлен приезд женщины. Как и Пол Грегори, она хотела брать уроки русского. По их частому смеху и все возрастающей легкости разговора понял и другое: они нравились друг другу.

Я этому только порадовался. Если бы я убил Освальда после покушения на жизнь генерала Уокера, нью-эйджевая Рут Пейн смогла бы приютить Марину. Такой вариант меня очень бы устроил.

5

На уроки Рут приезжала на Нили-стрит только дважды. Потом она начала забирать Марину и Джун. Вероятно, в свой дом в Ирвинге, богатом (во всяком случае, по меркам Дубового утеса) пригороде Далласа. Этот адрес в записях Эла отсутствовал — его не интересовали отношения Марины и Рут, вероятно, потому, что он намеревался покончить с Ли задолго до того, как винтовка окажется в гараже Пейнов, — но я нашел его в телефонном справочнике: дом 2515 по Западной Пятой улице.

В один из пасмурных мартовских дней, примерно через два часа после того, как Рут увезла Марину и Джун, Ли и Джордж де Мореншильдт подъехали к дому на коричневом «кадиллаке». Ли выбрался из автомобиля с пакетом из плотной бумаги, боковую сторону которого украшали сомбреро и надпись «ПЕППИНО — ЛУЧШАЯ МЕКСИКАНСКАЯ КУХНЯ». Де Мореншильдт держал в руках шестибутылочную упаковку «Дос Экис». Разговаривая и смеясь, они поднялись по лестнице. С гулко бьющимся сердцем я схватил наушники. Сначала ничего не слышал, но потом кто-то из них включил лампу. После этого я словно оказался с ними в одной комнате, невидимым третьим.

Пожалуйста, не стройте планов убийства Уокера, подумал я. *Пожалуйста, не усложняйте мою и без того трудную работу.*

— Извините за беспорядок, — раздался в наушниках голос Ли. — Нынче она ничего не делает, только спит, смотрит телевизор да болтает о женщине, которой дает уроки.

Де Мореншильдт заговорил о нефтеносных участках, которые хотел бы заполучить на Гаити, резко отозвался о жестокости режима Дювалье.

— В конце дня грузовики приезжают на ярмарочную площадь и собирают трупы. Многие из них — дети, умершие от голода.

— Кастро и Фронт положат этому конец, — мрачно бросил Ли.

— Пусть провидение приблизит этот день. — Звякнули бутылки, вероятно, последняя фраза послужила тостом. — Как работа, товарищ? И почему ты сейчас не там?

Он не там, ответил Ли, потому что ему хочется быть здесь. Проще пареной репы. Он поднялся и ушел.

— А что они могут с этим сделать? Во всей фотолаборатории лучше меня никого нет, и старина Бобби Стоуволл это знает. Бригадир, его фамилия, — *я не разобрал, то ли Грэфф, то ли Грейфф,* — говорит: «Хватит изображать профсоюзного организатора, Ли». И знаете, что я делаю? Смеюсь, отвечаю: «Хорошо, svinoyeb», — и ухожу. Он свинья, и все это знают.

Однако чувствовалось, что новая работа Ли нравилась. Хотя он жаловался на покровительственное отношение и на то, что трудовой стаж ставится выше таланта. В какой-то момент заявил: «Знаете, в Минске, если бы всех ставили в равные условия, я бы через год управлял заводом».

— Я в этом не сомневаюсь, сын мой... Это совершенно очевидно.

Де Мореншильдт играл с ним. Подзуживал его. Мне это не нравилось.

— Вы видели утреннюю газету? — спросил Ли.

— Этим утром я не видел ничего, кроме телеграмм и служебных записок. Я здесь только с тем, чтобы вырваться из-за рабочего стола.

— Уокер сделал это, — продолжил Ли. — Присоединился к крестовому походу Харгиса. А может, это крестовый поход Уокера и Харгис присоединился к нему. Не могу сказать. Эта гребаная «Ночная скачка». Эти два дурня собираются обойти весь Юг, объясняя, что НАСПЦН — коммунистическая ширма. Они задержат десегрегацию и предоставление неграм права голоса на двадцать лет.

— Конечно! А еще они разжигают ненависть. И сколько пройдет времени, прежде чем начнется резня?

— Или кто-нибудь застрелит Ральфа Абернати* и доктора Кинга!

— Разумеется, Кинга застрелят. — В голосе де Мореншильдта слышался смех. Я стоял, прижимая руками наушники, по лицу катился пот. Все это ну очень напоминало прелюдию к заговору. — Это всего лишь вопрос времени.

Один из них воспользовался открывалкой, чтобы перейти ко второй бутылке мексиканского пива.

— Кто-то должен остановить этих двух ублюдков, — заявил Ли.

— Ты ошибаешься, называя нашего генерала Уокера дурнем. — Де Мореншильдт заговорил лекторским тоном. — Харгис — да, естественно. Харгис — шут. И не зря говорят, что он, как и многие из ему подобных, отличается извращенными сексуальными вкусами. Утром предпочитает трахать в щелку маленьких девочек, а после полудня — в очко маленьких мальчиков.

— Послушайте, так он же больной! — На последнем слове голос Ли дал петуха, как у подростка. Потом он рассмеялся.

— Но Уокер... он совсем из другого теста. У него высокое положение в Обществе Джона Берча...

— Эти ненавидящие евреев фашисты!

---

* Активный участник борьбы за гражданские права, священник, ближайший соратник Мартина Лютера Кинга.

— ...и я предвижу, что достаточно скоро он может его возглавить. А завоевав доверие и одобрение других крайне правых групп, он вновь попытается поучаствовать в предвыборной кампании... но на этот раз не за кресло губернатора Техаса. Подозреваю, что цель у него будет более высокая. Сенат? Возможно. Может, Белый дом?

— Этого никогда не случится. — Но в голосе Ли слышалась неуверенность.

— *Маловероятно*, что такое случится, — поправил его де Мореншильдт. — Но не советую тебе недооценивать способность американской буржуазии пригреть фашизм под именем популизма. И не забывай про мощь телевидения. Без телевидения Кеннеди никогда не победил бы Никсона.

— Кеннеди и его железный кулак. — Похоже, президент изрядно насолил Освальду. — Он не успокоится, пока Фидель срет в горшок Батисты.

— Нельзя недооценивать и ужас, который испытывает белая Америка перед обществом, где законом жизни станет всеобщее равенство, независимо от цвета кожи.

— Ниггер, ниггер, ниггер, мексикашка, мексикашка, мексикашка! — взорвался Ли. Чувствовалось, что ярость переполняет его. — Только это я и слышу на работе!

— Нисколько в этом не сомневаюсь. Когда в «Морнинг ньюс» говорят «великий штат Техас», подразумевают «ненавидящий штат Техас». И люди слушают! Для такого человека, как Уокер — для такого *героя войны*, как Уокер, — шут вроде Харгиса — всего лишь средство достижения цели. Точно так же Гитлер использовал фон Гинденбурга. При помощи хороших политтехнологов Уокер сможет пойти очень далеко. И знаешь, что я думаю? Человек, который убьет американского генерала-расиста Эдвина Уокера, окажет обществу услугу.

Я тяжело плюхнулся на стул рядом с маленьким магнитофоном. Его бобины медленно вращались.

— Если вы действительно верите... — начал Ли, и тут громкое жужжание заставило меня сорвать наушники. Сверху не донеслось ни криков тревоги или ярости, ни звуков шагов — если только они не сумели быстро сориентироваться и полностью скрыть свою реакцию, — поэтому я предположил, что «жучок» в лампе не обнаружен. Вновь надел наушники. Тишина. Попытал-

ся использовать дистанционный микрофон, встав на стул и чуть ли не прижав пластмассовую миску к потолку. Слышал бормотание Ли и редкие реплики де Мореншильдта, но не мог разобрать ни единого слова.

Мое ухо в квартире Освальдов оглохло.

Прошлое упрямо.

Разговор продолжался еще минут десять — может, о политике, может, о сварливости жен, а может, о планах по подготовке убийства Эдвина Уокера, — после чего де Мореншильдт спустился по наружной лестнице и уехал.

Шаги Ли — *кламп, клад, кламп* — пересекли гостиную над моей головой. Я последовал за ними в спальню и поднял над головой дистанционный микрофон в том месте, где они остановились. Ничего... ничего... а потом тихий, но безошибочно узнаваемый храп. Когда двумя часами позже Рут Пейн привезла Марину и Джун, Ли все еще спал, усыпленный «Дос Экис». Марина будить его не стала. Я бы тоже не мешал спать этому низкорослому вспыльчивому сукину сыну.

6

После этого дня Освальд начал все чаще прогуливать работу. Если Марина и знала, ее это не волновало. Возможно, она этого не замечала. Теперь все ее мысли занимала новая подруга, Рут. Побои пошли на убыль, но не потому, что улучшились нравы. Просто Ли отсутствовал столь же часто, сколь и Марина. Уходя, он обычно брал с собой фотоаппарат. Благодаря записям Эла я знал, куда он ходит и зачем.

Однажды, когда он направился к автобусной остановке, я прыгнул в автомобиль и поехал на авеню Дубовый лужок. Я хотел обогнать автобус Ли, и мне это удалось. С запасом. По обеим сторонам Дубового лужка хватало парковочных клеток, но мой красный «шеви» с задними плавниками, напоминавшими крылья чайки, слишком уж выделялся среди других автомобилей, а я не хотел, чтобы Ли его заметил. Поэтому повернул на Уайклифф-авеню и оставил автомобиль на стоянке универсама «Альфа-Бета». Потом прошелся до бульвара Черепаший ручей. Дома здесь напоминали асьенды, с арками и оштукатуренными стена-

ми. Вдоль подъездных дорожек, пересекавших широкие лужайки, росли пальмы. Кое-где встречались и фонтаны.

Перед домом 4011 подтянутый мужчина (удивительным образом напоминавший сыгравшего стольких ковбоев Рэндольфа Скотта) косил траву. Увидев меня, Эдвин Уокер приветственно вскинул руку, словно отдавая честь. Я ответил тем же. Человек, которого собирался убить Освальд, продолжил катать по лужайке механическую газонокосилку, а я прошел мимо.

7

Интересовавший меня квартал Далласа очерчивали четыре улицы: бульвар Черепаший ручей, на котором жил генерал, Уайклифф-авеню (на которой я припарковался), Эйвондейл-авеню (на которую я свернул, ответив на приветствие Уокера) и Дубовый лужок, где находились небольшие торговые предприятия. Эта авеню проходила за генеральским домом. Дубовый лужок интересовал меня больше всего, потому что десятого апреля Освальд попытается подобраться к генералу именно с этой стороны и по этой улице будет уходить после неудачного выстрела.

Я остановился перед магазином «Техасские туфли и сапоги», подняв воротник джинсовой куртки, сунув руки в карманы. Примерно через три минуты на углу Дубового лужка и Уайклифф остановился автобус. Две женщины с матерчатыми хозяйственными сумками вышли из салона, как только открылись двери. За ними последовал Ли. В руке он держал маленький пакет из плотной коричневой бумаги, в каких рабочие часто носят ленч.

На углу высилась большая каменная церковь. Ли неспешно шел вдоль металлического декоративного ограждения, остановился у доски объявлений, внимательно прочитал все, что там написано, достал из кармана блокнотик, что-то записал. Потом двинулся в моем направлении. Я этого не ожидал. Эл исходил из того, что Ли спрячет винтовку около железнодорожных путей на другой стороне авеню Дубовый лужок, в доброй полумиле отсюда. Но возможно, в записи вкралась ошибка, потому что в ту сторону Ли даже не посмотрел. Он находился уже в семидесяти или восьмидесяти ярдах от меня, и расстояние это быстро сокращалось.

Он заметит меня и заговорит со мной, подумал я. *Спросит: «А не вы ли живете под нами? И что вы тут делаете?» Если это случится, будущее изменится. Нехорошо.*

Я неотрывно разглядывал туфли и сапоги в витрине и чувствовал, как на загривке выступает пот и каплями скатывается по спине. Когда же рискнул и бросил взгляд влево, Ли исчез, как по мановению волшебной палочки.

Я зашагал по улице. Пожалел, что не надел кепку или даже темные очки. Ну почему я об этом не подумал? Паршивый из меня получался секретный агент.

Я подошел к кофейне в середине квартала. На табличке в витрине прочитал: «ЗАВТРАК ВЕСЬ ДЕНЬ». В зале Ли не было. За кофейней начинался проулок. Я медленно поравнялся со входом в него, посмотрел направо, увидел Ли. Точнее, его спину. Он достал из бумажного пакета фотоаппарат, но не фотографировал. Пока не фотографировал. Исследовал мусорные баки. Поднимал крышки, заглядывал внутрь.

Каждая клеточка моего тела — то есть каждое нервное окончание — требовала, чтобы я миновал проулок не останавливаясь, прежде чем Ли повернется и заметит меня, но острое любопытство заставило чуть задержаться. Думаю, на моем месте так поступило бы большинство. Часто ли доводится наблюдать за человеком, планирующим хладнокровное убийство?

Он прошел чуть дальше, затем остановился у круглой металлической крышки, лежавшей на бетонном основании. Попытался поднять. Не вышло.

Проулок, без асфальта, весь в рытвинах, уходил вглубь ярдов на двести. Примерно в середине его перегораживала металлическая цепь, за ней тянулся заросший сорняками пустырь, ведший к высокому дощатому забору, увитому плющом, сильно усохшим за холодную зиму. Ли отодвинул плющ в сторону, попытался раскачать доску. Она отошла, и Ли заглянул в дыру.

Аксиома насчет яиц и омлета, несомненно, верна, но я чувствовал, что слишком уж долго испытываю терпение удачи, и прошел дальше. В конце квартала остановился у церкви, которой заинтересовался Ли. Называлась она церковь Святых Последних Дней на Дубовом лужке. На доске объявлений указывалось, что регулярные службы проходят утром каждое воскресенье, а по средам в семь вечера проводятся специальные службы

для новичков, за которыми следует час общения. С закусками и напитками.

Десятое апреля выпадало на среду, и план Ли (при условии, что это не план де Мореншильдта) перестал быть для меня тайной: заранее спрятать винтовку в проулке и подождать, пока служба для новичков — и час общения, разумеется — подойдет к концу. Услышать прихожан, выходящих из церкви, смеющихся и громко разговаривающих по пути к автобусной остановке. Автобусы ходили каждые четверть часа, буквально следовали один за другим. Выстрелить, вновь спрятать винтовку за качающейся на одном гвозде доской (а совсем не у железнодорожных путей), потом смешаться с прихожанами. И уехать на первом же автобусе.

Посмотрев направо, я успел заметить, как Ли выходит из проулка. Фотоаппарат вновь лежал в бумажном пакете. Он направился к автобусной остановке и привалился к столбу. Подошел мужчина, о чем-то спросил. Скоро они уже увлеченно беседовали. Ли болтал с незнакомцем или с еще одним другом де Мореншильдта? Обычным прохожим или другим заговорщиком? Может, со знаменитым Неопознанным Стрелком, который — согласно версии заговора — стрелял с заросшего травой холма около Дили-плазы, когда там появился кортеж Кеннеди? Я сказал себе, что это бред, но узнать, о чем они говорили, не представлялось возможным. И я на это плюнул.

Я все равно не мог знать что-либо наверняка, во всяком случае, пока собственными глазами не увижу, что десятого апреля Освальд работает в одиночку. И хотя это не полностью рассеяло бы мои сомнения, но позволило бы действовать.

Позволило бы пойти на убийство отца Джун.

Автобус подкатил к остановке. Секретный агент Икс-19 — также известный как Ли Харви Освальд, прославленный марксист, поколачивающий жену, — вошел в салон. Когда автобус скрылся из виду, я вернулся к проулку и прошел до конца. Он выводил на большой двор. По одну руку, рядом с колонкой для заправки сжиженным газом, стоял «шевроле-бискейн» пятьдесят седьмого или пятьдесят восьмого года. По другую я видел треногу с мангалом. А за мангалом — задний фасад большого темного дома. Генеральского дома.

Посмотрев вниз, я заметил в пыли следы: здесь что-то волокли. Они вели к одному из мусорных баков. Я не видел, как Ли переставлял его, но понял зачем. Вечером десятого апреля он собирался положить на контейнер винтовку, чтобы стрелять с опоры.

8

В понедельник, двадцать пятого марта, Ли шел по Нили-стрит с длинным свертком. Приникнув к щелке между шторами, я разглядел отпечатанные на плотной коричневой бумаге большие красные буквы: «ЗАКАЗНОЕ ОТПРАВЛЕНИЕ» и «ЗАСТРАХОВАНО». Впервые у меня возникло ощущение, что он нервничает и воровато оглядывается, действительно видя Нили-стрит, а не странные пейзажи, нарисованные его воображением. Я знал, что в свертке: винтовка «Каркано» (известная также как «Манлихер-Каркано») с оптическим прицелом, купленная в магазине «Спортивные товары Клейна» в Чикаго. Через пять минут после того, как он поднялся по лестнице на второй этаж, оружие, с помощью которого Ли намеревался изменить историю, уже стояло в стенном шкафу над моей головой. Шесть дней спустя Марина сфотографировала его с винтовкой в руках у окна моей гостиной, но я этого не видел. Знаменитая фотосессия проводилась в воскресенье, когда я находился в Джоди. По мере того как приближалось десятое апреля, уик-энды с Сейди становились все более важными, все более *дорогими* днями моей жизни.

9

Я проснулся как от толчка, услышав чей-то едва слышный шепот: «Пока еще не поздно». Потом понял, что шептал сам, и заткнулся.

Сейди что-то пробормотала во сне и повернулась на другой бок. Знакомый скрип пружин позволил мне определиться с местом и временем: «Кэндлвуд бунгалос», 5 апреля 1963 года. Я нащупал часы на прикроватном столике и всмотрелся в фосфоресцирующие цифры. Четверть третьего утра, то есть уже шестое апреля.

Пока еще не поздно.

Не поздно для чего? Дать задний ход, оставить все как есть? Позволить плохому случиться? Бог свидетель, такая идея выглядела очень привлекательной. Если бы я продолжил начатое и что-то пошло не так, эта ночь могла стать последней ночью с Сейди. Навсегда.

Если ты и должен его убить, тебе не обязательно убивать его прямо сейчас.

Что правда, то правда. После неудавшегося покушения на жизнь генерала Освальд переедет в Новый Орлеан, в еще одну паршивую квартиру, рядом с которой я уже побывал, — но не сразу, а только через две недели. Этого времени мне вполне хватило бы, чтобы остановить его часы. Однако я чувствовал: ждать слишком долго — ошибка. Я мог найти причины для того, чтобы тянуть время. Лучшая лежала сейчас рядом со мной — длинная, красивая, гладкая, обнаженная. Возможно, еще одна западня, расставленная упрямым прошлым, но это не имело значения, потому что я любил эту женщину. И представлял себе сценарий — очень отчетливо, — в котором мне придется бежать после убийства Освальда. Бежать куда? В Мэн, разумеется. Надеясь, что я буду опережать копов, пока не нырну в «кроличью нору», из которой выйду уже в будущем, где Сейди Данхилл будет... э... примерно восемьдесят лет. Если она доживет. А учитывая ее пристрастие к сигаретам, рассчитывать на это не приходилось.

Я встал и подошел к окну. Ранняя весна, практически все бунгало пустовали. На стоянке я видел лишь заляпанный грязью и навозом пикап с прицепом, загруженным, как я предполагал, сельскохозяйственным оборудованием, мотоцикл «индиан» с коляской, пару универсалов, двухцветный «плимут-фьюри». Луна то пряталась за облаками, то выскальзывала из них, и в этом переменчивом свете не представлялось возможным определить цвет нижней половины «плимута», но я практически не сомневался, что знаю, какой он.

Я надел брюки, майку и туфли. Вышел из бунгало и направился к стоянке. Ледяной воздух кусал теплую после постели кожу, однако я не замечал этих укусов. Да, я видел перед собой «плимут-фьюри», с белым верхом и красным низом, но с номерными знаками не Мэна или Арканзаса, а Оклахомы. «ВПЕРЕД, ТОРОПЫГИ», — призывала переводная картинка на заднем

стекле. Я наклонился к окну, разглядел лежащие на заднем сиденье учебники. Какой-то студент, направляющийся на юг, чтобы повидаться с родителями во время весенних каникул. Или пара сексуально озабоченных учителей, решивших воспользоваться либеральной политикой владельцев «Кэндлвуда».

Еще одно не выходящее из ряда свидетельство того, что прошлое стремится к гармонии. Я прикоснулся к багажнику, совсем как в Лисбон-Фоллс, и вернулся в бунгало. Сейди сбросила одеяло до талии, и когда я открыл дверь, дуновение холодного воздуха разбудило ее. Она села, подтянув одеяло к груди, потом отпустила его, увидев, что это я.

— Не можешь спать, милый?

— Мне приснился кошмар, и я вышел подышать свежим воздухом.

— Какой именно?

Я расстегнул джинсы, сбросил туфли.

— Не могу вспомнить.

— Попытайся. Моя мама говорила, если ты сможешь пересказать сон, он никогда не станет явью.

Я лег ей под бочок в одной лишь майке.

— А моя мама говорила, что сны никогда не станут явью, если поцелуешь свою любимую.

— Она действительно так говорила?

— Нет.

— А знаешь, очень возможно. — В голосе Сейди слышалась задумчивость. — Давай попробуем.

Мы попробовали.

И увлеклись.

10

Потом Сейди закурила. Я лежал, наблюдая, как дым поднимается вверх и становится синим в лунном свете, проникавшем в комнату сквозь наполовину задернутые занавески. *На Нили-стрит я никогда не оставляю шторы наполовину задернутыми,* подумал я. *На Нили-стрит, в моей другой жизни, я всегда один, но тем не менее задергиваю их полностью. За исключением тех моментов, когда подглядываю, затаившись.*

И в такие моменты я себе совсем не нравился.

— Джордж?

Я вздохнул.

— Это не мое имя.

— Знаю.

Я посмотрел на нее, она глубоко затянулась, искренне наслаждаясь сигаретой, как делали люди в Стране прошлого.

— Я не располагаю какой-то секретной информацией, если ты об этом подумал. Но это логично. Твое прошлое выдуманное, так ведь? И я рада. Мне имя Джордж не по душе. Оно какое-то... ты иногда используешь это слово... какое-то отстойное.

— А Джейк тебя устроит?

— Сокращенно от Джейкоба?

— Да.

— Мне нравится. — Она повернулась ко мне. — В Библии Иаков боролся с ангелом. И ты тоже борешься, да?

— Полагаю, борюсь, но не с ангелом. — Хотя Ли Освальд не тянул на дьявола. Джордж де Мореншильдт гораздо больше подходил для этой роли. В Библии Сатана — искуситель, который делает предложение, а потом отходит в сторону. Я надеялся, что де Мореншильдт такой же.

Сейди затушила окурок. Ее голос звучал спокойно, но глаза потемнели.

— Тебе может достаться?

— Не знаю.

— Ты уедешь? Потому что я не уверена, что выдержу, если тебе придется уехать. Раньше я бы скорее умерла, чем произнесла эти слова, но после кошмарных месяцев, которые я провела в Рино, все изменилось. Потерять тебя навсегда... — Она медленно покачала головой. — Не уверена, что я это переживу.

— Я хочу жениться на тебе.

— Господи, — выдохнула она. — Когда я уже готова сказать, что этого никогда не случится, Джейк-он-же-Джордж делает мне такое предложение.

— Не прямо сейчас, но если следующая неделя пройдет, как я рассчитываю... ты выйдешь за меня?

— Разумеется. Но я *обязана* задать тебе один маленький вопрос.

— Холостяк ли я? Официально? Это ты хочешь знать?

Сейди кивнула.

— Да.

Она шумно выдохнула и улыбнулась, как ребенок. Потом стала серьезной.

— Могу я тебе помочь? Позволь мне тебе помочь.

От этой мысли внутри у меня все похолодело, и она это заметила. Сейди прикусила нижнюю губу.

— Тогда это что-то плохое. — Ее лицо стало задумчивым.

— Скажем так, я нахожусь совсем близко от огромного зверя с пастью, полной острых зубов, и этот зверь со всей скоростью несется на меня. Я не могу позволить тебе находиться рядом, пока не покончу с ним.

— И когда? — спросила она. — Твоя... ну, не знаю... дата твоей встречи с судьбой?

— Ее еще предстоит определить. — Я чувствовал, что уже сказал слишком много, но раз уж зашел так далеко, решил еще чуть продвинуться. — Что-то должно случиться вечером в эту среду. Я должен это засвидетельствовать. Потом приму решение.

— И я никак не могу тебе помочь?

— Думаю, что нет, милая.

— Если окажется, что могу...

— Спасибо. Я это ценю. И ты действительно готова выйти за меня?

— Теперь, когда я знаю, что тебя зовут Джейк? Естественно.

11

В понедельник утром, около десяти, у тротуара остановился универсал, и Марина уехала в Ирвинг с Рут Пейн. Я тоже собирался уйти по делам и уже направился к двери, когда услышал гулкие шаги на наружной лестнице. По ней спускался Ли, бледный и мрачный. С растрепанными волосами, лицо покрыто россыпью прыщей. В джинсах и абсурдно длинном пальто, полы которого путались в ногах. Он шел, прижав руку к груди, словно у него болели ребра.

Или он что-то нес под пальто. *До покушения Ли пристреливал свою новую винтовку неподалеку от Лав-Филда,* написал Эд. Меня не волновало, что и где он пристреливал. Тревожило другое: я едва не столкнулся с ним лицом к лицу. Без должных на

то оснований предположил, что пропустил момент его ухода на работу и...

А почему, собственно, он не на работе в понедельник утром?

Я отмел вопрос и вышел из дома, размахивая портфелем. В нем лежал роман, который я не собирался заканчивать, бумаги Эла и описание моих приключений в Стране прошлого.

Если вечером десятого апреля Ли будет не один, кто-то из соучастников покушения может заметить меня и даже убить, тот же де Мореншильдт. Я по-прежнему думал, что вероятность этого невелика, а шансов убежать, убив Освальда, гораздо больше. Тем не менее меня могли поймать и арестовать за убийство. Я не хотел, чтобы кто-нибудь — к примеру, полиция — нашел записи Эла или мои мемуары, если уж такое произойдет.

Восьмого апреля я счел, что важно увезти мои бумаги подальше от сбитого с толку агрессивного молодого человека, который жил в квартире наверху. Приехал в «Первый зерновой банк» Далласа и совершенно не удивился поразительному сходству сотрудника, который меня обслуживал, с банкиром из «Хоумтаун траст», помогавшим мне в Лисбон-Фоллс. По фамилии Линк, а не Дьюсен, но он все равно выглядел как стародавний кубинский руководитель джаз-оркестра Хавьер Кугат.

Меня интересовали депозитные банковские ячейки. Скоро все рукописи лежали в ячейке 775. Я вернулся на Нили-стрит, и на мгновение меня охватила жуткая паника, потому что я не мог найти ключ от банковской ячейки.

Расслабься, сказал я себе. *Он в твоем кармане, а если его там нет, тогда твой приятель Ричард Линк с радостью даст тебе дубликат. Возможно, тебе это обойдется в один бакс.*

И, словно эта мысль подействовала на ключ, он нашелся в глубинах кармана, под мелочью. Я повесил его на кольцо с другими ключами, чтобы больше никуда не делся. Если придется бежать к «кроличьей норе» и возвращаться в прошлое еще раз, ключ останется при мне... хотя произойдет сброс на ноль всего, что я сделал за четыре с половиной года. И рукописи, которые сейчас лежали в банковской ячейке, затеряются во времени. Возможно, это следовало отнести к хорошим новостям.

Но точно так же затеряется и Сейди, а это была плохая новость.

Глава 22

1

Вторая половина десятого апреля выдалась теплой и солнечной, ощутимо повеяло летом. Я надел брюки и один из пиджаков, купленных в тот год, когда я учил деток в Денхолмской объединенной школе. Револьвер «полис спешл» тридцать восьмого калибра, полностью заряженный, отправился в портфель. Нервозности я не помню. Теперь, когда время пришло, я напоминал человека в скафандре изо льда. Посмотрел на часы: половина четвертого.

Я вновь намеревался припарковаться на стоянке универсама «Альфа-Бета» на Уайклифф-авеню. Туда я попаду в четверть пятого, с учетом интенсивного движения в центре города, который мне предстояло пересечь. Потом обследую проулок. Если он окажется пуст — а ничего другого в такой час я и не ожидал, — загляну за доску, которая висела на одном гвозде. Если в записях Эла все правильно и Ли действительно привез винтовку заранее (пусть с месторасположением тайника Эл и ошибся), тогда там я ее и найду.

Потом посижу в автомобиле, наблюдая за автобусной остановкой на случай, если Ли приедет раньше. В семь часов, когда в мормонской церкви начнется служба для новичков, пойду в кофейню, где целый день кормят завтраком, и сяду у окна. Поем через силу, наблюдая за подъезжающими к остановке автобусами, чтобы определить, один приедет Ли или с компанией. Надеюсь, что не увижу огромного «кадиллака» де Мореншильдта.

Такой план я составил на этот вечер.

Я взял портфель, еще раз взглянул на часы. Тридцать три минуты четвертого. Я заранее залил бак «шеви», автомобиль стоял наготове. Если бы в тот момент я вышел из дома и сел за руль, как и планировал, телефон зазвонил бы в пустой квартире. Но я этого не сделал, потому что кто-то постучал в дверь, когда я уже потянулся к ручке.

Я открыл дверь. На пороге стояла Марина Освальд.

2

Несколько секунд я только таращился на нее, не в силах ни двинуться, ни произнести хоть слово. По большей части сказалась неожиданность ее появления, но не обошлось и без еще одной причины. Пока она не встала прямо передо мной, я не осознавал, что ее большие синие глаза очень похожи на глаза Сейди.

Марина то ли проигнорировала удивление, написанное на моем лице, то ли не заметила его. Ей хватало своих проблем.

— Пожалуйста, извините, вы не видели моего муха? — Она прикусила губу и покачала головой. — Му-ша. — Попыталась улыбнуться — а с новыми зубами ее улыбка стала очень красивой, — однако не получилось. — Извините, сэр, не говорю хорошо английский. Я Бьелоруссия.

Я услышал, как кто-то — как потом понял, я сам — спрашивает, имеет ли она в виду мужчину, который живет наверху.

— Да, пожалуйста, мой муш. Мы жить наверху. Это наша *malyshka*... наш ребенок. — Она указала на Джун, которая сидела в прогулочной коляске у лестницы и с довольным видом сосала пустышку. — Он теперь все время уходит, после того как потерял работу. — Она вновь попыталась улыбнуться, но глаза сузились, в уголке левого налилась слеза и скатилась по щеке.

Ясно. Старина Бобби Стоуволл решил, что все-таки может обойтись без лучшего в фотолаборатории специалиста.

— Я не видел его, миссис... — «Освальд» едва не сорвалось с языка, но я сдержался. И хорошо, потому что откуда я мог знать их фамилию? На дом посыльные им ничего не приносили. На крыльце стояли два почтовых ящика, но их фамилия не значилась ни на одном. Как и моя. Я тоже ничего не заказывал на дом.

— Ос-вальд. — Она протянула руку, и я пожал ее, все больше убеждаясь, что это сон. Однако маленькая сухая ладошка была вполне реальной. — Марина Ос-вальд, сэр, и я рада познакомиться с вами, сэр.

— Сожалею, миссис Освальд, я не видел его сегодня. — Вранье, конечно, я видел, как он спустился по лестнице в самом начале первого, уже после того, как универсал Рут Пейн увез Марину и Джун в Ирвинг.

— Я тревожусь о нем, — призналась Марина. — Он... я не знаю... извините. Не хотела вас беспокоить. — Она вновь улыбнулась — самой нежной, самой грустной улыбкой — и вытерла медленно катящуюся по лицу слезу.

— Если я увижу его...

Теперь на лице Марины отразилась тревога.

— Нет-нет, ничего не сказать. Он не любит меня говорить с незнакомцами. Он придет домой ужинать, почти наверняка. — Она спустилась с крыльца и заговорила на русском с малышкой, которая засмеялась и протянула пухлые ручонки к матери. — До свидания, мистер сэр. Премного благодарна. Вы говорить ничего?

— Хорошо, — кивнул я. — Буду нем как рыба. — Она, кажется, не поняла, но кивнула и облегченно улыбнулась, когда я приложил палец к губам.

Я закрыл дверь, чувствуя, что весь вспотел. Где-то взмахнула крылышками не одна бабочка, а целое их облако.

Может, все это ерунда.

Я наблюдал, как Марина катит коляску с Джун по тротуару в сторону автобусной остановки, где, вероятно, она намеревалась подождать своего *муша*... который что-то задумал. Она знала, что задумал. Это читалось на ее лице.

Как только Марина скрылась из виду, я опять потянулся к дверной ручке, и тут зазвонил телефон. Я уже решил, что не буду брать трубку, но лишь несколько человек знали мой номер, и среди них женщина, которой я очень дорожил.

— Алло?

— Привет, мистер Амберсон. — Мужской голос с мягким южным выговором. Не уверен, что сразу понял, кто это. Не могу вспомнить. Но думаю, что понял. — Кое-кто хочет вам кое-что сказать.

В конце 1962 — начале 1963 года я жил двумя жизнями: одной — в Далласе, другой — в Джоди. Они слились десятого апреля, в три тридцать девять пополудни. Когда в трубке начала кричать Сейди.

3

Сейди жила в одноэтажном сборном доме на аллее Ульев, в одном из четырех или пяти кварталов однотипных домов, построенных в западной части Джоди. Сделанная с воздуха фото-

графия этого микрорайона, размещенная в учебнике по истории 2011 года, могла бы называться «первое жилье* середины двадцатого столетия». Сейди приехала около трех пополудни, после собрания своих помощников-школьников. Я сомневаюсь, что она заметила красно-белый «плимут-фьюри», припаркованный у тротуара чуть дальше, в этом же квартале.

На другой стороне улицы, в четырех или пяти домах, миссис Холлоуэй мыла свой автомобиль («рено-дофин», на который подозрительно поглядывали соседи), и Сейди помахала ей рукой, когда вылезла из своего «жука». Миссис Холлоуэй ответила тем же. Единственные владельцы иностранных (и в чем-то инопланетных) автомобилей в квартале, они поддерживали друг друга.

Сейди пошла по дорожке к входной двери, на мгновение остановилась, нахмурилась, увидев, что дверь приоткрыта. Она так ее и оставила? Вошла в дом, закрыла дверь за собой. Замок не защелкнулся, потому что был выломан, но Сейди этого не заметила: она не могла оторвать глаз от стены над диваном, где ее же помадой трехфутовыми буквами было написано: «ГРЯЗНАЯ ДРЯНЬ».

Ей бы убежать, но отвращение и ярость переполняли Сейди, не оставив места страху. Она знала, кто это сделал, однако нисколько не сомневалась, что Джонни уже сбежал. Мужчина, за которого она вышла, сторонился физической конфронтации. Да, мог обругать, один раз отвесил оплеуху, но ничего больше.

А кроме того, на полу валялось ее нижнее белье.

И след этот вел из гостиной в спальню. Причем все — комбинации, нижние юбки, бюстгальтеры, трусики, корсет, который она крайне редко, но надевала, пусть он ей и не требовался, — искромсали ножом. Сейди увидела, что дверь в ванную в конце коридора распахнута, вешалка для полотенец с корнем вырвана из стены, а на кафеле красуется одна надпись, вновь ее помадой: «МЕРЗКАЯ ШЛЮХА».

Она повернулась к открытой двери в спальню. Вошла, не подозревая, что Джонни Клейтон стоит за дверью с ножом в одной руке и револьвером «смит-и-вессон» тридцать восьмого калибра модели «Виктори» в другой. Из такого же револьвера Ли Освальд убьет далласского полицейского Дж. Д. Типпита.

* Первая приобретенная недвижимость (небольшой дом или квартира).

Маленькая косметичка Сейди лежала на кровати, содержимое — пудра, тени, румяна и прочее — валялось на покрывале. Складывающиеся двери стенного шкафа были распахнуты. Что-то из одежды сиротливо висело на плечиках, большая часть валялась на полу. Искромсанное ножом.

— Джонни, ты ублюдок! — Ей хотелось выкрикнуть эти слова, но потрясение было слишком велико. Она смогла лишь прошептать их.

Двинулась к шкафу, но не дошла. Рука обхватила ее за шею, стальное колечко вдавилось в висок.

— Не шевелись, не сопротивляйся. Если попытаешься, убью.

Она попыталась, и он ударил ее по голове коротким стволом револьвера. Рука сильнее сжала горло. Она увидела нож и перестала бороться. Напал на нее Джонни — но *не тот* Джонни, которого она знала. Он изменился.

Мне следовало прислушаться к нему, подумала Сейди, имея в виду меня. *Почему я не прислушалась?*

Он повел ее в гостиную, пережимая шею рукой, там развернул лицом к себе и отшвырнул на диван, на который она и плюхнулась, раскинув ноги.

— Одерни платье. Я вижу твои подвязки, шлюха.

Он надел комбинезон с нагрудником (от одного его вида у нее возникло ощущение, что ей все это снится) и покрасил волосы в странный оранжево-блондинистый цвет. Сейди едва не рассмеялась.

Он сел перед ней на маленькую скамейку, нацелив револьвер ей в живот.

— Сейчас мы позвоним твоему трахачу.

— Я не знаю...

— Амберсону, с которым ты играешь в «спрячем салями» в том публичном доме в Кайлине. Я все об этом знаю. Давно слежу за тобой.

— Джонни, если ты сейчас же уйдешь, я не буду звонить в полицию. Обещаю. Хватит того, что ты испортил всю мою одежду.

— Шлюхину одежду, — отмахнулся он.

— Я не... я не знаю его номера.

Ее адресная книжка, которую она обычно держала в маленьком кабинете рядом с пишущей машинкой, теперь лежала открытой у телефонного аппарата.

— Я знаю. Он на первой странице. Сначала я заглянул на букву «т», от трахача, но там не нашел. Сейчас я попрошу нас соединить, чтобы у тебя не возникло каких-то идей насчет телефонистки. Потом ты с ним поговоришь.

— Я не буду с ним говорить, Джонни, не буду, если ты собираешься причинить ему вред.

Он наклонился вперед. Его странные оранжево-блондинистые волосы упали ему на глаза, и он откинул их рукой с револьвером. Затем рукой с ножом снял трубку с рычага. Револьвер по-прежнему смотрел Сейди в живот.

— Вот что я тебе скажу, Сейди, — теперь голос звучал так, будто к Джонни вернулся разум. — Я собираюсь убить одного из вас. Второй может жить. Тебе решать, кто умрет.

Он говорил абсолютно серьезно. Она видела это по его лицу.

— А если... если его нет дома?

Ее тупость вызвала у него смех.

— Тогда умрешь ты, Сейди.

Наверное, она подумала: *Я могу выиграть время. Как минимум три часа на дорогу от Далласа до Джоди, даже больше, если движение плотное. Достаточно для того, чтобы Джонни пришел в себя. Возможно. Или чтобы отвлекся, и я смогла бы бросить в него чем-то тяжелым и выбежать из дома.*

Он набрал «0», не глядя в адресную книгу (числа он всегда запоминал без труда), и попросил соединить его с номером: «Уэстбрук 7-5430». Послушал. Потом поблагодарил телефонистку: «Спасибо вам».

Последовала пауза. Где-то, более чем в сотне миль к северу, звонил телефон. Она, должно быть, гадала, после какого гудка Джонни положит трубку и выстрелит ей в живот.

Выражение его лица изменилось. Он оживился, улыбнулся. Его зубы остались такими же белыми, как и прежде, и почему нет? Он их чистил не меньше шести раз в день.

— Привет, мистер Амберсон. Кое-кто хочет вам кое-что сказать.

Он поднялся со скамеечки и протянул Сейди трубку. А когда она поднесла ее к уху, ударил ножом, быстрый, как змея, вспоров ей щеку.

4

— *Что ты ей сделал?* — крикнул я. — *Что ты ей сделал, сволочь?*

— Успокойтесь, мистер Амберсон. — По голосу чувствовалось, что ситуация его забавляет. Сейди больше не кричала, но я слышал, как она рыдает. — С ней все в порядке. Сейчас кровь течет довольно-таки сильно, но скоро остановится. — Он помолчал, потом заговорил рассудительным тоном: — Разумеется, она больше не будет такой красивой. Теперь она выглядит, как ей и положено, — дешевой шлюхой за четыре доллара. Моя мама говорила, что она шлюха, и не ошиблась.

— Отпусти ее, Клейтон, — попросил я. — Пожалуйста.

— Я *хочу* ее отпустить. Теперь, когда пометил ее, *хочу*. Но есть одно условие, о котором я ей уже говорил, мистер Амберсон. Я собираюсь убить одного из вас. Из-за нее я лишился работы, знаете ли. Мне пришлось подать заявление об уходе и пройти в больнице курс электрошоковой терапии, а не то они собирались меня арестовать. — Он помолчал. — Я столкнул девушку с лестницы. Она попыталась прикоснуться ко мне. А виновата эта грязная сука, та самая, кровь которой сейчас льется ей на колени. Ее кровь и на моих руках. Мне потребуется дезинфицирующее средство. — И он рассмеялся.

— Клейтон...

— Я даю тебе три с половиной часа. До семи тридцати. Потом всажу в нее две пули. Одну в живот, другую в ее грязную манду.

До меня донесся крик Сейди:

— *Не делай этого, Джейкоб!*

— *ЗАТКНИСЬ!* — рявкнул на нее Клейтон. — *ЗАКРОЙ СВОЮ ПАСТЬ!* — А потом добавил ровным голосом, словно в светской беседе: — Кто этот Джейкоб?

— Я. Это мое второе имя.

— Так она называет тебя в постели, когда сосет твой член, трахач?

— Клейтон, — обратился я к нему. — Джонни. Подумай, что ты делаешь.

— Я думал об этом больше года. Они лечили меня электрошоком, знаешь ли. Говорили, что это лечение избавит меня от

кошмарных снов, но ничего подобного. Сны стали еще страшнее.

— Как сильно ты ее порезал? Позволь мне поговорить с ней.

— Нет.

— Если дашь мне поговорить с ней, я, возможно, сделаю то, о чем ты просишь. Если нет — точно не сделаю. После лечения электрошоком у тебя в голове так помутилось, что ты не можешь этого понять?

Вроде бы не помутилось. Из трубки донеслись всхлипывания. Потом голос, тихий и дрожащий:

— Все плохо, но не смертельно. — Она замолкла. — Он чуть не попал мне в глаз.

Тут трубку снова взял Клейтон.

— Видишь? Твоя маленькая шлюшка в порядке. А теперь прыгай в свой крутой «шевроле» и гони сюда на полной скорости, ясно? И слушай меня внимательно, мистер Джордж Джейкоб Амберсон Трахач. Если ты позвонишь в полицию, если я увижу хоть одну синюю или красную мигалку, то убью эту суку, а потом покончу с собой. Ты в это веришь?

— Да.

— Хорошо. Я вижу уравнение, в одной части которого трахач, а во второй — шлюха. Я посередине. Я знак равенства, Амберсон, но решать тебе. Какую часть уравнения будем вычеркивать? Слово за тобой.

— *Нет!* — закричала она. — *Не делай этого! Если ты приедешь, он убьет нас о...*

В трубке воцарилась тишина.

5

До этого я говорил правду, не собираюсь отступаться и теперь, пусть буду выглядеть далеко не в лучшем свете: когда моя онемевшая рука клала трубку на рычаг, первой пришла мысль о том, что он не прав, что между этими двумя частями нельзя ставить знак равенства. На одной чаше весов — симпатичная школьная библиотекарша. На другой — человек, который знал будущее и мог — во всяком случае, теоретически — его изменить. На мгновение я подумал о том, чтобы пожертвовать Сейди и поехать на другой конец города, чтобы проследить за проулком между авеню Дубо-

вый лужок и бульваром Черепаший ручей и выяснить, действовал ли в одиночку тот, кто изменил американскую историю.

Потом я сел в «шеви» и направился в Джоди. Как только выехал на автостраду 77, разогнался до семидесяти миль в час и не отпускал педаль газа. На ходу открыл замки портфеля, достал револьвер, сунул во внутренний карман пиджака.

Я понимал, что должен привлечь к этому Дека. Да, старого, да, уже нетвердо держащегося на ногах, но рассчитывать я мог только на него. Он *захочет* помочь, говорил я себе. Он любил Сейди. Я видел это по его лицу всякий раз, когда он на нее смотрел.

И он прожил жизнь, добавила рациональная часть моего разума. *Она — нет. В конце концов, у него будет ровно столько же шансов на спасение, сколько этот псих даст тебе. Он не обязан помогать.*

Но я знал, что он поможет. Иногда все складывается так, что предоставляемый выбор на деле вовсе и не выбор.

Никогда раньше я так не сожалел о том, что у меня нет мобильника, как в этой поездке из Далласа в Джоди. Но я нашел ему замену — телефон-автомат на автозаправочной станции на шоссе 109, примерно в полумиле от футбольного рекламного щита. На другой стороне провода телефон прозвонил три раза... четыре... пять...

И в тот момент, когда я уже собрался повесить трубку, раздался голос Дека, раздраженный и запыхавшийся:

— Алло? Алло?

— Дек? Это Джордж.

— Привет, парень! — Раздраженность в голосе нынешнего исполнителя роли Билла Теркотта (из популярной и не сходящей с подмостков пьесы «Муж-убийца») сменилась радостью. — Я работал в маленьком огородике у дома. Уже подумал, а пускай звонит, но потом...

— Помолчите и послушайте меня. Произошло что-то очень плохое. Сейди уже ранена. Может, тяжело.

Последовала короткая пауза. Когда Дек заговорил вновь, его голос звучал моложе, словно он стал крутым парнем, каким, безусловно, был сорок лет и две жены тому назад. А может, я только надеялся на это. Сегодня я мог рассчитывать лишь на надежду и на мужчину, которому оставалось не так много до семидесяти.

— Вы говорите о ее муже, так? Это моя вина. Думаю, я видел его, но много недель тому назад. И волосы у него отрасли гораздо длиннее, чем на фотографии в том ежегоднике. Цвет изменился. Они стали чуть ли не *оранжевые*. — Мгновенная пауза, а потом слова, каких я от него никогда не слышал: — *Твою мать!*

Я объяснил ему, чего хочет Клейтон и что я собираюсь сделать. План был прост. Прошлое стремится к гармонии? Отлично, пойдем навстречу его желаниям. Я знал, что для Дека это может закончиться инфарктом — как закончилось для Теркотта, — но меня это не останавливало. Меня вообще ничего бы не остановило. Речь шла о спасении Сейди.

Я ждал вопроса, а не лучше ли передать все в руки полиции, но, разумеется, Деку хватило ума его не задать. Дуг Римс, констебль Джоди, почти ничего не видел, носил ортопедический аппарат на одной ноге и появился на свет божий раньше Дека. Не спросил Дек и о другом: почему я не позвонил из Далласа в полицию штата? Если б спросил, я бы ответил, что серьезно отнесся к угрозе Клейтона убить Сейди, увидь он хоть одну мигалку. Сказал бы правду, но не всю. Я сам хотел разделаться с этим сукиным сыном.

Очень уж сильно он меня разозлил.

— Когда он ждет вас, Джордж?

— Не позднее половины восьмого.

— А сейчас... по моим часам, без четверти семь. То есть времени у нас чуть. Улица за аллеей Ульев... какая-то Яблочная. Точно не помню. Вы будете там?

— Точно в доме, который расположен за ее домом.

— Я могу встретиться там с вами через пять минут.

— Конечно, если будете гнать как сумасшедший. Встретимся через десять. И принесите с собой какую-нибудь большую миску. Что-нибудь такое, что он сможет увидеть из окна гостиной, если выглянет. Я не знаю, может...

— Керамическая кастрюлька подойдет?

— Да. Увидимся через десять минут.

Прежде чем я повесил трубку, он спросил:

— У вас есть оружие?

— Да.

Его ответ напоминал рычание пса:

— Хорошо.

6

За домом Дорис Даннинг находилась аллея Уаймора. За домом Сейди — проезд Яблоневого цвета. Дом 202 по аллее Уаймор продавался. На лужайке перед домом 140 по проезду Яблоневого цвета не было таблички с надписью «ПРОДАЕТСЯ», однако в окнах свет не горел, траву давно не косили, тут и там росли одуванчики. Я припарковался у тротуара и посмотрел на часы. Шесть пятьдесят.

Две минуты спустя в затылок моему «шеви» пристроился «ранч-вэгон». Дек, в джинсах, белой рубашке и галстуке-шнурке, вылез из кабины, держа в руках керамическую кастрюльку с цветочком на боку. Со стеклянной крышкой, и в кастрюльке, похоже, лежали три-четыре кварты китайского рагу.

— Дек, не знаю, как мне вас благо...

— Я не заслуживаю благодарности, мне надо дать крепкого пинка. В тот день, когда я видел его, он выходил из «Уэстерн-авто». И это мог быть только Клейтон. Дул сильный ветер. Порыв отбросил его волосы назад, и я на секунду увидел глубокие височные впадины. Но эти волосы... длинные и другого цвета... да еще ковбойская одежда... Дерьмо. — Он покачал головой. — Старею. Если Сейди достанется, я никогда этого себе не прощу.

— Вы хорошо себя чувствуете? Сердце не болит, ничего такого?

Он посмотрел на меня как на безумца.

— Мы будем стоять здесь и обсуждать мое здоровье или попытаемся выручить Сейди из беды, в которую она попала?

— Мы не просто попытаемся, а выручим. Вы идете по улице к ее парадной двери. Я пройду через этот двор и продерусь сквозь зеленую изгородь во двор Сейди. — Само собой, я думал о доме Даннингов на Коссат-стрит, но, произнося эти слова, вспомнил, что во дворе Сейди тоже была зеленая изгородь. Я видел ее много раз. — Вы постучите и скажете что-нибудь веселое. Достаточно громко, чтобы я услышал. К тому времени я уже буду на кухне.

— А если дверь черного хода заперта?

— Она держит запасной ключ под нижней ступенькой.

— Хорошо. — Дек задумался, нахмурился, вскинул голову. — Я скажу: «Звонит «Эйвон», спецдоставка в кастрюльке», — и подниму ее, чтобы он увидел меня через окно гостиной, если выглянет. Сойдет?

— Да. Мне нужно, чтобы вы отвлекли его на несколько секунд.

— Не стреляйте, если возникнет опасность попасть в Сейди. Сшибите этого ублюдка с ног. У вас получится. Парень, которого я видел, тощий как щепка.

Мы неуверенно переглянулись. Такое могло сработать в «Дымке из ствола» или в «Мэверике», но не в реальной жизни. В реальной жизни хорошим парням — и девчонкам — иногда дают пинка под зад. Или пулю в лоб.

7

Двор за домом в проезде Яблоневого цвета отличался от двора за домом Даннингов, но кое-что общее нашлось. Во-первых, во дворе стояла будка, правда, без таблички «ДОМ ВАШЕЙ СОБАКИ». Вместо нее неуверенная детская рука вывела надпись «КАНУРА БУТЧА». Ну и детки не выкрикивали «сладость или гадость». Не тот сезон.

Зеленая изгородь выглядела точно такой же.

Я проломился сквозь нее, не обращая внимания на царапины, которые жесткие ветки оставляли на руках. Пригнувшись, перебежал двор и попытался открыть дверь. Заперта. Я сунул руку под ступеньку в уверенности, что ключа нет, потому что прошлое стремится к гармонии с самим собой и оно упрямо.

Но ключ был. Я достал его, сунул в замочную скважину и стал медленно надавливать. Когда защелка подалась, раздался глухой щелчок, и я замер, ожидая крика тревоги. Тишина. В гостиной горел свет, но голосов я не слышал. Может, Сейди уже умерла, а Клейтон ушел?

Господи, только не это.

Но, осторожно распахнув дверь, я услышал его. Он говорил громко, медленно и монотонно, совсем как Билли Джеймс Харгис, наглотавшийся транквилизаторов. Объяснял ей, какая она шлюха и как загубила его жизнь. А может, он говорил о девушке, которая попыталась прикоснуться к нему. Джонни Клейтон их не различал — обе были охочими до секса рассадниками болезней. Которых надо держать в узде. И в кровати, разумеется, отделять шваброй.

Я снял туфли и поставил на линолеум. Над раковиной горела лампа. Я проверил, куда падает тень, чтобы убедиться, что она не

войдет в гостиную вперед меня. Достал из кармана пиджака револьвер и двинулся через кухню, чтобы встать у арки и ждать, пока не услышу: «Звонит «Эйвон», спецдоставка в кастрюльке». Тут бы я и ворвался в гостиную.

Только не дождался. Когда Дек заговорил, в его голосе не было ничего веселого. Только шок и ярость. И заговорил он не снаружи, а в доме:

— *Господи! Сейди!*

После этого все произошло быстро, очень быстро.

8

Клейтон взломал замок парадной двери, так что собачка не могла защелкнуться. Сейди на это внимания не обратила, в отличие от Дека. Поэтому, вместо того чтобы постучать, он толкнул дверь и вошел в дом с керамической кастрюлькой в руках. Клейтон по-прежнему сидел на скамеечке, нацелив револьвер в живот Сейди, но нож положил на пол рядом с собой. Дек — он сам потом об этом сказал — понятия не имел, что у Клейтона был нож. Я сомневаюсь, заметил ли он и револьвер. Потому что он видел только Сейди. Верхняя часть ее платья стала грязно-бордовой. Кровь залила руку и часть дивана. Но самое страшное случилось с ее лицом, повернутым к нему. Левая щека разошлась надвое, как разорванный занавес.

— *Господи! Сейди!* — Крик просто вырвался из груди. Его переполняли шок и ярость.

Клейтон повернулся, его верхняя губа вздернулась, обнажая зубы. Он поднял револьвер. Я это увидел, потому что уже проскочил арку между кухней и гостиной. И я увидел, как Сейди ударила по скамеечке ногой. Клейтон выстрелил, пуля ушла в потолок. Когда он попытался встать, Дек бросил в него керамическую кастрюльку. Крышка отлетела в сторону. Вермишель, мясо, зеленые перчики и томатный соус выплеснулись в воздух. Кастрюлька, наполовину опустевшая, угодила Клейтону в правую руку. Остатки китайского рагу полились на него. Револьвер упал.

Я видел кровь. Видел изуродованное лицо Сейди. Видел Клейтона, сидящего на корточках на заляпанном кровью и китайским рагу ковре. Я прицелился.

— *Нет!* — крикнула Сейди. — *Нет, пожалуйста, нет!*

Ее крик отрезвил меня, как пощечина. Если бы я его убил, то стал бы объектом полицейского расследования, какими бы оправданными ни казались мои действия. Тут же выяснилось бы, что никакой я не Джордж Амберсон, и я лишился бы шанса предотвратить ноябрьское убийство. Да и нашлось бы мне оправдание? Передо мной стоял невооруженный человек.

Я-тоже так думал, потому что не видел ножа. Его накрыла перевернувшаяся скамеечка. Но и если бы нож лежал на самом виду, я мог его не заметить.

Я убрал револьвер в карман и рывком поднял Клейтона на ноги.

— Меня бить нельзя! — С губ летела слюна. Глаза остекленели, словно у него начался припадок. Он потерял контроль над мочевым пузырем: я услышал, как моча льется на ковер. — Я психически больной, я не несу ответственности за свои действия, не могу нести ответственности, у меня справка, она в бардачке моего автомобиля, я покажу ее...

Его хныкающий голос, абсолютный ужас, написанный на лице (теперь, когда его обезоружили), оранжево-блондинистые волосы, патлами падающие на глаза, даже запах китайского рагу... все это привело меня в ярость. Но прежде всего я разъярился, видя Сейди, съежившуюся на диване и залитую кровью. И ее волосы свисали вниз, а с левой стороны, рядом с жуткой раной, слиплись в комок. Из-за этого подонка ей предстояло ходить со шрамом, в том же месте, что и у Бобби Джил. Хотя у той шрам практически исчез — и это естественно, прошлое стремится к гармонии, а рана Сейди выглядела хуже некуда.

Я ударил его по правой щеке, достаточно сильно, чтобы слюна полетела из левого уголка рта.

— Это тебе за швабру, псих долбаный!

Следующая оплеуха пришлась по другой щеке, и теперь слюна полетела из правого уголка рта. Он издал горький, отчаянный вой, какой приберегают для самого худшего, для зла такого ужасного, что его невозможно исправить. Или простить.

— Это тебе за Сейди!

Я сжал пальцы в кулак. В каком-то другом мире Дек что-то кричал в телефонную трубку. Потирал ли он грудь, совсем как Теркотт? Нет. Пока еще нет. В том же другом мире стонала Сейди.

— *А это за меня!*

Я врезал ему, и — я говорил, что скажу всю правду, без утайки — хруст его носа, крики боли в моих ушах зазвучали музыкой. Я отпустил Клейтона, и он рухнул на пол.

Тогда я повернулся к Сейди.

Она попыталась встать с дивана, попыталась протянуть ко мне руки — не вышло. Они упали на окровавленное платье. Ее глаза начали закатываться, я уже не сомневался, что она лишится чувств, но ей удалось остаться в сознании.

— Ты пришел, — прошептала она. — Джейк, ты пришел, чтобы спасти меня. Вы оба пришли.

— Аллея Ульев! — кричал Дек в трубку. — Нет, я не знаю, какой дом, не помню номер, но вы увидите старика в туфлях, облепленных китайским рагу, который будет стоять на дороге и махать руками! Поторопитесь! Она потеряла много крови!

— Не двигайся. — Я шагнул к Сейди. — Постарайся не...

Ее глаза широко раскрылись. Она смотрела мне за спину.

— Берегись! Джейк, *берегись*!

Я развернулся, сунул руку в карман за револьвером. Дек тоже повернулся, держа трубку скрюченными артритом пальцами, словно дубинку. Но хотя Клейтон и поднял с пола нож, которым обезобразил Сейди, дни, когда он мог причинить кому-то вред, остались в прошлом. Как выяснилось, за одним исключением.

Прошлое вновь повторилось, эпизод, виденный мной на Гринвилл-авеню вскоре после приезда в Техас. Нет, из «Розы пустыни» не доносилась музыка Мадди Уотерса, однако компанию мне составляли другая раненая женщина и другой мужчина со сломанным носом, из которого текла кровь, в вылезшей рубашке, свисавшей почти до колен. Этот мужчина держал в руке нож, а не пистолет, но в остальном отличий я не находил.

— Нет, Клейтон! — заорал я. — Опусти нож!

Выпученными глазами, едва видневшимися за космами оранжевых волос, он уставился на потрясенную, теряющую сознание женщину на диване.

— *Ты этого хочешь, Сейди?* — крикнул Клейтон. — *Если ты хочешь этого, я дам тебе то, что ты хочешь!*

С перекошенным безумной улыбкой лицом он приставил нож к горлу... и резанул.

Часть V

11.22.63*

Глава 23

1

Из далласской газеты «Морнинг ньюс» от 11 апреля 1963 года (страница 1):

СТРЕЛОК ПОКУШАЕТСЯ НА УОКЕРА

Эдди Хьюз

По сообщению полиции, в среду вечером стрелок, вооруженный винтовкой, пытался убить отставного генерал-майора Эдвина А. Уокера в его доме, и пуля разминулась со скандальным крестоносцем менее чем на дюйм.

В девять часов вечера, когда Уокер заполнял налоговую декларацию, пуля пробила окно, выходящее во двор, и вонзилась в стену рядом с ним.

По мнению полиции, случайное движение Уокера спасло ему жизнь.

«Кто-то целился наверняка, — заявил детектив Айра Ван-Клиф. — Кто-то очень хотел его убить».

Уокер снимал с правого рукава фрагменты оболочки пули и вычесывал из волос осколки стекла и кусочки свинца, когда прибыли репортеры.

По словам Уокера, в понедельник он вернулся в Даллас из первой поездки лекционного тура «Операция "Ночная скачка"». Он также сказал репортерам...

*Здесь и далее даты указаны так, как это принято в США: месяц, число, год.

Из далласской газеты «Морнинг ньюс» от 12 апреля 1963 года (страница 7):

ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНОЙ НАНОСИТ УДАР НОЖОМ СВОЕЙ БЫВШЕЙ ЖЕНЕ И СОВЕРШАЕТ САМОУБИЙСТВО

Мак Дугас

(ДЖОДИ) В среду вечером 77-летний Дикон «Дек» Симмонс пришел слишком поздно, чтобы спасти 28-летнюю Сейди Данхилл от тяжелого ранения, но все могло закончиться гораздо хуже для всеобщей любимицы, библиотекаря Денхолмской объединенной средней школы.

Согласно Дугласу Римсу, городскому констеблю Джоди: «Если бы Дек не пришел, мисс Данхилл наверняка бы убили». На все вопросы репортеров Симмонс отвечал только одной фразой: «Я не хочу об этом говорить, все закончилось».

По словам констебля Римса, Симмонс свалил с ног более молодого Джона Клейтона и отнял у него маленький револьвер. Тогда Клейтон выхватил нож, которым нанес ранение своей бывшей жене, и полоснул себя по горлу. Симмонс и другой мужчина, Джордж Амберсон из Далласа, пытались остановить кровотечение, но безрезультатно. Клейтон умер на месте.

Мистер Амберсон, бывший учитель Денхолмской объединенной средней школы, который прибыл вскоре после того, как Симмонс разоружил Клейтона, недоступен для комментариев, но он сказал констеблю Римсу, что Клейтон — недавний пациент психиатрической больницы, — возможно, выслеживал свою бывшую жену не один месяц. Администрацию Денхолмской объединенной средней школы предупредили о возможном появлении Клейтона, и директор Эллен Докерти располагала его фотографией, но Клейтон изменил внешность, и ему удалось остаться неузнанным.

Мисс Данхилл «скорая» доставила в далласскую больницу «Паркленд мемориал». Врачи оценивают ее состояние как удовлетворительное.

2

Я смог повидаться с ней только в субботу. Часы, отведенные для посещения больных, проводил в комнате ожидания с книгой, читать которую не мог. В общем, значения это не имело, потому что мне всегда находилась компания — чтобы справиться о самочувствии Сейди, в больнице побывало большинство учителей ДОСШ и никак не меньше сотни учеников. Тех, кто еще не получил водительское удостоверение, привозили родители. Многие оставались, чтобы сдать кровь и возместить пинты, перелитые Сейди. Скоро мой портфель наполнился открытками с пожеланиями скорейшего выздоровления и выражениями сочувствия. А цветов на сестринском посту набралось столько, что он напоминал оранжерею.

Я думал, что привык к жизни в прошлом, но меня все-таки поразила одиночная палата Сейди размером с чулан, где царила нёсусветная жара. И никакой ванной комнаты — отвратительный унитаз в углу, на котором мог удобно устроиться только карлик, и полупрозрачная занавеска, обеспечивающая так называемое уединение. Вместо кнопок для поднимания-опускания кровати использовалась рукоятка, белая краска которой истерлась от прикосновений множества пальцев. Разумеется, никаких мониторов, на которые компьютер выводил бы параметры состояния организма, и никакого телевизора для пациента.

Единственная стеклянная бутылка с какой-то жидкостью — возможно, с физиологическим раствором — висела на металлическом штативе. Трубка от нее вела к тыльной стороне левой руки Сейди, где исчезала под толстой повязкой.

Но не такой толстой, как та, что закрывала левую сторону ее головы. С этой стороны частично состригли волосы, отчего Сейди выглядела перекошенной, словно ее наказали... и, разумеется, ее наказали. Врачи оставили маленькую щелочку для глаза. Щелочка эта и второй глаз на незамотанной, оставшейся в целости и сохранности стороне лица раскрылись, когда Сейди услышала мои шаги, и, пусть ее накачали лекарствами, в них отразился ужас, от которого мое сердце на мгновение сжалось.

Потом — обреченно — она повернулась лицом к стене.

— Сейди... милая, это я.

— Привет, я, — ответила она, не поворачиваясь ко мне.

Я коснулся ее обнаженного плеча, и она отпрянула.

— Пожалуйста, не смотри на меня.

— Сейди, все это не имеет значения.

Она повернулась. Грустные, затуманенные морфием глаза уставились на меня, один — сквозь дыру в бинтах. На повязке проступило отвратительное желтовато-красное пятно. Я предположил, что это кровь, смешанная с какой-то мазью.

— Имеет, — возразила она. — С Бобби Джил было совсем по-другому. — Она попыталась улыбнуться. — Знаешь, как выглядит бейсбольный мяч, со всеми этими красными швами? Так теперь выглядит Сейди. Они поднимаются вверх и спускаются вниз по всей щеке.

— Они исчезнут.

— Ты не понимаешь. Он прорезал мне щеку насквозь, до ротовой полости.

— Но ты жива. И я тебя люблю.

— Скажи это, когда с меня снимут повязку. — Глуховатым, замедленным голосом. — В сравнении со мной невеста Франкенштейна — Лиз Тейлор.

Я взял ее за руку.

— Где-то я прочитал...

— Не думаю, что я сейчас готова к литературной дискуссии, Джейк.

Она вновь попыталась отвернуться, но я удержал ее, не отпуская руки.

— Это японская поговорка. Для влюбленных оспины — что ямочки на щеках. Я буду любить твое лицо, как бы оно ни выглядело. Потому что оно твое.

Она заплакала, и я прижимал ее к себе, пока она не успокоилась. Подумал, что она заснула, когда услышал ее голос:

— Я знаю, это моя вина. Я вышла за него, но...

— Это не твоя вина, Сейди. Ты не знала.

— Я знала, что с ним что-то не так. И все равно вышла. Думаю, главным образом потому, что этого очень хотели мои мать с отцом. Они еще не приехали, и я рада. Потому что я виню и их. Это ужасно, правда?

— Если уж ищешь, кого винить, запиши и меня. Я точно видел этот чертов «плимут», на котором он ездил, причем дважды, и, наверное, еще пару раз краем глаза.

— На этот счет ты не должен чувствовать себя виноватым. Детектив полиции штата и техасский рейнджер, которые брали у меня показания, сказали, что багажник «плимута» набит пластинами с номерными знаками. По их мнению, он, вероятно, крал их в гостиницах для автомобилистов. И у него нашли множество наклеек и... как они там называются...

— Переводные картинки. — Я думал о той, что обманула меня в «Кэндлвуде». «ВПЕРЕД, ТОРОПЫГИ». Я допустил ошибку, приняв постоянно попадавшийся мне на глаза красно-белый «плимут-фьюри» за еще одно проявление гармонизации прошлого. Мне бы следовало сообразить, что это не так. И я бы сообразил, если бы половину моего разума не занимали мысли о Далласе, Ли Освальде и Уокере. А если уж говорить о вине, часть ее лежала и на Деке. В конце концов, он видел этого человека, обратил внимание на глубокие впадины по сторонам лба.

Выброси из головы, подумал я. *Это случилось. И ничего уже не изменишь.*

Но если на то пошло, возможность второго захода оставалась.

— Джейк, полиция знает, что ты... не совсем тот, за кого себя выдаешь?

Я убрал волосы с правой стороны ее лица, где они остались длинными.

— На этот счет проблем нет.

Мы с Деком дали показания тем же полицейским, которые переговорили с Сейди до операции. Детектив полиции штата едко проехался по поводу людей, которые смотрят слишком много вестернов. Рейнджер его поддержал, а потом пожал нам руки, сказав: «На вашем месте я бы поступил точно так же».

— Дек перевел стрелки на себя, а я оказался как бы не при делах. Он не хочет, чтобы школьный совет начал возражать против твоего возвращения в школу в следующем году. Мне это кажется невероятным, но сам факт, что тебя порезал безумец, может послужить поводом для отказа в продлении трудового договора по причине твоей аморальности, и Дек думает, что будет лучше...

— Я не смогу вернуться. Не смогу предстать перед детьми в таком виде.

— Сейди, если бы ты знала, как много учеников приезжало сюда...

— Это приятно, это много значит, но именно они меня и пугают. Ты не понимаешь? Думаю, мне нипочем те, кто смеется и отпускает шутки. В Джорджии одна наша учительница была с заячьей губой, и я многому у нее научилась. Она знала, как справляться с детской жестокостью. Меня пугают другие. Те, кто желает добра. Сочувствие в глазах... взгляды в сторону. — Она глубоко вдохнула, потом взорвалась: — Опять же, я злюсь. Я знаю, что жизнь тяжела. Мне известно, что в глубине сердца все так думают, но почему она должна быть еще и такой жестокой? Почему она должна *кусаться*?

Я обнял ее. Оставшаяся невредимой сторона лица горела и пульсировала.

— Я не знаю, милая.

— Почему ни у кого нет второго шанса?

Я прижимал ее к себе. Когда дыхание выровнялось, уложил на кровать и тихонько поднялся, чтобы уйти. Она заговорила, не открывая глаз:

— Ты говорил мне, что в среду должен увидеть что-то важное. Ты же не хотел лицезреть, как Джонни Клейтон перерезает себе горло?

— Не хотел.

— Так ты не увидел?

Я уже собрался солгать, но не стал.

— Нет.

Тут ее глаза открылись, с огромным трудом, и я понимал, что долго им не продержаться.

— У тебя будет второй шанс?

— Не знаю. Это не имеет значения.

Я покривил душой. Потому что это будет иметь значение для жены и детей Джона Кеннеди, для его братьев, возможно, для Мартина Лютера Кинга и почти наверняка — для десятков тысяч молодых американцев, сейчас учеников старших классов, которым предстояло, если ничто не изменит курса истории, надеть военную форму, улететь на другую сторону света, раздвинуть свои ягодицы и сесть на большой зеленый дилдо, именуемый Вьетнамом.

Сейди закрыла глаза. Я вышел из палаты.

3

Спустившись на лифте в вестибюль, я не увидел никого из нынешних учеников ДОСШ, зато наткнулся на пару выпускников. Майк Кослоу и Бобби Джил Оллнат сидели на жестких пластмассовых стульях с нераскрытыми журналами на коленях. Майк вскочил и пожал мне руку. Бобби Джил обняла меня.

— Насколько все плохо? — спросила она. — Я хочу сказать... — она прошлась кончиками пальцев по своему практически исчезнувшему шраму, — это можно поправить?

— Не знаю.

— Вы не спрашивали доктора Эллертона? — вмешался Майк.

Эллертон, лучший пластический хирург центрального Техаса, оперировал Бобби Джил, и результат говорил сам за себя.

— Он в больнице после обеда, осматривает пациентов. Дек, миз Элли и я должны встретиться с ним через... — я посмотрел на часы, — двадцать минут. Вы тоже хотите пойти?

— Пожалуйста. — Бобби Джил смотрела на меня. — Я знаю, что он ей все исправит. Он гений.

— Тогда пойдемте. Посмотрим, что сможет сделать гений.

Майк, должно быть, расшифровал выражение моего лица, потому что сжал мне руку.

— Может, все не так плохо, как вы думаете, мистер А.

4

Все оказалось гораздо хуже.

Эллертон передавал нам фотографии — четкие, черно-белые, глянцевые, напомнившие мне о Виджи и Диане Эрбас*. Бобби Джил ахнула и отвернулась. Дек охнул, словно пропустил удар. Миз Элли стоически просмотрела фотографии, но лицо ее побледнело как полотно, за исключением двух пламеневших пятен румян.

На первых снимках щека Сейди висела разорванной тряпкой. Это я видел в среду вечером, поэтому внутренне подготовился. Не подготовился к другому: к перекошенному, как после инсуль-

* Знаменитые американские фотографы.

та, рту и к обвисшей плоти под левым глазом. Благодаря этому лицо Сейди стало каким-то клоунским, и мне захотелось биться головой о стол в маленьком конференц-зале, куда нас пригласил доктор Эллертон. Или — и этот вариант казался предпочтительным — помчаться в морг, где сейчас лежал Джонни Клейтон, и избить его вновь.

— Когда вечером прибудут родители этой молодой женщины, — заговорил Эллертон, — я постараюсь быть тактичным и вселять надежду, потому что родители заслуживают тактичности и надежды. — Он нахмурился. — Хотя им следовало бы приехать раньше, учитывая тяжесть состояния миссис Клей...

— Мисс Данхилл, — холодно отчеканила Элли. — Она официально развелась с этим монстром.

— Да, конечно, хорошо, что вы меня поправили. В любом случае вы ее друзья, и я убежден, что вы заслуживаете меньше тактичности и больше правды. — Он бесстрастно взглянул на одну из фотографий и постучал по разорванной щеке Сейди чистым, коротко подрезанным ногтем. — Это можно изменить к лучшему, но не восстановить полностью. Во всяком случае, теми средствами, которыми я располагаю. Может, через год, когда рана полностью заживет, я смогу убрать большую часть асимметрии.

Слезы покатились по щекам Бобби Джил. Она взяла Майка за руку.

— Внешние повреждения, которые останутся навсегда, это, конечно, плохо, — продолжил Эллертон, — но есть и другие проблемы. Перерезан лицевой нерв. Ей будет сложно есть левой половиной рта. Опущенное веко, которое вы видите на этих фотографиях, останется таким до конца жизни, и у нее частично поврежден слезный проток. Зрение вроде бы не пострадало. Будем на это надеяться.

Он вздохнул и раскинул руки.

— С учетом перспектив, которые сулят нам микрохирургия и регенерация нервов, лет через двадцать или тридцать мы, возможно, сможем оказать таким пациентам более существенную помощь. А сегодня могу сказать только одно: я сделаю все возможное, чтобы восстановить то, что поддается восстановлению.

Майк впервые подал голос. В нем слышалась горечь.

— Жаль, что сейчас не тысяча девятьсот девяностый, да?

5

В тот день мы вышли из больницы молчаливые и опечаленные. Уже на автостоянке миз Элли коснулась моей руки.

— Мне следовало послушать вас, Джордж. Мне очень, очень жаль.

— Не уверен, что от этого что-нибудь бы изменилось, — ответил я, — но если хотите как-то загладить свою вину, попросите Фредди Куинлэна позвонить мне. Он риелтор, который помог мне, когда я впервые приехал в Джоди. Этим летом я хочу быть рядом с Сейди, то есть мне нужно снять дом.

— Вы можете пожить у меня, — предложил Дек. — Места предостаточно.

Я повернулся к нему.

— Вы уверены?

— Вы окажете мне услугу.

— Я с радостью заплачу...

Он отмахнулся.

— Будете покупать продукты. Этого хватит.

Они с Элли приехали на «ранч-вэгоне» Дека. Я посмотрел, как они выезжают со стоянки, а потом поплелся к моему «шевроле», который теперь — наверняка несправедливо — считал автомобилем, приносящим беду. И мне ужасно не хотелось возвращаться на Нили-стрит, где, несомненно, предстояло услышать, как Ли вымещает на Марине раздражение, вызванное неудачным выстрелом в генерала Уокера.

— Мистер А? — окликнул меня Майк. Бобби Джил стояла чуть позади, сложив руки на груди. Она выглядела потерянной и несчастной.

— Да, Майк?

— Кто оплатит больничные счета мисс Данхилл? И хирургию, о которой шла речь? У нее есть страховка?

— Какая-то есть. — Но едва ли достаточная, чтобы покрыть такие расходы. Я подумал о ее родителях, однако меня тревожил тот факт, что они до сих пор не приехали. *Не могли* же они винить ее за содеянное Клейтоном... или могли? Я не понимал, каким образом, но я появился из мира, где женщины и мужчины в большинстве своем имели равные права. Никогда раньше Америка

1963 года не казалась мне такой чужеземной страной, как в этот момент.

— Я помогу, насколько удастся, — ответил я. Но чем? Моих денежных запасов вполне хватало для того, чтобы протянуть несколько следующих месяцев, однако едва ли я смог бы оплатить и половину всех необходимых пластических операций. Я не хотел возвращаться в «Честный платеж» на Гринвилл-авеню, но, похоже, ничего другого не оставалось. До Кентуккийского дерби было меньше месяца, и, согласно спортивному разделу записей Эла, забег этот выиграл Шатогей, темная лошадка. Тысяча баксов на него могла принести семь или восемь тысяч, которых хватило бы, чтобы оплатить пребывание Сейди в больнице — по ценам шестьдесят третьего — и часть (если не все) последующих операций.

— У меня есть идея. — Майк оглянулся. Бобби Джил поддержала его улыбкой. — Бобби со мной это придумали.

— Мы с Бобби, Майк. Ты уже не ребенок, говори как взрослый.

— Да-да, извините. Если вы зайдете с нами в кафетерий минут на десять, мы вам все объясним.

Я зашел. Мы выпили кофе. Я выслушал их идею. И согласился. Иногда, если прошлое стремится к гармонии с самим собой, мудрый прочищает горло и подпевает ему.

6

В тот вечер ссора в квартире над моей головой разгорелась нешуточная. Малышка Джун вносила свои пять центов — орала как резаная. Магнитофон я включать не стал: ругались на русском, по большей части. Потом, где-то около восьми, воцарилась непривычная тишина. Я предположил, что они улеглись спать на два часа раньше обычного, и как же это радовало.

Я уже подумывал о том, чтобы улечься самому, когда к дому подкатил огромный «кадиллак». Из кабины выскользнула Джин, следом выпрыгнул как чертик из табакерки Джордж. Открыл заднюю дверь и достал большого плюшевого кролика с невероятным пурпурным мехом. Я таращился на это действо через щель между шторами, пока до меня не дошло: завтра Пасхальное воскресенье.

Они направились к наружной лестнице. Джин шла, Джордж несся галопом. От его громоподобных шагов по шатким ступеням дрожал весь дом.

Я слышал удивленные голоса у себя над головой, приглушенные, но ясные вопросы. Шаги пересекли потолок, заставив задребезжать люстру в гостиной. Освальды подумали, что прибыла далласская полиция, чтобы арестовать главу семейства? Или кто-то из агентов ФБР, приходивших к Ли, когда они жили на Мерседес-стрит? Я надеялся, что сердце маленького ублюдка запрыгнуло ему в горло и чуть не удушило.

Раздался громкий стук в дверь на втором этаже, потом веселый голос де Мореншильдта:

— Открывай, Ли! Открывай, язычник!

Дверь открылась. Я надел наушники, но ничего не услышал. Потом, когда уже собрался воспользоваться микрофоном в пластмассовой миске, Ли или Марина включили лампу с установленным в ней «жучком». Он снова заработал, во всяком случае, на какое-то время.

— ...для ребенка. — Голос Джин.

— Ой, спасибо! — воскликнула Марина. — Огромное спасибо, Джин, вы так добры!

— Не стой столбом, товарищ, налей нам что-нибудь, — добавил де Мореншильдт. Судя по голосу, он уже пропустил несколько стаканчиков.

— У меня только чай, — раздраженно и полусонно ответил Ли.

— Чай — это хорошо. У меня есть чем его разбавить. — Я буквально увидел, как де Мореншильдт подмигнул.

Марина и Джин перешли на русский. Ли и де Мореншильдт — его тяжелые шаги узнавались безошибочно — двинулись на кухню, где я услышать их не мог. Женщины стояли около лампы, и их голоса полностью заглушали мужские.

Потом Джин воскликнула на английском:

— Господи, это *ружье*?

Все замерло, включая — судя по ощущениям — и мое сердце.

Марина рассмеялась. Звенящим смехом коктейльной вечеринки, *ха-ха-ха*, насквозь фальшивым.

— Он теряет работу, у нас нет денег, а этот безумец покупает винтовку. Я говорю: «Поставь ее в стенной шкаф, ты, чокнутый идиот, чтобы не пугать беременную жену».

— Я хотел пострелять по мишеням, ничего больше, — заговорил Ли. — В морской пехоте у меня получалось. В мою честь «панталонами Мэгги»* не размахивали.

Новая пауза, продлившаяся, как мне показалось, целую вечность, а потом громовой смех де Мореншильдта.

— Да ладно, не пудри мне мозги! Как ты смог не попасть в него, Ли?

— Я понятия не имею, о ком вы говорите.

— О генерале Уокере, парень. Кто-то чуть не разбрызгал мозги этого негроненавистника по стене кабинета его собственного дома на Черепашьем ручье. Ты хочешь сказать, что ничего об этом не знаешь?

— В последнее время я газет не читал.

— Да? — удивилась Джин. — Разве там, на стуле, не «Таймс геральд»?

— Я про новости. Слишком они тоскливые. Только раздел юмора и страницы с вакансиями. Большой Брат говорит: работай, или ребенок умрет с голоду.

— Так этот неудачный выстрел — не твоя работа? — спросил де Мореншильдт.

Дразня его. *Подкалывая.*

Вопрос — почему? Либо де Мореншильдт никогда в жизни не поверил бы, что такое ничтожество, как Кролик Оззи, стреляло вечером в среду... либо он точно знал, что стрелял Ли. Может, потому, что Джин заметила винтовку. Мне всем сердцем хотелось, чтобы женщины ушли, и я, послушав разговор Ли и его своеобразного друга, возможно, получил бы ответы на свои вопросы. А так... сомнения все равно оставались.

— Вы думаете, я свихнулся до такой степени, чтобы стрелять, зная, что Джон Эдгар Гувер заглядывает мне через плечо? — Ли говорил так, словно старался подыграть де Мореншильдту. «Шутим вместе с Джорджем» вместо «Поем вместе с Митчем», но получалось у него не слишком.

— Никто не говорит, что ты в кого-то стрелял, Ли, — попыталась успокоить его Джин. — Просто пообещай, что найдешь для винтовки безопасное место в шкафу, когда твой ребенок начнет ходить.

---

* Красный флаг, который поднимают на стрельбище в случае промаха.

Марина ответила на это на русском, но я время от времени видел малышку во дворе и знал, что она говорит: Джун уже начала ходить.

— Джуни понравится этот славный подарок, — сменил тему Ли, — но мы не празднуем Пасху. Мы атеисты.

Может, он и был атеистом, но, согласно записям Эла, Марина — с помощью своего воздыхателя, Джорджа Бауха, — тайком окрестила Джун в разгар Карибского ракетного кризиса.

— И мы тоже! — воскликнул де Мореншильдт. — Именно поэтому мы празднуем Пасхального кролика! — Он подошел ближе к лампе, и его смех чуть не оглушил меня.

Они поговорили еще минут десять, то на русском, то на английском. Потом Джин засобиралась.

— Оставляем вас с миром. Думаю, мы вытащили вас из постели.

— Нет-нет, мы не спали, — ответил Ли. — Спасибо, что заехали.

— Мы скоро поболтаем, Ли, — прогрохотал де Мореншильдт. — Приезжай в загородный клуб. Мы организуем официантов в коллектив!

— Конечно, конечно. — Они уже шли к двери.

Де Мореншильдт сказал что-то еще, но слишком тихо, и я разобрал лишь несколько слов. Вроде бы *вернул ее себе*.

Когда ты вернул ее себе? Этот вопрос задал де Мореншильдт? В смысле, *когда ты вернул себе винтовку*?

Я прокрутил пленку раз шесть, но супермедленная скорость не позволила расслышать что-то еще. Я лежал без сна и после того, как Освальды уснули. Не спал и в два часа ночи, когда заплакала Джун и Марина встала, чтобы ее успокоить. Я думал о Сейди, забывшейся тревожным сном под действием морфина в больнице «Паркленд мемориал». Отвратительная палата, узкая кровать — но там я бы уснул, это точно.

Я думал о де Мореншильдте, маниакальном актере, рвущем на себе рубаху. *Что ты сказал, Джордж? Что ты сказал в самом конце? Когда ты вернул ее себе? Или все вернется на круги своя? Или чего-то там не вернешь? А может, что-то совсем другое.*

Наконец я уснул. И оказался в парке развлечений с Сейди. Мы подошли к тиру, где стоял Ли, вжимая приклад винтовки в

плечо. За стойкой тира расположился Джордж де Мореншильдт. Ли выстрелил три раза и не поразил ни одной мишени.

— Извини, сынок, — покачал головой де Мореншильдт, — никаких призов для тех, в чью честь поднимают «панталоны Мэгги».

Потом он повернулся ко мне и улыбнулся:

— Подходи ближе, сынок, может, тебе повезет больше. *Кто-то* ведь *должен* убить президента, так почему не ты?

Я проснулся как от толчка при первом свете зари. Освальды надо мной спали.

7

Во второй половине Пасхального воскресенья я оказался в Дили-плазе, сидел на парковой скамейке. Смотрел на отвратительный кирпичный куб Хранилища школьных учебников и думал о том, что делать дальше.

Через десять дней Ли уедет из Далласа в Новый Орлеан, где он родился. Там он получит работу — станет смазчиком техники в кофейной компании — и арендует квартиру на Мэгезин-стрит. Проведя две недели или около того с Рут Пейн и ее детьми в Ирвинге, Марина и Джун присоединятся к нему. В мои планы поездка в Новый Орлеан не входила. Я не мог оставить Сейди, которую ждали долгий период выздоровления и неопределенное будущее.

Намеревался ли я убить Ли между Пасхальным воскресеньем и двадцать четвертым апреля? Вероятно, мне бы это удалось. Потеряв работу в «Джеггарс-Чайлс-Стоуволл», он проводил большую часть времени в квартире надо мной или раздавал в центре Далласа листовки «Честное отношение к Кубе». Иногда отправлялся в публичную библиотеку, но отказался от Айн Рэнд и Карла Маркса в пользу вестернов Зейна Грея.

Застрелить его на улице или в библиотеке на Янг-стрит? Это привело бы к немедленному аресту. Но я мог покончить с ним в квартире наверху, пока Марина находилась в Ирвинге, шлифуя русский Рут Пейн. Я мог бы постучать в дверь и пустить ему пулю в лоб, когда он откроет. Без проблем. При выстреле в упор никому не придется махать «панталонами Мэгги». А что потом? Бе-

жать. С вопросами полиция первым делом придет ко мне. Это ведь я жил в квартире внизу.

Я мог заявить, что ничего не слышал, и поначалу такой ответ их устроит, но сколько времени потребуется, чтобы выяснить, что Джордж Амберсон с Западной Нили-стрит — тот самый Джордж Амберсон, который недавно оказался на месте преступления на аллее Ульев? Начнется более серьезное расследование, и откроется, что диплом Джорджа Амберсона — из липового колледжа в Оклахоме, а рекомендательные письма Джорджа Амберсона — подделки. В этот момент меня скорее всего арестуют. Полиция получит ордер на обыск моей банковской ячейки, если узнает, что таковая у меня есть, а она скорее всего узнает. Мистер Ричард Линк, мой банкир, увидит мою фамилию и/или фотографию в газете и обратится в полицию. И как они расценят мои мемуары? Как мотив для убийства Освальда, пусть это и безумие.

Нет, мне придется мчаться к «кроличьей норе», бросить «шеви» где-нибудь в Оклахоме или Арканзасе, сесть на автобус или поезд. А если я сумею вернуться в 2011 год, то не смогу снова воспользоваться «кроличьей норой» без сброса на ноль. Получалось, что я оставлял Сейди одну, обезображенную и одинокую. *Разумеется, он от меня сбежал,* подумает она. *Много чего наговорил об оспинах и ямочках, но, как только услышал прогноз Эллертона — уродина сейчас, уродина навсегда, — тут же сделал ноги.*

Возможно, она не стала бы меня винить. И вот это причиняло самую сильную боль.

Но нет. Нет. Оставался вариант и похуже. Допустим, я вернулся бы в 2011 год и узнал бы, что Кеннеди все равно убили 22 ноября? Я до сих пор не мог сказать наверняка, что Освальд действовал в одиночку. Кто я такой, чтобы утверждать, что десять тысяч теоретиков заговора ошибались, учитывая, как мало новой информации принесли мне прослушка и слежка?

Может, я загляну в «Википедию» и узнаю, что убийца все-таки находился на травяном холме. Или на крыше окружного суда (там же располагалась и тюрьма) на Хьюстон-стрит, вооруженный настоящей снайперской винтовкой, а не заказанной по почте «Манлихер-Каркано». Или прятался в сточной канаве на улице Вязов и наблюдал за приближением кортежа Кеннеди че-

рез перископ, как заявляли некоторые совсем уж одиозные сторонники теории заговора.

Де Мореншильдт в том или ином качестве сотрудничал с ЦРУ. Это признавал даже Эл Темплтон, который практически не сомневался, что Освальд действовал в одиночку. Но Эл исходил из того, что для ЦРУ де Мореншильдт — мелкая сошка, поставлявшая ерундовые сведения о своих партнерах в Центральной и Южной Америке, с тем чтобы ему не мешали заниматься нефтяными спекуляциями. А если он все-таки не мелкая сошка? ЦРУ ненавидело Кеннеди с того самого момента, как он отказался направить американские войска на помощь противникам Кастро, высадившимся в Заливе свиней. Изящное урегулирование ракетного кризиса только усилило эту ненависть. Они хотели воспользоваться этим кризисом как предлогом для окончательного и бесповоротного завершения «холодной войны», нисколько не сомневаясь, что «превосходство по ракетам» — фикция. Об этом даже пишут в газетах, иногда между строчек, иногда открыто, в колонках обозревателей.

Допустим, некие отморозки в ЦРУ уговорили Джорджа де Мореншильдта на гораздо более опасную миссию? Не самолично убить президента, но найти нескольких неадекватных личностей, которые согласятся на такую работу? Ответил бы де Мореншильдт «да» на подобное предложение? Вполне возможно. Они с Джин жили на широкую ногу, но я понятия не имел, из каких денег оплачены «кадиллак», загородный клуб, большой особняк на Симпсон-Стюарт-роуд. Взять на себя роль перемычки в цепи, соединяющей президента США и агентство, которое существовало исключительно для того, чтобы выполнять его приказы... Дело опасное, но если потенциальная выгода велика, то человек, живущий не по средствам, мог на такое пойти. И здесь не требовались выплаты наличными, а это большой плюс. Всего лишь разрешения на добычу нефти в Венесуэле, на Гаити, в Доминиканской республике. Опять же, это задание могло показаться де Мореншильдту интересным. Ему нравились активные действия, а Кеннеди он не жаловал.

И благодаря Джону Клейтону я не смог исключить участия де Мореншильдта в покушении на жизнь Уокера. Да, винтовка принадлежала Освальду, но, допустим, в последнюю секунду тот струсил и не смог нажать спусковой крючок? Я полагал, что этот

маленький хорек вполне мог спасовать в критический момент. Буквально видел, как де Мореншильдт выхватывает «каркано» из дрожащих рук Ли и рычит: *Дай сюда, я все сделаю сам.*

Мог ли де Мореншильдт выстрелить, положив винтовку на мусорный бак, который Ли собирался использовать в качестве опоры? Одна строка в записях Эла позволяла мне утвердительно ответить на этот вопрос: *В 1961 году он выиграл первенство загородного клуба в стрельбе по тарелочкам.*

Если бы я пристрелил Освальда, а Кеннеди все равно бы убили, получилось бы, что все зря. И что тогда? Возвращаться и идти тем же путем? Снова убивать Фрэнка Даннинга? Снова спасать Кэролин Пулин? Снова ехать в Даллас?

Снова встретить Сейди?

Целую и невредимую, и это хорошо. Я буду знать, как выглядит ее безумец муж, пусть с крашеными волосами, и смогу остановить его до того, как он к ней приблизится. Это тоже хорошо. Но при мысли о том, что придется все начинать сначала, у меня опускались руки. И я не думал, что смогу хладнокровно убить Ли, во всяком случае, отталкиваясь от косвенных улик, которыми располагал. С Фрэнком Даннингом я знал наверняка. *Я видел.*

И каким будет мой следующий шаг?

Часы показывали четверть пятого, и я решил, что мой следующий шаг — навестить Сейди. Направился к своему автомобилю, припаркованному на Главной улице. На углу Главной и Хьюстон-стрит, миновав старое здание суда, почувствовал, что за мной наблюдают, и обернулся. Тротуар за спиной пустовал. За мной наблюдало Хранилище, всеми слепыми окнами, выходившими на улицу Вязов, по которой президентскому кортежу предстояло проехать примерно через двести дней после Пасхального воскресенья.

8

Когда я приехал в больницу, на этаже Сейди раздавали обед — китайское рагу. Запах вызвал яркий образ: кровь, льющаяся рекой по руке и предплечью Джона Клейтона перед тем, как он упал на ковер, слава Богу, лицом вниз.

— Добрый день, мистер Амберсон, — поздоровалась со мной старшая сестра, седеющая женщина в накрахмаленном белоснежном чепце и халате, как только я расписался в регистрационной книге. К ее необъятной груди крепились карманные часы. Она смотрела на меня из-за баррикады букетов. — Вчера вечером там громко кричали. Я рассказываю вам только потому, что вы ее жених, верно?

— Верно, — кивнул я. Конечно же, мне хотелось быть женихом Сейди, обезобразили ей лицо или нет.

Старшая медсестра наклонилась ко мне между двух заполненных цветами ваз. Несколько маргариток коснулись ее волос.

— Послушайте, обычно я не сплетничаю о моих пациентах и осекаю молодых медсестер, которые это делают. Но как отнеслись к ней ее родители — это неправильно. Наверное, я не могу винить их в том, что они приехали из Джорджии с родителями этого психа, но...

— Подождите. Данхиллы и Клейтоны приехали на одном автомобиле?

— Как я понимаю, они общались и в более счастливые дни, и это нормально, но зачем говорить, навещая родную дочь, что их добрые друзья Клейтоны сейчас внизу, забирают тело из морга... — Она покачала головой. — Папаша не пикнул, но эта *женщина*...

Она огляделась, чтобы убедиться, что мы по-прежнему одни, потом вновь посмотрела на меня. Ее простое, деревенское лицо потемнело от ярости.

— Она не замолкала ни на секунду. Один вопрос о том, как чувствует себя ее дочь, а потом бедные Клейтоны то, бедные Клейтоны сё. Ваша мисс Данхилл сдерживалась, пока ее мать не заявила, что из-за этой постыдной истории им опять пришлось сменить церковь. Тут девушка не выдержала и начала кричать, требуя, чтобы они немедленно убирались.

— Молодец.

— Я услышала, как она кричит: «Хотите взглянуть, что сделал со мной сын ваших добрых друзей?» — бросила все и побежала к ней. Она пыталась сорвать повязку. А ее мать... она *наклонилась вперед*, мистер Амберсон. *У нее горели глаза*. Она действительно хотела увидеть. Я их выпроводила и попросила дежурного врача сделать мисс Данхилл укол успокоительного. Отец — не мужчи-

на, а мышонок — попытался извиниться за жену. «Она не знала, что расстраивает Сейди», — говорит он. «Что ж, — отвечаю я, — а как насчет вас? Язык проглотили?» И знаете, что сказала женщина перед тем, как они вошли в лифт?

Я покачал головой.

— Она сказала: «Я не могу его винить, просто не могу. Он играл в нашем дворе, такой милый мальчик». Можете вы в это поверить?

Я мог. Потому что, образно говоря, уже встречался с миссис Данхилл. Она бежала за своим сыном по Западной Седьмой улице и орала во всю мощь легких: *Остановись, Роберт, не иди так быстро, я еще с тобой не закончила.*

— Возможно, вы найдете ее... очень взвинченной, — добавила старшая медсестра. — Я просто хотела, чтобы вы знали, что на то есть причина.

9

Она не была взвинчена. Такой вариант устроил бы меня больше. Если есть такое понятие, как глубокая депрессия, то вечером Пасхального воскресенья Сейди пребывала именно в этом состоянии. Она сидела на стуле, перед ней стояла нетронутая тарелка с китайским рагу. Сейди похудела, ее длинное тело, казалось, тонуло в больничном халате, который она запахнула, увидев меня.

Правда, она улыбнулась — той половиной лица, которая могла улыбаться, — и подставила здоровую щеку для поцелуя.

— Привет, Джордж... я лучше буду так тебя называть, да?

— Пожалуй. Как ты, милая?

— Они говорят, что лучше, но у меня такое ощущение, будто кто-то облил мне лицо керосином и поджег. И все потому, что меня сняли с обезболивающих. Не дай Бог, чтобы я подсела на наркотики.

— Если тебе нужны обезболивающие, я могу с кем-нибудь поговорить.

Она покачала головой.

— От них у меня туман в голове, а мне нужно подумать. Опять же, с ними трудно контролировать эмоции. Вчера я поругалась с отцом и матерью.

В палате стоял только один стул — если не считать за таковой унитаз в углу, — поэтому я сел на кровать.

— Старшая сестра ввела меня в курс дела. Судя по тому, что она подслушала, ты имела полное право сорваться.

— Возможно, но какой в этом прок? Мама никогда не изменится. Она может часами говорить о том, что при родах я едва не убила ее, но на других ей наплевать. Ей недостает такта, а еще больше чего-то другого. Как-то это называется, но я не могу вспомнить.

— Сочувствия?

— Да. И у нее очень острый язык. Долгие годы она хлестала им отца. И теперь он редко раскрывает рот.

— Тебе больше не обязательно видеться с ними.

— Я думаю, мне придется. — Мне все меньше нравился ее спокойный, отстраненный голос. — Мама говорит, что они приготовили мою прежнюю комнату, а больше мне идти просто некуда.

— Твой дом в Джоди. И твоя работа.

— По-моему, мы об этом говорили. Я собираюсь написать заявление об уходе по собственному желанию.

— Нет, Сейди, нет. Это очень плохая идея.

Она попыталась улыбнуться.

— Ты говоришь, как миз Элли, которая не поверила тебе, когда ты сказал, что Джонни опасен. — Подумала, потом добавила: — Разумеется, я тоже не поверила. До самого конца вела себя как дура, да?

— У тебя есть дом.

— Это правда. И платежи по закладной, которые я вносить не могу.

— Я заплачу.

Это до нее дошло. На лице отразился шок.

— Ты не сможешь!

— Если на то пошло, смогу. — И смог бы, во всяком случае, какое-то время. А при необходимости я мог рассчитывать на Кентуккийское дерби и Шатогея. — Я переезжаю из Далласа и буду жить у Дека. Арендной платы он с меня не берет, так что появятся деньги для выплат по закладной.

Слеза, собравшаяся на ресницах правого глаза, задрожала.

— Ты не понимаешь. Я не могу заботиться о себе, пока не могу. И ухаживать за мной нигде не будут, кроме как дома, где

мама наймет медсестру, чтобы та помогала с самым сложным. У меня еще осталась гордость. Не слишком много, но осталась.

— Я позабочусь о тебе.

Она уставилась на меня широко раскрытыми глазами.

— Что?

— Ты меня слышала. И когда дело касается меня, Сейди, ты можешь засунуть гордость в то самое место, куда не заглядывает солнце. Так уж вышло, что я тебя люблю. И если ты любишь меня, то должна перестать нести бред о возвращении домой к своей крокодилихе-матери.

Ей удалось выдавить из себя улыбку, а потом она замерла, задумавшись, положив руки на укрытые больничным халатом колени.

— Ты приехал в Техас, чтобы что-то сделать, а не ухаживать за школьной библиотекаршей, которая оказалась слишком глупой и не смогла осознать нависшей над ней опасности.

— Мое дело в Далласе может подождать.

— *Может?*

— Да. — Вот так все и решилось. Ли отправлялся в Новый Орлеан, я возвращался в Джоди. Прошлое продолжало бороться со мной и выиграло этот раунд. — Тебе нужно время, Сейди, а у меня время есть. Мы можем провести его вместе.

— Я тебе не нужна. — Она понизила голос почти до шепота. — Такая, как сейчас.

— Нужна.

Она смотрела на меня глазами, которые боялись надеяться, но все равно надеялись.

— Почему?

— Потому что ты — лучшее, что у меня есть.

Здоровая сторона ее рта задрожала. Слеза покатилась по щеке, за ней последовали другие.

— Если мне не придется возвращаться в Саванну... если не придется жить с ними... с *ней*... тогда мне, возможно... я не знаю... чуть полегчает.

Я обнял ее.

— Тебе полегчает.

— Джейк? — Ее голос глушили слезы. — Ты сможешь кое-что сделать для меня, перед тем как уйдешь?

— Что, милая?

— Унеси это чертово китайское рагу. От его запаха меня мутит.

10

Старшую медсестру с плечами футболиста и пришпиленными к груди часами звали Ронда Макгинли, и восемнадцатого апреля она настояла на том, чтобы самолично не только завезти инвалидное кресло, в котором сидела Сейди, в лифт, но и выкатить его к краю тротуара, где ждал у своего универсала Дек.

— И чтобы больше я тебя здесь не видела, дорогуша, — наказала медсестра Макгинли после того, как мы помогли Сейди перебраться на переднее сиденье.

Сейди рассеянно улыбнулась и ничего не сказала. Она сидела, обдолбанная по самое не могу в прямом смысле этого слова. Доктор Эллертон приезжал утром, чтобы обследовать ее лицо, и этот мучительный процесс потребовал дополнительного количества обезболивающих препаратов.

Макгинли повернулась ко мне.

— В ближайшее время ей потребуется много тепла и ласки.

— Я сделаю все, что в моих силах.

Мы уехали. В десяти милях к югу от Далласа Дек попросил:

— Возьми это у нее и выброси в окно. Я должен следить за чертовой дорогой.

Сейди заснула, держа в руке дымящуюся сигарету. Я перегнулся через спинку сиденья и выдернул окурок из ее пальцев. Сейди застонала и прошептала:

— Нет, Джонни, пожалуйста, не надо.

Я встретился взглядом с Деком. Только на секунду, но мне стало понятно, что думаем мы об одном и том же: *Впереди долгая дорога. Долгая-предолгая.*

11

Я въехал в построенный в испанском стиле дом Дека на Сэм-Хьюстон-роуд — с тем чтобы не будоражить общественное мнение. На самом деле я въехал в дом 135 по аллее Ульев. Боялся того, что мы можем найти внутри, и, думаю, Сейди тоже боялась, обдолбанная или нет. Но миз Элли и Джо Пит с кафедры домоводства подобрали нескольких ответственных девушек, и те про-

вели в доме Сейди целый день, отчищая и оттирая всю грязь, которую оставил после себя Клейтон. Ковер на полу убрали и заменили другим, серым, неприметным, оптимального цвета. Потому что серое вызывает минимум воспоминаний. Всю изрезанную ножом одежду выбросили и заменили новой.

Сейди не сказала ни слова ни о новом ковре, ни об одежде. Я не уверен, что она заметила эти перемены.

12

Я проводил дни в доме Сейди, готовил еду, работал в огороде (который заметно усох, но не выгорел под жарким летним солнцем центрального Техаса) и читал ей «Холодный дом». Мы также смотрели несколько дневных «мыльных опер»: «Тайную бурю», «Молодого доктора Мэлони», «Из этих корней» и нашу любимую, «На пороге ночи».

Сейди изменила прическу, сместила пробор вправо, стала последовательницей Вероники Лейк, чтобы волосы закрывали шрамы, которые останутся после снятия повязки. Впрочем, со шрамами Сейди предстояло ходить недолго: первую из пластических операций — с участием четырех хирургов — назначили на пятое августа. Эллертон предупредил, что за первой должны последовать еще четыре — как минимум.

Я ехал к Деку после того, как мы с Сейди ужинали (правда, она обычно только возила еду по тарелке), потому что в маленьких городах полным-полно больших глаз, компанию которым составляют болтливые рты. И нам представлялось, что эти большие глаза после захода солнца должны видеть мой автомобиль на подъездной дорожке дома Дека. Как только темнело, я пешком возвращался к дому Сейди и спал на новом раскладном диване в гостиной до пяти утра. Спал плохо, потому что редкую ночь Сейди не будила меня криками и метаниями по кровати, вызванными кошмарами. Днем Джонни Клейтон оставался мертвым. С наступлением темноты он по-прежнему преследовал ее с ножом и револьвером.

Я шел к ней и успокаивал как мог. Иногда она выходила со мной в гостиную и выкуривала сигарету, прежде чем вернуться в постель, всегда прикрывая волосами обезображенную половину

лица. Она не позволяла мне менять повязки. Делала это сама, в ванной, за закрытой дверью.

После одного особенно жуткого кошмара, когда я вошел в спальню, она стояла голой у кровати и рыдала. Похудела ужасно. Ночная рубашка валялась у ног. Услышав мои шаги, Сейди повернулась, одной рукой прикрывая грудь, а другой — промежность. Волосы падали за правое плечо, как и в прежние времена, и я увидел вспухшие рубцы, широкие следы швов и бугристую, нависшую над скулой плоть.

— *Убирайся!* — взвизгнула она. — *Не смей смотреть на меня в таком виде! Что тебе здесь надо?*

— Сейди, что такое? Почему ты сняла ночную рубашку? Что не так?

— Я обдулась, понятно? Я должна перестелить постель, *так что, пожалуйста, выйди и позволь мне что-нибудь надеть.*

Я подошел к изножью кровати, взял лежавший там плед, накинул на нее. Когда приспособил край, чтобы он закрывал ей щеку, она чуть успокоилась.

— Иди в гостиную и не споткнись, запутавшись ногами в пледе. Выкури сигарету. Я перестелю постель.

— Нет, Джейк, она грязная.

Я обнял ее за плечи.

— Так сказал бы Клейтон, а он мертв. Немного мочи — ничего больше.

— Ты уверен?

— Да. Но прежде чем ты уйдешь...

Я отвернул самодельный воротник. Она сжалась, закрыла глаза, но не сдвинулась с места. Терпела мой взгляд, и я полагал, что это существенный прогресс. Я поцеловал изувеченную плоть, которая прежде была гладкой щекой, и поднял край пледа, чтобы укрыть ее.

— Как ты мог? — спросила она, не открывая глаз. — Это *мерзко.*

— Нет. Это же моя Сейди, которую я люблю. А теперь иди в другую комнату, пока я поменяю простыни.

Закончив с этим, я предложил полежать с ней в постели, пока она не заснет. Она сжалась, как и в тот момент, когда я откинул край пледа, но покачала головой:

— Я не могу, Джейк. Извини.

Мало-помалу, говорил я себе, шагая к дому Дека в первом сером свете зари. *Мало-помалу.*

13

Двадцать четвертого апреля я сказал Деку, что мне нужно в Даллас по делам, и попросил его побыть с Сейди, пока я не вернусь где-то часам к девяти. Он с готовностью согласился, и в пять пополудни я сидел напротив автовокзала «Грейхаунд» на Южной Полк-стрит, неподалеку от пересечения автострады 77 и еще новой федеральной четырехполосной автомагистрали М-20. Читал (или притворялся, что читаю) последний роман о Джеймсе Бонде — «Шпион, который меня любил».

В половине шестого на стоянку у здания автовокзала свернул универсал. За рулем сидела Рут Пейн. Ли вылез с переднего пассажирского сиденья. С заднего появилась Марина с Джун на руках. Ли обошел автомобиль сзади и открыл багажник. Рут Пейн осталась за рулем.

Багаж Ли состоял из двух предметов: большой оливково-зеленой дорожной сумки и стеганого чехла для винтовки. С двумя ручками. Он отнес их к «сини-крузеру», двигатель которого работал на холостых оборотах. Водитель взял сумку и винтовку и уложил в открытое багажное отделение, предварительно взглянув на билет Ли.

Тот пошел к двери в салон, повернулся и обнял жену, поцеловал в обе щеки, потом в губы. Взял на руки малышку, пощекотал под подбородком. Джун смеялась, Ли смеялся вместе с ней, но я видел слезы в его глазах. Он поцеловал Джун в лобик, обнял, отдал Марине и взбежал по ступенькам в салон автобуса не оглянувшись.

Марина направилась к универсалу, рядом с которым ждала Рут Пейн. Джун протянула ручонки к женщине, та с улыбкой взяла ее на руки. Они какое-то время постояли, наблюдая, как в автобус заходят другие пассажиры, потом уехали.

Я оставался до отбытия автобуса ровно в шесть вечера. Лучи кроваво-красного солнца, катившегося к западному горизонту, на мгновение отразились от окошечка с названием маршрута,

замазав алым надпись. Потом я вновь смог прочитать три слова, свидетельствующие о том, что Ли Харви Освальд ушел из моей жизни, хотя бы на какое-то время:

НОВЫЙ ОРЛЕАН, ЭКСПРЕСС

Я посмотрел, как автобус поднимается по пандусу к уходящим на восток полосам М-20, потом отшагал два квартала к моему автомобилю и поехал в Джоди.

14

Сработала интуиция — опять.

Я заплатил майскую аренду за квартиру на Западной Нилистрит, хотя мне уже следовало ограничить расходы и у меня не было веских причин держать ее за собой. Ориентировался лишь на неопределенное, но сильное чувство, что необходимо сохранить операционную базу в Далласе.

За два дня до Кентуккийского дерби я поехал на Гринвилл-авеню с твердым намерением поставить пятьсот долларов на Шатогея. Я рассуждал, что такая ставка будет не столь заметна. Припарковался в четырех кварталах от «Честного платежа» и запер автомобиль — необходимая предосторожность в этом квартале даже в одиннадцать утра. Двинулся быстрым шагом, но потом — без всякой на то причины — притормозил.

А в полуквартале от букмекерской конторы, маскирующейся под ссудную кассу, вообще остановился. Вновь увидел букмекера — в этот день без солнцезащитного козырька, — который привалился к дверному косяку своего заведения и курил. Залитый ярким солнечным светом, с резкими тенями в дверном проеме за спиной, он напоминал фигуру с картины Эдварда Хоппера. В этот день он никак не мог заметить меня, потому что смотрел на автомобиль, припаркованный на другой стороне улицы. Кремовый «линкольн» с номерным знаком на зеленом фоне. Над цифрами я прочитал слова: «СОЛНЕЧНЫЙ ШТАТ». Автомобиль этот не свидетельствовал о гармонии. Автомобиль этот скорее всего не принадлежал Эдуардо Гутиерресу, который улыбался и говорил: *Вот идет мой янки из Янки-*

ленда. Тому самому, кто почти наверняка приказал сжечь мой дом на берегу.

Тем не менее я развернулся и зашагал к своему «шевроле». Пятьсот долларов остались в кармане.

Сработала интуиция.

Глава 24

1

Получив доказательства того, что история склонна повторяться, во всяком случае, по отношению ко мне, вы не удивитесь, узнав, что для оплаты больничных счетов Сейди Майк Кослоу предложил возродить «Джодийское гулянье». Сказал, что сможет уговорить прежних участников на повторное представление, поскольку запланировали мы его на середину лета, и свое слово сдержал: пришли практически все. Элли тоже согласилась сыграть на банджо «Кэмптаунские скачки» и «Клинчмаунтинский прорыв», хотя и пожаловалась, что после прошлого выступления пальцы до сих пор болят. Мы выбрали двенадцатое и тринадцатое июля, но неожиданно возникли проблемы, и какое-то время мы находились в подвешенном состоянии.

Первым препятствием оказалась сама Сейди, которая от нашей идеи пришла в ужас. Назвала ее «сбор милостыни».

— Ты говоришь так, будто впитала это с молоком матери, — заметил я.

Она сердито глянула на меня, потом уставилась в пол и принялась разглаживать волосы, падавшие на обезображенную сторону лица.

— А если и так? Разве это что-то меняет?

— Господи, что же у нас получается? Тебя послушать, так ты набиралась уму-разуму от женщины, которая, узнав, что ее дочь изуродовали и чуть не убили, больше всего тревожится из-за смены церкви.

— Это унизительно, — прошептала Сейди. — Это унизительно, полагаться на милосердие города.

— Ты так не думала, когда речь шла о Бобби Джил.

— Ты загоняешь меня в угол, Джейк. Пожалуйста, не делай этого.

Я сел рядом с ней, взял за руку. Она вырвалась. Я взял снова. На этот раз она смирилась.

— Я знаю, для тебя это нелегко, милая. Но есть время отдавать — и есть время брать. Уж не знаю, так ли сказано в Книге Екклесиаста, но тем не менее это правда. Твоя медицинская страховка — пшик. Доктор Эллертон идет нам навстречу, отказываясь от вознаграждения...

— Я не просила...

— Помолчи, Сейди. Пожалуйста. Это называется работа pro bono*, и он хочет это сделать. Но оперировать будут и другие хирурги. Счета за операции будут астрономические, а мои ресурсы ограниченны.

— Лучше бы он меня убил, — прошептала она.

— Никогда так не говори. — Сейди отпрянула, услышав злость в моем голосе, по ее щекам потекли слезы. Пока она могла плакать только одним глазом. — Дорогая, люди хотят сделать это для тебя. Позволь им. Я знаю, твоя мать живет у тебя в голове — наверное, как и у любого из нас, — но тут ты не должна ей уступить.

— Врачи не смогут все поправить. Я уже никогда не буду прежней. Эллертон так мне сказал.

— Они смогут поправить многое. — Это прозвучало значительно лучше, чем *они смогут поправить хоть что-то*.

Сейди вздохнула.

— Ты храбрее, чем я, Джейк.

— Храбрости тебе хватает. Так мы договорились?

— «Шоу милосердия к Сейди Данхилл». Моя мать лопнет от злости, если узнает.

— Еще одна причина провести его. Мы отошлем ей фотографии.

Она улыбнулась, но лишь на мгновение. Закурила чуть дрожащими пальцами, потом вновь начала поглаживать волосы, скрывавшие рану.

— Я должна там быть? Чтобы видели, на что пойдут их доллары? Как беркширская свинья на аукционе?

---

* На общественных началах, безвозмездно (*лат.*).

— Разумеется, нет. Хотя я сомневаюсь, что кто-то упадет в обморок. Большинство из них видело и похуже. — Работая в школе, расположенной в сельской местности, мы и сами видели кое-что похуже. К примеру, Бритту Карсон, сильно обгоревшую при пожаре, или Даффи Хендриксона, левая кисть которого напоминала копыто, после того как в отцовском гараже вдруг соскользнула вниз цепная таль с подвешенным на ней двигателем грузовика.

— Я не готова к такому осмотру. И едва ли буду.

Я всем сердцем надеялся, что она заблуждается. Безумцы этого мира — Джонни Клейтоны, Ли Харви Освальды — не могли победить. Если у Бога не получалось все поправить после того, как они одерживали свои маленькие говняные победы, это делали обычные люди, пытались, во всяком случае. Однако сейчас не стоило проповедовать на сей счет.

— Тебе станет легче, если я скажу, что доктор Эллертон согласился принять участие в шоу?

Она тут же забыла про волосы и уставилась на меня.

— *Что?*

— Он хочет изобразить зад Берты. — Речь шла о парусиновом творении учащихся с кафедры искусств — танцующей лошади Берте. Она бродила по сцене по ходу нескольких миниатюр, но всеобщее внимание привлекала при исполнении танца — с мотающимся из стороны в сторону хвостом — под песню Джина Отри «Снова в седле». Хвост приводился в движение веревками, за которые дергала задняя половина «Команды Берты». Селян, не отличавшихся утонченным чувством юмора, Берта очень веселила.

Сейди начала смеяться. Я видел, что ей больно, но она не могла остановиться. Откинулась на спинку дивана, прижала ладонь ко лбу, словно чтобы не дать взорваться мозгу.

— Я позволю тебе устроить это шоу только ради того, чтобы увидеть Берту своими глазами. — Тут она уставилась на меня. — Но я посмотрю на нее во время прогона. Ты не затащишь меня на сцену, где все будут таращиться на меня и шептать: «Ох, вы только посмотрите на эту бедную девушку». Это понятно?

— Абсолютно, — ответил я и поцеловал ее. Так разрешилась одна проблема. Следующая заключалась в том, чтобы убедить

лучшего пластического хирурга Далласа приехать в Джоди в июльскую жару и попрыгать по сцене, изображая зад парусиновой лошади, весившей тридцать фунтов. Потому что на самом деле я ни о чем его не просил.

Как выяснилось, никакая это не проблема: Эллертон просиял, как ребенок, когда я ввел его в курс дела.

— У меня есть практический опыт. Жена постоянно говорит, что я веду себя как лошадиная жопа.

2

Последняя по счету проблема возникла совершенно неожиданно. В середине июня, примерно в то время, когда Ли вышвырнули из порта Нового Орлеана за то, что он пытался раздавать прокастровские листовки морякам американского корабля «Оса», Дек пришел в дом Сейди. Поцеловал ее в здоровую щеку (она прятала обезображенную половину лица, если кто-то приходил в гости) и спросил меня, не составлю ли я ему компанию по части холодного пива.

— Иди, — отпустила меня Сейди. — Я справлюсь.

Дек отвез нас в расположенную в девяти милях к западу от города забегаловку «Курица прерий», с кондиционером под жестяной крышей. В середине дня зал пустовал, если не считать двух выпивох, обосновавшихся у стойки. Музыкальный автомат молчал. Дек протянул мне доллар.

— Я плачу, вы приносите. Как вам такая сделка?

Я пошел к стойке и вернулся с двумя стаканами «Бакхорна».

— Если бы я знал, что вы закажете «Баки», сам бы сходил за пивом, — покачал головой Дек. — Черт, это же лошадиная моча.

— А мне нравится, — ответил я. — Кроме того, я думал, что вы предпочитаете пить дома. Вроде бы это ваши слова: «На мой вкус, доля говнюков в местных барах слишком уж велика».

— Я все равно не хочу этого чертова пива. — Теперь, когда мы находились далеко от Сейди, я видел, что он весь кипит. — Чего мне хочется, так это врезать Фреду Миллеру по морде, а потом пнуть Джессику Колтроп в ее узкую и, несомненно, затянутую в кружева жопу.

Я знал и фамилии, и лица, хотя, будучи скромным наемным учителем, не имел чести общаться ни с первым, ни со второй. Миллер и Колтроп составляли две трети совета Денхолмской объединенной средней школы.

— Не останавливайтесь, — предложил я. — Раз уж вы так жаждете крови, расскажите мне, как намерены поступить с Дуайтом Росоном. Разве не он третий?

— Он Ролингс, — ответил Дек, — и к нему у меня претензий нет. Он голосовал за нас.

— Я не понимаю, о чем вы.

— Они не разрешат нам использовать спортивный зал для «Гулянья». Пусть он летом и пустует.

— Вы шутите? — Сейди говорила мне, что в городке есть люди, настроенные к ней враждебно, но я ей не верил. Глуповатый Джейк Эппинг, цепляющийся за научно-фантастические бредни двадцать первого столетия.

— Сынок, если бы. Они заговорили о проблемах, связанных со страховкой на случай пожара. Я возразил, что этих вопросов не возникало, когда мы устраивали точно такое же представление, чтобы собрать деньги на операцию для ученицы, попавшей в автомобильную аварию. Так эта Колтроп, высохшая старая кошка, заявила: «Да, Дек, но то представление проходило во время учебного года».

Их тревожит совсем другое. Сотрудницу школы обезобразил безумец, за которого она когда-то вышла замуж. Они боятся, что об этом упомянут в газетах или, не дай Бог, в передаче одного из далласских телеканалов.

— И что с того? — спросил я. — Он... Господи, Дек, он же не местный! Он из *Джорджии*!

— Для них это не имеет никакого значения. Зато он *умер* здесь, и они боятся, что это негативным образом отразится на репутации школы. Репутации города. Их репутации.

Я застонал. Такое не к лицу мужчине во цвете лет, но я ничего не мог с собой поделать.

— Это же какой-то бред!

— Они бы уволили ее, если б могли, чтобы ничто не нарушало их душевного спокойствия. Но уволить ее они не могут и надеются, что она сама подаст заявление об уходе до того, как ученики увидят, что сделал Клейтон с ее лицом. Чертово говня-

ное лицемерие маленького городка во всей красе, мой мальчик. Когда Фреду Миллеру исполнился двадцать один, он дважды в месяц ездил в публичные дома Нуэво-Ларедо. Ездил бы и чаще, если б отец давал ему больше денег. И я чертовски хорошо помню, как Джессика Колтроп, тогда всего лишь Джесси Трэпп с ранчо «Сладкая вода», в шестнадцать лет вдруг стала очень толстой, а девятью месяцами позже разом похудела. Меня так и подмывало сказать, что память у меня длиннее их синих носов и я могу доставить им немало неприятностей, если захочу. И мне не придется прилагать для этого особых усилий.

— Но они же не могут винить Сейди за безумие ее бывшего... или могут?

— Вам пора повзрослеть, Джордж. Иногда вы ведете себя так, будто только вчера родились. Или жили в каком-то округе, где люди все понимают правильно. Для них это все связано с сексом. Для таких людей, как Фред и Джессика, все всегда связано с сексом. Они, вероятно, думают, что Люцерна и Шлепок из «Пострелят» проводят свободное время, долбя Дарлу за амбаром под радостные крики Гречки. Если подобное случается, винить надо женщину. Они никогда не скажут об этом во всеуслышание, но сердцем уверены, что мужчины — чудовища, а женщины, которые не могут удержать их в узде, должны пенять сами на себя, да, сами на себя. Этого я им не спущу.

— Вам придется, — ответил я. — Если вы этого не сделаете и начнется грызня, крайней может оказаться Сейди. А она сейчас совсем слабенькая. Может окончательно слететь с катушек.

— Да. — Дек вытащил трубку из нагрудного кармана. — Я это знаю. Просто стравил пар. Элли вчера поговорила с управляющими клуба «Грандж». Они с радостью нас примут, а в зале может разместиться на пятьдесят человек больше. Благодаря балкону.

— Слава Богу, — облегченно выдохнул я. — Здравомыслие восторжествовало.

— Есть только одна проблема. За два вечера они просят четыреста долларов. Если я внесу двести, вы найдете столько же? Нам их не вернут с выручки, знаете ли. Она вся пойдет на оплату медицинских счетов Сейди.

Я очень хорошо знал, сколько стоит медицинская помощь Сейди. Уже доплатил триста долларов за ее пребывание в больнице. Жалкой страховки не хватило даже на это. И несмотря на

благородство Эллертона, другие расходы нарастали снежным комом. Что касается меня, я еще не достиг финансового дна, но все к этому шло.

— Джордж? Что скажете?

— Пополам, — согласился я.

— Тогда допивайте ваше сраное пиво. Я хочу вернуться в город.

3

На выходе из этого паршивого питейного заведения мое внимание привлек плакат, в верхней части которого я прочитал:

ПОЕДИНОК СТОЛЕТИЯ НА КАБЕЛЬНОМ ТВ!
ПРЯМАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ ИЗ МЭДИСОН-СКВЕР-ГАРДЕНА!
ТОМ КЕЙС ПО ПРОЗВИЩУ КУВАЛДА ИЗ ДАЛЛАСА
ПРОТИВ ДИКА ТАЙГЕРА!
«ДАЛЛАС-АУДИТОРИУМ»
ЧЕТВЕРГ 29 АВГУСТА
ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПРОДАЖА БИЛЕТОВ ЗДЕСЬ

Ниже расположились фотографии двух голых по пояс здоровенных мужиков, победно вскинувших вверх руки в перчатках. Один молодой, с лицом без единой кулачной отметины. Второй гораздо старше, и нос ему, похоже, ломали не один раз. Впрочем, мое внимание привлекли имена и фамилии. Откуда-то я их знал.

— И не думайте об этом, — покачал головой Дек. — Получите больше удовольствия, наблюдая за собачьим боем между питбулем и кокер-спаниелем. *Старым* кокер-спаниелем.

— Правда?

— Томми Кейса всегда отличало мужественное сердце, только теперь это сорокалетнее сердце в сорокалетнем теле. У него пивной живот, и он едва двигается. Тайгер молод и быстр. Через пару лет станет чемпионом, если его промоутеры не оплошают. Пока они подбирают ему ходячие боксерские груши вроде Кейса, чтобы держать в форме.

Звучало это как Рокки Бальбоа против Аполло Крида, и почему нет? Иногда жизнь копирует искусство.

— Телевизионная передача, за которую платишь, чтобы смотреть ее в зале. — Дек снова покачал головой. — Ну и ну, что нас ждет?

— Наверное, тенденция будущего.

— И вероятно, все билеты будут проданы, во всяком случае, в Далласе, но это не меняет того факта, что Том Кейс — тенденция прошлого. Тайгер его порвет. Так вы найдете деньги на «Грандж», Джордж?

— Безусловно.

4

Странным выдался тот июнь. С одной стороны, я радовался репетициям с теми же людьми, что участвовали в исходном «Гулянье»: дежа-вю, лучше которого не бывает. С другой — все чаще задумывался, а действительно ли собирался вычеркнуть Ли Харви Освальда из уравнения мировой истории? Я не мог поверить, что мне не хватит на это духа — я уже убил одного человека, совершенно хладнокровно, — но не имело смысла отрицать, что я держал Освальда на прицеле и позволил ему уйти. Я говорил себе, что причина — в принципе неопределенности, а не в семье Ли, но продолжал видеть Марину, которая, сцепив руки, вытягивала их перед животом. Я продолжал задаваться вопросом: а может, его все-таки подставили? Напоминал себе, что в октябре он вернется. И разумеется, спрашивал себя, а что делать тогда? Его жена по-прежнему будет беременной, а окно неопределенности — открытым.

Пока же я помогал Сейди медленно выздоравливать, оплачивал счета, заполнял бланки по страховым выплатам (в 1963-м бюрократия бесила ничуть не меньше, чем в 2011-м). Плюс репетиции. Доктор Эллертон сумел приехать только на одну, но оказался способным учеником и очень живо изобразил заднюю половину Берты, танцующей лошади. После окончания репетиции он сказал мне, что хочет привлечь к операции еще одного врача, специалиста по лицевой хирургии из «Масс дженерал». Я ответил (пусть сердце у меня и упало), что еще один хирург — отличная идея.

— Вы можете это позволить? — спросил он. — Марк Андерсон стоит недешево.

— Мы справимся, — ответил я.

Я приглашал Сейди на репетиции, когда до представлений осталось совсем ничего. Она отказывалась, вежливо, но твердо, хотя раньше обещала прийти на прогон. Она редко выходила из дома, а если такое и случалось, то лишь во двор. Не появлялась в школе — и в городе — с того самого дня, когда Джон Клейтон полоснул ее по лицу, а потом перерезал себе горло.

5

Позднее утро и начало второй половины дня двенадцатого июля я провел в «Грандже», занимаясь последними приготовлениями. Майк Кослоу, который вошел в роль продюсера так же естественно, как и в роль комика, сообщил мне, что на субботу проданы все билеты, а на сегодня — девяносто процентов.

— Пришедших в последнюю минуту вполне хватит, чтобы заполнить зал до отказа, мистер А! Можете в этом не сомневаться. Я только надеюсь, что Бобби Джил со мной не запорем танец при выходе на поклоны.

— Мы с Бобби, Майк. И вы не запорете.

С подготовкой шоу все прошло хорошо. Не понравилось мне другое: сворачивая на аллею Ульев, я увидел выезжающий с нее автомобиль Эллен Докерти, а дома нашел Сейди, которая сидела у окна в гостиной со слезами на здоровой щеке и сжимала в кулаке носовой платок.

— Что? — спросил я. — Что она тебе сказала?

Сейди удивила меня и улыбнулась. Улыбка получилась кривой, но милой.

— Только правду. Пожалуйста, не волнуйся. Я приготовлю тебе сандвич, а ты расскажешь, как дела.

Я рассказал. И я, разумеется, волновался, но держал волнения при себе. Как и мысли на предмет директоров средних школ, сующих нос в чужие дела. В шесть вечера Сейди оглядела меня с головы до ног, перевязала галстук, сдула какую-то пылинку, реальную или воображаемую, с плеча пиджака.

— Я могу пожелать ни пуха ни пера, но ты лучше просто иди, чтобы довести начатое до конца.

Она стояла передо мной в старых джинсах и блузке, скрывавшей — пусть немного, но все же — потерю веса. Я вспомнил

красивое платье, в котором она пришла на первое «Джодийское гулянье». Красивое платье на красивой девушке. Так было тогда. В этот вечер девушка — по-прежнему красивая с одной стороны лица — оставалась дома, чтобы, когда поднимется занавес, смотреть повтор одной из серий «Шоссе 66».

— Что не так? — спросила она.

— Мне хочется, чтобы ты пошла со мной, ничего больше.

Я пожалел о том, что произнес эти слова, едва они слетели с губ, но вроде бы обошлось. Улыбка поблекла, но тут же вернулась. Так бывает, когда солнце на мгновение скрывается за маленьким облачком.

— Ты будешь там, а это значит, что там буду и я. — Она застенчиво посмотрела на меня одним глазом: второй скрывала прическа а-ля Вероника Лейк. — Если ты меня любишь.

— Я тебя очень люблю.

— Да, думаю, да. — Она поцеловала меня в уголок рта. — И я тебя люблю. Так что ни пуха тебе, ни пера, и поблагодари всех от меня.

— Обязательно. Ты не боишься оставаться здесь одна?

— Со мной все будет хорошо. — Она не ответила на мой вопрос, но ничего лучше на тот момент сказать, наверное, не могла.

6

Майк не ошибся насчет тех, кто определился в последнюю минуту. За час до начала представления мы продали последний билет. Дональд Беллингэм, наш администратор сцены, погасил свет в зале ровно в восемь часов вечера. Я ожидал, что разочарования после шоу мне не избежать, потому что мы решили обойтись без практически идеального финала с бросанием тортов (этот трюк собирались повторить только в субботу, чтобы чистить сцену и первые два ряда в зале один раз), однако и это представление получилось очень неплохим. Коронным стал номер с чертовой танцующей лошадью. В какой-то момент энтузиазм тренера Бормана (он изображал переднюю половину лошади) перехлестнул через край, и Берта с огромным трудом удержалась на сцене, едва не свалившись в зал.

Зрители нисколько не усомнились, что двадцать или тридцать секунд, в течение которых Берта балансировала над пропастью, являлись составной частью танца, и наградили доктора Эллертона и тренера Бормана громовыми аплодисментами. Я, понимавший, что происходит, ощутил эмоциональный парадокс, какого мне, наверное, уже не испытать. Стоя за кулисами рядом с Дональдом Беллингэмом (его, похоже, едва не парализовало), я дико смеялся, и при этом мое перепуганное сердце гулко билось чуть ли не в горле.

Гармония этого вечера проявилась на поклонах. Майк и Бобби вышли на середину сцены, рука в руке. Бобби Джил оглядела зал.

— Миз Данхилл мне очень дорога за ее доброту и христианское милосердие. Она помогла мне, когда я нуждалась в помощи, и, глядя на нее, мне захотелось научиться делать то, что мы сейчас собираемся вам показать. Мы благодарим вас всех за то, что сегодня вы пришли сюда и проявили свое христианское милосердие. Так, Майк?

— Да, — кивнул он. — Вы лучшие!

Он посмотрел налево. Я дал отмашку Дональду, который склонился над проигрывателем, приготовившись опустить иглу на пластинку. На этот раз отцу Дональда предстояло узнать, что сынок позаимствовал пластинку из его коллекции, потому что он сам сидел в зале.

Оркестр Гленна Миллера, гремевший в давно ушедшие дни, заиграл «В настроении», а на сцене, под ритмичные хлопки зрителей, Майк Кослоу и Бобби Джил Оллнат станцевали головокружительный линди куда более энергично, чем мы с Сейди или Кристи. Они отдавали танцу юность, и радость, и энтузиазм: получалось великолепно. Глядя, как Майк сжимает руку Бобби Джил, отдавая команду, в какую сторону вращаться или нырнуть, я внезапно перенесся в Дерри и увидел Бевви-На-Ели и Ричи-Дичь.

Это одно целое, подумал я. *А эхо настолько близко к совершенству, что нет возможности определить, где живой голос, а где отразившийся призрачный.*

На мгновение все стало предельно ясным, а когда такое случается, мир словно исчезает. Разве мы все в глубине души этого не знаем? Этот идеально сбалансированный механизм криков и

эха маскируется под вращающиеся шестерни, волшебные часы, тикающие под загадочным стеклом, именуемым нами жизнью. А что позади? Что вокруг? Хаос, бури. Люди с кувалдами, люди с ножами, люди с оружием. Женщины, которые ломают то, что не могут подмять под себя, и принижают то, что не могут понять. Вселенная ужаса и утрат, окружающая маленькую, ярко освещенную сцену, на которой танцуют смертные, бросая вызов тьме.

Майк и Бобби Джил танцевали в свое время, в год 1963-й, в эру коротких стрижек, телевизоров-ящиков, песен, записанных в гаражах. Они танцевали в тот день, когда президент Кеннеди пообещал подписать договор о запрещении испытаний атомного оружия и сообщил журналистам, что «у него нет намерений затащить наши вооруженные силы в трясину закулисной политики и давней вражды в Юго-Восточной Азии». Они танцевали, как Бевви и Ричи, как Сейди и я, и смотрелись прекрасно, и я любил их, несмотря на мимолетность этого видения и именно за нее. Я люблю их до сих пор.

Они закончили идеально, вскинув руки, тяжело дыша, лицом к зрителям, которые приветствовали их стоя. Майк позволил им сорок секунд не щадить свои ладони (удивительно, сколь быстро огни рампы способны трансформировать скромного игрока школьной команды во властителя душ), а потом призвал к тишине. В итоге добился желаемого.

— Наш режиссер, мистер Джордж Амберсон, хочет сказать несколько слов. Он так много вложил в это представление, и времени, и усилий, и творческих находок, и я надеюсь, что вы не пожалеете ладоней.

Я вышел на сцену под аплодисменты. Пожал руку Майку, клюнул Бобби Джил в щечку. Они удалились за кулисы. Я поднял руки, призывая к тишине, начал тщательно отрепетированную речь, в которой собирался сказать, что Сейди не смогла прийти сегодня сюда, и поблагодарить их от ее имени. Каждый публичный оратор, умеющий завладеть вниманием публики, знает: произнося речь, надо сконцентрироваться на ком-то конкретном, вот и я сконцентрировался на паре в третьем ряду, которая выглядела вылитыми Мамашей и Папашей с «Американской готики»*. На Фреде Миллере и Джессике Колтроп, членах школьного совета, не позволивших нам воспользоваться спортивным

* Картина американского художника Гранта Вуда.

залом на том основании, что Сейди, на которую напал бывший муж, во всем виновата сама, а потому ее, насколько возможно, следует игнорировать.

Я успел произнести четыре предложения, после чего меня прервали возгласы изумления. Потом последовали аплодисменты, поначалу жидкие, но быстро переросшие в овацию. Зрители вновь вскочили. Я понятия не имел, чему они аплодируют, пока не почувствовал легкое, нерешительное прикосновение к своей руке чуть выше локтя. Повернулся, чтобы увидеть Сейди, в красном платье, рядом со мной. Она забрала волосы назад и закрепила сверкающей заколкой, полностью открыв лицо — обе его половины. К своему изумлению, я обнаружил, что обезображенная щека выглядит не так ужасно, как мне казалось. Возможно, в этом есть какая-то универсальная истина, но меня слишком потрясло появление Сейди, чтобы я мог ее осознать. Конечно, глубокий бугристый шрам и начинающие блекнуть следы от многочисленных швов — зрелище не из приятных. Как и обвисшая плоть под левым глазом, и сам глаз, неестественно широко раскрытый, не моргающий в унисон с правым.

Но она улыбалась очаровательной однобокой улыбкой, и я видел перед собой Елену Прекрасную. Я обнял ее, и она обняла меня, смеясь и плача. Под платьем все ее тело вибрировало, как туго натянутая струна. Когда мы вновь повернулись к зрительному залу, все стояли и громко хлопали, за исключением Миллера и Колтроп. Те огляделись, увидели, что только они не оторвали задниц от стульев, и с неохотой последовали примеру остальных.

— Спасибо вам, — обратилась к зрителям Сейди, когда аплодисменты смолкли. — Благодарю вас от всего сердца. И хочу особо поблагодарить Эллен Докерти, которая сказала мне, что если я не приду сюда и не взгляну вам в глаза, буду до конца жизни сожалеть об этом. А больше всего я хочу поблагодарить...

Мгновенное колебание. Я уверен, зрители этого не заметили, то есть только я понял, как близко подошла Сейди к тому, чтобы назвать мое настоящее имя в присутствии пятисот человек.

— ...Джорджа Амберсона. Я люблю тебя, Джордж.

Конечно же, от аплодисментов едва не рухнула крыша. В смутные времена, когда даже мудрецы не могут сказать ничего определенного, публичное признание в любви всегда вызывает такую реакцию.

7

В половине одиннадцатого Элли увезла Сейди домой — совсем выдохшуюся. В полночь мы с Майком потушили в «Гранже» все огни и вышли на улицу.

— Пойдете на вечеринку, мистер А? Эл сказал, что закусочная будет открыта до двух часов ночи, и он привез два бочонка пива. Лицензии у него нет, но я не думаю, что кто-то арестует его.

— Только не я. Едва держусь на ногах. Увидимся вечером, Майк.

Я поехал к Деку, прежде чем вернуться домой. Он сидел на крыльце в пижаме, курил последнюю на этот день трубку.

— Удивительный вечер, — заметил он.

— Да.

— Эта молодая дама показала характер. Силы воли ей не занимать.

— Это точно.

— Вы постараетесь, чтобы теперь у нее все было хорошо?

— Обязательно.

Он кивнул.

— Она этого заслуживает, после того, что случилось. И пока вы все делали правильно. — Он посмотрел на мой «шеви». — Сегодня вы, наверное, можете поехать к ней на автомобиле и припарковаться перед ее домом. Думаю, после этого вечера никто в городе и бровью не поведет.

Возможно, он был прав, но я решил, что береженого Бог бережет, и пошел к Сейди пешком, как и прежде. Мне требовалось время, чтобы привести в норму собственные эмоции. Я все еще видел ее на сцене, залитую светом прожекторов. Красное платье. Изящный изгиб шеи. Гладкая щека... и обезображенная шрамом.

Добравшись до аллеи Ульев и войдя в дом, я увидел, что мой диван по-прежнему сложен. В недоумении смотрел на него, пытаясь понять, что все это значит. Потом Сейди позвала меня — настоящим именем — из спальни. Очень тихо.

Лампа горела, отбрасывая мягкий свет на одну половину ее лица. Ее глаза, блестящие и серьезные, не отрывались от меня.

— Я думаю, твое место здесь. Я хочу, чтобы ты спал здесь. Согласен?

Я скинул с себя одежду и улегся рядом. Ее рука скользнула под простыню, нашла меня, начала ласкать.

— Ты голоден? У меня есть торт, если ты хочешь.

— Ох, Сейди, умираю от голода.

— Тогда выключи свет.

8

Та ночь в постели Сейди стала лучшей в моей жизни — и не потому, что забила последний гвоздь в гроб Джона Клейтона. Она вновь открыла дверь в наше общее будущее.

Когда мы закончили заниматься любовью, я впервые за многие месяцы провалился в глубокий сон. Проснулся в восемь утра, когда солнце уже встало, на кухне «Ангелы» пели по радио «Мой бойфренд вернулся», и до меня долетал запах жарящегося бекона. Скоро Сейди позовет меня к столу, но пока не позвала. Еще не позвала.

Я закинул руки за голову и уставился в потолок, удивляясь тому, как глупо — фактически безрассудно — вел себя после того, как позволил Ли Освальду уехать на автобусе в Новый Орлеан, не попытавшись остановить его. Мне хотелось узнать, принял ли Джордж де Мореншильдт непосредственное участие в неудачном покушении на жизнь Эдвина Уокера или ограничился только подзуживанием. Что ж, имелся достаточно простой способ это выяснить.

Де Мореншильдт знал ответ, и я мог у него спросить.

9

Сейди ела лучше, чем за все время, прошедшее с того дня, когда Клейтон вломился в ее дом, да и я не мог пожаловаться на отсутствие аппетита. На пару мы уговорили полдесятка яиц, не говоря уже о гренках и беконе. Когда грязные тарелки перекочевали в раковину, а она курила и пила вторую чашку кофе, я сказал, что хочу кое-что у нее спросить.

— Если насчет второго шоу, не думаю, что смогу пройти через это дважды.

— Нет, речь о другом. Но раз уж ты заговорила об этом, что именно сказала тебе Элли?

— Что я должна перестать жалеть себя и присоединиться к команде.

— Круто.

Сейди погладила волосы, прижимая их к обезображенной щеке — механически.

— Миз Элли не отличается тактом и деликатностью. Она шокировала меня, влетев сюда и заявив, что пора перестать валять дурака. Это точно. И она была права. — Сейди перестала разглаживать волосы и резко отбросила их назад. — Так я буду выглядеть отныне и до скончания веков, с некоторыми улучшениями, поэтому мне пора к этому привыкать. Сейди предстоит выяснить, верна ли давняя поговорка о том, что с лица воды не пить.

— Об этом я как раз и хотел с тобой поговорить.

— Давай. — Она выпустила дым через ноздри.

— Допустим, я увезу тебя в такое место, где врачи смогут устранить повреждения на твоем лице... не полностью, но гораздо лучше, чем это могут сделать Эллертон и его команда. Ты поедешь со мной? Зная, что мы больше никогда не сможем вернуться сюда?

Она нахмурилась.

— Гипотетически?

— Если честно, то нет.

Она нарочито медленно затушила сигарету, обдумывая мои слова.

— Как миз Мими поехала в Мексику в надежде на экспериментальные методы лечения? Потому что я не думаю...

— Я говорю об Америке, милая.

— Что ж, если это Америка, я не понимаю. Почему мы не сможем...

— Второй момент. Мне, возможно, придется уехать. С тобой или без тебя.

— И ты уже никогда не вернешься? — На ее лице отразилась тревога.

— Никогда. Ни один из нас не сможет вернуться, по причинам, которые сложно объяснить. Полагаю, ты решишь, что я свихнулся.

— Я знаю, что ты в своем уме. — Тревога осталась, но эту фразу она произнесла без малейшей запинки.

— Возможно, мне придется сделать нечто такое, что правоохранительные органы сочтут очень плохим. На самом деле ничего плохого в этом нет, но мне никто не поверит.

— Это... Джейк, это как-то связано с тем, что ты говорил мне об Эдлае Стивенсоне? О его словах, что он готов ждать, пока не замерзнет ад?

— В каком-то смысле. Но есть одна загвоздка. Если я смогу сделать то, что должен, и меня не поймают — а я думаю, что смогу, — для тебя это ничего не изменит. Твое лицо все равно останется в шрамах, в большей или в меньшей степени. Но там, куда я могу взять тебя, медицина позволяет делать то, о чем Эллертон может только мечтать.

— Но мы никогда не сможем вернуться. — Она говорила не со мной, пыталась уяснить это для себя.

— Не сможем. — Помимо всего прочего, если бы мы вернулись в 9 сентября 1958 года, там бы уже существовала Сейди Данхилл. И мне не хотелось думать о том, что бы из этого вышло.

Сейди поднялась, отошла к окну, долго стояла спиной ко мне. Я ждал.

— Джейк?

— Да, милая?

— Ты можешь предсказывать будущее? Можешь, да?

Я молчал.

— Потому что ты пришел *из будущего*? — испуганным голосом спросила она.

Я молчал.

Она повернулась ко мне, очень бледная.

— Джейк, пришел?

— Да. — С моей груди свалилась семидесятифунтовая гиря. И одновременно я испугался. За нас обоих, но прежде всего за нее.

— Насколько... издалека?

— Дорогая, ты уверена?..

— Да. *Издалека?*

— Почти сорок восемь лет.

— Я... умерла?

— Не знаю. Не хочу знать. Я живу здесь. И с тобой.

Она задумалась. Кожа вокруг красных шрамов стала почти белой, и мне хотелось подойти к ней, но я боялся пошевелиться. Вдруг она закричит и убежит от меня?

— Почему ты пришел?

— Чтобы не дать одному человеку кое-что сделать. Я убью его, если придется. Если буду совершенно уверен, что он заслуживает смерти. Пока я этого сделать не смог.

— И о чем ты говоришь?

— Через четыре месяца, в этом я как раз уверен, он убьет президента. Убьет Джона Кенне...

Я увидел, как колени Сейди начали подгибаться, но ей удалось оставаться на ногах достаточно долго, чтобы я успел ее подхватить.

10

Я отнес ее в спальню и уложил на кровать, потом сходил в ванную, чтобы смочить полотенце холодной водой. Когда вернулся, она уже открыла глаза. Посмотрела на меня, и выражение ее лица я расшифровать не смог.

— Не следовало тебе говорить.

— Возможно, — ответила она, но не отпрянула, когда я сел рядом на кровать, и удовлетворенно вздохнула, едва я начал протирать ей лицо влажным полотенцем, обходя шрамы, где прикосновение вызывало только болевые ощущения. По окончании процедуры Сейди очень серьезно взглянула на меня.

— Скажи мне, что еще должно случиться? Я думаю, ты обязан это сделать, если хочешь, чтобы я тебе поверила. Что-что вроде Эдлая Стивенсона и замерзающего ада.

— Не могу. У меня диплом по английскому языку и литературе, а не по американской истории. В старшей школе я изучал историю Мэна — это обязательный курс, — но ничего не знаю о Техасе. Я не... — Но я осознал, что кое-что как раз знаю. Вспомнил последний пункт в разделе ставок из записей Эла Темплтона, потому что не раз и не два прочел его. *На случай если тебе понадобится последнее денежное вливание,* написал он.

— Джейк?

— Я знаю, кто победит в боксерском поединке в Мэдисон-сквер-гарден в следующем месяце. Его зовут Том Кейс, и он нокаутирует Дика Тайгера в пятом раунде. Если этого не случится, ты будешь вправе вызывать парней в белых халатах. Но пока пусть это останется между нами, хорошо? Слишком многое поставлено на карту.

— Да, хорошо.

11

В глубине души я ожидал, что после второго представления Дек или миз Элли подойдет ко мне и, глядя в глаза, заявит, что ему или ей позвонила Сейди, чтобы сказать, что я рехнулся. Но этого не случилось, а когда я вернулся в дом Сейди, на столе лежала записка: *Разбуди меня, если хочешь полуночную закуску.*

Я вернулся раньше полуночи — немного, — и она не спала. Следующие сорок минут понравились нам обоим. Потом, в темноте, она спросила:

— Я ведь не должна решать прямо сейчас?

— Нет.

— И нам не нужно говорить об этом прямо сейчас?

— Нет.

— Может, после поединка. Того, о котором ты мне сказал.

— Может.

— Я верю тебе, Джейк. Не знаю, безумие это или нет, но верю. И я люблю тебя.

— Я тоже люблю тебя.

Ее глаза блестели в темноте — и миндалевидный, прекрасный, и тот, на который падало веко.

— Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось, и не хочу, чтобы ты кому-то причинил вред, без крайней на то необходимости. И никогда — по ошибке. *Никогда*. Ты мне обещаешь?

— Да. — Такое обещание далось мне легко. По этой причине Ли Освальд еще топтал землю.

— Ты будешь осторожен?

— Да. Я буду очень...

Она закрыла мне рот поцелуем.

— Потому что, откуда бы ты ни пришел, без тебя будущего мне нет. А теперь давай спать.

12

Я думал, что разговор продолжится утром. Понятия не имел, что — в смысле, как много — скажу, когда он продолжится, но в итоге говорить ничего не пришлось, потому что она не спросила. Вместо этого поинтересовалась, какую сумму принесло шоу «Милостыня Сейди Данхилл». Когда я ответил, что больше трех тысяч долларов, учитывая содержимое ящика для пожертвований в вестибюле, она откинула голову назад и радостно, от души рассмеялась. Три штуки не покрывали всех расходов, но услышать такой ее смех... это стоило миллиона... А еще она не сказала: *Зачем вообще дергаться, если в будущем мне все поправят?* Потому что я сомневался, действительно ли она хочет отправиться в будущее, пусть она мне и *поверила*, и не знал наверняка, хочу ли я взять ее с собой.

Я хотел *быть* с ней, это так. Всю отпущенную мне жизнь. Но может, нам стоило остаться в шестьдесят третьем... прожить вместе последующие годы. Очень может быть, что стоило. Я видел, как она теряется в 2011-м, глядя на каждую пару брюк с низкой талией и компьютерный экран с восхищением и тревогой. Я бы никогда не ударил ее, никогда бы не накричал, но она могла стать моей Мариной Прусаковой, живущей в странном месте и навеки изгнанной с родной земли.

13

В Джоди только один человек знал, каким образом я могу использовать для своих нужд последнюю запись Эла о спортивных состязаниях. Я говорю о Фредди Куинлэне, риелторе. У него раз в неделю играли в покер по четвертаку, и я несколько раз принял участие в игре. Он не упускал случая похвастаться удачными ставками в двух соревнованиях: профессиональном футбольном чемпионате и первенстве штата Техас по баскетболу. Куинлэн согласился встретиться со мной в своей конторе, но только потому, что для игры в гольф было слишком жарко.

— О чем пойдет речь, Джордж? О ставке на некую сумму или об аренде дома?

— Я думаю о ставке в пятьсот долларов.

Он присвистнул, откинулся на спинку стула и сложил руки на маленьком, аккуратном животе. Часы показывали только девять утра, но кондиционер уже работал на полную мощность. Пачки риелторских буклетов подрагивали под холодным потоком.

— Это большие деньги. Скажете, на что?

Поскольку он оказывал мне услугу — по крайней мере я на это надеялся, — я сказал. Его брови так высоко взлетели вверх, что едва не коснулись волос.

— Ничего себе! А почему вам сразу не спустить их в унитаз?

— У меня есть предчувствие, ничего больше.

— Джордж, послушайте своего папочку. Поединок Кейс—Тайгер не спортивное событие, а пробный шар этой новинки, платного кабельного телевидения. На разогреве могут быть хорошие бои, но главный поединок — анекдот. Тайгер получит указание возить бедного старика семь или восемь раундов, а потом отправить на покой. Если только...

Тут он наклонился вперед. Ножки стула противно скрипнули по полу.

— Может, вы что-то знаете. — Он вновь откинулся на спинку, поджал губы. — Но откуда? Вы же живете в Джоди. Однако если б знали, то ввели бы друга в курс дела, верно?

— Я ничего не знаю, — солгал я ему в глаза (и с удовольствием). — Это предчувствие, ничего больше, но в последний раз, когда оно у меня возникло, я поставил на «Пиратов» против «Янкиз» в Мировых сериях и выиграл крупную сумму.

— Очень мило, но вы знаете старую поговорку: и остановившиеся часы дважды в день показывают правильное время.

— Так вы поможете мне или нет, Фредди?

Он одарил меня красноречивой улыбкой: очень скоро дурак расстанется со своими деньгами.

— В Далласе есть один парень, который с удовольствием примет такую ставку. Его зовут Акива Рот. Работает в «Честном платеже» на Гринвилл-авеню. Принял это дело от отца пять или шесть лет тому назад. — Он понизил голос: — Говорят, связан с мафией. — И еще тише: — С Карлосом Марчелло.

Именно этого я и боялся, потому что к Карлосу Марчелло тянулась ниточка и от Эдуардо Гутиерреса. Я вновь подумал о «Линкольне» с флоридскими номерами, припаркованном напротив «Честного платежа».

— Не уверен, что мне хочется, чтобы кто-нибудь увидел меня в таком месте. Я, возможно, снова начну учить детей, а по крайней мере два члена школьного совета уже косо на меня смотрят.

— Тогда попробуйте обратиться к Фрэнку Фрати в Форт-Уорте. У него там ломбард. — Ножки стула вновь скрипнули, потому что он наклонился вперед, чтобы лучше рассмотреть мое лицо. — Что я такого сказал? Вас просто перекосило.

— Гм-м. Видите ли, я знал одного Фрати. И он тоже владел ломбардом и принимал ставки.

— Возможно, они из одного клана ростовщиков и менял из Румынии. В любом случае он может взять ваши пять сотен, особенно на такую проигрышную ставку. Но вы не получите коэффициента, которого заслуживаете. Разумеется, вы не получите его и у Рота, но он предложит вам больше, чем Фрэнк Фрати.

— Зато Фрэнк не связан с мафией, так?

— Думаю, нет, но кто знает? Букмекеры, даже если это не их основная профессия, не могут похвастаться кристально честными деловыми партнерами.

— Вероятно, я последую вашему совету и оставлю деньги при себе.

На лице Куинлэна отразился ужас.

— Нет, нет, нет, не делайте этого. Поставьте на выигрыш «Чикагских медведей» в Национальной футбольной лиге. На этом вы прилично заработаете. Я это практически гарантирую.

14

Двадцать второго июля я сказал Сейди, что у меня дела в Далласе и я попрошу Дека приглядывать за ней. Она ответила, что в этом нет никакой необходимости и она прекрасно справится сама. Она действительно приходила в норму, становясь прежней Сейди. Мало-помалу, но приходила.

Она не спросила о моих делах.

Сначала я заехал в «Первый зерновой», открыл банковскую ячейку и вновь просмотрел записи Эла, чтобы убедиться, что память меня не подвела. Да, Том Кейс победил неожиданно для всех, нокаутировав Дика Тайгера в пятом раунде. Эл, должно быть, почерпнул эту информацию из Интернета, потому что по-

кинул Даллас — и великолепные шестидесятые — задолго до поединка.

— Могу ли я помочь вам чем-нибудь еще, мистер Амберсон? — спросил мой банкир, провожая меня до двери.

Что ж, ты можешь помолиться за то, что мой давний дружище Эл Темплтон не купился на интернетовскую лажу.

— Возможно. Вы не подскажете, где найти театральный магазин? Я должен изображать фокусника на дне рождения племянника.

Секретарь мистера Линка, быстренько пролистав «Желтые страницы», назвала мне адрес на Янг-стрит. Там я купил все необходимое. Оставил покупки в квартире на Западной Нили-стрит: раз уж я платил за аренду, следовало хоть как-то ее использовать. Оставил там и револьвер — положил на верхнюю полку стенного шкафа. «Жучок», который я вынул из настольной лампы в квартире второго этажа, отправился в бардачок моего «шеви», вместе с миниатюрным японским магнитофоном. Я намеревался выкинуть их на обратном пути в Джоди. Больше они мне не понадобятся. Новые жильцы в квартире наверху еще не появились, и от тишины в доме по коже бежали мурашки.

Прежде чем уехать с Нили-стрит, я зашел в огороженный двор, где тремя месяцами раньше Марина сфотографировала Ли с его винтовкой. Увидел там только твердую, выжженную солнцем землю да несколько сорняков, которые никак не хотели засыхать. Потом, когда уже собрался уходить, краем глаза заметил что-то красное под наружной лестницей. Детскую погремушку. Я поднял ее и положил в бардачок «шеви», рядом с «жучком», но в отличие от «жучка» погремушку оставил. Не знаю почему.

15

Следующей моей остановкой был просторный дом-ранчо на Симпсон-Стюарт-роуд, где жили Джордж де Мореншильдт и его жена Джин. Увидев дом, я сразу понял, что он не подходит для встречи, какой я ее планировал. Во-первых, я не знал, когда Джин будет дома, а этот разговор могли вести только двое. Во-вторых, дом не показался мне достаточно изолированным. Рядом располагался колледж Пола Куинна, в котором учились черные,

и там могли проводиться летние занятия. Конечно, дети на улице не толпились, но людей хватало. Кто шел по тротуару, кто катался на велосипеде. Меня это не устраивало. Наша дискуссия могла пойти на повышенных тонах. Да и вообще не быть дискуссией в том смысле, который вкладывал в это слово толковый словарь Мерриама-Уэбстера.

Мой взгляд зацепился за большой плакат. Он стоял на широкой лужайке перед домом де Мореншильдтов, где из разбрызгивателей летели струйки воды, а в воздухе зависали крохотные карманные радуги. В 1963-м никого никуда не избирали, но в самом начале апреля, примерно в то время, когда кто-то стрелял в генерала Эдвина Уокера, член палаты представителей от Пятого района умер от инфаркта. И выборы нового представителя назначили на шестое августа.

На предвыборном плакате я прочитал:

ДЖЕНКИНСА — В ПАЛАТУ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОТ 5-ГО РАЙОНА! РОБЕРТ «РОББИ» ДЖЕНКИНС, ДАЛЛАССКИЙ БЕЛЫЙ РЫЦАРЬ!

Согласно газетам, Дженкинс проходил в палату на все сто процентов: реакционер, стоявший плечом к плечу с Уокером и духовным советником Уокера, Билли Джеймсом Харгисом. Робби Дженкинс выступал за права штатов, сегрегированные, но равные школы и восстановление блокады Кубы, установленной во время ракетного кризиса. Той самой Кубы, которую де Мореншильдт назвал «прекрасным островом». Плакат целиком и полностью соответствовал моему уже сформировавшемуся мнению о де Мореншильдте. Дилетант, не имеющий никаких политических пристрастий. Он поддерживал любого, кто забавлял его и давал ему деньги. Ли Освальд ко вторым не относился — церковная мышь в сравнении с ним выглядела состоятельной дамой, — но его лишенная чувства юмора преданность идеям социализма в сочетании с непомерным личным честолюбием безмерно веселили де Мореншильдта.

В одном я не сомневался: бедняцкие ноги Ли никогда не ступали ни на аккуратно подстриженную траву лужайки, ни на ковры этого дома. Здесь де Мореншильдт вел другую жизнь... или одну из них. Я чувствовал, что этих жизней у него несколько и

все они разделены водонепроницаемыми перегородками. Но мои рассуждения не давали ответа на главный вопрос: вынудила ли его скука сопроводить Ли, когда тот отправился убивать фашиста Эдвина Уокера? Я не знал де Мореншильдта достаточно хорошо, чтобы высказать аргументированное предположение.

Но намеревался получить ответ. Твердо решил, что получу.

16

В окне ломбарда Фрэнка Фрати висело объявление: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ГИТАРНЫЙ ЦЕНТР». Действительно, гитар хватало: акустических, электрических, двенадцатиструнных, одна с двойным грифом, как в клипе «Мотли Крю». Разумеется, имелись в ломбарде и другие свидетельства неудавшейся жизни: кольца, броши, ожерелья, радиоприемники, мелкая бытовая техника. Меня встретила женщина, правда, не толстая, а худая и в брюках и полосатой блузке вместо пурпурного платья и мокасин, но ее каменное лицо ничем не отличалось от лица дамы из Дерри, и с моих губ слетели те же слова. После чего наш разговор, можно сказать, повторился.

— Я хотел бы обсудить с мистером Фрати достаточно крупное деловое предложение, связанное со спортом.

— Да? Так называется ставка, когда она лежит дома, задрав ноги?

— Вы коп?

— Да, я Карри, начальник далласской полиции. Разве не видно по очкам и тяжелой челюсти?

— Я не вижу ни очков, ни тяжелой челюсти, мэм.

— Потому что я маскируюсь. И на что вы хотите поставить в середине лета, приятель? Ставить-то не на что.

— Кейс — Тайгер.

— На кого?

— На Кейса.

Она закатила глаза, потом оглянулась и крикнула:

— Иди сюда, папа, к тебе человек.

Родство Чеза и весьма пожилого Фрэнка сомнений не вызывало: просматривались какие-то семейные черты. Если бы я упомянул, что однажды сделал ставку у некоего мистера Фрати в

городе Дерри, штат Мэн, мы бы — я в этом уверен — мило поболтали о том, как тесен мир.

Вместо этого я сразу перешел к делу.

— Могу я поставить пятьсот долларов на победу Тома Кейса в поединке с Диком Тайгером в Мэдисон-сквер-гарден?

— Да, конечно, — ответил Фрати. — Еще вы можете сунуть раскаленную кочергу сами знаете куда, но зачем вам это нужно?

Его дочь радостно рассмеялась.

— И какой я получу коэффициент?

Он посмотрел на дочь. Она подняла руки. С двумя оттопыренными пальцами на левой и одним на правой.

— Два к одному? Это нелепо.

— Это нелепая жизнь, друг мой. Пойдите и посмотрите пьесу Ионеску, если вы мне не верите. Я рекомендую «Жертвы долга».

Что ж, он хотя бы не стал называть меня «братком», как его браток из Дерри.

— Давайте это обсудим, мистер Фрати.

Он взял акустическую гитару «Эпифон-Хаммингберд» и начал настраивать. Получалось очень ловко.

— Подкиньте мне материал для обсуждения или поезжайте в Даллас. Там есть место, оно называется...

— Я знаю это место в Далласе, но предпочитаю Форт-Уорт. Раньше я здесь жил.

— Сам факт вашего переезда показывает, что вы не лишены здравого смысла. Чего не могу сказать о вашем желании поставить на Тома Кейса.

— Как насчет того, что Кейс победит нокаутом в первых семи раундах? Что я за это получу?

Он посмотрел на дочь. На этот раз она оттопырила три пальца на левой руке.

— А если Кейс победит нокаутом в первых пяти?

Она обдумала вопрос, добавила к трем пальцам четвертый. Я решил, что на этом можно и остановиться. Записал свое имя в гроссбухе, показал водительское удостоверение, закрыв большим пальцем адрес в Джоди, как проделал это почти три года тому назад в «Честном платеже», когда ставил на «Янкиз». Потом отдал деньги, составлявшие примерно четверть всей имеющейся у меня наличности, сунул расписку в бумажник. Двух тысяч вполне хватало для того, чтобы оплатить как расходы Сейди, так и мои до

окончания миссии. Кроме того, мне не хотелось очень уж обдирать этого Фрати, как не хотелось обдирать Чеза, хотя тот и *заложил* меня Биллу Теркотту.

— Я вернусь на следующий день после танцев, — предупредил я. — Приготовьте мои деньги.

Дочь рассмеялась и закурила.

— Разве не это сказала хористка архиепископу?

— Вас, часом, зовут не Марджори? — полюбопытствовал я.

Она застыла, держа сигарету перед собой, а дымок тонкой струйкой выходил между губ.

— Откуда вы знаете? — Она увидела выражение моего лица и рассмеялась. — Если на то пошло, я Ванда, приятель. Надеюсь, со ставкой у вас получится лучше, чем с угадыванием имен.

Шагая к своему автомобилю, я тоже на это надеялся.

Глава 25

1

Утром пятого августа я оставался с Сейди, пока ее не положили на каталку, чтобы увезти в операционную, где уже ждал доктор Эллертон с другими хирургами, которых хватило бы на баскетбольную команду. Глаза Сейди блестели от вколотого успокоительного.

— Пожелай мне удачи.

Я наклонился и поцеловал ее.

— Всей удачи этого мира.

Спустя три часа ее прикатили в палату — ту самую палату, с той самой картиной на стене, тем самым отвратительным низким унитазом, — крепко спящую и похрапывающую, со свежей повязкой на левой стороне лица. Ронда Макгинли, медсестра с плечами футболиста, позволила мне остаться, пока Сейди не очнется, пойдя на серьезное нарушение инструкций. В Стране прошлого часы посещений соблюдались строго. Исключение делалось лишь для того, к кому старшая медсестра проникалась теплыми чувствами.

— Как ты? — спросил я, взяв Сейди за руку.

— Все болит. И я сонная.

— Так поспи еще, дорогая.

— Может, в следующий раз... — слова оборвались мягким «х-з-з-з-з-з-з», глаза закрылись, но Сейди усилием воли открыла их вновь, — будет лучше. В твоем месте.

Она отключилась, а у меня появилась пища для размышлений.

Когда я подошел к сестринскому посту, Ронда сказала, что доктор Эллертон ждет меня в кафетерии.

— Мы оставим ее на эту ночь и, возможно, на завтрашний день, — сообщил он. — Меньше всего нам хочется, чтобы началось какое-нибудь заражение (позже, разумеется, я вспомнил об этом... вроде бы и забавно, но не так чтобы очень).

— Как все прошло?

— Как и ожидалось, но повреждения, нанесенные Клейтоном, очень серьезные. В зависимости от заживления вторую операцию мы назначим на ноябрь или декабрь. — Он закурил, затянулся, выпустил струю дыма. — У нас потрясающая хирургическая бригада, и мы делаем все, что можем... но есть пределы.

— Да, я знаю. — Но я знал и кое-что еще: больше операций не будет. Во всяком случае, здесь. В следующий раз, когда Сейди ляжет под нож, это будет совсем и не нож. Это будет лазер.

В *моем* месте.

2

Когда экономишь на мелочах, обычно это выходит боком. Я отказался от телефона в квартире на Нили-стрит, чтобы сократить расходы на восемь долларов в месяц, а теперь он мне понадобился. Но в четырех кварталах от моего дома находился небольшой магазинчик «У-Тоут-Эм». Телефонная будка стояла у двери рядом с холодильным шкафом для колы. Номер де Мореншильдта я выписал на полоску бумаги. Бросил в щель дайм и позвонил.

— Резиденция де Мореншильдта, чем я могу вам помочь? — Это не Джин. Вероятно, служанка... И откуда у де Мореншильдтов такие деньги?

— Я хотел бы поговорить с Джорджем.

— Боюсь, он на работе, сэр.

Я достал ручку из нагрудного кармана.

— Вас не затруднит дать мне его телефон?

— Конечно, сэр. Си-Эйч-пять-шесть-три-два-три.

— Благодарю. — Я записал номер на тыльной стороне ладони.

— Могу я узнать, кто звонил, если вы не сможете с ним связаться, сэр?

Я повесил трубку. Меня вновь окутал холод. Этому я мог только порадоваться. Если мне когда и требовалась холодная ясность ума, так это сейчас.

Я бросил в щель другой дайм, и на этот раз секретарша сообщила мне, что я позвонил в «Сентрекс корпорейшн». Я сказал, что хочу поговорить с мистером де Мореншильдтом. Она, разумеется, пожелала знать, а зачем мне это нужно.

— Передайте, что речь пойдет о Жан-Клоде Дювалье и Ли Освальде. Передайте, что ему от этого разговора будет только польза.

— Ваше имя, сэр?

Паддентарю здесь катило.

— Джон Леннон.

— Пожалуйста, подождите, мистер Леннон. Я посмотрю, свободен ли он.

Обошлось без музыкальной заставки, и я решил, что это скорее плюс, чем минус. Привалился к горячей стене и прочитал надпись на табличке: «ЕСЛИ ВЫ КУРИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, ВКЛЮЧИТЕ ВЕНТИЛЯТОР». Я не курил, но включил вентилятор. Не помогло.

В ухе щелкнуло, достаточно громко, чтобы я поморщился.

— Соединяю, мистер Ди.

— Алло? — Веселый, громкий, хорошо поставленный актерский голос. — Алло? Мистер Леннон?

— Привет. Эта линия не прослушивается?

— Что вы?.. Разумеется, нет. Одну минуту. Я только закрою дверь.

Пауза. Потом голос вернулся.

— Так о чем речь?

— О Гаити, друг мой. И о нефтеносных участках.

— А при чем тут *мсье* Дювалье и этот парень Освальд? — Никакой тревоги, только веселое любопытство.

— Вы знаете их слишком хорошо, чтобы называть по фамилиям, — ответил я. — Так что зовите по-простому, Бэби-Док и Ли. Почему нет?

— Я сегодня чертовски занят, мистер Леннон. Если вы не скажете мне, чем вызван ваш звонок, боюсь, мне придется...

— Бэби-Док может одобрить выделение участков на Гаити, которые вам не удается получить последние пять лет. Вам это известно. Он правая рука отца, он руководит тонтон-макутами, и он первый в очереди на большое кресло. Вы ему нравитесь, и нам вы нравитесь...

Теперь в голосе де Мореншильдта появился реальный человек.

— Говоря «нам», вы подразумеваете...

— Вы нравитесь нам всем, де Мореншильдт, но мы обеспокоены вашим общением с Освальдом.

— Господи, я едва знаю этого парня! Я не видел его шесть или восемь месяцев.

— Вы виделись с ним в Пасхальное воскресенье. Вы привезли маленькой девочке набивного кролика.

Очень долгая пауза.

— Действительно привез. Вылетело из головы.

— Вы забыли, что кто-то стрелял в Эдвина Уокера?

— Какое отношение это имеет ко мне? Или к моему бизнесу? — Его недоуменная ярость вызывала почти абсолютное доверие. Ключевое слово — *почти*.

— Да бросьте. Вы обвинили Освальда в том, что это сделал он.

— *Я шутил, черт побери!*

Я заговорил после короткой паузы:

— Вы знаете, на какую контору я работаю, де Мореншильдт? Могу подсказать: это не «Стандард ойл».

Последовала пауза, по ходу которой де Мореншильдт переваривал всю ту ерунду, что я на него вывалил. Только не совсем ерунду. Я знал о набивном кролике и знал о фразе «как ты мог промахнуться», которую он произнес после того, как его жена заметила винтовку. И понятно, что из этого следовало. Моя контора звалась Конторой, и де Мореншильдта сейчас волновал

только один вопрос (во всяком случае, я на это надеялся): сколь многое известно нам о его, несомненно, интересной жизни?

— Здесь какое-то недопонимание, мистер Леннон.

— Я надеюсь, ради вашего же блага, что это так, но нам представляется, что вы подталкивали его к этому выстрелу. Вновь и вновь твердили, какой расист этот Уокер, убеждали, что он может стать следующим американским Гитлером.

— Это полнейшая ложь!

Я проигнорировал этот крик души.

— Но больше нас беспокоит другое. Мы опасаемся, что десятого апреля вы сопровождали мистера Освальда, когда он отправился на охоту.

— *Ach, mein Gott!** Это безумие!

— Если вы сможете это доказать... и если пообещаете в будущем держаться подальше от неуравновешенного мистера Освальда...

— Господи, он же в Новом Орлеане!

— Заткнитесь, — осадил его я. — Мы знаем, где он и что делает. Раздает листовки «Честное отношение к Кубе». Если не перестанет, то скоро окажется в тюрьме. — И он действительно там окажется, где-то через неделю. Его дядя по прозвищу Страшила, связанный с Карлосом Марчелло, внесет за него залог. — Скоро он вернется в Даллас, но вы не должны с ним встречаться. Ваша маленькая игра закончена.

— Говорю вам, я никогда...

— Эти участки могут стать вашими, при условии, что вы докажете, что десятого апреля не сопровождали Освальда. Сможете ли вы это сделать?

— Я... дайте подумать. — Долгая пауза. — Да. Да, думаю, что смогу.

— Тогда давайте встретимся.

— Когда?

— Вечером. В девять часов. У меня есть начальники, и они будут очень недовольны, если я дам вам время на подготовку алиби.

— Приезжайте ко мне домой. Я отправлю Джин в кино с подругами.

* Ах, Боже мой! (*нем.*)

— У меня есть идея получше. И вам не придется долго искать. — Я назвал ему место встречи.

— Почему там? — В его голосе слышалось искреннее недоумение.

— Просто приезжайте. И если не хотите, чтобы Дювалье, *père* и *fils**, сильно рассердились на вас, друг мой, приезжайте один.

Я повесил трубку.

3

В больницу я вернулся ровно в шесть и полчаса посидел с Сейди. В голове у нее прояснилось, и она убеждала меня, что боль не такая уж сильная. В половине седьмого я поцеловал ее в здоровую щеку и сказал, что должен идти.

— По делу? — спросила она. — По настоящему делу?

— Да.

— Ты ведь никому не причинишь вреда? Только в случае крайней необходимости?

Я кивнул:

— И никогда — по ошибке.

— Будь осторожен.

— Как при ходьбе по яйцам.

Она попыталась улыбнуться. Но улыбка тут же превратилась в гримасу боли, потому что привела в движение мышцы левой половины лица. Взгляд Сейди сместился мне за спину. Я повернулся и увидел на пороге Дека и Элли. Оба прибыли в парадных нарядах, Дек — в легком летнем костюме с галстуком-шнурком и ковбойской шляпе, Элли — в розовом шелковом платье.

— Если хотите, мы можем подождать, — предложила Элли.

— Нет, заходите. Я уже ухожу. Но надолго не задерживайтесь, она очень слаба.

Я поцеловал Сейди дважды — в сухие губы и влажный лоб. Потом поехал на Западную Нили-стрит, где разложил перед собой вещи, купленные в театральном магазине. Проделывал все медленно и тщательно перед зеркалом в ванной, часто заглядывал в инструкции и сожалел, что Сейди не может мне помочь.

* Отец и сын (*фр.*).

Я не волновался из-за того, что де Мореншильдт мог, увидев меня, сказать: *Эй, а я вас где-то видел.* Я не хотел, чтобы он опознал «Джона Леннона» позже. Вдруг его сегодняшние доводы не будут соответствовать действительности, и тогда у меня могла возникнуть необходимость встретиться с ним вновь. В этом случае мне хотелось бы застать его врасплох.

Первым делом я приклеил усы. Пушистые, с ними я разом превратился в преступника из вестерна Джона Форда. Потом последовал грим. Лицо и руки стали загорелыми, как у фермера. И наконец, я водрузил на нос очки в роговой оправе с обычными стеклами. Поначалу возникла мысль перекрасить волосы, но напрашивающаяся параллель с Джоном Клейтоном отвратила меня от этой идеи. Вместо этого я надел бейсболку с логотипом «Сан-Антонио буллетс». Закончив, посмотрел в зеркало и сам себя не узнал.

— Я никому причиню вреда, только в случае крайней необходимости, — заявил я незнакомцу в зеркале. — И никогда — по ошибке. С этим все ясно?

Незнакомец кивнул, но глаза за стеклами очков оставались холодными.

Перед тем как уйти, я достал с верхней полки стенного шкафа револьвер и сунул в карман.

4

На пустынную автомобильную стоянку в конце Мерседес-стрит я приехал на двадцать минут раньше назначенного срока, но де Мореншильдт меня опередил. Его броский «кадиллак» уже стоял под стеной склада «Монтгомери уорд». Это означало, что он нервничает. Отлично.

Я огляделся и не удивился бы, увидев девочек-попрыгуний, но в такой поздний час они уже разошлись по домам, возможно, спали, и им снился Чарли Чаплин, разъезжающий по Франции и любующийся танцующими дамами.

Я припарковался рядом с машиной де Мореншильдта, опустил стекло, высунул левую руку и согнул указательный палец, приглашая присоединиться ко мне. Несколько мгновений де Мореншильдт не шевелился, словно не решаясь принять мое

приглашение. Потом вылез из автомобиля. От гордой поступи не осталось и следа. Он напоминал перепуганную мышку. В руке держал папку. Судя по толщине, доказательств он с собой привез немного. Мне оставалось только надеяться, что их хватит. Иначе нам пришлось бы станцевать другой танец, совсем не линди.

Он открыл дверь, заглянул в салон, спросил:

— Послушайте, вы же не собираетесь меня убивать?

— Нет. — Я надеялся, что мой голос переполняет скука. — Будь я из ФБР, ваши опасения были бы оправданны, но я не оттуда, и вы это знаете. Вы уже вели с нами дела. — Хоть бы Эл не ошибся.

— В автомобиле стоят «жучки»? И на вас?

— Если будете выбирать слова, опасаться нечего. А теперь садитесь.

Он сел и захлопнул дверь.

— Насчет этих участков...

— Вы сможете обсудить это в другое время и с другими людьми. Нефть — не мой профиль. Мой профиль — общение с теми, кто ведет себя опрометчиво, а ваши отношения с Освальдом показывают, что вам недостает благоразумия.

— Это любопытство, ничего больше. Меня заинтересовал человек, которому удалось сбежать в Россию, а потом вернуться в Соединенные Штаты. Он самоучка, образования у него нет, но он невероятно хитер и изворотлив. Опять же... — Он откашлялся. — У меня есть друг, который хочет трахнуть его жену.

— Это нам известно. — Я подумал о Баухе, еще одном Джордже в их бесконечной череде. Как же мне хотелось удрать из этой эхо-камеры прошлого. — Меня интересует только одно: я должен убедиться, что вы не имеете никакого отношения к неудавшемуся покушению на Уокера.

— Взгляните сюда. Я взял это из памятного альбома жены.

Он открыл папку, достал из нее сложенную газетную страницу. Я включил лампочку под крышей, надеясь, что мой загар не выглядит как грим. С другой стороны, какая разница? Де Мореншильдт не первый раз имел дело с рыцарями плаща и кинжала, и едва ли его удивляли их приемчики.

«Морнинг ньюс» от двенадцатого апреля. Я знал этот раздел: «В ГОРОДЕ». Жители Далласа читали его с гораздо большим интересом, чем мировые и национальные новости. Множество

фамилий, выделенных жирным шрифтом, фотографии мужчин и женщин в вечерних туалетах. Де Мореншильдт красной ручкой обвел нужную короткую заметку в середине страницы. Ее иллюстрировал фотоснимок. В том, что на ней Джордж и Джин, сомневаться не приходилось. Он — во фраке, с улыбкой, демонстрирующей все зубы, числом, похоже, не уступающие клавишам пианино. Она — в платье с глубоким декольте, в которое с жадным интересом заглядывал еще один мужчина. Все трое поднимали фужеры с шампанским.

— Это пятничный номер, — заметил я. — В Уокера стреляли в среду.

— В этом разделе все заметки двухдневной давности. Потому что они о ночной жизни, понимаете? А потом... не смотрите на фотографию, прочитайте заметку. Там все написано черным по белому!

Я прочитал, но понял, что он говорит правду, как только дошел до имени другого мужчины, напечатанного бросающимся в глаза жирным шрифтом. Эхо гармонии звенело так же громко, как гитарный усилитель, настроенный на реверберацию.

> Местный нефтяной раджа **Джордж де Мореншильдт** и его жена **Джин** в среду вечером подняли бокал вина (и не один) в клубе **«Карусель»**, празднуя день рождения чудесной дамы. Сколько лет? На этот вопрос голубки нам не ответили, но, на наш взгляд, ей не больше двадцати трех (будьте уверены!). За столик их усадил сам веселый владелец **«Карусели»**, важная шишка **Джек Руби**, который прислал им бутылку шампанского, а потом присоединился, чтобы поднять бокал за именинницу. С днем рождения, **Джин**, и долгих лет счастливой жизни!

— Шампанское оказалось паленым, и я мучился похмельем до трех часов пополудни следующего дня, но оно выпито не зря, если вас это удовлетворит.

Меня это удовлетворило. Более того, заворожило.

— Как хорошо вы знаете этого Руби?

Де Мореншильдт фыркнул — и в этом быстром продвижении воздуха по раздувшимся ноздрям выразилось все его баронское пренебрежение.

— Не очень хорошо, и не жалею. Бешеный маленький еврейчик, который подкупает полицию бесплатной выпивкой, чтобы они смотрели в другую сторону, когда он распускает кулаки. А он это любит. Джин нравятся стриптизерши. Они ее возбуждают. — Он пожал плечами, как бы говоря, ну разве поймешь этих женщин. — А теперь вы... — Он глянул вниз, увидел револьвер в моей руке и замолчал. Его глаза широко раскрылись. Между губ появился язык, облизнул их, скрылся во рту, издав необычный влажно-чавкающий звук.

— Удовлетворен ли я? Вы это собирались спросить? — Я ткнул его стволом револьвера и получил немалое удовольствие, услышав «ах!». Убийство изменяет человека, говорю я вам, он становится жестче, но в свое оправдание могу сказать: если кого и следовало как следует напугать, так это де Мореншильдта. За то, что Освальд стал таким, отчасти несла ответственность Маргарита. Немалая доля ответственности лежала и на самом Ли — все эти до конца не оформившиеся грезы о славе, — но и де Мореншильдт тоже внес свою лепту. Шла ли речь о каком-то сложном плане, созревшем в недрах ЦРУ? Нет. Просто общение с бедняками забавляло де Мореншильдта. Как и ярость и разочарование, которые он разжигал, подзуживая неуравновешенного Освальда.

— Пожалуйста, — прошептал де Мореншильдт.

— Я удовлетворен. Но послушай меня, пустозвон. Ты больше никогда не встретишься с Освальдом. Никогда не позвонишь ему по телефону. Никогда не упомянешь об этом разговоре ни его жене, ни матери, ни Джорджу Бауху, никому из эмигрантов. Это понятно?

— Да. Безусловно. Мне он и так начал надоедать.

— Ты мне уже надоел в два раза больше. Если выяснится, что ты с ним говорил, я тебя убью. *Capisce?**

— Да. А эти участки?..

— С тобой свяжутся. А теперь выметайся на хер из моего автомобиля.

Он так и сделал, очень быстро. Когда сел за руль своего «кэдди», я опять высунул из окна левую руку. На этот раз не подзывая к себе, а указывая пальцем на Мерседес-стрит. Он уехал.

---

* Понятно? (*ит.*)

Я еще какое-то время посидел, глядя на газетную страницу, которую он в спешке забыл забрать с собой. Де Мореншильдты и Джек Руби с поднятыми бокалами. Все-таки свидетельство заговора? Чокнутые теоретики, верящие в убийц, выскакивающих из сточных канав, и двойников Освальда, возможно, так бы и подумали, но я знал, что это. Еще одно проявление гармонии. Я находился в Стране прошлого, где все отражалось эхом.

Я чувствовал, что закрыл окно неопределенности Эла Темплтона. Если что и осталось, так только малюсенькая щелочка. Освальд возвращался в Даллас третьего октября. Согласно записям Эла, он устроится подсобным рабочим в Техасское хранилище школьных учебников в середине октября. Только этого не произойдет, потому что я намеревался положить конец его жалкой, опасной жизни между третьим и шестнадцатым.

5

Мне разрешили забрать Сейди из больницы утром седьмого августа. По пути в Джоди она сидела очень тихая. Я чувствовал, что боль не отпускает ее, но большую часть пути ее рука лежала на моем бедре. Когда мы свернули с автострады 77 под большим рекламным щитом «Львов Денхолма», она повернулась ко мне.

— В сентябре я возвращаюсь в школу.

— Точно?

— Да. Раз уж я смогла появиться перед всем городом в «Грандже», полагаю, что несколько учеников в школьной библиотеке меня не смутят. Кроме того, я чувствую, что нам понадобятся деньги. Если только у тебя нет источника дохода, о котором я не знаю, ты уже почти на мели. Благодаря мне.

— Я получу кое-какие деньги в конце месяца.

— Боксерский поединок?

Я кивнул.

— Хорошо. И шепот с хихиканьем мне придется слушать только короткое время. Потому что, когда ты уйдешь, я уйду с тобой. — Она помолчала. — Если ты этого еще хочешь.

— Сейди, это *все*, чего я хочу.

Мы повернули на Главную улицу. Джем Нидэм как раз заканчивал развозить молоко на своем пикапе. Билл Грейври вы-

кладывал только что испеченные батоны на столике перед пекарней и накрывал их марлей. В проехавшем мимо автомобиле «Джэн и Дин» пели о том, что в Серф-Сити по две девушки на каждого парня.

— Мне там понравится, Джейк? В твоем месте?

— Надеюсь на это, милая.

— Там все совсем другое?

Я улыбнулся.

— Люди больше платят за бензин, и надо нажимать больше кнопок. В остальном отличий не много.

6

Для нас этот жаркий август больше всего походил на медовый месяц, и как же нам было сладко. Я перестал притворяться, что живу у Дека, хотя ночью по-прежнему держал автомобиль на его подъездной дорожке.

Сейди быстро восстанавливалась после последней атаки на ее плоть, и хотя веко по-прежнему нависало над глазом, а щека оставалась вдавленной в том месте, где Клейтон проткнул ее насквозь, Эллертон и его команда выправили многое.

Сидя под вентилятором бок о бок на диване, мы читали книги: она — «Группу» Мэри Маккарти, я — «Джуда Незаметного» Томаса Гарди. Мы устраивали пикники во дворе: садились в тени старого пекана и выпивали галлоны ледяного кофе. Сейди вновь начала снижать ежедневную норму сигарет. Мы смотрели «Сыромятную плеть», и «Бена Кейси», и «Шоссе 66». Однажды Сейди включила «Новые приключения Эллери Куина», но я попросил сменить канал. Сказал, что не люблю детективы.

Перед тем как лечь спать, я тщательно смазывал мазью ее изрезанную половину лица, а как только мы попадали в постель... нам было хорошо. Остановлюсь на этом.

Однажды около продуктового магазина я столкнулся с придерживающейся строгих правил Джессикой Колтроп, членом школьного совета. Она сказала, что хочет поговорить со мной, как она выразилась, на «деликатную тему».

— И что это за тема, миз Колтроп? — спросил я. — Потому что я купил мороженое и хочу добраться до дома, пока оно не растаяло.

Она одарила меня ледяной улыбкой, способной заморозить мою «Французскую ваниль» на долгие часы.

— Домой — в смысле на аллею Ульев, мистер Амберсон? К несчастной мисс Данхилл?

— А какое вам, собственно, дело?

Температура улыбки понизилась еще на несколько градусов.

— Как член школьного совета, я должна быть уверена, что моральный облик сотрудников школы безупречен. Если вы и мисс Данхилл живете вместе, меня это очень даже касается. Подростки такие впечатлительные. Они копируют все, что видят у взрослых.

— Вы так думаете? После пятнадцати лет, проведенных в школьных классах, я пришел к твердому убеждению, что они смотрят на поведение взрослых, а потом со всех ног бегут в другую сторону.

— Я уверена, что у нас может получиться увлекательная дискуссия о психологии подростков, но позволила себе заговорить с вами по другому поводу, пусть и чувствую себя несколько неловко. — Однако, судя по ней, никакой неловкости она не испытывала. — Если вы живете в грехе с мисс Данхилл...

— Грех, — перебил я ее. — Какое занятное слово. Иисус сказал: тот, кто без греха, пусть первым бросит камень. Или та. *Вы* без греха, миз Колтроп?

— Разговор не обо мне.

— Но мы можем поговорить и о вас. *Я* могу поговорить о вас. Могу, к примеру, начать спрашивать о ребенке, которого вы нагуляли в лесах.

Она отпрянула, словно я влепил ей оплеуху, и отступила на два шага к кирпичной стене магазина. Я сделал два шага вперед, держа в руках пакеты с покупками.

— Я нахожу это мерзким и оскорбительным. Если бы вы по-прежнему работали учителем, я бы...

— Не сомневаюсь, но я не работаю учителем, а потому вам придется выслушать меня очень внимательно. Как я понимаю, в шестнадцать лет вы родили ребенка, когда жили на ферме «Сладкая вода». Я не знаю, был ли отцом один из ваших одноклассников, или какой-то проезжавший мимо бродяга, или ваш отец...

— *Вы отвратительны!*

Чистая правда. Но иногда это *так* приятно.

— Мне безразлично, кто он, но мне небезразлична Сейди, на долю которой уже выпало больше боли и страданий, чем досталось вам за всю вашу жизнь. — Теперь она прижималась спиной к кирпичной стене, а я буквально нависал над ней. Она смотрела на меня снизу вверх, и ее глаза блестели от ужаса. В другое время и в другом месте я бы, наверное, ее пожалел. — Если вы скажете о Сейди хоть одно слово — одно слово кому угодно, — я приложу все силы для того, чтобы выяснить, где сейчас ваш ребенок, и расскажу об этом всем и каждому, от одного конца города до другого. Вы меня понимаете?

— Прочь с дороги! Дайте мне пройти!

— *Вы меня понимаете?*

— Да! *Да!*

— Хорошо. — Я отступил на шаг. — Живите своей жизнью, миз Колтроп. Я подозреваю, она довольно-таки серенькая с тех пор, как вам исполнилось шестнадцать, — хотя вы, конечно, человек занятой, копание в чужом белье отнимает много сил и времени. Живите. И не мешайте жить нам.

Бочком она двинулась вдоль кирпичной стены в направлении автомобильной стоянки позади магазина. С выпученными глазами. Ее взгляд не отрывался от моего лица.

Я обаятельно улыбнулся.

— Прежде чем наш разговор закончится и вы начнете убеждать себя, что его не было вовсе, хочу дать вам совет, милая моя. От чистого сердца. Я ее люблю, и вам совершенно незачем связываться с влюбленным мужчиной. Если вы полезете в мои дела — или в дела Сейди, — я сделаю все, чтобы от вашей пуританской репутации не осталось камня на камне. Это я вам обещаю со всей ответственностью.

Она побежала к стоянке. Неуклюже, как человек, который долгое время только важно вышагивал, исполненный собственного достоинства. В коричневой юбке до середины голени, полупрозрачных колготках и коричневых — в тон юбке и колготкам — туфлях она казалась духом времени. Волосы выбились из пучка. Когда-то — я в этом не сомневался — она носила их распущенными, как нравится мужчинам, но эти дни давно миновали.

— Хорошего вам дня! — крикнул я вслед.

7

Сейди вошла на кухню, когда я убирал продукты в холодильник.

— Что-то ты долго. Я уже начала волноваться.

— Зацепился языком. Ты же знаешь, как с этим в Джоди. Всегда кому-то хочется провести время с пользой.

Она улыбнулась. Теперь улыбки давались ей легче.

— Ты такой милый.

Я поблагодарил Сейди и заверил ее, что она тоже милая. Задался вопросом, поделится ли Колтроп с Фредом Миллером, еще одним членом школьного совета, который видел себя хранителем моральных устоев города. Решил, что нет. Не потому, что я знал о грешках ее юности. А потому, что я ее напугал. Это сработало с де Мореншильдтом, сработало и с ней. Запугивать людей — грязная работа, но кто-то должен ее делать.

Сейди пересекла кухню, обвила меня рукой.

— Что ты скажешь насчет уик-энда в «Кэндлвуд бунгалос» перед началом учебного года? Как раньше? Полагаю, для Сейди это большой шаг вперед, правда?

— Как посмотреть. — Я обнял ее. — Мы говорим о непристойном уик-энде?

Она покраснела, за исключением области шрама. Там кожа оставалась белой и блестящей.

— Непристойном до предела, сеньор.

— Тогда чем раньше мы туда поедем, тем лучше.

8

На самом деле непристойного уик-энда не получилось, если только вы не считаете — как джессики колтроп этого мира, — что в занятии любовью есть что-то непристойное. Действительно, мы провели много времени в постели. Но мы провели много времени и под открытым небом. Сейди могла без устали ходить пешком, а на склоне холма за «Кэндлвудом» расстилался огромный луг, раскрашенный дикорастущими цветами позднего лета. Большую часть второй половины субботы мы провели там. Сейди знала названия некоторых цветов — испанский штык, аргемона,

горец птичий, — но, глядя на другие, только качала головой, а потом наклонялась, чтобы понюхать. Мы шли, взявшись за руки, высокая трава терлась о наши джинсы, большие облака, верхняя часть которых напоминала взбитые сливки, проплывали по бездонному техасскому небу. Длинные пятна света и тени скользили по лугу. В этот день дул холодный ветерок и совершенно не пахло нефтью. На вершине холма мы оглянулись. Бунгало выглядели маленькими и жалкими в сравнении с просторами прерий, на которых тут и там поднимались рощи деревьев. Дорога напоминала узкую ленту.

Сейди села, подтянула колени к груди, обхватила руками голени. Я присел рядом.

— Хочу у тебя кос-что спросить. — Она повернулась ко мне.

— Давай.

— Я не о том... ты понимаешь, откуда ты пришел... мне сейчас и думать об этом не хочется. Я о человеке, остановить которого ты пришел, который, по твоим словам, собирается убить президента.

Я задумался.

— Тонкий момент, дорогая. Ты помнишь, я говорил тебе, что нахожусь очень близко от огромного зверя с острыми зубами?

— Да...

— Я говорил, что не позволю тебе находиться рядом со мной, пока я разбираюсь с этим зверем. Я уже сказал больше, чем хотел, и, наверное, больше, чем следовало. Потому что прошлое не хочет меняться. Оно сопротивляется, если ты предпринимаешь такую попытку. И чем больше потенциальное изменение, тем сильнее сопротивление. Я не хочу, чтобы тебе досталось.

— Мне уже досталось, — тихо ответила она.

— Ты спрашиваешь, моя ли это вина?

— Нет, милый. — Она погладила меня по щеке. — Нет.

— Знаешь, может, и моя, во всяком случае, частично. Есть такое понятие — «эффект бабочки»... — Над склоном они летали сотнями, словно живая иллюстрация моих слов.

— Я знаю, о чем ты, — кивнула она. — У Рэя Брэдбери есть об этом рассказ.

— Правда?

— Он называется «И грянул гром». Прекрасный и очень тревожный. Но, Джейк... Джонни рехнулся задолго до того, как ты

появился на моем горизонте. Я *ушла* от него задолго до твоего появления. И если бы не ты, появился бы какой-нибудь другой мужчина. Я уверена, не такой хороший, как ты, но я бы этого не узнала, правда? Время — это дерево с множеством ветвей.

— Что ты хочешь знать об этом парне, Сейди?

— Главным образом, почему ты просто не позвонишь в полицию — анонимно, разумеется — и не сообщишь о нем.

Раздумывая над этим, я сунул в рот травинку. Прежде всего на ум пришли слова де Мореншильдта, сказанные на стоянке у «Монтгомери уорд»: *Он самоучка, образования у него нет, но он невероятно хитер и изворотлив.*

Де Мореншильдт охарактеризовал его точно. Ли удалось покинуть Россию, когда он устал от тамошних порядков. И ему хватило хитрости и изворотливости, чтобы выйти из Хранилища учебников после того, как он застрелил президента, хотя полиция и секретная служба отреагировали практически мгновенно. *Естественно*, что отреагировали: многие видели, откуда стреляли.

Ли уже допрашивали под дулом пистолета в комнате отдыха на втором этаже, когда резко ускорившийся кортеж привез умирающего президента в больницу «Паркленд мемориал». Коп, который вел допрос, потом вспоминал, что молодой человек держался уверенно и спокойно. И как только бригадир Рой Трули подтвердил, что Ли здесь работает, коп отпустил Кролика Оззи и поспешил наверх, чтобы найти стрелявшего. Не составляло труда поверить, что поиски Ли могли растянуться на дни и недели, если бы он не столкнулся с патрульным Типпитом.

— Сейди, далласские копы потрясут мир своим непрофессионализмом. Только идиот может надеяться на них. Они, возможно, не отреагируют на анонимный звонок.

— Но почему? Почему они не отреагируют?

— Сейчас — потому что этого парня нет в Техасе и он не собирается возвращаться сюда. Он планирует сбежать на Кубу.

— На *Кубу*? Почему, во имя Господа, на Кубу?

Я покачал головой:

— Это не имеет значения, потому что у него не получится. Он вернется в Даллас, не собираясь убивать президента. Он же не знает, что Кеннеди приедет в Даллас. Кеннеди сам еще этого не знает, потому что этой поездки пока нет в графике президента.

— Но *ты* знаешь.

— Да.

— Потому что в том времени, откуда ты пришел, все это есть в учебниках по истории.

— В общих чертах — да. Но я получил более точные сведения от моего друга, который послал меня сюда. Я расскажу тебе эту историю, когда все закончится, но не сейчас. Не буду рассказывать, пока этот зверь с острыми зубами несется на полной скорости. И вот что важно: если копы допросят этого парня до середины ноября, они решат, что он ни в чем не виновен, и он *действительно* невиновен. — Тень от еще одного огромного облака проплыла над нами, временно понизив температуру воздуха градусов на десять. — Если исходить из того, что мне известно, он мог принять окончательное решение, уже нажимая спусковой крючок.

— Ты говоришь, как будто это уже случилось, — изумилась она.

— В моем мире случилось.

— А чем так важна середина ноября?

— Шестнадцатого «Морнинг ньюс» сообщит Далласу о появлении кортежа Кеннеди на Главной улице. Л... этот парень прочитает статью и осознает, что автомобили проследуют мимо того места, где он работает. Возможно, подумает, что это послание от Бога. Или от призрака Карла Маркса.

— И где он будет работать?

Я вновь покачал головой. Чувствовал, что для нее такая информация опасна. По существу, опасность несла в себе любая информация на эту тему. Однако (я говорил об этом раньше, но готов повторить) возможность поделиться ею — хотя бы частично — приносила безмерное облегчение.

— Если полиция поговорит с ним, возможно, он испугается и не будет ничего делать.

Она была права, но я не мог идти на такой риск. Я уже рискнул, решившись на разговор с де Мореншильдтом, однако де Мореншильдту требовались эти нефтеносные участки. Опять же, я не просто напугал его: если на то пошло, напугал до усрачки. И я полагал, что он будет молчать. Ли, с другой стороны...

Я взял Сейди за руку.

— Сейчас я могу точно предсказать, где будет этот человек, как могу предсказать, где будет какой-нибудь поезд, потому что

он движется только по рельсам. Если я попытаюсь вмешаться, если вмешаюсь, ситуация станет непредсказуемой.

— А если ты сам поговоришь с ним?

Тут у меня в голове возникло совершенно кошмарное видение. Перед моим мысленным взором возник Ли, рассказывающий копам: *Идею мне подкинул один парень, его зовут Джордж Амберсон. Если бы не он, у меня никогда не возникло бы таких мыслей.*

— Не думаю, что это сработает.

— Тебе придется его убить? — тихим голосом спросила она.

Я промолчал, что вполне могло сойти за ответ.

— И ты уже знаешь, что это должно случиться?

— Да.

— Как знаешь, что Том Кейс выиграет тот поединок двадцать девятого?

— Да.

— Хотя все, кто понимает в боксе, твердят, что Тайгер должен его порвать.

Я улыбнулся.

— Ты читала спортивный раздел.

— Да, читала. — Она вытащила травинку из моего рта и сунула в свой. — Я никогда не была на боксерском поединке. Ты меня возьмешь?

— Это же не вживую. На большом телевизионном экране.

— Я знаю. Ты меня возьмешь?

9

В вечер боксерского поединка в «Даллас-аудиториум» хватало красивых женщин, но Сейди получила свою долю восхищенных взглядов. Она тщательно подготовилась к этому выходу в свет, хотя самый искусный грим мог только свести к минимуму повреждения ее лица, а не полностью их скрыть. Конечно, помогало и платье, облегающее и с низким вырезом.

Блестящей идеей стала фетровая шляпа с большими полями, которую дала ей Эллен Докерти, узнав от Сейди, что я пригласил ее на бокс. Шляпа почти полностью копировала шляпу Ингрид Бергман в последней сцене «Касабланки». Ее небрежный наклон

идеально подходил Сейди... разумеется, наклон влево, отчего треугольник густой тени падал на израненную щеку. Тень помогала лучше любой косметики. Когда она вышла из спальни, я заверил Сейди, что выглядит она великолепно. На ее лице отразилось облегчение, а игривые искорки в глазах подсказывали: она знала, что я не просто пытался поднять ей настроение.

По пути в Даллас мы попали в плотный транспортный поток, и к тому времени, когда заняли свои места, уже начался третий из пяти разогревочных боев: очень большой чернокожий боксер и превосходящий его габаритами белый медленно мутузили друг друга под крики толпы. Не один, а четыре огромных экрана висели над сверкающим паркетом, где во время баскетбольного сезона играли (плохо) «Далласские шпоры». Картинку обеспечивали расположенные за экранами проекторы, и хотя цвет передавался блекло, едва-едва, изображение получалось четким. На Сейди это произвело впечатление. На меня, если честно, тоже.

— Нервничаешь? — спросила она.

— Да.

— Пусть даже...

— Пусть даже. Ставя на выигрыш «Пиратов» в Мировых сериях в шестидесятом, я *знал*. Здесь я должен целиком полагаться на моего друга, который почерпнул эти сведения в Интернете.

— Это еще что такое?

— Научная фантастика. Как Рэй Брэдбери.

— О... ладно. — Она сунула пальцы в рот и свистнула. — *Эй, разносчик! Пива!*

Разносчик в жилетке, ковбойской шляпе и широком поясе с серебряными клепками продал нам две бутылки «Одинокой звезды» (стеклянные, не пластиковые) с надетыми на горлышко бумажными стаканчиками. Я дал ему бакс, предложив оставить сдачу себе.

Сейди взяла свою бутылку, чокнулась со словами:

— Удачи, Джейк.

— Если она понадобится, тогда мне чертовски не повезло.

Она закурила, добавив струйки дыма к тем синеватым облакам, что уже клубились у прожекторов. Я сидел справа от нее, и с этой стороны она выглядела идеально.

Похлопал ее по плечу, а когда она повернулась ко мне, поцеловал в чуть приоткрытые губы.

— Крошка, у нас всегда будет Париж*.

Она улыбнулась.

— Тот, что в Техасе?

Из толпы исторгся стон. Кулак черного боксера только что свалил белого на пол.

10

Главный поединок начинался в половине десятого. Экраны заполнили изображения участников крупным планом, и когда камеры повернулись к Тому Кейсу, мое сердце упало. Курчавые черные волосы с нитями седины. Обвисшие щеки. Вываливающийся на трусы живот. А хуже всего — недоумевающие глаза, окруженные припухлой рубцовой тканью. Он вроде бы не совсем понимал, где находится. Полторы тысячи зрителей радостно приветствовали его — Том Кейс, земляк, — но я услышал и недовольное гудение. Он сидел сгорбившись, держась перчатками за канаты, и выглядел так, будто уже проиграл. Дик Тайгер, с другой стороны, не садился, боксировал с тенью, легко подпрыгивая в черных боксерках.

Сейди наклонилась ко мне и прошептала:

— Выглядит не очень, дорогой.

Кто бы спорил. Это выглядело ужасно.

Далеко внизу (с тех мест экран наверняка казался нависающим белым утесом, на который проецировались размытые фигуры боксеров) я увидел Акиву Рота, ведущего даму в норковом палантине и черных очках а-ля Гарбо к сиденью, которое находилось бы у самого ринга, если бы его не заменял экран. Сидевший перед нами с Сейди толстячок с сигарой повернулся и спросил:

— Кто победит, красавица?

— Кейс! — храбро ответила Сейди.

Толстенький курильщик сигар рассмеялся.

— Что ж, значит, у вас доброе сердце. Хотите поставить десятку?

— Четыре к одному вас устроит? Если Кейс нокаутирует его?

---

* Знаменитая фраза из финальной сцены фильма «Касабланка».

— Если *Кейс* нокаутирует *Тайгера*? Леди, вы в деле. — Он протянул руку. Сейди ее пожала. Потом повернулась ко мне, вызывающе улыбаясь непострадавшим уголком рта.

— Смело, — прокомментировал я.

— Отнюдь, — возразила Сейди. — Тайгера уложат в пятом раунде. Я же провидица.

11

Ведущий боксерского поединка вышел на середину ринга во фраке (предварительно намазав на волосы фунт бриолина), сдернул со штатива микрофон с серебристым шнуром и голосом карнавального зазывалы объявил участников. Заиграл национальный гимн. Мужчины сняли шляпы и приложили руку к сердцу. Я почувствовал, как быстро колотится мое: минимум сто двадцать ударов в минуту. Пожалуй, больше. В зале работали кондиционеры, но пот катился по шее и уже смочил подмышки.

Девушка в купальном костюме продефилировала по рингу на высоких каблуках, подняв табличку с написанной на ней цифрой «1».

Ударил гонг. Том Кейс, подволакивая ноги, двинулся к середине ринга с написанной на лице обреченностью. Дик Тайгер шустро подскочил к нему, имитировал удар правой, и тут же последовал левый хук, который уложил Кейса на пол ровно через двенадцать секунд после начала боя. Толпы — одна здесь, вторая в «Гардене», в двух тысячах миль отсюда, — застонали от отвращения. Рука Сейди, лежавшая на моем бедре, казалось, отрастила когти, и они впились в меня.

— Скажите той десятке, что ей пора прощаться с подружками, красавица! — ликующе воскликнул толстенький курильщик сигар.

Эл, о чем ты, мать твою, думал?

Дик Тайгер вернулся в свой угол и равнодушно перекатывался с пятки на носок, пока рефери отсчитывал секунды, театрально поднимая и опуская правую руку. На счет три Кейс шевельнулся. На пять — сел. На семь — поднялся на колено. На девять встал и вскинул перчатки. Рефери сжал ладонями лицо боксера

и задал вопрос. Кейс ответил. Рефери кивнул, взмахом руки подозвал Тайгера и отошел в сторону.

Человек-Тигр, которому, видать, не терпелось приняться за обед со стейком, дожидавшийся его в «Сардис», бросился добивать соперника. Кейс и не пытался уклониться от его ударов — скорость давно оставила его, возможно, в поединке в каком-то захудалом городишке вроде Молина, штат Иллинойс, или Нью-Хейвена, Коннектикут, — но он подставлял руки... и входил в клинч. Проделывал это часто, кладя голову на плечо соперника, словно утомившийся танцор танго, и устало молотя перчатками по спине Тайгера. Толпа возмущенно гудела. Когда пробил гонг и Кейс поплелся в свой угол, опустив голову, с болтающимися руками, гудение усилилось.

— От него тошнит, красавица, — заметил толстячок.

Сейди озабоченно посмотрела на меня.

— И что ты думаешь?

— Я думаю, он продержался первый раунд. — Но в действительности я думал другое: «Хорошо бы, чтобы кто-нибудь воткнул вилку в обвисший зад Тома Кейса, потому что с ним, похоже, все кончено».

Цыпочка в купальнике от Джанзен опять прошлась по рингу, на этот раз подняв табличку с цифрой «2». Прозвучал гонг. Вновь Тайгер бил, а Кейс отражал удары. Мой парень старался держаться как можно ближе к сопернику, чтобы при первой возможности перейти в клинч, но я обратил внимание, что теперь ему удается блокировать левый хук, который уложил его на пол в первом раунде. Тайгер молотил по корпусу правой рукой, но под старческим жиром, судя по всему, хватало мышц, потому что эти удары не давали эффекта. В какой-то момент Тайгер оттолкнул Кейса и обеими руками показал: давай, мол, иди на меня. Толпа ответила радостным воем. Но Кейс лишь смотрел на него, так что Тайгеру пришлось сближаться. Кейс мгновенно вошел в клинч. Толпа застонала. Ударил гонг.

— Моя бабушка задала бы Тайгеру большую трепку, — пробурчал курильщик сигар.

— Возможно. — Сейди раскурила уже третью за поединок сигарету. — Но он все еще на ногах, верно?

— Это ненадолго, милая. Когда пройдет следующий левый хук, с Кейсом будет покончено, — парировал толстячок.

Третий раунд прошел в клинчах и топтании по рингу, но в четвертом Кейс в какой-то момент ослабил бдительность в защите, и Тайгер обрушил на его голову град ударов и справа, и слева, заставивший зрителей с ревом вскочить. Вскочила и подруга Акивы Рота. Сам мистер Рот остался на месте, но воспользовался моментом, чтобы украшенной перстнями рукой полапать зад подруги.

Кейс привалился к канатам, отбиваясь правой рукой, и один из его ударов достиг цели. Со стороны казалось, что удар слабый, но я увидел, как капли пота полетели с волос Человека-Тигра, когда тот тряхнул головой. На мгновение на его лице появилось удивленное выражение «и откуда это взялось». Потом Тайгер вновь принялся работать кулаками. Из раны над левым глазом Кейса потекла кровь. Прежде чем Тайгер сумел превратить струйку в поток, раздался гонг.

— Если вы отдадите десятку прямо сейчас, красавица, — толстенький курильщик сигар повернулся к Сейди, — вы и ваш приятель успеете уехать до того, как возникнет пробка.

— Вот что я вам скажу, — ответила Сейди. — Я даю вам шанс отказаться от пари и сохранить ваши сорок долларов.

Толстенький курильщик сигар рассмеялся.

— Красивая и юморная. Если этот дылда, с которым вы пришли, неподобающе к вам относится, поедем домой со мной.

В углу Кейса секундант лихорадочно обрабатывал его левый глаз, что-то выжимал из тюбика и размазывал кончиками пальцев. Выглядело это вещество как «Крейзи глю», хотя я полагал, что его еще не изобрели. Потом секундант шлепнул Кейса по челюсти мокрым полотенцем. Ударил гонг.

Дик Тайгер сблизился с Кейсом, молотя его правой рукой и выискивая возможность ударить левой. Кейс ушел от одного левого хука, и в первый раз Тайгер провел правой апперкот в голову. Кейс успел отпрянуть, спас челюсть, но не щеку. От удара его лицо перекосило, превратив в гримасу ужаса. Он отшатнулся. Тайгер бросился на него. Зрители вскочили на ноги, требуя крови. Мы — вместе со всеми. Сейди прижала руки ко рту.

Тайгер загнал Кейса в один из нейтральных углов и молотил его левой и правой. Я видел, что Кейс плывет. Я видел, что свет перед его глазами меркнет. Еще один левый хук — или прямой правой, — и он бы рухнул.

— *ДОБЕЙ ЕГО!* — ревел толстенький курильщик сигар. — *ДОБЕЙ ЕГО, ДИККИ! В НОКАУТ ЕГО!*

Тайгер ударил низко, ниже пояса. Вероятно, не специально, но рефери вмешался. Пока он объяснял Тайгеру, что такие удары запрещены, я наблюдал за Кейсом, чтобы посмотреть, как тот воспользуется передышкой. И углядел в его лице что-то знакомое. Это выражение я видел на лице Ли в тот день, когда он устроил Марине скандал из-за не до конца застегнутой молнии на юбке. Оно появилось после того, как Марина ответила ему, обвинив в том, что он привел ее и малышку в *свинарник*, а потом еще и покрутила пальцем у виска.

И в тот самый момент для Тома Кейса происходящее на ринге перестало быть отбыванием номера, за которое ему полагалась заранее оговоренная сумма.

Рефери отошел в сторону. Тайгер двинулся на Кейса, но на этот раз и Кейс пошел на своего соперника. Следующие двадцать секунд стали самыми возбуждающими, самыми ужасающими, которые мне пришлось пережить, сидя в зрительном зале. Эти двое стояли нос к носу и колотили друг друга по лицу, груди, плечам, животу. Ни отходов, ни уклонов, ни танца на ринге. Боксеры превратились в двух быков, сошедшихся на пастбище. Из сломанного носа Кейса хлестала кровь. Нижнюю губу Тайгера расплющило о зубы. Кровь лилась по обеим сторонам подбородка, превратив Человека-Тигра в вампира, который только что плотно пообедал.

Все зрители вскочили и орали. Сейди подпрыгивала. Шляпа свалилась, открыв изуродованную щеку. Она и не заметила. Никто не заметил. На огромных экранах бушевала третья мировая.

Кейс наклонил голову, чтобы принять один из прямых правой, и я увидел, как Тайгер скривился, когда его кулак угодил в крепкую кость. Он отступил на шаг, и в этот момент Кейс провел чудовищный апперкот. Тайгер повернул голову, избегая худшего, но его капа вылетела на пол.

Кейс наступал, нанося размашистые удары справа и слева. О красоте речь не шла, их наполняла только примитивная, злобная сила. Тайгера отбросило назад, его ноги заплелись, и он упал. Кейс стоял над ним, похоже, не зная, что делать, а может, и не соображая, где находится. Потом краем глаза заметил отчаянно машущего руками секунданта и поплелся в свой угол. Рефери уже считал.

На четыре Тайгер поднялся на колено. На шесть — встал. После обязательных десяти бой возобновился. Я посмотрел на большие часы в углу экрана. До конца раунда оставалось пятнадцать секунд.

Недостаточно, времени недостаточно.

Кейс пошел на Тайгера. Тот попытался провести левый хук. Кейс отклонился в сторону и, когда перчатка пролетала мимо его головы, выбросил вперед правую руку. На этот раз лицо перекосило у Дика Тайгера, и, упав, он уже не поднялся.

Толстячок посмотрел на размочаленный огрызок сигары, швырнул его на пол.

— Иисус прослезился!

— Да! — выкрикнула Сейди, водрузив шляпу на положенное место, естественно, чуть набекрень. — Над оладьями с черникой, и ученики сказали, что таких вкусных они никогда не ели! А теперь платите!

12

К тому времени, когда мы добрались до Джоди, двадцать девятое августа перешло в тридцатое, но мы так переволновались, что спать совершенно не хотелось. Мы занялись любовью, потом пошли на кухню в нижнем белье и принялись за пирог.

— Ну? — спросил я. — Что думаешь?

— Что больше не пойду на боксерский поединок. Это же кровожадность в чистом виде. И я вскочила на ноги, орала вместе со всеми. Несколько секунд... может, целую минуту... я хотела, чтобы Кейс убил этого самовлюбленного пляшущего денди. А потом мне не терпелось вернуться и запрыгнуть с тобой в постель. Какая там любовь, Джейк. Это огненная страсть.

Я промолчал. Иногда сказать просто нечего.

Она наклонилась над столом, сняла крошку с моего подбородка, бросила мне в рот.

— Скажи мне, что это не ненависть.

— Ты о чем?

— О причине, по которой ты считаешь необходимым самолично остановить этого человека. — Она увидела, что я открываю рот, и протянула руку, показывая, что не закончила. — Я слыша-

ла все, что ты говорил, все твои доводы, но ты должен сказать мне, что дело именно в доводах, а не в том, что я увидела в глазах этого Кейса, когда Тайгер ударил его ниже пояса. Я смогу любить тебя, если ты человек, и я смогу любить тебя, если ты герой, хотя по какой-то причине это труднее, но не думаю, что я смогу любить линчевателя.

Я подумал о том, как Ли смотрел на свою жену, когда не злился на нее. Я подумал о подслушанном разговоре, когда он и малышка плескались в ванной. Я подумал о его слезах на автовокзале, когда он держал Джун на руках и щекотал под подбородком, прежде чем сесть в автобус.

— Это не ненависть, — ответил я. — Что я чувствую по отношению к нему...

Я замолчал. Она не отрывала от меня глаз.

— Сожаление о загубленной жизни. Но человек испытывает сожаление, когда хорошая собака подхватывает чумку. И это не останавливает его, поскольку он знает, что ее надо убить.

Она заглянула мне в глаза.

— Я хочу тебя снова. Но теперь ради любви. Не потому, что мы видели, как двое мужчин били друг другу морды и наш парень победил.

— Ладно, — кивнул я. — Ладно. Это хорошо.

И получилось хорошо.

13

— Посмотрите, кто идет! — воскликнула дочь Фрэнка Фрати, когда я вошел в ломбард в пятницу около полудня. — Наш боксерский свами с новоанглийским выговором. — Она одарила меня сверкающей улыбкой, обернулась и крикнула: — *Па-па!* Твой человек, который ставил на Тома Кейса!

Фрати вышел, шаркая ногами.

— Добрый день, мистер Амберсон. Явился не запылился, и красив, как Сатана в субботний вечер. Готов спорить, вы прекрасно себя чувствуете в этот чудесный день. Глаза горят и хвост трубой, верно?

— Конечно, — ответил я. — Почему нет? Мне повезло.

— Вам повезло за мой счет. — Он вытащил из заднего кармана мешковатых габардиновых брюк конверт из плотной корич-

невой бумаги, чуть больше стандартного. — Две штуки. Можете пересчитать.

— Незачем, — ответил я. — Я вам верю.

Он уже собрался протянуть мне конверт, однако согнул руку и постучал им по подбородку. Его синие глаза, выцветшие, но проницательные, прошлись по мне.

— Ни на что не хотите поставить? Футбольный сезон подбирается к финишу, как и Серии.

— В футболе я ничего не понимаю, а исход Серий «Доджерс»— «Янкиз» меня не интересует. Давайте конверт.

Он отдал.

— Приятно вести с вами дела. — Я улыбнулся и вышел. Чувствовал, что их взгляды следуют за мной, и испытал крайне неприятное ощущение дежа-вю. Сел в автомобиль, надеясь, что никогда больше не попаду в эту часть Форт-Уорта. Или на Гринвилл-авеню в Далласе. И никогда не поставлю деньги у букмекера с фамилией Фрати.

Можно сказать, загадал три желания, и все они исполнились.

14

Моим следующим пунктом назначения стал дом 214 по Западной Нили-стрит. Я уже позвонил арендодателю и сказал, что август — мой последний месяц. Он попытался меня отговорить, объяснял, что таких хороших арендаторов найти трудно. Наверное, говорил правду — полиция никогда не приезжала по мою душу, хотя появлялась здесь часто, особенно по выходным, — но я подозревал, что причина в другом: слишком много квартир и недостаточно съемщиков. Даллас переживал очередной экономический спад.

По пути я остановился в «Первом зерновом» и добавил на свой банковский счет две тысячи долларов, полученные у Фрати. В этом мне повезло. Позже — гораздо позже — я осознал, что лишился бы их, если бы приехал с ними на Нили-стрит.

Я собирался обойти все четыре комнаты, чтобы посмотреть, не оставил ли какие-то вещи, особенно под диванными подушками, под кроватью и в глубине ящиков комода. И разумеется,

хотел забрать «полис спешл». Он мне требовался, чтобы разобраться с Ли. Теперь я уже твердо решил убить Освальда, по возможности сразу же после его возвращения в Даллас. А пока я не хотел, чтобы в квартире остались хоть какие-то следы пребывания Джорджа Амберсона.

Но по мере приближения к Нили-стрит усиливалось ощущение, что я во временной эхо-камере. Я постоянно думал о двух Фрати, одном — с женой Марджори, другом — с дочерью Вандой.

М а р д ж о р и. Если по-простому, хотите сделать ставку?

В а н д а. Так называется ставка, когда она лежит дома, задрав ноги?

М а р д ж о р и. Я Джей Эдгар Гувер, сынок.

В а н д а. Да, я Карри, начальник далласской полиции.

И что с того? Повторение, ничего больше. Гармония. Побочный эффект путешествия во времени.

Тем не менее колокольчики тревоги зазвонили где-то в глубинах головы, а как только я свернул на Нили-стрит, звон этот переместился под лоб. История повторяется, прошлое стремится к гармонии, вот что все это значило... но не только. Когда я свернул на подъездную дорожку к дому, в котором Ли придумал неудавшийся план убийства Эдвина Уокера, я действительно прислушался к этому колоколу тревоги. Потому что теперь его звон уже оглушал.

Акива Рот присутствовал на боксерском поединке не один. Его сопровождала дама в больших черных очках а-ля Гарбо и норковом палантине. Август в Далласе жаркий, но зрительный зал кондиционировался, и — как говорят в мое время — иногда хочется выпендриться.

Уберем черные очки. Уберем палантин. И что мы получим?

Несколько мгновений я сидел за рулем, прислушиваясь к потрескиванию и бульканью остывающего двигателя, но ответа не находил. Потом до меня дошло: если заменить норковый палантин на полосатую блузку, то получим мы Ванду Фрати.

Чез Фрати заложил меня Биллу Теркотту. Мысль эта уже мелькала у меня в голове... но я ее отогнал. И напрасно.

И кому заложил меня Фрэнк Фрати из Форт-Уорта? Что ж, он не мог не знать Акиву Рота из «Честного платежа». Рот, в конце концов, был бойфрендом его дочери.

Внезапно мне понадобился мой револьвер, и понадобился срочно. Я выскочил из «шеви» и взбежал на крыльцо с ключами в руке. Перебирал их, когда с Хайнс-авеню на Нили-стрит вылетел автофургон и в скрипе тормозов остановился у дома 214, въехав левыми колесами на тротуар.

Я огляделся. Никого. Пустынная улица. Ни одного прохожего, к которому можно обратиться за помощью. Не говоря уже о копе.

Я сунул нужный ключ в замочную скважину, думая, что запру дверь перед их носом — кем бы они ни были — и позвоню копам. Уже переступил порог, оказавшись в горячем, спертом воздухе квартиры, где никто не живет, когда вспомнил, что телефона нет.

Здоровенные парни бежали по лужайке. Трое. Один — с коротким обрезком трубы, во что-то завернутым.

Нет, незваных гостей хватало на партию в бридж. Четвертый, Акива Рот, не бежал, а ровным шагом пересекал лужайку, сунув руки в карманы, безмятежно улыбаясь.

Я захлопнул дверь, задвинул засов. Дверь тут же вышибли. Я метнулся в спальню. Пробежал где-то полпути.

15

Двое громил Рота затащили меня на кухню. Третий держал в руке обрезок трубы, обмотанный полосками темного войлока. Я увидел, как он демонстративно положил трубу на стол, за которым я столько раз ел. И надел желтые перчатки из сыромятной кожи.

Рот привалился к дверному косяку, по-прежнему безмятежно улыбаясь.

— Эдуардо Гутиеррес болен сифилисом, — сообщил он. — Болезнь уже повредила мозг. Он умрет через восемнадцать месяцев, но знаешь что? Его это не тревожит. Он верит, что вернется арабским эмиром или еще каким-то дерьмом. Как тебе это?

Реагировать на non sequiturs* — на коктейльных вечеринках, в общественном транспорте, в очереди в кассу кинотеатра — достаточно рискованно, и уж действительно трудно найти правиль-

* Вывод, не соответствующий посылкам (*лат.*).

ный ответ, когда двое держат тебя, а третий собирается избивать. Так что я промолчал.

— Дело в том, что он не может тебя забыть. Ты выигрывал ставки, по которым выиграть не мог. Иногда ты проигрывал, но Эдди Гу вбил себе в голову безумную идею, будто, проигрывая, ты проигрывал специально. Понимаешь? Потом ты сорвал большой куш на Дерби, и он решил, что ты... ну, не знаю... какой-то телепат, который может видеть будущее. Ты знаешь, что он сжег твой дом?.

Я промолчал.

— Потом, когда эти маленькие червячки действительно начали выгрызать ему мозг, он начал думать, что ты призрак или дьявол. Он оповестил весь Юг, Запад и Средний Запад: «Найдите этого Амберсона, поймайте его, убейте. Это не человек. Я почувствовал это в нем, но не обратил внимания. А теперь посмотрите на меня, больного и умирающего. И виноват в этом тот парень. Он призрак, или дьявол, или что-то такое». Безумие, правда? Съехавшая крыша.

Я промолчал.

— Кармо, я думаю, мой друг Джорджи не слушает. Я думаю, он засыпает. Разбуди его.

Парень в желтых перчатках из сыромятной кожи повторил апперкот Тома Кейса, от своего бедра к моей левой щеке. Голова взорвалась болью, и какое-то время я все видел сквозь алый туман.

— Что ж, теперь ты, похоже, проснулся, — кивнул Рот. — Так на чем я остановился? Ах да. На том, что ты превратился в личного монстра Эдди Гу. Из-за сифилиса, мы все это знали. Не будь тебя, он ополчился бы на какого-нибудь парикмахера. Или на девушку, которая слишком резко дрочила ему в автокино, когда Эдди только-только исполнилось шестнадцать. Иногда он не может вспомнить своего адреса, и ему приходится кому-то звонить, чтобы тот приехал и отвез его домой. Печально, правда? Это все червячки в голове. Но люди относятся к этому с юмором, потому что Эдди всегда был хорошим парнем. Мог рассказать анекдот, над которым ты смеялся до колик. Никто не думал, что ты настоящий. А потом монстр Эдди Гу объявляется в Далласе в моей конторе. Монстр ставит на то, что «Янкиз» побьют «Пиратов», хотя все знают, что такого просто не может

быть, и в семи играх, хотя всем известно, что Серии столько не продлятся.

— Это всего лишь везение. — Мой голос звучал глухо, потому что половина рта распухла. — Импульсивная ставка.

— Это всего лишь глупость, а за глупость всегда надо платить. Кармо, врежь по колену этому сукину сыну.

— Нет! — крикнул я. — Пожалуйста, не делайте этого!

Кармо улыбнулся, будто я сказал что-то смешное, взял со стола обмотанную войлоком трубу и врезал мне по левому колену. Что-то хрустнуло, как большая костяшка пальца. Ногу пронзила жуткая боль. Я прикусил губу, чтобы подавить крик, и обвис на руках тех, кто держал меня. Они тут же меня приподняли.

Рот по-прежнему стоял в дверях, сунув руки в карманы, безмятежно улыбаясь.

— Ладно. Круто. Колено у тебя распухнет, между прочим. Ты не поверишь, как сильно оно распухнет. Но, черт, ты это купил, ты за это заплатил, так что теперь это твое. Это факты, мэм, ничего, кроме фактов.

Державшие меня громилы заржали.

— А факты таковы. Ни один человек, одетый, как ты в тот день, не приходит в мою контору, чтобы поставить такие деньги. Для одетого, как ты, импульсивная ставка — десять долларов, максимум двадцатка. Но «Пираты» выиграли, и это тоже факт. Тогда я начал думать, что Эдди Гу, возможно, прав. Что ты не призрак, и не дьявол, и не экстрасенс, ничего такого, но, возможно, ты знаешь того, кто что-то знает? Скажем, кто-то с кем-то сговорился, и «Пиратам» полагалось выиграть в Серии из семи игр.

— Никто ни о чем не договаривается в бейсболе, Рот. После той истории с «Блэк сокс» в тысяча девятьсот девятнадцатом году*. Ты букмекер и должен это знать.

Он вскинул брови.

— Ты знаешь мою фамилию? Эй, может, ты действительно экстрасенс. Но я не могу торчать здесь целый день.

Он посмотрел на часы, как бы подтверждая свои слова. Большие и тяжелые, вероятно, «Ролекс».

---

* В Мировых сериях 1919 г. 8 игроков чикагской команды «Уайт сокс» обеспечили победу «Индейцам Цинциннати». Всех дисквалифицировали пожизненно. Скандал получил название «Блэк сокс».

— Я пытался посмотреть, где ты живешь, когда ты пришел за деньгами, но ты закрыл адрес большим пальцем. Это нормально. Многие так делают. Я решил, что дам тебе уйти. Может, мне следовало послать за тобой парней, чтобы они избили тебя, даже прикончили, и взбудораженный разум Эдди Гу — или то, что от него осталось, — успокоился? Только потому, что какой-то парень рискнул и оставил меня без двенадцати сотен? На хрен, то, чего Эдди не знает, ему не повредит. А кроме того, если бы тебя убрали, он бы придумал что-нибудь еще. Скажем, что Генри Форд — антихрист или что-то в этом роде. Кармо, он опять не слушает, и меня это *выводит из себя*.

Кармо ударил меня трубой пониже ребер, чуть не разрубив пополам. Сначала я почувствовал боль, зубами рвущую внутренности, а потом ее поглотила расходящаяся волна жара, будто в животе вспыхнул огненный шар.

— Больно, да? — спросил Кармо. — Чтоб слушал.

— Я думаю, ты мне что-то разорвал, — ответил я. Услышал какие-то хрипящие звуки и не сразу понял, что сам издаю их.

— Я надеюсь, что, блин, разорвал, — кивнул Рот. — Я дал тебе уйти, козел. Я, блин, дал тебе уйти! Я *забыл* про тебя! А потом ты появляешься у Фрэнка, чтобы поставить на этот чертов бой Кейс — Тайгер. Тот же самый эм-о*: большая ставка на очевидного аутсайдера и максимальный коэффициент, какой ты только можешь получить. На этот раз ты предсказал и *гребаный раунд*. И вот что здесь сейчас произойдет, друг мой: ты расскажешь мне, откуда ты все знаешь. Если ты это сделаешь, я сфотографирую тебя, какой ты теперь, и Эдди Гу будет доволен. Ему известно, что мертвым он тебя не получит, потому что Карлос сказал «нет», а Карлос — единственный, кого он слушается, даже теперь. Но если он увидит, что тебе досталось... Ох, но тебе еще не досталось в полной мере. Добавь ему, Кармо. Разукрась лицо.

И Кармо молотил меня по лицу, а двое других держали. Он сломал мне нос, выбил несколько зубов, порвал левую щеку, один мой глаз полностью заплыл. В голове вертелась мысль: *Я отключусь, или они меня убьют, но в любом случае боль уйдет.* Но я не отключился, и в какой-то момент Кармо перестал меня бить. Он тяжело дышал, а на желтых перчатках из сыромятной кожи крас-

* Modus operandi (способ действия) (*лат.*).

нели пятна. Солнечный свет вливался в окна, разрисовывая выцветший линолеум веселенькими полосками.

— Так лучше, — кивнул Рот. — Принеси из кабины «Полароид», Кармо. И поторопись. Я хочу побыстрее с этим покончить.

Прежде чем уйти, Кармо стянул с рук перчатки и положил на стол рядом со свинцовой трубой. Некоторые полоски войлока отлепились. Пропитанные кровью. Мое лицо пульсировало болью, но меня больше тревожил живот. Горячий шар продолжал расширяться. Там случилось что-то очень плохое.

— Еще раз, Амберсон. Как ты узнал о пятом раунде? Кто тебе сказал? Говори правду.

— Это всего лишь догадка. — Я старался убедить себя, что говорю как человек с сильной простудой, но не получилось. Судя по голосу, я говорил как человек, избитый до полусмерти.

Рот взял обрезок трубы, постучал по пухлой ладони.

— Кто тебе сказал, гондон?

— Никто. Гутиеррес прав. Я дьявол, а дьяволам известно будущее.

— Ты испытываешь мое терпение.

— Ванда слишком высокая для тебя, Рот. И слишком костлявая. На ней ты, наверное, выглядишь жабой, пытающейся трахнуть бревно. А может...

Спокойствие, написанное на его лице, сменилось яростью. Полная трансформация не заняла и мгновения. Он взмахнул трубой, чтобы обрушить ее мне на голову. Я поднял левую руку и услышал треск, словно березовая ветвь сломалась под тяжестью снега. На этот раз, когда я повис на руках громил, они позволили мне свалиться на пол.

— Гребаный остряк, как я ненавижу гребаных остряков. — Слова эти донеслись с большого расстояния. Или с большой высоты. Или их источник находился далеко-далеко и на большой высоте. Я наконец-то начал отключаться, и меня это радовало. Но я все-таки увидел Кармо, который принес «Полароид». Большой и громоздкий, с выдвигающимся объективом.

— Поверните его, — распорядился Рот. — Сфотографируем с хорошей стороны. — Громилы подчинились, и Кармо протянул Роту «Полароид», а тот отдал Кармо обрезок трубы. Потом Рот поднял фотоаппарат к лицу.

— Сейчас вылетит птичка, гребаный козел. Это для Эдди...

Вспышка.

— ...это для моей личной коллекции, которую я и не думал собирать, но теперь могу и начать...

Вспышка.

— ...а это тебе. Чтобы помнил, что должен отвечать, когда серьезные люди задают вопросы.

Вспышка.

Он выдернул третий снимок из «Полароида» и бросил в мою сторону. Снимок приземлился рядом с моей левой кистью... на которую Рот тут же и наступил. Хрустнули кости. Я заверещал и подтянул руку к груди. Он сломал мне как минимум один палец, может, и три.

— Помни, что его надо убрать в темноту не позже чем через шестьдесят секунд, а не то все засветится. Если будешь в сознании.

— Ты хочешь еще раз спросить его, откуда он все узнал? — полюбопытствовал Кармо.

— Ты что, шутишь? Посмотри на него. Он уже не знает своего имени. Пошел он. — Рот уже начал поворачиваться, чтобы уйти, но остановился, шагнул ко мне. — Эй, говнюк. Это тебе на посошок.

И пнул меня в голову, как мне показалось, обитым металлом мыском. Перед глазами вспыхнули звезды. Я ударился затылком о плинтус и провалился в темноту.

16

Думаю, без сознания я пролежал недолго, потому что полоски солнечного света на линолеуме вроде бы не сдвинулись. Во рту чувствовался привкус мокрой меди. Я выплюнул на пол наполовину свернувшуюся кровь вместе с куском зуба и начал подниматься. Пришлось схватиться здоровой рукой за один из кухонных стульев, потом за стол (который едва не свалился на меня), но в целом получилось легче, чем я ожидал. Моя левая нога онемела, штанина обтягивала распухшее, как мне и обещали, колено, но я думал, что все будет гораздо хуже.

Я выглянул в окно, чтобы убедиться, что автофургон уехал, потом начал медленное, прихрамывающее путешествие в спаль-

ню. Сердце сотрясало грудь сильными мягкими ударами. Каждый отдавался болью в сломанном носу и заставлял вибрировать левую часть лица, похоже, со сломанной скулой. Боль отдавалась и в затылке. Шея затекла.

Могло быть хуже, говорил я себе, тащась в спальню. *Ты же на ногах, так? Просто возьми этот чертов револьвер, положи в бардачок, а потом довези себя до больницы. По большому счету ты в порядке. Возможно, в лучшем состоянии, чем Дик Тайгер этим утром.*

Я продолжал говорить это себе, пока не поднял руку к верхней полке. Когда я это сделал, что-то натянулось у меня в животе... а потом вроде бы покатилось. Горячая зона слева вдруг вспыхнула, словно на тлеющие угли плеснули бензина. Я нащупал кончиками пальцев рукоятку револьвера, подцепил большим пальцем предохранительную скобу, сдернул револьвер с полки. Он упал на пол и отскочил в спальню.

Наверное, не заряжен. Я наклонился, чтобы поднять револьвер. Левое колено взвыло и подломилось. Я повалился на пол, и боль в животе резко усилилась. Тем не менее я добрался до револьвера, откинул цилиндр. Все-таки заряжен. Полностью. Я положил револьвер в карман и попытался вернуться на кухню, но колено слишком болело. И голова не унималась, выбрасывая черные щупальца из эпицентра, расположенного где-то в затылке.

На животе, подгребая руками и отталкиваясь правой ногой, я дополз до кровати. Там мне вновь удалось встать, используя правые руку и ногу. Левая держала меня, но колено теряло подвижность. Мне следовало выметаться отсюда, и побыстрее.

Наверное, я выглядел как Честер, помощник шерифа в «Дымке из ствола», когда выбирался из спальни, пересекал кухню и выходил из парадной двери, распахнутой, с торчащими щепками вокруг вышибленного замка. В голове вертелась фраза из сериала: *Мистер Диллон, мистер Диллон, в «Лонгбранче» какая-то заварушка!*

Я миновал крыльцо, схватился за перила правой рукой, кое-как бочком спустился по лестнице. Всего-то четыре ступеньки, но головная боль усиливалась с каждым шагом. Я терял боковое зрение, а это не сулило ничего хорошего. Попытался повернуть голову, чтобы увидеть свой «шевроле», но шея не шла на сотруд-

ничество. В конце концов мне удалось развернуться всем телом, однако, увидев автомобиль, я осознал, что сесть за руль у меня не получится. Даже не получится открыть дверь со стороны пассажирского сиденья и положить револьвер в бардачок: если согнусь, боль и жар в боку вспыхнут с новой силой.

Я достал револьвер из кармана и вернулся к крыльцу. Чуть наклонился и бросил револьвер под ступени. Там ему предстояло дожидаться меня. Затем снова выпрямился и медленно двинулся к тротуару. *Детскими шажками,* сказал я себе. *Маленькими детскими шажками.*

Ко мне приближались двое мальчишек на велосипедах. Я пытался сказать им, что мне нужна помощь, но из распухшего рта вырвался только сухой хрип. Они переглянулись, потом налегли на педали и объехали меня по широкой дуге.

Я повернул направо (распухшее левое колено предостерегало, что поворачивать налево — наихудший вариант из всех возможных) и поплелся по тротуару. Поле зрения продолжало сужаться. Теперь я смотрел на мир сквозь ружейный ствол или из жерла тоннеля. На мгновение подумал об упавшей дымовой трубе на металлургическом заводе Китчнера в Дерри.

Доберись до Хайнс-авеню, говорил я себе. *По Хайнс-авеню ездят автомобили. Ты должен до нее добраться.*

Но шел ли я к Хайнс или от Хайнс? Я не помнил. Видимый мир сжался до круга десять дюймов в диаметре. Голова раскалывалась, в животе бушевал лесной пожар. Падал я будто в замедленной съемке, а тротуар показался мне мягким, как пуховая подушка.

Прежде чем я потерял сознание, что-то уперлось в меня, твердое и металлическое. Хриплый голос с высоты десяти миль спросил:

— Эй, эй, парень? Что с тобой?

Я повернулся. На это ушли все оставшиеся у меня силы, но я справился. Надо мной возвышалась старушка, которая обозвала меня трусом, когда я отказался вмешаться в разборку Ли и Марины в «День молнии». Должно быть, в тот день, потому что, не обращая внимания на августовскую жару, она вышла из дома все в той же розовой фланелевой ночной рубашке и стеганом жакете. И — возможно, потому, что бокс не выходил из той части моего мозга, которая продолжала соображать, — ее торчащие во

все стороны волосы напомнили мне о Доне Кинге, а не об Эльзе Ланчестер. Она тыкала в меня одной из передних ножек ходунков.

— Господибожемой. Кто так тебя избил?

История выходила длинной, и я не успевал ее рассказать. Темнота наползала, но я этому только радовался, потому что боль в голове убивала. *Эл заполучил рак легких,* подумал я. *Я заполучил Акиву Рота. В любом случае игра окончена. Оззи выигрывает.*

Нет, если я все-таки смогу ему помешать.

Собрав все силы, я обратился к зависшему надо мной лицу, последнему светлому пятну в сжимающейся тьме.

— Позвоните... девять один один.

— Это куда?

Разумеется, она не знала. Девять один один еще не изобрели. Я продержался достаточно долго, чтобы предпринять еще одну попытку.

— Вызовите «скорую».

Думаю, я повторил эти слова, но не уверен. Именно тогда темнота и поглотила меня.

17

С тех пор я задаюсь вопросом, кто угнал мой автомобиль. Подростки или громилы Рота? И когда это произошло? В любом случае воры не выпотрошили его и не разбили. Неделей позже Дек Симмонс забрал мой «шевроле» со стоянки управления полиции Далласа, куда свозили числящиеся в угоне автомобили. Он находился в куда лучшем состоянии, чем я.

В путешествиях во времени иронии хватает.

Глава 26

Следующие одиннадцать недель я вновь жил двумя жизнями. Одной, о которой я мало что знал — внешней, — и другой, которую знал очень хорошо. Я о внутренней жизни, в которой часто грезил о Желтой Карточке.

Во внешней жизни женщина с ходунками (Альберта Хитчисон; Сейди потом нашла ее и подарила букет) стояла надо мной на тротуаре и орала, пока не появился сосед, который оценил ситуацию и вызвал «скорую». Та отвезла меня в «Паркленд», где мною занялся доктор Малькольм Перри, к которому потом поступят и Джон Ф. Кеннеди, и Ли Харви Освальд, но уже на грани смерти. Со мной ему повезло больше, хотя и мне до этой грани оставалось не много.

Он зафиксировал у меня выбитые зубы, сломанный нос, сломанную скуловую кость, раздробленное левое колено, сломанную левую руку, выбитые пальцы и повреждения внутренних органов. Плюс сотрясение мозга, которое встревожило Перри больше всего.

Мне рассказали, что я пришел в себя и заорал диким голосом при пальпации живота, но я этого не помню. Мне вставили катетер, и из меня мгновенно полился, по терминологии комментаторов боксерских поединков, «кларет». Поначалу жизненно важные показатели моего состояния оставались стабильными, но потом начали ухудшаться. У меня взяли анализ крови, определили группу и перелили мне четыре порции цельной крови... которые, как потом рассказала Сейди, жители Джоди вернули сторицей на передвижном пункте сдачи крови, приехавшем в город в конце сентября. Ей пришлось говорить мне об этом несколько раз, потому что я продолжал забывать. При подготовке к полостной операции меня осмотрел консультант-невролог, и мне сделали пункцию спинного мозга: в Стране прошлого не существовало ни компьютерной томографии, ни магнитно-резонансного обследования.

Мне также рассказали, что я разговаривал с двумя медсестрами, которые переливали кровь. Сообщил им, что моя жена алкоголичка. Одна ответила, что это плóхо, и спросила, как ее зовут. Я сказал, что она рыбка по имени Ванда*, и весело рассмеялся. Потом вновь потерял сознание.

Мне разорвало селезенку. Ее удалили.

Пока я пребывал в отключке, а моя селезенка держала путь в те края, куда отправляются уже бесполезные органы, не относящиеся к категории жизненно важных, меня передали ортопедам.

* «Рыбка по имени Ванда» — название фильма, вышедшего на экраны в 1988 г.

На сломанную руку наложили лонгету, а сломанную ногу заковали в гипс. За последующие недели на нем расписались многие. Иногда я знал их имена, по большей части — нет.

Мне постоянно давали успокоительное, голову держали в фиксированном положении, кровать расположили под наклоном ровно в тридцать градусов. Фенобарбитал мне прописали не потому, что я находился в сознании (хотя, по словам Сейди, иногда я что-то бормотал). Врачи опасались, что я могу нечаянно повернуться и причинить себе еще больший вред. Если на то пошло, Перри и другие врачи (Эллертон приходил регулярно, чтобы справиться о моем самочувствии) относились к моей разбитой голове как к неразорвавшейся бомбе.

Я до сих пор не знаю, что такое гематокрит и гемоглобин, но мои начали приходить в норму, и это всех радовало. Через три дня мне вновь сделали пункцию спинного мозга. Она показала признаки старой крови, а когда речь идет о пункциях спинного мозга, старое лучше нового. Из этого следовало, что я перенес серьезную черепно-мозговую травму, но пока можно воздержаться от трепанации черепа, рискованной процедуры, с учетом того, что моему телу приходилось сражаться на столь многих фронтах.

Однако прошлое упрямо и защищает себя от возможных изменений. Через пять дней после поступления в больницу кожа вокруг разреза, сделанного для удаления селезенки, покраснела и стала теплой. На следующий день разрез вскрылся, и у меня подскочила температура. Мое состояние, которое после второй пункции называли уже не критическим, а только серьезным, вновь стало критическим. Согласно записи в моей медицинской карте, доктор Перри вновь прописал мне успокоительное, чтобы я по большей части лежал трупом.

Седьмого сентября я на короткое время пришел в себя. Или мне так сказали. Женщина, красивая, если не считать шрама на лице, и пожилой мужчина с ковбойской шляпой на коленях сидели у моей кровати.

— Ты знаешь свое имя? — спросила женщина.

— Паддентарю, — ответил я. — Спросите еще раз, и я повторю.

Мистер Джейк Джордж Паддентарю Эппинг-Амберсон провел в «Паркленде» семь недель, прежде чем его перевели в реаби-

литационный центр, небольшой комплекс для людей, восстанавливающих здоровье после длительного пребывания в больнице. В эти недели мне постоянно вводили внутривенно антибиотики, чтобы справиться с инфекцией, свившей гнездо в том месте, где раньше находилась селезенка. Лонгет на сломанной руке заменили длинным гипсом, и на нем тоже расписывались люди, фамилий которых я не знал. Перед самым переводом в «Эден-Фоллоус», реабилитационный центр, длинный гипс уступил место короткому. Примерно в это же время физиотерапевт принялся мучить мое колено, чтобы вернуть ему некое подобие подвижности. Мне рассказывали, что я много кричал, но я не помню.

Малькольм Перри и персонал «Паркленда» спасли мне жизнь. Я в этом не сомневаюсь. От них я также получил непреднамеренный и нежеланный подарок, который оставался при мне и в «Эден-Фоллоус». Я говорю о вторичной инфекции, вызванной антибиотиками, которые накачивали в мой организм, чтобы побороть первичную. Я смутно помню, как меня рвало и как я проводил целые дни с судном под задницей. Помнится, в какой-то момент подумал: *Я должен пойти в «Аптечный магазин на Центральной», который в Дерри, и повидаться с мистером Кином. Мне нужен каопектат. Но кто такой мистер Кин и где Дерри?*

Меня отпустили из больницы, когда пища начала задерживаться в желудочно-кишечном тракте, но я пробыл в «Эден-Фоллоус» почти две недели, прежде чем диарея прекратилась. Октябрь уже подходил к концу. Сейди (обычно я помнил ее имя, иногда забывал) принесла мне бумажный фонарь в форме тыквы с прорезанными отверстиями в виде глаз, носа и рта. Это воспоминание очень четкое, потому что я закричал, когда увидел фонарь. То были крики человека, который забыл что-то жизненно важное.

— Что? — спросила она меня. — Что такое, дорогой? Что не так? Это Кеннеди? Что-то насчет Кеннеди?

— *Он собирается убить их всех молотком!* — прокричал я в ответ. — *Вечером Хэллоуина! Я должен остановить его!*

— Кто? — Она видела мои машущие руки, на ее лице отразился испуг. — Остановить кого?

Но я не мог вспомнить. Заснул. Я спал много не только из-за медленного восстановления после травмы головы. Я постоянно чувствовал усталость. В тот день, когда меня избили, я весил сто

восемьдесят пять фунтов. К тому времени, когда меня перевезли из больницы в «Эден-Фоллоус», похудел до ста тридцати пяти.

Такой была внешняя жизнь Джейка Эппинга, которого безжалостно избили, после чего он едва не умер в больнице. Мою внутреннюю жизнь заполняла темнота, голоса и проблески сознания, напоминавшие молнии: они ослепляли меня своей яркостью, а потом пропадали, прежде чем я успевал выхватить из темноты хотя бы контуры окрестностей. По большей части я блуждал во тьме, ничего не соображая, но время от времени сознание возвращалось ко мне.

Я вдруг обнаруживал, что мне так жарко, словно я в аду, и женщина кормила меня божественно холодными кусочками льда. ЖЕНЩИНА СО ШРАМОМ, которая иногда становилась Сейди.

Я вдруг обнаруживал, что сижу на унитазе в углу комнаты, понятия не имея, как я туда попал, исторгая из себя галлоны жидкого, горячего дерьма, мой бок зудел и пульсировал болью, колено ревело. Я помню, как мне хотелось, чтобы кто-нибудь меня убил.

Я вдруг обнаруживал, что пытаюсь выбраться из кровати, потому что должен сделать что-то ужасно важное. Мне казалось, что от меня зависит судьба всего мира. МУЖЧИНА С КОВБОЙСКОЙ ШЛЯПОЙ был рядом. Поймал меня и помог улечься в кровать до того, как я упал на пол. «Еще рано, сынок, — услышал я от него. — Сначала надо набраться сил».

Я вдруг обнаруживал, что говорю — или пытаюсь говорить — с двумя полицейскими в форме, которые пришли, чтобы задать вопросы по поводу моего избиения. На жетоне одного я прочитал фамилию «ТИППИТ». Пытался сказать ему, что он в опасности. Пытался сказать, чтобы он запомнил пятое ноября. Месяц был правильный, день — нет. Я не мог вспомнить правильную дату и в раздражении принялся колотить по своей глупой голове. Копы в недоумении переглянулись. НЕ-ТИППИТ вызвал медсестру. Медсестра пришла с врачом, врач сделал мне укол, и я уплыл в небытие.

Я вдруг обнаруживал, что слушаю Сейди, которая читала мне сначала «Джуда Незаметного», потом «Тесс из рода д'Эбервиллей». Я знал эти истории и успокаивался, когда слушал их вновь. В какой-то момент, по ходу «Тесс», я что-то вспомнил.

— Я вынудил Тессику Колтроп оставить нас в покое.

Сейди посмотрела на меня.

— Ты про Джессику? Джессику Колтроп? Ты ее вынудил? Как? Ты помнишь?

Но я не помнил. И это ушло.

Я вдруг обнаруживал, что смотрю на Сейди, которая стоит у маленького окна и плачет, глядя на дождь.

Но по большей части я блуждал в темноте.

МУЖЧИНОЙ С КОВБОЙСКОЙ ШЛЯПОЙ был Дек, но однажды я подумал, что он — мой дедушка, и меня это жутко напугало, потому что дед Эппинг умер и...

Эппинг — *это же* моя фамилия. *Держись за нее,* велел я себе, но поначалу не вышло.

Несколько раз меня навещала ПОЖИЛАЯ ЖЕНЩИНА С КРАСНОЙ ПОМАДОЙ. Иногда я думал, что это миз Мими, иногда — что миз Элли. Однажды понял, что это Ирен Райан, сыгравшая бабулю Клампетт в сериале «Деревенщина в Беверли-Хиллз». Я сказал ей, что бросил мобильник в пруд. «Теперь он спит с рыбами. Мне бы очень хотелось его вернуть».

Приходила МОЛОДАЯ ПАРА. Сейди сказала: «Посмотри, это Майк и Бобби Джил».

«Майк Коулслоу», — вырвалось у меня.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК ответил: «Почти в точку, мистер А», — и улыбнулся, но по его щеке сбежала слеза.

Позже, когда Сейди и Дек приезжали в «Эден-Фоллоус», они сидели со мной на диване. Сейди брала меня за руку и спрашивала:

— Как его фамилия, Джейк? Ты ни разу не назвал мне его фамилию. Как мы сможем остановить его, если мы не знаем, кто он и где находится?

— Я собираюсь остеклить его. — Я прилагал невероятные усилия, чтобы вспомнить. Заболел затылок, но я не отступался. — Остановить его.

— Без нашей помощи ты не сможешь остановить и блоху, — заметил Дек.

Но я знал, что Сейди слишком милая, а Дек слишком старый. Ей вообще не следовало вводить его в курс дела. А может, это не имело значения. Потому что он все равно ей не поверил.

— Желтая Карточка остановит вас, если вы вмешаетесь, — предупредил я. — Я единственный, кого ему не остановить.

— Кто такой Желтая Карточка? — спросила Сейди, наклонившись вперед и взяв меня за руки.

— Я не помню, но он не может остановить меня, потому что я не отсюда.

Только он *останавливал* меня. Или что-то останавливало. Доктор Перри сказал, что моя амнезия поверхностная и временная, и, наверное, поставил правильный диагноз... но лишь до определенной степени. Если я очень уж старался вспомнить то, что полагал наиболее важным, голова безумно болела, я спотыкался на каждом шагу, перед глазами все плыло. И что хуже всего, я внезапно засыпал. Сейди спросила доктора Перри, может, это нарколепсия. Он ответил, что скорее всего нет, но, похоже, встревожился.

— Он просыпается, когда вы зовете его или трясете за плечо?

— Да.

— Такое случается, когда он расстраивается из-за того, что не может что-то вспомнить?

Утвердительный ответ.

— Тогда я совершенно уверен, что это пройдет, как проходит его амнезия.

Наконец — мало-помалу — мой внутренний мир начал сливаться с внешним. Мне открылось, что я Джейкоб Эппинг, учитель, и каким-то образом перенесся в прошлое, чтобы предотвратить убийство президента Кеннеди. Сначала я попытался отвергнуть эту идею, но я знал слишком многое о грядущих годах, и речь шла не об откровениях, а о воспоминаниях. «Роллинг Стоунз», попытка импичмента Клинтона, пылающие башни Всемирного торгового центра. Кристи, моя пьющая и доставившая столько хлопот бывшая жена.

Как-то вечером, когда мы с Сейди смотрели «Сражение», я вспомнил, что сделал с Фрэнком Даннингом.

— Сейди, я убил человека перед тем, как приехать в Техас. Это случилось на кладбище. Мне пришлось. Он собирался убить всю свою семью.

Сейди смотрела на меня, ее глаза округлились, рот открылся.

— Выключи телик, — попросил я. — Парень, который играет сержанта Сандерса — не могу вспомнить его фамилии, — ему

отрежет голову лопастью вертолета. Пожалуйста, Сейди, выключи телевизор.

Она выключила, потом опустилась передо мной на колени.

— Кто собирается убить президента Кеннеди? Где он будет находиться в момент убийства?

Я изо всех сил попытался вспомнить. Не заснул, но и вспомнить не смог. Я приехал во Флориду из Мэна, это я помнил. На «форде-санлайнере», потрясающем автомобиле. Из Флориды я поехал в Новый Орлеан, а оттуда в Техас. Я помнил, как слушал «Земного ангела», когда пересекал границу штата, мчась со скоростью семьдесят миль в час по автостраде 20. Я помнил большущий щит **«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ТЕХАС»**. А рядом другой, с рекламой «СОННИС Би-би-кью», 27 МИЛЬ». После этого — разрыв пленки. На другой стороне — учительство и жизнь в Джоди. Яркие воспоминания о том, как я танцевал свинг с Сейди и лежал с ней в постели в «Кэндлвуд бунгалос». Сейди рассказала мне, что я также жил в Форт-Уорте и Далласе, но она не знала, где именно. У нее остались только два телефонных номера, которые уже отключили. Я тоже не знал, где там жил, хотя думал, что одно место могло называться Кадиллак-стрит. Сейди просмотрела карты и заверила меня, что ни в одном из городов Кадиллак-стрит нет.

Я уже вспомнил многое, но не фамилию убийцы, не место, откуда он собирался убить президента. И понятно почему. Прошлое скрывало это от меня. Упрямое прошлое.

— У убийцы есть дочка. Я думаю, ее имя — Эйприл.

— Джейк, я хочу тебя кое о чем спросить. Возможно, ты рассердишься, но раз уж от этого зависит столь многое — судьба мира, по твоим же словам, — мне нужно это знать.

— Спрашивай. — Я сомневался, что какой-то ее вопрос может меня разозлить.

— Ты мне лжешь?

— Нет. — Я говорил правду. В тот момент.

— Я сказала Деку, что нам нужно позвонить в полицию. Он показал мне статью в «Морнинг ньюс», в которой сообщалось о двухстах угрозах убить президента и делались предположения о потенциальных убийцах. Он говорит, что и крайне правые из Далласа и Форт-Уорта, и крайне левые из Сан-Антонио пытаются вынудить Кеннеди отказаться от поездки в Техас. Он говорит,

что полиция передала всю информацию об угрозах и потенциальных убийцах ФБР, но те даже *не чешутся*. Он говорит, что Джей Эдгар Гувер только одного человека ненавидит больше, чем Джей-Эф-Кея, и это его брат Бобби.

Меня не очень-то волновало, кого ненавидел Джей Эдгар Гувер.

— Ты мне веришь?

— Да. — Она вздохнула. — Вик Морроу действительно умрет?

Так его звали, точно.

— Да.

— На съемках «Сражения»?

— Нет, какого-то другого фильма.

Она разрыдалась.

— Только ты не умирай, Джейк... пожалуйста. Я хочу, чтобы ты поправился.

Мне постоянно снились кошмары. Иногда я переносился на пустую улицу, похожую на Главную в Лисбон-Фоллс, иногда — на кладбище, где я застрелил Фрэнка Даннинга, иногда — на кухню Энди Каллема, мастера криббиджа... но обычно в забегаловку Эла Темплтона. Мы сидели в кабинке с видом на «Городскую стену славы». Эл болел (умирал), но его глаза ярко сверкали.

«Человек с желтой карточкой олицетворяет упрямое прошлое, — говорил он. — Ты это знаешь, так?»

Да, я это знал.

«Он думал, что ты умрешь после того, как тебя так жестоко избили, но ты не умер. Он думал, ты умрешь от инфекций, но ты не умер. Теперь он блокирует эти воспоминания — самые важные, — потому что знает: это его последняя надежда остановить тебя».

«Каким образом? Он мертв».

Эл качал головой:

«Нет, это я мертв».

«Кто он? *Что* он? И как он может ожить? Он перерезал себе горло, и карточка стала черной. Я это *видел*!»

«Понятия не имею, дружище. Знаю только одно: он не сможет тебя остановить, если ты откажешься останавливаться. *Ты должен добраться до всех этих воспоминаний*».

«Тогда помоги мне! — прокричал я и сжал его исхудавшую руку, похожую на птичью лапу. — Скажи мне, как зовут того парня! Это Чепмен? Мэнсон? — Обе фамилии вызывали какие-то ассоциации, но я чувствовал, что мне нужна другая. — *Ты меня в это втянул, так помогай!*»

В этот момент сна Эл открывает рот, чтобы назвать нужную мне фамилию, но вмешивается Желтая Карточка. Если мы на Главной улице, он выходит или из зеленого дома, или из «Кеннебек фрут». Если на кладбище — из разрытой могилы, как зомби в фильмах Джорджа Ромеро. Если в закусочной, дверь внезапно распахивается. Карточка, которая заткнута за ленту его широкополой шляпы, такая черная, что выглядит прямоугольной дырой в никуда. Он мертвый. Разлагающийся. Его старое длиннополое пальто покрыто пятнами плесени. В глазницах копошатся черви.

Он ничего не может тебе сказать, потому что сегодня день двойной выплаты, кричит Желтая Карточка, теперь ставший Черной Карточкой.

Я поворачиваюсь к Элу, только Эл уже превратился в скелет с зажатой в зубах сигаретой — и просыпаюсь весь в поту. Ищу воспоминания, но воспоминаний нет.

Дек приносил мне статьи о близящемся визите Кеннеди, надеясь, что они помогут вспомнить. Не помогли. Однажды, лежа на диване (после внезапного приступа сна), я услышал, как они двое спорили насчет звонка в полицию. Дек говорил, что анонимный звонок оставят без внимания, а звонок от имени кого-то из нас принесет неприятности нам всем.

— Мне все равно! — кричала Сейди. — Я знаю, вы думаете, что он чокнутый, а если он прав? Кем вы будете себя чувствовать, если из Далласа в Вашингтон Кеннеди увезут в гробу?

— Если вы позвоните в полицию, милая, они уделят Джейку самое пристальное внимание. И по вашим словам, Джейк убил человека в Новой Англии, прежде чем приехать сюда.

Сейди, Сейди, лучше бы ты ему этого не говорила.

Она перестала спорить, но не сдалась. Иногда пыталась как-то ошеломить меня, чтобы заставить вспомнить, как ошеломляют человека, чтобы избавить его от икоты. Не срабатывало.

— И что мне с тобой делать? — грустно спрашивала она.

— Не знаю.

— Может, попытаешься зайти с другой стороны? Попытаешься обойти блок?

— Я пытаюсь. Думаю, этот человек служил в морской пехоте. — Я потер затылок, в котором начала усиливаться боль. — Но мог служить и во флоте. Черт, Кристи. Я не знаю.

— Сейди, Джейк. Я Сейди.

— Разве я не так тебя назвал?

Она покачала головой и попыталась улыбнуться.

Двенадцатого, во вторник после Дня ветеранов, «Морнинг ньюс» опубликовала большую передовицу о предстоящем визите Кеннеди и о том, какое значение имеет его приезд для города. «Многие горожане готовы встретить молодого и неопытного президента с распростертыми объятиями, — говорилось в статье. — Ажиотаж нарастает. Разумеется, этому способствует и приезд его красивой и харизматичной жены».

— Прошлой ночью тебе снова снился Желтая Карточка? — спросила меня Сейди, когда вошла. Праздничный день она провела в Джоди, главным образом для того, чтобы полить цветы и, как она это называла, «напомнить о своем существовании».

Я покачал головой.

— Милая, ты проводишь здесь больше времени, чем в Джоди. А как же твоя работа?

— У меня теперь неполная рабочая неделя, спасибо миз Элли. Все нормально, а когда я уеду с тобой... если мы уедем... я просто должна увидеть, что случится.

Она отвела глаза и принялась раскуривать сигарету. Наблюдая, как долго она постукивает ею по кофейному столику, а потом возится со спичками, я пришел к удручающему выводу: у Сейди оставались сомнения. Я предсказал мирный исход ракетного кризиса, я знал, что Дика Тайгера нокаутируют в пятом раунде... но сомнения оставались. И я ее не винил. Окажись я на ее месте, наверное, у меня тоже оставались бы сомнения.

Потом она просияла.

— Но у меня отличная замена, и готова спорить, ты можешь догадаться, о ком я говорю.

Я улыбнулся.

— Это... — Но я не мог вспомнить имени. Я буквально видел его — выдубленное ветром загорелое лицо, ковбойская шляпа, галстук-шнурок, — однако утром того вторника с именем ничего

не выходило. Начал болеть затылок, там, где я ударился о плинтус... но какой плинтус, в каком доме? Меня страшно злило, что я этого не знаю.

Кеннеди прибывает через десять дней, а я даже не могу вспомнить гребаное имя этого старика.

— Попытайся, Джейк.

— Я *пытаюсь*, — ответил я. — *Пытаюсь*, Сейди!

— Подожди. У меня идея.

Она положила дымящуюся сигарету в один из желобков пепельницы, направилась к двери, вышла из комнаты, закрыла дверь за собой. Потом открыла и заговорила комично-хрипатым, низким голосом, совсем как тот старик всякий раз, когда навещал меня:

— Как поживаешь сегодня, сынок? Что-нибудь ел?

— Дек, — вырвалось у меня. — Дек Симмонс. Он женился на миз Мими. А потом она умерла в Мексике. В ее честь мы провели вечер памяти.

Головная боль ушла. Как рукой сняло.

Сейди захлопала в ладоши и подбежала ко мне. Меня наградили долгим и сладким поцелуем.

— Видишь? — сказала она, оторвавшись от моих губ. — Ты можешь это сделать. Еще не поздно. Как его зовут, Джейк? Как зовут этого безумного негодяя?

Но я не мог вспомнить.

Шестнадцатого ноября «Таймс геральд» опубликовала маршрут кортежа Кеннеди. Он начинался в аэропорту Лав-Филд и заканчивался в «Трейд-март» выступлением Кеннеди перед членами городского совета и приглашенными гостями. Номинально он собирался приветствовать открытие Исследовательского центра для выпускников и поздравить Даллас с экономическими успехами последнего десятилетия, но «Таймс геральд» спешила сообщить всем, кто еще этого не знал, что истинная причина выступления — чисто политическая. Техас проголосовал за Кеннеди в 1960 году, однако в шестьдесят четвертом все выглядело не так радужно, пусть даже Кеннеди по-прежнему собирался баллотироваться в тандеме со стариной Джонсоном, уроженцем Техаса. Циники все еще называли вице-президента Линдон-Разгром, намекая на выборы в сенат в 1948 году, когда он одержал победу, которая дурно пахла, набрав на восемьдесят семь голосов больше

соперника. Давняя, конечно, история, но прозвище указывало на смешанные чувства, которые техасцы питали к президенту. Перед Кеннеди — и, разумеется, перед Джеки — ставилась задача помочь Линдону-Разгрому и губернатору Техаса Джону Коннолли укрепить боевой дух сторонников.

— Посмотри сюда. — Длинный палец Сейди двигался по прочерченной линии маршрута. Кварталы и кварталы Главной улицы. Потом Хьюстон-стрит. Везде высокие здания. — Этот человек будет поджидать кортеж на Главной улице? Должен поджидать там, как думаешь?

Я слушал ее вполуха. Потому что увидел кое-что еще.

— Посмотри, Сейди, кортеж проследует по бульвару Черепашьего ручья.

У нее загорелись глаза.

— Это должно случиться там?

Я с сомнением покачал головой. Вероятно, нет, но о бульваре Черепашьего ручья я знал *что-то*, имеющее отношение к человеку, которого пришел останавливать. И когда я думал об этом, кое-что всплыло на поверхность.

— Он собирался спрятать винтовку и вернуться за ней позже.

— Спрятать *где*?

— Не имеет значения, это уже случилось. Это часть прошлого. — Я закрыл глаза руками, потому что свет в комнате внезапно стал слишком ярким.

— Перестань думать об этом. — Она убрала газету. — Расслабься, а не то опять разболится голова и придется принимать таблетку. От них ты становишься таким заторможенным.

— Да, — кивнул я. — Я знаю.

— Тебе надо выпить кофе. Крепкого кофе.

Она пошла на кухню и сварила кофе. Когда вернулась, я уже похрапывал. Проспал три часа и мог бы пробыть в Стране коматоза и дольше, но она разбудила меня, тряхнув за плечо.

— Что ты помнишь о приезде в Даллас?

— Я не помню, как приехал.

— Где ты остановился? В отеле? В гостинице для автомобилистов? Снял комнату?

На мгновение мне смутно вспомнился двор и много окон. Швейцар? Возможно. Потом все ушло. Головная боль вновь начала набирать силу.

— Не знаю. Я только помню, что пересек границу штата по двадцатому шоссе и видел рекламу барбекю. Но до Далласа оставалось ехать и ехать.

— Я знаю, но нам не придется ехать так далеко. Если ты въехал в Техас по двадцатому шоссе, то по нему же и добрался до Далласа. Сегодня уже поздно, а завтра отправимся на автомобильную прогулку.

— Наверное, ничего не выйдет. — Но я тем не менее почувствовал, как вспыхнула искорка надежды.

Сейди осталась на ночь, а утром мы покинули Даллас по Пчелиному шоссе, как называли его горожане, и покатили на восток к Луизиане. Сейди сидела за рулем моего «шеви», который снова был на ходу после замены сломанного замка зажигания. Дек за этим проследил. Она доехала до Террелла, потом свернула с шоссе на покрытую выбоинами автостоянку у придорожной церкви — Спаса-на-крови, как мы прочитали на доске объявлений на высохшей лужайке. Под названием церкви было послание к пастве: «ЧИТАЛ ЛИ ТЫ СЕГОДНЯ СЛОВО ВЕЛИКОЕ БОЖЬЕ?» Некоторые буквы отвалились, так что на доске осталось: «ИТАЛ И ТЫ СЕ ОДНЯ СЛОВО ЕЛ КОЕ Б ЖЕ?»

Сейди с тревогой взглянула на меня.

— Ты сможешь сесть за руль на обратном пути?

Я особо и не сомневался, что смогу. Дорога ровная и прямая, коробка передач автоматическая. Левая негнущаяся нога не при делах. Только...

— Сейди? — Я повернулся к ней, впервые сев за руль с конца августа и максимально отодвинув сиденье назад.

— Что?

— Если я засну, хватай руль и выключай зажигание.

Она нервно улыбнулась.

— Можешь не беспокоиться.

Я убедился, что дорога свободна, и выехал на шоссе. Поначалу не решался разгоняться быстрее сорока пяти миль, но в воскресенье мы ехали чуть ли не в одиночестве, так что я немного расслабился.

— Ни о чем не думай, Джейк. Не пытайся что-нибудь вспомнить, пусть все происходит само собой.

— Жаль, что мы не на «санлайнере».

— Тогда представь себе, что это «санлайнер», и пусть он едет, куда ему хочется.

— Ладно, но...

— Никаких но. День прекрасный. Ты едешь в новый для себя город, тебе нет нужды тревожиться из-за убийства Кеннеди, потому что до него еще далеко. Годы.

Да, день выдался прекрасный. И я не заснул, хотя подустал — после того как меня избили, впервые провел столько времени вне четырех стен. Мои мысли продолжали возвращаться к придорожной церкви. Скорее всего церкви для черных. Они, вероятно, пели псалмы, как никогда не петь белым, и читали «СЛОВО ВЕЛИКОЕ БОЖЬЕ» с множеством «аллилуйя» и «восславим Иисуса».

Мы въехали в Даллас. Я поворачивал налево и направо — вероятно, чаще направо, потому что левая рука оставалась слабой и поворот руля, даже при наличии гидроусилителя, причинял боль. Скоро я заблудился в боковых улицах.

Я заблудился, все верно, подумал я. *Мне нужно, чтобы кто-нибудь подсказал, куда ехать, как тот парнишка в Новом Орлеане направил меня в отель «Мунстоун».*

Только не в «Мунстоун». В «Монтелеоне». И отель, в котором я поселился в Далласе, назывался... назывался...

На мгновение я подумал, что название сейчас уплывет, как иногда уплывало даже имя Сейди. Но потом увидел швейцара и эти поблескивающие окна, выходящие на Торговую улицу, и все срослось.

Я жил в отеле «Адольф». Да. Потому что он находился рядом с...

Но это не вспомнилось. Эта часть воспоминаний по-прежнему блокировалась.

— Дорогой? Все в порядке?

— Да. А что?

— Ты аж подпрыгнул.

— Это моя нога. Немного свело.

— Ничего не выглядит знакомым?

— Нет, — ответил я. — Ничего.

Она вздохнула.

— Еще одна идея приказала долго жить. Наверное, нам лучше вернуться домой. Хочешь, чтобы я села за руль?

— Пожалуй. — Я дохромал до пассажирского сиденья, думая: *Отель «Адольф». Запиши, когда вернешься в «Эден-Фоллоус». Тогда не забудешь.*

Когда мы вернулись в маленькую трехкомнатную квартирку с пандусами, больничной кроватью и поручнями по обе стороны унитаза, Сейди спросила, не хочу ли я прилечь.

— И прими таблетку.

Я пошел в спальню, снял туфли — этот процесс занимал теперь много времени — и лег. Таблетку принимать не стал. Хотел, чтобы голова оставалась ясной. Хотел, чтобы теперь она постоянно оставалась ясной. Кеннеди и Даллас разделяли всего пять дней.

Ты жил в отеле «Адольф», потому что он находился рядом с чем-то. С чем?

Что ж, отель находился рядом с маршрутом кортежа, опубликованным в газете, а это сужало поиск... да, до каких-то двух тысяч зданий, не говоря уже о статуях, памятниках и стенах, за которыми мог спрятаться предполагаемый снайпер. И сколько переулков на пути следования кортежа? Десятки. Сколько надземных пешеходных переходов, с которых кортеж будет виден как на ладони? На Западной аллее пересмешника, на Леммон-авеню, на бульваре Черепашьего ручья? Кортежу предстояло проехать по всем этим улицам. А сколько их еще на Главной улице и на Хьюстон-стрит?

Ты должен вспомнить или кто он, или откуда он собирается стрелять.

Если бы я выудил из памяти первое, то добрался бы и до второго. Я это знал. Но моя память продолжала возвращаться к церкви на шоссе 20, где мы развернулись. К Спасу-на-крови на Пчелином шоссе. Многие люди видели в Кеннеди спасителя. Эл Темплтон точно видел. Он...

Мои глаза широко раскрылись, и я перестал дышать.

В другой комнате зазвонил телефон, и я услышал, как Сейди ответила на звонок. Она говорила тихо, думая, что я сплю.

«СЛОВО ВЕЛИКОЕ БОЖЬЕ».

Я вспомнил день, когда увидел полное имя Сейди с одним закрытым слогом, так что на виду осталось только «Дорис Дан». Опять гармония той же силы. Закрыл глаза. Представил себе, что закрываю пальцем «В ИКОЕ БОЖЬЕ».

Осталось «СЛОВО ЕЛ».

Слово Эла. *У меня была его тетрадка.*

Но где? Где она теперь?

Дверь приоткрылась. В спальню заглянула Сейди.

— Джейк? Ты спишь?

— Нет, — ответил я. — Просто лежу.

— Ты что-нибудь вспомнил?

— Нет. Сожалею.

— Еще есть время.

— Мне каждый день вспоминается что-то новое.

— Дорогой, звонил Дек. Говорит, что по школе ходит какая-то инфекция и он ее подхватил. Он спрашивает, смогу ли я выйти на работу завтра и во вторник. Может, и в среду.

— Поезжай, — ответил я. — Если ты откажешься, он попытается выйти сам, а он уже немолод. — У меня в голове, как неоновая вывеска, вспыхивала и гасла короткая фраза: «СЛОВО ЭЛА, СЛОВО ЭЛА, СЛОВО ЭЛА».

Она села рядом со мной.

— Ты уверен?

— Со мной все будет хорошо. И я не останусь один. Завтра придут ПАТСЕСы, помнишь? — Так мы называли патронажных сестер, приходивших к выздоравливающим. В моем случае их работа заключалась в том, чтобы убедиться, что я не буйствую. Если бы начал буйствовать, это могло означать, что мой мозг все-таки поврежден.

— Точно. В девять утра. Написано на календаре, на случай, что ты забудешь. И доктор Эллертон...

— Придет на ленч. Я помню.

— Хорошо, Джейк. Это *хорошо*.

— Он сказал, что принесет сандвичи. И молочные коктейли. Хочет, чтобы я набрал вес.

— И тебе *надо* набрать вес.

— Плюс лечебная физкультура в среду. Пытка для ноги утром, пытка для руки после полудня.

— Мне не хочется оставлять тебя, когда так мало времени до... ты знаешь.

— Если я что-нибудь вспомню, Сейди, я тебе позвоню.

Она взяла меня за руку и наклонилась так низко, что я почувствовал аромат ее духов и слабый запах табака.

— Ты обещаешь?

— Да. Конечно.

— Я вернусь в среду вечером, не позже. Если Дек не сможет выйти на работу и в четверг, тогда библиотека останется на замке.

— Ничего со мной не случится.

Она легонько поцеловала меня, направилась к двери, потом повернулась.

— Я очень надеюсь, что Дек прав и это всего лишь бредовая идея. Не могу и представить себе такого: мы знали и не смогли предотвратить. С тем же успехом мы могли бы сидеть в гостиной и наблюдать по телевизору, как...

— Я вспомню.

— Правда, Джейк?

— Должен.

Она кивнула, но даже с задернутыми шторами я увидел сомнение на ее лице.

— До моего отъезда мы еще успеем поужинать. Закрой глаза, и пусть таблетка делает свое дело. Поспи.

Я закрыл глаза, в полной уверенности, что не засну. И меня это вполне устраивало, потому что я хотел подумать о «Слове Эла». Через какое-то время до меня долетел запах готовящейся пищи. Пахло вкусно. Когда я вышел из больницы и меня рвало и тянуло дристать каждые десять минут, все запахи вызывали отвращение. Теперь ситуация улучшилась.

Я начал засыпать. Увидел Эла, сидящего напротив меня в одной из кабинок его забегаловки, в бумажной шляпе, сдвинутой на левый глаз. Фотографии знаменитостей маленького городка смотрели на нас, но Гарри Даннинга среди них не было. Я уже спас его. Возможно, второй раз я спас его и от Вьетнама. Точно сказать не мог.

Он все еще не дает вспомнить, так, дружище? — спросил Эл.

Да. Не дает.

Но ты уже ближе.

Недостаточно близко. Я понятия не имею, куда положил эту твою чертову тетрадку.

Ты положил ее в какое-нибудь безопасное место. Это поможет сузить поиск?

Я уже собрался ответить, что нет, но подумал: *«Слово Эла» в безопасности. В безопасности. Потому что...*

Я открыл глаза, и впервые за долгие недели широко улыбался.

Тетрадка в банковской ячейке.

Дверь открылась.

— Ты голоден? Еда в духовке.

— Что?

— Джейк, ты проспал больше двух часов.

Я сел, перекинул ноги через край кровати.

— Тогда давай поедим.

Глава 27

1

11.17.63 (Воскресенье)

Сейди хотела помыть посуду после нашей трапезы, которую она называла ужином, а я — обедом, но я велел ей собирать чемодан. Маленький, синий, с закругленными углами.

— Твое колено...

— Мое колено выдержит мытье нескольких тарелок. Тебе пора ехать, чтобы выспаться перед рабочим днем.

Десять минут спустя тарелки лежали на сушке, подушечки пальцев покалывало, а Сейди стояла у двери. С небольшим чемоданом в руке, с локонами, обрамляющими лицо. Никогда она не казалась мне такой хорошенькой.

— Джейк? Скажи мне что-нибудь хорошее о будущем.

На ум ничего не шло. Мобильники? Нет. Террористы-смертники? Пожалуй, нет. Таяние полярных льдов? В другой раз.

Тут я улыбнулся.

— Ты получишь две новости по цене одной. «Холодная война» закончилась, а президент — черный.

Она начала улыбаться. Потом поняла, что я не шучу. У нее отвисла челюсть.

— Ты говоришь о негре в Белом доме?

— Само собой. Только в мои дни эти люди предпочитают, чтобы их называли афроамериканцами.

— Ты серьезно?

— Да.

— Господи!

— Очень многие произнесли это слово на следующий день после выборов.

— Он... справляется со своей работой?

— Мнения разнятся. Если тебя интересует мое, он все делает не хуже, чем можно ожидать, учитывая сложности.

— На этой ноте я и отправлюсь в Джоди. — Она рассеянно усмехнулась. — В состоянии шока.

Сейди спустилась по пандусу, поставила чемодан в закуток, который служил в «жуке» багажником. Послала мне воздушный поцелуй, уже начала садиться за руль, но так я ее отпустить не мог. Не мог и бежать — доктор Перри говорил, что бегать я смогу месяцев через восемь, а то и через год, — однако прохромал по пандусу с максимально возможной скоростью.

— Подожди, Сейди, одну минутку!

Мистер Кенопенски сидел у соседней двери в инвалидном кресле, закутанный в куртку, с портативным приемником «Моторола» на коленях. На тротуаре Норма Уиттен медленно продвигалась к почтовому ящику на углу, опираясь на две деревяшки, больше напоминавшие лыжные палки, чем костыли. Она повернулась и помахала нам рукой, пытаясь улыбнуться застывшей стороной лица.

Сейди, окутанная сумерками, вопросительно смотрела на меня.

— Захотел тебе кое-что сказать. Что лучше тебя у меня никого и ничего не было.

Она рассмеялась и обняла меня.

— Аналогично, добрый сэр.

Наш поцелуй затянулся и продолжался бы еще дольше, если бы не сухие хлопки справа от нас. Мистер Кенопенски аплодировал.

Сейди подалась назад, но взяла меня за запястья.

— Ты мне позвонишь, да? Держи меня... как ты говоришь? В курсе?

— Именно. — Но я не собирался держать ее в курсе. Дека или полицию тоже.

— Потому что сáмому тебе с этим не справиться, Джейк. Ты слишком слабый.

— Это я знаю, — ответил я, подумав: *Мне нельзя быть слабым.* — Позвони, чтобы я знал, что ты доехала.

Когда «жук» повернул за угол и скрылся из виду, мистер Кенопенски подал голос:

— Ты лучше соблюдай осторожность, Амберсон. Эта дама — хранитель.

— Я знаю. — Я постоял у подъездной дорожки, дожидаясь благополучного возвращения миз Уиттен из путешествия к почтовому ящику.

Она вернулась.

Я ушел в дом.

2

Первым делом я достал кольцо с ключами из верхнего ящика комода и начал перебирать, удивленный тем, что Сейди не показала их мне, чтобы освежить мою память... но, разумеется, она не могла подумать обо всем. Ключей я насчитал двенадцать. Понятия не имел, от каких они замков, но практически не сомневался, что «шлейдж» открывал входную дверь в моем доме... в Сабаттусе? Я думал, что да, но мог и ошибиться.

Мое внимание привлек маленький ключ с выгравированными на нем буквами «ПЗ» и числом 775. Безусловно, от сейфовой ячейки, но какого банка? «Первого закладного»? Похоже, но что-то не складывалось.

Я закрыл глаза и уставился в темноту. Ждал, в полной уверенности, что из нее появится нужное мне... и оно появилось. Я увидел чековую книжку с обложкой из искусственной крокодиловой кожи. Увидел, как открываю ее. Увидел, не прилагая особых усилий. Увидел напечатанные на первой странице не только мое имя в Стране прошлого, но и мой последний официальный адрес.

214, 3. Нили-ст. кв. 1
Даллас, Техас

Я подумал: *Вот откуда украли мой автомобиль.*

И еще: *Освальд. Убийцу зовут Кролик Освальд.*

Нет, разумеется, нет. Он человек, а не мультяшный персонаж. Но я приблизился к разгадке.

— Я ищу тебя, мистер Кролик, — прошептал я. — По-прежнему ищу.

3

Телефон зазвонил почти в половине десятого. Сейди доехала благополучно.

— Полагаю, ты ничего не вспомнил? Я надоеда, да?

— Ничего. И до надоеды тебе как до луны. — Мне хотелось сохранить такое же расстояние между ней и Кроликом Освальдом. Я намеревался приложить все силы, чтобы не подпустить ее к нему. Или к его жене, которую, возможно, звали Мэри, а может, и нет, и к маленькой дочери по имени — тут я вроде бы не ошибался — Эйприл.

— Ты подшучивал надо мной, говоря, что в Белом доме поселится негр, да?

Я улыбнулся.

— Подожди немного. Сама все увидишь.

4

11.18.63 (Понедельник)

ПАТСЕСы, одна старая и страшная, вторая молодая и миловидная, прибыли ровно в девять утра. Сделали все, что положено. Когда старая сочла, что в достаточной мере насмотрелась на мои гримасы и дерганья и наслушалась стонов, она протянула мне бумажный пакетик, в котором лежали две таблетки.

— Болеутоляющие.

— Я не думаю...

— Прими их. — Разговорчивостью эта ПАТСЕС не отличалась. — Халява.

Я бросил их в рот, языком сдвинул за щеку, выпил глоток воды, извинился и прошел в туалет. Там выплюнул таблетки в унитаз и спустил воду.

Когда вернулся на кухню, старая медсестра изрекла:

— Прогресс налицо. Не переутомляйся.

— Будьте уверены.

— Поймали их?

— Простите?

— Говнюков, которые тебя избили.

— Э... еще нет.

— Делал что-то такое, чего делать не следовало?

Я одарил ее широчайшей улыбкой: Кристи говорила, что такой мог позавидовать и телеведущий.

— Я не помню.

5

Доктор Эллертон приехал на ленч. Привез огромные сандвичи с ростбифом, хрустящий картофель фри, сочащийся маслом, и обещанные молочные коктейли. Я съел сколько смог, и немало. Ко мне возвращался аппетит.

— Майк говорил о проведении еще одного варьете-шоу, — поделился со мной доктор Эллертон. — На этот раз чтобы помочь вам. Но в конце концов здравый смысл восторжествовал. Маленький город многого дать не может. — Он закурил, бросил спичку в пепельницу на столе, глубоко затянулся. — Полиция поймает этих бандитов, которые так вас отделали? Что слышно?

— Ничего, но я сомневаюсь. Они обчистили мой бумажник, украли мой автомобиль и смылись.

— А что вы вообще делали в том районе Далласа? Не могу назвать его респектабельным.

Судя по всему, я там жил.

— Не помню. Наверное, к кому-то заезжал.

— Вы в достаточной степени отдыхаете? Не слишком нагружаете колено?

— Нет. — Хотя я подозревал, что скоро моему колену достанется по полной программе.

— Все еще внезапно засыпаете?

— С этим теперь гораздо лучше.

— Отлично. Думаю...

Зазвонил телефон.

— Это Сейди. Она звонит, когда у нее перерыв на ленч.

— Мне все равно пора. Рад видеть, что вы набираете вес, Джордж. Передайте этой красивой даме мои наилучшие пожелания.

Я так и сделал. Она спросила, не возвращаются ли *относящиеся к нашему делу воспоминания*. Я понимал, чем обусловлен такой выбор слов: она звонила из приемной директора, и ей предстояло заплатить миссис Коулридж за междугородный звонок. Миссис Коулридж не только обслуживала коммутатор ДОСШ, но и подслушивала все разговоры.

Я ответил ей, что нет, никаких новых воспоминаний, но сейчас я хочу прилечь и надеюсь что-нибудь вспомнить, когда проснусь. Добавил, что люблю ее (это так приятно, сказать что-то правдивое). Спросил насчет Дека, пожелал хорошего дня и положил трубку. На самом деле ложиться я не собирался. Взял ключи от автомобиля, портфель и поехал в центр города. Очень надеялся, что вернусь не с пустыми руками.

6

Ехал я медленно и осторожно, но к тому моменту, как я вошел в «Первый зерновой банк» и показал ключ от ячейки, колено уже сильно болело.

Мой банкир вышел из кабинета, чтобы встретить меня, и я тут же вспомнил его имя: Ричард Линк. Его глаза в тревоге раскрылись, когда я, прихрамывая, двинулся ему навстречу.

— Что с вами случилось, мистер Амберсон?

— Автомобильная авария, — ответил я в надежде, что он или пропустил, или забыл короткую заметку раздела «Полицейский патруль» в «Морнинг ньюс». Сам я ее не видел, но мне рассказывали: мистер Джордж Амберсон из Джоди, жестоко избитый и ограбленный, найден в бессознательном состоянии и доставлен в больницу «Паркленд мемориал». — Но дело быстро идет на поправку.

— Приятно слышать.

Банковские ячейки находились в подвале. Ступеньки я покорил несколькими хромыми прыжками. Мы воспользовались нашими ключами, и Линк отнес ящик, который достал из ячейки, в одну из кабинок. Поставил на миниатюрный столик — ящик едва разместился на нем — и указал на кнопку в стене:

— Позвоните Мелвину, когда закончите. Он вам поможет.

Я поблагодарил его, и он ушел. Я задернул шторку, отделявшую кабинку от коридора. Замки мы отперли, но крышка осталась закрытой. Я смотрел на ящик, и мое сердце гулко билось. Внутри лежало будущее Кеннеди.

Наконец я открыл ящик. Сверху нашел пачку наличных и всякую мелочь из моей квартиры на Нили-стрит, в том числе и чековую книжку «Первого зернового». Ниже — рукопись, перетянутую двумя резинками. С названием «МЕСТО УБИЙСТВА» на верхней странице. Имя и фамилия автора отсутствовали, но я знал, что это моя работа. Под рукописью лежала синяя тетрадка. «Слово Эла». Я взял ее в руки в абсолютной уверенности, что, открыв, увижу пустые страницы. Желтая Карточка стер все.

Пожалуйста, нет.

Я раскрыл тетрадку. С первой страницы на меня глянула фотография. Узкое лицо, которое не назовешь некрасивым, губы, изогнутые в столь знакомой мне улыбке: разве я не видел ее собственными глазами? Эта улыбка говорила: *Я знаю, что должно произойти, а ты нет, дурачок ты наш.*

Ли Харви Освальд. Гнусный бродяга, пытавшийся изменить мир.

7

Воспоминания хлынули потоком, и я сидел в кабинке, жадно хватая ртом воздух.

Айви и Розетта с Мерседес-стрит. Темплтон, как и Эл.

Девочки-попрыгуньи: *И всех вас, конечно, я тоже люблю.*

Молчаливый Майк (Святой Майк) из магазина «Сателлитная электроника».

Джордж де Мореншильдт, рвущий на себе рубаху, как Супермен.

Билли Джеймс Харгис и генерал Эдвин А. Уокер.

Марина Освальд, прекрасная заложница убийцы, стоящая на пороге моей квартиры в доме 214 по Западной Нили-стрит: *Пожалуйста, извините, вы не видели моего муха?*

Техасское хранилище школьных учебников.

Шестой этаж, юго-восточное окно, из которого открывался наилучший вид на Дили-плазу и улицу Вязов, где она сворачивала к тройному тоннелю.

Меня затрясло. Я обхватил бицепсы пальцами, прижимая руки к груди. Левая — сломанная обмотанным войлоком обрезком трубы — заболела, но я не возражал. Радовался. Боль связывала меня с миром.

Когда дрожь утихла, я переложил в портфель незаконченную рукопись, драгоценную синюю тетрадку и все остальное. Уже потянулся к кнопке, чтобы вызвать Мелвина, но решил напоследок заглянуть в ящик. Нашел еще две вещицы. Дешевенькое обручальное колечко, купленное в ломбарде, чтобы подтвердить байку, с которой я собирался прийти в «Сателлитную электронику», и красную погремушку, принадлежавшую маленькой дочурке Освальдов (Джун — не Эйприл). Погремушка отправилась в портфель, кольцо — в брючный кармашек для часов. Я собирался выбросить его по пути домой. Если бы дело дошло до свадьбы, Сейди получила бы кольцо получше.

8

Стук по стеклу. Потом голос: «...в порядке? Мистер, вы в порядке?»

Я открыл глаза, поначалу не имея ни малейшего представления, где нахожусь. Посмотрел налево и увидел полицейского в форме, который стучал в стекло водительской двери моего «шеви». Тут до меня дошло. На полпути к «Эден-Фоллоус», уставший, взволнованный и объятый ужасом одновременно, я вдруг почувствовал, что *сейчас засну*, и тут же свернул к тротуару, благо нашлось свободное место. Случилось это около двух пополудни. С того момента, судя по солнцу, прошло порядка двух часов.

Я опустил стекло.

— Извините, патрульный. Я вдруг почувствовал сильную сонливость и решил, что лучше сразу остановиться.

Он кивнул:

— Да-да, спиртное именно так действует. Сколько вы выпили перед тем, как сесть за руль?

— Ничего. Несколько месяцев тому назад у меня была черепно-мозговая травма. — Я повернул голову, чтобы показать ему место, где не отросли волосы.

Отчасти его это убедило, но он все равно попросил дыхнуть. Тут уж убедился окончательно.

— Дайте взглянуть на ваше водительское удостоверение.

Я протянул ему выданное в Техасе.

— Вы не собираетесь сегодня ехать в Джоди?

— Нет, патрульный, я еду в северный Даллас. Сейчас живу в реабилитационном центре «Эден-Фоллоус».

Я вспотел. Надеялся, что если он и заметит, сочтет, что иначе быть не может, когда человек засыпает в автомобиле с поднятыми стеклами в теплый ноябрьский день. Я также надеялся — истово, — что он не попросит показать ему содержимое портфеля, который лежал на переднем пассажирском сиденье. В 2011 году я мог бы отказать ему в такой просьбе, сказав, что сон в автомобиле — не повод для обыска. Черт, там, где я остановился, даже счетчика не было. Но в 1963 году коп имел полное право на досмотр. Наркотики он бы не нашел, зато обнаружил бы крупную сумму наличными, рукопись с названием «Место убийства» и тетрадку с подозрительными записями о Далласе и ДФК. Меня отвезут в ближайший полицейский участок для допроса или в «Паркленд» на психиатрическое освидетельствование.

Коп постоял, здоровенный и краснолицый, словно нарисованный Норманом Рокуэллом и сошедший с обложки «Сэтеди ивнинг пост». Потом протянул мне водительское удостоверение.

— Хорошо, мистер Амберсон. Возвращайтесь в ваш «Фоллоус», и я советую вам сразу поставить автомобиль на стоянку и больше сегодня не садиться за руль. Вид у вас больной.

— Именно так я и собираюсь поступить.

В зеркало заднего вида я наблюдал, как он провожает меня взглядом. Я боялся, что засну снова еще до того, как он останется за поворотом. Причем отрублюсь безо всякого предупреждения, мгновенно, просто вырулю с мостовой на тротуар, может, задавлю пешехода или троих и закончу свой путь в витрине мебельного магазина.

Когда я наконец-то припарковался у своего маленького коттеджа с ведущим к входной двери пандусом, голова болела, глаза

слезились, колено пульсировало... но мои воспоминания об Освальде оставались четкими и ясными. Я положил портфель на кухонный стол и позвонил Сейди.

— Я пыталась дозвониться до тебя, когда пришла домой после школы, но ты не брал трубку. Я волновалась.

— Зашел к мистеру Кенопенски поиграть в криббидж. — Без этой лжи я никак не мог обойтись. И предстояло запомнить все, что я говорю. Да и лгать следовало очень убедительно, потому что Сейди хорошо меня знала.

— Что ж, рада это слышать. — И потом, без паузы: — Как его зовут? Как зовут этого человека?

Ли Освальд. Едва не сорвалось с языка — она застала меня врасплох.

— Я... по-прежнему не знаю.

— Ты замялся. Я слышала.

Я ждал обвинения во лжи, так крепко сжимал трубку, что заболела рука.

— На этот раз ты едва не вспомнил, верно?

— Похоже на то, — осторожно согласился я.

Мы поговорили еще пятнадцать минут, и все это время я смотрел на портфель, в котором лежала тетрадка Эла. Сейди попросила перезвонить ей этим вечером, перед тем как я буду ложиться спать. Я пообещал.

9

Я решил вновь раскрыть синюю тетрадку после выпуска новостей «Хантли-Бринкли сообщают». Сомневался, что удастся найти что-то полезное. Последние, торопливые записи Эла информативностью не отличались. Он не думал, что «Миссия "Освальд"» затянется так надолго. Я, кстати, тоже. Путь к этому всем недовольному ничтожеству напоминал продвижение по заваленной деревьями дороге, а в результате прошлое еще и могло защищаться. Но я *остановил* Даннинга. Это вселяло надежду. У меня уже появились наметки плана, который позволял мне остановить Освальда, не попав в тюрьму или на электрический стул в Хантсвилле. И мне хватало причин для того, чтобы остаться на свободе. Главная из них проводила этот

вечер в Джоди. Возможно, кормила Дека Симмонса куриным супом.

Я медленно продвигался по моей приспособленной для нужд инвалидов квартире, собирая вещи. Хотел, чтобы после моего отъезда от Джорджа Амберсона осталась разве что старая пишущая машинка. Я надеялся, что у меня есть время до среды, но если Сейди скажет, что Деку лучше и она собирается вернуться во вторник вечером, придется ускорить отъезд. И где мне прятаться, пока я не закончу свою работу? Очень хороший вопрос.

Фанфары возвестили о начале выпуска новостей. На экране появился Чет Хантли.

— После выходных, проведенных во Флориде, где президент Кеннеди наблюдал за испытательным пуском ракеты «Поларис» и навещал выздоравливающего отца, он провел трудовой понедельник, произнеся пять речей за девять часов.

Вертолет — «Морпех-один» — приземлялся под радостные крики толпы. Вот Кеннеди приближается к толпе, одной рукой приглаживая растрепавшиеся волосы, а другой придерживая галстук. Он шагал впереди агентов секретной службы, которым пришлось перейти на бег трусцой, чтобы не отстать. Я зачарованно наблюдал, как он протиснулся между оградительными барьерами и нырнул в ожидающую толпу, пожимая руки направо и налево. На лицах агентов читался ужас.

— Этот сюжет из Тампы, — продолжил Хантли, — где Кеннеди пожимал руки почти десять минут. Он доставляет массу хлопот людям, чья работа — оберегать его жизнь, но вы видите, как это всем нравится. И он идет им навстречу, Дэвид... при всей приписываемой ему отчужденности, он наслаждается обязанностями, которые налагает политика.

Кеннеди уже продвигался к лимузину, по-прежнему пожимая руки и иногда попадая в женские объятия. Его поджидал кабриолет с откинутым верхом, как две капли воды похожий на тот, что повезет ДФК из аэропорта Лав-Филд на встречу с пулей Освальда. Может, и *тот самый*. На мгновение на черно-белом экране в толпе промелькнуло знакомое лицо. Я сидел на диване и наблюдал, как президент Соединенных Штатов пожимает руку моему букмекеру из Тампы.

Понятия не имею, правду ли говорил Рот о сифилисе, который подхватил Эдуардо Гутиеррес, или только повторял пущен-

ный кем-то слух, но тот заметно похудел, полысел, и в его глазах читалось недоумение, словно он не понимал, где находится, да и кто он такой. По обе стороны от Эдуардо стояли крепкие парни, одетые, как и агенты секретной службы, в строгие костюмы, несмотря на флоридскую жару. Через мгновение он исчез с экрана, и камера уже показывала Кеннеди, отъезжающего в кабриолете, такого уязвимого. Президент махал рукой и широко улыбался.

Экран заполнило морщинистое, обаятельно улыбающееся лицо Хантли.

— Не обошлось и без забавного момента, Дэвид. Когда президент входил в танцевальный зал «Интернейшнл инн», где ждали члены Торговой палаты Тампы, чтобы выслушать его речь... смотрите сами.

Когда Кеннеди вошел, махая рукой членам Торговой палаты, которые приветствовали его стоя, пожилой господин в тирольской шляпе и кожаных коротких штанах заиграл «Слава вождю» на огромном аккордеоне, который буквально подмял его под себя. Президент остановился, медленно повернулся к нему, а потом вскинул руки, как бы говоря: «Ну ни фига себе». И впервые я увидел в нем настоящего человека, каким уже хорошо представлял Освальда. В этой замедленной реакции, в этих вскинутых руках я увидел не просто чувство юмора, а высокую оценку удивительной абсурдности жизни.

Дэвид Бринкли тоже улыбался.

— Если Кеннеди переизберут, возможно, этого господина пригласят сыграть на инаугурационном балу. Возможно, «Польку пивного бочонка», а не «Славу вождю». Тем временем в Женеве...

Я выключил телевизор, вернулся к дивану и открыл тетрадку Эла. Пролистывая, продолжал видеть перед собой Кеннеди. И его улыбку. Чувство юмора. Чувство абсурда. Человек в окне шестого этажа книгохранилища ими не обладал. Освальд вновь и вновь доказывал, что менять ход истории — дело не для таких, как он.

10

Я с ужасом обнаружил, что пять из шести последних страниц записей Эла — о пребывании Ли в Новом Орлеане и его бесплодных попытках перебраться на Кубу через Мексику. Только на

самой последней странице речь пошла о подготовке к покушению, и записи эти показались мне слишком поверхностными и небрежными. Эл, несомненно, знал эту часть истории наизусть и, вероятно, полагал, что будет уже поздно, если я не сумею остановить Освальда к третьей неделе ноября.

10.3.63. О. снова в Техасе. Он и Марина живут врозь. Она — в доме Рут Пейн. О. приезжает туда по выходным. Рут нашла О. работу в книгохранилище через соседа (Бюэла Фрейзиера). Рут называет О. «чудесным молодым человеком».

В рабочие дни О. живет в Далласе. В пансионе.

10.17.63. О. начинает работать в книгохранилище. Переносит книги, разгружает грузовики и т.д.

10.18.63. О. исполняется 24. Рут и Марина устраивают ему сюрприз — вечеринку. О. их благодарит. Плачет.

10.20.63. Рождается 2-я дочь: Одри Рейчел. Рут отвозит Марину в больницу (Паркленд), пока О. на работе. Винтовка лежит в гараже Пейнов, завернутая в одеяло.

О. регулярно посещает агент ФБР Джеймс Хости. Подогревает его паранойю.

11.21.63. О. приходит в дом Пейнов. Умоляет Марину вновь жить вместе с ним. М. отказывается. Последняя соломинка, ломающая хребет О.

11.22.63. О. оставляет все свои деньги на комоде для Марины. Вместе с обручальным кольцом. Едет из Ирвинга к книгохранилищу с Бюэлом Фрейзиером. Везет с собой что-то завернутое в плотную коричневую бумагу. Бюэл спрашивает, что это. «Палка для штор в моей новой квартире», — отвечает ему О. Вероятно, винтовка «Ман-Карк» в разобранном виде. Бюэл паркуется на автомобильной стоянке в двух кварталах от книгохранилища. Три минуты ходьбы.

11.50. О. сооружает снайперское гнездо в ю.-в. углу 6-го этажа, используя картонные коробки, чтобы укрыться от рабочих, которые на другой стороне настилают фанеру под новый пол. Ленч. На 6-м этаже только он. Все остальные ждут президента.

11.55. О. собирает и заряжает «Ман-Карк».

12.29. Кортеж прибывает к Дили-плазе.

12.30. О. стреляет три раза. 3-я пуля убивает ДФК.

Наиболее важные для меня сведения — адрес пансиона, в котором жил Освальд, — в записях Эла отсутствовали. Я едва подавил желание выбросить тетрадку в окно. Вместо этого встал, надел пальто, вышел из дома. Почти стемнело, но по небу уже плыла луна в третьей четверти. В ее свете я увидел мистера Кенопенски, который, сгорбившись, сидел в своем кресле с «Моторолой» на коленях.

Я спустился по пандусу и захромал к нему.

— Мистер Кей? Все в порядке?

Несколько секунд он не отвечал и не двигался, и я решил, что он умер. Потом мистер Кенопенски поднял голову и улыбнулся.

— Слушаю мою музыку, сынок. Вечером на Кей-эм-эй-ти играют свинг, и я возвращаюсь в прошлое. В те дни я мог танцевать линди и банни-хоп как никто другой, хотя сейчас по мне этого не скажешь. Луна сегодня красавица, правда?

Я придерживался того же мнения. Какое-то время мы молча любовались луной, а я думал о предстоящей работе. Может, я и не знал, где находится Ли в этот вечер, но мог точно сказать, где лежит сейчас его винтовка: в гараже Рут Пейн, завернутая в одеяло. Допустим, я пойду и заберу ее? Я мог бы даже забраться в гараж. Это же Страна прошлого, где люди частенько не запирали дома, не говоря уже о гаражах. А если Эл ошибся? При покушении на Уокера Ли спрятал винтовку совсем не там, где предполагал Эл. Даже если...

— О чем задумался, сынок? — спросил мистер Кенопенски. — У тебя такой несчастный вид. Надеюсь, проблема не с женщиной?

— Нет. Пока еще нет. Дадите совет?

— Да, сэр, дам. Это единственное, на что способны старики, когда они уже не могут прыгать через скакалку или сесть за руль.

— Допустим, вы знаете человека, который собирается сделать что-то плохое. Знаете, что он твердо решил это сделать. Если вы однажды остановили этого человека, скажем, отговорили от задуманного, как по-вашему, он попытается сделать это снова или во второй раз уже не решится?

— Трудно сказать. Ты, наверное, думаешь, что негодяй, изуродовавший лицо твоей женщины, может вернуться и довершить начатое?

— Что-то в этом роде.

— Безумец. — Вопросительных ноток не слышалось.

— Да.

— Здравомыслящие люди в большинстве случаев понимают намек, — продолжил мистер Кенопенски. — Рехнувшиеся — крайне редко. Видел это в далеком прошлом, до появления электрических фонарей и телефонов. Предупреждаешь их — они приходят снова, избиваешь — они нападают из засады, сначала на тебя, потом на того, за кем охотились с самого начала. Выгоняешь из округа — они сидят на границе и ждут. Если имеешь дело с такими психами, самое безопасное — надолго упечь их за решетку. Или убить.

— И я так думаю.

— Не позволяй ему вернуться и изрезать ножом то, что осталось, если он на это нацелился. Если она тебе дорога, а мне кажется, что так оно и есть, ты за нее в ответе.

Я это знал, хотя речь шла уже не о Клейтоне. Вернулся в свою маленькую стандартную квартирку, сварил крепкий черный кофе и сел за стол, раскрыв блокнот. Общий план у меня уже сформировался, но теперь я хотел начать более детальную проработку.

Вместо этого начал клевать носом. Потом заснул.

Проснулся почти в полночь, щека болела там, где прижималась к клетчатой клеенке кухонного стола. Заглянул в блокнот. Я не знал, нарисовал ли это до того, как заснул, или просыпался на некоторое время, чтобы нарисовать. Не мог вспомнить.

Оружие. Не «Манлихер-Каркано», а револьвер. Мой револьвер. Тот самый, который я бросил под крыльцо дома 214 по Западной Нили-стрит. Наверное, он лежал там до сих пор. Я *надеялся*, что он там лежит.

Потому что намеревался им воспользоваться.

11

11.19.63 (Вторник)

Сейди позвонила утром, чтобы сказать, что Деку получше, но она хочет, чтобы он оставался дома и завтра. «Иначе он выйдет на работу, и у него снова может подняться температура. Но я соберу чемодан до того, как пойду в школу завтра утром, и выеду к тебе по окончании шестого урока».

Шестой урок заканчивался в десять минут второго. Это означало, что завтра я должен уехать из «Эден-Фоллоус» не позднее четырех пополудни. Если бы я только знал куда.

— С нетерпением жду встречи с тобой.

— Голос у тебя такой странный и напряженный. Опять болит голова?

— Есть немного. — Чистая правда.

— Приляг и положи на глаза влажную тряпку.

— Так и сделаю. — Ложь.

— Ты что-нибудь придумал?

Если на то пошло, да. Я пришел к выводу, что взять винтовку Ли — не вариант. И застрелить его в доме Пейнов — тоже. И не потому, что меня скорее всего поймали бы. В доме находились четыре ребенка, считая детей Рут. Я мог бы попытаться пристрелить Ли по дороге на автобусную остановку, но он ездил с Бюэлом Фрейзиером, соседом, который устроил его на работу по просьбе Рут Пейн.

— Нет, — ответил я. — Еще нет.

— Мы придумаем. Подожди и сам увидишь.

12

Я поехал (все еще медленно, но уже увереннее) через весь город на Западную Нили-стрит, гадая, а что я буду делать, если обнаружится, что в квартире на первом этаже уже живут. Наверное, пришлось бы покупать новый револьвер или пистолет... но мне требовался «полис спешл» тридцать восьмого калибра, хотя бы потому, что именно таким я воспользовался в Дерри и та миссия завершилась успешно.

Согласно Фрэнку Блейру, ведущему радиовыпуска новостей «Сегодня», Кеннеди перебрался в Майами, где его встретила толпа кубинских эмигрантов. Некоторые держали плакаты «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДФК», другие развернули транспарант «КЕННЕДИ — ПРЕДАТЕЛЬ НАШЕЙ ИДЕИ». Если ничего не изменится, жить ему оставалось семьдесят два часа. Освальд — он проживет чуть дольше — сейчас находился в Хранилище учебников, возможно, загружал ящики с книгами в один из грузовых лифтов, а может, пил кофе в комнате отдыха.

Я мог бы разобраться с ним там — просто подойти к нему и пристрелить, — но меня схватили бы и повязали. После выстрела, при удаче. До, при невезении. В любом случае в следующий раз я бы увидел Сейди Данхилл через стекло, армированное проволокой. Если бы мне пришлось отдать свою жизнь за жизнь Освальда — *пожертвовать собой*, по терминологии героев, — наверное, я бы пошел на это. Но мне не хотелось, чтобы все так закончилось. Я не собирался отказываться от Сейди и торта.

На лужайке перед домом 214 по Западной Нили-стрит стоял мангал для жарки мяса, на крыльце — новое кресло-качалка, но шторы были раздвинуты, а автомобиля на подъездной дорожке я не увидел. Я припарковался у тротуара, сказал себе, что смелость города берет, и поднялся на крыльцо. Встал на том самом месте, где стояла Марина десятого апреля, и постучал, как постучала она. Если бы кто-нибудь открыл дверь, я бы представился Фрэнком Андерсоном, распространителем энциклопедии «Британника» («Грит» я определенно перерос) в этом районе. Если бы открывшая мне дверь дама проявила интерес, пообещал бы завтра вернуться с образцами печатной продукции.

Никто не открыл. Может, нынешняя хозяйка квартиры тоже работала. Или пошла в гости к соседке. Или лежала в спальне, в которой не так давно лежал я, и отсыпалась после выпитого. Я полагал, что мне от этого ни холодно, ни жарко, как говорили в таких случаях в Стране прошлого. Вокруг царила тишина, и, что более важно, пустовал и тротуар. Не давала о себе знать даже миссис Альберта Хитчисон, вооруженный ходунками окрестный часовой.

Я спустился с крыльца, бочком и прихрамывая, двинулся к тротуару, повернулся, словно что-то забыл, и заглянул под ступени. Револьвер лежал там, закиданный листьями, из которых торчал только короткий ствол. Я опустился на здоровое колено, вытащил оружие, сунул в боковой карман пиджака. Огляделся. За мной никто не наблюдал. Я захромал к моему автомобилю, положил револьвер в бардачок и уехал.

13

Вместо того чтобы вернуться в «Эден-Фоллоус», я поехал в центр Далласа и остановился у магазина спортивных товаров, где купил набор для чистки стрелкового оружия и коробку патронов.

Меньше всего мне хотелось, чтобы револьвер дал осечку или взорвался у меня в руках.

Следующая остановка пришлась на отель «Адольф». Как выяснилось, свободный номер я мог получить только на следующей неделе. Швейцар доверительно сообщил мне, что по случаю визита президента все отели забиты под завязку, однако за доллар он с радостью припаркует мой автомобиль на стоянке. «Но только до четырех дня. Потом начинается строгая проверка».

Часы уже показывали полдень. Дили-плаза располагалась лишь в трех или четырех кварталах, но добирался я туда достаточно долго. Я устал, голова раскалывалась от боли, несмотря на «Гудис паудер». Техасцы обожали жать на клаксон, и каждый гудок простреливал голову. Я часто отдыхал, приваливаясь плечом к стенам зданий и стоя на здоровой ноге, как цапля. Какой-то таксист спросил, все ли со мной в порядке. Я заверил его, что прекрасно себя чувствую. Солгал. Я чувствовал себя обессиленным и несчастным. Человек с негнущимся коленом не должен взваливать на себя будущее мира.

С безмерной радостью я плюхнулся задом на ту самую скамью, где сидел в 1960 году, через несколько дней после прибытия в Даллас. Вяз, который тогда прикрывал меня своей тенью, сегодня только постукивал голыми ветвями. Я вытянул больную ногу, облегченно выдохнул. Потом посмотрел на отвратительный кирпичный куб Хранилища школьных учебников. Окна, выходящие на Хьюстон-стрит и улицу Вязов, блестели в лучах холодного полуденного солнца. *Мы знаем секрет,* говорили они. *Мы собираемся стать знаменитыми, особенно одно из нас, в юго-восточном углу на шестом этаже. Мы собираемся стать знаменитыми, и ты не сможешь нам в этом помешать.* От здания определенно веяло угрозой. Только ли у меня сложилось такое впечатление? Я обратил внимание, что несколько человек перешли на другую сторону улицы Вязов перед тем, как пройти мимо Хранилища, и решил, что нет. Ли сейчас находился в здании, и я не сомневался, что во многом наши мысли совпадали. *Смогу ли я это сделать? Сделаю ли? В этом ли мое предназначение?*

Роберт больше не твой брат, думал я. *Теперь я твой брат, Ли, брат по оружию. Ты просто этого не знаешь.*

За Хранилищем учебников, на грузовой станции, взревел двигатель. Стайка полосатохвостых голубей поднялась в воздух,

какое-то время покружила над рекламой «Хертц» на крыше Хранилища, а потом полетела к Форт-Уорту.

Убей я его до двадцать второго, Кеннеди остался бы в живых, но я наверняка угодил бы в тюрьму или психиатрическую лечебницу на двадцать или тридцать лет. А если бы я убил его двадцать второго? В тот самый момент, когда он собирал бы винтовку?

Столь долгое ожидание таило в себе огромный риск, и раньше я всеми силами старался его избежать, но теперь думал, что смогу это сделать. Более того, это мой единственный шанс избежать наказания. Конечно, при таком раскладе мне бы очень помог напарник, но доверял я только Сейди, а ее не хотел втягивать ни при каких обстоятельствах. Даже в том случае, если бы Кеннеди пришлось умереть или мне сесть в тюрьму. Ей и так досталось.

Медленным шагом я двинулся в обратный путь. Обернувшись, бросил последний взгляд на Техасское хранилище школьных учебников. Оно смотрело на меня. Я в этом не сомневался. И разумеется, развязка могла наступить только здесь, представлять что-то еще я мог только по глупости. Меня тянуло к этой кирпичной громадине, как корову на скотобойне — вниз по желобу.

14

11.20.63 (Среда)

Я резко проснулся на заре, вырвавшись из какого-то сна, с гулко бьющимся сердцем.

Она знает.

Знает что?

Что ты лжешь ей обо всем, чего, по твоим словам, не помнишь.

— Нет, — вырвалось у меня. Голос со сна осип.

Да. Она сознательно сказала тебе, что уедет после шестого урока. Не хотела, чтобы ты знал о ее планах уехать гораздо раньше. Она не хочет, чтобы ты узнал, до ее появления здесь. Очень возможно, что она уже едет сюда. Появится, когда утреннее занятие лечебной физкультурой будет в самом разгаре.

Я не хотел в это верить, но чувствовал, что так оно и есть.

Так куда мне идти? Я сидел на кровати в первом свете зари, полностью отдавая себе отчет, что вариант у меня только один. И мое подсознание давно это знало. Прошлое резонирует, отражается эхом.

Но сначала мне предстояла одна работенка — сесть за пишущую машинку. Неприятная работенка.

15

20 ноября 1963 г.

Дорогая Сейди!

Я тебе лгал. Думаю, какое-то время ты это подозревала. Думаю, сегодня ты собиралась приехать раньше обещанного. Вот почему ты увидишь меня снова лишь после намеченного на послезавтра визита ДФК в Даллас.

Если все пройдет, как я надеюсь, нас будет ждать долгая и счастливая жизнь в другом месте. Поначалу оно покажется тебе странным, но ты привыкнешь. Я тебе помогу. Я люблю тебя и именно поэтому не могу позволить тебе принять в этом участие.

Пожалуйста, верь мне, пожалуйста, прояви терпение и, пожалуйста, не удивляйся, если прочитаешь мое имя и увидишь мою фотографию в газетах, — если все пойдет, как я планирую, этого скорее всего не избежать. И главное, не пытайся меня найти.

Со всей любовью,
Джейк.

P.S. Лучше сожги это письмо.

16

Я запаковал свою жизнь в ипостаси Джорджа Амберсона в багажник «шеви» с характерными задними плавниками, напоминающими крылья чайки, сунул в щель между дверью и кося-

ком записку для инструктора по лечебной физкультуре и уехал с тяжелым сердцем, в тоске по дому. Сейди покинула Джоди даже раньше, чем я предполагал, — до рассвета. Я уехал из «Эден-Фоллоус» в девять. Ее «жук» остановился у тротуара в четверть десятого. Она прочитала записку для инструктора, вошла, открыв дверь ключом, который я ей дал. На каретке пишущей машинки лежал конверт с ее именем на лицевой стороне. Она вскрыла его, прочитала письмо, села на диван перед выключенным телевизором и заплакала. Она все еще плакала, когда пришла инструктор по лечебной физкультуре... но сожгла письмо, как я и просил.

17

Мерседес-стрит затихла под обложенным облаками небом. Девочек-попрыгуний я не увидел, они были в школе, вероятно, внимательно слушали рассказ учительницы о грядущем визите президента, но табличка «СДАЕТСЯ», как я и ожидал, вновь висела на шатких перилах крыльца. С номером телефона. Я поехал на автомобильную стоянку у склада «Монтгомери уорд» и позвонил по телефону-автомату, стоявшему рядом с погрузочной площадкой. Нисколько не усомнился, услышав: «Да, это Мерритт», — что говорю с тем самым человеком, который сдал дом 2703 Ли и Марине. Я буквально видел его стетсон и кричаще расшитые сапоги.

Я объяснил ему, что мне нужно, и он рассмеялся, не веря своим ушам.

— Я не сдаю на неделю. Это хороший дом, приятель.

— Это лачуга. Я был в ней, так что знаю.

— Подождите мин...

— Нет, сэр, это вы подождите. Я дам вам пятьдесят баксов, чтобы провести в этой дыре уик-энд. Это почти месячная аренда, и в понедельник вы сможете вновь вывесить на крыльце свою табличку.

— А почему бы вам?..

— Потому что из-за приезда Кеннеди все отели Далласа и Форт-Уорта забиты. Я проехал долгий путь, чтобы увидеть его, и не собираюсь проводить ночь в Ярмарочном парке или в Дили-плазе.

Я услышал, как щелкнула поднесенная к сигарете зажигалка. Мерритт обдумывал мои слова.

— Время уходит. Тик-так.

— Как вас зовут, приятель?

— Джордж Амберсон. — Я уже жалел, что не вселился в дом без звонка. Уже собирался это сделать, но подумал, что приезд патрульной машины полицейского управления Форт-Уорта ни к чему хорошему не приведет. Я сомневался, что обитателей Мерседес-стрит, где по праздникам иногда взрывали куриц, волновали скваттеры, но лучше перестраховаться, чем потом рвать на себе волосы. Теперь я не ходил вокруг карточного домика — жил в нем.

— Встретимся перед домом через полчаса. Максимум через сорок пять минут.

— Я буду в доме, — ответил я. — У меня есть ключ.

Вновь пауза.

— Где вы его взяли?

Я не собирался выдавать Айви, пусть она теперь жила в Мозеле.

— У Ли. Ли Освальда. Он дал мне его, чтобы я мог поливать комнатные растения.

— У этого маленького говнюка были комнатные растения?

Я повесил трубку и вернулся к дому 2703. Мой временный арендодатель, возможно, подгоняемый любопытством, прибыл в своем «крайслере» буквально через пятнадцать минут. В стетсоне и расшитых сапогах. Я сидел в гостиной, вслушиваясь в разговоры призраков людей, которые прежде здесь жили. Они все стремились выговориться.

Мерритт хотел побольше узнать об Освальде — тот действительно чертов коммунист? Я ответил, что нет, хороший парень из Луизианы и теперь работает в доме, чьи окна выходят на улицу, по которой в пятницу предстоит проехать президентскому кортежу. Сказал, что собираюсь попросить Ли позволить мне насладиться зрелищем, стоя рядом с ним.

— Гребаный Кеннеди! — Мерритт чуть не кричал. — Вот уж кто точно коммунист. Кто-то должен пристрелить этого сукина сына, пока он не натворил бед.

— Хорошего вам дня. — Я открыл дверь.

Он ушел, но в скверном настроении. Привык к тому, что арендаторы ходят перед ним на задних лапках. Пройдя несколько шагов по крошащейся бетонной дорожке, повернулся.

— Все оставите в полном порядке, как и было, слышите?

Стоя на пороге, я оглядел гостиную: вытертый ковер, осыпающаяся штукатурка, продавленное кресло.

— Будьте уверены.

Сел и попытался вновь настроиться на волну призраков: Ли и Марины, Маргариты и де Мореншильдта. Вместо этого разом провалился в сон, как со мной теперь случалось. Пробуждаясь, услышал пение и решил, что оно долетает из сна.

— Чарли Чаплин во Франции ЩАС! Смотрит, как дамы танцуют у НАС!

Пение никуда не делось и когда я открыл глаза. Я подошел к окну и выглянул. Девочки, которые прыгали через скакалку, стали выше и старше, но именно их я видел здесь раньше, можете не сомневаться. Необыкновенное трио. Лицо той, что прыгала, покрывали какие-то высыпания, хотя до подростковых прыщей ей оставалось еще года четыре. Может, переболела коревой краснухой.

— Салют капитану!

— Салют королю! — пробормотал я и пошел в ванную, чтобы умыться. Вода из крана потекла ржавая, но достаточно холодная для того, чтобы окончательно меня разбудить. Разбитые часы я заменил дешевым «Таймексом» и увидел, что уже половина третьего. Голода я не чувствовал, но понимал, что поесть надо, а потому поехал в «Барбекю» мистера Ли. На обратном пути остановился у аптечного магазина, чтобы купить еще одну упаковку порошков от головной боли. Заодно купил пару детективов Джона Д. Макдональда.

Девочки-попрыгуньи ушли. Мерседес-стрит, обычно шумную, в этот вечер окутывала тишина. *Как зрительный зал перед тем, как поднимется занавес и начнется последнее действие,* подумал я. Начал есть, но хотя мясо на ребрышках было острым и нежным, выкинул почти все.

18

Я попытался заснуть в большой спальне, но призраки Ли и Марины никак не хотели угомониться. Поэтому ближе к полуночи я перебрался в спальню поменьше. Нарисованные Розеттой Темплтон девочки по-прежнему украшали стены, однако их оди-

наковые свитера (Розетта отдавала предпочтение зеленому мелку) и большие черные туфли показались мне успокаивающими. Я подумал, что Сейди улыбнулась бы, увидев этих девочек. Особенно одну, с короной «Мисс Америки».

— Я люблю тебя, милая, — прошептал я и заснул.

19

11.21.63 (Четверг)

Завтракать мне хотелось ничуть не больше, чем обедать прошлым вечером, но к одиннадцати утра я почувствовал, что без кофе не выживу. Наверное, мог выпить галлон, а то и больше. Взял одну из новых книг — называлась она «Захлопни большую дверь» — и поехал в «Счастливое яйцо» на проспекте Брэддока. Телевизор за стойкой работал, и я посмотрел выпуск новостей о приезде Джона Кеннеди в Сан-Антонио, где его встретили Линдон Джонсон с супругой. Там же к компании присоединились губернатор Джон Коннелли и его жена Нелли.

Пока на экране Кеннеди и его жена шли по летному полю военно-воздушной базы «Эндрюс» в Вашингтоне, направляясь к сине-белому президентскому самолету, корреспондентка, которой, судя по голосу, так не терпелось справить малую нужду, что она могла надуть в штаны, тараторила о новом «мягком» стиле прически первой леди, ее «веселеньком» черном берете и плавных линиях костюма-двойки из юбки и жакета от Олега Кассини. Последний был любимым дизайнером Жаклин, но я знал, что в самолете миссис Кеннеди дожидался другой наряд. На этот раз от Коко Шанель. Из розовой шерсти, подчеркнутой черным воротничком. И разумеется, с розовой шляпкой-таблеткой. Этот наряд будет очень хорошо сочетаться с розами, которые ей подарят в Лав-Филде, но не так хорошо с кровью, которая выплеснется на ее юбку, чулки и туфли.

20

Я вернулся на Мерседес-стрит и читал книжки. Ждал, когда же упрямое прошлое свалит меня с ног желудочным гриппом... или мне на голову обрушится крыша... или под домом 2703 раз-

верзнется земля, утаскивая меня в глубокий провал. Я почистил револьвер тридцать восьмого калибра, зарядил новыми патронами, разрядил, почистил снова. Очень надеялся, что внезапно навалится сон — как бы это помогло скоротать время, — но напрасно. Минуты еле тащились, с неохотой складываясь в часы, и каждый приближал Кеннеди к пересечению Хьюстон-стрит и улицы Вязов.

Сегодня никаких внезапных приступов сна, подумал я. *Это произойдет завтра. Когда наступит критический момент, я просто отключусь. А открыв глаза, узнаю, что дело сделано и прошлое защитило себя.*

Такое могло случиться. Я знал, что могло. Если бы случилось, мне пришлось бы выбирать: найти Сейди и жениться на ней или вернуться и начать все сначала. Думая об этом, я понимал, что на самом деле никакого решения принимать не придется. Мне бы не хватило сил, чтобы вернуться и пойти на второй круг. Так или иначе, все определится завтра. Последний шанс охотника.

В тот вечер Кеннеди, Джонсоны и Коннелли присутствовали на торжественном обеде, организованном в Хьюстоне Лигой латиноамериканских граждан. Гостей потчевали аргентинской кухней: *ensalada rusa** и тушеное мясо, известное как *guiso*. После обеда Джеки произнесла речь — на испанском. Я привез из ресторана бургеры и картофель фри. Поел... точнее попытался. Пару раз укусил бургер, а потом все отправилось в мусорный бак, который стоял за домом.

Я дочитал оба романа Макдональда. Подумал о том, чтобы достать из багажника рукопись своего романа, но меня замутило даже от мысли о чтении собственного произведения. В итоге я уселся в продавленное кресло и не поднимался с него до темноты. Потом пошел в маленькую комнатушку, где спали Розетта Темплтон и Джун Освальд. Лег, сняв туфли, но в одежде, подложив под голову диванную подушку, которую принес из гостиной. Дверь оставил открытой, свет в гостиной не погасил. Смотрел на нарисованных мелками девочек в зеленых свитерах. Я знал, что впереди ночь, в сравнении с которой предыдущий долгий день покажется очень и очень коротким. Мне предстояло лежать без сна — со свешивающимися почти до пола ногами, — пока первый свет двадцать второго ноября не начнет просачиваться в окна.

---

* Русский салат, или салат оливье (*исп.*).

Лежал я очень долго, терзаемый «что-если», «а-как-бы-все-вышло» и мыслями о Сейди. Мне так ее недоставало, я так хотел, чтобы она была рядом, что внутри все болело. В какой-то момент, вероятно, далеко за полночь (я перестал смотреть на часы, медленное движение стрелок вгоняло в депрессию), я провалился в сон, глубокий и без сновидений. Одному Богу известно, как долго я спал бы следующим утром, если бы меня не разбудили. Кто-то мягко тряс меня за плечо.

— Проснись, Джейк. Открой глаза.

Я сделал, как велено, хотя, увидев, кто сидит у кровати, поначалу решил, что мне все это снится. Но протянул руку, коснулся штанины ее вылинявших джинсов, почувствовал под ладонью материю. Волосы завязаны в узел на затылке, почти никакой косметики, на левой щеке — уродливый шрам. Сейди. Она меня нашла.

Глава 28

1

11.22.63 (Пятница)

Я сел и инстинктивно, не думая, обнял ее. Она обняла меня в ответ, очень крепко. Потом поцеловал, пробуя на вкус ее реальность — смешавшиеся запахи табака и «Эйвона». Запах помады проигрывал — нервничая, она чуть ли не всю ее облизала. Я вдыхал ароматы ее шампуня, дезодоранта, маслянистый запах пота. Но прежде всего ощущал ее тело, бедро, и грудь, и шрам на щеке. Рядом со мной сидела Сейди.

— Который час? — Мой надежный «Таймекс» остановился.

— Четверть девятого.

— Ты шутишь? Быть такого не может!

— Тем не менее. И я не удивлена в отличие от тебя. Как давно ты в последний раз спал, а не отрубался на пару часов?

Я все еще свыкался с тем, что Сейди здесь, в доме в Форт-Уорте, где раньше жили Марина и Ли. Как такое могло быть? Во имя Господа, *как*? Но это еще не все. Кеннеди в этот момент тоже в Форт-Уорте, произносит речь за завтраком, устроенным местной Торговой палатой в отеле «Техас».

— Мой чемодан в багажнике моего автомобиля. Мы поедем на «жуке» или твоем «шеви»? «Жук» больше подойдет. Его легче припарковать. И все равно придется заплатить за парковку немалые деньги. Парковщики уже на улицах, размахивают своими флагами. Я их видела.

— Сейди. — Я покачал головой, словно пытался разогнать застилающий разум туман, потом схватил туфли. В голове носились мысли, в огромном количестве, но все они кружились, словно подхваченные смерчем бумажки, и я не мог поймать ни одной.

— Я здесь.

Да. В этом и проблема.

— Ты не можешь ехать со мной. Это слишком опасно. Я думал, что все тебе объяснил, но, возможно, выразился недостаточно ясно. Когда ты пытаешься изменить прошлое, оно кусает тебя. И может загрызть, если дать ему шанс.

— Ты выразился достаточно ясно. Но ты не сможешь сделать это один. Надо трезво смотреть на ситуацию, Джейк. Ты набрал несколько фунтов, но по-прежнему худой как щепка. Ты хромаешь при ходьбе, и сильно. Тебе приходится останавливаться и отдыхать через каждые две сотни шагов. И что ты сделаешь, если придется бежать?

Я промолчал. Впрочем, я ее слушал. При этом заводил часы и устанавливал время.

— Но это еще не самое худшее. Ты... ой! Что ты делаешь?

Я ухватил ее за бедро.

— Убеждаюсь, что ты настоящая. До сих пор не могу в это поверить. — «Борту номер один» менее чем через три часа предстояло приземлиться в Лав-Филде. Там кто-то подарит Джеки Кеннеди розы. На другой из техасских остановок ей вручили букет желтых роз, но в Далласе она получит красные.

— Я настоящая, и я здесь. Послушай меня, Джейк. Самое худшее не в том, насколько ты далек от хорошей физической формы. Самое худшее — твои внезапные приступы сна. Разве ты не думал об этом?

Я думал об этом очень много.

— Если прошлое такое злобное, как ты говоришь, что, по-твоему, произойдет, если тебе удастся добраться до человека, на которого ты охотишься, прежде, чем он нажмет спусковой крючок?

Прошлое — не злобное, это неправильный термин, но я понимал, что она хотела сказать, и возразить было нечего.

— Ты просто не понимаешь, во что впутываешься.

— Прекрасно понимаю. И ты забываешь кое-что очень важное. — Она взяла меня за руки, заглянула в глаза. — Я не просто твоя любимая женщина, Джейк... если ты меня по-прежнему любишь...

— Именно поэтому я и боялся твоего внезапного появления.

— Ты говоришь, что какой-то человек собирается убить президента, и у меня есть основания верить тебе, отталкиваясь от других твоих прогнозов, которые сбылись. Ты наполовину убедил даже Дека. «Он знал, что Кеннеди приедет, до того, как об этом узнал *сам* Кеннеди, — сказал Дек. — И он знал, что Кеннеди приедет с миссис». Но ты ведешь себя так, будто ты единственный, кого это заботит. Отнюдь. Дека тоже заботит. Он бы приехал, если бы не лежал с высокой температурой. И меня заботит. Я не голосовала за него, но я американка, а потому он не просто президент, он мой президент. Мои слова не кажутся тебе слишком напыщенными?

— Нет.

— Хорошо. — Ее глаза сверкнули. — У меня нет ни малейшего желания позволить какому-то безумцу застрелить его, и я не собираюсь заснуть в самый неподходящий момент.

— Сейди...

— Дай мне закончить. Времени у нас не много, поэтому ты должен слушать внимательно. Ты слушаешь?

— Да, мэм.

— Хорошо. *Тебе от меня не избавиться*. Заруби это на носу — *не избавиться*. Я иду с тобой. Если ты не пустишь меня в свой «шеви», я поеду следом на «жуке».

— Господи Иисусе. — Я не знал, молюсь я или ругаюсь.

— Если мы когда-нибудь поженимся, я буду делать все, что ты скажешь, пока ты будешь относиться ко мне по-доброму. Меня так воспитали, и я верю, что в этом и заключается работа жены (*О да, дитя шестидесятых,* подумал я). Я готова оставить все, что я знаю, здесь и последовать за тобой в будущее. Потому что я люблю тебя и потому что верю тебе. Знаю, что будущее, о котором ты говоришь, действительно существует. Я, вероятно,

никогда не предъявлю тебе другой ультиматум, но сейчас предъявляю. Или ты делаешь это со мной, или не делаешь вовсе.

Я обдумал ее слова, и тщательно. Спросил себя, настроена ли она серьезно. Ответ вызвал не больше сомнений, чем наличие шрама на ее лице.

Сейди тем временем разглядывала нарисованных мелком девочек.

— И кто их нарисовал? Между прочим, очень неплохо.

— Розетта, — ответил я. — Розетта Темплтон. Она вернулась с мамулей в Мозель после того, как с ее папулей произошел несчастный случай.

— И потом ты въехал сюда?

— Нет, в дом напротив, на другой стороне улицы. А сюда въехала семья Освальдов.

— Это его фамилия, Джейк? Освальд?

— Да. Ли Освальд.

— Я еду с тобой?

— У меня есть выбор?

Она улыбнулась и погладила меня по щеке. До этой улыбки облегчения я понятия не имел, как же она боялась, когда будила меня.

— Нет, дорогой. Насколько я понимаю, нет. Ультиматум именно это и означает.

2

Мы положили ее чемодан в «шевроле». Если бы нам удалось остановить Освальда (и не оказаться за решеткой), «жука» мы забрали бы после и она поехала бы на нем в Джоди, где он смотрелся бы очень естественно на подъездной дорожке у ее дома. А если бы что-то пошло не так — если бы наша миссия провалилась или нас заподозрили в убийстве Ли, — нам пришлось бы бежать. И в сравнении с фольксвагеновским «жуком», на «шевроле» с восьмицилиндровым двигателем мы смогли бы убежать быстрее и дальше, не привлекая к себе внимания.

Она увидела револьвер, когда я засовывал его во внутренний карман пиджака, и остановила меня.

— Нет. В наружный карман.

Я вскинул брови.

— Тогда я смогу взять его, если ты внезапно устанешь и решишь, что пора спать.

Мы вышли на дорожку, Сейди повесила сумку на плечо. Синоптики обещали дождь, но у меня сложилось впечатление, что за сегодняшний прогноз им полагался неуд. Небо очищалось от облаков.

Прежде чем Сейди успела сесть на пассажирское сиденье, у меня за спиной раздался голос:

— Это ваша подруга, мистер?

Я обернулся и увидел попрыгунью с прыщами на лице. Не подростковыми, не вызванными коревой краснухой, и мне не пришлось спрашивать, почему она не в школе: заболела ветрянкой.

— Да.

— Красивая. Кроме... — она издала какой-то непонятный звук, — у нее на лице.

Сейди улыбнулась. Ее сила духа вызывала у меня все большее восхищение.

— Как тебя зовут, милая?

— Сейди, — ответила девочка-попрыгунья. — Сейди Ван-Оуэн. А вас?

— Что ж, ты, наверное, не поверишь, но меня тоже зовут Сейди.

Девочка смотрела на нее с цинизмом, свойственным всем детям Мерседес-стрит.

— Нет, быть не может!

— Но это правда. Я Сейди Данхилл. — Она повернулась ко мне. — Удивительное совпадение, не правда ли, Джордж?

Меня это совершенно не удивляло, но из-за отсутствия времени я решил обойтись без дискуссии.

— Хочу у тебя кое-что спросить, мисс Сейди Ван-Оуэн. Ты знаешь, где останавливаются автобусы на Уинскотт-роуд, да?

— Да. — Она закатила глаза, как бы спрашивая: *За какую же дуру ты меня держишь?* — Послушайте, вы переболели ветрянкой?

Сейди кивнула.

— Я тоже, — ответил я, — так что об этом можешь не волноваться. Ты знаешь, какой автобус идет в центр Далласа?

— Номер три.

— И как часто он ходит?

— Думаю, каждые полчаса, но, может, и каждые пятнадцать минут. Почему вы хотите ехать на автобусе, если у вас есть машина? Если у вас есть две машины?

По выражению лица Большой Сейди я видел, что и она готова задать этот же вопрос.

— На то есть причины. И между прочим, всех вас, конечно, я тоже люблю.

Сейди Ван-Оуэн широко улыбнулась.

— Вы ее знаете?

— С давних пор. Садись, Сейди, нам пора.

Я проверил мои новые часы. Без двадцати девять.

3

— Объясни мне, почему тебя интересуют автобусы? — спросила Сейди.

— Сначала расскажи, как ты меня нашла?

— Когда я приехала в «Эден-Фоллоус» и не застала тебя, я первым делом сожгла твое письмо, как ты и просил, а потом заглянула к старику, который живет рядом.

— К мистеру Кенопенски.

— Да. Он ничего не знал. К тому времени на ступеньках уже сидела твой инструктор по лечебной гимнастике. Известие о том, что ты уехал, ее не порадовало. Она сказала, что поменялась сменами с Дорин, чтобы та сегодня смогла увидеть Кеннеди.

Впереди показалась автобусная остановка на Уинскотт-роуд. Я притормозил, чтобы посмотреть, нет ли расписания под небольшим навесом рядом со столбом с белой полосой. Увы, никакого расписания. Я припарковался в сотне ярдов за остановкой.

— Что ты делаешь?

— Выписываю страховой полис. Если автобус не покажется до девяти часов, мы поедем дальше. Заканчивай свою историю.

— Я обзвонила отели в центре Далласа, но никто не захотел разговаривать со мной. У всех и без того хватало дел. Я позвонила Деку, а он позвонил в полицию. Сказал им, что у него надежная информация о готовящемся покушении на президента.

Я смотрел в зеркало заднего вида, дожидаясь появления автобуса, но тут в изумлении уставился на Сейди. Однако при этом я не мог, пусть и с неохотой, не восторгаться Деком. Я понятия не имел, чему он поверил, но этого хватило на решительные действия.

— Что произошло? Он назвал свою фамилию?

— Не успел. Они положили трубку. Тогда я действительно начала осознавать твою правоту насчет умения прошлого защитить себя. Ты ведь так все это воспринимаешь? Живым учебником по истории.

— Теперь — нет.

К остановке приближался неуклюжий желто-зеленый автобус. В окошечке маршрута я прочитал: «3 ГЛАВНАЯ УЛИЦА ДАЛЛАС 3». Автобус остановился, двери спереди и сзади открылись, повернувшись на петлях. Два или три человека вошли, но о том, чтобы сесть, не было и речи. Когда автобус проехал мимо, я увидел, что все места заняты. У одного из окон сидела женщина, шляпу которой украшал ряд значков-пуговиц с изображением Кеннеди. Она весело помахала мне рукой, и хотя наши взгляды встретились лишь на секунду, я увидел в ее глазах волнение, радость и предвкушение праздника.

Я включил передачу и поехал следом за автобусом. На заднем окне, частично скрытая бурым выхлопом, улыбающаяся девушка от «Клэрол» заявляла, что будь у нее только одна жизнь, она хотела бы прожить ее блондинкой. Сейди театральным жестом помахала рукой перед носом.

— Фу! Отстань немного! Воняет!

— Кто бы говорил! Сама выкуриваешь пачку в день. — Но я признал ее правоту. Вонью дизельный выхлоп превосходил табак. Впрочем, следовать за автобусом уже не имело смысла, потому что Сейди-Попрыгунья не ошиблась с номером. Наверное, и с интервалом движения тоже. В обычные дни автобусы наверняка ходили каждые полчаса, но этот день назвать обычным язык не поворачивался.

— Я поплакала, думая, что ты ушел навсегда. Я за тебя боялась, но и злилась на тебя.

Я это понимал, но все равно думал, что поступил правильно, а потому счел за лучшее промолчать.

— Я снова позвонила Деку. Он спросил, не говорил ли ты чего о каком-нибудь убежище, может, в Далласе, но скорее всего в

Форт-Уорте. Я ответила, что вроде бы ничего такого не говорил. Он предположил, что ты мог сказать, когда находился в больнице и плохо соображал. Попросил хорошенько подумать. Как будто я и так этого не делала. Я снова пошла к мистеру Кенопенски, чтобы узнать, а вдруг ты что-то ему сказал. Уже подходило время ужина, и начало темнеть. Он ответил, что ты ничего ему не говорил, а тут подъехал его сын, привез обед и пригласил меня присоединиться к ним. Говорил только мистер Кенопенски, рассказывал всякие истории из далекого прошлого...

— Я знаю. — Впереди автобус повернул на бульвар Викери. Я включил поворотник и последовал за ним, но держался достаточно далеко, чтобы мы не глотали выхлопные газы дизельного двигателя. — Слышал не меньше трех десятков. Одна страшнее другой.

— Как выяснилось, я поступила правильно, слушая его, потому что перестала рыться в памяти, а когда расслабляешься, на поверхность обычно и выныривает то, что тебе нужно. Возвращаясь в твою маленькую квартиру, я вдруг вспомнила, что ты, по твоим словам, какое-то время жил на Кадиллак-стрит. Только эта улица называлась по-другому.

— Господи. Я об этом совершенно забыл.

— Это был мой последний шанс. Я снова позвонила Деку. Дома он подробных городских карт не держал, но знал, что они есть в библиотеке. Он поехал туда — вероятно, задыхаясь от кашля, он еще болеет, — просмотрел карты и позвонил мне. Он нашел Форд-авеню в Далласе. И Крайслер-парк, и несколько Додж-стрит. Но все это не тянуло на «кадиллак», если ты понимаешь, о чем я. А потом он нашел Мерседес-стрит в Форт-Уорте. Я хотела поехать сразу, но он сказал, что мне будет проще заметить тебя или твой автомобиль, если я подожду до утра.

Она сжала мою руку. Холодными пальцами.

— Это была самая длинная ночь в моей жизни, беспокойный ты человек. Я практически не сомкнула глаз.

— Моя ничем не отличалась от твоей, хотя где-то перед рассветом я все-таки уснул. Если бы ты не приехала, проспал бы это чертово покушение.

Такое даже представить себе жутко.

— На Мерседес много кварталов. Я ехала и ехала. Уже увидела край улицы, автомобильную стоянку перед каким-то большим зданием, вроде бы задней стеной универмага.

— Почти угадала. Это склад «Монтгомери уорд».

— И никаких признаков твоего присутствия. Не могу даже описать, какая на меня навалилась тоска. А *потом*... — Она улыбнулась. Ослепительно, несмотря на шрам. — Потом я увидела этот красный «шеви» с этими глупыми задними плавниками, которые выглядят как женские брови. Яркий, будто неоновая вывеска. Я закричала и барабанила кулаком по приборному щитку, пока не заболела рука. Теперь я здесь...

Тихий хруст донесся справа и спереди, а в следующее мгновение нас уже тащило к фонарному столбу. Из-под автомобиля донеслись тяжелые удары. Я крутил руль. Он вырывался из моих рук, но мне все-таки удалось избежать лобового столкновения со столбом. Вместо этого столб вошел в контакт с бортом автомобиля со стороны Сейди. Металл противно заскрипел по металлу. Дверь прогнулась внутрь, и я рывком дернул Сейди на себя. Мы остановились. Капот громоздился на тротуаре, автомобиль вжался правым бортом в фонарный столб. *Это тебе не спустившее колесо,* подумал я. *Это гребаная травма, несовместимая с жизнью.*

Сейди в изумлении смотрела на меня. Я рассмеялся. Не нами сказано, что иногда ты просто ничего не можешь с собой поделать.

— Добро пожаловать в прошлое, Сейди. Так мы здесь живем.

4

Она не смогла вылезти из автомобиля со своей стороны. Требовался лом, чтобы открыть дверь со стороны пассажирского сиденья. Несколько человек наблюдали за нами, но не так чтобы много.

— Эй, что случилось? — спросила женщина, толкавшая перед собой коляску с младенцем.

Все стало понятно, как только я обошел «шевроле» спереди. Отскочило правое переднее колесо. Оно лежало в двадцати футах от нас, у начала прорезанной в асфальте канавки. Ступица, вся в зазубринах, блестела на солнце.

— Отвалилось колесо, — объяснил я женщине с коляской.

— Господи, — выдохнула она.

— И что же нам делать? — тихим голосом спросила Сейди.

— Мы же выписали страховой полис. Теперь получим премию. На ближайшей автобусной остановке.

— Мой чемодан...

Да, подумал я, *и записи Эла. Мои рукописи... говняный роман, который никому не нужен, и мои мемуары. Плюс все мои деньги.* Я посмотрел на часы. Четверть десятого. В отеле «Техас» Джеки надевает розовый костюм. Еще через час или около того кортеж выедет к военно-воздушной базе «Карсуэлл», где дожидается большой самолет. С учетом расстояния между Форт-Уортом и Далласом пилоты едва успеют убрать шасси.

Я пытался найти выход.

— Может быть, вы хотите воспользоваться моим телефоном, чтобы кому-то позвонить? — спросила женщина с коляской. — Я живу чуть дальше по этой улице. — Она оглядела нас, заметила мою хромоту и шрам на лице Сейди. — Вам досталось?

— Все хорошо. — Я взял Сейди за руку. — Вы сможете позвонить в ремонтную мастерскую и попросить их отбуксировать туда автомобиль? Я понимаю, что прошу слишком многого, но мы очень торопимся.

— Я говорила ему, что перед вихляется. — В голосе Сейди прибавилось южного выговора. — Слава Богу, это случилось не на скоростном шоссе. — *Шо-оссе.*

— В двух кварталах заправка «Эссо». — Женщина указала на север. — Полагаю, я смогу дойти туда. Мы все равно гуляем.

— Вы нас спасете, мэм. — Сейди раскрыла сумочку, достала кошелек. Вытащила двадцатку. — Дайте им в счет буксировки. Извините, что обращаюсь к вам с такой просьбой, но я умру, если не увижу Кеннеди.

Ее последняя фраза вызвала у женщины с коляской улыбку.

— Господи, этого хватит на буксировку двух автомобилей. Если у вас есть в сумке бумага, я напишу расписку...

— Незачем, — вмешался я. — Мы вам доверяем. Но пожалуй, я оставлю записку под дворником.

Сейди вопросительно смотрела на меня, но уже протягивала ручку и блокнотик с нарисованным на обложке мультяшным мальчишкой, глаза которого смотрели в одну точку. «ШКОЛА ИЗУМЛЯЕТ, — сообщала надпись под его веселой ухмылкой. — ТАК ИЗУМЛЯЕТ, ЧТО КАЖЕТСЯ СНОМ».

Многое зависело от этой записки, но времени на выбор слов не было. Я торопливо написал ее, сунул под дворник, а мгновением позже мы уже поворачивали за угол.

5

— Джейк? Ты как?

— Отлично. А ты?

— Меня стукнуло дверью, и, наверное, на плече будет синяк, а в остальном все хорошо. Если бы мы врезались в столб, мне бы досталось сильнее. Да и тебе тоже. Кому записка?

— Тому, кто будет буксировать «шеви». — И я очень надеялся, что мистер Эвакуатор выполнит указанную в записке просьбу. — Об этом будем волноваться, когда вернемся.

«Если вернемся».

Следующая автобусная остановка находилась в середине квартала. У столба стояли три черные женщины, две белые женщины и один латинос, столь сбалансированный расовый компот, что создавалось впечатление, будто мы попали на кастинг сериала «Закон и порядок: Специальный корпус». Мы присоединились к ним. Я сел на скамью рядом с шестой женщиной, афроамериканкой фантастических пропорций, упакованных в белую униформу из вискозного трикотажа, которая, можно сказать, кричала: домоправительница богатеньких белых. Грудь она украсила значком-пуговицей с надписью «С ДФК НА ВЫБОРЫ В 64-М».

— Больная нога, сэр? — спросила она.

— Да. — В кармане моего пиджака лежали четыре пакетика с порошком от головной боли. Я нашарил их под револьвером, достал два, разорвал упаковки, высыпал содержимое в рот.

— Если будете постоянно их принимать, посадите печень, — предупредила негритянка.

— Я знаю. Но я должен держать ногу под контролем, чтобы увидеть президента.

Негритянка широко улыбнулась.

— Тут я вас понимаю.

Сейди стояла на бордюрном камне и озабоченно высматривала «Номер 3».

— Автобусы сегодня еле тащатся, но этот обязательно придет, — успокоила ее негритянка. — Я тоже не хочу пропустить Кеннеди.

В половине десятого автобуса по-прежнему не было, однако боль в колене заметно поутихла, хотя и не прошла. Господи, благослови «Гудис паудер».

Сейди подошла ко мне.

— Джейк, мы должны...

— А вот и «третий». — С этими словами домоправительница поднялась. Дама поражала воображение: черная, как эбеновое дерево, выше Сейди, прямые волосы блестят. — Эх-х, я найду себе место прямо в Дили-плазе. В сумке у меня сандвичи. Как думаете, он услышит меня, когда я закричу?

— Готов спорить, что услышит, — ответил я.

Она рассмеялась.

— Можете поверить, что услышит. И он, и Джеки — оба!

Автобус был набит битком, но люди, стоявшие на остановке, как-то в него втиснулись. Мы с Сейди были последними, и водитель, который, судя по виду, спешил, как брокер в «черную пятницу», поднял руку.

— Все! Места больше нет. И так как сельди в бочке! Дожидайтесь следующего!

Сейди бросила на меня отчаянный взгляд, но прежде чем я успел произнести хоть слово, за нас вступилась крупногабаритная дама:

— Не-ет! Ты позволишь им войти. У мужчины болит нога, и у женщины есть проблемы, сам видишь. Опять же, она худенькая, а он совсем тощий. Ты позволишь им войти, а не то я вышвырну тебя и сама сяду за руль. Водить автобус я умею. Научилась на «Бульдоге» моего папочки.

Водитель посмотрел на нависшую над ним негритянку, закатил глаза и махнул нам рукой. Когда я попытался бросить монеты в ящик для оплаты проезда, он закрыл щель рукой.

— Плюньте на эту чертову оплату, главное, зайдите за белую линию, если сможете. — Он покачал головой. — Не понимаю, почему они не пустили десяток дополнительных автобусов. — Водитель дернул за хромированную рукоятку. Двери захлопнулись. Зашипели пневматические тормоза, и мы покатились, медленно, но покатились.

Мой ангел еще не закончила свои добрые дела. Она набросилась на двух парней-рабочих, которые сидели сразу за водителем, с контейнерами для ленча на коленях.

— Поднимайтесь и освободите места этим даме и господину, немедленно! Разве вы не видите, что у него больная нога? А он хочет посмотреть на Кеннеди!

— Мэм, все хорошо, — попытался остановить ее я.

Она словно и не услышала.

— Немедленно поднимайтесь. Вы что, выросли в хлеву?

Они поднялись, двинулись по проходу, расталкивая стоящих. Черный парень бросил на домоправительницу злобный взгляд.

— Тысяча девятьсот шестьдесят третий год, а я *по-прежнему* должен уступать место белому человеку.

— Болезный ты наш, — проворчал белый.

Черный посмотрел на меня. Не знаю, что он увидел на моем лице, но указал на освободившиеся места:

— Присядь, пока не упал, Джексон.

Я сел к окну. Сейди поблагодарила черную даму и села рядом со мной. Автобус катил по улицам, напоминая старого слона, который может перейти на галоп, если дать ему время, чтобы разогнаться. Домоправительница стояла рядом с нами, оберегая от проблем, держась за кожаную лямку и покачивая бедрами при поворотах. Покачиваться было чему. Я вновь посмотрел на часы. Стрелки двигались к десяти. Скоро начнут отсчитывать одиннадцатый час.

Сейди придвинулась поближе, ее волосы щекотали мне щеку и шею.

— Куда мы едем? Что будем делать, когда доберемся туда?

Я хотел повернуться к ней, но смотрел прямо перед собой, ожидая беды. Ожидая следующего тумака. Мы находились на Западной Дивизионной улице, которая здесь совпадала с автострадой 180. Скоро нам предстояло въехать в Арлингтон, где в будущем обоснуются техасские рейнджеры Джорджа У. Буша. Если бы все шло хорошо, мы бы пересекли административную границу Далласа около половины одиннадцатого, за два часа до того, как Освальд первый раз нажмет спусковой крючок своей чертовой итальянской винтовки. Однако редко все идет хорошо, когда стараешься изменить прошлое.

— Просто следуй за мной, — ответил я. — И не расслабляйся.

6

Мы миновали южную часть Ирвинга, где месяцем раньше жена Ли восстанавливала силы после рождения дочери. Ехали медленно, в чадящей вони. Половина пассажиров автобуса курила. Плотный транспортный поток (и за пределами салона воздух определенно был чище) следовал в город. На заднем стекле одного автомобиля мы увидели надпись «МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ, ДЖЕКИ». На заднем стекле другого — «ПРОВАЛИВАЙ ИЗ ТЕХАСА, КОММУНИСТИЧЕСКАЯ КРЫСА». Автобус дергался и покачивался. Людей на остановках все прибавлялось. Они возмущенно трясли кулаками, когда наш переполненный автобус проезжал мимо, даже не притормаживая.

В четверть одиннадцатого мы уже катили по бульвару Гарри Хайнса. Проехали поворот на Лав-Филд. Авария произошла тремя минутами позже. Я надеялся, что этого не случится, но готовился к худшему, ждал худшего, и когда самосвал проигнорировал знак «Стоп» на перекрестке бульвара Хайнса и Инвуд-авеню, отчасти успел среагировать. Я уже видел такое в Дерри, когда ехал на кладбище Лонгвью.

Я схватил Сейди за шею и пригнул ее голову к коленям.

— *Вниз!*

Секундой позже нас бросило на перегородку, которая отделяла кресло водителя от пассажирского салона. Зазвенело бьющееся стекло. Заскрипел корежащийся металл. Стоявших швырнуло вперед в кричащем мельтешении рук, ног, сумок и слетевших шляп. Белого парня-рабочего, который обозвал меня болезным, уложило на висевший в конце прохода ящик для сбора денег за проезд. Внушительных размеров домоправительница исчезла под лавиной человеческих тел.

Из носа Сейди текла кровь, под правым глазом начал взбухать синяк. Водитель распростерся на руле. Широкое лобовое стекло разнесло на мелкие осколки, улица исчезла, ее заменил металлический, в пятнах ржавчины, борт самосвала с надписью **«АЛЛАС ДЕПАРТАМЕНТ ОБЩЕСТВ»**. Я ощутил запах горячего асфальта в его кузове.

Развернул Сейди к себе.

— В порядке? Голова ясная?

— Все нормально, отделалась испугом. Если б ты не закричал, могло быть хуже.

Стоны и крики доносились из груды тел в передней части автобуса. Мужчина со сломанной рукой сумел подняться и тряхнул водителя, который свалился с кресла. Из его лба торчал осколок стекла.

— Господи! — выдохнул мужчина со сломанной рукой. — Думаю, он, твою мать, помер!

Сейди помогла парню, которого бросило на ящик с деньгами, сесть на ее место. Он побледнел как мел и стонал. Я догадался, что к ящику он приложился яйцами: они находились на соответствующей высоте. Его чернокожий приятель помог мне поднять на ноги домоправительницу. Она не лишилась чувств и всячески нам содействовала, иначе у нас ничего бы не вышло. Мы бы не справились с тремястами фунтами женского тела. По ее виску текла кровь, и эту униформу теперь оставалось только выкинуть. Я спросил, все ли с ней в порядке.

— Вроде бы да, но я крепко приложилась головой. Черт!

За нашими спинами слышались крики. Очень скоро все повалят вперед. Я встал перед Сейди. Поднял ее руки, чтобы она обхватила меня за талию. С учетом состояния моего колена это мне следовало держаться за нее. Но инстинкт есть инстинкт.

— Нам нужно выпустить людей из автобуса. — Я повернулся к чернокожему рабочему. — Дерните за рукоятку.

Он попытался, но она не сдвинулась ни на йоту.

— Заклинило!

Я думал, что все это чушь. Механизм работал, да только прошлое удерживало дверь закрытой. Я, со своей поврежденной рукой, ничем помочь не мог. Домоправительница — одну сторону униформы заливала кровь — протиснулась мимо меня, едва не сбив с ног. Я почувствовал, как руки Сейди разомкнулись, но потом она снова схватилась за меня. Шляпка домоправительницы сбилась набок, на тюлевой вуали висели капельки крови, напоминая крохотные ягодки остролиста. Женщина поправила шляпку. Потом взялась за рукоятку вместе с чернокожим рабочим.

— Я сосчитаю до трех, а потом дернем вместе. Готов?

Тот кивнул.

— Один... два... *три*!

Они дернули... точнее, она дернула, достаточно сильно, чтобы под мышкой разорвался шов. Двери открылись. У нас за спиной раздались жидкие радостные крики.

— Спасибо в... — начала Сейди, но я уже продвигался к выходу.

— Быстро. Пока нас не затоптали. Держись за меня. — Из автобуса мы вышли в числе первых. Я развернул Сейди в сторону Далласа. — Пошли.

— Джейк, этим людям нужна помощь!

— И я уверен, что она уже спешит к ним. Не оглядывайся. Смотри прямо перед собой, потому что именно там может поджидать очередная беда.

— Опять? Сколько можно?

— Прошлое способно на многое.

7

Нам потребовалось двадцать минут, чтобы пройти четыре квартала от того места, где наш автобус номер три попал в аварию. Я чувствовал, как распухает колено. Оно пульсировало болью при каждом ударе сердца. Мы подошли к скамье, и Сейди велела мне сесть.

— Нет времени.

— Садись, мистер. — Неожиданно она толкнула меня, и я плюхнулся на скамью с рекламой местного похоронного бюро на спинке. Сейди коротко кивнула, словно женщина, справившаяся с каким-то сложным делом, потом шагнула на проезжую часть бульвара Гарри Хайнса, одновременно открывая сумочку и роясь в ней. На мгновение в моем колене перестала пульсировать боль, потому что сердце запрыгнуло в горло и остановилось.

Автомобиль обогнул ее по дуге, водитель отчаянно жал на клаксон. Они разминулись на какой-то фут. Водитель потряс кулаком, уезжая, а напоследок еще и показал палец. Я закричал, требуя, чтобы она вернулась на тротуар, но она даже не посмотрела в мою сторону. Достала кошелек. Ветром от проносившихся мимо автомобилей отбрасывало волосы с изуродованного лица, но Сейди стояла, спокойная и уверенная в себе как танк. Найдя в кошельке то, что требовалось, она вернула его в сумку,

потом подняла над головой зелененькую купюру, напоминая участницу школьной группы поддержки на собрании болельщиков.

— *Пятьдесят долларов!* — кричала она. — *Пятьдесят долларов за поездку в Даллас! Главная улица! Главная улица! Должна увидеть Кеннеди! Пятьдесят долларов!*

Не получится, подумал я. *Это закончится только одним: она угодит под колеса упрямого про...*

Ржавый «студебекер» затормозил перед Сейди. Двигатель чихал и кашлял. Вместо одной фары зияла дыра. Из кабины вылез мужчина в мешковатых штанах, майке и зеленой фетровой ковбойской шляпе (с игривым перышком), натянутой до ушей. Он улыбался, демонстрируя отсутствие как минимум шести зубов. Мне хватило одного взгляда, чтобы подумать: *Вот идет беда.*

— Женщина, вы чокнутая. — Ковбой-Студебекер продолжал улыбаться.

— Вам нужны пятьдесят долларов или нет? Только отвезите нас в Даллас.

Мужчина сощурился, глядя на бумажку, как и Сейди, не обращая внимания на гудки автомобилей, которым приходилось объезжать его «студебекер». Снял шляпу, хлопнул по тощему бедру, снова надел, натянув до оттопыренных ушей.

— Женщина, это не полтинник, а десятка.

— Остальные в кошельке.

— Так почему бы мне не взять их? — Он схватился за лямку сумки, дернул на себя. Я уже поднялся со скамьи, но он, конечно же, вырвал бы у Сейди сумку и уехал до того, как я успею подойти к ним. А если бы и успел, он бы, наверное, свалил меня с ног ударом кулака. Пусть и худой, весил он все равно больше, чем я. И мог бить обеими руками.

Сейди держалась. Сумочка раскрылась широкой пастью. Сейди сунула в нее свободную руку и вытащила мясницкий нож, который я вроде бы уже где-то видел. Махнула им и взрезала мужчине предплечье. Разрез начинался у запястья и поднимался до локтевого сгиба. Ковбой закричал от боли и изумления, отпустил лямку, отступил на шаг, вытаращившись на Сейди.

— Чокнутая сука, ты меня порезала!

Он попятился к отрытой двери своего чихающего и кашляющего автомобиля. Сейди шагнула вперед и взмахнула ножом у

него перед лицом. Волосы падали ей на глаза. Губы превратились в тонкую полоску. Кровь с порезанной руки Ковбоя-Студебекера капала на мостовую. Автомобили по-прежнему проезжали мимо. Невероятно, но я услышал чей-то крик:

— *Всыпь ему по первое число!*

Ковбой-Студебекер теперь отступал к тротуару, его глаза не отрывались от ножа.

— Теперь ты, Джейк, — бросила Сейди, не глянув на меня.

Поначалу я не понял, потом вспомнил про револьвер. Достал из кармана и наставил на Ковбоя.

— Видишь это, техасец? Он заряжен.

— Вы оба психи. — Теперь он прижимал руку к груди, пачкая майку кровью. Сейди уже спешила к пассажирскому сиденью «студебекера», открыла дверь. Посмотрела на меня поверх капота и нетерпеливо махнула рукой. Я бы никогда не поверил, что могу любить ее больше, но в тот момент признал собственную неправоту.

— Тебе следовало взять деньги или проехать мимо, — посоветовал я. — А теперь давай поглядим, как ты бегаешь. Приступай к показу, а не то я прострелю тебе ногу, и с бегом придется завязать.

— Гребаный ублюдок, — огрызнулся Ковбой.

— Это точно. А ты гребаный вор, в котором сейчас появится дыра от пули. — Я взвел курок. Ковбой-Студебекер не стал проверять, разойдутся ли мои слова с делом. Повернулся и побежал на запад по бульвару Хайнса, втянув голову в плечи, прижимая руку к груди, ругаясь и оставляя за собой кровавый след.

— Не останавливайся, пока не добежишь до Лава, — крикнул я. — Он всего в трех милях! Передай привет президенту!

— В машину, Джейк! Надо убраться отсюда до приезда полиции.

Я скользнул за руль «студебекера», скривился от боли: запротестовало распухшее колено. Обнаружил, что коробка передач механическая, то есть больную левую ногу придется держать на педали сцепления. Отодвинул сиденье на максимальное расстояние, услышал, как захрустел на полу мусор, и тронулся с места.

— Этот нож... неужели?..

— Именно им порезал меня Джонни, да. Шериф Джонс вернул его мне после завершения расследования. Он думал, что нож

мой, и по большому счету не ошибся. Только он не из моего дома на аллее Ульев. Я почти уверена, что Джонни привез его из нашего дома в Саванне. С тех пор я всегда ношу его в сумочке. Хотела иметь что-то для самозащиты, на всякий случай... — Ее глаза наполнились слезами. — И это тот самый всякий случай, да? Тот самый классический всякий случай?

— Положи его в сумочку. — Я выжал сцепление, невероятно тугое, сумел переключиться на вторую передачу. В кабине воняло, как в курятнике, который не чистили лет десять.

— Он все перепачкает кровью.

— Все равно убери. Нельзя расхаживать с ножом, особенно в день приезда президента в город. Милая, ты невероятно храбрая.

Она убрала нож и начала вытирать глаза кулаками, словно маленькая девочка, поцарапавшая коленки.

— Который час?

— Без десяти одиннадцать. Кеннеди приземлится в Лав-Филде через сорок минут.

— Все против нас, — вырвалось у нее. — Ведь так?

Я бросил на нее короткий взгляд.

— Теперь ты понимаешь.

8

Мы уже добрались до Северной Жемчужной улицы, когда двигатель «студебекера» взорвался. Из-под капота повалил пар. Что-то металлическое запрыгало по дороге. Сейди раздраженно вскрикнула, ударила кулаком по бедру, произнесла несколько плохих слов, но я даже ощутил облегчение. По крайней мере отпала необходимость бороться с тугим сцеплением. Я перевел рычаг переключения передач в нейтральное положение и позволил окутанному паром «студеру» докатиться до тротуара. Он остановился напротив выезда из переулка, с надписью на брусчатке «НЕ ЗАГОРАЖИВАТЬ», но это правонарушение казалось сущим пустяком в сравнении с вооруженным нападением и угоном автомобиля.

Я вылез из кабины и захромал к тротуару, на котором уже стояла Сейди.

— Который час? — спросила она.

— Одиннадцать двадцать.

— Сколько нам еще осталось?

— Техасское хранилище школьных учебников на углу Хьюстон-стрит и улицы Вязов. Три мили. Может, больше. — Не успели слова сорваться с моих губ, как мы услышали рев реактивных двигателей. Подняли головы и увидели «Борт номер один», идущий на посадку.

Сейди устало отбросила волосы с лица.

— И что же нам делать?

— Сейчас придется идти.

— Обними меня за плечи. Позволь взять на себя часть твоего веса.

— В этом нет нужды, милая.

Но кварталом позже такая нужда появилась.

9

В половине двенадцатого мы добрались до пересечения Северной Жемчужной и Росс-авеню. Примерно в это время «Боинг-707» с четой Кеннеди на борту подкатывал к толпе встречающих... в которой, естественно, стояла женщина с букетом красных роз. На углу возвышался собор Сантуарио де Гуадалупе. На ступенях, пониже святой, простиравшей руки к людям, сидел мужчина. По одну сторону лежали деревянные костыли, по другую стояла эмалированная кастрюлька. Прислоненная к ней табличка гласила: «Я НЕСЧАСТНЫЙ КАЛЕКА! ПОЖЕРТВУЙТЕ СКОЛЬКО МОЖЕТЕ! БУДЬТЕ ДОБРЫМИ САМАРИТЯНАМИ! БОГ ЛЮБИТ ВАС!»

— Где твои костыли, Джейк?

— В «Эден-Фоллоус», в стенном шкафу.

— Ты забыл взять с собой костыли?

Что женщины умеют, так это задавать риторические вопросы, правда?

— В последнее время я как-то обходился без них. На коротких расстояниях они мне не требовались. — Все лучше, чем признавать главную причину забывчивости: я торопился покинуть реабилитационный центр до приезда Сейди.

— Что ж, сейчас они бы тебе не помешали.

Она побежала вперед с вызывающей зависть легкостью и заговорила с нищим, который сидел на ступенях. К тому времени как я дохромал до них, они уже вовсю торговались.

— Пара костылей стоит девять долларов, а ты хочешь пятьдесят за один.

— Мне нужен как минимум один, чтобы вернуться домой. — Он рассуждал весьма здраво. — И вашему другу, похоже, нужен один, чтобы добраться до нужного ему места.

— А как же «Бог любит вас, будьте добрыми самаритянами»?

— Что ж. — Нищий задумчиво потирал щетинистый подбородок. — Бог любит вас, а я всего лишь несчастный старый калека. Если вас не устраивают мои условия, покажите себя фарисеями и пройдите мимо. Я бы на вашем месте так и поступил.

— Готова спорить, что поступил бы. А если я просто отниму их у тебя, жадюга?

— Полагаю, вы можете, но тогда Бог не будет вас любить. — И он расхохотался. На удивление весело для сильно искалеченного человека. И зубы у него выглядели получше, чем у Ковбоя-Студебекера. Пусть не сильно, но получше.

— Дай ему деньги, — вмешался я. — Мне нужен только один.

— Конечно, я дам ему деньги. Просто не люблю, когда меня ставят раком.

— Дама, это великое горе для всей мужской половины человечества, вы уж простите мне такие слова.

— Придержи язык, — цыкнул я на него. — Ты говоришь с моей невестой. — Часы показывали одиннадцать сорок.

Нищий на меня и не посмотрел. Он не отрывал глаз от кошелька Сейди.

— На нем кровь. Порезались, когда брились?

— И не пытайся попасть на «Шоу Салливана», дорогуша. Ты не тянешь на Алана Кинга. — Сейди достала десятку, которой останавливала проезжающие автомобили, потом две двадцатки. — Вот. — И добавила, когда нищий взял деньги: — Я разорена. Ты доволен?

— Вы помогли бедному калеке, — ответствовал нищий. — Это вы должны быть довольны.

— А я недовольна! — взорвалась Сейди. — И надеюсь, что твои чертовы старые глаза выкатятся из твоей уродливой головы.

Нищий многозначительно глянул на меня, как бы говоря: ну что взять с этих женщин.

— Лучше отведи ее домой, красавчик. Думаю, месячные у нее начнутся прямо сейчас.

Я поставил костыль под правую руку — счастливчики, которым не довелось ломать кости, думают, что костыль используется со стороны перелома, — а левой сжал локоть Сейди.

— Пошли. Нет времени.

Когда мы уходили, Сейди шлепнула себя по обтянутому джинсами заду, обернулась и крикнула:

— Поцелуй меня в жопу!

— Принеси ее сюда и наклонись, дорогуша. Поцелуй — бесплатно!

10

Мы пошли по Северной Жемчужной... точнее, Сейди шла, а я ковылял. С костылем стало в сто раз лучше, но все равно мы никак не успевали на перекресток Хьюстон-стрит и улицы Вязов до половины первого.

Впереди я увидел строительные леса. Тротуар проходил под ними. Я перевел Сейди на другую сторону улицы.

— Джейк, почему...

— Потому что они свалились бы на нас. Поверь мне на слово.

— Нам нужен автомобиль. Нам *действительно нужен*... Джейк, почему ты остановился?

Я остановился, потому что жизнь — это песня, а прошлое стремится к гармонии. Обычно эта гармония ничего не значит (так я тогда думал), но время от времени бесстрашный гость Страны прошлого может приспособить это стремление для своих нужд. Я всем сердцем молил Господа, чтобы именно такой случай мне и представился.

На углу Северной Жемчужной и Сан-Хуанито стоял синий кабриолет «форд-санлайнер» 1954 года выпуска. У меня был красный, этот — темно-синий, но все-таки... возможно...

Я поспешил к нему и попробовал открыть дверь со стороны пассажира. Разумеется, заперта. Иной раз тебе что-то обламывается, но чтобы все и сразу? Никогда.

— Ты собираешься завести двигатель без ключа?

Я понятия не имел, как это делается, однако подозревал, что все обстоит несколько сложнее в сравнении тем, что показывали в «Патруле с Бурбон-стрит». Но я знал, как поднять костыль и бить по стеклу, пока оно не покроется трещинами и не прогнется внутрь. Никто на нас не смотрел, потому что тротуар пустовал. Эпицентр событий сместился в юго-восточную часть города. Оттуда до нас доносился гул толпы, собравшейся на Главной улице в ожидании приезда президента.

Стекло прогнулось. Я перевернул костыль и резиновым набалдашником вытолкнул осколки на сиденье. Одному из нас придется сесть назад. Если все получится. В Дерри мне сделали дубликат ключа зажигания «санлайнера», и я липкой лентой приклеил его ко дну бардачка, под разные бумаги. Может, так же поступил и хозяин этого «санлайнера». Конечно, шансы невелики, но и вероятность того, что Сейди найдет меня на Мерседес-стрит, не слишком отличалась от нулевой, а ведь она нашла. Я нажал хромированную кнопку на крышке бардачка и принялся шарить внутри.

Гармонизируйся, черт бы тебя побрал. Пожалуйста, гармонизируйся. Помоги мне хоть чуточку.

— Джейк? Почему ты думаешь...

Мои пальцы что-то нащупали, и я вытащил из бардачка жестянку из-под «Сукретс». Открыв ее, увидел не один, а четыре ключа. Понятия не имел, что могли открывать остальные три, но нужный заприметил сразу. При необходимости смог бы отыскать его на ощупь, по форме.

Как же я любил этот автомобиль!

— Бинго! — воскликнул я и чуть не упал, когда Сейди меня обняла. — Машину поведешь ты, милая. Я сяду сзади, пусть колено отдохнет.

11

Я понимал, что на Главную улицу нечего и соваться. Все въезды наверняка перекрыты барьерами и патрульными автомобилями.

— Поезжай по Пасифик-авеню, потом сворачивай на боковые улицы. Главное, чтобы шум толпы оставался слева, и тогда мы наверняка доберемся до нужного места.

— Сколько у нас времени?

— Полчаса. — На самом деле оставалось двадцать пять минут, но я решил, что полчаса вселяет больше надежд. Мне не хотелось, чтобы Сейди гнала как сумасшедшая и во что-нибудь врезалась. Время у нас еще было — во всяком случае, теоретически, — но еще одна авария поставила бы крест на наших планах.

Как сумасшедшая она, пожалуй, не гнала, но ехала достаточно быстро. На одной улице мостовую перегородило упавшее дерево (естественно, перегородило), однако Сейди перевалила через бордюрный камень и объехала препятствие по тротуару. Мы добрались до пересечения Северной Рекорд-стрит и Хавермилл-стрит, свернули на последнюю, но два квартала Хавермилл до пересечения с улицей Вязов превратились в одну большую парковку. Мужчина с оранжевым флагом тормознул нас.

— Пять баксов, — заявил он. — Всего две минуты ходьбы до Главной улицы, времени у вас вагон. — Но в его взгляде появилось сомнение, когда он увидел мой костыль.

— У меня денег нет, — ответила Сейди. — И я не лгу.

Я достал бумажник, дал мужчине пятерку.

— Поставьте его за «крайслером». Только поближе.

Сейди бросила ему ключи.

— Поставь сам, как считаешь нужным. Пошли, милый.

— Эй, не туда! — закричал мужчина. — В эту сторону улица Вязов! Вам же на Главную. Он поедет там!

— Мы знаем, что делаем, — ответила Сейди. И я очень на это надеялся. Мы шли между припаркованных автомобилей, Сейди — первая, я — за ней, опираясь на костыль, стараясь не задевать торчащие зеркала и не отстать от нее. Теперь я уже слышал гудки тепловозов и клацанье вагонов на товарной станции за Хранилищем учебников.

— Джейк, мы оставляем след шириной в милю.

— Знаю. У меня есть план. — Я, конечно, сильно преувеличивал, но звучало неплохо.

Мы вышли на улицу Вязов, и я указал на здание на другой стороне в двух кварталах от нас.

— Вон оно. Он там.

Она посмотрела на красный кирпичный куб с таращащимися окнами и повернулась ко мне. Ее глаза округлились от страха. Я

обратил внимание — из чистого интереса — на большие белые мурашки, которыми покрылась ее кожа на шее.

— Джейк, оно *ужасно*!

— Знаю.

— Но... что с ним не *так*?

— Все. Сейди, нам надо поторопиться. Время на исходе.

12

Улицу Вязов мы пересекли по диагонали, я шел как мог быстро, опираясь на костыль. Большая часть толпы собралась на Главной улице, но многие расположились в Дили-плазе и вдоль улицы Вязов перед книгохранилищем. Люди заполнили тротуары до самого тройного тоннеля. Девушки сидели на плечах своих парней. Дети, которые вскоре могли испуганно закричать, пока радостно улыбались, измазанные мороженым чуть ли не до ушей. Я видел мужчину, продающего бумажные рожки с ледяной стружкой, залитой фруктовым сиропом, и женщину с высокой прической, которая за один доллар предлагала фотографию Джека и Джеки в вечерних нарядах.

К тому времени, когда на нас легла тень Хранилища, я весь вспотел, натер костылем правую подмышку, а левое колено кричало от боли. Мне едва удавалось сгибать его. Я поднял голову и увидел сотрудников, выглядывающих из окон. В окне юго-восточного угла на шестом этаже никого не было, но я знал, что Ли там.

Я посмотрел на часы. Двенадцать двадцать. Мы могли следить за продвижением кортежа по нарастающему реву на Главной улице.

Сейди попыталась открыть дверь, в отчаянии повернулась ко мне.

— Заперта!

Внутри я заметил крепкого чернокожего парня в кепке, сдвинутой набекрень. Он курил сигарету. Эл обожал мелкие подробности, в его синей тетрадке их хватало с лихвой, а ближе к последним страницам — уже небрежно — он записал имена и фамилии нескольких человек, которые работали с Ли. Специально я их не запоминал — представить себе не мог, что они мне пона-

добятся. Около одного имени (принадлежащего парню в кепке, я в этом не сомневался) Эл написал: *Первый, на кого пало подозрение (вероятно, потому что черный).* Имя у него было необычное, но я никак не мог его вспомнить — то ли благодаря Роту и его громилам, то ли благодаря собственной невнимательности.

Или благодаря тому, что прошлое упрямо. Но разве это имело значение? Я не мог вспомнить имя. Оно где-то затерялось.

Сейди забарабанила по двери. Чернокожий парень в кепке бесстрастно наблюдал. Затянулся сигаретой, а потом помахал рукой: *валите отсюда, дамочка, валите.*

— *Джейк, придумай что-нибудь! ПОЖАЛУЙСТА!*

Необычное имя, верно, но *почему* необычное? И я в изумлении понял, что знаю ответ.

— Потому что оно девчачье.

Сейди повернулась ко мне. Ее щеки пылали, за исключением белой полосы шрама.

— Что?

И тут уже я забарабанил по стеклу.

— *Бонни!* — проорал я. — *Эй, Бонни Рэй! Пусти нас! Мы знаем Ли! Ли! ЛИ ОСВАЛЬДА!*

На это имя он отреагировал и со сводящей с ума медлительностью направился к двери.

— Я и не знал, что у этого костлявого маленького сукина сына есть друзья. — С этими словами Бонни Рэй Уильямс открыл дверь и отступил в сторону, пропуская нас. — Он, наверное, в комнате отдыха, ждет приезда президента вместе с...

— Послушайте меня, — оборвал я его. — Я ему не друг, и его нет в комнате отдыха. Он на шестом этаже. Я думаю, он собирается застрелить президента Кеннеди.

Чернокожий здоровяк весело рассмеялся. Бросил окурок на пол и раздавил подошвой рабочего ботинка.

— У этого маленького говнюка не хватит духа утопить в ведре новорожденных котят. Все, что он может, так это сидеть в углу и читать книги.

— Говорю вам...

— Я иду на второй этаж. Если хотите пойти со мной, что ж, добро пожаловать. Но только не говорите больше таких глупостей о Лиле. Так мы его зовем, Лила. Застрелить президента! *Чушь!* — Он отмахнулся и направился к лифту.

Тебе самое место в Дерри, Бонни Рэй, подумал я. *Они тоже не видят того, что у них перед носом.*

— На лестницу. — Я повернулся к Сейди.

— На лифте будет...

Если у нас еще и оставался какой-то шанс, лифт бы его похоронил.

— Он застрянет между этажами. *На лестницу!*

Я взял ее за руку и потянул за собой. Края узких деревянных ступеней стерлись после долгих лет использования. Слева тянулся ржавый металлический поручень. У первой ступеньки Сейди посмотрела на меня.

— Дай мне револьвер.

— Нет.

— Ты вовремя не успеешь, а я успею. *Дай револьвер.*

Я почти сдался. Не то чтобы я чувствовал, что револьвер должен оставаться при мне. Переломный момент практически наступил, и не имело значения, кто именно остановит Освальда, при условии, что его удастся остановить. Но мы находились всего лишь в шаге от ревущего зверя, имя которому — Прошлое, и я не мог позволить Сейди сделать этот шаг первой лишь для того, чтобы угодить в его пасть, полную острых зубов.

Я улыбнулся, наклонился к Сейди, поцеловал ее.

— Догони меня. — И начал подъем. Оглянувшись, добавил: — Если я вдруг засну, он твой!

13

— Вы просто чокнутые, — услышал я донесшийся снизу задумчивый голос Бонни Рэя. За спиной поскрипывали ступени — Сейди поднималась следом. Я не просто опирался на костыль — буквально подпрыгивал на нем, вцепившись в поручень. Револьвер в кармане пиджака раскачивался и бил меня по ноге. Колено ревело. Я ему не мешал.

На площадке второго этажа взглянул на часы. Двенадцать двадцать пять. Нет, двадцать шесть. Я слышал приближающийся рев толпы, который в самом скором времени достигнет пика. Кортеж проезжал перекресток за перекрестком: Главной и Эрвей, Главной и Акард, Главной и Филд. Через две минуты — максимум

через три — он доберется до Хьюстон-стрит, повернет направо, минует старое здание Далласского суда на скорости пятнадцать миль в час. С этого момента президент станет видимой целью. В оптическом прицеле четырехкратного увеличения, который стоял на «Манлихер-Каркано», Кеннеди будут такими же большими, как актеры на экране лисбонского автокинотеатра. Но Ли подождет еще немного. Он не рвался в самоубийцы — хотел выйти сухим из воды. Если бы выстрелил слишком рано, охрана, ехавшая в первом автомобиле, увидела бы вспышку и открыла ответный огонь. Он собирался подождать, пока автомобиль с охраной — и президентский лимузин — повернут налево, на улицу Вязов. Не просто снайпер — гребаный стрелок по затылкам.

У меня все еще оставалось три минуты.

Или, скорее, две с половиной.

Я атаковал лестничный пролет между вторым и третьим этажами, не обращая внимания на боль в колене, поднимаясь все выше и выше, как марафонец, набегающий на финиш длинной дистанции. И я, разумеется, был тем самым марафонцем.

Снизу доносился голос Бонни Рэя. Он кричал, что *какой-то чокнутый мужчина утверждает, будто Лила собирается стрелять в президента.*

До середины лестничного пролета на третий этаж я чувствовал, как Сейди дышит мне в спину, словно всадник, побуждающий лошадь скакать быстрее, но потом она чуть отстала. Я слышал, как она жадно хватает ртом воздух, и подумал: *Слишком много сигарет, дорогая.* Мое колено больше не болело: мощный выброс адреналина временно заглушил боль. Я старался по возможности не сгибать левую ногу, переложив всю нагрузку на правую и костыль.

Поворот, вверх к четвертому этажу. Теперь уже я хватал ртом воздух, а ступени становились все круче, как горный склон. Опора костыля, упирающаяся в подмышку, стала скользкой от пота. Голова гудела, барабанные перепонки рвал нарастающий шум толпы у здания книгохранилища. Широко раскрытым глазом воображения я видел приближающийся кортеж: автомобиль с сотрудниками секретной службы, потом лимузин президента, по обе стороны мотоциклы «харлей-дэвидсон» управления полиции Далласа, копы в белых шлемах с ремешками под подбородком и солнцезащитных очках.

Еще один поворот. Костыль заскользил, потом выправился. Опять вверх. Теперь я чувствовал запах стружки с шестого этажа, где рабочие ремонтировали пол, снимали старые лаги, ставили новые. Не в той части, где устроился Ли. В юго-восточном углу он пребывал в гордом одиночестве.

Я добрался до пятого этажа и сделал последний поворот. Широко раскрыл рот, чтобы протолкнуть в легкие воздух. Рубашка на тяжело вздымающейся груди превратилась в мокрую тряпку, льющийся со лба пот щипал глаза, и я смахнул его левой рукой.

Три картонных коробки с книгами (я увидел большие буквы надписей «ДОРОГИ КО ВСЕМУ» и «ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ 4-ГО И 5-ГО КЛАССОВ») блокировали лестницу на шестой этаж. Стоя на правой ноге, я вогнал набалдашник костыля в одну из них и отбросил ее. Сзади доносилось тяжелое дыхание Сейди, которая находилась между четвертым и пятым этажами. Выходило, что я поступил правильно, не отдав револьвер, но кто мог это знать? Исходя из собственного опыта я мог утверждать, что личная ответственность за изменение будущего заставляет бежать быстрее.

Я протиснулся в брешь, которую сам и пробил. Для этого мне пришлось на мгновение встать на левую ногу. Она издала такой вопль боли, что я застонал и схватился за поручень, чтобы в полный рост не рухнуть на ступени. Посмотрел на часы. Двенадцать двадцать восемь, но вдруг они отстают? Толпа ревела.

— Джейк... ради Бога... поторопись... — Сейди, она все еще между четвертым и пятым этажами.

Я продолжил подъем, и шум толпы начал проваливаться в мертвую тишину, а добравшись до шестого этажа, я уже не слышал ничего, кроме хрипов собственного дыхания да бухающих ударов работающего на пределе сердца.

14

Шестой этаж Техасского хранилища школьных учебников представлял собой огромный сумрачный зал с островками поставленных друг на друга картонных коробок с книгами. Потолочные светильники горели только в той части зала, где шли ремонтные работы, но не в углу, где расположился Ли Харви

Освальд, намеревавшийся изменить историю в ближайшие сто секунд, а может, и того меньше. Семь окон выходили на улицу Вязов: посередине пять больших полукруглых, по краям — два квадратных. Около лестницы мрак разгонял только свет, долетающий из этих окон. Благодаря пыли, висевшей в воздухе из-за ремонтных работ, колонны солнечного света от окон до пола казались достаточно плотными, чтобы резать их ножом. Не падал свет только через угловое окно, отгороженное коробками с книгами. Снайперское гнездо располагалось далеко от меня, мне предстояло по диагонали пересечь весь зал, с северо-запада на юго-восток.

За баррикадой из коробок с книгами, у самого окна, залитый солнечным светом, стоял мужчина. Он наклонился вперед, выглядывая наружу. Ветерок, влетающий в распахнутое окно, шевелил его волосы и воротник рубашки. Он начал поднимать винтовку.

Хромая, я бросился к нему, лавируя между островками из коробок с книгами, на ходу пытаясь достать из кармана револьвер.

— *Ли!* — прокричал я. — *Остановись, сукин ты сын!*

Он повернул голову и посмотрел на меня, его глаза широко раскрылись, челюсть отвисла. На мгновение я увидел перед собой обычного Ли — парня, который смеялся и играл с Джун в ванной, который иногда обнимал жену и целовал ее, — а потом его тонкогубый, жеманный рот пришел в движение: в оскале обнажились верхние зубы. И едва это произошло, он превратился в монстра. Я сомневаюсь, что вы мне поверите, но клянусь, это правда. Он перестал быть человеком, стал демоническим призраком, который мог с того самого момента кружить над Америкой, побуждая ее направлять свою мощь не по назначению и отравляя все хорошее.

Если бы я позволил.

Шум толпы вновь ворвался в уши, тысячи людей аплодировали президенту, орали во всю глотку, приветствуя его. Я слышал их, и Ли тоже. Он знал, что это означает: сейчас или никогда. Он развернулся к окну и вдавил приклад в плечо.

Я уже сжимал рукоятку револьвера, того самого, из которого убил Фрэнка Даннинга. Не просто одной модели — револьвер стал тем самым. Я так думал тогда, думаю и теперь. Курок по-

пытался зацепиться за подкладку, но я выхватил револьвер, слыша, как рвется материя.

Выстрелил. Пуля прошла высоко, выбив щепки из оконной рамы, но этого хватило, чтобы спасти жизнь Джону Кеннеди. Освальд дернулся в момент выстрела, и пуля весом сто шестьдесят гран* прошла выше головы президента, разбив окно в старом здании окружного суда.

Новые крики, уже недоумения и изумления, донеслись снизу. Ли снова повернулся ко мне, его лицо превратилось в маску ярости, ненависти и разочарования. Поднял винтовку, и на этот раз не для того, чтобы убить президента Соединенных Штатов. Он целился в меня. Передернул затвор — *клац-клац*, — и я выстрелил второй раз. И хотя преодолел три четверти пути — до Освальда оставалось менее двадцати пяти ярдов, — опять промахнулся. Я увидел, как колыхнулась рубашка на боку, и все.

Мой костыль угодил в груду коробок. Меня повело влево, я взмахнул рукой с револьвером, пытаясь удержаться на ногах, но куда там. Мелькнула мысль о том, как Сейди практически упала в мои объятия в день нашей первой встречи. И я уже знал, что сейчас произойдет. История не повторяется, но она гармонизируется, и обычно происходит это под музыку дьявола. На этот раз валился на землю я, и это различие стало роковым.

Я не слышал ее тяжелого дыхания на лестнице, но до меня доносились ее быстрые шаги.

— *Сейди, ложись!* — крикнул я, однако мои слова растворились в грохоте выстрела винтовки Освальда.

Я услышал, как пуля пролетела мимо. Я услышал, как вскрикнула Сейди.

Загремели новые выстрелы, уже снаружи. Президентский лимузин на огромной скорости мчался к тройному тоннелю, две сидевшие в нем пары пригнулись, держась друг за друга. Но автомобиль секретной службы остановился на дальней стороне улицы Вязов у Дили-плазы. Копы-мотоциклисты замерли посреди улицы, и как минимум сорок человек показывали на угловое окно шестого этажа, в проеме которого стоял тощий мужчина в синей рубашке.

Я услышал череду глухих ударов, какие слышны, когда градины падают в грязь. Это пули отскакивали от кирпичных стен.

* 10,368 г.

Но многие попали в цель. Я увидел, как рубашка Ли раздулась, словно под ней поднялся ветер, красный ветер, прорывающий дыры: одну над правым соском, вторую в области грудины, третью — у пупка. Еще одна пуля разорвала горло. Он покачивался, как кукла, в этом слепящем, с пляшущими пылинками свете, и жуткий оскал так и не сполз с его лица. Говорю вам, в конце он уже не был человеком — стал кем-то еще. Тем, кто проникает в нас, когда мы прислушиваемся к самым жутким своим ангелам.

Пуля попала в потолочный светильник, разбила лампочку. Светильник закачался. Осколки посыпались на пол.

Пуля снесла макушку несостоявшемуся убийце точно так же, как одна из пуль Освальда снесла макушку Кеннеди в мире, из которого я пришел. Он упал на баррикаду из картонных коробок с книгами, развалил ее.

Снизу по-прежнему доносились крики.

— Мужчина упал! — проорал кто-то. — Я видел, как он падал!

Торопливые шаги, поднимающиеся к шестому этажу. Я швырнул револьвер тридцать восьмого калибра к телу Ли. Мне хватило ума, чтобы понять, что люди, которые сейчас прибегут сюда, жестоко изобьют, может, даже прикончат меня, если увидят в моей руке оружие. Я начал подниматься, но колено отказало. Может, и к лучшему. Пока меня не видели с улицы Вязов, а если бы увидели, наверняка открыли бы огонь. Я подполз к тому месту, где лежала Сейди, удерживая вес тела на руках и волоча за собой левую ногу, как якорь.

Блузку залила кровь, но я видел входное отверстие пули. Точно по центру, чуть выше полукружий груди. Кровь лилась и изо рта. Она ею захлебывалась. Я подсунул под Сейди руки, приподнял. Ее глаза не отрывались от моих. Ярко блестели в пыльном сумраке.

— Джейк, — прохрипела она.

— Нет, милая, не говори.

Она не обратила внимания на мои слова... да и когда обращала?

— Джейк, президент!

— В безопасности. — Я не видел, как лимузин увозил его, целого и невредимого, но видел, как дернулся Ли в момент своего единственного выстрела в сторону улицы, и мне этого хватило.

Да и при любом раскладе я сказал бы Сейди, что он в безопасности.

Ее глаза закрылись, открылись вновь. Шаги приближались, огибали площадку на пятом этаже, чтобы рвануть по последнему пролету. Далеко внизу возбужденно и недоумевающе ревела толпа.

— Джейк.

— Что, милая?

Она улыбнулась.

— Как мы танцевали!

Когда прибежали Бонни Рэй и остальные, я сидел на полу и держал ее на руках. Они проскочили мимо меня. Сколько — не знаю. Может, четверо. Или восемь. Или двенадцать. На них я даже не посмотрел. Держал ее, прижимая голову к груди, покачивая, и ее кровь стекала на мою рубашку. Убита. Моя Сейди. Она все-таки угодила в пасть зверя.

Я не из плаксивых, но любой мужчина, потерявший любимую женщину, заплакал бы, или вы так не думаете? Скорее всего. Но не я.

Потому что я знал, что надо сделать.

Часть VI

ЧЕЛОВЕК С ЗЕЛЕНОЙ КАРТОЧКОЙ

Глава 29

1

Меня не арестовали в полном смысле этого слова, но приставили ко мне копов и отвезли в управление полиции Далласа на патрульном автомобиле. Когда мы подъезжали, люди (некоторые — репортеры, большинство — самые обычные) стучали по окнам, заглядывали в кабину. Беспристрастно, отстраненно я задавался вопросом, а не хотят ли они вытащить меня из автомобиля и линчевать за попытку покушения на президента. Меня это не волновало. Что волновало — так это залитая кровью рубашка. Я хотел ее снять. Я также хотел носить ее вечно. Рубашку залила кровь Сейди.

Ни один из копов на переднем сиденье не задавал мне вопросов. Полагаю, кто-то приказал им не задавать. Если бы задали, я бы не ответил. Я мог думать, потому что хладнокровие возвращалось ко мне. Я натягивал его на себя, как броню. Я мог это исправить. Я собирался это исправить. Но сначала мне предстояли весьма долгие разговоры.

2

Меня поместили в комнату, белую как снег. В ней стояли стол и три стула. Я сел на один. Снаружи звенели телефоны и стрекотал телетайп. Люди входили и выходили, говорили громко, иногда кричали, даже смеялись. В смехе слышались истерические нотки. Так смеются люди, знающие, что прошли по лезвию ножа, увернулись от пули, если можно так выразиться. Наверное, так

смеялся Эдвин Уокер вечером десятого апреля, когда разговаривал с репортерами, вычесывая из волос осколки стекла.

Те самые два копа, которые привели меня из Техасского хранилища школьных учебников, обыскали меня и забрали мои вещи. Я спросил, могу ли я принять два оставшихся пакетика «Гудис». Копы посовещались, порвали пакетики, высыпали порошок на стол, изрезанный инициалами и прижженный окурками. Один послюнявил палец, попробовал порошок, кивнул.

— Вода нужна?

— Нет. — Я смахнул порошок на ладонь и высыпал в рот. Горький. Ну и ладно.

Один из копов вышел. Второй попросил снять окровавленную рубашку. Я с неохотой снял и протянул ему. Потом нацелил на него палец.

— Я знаю, что это вещественная улика, но отнеситесь к ней с уважением. На ней кровь женщины, которую я любил. Возможно, для вас это ничего не значит, но это кровь женщины, которая помогла предотвратить убийство президента Кеннеди, и она заслуживает уважения.

— Нам только нужно сделать анализ крови.

— Хорошо. Но занесите ее в список моих личных вещей. Я хочу, чтобы мне ее вернули.

— Конечно.

Ушедший коп вернулся с простой белой майкой. Она напоминала ту, что была на Освальде — или была бы — на фотографии, которую сделали в полиции вскоре после его ареста в кинотеатре «Техас».

3

Я прибыл в белую комнату, предназначенную для допросов, в двадцать минут второго. Примерно через час (точно сказать не могу, потому что часов на стене не было, а мой новый «Таймекс» забрали с остальными вещами) те же два копа привели ко мне человека, давнего знакомца: доктора Малькольма Перри, который нес в руке большой черный саквояж сельского врача. Я с изумлением уставился на него. Потом понял, что его привезли сюда потому, что отпала необходимость вытаскивать пулю и

осколки кости из мозга Джона Кеннеди. Река истории уже текла по новому руслу.

— Привет, доктор Перри.

Он кивнул:

— Добрый день, мистер Амберсон. — При нашей последней встрече он называл меня Джордж. Если бы у меня возникли опасения, что я под подозрением, теперь им предстояло окрепнуть. Но я не боялся. Я там был, и я знал, что должно произойти. Бонни Рэй Уильямс уже все им рассказал. — Как я понимаю, вы вновь травмировали колено.

— К сожалению, да.

— Давайте поглядим.

Он попытался поднять наверх мою левую брючину и не смог. Колено слишком распухло. Когда он достал ножницы, оба копа шагнули вперед и вытащили револьверы. Направили в пол, но пальцы держали у предохранительных скоб. Доктор Перри в недоумении глянул на них, потом принялся резать штанину по шву. Осмотрел, пальпировал, достал шприц, откачал жидкость. Я скрипел зубами и ждал, когда все закончится. Он порылся в саквояже, отыскал эластичный бинт. Плотно завязал колено. Стало легче.

— Я могу дать вам обезболивающее, если эти господа не возражают.

Они не возражали, в отличие от меня. Приближался самый важный момент, как для меня, так и для Сейди. И я хотел встретить его с ясной головой, *не затуманенной лекарствами.*

— У вас есть «Гудис паудер» от *головной боли?*

Перри наморщил нос, словно унюхал что-то дурное.

— У меня есть байеровский аспирин и эмприн. Эмприн чуть сильнее.

— Тогда дайте его. Доктор Перри?

Он поднял голову, оторвавшись от саквояжа.

— Мы с Сейди не сделали ничего плохого. Она отдала жизнь за свою страну... и я отдал бы свою за нее. Просто не было шанса.

— Если так, позвольте мне первым поблагодарить вас. От лица всей страны.

— Президент. Где он сейчас? Вы знаете?

Доктор Перри посмотрел на копов, вопросительно изогнув брови. Они переглянулись, потом один ответил:

— Отправился в Остин, чтобы выступить на обеде, как и планировалось. Не знаю, либо он храбр до безумия, либо просто глуп.

Может, подумал я, *«Борт номер один» рухнет на землю и убьет и его, и всех, кто полетел с ним. Может, он умрет от инфаркта или инсульта. Может, еще какой-нибудь чокнутый храбрец разнесет его красивую голову.* Борется ли упрямое прошлое со всеми изменениями так же активно, как и с тем, кто привнес их? Я не знал. Меня это не волновало. Что бы ни случилось с Кеннеди, с этого момента оно не имело ко мне никакого отношения.

— Я слышал по радио, что Джеки с ним нет, — добавил Перри. — Он отправил ее на ранчо вице-президента в Джонсон-Сити. Собирается присоединиться к ней на выходные, как и планировалось. Если то, что вы говорите, правда, Джордж...

— Я думаю, достаточно, док, — вмешался один из копов. Мысленно я с ним согласился: главное, для Малькольма Перри я вновь стал Джорджем.

Доктор Перри — врачи не любят, когда их прерывают — продолжил как ни в чем не бывало:

— Если все, что вы говорите, правда, тогда в недалеком будущем вас ждет поездка в Вашингтон. И очень даже вероятно, награждение медалью в Розовом саду.

После его ухода я вновь остался один. Не совсем один — Сейди делила со мной эту белую комнату. *Как мы танцевали,* прошептала она перед тем, как уйти из этого мира. Я закрывал глаза и видел ее в ряду других девушек, трясущую плечами и танцующую мэдисон. Она смеялась, волосы летели, и никакие шрамы не уродовали ее лицо. Пластическая хирургия 2011 года могла исправить многое из того, что натворил нож Клейтона, но, думаю, я располагал более совершенной методикой. Если, конечно, получил бы шанс применить ее на практике.

4

Мне позволили скорбеть два часа, прежде чем дверь комнаты для допросов открылась вновь. Вошли двое мужчин. Один, в белом стетсоне, с лицом, напоминающим морду бассета, представился Уиллом Фритцем, капитаном далласской полиции. Он принес с собой портфель — не мой, что очень меня порадовало.

У второго мужчины, с тяжелой челюстью, двойным подбородком и красной физиономией выпивохи, короткие черные волосы блестели бриолином. В его острых, проницательных глазках читалась тревога. Из внутреннего кармана пиджака он достал корочки со служебным удостоверением и открыл их.

— Джеймс Хости, мистер Амберсон. Федеральное бюро расследований.

Да, у тебя есть повод для тревоги, подумал я. *Это тебе поручили приглядывать за Ли, так ведь, агент Хости?*

— Мы хотим задать вам несколько вопросов, мистер Амберсон, — начал Уилл Фритц.

— Да, — кивнул я, — а я хочу выбраться отсюда. К людям, которые спасают президента Соединенных Штатов, обычно не относятся как к преступникам.

— Ну зачем вы так, — вмешался агент Хости. — Мы ведь прислали вам врача. И не просто врача — вашего врача.

— Задавайте вопросы, — ответил я.

И готовьтесь со мной станцевать.

5

Фритц открыл портфель и достал полиэтиленовый мешок, какие полиция использует для хранения вещественных улик. В этом мешке лежал мой револьвер тридцать восьмого калибра.

— Мы нашли его около баррикады, которую соорудил Освальд из картонных коробок с книгами, мистер Амберсон. Как вы думаете, это его револьвер?

— Нет, это «полис спешл». Он мой. У Ли был револьвер, но модели «Виктори». Если вы не нашли его при нем, тогда револьвер в том месте, где он жил.

Фритц и Хости изумленно переглянулись, потом посмотрели на меня.

— Так вы признаете, что знали Освальда, — высказался за двоих Фритц.

— Да, но не настолько хорошо. Я не знал, где он живет в Далласе, иначе пошел бы туда.

— Так уж вышло, что он снял комнату на Бекли-стрит. Зарегистрировался как О.Х. Ли. Вроде бы он пользовался и другим именем, Алик Хайделл. Получал на это имя почту.

— Жена и дочка не с ним? — спросил я.

Хости улыбнулся. Второй подбородок расползся в обе стороны на полмили.

— Кто здесь задает вопросы, мистер Амберсон?

— И вы, и я, — ответил я. — Я рисковал жизнью, чтобы спасти президента, а моя невеста *отдала* за него жизнь, и я думаю, что имею право задавать вопросы.

Теперь я ждал их хода, чтобы понять, насколько они крутые. Мне бы пришлось очень нелегко, если бы они действительно верили, что я с Освальдом в одной лодке. И все прошло бы как по маслу, если бы они не хотели в это верить. Как обычно, в реальности получилось нечто среднее.

Фритц покрутил на столе полиэтиленовый пакет с лежащим в нем револьвером.

— Я расскажу вам, что могло произойти, мистер Амберсон. Не скажу, что именно так и произошло, но вам придется убеждать нас, что это все выдумки.

— Понятно. Вы позвонили родителям Сейди? Они живут в Саванне. Вам также следовало связаться с Диконом Симмонсом и Эллен Докерти из Джоди. Они заменяли ей родителей. — Я на мгновение задумался. — Мне тоже. Я собирался попросить Дека стать шафером на нашей свадьбе.

Фритц меня словно и не услышал.

— Произойти могло следующее. Вы и ваша девушка участвовали в этом вместе с Освальдом. И возможно, в самом конце струсили.

Вечно популярная теория заговора. Ну куда без нее?

— Возможно, в последнюю минуту вы осознали, что собрались застрелить самого могущественного человека в этом мире, — вставил Хости. — Вам открылась истина. И вы остановили Освальда. В этом случае вы можете рассчитывать на снисхождение.

Да. Под снисхождением понимались сорок, а то и пятьдесят лет в Ливенуорте на кукурузе и сыре вместо смерти на техасском электрическом стуле.

— Тогда почему мы не находились наверху вместе с ним, агент Хости? Зачем барабанили в дверь и просили, чтобы нам ее открыли?

Хости пожал плечами: *Мол, ты и расскажи.*

— Если бы мы планировали убийство, вы бы видели меня с ним, потому что я знаю, что вы держали его под частичным наблюдением. — Я наклонился вперед. — Почему вы не остановили его, агент Хости? Это была ваша работа.

Он отшатнулся, словно я вскинул кулак. Его щеки покраснели еще сильнее.

Хотя бы на несколько мгновений мое горе смешалось со злобной радостью.

— ФБР приглядывало за ним, потому что сначала он сбежал в Россию, потом вернулся в Соединенные Штаты и, наконец, пытался сбежать на Кубу. Он долгие месяцы раздавал на улицах прокастровские листовки, прежде чем устроил сегодняшнее чудовищное шоу.

— Откуда вы все это знаете? — рявкнул Хости.

— Потому что он мне об этом рассказывал. И что происходит потом? Президент, который сделал все, что в его силах, чтобы сковырнуть Кастро с насеста, приезжает в Даллас. Работая в Хранилище школьных учебников, Ли получает возможность лицезреть кортеж президента из первого ряда. Вы это знали и ничего не сделали.

Фритц смотрел на Хости, на его лице читался ужас. Не сомневаюсь, что агент горько сожалел о присутствии на допросе далласского копа, но что он мог сделать? Фритц находился на своей территории.

— Мы не считали его угрозой, — выдавил из себя Хости.

— Что ж, тогда вы определенно допустили *ошибку*. Что он написал в той записке, которую попросил передать вам, Хости? Я знаю, Ли заходил в вашу контору и оставил записку, когда ему сказали, что вас нет на месте, но он не поделился со мной ее содержанием. Просто улыбнулся своей «а пошли вы все» улыбочкой. Мы говорим о человеке, убившем женщину, которую я любил, поэтому, думаю, я имею право знать. Он собирался сделать нечто такое, что заставит мир ахнуть и обратить на него внимание? Это он написал? Готов спорить, что да.

— Любая информация о мистере Освальде касается только Бюро.

— Я не думаю, что вы сможете ее показать. Готов спорить, что записка давно уже превратилась в горстку пепла и смыта в унитаз, по приказу мистера Гувера.

Если еще не превратилась, то обязательно превратится. Я прочитал об этом в записях Эла.

— Если вы такой невинный, — подал голос Фритц, — скажите нам, откуда вы знали Освальда и почему ходите с оружием.

— И почему у дамы в сумочке мясницкий нож с кровью на нем.

Последняя фраза показалась мне опасной.

— *У дамы кровь везде!* — крикнул я. — *На одежде, на туфлях, в сумочке! Этот сукин сын прострелил ей грудь, или вы не заметили?*

— Успокойтесь, мистер Амберсон, — посоветовал Фритц. — Никто ни в чем вас не обвиняет.

С подтекстом: *пока*.

Я глубоко вдохнул.

— Вы говорили с доктором Перри? Вы прислали его, чтобы он осмотрел меня и подлатал мое колено, так что наверняка говорили. Значит, вам известно, что в августе этого года меня избили до полусмерти. Организовал избиение — и принимал в нем участие — букмекер по имени Акива Рот. Я не думаю, что он хотел так меня отделать, но, возможно, какие-то мои слова очень его разъярили. Я не помню. С того дня я многое не могу вспомнить.

— Почему вы не обратились в полицию после того, как это произошло?

— Потому что я находился в коме, детектив Фритц. А когда вышел из нее, ничего не помнил. Когда память начала возвращаться ко мне — во всяком случае, отчасти, — я вспомнил, что Рот говорил о своей связи с букмекером из Тампы, с которым мне приходилось иметь дело, и о мафиози из Нового Орлеана, которого зовут Карлос Марчелло. И понял, что идти в полицию рискованно.

— Вы говорите, что управление полиции Далласа куплено? — Я не знал, действительно ли Фритц рассердился или только прикидывается, да меня это и не волновало.

— Я говорю, что смотрю «Неприкасаемых» и знаю, что мафия доносчиков не жалует. Я купил револьвер для самозащиты — это мое право согласно Второй поправке — и носил его при себе. — Я кивнул на пластиковый мешок. — Этот револьвер.

— Где вы его купили? — спросил Хости.

— Не помню.

— Ваша амнезия очень удобна, да? — прорычал Фритц. — Совсем как в «Тайной буре» или в «Как вращается мир».

— Поговорите с Перри, — повторил я. — И еще раз взгляните на мое колено. Я вновь повредил его, поднимаясь на шестой этаж, чтобы спасти президенту жизнь. Об этом я расскажу прессе. Расскажу и о том, что за выполнение долга американского гражданина меня наградили допросом в этой жаркой маленькой комнате, не предложив даже стакана воды.

— Вы хотите воды? — спросил Фритц, и я понял, что все обернется как нельзя лучше, если я не допущу ошибки. Президент находился на волосок от смерти, но остался в живых. И этой парочке — не говоря уже о начальнике полиции Далласа Джессе Карри — очень нужен герой-спаситель. А после гибели Сейди у них остался только я.

— Нет, — ответил я, — но не отказался бы от кока-колы.

6

В ожидании колы я думал о словах Сейди: *Мы оставляем след шириной в милю.* Она говорила правду, но, возможно, я мог обратить это себе на пользу. Если, конечно, некий водитель эвакуатора ремонтной мастерской одной автозаправочной станции «Эссо» в Форт-Уорте сделал все то, о чем говорилось в записке, оставленной под дворником «шевроле».

Фритц закурил и пододвинул пачку ко мне. Я покачал головой, и он ее убрал.

— Расскажите нам, откуда вы его знаете, — предложил он.

Из моих слов следовало, что я познакомился с Ли на Мерседес-стрит и какое-то время мы общались. Я слушал его разглагольствования о пороках фашистско-империалистической Америки и об удивительном социалистическом государстве, которое рождалось на Кубе. Куба — это идеал, утверждал он. Россию захватили никчемные бюрократы, и по этой причине он оттуда уехал. На Кубе же правил дядюшка Фидель. Ли не утверждал, что дядюшка Фидель ходит по воде, но намекал на это.

— Я думал, что он чокнутый, но мне нравилась его семья. — В этом я не покривил душой. Мне *действительно* нравилась его семья, и я *действительно* думал, что он чокнутый.

— Как вышло, что профессиональный учитель поселился в таком дерьмовом районе Форт-Уорта? — спросил Фритц.

— Я писал роман. Понял, что, работая в школе, мне его не написать. Мерседес-стрит — дно, зато жилье там стоит дешево. Я думал, что на книгу уйдет год, а это означало, что сбережения придется растянуть. Когда становилось совсем тошно, я представлял себе, что живу на чердаке на Левом берегу*.

Ф р и т ц. Ваши сбережения включали деньги, выигранные у букмекеров?

Я. По части этого вопроса я воспользуюсь Пятой поправкой.

Фритц рассмеялся.

Х о с т и. Итак, вы познакомились с Освальдом и сдружились с ним.

— *Сдружился* — громко сказано. Нельзя стать близким другом безумца. По крайней мере я таким не стал.

— Продолжайте.

Ли и его семья съехали; я остался. Однажды, совершенно неожиданно, он позвонил, чтобы сказать, что они с Мариной живут на Элсбет-стрит в Далласе. Сказал, что там округа получше, арендная плата мизерная и полно пустующих квартир. Я сообщил Фритцу и Хости, что к тому времени устал от Мерседес-стрит. Поэтому поехал в Даллас, встретился за ленчем с Ли в кафетерии «Вулвортса», а потом прогулялся с ним по окрестностям. В итоге арендовал нижнюю квартиру в доме 214 по Западной Нили-стрит. А когда освободилась верхняя, дал знать Ли. Типа услуга за услугу.

— Его жене на Элсбет-стрит не нравилось, — добавил я. — Западная Нили-стрит находилась буквально за углом, но дом был куда лучше. И они переехали.

Я понятия не имел, насколько тщательно они будут проверять мою историю, какие выводы сделают из хронологии событий, из того, что скажет им Марина, но только все это было не важно. Мне требовалось выиграть время. И даже наполовину правдивая история могла привести к желанному результату, потому что у агента Хости были веские причины сдувать с меня пылинки. Если бы я рассказал все, что знал о его отношениях с Освальдом, ему пришлось бы до конца карьеры морозить зад в Фарго.

---

* Кварталы, облюбованные парижской богемой, художниками, писателями и интеллектуалами.

— Потом произошло событие, которое заставило меня навострить уши. В прошлом апреле. В пасхальную неделю. Я сидел за кухонным столом, работал с рукописью, когда к дому подъехал роскошный автомобиль — думаю, «кадиллак» — и из него вышли двое. Мужчина и женщина. Хорошо одетые. Они привезли набивную игрушку для Джуни. Это...

Ф р и т ц. Мы знаем, кто такая Джун Освальд.

— Они поднялись по наружной лестнице, и я услышал, как мужчина — он говорил вроде бы с немецким акцентом, очень громко — спросил: «Ли, как ты мог промахнуться?»

Хости наклонился вперед. Его глаза так широко раскрылись, что заняли половину мясистого лица.

— *Что?*

— Вы меня слышали. Поэтому я заглянул в газеты, и знаете что? Четырьмя или пятью днями раньше кто-то стрелял в отставного генерала. Большую шишку с крайне правыми взглядами. Именно таких и ненавидел Ли.

— И что вы сделали?

— Ничего. Я знал, что у него есть револьвер — однажды Ли мне его показал, — но в газете говорилось, что в Уокера стреляли из винтовки. А кроме того, тогда меня прежде всего интересовало самочувствие моей девушки. Вы спрашивали, почему она носила в сумочке нож. Ответ прост: она боялась. На нее тоже напали, только не мистер Рот. Бывший муж. Он сильно ее изуродовал.

— Мы видели шрам, — кивнул Хости, — и сожалеем о вашей утрате.

— Благодарю, — ответил я, подумав: *Судя по твоей физиономии, не очень-то ты сожалеешь.* — В сумочке лежал тот самый нож, с которым ее бывший — его звали Джон Клейтон — набросился на нее. Она всюду носила его с собой. — Я вспомнил ее слова: *Хотела иметь что-то для самозащиты, на всякий случай...* И еще: *И это тот самый всякий случай, да? Тот самый классический всякий случай?*

Я на минуту закрыл лицо руками. Они ждали. Я опустил руки и продолжил бесстрастным голосом Джо Фрайди*. Только факты, мэм.

---

* Детектив, герой радио- и телесериала «Сети зла».

— Я сохранил за собой квартиру на Западной Нили, но большую часть лета провел в Джоди, заботясь о Сейди. К книге интерес потерял, подумывал о том, чтобы вновь учить детей в Денхолмской объединенной школе. Потом наткнулся на Акиву Рота и его громил. Сам попал в больницу. После того как меня выписали, оказался в реабилитационном центре, который называется «Эден-Фоллоус».

— Я его знаю, — кивнул Фритц. — Там все приспособлено для выздоравливающих.

— Да, а Сейди стала моей главной помощницей. Я ухаживал за ней, когда ее порезал муж. Она заботилась обо мне после того, как меня избили Рот и его прихвостни. Так случается. Возникает... ну, не знаю... некая гармония.

— Все происходит по какой-то причине, — важно изрек Хости, и мне очень захотелось перегнуться через стол и начать молотить кулаками по его красному мясистому лицу. Совсем не потому, что он ошибался. По моему скромному мнению, все *действительно* происходит по какой-то причине, но *нравится* ли нам эта причина? Редко.

— В конце октября доктор Перри разрешил мне ездить на небольшие расстояния. — Я откровенно лгал, но вряд ли они сразу бросятся с расспросами к Перри... а если соберутся превратить меня в Американского героя, не станут спрашивать вовсе. — В прошлый вторник я поехал в Даллас, чтобы взглянуть на свою квартиру на Западной Нили. Чистая блажь. Хотел посмотреть, а вдруг вернутся какие-то воспоминания?

Я действительно ездил на Нили-стрит, но для того, чтобы достать из-под крыльца револьвер.

— Потом отправился на ленч в «Вулвортс», как в прежние времена. И за стойкой сидел Ли, ел тунца на ржаном хлебе. Я сел рядом, спросил, что он поделывает, и он пожаловался, что ФБР достает его и жену. Сказал: «Я собираюсь научить этих ублюдков не связываться со мной, Джордж. Включи телевизор в пятницу и, возможно, кое-что увидишь».

— Матерь Божья! — воскликнул Фритц. — И вы связали его слова с визитом президента?

— Сначала — нет. Я никогда не следил за передвижениями Кеннеди по стране; я республиканец. — Две лжи по цене одной. — А кроме того, Ли сразу переключился на свою любимую тему.

Хости. Куба.

— Точно. Куба и да здравствует Фидель. Он даже не спросил, почему я хромаю. Его занимали исключительно свои проблемы, знаете ли, но в этом весь Ли. Я купил ему пудинг с заварным кремом — в «Вулвортсе» его готовят отменно, а стоит он всего четвертак — и спросил, где он работает. Он ответил, что в Техасском хранилище школьных учебников на улице Вязов. Говорил об этом, широко улыбаясь, будто считал разгрузку фургонов и перетаскивание коробок с книгами самым приятным делом в мире. Конечно же, чуть ли не всю его болтовню я пропустил мимо ушей, потому что мне не давала покоя нога, да и голова начала болеть. Я поехал в «Эден-Фоллоус», прилег, а когда проснулся, из памяти выскочила реплика этого парня с немецким акцентом, насчет как-ты-мог-промахнуться. Я включил телевизор, и там говорили о визите президента. Вот тут я заволновался. Пролистал ворох газет в гостиной, нашел статью о маршруте кортежа и увидел, что он проходит у Хранилища учебников. Я думал об этом всю среду.

Они уже наклонились над столом, жадно ловя каждое слово. Хости что-то записывал, не глядя в блокнот. Хотелось бы знать, удалось ли ему потом прочитать эти записи.

— Я спросил себя: *Может, он и вправду это задумал?* И ответил себе: *Нет, Ли горазд трепаться, но на дело не пойдет.* Так и рассуждал сам с собой. Вчера утром позвонил Сейди, рассказал ей обо всем, спросил ее совета. Она позвонила Деку — Деку Симмонсу, человеку, который, по моему мнению, заменил ей отца, — потом мне. Сказала, что я должен сообщить полиции.

— Я не хочу усиливать боль вашей утраты, сынок, — вставил Фритц, — но если бы вы это сделали, ваша подруга осталась бы в живых.

— Подождите. Вы еще не слышали всю историю. — Я тоже, потому что выдумывал на ходу. — Я сказал ей и Деку: никаких копов, этот парень может пострадать зазря, если не виноват. Вы должны понимать, что Ли едва сводил концы с концами. Мерседес-стрит — дно, и Западная Нили немногим лучше, но меня это устраивало. Я мужчина одинокий и писал книгу. Плюс в банке у меня лежат какие-то деньги. А Ли... У него красавица жена и две дочери, одна только-только родилась, и ему с трудом удавалось обеспечивать их. Плохим парнем я бы его не назвал...

Тут возникло неодолимое желание коснуться носа, чтобы убедиться, что он не растет.

— ...но он был первостатейным мудаком, пардон за мой французский. Из-за этих безумных идей у него не складывалось с работой. По его словам, стоило ему куда-то устроиться, вмешивалось ФБР и ему указывали на дверь. Так случилось и с его работой в фотолаборатории.

— Это чушь собачья, — фыркнул Хости. — В своих проблемах этот парень винил всех, хотя создавал их исключительно сам. Кое в чем мы полностью с вами согласны, Амберсон. Он был первостатейным мудаком, и мне жаль его жену и детей. Чертовски жаль.

— Да? Рад за вас. В любом случае он работал, и я не хотел, чтобы ему дали пинка под зад только из-за его болтливого рта... а болтать он умел. Я сказал Сейди, что собираюсь пойти к книгохранилищу завтра — то есть сегодня, — чтобы проверить, чем он занимается. Она заявила, что пойдет со мной. Я сказал «нет». Если Ли действительно рехнулся и что-то задумал, ей будет грозить опасность.

— Он выглядел рехнувшимся, когда вы разговаривали с ним за ленчем? — спросил Фритц.

— Нет, держался невозмутимо, как и всегда. — Я наклонился к нему. — Я хочу, чтобы эту часть вы выслушали очень внимательно, детектив Фритц. Я знал, что она решила поехать со мной, что бы я ей ни сказал. Я слышал это в ее голосе. Вот я и удрал. Я сделал это, чтобы защитить ее. На всякий случай.

И это классический случай самозащиты, прошептала Сейди у меня в голове. Ей предстояло жить там, пока я вновь не увижу ее во плоти. И я поклялся, что увижу, несмотря ни на что.

— Я собирался провести ночь в отеле, но выяснилось, что свободного номера не найти. Тогда подумал о Мерседес-стрит. Я отдал ключ от дома 2706, где жил, но у меня оставался ключ от дома 2703 на другой стороне улицы, где жил Ли. Он дал мне его, чтобы я мог поливать комнатные растения.

Х о с т и. У него были комнатные растения?

Я не отрывал глаз от Уилла Фритца.

— Сейди встревожилась, когда обнаружила, что я сбежал из «Эден-Фоллоус». Дек тоже. Поэтому он позвонил в полицию. Не один раз — несколько. И всякий раз коп, снимавший трубку, со-

ветовал ему не пороть чушь и обрывал связь. Я не знаю, записывал ли кто эти звонки на магнитофон, но Дек это подтвердит, и ему нет нужды врать.

Теперь пришла очередь Фритца багроветь.

— Если бы вы знали, сколько мы получили звонков с предупреждением о смертельной...

— Не сомневаюсь. А людей у вас в обрез. Только не говорите мне, что Сейди осталась бы жива, если бы мы заранее позвонили в полицию. Не говорите мне этого, хорошо?

Он промолчал.

— Как она вас нашла? — спросил Хости.

Об этом я мог не лгать и сказал правду. Потом они спросили о нашей поездке с Мерседес-стрит в Форт-Уорте до Техасского хранилища школьных учебников в Далласе. Эту часть истории я полагал наиболее опасной. Меня не волновал Ковбой-Студебекер. Сейди полоснула его ножом, но лишь после того, как он пытался украсть у нее сумочку. Его колымага доживала последние дни, и скорее всего ковбой даже не стал заявлять об угоне в полицию. Разумеется, мы угнали еще один автомобиль, но, учитывая поджимавшее нас время, полиция не стала бы предъявлять мне обвинения. Если бы попыталась, пресса распяла бы ее. Что меня волновало, так это красный «шевроле» с задними плавниками, напоминающими женские брови. В багажнике лежали два чемодана, но объяснить их появление там не составило бы труда: мы провели в «Кэндлвуд бунгалос» не один непристойный уик-энд. Однако если бы они заглянули в тетрадку Эла Темплтона... об этом мне не хотелось даже думать.

В дверь комнаты допросов осторожно постучали, и появилась голова одного из копов, доставивших меня в участок. Сидя за рулем патрульного автомобиля и просматривая вместе со своим напарником мои личные вещи, он выглядел типичным суровым копом из криминального фильма. Теперь же, когда на его лице читалась неуверенность, а глаза горели от волнения, я увидел, что он не старше двадцати трех. На коже еще оставались юношеские прыщи. За ним толпились люди (в форме и без), и все они пытались взглянуть на меня. Фритц и Хости нервно повернулись к незваному гостю.

— Господа, извините, что прерываю, но мистера Амберсона просят подойти к телефону.

Мясистое лицо Хости густо покраснело.

— Сынок, мы ведем допрос, и мне без разницы, кто ему звонит, пусть даже президент Соединенных Штатов.

Коп шумно сглотнул. Его кадык непрерывно ходил вверх-вниз.

— Э... господа... ему звонит президент Соединенных Штатов.

Как выяснилось, разница все-таки была.

7

Они повели меня по коридору к кабинету начальника Карри. Фритц поддерживал меня под одну руку, Хости — под другую. Поскольку они взяли на себя шестьдесят или семьдесят фунтов моего веса, я практически не хромал. Коридор забили репортеры, телекамеры и мощные лампы, которые подняли температуру воздуха градусов до ста. Эти люди — стоявшие на одну ступень выше папарацци — не имели никакого права находиться в полицейском участке после попытки покушения на убийство президента, но меня они не удивили. В другой реальности они также толпились здесь после ареста Освальда, и никто их не выгонял. Насколько я знал, никто даже не заикнулся об этом.

Хости и Фритц с каменными лицами прокладывали путь сквозь толпу. Вопросы сыпались и на них, и на меня. Хости крикнул:

— Мистер Амберсон сделает заявление для прессы после того, как сообщит властям всю необходимую информацию!

— *Когда?* — гаркнул кто-то.

— Завтра, послезавтра, может, на следующей неделе!

Послышались стоны, вызвавшие у Хости улыбку.

— Может, в следующем *месяце*. А сейчас президент Кеннеди ждет, когда он возьмет трубку, так что *пропустите нас*!

Они раздались в стороны, треща как сороки.

Устройства для охлаждения воздуха в кабинете начальника Карри ограничивались единственным вентилятором, который стоял на книжной полке, но движущийся поток вызывал божественные ощущения после спертости комнаты для допросов и коридорной жары. Посреди стола стоял черный телефонный аппарат со снятой трубкой. Здесь же лежала и папка с надписью «ЛИ Х. ОСВАЛЬД» на обложке. Совсем тоненькая.

Я взял трубку.

— Алло?

От гнусавого новоанглийского голоса у меня по спине побежали мурашки. Я говорил с человеком, который сейчас лежал бы в морге, если бы не мы с Сейди.

— Мистер Амберсон? Это Джек Кеннеди. Я... э... понимаю, что мы с женой обязаны вам... э... своей жизнью. Я также понимаю, что вы потеряли очень близкого вам человека. — Вместо близкого получилось «блиского», как я и привык слышать с детства.

— Ее звали Сейди Данхилл, мистер президент. Освальд застрелил ее.

— Я очень сожалею о вашей... э... утрате, мистер Амберсон. Могу я называть вас... э... Джордж?

— Если вам угодно. — Подумав при этом: *Такого разговора не может быть. Мне пригрезилось.*

— Страна отблагодарит ее подобающе... и выразит вам свое сочувствие, я в этом уверен. Позвольте мне... э... быть первым, кто это делает.

— Благодарю вас, мистер президент. — Мое горло сжималось, и я мог лишь шептать. Я видел ее глаза, такие яркие, когда она умирала у меня на руках. *Джейк, как мы танцевали.* Волновало ли подобное президентов? Они вообще знали об этом? Может, лучшие знали. Может, потому они и служили стране.

— Есть... э... еще один человек, который хочет вас поблагодарить, Джордж. Моей жены здесь нет, но она... э... собирается позвонить вам этим вечером.

— Мистер президент, я не знаю, где буду этим вечером.

— Она вас найдет. Она... э... становится очень решительной, когда хочет кого-то поблагодарить. А теперь скажите мне, Джордж, как вы?

Я ответил, что у меня все хорошо, пусть и соврал. Он пообещал в самом скором времени увидеться со мной в Белом доме, и я поблагодарил его, заранее сомневаясь, что мне предстоит визит в Белый дом. И во время этого разговора-грезы, когда вентилятор гнал воздух на мое потное лицо, а матовое стекло верхней панели двери в кабинет начальника Карри освещалось мощными лампами телевизионщиков, в моей голове стучали два слова:

Я спасен. Я спасен. Я спасен.

Президент Соединенных Штатов позвонил из Остина, чтобы поблагодарить меня за спасение его жизни, и теперь я чувствовал себя в безопасности. Теперь я мог сделать то, что требовалось.

8

Через пять минут после завершения этого сюрреалистического разговора с Джоном Фицджеральдом Кеннеди Хости и Фритц спустились со мной по лестнице черного хода в гараж, где Джек Руби застрелил Освальда. Тогда в нем толпился народ, ожидая, когда убийцу выведут, чтобы отвезти в окружную тюрьму. Теперь он пустовал, и наши шаги гулко отдавались от стен. Мои телохранители доставили меня в отель «Адольф», и я не удивился, оказавшись в том самом номере, где жил по приезде в Даллас. Говорят, все возвращается на круги своя, и хотя я так и не могу понять, кто эти загадочно мудрые маги, изрекшие сию истину, когда дело касается путешествий во времени, они попали в точку.

Фритц сказал мне, что копы дежурят в коридоре, этажом ниже и в вестибюле исключительно для обеспечения моей безопасности и чтобы не подпускать ко мне прессу (*ну-ну*). Потом пожал мне руку. Агент Хости тоже пожал мне руку, и когда он это делал, я почувствовал, как сложенный листок бумаги перекочевал из его ладони в мою.

— Отдохните, — сказал он. — Вы это заслужили.

Когда они ушли, я развернул крошечный квадратик. Получился листок из блокнота Хости. Он написал три фразы. Возможно, пока я разговаривал по телефону с Джеком Кеннеди.

Ваш телефон прослушивается. Я приду вечером в 21.00. Сожгите и пепел спустите в унитаз.

Я сжег записку, как Сейди сожгла мою, потом взял телефонную трубку, раскрутил. Внутри обнаружил маленький синий цилиндр размером с пальчиковую батарейку, прикрепленный к проводкам. Меня позабавило, что надписи на нем на японском. Сразу вспомнился мой давний приятель, Молчаливый Майк.

Я отсоединил цилиндрик, накрутил крышку, набрал «0». Назвал свою фамилию. Последовала очень долгая пауза. Я уже со-

брался положить трубку, когда телефонистка коммутатора начала плакать и, захлебываясь, благодарить меня за спасение президента. Если она может что-то сделать, если кто-то в отеле может что-то сделать, от меня требуется лишь позвонить ей — Мэри, — и она сделает *все*, чтобы отблагодарить меня.

— Для начала соедините меня с Джоди, — попросил я и продиктовал номер Дека.

— Разумеется, мистер Амберсон. Да благословит вас Господь. Соединяю вас.

Гудок, второй, потом голос Дека, раздраженный и хриплый, словно простуда усилилась.

— Если это еще один чертов репортер...

— Нет, Дек. Это я, Джордж. — Я помолчал. — Джейк.

— Ох, Джейк, — печально выдохнул он и заплакал. Я ждал, с такой силой сжимая трубку, что заболела рука. В висках пульсировала кровь. День заканчивался, но свет, льющийся в окна, все равно оставался слишком ярким. Издалека донесся громовой раскат. Наконец он спросил: — Ты в порядке?

— Да. Но Сейди...

— Я знаю. Передали в новостях. Я услышал по дороге в Форт-Уорт.

Значит, женщина с ребенком в коляске и водитель эвакуатора с автозаправочной станции «Эссо» оправдали мои надежды. Возблагодарим за это Господа. Пусть это и не казалось важным, когда я сидел и слушал, как старик с разбитым сердцем пытается сдержать слезы.

— Дек... вы вините меня? Если да, я пойму.

— Нет, — ответил он, не сразу. — И Элли не винит. Если Сейди принимала какое-то решение, она уже не отступалась. А если ты оказался на Мерседес-стрит, так это я сказал ей, как тебя найти.

— Оказался.

— Этот сукин сын застрелил ее? В новостных выпусках сказали, что застрелил.

— Да. Он хотел застрелить меня, но моя нога... я споткнулся о коробку с книгами или обо что-то еще и упал. Она находилась позади меня.

— Боже! — Его голос чуть окреп. — Но она умерла за правое дело. Я всегда буду в это верить. И ты должен в это верить.

— Без нее я бы не сумел добраться туда. Если бы вы ее видели... такую решительную... такую смелую...

— Боже, — повторил он, тяжело вздохнув. Казалось, на другом конце провода — глубокий старик. — Все правда. Все, что ты говорил. Все, что она сказала о тебе. Ты действительно из будущего, да?

Как же я порадовался тому, что «жучок» лежит у меня в кармане. Я сомневался, что они успели поставить подслушивающие устройства в комнату, но обхватил трубку рукой и понизил голос.

— Ни слова об этом полиции или репортерам.

— Господи, разумеется, нет! — В голосе слышалось негодование. — Иначе тебе никогда не глотнуть свежего воздуха.

— Вы поехали и забрали наши вещи из багажника «шеви»? Даже после...

— Будь уверен. Я знал, что это важно. Как только услышал, сразу понял, что ты можешь попасть под подозрение.

— Я думаю, что у меня все будет хорошо, но вам нужно открыть мой портфель и... У вас есть мусоросжигательная печь?

— Да, за гаражом.

— В портфеле лежит синяя тетрадь. Бросьте ее в печь и сожгите. Вы это сделаете ради меня? — *И ради Сейди. Мы оба рассчитываем на вас.*

— Да, сделаю. Джейк, я так сожалею о твоей утрате.

— А я о вашей. Вашей и миз Элли.

— Это несправедливо! — взорвался он. — Пусть даже он президент, это несправедливо!

— Согласен, — ответил я. — Несправедливо. Но, Дек... речь не только о президенте. На той же чаше весов все плохое, что могло произойти, если бы он умер.

— Наверное, в этом я должен тебе поверить. Но это так тяжело.

— Я знаю.

Организуют ли они вечер памяти Сейди, как организовали для миз Мими? Разумеется, организуют. Телеканалы пришлют репортеров, и в Америке не останется ни одного сухого глаза. Но по окончании шоу Сейди все равно не оживет.

Если только я ничего не сделаю. Придется вновь пройти весь путь, но ради Сейди я его пройду. Даже если на вечеринке, где мы впервые встретились, она удостоит меня одним взглядом и ре-

шит, что я слишком стар для нее (хотя я приложу все силы, чтобы она изменила свое мнение). Во второй раз не придется устраивать эту безумную гонку. Теперь я знал, что Ли действовал в одиночку, и мог убрать его задолго до визита Кеннеди в Даллас.

— Джейк? Ты еще здесь?

— Да. И пожалуйста, называйте меня Джордж, когда будете говорить обо мне, хорошо?

— Можешь не сомневаться. Я, конечно, старый, но голова у меня еще работает нормально. Я тебя еще увижу?

Нет, если агент Хости скажет мне то, что я хочу от него услышать, подумал я.

— Если не увидите, причина будет в том, что все разрешилось как нельзя лучше.

— Понятно. Джейк... Джордж... она... она что-нибудь сказала в самом конце?

Я не собирался повторять ее последние слова, они предназначались только для моих ушей, но что-то я мог ему сказать. Он передал бы это Элли, Элли — друзьям Сейди в Джоди, благо их хватало.

— Она спросила, жив ли президент. Когда я ответил, что жив, она закрыла глаза и ушла.

Дек вновь заплакал. У меня горело лицо. Слезы принесли бы облегчение, но глаза оставались сухими, как камни.

— Прощайте, — вымолвил я. — Прощайте, верный друг.

Я положил трубку, посидел какое-то время, глядя на красный закат далласской осени. *Если небо красно к вечеру, моряку бояться нечего,* вспомнилась мне давняя пословица... но я услышал еще один раскат грома. Пятью минутами позже, взяв себя в руки, я снял трубку, из которой вынул «жучок», и вновь набрал «0». Сказал Мэри, что сейчас ложусь спать, и попросил разбудить меня ровно в восемь часов. Также попросил ни с кем меня не соединять.

— Об этом уже позаботились, — возбужденно сообщила мне Мэри. — Никаких входящих звонков, приказ начальника полиции. — Она заговорила тише: — Он псих, мистер Амберсон? То есть он, конечно же, псих, но он выглядел рехнувшимся?

Я вспомнил злобные глаза и демонический оскал.

— Да, Мэри. Именно так он и выглядел. В восемь вечера. До этого — полная тишина.

И я положил трубку, прежде чем она успела сказать хоть слово. Потом снял туфли (освобождение левой ноги заняло много времени и принесло немало мучений), лег на кровать, закрыл рукой глаза. Увидел Сейди, танцующую мэдисон. Увидел Сейди, предлагающую мне зайти, спрашивающую, не хочу ли я торт? Увидел Сейди на моих руках, ее яркие умирающие глаза не отрываются от моего лица.

Подумал о «кроличьей норе», о том, что при каждом новом ее использовании происходит полный сброс на ноль.

Наконец заснул.

9

Хости постучал ровно в девять вечера. Я открыл дверь, и он вошел. В одной руке он держал портфель (но не мой, то есть все по-прежнему шло хорошо), в другой — бутылку шампанского, хорошего, «Моэт и Шандон», с красно-бело-синим бантом на горлышке. Выглядел Хости очень уставшим.

— Амберсон.

— Хости.

Он закрыл дверь, указал на телефонный аппарат. Я достал из кармана и продемонстрировал «жучок». Хости кивнул.

— Других нет? — спросил я.

— Нет. «Жучок» — от полиции, но теперь это наше дело. Приказ Гувера. Если кто-то спросит о «жучке», вы нашли его сами.

— Естественно.

Он поднял бутылку шампанского.

— От управляющего отелем. Он настоял, чтобы я захватил ее с собой. Желаете выпить за здоровье президента Соединенных Штатов?

Учитывая, что моя прекрасная Сейди лежала сейчас в окружном морге, я не испытывал желания пить за чье-то здоровье. Моя миссия завершилась успешно, но цену пришлось заплатить слишком высокую.

— Нет.

— Я тоже не хочу, но чертовски рад, что он жив. Хотите узнать секрет?

— Конечно.

— Я голосовал за него. Наверное, единственный агент во всем Бюро.

Я промолчал.

Хости сел в одно из двух кресел, облегченно вздохнул. Поставил портфель между ног. Повернул к себе бутылку, чтобы взглянуть на этикетку.

— Тысяча девятьсот пятьдесят восьмой. Любители вина наверняка знают, хороший это год или нет, но я больше предпочитаю пиво.

— Я тоже.

— Тогда вы получили бы большее удовольствие от «Одинокой звезды». Внизу вас дожидается ящик, с благодарственным письмом, в котором указано, что вы будете получать по ящику каждый месяц до конца вашей жизни. И шампанское тоже. Я видел с десяток бутылок. Кто только их не прислал, от Торговой палаты Далласа до Городского совета по туризму. Вам прислали цветной телевизор «Зенит», и золотой перстень с изображением президента от «Коллоуэйс файн джевелри», и сертификат на три мужских костюма из «Мужской одежды Далласа», и многое, многое другое, включая ключ от города. Управляющий уже освободил комнату на первом этаже для ваших подарков, но, думаю, к завтрашнему утру придется освобождать и вторую. А еда! Люди приносят торты, пироги, запеканки, ветчину, жареных куриц, блюда мексиканской кухни — этого хватит на пять лет. Мы их заворачиваем, но уходить им совершенно не хочется, смею вас заверить. А женщины перед отелем... Знаете, думаю, сам Джек Кеннеди вам бы позавидовал, а он легендарный бабник. Если бы вы знали, какой информацией располагает директор о сексуальной жизни этого человека, вы бы не поверили.

— Вы даже представить себе не можете, во что я готов поверить.

— Даллас любит вас, Амберсон. Черт, вся страна любит вас. — Он рассмеялся. Смех перешел в кашель. Когда приступ миновал, Хости закурил, посмотрел на часы. — В девять часов семь минут вечера двадцать второго ноября одна тысяча девятьсот шестьдесят третьего года вы любимчик Америки.

— А вы, Хости? Вы меня любите? Или директор Гувер?

После единственной затяжки он положил сигарету в пепельницу, наклонился вперед, впился в меня взглядом. Его глаза

глубоко прятались в складках, в них читалась усталость, но они ярко блестели и многое знали.

— Посмотрите на меня, Амберсон. Прямо в глаза. А потом скажите, были вы с Освальдом заодно или нет. И скажите правду, потому что ложь я отличу.

Учитывая вопиющие ошибки, допущенные Хости в разработке Освальда, я в это не верил, но точно знал, что он *верит*. Поэтому встретился с ним взглядом и ответил:

— Нет.

Какое-то время он молчал, потом вздохнул, откинулся на спинку кресла, взял сигарету.

— Да, не были. — Он выпустил дым из ноздрей. — На кого вы тогда работаете? На ЦРУ? Или на русских? Я этого не понимаю, но директор уверен, что русские с радостью использовали бы глубоко законспирированного агента, чтобы не допустить убийства, которое могло бы спровоцировать международный конфликт. Может, даже третью мировую войну. Особенно после того, как люди узнают, что Освальд какое-то время жил в России. — Он сказал: «в Раше», — совсем как евангелист Харгис в своих телепередачах. Может, Хости так шутил.

— Ни на кого я не работаю, Хости. Я обычный человек.

Он нацелил на меня сигарету.

— Так всем и говорите.

Он щелкнул замками портфеля, достал папку, еще более тонкую, чем та, что лежала на столе Карри, с фамилией Освальда. В эту папку стекалась информация, касающаяся меня, и она бы постепенно утолщалась, но не так быстро, как в компьютерном двадцать первом веке.

— До Далласа вы жили во Флориде. В городе Сансет-Пойнт.

— Да.

— Работали замещающим учителем в одной из школ Сарасоты.

— Правильно.

— До этого, как мы понимаем, провели какое-то время в... Деррине? Деррин, штат Мэн?

— В Дерри.

— И что вы там делали?

— Начал писать книгу.

— Да-да, а до того?

— Кружил по стране.

— Как много вам известно о моих отношениях с Освальдом?

Я промолчал.

— Не стесняйтесь. Все останется между нами, девочками.

— Достаточно много, чтобы доставить неприятности и вам, и вашему директору.

— Если?..

— Вот что я вам скажу. Неприятности, которые я причиню вам, будут в прямой степени зависеть от неприятностей, которые вы причините мне.

— Если я правильно вас понял, когда дело дойдет до неприятностей, вы выдумаете то, чего не знаете наверняка... чтобы побольнее ударить нас.

Я промолчал.

Он заговорил так, словно беседовал сам с собой.

— Меня не удивляет, что вы пишите книгу. Лучше бы вы писали ее и дальше, Амберсон. Наверняка получился бы бестселлер. Потому что выдумывать у вас получается чертовски хорошо, отдаю вам должное. Сегодня вы сумели внушить доверие. И вы знаете то, чего знать никак не должны, так что мы не можем поверить, что вы обыкновенный гражданин. Перестаньте, кто слил вам информацию? Энглтон из ЦРУ? Так? Этот хитрый ублюдок, выращивающий розы?

— Я — всего лишь я, — ответил я, — и, вероятно, знаю не так много, как вы думаете. Но мне известно достаточно, чтобы выставить Бюро в неприглядном свете. К примеру, могу рассказать о том, как Ли пришел к вам и открытым текстом сказал, что собирается убить Кеннеди.

Хости с такой силой затушил окурок, что полетели искры. Некоторые опустились на тыльную сторону его ладони, но он ничего не почувствовал.

— Это гребаная ложь!

— Знаю, — кивнул я. — И я расскажу об этом с честным лицом, если вы меня вынудите. Еще не возникло мысли избавиться от меня, Хости?

— Это оставьте для дешевых комиксов. Мы не убиваем людей.

— Расскажите это братьям Дьем во Вьетнаме.

Он посмотрел на меня, как человек может посмотреть на беззащитную мышь, которая внезапно укусила его. Да еще большими зубами.

— Откуда вам известно, что Америка имеет какое-то отношение к братьям Дьем? Согласно тому, что я прочитал в газетах, наши руки чисты.

— Давайте не уклоняться от темы. Дело в том, что сейчас я слишком популярен, чтобы убить меня. Или нет?

— Никто не хочет убивать вас, Амберсон. И никто не хочет искать дыры в вашей истории. — Тут он невесело рассмеялся. — Если мы начнем их искать, она вся разлезется. Слишком тонкая.

— На ходу сочиненные небылицы были ее коньком.

— Что?

— Г.Х. Манро. Также известный как Саки. Рассказ называется «Открытое окно». Прочитайте его. Если возникает необходимость придумывать всякую чушь в нужный момент, он может оказаться очень полезным.

Он пристально смотрел на меня, в его проницательных глазах стояла тревога.

— Я совершенно вас не понимаю. Это меня беспокоит. — На западе, где без устали работали нефтяные скважины и горели газовые факелы, вновь прогремел гром.

— Чего вы от меня хотите? — спросил я.

— Я думаю, когда мы начнем искать ваш след чуть дальше Деррина, или Дерри, или как там он называется, мы ничего не найдем. Вы словно материализовались из воздуха.

Он так точно описал процесс, что у меня чуть не перехватило дыхание.

— Мы хотим, чтобы вы вернулись туда, откуда явились. «Желтая» пресса начнет обычные спекуляции, расписывая теории заговора, но мы гарантируем, что ваша репутация останется незапятнанной. Если вас это волнует. Марина Освальд поддержит вашу версию до последнего слова.

— Как я понимаю, вы с ней уже говорили.

— Вы понимаете правильно. Она знает, что ее депортируют, если она не подыграет нам. Репортерам не удалось хорошенько вас рассмотреть. На фотографиях, которые появятся завтра в газетах, будут лишь смазанные пятна.

Я знал, что он прав. Сфотографировать меня могли лишь в коридоре по пути к кабинету Карри, а Фритц и Хости, оба мужчины крупные, вели меня под руки, блокируя собой лучшие ракурсы. Опять же, я шел опустив голову, потому что яркий свет ламп телевизионщиков бил по глазам. В Джоди моих фотографий хватало — включая портрет в ежегоднике за тот учебный год, который я отработал от звонка до звонка, — однако в эту эпоху отсутствовал не только Интернет, но и факс, так что разыскать их и опубликовать могли только во вторник или среду следующей недели.

— У меня есть для вас история, — продолжил Хости. — Вы же любите истории, верно? Вроде этого «Открытого окна»?

— Я учитель английского языка и литературы. Конечно же, я люблю истории.

— Этого парня, Джорджа Амберсона, совершенно сокрушило горе, вызванное утратой подруги...

— Невесты.

— Невесты, точно, даже лучше. Потрясенный ее гибелью, он бросает все и просто исчезает. Не нужны ему ни известность, ни бесплатное шампанское, ни медали от президента, ни торжественные встречи в городах. Он хочет отгородиться от всех и скорбеть в одиночестве. Американцам такая история понравится. Им все время показывают подобные по телику. Называться она будет не «Открытое окно», а «Скромный герой». И еще найдется агент ФБР, который подтвердит каждое слово и даже зачитает заявление, которое вы оставите. Как вам такая история?

Чистой воды манна небесная — но я ничем не выдал своих чувств.

— Вы чертовски уверены, что я могу исчезнуть.

— Это точно.

— И вы не бросались словами, говоря, что я не исчезну на дне реки Тринити, во исполнение приказа директора?

— Ничего такого не будет. — Он улыбнулся. Хотел меня ободрить, но заставил вспомнить давнюю фразу из моих подростковых времен: *Не волнуйся, ты не забеременеешь. Я переболел свинкой в четырнадцать лет.*

— Потому что я оставил страховку, агент Хости.

Одно веко дернулось. Других признаков, что идея ему не понравилась, я не заметил.

— Мы думаем, что вы можете исчезнуть, потому что мы уверены... Давайте сделаем следующее. Вы сможете позвонить своему человеку, как только уедете из Далласа.

— Никакой пресс-конференции?

— Только этого нам и не хватает.

Он снова открыл портфель. Достал блокнот с линованными страницами. Передал мне вместе с ручкой из нагрудного кармана.

— Напишите мне письмо, Амберсон. Мы с Фритцем найдем его завтра утром, когда придем за вами, но озаглавить вы его можете «Всем, кого это касается». Напишите красиво. Напишите *искренне*. Вы это умеете, верно?

— Конечно, — кивнул я. — На ходу сочиненные небылицы — мой конек.

Он невесело улыбнулся и взял бутылку шампанского.

— Может, я попробую эту шипучку, пока вы сочиняете. Но вам не налью. У вас впереди тяжелая ночь. До сна идти немало миль* и все такое.

10

Я писал, тщательно подбирая слова, но много времени это не заняло. Я полагал, что в таких случаях (хотя едва ли во всей мировой истории был хоть один такой случай) краткость шла только на пользу. И я постоянно помнил о предложенной Хости идее — «Скромный герой». Оставалось только порадоваться, что удалось поспать несколько часов. Конечно, мне снились кошмары, но свежести определенно прибавилось.

Когда я закончил, Хости уговаривал третий стакан шампанского. Он уже выложил часть содержимого портфеля на кофейный столик. Я протянул ему блокнот, и он начал читать. Громыхнул гром, молния на мгновение осветила ночное небо, но я полагал, что гроза еще далеко.

Пока он читал, я присмотрелся к тому, что лежало на столике. Мой «Таймекс», единственная вещь, которую мне не вернули при отъезде из полицейского управления. Очки в роговой оправе. Надев их, я убедился, что стекла без диоптрий. Ключ с полым

* Аллюзия на строку из стихотворения американского поэта Роберта Фроста «Остановка снежным вечером у леса».

цилиндром вместо бородки. Конверт, похоже, с тысячей долларов старыми десятками и двадцатками. Сеточка для волос. Белая униформа из двух частей — брюки и туника. Хлопчатобумажная ткань выглядела такой же тонкой, как, по утверждению Хости, история моего прошлого.

— Хорошее письмо. — Хости опустил блокнот. — Та самая степень печали, которую демонстрировал Ричард Кимболл в «Беглеце». Смотрели?

Я видел фильм с Томми Ли Джонсом, но едва ли имело смысл говорить об этом.

— Нет.

— Вы будете беглецом, это верно, но только от прессы и американской публики, которая хочет знать о вас все: и какой сок вы пьете по утрам, и какой размер трусов носите. Вами интересуется общественность, Амберсон, но ни в коем случае не полиция. Вы не застрелили свою подругу, вы даже не застрелили Освальда.

— Я пытался. Если бы не промахнулся, она бы не погибла.

— На этот счет я бы не особенно себя винил. Помещение там большое, а точность револьвера тридцать восьмого калибра с расстоянием резко падает.

Это правда. Стрелять надо менее чем с пятнадцати ярдов. Так мне говорили, и не раз. Но я этого не сказал. Я полагал, что мое короткое знакомство со специальным агентом Джеймсом Хости почти закончено. И мне хотелось побыстрее поставить точку.

— За вами ничего нет. Все, что вам нужно, так это найти место, где ваши люди смогут забрать вас и переправить в землю призраков.

В моем случае под землей призраков подразумевалось будущее, отстоящее на сорок восемь лет. Туда вела «кроличья нора». При условии, что она находилась на прежнем месте.

— Уверен, что все будет хорошо.

— Да уж, вам лучше быть в этом уверенным. Если вы попытаетесь ударить нас, мы ударим с удвоенной силой. Мистер Гувер... скажем так, директор не из тех, кто прощает.

— Скажите мне, как выбраться из отеля.

— Вы наденете эту одежду рабочего кухни, сеточку для волос, очки. Этот ключ от служебного лифта. Он доставит вас на первый этаж. Вы пройдете через кухню и выйдете через дверь черного хода. Пока все ясно?

— Да.

— Вас будет ждать автомобиль Бюро. Сядете на заднее сиденье. С водителем не разговаривайте. Это не лимузин. Вас доставят на автовокзал. Водитель предложит вам три билета. До Тампы на двадцать три сорок, до Литл-Рока на двадцать три пятьдесят и до Альбукерке на ноль часов двадцать минут. Я не хочу знать, какой автобус вы выберете. А вы должны знать, что на этом наше сотрудничество заканчивается. Потом не попадаться никому на глаза — ваша забота. И разумеется, тех, на кого вы работаете.

— Разумеется.

Зазвонил телефон.

— Если это какой-то хитрожопый репортер, который нашел способ дозвониться до вас, пошлите его подальше, — бросил Хости. — А если скажете хоть слово о том, что я здесь, я перережу вам глотку.

Я подумал, что он шутит, но полной уверенности не было. Взял трубку.

— Я не знаю, кто вы, но я очень устал, а потому...

Женский голос с придыханием ответил, что не задержит меня надолго. Глядя на Хости, я беззвучно произнес: «Джеки Кеннеди». Он кивнул и плеснул в стакан моего шампанского. Я отвернулся, словно мог помешать Хости подслушивать наш разговор, стоя к нему спиной.

— Миссис Кеннеди, вы могли бы и не звонить, но говорить с вами для меня большая честь.

— Я хотела поблагодарить вас за то, что вы сделали. Я знаю, мой муж уже поблагодарил вас от нас обоих, но... мистер Амберсон... — Первая леди заплакала. — Я хочу поблагодарить вас от наших детей, которые могут сегодня пожелать спокойной ночи матери и по телефону — отцу.

Каролин и Джон-Джон. До этого момента я о них и не думал.

— Миссис Кеннеди, я вам очень признателен.

— Как я понимаю, вы собирались жениться на молодой женщине, которая погибла.

— Совершенно верно.

— У вас, должно быть, разбито сердце. Пожалуйста, примите мои соболезнования... этого мало, я знаю, но это все, что я могу предложить.

— Спасибо вам.

— Если бы я могла изменить то, что произошло... если бы я могла повернуть время вспять...

Нет, подумал я, *это моя работа, миз Джеки.*

— Я понимаю. Спасибо вам.

Мы поговорили еще какое-то время. Этот разговор оказался для меня более сложным, чем с президентом Кеннеди в полицейском управлении. Отчасти потому, что тот казался грезой, а этот — нет, но, думаю, главным образом из-за страха, который я слышал в голосе Жаклин Кеннеди. Она, похоже, в полной мере осознавала, какой тонкий волосок отделял их от смерти. По его голосу я этого не ощутил. Он как раз верил, что осчастливлен и благословлен провидением, может, даже бессмертен. Ближе к завершению нашего разговора я попросил ее проследить за тем, чтобы до конца президентского срока ее муж больше не разъезжал в открытых лимузинах.

Она заверила меня, что так и будет, поблагодарила вновь. Я еще раз сказал, что рад ее звонку, и положил трубку. Оглянувшись, увидел, что один. В какой-то момент моего разговора с Жаклин Кеннеди Хости ушел. От него остались два окурка в пепельнице, недопитый стакан шампанского и еще одна записка, лежавшая рядом с блокнотом, в котором я написал письмо.

Избавьтесь от «жучка», прежде чем поедете на автовокзал, прочитал я. А ниже: *Удачи вам, Амберсон. Очень сожалею о вашей утрате. Х.*

Может, он и сожалел, но сожаления дешевы, ведь так? Сожаления очень дешевы.

11

Я надел униформу кухонного рабочего и спустился на первый этаж на лифте, в котором пахло куриным супом, соусом барбекю и «Джеком Дэниелсом». Когда двери открылись, быстрым шагом прошел по жаркой, благоухающей множеством ароматов кухне. Не думаю, чтобы кто-нибудь посмотрел на меня.

Вышел в переулок, где парочка алкашей рылась в мусорном баке. И они не глянули на меня, хотя подняли головы, когда небо на мгновение осветила молния. Неприметный «форд»-седан стоял у въезда в переулок. Двигатель работал на холостых оборотах.

Я сел на заднее сиденье, и автомобиль тут же тронулся с места. По пути к автовокзалу «Грейхаунд» водитель произнес только одну фразу: «Похоже, дождь собирается».

Он предложил мне три билета, как покерную комбинацию бедняка. Я выбрал Литл-Рок. До отправления автобуса оставался примерно час. Я пошел в сувенирный магазин и купил дешевый чемодан. Если бы все прошло хорошо, он бы понадобился для кое-каких вещей. Многого я покупать не собирался: в моем доме в Сабаттусе меня дожидалась самая разнообразная одежда, и хотя дом этот отстоял от меня чуть ли не на пятьдесят лет, я рассчитывал попасть туда менее чем через неделю. Такой парадокс наверняка понравился бы Эйнштейну, и в моем усталом, скорбящем разуме не возникло и мысли, что — с учетом «эффекта бабочки» — дом этот будет принадлежать уже не мне. Если его вообще построят.

Я купил газету, экстренный выпуск «Грязь геральд». С одной-единственной фотографией на первой полосе, может, случайно снятой профессионалом, а скорее, счастливчиком-зрителем, Кеннеди наклонялся над женщиной, с которой я недавно говорил, и ее розовый костюм не пятнала кровь, когда она наконец-то сняла его этим вечером.

Джон Ф. Кеннеди своим телом прикрывает жену, когда президентский лимузин уносится с места, где едва не произошла национальная катастрофа, гласила подпись. Над фотографией красовался заголовок, набранный тридцать шестым кеглем. Места хватило, потому что он состоял из одного слова:

СПАСЕН!

Я раскрыл вторую страницу и увидел другой фотоснимок. Сейди, невероятно молодая и невероятно красивая. Она улыбалась. *Передо мной вся жизнь,* говорила эта улыбка.

Сидя на стуле из деревянных планок среди мельтешения ночных путешественников — кричали дети, смеялись солдаты с вещмешками, напивались бизнесмены, объявляли по громкой связи прибытие и отбытие автобусов, — я осторожно складывал газетную страницу по контуру фотографии, чтобы вырвать ее, не попортив лицо. Когда мне это удалось, долго смотрел на нее,

после чего убрал в бумажник. Газету выкинул. Остальное не представляло для меня интереса.

Посадку на автобус в Литл-Рок объявили в двадцать минут двенадцатого, и я присоединился к толпе, собравшейся у соответствующего выхода. Если не считать очков, я не делал никаких попыток изменить внешность, но никто не проявил ко мне особого интереса. Еще одна капелька в потоке Путешествующей Америки, ничем не отличающаяся от любой другой.

Сегодня я изменил ваши жизни, думал я, наблюдая за теми, кто вместе со мной переходил в день следующий, но эта мысль не вызывала у меня ни торжества, ни изумления; не вызывала никакой эмоциональной реакции — ни положительной, ни отрицательной.

Я поднялся в автобус и сел в одном из задних рядов. Вокруг хватало людей в военной форме. Вероятно, ехали на базу ВВС в Литл-Роке. Если бы не мое сегодняшнее деяние, кто-то из них наверняка погиб бы во Вьетнаме. Другие вернулись бы покалеченными. А теперь? Как знать?

Автобус тронулся с места. Когда мы выезжали из Далласа, гром гремел громче, молнии сверкали ярче, но дождь так и не полил. На подъезде к Салфер-Спрингс гроза осталась далеко позади, небо очистилось, на нем высыпали десятки тысяч звезд, ярких, как кусочки льда, и таких же холодных. Какое-то время я смотрел на них, потом закрыл глаза, прислушиваясь к шороху шин, поедающих автостраду 30.

Сейди, пели они. *Сейди, Сейди, Сейди.*

12

В Литл-Рок я купил билет на автобус до Питсбурга, отъезжающий в полдень, с единственной остановкой в Индианаполисе. Позавтракал в кафетерии автовокзала, сидя рядом со стариком, который поставил на стол перед собой транзисторный радиоприемник. Большой, со сверкающими дисками. Комментаторы говорили о попытке покушения на президента... и о Сейди. Прежде всего о Сейди. Ее ждали государственные похороны и захоронение на Арлингтонском национальном кладбище. Крепло мнение, что надгробную речь произнесет ДФК. Первоначаль-

но ожидалось, что Джордж Амберсон, жених мисс Данхилл, также проживавший в городе Джоди, штат Техас, появится перед прессой в десять утра, но потом пресс-конференцию перенесли на вторую половину дня — без объявления причин. Хости выигрывал для меня время, чтобы я успел уехать как можно дальше. Меня это устраивало. Хости, естественно, тоже. И его драгоценного директора.

«Президент и его героические спасители — не единственная новость, пришедшая из Техаса этим утром», — сообщил радиоприемник старика, и я замер с чашкой черного кофе в руке, оторвав ее от блюдца, но не донеся до рта. Во рту вдруг появилась горечь, уже мне знакомая. Психолог назвал бы этот симптом *presque vu** — чувство, которое возникает у людей, когда вот-вот должно случиться что-то удивительное, — но я могу предложить более скромное название: гармония.

«В разгар грозы, в самом начале второго часа ночи, неожиданно возникший торнадо обрушился на Форт-Уорт, уничтожив склад «Монтгомери уорд» и десяток домов. Два человека погибли, четверо числятся пропавшими без вести».

Я не сомневался, что среди уничтоженных домов — 2703 и 2706 по Мерседес-стрит. Злой ветер стер их, как неправильное уравнение.

Глава 30

1

Последний в этой поездке автобус «Грейхаунд» высадил меня на Мино-авеню в Оберне, штат Мэн, чуть позже полудня двадцать шестого ноября. После более восьмидесяти часов, проведенных на колесах практически без сна, я чувствовал себя плодом собственного воображения. Меня встретил холод. Бог откашливался и выхаркивал редкий снежок с грязно-серого неба. Я купил джинсы и пару синих рубашек из шамбре, чтобы заменить кухонную униформу, но для здешней погоды такая одежда не годилась.

* Почти было (*фр.*).

За долгие годы, проведенные в Техасе, я и забыл про ноябрьский холод Мэна, однако мое тело быстро все вспомнило и принялось дрожать. Первой моей остановкой стал магазин «Мужская одежда от Луи». Я подобрал себе дубленку и принес продавцу.

Тот отложил номер «Льюистон сан», чтобы обслужить меня, и я увидел свою фотографию — да, из ежегодника ДОСШ — на первой странице. «ГДЕ ДЖОРДЖ АМБЕРСОН?» — вопрошал заголовок. Продавец пробил покупку и выдал мне чек. Я постучал ногтем по фотоснимку.

— Как думаете, что с этим парнем?

Продавец посмотрел на меня и пожал плечами.

— Он не хочет шумихи, и я его понимаю. Я очень люблю свою жену, но если она внезапно умрет, мне бы не хотелось, чтобы люди тащили мою фотографию в газету или показывали мою плачущую физиономию по телику. А вам?

— Согласен с вами, — ответил я. — Мне бы тоже.

— Окажись я на его месте, не давал бы о себе знать до тысяча девятьсот семидесятого года, пока все не утихнет. Как насчет хорошей кепки к этой дубленке? Только вчера поступили из фланели, с плотными отворотами для ушей.

Я купил и кепку. Потом прохромал два квартала до автобусной станции, размахивая чемоданом в здоровой руке. Мне хотелось немедленно отправиться в Лисбон-Фоллс, чтобы убедиться, что «кроличья нора» на месте. Но окажись она там, я бы сразу же ею и воспользовался, не смог бы устоять, я понимал, что после пяти лет в Стране прошлого еще не готов к тому, чтобы увидеть, во что могла превратиться Страна настоящего. Прежде всего мне требовался отдых. Настоящий отдых, а не дремота в автобусе под плач маленьких детей и смех пьяных мужиков.

У тротуара стояли четыре или пять такси, снегопад заметно усилился. Я сел в первое, кабина встретила меня теплым дыханием обогревателя. Таксист повернулся ко мне, толстяк с бейджем «ЛИЦЕНЗИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОЗЧИК» на мятой шляпе. Я видел его впервые, но знал, что его радиоприемник будет настроен на волну радиостанции Дабл-ю-джей-эй-би из Портленда, а в кармане у него лежит пачка «Лаки страйкс». Что должно повториться, повторяется.

— Куда едем, шеф?

Я попросил отвезти меня в «Тамарак мотор корт» на шоссе 196.

— Считайте, вы уже там.

Он включил радио, и «Мираклс» запели «Обезьяну Микки».

— Эти современные танцы, — пробурчал таксист, доставая сигареты. — Никакой пользы от них нет, только учат детей вихлять бедрами.

— Танец — это жизнь, — ответил я.

2

За стойкой стояла другая девушка, но она дала мне тот же номер. Само собой. Стоимость его чуть поднялась, и прежний телевизор заменили на новый, однако к стоявшей на нем комнатной V-образной антенне была прислонена прежняя табличка: *«НЕ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ФОЛЬГУ»*. Качество приема за эти годы не изменилось, осталось таким же паршивым. Показывали только «мыльные оперы» — никаких новостей.

Я выключил телевизор. Повесил на дверь табличку «НЕ БЕСПОКОИТЬ». Задернул шторы. Потом разделся и забрался в кровать. Проспал двенадцать часов, поднимаясь лишь изредка, чтобы в полусне дойти до ванной и отлить. Проснулся уже далеко за полночь, электричество отключили, дул сильный северо-западный ветер. По небу плыл яркий полумесяц. Я достал из стенного шкафа дополнительное одеяло и проспал еще пять часов.

Снова проснулся при свете зари. Светлыми тонами и пятнами теней «Тамарак мотор корт» напоминал фотографии в «Нэшнл джиографик». Стекла автомобилей, стоявших перед номерами, покрывала изморозь, и я видел парок собственного дыхания. Позвонил на регистрационную стойку, не ожидая ничего хорошего, но трубку сняли сразу, хотя по голосу молодого человека чувствовалось, что я его разбудил. Он заверил меня, что телефон работает и он с радостью вызовет мне такси... куда я хочу поехать?

— В Лисбон-Фоллс, — ответил я. — Угол Главной улицы и Старой льюистонской дороги.

— «Фрут»? — уточнил он.

Я так долго отсутствовал, что поначалу не понял, о чем это он. Потом все срослось.

— Совершенно верно. «Кеннебек фрут».

Еду домой, сказал я себе. *Слава Тебе Господи, я еду домой.*

Только я лгал сам себе: 2011 год перестал быть моим домом, и я намеревался провести там очень короткое время, при условии, что вообще смогу туда попасть. Может, несколько минут. Теперь своим домом я считал Джоди. Точнее, ему предстояло превратиться в мой дом после приезда туда Сейди. Сейди-девственницы. Сейди с длинными ногами и длинными волосами и склонностью натыкаться на все, что могло попасться под ноги... вот только в критический момент наткнулся и упал я.

Сейди, которой не обезобразили лицо.

Она была моим домом.

3

В то утро за рулем сидела плотно сбитая женщина старше пятидесяти, в старой черной куртке с капюшоном и бейсболке «Ред сокс». Бейдж «ЛИЦЕНЗИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОЗЧИК» отсутствовал. Когда мы повернули на дорогу 196, налево, в сторону Фоллс, она спросила:

— Вы слышали новости? Готова спорить, что нет... Здесь ведь отключили электричество?

— Какие новости? — спросил я, в полной уверенности, что уже знаю ответ: Кеннеди мертв. Не важно, по какой причине — несчастный случай, сердечный приступ или все-таки убийство, — но он мертв. Прошлое упрямо, и Кеннеди мертв.

— Землетрясение в Лос-Анджелесе. — Она произнесла название города как «Лас-Анджли-ис». — Люди уже много лет говорили, что Калифорния просто опустится в океан, и, похоже, были правы. — Она покачала головой. — Я не собираюсь утверждать, что виноват их образ жизни — эти кинозвезды и все такое, — но я убежденная баптистка и не собираюсь говорить, что дело совсем не в этом.

Мы как раз проезжали лисбонский автокинотетр. «ЗАКРЫТО НА ЗИМУ, — гласило объявление на щите под афишу. — УВИДИМСЯ В 64-М НА НОВЫХ ФИЛЬМАХ».

— Сильное?

— Говорят о семи тысячах погибших, но когда слышишь такие числа, становится понятно, что их больше. Чуть ли не все

чертовы мосты рухнули, автострады разнесло, всюду пожары. Похоже, та часть города, где жили негры, выгорела полностью. Уэртс! Так вроде бы называется эта часть города. Та самая, где жили черные. Уэртс! Да!

Я не ответил. Думал о Лохмаче, щенке, который жил у нас, когда мне было девять лет, еще в Висконсине. Мне разрешали играть с ним во дворе до начала школьных занятий, пока не приедет автобус. Я учил его сидеть, приносить палку, перекатываться по земле, все такое, и учился он быстро — умный щенок! Я очень его любил.

По прибытии автобуса мне полагалось запирать калитку во двор, а уже потом бежать к автобусу. Лохмач всегда ложился на кухонное крыльцо. Моя мать звала его и кормила завтраком после того, как возвращалась, отвезя отца на местную железнодорожную станцию. Я всегда помнил о том, что надо запирать калитку — во всяком случае, не помню, чтобы когда-нибудь забыл это сделать, — но однажды, когда я вернулся из школы, мама сказала мне, что Лохмач мертв. Он оказался на улице, и его сбил автофургон. Она не упрекнула меня словом, но ее взгляд упрекнул, потому что она тоже любила Лохмача.

«Я запер его, как всегда», — оправдывался я сквозь слезы, и — как и говорю — я верю, что так и сделал. Возможно, потому, что прежде всегда запирал. В тот вечер мы с отцом похоронили Лохмача в нашем дворе. *Наверное, это незаконно,* пожал плечами отец, *но я никому не скажу, если ты не скажешь.*

Потом я долго лежал без сна, мучаясь тем, что не мог вспомнить, запер я калитку или нет, в ужасе от того, что мог ее не запереть. Не говоря уже о чувстве вины. Оно не покидало меня долго, год, а то и больше. Если бы я смог вспомнить, запер калитку или нет, не сомневаюсь, что оно ушло бы раньше. Но я не мог. Запер я калитку или не запер? Вновь и вновь я перебирал в памяти события последнего утра моего щенка, но отчетливо мог вспомнить, лишь как тянул его за поводок и кричал: «Принеси, Лохмач, принеси!»

То же самое я ощущал, когда ехал в Фоллс. Поначалу пытался сказать себе, что в конце ноября 1963 года землетрясение произошло и в прежней реальности, которую я не менял. Просто я этого не помнил, как не помнил покушение на Эдвина Уокера. Я же говорил Элу Темплтону, что диплом защищал по английскому языку и литературе, а не по истории.

Но не складывалось. Если бы такое землетрясение *произошло* в той Америке, где я жил до моего визита в прошлое через «кроличью нору», я бы о нем знал. Конечно, случались и более крупные природные катастрофы — в 2004 году цунами в Индийском океане унесло жизни двухсот тысяч человек, — но семь тысяч погибших — это для Америки много, в два раза больше, чем число жертв одиннадцатого сентября.

Потом я спросил себя, как содеянное мной в Далласе могло вызвать упомянутую женщиной-таксистом природную катастрофу в Лос-Анджелесе? Ответ напрашивался только один: «эффект бабочки». Но каким образом он мог проявиться так скоро? Никаким. Причинно-следственная связь между этими двумя событиями определенно отсутствовала.

И все-таки какая-то глубинная часть моего сознания шептала: *Это сделал ты. Ты стал причиной смерти Лохмача, то ли оставив калитку открытой, то ли не заперев ее на задвижку... и это сделал ты. Вы с Элом много рассуждали о спасении тысяч жизней во Вьетнаме, но это твой первый реальный взнос в Новую историю: семь тысяч погибших в Лос-Анджелесе.*

Этого просто не могло быть. А если вина все-таки лежала на мне...

Проблем быть не может, говорил Эл. *Если что-то пойдет не так, ты просто вернешь все на круги своя. Это не сложнее, чем стереть ругательство с классной доски.*

— Мистер, — ворвался в мои размышления голос женщины-таксиста, — мы приехали. — Она с любопытством уставилась на меня. — Стоим уже три минуты. Магазины еще не открылись, слишком рано. Вы действительно хотели приехать сюда?

Я, может, и не хотел, но знал, что должен. Заплатил по счетчику, добавил щедрые чаевые (деньги, в конце концов, принадлежали ФБР), пожелал ей доброго дня и вылез из кабины.

4

В Лисбон-Фоллс воняло, как и прежде, но хотя бы не отключили подачу электроэнергии. Желтая мигалка над перекрестком раскачивалась на северо-западном ветру. В «Кеннебек фрут» не горела ни одна лампа, витрину не украшали ни яблоки, ни апельсины, ни бананы. На двери винного магазина висела табличка:

«ОТКРЫВАЕМСЯ В 10.00». По Главной улице проезжали редкие автомобили. Несколько пешеходов, подняв воротники, торопливо шли по тротуару. Зато на другой стороне фабрика Ворамбо работала на полную мощь. Даже с того места, где я стоял, до меня доносилось отчетливое *шурш-шурш* огромных плоско-прядильных станков. Потом я услышал кое-что еще: кто-то звал меня, пусть и не по одному из двух моих имен.

— Джимла! Эй, Джимла!

Я посмотрел в сторону фабрики, думая: *Он вернулся, Желтая Карточка вернулся из страны мертвых. Совсем как президент Кеннеди.*

Только тот, кто меня звал, не был Желтой Карточкой, точно так же, как таксист, отвозивший меня от автобусной станции в «Тамарак мотор корт», не был таксистом, с которым я в 1958 году приехал в «Тамарак мотор корт» из Лисбон-Фоллса. Однако оба таксиста во многом напоминали друг друга, потому что прошлое стремится к гармонии. Соответственно и мужчина на другой стороне улицы напоминал алкаша, который просил у меня бакс по случаю двойной выплаты в зеленом доме. Теперь я видел, что он гораздо моложе Желтой Карточки, а его черное пальто более новое и чистое... но практически то же самое.

— Джимла! Сюда! — звал он. Ветер раздувал длинные полы, раскачивал висевшую на цепи табличку точно так же, как мигалку. Впрочем, надпись на табличке я все равно мог прочесть: **«ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН ДО ЗАВЕРШЕНИЯ РЕМОНТА СТОЧНОЙ ТРУБЫ»**.

Прошло пять лет, подумал я, *а эта нехорошая сточная труба все еще не отремонтирована.*

— Джимла! Не заставляй меня переходить улицу, чтобы поговорить с тобой.

Он, наверное, был в состоянии это сделать. Его покончивший с собой предшественник добирался аж до зеленого дома. Но я точно знал, что оказался бы вне пределов досягаемости этого двойника Желтой Карточки, прохромай я достаточно далеко по Старой льюистонской дороге. Он преследовал бы меня до супермаркета «Ред энд уайт», где Эл покупал мясо, однако если бы я успел дойти до автозаправочной станции «Тит Шеврон» или до «Веселого белого слона», то мог бы обернуться и показать ему нос. «Кроличья нора» держала его на привязи.

Иначе я бы увидел его в Далласе. Я в этом не сомневался, как не сомневался в том, что именно сила тяжести удерживает людей на поверхности земли.

И словно в подтверждение моих мыслей, он позвал:

— Джимла, пожалуйста!

И отчаяние, которое я видел в его лице, напоминало ветер: неосязаемое, но неумолимое.

Я посмотрел направо, налево, убедился, что автомобилей нет, и перешел на ту сторону улицы, где стоял он. Приближаясь, увидел два отличия: как и его предшественник, он носил мягкую фетровую шляпу с широкими полями, но только чистую, а не грязную. И как у его предшественника, цветная карточка торчала из-под ленты, словно репортерский пропуск из давних времен. Только не желтая, и не оранжевая, и не черная.

Зеленая.

5

— Слава Богу, — вырвалось у него. Он взял мою руку, сжал. Ладонями, почти такими же холодными, как воздух. Я мягко высвободился. Исходившей от него опасности я не чувствовал — только настойчивое, призрачное отчаяние. Но оно могло быть опасным. Могло быть таким же острым, как нож, которым Джон Клейтон изуродовал лицо Сейди.

— Кто вы? — спросил я. — И почему вы называете меня Джимлой? Джим Ладью живет далеко отсюда, мистер.

— Я не знаю, кто такой Джим Ладью, — ответил Зеленая Карточка. — Я держался далеко от вашей нити...

Он замолчал. Его лицо перекосилось. Он поднял руки к вискам и сдавил голову, словно боялся, что выплеснутся мозги. Но мое внимание привлекла именно карточка, засунутая под ленту. До меня вдруг дошло, что цвет у нее не постоянный. На протяжении нескольких секунд он менялся, напомнив мне заставку, которая появлялась на мониторе моего компьютера, если я отходил от него минут на пятнадцать. Зеленый сменился канареечно-желтым. Потом, когда мужчина медленно опустил руки, снова стал зеленым. Но возможно, не таким ярко-зеленым, как в тот момент, когда я заметил карточку.

— Я держался далеко от вашей нити, насколько возможно, — продолжил мужчина в черном пальто, — но *полностью* не получалось. Кроме того, нитей сейчас так *много*. Благодаря вам и вашему другу-повару так много этого *дерьма*.

— Я ничего не понимаю, — ответил я, но кривил душой. Я начал соображать, что это за карточка, которую носили с собой и он, и его спившийся предшественник. Эти карточки напоминали индикаторы, которые носят сотрудники атомных электростанций. Только фиксировали они не полученную дозу радиации, а... что? Здравомыслие? Зеленый — с головой все в порядке. Желтый — крыша начинает ехать. Оранжевый — пора звать людей в белых халатах. А когда твоя карточка становится черной...

Зеленая Карточка не отрывал от меня глаз. С другой стороны улицы он выглядел не старше тридцати. Вплотную — почти сорокапятилетним. А при взгляде в глаза становилось понятно, что лет ему — не счесть, и он не в себе.

— Вы кто-то вроде хранителя? Охраняете «кроличью нору»?

Он улыбнулся... или попытался.

— Так ее называл ваш друг. — Он достал из кармана пачку сигарет. Без этикетки. Такого я не видел никогда, ни в Стране прошлого, ни в Стране настоящего.

— Она единственная?

Он достал зажигалку, сложил руки лодочкой, чтобы ветер не задул огонек, поднес его к сигарете. Запахло сладким, больше похожим на марихуану, чем на табак. Но не марихуаной. И хотя он не говорил, что это за сигарета, я понял, что она лечебная. Что-то вроде «Гудис паудер».

— Их несколько. Представьте себе имбирный эль, который налили в стакан и оставили.

— Понятно...

— Через два или три дня весь углекислый газ уйдет, но несколько пузырьков останутся. То, что вы называете «кроличьей норой», это и не нора вовсе. Это пузырь. Что касается охраны... нет. На самом деле, нет. Это было бы хорошо, но мы так мало можем сделать, чтобы не ухудшить ситуацию. В этом проблема путешествий во времени, Джимла.

— Меня зовут Джейк.

— Отлично. Что мы делаем, Джейк, так это наблюдаем. Иногда предупреждаем. Как Кайл пытался предупредить вашего друга-повара.

Так, значит, звали этого безумца. Совершенно нормальное имя. Кайл, это ж надо. Реальность происходящего только все усугубляла.

— Он *никогда* не пытался предупредить Эла! Только просил у него бакс, чтобы купить дешевого вина!

Зеленая Карточка затянулся сигаретой и уставился на крошащийся бетон, хмурясь, будто что-то на нем читал. Слышалось только *шурш-шурш* плоско-прядильных станков.

— Поначалу он пытался. По-своему. Но вашего приятеля так взволновал найденный им новый мир, что он не обращал внимания. И к тому времени Кайл уже разваливался. Это... как это у вас называется? Профессиональная вредность. Мы подвергаемся невероятному психическому стрессу. Знаете почему?

Я покачал головой.

— Подумайте. Сколько исследовательских и закупочных путешествий совершил ваш друг-повар, прежде чем пришел к мысли отправиться в Даллас, чтобы остановить Освальда? Пятьдесят? Сто? Двести?

Я попытался вспомнить, как давно стояла «Закусочная Эла» в фабричном дворе, и не смог.

— Вероятно, даже больше.

— И что он вам говорил? Каждое путешествие — первое?

— Да. Полный сброс на ноль.

Зеленая Карточка устало рассмеялся.

— Конечно, говорил. Люди верят тому, что видят. И все же ему следовало знать, что это не так. И *вам* следовало знать. Каждое путешествие создает свою собственную нить, а когда их становится достаточно много, они всегда запутываются. Ваш друг не задавался вопросом, как он может снова и снова покупать одно и то же мясо? Или почему вещи, которые он приносил из тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года, не исчезали, когда он отправлялся в следующее путешествие?

— Я спрашивал его. Он не знал, поэтому игнорировал это.

Мужчина начал улыбаться, но улыбка тут же превратилась в гримасу боли. Зеленый цвет начал уходить с карточки, засунутой

под ленту шляпы. Зеленая Карточка глубоко затянулся сладко пахнущей сигаретой. Цвет вернулся, набрал густоты.

— Да, игнорировать — очевидный вариант. Мы все так делаем. Даже после того как психика Кайла начала разваливаться, он, безусловно, знал, что походы в винный магазин только ухудшают его состояние, но все равно ходил туда. Я его не виню. Уверен, вино облегчало боль. Особенно ближе к концу. Возможно, все закончилось бы не так ужасно, если бы он не мог добраться до винного магазина... если бы тот находился вне круга... но он мог. Да и вообще, кто может сказать? Ни о какой вине здесь речь не идет, Джейк. Никто никого не осуждает.

Меня это порадовало, но только потому, что мы могли говорить на эту безумную тему как более-менее здравомыслящие люди. Впрочем, его чувства не так уж меня и волновали. Я все равно собирался сделать то, что должен.

— Как вас зовут?

— Зак Ланг. Родом из Сиэтла.

— Сиэтла какого года?

— Этот вопрос не имеет отношения к нашему текущему разговору.

— Пребывание здесь причиняет вам боль, да?

— Да. Моя психика долго не выдержит, если я не вернусь назад. И последствия останутся навсегда. Среди таких, как я, высок процент самоубийств, Джейк. Очень высок. Люди — а мы люди, не сверхъестественные существа, если вы вдруг так решили — не способны держать в голове множество нитей реальности. Это тебе не использование собственного воображения. Совсем нет. Нас, конечно, готовят, но мы чувствуем, как все это разъедает разум. Будто кислота.

— То есть каждое путешествие полностью на ноль не сбрасывается.

— Да и нет. Оно оставляет *налет*. Всякий раз, когда ваш друг-повар...

— Его звали Эл.

— Да, наверное, я это знал, но моя память начала давать слабину. Как при болезни Альцгеймера, только это не Альцгеймер. Все потому, что мозг пытается увязать эти наслоения реальностей. Нити создают множественные образы будущего. Некоторые — ясные, большинство — смутные. Потому-то Кайл и думал,

что вас зовут Джимла. Он, наверное, слышал это имя, продвигаясь вдоль одной из нитей.

Он его не слышал, подумал я. *Видел в каком-то путешествии по нити. На рекламном щите в Техасе. Может, и моими глазами.*

— Вы не знаете, какой вы счастливчик, Джейк. Для вас путешествовать во времени так просто.

Не так и просто, подумал я. Вслух сказал:

— Возникают парадоксы. Самые разные. Или нет?

— Нет, это неправильное слово. Речь о *налете.* Разве я вам не сказал? — Чувствовалось, что точно он не знает. — Налет засоряет машину. И со временем наступает момент, когда она... останавливается.

Я подумал о взорвавшемся двигателе «студебекера», который мы с Сейди украли.

— Новые и новые покупки мяса в пятьдесят восьмом году — не такая уж беда, — продолжил Зак Ланг. — Да, некоторые проблемы это вызывало, но вполне терпимые. Потом начались большие изменения. И спасение Кеннеди — самое большое из всех.

Я попытался заговорить, но не смог.

— Вы начинаете понимать?

Не совсем, только в общих чертах, но уже чертовски перепугался. Будущее висело на нитях. Как кукла-марионетка. Святой Боже.

— Землетрясение... его *вызвал* я. Когда спас Кеннеди, я... что? Разорвал пространственно-временной континуум? — Фраза прозвучала не глупо. Наоборот. Прозвучала очень веско. У меня заболела голова.

— Вам нужно вернуться, Джейк, — мягко сказал он. — Вам нужно вернуться и увидеть своими глазами, что вы наделали. Что принесла ваша тяжелая и, несомненно, обусловленная добрыми намерениями работа.

Я промолчал. Прежде меня тревожило возвращение, но теперь я начал его бояться. И разве существовала более зловещая фраза, чем *вам нужно увидеть своими глазами, что вы наделали*? С ходу я придумать не мог.

— Идите. Посмотрите. Проведите там немного времени. Но только немного. Если это не поправить сразу, случится катастрофа.

— Большая?

Он ответил спокойным, ровным голосом.

— Она может уничтожить все.

— Планету? Солнечную систему? — Я оперся рукой о стену сушильного сарая, чтобы устоять на ногах. — Галактику? Вселенную?

— Больше. — Он выдержал паузу, чтобы убедиться, что я его понимаю. Карточка под лентой начала переливаться, стала желтой, вновь зеленой. — Саму реальность.

6

Я подошел к цепи. Табличка с надписью **«ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН ДО ЗАВЕРШЕНИЯ РЕМОНТА СТОЧНОЙ ТРУБЫ»** поскрипывала, раскачиваясь на ветру. Оглянулся на Зака Ланга, пришельца из неведомо какого времени. Он бесстрастно смотрел на меня, полы длинного пальто бились о голени.

— Ланг. Эти гармонии... Я вызвал их все. Да?

Он вроде бы кивнул. Точно я сказать не могу.

Прошлое боролось с изменением, потому что оно уничтожало будущее. Изменение создавало...

Я подумал о старом рекламном ролике аудиокассеты «Меморекс». В нем показывался хрустальный бокал, который разрушали звуковые колебания. Гармонические колебания.

— И с каждым изменением, которое мне удавалось привнести, эти колебания усиливались. В этом настоящая опасность, так? Эти гребаные гармонические колебания?

Ответа я не получил. Возможно, он знал, но забыл. Возможно, и не знал.

Спокойно, сказал я себе... как и пятью годами раньше, когда в моих волосах еще не появились первые нити седины. *Спокойно.*

Я нырнул под цепь, и мое левое колено запротестовало. Потом несколько мгновений постоял рядом с высокой зеленой стеной сушильного сарая, поднимавшейся по левую руку. На этот раз кусок бетона не отмечал начала невидимой лестницы. Как далеко от цепи она находилась? Я не мог вспомнить.

Я двинулся медленно, медленно, скребя подошвами по растрескавшемуся бетону. *Шурш, шурш,* говорили плоско-прядильные станки... а потом, после шестого шага, и седьмого, слова измени-

лись: *Слишком далеко, слишком далеко.* Я сделал еще шаг. И еще. Скоро добрался бы до дальнего конца сушильного сарая и снова вышел бы во двор. «Кроличья нора» исчезла. Пузырь лопнул.

Новый шаг, и я, хоть и не наткнулся на ступеньку, увидел, что моя нога раздвоилась. Она стояла и на бетоне, и одновременно на грязном зеленом линолеуме. Еще шаг, и раздвоился уже весь я. Большая часть моего тела находилась рядом с сушильным сараем фабрики Ворамбо в 1963 году, но остальное оказалось где-то еще, и отнюдь не в кладовке «Закусочной Эла».

А если я выйду из «кроличьей норы» не в Мэне, даже не на Земле, а в каком-то другом странном измерении? В каком-то месте с немыслимым красным небом и воздухом, который отравит мои легкие и остановит сердце?

Я оглянулся, увидел Лонга в длинном пальто, полы которого трепал ветер. Его лицо по-прежнему оставалось бесстрастным. *Ты предоставлен сам себе,* казалось, говорило оно. *Я ничего не могу для тебя сделать.*

Оно все говорило правильно, но, не попав в Страну настоящего, я не мог вернуться в Страну прошлого. И Сейди навсегда осталась бы мертвой.

Я закрыл глаза и продвинулся еще на шаг. Внезапно почувствовал слабый запах аммиака и какой-то другой, более неприятный. После того как ты пересек полстраны, сидя в глубине автобуса «Грейхаунд», этот второй запах узнавался безошибочно. Так пахло в туалетной кабинке, и для избавления от этого запаха требовалось более сильное средство, чем освежитель воздуха «Глейд».

По-прежнему не открывая глаз, я снова шагнул вперед, и в голове раздался странный хлопок. Я открыл глаза. И оказался в маленьком, грязном туалете. Унитаза не было. Он него осталась лишь черная дыра. В дальнем углу лежала древняя дезодорирующая таблетка, из ярко-синей ставшая тускло-серой. По ней взад-вперед бегали муравьи. Угол, в котором я появился, отгораживали картонные коробки с пустыми бутылками и банками. Они напомнили мне снайперское гнездо Ли.

Я отодвинул пару коробок и направился к двери. Потом вернулся, поставил коробки на место. Не имело смысла облегчать кому-либо путь к «кроличьей норе». Мало ли кто мог случайно набрести на нее. Позаботившись об этом, я вышел из туалета, обратно в 2011 год.

7

В последний раз я уходил через «кроличью нору» в глубоком сумраке, и, само собой, вышел из нее в той же темноте, всего лишь на две минуты позже. За эти две минуты изменилось многое, я это мог разглядеть и без дневного света. За последние сорок восемь лет фабрика сгорела. От нее осталась часть закопченных стен, упавшая дымовая труба (напомнившая мне — естественно — дымовую трубу, которую я видел в Дерри, на месте металлургического завода Китчнера) и несколько груд кирпича. Никаких следов «Уютного уголка Мэна», «Л.Л. Бина» или других магазинов. Только сгоревшие развалины фабрики на берегу Андроскоггина. Ничего больше.

В пятилетнюю экспедицию по спасению Кеннеди я отправлялся достаточно прохладным июньским вечером. Теперь же меня встретила жуткая жара. Я снял дубленку, купленную в Оберне, и бросил в дурно пахнущую туалетную комнату. Когда закрыл дверь, увидел на ней табличку: **«ТУАЛЕТОМ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО!!! ПРОРВАНА СТОЧНАЯ ТРУБА!!!»**

Молодые красавцы президенты умирали, и молодые красавцы президенты жили, красивые молодые женщины жили, а потом умирали, но прорванные сточные трубы под двором старой фабрики Ворамбо существовали, похоже, вечно.

И цепь я увидел. Пошел к ней вдоль грязной стены из шлакоблоков, которая заменила стену сушильного сарая. Когда нырнул под цепь и вышел к фасаду, выяснилось, что это заброшенный магазинчик товаров повседневного спроса, который назывался «Быстро и дешево». Окна были разбиты, полки вынесены. Остались лишь стены, пол да потолок. У дальней стены тлела лампочка аварийного освещения: аккумулятор находился на последнем издыхании и гудел, как умирающая муха, бьющаяся о стекло. На полу кто-то написал баллончиком с краской одно предложение, и света едва хватило для того, чтобы его прочесть: «УБИРАЙСЯ ИЗ ГОРОДА, ПАКИСТАНСКИЙ УБЛЮДОК».

Я пересек крошащийся бетон фабричного двора. Автомобильная стоянка для рабочих фабрики исчезла. На ее месте ничего не построили. Она превратилась в прямоугольный пустырь, где валялись разбитые бутылки и куски асфальта и поднимались островки наполовину засохших кустарников. Кое-где с ветвей

свисали использованные презервативы, словно ленты, оставшиеся после какой-то давней вечеринки. Я поднял голову, но звезд не увидел. Небо застилали низкие и достаточно тонкие облака, пропускавшие рассеянный лунный свет. Желтую мигалку на пересечении Главной улицы и дороги 196 (когда-то известной как Старая льюистонская дорога) сменил светофор, но он не работал. Значения это не имело: автомобили не ездили ни по улице, ни по дороге.

«Фрут» канул в Лету. Теперь там зиял котлован. Напротив него, на месте зеленого дома 1958 года и банка 2011 года моей реальности, находилось торговое заведение, которое называлось «Продовольственный кооператив провинции Мэн». Окна, правда, были выбиты, а товаров внутри не осталось. Выглядел кооператив точно так же, как и магазин «Быстро и дешево».

Пересекая пустынный перекресток, я замер, услышав громкий чавкающе-рвущий звук. Почему-то решил, что такой звук может издавать только самолет изо льда, тающий при прорыве звукового барьера. Земля задрожала. Взвыла и замолкла сирена автомобильной сигнализации. Залаяли собаки. Потом затихли, одна за другой.

Землетрясение в Лос-Анджели-исе, подумал я. *Семь тысяч погибших.*

Огни фар появились на шоссе 196, и я торопливо захромал к дальнему тротуару. Мимо проехал небольшой автобус с надписью «КОЛЬЦЕВОЙ» в освещенном окошечке маршрута. Название что-то мне напомнило, но я не знаю, что именно. Наверное, какую-то гармонию. На крыше вращались какие-то устройства, напоминавшие вентиляторы. Ветровые турбины? Такое возможно? Звуков, характерных для двигателя внутреннего сгорания, я не слышал, только мерное электрическое гудение. Я наблюдал за автобусом, пока широкий полукруг единственного заднего огня не скрылся из виду.

Ладно, бензиновые двигатели в этой версии будущего — этой *нити*, по терминологии Зака Ланга — вышли из употребления. Так ведь это хорошо?

Возможно, но воздух казался тяжелым, даже мертвым, когда я набирал его в легкие, и оставлял после себя какой-то привкус, напомнивший мне о запахе, шедшем от трансформатора моего детского электропоезда, если я очень уж сильно его разгонял.

Пора выключить его и дать отдохнуть, говорил в таких случаях мой отец.

Несколько магазинов на Главной улице вроде бы еще работало, но большинство зданий превратилось в руины. Замусоренный тротуар потрескался. У бордюра стояло полдесятка автомобилей, или бензиново-электрические гибриды, или с вращающимися устройствами на крыше: «хонда-зефир», «такуро-спирит», «форд-бриз». Все выглядели старыми, парочка была выпотрошена. У всех на ветровом стекле красовалась розовая наклейка с черными буквами, достаточно большими, чтобы прочитать надпись и в сумраке: **«НАКЛЕЙКА «А» ВСЕГДА ПОЗВОЛЯЕТ ПОЛУЧИТЬ НОРМИРОВАННЫЕ ТОВАРЫ»**.

Группа подростков шла по другой стороне улицы. Они о чем-то болтали и смеялись.

— Эй! — крикнул я им. — Библиотека еще открыта?

Они посмотрели на меня. Я увидел красные светлячки сигарет... только, судя по запаху, курили они марихуану.

— Да пошел ты, козел! — крикнул один.

Другой повернулся, стянул штаны, показал мне голый зад.

— Все книги, которые там найдешь, твои!

Последовал общий гогот, и они пошли дальше, разговаривая тихими голосами и оглядываясь.

Голый зад меня не смутил — я такое уже видел, — но эти взгляды мне не понравились. Тихие голоса — еще меньше. Они могли что-то замышлять. Джейк Эппинг в это бы не поверил, в отличие от Джорджа Амберсона. Джорджу пришлось многое пережить, и именно Джордж наклонился, поднял два увесистых куска бетона и сунул в передние карманы, на всякий случай. Джейк счел это глупостью, но возражать не стал.

Еще через квартал торгово-деловой район (пусть и такой плохонький) резко оборвался. Меня догнала пожилая женщина, нервно поглядывавшая на подростков на другой стороне улицы, которые находились чуть впереди. Голову женщина повязала платком, рот и нос закрывал респиратор вроде тех, что носили люди с ХОБЛ* или прогрессирующей эмфиземой.

— Мэм, вы не знаете, работает ли библио...

— Отстань! — Она смотрела на меня большими испуганными глазами. Луна на мгновение выплыла из-за облаков, и я увидел,

* Хроническая обструктивная болезнь легких.

что лицо женщины покрыто язвами. Одна, под правым глазом, проела плоть до кости. — У меня есть бумага, разрешающая находиться на улице, на ней печать Совета, так что отстань от меня! Я иду к моей сестре! Эти мальчишки — уже беда, а скоро они начнут искать жертву. Если прикоснешься ко мне, я включу жужжалку, и придет констебль.

Почему-то я в этом сомневался.

— Мэм, я всего лишь хочу узнать, работает ли биб...

— Ее уже много лет как закрыли, а книги выбросили. Там сейчас проводят Собрания ненависти. Отстань от меня, а не то вызову констебля.

Она пошла дальше, оглядываясь каждые несколько секунд, чтобы убедиться, что я не иду за ней. Я подождал, пока она удалится на безопасное, по ее мнению, расстояние, и двинулся дальше по Главной улице. Колено чуть оправилось после безумного забега по лестнице далласского книгохранилища, но я все равно хромал и чувствовал, что хромать придется еще не один день. В некоторых домах за задернутыми шторами горел свет, однако «Энергетическая компания центрального Мэна» не имела к этому никакого отношения. Горожане пользовались фонарями Коулмана, а кое-где даже керосиновыми лампами. Но в основном дома стояли темные. Некоторые выгорели. На стене одного такого дома я увидел фашистскую свастику, на стене другого — написанные краской из баллончика слова «ЕВРЕЙСКАЯ КРЫСА».

Эти мальчишки — уже беда, а скоро они начнут искать жертву.

И... она действительно сказала: «Собрания ненависти»?

Перед одним из редких домов, которые находились в пристойном состоянии — этот в сравнении с большинством смотрелся как особняк, — я увидел длинную коновязь, совсем как в фильме-вестерне... и привязанных к ней настоящих лошадей. Когда луна вновь выглянула в просвет между облаками, я смог разглядеть кучки лошадиного навоза, некоторые свежие. Подъездную дорожку перегораживали ворота. Луна спряталась за облаком, так что я не смог прочитать, что написано на железных листах, но о содержании догадался и без чтения: «ДЕРЖИСЬ ПОДАЛЬШЕ».

Я услышал, как впереди кто-то отчетливо произнес одно слово: «Блин!»

Голос был немолодой, определенно не принадлежавший этим подросткам, и доносился он с моей стороны улицы. Мужчина, который произнес это слово, злился. Более того, злился, похоже, на себя. Я пошел на голос.

— Твою мать! — в отчаянии воскликнул голос. — Вот говно!

Мужчина находился примерно в квартале от меня. Прежде чем я добрался туда, громко звякнуло что-то металлическое, и мужчина закричал:

— Убирайтесь отсюда! Чертовы маленькие сопливые сучата! Убирайтесь отсюда, пока я не достал пистолет!

Ему ответил издевательский смех. Смеялись, конечно, обкурившиеся подростки, ищущие жертву, потом заговорил тот — в этом я не сомневался, — кто показал мне голый зад:

— У тебя только один пистолет, который в штанах, и готов спорить, ствол у него давно согнулся!

Опять смех, потом треснуло что-то металлическое.

— Говнюки, вы сломали мне спицу! — И тут в голосе мужчины появились нотки страха. — Нет, нет, оставайтесь на своей чертовой стороне!

Облака разошлись. Выглянула луна. В ее блеклом свете я увидел старика в инвалидном кресле. Он переезжал одну из улиц, выходящих на Главную, — Гаддард-стрит, если названия не изменились. Одно из колес угодило в глубокую рытвину, и потому кресло сильно наклонилось влево. Подростки направлялись к нему. Парень, пославший меня, держал в руке пращу с заложенным в нее камнем. Теперь стало ясно, откуда взялся металлический звон и треск.

— Есть старые баксы, дедуля? Если уж об этом зашла речь, есть новые баксы или консервы?

— Нет. Если уж вам не хватает совести вытащить меня из ямы, по крайней мере уйдите и оставьте меня в покое!

Но они искали беззащитную жертву и, конечно же, уходить не собирались. Решили ограбить его, отнять то малое, что могло быть при нем, возможно, избить и уж точно вытряхнуть из инвалидного кресла.

Джейк и Джордж слились воедино, и теперь оба жаждали крови.

Внимание мальчишек сосредоточилось на старике, сидевшем в инвалидном кресле, и они не видели, как я иду к ним по диа-

гонали — точно так же я пересекал шестой этаж Техасского хранилища школьных учебников. Моя левая рука мало на что годилась, но к правой претензий не было, я накачал ее за три месяца занятий лечебной гимнастикой, сначала в «Паркленде», потом в «Эден-Фоллоус». И точность броска я сохранил, не зря же играл третьим бейсменом в средней школе. Первый камень я бросил с тридцати футов, и он угодил Голожопому в грудь. Тот вскрикнул от боли и неожиданности. Подростки — все пятеро — повернулись ко мне. Когда они это сделали, я увидел, что их лица обезображены, как и у перепуганной женщины. Парень с пращой, мистер Да-Пошел-Ты, выглядел хуже остальных. На месте его носа зияла дыра.

Я переложил второй кусок бетона из левой руки в правую и бросил в самого высокого из подростков, в дылду в большущих мешковатых штанах, которые тот подтянул до самой грудины. Он поднял руку, чтобы защититься. Кусок бетона угодил в нее, вышиб из пальцев косяк. Подросток взглянул на меня и побежал. Голожопый последовал за ним. Трое остались.

— *Врежь им, сынок!* — завопил старик в инвалидном кресле. — *Давно пора, клянусь Богом!*

Я не сомневался, что пора, но числом они превосходили меня, а все снаряды я расстрелял. Однако имея дело с подростками, взять верх в такой ситуации можно только одним способом — не выказывать страха, демонстрировать истинно взрослую злобу. Продолжать переть на них, что я и делал. Схватил мистера Да-Пошел-Ты за старенькую футболку правой рукой, левой вырвал у него пращу. Он смотрел на меня, широко раскрыв глаза, не сопротивляясь.

— Бздун! — Я наклонился к нему, чуть ли не ткнулся своим носом в... ткнулся бы в его нос, если бы тот не сгнил. От подростка пахло потом, дымом марихуаны и грязью. — Какой же ты бздун, если готов напасть на старика в инвалидном кресле.

— Кто вы...

— Чарли гребаный Чаплин. Ездил во Францию, чтобы посмотреть, как танцуют дамы. А теперь вали отсюда.

— Отдайте мне мою...

Я знал, чего он хочет, и звезданул пращей ему по лбу. Раздавил одну из язв, оттуда потек гной с кровью. От боли его глаза на-

полнились слезами. Меня же наполнили отвращение и жалость, но я постарался не выказать ни первого, ни второй.

— Ничего не получишь, бздун, кроме шанса убраться отсюда, прежде чем я вырву твои никчемные яйца из твоей, несомненно, гниющей мошонки и засуну в дыру, которая у тебя теперь на месте носа. У тебя один шанс. Воспользуйся им. — Я набрал полную грудь воздуха и выкрикнул ему в лицо, окатив его капельками слюны: — *Бегом!*

Затем я наблюдал, как они убегают, испытывая стыд и восторг примерно в равных пропорциях. Прежнему Джейку удавалось угомонить даже особо буйных в классах для выполнения домашнего задания, в том числе и в пятницу перед каникулами, но на большее он не годился. Новый Джейк отчасти стал Джорджем. А Джордж многое пережил.

За моей спиной раздался хриплый кашель, напомнивший мне об Эле Темплтоне. Когда приступ прошел, старик заговорил:

— Парень, я бы многое отдал, чтобы увидеть, как эти злобные говнюки улепетывают, сверкая пятками. Я не знаю, кто вы, но у меня в кладовке осталось немного «Гленфиддиша», и если вы вытащите меня из этой чертовой рытвины и откатите домой, я разделю его с вами.

Луна выглянула снова, и пока она светила в разрыве между облаками, я разглядел его лицо. Он отрастил длинную седую бороду, и из носа торчала трубочка, но даже по прошествии пяти лет я без труда узнал человека, который втянул меня в эту историю.

— Привет, Гарри, — поздоровался я.

Глава 31

1

Он по-прежнему жил на Годдард-стрит. Я закатил его по пандусу на крыльцо, и он достал внушительную связку ключей. А куда деваться? Парадная дверь запиралась как минимум на четыре замка.

— Арендуете или ваш?

— Мой, — ответил он. — Пока.

— Это хорошо. — Раньше он дом арендовал.

— Вы так и не сказали, откуда знаете мое имя.

— Сначала давайте выпьем. Мне это не повредит.

Дверь вела в гостиную, которая занимала переднюю половину дома. Он сказал мне: «Стой!» — словно лошади, и зажег фонарь Коулмана. В его свете я увидел мебель, о какой говорят: «Старая, но пригодная для использования». На полу лежал красивый плетеный ковер. Ни на одной из стен я не заметил ни аттестата об окончании средней школы, ни взятого в рамочку сочинения «День, который изменил мою жизнь», зато хватало католических икон, компанию которым составляло множество фотографий. Неудивительно, что я узнал некоторых запечатленных на них людей. В конце концов, я встречал их всех.

— Запритс, пожалуйста, дверь, хорошо?

Я закрыл дверь, отсекая темный и опасный Лисбон-Фоллс, задвинул оба засова.

— И врезной замок, если не возражаете.

Я повернул барашек и услышал глухой металлический лязг. Гарри тем временем ездил по гостиной и зажигал керосиновые лампы с высокими стеклянными колпаками. Я смутно помнил, что видел такие в доме моей бабушки Сейри. Они давали куда более приятный свет, чем фонарь Коулмана, и Гарри Даннинг одобрительно кивнул, когда я отключил его жаркое белое сияние.

— Как вас зовут, сэр? Мое имя вы уже знаете.

— Джейк Эппинг. Едва ли оно вызывает какие-то воспоминания, верно?

Он задумался, покачал головой.

— А должно?

— Пожалуй, что нет.

Он протянул руку. Она чуть подрагивала, вероятно, от старческой слабости.

— Все равно позвольте пожать вашу руку. Вы меня спасли.

Конечно, я с радостью позволил. Привет, новый друг. Привет, давний друг.

— Ладно, раз с этим разобрались, теперь можем выпить с чистой совестью. Я принесу односолодовый виски. — И он покатил на кухню, поворачивая колеса чуть трясущимися, но все

еще сильными руками. Я видел, что кресло снабжено маленьким электромотором, но то ли он не работал, то ли Гарри экономил заряд аккумулятора. Старик оглянулся на меня.

— Вы не опасны? Я хочу сказать, для меня?

— Для вас — нет, Гарри, — улыбнулся я. — Я ваш добрый ангел.

— Это чертовски необычно, — ответил он. — Но где в эти дни найти обычное?

Он скрылся на кухне. Скоро там зажегся свет. Уютный, оранжево-желтый свет. В нем все казалось таким домашним. Но за этими стенами... в окружающем мире...

Да что же я такое натворил?

2

— За что пьем? — спросил я, когда мы подняли стаканы.

— За лучшие времена, чем эти. Такой тост вас устроит, мистер Эппинг?

— Более чем. И зовите меня Джейк.

Мы чокнулись. Выпили. Я не мог вспомнить, когда в последний раз пил что-то более крепкое, чем пиво «Одинокая звезда». Виски напоминало горячий мед.

— Электричества нет? — спросил я, оглядывая лампы. Гарри прикрутил фитили, вероятно, экономя керосин.

Гарри помрачнел.

— Ты не местный, да?

Этот вопрос я уже слышал раньше, от Фрэнка Аничетти во «Фруте», когда впервые отправился в прошлое. Тогда я солгал. Сейчас делать этого не хотелось.

— Я не знаю, как ответить на этот вопрос, Гарри.

Он пожал плечами: нет, так нет.

— Мы должны получать электричество три дня в неделю, и сегодня — один из таких дней, но в шесть вечера его отключили. В «Провинс электрик» я верю не больше, чем в Санта-Клауса.

После этих слов мне вспомнились наклейки на автомобилях.

— И как давно Мэн стал частью Канады?

Он посмотрел на меня как на сумасшедшего, но я видел, что разговор ему нравится. Его необычность, а главное, реаль-

ность. Мне оставалось только гадать, когда он вот так с кем-то говорил.

— С две тысячи пятого. Кто-то стукнул тебя по голове, или как?

— Если на то пошло, да. — Я подошел к его креслу, опустился на колено, которое сгибалось, и показал место на затылке, где больше не росли волосы. — Несколько месяцев тому назад меня сильно избили...

— Да, я видел, как ты хромал, когда бежал к этим деткам.

— ...и теперь я многого не помню.

Внезапно пол под нами затрясся. Задрожали фитили в керосиновых лампах. Рамки фотографий застучали о стены, а двухфутовый гипсовый Иисус с распростертыми руками сделал шаг к краю каминной доски. Он напоминал человека, обдумывающего самоубийство, и, учитывая текущее состояние дел, я не мог его винить.

— Трясунок, — буднично прокомментировал Гарри, когда земля успокоилась. — Ты их помнишь, верно?

— Нет. — Я поднялся, подошел к камину, отодвинул Иисуса назад, к Деве Марии.

— Спасибо. Я уже потерял половину чертовых апостолов, которые попадали с полки в моей спальне, и скорблю по каждому. Они мне достались от матери. Трясунки — колебания земли. Они у нас случаются часто, но самые сильные землетрясения происходят на Среднем Западе и в Калифорнии. Разумеется, в Европе и Китае.

— Люди уже швартуют корабли в Айдахо? — Я все стоял у камина, разглядывал фотографии в рамках.

— До этого еще не дошло, но... Ты же знаешь, что четыре японских острова ушли под воду?

Я в ужасе уставился на него.

— Нет.

— Три маленьких, а заодно и здоровый Хоккайдо. Ушли в чертов океан четыре года тому назад, словно спустились на лифте. Ученые говорят, что это как-то связано со смещением земной коры. — И будничным голосом добавил: — Говорят, что Землю разорвет к две тысячи восьмидесятому году, если процесс не остановится. Тогда в Солнечной системе будет два пояса астероидов.

Остаток виски я выпил одним глотком, и крокодильи слезы, вызванные спиртным, на мгновение раздвоили зрение. Указал на

фотографию, запечатлевшую Гарри лет в пятьдесят. Он уже сидел в инвалидном кресле, но выглядел крепким и здоровым, во всяком случае, выше пояса; штанины раздувались вокруг его тонких ног, а рядом с ним стояла женщина в розовом платье, напомнившем мне костюм Джеки Кеннеди, в котором она ехала по Далласу 22 ноября 1963-го. Я помню, как мама говорила, что нельзя называть некрасивую женщину «простушкой». Надо говорить, что у нее «хорошее лицо». У этой женщины было хорошее лицо.

— Ваша жена?

— Ага. Эта фотография сделана на двадцать пятую годовщину нашей свадьбы. Через два года она умерла. Тогда многие умирали. Политики утверждают, что виноваты атомные бомбы. После ханойского ада в шестьдесят девятом их взрывали двадцать восемь или двадцать девять раз. Они будут клясться в этом, пока не посинеют, но все знают, что язвы и рак так сильно ударили по нам лишь после того, как «Вермонтский янки»* подхватил китайский синдром**. А ведь люди много лет требовали остановить реактор. Но им отвечали, что в Вермонте сильного землетрясения быть не может, что это Царство Божье, только трясунки, и ничего больше. Да. И посмотрите, что из этого вышло.

— Вы говорите, что в Вермонте взорвался реактор?

— *Заразил радиацией* всю Новую Англию и Южный Квебек.

— Когда?

— Джейк, ты шутишь?

— Ни в коем разе.

— Девятнадцатого июня тысяча девятьсот девяносто девятого года.

— Я сожалею, что так вышло с вашей женой.

— Спасибо, сынок. Она была хорошая женщина. Чудесная женщина. И не заслуживала того, что с ней сталось. — Он медленно провел рукой по глазам, вытирая слезы. — Давно не говорил о ней, но если на то пошло, я давно уже вообще ни с кем нормально не говорил. Могу я налить тебе еще этого сока счастья?

---

* Атомная электростанция, работающая в г. Вермонт, штат Вермонт, с 1972 г.

** Ироническое выражение, возникшее в среде американских специалистов по ядерной энергетике в середине 60-х гг. и означающее, что при крупной аварии на АЭС ядерное топливо способно прожечь Землю насквозь и дойти до Китая.

Большим и указательным пальцами я показал: чуть-чуть. Я не собирался задерживаться здесь надолго, понимал, что должен как можно быстрее ознакомиться с подробностями этой ложной истории, с трагедией, обрушившейся на этот мир. Мне предстояло многое сделать, и прежде всего оживить мою очаровательную, мою любимую женщину. Возвращение в прошлое привело бы к еще одному разговору с Зеленой Карточкой, а поддатым мне говорить с ним никак не хотелось, но я чувствовал, что капелька виски мне не повредит. Более того, что она мне необходима. Все мои эмоции сковало льдом, и это скорее радовало, потому что в голове царил полный сумбур.

— Вас парализовало во время Тетского наступления? — спросил я, думая: *Разумеется, именно тогда, но могло быть и хуже: до последнего сброса на ноль ты погиб.*

На мгновение его лицо закаменело, потом расслабилось.

— Наверное, Тетского, если об этом подумать. Мы его называли «Великий сайгонский облом шестьдесят седьмого». Вертолет, на котором я летел, потерпел крушение. Большинство людей, находившихся в той птичке, погибло. Некоторые — дипломаты, некоторые — еще совсем дети.

— Шестьдесят седьмого? — переспросил я. — Не шестьдесят восьмого?

— Совершенно верно. Ты тогда еще не родился, но, конечно же, читал об этом в учебниках по *истории*.

— Наверное. — Я позволил ему налить чуть больше виски в мой стакан — чтобы закрыть дно — и продолжил: — Я знаю, что президента Кеннеди едва не убили в ноябре тысяча девятьсот шестьдесят третьего. После этого ничего не знаю.

Он покачал головой.

— Никогда не слышал о такой странной амнезии.

— Кеннеди переизбрали?

— В соперничестве с Голдуотером? Будьте уверены.

— Он баллотировался в паре с Джонсоном?

— Конечно. Кеннеди требовалась победа в Техасе. Он ее добился. Губернатор Коннолли в ту избирательную кампанию пахал на него, как раб, хотя его тошнило от программы «Новый рубеж», с которой Кеннеди шел на выборы. Он называл свою поддержку Кеннеди «Долгом позора». Из-за того, что случилось в тот день в

Далласе. Ты точно ничего не знаешь о выборах? В школе вас этому не учили?

— Вы это пережили, Гарри. Вот и расскажите мне.

— Я не против, — ответил он. — Глотни виски, сынок. И перестань смотреть на эти фотографии. Если ты ничего не знаешь о переизбрании Кеннеди в шестьдесят четвертом, тем более не знаешь членов моей семьи.

Ах, Гарри, подумал я.

3

Когда я был совсем маленьким — года три или четыре, — мой пьяный дядька рассказал мне историю Красной Шапочки. Не ту, которую можно найти в детских книжках, а в версии «Детям до шестнадцати не рекомендуется», полную криков и крови, с финальным ударом топора дровосека. Воспоминания о том, как дядька мне все это рассказывал, по-прежнему очень живые, но от самой истории подробностей в памяти осталось мало: зубы волка, обнаженные в широком оскале, залитая кровью бабушка, заново рождающаяся из вспоротого брюха. Я хочу сказать следующее: если вы ожидаете услышать «Краткую альтернативную историю мира, рассказанную Гарри Даннингом Джейку Эппингу», забудьте об этом. И дело не только в ужасе осознания, до какой степени все пошло не так. Дело и в моем стремлении вернуться в прошлое и все исправить.

Но что-то, конечно, в памяти зацепилось. К примеру, поиски Джорджа Амберсона по всему миру. Результата они не принесли — Джордж исчез, как судья Крейтер*, — но за сорок восемь лет, прошедших после попытки покушения в Далласе, Амберсон превратился в чуть ли не мифическую фигуру. Спаситель или участник заговора? Для обсуждения собирались целые конгрессы, и, слушая рассказ Гарри, я не мог не вспомнить о многочисленных теориях заговора, которыми обросло совершенное Ли убийство. Как вы уже знаете, прошлое стремится к гармонии.

Ожидалось, что в шестьдесят четвертом Кеннеди одержит сокрушительную победу над Барри Голдуотером, но за него про-

* Нью-йоркский судья, исчезнувший вечером 6 августа 1930 г. Тайна его исчезновения так и остается неразгаданной.

голосовало лишь на сорок выборщиков больше, и только непоколебимые сторонники демократической партии сочли такой перевес убедительным. В самом начале второго срока Кеннеди разъярил избирателей, придерживавшихся правых взглядов, и военное сообщество, заявив, что Северный Вьетнам «представляет собой меньшую опасность для нашей демократии, чем расовое неравенство в наших школах и городах». Полностью он войска не вывел, но находились они только в Сайгоне и по периметру района, который назывался — сюрприз, сюрприз — Зеленой зоной. Вместо того чтобы наращивать численность военной группировки, вторая администрация Кеннеди закачивала во Вьетнам огромные деньги. Таков уж Американский путь.

Великих реформ шестидесятых годов в области гражданских прав провести не удалось. Кеннеди в отличие от Линдона Джонсона с этим не справился, а Джонсон, занимая пост вице-президента, ничем не мог ему помочь. Республиканцы и диксикраты* сто десять дней флибустьерствовали** в конгрессе. Один умер на трибуне, став героем правых. Наконец сдавшись, Кеннеди в сердцах произнес фразу, которая преследовала его до самой смерти в 1983 году: «Белая Америка заполнила свой дом хворостом; теперь он загорится».

Последовали расовые бунты. Пока Кеннеди занимался ими, северовьетнамская армия взяла Сайгон — и человека, который втянул меня в эту историю, парализовало при падении вертолета на палубу американского авианосца. Общественное мнение все сильнее осуждало ДФК.

Через месяц после падения Сайгона Мартина Лютера Кинга застрелили в Чикаго. Убийцей оказался агент-стажер ФБР Дуайт Холли. Прежде чем покончить с собой, он заявил, что выполнял приказ Гувера. Чикаго заполыхало. Как и еще дюжина крупнейших американских городов.

Президентом выбрали Джорджа Уоллеса. К тому времени землетрясения набрали силу. С этим Уоллес ничего поделать не

---

* Консервативная фракция в демократической партии США в 1948—1964 гг. Поддерживала расовую сегрегацию и законы Джима Кроу.

** Тактика умышленного затягивания сессии продолжительными речами с целью оттянуть или не допустить принятие неугодного решения.

мог, зато зажигательными бомбами восстановил порядок в Чикаго. По словам Гарри, это произошло в июне 1969 года. Месяцем позже президент Уоллес выставил Хо Ши Мину ультиматум: или Сайгон становится свободным городом, как Берлин, или Ханой становится мертвым городом, как Хиросима. Дядюшка Хо ультиматум отверг. Если он думал, что Уоллес блефовал, то ошибся. 9 августа 1969 года Ханой превратился в радиоактивное облако, ровно через двадцать четыре года после того, как Гарри Трумэн сбросил «Толстяка» на Нагасаки. Вице-президент Кертис Лемей лично участвовал в этой операции. Выступая с обращением к нации, Уоллес сказал, что выполнялась воля Божья. Большинство американцев с этим согласились. Рейтинг Уоллеса взлетел до небес, но нашелся по меньшей мере один человек, который не одобрил принятого решения. Звали его Артур Бремер, и 15 мая 1972 года он застрелил Уоллеса, когда тот в рамках предвыборной кампании по переизбранию выступал в торговом центре Лорела, штат Мэриленд.

— Из какого оружия он стрелял?

— Кажется, из револьвера тридцать восьмого калибра.

Само собой. Может, из «полис спешл», может, из «виктори», револьвера той модели, из которого убили патрульного Типпита на другой нити реальности.

Губерт Хамфри стал президентом в 1972 году. Землетрясения все усиливались. Число самоубийств росло в геометрической прогрессии. Процветал фундаментализм всех сортов. Терроризм подпитывался самыми разными религиозными экстремистами. Индия и Пакистан начали войну. Поднялись новые грибовидные облака. Бомбей никогда не стал Мумбаем. Превратился в радиоактивный пепел, который разносит ветер.

Та же судьба постигла и Карачи. Мир удалось восстановить, лишь когда Россия, Китай и Соединенные Штаты пригрозили, что бомбардировками отправят обе страны в каменный век.

В 1976 году Хамфри потерпел сокрушительное поражение от Рональда Рейгана. Не смог победить даже в родном штате — Миннесоте.

Две тысячи человек совершили самоубийство в Джонстауне, Гайана.

В ноябре 1979 года иранские студенты захватили американское посольство в Тегеране, взяв в заложники не шестьдесят

шесть, а более двухсот человек. По иранскому телевидению катились отрубленные головы. Рейган выучил урок ханойского ада, и атомные заряды остались в бомбовых отсеках и ракетных шахтах, но он послал войска. Оставшихся заложников, разумеется, перебили, а вскоре возникла новая террористическая организация, назвавшаяся «Основанием» — или, на арабском, «Аль-Каидой», — которая начала устанавливать придорожные мины здесь, там, повсюду.

— Этот человек умел выступать, как никто другой, но он понятия не имел, что такое воинствующий ислам, — заметил Гарри.

«Битлз» воссоединились и сыграли Концерт мира. Террорист-смертник взорвал в толпе пояс шахида и убил триста человек. Пол Маккартни ослеп.

Вскоре после этого заполыхал весь Ближний Восток.

Россия развалилась.

Какая-то группа — вероятно, покинувшие страну русские закоренелые фанатики — начала продавать ядерное оружие террористам, в том числе и «Основанию».

— К тысяча девятьсот девяносто четвертому году, — рассказывал Гарри, — здешние нефтяные поля очень напоминали черное стекло. Светились в темноте. После этого терроризм начал сходить на нет. Пару лет назад кто-то взорвал портативную атомную бомбу размером с чемодан, но получилось не очень. Я хочу сказать, что должно пройти шестьдесят или восемьдесят лет, прежде чем кто-то сможет устроить гулянку на Южном берегу, и, разумеется, Мексиканский залив превратился в Мертвое море, но от радиоактивного заражения умерло только десять тысяч человек. К тому времени нас это уже не касалось. Мэн проголосовал за присоединение к Канаде, а президент Соединенных Штатов Клинтон возражать не стал. Нам радостно помахали ручкой.

— Билл Клинтон?

— Господи, нет. Он стал бы кандидатом от партии в две тысячи четвертом, но умер от сердечного приступа во время партийного съезда. Место Билла заняла его жена. Она президент.

— Справляется?

Гарри помахал рукой.

— Более-менее... но землетрясения законом не запретишь.

Над головой вновь раздался чавкающе-рвущий звук. Я посмотрел на потолок. Гарри — нет.

— Что это? — спросил я.

— Сынок, никто, похоже, не знает, — ответил он. — Ученые спорят, но в этом случае, думаю, ближе всех к истине проповедники. Они говорят, что это Бог готовится стереть с лица земли всю работу Его рук, точно так же, как Самсон стер с лица земли храм филистимлян. — Гарри допил виски. Румянец затеплился на его щеках... на которых я не видел язв, вызванных радиацией. — И в этом они, наверное, правы.

— Святой Боже, — выдохнул я.

Он пристально посмотрел на меня.

— Наслушался истории, сынок?

Я бы мог ответить: «Хватит до конца жизни».

4

— Я должен иди. — Я повернулся к Гарри. — У вас все будет в порядке?

— Пока не помру. Как и прочие. — Он встретился со мной взглядом. — Джейк, откуда ты взялся? И почему меня не отпускает ощущение, что я тебя знаю?

— Может, потому, что мы всегда знаем наших добрых ангелов?

— Чушь собачья.

Я хотел уйти, в надежде, что моя жизнь после следующего сброса на ноль станет проще. Но сначала, поскольку передо мной сидел хороший человек, которому выпали огромные страдания во всех трех его инкарнациях, вновь подошел к камину и взял одну из фотографий в рамке.

— Только осторожней, пожалуйста, — нервно воскликнул Гарри. — Это моя семья.

— Знаю. — Я сунул рамку в его скрюченные артритом, покрытые старческими пятнами руки. В рамке была черно-белая, немного выцветшая фотография, увеличенная с кодаковского негатива. — Фотографировал ваш отец? Я спрашиваю, потому что его на фотографии нет.

Он с любопытством посмотрел на меня, потом на фотографию.

— Нет. Нас сфотографировала соседка летом тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. Мои отец и мать тогда уже жили врозь.

Я задался вопросом, та ли это соседка, которую я однажды видел. Она курила сигарету и попеременно мыла семейный автомобиль и поливала семейную собаку. Почему-то я не сомневался, что та самая. Откуда-то из глубин сознания, словно звук, идущий из колодца, вдруг донеслись голоса девочек со скакалкой: *...И всех вас, конечно, я тоже люблю.*

— Он выпивал. Не такое уж большое дело в те годы, многие выпивали и жили под одной крышей с женами, но он, напившись, становился очень уж злобным.

— Готов спорить, становился, — кивнул я.

Он опять посмотрел на меня, более пристально, потом улыбнулся. Большинства зубов уже не было, но улыбка все равно оставалась обаятельной.

— Сомневаюсь, что вы знаете, о чем говорите. Сколько вам лет, Джейк?

— Сорок. — Хотя я не сомневался, что в тот вечер выглядел старше.

— То есть вы родились в семьдесят первом?

На самом деле я родился в 1976, но не мог сказать ему этого, не объяснив, что пять недостающих лет провалились в «кроличью нору», совсем как Алиса — в Страну чудес.

— Примерно. — Я указал на фотографию. — Ее сделали в вашем доме на Коссат-стрит?

Я постучал пальцем по Эллен, стоявшей слева от матери, думая о взрослой Эллен, с которой говорил по телефону, — назовем ее Эллен Два-Ноль. Также думая — а как иначе? — об Эллен Докерти, с которой познакомился в Джоди благодаря гармонии.

— По фотографии этого не скажешь, но волосы у нее были рыжие, верно? Миниатюрная копия Люсиль Болл.

Гарри молчал, сидел с отвисшей челюстью.

— Она стала комической актрисой? Или нашла другую профессию? На радио или телевидении?

— Она диджей радиостанции Си-би-си провинции Мэн, — едва слышно ответил Гарри. — Но как ты...

— Это Трой... и Артур, известный также как Тагга... а это вы, вас обнимает мамина рука. — Я улыбнулся. — Как того и хотел Господь Бог.

Если бы все могло так и остаться. Если бы могло.

— Я... ты...

— Вашего отца убили, верно?

— Да. — Из носа выехала трубочка, и он затолкал ее обратно. Рука чуть дрожала, как у человека, который грезит с открытыми глазами. — Его застрелили на кладбище Лонгвью, когда он клал цветы на могилы своих родителей. Через несколько месяцев после того, как нас сфотографировали. По подозрению в убийстве полиция арестовала одного мужчину, Билла Теркотта...

Ох. Этого я никак не ожидал.

— ...но у него нашлось железное алиби, и им ничего не оставалось, как отпустить его. Убийцу так и не нашли. — Он взял меня за руку. — Мистер... сынок... Джейк... это безумие, но... ты убил моего отца?

— Не говорите глупостей. — Я взял у него фотографию и вернул на каминную доску. — Я родился только в семьдесят первом. Помните?

5

Я медленно шел по Главной улице к сгоревшей фабрике и разграбленному магазину «Быстро и дешево». Шел, опустив голову, не высматривая ни Безносого, ни Голожопого, ни остальных членов банды. Я полагал, что они обойдут меня стороной, если увидят. Они наверняка подумали, что я чокнутый. Возможно, не ошиблись.

Мы все здесь сумасшедшие, сказал Чеширский кот Алисе. А потом исчез. За исключением улыбки. Насколько я помню, улыбка на какое-то время задержалась.

Теперь я понимал больше, но не все. Сомневаюсь, что даже Люди с карточками понимали все (а проведя какое-то время на посту, они уже практически ничего не понимали), но это никак не помогало мне с решением, которое предстояло принять.

Когда я нырнул под цепь, вдалеке что-то взорвалось. Я не подпрыгнул. Осознавал, что взрывов теперь много. Когда люди начинают терять надежду, без взрывов никак не обойтись.

Я вошел в туалетную комнату за магазином и едва не упал, споткнувшись о дубленку. Отбросил ее в сторону — знал, что она не потребуется мне там, куда я направлялся, — и медленно подошел к коробкам, которые выглядели совсем как снайперское гнездо Ли.

Чертова гармония.

Отодвинул несколько коробок, чтобы расчистить себе путь, потом аккуратно вернул на прежнее место. Пошел дальше маленькими шажками, вновь представляя себе, что нащупываю верхнюю лестничную ступеньку в кромешной тьме. Но на этот раз все обошлось без ступенек, ограничившись странным раздвоением. Я переставлял ноги, наблюдая, как мерцает нижняя половина тела, потом закрыл глаза.

Еще шаг. Еще. Теперь я ощущал ногами тепло. Два новых шага, и солнечный свет превратил темноту под веками в красноту. Еще шаг, и хлопок в голове. Тут я услышал *шурш-шурш* плоскопрядильных станков.

Открыл глаза. Вонь грязной, заброшенной туалетной комнаты сменилась вонью текстильной фабрики, работающей на полную мощность в тот год, когда агентства по защите окружающей среды еще не существовало. Я стоял на крошащемся бетоне, а не на грязном линолеуме. Слева видел большие металлические контейнеры, наполненные отходами текстильного производства и прикрытые мешковиной. Справа — сушильный сарай. Из «кроличьей норы» я вышел за две минуты до полудня 9 сентября 1958 года. Гарри Даннинг вновь стал маленьким мальчиком. Каролин Пулин была в школе, возможно, слушала учителя, возможно, грезила о каком-нибудь парнишке или о том, как через пару месяцев пойдет с отцом на охоту. Сейди Данхилл еще не вышла замуж за мистера Швабру и жила в Джорджии. Ли Харви Освальд проходил службу в Южно-Китайском море в составе подразделения морской пехоты. И Джон Ф. Кеннеди, второй сенатор от штата Массачусетс, только мечтал о президентстве.

Я вернулся.

6

Я подошел к цепи, нырнул под нее. Постоял на другой стороне, повторяя про себя последовательность ближайших действий. Потом направился к углу сушильного сарая. За ним, привалив-

шись к стене, стоял Зеленая Карточка. Только карточка Зака Ланга больше не была зеленой. Она потускнела и приобрела какой-то промежуточный, охряный оттенок, застряв на полпути от зеленого к желтому. Его теплое не по погоде пальто запылилось, прежде новенькая шляпа выглядела потрепанной и грязной. Щеки, при нашей первой встрече чисто выбритые, покрывала щетина... кое-где седая. Глаза налились кровью. Пить он еще не начал — запаха я не почувствовал, — но все к этому шло. Зеленый дом, в конце концов, находился в пределах того маленького круга, где он мог свободно перемещаться, а все эти нити реальности, которые приходилось держать в голове, вызывали боль. Множество прошлых — уже не подарок, но прибавьте еще и множество будущих. Любой запьет, если есть возможность добраться до спиртного.

Я провел в 2011 году час. Может, чуть больше. А сколько времени прошло для *него*? Я не знал. *Не хотел* знать.

— Слава Богу, — выдохнул он... совсем как в прошлый раз. Но когда снова протянул руки, чтобы сжать мою, я отшатнулся. Его ногти были длинными и черными от грязи. Пальцы дрожали. Эти руки — и пальто, и шляпа, и карточка под лентой — принадлежали потенциальному алкашу. — Вы знаете, что должны сделать, — сказал он.

— Я знаю, чего вы от меня хотите.

— Желания не имеют к этому никакого отношения. Вы должны вернуться в последний раз. Если все хорошо, вы окажетесь в закусочной. Скоро ее должны увезти. И как только это произойдет, пузырь, вызвавший все это безумие, лопнет. Просто чудо, что он продержался так долго. *Вы должны замкнуть круг.*

Он вновь потянулся ко мне. На этот раз я не просто отдернул руку, а повернулся и побежал к автомобильной стоянке. Зеленая Карточка бросился следом. Из-за больного колена я не мог оторваться. Слышал, как он нагоняет меня, когда пробегал мимо «плимута-фьюри», двойника того самого автомобиля, которому я не уделил должного внимания в «Кэндлвуд бунгалос». Я спешил к пересечению Главной улицы и Старой льюистонской дороги. На другой стороне вечный фанат рокабилли стоял, упираясь в деревянную обшивку стены «Фрута» согнутой ногой в черном сапоге.

Я бежал через железнодорожные пути, опасаясь, что больная нога подведет, зацепится за кусок угля или шлак, но споткнулся и упал Ланг. Я услышал его крик — жалобный и одинокий, — и

на мгновение пожалел его. Тяжелая ему досталась работа. Однако жалость не заставила меня притормозить. Любовь предъявляет жесткие требования.

Автобус «Льюистонский экспресс» подъезжал к остановке. Я метнулся через перекресток, и водитель сердито нажал клаксон. Я подумал о другом автобусе, набитом людьми, которые хотели посмотреть на президента. И на супругу президента, разумеется, в розовом костюме. Между президентом и его супругой, на сиденье лимузина, лежали розы. Не желтые — красные.

— *Джимла, вернись!*

Он все говорил правильно. Я в конце концов превратился в Джимлу, монстра из кошмара Розетты Темплтон. Я прохромал мимо «Кеннебек фрут», теперь уже намного опережая Охряную Карточку. Этот забег я определенно выигрывал. Я — Джейк Эппинг, школьный учитель; я — Джордж Амберсон, честолюбивый писатель; я — Джимла, с каждым шагом подвергающий все большей опасности весь мир.

Но я бежал.

Думал о Сейди, высокой, и невозмутимой, и прекрасной, и бежал. О Сейди, с которой всегда случались мелкие происшествия, которой предстояло споткнуться о плохого человека, Джона Клейтона. Он мог причинить ей больший урон, чем синяк на голени. *Мир, отданный за любовь* — кто это написал, Драйден или Поуп?

Тяжело дыша, я остановился у «Тит Шеврон». На другой стороне улицы битник, владелец «Веселого белого слона», курил трубку и наблюдал за мной. Охряная Карточка стоял напротив переулка, отделявшего «Кеннебек фрут» от соседнего здания. Дальше, судя по всему, он идти не мог.

Он протянул руки, и это мне совершенно не понравилось. Потом упал на колени и сцепил пальцы перед собой, от чего стало совсем тошно.

— *Пожалуйста, не делай этого! Ты же знаешь, какова цена!*

Я знал — и все равно продолжил путь. Телефонная будка стояла у перекрестка, за церковью Святого Иосифа. Я закрылся внутри, нашел в телефонном справочнике нужный номер, бросил в щель дайм.

Когда подъехало такси, водитель курил «Лаки», а радиоприемник работал на волне Дабл-ю-джей-эй-би.

История повторяется.

ПОСЛЕДНИЕ ЗАПИСИ

09.30.58

В «Тамарак мотор корт» я поселился в номере 7.

Расплатился деньгами из бумажника из страусиной кожи, который подарил мне давний дружище. Деньги, как и мясо, купленное в супермаркете «Ред энд уайт», как и рубашки и нижнее белье из «Мужской одежды Мейсона», остаются. Если каждое новое путешествие в прошлое — действительно сброс на ноль, такого быть не должно. Деньги эти я получил не у Эла, но по крайней мере агент Хости позволил мне сбежать, и этим оказал миру большую услугу.

А может, и нет. Я не знаю.

Завтра первое октября. В Дерри дети Даннинга уже ждут Хэллоуина и готовят костюмы. Эллен, рыжеголовая малышка, собирается нарядиться принцессой Летоосень Зимавесенней. Но шанса выйти из дома у нее не будет. Если бы я поехал в Дерри сегодня, то смог бы убить Фрэнка Даннинга и устроить ей праздник на Хэллоуин, только я не поеду. И не поеду в Дарэм, чтобы спасти Каролин Пулин от случайного выстрела Энди Каллема. Вопрос в том, поеду ли я в Джоди? Я не смогу спасти Кеннеди, об этом речи нет, но неужели будущая история мира так хрупка, что не позволит двум школьным учителям встретиться и влюбиться? Пожениться, танцевать под битловские мелодии вроде «Я хочу держать тебя за руку» и жить неприметной жизнью?

Я не знаю, не знаю.

Она, возможно, не захочет иметь со мной ничего общего. При нашей первой встрече ей по-прежнему будет двадцать восемь, а мне уже не тридцать пять, а сорок два или сорок три. И выглядеть я буду даже старше. Но, знаете, я верю в любовь; магия любви невероятно сильна. Я не думаю, что все написано на небесах, но *верю*, что кровь тянется к крови, разум — к разуму, сердце — к сердцу.

Сейди, танцующая мэдисон, разрумянившаяся, сияющая.

Сейди, просящая вновь облизать ей губы.

Сейди, спрашивающая, не хочу ли я прийти и поесть торт.

Один мужчина и одна женщина. Неужели я прошу слишком многого?

Я не знаю, не знаю.

Что я делал здесь, спросите вы, после того, как отложил в сторону крылья ангела? Писал. У меня есть авторучка — помните, подарок Майка и Бобби Джил, — и я прогулялся в расположенный неподалеку продовольственный магазин, где продавались и товары повседневного спроса, и купил десять пузырьков чернил. Черных чернил, под стать моему настроению. Я также купил два десятка толстых линованных блокнотов и исписал их все, кроме одного. Рядом с продовольственным магазином располагался магазин «Вестерн авто». Там я купил лопату и металлический ящик для хранения ценностей, с наборным замком. Покупки обошлись мне в семнадцать долларов девятнадцать центов. Достаточно ли этого, чтобы превратить мир в темное, грязное место? И что теперь будет с продавцом, чей предписанный жизненный курс изменился — благодаря нашему короткому общению, — став не таким, как прежде?

Этого я не знаю, но знаю другое: однажды благодаря мне школьный футболист получил шанс блеснуть актерским мастерством и его подруге обезобразило лицо. Вы можете сказать, что я не несу за это ответственности, но мы-то знаем правду, ведь так? Бабочка расправляет крылья.

Три недели я писал каждый день, целый день. Иногда по двенадцать часов. Иногда по четырнадцать. Ручка мчалась по страницам. Руку сводило. Я разминал ее, потом писал вновь. Бывало, по вечерам ходил в Лисбонский автокинотеатр, где пешеходам билет предлагался по льготной цене — тридцать центов. Садился на один из складных стульев перед баром, ря-

дом с детской площадкой. Вновь посмотрел «Долгое жаркое лето». Посмотрел «Мост через реку Квай» и «Юг Тихого океана». Посмотрел программу «СДВОЕННЫЙ УЖАС», состоявшую из «Мухи» и «Капли». И гадал, а что же я изменяю. Убивая комара, задавался вопросом, в каких изменениях проявится это мое действо через десять лет. Или через двадцать. Или через сорок.

Я не знаю, не знаю.

Но я *знаю* кое-что еще. Прошлое упрямо по той самой причине, по которой у черепахи твердый панцирь: живая плоть внутри нежная и беззащитная.

И еще кое-что. Многочисленные выборы и возможности повседневной жизни — музыка, под которую мы танцуем. Они как гитарные струны. Проведите по ним пальцем — и получите приятный звук. Гармонию. Но начните добавлять струны. Десять струн, сто, тысячу, миллион. Потому что они множатся! Гарри не знал, что это за чавкающе-рвущий звук, но я практически уверен, что знаю: эти наслоение слишком многих гармоний, созданных слишком многими струнами.

Пропойте высокую си достаточно громко и в правильной тональности — и сможете разрушить кристалл. Воспроизведите достаточно громко нужные гармонические ноты на стереосистеме — и разобьете оконное стекло. Если следовать этой логике (а по мне, она правильная), поставьте достаточно много струн на инструмент времени — и сможете разнести реальность.

Но сброс на ноль всякий раз *почти* полный. Конечно, что-то остается. Так говорил Охряная Карточка, и я ему верю. Однако если я не проведу каких-то *больших* изменений... если не сделаю ничего, кроме как поеду в Джоди и вновь в первый раз встречу Сейди... и мы влюбимся друг в друга...

Я хочу, чтобы это случилось, и думаю, что так и будет. Кровь тянется к крови, сердце — к сердцу. Она захочет детей. И я, если на то пошло, захочу. Скажу себе, что одним ребенком больше, одним меньше — никакое это не изменение. По крайней мере не слишком *большое*. Или два ребенка. Или три. Это, в конце концов, эра больших семей. Мы будем жить тихо. Не поднимая волну.

Только каждый ребенок — это волна.

Каждый сделанный нами вдох — волна.

Вы должны вернуться в последний раз, сказал Охряная Карточка. *Должны замкнуть круг. Желания не имеют к этому никакого отношения.*

Могу ли я действительно думать о том, чтобы рискнуть судьбой мира — возможно, самой реальности, — ради женщины, которую люблю? Если так, то безумие Ли в сравнении с моим — сущая безделица.

Человек с карточкой, заткнутой за ленту шляпы, ждет меня рядом с сушильным сараем. Я чувствую его присутствие. Может, он посылает какие-то мысленные волны, но ощущение, что он там ждет, есть. *Возвращайся. Тебе не обязательно быть Джимлой. Еще не поздно снова стать Джейком. Хорошим парнем, добрым ангелом. Не тревожься о спасении президента — спасай мир. Сделай это, пока еще есть время.*

Да.

Я сделаю.

Вероятно, сделаю.

Завтра.

Ведь завтра наступит достаточно скоро, верно?

10.01.58

Все еще в «Тамараке», все еще пишу.

Больше всего меня тревожит Клейтон. О нем я думал, когда заправлял авторучку остатками чернил. Если бы я знал, что он не представляет для нее угрозы, то, думаю, уже бы ушел. Появится ли Джон Клейтон в доме Сейди на аллее Ульев, если я вычеркну себя из уравнения? Может, он окончательно рехнулся, когда увидел нас вместе? Но он последовал за ней в Техас еще до того, как узнал про нас, и если сделает это снова, на сей раз может перерезать ей горло, а не проткнуть щеку ножом. Мы с Деком точно не сможем его остановить.

Только, возможно, он *знал* о нас. Сейди могла написать подруге в Саванну, подруга — сказать другой подруге, и новость о том, что Сейди проводит время с мужчиной — который не отгораживается от нее шваброй, — могла в конце концов дойти и до ее бывшего. Если причина его приезда в Техас во мне, тогда Сейди будет в безопасности.

Невеста или тигр?*
Я не знаю, не знаю.
Погода поворачивает на осень.

10.06.58

Вчера вечером пошел в автокинотеатр. Для них это последний уик-энд. В понедельник на щите для афиш напишут: «ЗАКРЫТО НА ЗИМУ», — и добавят что-нибудь вроде: «В 59-М ЕЩЕ ЛУЧШИЕ ФИЛЬМЫ». Последняя программа включала мультфильм с кроликом Багсом и пару фильмов ужасов, «Мрак» и «Звоночек». Я сел на привычный складной стул и посмотрел «Мрак», практически ничего не видя. Замерз. Денег, чтобы купить пальто, мне хватало, но теперь я уже боялся что-либо покупать. Думал об изменениях, которые могла вызвать моя покупка.

Когда первый фильм закончился, я пошел в бар, невзирая на последствия. Хотел выпить горячего кофе (думая: *Не может же это что-либо сильно изменить,* — и: *Откуда ты знаешь?*). Когда вышел из бара, на детской площадке увидел только одну девочку, хотя месяцем раньше детишки на ней так и толпились. Девочка прыгала через скакалку. Напомнила мне Розетту Темплтон.

— По дорожке я иду, а дорожка вся в пыли, наколола пальчик я, и он весь теперь в крови, на дорожку я смотрю, и я бабочку люблю.

На второй фильм я не остался. Меня трясло.

Возможно, поэты могут уничтожить мир ради любви — но не обычные люди вроде меня. Завтра, при условии, что «кроличья нора» никуда не делась, я вернусь. Но прежде...

В баре я купил не только кофе.

10.07.58

Металлический ящик из «Уэстерн авто» на кровати, крышка откинута. Лопата в стенном шкафу (уж не знаю, что подумала о ней горничная). Чернила из последней заправки уходят, но это нормально: еще две-три страницы, и я поставлю жирную точку. Потом положу рукопись в металлический ящик и зарою его около пруда, в который однажды забросил мобильник. Глубоко по-

* Название рассказа английского писателя Фрэнка Ричарда Стоктона, символ нерешаемой проблемы.

хороню в мягкой черной земле. Возможно, когда-нибудь кто-нибудь его и найдет. Может, это будете вы. Если, конечно, будут и будущее, и вы. Это я собираюсь выяснить в скором времени.

Я говорю себе (с надеждой, со страхом), что эти мои три недели в «Тамараке» не могут привести к большим изменениям: Эл прожил в прошлом четыре года и вернулся в прежнее настоящее... Хотя, признаю, меня посещали мысли о возможной связи его пребывания в прошлом с холокостом Всемирного торгового центра или сильным землетрясением в Японии. Я говорю себе, что никакой связи нет... но все-таки задаюсь таким вопросом.

Мне надо сказать вам, что я более не думаю о 2011 годе как о настоящем. Если Филип Нолан — человек без страны, то я — человек без времени. Подозреваю, навсегда таким и останусь. Даже если 2011 год окажется на месте, я буду там заезжим чужаком.

На столе передо мной лежит почтовая открытка. С автомобилями на фоне большого экрана. *Другие в баре Лисбонского авто*кинотеатра не продавались. Я уже написал на ней послание и адрес: «Мистеру Дикону Симмонсу, Джодийская средняя школа, город Джоди, Техас». Начал было писать Денхолмская объединенная средняя школа, но вовремя вспомнил, что ДСШ станет ДОСШ только в следующем году или годом позже.

На открытке я изложил следующее:

Дорогой Дек! Когда приедет ваш новый библиотекарь, приглядывайте за ней. Ей понадобится добрый ангел, особенно в апреле 1963 года. Пожалуйста, поверьте мне.

Нет, Джейк, услышал я шепот Охряной Карточки. *Если Джон Клейтон должен убить ее и не убьет, могут произойти изменения... и, как ты видел сам, изменения не в лучшую сторону. Независимо от того, какие добрые у тебя намерения.*

Но это Сейди! — возразил я ему и, хотя я не из плаксивых, заплакал. Слезы щипали, слезы жгли. *Это Сейди, и я люблю ее! Разве я могу просто стоять рядом и смотреть?*

В ответе слышалось упрямство, свойственное прошлому: *Замкни круг.*

Поэтому я разорвал открытку, положил обрывки в пепельницу. Поджег. Датчики пожарной тревоги, которые могли сообщить

миру об этом деянии, отсутствовали. Горение сопровождалось лишь хрипом моих рыданий. Я словно убил ее собственными руками. Скоро я зарою металлический ящик с рукописью, а потом отправлюсь в Лисбон-Фоллс, где Охряная Карточка, несомненно, очень обрадуется моему появлению. Я не буду вызывать такси — пройду весь путь пешком, под звездами. Наверное, хочу попрощаться. Сердца на самом деле не разбиваются. Если бы только они могли...

Сейчас мне идти некуда, только к кровати, на которую я собираюсь лечь, уткнувшись мокрым лицом в подушку, и молить Бога, в которого не очень-то верю, послать моей Сейди доброго ангела, чтобы она могла жить. И любить. И танцевать.

Прощай, Сейди.

Ты никогда не знала меня, но я люблю тебя, милая.

ГОРОЖАНИН СТОЛЕТИЯ (2012)

1

Полагаю, «Дома знаменитого толстобургера» уже нет, его заменил магазин «Л.Л. Бин экспресс», но точно сказать не могу — руки не дошли, чтобы проверить по Интернету. Знаю только одно: из своих странствий я вернулся в «Закусочную Эла». И в мир, который ее окружал.

Он ни в чем не изменился, во всяком случае, пока.

Я ничего не знаю о «Бин экспрессе», потому что день возвращения стал моим последним днем в Лисбон-Фоллс. Я поехал в мой дом в Сабаттусе, немного поспал, запаковал два чемодана, положил их в багажник и отправился на юг. Остановился, чтобы заправить бак, в маленьком массачусетском городке Уэстборо, и решил, что он вполне подходит для человека, который не ставит перед собой никаких целей и ничего не ждет от жизни.

Первую ночь в Уэстборо я провел в гостинице «Хамптон инн», оборудованной вай-фай. Зайдя в Интернет — сердце билось так сильно, что перед глазами мельтешили точки, — я набрал в адресной строке сайт далласской «Морнинг ньюс». Введя номер моей кредитной карточки (потребовалось несколько попыток, так дрожали руки), я получил доступ к архиву. Статью о неизвестном стрелке, покушавшемся на жизнь Эдвина Уокера, я нашел на положенном месте, в номере за 11 апреля 1963 года, однако в следующем номере о Сейди не написали ни слова. Как и неделей позже, как и двумя. Но я продолжал поиски.

Нужную мне статью я обнаружил в номере за тридцатое апреля.

2

ПСИХИЧЕСКИ БОЛЬНОЙ НАНОСИТ УДАР НОЖОМ СВОЕЙ БЫВШЕЙ ЖЕНЕ И СОВЕРШАЕТ САМОУБИЙСТВО

Эрни Колверт

(ДЖОДИ.) В воскресенье вечером 77-летний Дикон «Дек» Симмонс и директор Денхолмской объединенной средней школы Эллен Докерти пришли слишком поздно, чтобы спасти Сейди Данхилл от тяжелого ранения, но все могло закончиться гораздо хуже для 28-летней библиотекарши и всеобщей любимицы.

Согласно Дугласу Римсу, городскому констеблю Джоди: «Если бы Дек и Элли не пришли, мисс Данхилл наверняка бы убили».

Двое учителей принесли запеканку с тунцом и хлебный пудинг. Ни один не захотел говорить о своем героическом поступке. Симмонс лишь сказал: «Как жаль, что мы не пришли раньше».

По словам констебля Римса, Симмонс свалил с ног более молодого Джона Клейтона из Саванны, штат Джорджия, после того как мисс Докерти бросила в него кастрюльку с запеканкой, отвлекая его. Симмонс отнял у Клейтона маленький револьвер. Тогда Клейтон выхватил нож, которым нанес ранение своей бывшей жене и полоснул себя по горлу. Симмонс и мисс Докерти пытались остановить кровотечение, но безрезультатно. Клейтон умер на месте.

Мисс Докерти сказала констеблю Римсу, что Клейтон, возможно, выслеживал свою бывшую жену не один месяц. Администрацию Денхолмской объединенной средней школы предупреждали, что Клейтон может быть опасен, и мисс Данхилл предоставила фотографию Клейтона, но директор Докерти сказала, что он изменил внешность.

Мисс Данхилл «скорая» доставила в далласскую больницу «Паркленд мемориал». Врачи оценивают ее состояние как удовлетворительное.

3

Я не из плаксивых, никогда таким не был, но в тот вечер расплакался. Заснул в слезах — и впервые за очень долгое время спал крепко и без сновидений.

Жива.

Она осталась жива.

Со шрамом на всю жизнь — да, это неизбежно, — но живая.

Живая, живая, живая.

4

Мир по-прежнему здесь и по-прежнему в гармонии с собой... или, возможно, я *обеспечил* ему эту гармонию. Когда мы сами создаем гармонию, то, полагаю, называем это привычкой. Я получил место замещающего учителя в школьной системе Уэстборо, потом меня взяли в штат. И я нисколько не удивился, узнав, что директор местной средней школы — ярый футбольный болельщик по фамилии Борман... как один веселый тренер, которого я знал по другой школе. Какое-то время я оставался на связи с моими друзьями в Лисбон-Фоллс, а потом эта связь оборвалась. Се ля ви.

Я вновь заглянул в архив далласской «Морнинг ньюс» и нашел короткую заметку в номере от 29 мая 1963 года: «БИБЛИОТЕКАРЬ ДЖОДИ ВЫПИСЫВАЕТСЯ ИЗ БОЛЬНИЦЫ». Помимо краткости, заметка не содержала практически никакой информации. Ничего о состоянии Сейди, ничего о дальнейших планах. И никакой фотографии. Заметки, которые публикуются на двадцатой странице, между объявлениями о скидках при продаже мебели и торговле «от двери к двери», фотографиями не иллюстрируются. Одна из величайших истин жизни, равная столь же значимой: телефон всегда звонит, когда ты сидишь на горшке или моешься в душе.

В год моего возвращения в Страну настоящего я сторонился некоторых сайтов и не забивал в строку поисковика определенные темы. Хотелось ли мне узнать больше? Безусловно. Но на каждый запрос, приносящий радость — скажем, информирующий о том, что женщина, которую ты любил, выжила после

встречи с обезумевшим бывшим мужем, — приходятся два, способные причинить боль. Человек, который интересуется кем-то, может выяснить, что этот кто-то погиб в результате несчастного случая. Или умер от рака легких, вызванного курением. Или покончил с собой, в данном конкретном случае — перебрав таблеток со спиртным.

Сейди осталась одна, и никто не разбудил бы ее, отвесив пару-тройку затрещин, и не поставил бы под холодный душ. Если такое случилось, я не хотел этого знать.

Я использовал Интернет для подготовки к занятиям, чтобы узнать, какие фильмы идут в тех или иных кинотеатрах, пару раз в неделю просматривал самые популярные видео. Чего я не делал, так это не искал новости о Сейди. Полагаю, если бы в Джоди выпускалась газета, я бы не устоял перед искушением, но она не выпускалась тогда и — я в этом не сомневался — не выпускается теперь, когда Интернет медленно душит печатную прессу. А кроме того, есть давняя поговорка: *не подглядывай в замочную скважину — и не будет повода для огорчений.* Самая большая замочная скважина в истории человечества — Интернет.

Она пережила Клейтона. И будет лучше, говорил я себе, если на этом мои сведения о Сейди оборвутся.

5

И так бы и вышло, да только в моем классе углубленного изучения английского появилась новая ученица. Она пришла в нашу школу в апреле 2012 года, может, даже 10 апреля, в сорок девятую годовщину попытки покушения на Эдвина Уокера. Звали ее Эрин Толливер, и ее семья переехала в Уэстборо из Кайлина.

Это название я знал хорошо. Именно в том городе я покупал презервативы у аптекаря, так многозначительно мне подмигнувшего. *Только не делай ничего противозаконного, сынок,* посоветовал он. Кайлин, где мы с Сейди провели столько сладких ночей в «Кэндлвуд бунгалос».

Кайлин, где издавался еженедельник «Уикли газет».

На второй неделе занятий — к тому времени у моей новой ученицы появились подружка, она привлекла внимание несколь-

ких парней и уже неплохо освоилась в новой для себя обстановке — я спросил Эрин, продолжает ли издаваться «Уикли газет». Девушка просияла.

— Вы бывали в Кайлине, мистер Эппинг?

— Да, но довольно давно. — От этого моего утверждения стрелка детектора лжи не дрогнула бы.

— Да, издается. Правда, мама говорила, что она годится только для одного — заворачивать в нее рыбу.

— И в ней есть колонка «Жизнь Джоди»?

— В ней есть колонка о жизни каждого маленького городка, расположенного к югу от Далласа. — Эрин рассмеялась. — Готова спорить, вы могли бы найти все в Сети, если бы действительно хотели, мистер Эппинг. В Сети можно найти *все*.

Конечно же, она говорила чистую правду, и я продержался ровно неделю. Иногда замочная скважина очень уж притягательна.

6

Задачу я перед собой ставил простую: зайти в архив (если таковой имеется) и поискать сведения о Сейди. Я говорил себе, что делать этого не следует, но Эрин Толливер разбередила рану, которая уже начала заживать, и я знал, что мне не будет покоя, пока я все не узнаю. Однако, как выяснилось, копаться в архиве не пришлось. Все, что мне требовалось, я нашел даже не в колонке «Жизнь Джоди», а на первой полосе последнего номера.

Заголовок гласил: **«ДЖОДИ ВЫБИРАЕТ ГОРОЖАНИНА ВЕКА ДЛЯ ИЮЛЬСКОГО ПРАЗДНОВАНИЯ СТОЛЕТИЯ ГОРОДА»**. А на фотоснимке под заголовком... она готовилась разменять девятый десяток, но некоторые лица не забываются. Фотограф наверняка предлагал ей чуть повернуть голову, чтобы скрыть левую щеку, но Сейди смотрела прямо в объектив. И почему нет? Старый шрам, оставшийся от раны, нанесенной человеком, который давно уже в могиле. Я подумал, что шрам придает значимости ее лицу, но, разумеется, мое мнение пристрастно. Для влюбленного и оспины прекрасны.

В конце июня, после окончания учебного года, я запаковал чемодан и вновь поехал в Техас.

7

Сумерки летнего вечера окутали Джоди. Городок прибавил в размерах в сравнении с 1963 годом, но ненамного. Тарная фабрика появилась в той его части, где Сейди Данхилл когда-то жила на аллее Ульев. Парикмахерской больше не существовало, на месте заправочной станции «Ситис сервис», где я покупал бензин для моего «санлайнера», построили магазин «С семи до одиннадцати». Ресторан быстрого обслуживания «Сабвэй» заменил закусочную, где Эл Стивенс продавал вилорог-бургеры и мескитофрайс.

Речи в честь столетия Джоди уже произнесены. Одна — женщины, выбранной историческим обществом и Городским советом «Горожанином века» — получилась очаровательно короткой; вторая — мэра — долгой и познавательной. Я узнал, что Сейди один срок отработала мэром и четыре — в законодательном собрании Техаса, но этим дело не ограничилось. Она занималась благотворительностью, постоянно стремилась повысить качество образования, получаемого учениками ДОСШ, брала годовой отпуск без сохранения содержания, чтобы в составе отряда добровольцев налаживать жизнь в Новом Орлеане после урагана «Катрина». Она организовала библиотечную программу для слепых учеников в масштабах штата, инициировала программу улучшения медицинского обслуживания для ветеранов, прилагала немало усилий (даже в восемьдесят лет) для повышения уровня заботы о психически больных людях. В 1996 году ей предложили баллотироваться в палату представителей конгресса США, но она отказалась, сказав, что ей хватает дел и на местном уровне.

Она больше не вышла замуж. Больше не уезжала из Джоди. По-прежнему высокая, остеопороз не согнул ей спину. По-прежнему прекрасная, с длинными седыми волосами, достающими чуть ли не до талии.

После завершения речей главную улицу перекрывают с двух сторон. С каждого конца делового центра, занимающего два квартала, висит транспарант:

УЛИЧНЫЕ ТАНЦЫ, 19.00 — ПОЛНОЧЬ!
ПРИГЛАШАЮТСЯ ВСЕ!

Сейди окружена доброжелателями — некоторых, думаю, я могу узнать, — поэтому я иду к сцене для диджея, сооруженной перед бывшим магазином «Уэстерн авто», где теперь расположен «Уолгринс». Мужчине, который возится с пластинками и компакт-дисками, уже за шестьдесят, у него поредевшие седые волосы и приличных размеров живот, но эти квадратные очки в розовой оправе я бы узнал где угодно.

— Привет, Дональд, — здороваюсь я. — Вижу, вы по-прежнему с горой звука.

Дональд Беллингэм поднимает голову и улыбается.

— Я без нее никуда. Я вас знаю?

— Нет, — отвечаю я, — вы знали мою маму. В начале шестидесятых она приходила на танцы, где вы были диджеем. Говорила, что вы тайком от отца приносили пластинки больших оркестров из его коллекции.

Улыбка становится шире.

— Да, и мне за это крепко доставалось. Как звали вашу мать?

— Андреа Робертсон. — Имя и фамилия к Джоди отношения не имеют. Андреа — моя лучшая ученица по английской литературе, десятиклассница.

— Конечно, я ее помню. — Смущенная улыбка говорит об обратном.

— Наверное, этих старых пластинок у вас уже нет.

— Конечно же, нет. С давних пор. Все записи больших оркестров у меня теперь на компакт-дисках. Я чувствую, вы о чем-то хотите меня попросить?

— Если на то пошло, да. Но просьба будет необычная.

Он смеется:

— А разве бывают другие?

Я говорю ему, что мне нужно, и Дональд — всегда радующийся тому, что может помочь — соглашается. Когда я уже направляюсь к концу квартала, где мэр наливает стакан пунша женщине, ради которой я сюда приехал, окликает меня.

— А как вас зовут?

— Амберсон, — отвечаю я, оборачиваясь. — Джордж Амберсон.

— И вы хотите, чтобы эта мелодия зазвучала в четверть девятого?

— Тютелька в тютельку. Время — это главное, Дональд. Будем надеяться, оно пойдет нам навстречу.

Пятью минутами позже Дональд Беллингэм обрушивает на Джоди песню «На танцах», и танцоры начинают заполнять улицу под техасским закатным небом.

8

В десять минут девятого Дональд ставит медленную песню Алана Джексона, под которую могут танцевать даже взрослые. Сейди одна, впервые с того момента, как отзвучали речи, и я подхожу к ней. Сердце сильно бьется, кажется, сотрясает все тело.

— Миз Данхилл?

Она поворачивается, улыбаясь и чуть поднимая голову. Она высокая, но я выше. Как и всегда.

— Да?

— Меня зовут Джордж Амберсон. Я хотел сказать вам, что восхищен вами и вашей работой на благо общества.

В ее улыбке появляется замешательство.

— Благодарю вас, сэр. Я не узнаю вас, но фамилия определенно мне знакома. Вы из Джоди?

Я больше не могу путешествовать во времени, мне определенно не под силу читать чужие мысли, но я все равно знаю, о чем она думает. *Я слышу эту фамилию в моих снах.*

— Да и нет, — отвечаю я и, прежде чем она успевает продолжить, спрашиваю: — Позвольте полюбопытствовать, что пробудило ваш интерес к общественной деятельности?

Ее улыбка теперь совсем призрачная, чуть подрагивает в уголках рта.

— И вы хотите это знать, потому что?..

— Убийство? Убийство Кеннеди?

— А знаете... наверное, да, в какой-то степени. Я бы хотела думать, что стремилась принимать больше участия в делах своей страны, но, полагаю, началось с этого. Это убийство оставило шрам... — она непроизвольно поднимает левую руку к левой щеке, потом рука падает, — на этой части Техаса. Мистер Амберсон, откуда я вас знаю? Потому что *знаю*, я в этом уверена.

— Могу я задать еще вопрос?

Она смотрит на меня с все возрастающим недоумением. Я бросаю взгляд на часы. Четырнадцать минут. Почти время. Если только, разумеется, Дональд не забудет... но я так не думаю. Цитируя одну из песен пятидесятых, чему быть, того не миновать.

— «Танцы Сейди Хокинс» в тысяча девятьсот шестьдесят первом году. Кто помогал вам присматривать за молодежью, когда мать тренера Бормана сломала ногу? Вы помните?

Ее рот открывается. Потом медленно закрывается. Мэр и его жена подходят, видят, что мы увлечены разговором, и не мешают нам. Мы в нашей собственной маленькой капсуле, Джейк и Сейди. Как и прежде.

— Дон Хаггарти, — отвечает она. — С тем же успехом я могла приглядывать за танцами в паре с деревенским идиотом. Мистер Амберсон...

Но прежде чем она успевает закончить фразу, Дональд Беллингэм обращается ко всем через восемь больших динамиков:

— Итак, Джоди, привет из прошлого, золото, которое действительно блестит, лучшее для лучших!

Голос сменяет музыка, шедевр давно ушедшего оркестра:

Ба-да-да... ба-да-да-ди-дам...

— Господи. «В настроении», — вырывается у Сейди. — Я танцевала линди под эту мелодию.

Я протягиваю руку.

— Пойдемте. Потанцуем.

Она смеется, качает головой.

— Боюсь, мистер Амберсон, те дни, когда я танцевала свинг, остались в далеком прошлом.

— Но вы не так уж стары для вальса. Как говорил Дональд в те давние дни: «Все со стульев и на ноги!» И зовите меня Джордж, пожалуйста.

На улице пары энергично двигаются под быструю музыку. Некоторые даже пытаются танцевать линди-хоп, но никому не удается делать это так слаженно, как танцевали мы с Сейди в стародавние времена. Ничего похожего.

Она берет мою руку, как женщина, которая грезит. И она грезит, а я вместе с ней. Как и все сладкие грезы, эта будет короткой... но быстротечность прибавляет сладости, верно? Я, во всяком случае, в этом уверен. Потому что если время ушло, его уже не вернуть.

Разноцветные фонарики горят над улицей, желтые, и красные, и зеленые. Сейди спотыкается о чей-то стул, но я к этому готов и ловлю ее за руку.

— Извините, я такая неуклюжая, — говорит она.

— Вы были такой всегда, Сейди. Одна из ваших самых милых особенностей.

Прежде чем она успевает спросить, откуда мне это известно, я обнимаю ее за талию. Она обнимает меня, по-прежнему глядя снизу вверх. Свет катится по ее щекам и сверкает в глазах. Наши ладони соприкасаются, пальцы естественным образом переплетаются — и годы соскальзывают, как пальто, слишком тяжелое и узкое. В этот момент мне больше всего хочется одного: чтобы мои надежды оправдались и общественные дела не помешали ей найти хотя бы одного хорошего мужчину, который раз и навсегда избавил ее от гребаной швабры Джона Клейтона.

Она задает вопрос, тихим голосом, едва различимым сквозь музыку, но я ее слышу — всегда слышал:

— Кто ты, Джордж?

— Ты знала меня в другой жизни, милая.

Тут музыка подхватывает нас, музыка уносит годы, и мы танцуем.

2 января 2009 — 18 декабря 2010
Сарасота, Флорида
Лоувелл, Мэн

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Почти полвека прошло с того дня, как в Далласе убили Джона Кеннеди, но два вопроса по-прежнему остаются открытыми: действительно ли спусковой крючок нажимал Ли Освальд, а если это так, действовал ли он в одиночку? Ничего из написанного мной в этом романе не позволяет ответить на них, потому что путешествие во времени — всего лишь интересная, но фантазия. Если же вам, как и мне, любопытно, почему эти вопросы витают в воздухе, думаю, я могу дать исчерпывающий ответ, состоящий из двух слов: Карен Карлин. Не просто сноска в истории, а сноска к сноске. И однако...

В Далласе Джеку Руби принадлежал стриптиз-клуб, который назывался «Карусель». Карлин — сценический псевдоним «Маленькая Линн» — танцевала там. Вечером на следующий день после убийства мисс Карлин позвонила Руби. Ей не хватало двадцати пяти долларов для оплаты декабрьской аренды квартиры и отчаянно требовались деньги, чтобы не оказаться на улице. Может ли он помочь?

Джек Руби, которого занимало совсем другое, отлаял ее (собственно, разговаривать иначе далласский Взрывной Джек и не умел). Он никак не мог прийти в себя после того, как обожаемого им президента застрелили в его родном городе, и постоянно говорил друзьям и родственникам о том, какие страдания выпадут теперь на долю миссис Кеннеди и ее детей. У Руби разрывалось сердце от мысли, что Джеки придется вернуться в Даллас на суд над Освальдом. «Вдова станет героиней национального спек-

такля, — говорил он. — Ее горе будет использовано на увеличение тиража таблоидов».

Если только Ли Освальд доживет до суда и ему не помогут умереть.

В полицейском управлении Далласа практически все хотя бы раз, но видели Джека. Он и его «жена» — так он называл Шебу, свою маленькую таксу — частенько бывали в полицейском управлении. Он раздавал бесплатные пропуска в свои клубы, а когда копы приходили, угощал их выпивкой за счет заведения. Никто не обратил особого внимания на его приход в управление двадцать третьего ноября. Когда Освальда вывели к прессе — тот заявил о своей невиновности и продемонстрировал фингал, — Руби при этом присутствовал. Он принес револьвер (да, опять тридцать восьмого калибра, правда, другой модели — «кольт-кобра») и собирался застрелить убийцу Кеннеди, но прежде чем успел протиснуться к нему — репортеров набилось как сельдей в бочке, — Освальда увели.

И Джек Руби сдался.

Поздним воскресным утром Руби пошел в отделение «Вестерн юнион», расположенное в квартале от управления полиции, и отправил Маленькой Линн двадцать пять долларов. Потом двинулся к управлению полиции. Он полагал, что Освальда уже перевели в окружную тюрьму Далласа, а потому удивился, увидев толпу перед зданием управления, состоявшую из репортеров и зевак. Тут же стояли автофургоны телевизионщиков. Руби понял, что Освальд все еще находится в управлении.

Руби по-прежнему имел при себе револьвер, и ему удалось проникнуть в гараж полицейского управления, причем без проблем. Некоторые копы здоровались с Руби, а тот — с ними. Освальд еще находился наверху. В последний момент он спросил конвоиров, не дадут ли ему свитер, потому что не хотел выходить к репортерам в дырявой рубашке. Свитер ему принесли за три минуты, но эта задержка оказалась роковой — жизнь может развернуться на пятачке. Руби выстрелил Освальду в живот. Когда копы набросились на Взрывного Джека, он успел крикнуть: «Эй, парни, это же я, Джек Руби! Вы все меня знаете!»

Вскоре убийца умер в больнице «Портленд», не дав показаний. Благодаря стриптизерше, которой требовалось двадцать пять баксов, и не к месту проявленному желанию надеть свитер

и показаться в лучшем виде Освальд избежал суда и не получил шанса признаться. Последнее его заявление о событиях 22 ноября 1963 года состояло из трех слов: «Я козел отпущения». Споры о том, наврал он или сказал правду, не прекращаются.

Ранее в романе Эл, друг Джейка Эппинга, говорит, что с вероятностью девяносто пять процентов Ли Освальд — стрелок-одиночка. Прочитав стопку книг и статей на сей предмет, высотой в мой рост, я бы увеличил вероятность до девяноста восьми процентов. Может, даже до девяносто девяти. Потому что все материалы, включая написанные сторонниками заговора, рассказывают одну и ту же простую американскую историю: маленькому, никчемному, жаждущему славы человечку повезло, и он оказался в нужном месте в нужное для него время. Мала ли вероятность того, что все могло случиться именно так? Несомненно. Но так же мала и вероятность выигрыша в лотерею, однако каждый день кто-то выигрывает.

Вероятно, наиболее информативными материалами среди тех, что я прочитал при подготовке к написанию этого романа, следует назвать «Дело закрыто» Джеральда Поснера, «Легенду» Эдуарда Джея Эпстайна (закручено в стиле Роберта Ладлема, но забавно), «Историю Освальда» Нормана Мейлера и «Гараж миссис Пейн» Томаса Моллона. Последний предлагает блестящий анализ теорий заговора и стремления их авторов найти порядок в этом практически случайном событии. Книга Мейлера тоже говорит о многом. Он пишет, что приступал к проекту (который включает подробные интервью русских, знавших Ли и Марину в Минске) с твердым убеждением, что Освальд — жертва заговора, а в конце — с неохотой — пришел к выводу, что неповоротливая и тяжеловесная комиссия Уоррена права: Освальд действовал в одиночку.

Трудно, очень трудно для здравомыслящего человека поверить в обратное. Бритва Оккама: самое простое объяснение — обычно правильное.

На меня также произвело сильное впечатление — и тронуло, и потрясло — повторное чтение книги «Смерть президента» Уильяма Манчестера. В чем-то он ошибался, где-то сбивался на «пурпурную прозу» (к примеру, назвал Марину Освальд рысьеглазой), его анализ мотивов Освальда поверхностен и враждебен — но этот огромный том опубликован лишь через четыре года

после того ужасного дня в Далласе, самым первым, и писал его Манчестер, когда все участники этого трагического события были еще живы и сохраняли самые яркие впечатления о случившемся. С учетом постоянной поддержки Жаклин Кеннеди этого проекта никто не отказывался поговорить с Манчестером, и пусть о последствиях он пишет чересчур помпезно, рассказ о событиях двадцать второго ноября получился живой и холодящий кровь, настоящий запрудеровский фильм* в словах.

Что ж... *почти* все говорили с ним. Марина Освальд — нет, и, возможно, по этой причине Манчестер вывел ее в столь нелицеприятном свете. Марина (здравствовавшая на момент написания мной этого романа) увидела свой шанс в последствиях трусливого деяния своего мужа, и кто может ее за это осуждать? Желающие прочитать ее воспоминания в полном объеме могут найти их в книге Принсиллы Джонсон Макмиллан «Марина и Ли». Я с большим недоверием отношусь ко всему, что она говорит (если другие источники не подтверждают ее слова), но салютую — с определенной неохотой, это правда — ее способности к выживанию.

Первоначально я пытался написать эту книгу в 1972 году. Отказался от этой идеи, потому что подбор и поиск необходимых материалов оказались непосильными для человека, который работал учителем на ставку. Была и другая причина: прошло только девять лет, рана оставалась слишком свежей. Я рад, что выждал. Когда наконец-то решил вернуться к этой книге, то первым и вполне естественным для меня шагом стало обращение к давнему другу Рассу Дорту с просьбой о подборе необходимых материалов. Он прекрасно справился с обеспечением меня всей необходимой информацией при написании другого большого романа, «Под Куполом»; не подвел и на сей раз. Я пишу это послесловие в окружении гор исследовательских материалов, самые ценные из которых — видеофильмы, отснятые Рассом во время наших долгих (и утомительных) поездок в Даллас, и футовая стопка распечаток электронных писем с ответами на мои вопросы обо всем, от результатов Мировых серий 1958 года до конструкции под-

* 26-секундный любительский документальный кинофильм, снятый Абрахамом Запрудером в Далласе 22 ноября 1963 г. На пленке запечатлено движение президентского кортежа и попадание двух пуль в шею и голову Кеннеди.

слушивающих устройств середины прошлого века. Именно Расс нашел дом Эдвина Уокера, мимо которого проходил маршрут президентского кортежа двадцать второго ноября (прошлое стремится к гармонии), и именно Расс после долгих поисков в архивах Далласа установил вероятный адрес проживания одного необычного человека — Джорджа де Мореншильдта. И между прочим, где был мистер де Мореншильдт вечером 10 апреля 1963 года? Вероятно, не в клубе «Карусель», но если у него и было алиби на момент покушения на генерала, я найти его не смог.

Мне не хочется утомлять вас своей речью — меня очень раздражают писатели, которые это проделывают, — но я все равно должен выразить признательность некоторым людям. Первый среди них — Гэри Мак, куратор Музея шестого этажа в Далласе. Он ответил на миллиарды вопросов, порой по два или три раза, прежде чем моей тупой голове удавалось все уяснить. Тур по Техасскому хранилищу школьных учебников — тягостная необходимость, но Гэри в немалой степени облегчил его своим остроумием и энциклопедическими знаниями.

Я также должен поблагодарить Николу Лонгфорд, исполнительного директора Музея шестого этажа, и Меган Брайант, директора отдела коллекций и интеллектуальной собственности. Брайан Коллинс и Рейчел Хоуэлл работают в историческом департаменте публичной библиотеки Далласа, они обеспечили мне доступ к старым фильмам (некоторые из них очень веселые), показывающим, как выглядел Даллас в 1960—1963 годах. Сюзан Ричардс, эксперт Далласского исторического общества, также внесла свою лепту, как и Эми Брамфилд, Дэвид Рейнольдс и сотрудники отеля «Адольф». Старожил Далласа Мартин Ноблс возил нас с Рассом по городу. Он показал нам уже закрытый, но еще не снесенный кинотеатр «Техас», где арестовали Освальда, прежний дом Эдвина Уокера, Гринвилл-авеню (ныне не такое злачное место, как в те времена, когда по ней гуляли проститутки) и Мерседес-стрит, уже без дома 2703. Его действительно уничтожил торнадо... но не в 1963 году. И я премного благодарен Майку (Молчаливому Майку) Макикерну, который пожертвовал свое имя на благотворительные цели.

Я хочу поблагодарить Дорис Кирнс Гудвин и ее мужа, Дика Гудвина, бывшего помощника Кеннеди, за ответы на мои вопросы о самых худших вариантах развития событий, останься Кен-

неди жив. Джордж Уоллес как тридцать седьмой президент США — их идея... но чем больше я об этом думаю, тем более вероятной она мне представляется. Мой сын, писатель Джо Хилл, указал на несколько последствий путешествий во времени, которые я не рассматривал. Он также придумал новую и более интересную концовку. Джо, ты молоток.

И я хочу поблагодарить свою жену, моего первого читателя и самого строгого и справедливого критика. Верная сторонница Кеннеди, она видела его лично незадолго до смерти и никогда этого не забудет. Спорщица по натуре, Табита (меня это не удивляет, не должно удивлять и вас) — на стороне теоретиков заговора.

Я что-то изложил не так? Будьте уверены. Что-то изменил, чтобы подстроить под мой сюжет? Естественно. Вот один пример. Ли и Марина действительно побывали на вечеринке, устроенной Джорджем Баухом, на которой присутствовало большинство русских эмигрантов, проживавших в том районе, и Ли ненавидел и презирал этих представителей среднего класса, отвернувшихся от Матери России, но вечеринка имела место быть на три недели позже, чем указано в книге. И хотя Ли, Марина и малышка Джун действительно жили на втором этаже дома 214 по Западной Нили-стрит, я понятия не имею, жил ли кто-нибудь тогда на первом этаже. Но я побывал там (заплатив за экскурсию двадцать баксов) и решил, что грех не использовать описание этой квартиры в романе. Пусть она жалкая и маленькая.

В основном, однако, я придерживался истины.

Некоторые люди выразят недовольство тем, что я крайне недоброжелательно описал город Даллас. Я прошу вас с ними не соглашаться. Если на то пошло, рассказ от лица Джейка Эппинга позволил мне многое приукрасить, во всяком случае, в описании Далласа тысяча девятьсот шестьдесят третьего года. В тот день, когда самолет Кеннеди приземлился в Лав-Филде, Даллас был отвратительным местом. Флаги Конфедерации висели правильно, американские флаги были перевернуты. Некоторые люди в аэропорту держали плакаты «ПОМОЖЕМ ДФК ИСКОРЕНИТЬ ДЕМОКРАТИЮ». Незадолго до того ноябрьского дня Эдлая Стивенсона и супругу Джонсона заплевали далласские избиратели. На миссис Джонсон плевали главным образом домохозяйки, принадлежавшие к среднему классу.

Сейчас город, конечно, стал лучше, но на Главной улице по-прежнему можно увидеть таблички с надписью «С ОРУЖИЕМ ВХОДИТЬ В БАР ЗАПРЕЩЕНО». Это послесловие — не газетная передовица, но для меня это важный момент, учитывая состояние политической культуры моей страны. Если вы хотите знать, к чему может привести политический экстремизм, посмотрите запрудеровский фильм. Особое внимание уделите кадру 313, на котором разлетается голова Кеннеди.

Прежде чем закончить, я хочу поблагодарить еще одного человека — ушедшего от нас Джека Финнея, одного из величайших американских фантастов и рассказчиков. Помимо «Похитителей тел», он написал роман «Меж двух времен» — по моему скромному мнению, величайшую историю о путешествии во времени. Первоначально я собирался посвятить эту книгу ему, но в июне родилась моя маленькая очаровательная правнучка Зельда, так что приоритет отдан ей.

Джек, я уверен, вы бы меня поняли.

Стивен Кинг
Бангор, Мэн

Переводчик выражает искреннюю благодарность русскоязычным фанам Стивена Кинга (прежде всего Артему Агееву, Алексею Анисимову из Сестрорецка, Ольге Бугровой из Москвы, Александру Викторову из Саратова, Алексею Ефимову из Санкт-Петербурга, Борису Игонину из Минска, Петру Кадину из Северодвинска, Николаю Козлову из Ногинска, Дмитрию Кубынину из Санкт-Петербурга, Сергею Ларину из Рязани, Валерию Ледовскому из Ставрополя, Андрею Лукичеву из Люберец, Анне Михайловой из Новосибирска, Андрею Михалицыну из Москвы, Антону Могилевскому из Тель-Авива, Алексею Рожину из Санкт-Петербурга, Александру Сергееву из Мичуринска, Надежде Симкиной из Химок, Сергею Сухову из Новосибирска), принявшим участие в работе над черновыми материалами перевода, и администрации сайтов «Стивен Кинг.ру — Творчество Стивена Кинга», «Русский сайт Стивена Кинга» и «Стивен Кинг. Королевский клуб» в лице Дмитрия Голомолзина, Сергея Тихоненко и Екатерины Лян, усилиями которых эту работу удалось провести.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог 9
Часть I. Переломный момент 14
Часть II. Отец уборщика 97
Часть III. Живя в прошлом 211
Часть IV. Сейди и генерал 329
Часть V. 11.22.63 540
Часть VI. Человек с зеленой карточкой 705
Последние записи 774
Горожанин столетия (2012) 781
Послесловие 791

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кинг Стивен

11/22/63

Роман

Ответственный редактор *А. Батурина*
Редактор *К. Егорова*
Художественный редактор *Е. Фрей*
Технический редактор *О. Серкина*
Компьютерная верстка *С. Клещева*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 11.01.2018. Формат 84x108 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 42,0.
Доп. тираж 10 000 экз. Заказ Е-139.

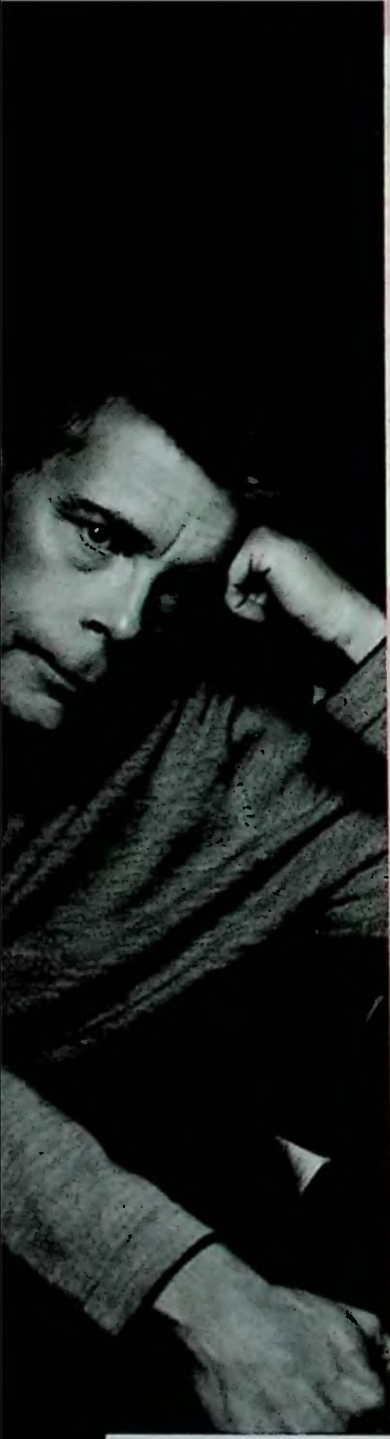
Отпечатано в типографии Полиграфическо-издательского
комплекса «Идел-Пресс», филиала АО «ТАТМЕДИА».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
e-mail: id-press@yandex.ru http://www.idel-press.ru

16+

ISBN 978-5-17-089416-1

9 785170 894161 >

BOOK24.RU
ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН
BOOK24.RU

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.
Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.
Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.
Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Этот роман безоговорочно признают лучшей книгой Стивена Кинга и миллионы фанатов писателя, и серьезные литературные критики.

...Убийство президента Кеннеди стало самым трагическими событием американской истории XX века. Тайна его до сих пор не раскрыта. Но что, если случится чудо? Если появится возможность отправиться в прошлое и предотвратить катастрофу? Это предстоит выяснить обычному учителю из маленького городка Джейку Эппингу, получившему доступ к временному порталу.
Его цель — спасти Кеннеди.
Но какова будет цена спасения?

www.ast.ru
ISBN: 978-5-17-089416-1
9 785170 894161